* *

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1939 –1941 ГОДЫ

ВЕТЕРАН ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1939 –1941 ГОДЫ

Москва
алгоритм
2020

УДК 338
ББК 65.9(2)
А 47

«Книга издана при содействии Рыбасова Федора Ивановича»

Алексеев М.

А 47 «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939—1941 годы. Книга 2. / М. Алексеев. – М.: Алгоритм, 2020. – 688 с.

ISBN 978-5-907120-68-6

Легендарный советский разведчик Рихард Зорге — самый изучаемый и в тоже время самый загадочный персонаж в мировой истории тайной войны XX века. Среди «белых пятен» его биографии — работа в Японии в первые два года Второй мировой войны (до ареста в октябре 1941 года). Данный пробел в его жизнеописание полностью закрывает книга Михаила Алексеева.

Эта книга — продолжение монографий ««Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае» и ««Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии 1933—1938 годы». В ней достоверно и подробно рассказано о деятельности советской военной разведки в Японии, а так же о ее противостояние японским и германским спецслужбам. Благодаря этой книге в деле «Рамзая» поставлены все точки!

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-907120-68-6

© Алексеев М., 2020
© ООО «Агентство Алгоритм», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям 8
Вместо предисловия. Рихард Зорге: личность и её окрестности 10

Пролог . «Данциг будет захвачен в сентябре 1939 года» 16

Глава 1. 1939, Западная Европа, Москва, Токио

1.1. Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам 40
1.2. «Как выяснил немецкий посол Отт в японском генеральном штабе...» . . . 64
1.3. «Рамзай и Фриц решительно настаивают на замене в ближайшее время» 88

Глава 2. 1940 год. Берлин, Москва, Токио

2.1. Высадка должна произойти в форме внезапной переправы на широком фронте ... Решение оставляю за собой. Приготовления к общей операции закончить к середине августа 109
2.2. «Советы посла Отта Риббентропу сводятся к тому, чтобы Японии было предложено со стороны Германии начать захват Индокитая...» 129
2.3. «Почти невозможно столько лет работать нам одним с Фрицем...» 172
2.4. «Одзаки был исключительной личностью...» 205

Глава 3. 1941 год. Берлин, Токио, Москва

3.1. «Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши» 222
3.2. «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна» 236
3.3. «Фриц» — самый лучший наш радист» 258

Глава 4. 1941 год. Токио, Москва

4.1. «Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других людей, и он может поднимать вопрос о Сингапуре... Я имею некоторое влияние на германского посла Отт и могу подталкивать или не побуждать его к оказанию давления на Японию...» 286
4.2. «...японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений... для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...» 348
4.3. «... общее количество солдат японской армии в Маньчжурии теперь составляет не менее 700 тысяч человек» 376

4.4. «Ввиду важности вопроса установите личным обмером действительную площадь заводов, как действующих, так и новостроящихся» 400
4.5. «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия» 413
4.6. «Мы на чужбине думаем, что Вы оставляете нас в этой тяжёлой стране без всяких средств» 490

Эпилог. Секигун! Кокусай кёсанто! Собието кёсанто! (Красная Армия! Коминтерн! Советская компартия)!

1. «Он указал на фотографию СЕРГЕЯ [Зайцева] и спросил: «Кто этот человек?»...» 522
2. «Вероятно, я находился в ведении Центрального комитета Советской коммунистической партии» 549
3. «Вся ее [японской женщины] жизнь есть одно бесконечное самопожертвование; это — добровольная смерть» 594
4. Кто вы, доктор Зорге? (Qui êtes-vous, Monsieur Sorge?) 603

Примечания 618

Любимым женщинам разведчиков,
моей жене — Татьяне Николаевне,
посвящается.

Автор выражает благодарность **А.П. Алексееву**, Ф. И. Ладыгину, В.М. Измайлову В.М., А.И. Колпакиди, А.И. Сивцу, А.П. Серебрякову, О.В. Каримову, А.А. Карпычеву, Ф.И. Рыбасову, Ю.В. Григорьеву и Б.И. Татаринцеву за помощь и поддержку в работе над этими книгами, а также выражает признательность японским исследователям Сираи Хисая и Ватабэ Томия и всем членам Японо-российского центра исторических исследований, которые хранят память о Рихарда Зорге и его соратниках.

Отдельная благодарность А.Г. Фесюну, который вместе с А.И. Колпакиди «подвиг» взяться за завершение этого «нескончаемого» труда.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Академик А. О. Чубарьян как-то сказал, что история становится доступной читателю, лишь пройдя через голову историка, который отобрал факты, подал их и интерпретировал. Поэтому Чубарьян пришел к парадоксальному выводу, что известная фраза «история не терпит сослагательного наклонения» не совсем корректна. С одной стороны, отменить реальные факты невозможно, а с другой — интерпретация фактов есть всегда сослагательное наклонение.

Красиво, не обычно, но не более того. Хотя, применительно к деятельности Зорге подобный подход имеет непосредственное отношение. На фоне ограниченного числа серьезных исследований появилось множество опусов, в которых авторы наперебой занимаются именно вольной интерпретацией фактов. И на вопрос: «Был ли мальчик?», отвечают не всегда положительно, а если и положительно, то чаще всего с многочисленными оговорками. Более того, гордятся и тиражируют сделанные «открытия», требуя ссылок на себя.

Приходится констатировать, что не происходит поступательного движения вперед в части осмысления изучаемой проблемы с учетом вновь появившихся фактов. Наоборот, делается попытка их отрицать или замолчать.

Автор не собирается полемизировать с теми, кто опубликовал до него труды о великом разведчике — серьезные и пустопорожние, употреблявшие имя Зорге всуе. При этом мнения, высказанные в ряде исследований, созвучны позиции автора. Это в первую очередь относится к работам разведчиков, знавших Рихарда Зорге: С.Л. Будкевича, Я.Г. Бронина, М.И. Сироткина. Это и монографии Юлиуса Мадера, Ф. Дикина и Г. Стори, Е.А. Горбунова, В.А. Гаврилова, А.Г. Фесюна, С.М. Голякова, М.М. Ильинского, А.А. Кошкина, К.Е. Черевко, В.Э. Молодякова, А.В. Шишова, В.И. Томаровского, А.Е. Куланова, а также исследование Ю. А. Кузнецова, выложенное в интернете. Более того, автор использовал отдельные материалы и выводы, к которым пришли вышеперечисленные авторы. Отсюда неизбежным стало и повторение ряда вещей, известных узкому кругу исследователей.

Автором предпринята попытка осмыслить деятельность Рихарда Зорге через интерпретацию известных и неизвестных ранее фактов с учетом воздействия различных факторов: политических, экономических, субъективных, психологических, личностных.

Допуская возможность существования различных оттенков в интерпретации разведывательной деятельности «Рамзая» — «Инсона», автор, вместе с тем полагает, что в целом разброс в оценке работы советского разведчика, как в настоящее время, так и в будущем, будет весьма незначителен (ничтожен), и Рихард Зорге может по праву считаться одним из выдающихся разведчиков XX века.

Величие подвига «Рамзая» и его соратников, состоит именно в том, что благодаря и их усилиям Япония не вступила в войну с Советским Союзом и двинулась на Юг, что неизбежно должно было привести к столкновению с Америкой.

Михаил Алексеев,
доктор исторических наук, профессор

Вы можете быть уверены, что если Вы меня отзовете обратно, я буду с гордостью сознавать, что я первый в этой трудной стране человек, который сумел за 7 лет создать резидентуру, правда, не выполнившей полностью всех Ваших приказаний, однако сделавшей много для нашей организации и для пролетарского отечества.

«Рамзай» — Центру 18 марта 1941 г.

Вместо предисловия

РИХАРД ЗОРГЕ: ЛИЧНОСТЬ И ЕЁ ОКРЕСТНОСТИ

Характер — это способность действовать согласно принципам.

Иммануил Кант

В предлагаемой вниманию читателя новой книге Михаила Алексеева, известного российского историка, автора ряда книг об отечественных спецслужбах, речь идет о военном разведчике Рихарде Зорге, который без сомнения является уникальной личностью для своего времени. За свою короткую жизнь Зорге проявил себя и как партийный функционер, и как ученый, журналист, но главное — как выдающийся разведчик, сотрудник Разведывательного управления Красной Армии.

Книга рассказывает примерно о десяти годах деятельности Рихарда Зорге в Японии в преддверии Второй мировой войны и в самом ее начале. Факты и сведения, приводимые в книге, показывают, в каких условиях ему приходилось действовать и какова была военно-политическая обстановка в мире в тот период.

Выход этой книги представляется особенно ценным в связи с тем, что вокруг имени Рихарда Зорге до сих пор существует немало спекуляций, а некоторые лже-исследователи пытаются представить его как некоего бонвивана и светского гуляку, поставив под сомнение значимость добытой им информации. Примером подобного подхода служит статья Владимира Воронова под саркастическим заголовком «Агент виляния», опубликованная в июне 2014 года газетой «Совершенно секретно» (№ 6). В статье собраны весьма субъективные заметки о Рихарде Зорге, имеющие целью опровергнуть представление о нем, как о высочайшем профессионале и как о человеке, преданном своим идеалам.

«Разоблачения» В. Воронова, плохо представляющего себе профессию разведчика-нелегала, не учитывают того, что профессия предъявляет чрезвычайно жесткие требования к его внутреннему миру и поведению. Понять такую сложную личность, как Зорге, на основании свидетельств тех или иных лиц, знавших его лишь в одной ипостаси, невозможно. Михаил Алексеев показывает личность Зорге во всей ее многообразной сложности. Ведь его ге-

рой вынужден был убедительно изображать журналиста фашистской немецкой газеты, постоянно подтверждать свою состоятельность как эксперта по Японии в глазах немецкого посольства в Токио и при этом выдавать себя за свойского парня в иностранной колонии. Благодаря такому широкому охвату у него сложился богатый набор источников.

Рихард Зорге много лет отслеживал основные направления внешней и военной политики Японии. Это чрезвычайно сложная задача, ведь принятие решений на государственном уровне требовало согласования позиций различных правящих политических группировок и ведомств.

Важная информация поступала от Зорге и о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Главное, на мой личный взгляд, было не в факте сообщения конкретной даты нападения, которая по субъективным или объективным причинам может быть изменена. Главное — то, что ему удалось установить сам факт принятия Гитлером такого решения. Разброс в сообщениях о нападении — май—июнь 1941 года. Эти сообщения, подтвержденные сведениями о состоянии вооруженных сил Германии и её союзников, должны были послужить для советского руководства сигналом к приведению Красной Армии в полную боевую готовность.

Если говорить о личности Рихарда Зорге, то первое, что в нем поражает, это масштаб его деятельности и разнообразие ее видов. Солдат, студент, партийный функционер, шахтер, журналист, ученый, разведчик, — вот далеко не полный перечень его амплуа. Зорге никогда не был слепым исполнителем, он четко определял свое место вначале в революционной, а затем и в разведывательной практике. Это позволяло ему видеть задачи в более широком свете и находить многовариантность их разрешения. Зорге с его потенциалом творческого самостоятельного развития быстро и качественно осваивал каждую новую профессию, что и ныне является определяющим при отборе в разведку.

Весьма важным личностным качеством Рихарда Зорге было умение работать автономно, в режиме самоуправления. Указания Центра бывают трех видов: контурные, структурированные и алгоритмические. Контурные представляют собой постановку задач без предписания, как их выполнять. Структурированные более строго обозначают задачу, которая сопровождается указаниями общего порядка по ее исполнению. Алгоритмические однозначно определяют все действия исполнителя. Преобладают на практике именно контурные указания, особенно при постановке разведывательных задач. Квалифицированное руководство Центра учитывает возможность изменений в динамике событий и не сковывает действия тех, кто работает в «поле».

Следующая сторона личности Зорге характеризуется качественным анализом всех сфер практической деятельности, в том числе добываемых сведений. Он стремился раскрыть связь конкретного факта или события с другими сведениями, выявить тенденцию, дать собственную оценку и предложить возможный способ реагирования.

Сегодня это тем более важно, поскольку все возрастающий вал «неочищенной» информации серьезно затрудняет качество наблюдения обстановки, засоряя механизм принятия государственных решений второстепенными и дезинформационными данными, а также тем, что в век компьютерных технологий называют спамом.

Аналитический подход развился у Зорге в процессе научной и журналистской работы. За период с 1921-го по 1930 год им было опубликовано 5 книг и монографий, 41 статья в периодических изданиях. К сожалению, Центр не всегда относился с должным вниманием к его предложениям и оценкам.

Рихард Зорге был широко эрудирован в таких областях, как экономика, история, политология, востоковедение. Большой багаж знаний делал его хорошим аналитиком, к мнению которого прислушивались в германском посольстве в Токио, в правящей японской элите. Широкий круг интересов превращал Зорге в прекрасного собеседника. В его арсенале всегда находились темы для беседы с конкретным человеком, он умел создать возможности для дальнейшего развития контактов. А ведь известно, что не так сложно с кем-либо познакомиться, как суметь превратить знакомство в длительную связь.

Хотелось бы обозначить еще несколько черт личности Зорге, имеющих особое значение для профессионального разведчика. Прежде всего это умение влиять на людей и использовать их в разведывательных целях, то есть доминантность. Так, работая в Китае в начале 1930-х годов, он за короткий период установил свыше десятка информированных связей. В Японии Зорге сумел подчинить своему влиянию германского военного атташе Ойгена Отта, позднее ставшего послом.

Работу с большинством информаторов Зорге строил на дружеской основе, прикрываясь положением журналиста и находя возможность устанавливать и поддерживать регулярные контакты. Это было возможно благодаря индивидуальному подходу к каждому, построенному с учетом личных качеств, информированности, с выбором психологически удобного для собеседника места контакта. Определенное значение имела и манера разведчика одеваться. Он всегда носил модную и добротную одежду и был аккуратно подстрижен, что придавало ему элегантность и солидность без налета педантизма и чопорности.

В значительной мере успех Зорге объяснялся характерной для него естественностью поведения, что располагало к нему окружающих и упрощало закрепление отношений. Естественность же его проистекала из уверенности в том, что он занимался нужным делом, в его преданности великой стране, которой служил. Разведывательную деятельность Зорге осуществлял с артистизмом. Он не подлаживался к японцам (что было весьма затруднительно в силу многих причин, начиная от незнания японского языка и кончая настороженным отношением японцев к иностранцам), но вел себя так же, как члены иностранной колонии в Токио, в особенности немцы, поскольку Германия была для Японии дружественной страной. При этом Зорге хорошо знал историю японского общества и всегда учитывал его специфические особенности.

Центр, также учитывая особенности Японии, включил в состав резидентуры Зорге агентов-японцев, которые успешно работали с соотечественниками. Например, Ходзуми Одзаки добывал стратегически важную информацию у представителей правящей элиты, в том числе из окружения премьер-министра страны.

Однако человеческие возможности не беспредельны, к концу 1940-го — началу 1941 года у Рихарда Зорге накопилась психологическая и физическая усталость, которая, впрочем, не проявлялась во внешнем поведении и не

сказывалась на эффективности его работы. С началом Второй мировой войны он явно сознавал невозможность передышки, и вопреки усталости демонстрировал высокую психологическую устойчивость.

На протяжении всей своей жизни Рихард Зорге неустанно работал над собой, как в профессиональном плане, так и с точки зрения общего развития. К нему как ни к кому другому применима мысль, высказанная немецким мыслителем Иоганном Гердером (1744—1803): «Человек — это искусно построенная машина, наделенная генетической диспозицией и полнотой жизни. Но машина не играет сама по себе, даже самому способному человеку приходится учиться играть на ней. Разум — это соединение впечатлений и практических навыков нашей души, сумма воспитания всего человеческого рода; и воспитание это человек довершает, словно посторонний самому себе художник, воспитывая себя на чужих образах».

В своем мировоззренческом развитии Рихард Зорге шел от восприятия окружающего мира с позиции благовоспитанного и благополучного ребенка из обеспеченной семьи, через понимание ужасов Первой мировой и личные страдания (он был трижды ранен) — к выбору пути революционера, вступившего на путь борьбы за совершенствование человеческого общества. И, как ни высокопарно это звучит, в начале 1920-х годов прошлого века такие взгляды были свойственны немалой части его сверстников.

Существенное влияние на формирование Зорге оказала его первая жена Кристина Герлах, благодаря которой он вошел в круг немецких интеллектуалов. В результате его личный мир расширился, а знания в области экономики и социологии углубились. Поработав шахтером, познал он и реальную жизнь рабочего класса.

Особое место в становлении личности Зорге сыграла работа в структурах Коминтерна, где он приобрел опыт, весьма востребованный в разведке. Это была пора его взросления, описанная в предыдущей книге Михаила Алексеева, посвященной пребыванию Зорге в Китае. В качестве сотрудника Коминтерна Рихард общался с такими его лидерами, как О. Куусинен, Д. Мануильский, О. Пятницкий и другие, выполнял различные задания в Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании.

Но определяющую роль в жизни Рихарда сыграл опытный военный разведчик К.М. Басов (Я.Я. Абелтынь), бывший в 1927—1930 годах резидентом РУ РККА в Германии. Именно Басов обратил внимание руководства советской военной разведки, в частности Я.К. Берзина, на Зорге как перспективного кандидата для разведывательной работы, после чего у Берзина и родилась идея использовать Зорге на Дальнем Востоке, где военная разведка решала задачи, связанные с оказанием помощи революционному Китаю и отслеживанием позиции Японии в отношении СССР.

Идея была смелой и отчасти рискованной, учитывая работу Зорге в центральном аппарате Коминтерна и в целом ряде стран Европы. С другой стороны, она опиралась на трезвую и взвешенную оценку ситуации. На Дальнем Востоке Рихард Зорге не был известен как представитель Коминтерна, а сотрудничество между правоохранительными органами европейских и азиатских стран не носило регулярного и устойчивого характера. Личные качества и имеющийся опыт позволяли Зорге с высокой степенью вероятности утвердиться в обеих странах в качестве журналиста.

Круг лиц, с которыми контактировал Рихард Зорге, чрезвычайно велик и состоит из нескольких миров. Прежде всего это соратники по разведке — работники Центра (Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, Л.А. Борович и др.), курьеры для передачи добываемых материалов и т. д., а также сама нелегальная резидентура «Рамзай», возглавляемая Зорге. В ее состав входили очень разные люди, что учитывалось им в процессе организации разведывательной деятельности. При этом все агенты сотрудничали с разведкой на идейной основе, а финансовые затраты по обеспечению их работы были минимальны.

Другой мир включал круг лиц, являвшихся источниками разведывательных сведений благодаря личным отношениям с Зорге или другими сотрудниками резидентуры. Среди них были посол Германии в Японии О. Отт и его супруга Хельма; военные представители в составе германского посольства контр-адмирал П. Веннекер, полковники Г. Матцке и А. Кречмер, подполковник Ф. Шолль; сотрудники иностранных информационных агентств, аккредитованных в Токио.

Особое место занимала грамотно организованная работа со всеми (!) немецкими официальными и неофициальными делегациями, прибывавшими в Японию в рамках внешнеполитического и военно-политического сотрудничества. От этих, казалось бы, эпизодических контактов часто поступала ценная информация. Учитывая информационный выход на премьер-министра Японии Ф. Коноэ, имевшийся у Х. Одзаки, одного из соратников Зорге, можно сделать вполне обоснованный вывод об актуальности, широте и глубине сведений, представлявшихся резидентурой «Рамзая».

Существовал и третий мир контактов, призванный поддерживать образ Рихарда в глазах местных властей. Речь идет об иностранной колонии, в особенности о ее немецкой части. Так, в жизни Зорге появилась японская девушка Исии Ханако, что в то время было обычным делом для проживавших в Японии иностранцев (что-то подобное описано и воспето в образе Чио-Чио-сан в знаменитой опере Д. Пуччини «Мадам Баттерфляй»).

Исии Ханако до конца своей жизни осталась преданной памяти Зорге. После окончания Второй мировой войны она отыскала его могилу и, перезахоронив Рихарда в достойном месте, поставила ему памятник. Также она является автором трех книг, посвященных жизни Зорге.

И все же личность Зорге как разведчика и человека не получила еще полного и всестороннего освещения ни в документальной, ни в художественной литературе. В этом плане работу Михаила Алексеева можно расценивать в качестве надежного путеводителя. Его книга представляет собой серьезный вклад в исследование деятельности Зорге и, надеюсь, будет использована в последующих научных трудах и произведениях литературы и искусства, посвященных его памяти.

Не надо думать, что на пути Зорге не было трудностей и ошибок. Сказывались недостаточный опыт агентурной работы, нехватка военных знаний, дискретный и лаконичный стиль руководства со стороны Центра. Но в итоге Зорге превратился в высокого профессионала. Этот сильный человек отдал свою жизнь служению идеалам, в которые верил, служению стране, которую любил и защищал. Зорге оказался способным не отклоняться от своих принципов, проявив настоящий характер, как определил его Иммануил Кант.

Рихард Зорге оставил нам тюремные записки; в нашем распоряжении имеются материалы следствия, проведенного японскими властями. Опуб-

ликованы заметки о нем Кристины Герлах и Рут Вернер, Исии Ханако, пьеса, написанная братом Х. Одзаки, фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», «зоргиана» за авторством историков В. Лоты и С. Будкевича, литераторов М. Колесникова, Ф. Волкова, О. Горчакова, С. Голякова, В. Поволяева. Но исчерпывающе полного осмысления жизни и подвига Рихарда Зорге даже теперь, через 120 лет после его рождения, не произошло.

Михаил Алексеев в предлагаемой читателю книге сделал важный и верный шаг в этом направлении.

Александр Петрович Алексеев[1]
генерал-лейтенант, ветеран военной разведки
12. 08. 2014 г.

Пролог

«ДАНЦИГ БУДЕТ ЗАХВАЧЕН В СЕНТЯБРЕ 1939 года»

(*Из шифртелеграммы «Рамзая» от 31 мая 1939 года*)

3 октября 1938 г. Зорге сообщал: «От немецкого военного атташе (полковник Матцки. — *М.А.*) получил сведения о том, что после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей по-дружески в связи с их совместной войной против СССР». Однако с началом 1939 года политика Германии в отношении Польши резко изменилась.

6 января 1939 г. во время визита министра иностранных дел Польши Юзефа Бека в Германию Риббентроп потребовал согласия Польши на присоединение Данцига к Германии и проведение транспортных линий через Поморье. 21 марта Гитлер в своем меморандуме вновь вернулся к этим требованиям. Призывы Польши соблюдать взаимные гарантии по статусу Вольного Города в соответствии с решениями Лиги Наций были отвергнуты немецкой стороной.

22 марта 1939 г. между Германией и Литвой был подписан договор о возвращении в состав Германии Клайпедского края с портом Клайпеда. После этого край был снова переименован в Мемельскую область, а город Клайпеда — в Мемель. Так продолжалось возвращение земель, отторгнутых от Германии Версальским договором.

26 марта правительство Польши официально ответило отказом на меморандум Гитлера. 3 апреля начальник штаба верховного главнокомандования (ОКВ) Кейтель известил главнокомандующих видов вооруженных сил о предстоящем издании «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», состоящую из трех частей — часть I («Оборона границ»); часть II («Операция Вайс») и часть III («Данциг»)[1].

«В отношении операции «Вайс» фюрер дал еще следующие указания:

1. Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы обеспечить готовность к проведению операции не позднее 1. 9.1939 г.

2. Верховному главнокомандованию вооруженных сил поручено составить для операции «Вайс» календарный план мероприятий и, проведя совещания с участием всех трех видов вооруженных сил, организовать между ними взаимодействие по времени.

3. Соображения главнокомандующих видами вооруженных сил и данные для таблицы продвижения по срокам представить верховному главнокомандованию к 1.5.1939 г.».

6 апреля было опубликовано коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Беком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Лондоне, в котором указывалось следующее: «... Две страны готовы вступить в соглашение постоянного и взаимного характера... постоянное соглашение не будет направлено против какой-либо другой страны, а будет иметь целью гарантировать Великобритании и Польше

взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»[2]. Англо-польское соглашение о взаимопомощи было подписано только 25 августа 1939 г.

7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию, оккупировали ее и объявили владением итальянской короны.

В утвержденной Гитлером 11 апреля «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.» говорилось: «Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению»[3].

13 апреля в декларации французского правительства сообщалось о взаимных гарантиях, принятых на себя Францией и Польшей:

«Французское правительство... было радо узнать о взятии на себя взаимных обязательств Великобританией и Польшей, которые приняли решение оказать друг другу взаимную поддержку, с тем чтобы защитить свою независимость, если она будет подвергаться прямой или косвенной угрозе... Франция и Польша дают друг другу немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам»[4].

17 апреля Советское правительство выступило с предложением о заключении между СССР, Англией и Францией договора о взаимной помощи. Имелось в виду также, что три державы должны были взять на себя обязательства об оказании всяческой помощи, в том числе военной государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями, в случае агрессии против них[5]. Последовавшие двусторонние контакты свидетельствовали, однако, что инициатива не встретила поддержки ни в Лондоне, ни в Париже.

В тот же день «Рамзай» с поразительной достоверностью сообщал из Токио о ближайших приоритетах германской внешней политики:

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА*

Второй секретарь германского посольства возвратился из Берлина, где участвовал в ряде совещаний в Министерстве иностранных дел. На совещаниях присутствовал Риббентроп. Секретарь заявил, что в течение ближайшего года или двух лет политика Германии будет исключительно сконцентрирована на французском и британском вопросах с учетом всех вопросов, связанных с СССР.

Главная цель Германии — достичь такой политической и военной силы, чтобы Англия была вынуждена без войны признать требования Германии на гегемонию в Центральной Европе и ее колониальные притязания.

Только на этой основе Германия будет готова заключить продолжительный мир с Англией, отрекшись даже от Италии, и начать войну с СССР.

В ближайшее время, по мнению секретаря, ожидается наиболее опасное развитие событий в Европе, так как Германия и Италия должны торопиться взять верх над Англией, ибо они знают, что через два года будет слишком поздно ввиду того, что Англия обладает большими резервами»[6].

---

* 29 апреля 1939 г. был утвержден новый штат Разведывательного управления РККА, которое стало называться 5 Управлением РККА.

В своем выступлении в рейхстаге 28 апреля Гитлер заявил о денонсации англо-германского военно-морского соглашения 1935 г., а также о расторжении пакта о ненападении с Польшей 1934 г.

23 мая 1939 г. на совещании с генералитетом вермахта Гитлер сделал предметом своего выступления «сообщение о положении и о целях политики». «Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты более без кровопролития», заявлял фюрер. Вопрос же о нападении на Польшу был для него решен окончательно и бесповоротно. Однако «проблема», по его словам, «была неотделима от столкновения с Западом», и в первую очередь с Англией: „Германия выбыла из круга могущественных государств. Равновесие сил установилось без участия Германии. Признание жизненных притязаний Германии и ее возвращение в круг могущественных государств нарушает это равновесие. Все притязания расцениваются как "вторжение".

Англичане боятся экономической угрозы больше, чем обычной угрозы силой. 80-миллионный народ разрешил свои идеологические проблемы. Должны быть разрешены и экономические проблемы... Сделать это без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность невозможно. Жизненное пространство, соразмерное величине государства, является основой любого могущества. Некоторое время этим можно пренебрегать, но в дальнейшем разрешение проблемы так или иначе делается неизбежным...

В настоящее время мы переживаем подъем национального духа, выражающего общность мировоззрения с двумя другими государствами: Италией и Японией.

Истекшее время использовано хорошо. Все шаги были последовательно направлены к цели.

Спустя шесть лет положение таково:

Национально-политическое объединение немцев, за незначительными исключениями, свершилось. Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты более без кровопролития.

Установление границ имеет важное военное значение.

Поляки не представляют собой дополнительного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников. Несмотря на пакт о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любой случай.

Данциг — отнюдь не тот объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке и об обеспечении продовольствием, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение возможно только из тех областей, которые мало заселены. Наряду с плодородием земли основательная немецкая обработка ее в громадной степени увеличит избыток продовольствия.

Никакой иной возможности в Европе не видно.

Колонии: следует остерегаться принимать подачки в виде колониальных владений. Это — не решение продовольственной проблемы. Блокада!

Если судьба заставит нас пойти на столкновение с Западом, для этого хорошо владеть более обширным пространством на Востоке. Во время войны мы еще меньше, чем в мирное время, можем рассчитывать на рекордные урожаи...

Проблема "Польша" неотделима от столкновения с Западом.

Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому Польша — тоже сомнительный барьер против России.

Военное счастье на Западе, с быстрым решением исхода войны, проблематично, как и позиция Польши.

Нажима со стороны России польскому режиму не выдержать. В победе Германии над Западом Польша видит для себя опасность и постарается нас этой победы лишить.

Таким образом, вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение: при первом же подходящем случае напасть на Польшу.

О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение.

Поэтому отдачу окончательного приказа о нанесении удара фюрер оставляет за собой. Одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя.

Уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключена, нет; в случае ее возникновения борьба должна вестись в первую очередь против Англии и Франции.

Принцип: столкновение с Польшей, начатое нападением на нее, приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры.

Если это невозможно, тогда лучше напасть на Запад и при этом одновременно покончить с Польшей»[7].

Не забыл фюрер о Японии и России:

«Важное значение имеет вопрос о Японии. Если сначала она, по различным причинам, относилась к совместным с нами действиям холодно, то в ее же собственных интересах своевременно выступить против России.

Экономические отношения с Россией возможны только при улучшении политических отношений. В комментариях печати обнаруживается осторожная позиция. Не исключено, что Россия покажет себя незаинтересованной в разгроме Польши. Если Россия будет и дальше действовать против нас, отношения с Японией могут стать более тесными.

Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии побудил бы меня напасть на Англию и Францию, нанеся им несколько уничтожающих ударов».

Главного врага Гитлер видел в Великобритании:

«Фюрер сомневается в возможности мирного урегулирования с Англией. Необходимо подготовиться к столкновению с нею. Англия видит в нашем развитии закладку основ той гегемонии, которая лишит ее силы. Поэтому Англия — наш враг, и столкновение с нею будет не на жизнь, а на смерть.

Как будет выглядеть это столкновение?

Англия не может разделаться с Германией несколькими мощными ударами и сокрушить нас. Решающее для Англии — перенести войну как можно ближе к Рурской области. Французской крови она жалеть не будет (Западный вал!!). От удержания Рурской области решающим образом зависит длительность нашего сопротивления.

Голландские и бельгийские авиационные базы должны подвергнуться военному захвату. Заявлениям о нейтралитете никакого значения придавать нельзя. Если Франция и Англия пожелают во время войны Германии с Польшей довести дело до столкновения, они будут поддерживать нейтралитет Голландии и Бельгии и велят им строить укрепления, чтобы, в конечном счете, заставить их идти вместе с собой...

Намерение дешево отделаться опасно; такой возможности не существует. Все мосты будут сожжены, и речь уже пойдет не о том, кто прав или не

прав, а о том, быть или не быть 80 миллионам человек. Вопрос: короткая или длительная война?

Любые вооруженные силы и любое государственное руководство должны стремиться к короткой войне. Но, несмотря на это, государственное руководство обязано готовиться и к войне продолжительностью от 10 до 15 лет...

Англия знает, что неблагоприятный для нее исход войны будет означать ее конец как мировой державы.

Англия — это мотор, работающий против Германии...

Раньше было недостаточно разбить флот; чтобы победить Англию, надо было высадиться в ней, Англия могла сама прокормить себя. Сегодня это уже невозможно.

В тот самый момент, когда Англия будет отрезана от подвоза, она окажется принужденной капитулировать. Подвоз продовольствия и горючего зависит от защиты флотом.

Налетами авиации на метрополию Англию к капитуляции не вынудить. Если же уничтожить флот, капитуляция последует немедленно...

1. Остается стремиться с самого начала нанести противнику один или сокрушительный удар. Соблюдение прав или договоров при этом никакой роли не играет.

Это возможно только в том случае, если в результате войны с Польшей не произойдет "вползания" в войну с Англией.

2. Следует готовиться к длительной войне наряду с внезапным нападением при одновременной ликвидации английских позиций на континенте.

Сухопутным войскам надо овладеть позициями, важными для флота и авиации. Если удастся занять и удержать Голландию и Бельгию, а также разбить Францию, тем самым будет создана база для успешной войны против Англии.

Авиация сможет тогда, базируясь на Западную Францию, осуществлять более интенсивную блокаду Англии, а флот с помощью подводных лодок добьется дальнейшего ее расширения.

Последствия: Англия не сможет бороться на континенте.

Ежедневные налеты авиации и удары военно-морского флота перережут все ее жизненные артерии.

Время работает против Англии.

Германия не истечет кровью на суше...

Нас не вынудят вступить в войну, но нам самим без нее не обойтись.

Сохранение тайны — решающая предпосылка успеха. Цель должна сохраняться в тайне даже от Италии и Японии. Для Италии надо изучить вопрос о прорыве линии Мажино. Фюрер считает этот прорыв возможным...

Принцип работы:

1. Не допускать к участию никого, кому не положено знать об этом.

2. Никто не должен знать больше, чем ему положено...»

31 мая Зорге писал:

«Прибывшие в Токио немцы-фашисты, близко стоящие к Герингу, говорили о том, что дальнейшее продвижение Германии будет производиться в Европу. Данциг будет захвачен в сентябре 1939 года.

В этом же году Германия отберет у Польши старую немецкую территорию и отбросит Польшу на юго-восток Европы в Румынию и Украину

(здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Германия не имеет прямых интересов на Украине. В случае войны Германия с целью получения сырья захватит и Украину. Прибывший с визитом в Токио германский военный атташе в Москве генерал Кёстринг сказал военному атташе в Токио, что главным и первым противником в настоящее время является Польша и уже после — вторым — Украина.

№ 70, 71. Рамзай».

[Резолюция НУ]: «НО-2. Составить спецсообщение. Проскуров[8]. 1.6.».

4 июня в информационном докладе «Рамзай» писал:

«Дорогой директор! К сожалению, в связи с моей болезнью, в последние дни перед отходом почты, я лично смогу Вам доложить очень немного и коротко. Прилагаемый при сем материал и периодические информации должны говорить сами за себя. Основным вопросом здесь, нам кажется, является задача распространения антикоминтерновского пакта на др. страны, т. е. практически также на Англию и Францию.

Из последних информаций совершенно ясно, что японцы не будут себя так, безусловно, связывать, как Германия и Италия, однако, в своей политике на Дальнем Востоке они будут держать равнение на более тесную связь с Италией и Германией(здесь и далее подчеркивание документа. — *М.А.*). В этом развитии можно не сомневаться, если бы даже отдельные группы в Японии, через посредство армии попытались помешать этому — японская завоевательная политика в отношении Китая гонит Японию в этом направлении. При этом можно с уверенностью считать, что в случае германо-итальянской войны, Япония предпримет на Дальнем Востоке определенные, если и не очень значительные, враждебные акты против Англии и Франции. Тем не менее, совершенно ясно, что Япония в своих действиях не пройдет мимо Сингапура и не даст Европе оставаться Европой.

Из всех этих переговоров, которые ведутся между Берлином и Токио и др. группами, ясно, что вопрос войны против СССР, который вначале при заключении всеобщего коминтерновского (так в документе. — *М.А.*) пакта был весьма актуален, сейчас значительно отступил на задний план.

В настоящий момент ясно, что, во-первых, Япония в такой войне против СССР едва ли найдет для себя какую-либо поддержку со стороны Германии.

Германия так погрязла в своем готовящемся завоевании Польши и в своей борьбе против Англии, что она почти не проявляет интереса к вопросу войны против СССР, да и едва ли в ближайшем будущем будет проявлять.

Сейчас это стало ясно японцам.

Во-вторых, **война против Китая**, т. е. дальнейшее пребывание там и желание закрепиться, оказалось слишком большим напряжением для Японии, так что **об одновременной войне против СССР без поддержки Германии, не может быть и речи.**

Для этой цели Япония должна сначала произвести основательную реорганизацию своей армии, морского и воздушного флота, что по их собственным данным продлиться не менее двух-трех лет.

Казалось бы, на это время должен был бы быть гарантирован перерыв, но это, однако, не исключает возможности серьезных столкновений в Монголии и на границах Сибири.

В-третьих, реорганизация японской армии, дальнейшее ведение войны с Китаем и освоение захваченных областей является настолько обширной задачей, что у Японии не хватит средств, а если и хватит, то при более медленном темпе развития и с еще большими внутренними трениями.

Япония не может, и это твердо, стать в несколько лет великой державой с военным хозяйством и одновременно находиться в войне с Китаем и Англией или СССР...

Следовательно, версия о военной сделке против СССР на ближайшее будущее заслуживает мало доверия. **Тем не менее, надо сказать, что различные столкновения больших масштабов могут иметь место в любое время, т.к. самостоятельность Квантунской армии возросла, а также выросла ее склонность устраивать шумиху.** При этом снова должно быть обращено внимание на то, что каждое местное поражение, каждая местная поблажка со стороны СССР повысит склонность японцев к новым столкновениям.

С японцами и, особенно с японской армией вообще, можно вести переговоры только при помощи палки. До тех пор, пока эта армия не получит хорошей взбучки, она будет становиться все наглее и бессовестнее. В интересах предотвращения дальнейших столкновений, как у Хасан или на монгольской границе, необходимо настоятельно советовать применять против японцев самые твердые и суровые средства, иначе это приведет к постоянным спорам на границах.

В течение нескольких последующих месяцев должна решиться судьба Польши. Тогда, конечно, после разгрома Польши германской армией всплывут новые, непредвиденные, необозримые возможности развития, которые могут оказать определенное влияние на действия Японии.

Однако до тех пор, пока современные европейские границы существуют, самостоятельной военной опасности Япония не представляет — на определенном отрезке времени. План японского вооружения, по данным германского ВАТ, в кратких чертах следующий:

Армия будет доведена до пятидесяти дивизий, т. е., приблизительно, в три раза больше, чем перед китайским конфликтом. А так как она одновременно в смысле вооружения и техники должна быть доведена до наивысшей точки в настоящий момент возможного, то это обозначает значительное повышение всех технических и других особых формирований. При этом особенно большую роль будут играть моторизованные соединения, танковые полки, саперные и подвижные части.

Время для этой реорганизации определено в два года, практически это обозначает с сегодняшнего дня полтора года...

Является фактом, что японская военная промышленность прогрессирует как качественно, так и количественно, развитие Маньчжурии продолжается, а также сделаны некоторые, хотя и незначительные успехи в хозяйственной эксплуатации некоторых завоеванных частей Китая. Сейчас вопрос должен быть поставлен серьезно, действительно ли Япония "истекает кровью" благодаря ее войне с Китаем, развитию маньчжурско-китайско-японского хозяйственного блока и, наконец, благодаря чрезвычайным потребностям ее быстрого вооружения. Т.е., не являются ли все эти новые прибавочные хозяйственные силы, которые она себе завоевала, и имеющиеся резервы меньше ее настоящей и будущей потребности...

Китайская война и японское вооружение до сих пор ведутся благодаря тому, что Япония из ее первоянварского 1937 г. наличного золота и золотого резерва в сумме 1,6 миллиардов иен, израсходовала уже к 1 апреля 1939 г. полтора миллиарда иен...

...В этом году Япония приближается к своему «дну» (банкротству). Как велико оно будет, пока еще точно сказать нельзя, да практически это и не играет роли, в то время как объем вооружения и требования Китая являются не разовыми, а потребуют многие годы. Одновременно ясно, что эксплуатация Китая и др. завоеванных областей еще не скоро окажет благоприятное влияние на международный торговый баланс. Достоверно, во всяком случае, что объем тайных фондов не может быть так же велик, как потребность международного платежного баланса. Результатом этого и явился односторонний договор с Германией и Италией...

...Оборона, государственные внутренние займы и даже социальные проблемы, вытекающие из настоящего военного хозяйства, — все эти вопросы отступают перед последним одним: как долго сможет Япония оплачивать за границей свои военные потребности? Ясно одно, что видимые резервы уже почти все израсходованы, а невидимые могут быть только частью видимых, впрочем, они еще перед китайским конфликтом оказались в видимом резерве...

РАМЗАЙ».

[Резолюция НУ]: «т. Кисленко[9]: ... 3. Информационный материал для учета НО-5... Проскуров. 8/X.39/».

Резолюция Начальника 5-го Управления И.И. Проскурова появилась лишь 8 октября 1939 г. Подобная задержка была связана не только с проблемами организации курьерской связи, но и с тем, что поступавшие в Центр из Токио документы своевременно не переводились и не докладывались руководству.

Важнейшая информация, которая со 100%-ной точностью обрисовывала позиции, занимаемые Германией и Японией, и давала безошибочный прогноз внешнеполитического и военного курса этих стран, пролежала без движения четыре месяца. Тем временем у советского руководства сохранялось неоправданное опасение, что Япония пойдет на эскалацию конфликта на Халхин-Голе. Именно нехватка информации о реальных возможностях Японии в определенной мере оказала влияние на позицию Советского Союза на переговорах с Германией.

Из объяснений одного из офицеров 5-го Управления, имевшего отношение к деятельности резидентуры Зорге (зафиксировано в «Заключении по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге» от 2 ноября 1964 г., подготовленном сотрудниками КГБ): «Дело в том, что люди, руководившие "Рамзаем", относились к нему с политическим недоверием и часто игнорировали его разведывательную информацию. Мне пришлось быть очевидцем такого отношения.

Дело дошло до того, что полученные доклады от "Рамзая" часто не переводились и не передавались в Информацию месяцами.

Припоминаю случай, когда доклад "Рамзая" с информацией о подготовке войны Германией против Польши пролежал в сейфе начальника агентурного отделения по японскому направлению П. несколько месяцев без движения и был переведен, когда война уже началась. Материал потерял свою зна-

чимость... Когда речь заходила о "Рамзае", П. всегда махал на него рукой как на безнадежного и выражал явное недоверие к нему»[10].

Так, П. писал 9 сентября 1939 г.: «Как правило, даваемая "Рамзаем" информация по какому-либо важному вопросу опаздывала примерно на 15-30 суток. Нужно полагать, что это ловко продуманная дезинформация».

«Таким образом, П. поддерживал построенную в то время на различных предположениях и допущениях версию о том, что ЗОРГЕ является немецким и японским шпионом...

Во время беседы в КГБ 8 октября 1964 г. П. дал положительную оценку информации, поступавшей от ЗОРГЕ, заявляя, что "был всегда убежден в том, что ЗОРГЕ работает на нас честно". В то же время т. П. заявил, что существовавшая в тот период обстановка общей подозрительности заставляла относиться к ЗОРГЕ с определенной настороженностью.

"Особенно это стало ощутимым для меня после того, как был арестован в 1938 г. мой начальник отдела СИРОТКИН М.И., который на очной ставке со мной... заявил о том, что ЗОРГЕ он, СИРОТКИН, лично выдал японцам. В связи с этим у работников НКВД СССР было твердое убеждение в том, что ЗОРГЕ является предателем и его надо из Японии отозвать".

Ссылку т. П. на т. СИРОТКИНА следует считать несостоятельной, поскольку сам СИРОТКИН, дав первоначально в своих показаниях отрицательную характеристику ЗОРГЕ и заявив, что он, СИРОТКИН, выдал всю резидентуру ЗОРГЕ японской разведке, в последующем отказался от своих показаний, а позднее (в 1956 г.) явился инициатором критического разбора всего дела ЗОРГЕ и положительной оценки деятельности ЗОРГЕ как разведчика»[11].

31 мая на сессии Верховного Совета СССР в выступлении Молотова прозвучала оценка позиции Англии и Франции в части противодействия агрессии: «Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах? ... Мы должны помнить выдвинутое т. Сталиным положение: "Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками". Только в этом случае мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны и интересы всеобщего мира»[12].

«Ведя переговоры с Англией и Францией, — подчеркивал Молотов, — мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года, по инициативе германского правительства, начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос был снят. В конце 1938 года германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах и о предоставлении кредита в 200 миллионов марок. При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок. В начале 1939 года Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г-н Шнурре. Затем вместо г-на Шнурре эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу, которые

были прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться»[13].

Тем самым Советский Союз стремился оказать давление как на Англию и Францию, так и на Германию.

Трехсторонние англо-франко-советские переговоры в Москве были начаты 15 июня, а последнее заседание проведено 2 августа. Советскую сторону на переговорах представлял Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР Молотов. Великобритания и Франция были представлены послами этих стран в Москве, что говорило об отношении к переговорам этих государств.

В процессе переговоров Великобритания и Франция стремились ограничить свои обязательства, в частности по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае агрессии[14].

Правительства Англии и Франции отдавали себе отчет в том, что прекращение ими переговоров вынудило бы Советский Союз искать иные гарантии безопасности. В ходе переговоров были согласованы позиции сторон по всем пунктам англо-франко-советского соглашения о взаимопомощи, за исключением формулировки «косвенной агрессии». В советском варианте она определялась следующим образом:

«3) выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств [Турция, Греция, Румыния, Польша, Бельгия, Эстония, Латвия, Финляндия, Швейцария, Голландия] соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»[15].

Это положение было расценено представителями Великобритании и Франции как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны. Со своей стороны, британские и французские участники переговоров предлагали условиться, «что слова "косвенная агрессия" ... должны пониматься как не исключающие (или как включающие) акцию, принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или его нейтралитета»[16].

В этой формулировке отсутствовали слова «или без такой угрозы».

Великобритания и Франция старались найти приемлемую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с Москвой. Летом 1939 года проходили закулисные контакты различных представителей Германии и Великобритании. 21 июля в Лондоне в глубокой тайне состоялись встречи Гораса Вильсона, ближайшего советника британского премьера Чемберлена, с советником министерства экономики Хельмутом Вольтатом. «Конечной целью, к которой стремится г. Вильсон, — докладывал в Берлин германский посол в Лондоне Г. Дирксен, — является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Горас Вильсон определенно сказал г.

Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты»[17]. Как следует из Обзорной записки посла Дирксена министру иностранных дел Риббентропу, через несколько дней после отъезда Вольтата «известный умеренный политик лейбористской партии Чарльз Роден Бакстон» посетил советника посольства Кордта и развил перед ним предложения, изложенные ранее Вильсоном: в случае достижения договоренности с Германией Великобритания «обещала бы уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Англия отказалась бы от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы»[18].

Британским консерваторам не удалось сохранить в тайне встречи с Вольтатом, что усилило подозрения СССР по поводу подлинных намерений Лондона и Парижа. У Советского Союза в борьбе за выживание в предвоенные годы фактически не было союзников, а японский военный фактор воспринимался Советским Союзом на Дальнем Востоке как прямая угроза.

В мае 1939 года Япония напала на союзника СССР — Монгольскую Народную Республику — в районе реки Халхин-Гол и продвинулась к подступам колониальных владений США, Англии и Франции, захватив остров Хайнань и объявив архипелаг Спратли своей территорией.

Японское руководство понимало, что одной из причин упорного сопротивления Китая являлась многосторонняя помощь ему со стороны СССР. Провокация Токио в районе озера Хасан не только не привела к снижению объема этой помощи, но и побудила расширить ее. К середине февраля 1939 года в Китае находилось 3665 советских советников, инструкторов, военных летчиков и техников. Летом того же года туда прибыли более 400 летчиков-добровольцев и авиатехников (свыше 200 советских летчиков погибли на китайской земле)[19].

13 июня 1939 года между СССР и Китайской Республикой был заключен Договор о «способе и условиях реализации» кредита на сто пятьдесят миллионов американских долларов «для закупки промышленных товаров и оборудования» у СССР.

Необъявленная война против МНР и СССР в районе Халхин-Гола использовалась правящими кругами Японии в качестве дополнительного фактора для создания «выгодной для Японии обстановки на переговорах с Великобританией»[20], как говорилось в «Секретном оперативном дневнике» Квантунской армии.

Результатом переговоров между британским послом Робертом Лейсли Крейги и министром иностранных дел Японии Аритой Хатирой стало опубликованное 24 июля заявление, парафированное обеими сторонами. Это заявление вошло в историю как «соглашение Ариты — Крейги»[21]. В соответствии с ним Англия признала «законность» японской агрессии в Китае, согласилась на пребывание там японских войск в течение неопределенного срока и обязалась не мешать установлению в Китае «нового порядка». При этом Япония не брала на себя никаких обязательств по отношению к Англии.

«Соглашение Арита — Крейги», являвшееся частью политики «дальневосточного Мюнхена», укрепляло позиции Японии и положение японских войск в Китае на плацдарме, с которого они действовали против СССР и МНР. Советское государство оказалось один на один перед опасностью войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке.

Несмотря на то, что США, так же, как и Великобритания, летом 1939 года стремились оторвать Токио от «оси» Берлин—Рим, их правительства следовали разными курсами. 26 июля посол Японии в США был поставлен в известность, что США денонсируют американо-японский торговый договор от 21 февраля 1911 года. Этот акт преследовал цель заставить Японию задуматься над «занятой ею позицией, при которой бесцеремонно попираются американские права и интересы в Китае». Это был первый шаг, следующим могло стать полное или частичное эмбарго[22].

23 июля советская сторона предложила начать переговоры военных миссий в Москве, не дожидаясь политического соглашения. 25 июля английская, а на следующий день — французская стороны ответили согласием. К началу переговоров ситуация в Европе еще больше осложнилась. Почти все стороны, участвовавшие в одних переговорах, знали (или догадывались), о чем ведется речь на других.

Уже первый день военных переговоров трех держав — 12 августа — не мог не показать Советскому правительству, что возлагать на эти переговоры серьезные надежды не следует. Выяснилось, что французская делегация уполномочена лишь вести переговоры, но не подписывать конвенцию. Британская же делегация прибыла в Москву вообще без каких-либо полномочий. 14 августа на заседании военных миссий СССР, Великобритании и Франции маршал Ворошилов заявил: «... 4. Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии. Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал»[23].

Положительного ответа на поставленный советской стороной вопрос о возможности прохода советских войск через определенные районы Польши не поступило ни 15, ни 16, ни 17 августа. В создавшихся условиях по предложению главы британской делегации П. Дракса переговоры были прерваны до 21 августа.

Из телеграммы посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне от 19 августа 1939 г.: «Бек (Юзеф Бек, министр иностранных дел Польши. — *М.А.*) просил меня посетить его сегодня вечером. Он заявил мне, что, все обстоятельно рассмотрев и обсудив с маршалом Рыдз-Смиглы и не недооценивая силу целого ряда наших аргументов, он просит меня передать Вашему Превосходительству негативный ответ Польши (в части пропуска советских вооруженных сил через территорию Польши. — *М.А.*).

"Для нас это, — сказал он мне, — принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь; я, впрочем, говорил это Потемкину. Мы не допустим, что в какой-либо форме... [Пропуск в расшифров-

ке *(прим. документа)*] можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками. В этом, в конечном счете, нет ничего нового; наша доктрина всегда была такой, и мы часто ее излагали"»[24].

К исходу лета стали появляться сведения о подготовке англичанами планов нового Мюнхена — теперь за счет Польши. Поляков стали энергично подталкивать к «компромиссу» с Германией и удовлетворению ее требований. Имелись свидетельства того, что Варшава в принципе не исключала уступок, причем самых значительных. Еще в мае заместитель министра иностранных дел Польши М. Арцишевский заявил германскому послу в Варшаве Г. Мольтке, что Юзеф Бек, министр иностранных дел Польши, «был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция». Какое большое внимание этому придает Бек, продолжал Арцишевский, «показывает та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом»[25].

18 августа польский посол в Берлине Ю. Липский поставил перед Беком вопрос о целесообразности срочного визита министра иностранных дел в Берлин для переговоров с нацистским руководством. Варшава сразу приняла предложение, и 20 августа Липский вылетел в польскую столицу для обсуждения программы намеченных переговоров[26].

Угроза выхода германских войск непосредственно к советским границам или превращения Польши в германского вассала становилась все более реальной.

Крайне опасным было положение и у восточных границ СССР. Министр иностранных дел Японии Арита Хатиро 18 мая 1939 года заявил в беседе с американским послом в Японии Дж. Грю, что «если Советская Россия будет вовлечена в европейскую войну, то Япония со своей стороны сочтет невозможным остаться вне этой войны»[27]. Это предполагало готовность Токио, как ошибочно считало советское руководство, перевести начавшиеся сражения на Халхин-Голе в полномасштабную войну.

Советскому руководству не оставалось ничего иного, как обратиться к альтернативе — рассмотреть германское предложение о нормализации двусторонних отношений. Спорадические контакты по экономическим вопросам со временем перешли в политический диалог, но до поры до времени советские представители ограничивались ролью слушателей.

26 июля заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики Министерства иностранных дел Германии К.Ю. Шнурре представил вниманию временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова следующие положения: «Фразу Вайцзеккера о "лавке, в которой много товаров" (статс-секретарь МИД Германии пустил в ход сравнение, сделанное Гитлером. — *М.А.*) надо понимать в том смысле, что Германия готова предложить СССР на выбор все что угодно — от политического сближения и дружбы вплоть до открытой вражды. Германия открывает дверь для разговоров на эту тему. Понимая, что сейчас все державы стоят на распутье, определяя, на какую сторону стать, Германия не желает, чтобы создалось представление, будто она не исчерпала возможностей сблизиться с СССР в столь решающий момент. Она дает СССР эту возможность, но, к сожалению, СССР на это не реагирует»[28].

В ответ на упоминание Астахова о германской экспансии в Прибалтику и Румынию Шнурре заметил: «Наша деятельность в этих странах ни в чем не

нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались (исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии, относительно которых положение неясно). Еще легче было бы договориться относительно Польши... [многоточие в документе]».

Астахов заметил, что ему «не вполне ясно, почему Германия пошла на дружбу с Японией, несмотря на то, что Китай имеет емкий рынок и огромные запасы необходимого Германии сырья, в то время как дружба с Японией, так же, как и с Италией, ничего экономически ценного Германии не даст».

«На это Шнурре ответил очень неохотно, как бы давая понять, что мой вопрос попал в больное место.

— Дружба с Японией — факт. Но мы считаем, что это не является препятствием для установления дружественных отношений между СССР и Германией. К тому же нам кажется, что отношения между СССР и Японией также могут измениться к лучшему».

Вопрос, поставленный Астаховым, свидетельствовал о значении, которое СССР придавал безопасности своих дальневосточных границ, равно как и о понимании Германией важности этой проблемы для Советского Союза и готовности способствовать ее нормализации.

2 августа Астахова пригласил для беседы Риббентроп, а на следующий день германский посол Шуленбург, по указанию из Берлина, посетил Молотова. «Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий. Что касается "антикоминтерновского пакта", "то он направлен не против СССР", как, по словам Шуленбурга, будто бы говорил в своей речи и Молотов, а против Англии. Дружественные же отношения Германии с Японией также не направлены против СССР. Тов. Молотов поправляет посла, указывая, что он не говорил о том, что этот "пакт" не направлен против СССР, а говорил на Верховном Совете о том, что военно-политический договор Германии с Италией направлен в первую очередь не против СССР. Германия также, говорит дальше Шуленбург, не старается ободрять Японию в ее планах против СССР, так как Германия знает, что у самой Японии от забот полон рот. Таким образом, Германия не занимает враждебной позиции к СССР на Востоке. Что же касается Запада, то и здесь также нет пунктов, которые бы вызывали трения между Германией и СССР на всем протяжении между Балтийским и Черным морями. При этом Шуленбург указывает на заключенные Германией с прибалтами договоры о ненападении, которые, по его мнению, гарантируют независимость этих стран и Финляндии. Германию связывают с этими государствами хорошие экономические отношения. Что же касается Польши, то требования Германии также не противоречат СССР. Эти требования были изложены в речи Гитлера. С Румынией Германия стремится развивать хорошие отношения и не намерена при этом задевать интересы СССР...

Тов. Молотов отвечает, что послу известно, что мы стоим за заключение торгового соглашения с германским правительством и рассчитываем на успех ведущихся переговоров...

Остаются политические вопросы. В этой связи, говорит т. Молотов, нельзя не упомянуть об "антикоминтерновском пакте", вокруг которого много наговорено и много нагорожено такого, что не может не иметь отрицательного значения в глазах СССР. Известно также, что "антикоминтерновский пакт" и отношения Германии с Японией поощряли прямую агрессию против СССР со стороны Японии. Кроме того, известны факты, когда Германия отказывалась от участия в такого рода международных конференциях, в которых участвовал бы и СССР. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, как связать все эти факты с сегодняшними заявлениями посла.

Шуленбург говорит, что он не имеет намерения оправдывать прошлую политику Германии, он лишь желает найти пути для улучшения взаимоотношений в будущем».

После беседы Шуленбург телеграфировал в Берлин, что в Москве по-прежнему наблюдается недоверие к Германии и Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией». Статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер в дневнике за 6 августа отметил, что Берлин прилагал все более настойчивые усилия, чтобы договориться, но Москва по-прежнему оставляла эти попытки без ответа[29].

К началу тройственных военных переговоров ситуация в Европе еще больше осложнилась. Советское правительство располагало достаточной информацией из различных источников, чтобы отдавать себе в этом отчет. Резидент военной разведки корреспондент «Берлинер тагеблатт» Рудольф Гернштадт — «Арбин» докладывал в Центр о беседе с военно-воздушным атташе Германии в Польше: «7 августа 1939 г. полковник Герстенберг, пригласив меня к себе, попросил коротко рассказать о текущих политических событиях. Затем он рассказал: ...Из совершенно надежного источника я знаю, что Гитлер принял решение в этом смысле. После визита Вольтата в Лондон Гитлер убежден в том, что в случае конфликта Англия останется нейтральной. Переговоры западных держав с Москвой проходят неблагоприятно для нас. Но и это является для Гитлера еще одним доводом в пользу ускорения акции против Польши. Гитлер говорит себе, что в настоящее время Англия, Франция и Советский Союз еще не объединились; для достижения соглашения между генеральными штабами участникам московских переговоров потребуется много времени; следовательно, Германия должна до этого нанести первый удар. Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши»[30].

К середине августа надежд на достижение договоренности с Англией и Францией не оставалось, и перед советским руководством встал вопрос, стоит ли и дальше игнорировать германские обращения.

15 августа Шуленбург посетил Молотова, и в ходе беседы изложил ему инструкцию Берлина, согласно которой «реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует» и что «на основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза»[31]. Он заявил также, что для внесения ясности в германо-советские отношения министр иностранных дел Германии фон Риббентроп готов приехать в Москву.

Молотов конкретизировал позиции, которые следует учесть при обсуждении вопроса улучшения советско-германских отношений: «... т. Молотов сообщает Шуленбургу, что еще в конце июня наш поверенный в делах в Италии телеграфировал нам о своей беседе с Чиано. Чиано в беседе с нашим поверенным в делах упомянул о существовании в Берлине, как сказал Чиано, "плана Шуленбурга", имеющего в виду улучшение советско-германских отношений. "План Шуленбурга" будто бы предполагает: 1) содействие Германии урегулированию взаимоотношений СССР с Японией и ликвидации пограничных конфликтов с ней; 2) заключение пакта о ненападении и совместное гарантирование Прибалтийских стран; 3) заключение широкого хозяйственного соглашения с СССР. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, насколько данное сообщение из Рима соответствует действительности.

Шуленбург вначале сильно покраснел, а затем сказал, что эти сведения Чиано получил от Россо (посол Италии в СССР. — *М.А.*), с которым Шуленбург беседовал лишь в общих чертах об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург подтверждает, что в этой беседе он говорил об урегулировании отношений СССР с Японией, речи же о совместных гарантиях Прибалтийских стран не было... Тов. Молотов говорит, что ничего невероятного в предложениях, содержащихся в указанном "плане Шуленбурга", он не видит...

Шуленбург спрашивает, можно ли пункты приведенного т. Молотовым "плана" принять за основу дальнейших переговоров. Тов. Молотов отмечает, что теперь надо разговаривать в более конкретных формах. Мы рассчитываем на положительный исход советско-германских экономических переговоров. Что же касается советско-японских отношений, то т. Молотов спрашивает, может ли Германия оказать влияние на эти дела или в данное время нецелесообразно ставить этот вопрос. Шуленбург отвечает, что хотя об этом и не сказано ничего в инструкции, но Риббентроп указывал т. Астахову, что у него имеется своя концепция в отношении Японии, и что Риббентроп в свое время говорил послу, что он имеет возможность оказать "свое немалое влияние на позицию Японии".

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, существует ли у германского правительства определенное мнение по вопросу заключения пакта о ненападении с СССР. Шуленбург отвечает, что с Риббентропом этот вопрос пока не обсуждался. Германское правительство не занимает в этом вопросе ни положительной, ни отрицательной позиции. Тов. Молотов заявляет, что в связи с тем, что как Риббентроп, так и Шуленбург говорили об "освежении" и о пополнении действующих советско-германских соглашений, важно выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему.

Шуленбург спрашивает, следует ли рассматривать упомянутые т. Молотовым пункты как предпосылку для приезда Риббентропа. Тов. Молотов заявляет, что он специально вызовет Шуленбурга и даст ему ответ на сегодняшнее заявление. Перед приездом Риббентропа, по мнению т. Молотова, необходимо провести подготовку определенных вопросов, для того чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры. В сегодняшнем германском заявлении указано, что, во-первых, время не ждет, торопит и что, во-вторых, желательно, чтобы события не опередили и не поставили нас перед свершившимися фактами. Поэтому если германское правительство относится положительно к идее пакта о ненападении или к аналогичной идее и если подобные

идеи включают сегодняшнее заявление Шуленбурга, то надо говорить более конкретно.

Шуленбург сообщает, что телеграфирует содержание сегодняшней беседы в Берлин, где подчеркнет особую заинтересованность Советского правительства в названных т. Молотовым пунктах»[32].

Два дня спустя, получив указания из Берлина, Шуленбург передал Молотову меморандум, содержавший положительные ответы на все поставленные советской стороной вопросы: «Изложенные господином Председателем Совета Народных Комиссаров СССР в последнем разговоре пункты совпадают с желаниями германского правительства, то есть Германия готова заключить с СССР пакт о ненападении, причем, если правительство СССР этого пожелает, без денонсации на срок в 25 лет. Далее, германское правительство готово гарантировать Прибалтийские государства совместно с СССР. Наконец, Германия в соответствии с определенно занимаемой ею позицией изъявляет готовность употребить свое влияние для улучшения и консолидации советско-японских отношений.

1. Фюрер стоит на точке зрения, что, принимая во внимание настоящее положение и возможность наступления в каждый момент серьезных событий (Германия не намерена далее терпеть польские провокации), желательно принципиальное и скорое выяснение германо-советских отношений и обоюдной установки к актуальным в настоящий момент вопросам. По этой причине министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп выражает готовность, начиная с 18 августа, во всякое время прибыть в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий (gegebenenfalls), подписать соответствующие договоры»[33].

В памятной записке, врученной Молотовым Шуленбургу, в очередной раз была упомянута Япония: «До последнего времени Советское правительство, учитывая официальные заявления отдельных представителей германского правительства, имевшие нередко недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР, исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР, готовится к этим столкновениям и обосновывает нередко необходимость роста своих вооружений неизбежностью таких столкновений. Мы уже не говорим о том, что германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию…

Если, однако, теперь германское правительство делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии…

Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения.

Правительство СССР считает, что вторым шагом через короткий срок могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта»[34].

В связи с тем что создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее Советский Союз, оказалось невозможным (Восточный и Тихоокеанский пакты так и не были заключены, советско-чехословацкий договор был перечеркнут Мюнхеном, из-за этого утратил свою фактическую ценность договор с Францией, переговоры с Англией и Францией зашли в тупик, японская агрессия против МНР продолжалась, а все это вместе взятое означало рост непосредственной угрозы СССР), перед советской внешней политикой во второй половине августа 1939 года вырисовывались довольно ограниченные возможности реагирования на ситуацию:

— остаться в изоляции, сделав упор на собственные силы, проведение самостоятельной внешней политики и подготовку к скорой войне на два фронта;

— нормализовать свои отношения с Германией и Японией, а в случае расширения ими агрессии путем нейтралитета и создания «пояса безопасности» обеспечить себе необходимое время и возможность подготовиться к худшему варианту развития событий.

Перед СССР остро встал вопрос, принимать ли накануне кульминации конфликта с Японией на Халхин-Голе настойчивые предложения Германии о заключении пакта о ненападении.

Начало германо-польской войны (то есть выход немецких войск непосредственно к советским границам) стремительно приближалось, а недоверие к западным державам росло, и советское руководство все больше склонялось к мысли, что пакт с Германией о нейтралитете или о ненападении не только обеспечит безопасность неготового к большой войне СССР в случае резкого обострения обстановки, но и позволит не втянуть его в военный конфликт на чьей-либо стороне в отсутствие прямой агрессии.

Совокупность этих факторов и понимание того, что СССР в условиях жесткой конфронтации с Японией не был готов противостоять вероятному вторжению вермахта после захвата Польши на советскую территорию, очевидно, привели Сталина к решению пойти на заключение пакта с Германией.

В Кремле рассчитывали конкретными договоренностями с Германией сохранить на год-два нейтралитет, улучшить собственное стратегическое положение, создав на территории советской «сферы интересов» выдвинутый передовой рубеж обороны в 200—300 км западнее старой границы СССР (а также повысить боеспособность РККА за счет подписания торгово-кредитного договора), и с другой — оторвав от Японии мощного союзника, сдержать ее агрессивные устремления против Советского Союза. Такое решение, справедливо считало советское руководство, обеспечит безопасность СССР надежнее, чем неопределенная перспектива альянса с западными державами. Перед угрозой германского нападения стояла Польша, граничившая именно с СССР, а не с Англией или Францией. В случае ее полного разгрома Германией, — а в Европе никто не сомневался, что Польша продержится не более одного-двух месяцев, — вермахт выходил бы на опасные подступы к Минску и Киеву.

Содействие Германии «улучшению советско-японских отношений и прекращению пограничных конфликтов» было одним из важных условий, которые ставил Советский Союз на переговорах по пакту о ненападении[35].

19 августа Шуленбург вновь посетил Молотова, добиваясь окончательного решения о визите в Москву Риббентропа. «В Берлине опасаются кон-

фликта между Германией и Польшей, — заявил он. — Дальнейшие события не зависят от Германии. Положение настолько обострилось, что достаточно небольшого инцидента, для того чтобы возникли серьезные последствия. Риббентроп думает, что еще до возникновения конфликта необходимо выяснить взаимоотношения между СССР и Германией, т. к. во время конфликта это сделать будет трудно. Первый шаг — заключение торгово-кредитного соглашения — Шуленбург считает уже сделанным. В вопросы взаимной гарантии Прибалтийских стран, пакта о ненападении, влияния на Японию также внесена ясность. И поэтому Риббентроп придает большое значение своему приезду и считает нужным со всей быстротой приступить ко второму этапу. Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство»[36].

Всего несколько часов спустя 19 августа в Берлине было подписано советско-германское кредитное соглашение. Германия обязалась поставить СССР не только в обмен на советские товары, но и в кредит добавочные заказы на сумму в 200 миллионов германских марок. «2. Предмет добавочных заказов составляют исключительно поставки для инвестиционных целей, т. е. преимущественно: устройство фабрик и заводов; установки; оборудование; машины и станки всякого рода; аппаратостроение; оборудование для нефтяной промышленности; оборудование для химической промышленности; изделия электротехнической промышленности; суда; средства передвижения и транспорта; измерительные приборы; оборудование лабораторий...»[37].

Эти «поставки для инвестиционных целей» были крайне необходимы для укрепления обороноспособности страны. Предусмотрены были также «отдельные виды оборудования и другие товары, подлежащие поставке германскими фирмами... за счет свободных сумм текущей выручки от советского экспорта»[38].

21 августа Шуленбург передал наркому иностранных дел послание Гитлера Сталину. В нем отмечалось, что в отношениях между Германией и Польшей в любой момент может разразиться кризис. «Поэтому я вторично предлагаю Вам, — обращался Гитлер к Сталину, — принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол»[39].

22 августа Гитлер провел совещание с руководителями вермахта, чтобы «обрисовать... политическое положение», дать «представление о тех отдельных элементах», на которых основывается принятое им решение напасть на Польшу, и тем самым «укрепить ... доверие» к себе[40].

«Мне стало ясно, что раньше или позже столкновение с Польшей должно произойти, — сообщил фюрер собравшимся. — Я принял решение еще весной, но считал, что сначала мне в ближайшие годы придется выступить против Запада, а уже потом только — против Востока. Но последовательность действий не поддается определению заранее. Закрывать глаза на угрожающее положение нельзя...

После занятия Мемельской области дальнейший ход событий прояснился, и мне стало ясно, что при создавшихся условиях столкновение с Польшей могло бы произойти в неблагоприятный момент. Привожу основания для этих соображений.

1. Прежде всего — два персональных обстоятельства: моя собственная личность и личность Муссолини.

В значительной мере все зависит от меня, от моего существования, от моих политических способностей. Ведь это факт, что такого доверия всего немецкого народа, каким пользуюсь я, не приобрести никому. В будущем наверняка не найдется никого, кто имел бы больший авторитет, чем я. Итак, мое существование является фактором огромного значения. Однако я могу быть в любой момент устранен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом.

Второй персональный фактор — это дуче. И его существование тоже является решающим. Случись с ним что-нибудь, и союзническая верность Италии более уже не будет надежной...

Третий выгодный для нас персональный фактор — Франко. Мы можем требовать от Испании благожелательного нейтралитета. Но это зависит от личности Франко...

На вражеской стороне — что касается личностей — картина обратная. В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет.

Для нас принятие решений — дело легкое. Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. Нам не остается ничего иного, как действовать. Наши же противники рискуют многим, а выиграть могут мало. Англии придется вложить в войну невероятно много сил. Руководители у наших противников — ниже среднего уровня. Это — никакие не повелители, не люди действия.

Наряду с персональными факторами для нас благоприятна и политическая обстановка: на Средиземном море — соперничество Италии, Франции и Англии, в Восточной Азии — напряженные отношения между Японией и Англией, на Ближнем Востоке — напряженность, вызывающая тревогу всего магометанского мира...

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Проводившаяся мною до сих пор политика вступила в противоречие со взглядами народа. Мои предложения Польше (Данциг и коридор) были сорваны вмешательством Англии. Польша изменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности длительное время невыносимо. Допустить переход инициативы в чужие руки нельзя. Сейчас момент благоприятнее, чем через 2—3 года. Покушение на меня или Муссолини могло бы изменить обстановку не в нашу пользу. Жить вечно под прицелом направленных друг против друга винтовок невозможно. Любое предложенное нам компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения и жестов доброй воли... Сейчас вероятность того, что Запад не вмешается, еще велика. Мы должны пойти на риск с не останавливающейся ни перед чем решимостью. Политик должен брать на себя риск точно так же, как полководец. Мы стоим перед суровой альтернативой: либо нанести удар самим, либо раньше или позже наверняка оказаться уничтоженными...

Для Англии характерен такой факт. Польша хотела получить от нее заем на свое вооружение. Англия же дала ей только кредиты, чтобы обеспечить закупки Польши у нее, хотя сама ничего поставлять не может. Это говорит о том, что в действительности Англия поддерживать Польшу не собирается. Она не хочет рисковать ради Польши 8 миллионами фунтов, хотя в Китай вложила полмиллиарда. Международное положение Англии весьма затруднительно. Она на риск не пойдет.

Во Франции ощущается нехватка людей (сокращение рождаемости). В области вооружения изменений мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру. Запад имеет только две возможности бороться против нас.

1. Блокада — но она окажется неэффективной ввиду нашей автаркии и наличия у нас вспомогательных источников на Востоке.

2. Наступление на Западе с линии Мажино — это я считаю невозможным.

Оставалась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. Я не сомневаюсь в том, что все эти государства, а также и Скандинавия будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитет этих стран не нарушат. Таким образом, на деле Англия помочь Польше не сможет...

У противника была еще надежда, что после захвата Польши в качестве нашего противника выступит Россия. Но противник не учел моей огромной способности принимать решения. Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене... Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве.

Этим наши политические цели не исчерпываются. Начало разрушения господствующей позиции Англии положено...

Я был убежден, что Сталин никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его конец все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же потерпевшими поражение. Решающее значение имела замена Литвинова [Молотовым]. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Это огромная цель, которая требует огромных сил. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь паршивая свинья не подсунула мне свой план посредничества...

Нынешнее обнародование пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия — необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным...

С осени 1938 года ... решение идти вместе со Сталиным. В сущности — только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини — слабейший.

...Сталин и я — единственные, кто видит будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира...

Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их узнал в Мюнхене, окажутся слишком трусливыми, чтобы напасть [на нас]. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого — наша автаркия и русское сырье. Мой пакт с Польшей был задуман просто как выигрыш времени. А впрочем, господа, с Россией ведь проделывается то же самое, что я уже освоил на примере Поль-

ши! После смерти Сталина, а он — тяжелобольной человек, мы разгромим Советский Союз. Тогда забрезжит заря германского господства на всем земном шаре…

Ведение новой войны соответствует установлению новой границы. Вал от Ревеля, Люблина, Кошице до устья Дуная. Остаток получают русские. Риббентропу дано указание делать любое предложение и принимать любое требование русских»[41].

Исходя из содержания книги «Майн кампф», следует констатировать, что взгляды и цели Гитлера в отношении Великобритании и советской России серьезно изменились. Основная политическая идея книги — Англия самый главный и самый важный союзник Германии: «На целый период времени для Германии возможны только два союзника в Европе: Англия и Италия»[42].

Из записи беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Шнурре от 26 июля 1939 года: «…Чувствуя, что беседа начинает заходить слишком далеко, я перевел ее на более общие темы, заговорив о германских аспирациях на Украину и вообще Россию, изложенных в «Майн кампф», где Англия мыслится как союзник Германии.

— Фюрер не отличается упрямством, но прекрасно учитывает все изменения в мировой обстановке. Книга была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас — Англия. В частности, совершенно новая ситуация в Восточной Европе создалась в результате краха германо-польской дружбы. Эта "дружба", и ранее бывшая крайне непопулярной в народе, рассыпалась в течение буквально суток. От Данцига мы не откажемся — это можно усмотреть хотя бы из "Майн кампф"»[43].

Алан Буллок в этой связи писал: «Высказывают мнение, что программу внешней политики, которую Гитлер изложил в "Майн кампф" и "Второй книге", нельзя рассматривать всерьез как руководство для политики, которая завершилась пактом с Советской Россией, державой, уничтожить которую он поставил себе целью, и войной с Англией, державой, к союзу с которой он стремился. Но рассуждая таким образом, мы забываем о разнице между конечной целью Гитлера, расистской империей на востоке, и тактикой, к которой он прибегал для достижения этой цели. Первая оставалась неизменной, но именно сочетанию последовательности в достижении цели, даже когда он подписывал нацистско-советский пакт, с поразительной гибкостью тактики, он обязан своим успехом. Незадолго до того, как Риббентроп слетал в Москву, Гитлер 11 августа 1939 года сказал Карлу Буркхардту, комиссару Лиги наций в Данциге: "Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами. Мне нужна Украина, чтобы они не могли уморить нас голодом, как это случилось в последней войне"»[44]. **Тактика!**

«Вторая книга» (нем. Zweites Buch, транслит. «цвайтес бух») — продолжение книги «Майн Кампф». Книга, содержащая идеи Гитлера в области внешней политики, была написана в 1928 году, но при жизни Гитлера не публиковалась.

Несмотря на разъяснения Шнурре, представляется, что на страницах «Майн кампф» Гитлер обратился к властителям тогдашнего мира — англичанам, чтобы донести до них простую и ясную мысль. В Германии под руководством Гитлера создается новое мощное движение, которое требует помощи, в первую очередь финансовой. И это мощное проанглийское течение создает и пытается вести к вершинам власти Адольф Гитлер. Англичане могут и должны иметь с ним дело. А когда Гитлер придет к власти, он начнет проводить политику, угодную Соединенному королевству. Ибо между его целями и целями английской политики никаких противоречий нет. Других союзников Гитлеру не надо[45].

23 августа германский министр иностранных дел был в Москве. Переговоры с ним вели Сталин и Молотов. Первой среди обсуждавшихся проблем была Япония, что очередной раз подчеркивало обеспокоенность Советского Союза боевыми действиями, разворачивавшимися на Халхин-Голе. Из записи беседы, состоявшейся в ночь с 23-го на 24 августа:

«1. ЯПОНИЯ

Имперский Министр иностранных дел заявил, что германо-японская дружба ни в каком смысле не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести действительный вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и Советское Правительство желают этого, Имперский Министр иностранных дел готов действовать в этом направлении. Он соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство и будет держать в курсе событий советских представителей в Берлине.

Господин Сталин ответил, что Советское Правительство действительно желает улучшить свои отношения с Японией, но что есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее [войны] и готов к ней. Если Япония хочет мира — это намного лучше! Господин Сталин считает полезной помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений, но он не хочет, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза.

Имперский Министр иностранных дел согласился с этим и подчеркнул, что его содействие будет выражаться только в продолжении бесед, которые он уже вел на протяжении месяцев с японским послом в Берлине для улучшения советско-японских отношений. Соответственно, никакой новой инициативы с германской стороны в этом вопросе не будет»[46].

Даже при таких весьма ограниченных обещаниях, Токио оставался один на один с Советским Союзом, а это означало многое.

Результатом переговоров явилось подписание 23 августа 1939 года «Договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик» и «Секретного дополнительного протокола».

Что касается протокола, то в нем говорилось лишь о «разграничении» сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. О каких «интересах» шла речь? Германия еще весной 1939 года приняла решение о нападении на Польшу, чем и были определены ее интересы на ближайшее время. Советский Союз, знавший об этих намерениях (в том числе и из шифртелеграммы Зорге) и бывший не в состоянии предотвратить их реализацию, был жизнен-

но заинтересован в том, чтобы германские войска остановились по возможности дальше от советских границ. Это и было отражено в протоколе: Германия получала гарантию невмешательства СССР в событиях в западных пределах Польши, а СССР получал гарантии в отношении этнически близких ему районов Восточной Польши, а также прибалтийских государств[47].

На принятие СССР серьезных политических решений повлияли и ошибочные представления об уровне опасности, исходившей с Востока, что было вызвано неадекватной оценкой обстановки в регионе и прогнозов ее развития. Не были учтены, в том числе и донесения Зорге, что Япония к большой войне не готова и что следует ждать военный провокаций, и не более того.

1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу. Лишь через два дня Великобритания и Франция объявили Германии войну. 3 сентября 1939 года считается датой начала «странной войны», которую вела Германия с Западом. К середине сентября германские войска заняли Западную и Центральную Польшу, а в ряде мест вели боевые действия дальше линии, установленной секретным германо-советским протоколом, в непосредственной близости от советской границы. Обстановка требовала неотложного принятия решений. Существовала опасность, что Англия и Франция объявят войну и СССР, если Красная Армия перейдет польскую границу. Советское руководство опасалось попасть в ловушку нового «Мюнхена», так как, объявив Германии войну, Англия и Франция, тем не менее, не оказывали помощи Польше. Это наводило на мысль о возможности новой антисоветской сделки с Гитлером, уже за счет Польши. В случае союза с Англией и Францией СССР пришлось бы вступить в войну с Германией на территории Польши при полном бездействии союзников на Западе.

Избавив страну от угрозы немедленного участия в европейской войне, договор о ненападении дал ей почти два года передышки, «значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах». Договор о ненападении оставил в изоляции Японию — на тот момент единственного военного противника СССР — и вызвал сильнейший кризис в ее руководстве[48].

17 сентября войска РККА перешли советско-польскую границу и вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии (до революционных событий 1917 г. входивших в состав Российской империи как Гродненская и Волынская губерния). Эти земли отошли к Польше после окончания Советско-польской войны в соответствии с договором от 18 марта 1921 года. Объявления войны со стороны Англии, Франции и прочих государств СССР удалось избежать.

Срок вступления советских войск в Польшу определили два фактора: 1) 15 сентября было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол (вступило в силу на следующий день); 2) польское правительство потеряло управление страной, что обостряло задачу защиты населявших Восточную Польшу братских украинского и белорусского народов, а также собственных границ[49].

Глава 1

1939, ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, МОСКВА, ТОКИО

1.1. Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам

(«Рамзай» — Центру 23 января 1939 года)

Со времени захвата Маньчжурии оккупация МНР рассматривалась японскими стратегами как важное условие проведения успешной войны против СССР. В 1936 году, излагая тезисы «Взгляды армии на проблемы внешней политики в связи с задачами Квантунской армии», военный министр Итагаки Сэйсиро заявлял: «Если посмотреть на карту Азиатского материка, то с первого взгляда станет ясно, что Внешняя Монголия занимает важное положение с точки зрения влияния Японии и Маньчжурии и является очень важным районом, прикрывающим Сибирскую железнодорожную магистраль, связывающую советский Дальний Восток с европейской частью СССР. Следовательно, если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми необходимыми средствами, имеющимися в ее распоряжении»[1].

Япония придавала большое значение МНР (Внешней Монголии), которая стала своеобразным плацдармом для советского проникновения в Китай. Ведь именно в соседних с Монголией китайских провинциях находился так называемый «Особый район Китая» — база китайских коммунистов. Через Монголию проходила и одна из самых оживленных трасс снабжения Китайской республики советской военной техникой и снаряжением по маршруту Улан-Удэ (СССР) — Улан-Батор (МНР) — Калган (Китай).

С осени 1938 г. по весну 1939 г. японский генеральный штаб разрабатывает оперативный план войны против Советского Союза, получивший кодовое наименование «Хати-го» («План операции № 8»). Было составлено два варианта плана — «Ко» («А») и «Оцу» («Б»).

Вариант «Ко» предусматривал одновременный удар на восточном и северном направлениях. После этого намечались решительные действия против Забайкалья.

По варианту «Оцу» первоначальный главный удар планировался на западном направлении с целью выхода к южным берегам озера Байкал и перекрытия Транссибирской железнодорожной магистрали. Таким образом, Забайкалье и Дальний Восток оказывались отрезанными по суше от остальных районов СССР и перед японской армией «открывались» оперативные возможности для разгрома восточной группировки Красной Армии.

«План операции № 8» в двух вариантах был направлен в штаб Квантунской армии для ознакомления и согласования. Командование армии пришло к выводу о наибольшей целесообразности сосредоточения основных насту-

пательных усилий на западном направлении, которое было признано наиболее уязвимым для оборонительных действий советских войск.

Доработанный вариант «Оцу» был одобрен в Генеральном штабе Японии уже в мае 1939 года. Для его реализации предусматривалось развернуть 40 пехотных и 5 механизированных дивизий (к моменту принятия «Плана операции № 8» механизированные дивизии существовали только на бумаге) с привлечением других армейских частей. В целом план «Хати-го» (вариант «Оцу») предусматривал достижение полной готовности к нападению на Советский Союз лишь в начале 1940-х г.

Вариант «Оцу» предусматривал создание на территории Маньчжурии трех фронтов — Западного, Северного и Восточного и одной воздушной армии. То есть планом предусматривалось проведение широких фронтовых наступательных операций, что отвечало современным требованиям военного искусства.

«Каждый фронт имел конкретную задачу. Так, войска Северного фронта (10 пехотных дивизий) должны были начать наступление из района западнее китайского города Хайкэ и оказывать поддержку войскам Западного фронта, наступавшим из района Калган — Баотоу во Внутренней Монголии. Перед Северным фронтом стояла задача нарушения движения по Транссибирской железнодорожной магистрали и разгром противостоящих ему советских войск. После перекрытия движения по Транссибу войска фронта выдвигались в район Рухлово (Сковородино) и далее к городу Хабаровску.

В состав Восточного тоже выделялось десять пехотных дивизий. Первоначально он должен был принять оборонительное положение и сдерживать советские войска с территории Приморья. После их разгрома Восточному фронту предписывалось оккупировать основные районы Приморья с городом Владивостоком (туда намечалось высадить морской десант) и развивать наступление вдоль реки Уссури на Хабаровск.

Наиболее мощным должен был стать Западный фронт, состоящий из 20 пехотных и 5 механизированных дивизий. Главный удар он наносил по району города Нерчинск в Забайкалье, где ему предстояло разгромить советские войска восточнее Читы. Далее фронту предстояло развивать наступление в сторону Улан-Удэ и Рухлово, одновременно оккупируя советское Забайкалье и Монгольскую Народную Республику»[2].

В докладе Генеральному штабу командование Квантунской армии утверждало, что Советскому Союзу для ведения боевых действий на западном направлении придется "затратить усилий в 10 раз больше, чем японской армии"»[3].

В период наступательной операции Квантунской армии против СССР намечалось приостановить активные действия японских войск в Китае.

Однако начавшиеся в мае и продолжавшиеся до сентября 1939 г. боевые действия «в полосе наступления Западного фронта» никакого отношения ни к плану «Хати-го», ни к его второму варианту «Оцу» («Б») не имели и развивались совсем по иному сценарию, в разработке которого японский генеральный штаб армии изначально участия не принимал (и если и подключился, то уже в ходе начала боевых действий).

В советской историографии эти события, как правило, называются «военным конфликтом на Халхин-Голе». В японской историографии термин «Халхин-Гол» употребляется только для наименования реки, а сам военный конфликт называется «инцидентом у Номон-Хана», по названию одной из высот Номон-Хан-Бурд-Обо в этом районе маньчжуро-монгольской границы.

Этот «конфликт» больше напоминал локальную, пограничную войну.

Япония стремилась нанести удар по СССР при удобном случае с тем, чтобы показать реальную мощь Токио. В результате происходили многочисленные пограничные инциденты. Генеральный штаб не только не пресекал действия штаба Квантунской армии по инспирированию пограничных столкновений, а наоборот дистанцировался от них, тем самым поощряя провоцирование пограничных инцидентов. Однако никто из японского военного руководства, как в Токио, так и в Маньчжурии, не считал, что столкновения на границе приведут к полномасштабной войне между СССР и Японией. Несомненно, одно, что часть командования Квантунской армии «хотела использовать эти пограничные столкновения для предлога форсирования вооружений к предстоящей войне с СССР»[4].

В апреле командующий Квантунской армией генерал Уэда Кэнкити отдал приказ № 1488 о действиях войск в пограничной зоне — так называемые «Принципы разрешения пограничных конфликтов между Маньчжоу-Го и СССР»:

«1. В случае нарушения границы нарушители должны быть немедленно уничтожены. В этих целях допускается временное проникновение на советскую территорию.

2. В районах, где государственная граница точно не определена, командующий частями обороны сам определяет ее и указывает отрядам первой линии.

3. В случае возникновения конфликта отряды первой линии должны действовать решительно, активно и смело, предоставляя высшему командованию урегулирование могущих возникнуть последствий.

4. Все прежние указания и инструкции по данному вопросу отменяются»[5].

Одновременно в приказе генерала Уэды командирам приграничных частей было рекомендовано «избегать ненужных конфликтов»[6]. Однако, судя по развитию событий на границе, к этой рекомендации командиры частей и подразделений Квантунской армии не прислушивались. Выполнение приказа № 1488 неизбежно вело к сознательному нарушению японскими и маньчжурскими военнослужащими советской и монгольской границ.

В конце января «Рамзай» сообщая из Токио о настроениях в японском Генштабе, доложил, что, по его мнению, «японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам»:

«Начальнику Разведуправления Красной Армии
Токио, 23 января 1939 г.

Я не думаю, что эта политика отвлечения внимания на войну с СССР уже претворяется в жизнь. Посол Отт считает, что Итагаки стоит за продвижение на север от Китая.

Майор Шолль сообщил послу Отт о растущем мнении в генеральном штабе за действия в северном направлении и ускорении организации армейских групп в Маньчжурии. Он считает, что это указывает на новую подготовку против СССР. На это отклонение в политике также указывает тревога по рыболовному вопросу*. Даже иностранцы всех наций считают, что на севере

---

* В ноябре 1938 года японское правительство обратилось к советскому правительству с предложением начать переговоры о пересмотре советско-японской рыболовной конвенции 1928 года и заключении новой конвенции на основе японского проекта 1936 года, ухудшавшего для СССР условия существовавшей рыболовной конвенции.

что-то должно случиться. Но я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае.

Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам (выделено мной. — *М.А.*). Это будет сделано для того, чтобы отвлечь радикальные группы от войны в Китае, что диктуется необходимостью противодействия с той целью, чтобы не показать своей слабости».

Имеется помета: «НО-2. В спецсообщение по всем телеграммам Р[амзая]. Орлов. 25.1».

Орлов А.Г.[7], комдив, исполнял обязанности начальника Разведывательного управления РККА после отстранения в начале октября 1938 г. от исполнения обязанностей начальника Разведупра старшего майора госбезопасности С. Г. Гендина.

13 декабря 1938 года обе стороны приступили к обсуждению условий временного соглашения. Во время переговоров японская печать начала кампанию против Советского Союза, обвиняя его в «нарушении прав» Японии. Стали раздаваться неприкрытые угрозы в адрес СССР. В феврале-марте 1939 года переговоры о заключении рыболовного соглашения достигли наивысшего напряжения. 14 февраля 1939 года нижняя палата японского парламента приняла решение, обязывавшее правительство принять меры по охране интересов Японии. Японские дипломаты не скрывали возможности военного конфликта между СССР и Японией и зондировали позицию своих возможных союзников.

Советское правительство заняло твердую позицию, заявив, что СССР будет рассматривать попытку «свободного лова» рыбы в советских водах как нападение на Советский Союз со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конечном итоге 2 апреля 1939 года сторонами был подписан протокол о продлении рыболовной конвенции на один год на условиях, предложенных советским правительством»[8].

В 1939 г. в состав Квантунской армии были включены 9 пехотных дивизий усиленного состава, авиационная дивизия, кавалерийская бригада, 13 пограничных охранных отрядов и другие отдельные части общей численностью более 300 тыс. человек (без учета местных формирований).

Япония продолжала изнурительную войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, что в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной «большой» войны, а вот пойти на военные провокации, которые, по словам «Рамзая», «приведут к местным инцидентам», была готова и, более того, готовилась.

Монгольская территория к востоку от озера Буир-Нур и р. Халхин-Гол (Халха) простиралась в глубину до 20 км и имела ширину по фронту 60-70 км. На этом сравнительно небольшом участке — в районе восточной части, так называемого Тамцак-Булакского выступа (Тамцак-Булак — административный центр этого района), который вклинивался в территорию Маньчжоу-Го) — и разыгрались основные боевые события летом 1939 г. — бои на Халхин-Голе. Ширина Халхин-Гола достигала 130 метров, что при глубине в два метра и сильном течении создавало серьезную преграду для войск. Боевую

технику на восточный берег реки можно было переправлять только по наведённым паромным переправам. Долина реки представляла собою сильно заболоченную впадину шириной от одного до трёх километров[9].

Японским войскам, сосредоточенным у восточных границ МНР, противостояли кавалерийские дивизии монгольской армии, соединения и части 57-го особого корпуса РККА (командир корпуса комдив Н.В. Фекленко, комиссар корпуса полковой комиссар М.С. Никишев, начальник штаба комбриг А.М. Кущев). Штаб корпуса располагался в Улан-Баторе. К февралю 1939 г. в МНР была сосредоточена почти 50-тысячная группировка войск Красной Армии. Ударная сила корпуса — 36-я мотострелковая дивизия, три мотоброневые бригады, одна танковая и одна кавалерийская бригады. В этих боевых частях по штату было около 22 тысяч человек — меньше половины численности корпуса. Все остальное — обслуживающие и вспомогательные части. Такова была цена того, что корпус в сентябре 37-го пришел на голое место. Все необходимое возили за сотни километров из Советского Союза, и 16 автомобильных батальонов, имевшие 8000 личного состава и более 4000 автомашин, работали с полной нагрузкой. Четыре строительных батальона, имевшие 4000 человек, также продолжали начатое в 37-м строительство. Основная ударная сила была представлена 360 танками и танкетками танковой бригады и других частей. Мотоброневые бригады имели на вооружении 360 бронемашин, дополняя танковый кулак. С воздуха войска корпуса прикрывала 100-я авиационная бригада. И хотя по списку числилось 127 самолетов, истребителей И-16 и И-15 было 44, а бомбардировщиков СБ — 36. Остальные машины были учебные или устаревшие Р-5. Части прикрывали юго-восточные и восточные границы республики и были разбросаны на расстоянии сотен километров друг от друга. Расстояния от мест дислокации соединений и частей 57-го особого корпуса до Халхин-Гола также измерялись сотнями километров, которые нужно было в случае возникновения конфликта пройти по безводной пустынной степи без дорог и каких-либо ориентиров[10].

Фактическая граница между МНР и Маньчжоу-Го патрулировалась небольшими монгольскими погранзаставами, находившимися на расстоянии 40—60 км одна от другой, а регулярные советские войска были в нескольких сотнях километров от этой границы.

«С января 1939 г. японские войска начали периодически нарушать границу МНР. В середине апреля того же года в этот район был направлен специальный японский военно-топографический отряд, который произвел съемку местности для подготовки к боевым действиям. Начались также рейды через границу отрядов маньчжурской конницы из выдвинутого сюда полка народности барга, проживавшей на северо-востоке Маньчжоу-Го. В связи с этим для охраны линии границы в 20 км восточнее р. Халхин-Гол были направлены пограничники МНР. Против них с начала мая возобновились рейды баргутов»[11].

11 мая отряд японских солдат из состава 23-й пехотной дивизии Квантунской армии атаковал монгольскую пограничную заставу на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. С подходом к границе подкрепления японцы были оттеснены на исходный рубеж. 14 мая японцы атаковали 7-ю пограничную заставу МНР и занял высоту Дунгур-Обо. 15 мая к занятой высоте японцами были переброшены подкрепления.

О происходивших событиях Москва узнала из иностранной прессы и 15 мая потребовала от штаба корпуса сообщить, какие «имеются данные по су-

ществу этого вопроса, насколько достоверны сведения иностранной прессы», которая «уже в течение двух дней» помещала сведения о том, что на реке Халха между японскими и монгольскими войсками происходят боевые действия[12]. Был ли известен руководству корпуса этот факт или же о нем знали, но должным образом не реагировали и в Москву об этом не докладывали? Сказать трудно.

В своем докладе народному комиссару обороны СССР «О провокациях на границе», отосланном из Улан-Батора только 16 мая 1939 г., после окрика из Москвы, командир 57-го особого корпуса Н.В. Фекленко сообщил, что первое нарушение границы МНР «японо-баргутским подразделением численностью до 40 человек с минометом и ручными пулеметами» произошло 11 мая, о чем он, Фекленко, впервые узнал из сообщения штаба МНРА лишь 14 мая. В том же докладе Фекленко впервые сообщил и, в частности, о том, что 15 мая штаб МНРА информировал о нарушении и обстреле границы МНР двумя японскими самолетами 14 мая, а также и о том, что 15 мая пять японских бомбардировщиков подвергли бомбардировке и интенсивному пулеметному обстрелу пограничную заставу МНР, убив двоих и ранив 19 человек»[13].

Авторы пятитомной «Истории войны на Тихом океане» дают свою версию возникновения конфликта. «События в районе реки Халхин-гол начались с того, что 12 мая отряд кавалерии монгольской армии в количестве 700 человек переправился через реку Халхин-гол. Японская армия признала такие действия нарушением границы и на основании вышеупомянутой инструкции атаковала этот отряд. В ответ на это монгольская армия направила в район боев новые силы и перешла в контратаку. В результате столкновение приобрело более широкий размах. Работники оперативного отдела штаба Квантунской армии Хаттори Такусиро и Цудзи Масанобу, считая этот инцидент попыткой Советского Союза повлиять на ход японских военных операций в Китае, решительно настаивали на немедленном уничтожении войск противника, возражая против мнения о необходимости более предусмотрительной политики с учетом происходивших в то время в Токио японо-английских переговоров. Исходя из того, что в отличие от ситуации, сложившейся во время событий в районе высоты Заозерной, на китайском фронте наступил сравнительно спокойный период, Генеральный штаб активно не вмешивался в инцидент, предоставив Квантунской армии "принять соответствующие меры". В результате проведенной Квантунской армией бомбардировки Тамцаг-Булака и других тыловых баз монгольской армии Советский Союз в соответствии с договором о взаимопомощи, заключенным с МНР, выступил на стороне монгольских войск. Таким образом, масштабы боев неожиданно расширились. Генеральный штаб взял курс на локализацию конфликта, но в то же время не оставлял мысли о разрешении инцидента путем решительного наступления японской армии. В данном случае Генеральный штаб разрабатывал планы с учетом слабых коммуникаций у советско-монгольских войск, ибо конечный пункт железной дороги у японо-маньчжурской стороны был рядом, тогда как у советско-монгольской стороны он был отдален от района военных действий расстоянием в 150 миль, что, несомненно, ограничивало возможности советско-монгольской армии»[14].

Даже если факт переправы 700 монгольских кавалеристов через Халхин-Гол и имел место, переправлялись они через реку на своей территории. Из этого отрывка следует, что как инициатором конфликта, так и сторонником

его расширения выступал штаб Квантунской армии при последующем одобрении Генерального штаба и участии последнего в разработке планов операций.

19 мая посла Японии в СССР С. Того вызвали к народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову. Из записи беседы В. М. Молотова с послом Японии С. Того: «... За последнее время, 11—12 мая и позже, имел место ряд нарушений границы МНР японо-маньчжурскими частями, которые напали на монгольские части в районе Номон-Хан-Бурд-Обо, а также в районе Донгур-Обо. В воинских частях МНР имеются раненые и убитые. В этом вторжении в МНР участвовали также японо-маньчжурские самолеты. Имеются, таким образом, грубые нарушения границы МНР и другие недопустимые действия со стороны японо-маньчжурских частей. Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было. Так будет лучше в интересах самого же японского правительства.

В ответ на это Того сказал, что о таких столкновениях на монгольской границе он читал только в газетах, по которым выходит, что именно Внешняя Монголия нападала и поэтому произошли столкновения. От японского правительства у него нет никаких сведений. Он доложит об этом в Токио и по получении ответа передаст его мне. Того сказал дальше, что ... японское правительство не допускает угрозы и агрессию других стран и, если это будет иметь место, то будет давать отпор. ...

Я ответил, что газетные сведения, о которых говорил посол, имеют явно смехотворный характер, что нет никакой необходимости опровергать такие измышления, это — явная выдумка. С другой стороны, имеется бесспорный факт, что японо-маньчжурские части нарушили границу МНР и открыли военные действия, что это нападение на территорию МНР совершили японо-маньчжурские войска и самолеты. Мы с этим мириться не будем. Нельзя испытывать терпение монгольского правительства и думать, что это будет проходить безнаказанно. Мое заявление находится в полном соответствии с пактом о взаимной помощи, заключенным между СССР и МНР; нападение же, о котором я говорю, было совершено не против советских, а против монгольских частей. ...»[15].

16 мая по тревоге был поднят 149-й стрелковый полк из состава 57-го особого корпуса и направлен в Тамцак-Булак. В этот же день по сигналу боевой тревоги были подняты части 9-й мотобронеевой бригады. В район боёв первые подразделения подошли к исходу дня 29 мая. 760 километров пути по безводной степи были пройдены частями бригады за 13 дней, что для техники того времени было хорошим достижением. 149-й полк прошёл из Улан-Батора до Халхин-Гола 1060 километров за 12 дней и вышел 28 мая к реке[16].

В период с 22 по 28 мая в районе конфликта сосредотачиваются значительные силы. В составе советско-монгольских войск было 668 штыков, 260 сабель, 58 пулеметов, 20 полевых артиллерийских орудий и 39 бронемашин. Остальные силы находились в районе городка Тамцак-Булак и пока к государственной границе не выдвигались. Общее руководство боевыми действиями в районе Халхин-Гола было возложено японским командованием на командира 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Камацубара. Японо-маньчжурские войска имели в своем составе 1676 штыков, 900 сабель, 32 пулемета, 18 орудий, один танк и 6 бронемашин[17]. Японо-маньчжурские войска облада-

ли численным превосходством по количеству штыков в 2,5 раза и сабель — в 3,5 раза, зато советско-монгольские войска превосходили их по орудиям крупных калибров в 1,5 раза и по бронемашинам в 5-6 раз. Это преимущество в тяжёлой боевой технике и решило, в конечном счёте, исход боя[18].

28 мая японские войска, обладая численным превосходством, перешли в наступление, имея целью окружить противника и отрезать его от переправы на западный берег Халхин-Гола. Советско-монгольские войска отступили, но план окружения был сорван. На следующий день советско-монгольские войска провели контрнаступление, оттеснив японцев на исходные позиции.

В небе с 22 мая развернулась воздушная война. Первые столкновения показали преимущество японских авиаторов. Так, за два дня боёв советский истребительный полк потерял 15 истребителей, в то время как японская сторона — всего одну машину.

Советское командование приняло радикальные меры. 29 мая из Москвы в район боевых действий вылетела группа лётчиков-асов во главе с заместителем начальника ВВС РККА Я. В. Смушкевичем. 17 из них были героями Советского Союза, многие имели боевой опыт войны в Испании и Китае. Они приступили к обучению пилотов, реорганизовали и укрепили систему воздушного наблюдения, оповещения и связи[19].

После боёв 27-29 мая стало ясно, что результат боёв как на земле, так и в воздухе является следствием неудовлетворительной подготовленности войск 57-го особого корпуса и очень низкого состояния управления во всех звеньях. Кроме того, было совершенно ясно, что для разгрома японских войск нужно срочно собирать и подтягивать достаточный кулак как наземных частей, так и воздушных сил. Поэтому одновременно с мероприятиями по усилению ВВС были разработаны и начали осуществляться мероприятия по усилению наземных войск[20].

Комдив Н.В. Фекленко оказался заложником ситуации, его части были разбросаны на очень большой территории. Все, что мог сделать командир корпуса, это бросать все новые части в бой. Однако у него не было средств вести активные боевые действия. Фекленко мог только обороняться. Тем не менее, судьба его была решена. 12 июня командование корпусом принял комдив К.Г. Жуков, изначально направленный из Москвы для «проверки состояния и боевой готовности частей 57-го отдельного корпуса» (последняя должность — заместитель командующего Белорусским Особым военным округом по кавалерии).

Ворошилов писал в своём письме Сталину, что: «По донесениям т. т. Смушкевича и Жукова командование корпусом и лично Фекленко распустили части, совершенно не наладили тыл, в войсках очень низкая дисциплина. Штаб корпуса и командование оказались неподготовленными к организации отпора японо-баргутам и не сумели организовать руководство и управление боем...»[21].

Весь июнь не велось наземных боевых действий и происходило сосредоточение войск сторон.

Воздушные бои в небе Монголии возобновились с новой силой с 20 июня. В результате проведённых воздушных боёв в июне, со слов лётного состава участников боёв, противник с 22 по 27 июня потерял сбитыми 42 истребителя, 2 бомбардировщика и один разведчик. В это число не вошли самолёты противника, сбитые в бою 25 июня, так как бой вёлся над территорией

противника. Советская авиация за тот же период потеряла 41 самолёт, большая часть из которых составляла самолёты И-15. Счёт потерь был примерно равным, и советской авиации, несмотря на количественное превосходство в самолётах, не удалось добиться в июне господства в воздухе над японской авиацией.

Советская авиация в первый период боёв действовала неудовлетворительно. Основные причины: авиационные подразделения не были подготовлены для ведения группового боя, отсутствовало взаимодействие в воздушном бою между самолётами И-15 и И-16, что давало победу в воздушных боях в Испании и Китае. Негативное влияние оказывало и удаление передовых аэродромов от линии фронта, поэтому невозможно было наращивать силы при завязке боя. Однако, основная причина была в том, что самолёт биплан И-15, которым были оснащены полки корпуса, по своим лётно-тактическим качествам сильно отстал от истребителей противника И-96 и И-97[22].

Из сообщения ТАСС о столкновениях на монгольско-маньчжурской границе от 26 июня 1939 г.:

Начиная с 15 мая ряд иностранных газет, основываясь на неверных сообщениях штаба Квантунской армии, дает сведения о столкновениях между частями Монгольской Народной Республики и японо-маньчжурскими войсками. Японские газеты лживо утверждают, что эти столкновения вызваны нарушением монгольскими войсками маньчжурской границы. В то же время японские газеты хвастливо кричат о «больших» потерях, понесенных войсками и авиацией Монгольской Народной Республики.

На основании данных, полученных из штаба монгольско-советских войск в МНР, ТАСС имеет возможность сообщить проверенные данные о событиях на монгольско-маньчжурской границе.

В действительности на границе с Маньчжурией в районе озера Буир-Нур произошли следующие события.

11 мая монгольские пограничные заставы, расположенные в районе Номон-Хан-Бурд-Обо (юго-восточнее озера Буир-Нур и в 16 — 20 км восточнее реки Халхин-Гол), подверглись неожиданному нападению со стороны японо-маньчжурских войск и вынуждены были отойти на запад от границы к реке Халхин-Гол. Начиная с 12 мая в течение 10 дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные столкновения, в результате которых были убитые и раненые с обеих сторон. 22 мая усилившиеся японо-маньчжурские войска, попытавшиеся атаковать наши части и углубиться на территорию МНР, с значительными потерями были отброшены за границу. 28 и 29 мая японо-маньчжурские войска, получив свежие значительные подкрепления японскими войсками, прибывшими из Хайлара с танками, бронемашинами, артиллерией и с большим количеством авиации, вновь вторглись на территорию Монгольской Народной Республики. Подошедшими войсками Монгольской Народной Республики налетчики были разбиты и рассеяны. Оставив на поле боя много убитых, раненых и брошенного вооружения, маньчжуро-японские войска отступили на свою территорию. В этом бою маньчжуро-японские войска потеряли более 400 убитыми.

Монгольская народно-революционная армия потеряла в этих боях 40 убитых и 70 человек раненых.

В числе захваченных документов трех разгромленных японских штабов, из которых один — штаб отряда подполковника Адзума, имеется подлинный

приказ командира 23-й японской дивизии генерал-лейтенанта Комацубара из Хайлара от 21 мая. В этом приказе генерал Комацубара, между прочим, объявляет своим частям, что "дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гол".

Наряду со столкновениями наземных войск имели место также столкновения авиации. 28 мая группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох, монгольско-советские истребители поднялись в воздух с некоторым опозданием, что дало противнику преимущество. В этом бою монгольско-советская авиация потеряла 9 самолетов, а японцы — 3 самолета. В конечном счете, японские самолеты вынуждены были поспешно отступить на свои базы. 22 июня произошло новое нападение японо-маньчжурской авиации в количестве 120 самолетов. Монгольско-советская авиация вступила в бой в составе 95 самолетов. В этом бою было сбито 31 японо-маньчжурский самолет и 12 монгольско-советских самолетов. 24 июня японо-маньчжурская авиация вновь предприняла нападение, уже в количестве 60 самолетов. Монгольско-советская авиация приняла бой тоже в количестве 60 самолетов и сбила 25 японо-маньчжурских самолетов.

В этом бою монгольско-советская авиация потеряла лишь 2 самолета.

25 июня не отмечено никаких инцидентов на границе МНР и Маньчжоу-Го.

Советско-монгольские войска занимают все пункты на границе с Маньчжурией восточнее реки Халхин-Гол. За весь период столкновений советско-монгольские войска ни разу не нарушали установленной границы, если не считать отдельных случаев, когда советско-монгольская авиация, преследуя японо-маньчжурскую авиацию, оказывалась вынужденной залетать на территорию Маньчжурии»[23].

Весь июнь в период затишья японские войска сосредотачивались у монгольской границы. «К 1 июля их сосредоточение закончилось. К этому времени штаб Квантунской армии разработал план операции, которая получила наименование "Второй период номонханского инцидента". Идея плана была аналогична идее майской операции: наступление правофланговой ударной группировки с целью окружения и разгрома советско-монгольских войск на восточном берегу Халхин-Гола. Но на этот раз задача ставилась шире, чем в майских боях. Вместо наступления по восточному берегу реки предусматривалась переправа на западный берег, выход к центральной переправе и окружение, и разгром советско-монгольских войск. Затем предполагалось произвести расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для последующих действий и разгрома подходящих из глубины резервов советско-монгольских войск. В соответствии с этими задачами проводилось и сосредоточение японских войск у монгольской границы»[24].

В ударную группировку японских войск в районе Халхин-Гола входили: вся 23-я пехотная дивизия в составе 64, 71 и 72-го пехотных полков и 23-го кавалерийского полка, 7-я пехотная дивизия в составе 26-го и части 28-го пехотных полков, 3-й и 4-й танковые полки, хинганская кавалерийская дивизия в составе трёх кавалерийских полков, полк баргутской конницы, два артиллерийских полка, а также другие кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, 21 953 штыка и 4768 сабель. Советские части имели, исходя из штатного состава, 11 184 штыка и около 1000 сабель. Ближайшие резервы, которые могли быть брошены советским командованием в бой, находились

в Тамцак-Булаке в 140 километрах от линии фронта. У противника было превосходство в живой силе и артиллерии двойное, в противотанковой артиллерии — четверное. При равенстве в пулемётах мы имели 186 танков и 266 бронемашин против 130 танков в японских частях. Японские войска прикрывали с воздуха пять авиационных бригад, в составе которых имелось 225 истребителей и бомбардировщиков[25].

В ночь со 2-го на 3-е июля войска генерал-майора Кобаяси форсировали реку Халхин-Гол и после ожесточённого боя захватили на её западном берегу гору Баян-Цаган, находящуюся в 40 километрах от маньчжурской границы. Сразу же после этого японцы сосредоточили здесь свои главные силы и стали чрезвычайно интенсивно строить фортификационные сооружения и возводить эшелонированную оборону. В дальнейшем планировалось, опираясь на господствовавшую над местностью гору Баян-Цаган, ударить в тыл оборонявшихся на восточном берегу реки Халхин-Гол советских войск, отрезать и в дальнейшем уничтожить их[26].

На восточном берегу Халхин-Гола также начались ожесточённые бои.

«Соотношение сил в бою на Баин-Цагане по архивным данным было следующим: наши войска имели 1560 штыков, 1956 сабель (6-я кавалерийская дивизия) и 4414 бойцов и командиров других родов войск, 38 орудий, а также 182 танка и 154 бронемашины. Противник имел 6000 штыков, 250 сабель и 1320 бойцов и командиров других родов войск. Соотношение сил было примерно равным. Но противник имел 98 орудий полковой и дивизионной артиллерии и 50 противотанковых пушек. Танков и бронемашин на Баин-Цагане у него не было»[27].

В 11 часов 3 июля к Баин-Цагану подошли батальоны 11-й танковой бригады и сразу же без подготовки после длительного марша с ходу атаковали японские позиции. Ждать, когда подойдёт мотопехота, и провести совместную атаку времени не было. Командир корпуса взял на себя всю полноту ответственности за такое смелое решение. Уже после войны в 1950 г. в беседе с Константином Симоновым Жуков вспоминал о событиях 3 июля: «...Я принял решение атаковать японцев с ходу танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесёт тяжёлые потери, но мы сознательно шли на это. Бригада была сильная, около 200 танков. Она развернулась, и смело пошла. Понесла большие потери от огня японской артиллерии, но — повторяю — мы к этому были готовы. Около половины личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин. Но мы шли на это. Ещё большие потери понесли советские и монгольские бронечасти, которые поддерживали атаку танковой бригады. Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулись 36 танков, и вскоре 24 из них уже горели. Но зато мы полностью раздавили японскую дивизию»[28].

Сражение у Баян-Цагана продолжалось день и ночь 3 и 4 июля. В отдельные моменты в небе над горой Баян-Цаган находилось до 300 самолетов воюющих сторон[29]. И только к утру 5 июля японские части дрогнули и начали отступать с вершины по крутым скатам к переправе через Халхин-Гол. Под ударами советско-монгольских частей отступление переросло в паническое бегство. Переправлялись на восточный берег под огнём советской артиллерии и танков, теряя сотни убитых и раненых.

Победа советско-монгольскими частями у Баин-Цагана была одержана дорогой ценой. 11-я танковая бригада, наносившая главный удар по японским

частям, потеряла половину личного состава и 82 танка. Не меньший урон понесли другие советские и монгольские броневые части. Всего в июле, в основном на Баин-Цагане, потери составили 175 танков и 143 бронемашины[30].

Это был первый крупный успех советско-монгольских войск за полтора месяца боёв. О дальнейших попытках переправиться через реку и захватить плацдарм на западном берегу не могло быть и речи. Однако сбросить советско-монгольские войска в Халхин-Гол и захватить монгольскую территорию к востоку от реки, рассчитывали по-прежнему.

События на монголо-маньчжурской границе показали, что там ведётся необъявленная война, которая в любой момент может охватить огромные территории.

По линии НКВД И.В. Сталину было доложено, что в Монголии «предательство» и что комдив Жуков «преднамеренно» бросил в бои танковую бригаду без разведки и пехотного сопровождения (что и соответствовало действительности). Для расследования действий комдива Жукова в район боев направляется следственная комиссия во главе с заместителем наркома обороны, командармом 1-го ранга Г.И. Куликом[31].

Прибыв на место боев, Кулик стал вмешиваться в оперативные дела 57-го особого корпуса.

8 июля японская сторона начала активные действия. Ночью они повели наступление крупными силами на восточном берегу Халхин-Гола. 12 июля сложилось критическое положение. Кулик в своём донесении Ворошилову 14 июля дал следующую оценку событиям этого дня: «12 июля являлось критическим днём и могло кончиться для нас потерей техники, артиллерии, а также значительной части людского состава, если бы противник повторил контратаку, потому что мы занимали кольцеобразный фронт, уцепившись за западные скаты бугров, и наступление противника на переправу грозило полным пленением и разгромом наших сил, так как никаких резервов для парирования не было»[32].

На следующий день Кулик, как старший по званию и должности на Халхин-Голе, исходя из общей обстановки дал указание ночью 13 июля вывести главные силы, технику, артиллерию на западный берег реки, оставив по одному усиленному батальону для обороны переправ на восточной стороне и начать приведение частей в порядок. В соответствии с этим указанием командир корпуса Жуков отдал 13 июля приказ № 09: «Корпус в ночь с 13 на 14 отводит главные силы с восточного берега реки на её западный берег в целях приведения в порядок частей, их доукомплектования, перегруппировки для активных действий. Плацдарм на восточном берегу прикрывается упорной обороной занимаемого рубежа усиленными отрядами...»[33].

Об отдаваемых приказах тут же сообщалось в Москву. И уже на следующий день оттуда было получено телеграфное распоряжение № 105 за подписью наркома. Распоряжение было адресовано Жукову, так как под приказом об отводе войск стояла его подпись: «Ваш приказ об отводе главных сил с восточного берега Халхин-Гола на западный, как неправильный, отменяю. Приказываю немедленно восстановить прежнее положение, то есть снова занять главными силами пункты, которые были ослаблены отводом большой части войск. Приведение в порядок и отдых войск организуйте на восточном берегу, поскольку противник не активен. Восточный берег должен быть удержан за нами при всех обстоятельствах. Подготовку ведите с учётом этого непременного условия»[34].

«Восточный берег должен быть удержан за нами при всех обстоятельствах», т.е. любой ценой.

Японские войска, обнаружив отвод советских войск на западный берег, тут же начали наступление на оставшиеся на восточном берегу два батальона. Эти части не выдержали натиска и отошли к переправе. И только кадровые части, оборонявшие переправу, спасли положение.

15 июля Ворошилов объявил выговор своему заместителю. В полученной Куликом из Москвы телеграмме говорилось: «Правительство объявляет Вам выговор за самоуправство, выразившееся в отдаче без ведома и санкции Наркомата обороны директивы командованию 57 ск об отводе главных сил с восточного берега реки Халхин-Гол. Этот недопустимый с Вашей стороны акт был совершен в момент, когда противник, измотанный нашими войсками, перестал представлять серьезную силу, и только ничем не оправданный отход наших войск, спровоцировал японцев на новые, хотя и слабые, активные действия. Главный военный совет обязывает Вас впредь не вмешиваться в оперативные дела корпуса, предоставив заниматься этим командованию корпуса...»[35].

14 июля 1939 г. было опубликовано сообщение ТАСС «О действительной границе между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией в районе оз. Буир-Нур»:

«В оправдание своих провокационно-захватнических действий в отношении Монгольской Народной Республики японо-маньчжурские власти в своих сообщениях утверждают, что границей между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур служит река Халхин-Гол.

В действительности же, по официальным картам, граница МНР с Маньчжурией всегда проходила в этом районе не по реке Халхин-Гол, а восточнее этой реки по линии Хулат-Улийн-Обо и Номон-Хан-Бурд-Обо.

Это же подтверждается помещаемой ниже выкопировкой с карты № 43 китайского альбома, изданного в 1919 году в г. Пекине Генеральным директоратом почт Китая.

На этой линии со дня образования МНР и до последних дней постоянно находились посты пограничной охраны МНР. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее реки Халхин-Гол, никем, в том числе и японо-маньчжурской стороной, не оспаривалась.

Утверждение японо-маньчжурской стороны о прохождении границы МНР с Маньчжурией по реке Халхин-Гол никакими документами не подтверждается и является сплошным вымыслом, придуманным японской военщиной для оправдания своих провокационно-захватнических действий»[36].

С точки зрения международного права граница между Маньчжурией и Внешней Монголией (МНР) являлась только административной границей между различными провинциями Китая, так как в качестве государственной границы подавляющим большинством государств она признана не была (МНР формально считалась хотя и автономной, но неотъемлемой частью Китая, а образование Маньчжоу-Го как государства, отдельного от Китая, также не считалось законным государствами — членами Лиги Наций и др.)[37].

«В 1734 г: для того чтобы положить конец борьбе монгольских племен халха и баргутов (баргузинов) за этот район, правительство императорского Китая установило границу между ними по северному и восточному берегам р. Халхин-Гол (р. Халха).

Эта административная граница по той же реке (т. е. по ее середине, а не по северному и восточному берегам) была обозначена на физической карте с изображением этого района масштаба 1:84 000, изданной на основе топографических съемок в 1906 г. Забайкальского геодезического отряда России, а также физической карты Внешней Монголии масштаба 1:10 000 геодезического отряда генерального штаба армии Китайской Республики, изданной в 1918 г. (позднее на переговорах по урегулированию этого конфликта в Чите после его окончания японская сторона предъявила еще 18 таких карт).

И хотя большинство географических карт более позднего периода (карта Китайского почтового ведомства, изданная в Пекине в 1919 г., китайские карты, изданные в Шанхае в 1935 г., карты Квантунского генерал-губернаторства 1919, 1926 и 1934 гг., генерального штаба японской армии 1928 г. и Квантунской армии 1937 и 1938 гг.) свидетельствовали о том, что фактическая граница традиционно проходила в этом районе восточнее р. Халхин-Гол через высоту Номонхан, чем и руководствовались МНР и СССР, штаб Квантунской армии, для того чтобы оправдать свои агрессивные действия, влиянием приобретавшего авторитет среди офицерства экстремиста майора М. Цудзи, стал исходить в своих боевых приказах из карт разграничения этого района по р. Халхин-Гол»[38].

Увеличение советских войск на монгольской границе потребовало и реорганизации управления войсками 57-го особого корпуса. 19 июля нарком обороны подписал приказ о формировании на территории МНР 1-й армейской группы. Для улучшения руководства войсками управление 57-го особого корпуса переформировывалось в управление армейской группы. Этим же приказом командующим группой назначался Жуков. В состав 1-й армейской группы вошли две (57-я и 82-я) стрелковые дивизии и 36-я мотострелковая дивизия, 5-я стрелково-пулемётная, 212-я авиадесантная, 6-я и 11-я танковые и 7, 8 и 9-я мотобронеевые бригады, а также шесть артиллерийских полков и другие части усиления[39].

Следствием происходивших событий на Халхин-Голе явилось решение Главного военного совета РККА от 5 июля об образовании в Чите нового органа стратегического руководства Вооруженными Силами, подчинив ему все войска, дислоцировавшиеся в то время на Дальнем Востоке. В соответствии с этим народный комиссар обороны издал приказ о создании фронтовой группы войск во главе с командующим — Г. М. Штерном. Командующим фронтовой группой был назначен командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, членом Военного совета — дивизионный комиссар Н. И. Бирюков.

23 июля японцы после артиллерийской подготовки начали наступление на правобережный плацдарм советско-монгольских войск. Однако после двухдневных боёв, понеся значительные потери, японцам пришлось отойти на исходные позиции.

Весь июль происходили ожесточенные воздушные бои. С обеих сторон участвовали до сотен истребителей и бомбардировщиков. Для достижения господства в воздухе обе стороны бросали в бой, что имели.

В июле ВВС корпуса — 1-й армейской группы потеряли 39 истребителей И-16, 15 истребителей И-15 и 25 бомбардировщиков СБ. Вместе с 9 машинами, потерянными в катастрофах, это составляло 88 самолётов всех типов[40]. И чтобы добиться превосходства в воздухе, нужно было регулярно получать новую материальную часть и опытных лётчиков из Забайкальского ВО и центральных районов страны.

Конфликт на Халхин-Голе принимал всё большие масштабы. Стороны стягивали в район боевых действий ещё более значительные силы и готовились к решительным действиям.

В конце июля Зорге доложил информацию, которая, однако, не подтвердилась:

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 82 — 28.7.39

Сообщает, что по слухам известно: японцы отправили на Сахалин одну или две пехотные див. ОТТО не уверен в этих сведениях, но думает, что за ними что-то скрывается. Я не в состоянии проверить эти сведения, но считаю необходимым сообщить Вам, что японцы могут напасть на Сев. Сахалин».

В последних числах июля обстановка на Востоке настолько обострилась, что командующему фронтовой группой Штерну и члену военного совета фронтовой группы Бирюкову 1 августа была направлена директива наркома обороны СССР Ворошилова. В директиве указывалось, что нападение японской авиации на МНР и расположенные там советско-монгольские войска продолжаются и: «**По всей вероятности, дело идёт к тому, что мы вынуждены будем начать атаку на врага на всех участках маньчжурской границы** (выделено мной. — *М.А.*)»[41]. «Ворошилов приказал всю авиацию обеих армий и округа привести в полную боевую готовность. Истребительные части нужно было перебазировать на оперативные аэродромы, приняв меры маскировки и установив на всех аэродромах постоянное дежурство истребителей. По этой же директиве в боевую готовность приводились и части ПВО. Зенитные части занимали свои позиции для прикрытия войск с воздуха. В полную боевую готовность приводились и сухопутные войска. Гарнизоны УРов занимали передовые боевые сооружения, приводили их в боевую готовность и подготавливали боеприпасы. Основной приказ в директиве гласил: "Всем войскам быть готовыми по приказу главного командования перейти в наступление на всех участках маньчжурской границы". И, конечно, заключительная фраза о том, что исполнение директивы донести немедленно»[42].

Конфликт готов был перерасти в советско-японскую войну.

После 25 июля в местах боев наступило относительное затишье, и японские войска перешли к обороне. Высоты и сопки восточнее реки Халхин-Гол были превращены ими в мощные узлы сопротивления.

В небе, однако, продолжались воздушные бои. Из сообщения ТАСС от 6 августа 1939 г. «Японцы не успокаиваются»:

«По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, с 26 июля по 5 августа монголо-советские войска прочно удерживают местность к востоку от реки Халхин-Гол, находясь в боевом соприкосновении с японо-маньчжурскими войсками. Неоднократные попытки японо-маньчжур атаковать монголо-советские войска и вклиниться в их расположение отражались артиллерийским и пулеметным огнем с большими потерями для японо-маньчжур.

В течение этих дней произошел ряд воздушных боев. 28 июля воздушной атакой монголо-советская авиация уничтожила 5 японских самолетов, не потеряв при этом ни одного своего самолета.

Особенно активно действовала авиация японцев 29 июля. В результате нескольких воздушных боев на территории МНР за день 29 июля японцы потеряли 32 самолета. В этот же день монголо-советской авиацией были сби-

ты и захвачены в плен японские летчики Фикуди Такэо и подпоручик Табути. Со стороны монголо-советской авиации не вернулось 4 летчика; розыски их продолжаются.

31 июля произошло несколько воздушных боев, в результате которых монголо-советской авиацией сбито 5 японских истребителей. Со стороны монголо-советской авиации не вернулся 1 самолет. ...

В 8 часов 2 августа монголо-советская авиация разбомбила аэродром противника и уничтожила 8 японских самолетов, кроме того, 3 самолета сбила на взлете. Монголо-советская авиация потерь не имела.

3 августа японские бомбардировщики под прикрытием истребителей попытались совершить нападение на монголо-советские войска, но, встреченные монголо-советскими истребителями, потеряв 2 бомбардировщика сбитыми и упавшими на территории МНР, ушли на территорию Маньчжурии.

4 августа над территорией МНР произошло 2 воздушных боя между японскими истребителями и бомбардировщиками и монголо-советской авиацией. В результате этих боев сбито 10 японских самолетов. На аэродромы монголо-советской авиации не вернулся 1 самолет»[43].

Как следует из сообщения ТАСС, бои велись и в небе над Маньчжоу-Го — «2 августа монголо-советская авиация разбомбила аэродром противника...».

Советско-монгольские войска занимали плацдарм на восточном берегу реки. Глубина его была от 3 до 5 километров. Для успешного проведения предстоящей операции необходимо было собрать все силы и средства. Главный недостаток ощущался в пехоте, и при наличии тех сил пехоты, которые были на Халхин-Голе, операцию начинать было нельзя. На фронте имелось только два полка 36-й дивизии, стрелково-пулемётные батальоны 7, 8, 9-й мотобронеевых и 11-й танковых бригад и 5-я стрелково-пулемётная бригада[44]. Кроме того, после июльских боёв, все части понесли значительные потери и нуждались в пополнении.

План наступательной операции, которая должна была закончиться разгромом японских войск, вторгшихся на монгольскую территорию, начал разрабатываться в конце июля. Было решено окружить и уничтожить все японские войска на восточном берегу реки. Для осуществления этой задачи предполагалось использовать имевшиеся в распоряжении армейской группы подвижные соединения: танковые и мотобронеевые бригады, которые должны были сыграть основную роль в быстром окружении всей японской группировки. Чтобы обеспечить успешное проведение операции, предусматривалось создание внешнего и внутреннего фронта окружения. Это позволяло осуществить ликвидацию окружённых японских войск и сорвать попытки подходящих резервов прорвать окружение и деблокировать группировку, зажатую в кольцо. Такое решение было новым словом в теории военного искусства. Стрелковые войска, оборонявшиеся на плацдарме, должны были активными действиями сковать японскую пехоту и не допустить её отхода к маньчжурской границе.

При разработке операции в штабе армейской группы вносились предложения о переносе боевых действий на маньчжурскую территорию. Высказывались такие предложения и в Генеральном штабе РККА, и в штабе фронтовой группы в Москве. Но Сталин, когда ему доложили о различных вариантах разгрома японских войск, категорически отверг все предложения о переходе маньчжурской границы. По воспоминаниям маршала Захарова (к момен-

ту описываемых событий помощник начальника Генерального штаба РККА), генсек сказал примерно следующее: «Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну»[45].

В штабе фронтовой группы в Чите тоже разрабатывали свои предложения и отправляли их в Москву. Эти предложения рассматривались в Генштабе и ложились на стол наркома обороны, которому группа войск непосредственно подчинялась. Все вооружённые силы Востока от Байкала до Владивостока были объединены под единым командованием и этим командующим был Штерн. Войска находились в состоянии повышенной боевой готовности, общее превосходство в численности войск было на стороне Советского Союза. Превосходство по средствам подавления: артиллерии, авиации и танкам также было на нашей стороне и было подавляющим. В этой связи Штерн и предложил подтянуть к границе части 1-й и 2-й Краснознамённых армий и нанести удар с другой стороны Маньчжурии. Это была, в том числе и реакция на директиву наркома от 1 августа.

В течение 10 дней августа в Кремле принимается решение не раздувать огонь войны на Дальнем Востоке. Пока, что, однако, не означало отказа от активных действий в ближайшем будущем. Поэтому в поступивших 10 августа указаниях наркома обороны командованию фронтовой группы содержалось разъяснение на этот счет: «Подтягивание к границам сил 1-й и 2-й армий и организация групповых налётов авиации этих армий в районе границы, как Вы предлагаете, несвоевременны и нами не предусматриваются...».

Что же касается планирования операции по разгрому японских войск, наркомом были даны следующие указания:

«1. В Вашу задачу входит занятие господствующих высот на восточном берегу р. Халхин-Гол на расстоянии 8-10 километров от переднего края наших войск и на них, не переходя границы, прочно закрепиться. Исходя из этого, необходимо подготовить и операцию.

2. С Вашим предложением о нанесении главного удара правым флангом и вспомогательного — левым флангом согласен, но при этом глубину удара нужно ограничить указанной выше задачей, т. е. не переходя границы, закрепиться на командных высотах в 4 -5 километрах, не доходя границы...

Затягивать операцию больше нельзя»[46].

Сроки диктовала Москва, исходя из складывавшейся военно-политической обстановки в Европе. Все боевые действия должны были вестись только на монгольской территории, ни в коем случае не пересекая маньчжурской границы. Таков был приказ из Москвы. Но для таких жёстких ограничений были серьёзные основания. Необходимо было учитывать всевозможные последствия выхода советско-монгольских войск на территорию «независимого» государства Маньчжоу-Го.

13 августа от Зорге поступило чрезвычайно важное сообщение:

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 84 — 13.8.39.

Сообщается, что "Жигало" вернулся с монгольской границы, где он видел передвигающиеся на фронт 10 тяжелых орудий. Полагает, что орудия 200 м/м калибра. Повсюду сложены боевые припасы. Слышал, что **от японского императора поступило специальное распоряжение — не увеличивать воен-**

ные действия на маньчжурскую границу (выделено мной. — *М.А.*), как это намеревалась осуществить Квантунская армия».

Японское командование также готовилось к наступлению. Император Японии Хирохито подписал декрет о формировании 6-й армии (значит речь шла не о частных инициативах командования Квантунской армии), которое было завершено к 10 августа. В состав армии были включены 7-я и 23-я пехотные дивизии, пехотная бригада, семь артиллерийских полков, два танковых полка, маньчжурская бригада, пограничный отряд, три полка баргутской конницы, два инженерных полка и другие подразделения и части. Общая численность армии составляла 55 000 человек. На её вооружении было более 300 орудий, 135 танков и 310 самолётов[47].

Командующий 6-й армией генерал Риппо Огису и его армейский штаб планировали наступление на 24 августа. При этом был учтен неудачный опыт боев на Баян-Цагане. На этот раз охватывающий удар намечался на правом фланге группировки советско-монгольских войск. Вновь, как и прежде, предполагалось обойти их, прижать к болотистым берегам Халхин-Гола и полностью там уничтожить. Форсирование Халхин-Гола не планировалось[48].

Москва определила срок начала операции — 20 августа. К этому моменту в Кремле уже было принято принципиальное решение пойти на заключение договора о ненападении с Германией.

В ночь с 19 на 20 августа еще продолжалась переправа частей на восточный берег реки. К рассвету 20 августа подготовка операции была закончена. «Что удалось сосредоточить к Халхин-Голу за время подготовки к операции и чем располагало командование 1-й Армейской группы к 20 августа? Три дивизии: 57-я и 82-я стрелковые и 36-я мотострелковая общей численностью 28 690 человек, шесть бригад: две танковые (6-я и 11-я — 6400 человек), три мотоброневые (7, 8 и 9-я — 4960 человек) и 5-я стрелково-пулемётная (2534 человека). Имелась также и 212-я авиадесантная бригада. В этих частях было 40 950 бойцов и командиров, которые принимали участие в августовской операции. Дивизии и бригады имели 1246 ручных и 530 станковых пулемётов, 156 лёгких и 93 тяжёлых орудия, а также 138 орудий ПТО. Наступающие части поддерживал всего один 185-й артиллерийский полк, имевший на вооружении 33 тяжёлых орудия. Для такой крупной наступающей группировки численность артиллерии была явно недостаточной. Очевидно, этим, а также отличной боевой подготовкой японских войск объясняются большие потери убитыми и ранеными — 9284 бойца и командира. В мотоброневых бригадах и других частях имелось 385 бронемашин, а две танковые бригады имели 400 танков. Эта бронетехника и обеспечила успех августовской операции. От авиации противника наши войска прикрывали один зенитный артиллерийский полк и три отдельных зенитных дивизиона. На вооружении они имели 79 зенитных орудий. В ВВС 1-й Армейской группы было три истребительных полка, имевших 311 истребителей и три бомбардировочных полка, имевших 181 бомбардировщик СБ. Кроме того, имелась ночная группа тяжёлых бомбардировщиков (23 ТБ-3). Всего было сосредоточено 515 боевых самолётов. Это позволило создать почти двукратное превосходство над авиацией противника — у японцев было на 20 августа 310 боевых самолётов.

Это было всё, что удалось с огромными трудностями сосредоточить у Халхин-Гола к началу контрнаступления. Конечно, было мало кадровой пехоты, хорошо обученной и имевшей хотя бы один год службы. Очень мало

было тяжёлой артиллерии для взлома хорошо оборудованной оборонительной полосы, которую успели соорудить японские войска. 33 тяжёлых орудия одного артиллерийского полка на почти 60-километровом фронте наступления — это такая мелочь, даже по меркам того времени, о которой и говорить неудобно»[49].

Отсрочить начало операции, чтобы лучше подготовиться, увеличив число пехотинцев и артиллерийских стволов, было нельзя. Сроки определяла Москва с учетом внешнеполитической обстановки в Европе.

Наступление советско-монгольских войск, начавшееся 20 августа, оказалось полной неожиданностью для японского командования. В воздух были подняты 153 бомбардировщика и около 100 истребителей, совершившие авиационный налет на позиции противника. В 6 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка. В 9 часов в атаку пошли советско-монгольские сухопутные войска.

Наступающие войска были разделены на три группы — Южную, Северную и Центральную. Главный удар наносился Южной группой, вспомогательный удар — Северной группой. Центральная группа должна была сковать силы противника в центре, на линии фронта, тем самым лишить их возможности манёвра.

Мощными ударами танковых, мотобронеевых, кавалерийских и авиационных бригад и дивизий японские войска были взяты в котел. Были созданы два фронта окружения — внешний и внутренний.

Внешний, состоявший из мотобронеевых, кавалерийских, авиадесантных и частично стрелковых частей, отражал удары японских войск у государственной границы Монголии. Подходившие к месту сражения из Маньчжурии неприятельские войска так и не смогли подать помощь окруженной 6-й особой императорской армии.

27 августа Г.К. Жуков приказал создать здесь по всей линии обороны внешнего кольца окружения траншеи полного профиля, соединенные ходами сообщения, три противотанковых района, несколько рядов колючей проволоки перед передним краем обороны. Однако после боев 24-26 августа командование Квантунской армии до самого конца операции на Халхин-Голе не пыталось больше деблокировать свои окруженные войска, смирившись с неизбежностью их гибели.

Внутренний фронт окружения состоял из стрелковых частей. Пехота при поддержке танков, артиллерии и авиации по сходящимся направлениям в течение 7 дней беспрерывных боев осуществила полный разгром японских войск на Халхин-Голе. В последние дни боев уничтожались последние очаги сопротивления[50].

В целом японские солдаты, в основном пехотинцы, дрались крайне ожесточённо и исключительно упорно, до последнего человека. Часто японские блиндажи и дзоты захватывались только тогда, когда там уже не было ни одного живого японского солдата.

Центр требовал от Зорге информацию о японских ВВС в зоне боевых действий:

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 87 — 25.8.39

Говорит о выезде иностранных корреспондентов ранее посетивших монгольскую границу в Хайлар в ожидании новых пограничных событий.

Шолль не может достать сведений о яп. ВВС на границе МНР».

28 августа в 21.00 (по московскому времени) Жуков доложил народному комиссару обороны СССР о ликвидации японо-маньчжурских войск в приграничной полосе Монгольской Народной Республики:

«Москва — тов. Ворошилову.

Японо-маньчжурские войска, нарушившие границу МНР, частями 1-й армейской группы и МНР полностью окружены и уничтожены.

В 22.30 28.8 ликвидирован последний центр сопротивления — Ремизовская высота, где уничтожено до трех батальонов пехоты. Остатки — 100-200 человек, бежавшие в барханы, уничтожаются в ночном бою.

Граница МНР полностью восстановлена.

Подробности особым донесением».

На этой телеграмме маршал К.Е. Ворошилов наложил следующую резолюцию:

«Тов. Сталину.

Направляю только что полученное донесение тт. Жукова и Калугина. Как и следовало ожидать, никаких дивизий в окружении не оказалось, противник или успел отвести главные силы, или, что вернее, больших сил в этом районе уже давно нет, а сидел специально подготовленный гарнизон, который теперь полностью уничтожен… К. Ворошилов…»[51].

Последние схватки продолжались 29 и 30 августа на участке севернее реки Хайлыстан-Гол. К вечеру 31 августа территория МНР была освобождена от японских захватчиков.

Одновременно с ожесточёнными боями на земле в конце августа шли не менее ожесточённые бои в воздухе. К концу августовской операции японское командование начало массированную бомбардировку позиций и тылов наших войск. Для предотвращения этих операций нужно было нанести мощные удары по маньчжурским аэродромам, расположенным у границы. Но на проведение подобной операции ни Штерн, ни Жуков без согласия Москвы не решались. И поэтому 30 августа комкор Жуков и дивизионный комиссар Никишев отправили телеграмму маршалу Ворошилову: «Противник под прикрытием большой группы истребителей с большой высоты непрерывно бомбит наши части. Прошу разрешения применить авиацию для уничтожения авиации противника на ближайших аэродромах». Ответ из Москвы был кратким: «Действия нашей авиации ограничить пока территорией МНР...»[52].

Как свидетельствуют японские авторы многотомной «Истории войны на Тихом океане», «30 августа Генеральному штабу было дано указание в кратчайший срок положить конец инциденту в районе реки Халхин-Гол, в результате которого был нанесен сильнейший удар по японским вооруженным силам, прекратить наступательные операции и вывести войска с территории, оспариваемой обоими государствами»[53].

4 сентября командующий Квантунской армией Уэда Кэнкити получил приказание начальника генерального штаба армии принца Котохито прекратить военные операции.

Однако, ни командование 6-й армии, ни Квантунской армии не спешили выполнять указание, поступившие из генерального штаба армии. Квантун-

ская армия пополнила 6-ю армию 2-й и 4-й дивизиями и начала готовиться к контрнаступлению.

Утром 4 сентября около двух батальонов из вновь подошедшей 2-й пехотной дивизии попытались захватить высоту на монгольской территории. Однако противник был отброшен, потеряв только убитыми свыше 350 солдат и офицеров.

В приказе от 5 сентября 1939 года, обращенном к войскам, командующий 6-й армией Риппо Огису призвал готовиться к новым боевым действиям:

«Несмотря на то, что еще ранее был отдан приказ о переформировании 6-й армии, приходится со скорбью констатировать, что вследствие невыполнения этого приказа осуществиться великой миссии по защите северо-западного района не удалось...

В настоящее время армия ведет в районе Джин-Джин-Сумэ подготовку к очередному наступлению. Командующий Квантунской армией решил этой осенью помочь нам самыми обученными войсками, находящимися в Маньчжурии, перебрасывает их к месту предстоящих боев под мое командование и намечает срочные мероприятия по разрешению конфликта...

Путь, по которому должны быть направлены мероприятия армии, только один, а именно: сделать армию единой и монолитной и немедленно нанести противнику сокрушительный удар, тем самым растереть в порошок его возрастающую наглость.

В настоящее время подготовка армии успешно идет вперед. Армия встретит предстоящую осень тем, что одним ударом прекратит эту мышиную возню и гордо покажет всему миру мощь отборных императорских войск.

В армии все сверху донизу пронизаны решительным наступательным духом и уверены в неизбежности победы.

Армия всегда и всюду готова подавить и уничтожить противника с верою в своего первого маршала-императора»[54].

8 сентября японские войска предприняли новые попытки проникновения на территорию Монголии. Но и на этот раз они были отбиты с большими потерями.

В первой половине сентября не наступило затишья и в монгольском небе. Японская авиация хотела взять реванш, но количественное и качественное превосходство советской авиации было очевидным. За первую половину сентября было сбито 70 японских самолётов. Советская сторона за это время потеряла 57 самолётов.

Последний воздушный бой произошел 15 сентября. К этому дню японское командование сосредоточило в монгольском небе (предположительно) 230 истребителей, 158 бомбардировщиков и 36 разведчиков и решило уничтожить нашу авиацию. В результате воздушного боя 15 сентября было сбито 22 японских самолёта, наши потери — 5 самолётов. На этом действия авиации были закончены[55].

Советские войска в ходе боев на Халхин-Голе (до середины сентября 1939 г.) понесли следующие потери: безвозвратные потери (убито и умерло на этапах санитарной эвакуации; умерло от ран в госпиталях; умерло от болезней; пропало без вести; погибло в катастрофах и в результате происшествий) — 9703 человек; санитарные потери (ранено, контужено, обожжено; заболело) — 15952 человека[56]. По японским данным, советская сторона понесла убитыми и ранеными 25565 человек[57].

По советским данным, за время четырехмесячных боев на Халхин-Голе японские войска потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными, в том числе 45 тысяч — в июле и августе. Их потери только убитыми составили около 25 тысяч человек (по другим источникам — 17 045 человек)[58].

Японские авторы приводят другие цифры потерь, принимавших участие в сражениях частей Квантунской армии — 18 тысяч солдат и офицеров. При этом признается, что потери 23-й дивизии за период боевых действий составили 76%, участвовавших в боях военнослужащих[59].

«Цифры потерь советской и японской авиации взяты из отчёта штаба 1-й армейской группы об операции. Потери нашей авиации делятся на две части — боевые (самолёты, сбитые в воздушных боях) и не боевые (уничтоженные японской авиацией на аэродромах). Возможно, что в число не боевых потерь включены и самолёты, разбившиеся при взлёте и посадке — в те годы такие случаи бывали и не раз. Наши боевые потери за всё время конфликта по этим данным составили 207 самолётов, из них 160 истребителей всех типов и 45 бомбардировщиков СБ. Если к ним добавить 47 самолётов не боевых потерь, то получится 254 самолёта. Потери японской авиации штаб 1-й армейской группы определял по материалам частей, со слов лётного состава и по донесениям командования ВВС. Конечно, такая методика подсчёта потерь была несовершенной — приписок в те годы хватало. По нашим данным, Япония потеряла на Халхин-Голе за время конфликта 646 боевых самолётов (истребители, бомбардировщики, разведчики, транспортные). При этом якобы 55 машин были потеряны в июне, 105 в июле и 414 в августе. Потери японской авиации, по подсчётам штаба группы, составили в сентябре 71 самолёт»[60].

По японским данным, цифра потерь японской авиации высокая, но значительно меньше той, которая приведена в советских источниках: в течение всех боевых действий на Халхин-Голе японская авиация понесла значительные потери: 141 человек погибших и 182 самолета, включая аварии и другого рода повреждения[61].

9 сентября того же года посол Японии в Москве Того Сигэнори от имени нового правительства Японии предложил НКИД СССР подписать перемирие и создать комиссии по демаркации границ: первую — между СССР и Маньчжоу-Го, вторую — между МНР и Маньчжоу-Го и третью по урегулированию будущих конфликтов между СССР и Маньчжоу-Го.

10 сентября В.М. Молотов принял это предложение, высказавшись, однако, против создания в районе р. Халхин-Гол демилитаризованной зоны. Вместо этого японскую сторону призвали восстановить там границу, на которой СССР и МНР настаивали до начала конфликта[62].

15 сентября 1939 года было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день. Затем состоялись переговоры по демаркации границы между Монголией и Маньчжоу-Го. Подписание соглашения являлось следствием не только поражения японских войск, но и заключения советско-германского договора о ненападении и последовавших рекомендаций Японии Германией завершить боевые действия. «Де юре» конфликт закончился лишь в 1942 году подписанием окончательного соглашения об урегулировании. Причём это было компромиссное, во мно-

гом в пользу японцев, урегулирование — на основе старой карты, представленной японцами. Для Красной армии, которая терпела поражения на советско-германском фронте, тогда сложилась достаточно сложная ситуация.

Со своих должностей были сняты командующий Квантунской армии К. Уэда, начальник штаба армии К. Исогая, командующий 6-й армии О. Риппо и командир 23-й дивизии М. Комацубара, заместитель начальника Генерального штаба Т. Накадзима, начальника первого оперативного отдела Генерального штаба М. Хасимото и несколько десятков других старших офицеров[63].

Из показаний бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро на допросе 28 февраля 1946 г. в г. Хабаровске:

«Нельзя отрицать того факта, что столкновение у Халхин-Гола ставило своей целью в самом широком масштабе продемонстрировать перед Внешней Монголией мощь Квантунской армии. Через несколько дней после начала столкновения на Халхин-Голе Генеральный штаб Японии командировал на место генерал-лейтенанта ХАСИМОТО, возглавлявшего в то время оперативный отдел Генерального штаба с тем, чтобы выяснить обстановку и в случае необходимости дать приказ о прекращении боевых действий. Однако генерал-лейтенант вернулся в Токио, не придав серьезного значения Халхин-Голу, и одобрил мероприятия Квантунской армии. После того, когда Квантунская армия собиралась направить на фронт еще больше вооруженных сил, к месту боя был командирован помощник начальника Генерального штаба генерал-лейтенант НАКАДЗИМА, который потребовал прекращения военных действий, но не добился согласия на это командования Квантунской армии. В конце концов, столкновение было остановлено приказом императора. Виновные в столкновении — командующий Квантунской армии полный генерал УЭДА, начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант ИСОГАИ, генерал-лейтенант НАКАДЗИМА и генерал-лейтенант ХАСИМОТО — были смещены с занимаемых ими должностей.

Столкновение на Хасане было инспирировано частью японской армии, расквартированной в Корее, главным образом командиром 19-й дивизии генерал-лейтенантом СУЭТАКА. Несвоевременно поступившее от Генерального штаба распоряжение о прекращении инцидента привело к расширению боевых действий.

Период времени от маньчжурских событий, от момента постановки вопроса о приобретении КВЖД до столкновения на Халхин-Голе, может быть назван периодом провокационных действий против СССР. Этим путем удалось постепенно заострять внимание населения Японии на необходимости приготовлений к войне против СССР. А период, когда были заключены Антикоминтерновский пакт и Тройственный союз, является второй фазой в подготовке войны против СССР»[64].

«Виновные в столкновении... были смещены с занимаемых ими должностей», свидетельствует в своих показаниях генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро. И это однозначно определяет ответственность японской стороны за развязывание конфликта.

Что послужило причиной отставок — поражение на Халхин-Голе, самоуправство и неуправляемость или и то, и другое? Представляется, что последнее. Но уже сам факт, освобождение от должности помощника начальника Генерального штаба армии, говорит о многом. Значит, ответственность за расширение конфликта несет не только вышедшее из подчинения Генераль-

ного штаба армии командование Квантунской армии, нередко принимавшее несанкционированные решения.

Правомочно поставить вопросы, не привело ли к окончанию конфликта на Халхин-Голе заключение пакта Молотова-Риббентропа или же, не стал ли сам конфликт, одной из побудительных причин для подписания советско-германского договора о ненападении.

«Сталин, убежденный в том, что Советский Союз существует в чрезвычайно враждебном ему окружении, свою основную цель видел в обеспечении национальной безопасности страны. Вот почему среди факторов, побудивших СССР сделать ставку на союз с гитлеровской Германией, а не англо-французским блоком, наряду с европейскими проблемами следует отметить большое внимание, которое отводило советское руководство вопросам безопасности на дальневосточных границах. И в этом контексте вооруженный конфликт на Халхин-Голе, можно рассматривать как один из сильных аргументов в пользу Германии»[65].

В начале конфликта обе стороны рассматривали его как обычный очередной пограничный инцидент. Они обменялись несколькими взаимными протестами (первый из них был адресован правительству МНР). Но вряд ли будет правильным расценивать конфронтацию случайным стечением обстоятельств. Она назревала потому, что частые и мелкие пограничные инциденты накапливались и создавали благоприятную почву для противостояния.

Уже спустя месяц «случайный пограничный конфликт или инцидент местного значения» приобретает со стороны японцев спланированный характер.

Вот оценка планов японского командования, данная в докладе штаба 1-й армейской группы уже после конфликта на Халхин-Голе:

«Не имея возможности и сил, в связи с действиями в Китае, организовать более широкие действия по захвату МНР — этого важнейшего для Японии военного плацдарма, в 1939 г. японцы ставили перед собой более ограниченную задачу — захватить территорию МНР до реки Халхин-Гол. На ближайший период для японцев территория до Халхин-Гола являлась крайне необходимой и важной по следующим причинам:

Первое — японцы развернули строительство железной дороги ХАЛУН-АРШАН — ГАНЬЧЖУР, строя её в обход Большого Хингана. По их плану дорога должна была пройти через район НОМОНХАН БУРД ОБО — в удалении от границы МНР не далее 2-3 километров, то есть под действенным пулемётным огнём противника.

Второе — Халхин-Гол и песчаные высоты по восточному берегу реки, в случае захвата их японцами и укреплении, создавали очень сильное прикрытие подступов к Хайлару и Халун-Аршану, в настоящее время пока очень слабо защищённых со стороны МНР»[66].

Причин, толкавших правящие круги Страны восходящего солнца на новый, гораздо более масштабный военный конфликт, помимо вышеперечисленных, было еще несколько. Главной причиной было вынудить СССР ценой победоносной войны отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ослабить ее. Была и еще одна немаловажная причина — требовалось взять реванш за Хасан, поднять авторитет императорской армии, подорванный поражением на озере Хасан и невозможностью завершить войну в Китае.

В то же время Япония продолжала тяжелую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, что в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной крупномасштабной войны. Наступательные планы японской армии (вариант «Оцу») предусматривали действия на территориях, лежащих во многих сотнях километров к северу от Халхин-Гола, а выделяемые для этого силы не шли ни в какое сравнение с теми, что сражались на берегах этой реки. «... через Халхин-Гол японские силы никак не могли ни наступать на Улан-Батор, ни тем более угрожать советскому Забайкалью — для этого японцам пришлось бы преодолеть сотни километров безлюдной и безводной степи. Хотя японцы имели в близком тылу железную дорогу, автомобилей и лошадей для подвоза боеприпасов, продовольствия и подкреплений оказалось критически недостаточно»[67]. Боевые действия на Халхин-Голе могли рассматриваться как второстепенные, с целью отвлечения внимания советского командования для нанесения главного удара по району города Нерчинск в Забайкалье, как это следовало из варианта «Оцу». Однако никакого развертывания вооруженных сил в Маньчжурии не производилось, так как требуемого количества дивизий для этого на тот момент не существовало.

Что же касается Советского Союза, то он в той военно-политической обстановке рассматривал события в районе р. Халхин-Гол в контексте существовавших общих агрессивных замыслов Японии в отношении СССР и МНР, что, безусловно, не отвечало подлинным планам Токио на тот момент. Отсюда и призывы Москвы к Берлину «унять» Японию на восточных границах СССР. «... вооруженное столкновение советских и японских войск летом 1939 г. стало для советского правительства еще одним побудительным мотивом для заключения с Германией Пакта о ненападении. Этот документ на тот момент представлялся определенной гарантией, позволяющей избежать опасности вовлечения нашей страны в войну на два фронта — западный и восточный»[68]. Опасности войны на Востоке на тот момент не существовало.

В момент развязывания конфликта на Халхин-Голе Япония в отличие от Советского Союза не ожидала агрессии от последнего. Вместе с тем, опасность агрессии со стороны Москвы чуть не стала реальной 1 августа. Такая опасность для Японии гипотетически могла возникнуть после 23 августа, но только гипотетически, так как такая война не входила в планы Советского Союза.

1.2. «Как выяснил немецкий посол Отт в японском генеральном штабе...»

(из шифртелеграммы «Рамзая» от 5 мая 1939 г.)

4 января кабинет Коноэ Фумимаро подал в отставку, мотивировав этот шаг вступлением событий в Китае в «новую фазу», т.е. признав неспособность быстро и победоносно закончить войну. Формирование нового кабинета было поручено председателю Тайного совета Хиранума Киитиро, а Коноэ занял его прежний пост. Ключевые фигуры министр иностранных дел Арита Хатиро, министр армии Итагаки Сэйсиро, морской министр Ёнаи Мицумаса, а также министр просвещения генерал Араки Садао остались на своих местах[69].

В начале января 1939 г. Зорге докладывал об организации разведки штабом Квантунской армии:

«Москва, Начальнику РУ РККА
Токио, 5 января 1939 г., 17 января 1939 г.*

Майор Шолль сообщает следующее о шпионской работе Квантунской армии:

Осуществляются три вида шпионажа.

Первое — наблюдение с линии границы. Во многих пунктах расположены посты, которые с близкого расстояния наблюдают за жизнью на советской стороне. Майор Шолль посетил такой наблюдательный пост, расположенный против Благовещенска, откуда в бинокль можно видеть, что происходит в красноармейских казармах. Каждое движение в казармах фиксируется.

Второе — работа с белогвардейцами. Известная компания Чурина используется в качестве организации с отделениями и для связи Маньчжурии с отдаленными районами.

Все адреса друзей или родных этих белогвардейцев регистрируются.

Особенно собираются сведения о Сибири.

Японцы побуждают людей, имеющих советские адреса, посылать письма этим адресатам или предпринимать даже другие мероприятия. Центром этой работы является Харбин.

Третий вид шпионажа осуществляется через евреев, имеющих адреса в СССР или Америке, через которые могла бы быть установлена связь в СССР.

Этот вид шпионажа проводится из Дайрена и Шанхая.

У майора Шолль создалось впечатление, что Квантунская армия очень хорошо осведомлена, получая огромную массу информации.

Шолль также узнал, что переходы белогвардейцев через границу проводились успешно.

№75. Рамзай».

Имеются пометы: «Продолжение еще не поступило». «НО-2. Т.к. продолжения до сих пор нет, то надо использовать для спецсообщения. Орлов. 15.1.». «т. Попову[70]. Спецсообщение. 16.1». «НО-2. Это продолжение — теперь надо сделать спецдонесение. Орлов. 19.1». «т. Шленскому, т. Попову. 19.1.39».

В январских телеграммах Зорге докладывал о ситуации вокруг германо-японских переговоров и о настроениях среди японских военных.

«Москва, Начальнику РУ РККА
Токио, 1 января 1939 г.**

Майор Шолль узнал в генштабе, что Германия подписала соглашение с японским военным атташе в Берлине по обмену всеми информациями, полученными обеими сторонами о СССР. Посол Отт и майор Шолль считают, что это является результатом только неправильно проведенных переговоров Осима за заключение военного пакта. Японский генштаб даже до последнего времени не мог предполагать, что они так далеко зайдут в военном сотрудничестве.

---

* Телеграмма передавалась двумя частями: 5 и 17 января, доложена начальнику РУ соответственно 7 и 19 января.

** Сообщение Зорге было получено во Владивостоке 3 января, передано в Москву 4 января и доложено начальнику Разведуправления 5 января.

Я в этом сомневаюсь и попробую выяснить через Отто, который только один узнал об этих переговорах. Посол Отт и майор Шолль из Берлина относительно этого сообщений еще не получали.

Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2. Спецсообщение. Орлов. 5.1.39». «т. Попову. К исполнению по рез. зам. нач. РУ. 7.1.39».

«Москва, Начальнику РУ РККА
Токио, 25.1.39*

Затем Накано сообщил, что военные раскололись на три основных группы:

Первая группа требует стремительной войны с Китаем до тех пор, пока весь Китай будет захвачен и из Китая будут изгнаны все иностранные державы.

Вторая группа, созданная Квантунской армией, требует мира с Китаем и концентрирования внимания на войну с СССР.

Третья группа, к которой принадлежат Итагаки, Тэрауци и др., выражают желание прекратить операции в южном и центральном Китае, сохранив лишь за собой Сев. Китай и Монголию как базу развертывания войны против СССР. К этой группе принадлежит также Хиранума и др. члены правительства. Главные трудности лежат в сопротивлении радикальных групп, которые боятся восстания в случае такого отказа от завоеваний в Китае. Единственным путем для избежания внутренних противоречий считается отвлечение внимания радикальных групп на СССР».

Имеются пометы: «Срочно. НО-2. Спецсообщение. Орлов. 25.1». «Исполнено».

Накано Сэйго (1886 — 1943) — японский журналист, известный политик, депутат парламента, был тесно связан с «Обществом черного океана»; в 1933 г. основал фашистскую организацию «Тохокай», с 1940 г. генеральный секретарь «Движения единства за укрепление трона».

К первой группе принадлежала часть влиятельных японских кругов во главе с Коноэ. «Квантунцы» (Итагаки, Тодзио, Уэда и др.), которых Зорге отнес к третьей группе, объединились вокруг барона Хиранума, который в итоге в январе 1939 г. сменил принца Коноэ на посту премьер-министра. Одзаки сообщил Зорге, что основные причины отставки кабинета Коноэ заключались в следующем: а) по-прежнему не были урегулированы связи между политическими и военными проблемами; б) вопреки ожиданиям, китайский инцидент приобрел затяжной характер; в) кабинет встал перед трудным выбором между дружественными связями с Германией и связями с Англией и США; г) кабинет утратил поддержку общественного мнения в стране.

В «Отчетном докладе Центрального Комитета ВКП (б) XVIII съезду ВКП (б)» 10 марта 1939 г. И. В. Сталин говорил об «обострении международного политического положения, крушении послевоенной системы мирных договоров, начале новой империалистической войны»: «Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япо-

* Сообщение было передано 23 января.

ния, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 года — остров Хайнань. ...

Новая империалистическая война стала фактом. ...

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой. ...

Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам? ...

Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию "нейтралитета".

Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, о его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два-три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о "слабости русской армии", о "разложении русской авиации", о "беспорядках" в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора»[71].

К этому времени выяснилась неготовность Японии пойти на подписание даже сформулированных в общей форме положений проекта Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией, а требовалось дополнительное разъяснение. Подобное положение вещей отражало острую борьбу в руководстве страны по вопросу будущего направления японской агрессии. В начале марта Осима, а также посол Сиратори в Риме, — сообщал в Токио министр иностранных дел Германии О. Отту в уже цитируемой телеграмме от 26 апреля 1939 г., — получили инструкции, в соответствии с которыми японское правительство хотя в общем и целом одобряло идею пакта, однако обязательство по оказанию взаимной поддержки хотело привязать исключительно к случаю войны с Россией. Оба посла информировали об этом меня и Чиано в личном и строго конфиденциальном порядке и в свою очередь тотчас же сообщили в

Токио о своем отказе представить на рассмотрение в Берлин и Рим это столь существенное изменение итало-германского проекта. Они еще раз высказались за принятие первоначального проекта и заявили, что в случае иного решения японского кабинета они будут вынуждены уйти со своих постов. В ответ на это в начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту, по, правда, сокращал срок действия договора на 5 лет. Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому послам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения;. при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция в Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограничительного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. Осима и Сиратори сообщили в Токио о невозможности осуществления также и этого пожелания японского правительства и информировали меня и Чиано, опять-таки в строго конфиденциальном порядке, о развитии этого вопроса. Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту. Далее я, чтобы ускорить окончательное выяснение вопроса, заявил Осима и Сиратори, который находился в Берлине в связи с днем рождения фюрера, что я должен узнать об окончательном решении японского кабинета, будь оно положительное или отрицательное, до выступления фюрера, которое намечено на 28 апреля. Оба посла телеграфировали об этом в Токио.

Данное сообщение предназначено исключительно для Вашей личной информации. Прошу строго засекретить его. Эту тему в Ваших беседах по своей инициативе не затрагивать до особого распоряжения, а если в беседе с Вами она будет затронута другой стороной, то ни в коем случае не давать собеседнику понять, что Вы информированы по этому вопросу. Это относится и к послу Италии в стране Вашего пребывания, который, по сообщению Чиано, пока еще не информирован. Напротив, прошу тщательно следить за положением дел на месте и систематически телеграфировать об этом»[72].

Зорге подробно отслеживал все перипетии формирования позиции Японии по содержанию трехстороннего пакта:

12 марта 1939 г. Р. Зорге сообщал, что, по мнению германского посла в Японии О. Отта, «японцы готовы в любой момент подписать пакт, полностью направленный против СССР».

«Москва, Начальнику 5 Управления.
Токио. 9 апреля 1939 г.*

Осима [посол Японии в Берлине] опять поднял вопрос о военном пакте, потребовав ответа от японского правительства. После долгого обсуждения Япония решила принять военный пакт, направленный только против СССР.

---

* Зорге датировал это сообщение 9 апреля, а передано оно было 13 апреля и доложено начальнику РУ 14 апреля.

Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических стран, но остались в меньшинстве.

Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против этого.

Посол Отт узнал в министерстве иностранных дел, что японцы не пойдут на уничтожение последних остатков хорошего отношения со стороны Америки, согласившись присоединиться к пакту против демократических стран.

Посол Отт считает, что Япония всё-таки будет заставлена присоединиться к этому пакту.

Рамзай».

Имеется помета: «т. Шленскому и т. Попову. 15.4.39. Кисленко». Имеются отметки об исполнении.

Шленский П.Д., полковник, заместитель начальника 2-го отдела.

Попов П.А., полковник, начальник 1-го отделения (Япония, Корея) 2-го отдела.

Кисленко А.П., полковник, врид начальника 2-го отдела.

«МОСКВА, НАЧАЛЬНИКУ 5 УПРАВЛЕНИЯ

Токио, 15 и 23 апреля 1939 г.*

«Отто получил сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или, если СССР в войне присоединится к демократическим странам.

Если будет иначе, то будет созвано другое совещание, которое решит, присоединяться Японии к пакту или нет*[1].

Это условие поставлено с той целью, чтобы дать Японии возможность избежать присоединения по крайней мере на тот срок, пока у власти стоит кабинет Хиранума [премьер-министр Японии], который выступает против войны с демократическими странами. В случае, если Япония присоединится к войне, она сконцентрирует свой флот в водах Тихого океана не дальше Сингапура. По пакту также требуется участие Японии в войне в Европе... ... (6 слов непонятно).

Эти разъяснения были отправлены послу Осима. Ответ от него еще не получен».

Имеются пометы: «НО-2. Спецсообщение. Список № 1: Сталину (2), Ворошилову, Молотову, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Берия, Шапошникову. Проскуров. 17.4». «т. Герасимову[73] к исполнению. Кисленко. 19.4.39». «т. Попову и Шленскому. 28.4».

Герасимов В.А., полковник, начальник 2-го (Китай, Синьцзян) отделения 2-го отдела.

---

* Сообщение передавалось двумя частями. Первая часть (до «звездочки») была датирована 15 апреля, передана и доложена руководству 17 апреля. Остальная часть сообщения датирована и передана 23 апреля, а доложена руководству 26 апреля.

О том, насколько остро шло обсуждение вопроса о военном союзе, говорит тот факт, что положение премьер-министра Японии Хиранумы, который выступал против войны с западными странами, стало неустойчивым. 26 апреля 1939 года в Центре получили следующее сообщение Зорге: «Отт сообщает, что назначение Койсо [министром коммуникаций Японии] имеет большое значение в том отношении, что для него открывается дорога на пост премьер-министра. Он крепко стоит на позиции мира с Китаем, который считает необходимым заключить до начала войны в Европе. Койсо заявил, что он проектирует заключить мир с Китаем и даже с Чан Кай-ши... Он упирает на то, что японцы должны укрепиться только в Северном Китае, оставив в большей или меньшей мере Южный и Центральный Китай китайскому правительству, и готовиться к войне против СССР после укрепления позиций Японии в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии».

5 мая «Рамзай» докладывал из Токио о позиции Японии в рамках трехстороннего пакта:

«Как выяснил немецкий посол Отт в японском генеральном штабе, затруднения в самом японском правительстве в связи с переговорами о заключении японо-германо-итальянского союза подтверждаются тем, что Арита и морские круги выдвинули свой план о заключении союза, обеспечивающего достаточную безопасность и гарантии, которые включаются на тот случай, если союз будет приведен в действие против Англии или Америки.

Арита и морские круги согласны заключить общий, не ограниченный условиями пакт обороны против любого государства, которое начало бы войну против какой-либо одной из трех стран, заключивших антикоминтерновский пакт, даже если в эту войну будет вовлечена Англия, Америка или Франция.

Но морские круги и Арита отказываются заключать такой пакт, в котором открыто указывалось бы, что он направлен не только против СССР, но также против Англии и других стран. Арита и морские круги, кроме официального текста союзного пакта трех стран, составляют особое секретное дополнение к нему. В этом секретном дополнении статьи пакта будут расширены, предусматривая также действия против любой страны. Они хотят избежать открытых трений с Англией и Америкой, не опубликовывая такого текста пакта, в котором ясно указывается, что он направлен не только против СССР.

Генеральный штаб заявил, что Арита подаст в отставку, если его точка зрения не пройдет, и намекнул немецкому послу Отту, что генеральный штаб не может взять на себя ответственность пойти на раскол настоящего правительства из-за расхождения во мнениях и надеется, что германская сторона будет также настаивать на основных статьях соглашения. Посол Отт телеграфировал об этом в Берлин».

Учитывая позицию Японии, Германия и Италия подписали 22 мая 1939 г. Пакт дружбы и союза («Стальной пакт»). В преамбуле к пакту говорилось: «Твердо связанные внутренним родством их мировоззрения и обширной солидарностью их интересов друг с другом, немецкий и итальянский народ решились, также в будущем плечом к плечу с объединенными силами выступать за обеспечение их жизненного пространства и за поддержание мира».

Премьер Хиранума направил поздравления Гитлеру и Муссолини, а МИД выпустил следующее заявление:

«Договор о дружбе и союзе между Германией и Италией, официально заключенный сегодня, является результатом близких отношений между двумя

странами, равно как и их особого положения в Европе. Со времени создания оси Берлин-Рим Германия и Италия демонстрировали твердую солидарность в подходе к сложной ситуации в Европе. Особого внимания заслуживает их взаимная поддержка во время «аншлюса», присоединения Богемии и Моравии, восстановления Мемельской области и присоединения Албании. Это осуществилось исключительно благодаря их доброжелательному взаимопониманию и согласованным действиям в духе своих убеждений для достижения своих целей. Существует ли германо-итальянская ось в виде письменного документа или же нет, как до сих пор, это нисколько не уменьшает ее эффективности. Заключение нынешнего договора является большим шагом вперед в деле укрепления политики оси. Отныне оно положит конец любой преднамеренной пропаганде, нацеленной на умаление оси как слабой или уязвимой. Это факт большой важности для будущего Европы, и мы уверены, что в условиях напряженной ситуации в Европе договор станет значительным вкладом в дело мира и прогресса во всем мире.

Внешняя политика Японии основывается на Антикоминтерновском пакте, направленном на искоренение коммунизма, и неизменно направлена на тесное сотрудничество с Германией и Италией в духе этого пакта. Поэтому Япония с особой радостью отмечает, что Германия и Италия, являющиеся ее партнерами по Антикоминтерновскому соглашению, усовершенствовали свои отношения и создали мощный фронт заключением настоящего договора. Мы шлем им наши сердечные поздравления»[74].

Не воздержался от публичной реакции и Советский Союз. Выступая 31 мая с докладом на сессии Верховного Совета СССР председатель Совета Народных Комиссаров и народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов отметил: «... в конце апреля одной своею речью глава германского государства уничтожил два важных международных договора: морское соглашение Германии с Англией и пакт о ненападении между Германией и Польшей. В свое время этим договорам придавалось большое международное значение. Однако Германия очень просто разделалась с этими договорами, не считаясь ни с какими формальностями. ... Дело не ограничилось расторжением двух международных договоров. Германия и Италия пошли дальше. На днях опубликован заключенный между ними военно-политический договор.

Этот договор имеет в своей основе наступательный характер. Согласно этому договору Германия и Италия должны поддерживать друг друга в любых военных действиях, начинаемых одной из этих стран, включая любую агрессию, любую наступательную войну. Еще совсем недавно сближение между Германией и Италией прикрывалось якобы необходимостью совместной борьбы с коммунизмом. Для этого немало пошумели о так называемом "антикоминтерновском пакте". Антикоминтерновская шумиха сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания. Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму. В военно-политическом договоре между Германией и Италией уже нет ни звука о борьбе с Коминтерном. Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран»[75].

Из доклада военно-морского атташе Италии в Японии Г. Джорджиса министру военно-морского флота Италии Б. Муссолини (премьер-министр Италии Муссолини занимал также пост министра военно-морского флота):

«27 мая 1939 г.

... Если для Японии открытым врагом является правительство Чан Кайши, то врагом № 1, врагом, с которым никогда не сможет быть ни перемирия, ни компромиссов, является для нее Россия, Европейские тоталитарные государства отбрасывают большевизм на Восток, объявляя его азиатской утопией. Аналогичным образом в Восточной Азии большевизм с таким же ожесточением отбрасывается Японией. Япония знает, что за спиной Чан Кайши — длинная красная рука. Победа над Чан Кайши не имела бы никакого значения, если бы Япония оказалась не в состоянии преградить путь России, отбросить ее назад, очистить раз и навсегда Дальний Восток от большевистского влияния.

Коммунистическая идеология, естественно, объявлена в Японии вне закона, самая лучшая армия Японии — Квантунская — стоит на континенте на страже приморской провинции. Маньчжоу-Го было организовано как исходная база для нападения на Россию. Недавно принятая грандиозная программа расширения вооружений имеет явной целью в том, что касается армии, привести ее в такое состояние, чтобы она могла вести войну на два фронта, т. е. в Китае и против России.

Это не снимает того, что японский военный план весьма далек от войны на два фронта. Лучше драться с двумя врагами порознь, чем одновременно, тем более, если тот, с которым уже ввязались в схватку, оказывает сопротивление, пусть даже пассивное, но такое, которое поглощает значительную энергию и вызывает немалую озабоченность. ...»[76].

3 июня, после продолжительных дискуссий, конференция пяти министров приняла новое решение, которое два дня спустя было одобрено кабинетом и сообщено в Берлин и Рим. Япония соглашалась на пакт с взаимным обязательством немедленно вступить в войну в случае нападения третьей страны на одного из участников, но выдвинула условия: 1) заключение секретного протокола о том, что ее обязательство немедленного и автоматического вступления в войну не распространяется на конфликт, в котором не участвуют СССР и США; 2) перед подписанием договора японское правительство письменной нотой оговаривает возможность принятия им «особых решений» в «чрезвычайных обстоятельствах» (применительно к обязательствам по пакту) и делает устное заявление об ограниченности своих военных возможностей. Реакции со стороны Чиано не поступило, а Риббентроп заявил о неприемлемости любых письменных заявлений об ограниченности действий сторон, добавив, что так захотят сделать и другие, в результате чего союз превратится в фарс. Лучше не подписывать никакого договора, заключил он, чем подписывать неполноценный[77].

В свою очередь, посол Германии в Японии Ойген Отт докладывал статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Эрнсту фон Вайцзеккеру следующее:

«7 июня 1939 г.

По сведениям, полученным мною в доверительном порядке от безусловно надежного источника из армейских кругов, 5 июня вечером послу Осима телеграфом направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна

быть готовой к тому, чтобы автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии. Если же в конфликте между Германией и третьими державами Россия будет сохранять нейтралитет, то Япония намерена вступить в войну лишь тогда, когда будет достигнуто единое мнение о том, что ее вступление в войну отвечает общим интересам союзников.

Информатор подчеркнул, что армия и флот пришли к данному решению в результате длительных переговоров. Это мнение означает существенный прогресс, поскольку флот снял свою прежнюю оговорку, которая ставила вступление Японии в войну против западных держав в зависимость исключительно от японских интересов.

Отт»[78].

Спустя полмесяца «Рамзай» доложил в Москву содержание телеграммы Отта в Берлин, которую он дополнил сведениями, полученными им от военного атташе Шолль:

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА
Токио, 24 июня, 1939 г.

Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте продолжаются. Последние японские предложения, по сообщению германского посла Отт и военного атташе Шолль, содержат следующие пункты:

1. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР.

2. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии.

3. В том случае, если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), то Япония попрежнему будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки. Но если интересы тройственного союза потребуют... (2 слова искажено), то Япония присоединится немедленно к войне.

Эта последняя оговорка сделана с учетом позиции СССР, который, видимо, будет втянут в европейскую войну, а также ввиду неясной позиции США. Активные военные действия Японии будут ограничены: во втором и третьем случаях Япония не выступит дальше Сингапура. Согласно первому пункту все японские силы будут брошены против СССР.

Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2. Проскуров». «Т. Попову. Мемо т. Шленскому. Кисленко. 29.6». Имеются отметки об исполнении.

Указана рассылка: «По списку № 2. Т. Мехлису».

Подготовка к подписанию пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом стала полнейшей неожиданностью для японского посла в Берлине. Из меморандума статс-секретаря МИД Германии Вайцзеккера, Берлин. 22 августа 1939 г.:

«После того как имперский министр иностранных дел вчера поздно вечером кратко, по телефону из Бергхофа, информировал японского посла о последнем повороте в отношениях между Берлином и Москвой, я около по-

луночи принял господина Осиму для беседы, которая продолжалась в течение приблизительно часа. Японский посол, как всегда, держался хорошо. В то же время я заметил в нем некоторое беспокойство, которое возросло в ходе беседы.

Сначала я описал Осиме естественный ход событий, который привел нас к сегодняшнему заключению пакта о ненападении. После того как Осима выразил свое беспокойство, мы в конце концов пришли к соглашению о том, как Осима может убедить свое правительство в необходимости и выгоде текущих событий.

Как и ожидалось, Осима коснулся следующих двух моментов:

1. Если Россия освободится от забот в Европе, она усилит свой фронт в Восточной Азии и оживит китайскую войну.

2. Юристы в Токио, а их там много, будут обсуждать соответствие нашего сегодняшнего поведения с известными предыдущими германо-японскими переговорами.

Осима добавил, что нет никакой пользы в протестах против совершившихся фактов. Он, однако, ожидает в Японии некоторый шок и хотел бы ослабить его, послав сегодня же ночью телеграфное сообщение.

Мои аргументы касались приблизительно следующего:

1. Мы не делаем ничего такого, что могло бы поставить под вопрос наши дружеские отношения с Японией. Наоборот, мы продолжаем придерживаться их и ценим деятелей, подобных Осима, которые действовали и будут действовать в этом направлении наиболее энергично.

2. Настоящие события не были неожиданны в такой уж степени, так как Имперский Министр иностранных дел несколько месяцев назад информировал японского посла о том, что нормализация германо-русских отношений стоит того, чтобы ее добиваться.

3. Подобное соглашение вынуждает нас сделать шаги на пути к умиротворению японо-русских отношений и к обеспечению стабильности такого положения в течение довольно длительного периода времени. То, что Япония в настоящий момент не ищет японо-русского конфликта, является очевидным. У меня даже создалось впечатление, что русская сторона будет приветствовать соглашение между Москвой и Токио.

4. Со времени составления Антикоминтерновского пакта (упомянутого Осима) фронт наших противников был расстроен как Японией, так и Германией. Ясно как день, что для Японии Англия стала врагом № 1, а Германии угрожает не столько русская, сколько британская политика. В соглашении, достигнутом с Москвой, заинтересованы обе стороны.

5. Раз уж Осима напоминает о некоторых прежних германо-японских переговорах, мы не можем не указать на то, что мы с бесконечным терпением углубляли германо-японские отношения. В течение полугода мы ждали, что услышим из Японии хоть какое-то эхо. Однако, японское правительство тянуло, и заслуга Осима в том, что он откровенно признавал это и напоминал о необходимости торопиться.

6. Наши экономические и политические переговоры с Москвой длились в течение некоторого времени. Переговоры о пакте о ненападении, однако, являются совершенно новыми. Возможность для них представилась только два-три дня назад. Польское высокомерие может втянуть нас в войну уже на этой неделе. Безусловно, что только такая нехватка времени заставила нас решительно действовать.

Посол Японии записал эти замечания и в заключение заверил меня в своем неизменном желании работать и далее в целях германо-японской дружбы. Кроме того, он надеется, что сможет сегодня же (22 августа. — *М.А.*) коротко повидаться с Имперским Министром иностранных дел, если последний будет проезжать через Берлин, для того чтобы его доклад в Токио имел больший вес. Если будет необходимо, Осима приедет на аэродром»[79].

В краткой беседе Риббентроп еще раз выразил сожаление, что Германия была вынуждена к столь быстрым и решительным действиям, и повторил все прежние аргументы, от англо-французского «окружения» до неудачи переговоров об альянсе трех держав. Он подчеркнул целесообразность скорейшей нормализации японо-советских отношений: «наилучшей политикой для нас будет заключить японо-германо-советский пакт о ненападении, а затем двинуться против Англии»[80].

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят Токио как вероломство, как нарушение статей Антикоминтерновского пакта, острие которого по трактовке японцев было направлено против Советского Союза. Подобная реакция была вызвана тем, что Япония существенно расширяла рамки «Соглашения против коммунистического "интернационала"» и рассматривала его как военный договор между двумя странами, предусматривавший, по крайней мере, проведение консультаций между сторонами перед принятием важных решений, что никоим образом не соответствовало букве договора.

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА
Токио, 24 августа 1939 г.

Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию против Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство из членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутриполитический кризис.

№ 89 РАМЗАЙ».

24 августа Геббельс записал в своем дневнике: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой… Теперь Япония полностью изолирована»[81]. В этой образной фразе верно было только последнее: Япония оказалась полностью изолированной. Даже своевременное присоединение Японии к военному союзу с Германией и Италией никоим образом не могло повлиять на подписание советско-германского пакта. Равно как и утверждение о том, что «до бесконечности оттягивая принятие решения об альянсе, они [японцы] толкнули нацистов в сторону вчерашних злейших врагов»[82], не отражало действительное положение вещей.

Япония осталась без каких-либо шансов на помощь Берлина против Москвы, но зато могла рассчитывать на содействие Германии в урегулировании отношений с Советским Союзом[83].

26 августа японское правительство дало указание своему послу в Берлине Осима Хироси вручить руководству страны пребывания протест по поводу подписания германо-советского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к Антикоминтерновскому пакту»:

«1. Правительство Японии поняло заключение пакта о ненападении таким образом, что оно окончательно аннулировало теперешние переговоры о пакте трех держав.

2. Японское правительство заявляет, что заключение Германии с Россией пакта о ненападении является серьезным нарушением сепаратного соглашения, связанного с "Антикоминтерновским пактом", между Японией и Германией. Поэтому оно выражает строгий протест немецкому правительству»[84].

Осиму принял Вайцзеккер, который, действуя по личному указанию министра, отказался обсуждать протест по существу, заявив, что в неуспехе переговоров виноват лично Арита, а затем «неофициально, но как друг и товарищ» посоветовал послу... вообще не вручать ноту, дабы не усугубить и без того напряженное положение и не испортить окончательно отношения двух стран, над укреплением которых они оба немало потрудились. Статс-секретарь порекомендовал прогермански настроенному Осима задержать передачу протеста и подумать над тем, что сообщить в Токио. Посол принял «товарищеский совет», официально проинформировав Гитлера и Риббентропа о протесте только 18 сентября, по окончании польской кампании, когда явился с поздравлениями по этому поводу[85]. Он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел Эрнсту фон Вайцзеккеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен...»[86].

В обстановке военного и политического поражения возглавлявшийся Хиранума Киитиро кабинет министров вынужден был сложить с себя полномочия. «Поскольку в Европе создалась новая, сложная и запутанная обстановка, — дал объяснения Хиранума, — ... возникла необходимость в отказе от прежней политики и в выработке нового политического курса... Полагаем, что в данный момент первоочередной задачей является поворот в политике и обновление состава кабинета»[87].

Причиной провала политики правительства и коллективной «потери лица» явилась приверженность Хиранума и Арита «дипломатии разведенной туши», «то есть нежелание принимать какие-либо определенные решения, связывать себя обязательствами и брать на себя ответственность»[88].

Антикоминтерновский пакт, заключенный в бытность Арита министром иностранных дел и официально провозглашенный одной из основ японской внешней политики, умер — если не по букве, то по духу, хотя политика Японии по отношении Коминтерна оставалась неизменной[89]. Теперь Японии предстояло перед всем миром определить свое отношение к союзникам по этому договору.

«Пакт о ненападении» посеял в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в «оси» Токио — Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза[90].

По оценке Сиратори Тосио, посла Японии в Италии, «теперь общим "врагом номер один" вместо России стала Англия. Улучшение японо-советских отношений будет на пользу Германии, потому что ослабит Англию и может предотвратит вмешательство США в конфликт»[91].

На смену кабинету Хиранума пришло правительство во главе с генералом в отставке Абэ Нобуюки, которое 4 сентября заявило о «неучастии в европейской войне». Комментируя сложившееся положение и заявления Абэ, японская пресса отмечала, что «война в Европе означает уход или по крайней мере кардинальное ослабление позиций Англии и Франции в Азии, открывая путь японской экспансии (прежде всего в Китае). Передовая статья газеты "Мияко" 7 сентября решительно заявила, что "неучастие Японии в европейской войне" должно компенсироваться "неучастием" европейских держав в конфликтах в Азии»[92].

13 сентября был опубликован правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»[93].

В Токио начинали осознавать, понимали, что в данный момент Японии не под силу военное соперничество с СССР один на один. Стало очевидным и то, что основной союзник Японии — Германия намерена в обозримом будущем поддерживать мирные отношения с Москвой. Такие отношения с соседом на севере были выгодны и для Токио, по меньшей мере, на период войны в Китае и укрепления мощи армии и флота. При этом японское руководство не могло не убедиться во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении Москвы избежать вовлечения в большую войну с Японией.

В сентябрьских телеграммах Зорге сообщает о предпринимаемых попытках представителей Германии в Токио оказать влияние на Японию в деле нормализации японо-германских отношений в свете обещаний Риббентропа Сталину и о появлении в стране восходящего солнца сторонников заключения с Советским Союзом пакта о ненападении, вплоть до четко проявившихся тенденций к изменению внешнеполитического курса страны.

«Москва, Начальнику 5 управления РККА
Токио, 10 сентября 1939 г.

... Факт о том, что японские войска жестоко избиты на монгольской границе, хорошо известен здесь.

Отто (Одзаки Ходзуми. — *М.А.*) сообщает, что императорские круги использовали этот факт для того, чтобы расстроить план назначения Исогаи или Тада новым военным министром вместо Хата.

Майор Шолль также пытается подбить генштаб на заключение договора о ненападении с СССР.

Радикальные группы Накано, Хасимото и адмирала в отставке Кобаяси усиленно агитируют за пакт о ненападении. Это движение нарастает довольно быстро. Но даже Кобаяси, который связан с Абэ, сказал послу Отт, что продвижение этой точки зрения потребует много времени.

Особенно трудно будет протолкнуть эту точку зрения в Квантунской армии и едва ли возможно склонить ее на это.

С другой стороны, даже раздаются голоса, требующие нападения на Владивосток. В случае, даже если Советский Союз будет в тесных отношениях с Германией и будет связан военным договором на западном фронте, опасность, несмотря на совершенно противоположное мнение майора Шолль в отношении Японии [нападения] на СССР, все еще не исключается.

Особенно потому, что объявление войны с Англией [Великобритании с Германией] произвело сильное впечатление на Японию, которая в настоящее время не совсем уверена в действительной силе Англии и исходе войны.

№№ 99, 100. Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2 и 5. 1. На Рамзая напоминания подействовали. 2. Обработать для спецсообщения. Проскуров. 15.9». «НО-4. К учету и спецсообщение. Пугачев[94]. 15.9». «т. Попову. К уч[ету].Кисленко. 20.9».

Пугачев Г.П. — майор, в распоряжении (сентябрь — декабрь 1939), заместитель начальника 5-го (информационного) отдела — Информационного отдела (декабрь 1939 — сентябрь 1940).

Накано Сэйго, известный своими пронацистскими и одновременно прорусскими симпатиями, писал: «Престарелые руководители японского правительства беззастенчиво критикуют Германию за заключение пакта о ненападении с СССР. Стоит напомнить этим старцам, что виноваты именно они, упустив из-за собственной нерешительности шанс заключить трехсторонний союз»[95].

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА
Токио, 15 сентября 1939 г.

Я снова имел разговор с немецким атташе о военной подготовке Японии против СССР, но с момента заключения Германией и СССР договора о ненападении немецкий атташе ничего не мог выяснить в Генштабе в отношении этого*.

До того, как Германия и СССР заключили договор о ненападении, подготовка Японии базировалась на совместном наступлении Германии и Японии на СССР, что сейчас не может иметь места ввиду предполагающегося трехкратного увеличения всей японской армии до 1941 года.

№ 107. Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2 и 5. В то же спецсообщение. Проскуров. 18.9». «НО-4. К учету и спецсообщение. Пугачев. 19.9». «т. Попову. К уч[ету]. Кисленко. 20.9».

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА
Токио, 27 сентября 1939 г.

Отто узнал от Коноэ, который все еще отказывается поехать в Китай специальным послом при новом правительстве Ван Цзинвэя, следующее:

---

* Этот абзац на полях подчеркнут.

Перемирие на границе МНР означает коренной отход японской политики от авантюризма.*

В отношении военной активности против Сибири действия ограничиваются только одной экспансией в Китае.

Совершенно отпала надежда на то, что Квантунская армия будет долгое время сочетать политику в отношении Китая с авантюрой против СССР. Причинами этого являются: германо-советский договор, полученный урок у Номон-Хан-Бурд-Обо и действия Германии против Польши.

Кроме того, военное вооружение, особенно техническое, потребует еще нескольких лет, чтобы поставить его на хороший уровень.*

В вопросе прекращения политики авантюр против Севера в настоящее время имеется общее соглашение всех фракций.

Отто сомневается в новой политике Японии в вопросе открытого признания этих фактов путем договоров и соглашений и вопросе отношения к Франции и Англии в Китае.

По этим вопросам фракции борются между собою.

№ 108, 109. Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2 и 5. Составить спецсообщение. Проскуров. 1.10.» «НО-4. К учету и спецсообщение. Пугачев. 1.10». «т. Попову. К уч[ету]. Кисленко. 3.10».

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА

Токио, 2 ноября 1939 г.

16 октября посол Отт послал Риббентропу политический доклад, основными пунктами, которого являются:

Советско-германский договор оказал глубокое потрясение на все политические круги, особенно на Генштаб.

*Но поскольку, как и ожидалось, Генштаб решил поддерживать дружественные отношения с Германией и последовать примеру Германии в отношении СССР, постольку общее урегулирование отношений Японии с СССР рассматривается, как абсолютно необходимое***. Но дворцовые круги и часть крупных деловых кругов используют политическое положение и поражение японского Генштаба у Номон-Хан для того, чтобы взять верх в правительстве АБЭ, возражая и противодействуя дальнейшей ориентации Генштаба на Германию, а также против действительного урегулирования Японо-советских отношений ввиду пробритано-американской политики.

№ 130. Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2 и 5. Использовать для спецсообщения. Проскуров. 4.11». «НО-4. К учету и спецсообщение. Пугачев. 5.11». «т. Попову. К учету. Кисленко. 6.11». Имеются отметки об исполнении.

Сведения, полученные резидентурой «Рамзая», способствовали Москве лучшему пониманию истинных мотивов внешнеполитических курсов руководства Германии и Японии. Для Берлина было важно сохранить антианглийскую направленность политики Японии и одновременно ослабить напряженность между Москвой и Токио. В этих условиях Германии было легче

---

* Выделенный курсивом текст в сообщении обведен.

** Выделенный курсивом текст в сообщении на полях отчеркнут.

подтолкнуть Японию на выступление против Великобритании на Тихом океане. Согласно стратегическим расчетам Гитлера, если Англия окажется в сложной обстановке на Дальнем Востоке, то она ограничит свои военно-морские силы в Средиземном море и на Атлантике, что облегчит вторжение на Британские острова. На основе такого подхода формулировались соответствовавшие инструкции, направлявшиеся, в том числе и в Токио.

С другой стороны, японские правящие круги также были заинтересованы в нормализации японо-советских отношений. В Японии рассчитывали, что это может привести к прекращению советской помощи Китаю и тем самым способствовать скорейшему завершению войны на континенте.

Первый анализ возможных изменений внешнеполитического курса Японии в связи с началом Второй мировой войны Зорге дал в своей статье «"Ветер богов". Отношение Японии к европейской войне»[96], опубликованной во «Франкфуртер цайтунг» 22 октября 1939 года.

«... Одна из особенно близких к японским хозяйственным кругам газет даже сравнила новую войну в Европе с вошедшим в японскую историю под названием "ветра богов" тайфуном, который в конце тринадцатого столетия спас Японию от величайшего национального бедствия — нашествия монголов под водительством Кублай-хана. Естественно, раздаются и голоса (в их число входит и голос нового премьер-министра Абе), предостерегающие от таких преувеличений. Тем не менее, в вышеупомянутой позиции находит выражение мнение хозяйственных и политических кругов страны.

Эту позицию можно объяснить двумя причинами: во-первых, японской убежденностью в том, что чем сильнее европейские страны будут заняты сами собой, тем меньше у них будет возможностей вмешиваться в дела Дальнего Востока; во-вторых, важную роль играет то, что в последние месяцы Япония перенесла ряд ощутимых внешнеполитических ударов, которые вызвали в широких кругах чувство, что японская политика в Восточной Азии зашла в тупик. Казалось, что японцы совершенно увязли в китайской войне, а расторжение Соединенными Штатами торгового договора, казалось, разрушило также надежды на понимающую позицию Америки в отношении японской политики в Китае. Стала твердой поначалу столь уступчивая позиция Англии, переговоры о тяньцзинских инцидентах, начавшиеся столь перспективно, забуксовали в песке. Уже обозначились колебания в примирительной позиции сторонников Ван Цзинвэя** по отношению к Японии. Наконец, неожиданно пришло известие о заключении немецко-русского пакта о ненападении. Усилилось чувство изолированности — чувство, которое современный японец, в противоположность японцу времен Реставрации, переносит тяжело. Компромисс с англо-саксонскими державами в Китае казался влиятельным кругам, недовольным радикальной политикой армии, единственным выходом. Одновременно усилилась напряженность в Европе, перспективы локализации европейского конфликта все больше исчезали. Оставались еще только известная неясность по поводу будущей позиции Соединенных Штатов и вопрос, не использует ли Советская Россия немецко-русское соглашение, скажем, для того, чтобы энергичнее выступить на Дальнем Востоке. Правда, зато и главнейшие противники в Китае — Англия и Франция были исключены на время войны из числа активных участников спора на Дальнем Востоке. И определяющим для Японии стало, в конце концов, это значительное облегчение всей ситуации.

Ибо война в Европе вновь предоставляет Японии возможность перейти во внешнеполитическое наступление. Правда, сегодня оно направлено против Китая. Насколько велики ожидания, которые Япония после начала войны в Европе возлагает на упрочение своих позиций на Дальнем Востоке, настолько велика и осторожность, с которой теперешнее правительство страны подходит к осуществлению своих целей. Именно неудачи последних месяцев, и в особенности невозможность предвидеть сроки и исход войны в Европе, а также неясность относительно будущей позиции Соединенных Штатов и Советского Союза, сделали осторожность определяющим качеством нового японского правительства. Вот почему это правительство говорило с полной убежденностью, когда оно заявило, что-де не собирается вмешиваться в европейскую войну, по крайней мере, пока. Это намерение означает практически заявление о нейтралитете по отношению ко всем державам, вовлеченным в европейскую войну, — хотя, конечно, лишь настолько, насколько речь идет о войне в самой Европе. Оно не означает непременно и заявления о нейтралитете по отношению к политике этих держав в Китае. Скорее Япония еще резче, чем это имело место в Тяньцзине, будет бороться с оказанием одной из воюющих держав помощи Китаю и отвечать на возможное сопротивление японской политике в Китае контрмерами, направленными против этих держав.

Очень скоро после начала войны японское правительство в предостережении, адресованном воюющим державам, дало знать о своем желании, чтобы Англия и Франция отвели свои войска и корабли, стационирующиеся в Китае. Во всяком случае, Япония выказала решимость считаться в будущем с особыми правами Англии и Франции в Китае еще меньше, чем до сих пор. Действия против особых прав иностранных держав, могущих помешать японской политике в Китае или свести ее на нет, сдерживает по существу, кажется, лишь неуверенность в том, как отнесутся к резким мерам Японии Соединенные Штаты. Если бы Соединенные Штаты, отвлеченные, скажем, событиями в Европе, стали проявлять меньше интереса к дальнейшему развитию в Китае, то, пожалуй, можно было бы считать, что Япония в значительной мере покончит с особыми правами, которые еще остаются там у иностранцев.

При этом Японии фактически достаточно лишь косвенных мер. Ибо война в Европе дала чрезвычайно сильный толчок планам превратить Ван Цзинвэя и его сторонников в деятелей нового "национального движения" и "центрального правительства" в Китае. Поэтому кажется не лишенной основания надежда японцев на то, что они смогут во время войны в Европе добиться значительных успехов в осуществлении двух своих главных целей — устранения или существенного ослабления влияния других держав в Китае и создания нового центрального правительства, которое было бы, во всяком случае, влиятельнее предшествующих временных "правительств" в Северном Китае или в других частях страны. Эти цели и являются главными пунктами внешнеполитической программы правительства генерала Абе. Правда, уже в вопросе о методах, которые должны привести к желанной цели, перед новым премьер-министром встают известные трудности. Очевидно, правительство Абе хочет достигнуть того, к чему оно стремится, дипломатическим путем, а стало быть, на основе предупредительного понимания, которого оно ожидает от английской стороны. Сторонники этого метода считают, что со-

блюдение Японией нейтралитета должно значить для Великобритании больше, нежели ее некоторые особые права в Китае, считавшиеся до сих пор неотторжимыми; при этом они хотели бы предоставить дальнейшему развитию войны в Европе решение вопроса о том, не уместно ли будет позже перейти, скажем, к применению более резких методов.

Этому воззрению, имеющему особенно большое хождение среди представителей крупной промышленности, в финансовых и придворных кругах, противостоит воззрение одной значительно более радикальной группировки; это то самое течение, которое еще до начала войны в Европе выступало за более тесное сотрудничество с Германией. Эта группировка рекомендует решительные действия против Англии с тем, чтобы, используя единственную в своем роде возможность, созданную войной в Европе, сделать неприкосновенной гегемонию Японии в Восточной Азии. В интересах этой политики ее сторонники были бы готовы и к тому, чтобы сделать определенные выводы, касающиеся отношений между Японией и Советской Россией. Множатся голоса, которые советуют вывести "устранение наслоений" в отношениях между обеими странами за рамки перемирия во Внешней Монголии. Это считается шансом полностью сконцентрировать японскую внешнюю политику на решении китайского конфликта, а стало быть, и возможностью окончательно решить связанный с ним "английский вопрос"».

*«Тяньцзиньский конфликт» начался в июне 1939 г. Японское правительство, осуществляя постоянный нажим на Англию, Францию и США с целью вынудить их признать японские захваты в Китае, установило 14 июня 1939 г. блокаду английских концессий в Тяньцзине. Отряды японской полиции заняли все входы в концессию и пропускали англичан только после унизительного обыска и опроса. Вся деловая жизнь на территории этих концессий замерла. Поводом для блокады концессий послужило требование японцев о выдаче концессионными властями четырех китайцев, обвиненных японцами в убийстве одного их ставленника. В ответ на просьбу английского посла в Токио Р. Крейги снять блокаду с английских концессий в Тяньцзине японский министр иностранных дел Х. Арита заявил 24 июня 1939 г., что японское правительство будет продолжать прежнюю политику до тех пор, пока Англия не пойдет на сотрудничество с Японией в Китае.

** Ван Цзинвэй (10.05.1883-10.11.1944). В 1937- 1938 гг. был председателем Центрального политического совета Гоминьдана. Возглавлял в Гоминьдане сторонников сотрудничества с Японией, проводил прояпонскую политику. В декабре 1938 года, будучи заместителем Чан Кайши в ЦИК Гоминьдана, бежал из временной столицы Китая г. Чунцина и открыто перешел на сторону японских захватчиков. 29 декабря того же года в Ханое внес предложение вступить в переговоры с Японией, в результате которых 30 марта 1940 года в Нанкине во главе с Ваном было создано центральное правительство Китайской Республики (в значительной степени подконтрольное Японии), которое также стали называть «национальным правительством».

Однако в целом, японская политика в отношении Советского Союза, оставалась, по оценке «Рамзая», «не проясненной и не отличающейся большим развитием». 16 ноября 1939 года «Франкфуртер цайтунг» опубликовал очередную статью Рихарда Зорге «"Императорский путь". О назначении японской внешней политики»[97]:

«Токио, конец октября.

Японец любит ошарашивать людей и народы. Зато он питает явную нелюбовь к неожиданностям, которые доставляют ему другие. Ему нужно удивительно много времени, чтобы отреагировать на неожиданные, внезапные повороты. Эта исключительно своеобразная черта стала в Японии политическим фактором. Заключением номонганского перемирия на монгольско-маньчжурской границе, завершившим один из кровопролитнейших "инцидентов" (речь идет о событиях на Халхин-Голе. — *М.А.*), и в японо-русских отношениях начался, казалось, принципиальный поворот, аналогичный повороту, уже совершенному Германией и Советским Союзом. Казалось, что Японии стало также ясно, что ее главным противником в Восточной Азии является Англия, а не Советский Союз. Однако дело пока ограничилось, по меньшей мере, локальным перемирием.

До сего дня внутренние споры вызывали у японской внешней политики своего рода "паралич". Внешнеполитический "паралич" является не только следствием сверхчувствительности японцев по отношению к нежелательным неожиданностям. Он имеет также реальные политические причины. Не нужно забывать, что со времен "маньчжурского инцидента" и создания Маньчжурской империи японская армия возвела необходимость военно-хозяйственной, политической и чисто военной подготовки к войне с Советским Союзом прямо-таки в догму. Хотя неизменной целью японской экспансии на протяжении чуть ли не тысячелетий является и Китай, японская армия полагала, что в войне с Китаем найдена возможность "генеральной мобилизации" для считавшейся неизбежной борьбы с Советским Союзом. Форсировавшееся на протяжении ряда лет вооружение было сориентировано главным образом на русского противника, а военная и идеологическая сила и роль Квантунской армии превзошла все пропорции. Армия, однако, не удовольствовалась только выполнением этой по преимуществу военной задачи. Она использовала свое положение в японском государственном руководстве, чтобы сделать эту войну с Советским Союзом фундаментом идеологического сплочения японского населения. Японская армия стала главным носителем идей "всемирной миссии японского духа", "императорского пути", которым обосновывались все ее великоазиатские экспансионистские цели.

Европейская война с ее драматической перегруппировкой фронтов внезапно спутала также внешнеполитические планы и подготовительные мероприятия японской армии касательно Советского Союза. Тенденция признать главным врагом японской политики в Китае Англию и поставить себе задачей "успокоение" отношений с Советским Союзом проявляется теперь все яснее, в том числе и в армии. Однако этим кругам, начинающим понимать правильность взятого Германией нового внешнеполитического курса, пока еще приходится проявлять известную сдержанность по отношению к противникам их былой и нынешней внешнеполитической переориентации. Этими противниками являются те же круги крупного хозяйства, военно-морского флота и близких к императорскому двору лиц, которые уже не первый год образуют внутри- и внешнеполитический противовес проводимому армией радикальному политическому направлению в Японии. Было бы, однако, ошибкой полагать, что эти круги, господствующие в правительстве Абе, будут и впредь форсировать удивительный для японских условий поворот армии в направ-

лении "политики успокоения" Советского Союза. Правительство Абе заинтересовано исключительно только в "успокоении" на Севере, а не в окончательном, гарантированном договором, принципиально новом оформлении японо-советских отношений.

Ибо любой шаг за пределы "политики успокоения" в возможном направлении "договора о дружбе и границах" противоречил бы не только внутреннему настрою придворных кругов и представителей крупного хозяйства; он рассматривается и как препятствие к осуществлению главных внешнеполитических целей, а именно к использованию сегодняшней европейской войны для мирного взаимопонимания с Англией и Америкой. Правительство Абе-Номуры, которое проводит политику придворных кругов, надеется на возможность, пока идет европейская война, заключить выгодный по преимуществу для Японии компромисс с Англией и Америкой относительно Китая. А, как, кажется, опасается правительство, базирующиеся на "договоре о дружбе" отношения с Советским Союзом могли бы при сегодняшних обстоятельствах отрицательно сказаться на расположенности Англии и Америки к компромиссу.

Тем самым японская политика в отношении Советского Союза, несмотря на все принципиальные перемены во всемирно-политическом положении, остается до сего дня не проясненной и не отличающейся большим развитием. Более радикальные элементы при всем наличии у них явной готовности еще не обнаруживают достаточного воодушевления по отношению к ней. А противоположный лагерь не хочет создавать осложнений своим, якобы, большим перспективам на мирное взаимопонимание с западными державами относительно Китая. Однако большие успехи германского оружия явно способствуют падению английского престижа на Востоке.

Мысль об изгнании Англии с ее позиций в Китае становится все более привлекательной. Надежда на возможность достигнуть с Англией и Соединенными Штатами единства по китайскому вопросу, которое удовлетворило бы вооруженные силы и население Японии, исчезает на глазах. Поэтому и оппозиция могла бы изыскать возможность выдвинуть свое старое требование о решительных действиях против Англии в Китае, усиленных политикой, которая позволила бы не беспокоиться о тылах на севере или даже могла бы создать дополнительные гарантии посредством широкого преобразования отношений с Советским Союзом».

7 сентября помощник министра иностранных дел Батлер выступил в палате общин с заявлением о желательности возобновления англо-японских переговоров. Английское правительство через своего посла Крейги сообщило об этом японскому правительству, и вскоре начались переговоры между новым министром иностранных дел адмиралом Номура и Крейги. Англия пошла на ряд уступок в вопросе о международном сеттльменте в Шанхае и в течение октября — декабря даже вывела большую часть своих войск, находившихся в Китае. Франция также следовала такому курсу английской политики. Англия и Франция в то же время шли на новые уступки Японии, стремясь укрепить положение своих плохо защищенных дальневосточных колоний[98].

В ноябре 1939 г. в японском генштабе рассматривался план раздела Китая на три сферы влияния:

«Москва, Начальнику 5 Управления РККА
Токио, 24 ноября 1939 г.

Говоря об этом (см. предыдущий номер 159), Арисуэ указал на план, который обсуждается в Генштабе. Это план по разделению Китая на три сферы влияния: одна сфера — влияние Японии; другая — на северо-западе — СССР и третья — сфера чунцинского правительства.

Генштаб был бы удовлетворен, если бы СССР ограничил свою активность в своей сфере влияния, которая должна быть точно определена и отделена от сферы влияния чунцинского правительства.

Сметанин произвел очень хорошее впечатление на Отт[а], и последний обещал оказать помощь в японо-советских переговорах, если она понадобится.

Рамзай».

Имеются пометы: «НО-2 и 5. В спецсообщение. Проскуров. 27.11». «НО-4. В спецсообщение. Пугачев. 27.11». «т. Попову. Кисленко. 29.11». Имеются отметки об исполнении.

Арисуэ Сэйдзи, генерал, начальник 2-го отдела (разведка) Генштаба.

Сметанин К. А. В 1937-1938 годах — советник полпредства СССР в Японии. В 1938-1939 годах — поверенный в делах СССР в Японии. С 21 сентября 1939 по 28 мая 1942 года — полномочный представитель (с 1941 — чрезвычайный и полномочный посол) СССР в Японии.

Планы генерального штаба Японии о разделе Китая на сферы влияния не получили дальнейшего развития.

В начале декабря в театре «Такарадзуки» состоялась вторая встреча «Фрица» с сотрудником посольства СССР в Токио «Кротовым» (С.Л. Будкевичем[99]), на которой была передана почта «Рамзая». В своем информационном письме Зорге сообщал в Центр от октября 1939 г. (доложена начальнику 5-го Управления РККА 20 января 1940 г.):

«Серьезной военной опасности со стороны Японии больше не представляется. Напротив, я вижу здесь приближающиеся внутренние разногласия и серьезное обострение хозяйственного кризиса (здесь и далее подчеркнуто Проскуровым. — *М.А.*). От политики Америки, а также Советского Союза будет зависеть, не приведет ли, ожидаемый этой весной кризис к краху всю господствующую до сих пор систему двора, крупных финансистов и военщины. Вероятность такого положения, мне кажется, налицо.

Сейчас почти уже рухнули все прекрасные планы о планомерном повышении промышленной емкости Японии. Недостаток угля и электричества проявляется уже сейчас в приостановке повышавшейся до сих пор кривой продукции. Скудность важного военно-хозяйственного сырья, полуфабрикатов и машин все более обостряется.

Если бы Америка решилась на хозяйственные санкции, то крах всех хозяйственных планов стал бы неизбежным. Этим значительно повышаются шансы китайцев для успешного отпора. Хозяйственные трудности и все более заметное общее утомление проявляется в чрезвычайно медленном ходе реорганизации армии.

Мероприятия по увеличению армии втрое продвигаются очень медленно. Выяснилось также, что план формирования 50 дивизий уже по одному тому не подходит, что оккупация Китая требует формирования многочисленных временных бригад. В наших различных телеграммах мы Вам уже переслали планы по поводу количества бригад и числа дивизий, подлежащих формированию в Китае.

Эта необходимость организации бригад окончательно замедляет реорганизацию армии, образует новую промежуточную стадию, а именно, организацию специальных оккупационных бригад. Таким образом, до сих пор, по имеющимся данным, сформировано всего только несколько новых дивизий с двадцатыми номерами и две-три дивизии с тридцатыми номерами.

Наряду с этим — все еще попадаются сотые номера и увеличивающееся число отдельных бригад. Кроме того, оказывается, что конфликт в Номонхане и тяжелое поражение, чем конфликт закончился, ставит совершенно новые планы развития моторизованных частей и военно-воздушной авиации.

Чрезвычайное увеличение танков, которое здесь усиленно проповедуется, естественно, требует новой формулировки всех реорганизационных планов. Тоже самое можно сказать и о средней и тяжелой артиллерии, которая, как показали Номонханские бои, требует серьезного усиления. Необходимое соотношение между пехотой, танками и артиллерией должно изменить все существующие планы. До сих пор еще не найдена точка опоры для внесения окончательной корректуры в старые реорганизационные планы, а также для внесения ясности в соотношение различных родов орудия.

Серьезно мешает процессу реорганизации выпадение важного импорта. Сюда относится промышленность искусственного горючего, алюминиевая промышленность, а также различные др. химические отрасли промышленности, производство которых страдает от угрожающей опасности ввозу германских машин, а также благодаря возможному выпаду американских поставок.

Хозяйственные трудности, длительность китайского конфликта, поражение в Номонхане и, наконец, германо-советское сотрудничество сильно покачнули позицию армии внутри руководства Японии, а также и в самом народе. Армия дискредитировала себя в военном отношении как во внутренней, так и во внешней политике. Теперь руководство переходит в руки дворцовой клики и, частично, к крупным капиталистам. В последнее время усиливается деятельность партий и морского флота в надежде получить более выгодную роль в управлении государством, чем они имели до сих пор.

Внутри армии сильнее укрепилась группа "центристов". Во главе этой группы стоит Умэдзу (Умэдзу Ёсидзиро, командующий Квантунской армии с сентября 1939 г. — *М.А.*) и перешедший на сторону дворцовой клики военный министр Хата. Радикальные элементы хотят укрепить свои позиции при помощи лозунга присоединения к Германии и примирения с СССР. При чем, на этот раз, они больше стремятся присоединиться к гражданским элементам, которым в этих внешнеполитических вопросах принадлежит инициатива. Руководство этой гражданской группой находится, безусловно, в руках Сиратори и, вероятно, также в руках вскоре возвращающегося Осима. Тем не менее, к этому течению начинают уже примыкать такие элементы как Угаки (Угаки Кадзусигэ, министр иностранных дел Японии в 1938 г. — *М.А.*), а недавно даже Тэраути (Тэраути Хисаити, с 1937 г. командующий Северокитайским фронтом. — *М.А.*), мечтающий о посте премьер-министра. Перспективы

этой группы придти к власти очень велики и именно это должно разрешиться непосредственно после 25 января 1940 г., когда поведение Америки станет ясным.

Эти гражданские и военные круги, представляющие оппозицию против сегодняшнего курса и направленные также против перспектив [намерений] партий и морского флота, не являются единодушными в своем отношении к Советскому Союзу и Германии. Большинство из них и, в особенности. Сиратори, настаивает — примкнуть к Советскому Союзу, при условии, что СССР рвет с существовавшей до сих пор политикой в отношении Китая.

Другие, еще более рациональные элементы, напротив, хотят только "политического разграничения" между советскими и японскими интересами и сферами интересов. То есть, они хотят только ограничения, а не полного отказа СССР от существующей китайской политики. Посол Отт и военный атташе работают очень сильно в направлении Сиратори.

При этом, однако, становится ясным, что в японском генштабе просачиваются новые направления, а именно, в направлении "разграничения", также и на германской стороне снова обсуждается вопрос, надо ли допускать полное падение Китая, или надо вновь заняться китайской политикой. Во всяком случае, здесь имеются виды, что подобные обсуждения уже имеют место в Берлине».

Имеются пометы: «т. Кисленко. 1. С информацией ознакомить т. Пугачева. 2. .... Проскуров. 20.I.40».

Сиратори Тосио, бывший посол Японии в Италии, «призвал к решительному пересмотру политики в отношении СССР, видя в нем потенциального союзника. От идеи союза с Германией и нормализации отношений с СССР он пришел к выводу о необходимости союза с Германией и СССР, то есть создания принципиально новой системы глобального сотрудничества евразийский держав»[100]. Беседуя с германским послом О. Оттом во второй половине октября «Сиратори попросил его связаться с Риббентропом и получить от него конфиденциальное заявление о готовности Германии выступить в качестве посредника в деле нормализации японо-советских отношений и окончательного разрешения конфликта в Китае. ... Посол немедленно сообщил об этом в Берлин, и Риббентроп такое согласие дал»[101].

Информация обесценивалась, поступая в Центр спустя три месяца, после ее написания, и спустя полтора месяца после ее передачи курьеру.

30 ноября 1939 г. началась советско-финская война, которая резко усилила антисоветский настрой в Японии. 8 декабря из резидентуры под прикрытием посольства СССР в Токио пришла телеграмма: «В декабре месяце заметно усилился антисоветский тон японской печати. Распространяется клевета об агрессивных действиях СССР против Финляндии и что прекратить эту агрессию могут только САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты. — *М.А.*).

Все больше появляется высказываний о том, что серьезное сближение Японии с СССР невозможно. Пресса заявляет, что САСШ проявляет осмотрительность [к] ведущимся переговорам между СССР и Японией и не заинтересована в благоприятном исходе их.

Крылов».

Под псевдонимом Крылов скрывался секретарь военного атташе при полпредстве СССР в Японии В.И. Белокуров[102].

1.3. «Рамзай и Фриц решительно настаивают на замене в ближайшее время»

(от «Кристи» Центру 11.06.1939 г.)

В начале 1939 года прежняя установка Центра, запрещающая «расширение клиентуры» «Рамзая» полностью аннулируется.

В январе 1939 года Зорге сообщает о намечающейся связи Мияги со старым приятелем Косиро Ёсинобу — капралом-резервистом, возвратившимся на острова после службы в Квантунской армии. В ответ следует телеграмма Центра, в которой санкционируется вербовка этого «приятеля» и, кроме того, предлагает завербовать 1-2 японских офицеров:

«МЕМО. От ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 64 от 24.1.39.

Говорится о вербовке 1-2 японских офицеров для освещения вопросов по японской армии и ценности привлечения на работу приятеля ДЖО. Вербовка под видом Германии или другой страны».

Такого рода задание характеризовало решительность замыслов его автора, но, к сожалению, не опиралось на учет реальных возможностей «Рамзая» и специфики внутренней обстановки в Японии. Если в 1936 году и был разговор об изучении японских офицеров-фашистов, как возможных объектов вербовки, то после февральских событий 1936 года «Рамзаю» было категорически приказано ограничить всякие новые связи и концентрировать внимание лишь на использовании сотрудников германского посольства, как важнейшего канала получения информации.

Задание по вербовке японских офицеров «под видом работы на Германию», поставленное центром «Рамзаю» в 1939 году в форме безоговорочного и настойчивого требования, являлось, прежде всего, лишним подтверждением того, что руководство Центра недооценивало основные и важнейшие возможности резидентуры (связи «Рамзая» в германском посольстве и «Отто» — в японских правительственных кругах) и готово было поставить под угрозу все приобретения резидентуры, требуя проведения рискованной, не подготовленной вербовки офицеров.

Не вполне понятен сам по себе замысел Центра, цель, которая преследовалась этой вербовкой.

Если имелись в виду офицеры японских строевых частей — для освещения вопросов реорганизации, перевооружения войск, дислокации и т.п., — то эти задачи, в значительной мере посильные для аппарата германского ВАТа (которые и освещались Зорге), — не оправдывали серьезный риск, связанный с вербовкой.

Если же речь шла о приобретении источников в японских центральных военных органах (Генштаб, Военное министерство) — для освещения, в первую очередь, планов нападения на Советский Союз, — то и эти задачи в определенной степени решались через аппарат ВАТ Германии, а также через связи «Отто». Непонятно и даже несерьезно выглядело требование о вербовке именно 2-х-3-х офицеров. Вербовка хотя бы одного ответственного сотрудника Генштаба была бы большой удачей.

Но эта нелегкая задача требовала серьезной, продуманной подготовки, изучения людей, изыскания путей подхода к намеченному объекту, и, конеч-

но, не могла быть выполнена «срочно», «во что бы то ни стало» по первому требованию Центра.

В условиях же обстановки в Японии в 1939 году возможность вербовки офицеров была вообще более, чем сомнительная.

Требование «о вербовке 1-2 японских офицеров» не могло не поставить «Рамзая» перед чрезвычайно трудной задачей. Во-первых, подобная вербовка не была подготовлена предварительными связями, сближением и тщательным изучением офицерства для отбора возможных кандидатов. Во-вторых, сама внутриполитическая обстановка в Японии отнюдь не обещала успеха в осуществлении этого замысла.

Настороженно недоверчивое отношение к иностранцам, вообще характерное для определенных кругов японского населения, особенно возросло в последние предвоенные годы. В наибольшей степени это относилось именно к военным кругам. В целях максимального обеспечения сохранения военной тайны, военным командованием был издан приказ, запрещающий японским офицерам не только знакомства, но и вообще какое-либо общение с иностранцами, не исключая и «дружественных» немцев. Препятствием являлось и то, что далеко не все японские офицеры владели немецким или английским языками.

Представляется, что Зорге при широте его знакомств и харизме, была «по плечу» такая задача. В своих «Тюремных записках» он пишет: «Через Отта и Матцки я познакомился с генералом Осимой и неоднократно встречался с ним. А после заключения японо-германского союза я даже брал у него интервью для моей газеты. Кроме того, в то время я познакомился с тогдашним полковником Манаки, майорами Ямагата и Сайго, с теперешним генерал-майором Муто и с другими офицерами, имена которых я позабыл. Из пресс-группы военного министерства я встречался с тогдашним полковником Сайто, и он часто приглашал меня вместе с другими немецкими журналистами. Я также несколько раз приглашал его как член группы немецких корреспондентов. У меня почти не было дел с его преемником Акиямой, но я встречался несколько раз с полковником Уцуномия и даже посещал его раз или два в Шанхае. В последний раз мы встречались с ним весной 1941 года»[103]. И в окружении этих людей Зорге, вполне, мог найти кандидата на вербовку. Мог, поставив под угрозу всё то, что было создано за шесть лет. Поэтому Зорге и не принял к исполнению указание Центра.

В своих «Тюремных записках», говоря об источниках информации в агентстве новостей «Домэй» и в среде японских журналистов, Зорге констатирует: «С японцами, кроме тех, кто входил в мою разведывательную группу, в течение последних несколько лет я старался по возможности не встречаться. ... У меня и в мыслях не было тайных разведывательных целей, так как я хорошо знал, что не смогу получить от них интересной информации...»[104]. И, переходя к оценке связей в военном министерстве, «Рамзай» отмечает: «Мои отношения с пресс-группой военного министерства и с армейскими офицерами, с которыми меня знакомили генерал-майор Отт и полковник Матцки, не отличались от описанных выше. Можно сказать, что в последние годы у меня почти не было связей с такими людьми»[105].

Для выполнения распоряжения Центра «Рамзаю» предстояло искать обходные пути через своих групповодов-японцев.

Одзаки, осторожно маскировавший свои связи, едва ли позволял рассчитывать на его активную помощь. «Густав» в докладе от 1937 года, характе-

ризуя «Отто» указывал: «Рамзай считает его надежным, относя к недостаткам лишь его слишком большую осторожность».

Оставался Мияги. Но его знакомства и связи почти не выходил за пределы круга лиц, в большей или меньшей степени причастных к коммунистическому движению. Рассчитывать на приобретение через него и его друзей связи с офицерами и вербовку их «под видом Германии» — было не реально.

Однако, руководство Центра с возрастающей требовательностью и настойчивостью, возмещающей недостаток трезвой оценки обстановки и здравого учета реальных возможностей «Рамзая», — уже через 2,5 месяца — снова повторяет свое распоряжение, увеличив при этом до 2-3-х человек, требуемое количество японских офицеров, которые должны быть завербованы:

«МЕМО. Из ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 27 — 5.4. 39.

Подтверждается ранее поставленная задача — вербовка 2-3 японских офицеров. Спрашивается, почему Рамзай до сих пор не дал ответа о его возможностях и перспективах по реализации этой задачи. Дается задание, чтобы эту задачу реализовать во что бы то ни стало. Указывается, чтобы Рамзай срочно сообщил свои соображения по этому вопросу».

Зорге отвечает шифртелеграммой через десять дней:

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 49 — 15.4.39.

Приятель Джо из Квантунской армии после 4-х летней службы возвратился в Японию, но числится в запасе. Его будущее все еще не известно, но он его задержит на следующий месяц для того, чтобы получить от него подробный доклад обо всем, что он наблюдал во время своей службы и, чтобы достать через него последние уставы (наставления).

Приятель Джо питает старые симпатии к нам и с радостью соглашается работать на нас. Родители Джо и его приятеля являются старыми друзьями. Таким же является Джо с ним, что является хорошим моментом для маскировки их перед японцами.

Через него мы постараемся получить связь с работниками генерального штаба».

В последующем «Рамзай» даст приятелю «Джо» (Косиро Ёсинобу) псевдоним «Мики». Фамилию последнего Центр не знал, а «Рамзай», несмотря на указания, так ее и не сообщил. О «Мики» было известно только то, о чем докладывал Зорге в своих телеграммах.

Как стало известно уже после войны, Косиро Ёсинобу родился в 1909 году. В 1935 г. окончил университет Мейдзи (начальные курсы университета?), после чего вскоре был призван в армию. С марта 1936 года до ноября 1938 года находился на службе в войсковых частях, действовавших в Маньчжурии и Китае.

В ноябре 1938 года, получив унтер-офицерский чин (по другим данным, имел звание «капрал»), был временно уволен в резерв, но вскоре был снова призван и послан в Маньчжурию и Корею. В марте 1939 года был снова переведен в резерв, возвратился в Японию и поступил на работу, на бумажную фабрику.

По сведениям, приводимым в «Меморандуме» бригадного генерала Чарльза Уиллоуби, возглавлявшего разведотдел G-2 штаба оккупационных сил США, «Косиро начал интересоваться коммунизмом, будучи студентом университета Мейдзи, под влиянием своего соседа по фамилии Кйотаке Ясу-

маса. Этот Кйотаке в апреле или мае 1939 года познакомил Косиро с Мияги, который и привлек его в число агентов резидентуры».

Обещание «Рамзая» — постараться получить через приятеля Мияги «связь с работниками Генштаба» — едва ли можно было принимать всерьез. «Приятель» был всего лишь унтер-офицер (капрал?) — не имел никаких связей с сотрудниками Генштаба и не мог иметь таковых по определению. Это обещание «Рамзая» весьма походило лишь на отписку в ответ на настойчивые, но нереальные требования Центра.

Телеграмма Центра дает ответ на вопрос о мотивах вербовки приятеля «Джо»: он «питает старые симпатии к нам и с радостью согласился работать для нас».

Следовательно, и приятель относился к числу лиц, сочувствующих коммунистическому движению, и был привлечен к работе на идейно-политической основе.

В мае следует очередное напоминание Центра о форсировании вербовки офицеров. Зорге же, в свою очередь, докладывает о «приятеле Джо» и предупреждает, что не следует ждать скорых результатов.

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 60 от 7.5.39: «Сообщает, что никогда не забывает указаний, получаемых от Директора. По последней телеграмме они должны вести работу в отношении приятеля ДЖО для того, чтобы увеличить число ценных источников. Но это трудно и не дает возможности быстро ожидать результатов. Полный доклад высылается следующей почтой».

Во второй половине января Зорге поднимает вопрос о возвращении в Советский Союз.

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 85 от 20.1.39:

«Рамзай просит разрешить ему вернуться в СССР не позднее мая месяца, если события не получат угрожающего развития». Реакция последовала спустя десять дней и была отрицательной. Аргументация: отъезд «Рамзая» «чувствительно скажется на нашей работе. К тому же сейчас нет человека, равного ему, для замены».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 74 от 2.2.39:

«Сообщается, что усложняющаяся с каждым днем международная обстановка не позволяет отозвать его в ближайшее время на родину. Отъезд его чувствительно скажется на нашей работе. К тому же, сейчас нет человека равного ему для замены. Просит отложить просьбу для более благоприятной обстановки. Будут приняты меры к замене в начале 1940 года. Согласен на месячный отпуск без выезда из страны. Для поправки здоровья средствами себя просит не ограничивать».

В организационном письме от 4 июня 1939 г. (переведено только 7 октября!) «Рамзай» докладывает о возросших трудностях:

«К сожалению, необходимо Вам сообщить о растущих трудностях продолжения работы для меня. Первой причиной этому является значительное увеличение, а также пространственное переполнение помещений посольства. Почти всюду здесь новые люди, не имеющие личного общения со мной, с которыми только постепенно, через много лет, можно будет снова наладить связь. Дальше, здесь частично люди т.н. "нового слоя", т.е. из наци кружков,

которые практически являются бесплодными, не знающими, а, следовательно, ничего не имеют.

И, в-третьих, нужда в помещении для посольства, а также ВАТ аппарата такова, что я для себя, прежде на месте проводимой работы, учебы и особенно художественной съемки не могу найти никакого места. Из месяца в месяц становится тяжелее составлять почту, и с июля месяца не вижу никакой возможности найти какое-либо место, где бы мог продолжать работу последних лет. Вы должны понять одно: из помещений аппарата посольства и ВАТ возможность взять что-либо с собой при здешних жилищных и охранных условиях почти исключается совсем. При здешних условиях даже лучший мой друг не решится выдать из аппарата посольства и ВАТ простого куска бумаги. Для этого здесь слишком трудные общие полицейские и охранные условия. Итак, грозит опасность, что вся новая техника, которую здесь развернул я и которая должна применяться, по моему мнению, во всех полицейских странах чистой воды, а именно: "обработка материала на месте", т.е. в соответствующих бюро, стоит под угрозой в связи с чрезвычайным недостатком места.

Не нужно забывать, что аппарат ВАТ и посольства развился в несколько лет из отдельных людей, с которыми имел связь, в громадное учреждение с десятками людей. Я себе ясно еще не представляю, как я эти трудности преодолею. Кроме того, сюда необходимо прибавить, что Отт остался единственным лицом из "старых времен", а все остальные — новые люди, и, наконец, то, что Отт стал главным лицом и в соответствии с этим у него очень мало времени для непосредственных обсуждений и общений со мной. Так мрачно смотрю я на будущее. Дальше, также "Джо" и "Отто" начинают страдать от долгого пребывания здесь. Благодаря усиливающемуся контролю, все суживается возможность свободного передвижения. **У меня такое впечатление, что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем, или, по крайней мере, на долгое время** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Пока не будет иметь места новая ориентация или полная реорганизация ничего добиться нельзя будет. Вернейшим я считаю — новые начинания с новыми силами. Мы же постепенно становимся использованными, ненужными в отношении наблюдательных учреждений и важных лиц.

Фрицу в его работе пока везет. Связь и его легализация очень хороши. **Однако и здесь я могу повторить мою старую просьбу еще раз: посылайте новых людей, по меньшей мере, в качестве помощников, которые после смогут служить заменой.** Это же не дело, что практически всю работу ведут я и Фриц. Мы должны были много лет тому назад получить помощь, которая бы потом развилась в смену и привлекла бы новых помощников. Не забывайте, что я уже 6 лет здесь живу и 9 на Дальнем Востоке, с очень непродолжительным пребыванием дома. **Тяжелый несчастный случай год тому назад я преодолел, тем не менее, девять лет вне дают себя чувствовать все больше и больше.** Пожалуйста, передайте Кате привет от меня. Я очень сожалею, что так долго обнадеживаю ее своим приездом. Однако ответственность за это, дорогой директор, несете Вы сами. Мы есть и остаемся Ваши старые, верные и послушные сотрудники.

Тысячу приветов, всем Вам, там дома.

РАМЗАЙ, 4 июня 1939 г.

С немецкого. Переводчик ФЕЙГИНОВА. Отп 1. экз. 7.10.39».

Летом 1939-го объем информации, поступавшей от Зорге, резко сократился.

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 88, 25.8.39:

«По сообщению Джо и Мики со времени июля в армию призвано необычайно большое количество людей. Большинство вновь призванных из запаса молодых возрастов. По сведениям одного майора из отдела печати Генштаба, Генштаб намерен отозвать с фронтов всех солдат в возрасте свыше 35 лет и обновить яп. армию в Китае солдатами более молодых возрастов. Часть прослужившие 2 года будут отозваны с фронтов и заменены новыми. Шолль считает, что это означает посылку в Китай новых реорганизованных дивизий в составе 3 п. полков».

Центр упрекает, однако, Зорге в том, что тот «уклоняется от дачи требуемой информации». Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 52 от 21.8.39: «Говорится, что текущая информация Рамзая ухудшилась, а в последнее время ее объем чрезвычайно снизился. Летом информация не поступала. Говорится, что Рамзай уклоняется от дачи требуемой информации. Требуется перестроить работу и использовать все имеющиеся возможности по добыванию материалов из офиса Анны (посла Отт. — *М.А.*). Требует оплаты источников лишь в том случае, если они оправдывают ее своей работой. Требует сообщить о получении телеграммы».

Уже после арестов были расшифрованы телеграммы, перехваченные станцией японского Министерства связи в Корее. Не исключается, что телеграммы были расшифрованы самим Клаузеном в тюрьме. Среди таких радиограмм было два сообщения, якобы, датированные 1 сентября: «Качество вашей информации о текущих военных и политических проблемах в течение лета постепенно становилось все хуже. За этот период Япония предприняла ряд важных шагов в подготовке нападения на Советский Союз, но мы не получили от вас никакой сколько-нибудь значительной информации. Поскольку германское посольство хорошо информировано по этой теме, будьте добры получить информацию у них и сообщить нам по радио, не откладывая. Поскольку вы очень опытны в своей работе и ваше положение в посольстве необычайно высоко, мы просим и ожидаем обширной, достаточно свежей информации от вас по военным и политическим проблемам. Но вы остаетесь в стороне, посылая нам информацию, не представляющую особой ценности.

Мой дорогой Рамзай, я вновь обращаюсь к вам с просьбой изменить ваш метод собирания информации... Так и только так ваше пребывание в Японии будет иметь хоть какую-то ценность для нашей работы. Чтобы получить информацию лучшего качества, следовало бы полнее использовать возможности Джо, Мики и Отто. Платите им вне зависимости от того, выполнили они свою работу или нет. Вы должны обдумать важность вашей работы... Мы уверены, что вы бесконечно преданы своей Родине. И мы чувствуем, что вы можете работать лучше. Подтвердите, пожалуйста, получение».

В тот же день поступило другое сообщение: «Два месяца назад я указал, что вашей самой непосредственной и важной проблемой было воспользоваться услугами нескольких японских армейских офицеров, но до настоящего времени не получил ответа... Я считаю эту работу жизненно важной для решения проблемы. Будьте добры телеграфировать наблюдения и планы. Уверен, что вы добьетесь в этом успеха»[106].

Оба послания подписаны «Директор», что означало, что они исходили от начальника 5-го Управления.

Центр сообщает «Рамзаю», что не получил от него «никакой сколько-нибудь значительной информации», в то время как «за этот период Япония предприняла ряд важных шагов в подготовке нападения на Советский Союз». Это утверждение не имело отношения к действительному положению вещей. Еще 13 августа Зорге докладывал: «От японского императора поступило специальное распоряжение — не увеличивать военные действия на маньчжурскую границу».

Что до вербовки японских офицеров, то их количество определяется словом «несколько», а уровень требований Центра опускается до «армейских офицеров».

Мемо «РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ от 13.9.39:

«Сообщает, что наши требования понимает, но в виду того, что майор Шолль уехал, сведения такого рода достать трудно. Кроме того, были затруднения в передаче из-за плохих атмосферных условий. Удивлен нашей уверенностью в том, что майор Шолль знает о подготовке Японии против СССР. Работаю усиленно, но после того, как было достигнуто соглашение между СССР и Германией, возможности аппарата Шолля еще более уменьшились. Просит пересмотреть наше ошибочное мнение о том, что он не интересуется планами японского генштаба».

«Резолюция Комдива тов. ПРОСКУРОВА». *«Выждать некоторое время для ответа».*

Отвечая на вопрос судьи Кадзуо Накамуро 19 августа 1942 г., какую информацию собирала резидентура «Рамзая» во время событий на Халхин-Голе, Зорге дал следующий ответ:

«Сведений об истинных намерениях Японии я узнал в германском посольстве. В ответ на соответствующий запрос германского посольства японские военные дали туманный ответ, но из него становилось понятно, что у них нет желания превращать этот широкомасштабный пограничный конфликт в войну и вроде бы они планируют его разрешить. От Одзаки и Мияги также поступали сведения, что и военные, и правительство, кажется, не хотят большой войны, хотя они ввели в действие и танки, и авиацию. Лично я сосредоточил свое внимание на том, отправляются или нет из Японии в район боев элитные части. Я считал, что именно отправка таких частей из Японии к месту боев может свидетельствовать о желании начать войну. Я установил, что не отправлялись танковые части и соединения тяжелой артиллерии, не отправлялись и крупные части. Речь могла идти только об усилении группировки за счет воинских соединений из Маньчжурии и Северного Китая.

Первоначально я думал, что конфликт будет быстро урегулирован, но он неожиданно затянулся. Однако у меня не возникло представления о том, что он перерастет в войну. Это основывалось на том, что обстановка в Европе и Восточной Азии не позволяла Японии вести войну. Тем не менее, в Москве опасались того, как бы этот конфликт не перерос в войну. Я направил несколько донесений в Центр. Их точного содержания я не помню, могу только сказать, что я писал, что не верю в возможность войны, так как к месту боев не перебрасываются войска из Японии, хотя подкрепления присылаются из Маньчжурии и Северного Китая»[107].

Отсутствие намерений у Японии развязать войну с Советским Союзом летом 1939 г. обуславливалось не столько тем, что не проводилось переброски элитных соединений на материк, сколько тем, что не проводилось крупномасштабного сосредоточения японских войск в Маньчжурии (до 45 дивизий), как это предусматривалось вариантом «Оцу» «Плана операции № 8».

На информационное письмо «Рамзая» от 4 июня, которое было доложено только 8 октября, начальник 5 Управления РККА наложил следующую резолюцию: «т. Кисленко:

1. Продумать, основательно, как компенсировать отзыв Рамзая.

2. Отправить ему телеграмму и письмо с извинением за задержку и изложением необходимости еще поработать, приспособившись к этим усложненным условиям. Подобрать из состава этих новых молодых людей, подходящих для ориентировки на них его самого и смены. Запросить, где лучше посадить смену, под какой крышей и чем он может нам в этом случае содействовать.

3. ....

4. Надо выдать ему и остальным единовременную премию.

Проскуров. 8/X.39/».

Что имел в виду Проскуров, когда писал резолюцию: «Подобрать из состава этих новых молодых людей...», сказать трудно. Одно ясно, что и он, и руководство 2-го отдела и 10-го отделения плохо представляли себе оперативную обстановку в Токио и, в частности, в германском посольстве.

29 октября в Центре был подготовлен проект ответа на июньскую почту Зорге:

«ДОРОГОЙ РАМЗАЙ! Вашу почту от июня 1939 года получил в исправности. Все материалы, полученные в этой почте, по-прежнему, представляют для нас ценность. Качество Ваших материалов показывает, что Ваше пребывание там оправдывается полностью. Ваша работа для нашей родины имеет большое и важное значение. И Вы не правы, когда заявляете, что Вы уже отработали, что лучший период Вашей работы уже прошел и Вы не нужны. [*Наоборот, Дорогой Рамзай, Вы по-прежнему остаетесь нашим лучшим старым и опытным работником.* — Вычеркнуто Проскуровым]. Этот Ваш пессимизм я объясняю Вашей усталостью в связи с долгим пребыванием в тяжелых условиях работы и тоску по родине и семье. Но Вы понимаете, дорогой Рамзай, что настоящая международная обстановка, которая в любой момент может принести новые моменты в жизни [*всех стран — вычеркнуто*], заставляет [*меня просить Вас снова*] продолжать Вашу [*ценную*] работу еще [*один*] год. Ваш передовой участок работы изобилует многими трудностями, которые увеличиваются с каждым днем, и только Ваш богатый опыт и умение дают возможность преодолевать все эти трудности. [*Из этих трудных положений Вы всегда выходили победителем, что показывает качество Вашей работы. Я верю, что в этот последний год Вы приложите максимум усилий для добывания ценных сведений, освещающих политику и мероприятия зеленых в изменившейся международной обстановке и строительство вооруженных сил. Пока что, не имея возможности лично встретиться с Вами, я могу в письменной форме заверить Вас, что Ваша работа на пользу нашей родины будет высоко оценена. Ваша страна никогда не забывала своих незаметных героев, которые лучшие годы своей жизни отдают работе в труднейших усло-*

виях вдалеке, на передовых позициях, — поперек этого текста написано рукой Проскурова: "Пересоставить".] мужественно преодолевая все трудности, лежащие у них на пути выполнения поставленных перед ними задач. Телеграммой я уже Вам сообщал о моем плане замены Вас в конце 1940 года. Я думаю, что вы сможете найти себе заместителя в Вашей среде. Вы уже давно находитесь в этой среде и, естественно, хорошо знаете всех людей, окружающих Вас. Знаете, как и чем они живут, каковы их настроения, перспективы и поэтому сможете найти надежного человека, которому бы Вы могли доверить Вашу ответственную работу. Возможно, в аппарате Анны (Отт. — *М.А.*) Вы такого человека не найдете, тогда его нужно найти в другом месте, но чтобы он был тесно связан с Анной и аппаратом Марты. Если такой возможности у Вас не будет, то для этой цели нужно использовать Фрица. Я уверен, что при Вашей способности общения с людьми, авторитете, которым Вы пользуетесь в Ваших кругах — эта задача для Вас вполне выполнима. Кроме того, совершенно понятно, что Ваш отъезд не должен означать свертывания работы Вашей группы. Ваша группа должна существовать и остаться боеспособной на большие дела.

Для этого за оставшееся время прошу развернуть энергичную работу по вербовке новых, ценных источников, главным образом, в военных кругах грин-бокса (японский Генштаб. — *М.А.*). Это боевая и главнейшая задача для Вас на 1940 г. Средства для выполнения этой задачи у Вас имеются. Я имею в виду Мики и Отто, которые имеют некоторые зацепки в рядах грин-бокса. Как я уже ранее Вам сообщал, в случае невозможности привлечения источников для работы прямо для нас, это следует осуществлять под видом работы на другие страны. Вполне уверен, что Вы приложите максимум усилий и все свое умение в выполнение этой важнейшей задачи и успешно ее завершите. Данные о разработках сообщайте мне по проводу и письмами.

ДЖО и ОТТО. — Последнее время они начали давать более лучшие сведения; но, все же, поступаемая от них информация очень мала. Они оба, несмотря на увеличивающиеся трудности, имеют возможность добывать больше ценных сведений о политике и мероприятиях зеленых. Вы, со своей стороны, должны все время подталкивать их на еще более активную работу. Поставьте также перед ними вопросы вербовки новых источников, если не прямо, то косвенно, выяснив у них их знакомых, которых можно было бы начать изучать и разрабатывать Все проводимое в этой области сообщайте мне воздухом и подробно письмом. Кроме того, я располагаю очень небольшими данными о Джо и Отто, поэтому прошу Вас следующей почтой заполнить этот пробел, представив мне подробные автобиографические данные на обоих.

МИКИ. — Большая часть материалов Мики представляет большой интерес, часть материалов легального — из японских официальных наставлений. Вы не пишите, как ведется работа с ним, что сделано в отношении его за это время. Для Мики Вы наметили прекрасный план проталкивания его в грин-бокс, завязывания знакомств с людьми из грин-бокса. Это нужно обязательно с успехом реализовать. По всем данным, Мики представляет собой ценную фигуру, через которую мы в дальнейшем можем получать ценные сведения по ряду мероприятий грин-бокса. Поэтому работу с ним прекращать нельзя, а нужно продолжать в духе намеченного плана. Следующей почтой сообщите мне подробный план по работе с Мики. С этим письмом Вам вручается 4.900 амов из расчета 3000 на расходы в первом квартале 1940 г., и 1900,

о которых я Вам сообщал телеграммой. Из них 1000 амов Вам, Фрицу — 500 и Джо и Отто по 200 амов. Жму крепко руку. ВАШ ДИРЕКТОР».

№ 1 29 октября 1939 г. *Не утверждено и не послано*. Верно: Иванов. 9.XI.39». Трудно представить себе, как Центр с «Рамзаем» собирались «проталкивать» «Мики» в японский Генеральный штаб. Судя по всему, письмо так и не было «пересоставлено», Центр решил ограничиться шифртелеграммой.

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 92 от 11.X.39:

«Передается благодарность Директора за хорошую работу. Указывается на необходимость еще поработать один год и за это время постараться подыскать себе заместителя в среде аппарата Анны или на стороне, но имеющего связь с Анной. Ставится предложение, нельзя ли для этой работы использовать Фрица. В этом случае из Центра будет прислан человек для замены на специальной работе Фрица. Сообщается о высылке в ноябре вознаграждения Рамзаю — 1000 амов, Фрицу — 500, Джо и Отто по 200 амов и денег для ведения работы». Задача подыскать замену «Рамзаю» в «среде аппарата» германского посла Отта или на стороне, но имеющего связь с ним, и предложение рассмотреть возможность использования для этой работы Клаузена свидетельствует о непонимании Центром роли, которую играл Зорге в деятельности нелегальной резидентуры в Токио. Зорге заменить было некем, и оставалось его держать до провала, на который была обречена резидентура и который рано или поздно должен был произойти, во многом из-за непрофессионализма ответственных сотрудников 5-го Управления, а также из-за негативного отношения в Центре к «Рамзаю» и его резидентуре.

Из организационного письма Зорге, написанного в октябре и переданного в начале декабря 1939 г. через связника в Токио: «ДОРОГОЙ ДИРЕКТОР! Получив Ваше указание — остаться здесь приблизительно еще на год. Как бы сильно мы ни стремились отсюда домой, мы, конечно, выполним Ваше указание и будем продолжать здесь работу. С благодарностью принимаем выданную Вами особую сумму для отдыха и отпусков. Единственная трудность состоит в том, что нелегко будет получить отпуск. если мы пойдем в отпуск, то это сейчас же понизит нашу информацию. ...

Организационное. Возможности аппарата ВАТ становятся все меньше. Последняя замена сотрудников в японском генштабе нарушила у него последние связи. Малая заинтересованность в точных организационных данных сделала аппарат ВАТ мертвым трупом. Мои попытки работать непосредственно с японцами пока еще не увенчались большим успехом, т.к. Мики еще не подготовлен для того, чтобы приступить к более важным вопросам в работе. Однако мы продолжаем наши стремления. **В качестве помощника или кандидата для замены меня может подойти Коммерсант** (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*). Он давно здесь находится и имеет хорошие связи с аппаратом посла и ВАТ. **Но его судьба еще не выяснилась**. Еще не ясно, сможет ли он остаться здесь постоянно или должен будет вернуться в Китай или Берлин. С этим решением придется еще подождать, прежде чем мы сможем сделать определенные предположения.

Для нас будет очень важно получить помощь для Фрица. Во-первых, Фриц сильно перегружен, ибо он, так же, как и я, должен ежедневно очень активно и напряженно работать для своей легализации. Во-вторых, мы считаем необходимым всегда иметь одного человека-замену. Фриц иногда может

заболеть, физически занемочь, когда связь нарушится. По нашему мнению — это не годится. Нам нужен кто-нибудь, кто бы вел счетные работы, а в случае нужды вместо Фрица мог бы заменить его. Здесь едва ли можно найти, что-нибудь подходящее. Кроме того, мы настоятельно просим прислать нам одного американца или еврея, ставшего американцем или англичанином. Европейская война отрезала меня от всех связей с другими национальностями. Сюда бы надо такого человека, каким был несколько лет тому назад Хазе или второго Густава.

Осуществленные связи работали; хотя иногда возникали определенные трудности. Метод может быть на будущее сохранен. Будьте здоровы, дорогой Директор. Сердечные приветы от всех нас и крепкое рукопожатие от Вашего Рамзая.

[Резолюция начальника 5-го Управления]: *т. Кисленко. 1...*

2. По орг. вопросам доложить предложения. Проскуров. 20.1.40.».

Конечно, «Коммерсант», Гельмут Войдт, с его социальным положением и интеллектуальным уровнем — был не «Фриц». Однако, и он, невзирая на рекомендации «Рамзая», не мог заменить последнего. Многолетние доверительные отношения, которые связывали Зорге с Оттом, Одзаки и Мияги, невозможно было заменить ни по указанию Центра, ни даже по личной просьбе самого «Рамзая».

Новый, 1939 год, начался с просьбы Зорге обеспечить постоянную связь с континентом — Китаем, на случай перерыва радиосвязи. Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 68 от 4.1.39: «Просит организовать какую-нибудь постоянную связь с его фирмой на всякий случай, если радиосвязь будет прервана. Просит адрес на континенте, куда в критическом положении кто-нибудь мог бы быть послан. Сообщает, что уехал в 2-х недельный отпуск.

Примечание: Дана явка к "Кристи" см. дело явок».

В течение двух месяцев с начала апреля по июнь Центр согласовывал с «Рамзаем» вопрос организации встречи с кем-то из резидентуры. Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 26 от 4.4.39: «Запрашивается Рамзай, кто из его работников или он сам может выехать на встречу для передачи ему денег на дальнейшее питание, когда ориентировочно можно выехать и в каком городе он считает наиболее целесообразным провести встречу».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 55 от 25.4.39:

«Просит выслать на счет Фрица телеграфом из Америки 1500 амов через банк Мицубиси. Считает, что Фрицу иногда необходимо получать деньги из других стран. Предполагает встретиться с нами в середине мая. На встречу приедет сам или жена Фрица. Для встречи намечает город Шанхай. Подтверждает получение 1000 амов из Америки. Просит позаботиться о деньгах для работы. Просит учесть это при встрече».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 49 от 5.5.39:

«Сообщается явка для встречи с нашим человеком. Встреча для ознакомления происходит в Кафе-ресторане "Палас" на Нанкин Род. Приезжий приходит в ресторан около 16.30 и занимает место за одним из столиков слева от входа, лицом к Банду. На столике с правой стороны кладет сверток в виде завернутой книги. Обертка зеленая. Сверток перевязан красной ленточкой. На

свертке сверху перчатки, положенные крест на крест. Местный входит в ресторан около 16.35, проходит по левой стороне и занимает один из столиков слева от входа. На столе кладет прямоугольный сверток, завернутый в желтую бумагу и перевязанный красной ленточкой. Вынимает трубку, набивает и, не раскуривая, кладет сверху пакета. Для опознания приезжий перекладывает перчатки на левую сторону. Местный раскуривает трубку. Расходятся в разное время. Встреча для переговоров происходит в тот же день на улице Лафайетт / Lafayette/. Местный идет по левой стороне от улицы Потье /Potier/ в направлении улицы Пишон /Pishon/. Приезжий идет по правой стороне улицы Лафайетт от Пишон в направлении Потье. Оба начинают движение ровно в 20.00. В левой руке у каждого по газете. Местный при встрече обращается с вопросом: "Не откажите сказать, как пройти на улицу Пишон" /Would you tell me, how to get to route Pishon /. Приезжий отвечает: "Простите, я не знаю, я ищу улицу Потье" /Sorry, I do not know I am looking for Route Potier/. В случае, если встреча для ознакомления или явка в назначенный день почему-либо не состоятся, повторение на следующий день, а затем каждые 5, 10, 15, 20 числа следующего месяца до встречи. Встреча назначена на 25 мая, в первый день приезда».

Чрезвычайно сложные условия для запоминания по условиям встречи двух ранее незнакомых людей. И свертки с оберткой и ленточкой, и перчатки, положенные крест на крест, и трубка, которую не сразу раскуривают, — совершенно излишние элементы. Все это признаки для опознания. При этом предлагаемое сочетание цветов: зеленый и красный, желтый и красный не могли не привлечь внимание не только тех, для кого предназначались, но и посторонних. Более того, нагромождение опознавательных признаков могло привести к путанице. Непонятно, почему встреча проводилась спустя три с половиной часа после опознания.

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 69 от 16.5.39:

«Сообщает, что курьером будет жена Фрица. Приедет в Шанхай 30 мая пароходом "Емпресс ов Канада". С предложением о встрече согласен, но просит переменить дни встреч. Сделать 1-ую и 2-ую встречи 5 и 6 июня, а запасные по предложению Центра. Настаивает на изменении первых дней встречи для того, чтобы не ожидать долго с запасом почти в 40 пленок».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 59 от 20.5.39:

«Удовлетворяется просьба Рамзая о днях встречи в Шанхае в июне м-це. Повторяется, что ознакомительная встреча назначается на 16 ч. 30 м. 5.6 и в тот же день встреча для передачи материала и получения денег в 20 часов вечера. Контрольная встреча — 6 июня. Указывается, чтобы с почтой выслал подробную биографию МИКИ и его доклад о японской армии в Маньчжурии, особенно о количестве и качестве тяж. Артиллерии».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 75 от 26.5.39:

«Сообщает, что ФРИЦУ нужны радиоматериалы, и поэтому он решил послать его на встречу в Шанхай. ФРИЦ выедет 6 июня и прибудет 8 июня. На встречи выйдет 10 и 11 июня. В случае, если встречи не состоятся в эти дни, то переносятся на 16 и 17 июня. Просит передать дни встреч нашему человеку. Причина задержки выезда в болезни Рамзая, находящегося в госпитале на излечении. Болезнь не серьезна».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 4 от 2.6.39:

Дается согласие на посылку ФРИЦА и установленные дни встреч. Примечание: КРИСТИ дана телеграмма № 3 о перемене дней встреч и замене женщины мужчиной.

Мемо Кристи — Центру № 122 от 11.6.39:

«Сообщает, что встреча с Фрицем была. Получена от него пленка и передано ему 6000 амов. Фриц передает, что его предприятие работает хорошо. Имеется 10 японских рабочих и 18 служащих. Просит перевести ему 2000 на текущий счет в отделение Гонконг — шанхайского банка в Шанхае, т.к. в Японии он не имеет возможности получить из банка валюту.

Рамзай просит через Кристи отправить жене посылку. **Рамзай и Фриц решительно настаивают на замене в ближайшее время** (выделено мной. — *М.А.*). По всем пунктам Кристи просит дать указания к встрече 14.6.39».

Мемо Кристи — Центру № 126 от 15.6.39:

«2. Кристи выданы Фрицу дополнительно 2000 амов. Эти 2000 Фриц вносит в шанхайский банк и через последний будет оплачивать свои заказы на сырье».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 36, 17.8.39:

«Рамзай сообщает, что для сопровождения одного лица (сына Отт) выезжает в Шанхай, и в связи с этим предлагает передать нашему человеку почту и получить от него резервные средства в сумме 4000 амов. В почте 12 фильмов с материалами из офисов посла и военного атташе, учебник для офицеров военной школы, о новом легком пулемете образца 96 с приложением, издания мая этого года. Может встретить нашего человека 29 августа. Просит срочить условия встречи и пароль».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 51, 20.8.39:

«Говорится, что для встречи Рамзая нет подходящего человека. Рекомендуется послать важные сведения из почты телеграфом. Деньги у него еще есть, без резервных у него имеется включительно по дек. текущего года. Резерв будет выслан в течение ближайших двух месяцев».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 90, 25.8.39:

«Сообщает, что в виду сложившейся критической обстановки он откладывает свою поездку в Китай на некоторое время».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» от 26.X.39:

«Сообщается о невозможности встречи в Шанхае и предлагается провести встречу в Токио. На встрече передаются деньги и получается почта. Встреча назначена на вторую половину ноября 39 г. Условия встречи и пароль см. стр. Запрашивается мнение Рамзая (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*)».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 138 от 11.11.39:

«Предлагает связаться с "Коммерсантом", который сейчас находится в Шанхае, но вскоре приедет в Токио для официальных переговоров с нем.

посольством. "Коммерсант" мог бы привести амы и передать их РАМЗАЮ. "Коммерсант" может приехать по специальному курьерскому паспорту, который он получит в отделении нем. посольства в Шанхае. Рамзай с "Коммерсантом" хорошие друзья. Рамзай вербовал его для работы в нашей фирме 9 лет назад. Предлагает поторопиться, чтобы захватить "Коммерсанта" до его отъезда в Токио».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ от 9.11.39:

«Сообщает, что забываем о Жигало и его жене. Деньги можно высылать на счет Фрица в Шанхай в адрес Чэйз банк, Шанхай, Нанкин Рид. CHASE Bank, Shangai, Nanring Road. Деньги высылать только в амах, так как Фриц открыл счет на амы».

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 143 от 12.11.39:

«Сообщает, чтобы при высылке ему денег по адресам, которые он ранее прислал Центр должен иметь в виду, что их нужно присылать от голландца».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» № 13 от 16.11.39:

«Запрашивается адрес Фрица согласно телеграммы № 2086. **Сообщается, что связаться с Коммерсантом в Шанхае не имеется средств.** Предлагаются следующие условия связи: связник легального аппарата «Кротов» (С.Л. Будкевич) покупает 3 билета в кинотеатр, один оставляет себе, а два посылает «Фрицу» (М. Клаузен) — почтой, на его домашний адрес. «Фриц» является в кино с женой «Анной».

Из «Служебно-политического отзыва на состоящего в распоряжении 3-го Отдела РУ СТ. ПОЛИТРУКА тов. БУДКЕВИЧА Сергея Леонидовича»:

«БУДКЕВИЧ С.Л., рождения 1905 г., по соц. положению — рабочий, член ВКП (б) с 1925 года. Окончил в 1935 году Московский Институт Востоковедения (институт НАРИМАНОВА — *М.А.*). Владеет японским и английским языками. К разведывательной работе привлечен с 1935 г. В зарубежной командировке в Японии с мая 1936 года. Работал по линии НКИД секретарем консульства в Кобе и с 1939 года — Заведующим Консульским отделом при Полпредстве СССР в Токио. **До поступления в РУ и перед отправкой в Японию агентурной подготовки не имел.**

При командировании за рубеж ему были поставлены следующие задачи:

а) Изучение военной промышленности Японии и наблюдение за перебросками войск через порты: Осака, Кобе.

б) Изучение английского и японского языка и агентурной обстановки в стране.

в) Поддержание связи с источниками.

В дальнейшем, Центром были поставлены дополнительные задачи по вербовке ценных источников из японцев и иностранцев.

С информационными задачами справлялся удовлетворительно.

Политически развит хорошо. По оценке резидента ЮРИЯ, БУДКЕВИЧ авторитетом среди советской колонии пользовался.

Военной подготовки не имеет.

...

ВЫВОД:

За 4 года пребывания в стране т. БУДКЕВИЧ хорошо изучил японский и английский языки, экономику страны, агентурную обстановку и приобрел навыки в работе по связи и руководству источниками. Однако основной работы по вербовкам и созданию сети не выполнил ...

Может быть использован в качестве референта по японскому языку или преподавателем ВСШ.

И.Д. НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА РАЗВЕД. УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ПОЛКОВНИК (Попов)
НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА
ПОЛКОВНИК (Воронин)[108]

1 февраля 1941 г.

ВСШ — Высшая специальная (разведывательная) школа Генерального Штаба Красной Армии. Даже в начале 1941 г. в Служебно-политическом отзыве на С.Л. Будкевича не содержалось упоминания о том, что он поддерживал связь с резидентурой «Рамзая».

Мемо «РАМЗАЙ» — Центру № 149-150 — 19.11.39:

«**На встречу с нашим человеком согласен.** Просит повторить № места на билет нашего человека, указать ему, чтобы принял все меры предосторожности, идя в театр. Билеты купить самые лучшие. АДРЕС ФРИЦА: Центральный Почтамт, ящик № 594 (Central Post, office box number 594). Этот адрес может служить для посылки денег. Ввиду инфляционной тенденции валюты, предлагает выслать деньги в купюрах не более 20 амов и часть в любой купюре. У нас есть хорошая возможность по обмену долларов».

Мемо ЦЕНТР — «РАМЗАЮ» на №150 от 21.11.39:

«Разъясняется, что из 3-х купленных билетов, 2 с большими номерами места будут посланы Фрицу с женой. А билет с меньшим номером места наш человек оставит себе. Дается пример: 20 и 21 — Фрицу, 19 — у нашего человека».

Мемо КРЫЛОВ — ЦЕНТРУ № 165 от 27.11.39:

«Сообщает, встреча с курьером РАМЗАЯ (Фрицем) намечена 29.11 на сеансе с 19 часов. Билеты №№ 31 и 32 посланы утром 27.11. У Кротова билет № 30».

«Крылов» — А.А. Якимов, с марта 1838 г. секретарь военного атташе при полпредстве СССР в Японии.

Из письма Центра в Токио «Крылову», исполнявшему обязанности резидента резидентуры военной разведки под официальным прикрытием:

«ДОРОГОЙ КРЫЛОВ!

1. Вашу почту от 24.9.39 г. получил в исправности.

...

13. С этой почтой Вам высылаются деньги в сумме 9.900 амов. Из них 5.000 амов Вам (3.000 амов на расходы в 4 квартале 1939 г. и 1-ом квартале 1940 г. и 2.000 амов резервных средств) и 4.900 амов для передачи № 9 (нашей нелегальной рез-ре). Для передачи в конце ноября используйте Кротова. Передачу произвести следующим образом: Кротов за 3-4 дня покупает № 10 (3 билета в кинотеатр «Империал») и два из них посылает по почте в № 11

(адрес Фрица), один № 10 (билет) с самым меньшим номером оставляет себе. Рядом с Кротовым сядет то лицо, которому он должен будет передать пакет с деньгами и принять от него почту. Пароль: в антракте, сидя на месте, Кротов должен по-английски обратиться к этому лицу и № 12 (попросить программу для прочтения содержания картины).

Тот ему должен ответить: № 13 («Возьмите, пожалуйста, она написана по-японски, и я все равно ничего не понимаю»). После этого произвести обмен пакетами в темноте. После выполнения Кротовым этой задачи ему можно будет выехать на родину.

ПРИЛОЖЕНИЕ: …

№ 5

29 октября 1939 г.».

«Крылов» — подполковник Якимов А.А., первоначально не предназначался Центром для организации и проведению оперативной работы, а тем более — к руководству агентурной работой резидентуры.

«УТВЕРЖДАЮ»
Вр. НАЧ.2 ОТДЕЛА
майор /ХАБАЗОВ/

ПЛАН ПОДГОТОВКИ «КРЫЛОВА»,
командируемого в Японию

1. Намечаемое использование «КРЫЛОВА» по линии РУ:

Тов. …… будет привлечен к оперативной работе в качестве шифровальщика для обработки телеграмм, а также в качестве фотографа для обработки почты и агентурных материалов. По усмотрению резидента может привлекаться для разработки отдельных вопросов по агентурной обстановке страны, а также для наблюдательных поездок по стране.

Как исключение, в случаях особой необходимости, может быть использован как связник для проведения встреч по заданиям Центра.

2. План подготовки т. ……..:

а/ Срок подготовки: с 25.11 по 9.12, т.е. 13 дней, по 8 часов,
всего — 104 часа.

б/ Предметы изучения и расчет времени:

Изучаемые предметы. // Кто руководит. // Число часов.

1. Новейшие материалы по дислокации, группировке, технике и вооружению частей яп. армии; фамилии и характеристики важнейших военных деятелей, членов правительства и командиров частей. Политические группировки в армии и стране. Новейшие материалы по военно-политическому положению и экономике Японии. //Майор т. ШЛЕНСКИЙ. // 22.

2. Ознакомление с техникой проведения встреч в японских условиях. Система полицейской слежки в стране. Явки. Пароли, приметы. Изучение мест назначенных встреч. Поведение на месте встречи. Передача денег, получение материалов. //Майор СИРОТКИН. // 6.

3. Шифровальное дело. // Полк. комиссар ОЗОЛИН.//20.

4. Фотодело /включая микро/. //По назн. полковника СМИРНОВА.//30.

5. Японский язык /тренировка в разговорном языке и самостоятельные переводы/.// Политрук тов. КОНСТАНТИНОВА и майор ШЛЕНСКИЙ.// 26.

ВСЕГО: 104 часа.

ВР. НАЧАЛЬНИКА 7 ОТДЕЛЕНИЯ майор /СИРОТКИН/

25 ноября 1937 г.

Из письма Центра — Лазареву (резидент военной разведки под официальным прикрытием в Токио) от 7.3.38 г.:

«... 5. Для пополнения Вашего аппарата в конце февраля к Вам выехал наш работник с семьей. Задачи, возлагаемые на него и кличку по работе, он Вам сообщит лично. По нашей линии он работает непосредственно под Вашим руководством, должен быть в курсе всей работы и являться Вашим заместителем. **Опыта в работе он не имеет** (выделено мной. — *М.А.*), поэтому на первых порах необходимо обеспечить ему помощь и тщательное инструктирование. Посылаю для передачи ему приложение №1».

Из «Отчета о работе в Японии «Крылова» — А.А. Якимова:

«В Японии я пробыл с 12 марта 1938 года по 16 января 1941 года.

Перед отъездом никакой специальной подготовки по агентурной работе не проходил, кроме шифрдела и фотообработки документов.

...В январе 1939 года вся петушиная работа, по указанию Директора, была передана мне. В течение этого года от Директора мною было получено ряд настойчивых требований об усилении вербовочной работы среди самоедов и иностранцев с большими агентурными данными.

... Наша работа по подбору нужных для вербовки людей из самоедов положительных результатов не дала, несмотря на то, что Лора, Кротов и Ергунов имели конкретных лиц, правда, с небольшими данными ...

С приездом Юрия (И.В. Гущенко. — *М.А.*) в конце февраля 1940 года, руководство всей петушиной работой было передано ему».

«Петухи» на сленге военных разведчиков в Японии — агенты. «Самоеды» — японцы.

Ниже приводится характеристика на «Крылова», под руководством которого «Кротов» осуществлял связь с нелегальной резидентурой «Рамзая»:

ХАРАКТЕРИСТИКА
на состоящего в распоряжении РУ Генштаба
ПОДПОЛКОВНИКА ЯКИМОВА А.А.

Тов. ЯКИМОВ А.А., рожд. 1902 года, член ВКП(б) с 1925 года, в РККА с 1920 г., в 1936 г. окончил Спец. фак. Военной Академии им. Фрунзе и с октября 1936 г. зачислен состоящим в распоряжении РУ. Имеет военное звание ПОДПОЛКОВНИК.

Тов. ЯКИМОВ в феврале 1938 г. был командирован в Японию на должность секретаря Военного Атташе при Полпредстве СССР в Токио. По оперативной работе он был назначен на должность помощника резидента легальной резидентуры в Токио с задачами: 1) Изучение военной промышленности, системы мобилизации и степени истощения страны войной. 2) Изучение объектов вербовки и развитие знакомств в японской среде. 3) Изучение арсеналов и других военных объектов.

В течение года выполнял обязанности резидента.

По агентурной линии ничего ценного не сделал, опыта агентурной работы не приобрел.

По прибытии Военного Атташе (резидента) в Токио, тов. ЯКИМОВ возглавлял информационную группу аппарата ВАТ, в обязанности которой входило легальными способами собирать сведения о вооруж. силах Японии и об экономике страны.

Присланные информ. материалы за 1940 г. в большинстве признаны средней ценности.

ВЫВОД: С агентурной работой за рубежом не справился. Информационную работу вести может. Целесообразно использовать на информационной работе.

И.Д.НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА РУ ГЕНШТАБА КА
ПОЛКОВНИК (Попов)
НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА
ПОЛКОВНИК (Воронин)

1 февраля 1941 г.
Вр. НО7 — Майор Попов».

Оккупировав в ноябре 1937 г. китайскую часть Шанхая, японские войска не заняли территории, находившиеся под международным управлением, и шанхайские иностранные концессии стали «одиноким островом» в море японской оккупации. С началом войны на Тихом океане 8 декабря 1941 года японские войска вошли на территорию международного сеттльмента и французской концессии и интернировали граждан стран, с которыми Япония оказалась в состоянии войны; «одинокий остров» прекратил свое существование. На оккупированной части Шанхая японские власти создали марионеточное китайское «Правительство Большого пути».

На территории международного сеттльмента и французской концессии Шанхая продолжали работать Генеральное консульство СССР и целый ряд советских представительств и представителей. Оперативная обстановка в городе была многократно «мягче», чем в Токио, невзирая на то, что в Шанхае действовали едва ли не все иностранные спецслужбы, в том числе и японская. «Жесткий» контроль за находившимися здесь советскими гражданами японцы обеспечить не могли. В сентябре 1939 г. из Шанхая был отозван и. о. генконсула М. А. Константинов, а в следующем месяце генеральное консульство было закрыто. Был отозван из Шанхая и «Кристи» — референт полпредства СССР в Чунцине, прикомандированный к генконсульству и обеспечивавший связь с резидентурой «Рамзая».

Изначально почта «Рамзая» через «нелегала» или разведчика под официальным прикрытием в Шанхае поступала в генеральное консульство СССР, откуда вместе с диппочтой отправлялась в Центр. Равным образом почта, предназначенная «Рамзаю», в том числе и деньги, поступала из Москвы с диппочтой в советское генеральное консульство. Однако, закрытие генконсульства лишает Центр возможности поддерживать в дальнейшем курьерскую связь с «Рамзаем» через Шанхай, утрачивается единственный путь пересылки с курьерами почты и денег. Хотя в Шанхае по-прежнему остаются сотрудник 5-го управления Василий Тихонович Власов[109], работавший под крышей корреспондента ТАСС, а также военный разведчик «Леонид» под крышей заведующего представительства ВО «Интурист». Теперь за почтой разведчиков приезжают сотрудники «легального» аппарата из Токио, отследить перемещение которых для токко (специальной высшей полиции) и кэмпэйтай (военной жандармерии) не составляет труда, учитывая неподготовленность или недостаточную профессиональную подготовленность оперативного состава токийской «легальной» резидентуры.

Резервный канал связи с Москвой, помимо Шанхая, так и не был создан. И ответственность за этот грубейший просчет, который, в конечном счете, привел к провалу, лежит на Центре.

Попытки «Рамзая» использовать в качестве курьера из Шанхая «Коммерсанта» оказались безуспешными. Центр отвечает отказом, сообщая, что не имеет средств связаться с «Коммерсантом» в Шанхае.

И хотя принятое в 1937 г. решение об отзыве Зорге и ликвидации его резидентуры не было исполнено, в течение следующих четырех лет к нему сохранялось предвзятое отношение как к «двойнику». В мае 1938 года помощник начальника отделения Попов в справке (составлена для доклада начальнику Разведупра) на резидентуру Зорге писал:

«1. Рамзай. Качество военно-политической информации разнородно. Иногда присылает много ненужного, устаревшего материала, собранного из легальных источников. В марте месяце 1938 г. полученная от Рамзая военно-политическая информация (до 60 отдельных разработок) оценена Командованием РУ высоко. Имеются предположения, что Рамзай работает двойником (возможно на Германию) и как наш резидент, он очевидно раскрыт. Факты: 1) Рамзай был скомпрометирован провалом шанхайской резидентуры, где он работал резидентом; 2) на работу отправлялся врагами народа — Берзиным и др.; 3) имеются сведения, что бывш. жена Рамзая, проживающая в Берлине, знает о местонахождении Рамзая, о его принадлежности к компартии и, якобы, поддерживает с ним переписку.

2. Фриц. Кем и где был завербован Фриц — сведений не имеется. В 1933 г. из РУ был уволен, — по каким причинам — сведений нет. По официальной работе в Токио легализован, как коммерсант — от одной американской фирмы. В политическом отношении Фриц не изучен и не вызывает доверия.

3. Отто. Материалы, присланные Рамзаем от Отто, ценности не представляют. Отто в политическом отношении совершенно нами не изучен, доверием пользоваться не может.

4. Джо. Джо имеет много знакомых художников и в других кругах интеллигенции, от которых черпает сведения и передает Рамзаю. Однажды присланные Рамзаем материалы Джо ценности никакой не представляют.

5. Специалист. Источник-японец, артиллерийский офицер запаса. Завербован Рамзаем в 1933 г. через Отто, который является другом Специалиста. Мелкий коммерсант. Как источник малоценный. В основном дает легальные брошюры и наставления».

Что можно сказать об этих «справочных данных»? Почти целиком они состоят из неверных сведений и необоснованных заключений и свидетельствуют о том, что автор справки не знал ни людей, ни методов работы резидентуры, он даже не ознакомился внимательно с документами, имевшимися в деле. Подозрения о том, что «Рамзай работает двойником», обосновывались в первую очередь ссылкой на «шанхайский провал» и «врагов народа», но дополнялись и упоминанием о связи с женой. В действительности переписка с женой (судя по всему, она имела место) не давала оснований для серьезных опасений: эта женщина в прошлом также была нелегальным сотрудником РУ. В 1933 г., находясь в Берлине перед выездом в Японию, «Рамзай» обязан был отчасти посвятить ее в свои дела, т.к., по согласованию с Центром, предполагал использовать ее паспорт для Ольги Бенарио. Паспорт пересылался в Москву, но был возвращен, а вариант относительно Бенарио отменен. Перепис-

ка с женой, проживавшей в Берлине, была скорее полезна для легализации Рамзая как германского журналиста.

О Максе Клаузене автору справки оказывается «ничего не известно» (хотя «Фриц» уже более семи лет являлся сотрудником РУ). Сведения о легализации неверны: связь с американской фирмой — лишь временный эпизод начальной деятельности «Фрица». Из отчетов Фрица от XII.1937 г. несложно было установить, что он развернул самостоятельное предприятие по производству копировальных аппаратов.

Политическое недоверие к «Фрицу» обосновано весьма своеобразно: тем, что он «не изучен». По той же причине («совершенно нами не изучен») лишается политического доверия и Одзаки Ходзуми. Информационная деятельность «Отто», «Джо» и «Специалиста» характеризуется одинаково для всех: «ценности не представляет».

Анализ каких материалов дал основание для такой оценки — неизвестно.

В декабре 1939 года в справке того же Попова указывалось: «...ЗОРГЕ и вся его группа под руководством врагов народа работала несколько лет и, если враги народа себя продавали иностранным разведкам, то следует считать, что и продавали сеть... Если ЗОРГЕ двойник, то и вся его группа — двойники, но, во всяком случае, работают не на Японию, а скорее всего на Германию».

«О разведывательной работе Рихарда ЗОРГЕ по линии ГРУ в архивах КГБ имеется много противоречивых материалов, которые представляют собой в большинстве случаев сообщения сотрудников ГРУ в НКВД либо показания арестованных сотрудников ГРУ.

Показания арестованных сотрудников ГРУ о том, что ЗОРГЕ являлся агентом немецкой разведки, послужили основанием к заведению 28 января 1939 г. Особым отделом бывшего ГУГБ НКВД СССР дела-формуляр» (дело оперативной разработки) № 21304 [110].

Раз резидент «двойник», значит, резидентура работает под контролем противника и рано или поздно обречена на провал. Пока она существует, надо ее использовать, но нет смысла тратить усилия на ее укрепление. Именно такого рода соображения определяли в эти годы содержание руководства резидентурой со стороны Центра. Нарастали элементы небрежности, появления безразличия к вопросам подбора и вербовки источников-японцев, к системе построения связи, к основным вопросам конспирации и т.п. Ответственность за недопустимую связь резидентуры с легальным аппаратом в Токио следует отнести целиком на руководство Центра. Только этим можно объяснить, почему Центр в течение ряда лет не предпринял никаких мер к подготовке резервной линии на случай перерыва курьерской связи на Шанхай. Только этим можно объяснить, почему Центр отвергал предложения «Рамзая» об использовании «Коммерсанта» в качестве курьера или как кандидата для его замены; почему ничего не предпринял для обеспечения резидентуры вторым радистом и для подготовки замены Зорге и Клаузену, бессменно находившимся на нелегальной работе в Японии в течение восьми (!) лет; не использовал широкие возможности легализации новых работников в Токио, в Мукдене, на Формозе — под крышей предприятия «Фрица».

Только этим можно объяснить, почему не было сделано попытки организовать курьерскую связь с Гонконгом, где с 1937 г. в качестве резидента находился «Густав» — Штейн. Только этим можно объяснить недопустимое нарушение Центром элементарных принципов конспирации: передачу нелегаль-

ной резидентуры «Рамзая» в конце 1939 г. на связь с легальным аппаратом в Токио — в условиях, когда за каждым легальным работником неотступно следовал «хвост».

За время с 1939-го по 1941 г. было проведено около десяти встреч с представителями легального аппарата, они проходили на квартире или в конторе «Фрица», в ресторанах «Хиросукияки» и «Отая», и дважды на них присутствовал «Рамзай». Мало того, бывали случаи, когда связник из легального аппарата выезжал на встречу в автомашине военного атташе.

С конца 1940 г. с резидентурой «Рамзая» поддерживал связь В.С. Зайцев (псевдоним «Имак»)[111].

Клаузен в «Отчете и объяснениях моей нелегальной деятельности» от 1946 г. указывает, что сразу после ареста ему предъявили фотокарточку «Сергея» (под этим именем Клаузен знал В.С. Зайцева) и потребовали объяснений: «Кто этот человек, зачем он приходил к вам в контору?».

Мемо КРЫЛОВ — ЦЕНТРУ № 167, 30.11.39: «Деньги РАМЗАЮ переданы 29 ноября. Почту он подготовить не успел. Запиской сообщил условия передачи почты на 2 декабря».

Мемо КРЫЛОВ — ЦЕНТРУ № 171, 2.12.39: «Почта от РАМЗАЯ получена. Передал, что все идет хорошо».

Проведение встречи нелегального резидента со связником легального аппарата под прикрытием советского посольства в Токио само по себе было недопустимо, а с промежутком в несколько дней недопустимо вдвойне. Это должны были понимать и Центр, и «Рамзай». Первую встречу не следовало проводить вообще, а на второй встрече передать почту и получить деньги. При этом следует учесть, что отправление письма по почте сотрудником полпредства СССР на адрес «Фрица» тоже могло попасть в поле зрения контрразведки, тем более что это было сделано дважды за короткий промежуток времени.

Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 167, 13.12.39: «Подтверждает получение 4.900 амов. Нашему человеку передал 23 пленки. Просит послать на банковский счет ФРИЦА в Чейз Банк Шанхай /Chase Bank Shanghai/ некоторую сумму денег. Фриц в новый год поедет в Шанхай для покупки некоторых материалов».

Мемо «РАМЗАЙ — ЦЕНТРУ № 169, 18.12.39: «Может приобрести у МИКИ военную книгу, в которой имеется небольшой раздел по авиации. Книга действует и сейчас в яп. ВВС, 600 страниц».

Зорге продолжает поддерживать отношения с Войдтом, встречается с ним во время его пребывания в Токио, напоминает о нем Центру. Мемо «РАМЗАЙ» — ЦЕНТРУ № 173 — 24.12.39: «Сообщается, что Коммерсант получил приказание выехать в Берлин для обсуждения дальнейшей его работы. Рамзай говорит, если Вы хотите его встретить в Деревне и получить личный от него доклад, то срочите порядок его встречи в Москве». Однако и на этот раз обращение «Рамзая» было оставлено без внимания.

Глава 2

1940 год. БЕРЛИН, МОСКВА, ТОКИО

2.1. Высадка должна произойти в форме внезапной переправы на широком фронте ... Решение оставляю за собой. Приготовления к общей операции закончить к середине августа

(Из Директивы № 16 от 16 июля 1940 года)

«Начало [военной кампании] — май 1941 года.
Продолжительность операции — пять месяцев».
Из выступления Гитлера на совещании 31 июля 1940 года

Вскрытие планов нападения фашистской Германии на СССР советской военной разведкой и, в частности, Рихардом Зорге, как и выяснение места Японии в германском сценарии целесообразно рассматривать в сложном контексте международных отношений. Гитлер сам определял цели, которые должны быть достигнуты военным путем и отслеживал все этапы этой подготовки, внося коррективы в ее исполнение. Сталин же, исходя из своего видения международной обстановки и своих представлений о геополитических интересах СССР, пытался, с одной стороны, обеспечить безопасность страны, отсрочить момент втягивания ее в войну, а с другой — старался извлечь максимальную выгоду из заключенных договоров.

Вооруженное столкновение Германии и Советского Союза всем представлялось неизбежным. Однако ему предшествовала политика взаимных уступок и обоюдных выигрышей, когда каждая из сторон в краткосрочной (и даже среднесрочной) перспективе рассчитывала на лояльность партнера по отношению к своей внешней политике (вплоть до применения военной силы против третьих стран) и стремилась обеспечить себе более выгодные позиции в преддверии будущей войны.

В планах гитлеровской Германии не последнее место занимала Япония. Являлось немаловажным, в каком направлении и когда выступят японские вооруженные силы. Принятие судьбоносных для государства решений (нередко неоднозначных и даже взаимоисключающих) происходило в стране восходящего солнца коллегиально достаточно широким кругом лиц путем поиска компромисса между различными группировками в правительстве и вооруженных силах, отстаивавших противоположные интересы. Подобное положение вещей обусловливало затягивание принятия решений, а когда эти решения принимались, то отсутствовала их однозначность. Достижение компромисса состояло в том, что стремились учесть интересы каждой из сторон, и не только учесть, но и потакать им. И в этом состояли изъян и ущербность механизма принятия решений в Японии. Это был компромисс по-японски. Так, в части применения вооруженных сил страны, принимались решения, которые устраивали все стороны, каждая из которых готовилась к своей войне. Отсюда важно проследить не только развитие советско-германских отношений, на фоне планирования Германией вторжения в Советский Союз,

но и германо-японских и японо-советских отношений в этот же период времени.

От высказывания Гитлера в «Майн Кампф»: «Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке… Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»[1] — до принятия решения о начале операции «Барбаросса» невозможно провести прямую линию. Идеологическая составляющая — «Русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства»[2], — не могла не присутствовать во внешней политике Гитлера, но она подчинялась меняющимся политическим обстоятельствам и окончательно выкристаллизовалась весной 1941 г.

Во второй половине июля 1940 г. практически с небольшим интервалом времени Гитлер отдал два, казалось бы, взаимоисключающих указания: разработать планы вторжения в Англию и нападения на СССР.

После эвакуации британских войск из Дюнкерка и подписания перемирия с Францией 22 июня 1940 г. Гитлер рассчитывал добиться от Англии признания status quo на континенте. Великобритания, однако, отказалась пойти на мирное урегулирование на его условиях.

В своем «Военном дневнике» от 3 июля 1940 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер[3] писал: «В настоящее время на первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема. Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе. Наряду с этим возникают и второстепенные проблемы вроде балтийской, балканской и других»[4].

Это первая конкретная запись в дневнике Гальдера, относящаяся к подготовке агрессии против СССР. Очевидно, что политическое решение было принято Гитлером ранее. Характер записи свидетельствует о том, что в Генеральном штабе сухопутных войск уже велась подготовка к составлению плана войны. Запись четко формулирует две стратегические цели, которые тогда ставило перед собой германское военное руководство: «английская проблема» и «восточная проблема»[5].

Гитлер не верил Сталину. К лету 1940 г. у него накопилось немало претензий к Советскому Союзу, полный перечень которых изложен в ноте Министерства иностранных дел Германии советскому правительству от 21 июня 1941 г.[6] («список Гитлера»). Эти претензии были связаны с продвижением СССР на запад: заключением в октябре и ноябре 1939 г. договоров о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой и созданием военных баз на территории этих стран; вынужденной уступкой Финляндией части «своих юго-восточных провинций» по мирному договору, заключенному в марте 1940 г.; «после предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя, таким образом, непосредственно к границе Восточной Пруссии»; «затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония»; 26 июня 1940 г. СССР предъявил Румынии ультиматум с требованием

о возврате Бессарабии, а также передаче Северной Буковины в состав СССР; за три дня до этого — 23 июня — Молотов заявил германскому послу Шуленбургу о намерении СССР в ближайшем будущем присоединить не только Бессарабию, но и Северную Буковину, ввиду проживания там украинцев, и германское правительство «дало румынскому правительству, обратившемуся к Германии за помощью, совет уступить и предоставить Бессарабию и Сев[ерную] Буковину Советской России». В последующем Германия назовет эти действия СССР нарушением взятых им обязательств не «большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства, за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего Польского государства»[7]. «Оно [правительство рейха] проявило полный нейтралитет в финской войне и прибалтийском вопросе, поддержало позицию Советского правительства по отношению к румынскому правительству и смирилось, хотя и скрепя сердце, с реалиями, сложившимися в результате действий Советского правительства, — отмечалось в ноте Министерства иностранных дел Германии советскому правительству от 21 июня 1941 г. — Кроме того, чтобы с самого начала исключить возможность разногласия между обоими государствами, оно предприняло широкую акцию по переселению в Германию всех немцев с занятых СССР территорий»[8].

Гитлер писал в «Майн Кампф»: «1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили»[9].

13 июля, после совещания в ставке с верховным главнокомандующим, Гальдер записал в дневнике: «Фюрера больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира. Он, как и мы, видит причину этого в том, что Англия еще надеется на Россию. Поэтому он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он несколько неохотно идет на это. Причина: если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется. Но Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др.»[10].

16 июля фюрер издал «Директиву № 16 о подготовке операции по высадке в Англии»: «Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее. С этой целью приказываю следующее: 1. Высадка должна произойти в форме внезапной переправы на широком фронте… **Решение оставляю за собой** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Приготовления к общей операции закончить к середине августа»[11]. Операция получила кодовое название «Зеелёве» («Морской лев»).

Осуществление операции «Зеелёве» зависело от ряда обстоятельств: завоевания германской авиацией господства в воздухе, нейтрализации английского флота в районе вторжения и на подступах, наличия достаточного количества десантных средств, погодных условий, преодоления береговой обороны Англии и сопротивления британских войск в ее глубине. Наконец, успех операции зависел от внутриполитического положения в Англии.

21 июля на военном совещании в Берлине Гитлер приказал командующему сухопутными войсками Браухичу заняться приготовлениями к наступ-

лению на Россию уже осенью 1940 г. Проведение этой операции Гитлер никак не связывал с завершением или отсрочкой вторжения в Англию. Для разработки плана восточного похода к генеральному штабу сухопутных войск был прикомандирован начальник штаба 18-й армии генерал-майор Эрих Маркс, считавшийся знатоком Советского Союза.

22 июля 1940 г. Гальдер внес запись о состоявшемся накануне обсуждении обстановки: «...4. **В середине этой недели после доклада Редера** (главнокомандующий военно-морским флотом, гросс-адмирал. — *М.А.*) **последует решение фюрера о том, проводить ли десантную операцию этой осенью. Если не теперь, то только в мае будущего года.** Таким образом, ясность, по-видимому, наступит в конце этой недели. Окончательное решение об интенсификации подводной и воздушной войны последует, очевидно, в начале августа. Тогда десантная операция будет начата около 25.8.

5. Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он хочет захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Однако никаких признаков активного выступления России против нас нет.

6. Русская проблема будет разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции.

а. Развертывание продлится четыре — шесть недель. Фюреру будет доложено.

б. Разбить русскую сухопутную армию или, по крайней мере, занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение вглубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры.

в. Политические цели: Украинское государство, федерация Прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия, Прибалтика — заноза в теле...»[12].

Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии (ОКВ), ссылаясь не только на осеннее ненастье, но и на трудности переброски основной массы сухопутных войск с Запада на Восток, убедило Гитлера в том, что выступление против России осенью 1940 года невозможно.

В день отдания приказа Гитлером о начале подготовки к нападению на СССР — 21 июля — были образованы Латвийская ССР, Литовская ССР и Эстонская ССР, которые уже в начале августа вошли в состав Советского Союза. Претензия, предъявленная в ноте Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года[13], была сформулирована следующим образом: «Весь Балтийский край — в противоречие определенным заверениям Москвы — подвергся большевизации и несколько недель спустя после оккупации был просто захвачен советским правительством»[14].

26 июля Гальдер записал: «Кинцель (4-й обер-квартирмейстер): Доклад об основных данных о противнике для операции против России. Из доклада явствует, что наиболее выгодное решение — наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего — обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и Черноморском побережье, которая будет вынуждена действовать с перевернутым фронтом»[15].

На состоявшемся 31 июля совещании в ставке Гитлера в Бергхофе рассматривались планы проведения двух операций: против Англии и против

СССР. Как свидетельствует в дневнике Гальдер, обсуждение вопроса десантирования на Британские острова происходило следующим образом:

«Доклад гросс-адмирала Редера: Все приготовления могут быть закончены к 13.9, и тогда можно будет начать десантную операцию, если только обстоятельства не сложатся особенно неблагоприятно…

Предложение: Перенести срок проведения десантной операции на весну…

Выводы:

1. Самый ранний срок — 15.9. [1940 г.]

2. Для обеспечения успеха операции — приоритет требованиям военно-морского командования.

3. Наилучшее время для десанта: май — июнь [1941].

Фюрер: … что касается сопротивления противника, то в настоящее время наши войска могут встретить лишь слабую английскую армию. Боевого опыта она еще не имеет. Англичане не успели создать новые формирования. Это удастся им лишь через восемь — десять месяцев. Тогда весной у них будет 30-35 дивизий, а это для Англии очень много… **Если сейчас наступление на Англию невозможно, то тогда — только в мае.** Что мы будем делать в период до мая? Вести воздушную и подводную войну. Гибралтар? (Привлечь Испанию)...

Если результаты воздушной войны окажутся неудовлетворительными, подготовка будет задержана. Если станет ясно, что нам удастся воздушными налетами подорвать силы Англии, то спустя некоторое время, когда скажутся в полной мере последствия воздушных налетов, будет начато наступление (т.е. десантная операция)…

Приказ: Продолжить подготовку. Через восемь-десять дней будет принято решение о сроках операции. Сухопутным войскам ориентироваться на 15.9. Развернуть подготовку к вторжению на широком фронте»[16].

Директива, подписанная Кейтелем по указанию Гитлера 1 августа, в частности, гласила: «По докладу главнокомандующего военно-морскими силами от 31.7 о том, что подготовка к операции "Зеелёве" не может быть закончена до 15.9.1940 г., фюрер принял следующее решение:

1) продолжать приготовления к операции "Зеелёве", продлить их до 15.9 как в сухопутных войсках, так и в военно-воздушных силах;

2) через 8, самое позднее — через 14 дней с начала массированных воздушных налетов на Англию, которые начнутся примерно 5.8, фюрер примет решение, в зависимости от результатов этих налетов, может ли быть операция "Зеелёве" предпринята еще в этом году или нет...»[17].

1 сентября началось перемещение транспортных средств из немецких портов в Северном море в сторону гаваней на французском побережье Ла-Манша, где предполагалось погрузить на суда войска и технику вторжения, но уже через два дня, 3 сентября, поступила очередная директива ОКВ, согласно которой был установлен новый срок высадки — 21 сентября, однако с оговоркой, допускавшей приостановку подготовки операции за 24 часа до ее начала:

«1. Самый ранний срок для:

а) выхода транспортного флота — 20.9.1940 г.

б) дня "S" (день высадки) — 21.9.1940 г.

2. Приказ о начале операции будет дан в день "S" минус 10 дней, т. е. предположительно 11.9.1940 г.

3. Окончательное установление дня "S" и времени "S" (начало первой высадки) последует самое позднее в день "S" минус 3 дня в полдень.

4. Все мероприятия должны предприниматься с таким расчетом, чтобы операцию еще можно было остановить за 24 часа до времени "S"»[18]. ...

Вечером 7 сентября по Лондонскому радио прозвучал кодовый сигнал «Кромвель», обозначавший «Вторжение неминуемо» и вызвавший хаос. Четыре дня спустя, 11 сентября, в своем выступлении по радио премьер-министр Великобритании Черчилль предупредил, что если вторжение должно состояться, оно не может «долго откладываться». «Поэтому, — сказал он, — необходимо рассматривать ближайшие дни как очень важные в нашей истории»[19].

На совещании в Берлине 14 сентября 1940 года Гитлер, по свидетельству Гальдера, заявил: «II. Самым быстрым способом окончания войны явилась бы высадка десанта в Англии. Предварительные условия для этого, которые должен был создать военно-морской флот, созданы (похвала флоту!). Укрепление побережья закончено. Действия авиации заслуживают всяческой похвалы. Необходимо четыре-пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям... Шансы на то, что удастся провести тотальный разгром Англии, очень велики... Малейшее промедление идет на пользу противнику... Сначала ориентироваться на 27.9. Так что ближайший срок для принятия предварительного решения — 17.9. Только после этого — ориентироваться на 8.10.»[20].

Невозможно было поддерживать в боевой готовности рассредоточенную армаду, орудия, танки и средства материального обеспечения, собранные на французском побережье Ла-Манша для вторжения, отложенного на неопределенный срок.

3 октября на совещании с главкомом сухопутных войск все еще рассматривался вопрос о переносе сроков начала операции «Зеелёве» на 20 дней. Теперь уже не только люфтваффе, но и флот и армия высказывались в пользу того, чтобы Гитлер принял решение, если не об отмене операции «Зеелёве», то о переносе ее сроков. Генеральный штаб сухопутных войск докладывал, что сохранение войск на французском побережье Ла-Манша «под непрерывными налетами английской авиации ведет к неоправданным потерям».

12 октября Гитлер наконец отменил вторжение, по крайней мере, до весны: «Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию. Если весной или в начале лета 1941 года вновь появится намерение осуществить высадку в Англии, то своевременно будет отдан приказ о необходимой степени боевой готовности...»[21].

Армия получила указание распустить формирования, выделенные в состав войск вторжения, и направить их для выполнения других задач или для использования на других фронтах. Военно-морской флот получил указание принять все меры, чтобы высвободить личный состав и рассредоточить корабли и суда.

Войска были обязаны действовать с максимальной скрытностью. «У англичан необходимо поддерживать впечатление, что мы продолжаем готовить высадку широким фронтом», — требовал Гитлер[22].

Уже в конце июля Гитлер пришел к убеждению, что упорная решимость Англии продолжать войну связана с надеждами на Россию. «Надежда Англии — Россия и Америка, — говорил он. — Если рухнут надежды на Рос-

сию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии. Россия является восточноазиатским мечом Англии и Америки против Японии. Здесь дует неприятный для Англии ветер. Японцы, подобно русским, имеют свой план, согласно которому Россия должна быть ликвидирована еще до конца войны. Русский фильм о победоносной войне! Англия особенно рассчитывает на Россию… Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком [сильной], чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть — восемь месяцев дела обернутся совсем по-другому. Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно.

Остановка действий зимой опасна. Поэтому лучше подождать (это относится к первоначальной идее напасть на Советский Союз еще осенью 1940 г. — *Прим. нем. изд. «Военного дневника» Ф. Гальдера*). Это необходимо также, учитывая положение на Балтийском море. Существование второй великой державы [России] на Балтийском море нетерпимо. **Начало** [военной кампании] **— май 1941 года. Продолжительность операции — пять месяцев.** Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. **Цель — уничтожение жизненной силы России** (выделено мной. — *М.А.*). Операция распадается на:

1-й удар: Киев, выход на Днепр; авиация разрушает переправы. Одесса.

2-й удар: Через Прибалтийские государства на Москву, в дальнейшем двусторонний удар — с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку.

Посмотрим, насколько все это заинтересует Финляндию и Турцию. Позже: Украина, Белоруссия, Прибалтика — нам. Финляндии — районы до Белого моря»[23].

Принятое решение не считалось необратимым, однако последствия, политические и военные, выявились сразу, когда заработал механизм подготовки вермахта к войне.

5 августа 1940 г. начальник штаба 18-й армии генерал-майор Маркс доложил проект плана кампании против Советского Союза под условным названием «Оперативный проект ОСТ», целью которой было «разгромить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в обозримое время выступить противником Германии»[24]. Главный удар сухопутных сил предлагалось нанести из Северной Польши и Восточной Пруссии в направлении на Москву в составе трех армий. Главной группировке ставилась задача уничтожить основные силы Красной Армии на западном направлении, овладеть Москвой и северной частью Советского Союза, а в дальнейшем — повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной группировкой занять Украину. В итоге предполагалось выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск. Вспомогательный удар мыслилось нанести к югу от Припятских болот группой армий «Юг» в составе двух армий с целью захвата Киева и переправ на Днепре в его среднем течении. Для прикрытия северного фланга

войск, участвовавших в этой грандиозной операции, Маркс предлагал создать группировку, которая должна была наступать в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда. Маркс считал, что 147 немецких дивизий, в том числе 24 танковых и моторизованных вполне достаточно для того, чтобы разгромить и уничтожить главные силы Красной Армии уже в ходе первых приграничных сражений в течение трех — семи недель. Общая же продолжительность кампании должна была, по мнению Маркса, составить не более 17 недель. Наиболее благоприятным временем года для ведения войны против Советского Союза считался период с середины мая до середины октября.

Разработка плана нападения на СССР была продолжена в Генеральном штабе Главного командования сухопутных войск (ОКХ) под руководством генерал-лейтенанта Ф. Паулюса, который к этому времени получил должность первого обер-квартирмейстера, а также начальником группы «Сухопутные войска» штаба ОКВ подполковником Б. Лоссбергом.

Чтобы обеспечить проведение кампании весной 1941 г., на Востоке следовало серьезно расширить дорожную сеть, построить военные сооружения, создать запасы и т. д. 9 августа начальник Управления военной экономики и вооружения ОКВ генерал Варлимонт выпустил первую директиву по подготовке районов развертывания для нападения на Советский Союз. Кодовое наименование — «Строительство на Востоке». Высшие государственные органы и польский генерал-губернатор обязывались содействовать работам по сооружению железных и шоссейных дорог, линий связи, складов и т. д., причем строительство должно было вестись в соответствии с военными требованиями. В целях маскировки относительно назначения этих мероприятий было сказано, что они являются мерами по защите от воздушной войны на Западе[25].

По представленному 15 сентября 1940 г. проекту Лоссберга «Оперативная разработка ОСТ», «целью кампании против России является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой — мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части». Боевые действия планировалось вести в трех стратегических направлениях: киевском (украинском), московском и ленинградском[26]. На каждом из них намечалось развернуть: от сухопутных войск — группу армий и от военно-воздушных сил — воздушный флот. Предполагалось, что главный удар нанесет «южная группа армий» (так она названа в проекте) из района Варшавы и Юго-Восточной Пруссии в общем направлении Минск — Москва. Ей придавалась основная масса танковых и моторизованных соединений. Северная группа должна была наступать из Восточной Пруссии через нижнее течение Западной Двины в общем направлении на Ленинград. Для ведения операций южнее Припятских болот Лоссберг предлагал сосредоточить третью группу армий, боевой состав которой был бы равен трети немецких войск, предназначенных для действий севернее Полесья. Этой группе ставилась задача в ходе двойного охватывающего удара (из района Люблина и с рубежа севернее устья Дуная) разгромить Красную Ар-

мию на юге и захватить Украину. К войне против СССР привлекались союзники Германии — Финляндия и Румыния.

Приказ об усилении германских войск на Востоке был отдан ОКХ 6 сентября 1940 г. и только тогда начались дополнительные переброски. Сами же переброски к границам Советского Союза происходили и ранее, однако, они не носили пока целенаправленного характера по усилению группировки германских войск на советских границах. Так, 9 июля 1940 г. военный атташе Германии в Москве генерал Кёстринг уведомил советский Генштаб о том, что командование немецкой армии решило провести демобилизацию своей армии. «Эта демобилизация должна выразиться в увольнении старших возрастов из частей, находящихся в Восточной Пруссии и на территории бывшей ПОЛЬШИ, взамен демобилизуемых в эти части будут переброшены солдаты молодых возрастов. ... В связи с этим по Восточной Пруссии и по территории ПОЛЬШИ будут произведены большие передвижения войск, дословно "будут сильные передвижения войск"»[27].

Спустя месяц — 17 августа 1940 г. — «Рамзай» подтвердил сообщение Кёстринга:

«Посол ОТТО получил указания информировать японцев о том, что немецкие войска, которые были посланы к восточной границе, не имеют какого-либо отношения к СССР.

Они были посланы туда, потому что в них нет большой нужды во Франции, а время роспуска еще не настало».

И это было, отнюдь, не дезинформацией. Использование в шифрпереписке токийской агентуры псевдонима Одзаки «Отто», практически совпадавшего с фамилией германского посла в Токио неоднократно приводило к путанице, которую так никто и не попытался устранить. Доклад же расшифрованных и переведенных телеграмм, когда германский посол именовался «Отто», свидетельствовало о том, что лица, отвечавшие за руководство токийской нелегальной резидентурой, не владели ситуацией.

12—14 ноября состоялся официальный визит Председателя Совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел Молотова в Берлин.

9 ноября состоялась его беседа со Сталиным, в ходе которой Сталин определил позицию Советского Союза по широкому кругу международных проблем. Она зафиксирована в документе под названием «Некоторые директивы к Берлинской поездке» (записи делались с сокращениями на листках, вырванных из блокнота):

«1. Цель поездки:

а) Разузнать действительные намерения Г. и всех участников Пакта 3-х (Г., И., Я.) в осуществлении плана создания "Новой Европы", а также "Велик. Вост.-Азиатского Пространства": границы "Нов. Евр." и "Вост.-Аз. Пр.": характер госуд. структуры и отношения отд. европ. государств в "Н. Е." и в "В.-А."; этапы и сроки осуществления этих планов и, по кр. мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г. (а также с И.), но не заключать какого-либо соглашения с Г. и И. на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб-п в ближайшее время.

2. Исходя из того, что с.-г. соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Герм. событиями исчерпано (за исключ. Финл.), в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены:

а) Финляндия — на основе с.-г. соглашения 39 г., в выполнении которого Г. должна устранить всякие трудности и неясности (вывод герм. войск, прекращение всяких политич. демонстраций в Ф. и в Г., направленных во вред интересам СССР).

б) Дунай, в части Морского Дуная, — в соответствии с директивами т. Соболеву.

Сказать также о нашем недовольстве тем, что Г. не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.

в) Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Г. и И., отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т. к. у нас есть серьезные интересы в Турции.

д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.

е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, т. к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить.

ж) В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?

з) В вопросе о Швеции СССР остается на той позиции, что сохранение нейтралитета этого государства в интересах СССР и Германии. Остается ли Г. на той же позиции?

и) СССР, как балтийское государство, интересует вопрос о свободном проходе судов из Балтики в мирное и военное время через М. и Б. Бельты, Эрезунд, Категат и Скагерак. Хорошо было бы, по примеру совещания о Дунае, устроить совещание по этому вопросу из представителей заинтересованных стран.

к) На Шпицбергене должна быть обеспечена работа нашей угольной концессии.

3. **Транзит Германия — Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

4. Если спросят о наших отношениях с Турцией — сказать о нашем ответе туркам, а именно: мы им сказали, что отсутствие пакта о взаимопомощи с СССР не дает им права требовать помощи от СССР.

5. Если спросят о наших отношениях с Англией, то сказать в духе обмена мнений на даче Ст.

6. Сказать, что нам сообщили о сделанных через Рузвельта мирных предложениях Англии со стороны Германии. Соответствует ли это действительности и каков ответ?

7. На возможный вопрос о наших отношения с США ответить, что США также спрашивают нас: не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них. Мы пока не ответили на эти вопросы.

8. **Спросить, где границы "Восточно-Азиатского Пространства" по Пакту 3-х.**

9. **Относительно Китая в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола; сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан-Кайши), в чем СССР, м. б. с участием Г. и И., готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-Го остается за Я.).**

10. **Предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг., Турц. и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний.**

11. **О сов.-японских отношениях — держаться вначале в рамках моего ответа Татекаве.**

12. Спросить о судьбе Польши — на основе соглаш. 1939 г.

13. О компенсации собственности в Прибалтах: 25% в один год, 50% — в три года (равн. долями).

14. Об эконом. делах: — в случае удовл. хода перегов. — о хлебе»[28].

О первом дне переговоров Молотов доложил Сталину телеграммой:

«Большой интерес Гитлера к тому, чтобы укрепить дружбу с СССР и договориться о сферах влияния, налицо. Заметно также желание толкнуть нас на Турцию, от которой Риббентроп хочет только абсолютного нейтралитета. О Финляндии пока отмалчиваются, но я заставлю их об этом заговорить. Прошу указаний. Молотов»[29]. Широкий круг вопросов, который предполагалось обсудить, так и не был затронут ни в первый день, ни в следующий.

На следующий день в ходе бесед с Гитлером и Риббентропом выяснились основные «болевые» точки в советско-германских отношениях — Финляндия и Болгария

«Сталину. Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером 3 с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трехчасовая беседа с Риббентропом. Пока сообщаю об этих беседах кратко. Подробности следуют.

Обе беседы не дали желательных результатов. Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния.

Вторым вопросом, вызвавшим настороженность Гитлера, был вопрос о гарантиях Болгарии со стороны СССР на тех же основах, как были даны гарантии Румынии со стороны Германии и Италии. Гитлер уклонился от ответа, сказав, что по этому вопросу он должен предварительно запросить мнение Италии...

Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»[30].

В ходе беседы 13 ноября Молотова с Риббентропом последний передал ему проект «соглашения между участниками пакта трех и СССР»:

«Правительства государств—участников тройственного пакта, руководствуясь желанием установить новый порядок, содействующий благосостоя-

нию народов, в интересующих их сферах с целью создания базиса для их сотрудничества пришли к соглашению о нижеследующем:

1) Согласно пакту трех держав Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо совместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

2) Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов. Постольку поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам.

3) Договаривающиеся стороны не будут поддерживать группировок, направленных против одной из них. Они обязуются поддерживать друг друга экономически и будут стремиться расширить свои экономические соглашения.

4) Это соглашение можно было бы заключить на продолжительный срок, скажем, на 10 лет»[31].

«К этому соглашению, — по предложению германской стороны, — можно было бы добавить дополнительное секретное соглашение в какой-либо форме. В этом дополнительном соглашении можно было бы со ссылкой на открытое соглашение зафиксировать центры тяжести территориальных аспираций договаривающихся четырех сторон. Что касается Германии, то кроме ревизий, которые должны быть проведены в Европе при заключении мира, центр тяжести ее аспирации лежит в Средней Африке. Что касается Италии, то, помимо европейских ревизий, ее аспирации будут распространяться на Северо-Восточную и Северную Африку. Центр тяжести аспирации Японии надо выяснить дипломатическим путем в переговорах с ней. Риббентроп предполагает, что аспирации Японии можно было бы направить по линии южнее Маньчжоу-Го и Японских островов. Что касается СССР, то этот вопрос можно было бы выяснить. Он предполагает, что центр тяжести аспирации СССР лежит в направлении на Юг, т.е. к Индийскому океану. Можно было бы это соглашение дополнить пунктом, в силу которого эти державы будут уважать обоюдные притязания.

Можно было бы подумать о втором дополнительном протоколе, в котором было бы зафиксировано следующее: Германия, Италия и СССР согласились во взглядах, что в их интересах привлечь Турцию к сотрудничеству с ними. Они обязуются вести в этом отношении одну и ту же политику. Германия, Италия и СССР будут действовать в том направлении, чтобы статут Монтрё был заменен другим статутом. По этому новому статуту Советскому Союзу должны быть предоставлены права прохода его военного флота через проливы, в то время как другие державы, за исключением черноморских, Италии и Германии, должны отказаться от своих прав на пропуск своих военных судов через проливы. При этом само собой разумеется, что проливы остаются открытыми для всех торговых судов. Если СССР склонен к сотрудничеству с Италией и Японией, Германия это приветствовала бы»[32].

Риббентроп полагал, что отдельные вопросы можно было бы выяснить дипломатическим путем через дипломатических представителей: в Москве

через графа Шуленбурга, в Берлине — через полпреда. «Из письма Сталина он, Риббентроп, понял, что тот не отрицательно относится к сотрудничеству СССР с тремя государствами. Он думает, что дипломатические переговоры могли бы завершиться нанесением министрами иностранных дел визита т. Сталину и подписанием такого соглашения. Ясно, что это нужно изучить во всех отношениях. Он не хотел бы настаивать на получении ответа от Молотова, так как этот вопрос, само собой, разумеется, нуждается в изучении и обсуждении»[33].

14 ноября Ф. Гальдер записал в дневнике: «О ходе переговоров с Молотовым. Никакого взаимосвязывающего соглашения не будет. Фюрер не проявляет недовольства. Вопрос о Тройственном пакте. Россия согласна с пактом, но не намерена к нему присоединяться. Предложение о привлечении к переговорам Италии и Японии пока отклонено. Молотов: Что означает понятие "Великоазиатский район"? Как относится Германия к вопросу о предоставлении Россией гарантий Болгарии? (Румыния обратилась к нам за помощью.). Предложено выработать новый статут о Дарданеллах (привилегии), но без опорных пунктов; мы об этом вопрос не ставили.

На вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией был дан уклончивый ответ. Россия энергично требует поставок машин. Осуществимо!

Фюрер, по-видимому, договорился с Россией относительно Финляндии»[34].

Германия была готова забыть на время свои претензии к Советскому Союзу и привлечь его к разделу мира, но по своим правилам.

12 ноября, во время советско-германских переговоров, была принята Директива ОКВ № 18: «Подготовительные меры главных командований по ведению войны осуществлять на ближайшее время согласно следующим установкам: ...5. Россия. Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно. 6. Высадка в Англии. Поскольку при изменениях общей обстановки может возникнуть возможность или необходимость весной 1941 г. все же вернуться к операции «Морской лев», все три вида вооруженных сил должны серьезно стремиться во всех отношениях улучшить основы такой операции»[35].

Директива № 18 свидетельствует, что решение о нападении на СССР еще не было окончательным, и отражает колебания Гитлера. Дверь для политического урегулирования, которое могло ускорить падение Британской империи, оставалась открытой, хотя планирование военной кампании против СССР и не отменили. Окончательное решение Гитлера напасть на Советский Союз было принято позже — в конце апреля 1941 г.

Вариант плана войны, предложенный Лоссбергом, неоднократно уточнялся. Возникали и новые разработки. В середине ноября 1940 г. ОКХ представил детальный план ведения наступательных боевых действий, подготовленный под руководством Паулюса и получивший первоначальное наименование «Отто». 19 ноября Гальдер доложил его главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу. План предусматривал создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать на Ленинград, Москву и Киев. Основное внимание уделялось московскому направлению, где сосредоточивались главные силы[36].

25 ноября состоялась трехчасовая беседа Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом.

«Тов. Молотов сообщает условия, на которых Советский Союз согласен принять в основном проект пакта 4-х держав, а также говорит о тех выводах, которые исходят из этого сообщения.

В заключение т. Молотов говорит, что германской стороной был предложен один открытый текст и 2 секретных протокола. Советская сторона готова принять за основу предложенный текст и предлагает составить 5 секретных протоколов»[37].

Молотов передал текст советского проекта пакта четырех держав:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 г. и состоящий из 4-х пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 г., причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г-ном Риббентропом, о разграничении сфер влияния в духе определения центра тяжести аспирации СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР о Турции в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи ме-

жду СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости»[38].

Представляется, что и Сталин, и Молотов серьезно отнеслись к переговорам и не стремились провоцировать отказ. Они придерживались линии поведения, принятой в августе 1939 г., — извлечь максимальные выгоды для СССР из сотрудничества с Германией. Сверхзадача — обеспечение безопасности СССР и подготовка к отражению будущей фашистской агрессии — никогда с повестки дня не снималась.

Ответа на советские предложения с германской стороны так и не поступило, хотя Москва упорно этого добивалась. Цена, которую потребовал Сталин в качестве платы за участие в пакте трех держав, показалась Гитлеру чрезмерной. В ноте Министерства иностранных дел Германии советскому правительству от 21 июня 1941 г. говорится: «Разумеется, Германия не могла согласиться на эти советские требования, являвшиеся предпосылкой советского правительства для присоединения к Пакту трех держав, и тем самым стремления держав Пакта трех к достижению соглашения с Советским Союзом потерпели неудачу»[39].

Число германских претензий к Советскому Союзу неумолимо росло. Однако колебания Гитлера продолжались до конца апреля 1941 г., когда, наконец, были определены окончательные сроки нападения.

В ноябре—декабре германский генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и проигрывание на штабных учениях (29 ноября, 3 и 7 декабря) вопросов о главных стратегических направлениях, о распределении сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом верховного главнокомандования и Гитлером.

28 ноября начальник генерального штаба сухопутных сил поручил генералам, которых предполагалось назначить начальниками штабов групп армий при проведении кампании на Востоке, представить независимо друг от друга соображения по плану операций. В оперативной разработке генерала пехоты фон Зоденштерна, в то время начальника штаба группы армий «А» (войска, развернутые на Западе), позднее — начальника штаба группы армий «Юг» от 7 декабря 1940 г. впервые прозвучал предлагаемый срок начала проведения операции: «С рассветом 15 мая немецкие сухопутные силы пересекают русскую границу на всем фронте. Задача центра немецких войск (3-я группа армий) — сковать находящегося перед их фронтом противника...»[40].

5 декабря начальник генерального штаба сухопутных войск Германии доложил в ставке о планируемой операции на Востоке: «Замысел немцев должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек (Днепр и Западная Двина. — *М.А.*). Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести главный удар в направлении Киева, причем одна армия последней должна наступать из района Люблина, вторая из района Львова и третья из Румынии. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий, из числа которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне»[41]. «Фюрер соглашается с изложенными оперативными замыслами и замечает по этому поводу еще следующее. Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целост-

ность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла больше совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспретить их воссоздание. Уже первые удары должны быть нанесены такими силами, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на смежных флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее Припятских болот, должна выступить позже, причем, в зависимости от обстоятельств, частью сил из района Румынии, и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера. Сейчас, однако, еще невозможно решить, будет ли после уничтожения основной массы русских войск, окруженных на севере и на юге, нанесен удар на Москву или против района Москвы. Важно, чтобы русские не смогли вновь закрепиться восточнее. **Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130—140 дивизий достаточна** (выделено мной. — *М.А.*)»[42].

Эти 130—140 дивизий — пороговые цифры, после сосредоточения которых и должна была начаться агрессия.

Как следует из замечаний Гитлера, он уже не настаивал на первоначальной целевой установке на проведение кампании против СССР, которая была дана им в июле 1940 г.: «Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно».

Часть одного из рассматриваемых вариантов развязывания войны против СССР была изложена в анонимном письме от 5 декабря 1940 г., полученном советским полпредом в Берлине.

Записка полпреда СССР в Германии Деканозова
Наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову
с препровождением анонимного письма
о военных приготовлениях Германии

7декабря 1940 г.
Секретно
Копия

При этом направляю анонимное письмо на немецком языке, полученное мною по почте 5.XII.40 г., и перевод с него, сделанный нами.

Военный атташе тов. Скорняков[43], которого я ознакомил с этим письмом, дал следующий отзыв:

По п. 1 — В течение последних двух-трех недель, действительно, на Восток отправлено значительное количество автопорожняка.

По п. 2 — Строительство в Норвегии бараков для германских войск подтверждается и из других источников.

По п. 4 — Немцы, как известно, имеют соглашение со Швецией на транзит войск. Со слов шведского военного атташе в Берлине, немцы имеют право перевозить 1 эшелон в сутки без оружия.

По п. 5 — О формировании новой армии специально из призываемых 1901—1903 гг. ему ничего не известно.

В числе вновь призываемых, действительно, имеются возрасты 1896—1920 гг. По мнению тов. Скорнякова, к весне немцы могут довести армию до 10 миллионов. Цифра о наличии 2 миллионов за счет СС, СА, трудовых резервов и полиции является вполне реальной. В общем, по его мнению, этот пункт заслуживает внимания, как вполне близкий к действительности.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

Полномочный представитель
СССР в Германии В.Деканозов

ПРИЛОЖЕНИЕ
Перевод с немецкого языка

Многоуважаемый г-н Полпред!

Гитлер намеревается будущей весной напасть на СССР. Многочисленными мощными окружениями Красная Армия должна быть уничтожена.

Следующие доказательства этого:

1. Большая часть грузового транспорта отправлена в Польшу под предлогом недостатка бензина.

2. Интенсивное строительство бараков в Норвегии для размещения наибольшего количества немецких войск.

3. Тайное соглашение с Финляндией. Финляндия наступает на СССР с севера. В Финляндии уже находятся небольшие отряды немецких войск.

4. Право на транспорт немецких войск через Швецию вынуждено у последней силой и предусматривает быстрейшую переброску войск в Финляндию в момент наступления.

5. Формируется новая армия из призыва 1901—1903 гг. Под ружьем находятся военнообязанные 1896—1920 гг. К весне 1941 г. германская армия будет насчитывать 10—12 миллионов человек. Кроме того, трудовые резервы СС, СА и полиция составляют еще 2 миллиона, которые будут втянуты в военное действие.

6. В Верховном командовании разрабатывается два плана окружения Красной Армии.

а) атака от Люблина по Припяти (Польша) до Киева.

Другие части из Румынии в пространстве между Баси и Буковиной по направлению Тетерев.

б) Из Восточной Пруссии по Мемель, Виллиг, Березина, Днепру до Киева. Южное продвижение, как и в первом случае, из Румынии. Дерзко, неправда ли? Гитлер сказал в своей последней речи: "Если эти планы удадутся, Красная Армия будет окончательно уничтожена. То же самое, что и во Франции. По руслам рек окружить и уничтожить".

Из Албании хотят отрезать СССР от Дарданелл. Гитлер будет стараться, как и во Франции, напасть на СССР с силами, в три раза превосходящими Ваши. Германия — 14 миллионов, Италия, Испания, Венгрия, Румыния — 4 миллиона. Итого 18 миллионов. А сколько же должен тогда иметь СССР? 20 миллионов по крайней мере. 20 миллионов к весне. К состоянию высшей боевой готовности относится наличие большой армии»[44].

Имеется помета В. Молотова: «Тов.Сталину — для сведения. 24 декабря 1940 г.».

С учетом разработанных ранее проектов и результатов военно-штабных игр 18 декабря 1940 г. Гитлером была подписана Директива № 21 («План Барбаросса»)[45]. Само название свидетельствовало о его намерении придать Восточной кампании характер крестового похода с той же миссией, которую когда-то взял на себя император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса («Рыжая борода»), принявший в 1189 г. участие в Третьем крестовом походе в Святую землю.

Рихард Зорге первый (если не учитывать анонимное письмо от 5 декабря 1940 г.) **сообщил о существовании планов по оккупации Советского Союза по «линии Харьков, Москва, Ленинград»**:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 28 декабря 1940 года.
ПЕРЕВОД.

«Каждый военный человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР. В случае, если СССР начнет развивать активность против интересов Германии, как это уже имело место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков, Москва, Ленинград. Немцы не хотят этого, но прибегнут к этому средству, если будут принуждены на это поведением СССР. Немцы хорошо знают, что СССР не может рисковать этим, так как лидерам СССР, особенно после финской кампании, хорошо известно, что Красная Армия нуждается, по меньшей мере, иметь 20 лет для того, чтобы стать современной армией, подобной немецкой. Это мнение, по заявлению многих, разделяется генералом Козариным [Кёстрингом] в Москве и является мнением человека, нового ВАТ (военного атташе. — *М.А.*) Германии в Токио, который был в СССР неоднократно. Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена.

№ 138, 139. РАМЗАЙ».

[РЕЗОЛЮЦИИ]: «Инф. Переговорить. Т-мма подозрительная. Г.

1). Читал.

2) Послать для ознакомления тт. Сталину и Молотову.

31.12.40. Подпись».

Телеграмма объективно отражала ситуацию, относившуюся к планированию нападения Германии на СССР. Судя по всему, в ее основу были положены сведения об оперативной разработке генерала фон Зоденштерна от 7 декабря 1940 г.[46].

Что касается числа германских дивизий на границах с Советским Союзом, то оно действительно было преувеличено, и на ноябрь 1940 г. составляло, по немецким источникам, от 26 до 36 единиц. Число дивизий — 80 — удивительным образом совпало со сведениями о германских соединениях на западных советских границах, имевшимися в распоряжении Разведуправления Генерального штаба Красной армии. Так, согласно Разведсводке № 8 (по Западу) по состоянию на 15 ноября 1940 г., на границах Советского Союза было развернуто 91—96 германских дивизий (вместо имевшихся на самом деле 26—36)[47].

29 декабря 1940 года (на следующий день после телеграммы «Рамзая») «Метеор» (полковник Н.Д. Скорняков, резидент военной разведки под прикрытием должности помощника военного атташе СССР в Германии) доложил из Берлина: «Альт сообщил, что Ариец от высоко информированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений. № 431 Метеор».

[Резолюции]: «НО. 9 Дать копии Наркому и Н.Г.Ш. Голиков»[48]; «НО. 1 Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить. Первое донесение телеграфом получить от Метеора дней через 5 и дать мне. Голиков. 30.12». «НО. 1 Кто эти высоко информ. воен. круги, надо уточнить. 2. Кому конкретно отдан приказ. Панфилов»[49]; «т. Леонтьеву. Заготовить приказание Метеору. Кузнецов. 31.12.40». «Исполнено. 31.12. Леонтьев». *Рассылка*: Сталину (2 экз.), Молотову, Тимошенко, Мерецкову.

«Альт» — «Альта» — Ильза Штёбе, групповод. «Ариец» — Рудольф фон Шелиа, сотрудник Министерства иностранных дел Германии.

Шифртелеграмма «Рамзая» из Токио от 28 декабря была переведена 30-го и доложена Голикову 31 декабря, а отправленная из Берлина на день позже — 29 декабря — была переведена в тот же день и доложена 30-го. Обе радиограммы были направлены руководству страны. При этом Голиков не счел нужным знакомить наркома обороны и начальника Генерального штаба с телеграммой «Рамзая».

31 декабря в письме Муссолини Гитлер напишет: «Дуче! Сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию. Для того чтобы определить, как нам этого добиться, мы должны взвесить факторы, которые будут еще отделять Англию от окончательного краха... В этой битве... Германии необходимо будет принять важные решения для окончательного наступления на Британские острова... Нами разработан план полной нейтрализации английского флота и увода его от Британских островов на достаточное время, чтобы могли без помех осуществить высадку...

Болгария также не проявляет готовности связать себя с тройственным пактом и занять ясную позицию в области внешней политики. Причиной этого является растущий нажим Советской России. Если бы царь немедленно присоединился к нашему пакту, никто не осмелился оказывать бы на него такой нажим...

Принимая во внимание угрозу возникновения внутренних конфликтов в некоторых Балканских странах, необходимо заранее учесть все возможные последствия и разработать систему мер, которые бы позволили бы нам избежать их.

Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не станем жертвами каких-либо серьезных неудач. Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что в настоящее время у нас очень хорошие отношения с СССР. Фактически только два вопроса еще разделяют нас — Финляндия и Константинополь. В отношении Финляндии я не предвижу серьезных затруднений, ибо мы не рассматриваем Финляндию как страну, входящую непосредственно в нашу сферу влияния, и единственное, в чем мы заинтересованы, чтобы в этом районе не возникла вторая война. В противовес этому в наши интересы отнюдь не входит уступить Константинополь России, а Болгарию — большевизму...

Однако, прежде всего, как я уже указывал, я считаю необходимым постараться во что бы то ни стало ослабить позиции английского флота на Средиземном море с помощью вашего флота, дуче, и нашей авиации, так как использование наших сухопутных войск в этом секторе не может привести к улучшению ситуации. В остальном, дуче, мы не можем принять каких-либо важных решений до марта»[50].

Частью плана «нейтрализации английского флота» должно было стать отвлечение его к Малайскому барьеру, основным пунктом в обороне которого являлся Сингапур. Содержание письма говорит также о том, что окончательного решения о нападении на Советский Союз Гитлер еще не принял.

В тот же день он написал Сталину: «Уважаемый г-н Сталин, пользуюсь случаем, чтобы, вместе с новогодними поздравлениями лично Вам и всему народу Советской России, с пожеланиями успехов и процветания, обсудить ряд вопросов, которые ранее уже поднимались в ходе моих бесед с господином Молотовым и господином Деканозовым.

Борьба с Англией вступила в решающую фазу, и я намерен не позднее лета наступающего года решительно покончить с этим довольно затянувшимся вопросом путем захвата и оккупации сердца Британской Империи — Английских островов. Я отдаю себе отчет в сложности этой операции, но уверен, что она будет осуществлена, ибо никакого другого способа закончить эту войну я не вижу.

Как я уже писал Вам ранее, те **примерно 70 дивизий, которые я вынужден держать в генерал-губернаторстве** (выделено мной. — *М.А.*), проходят переформировку и обучение в районе, недоступном для авиации и разведки англичан. То, что они вызывают у Вас понятное беспокойство, я понял из бесед с г-ми Молотовым и Деканозовым. Начиная примерно с марта, эти войска начнут перебрасываться на побережье канала и западное побережье Норвегии, а на их место будут прибывать новые части для ускоренного обучения, о чем я и хочу заранее предупредить Вас.

Кроме того, эти войска в самом ближайшем будущем я намерен использовать для вытеснения англичан из Греции, для чего мне придется провести их через территории Румынии и Болгарии. Войска, которые осуществят вторжение в Англию с территории Норвегии, будут продолжать пользоваться транзитом через Финляндию. У Германии нет никаких интересов в Финляндии и Болгарии и, когда цели этой войны будут достигнуты, я немедленно уберу оттуда свои войска...

Особо я хочу Вас предостеречь от следующего.

Агония Англии сопровождается лихорадочными поисками спасения от своей неминуемой судьбы. С этой целью они фабрикуют всевозможные вздорные слухи, главные из которых можно грубо разделить на две категории. Это слухи о готовящемся нападении СССР на Германию и Германии на СССР. Я не хочу останавливать Ваше внимание на нелепости подобного вздора. Однако на основании имеющихся в моем распоряжении данных, могу предсказать, что по мере приближения нашего вторжения на (Британские) острова, интенсивность подобных слухов будет постоянно возрастать, а, возможно, к ним добавятся и какие-нибудь сфабрикованные документы.

Буду с вами совершенно откровенен. Часть подобных слухов распускается и соответствующими ведомствами Германии. Успех нашего вторжения на

острова во многом зависит от достижения тактической внезапности, поэтому полезно держать Черчилля и его окружение в некотором неведенье относительно определенности наших планов.

Ухудшение отношений между нашими странами до уровня вооруженного конфликта является для англичан единственным путем к спасению, и я уверяю Вас, что они будут продолжать усилия в этом направлении с присущей им хитростью и коварством...

Для окончательного решения о том, что делать с обанкротившимся английским наследством, а также для упрочения союза социалистических стран и установления нового мирового порядка мне бы очень хотелось встретиться лично с Вами, о чем я уже говорил с г-ми Молотовым и Деканозовым.

К сожалению, исключительная загруженность делами, как Вы хорошо понимаете, не позволяет мне организовать нашу встречу до окончания сокрушения Англии. Поэтому я предполагаю наметить эту встречу на конец июня — начало июля 41-го года и буду рад, если встречу согласие и понимание с Вашей стороны.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. Берлин, 31 декабря 1940 года»[51].

Как видим, Гитлер умышленно завысил число германских дивизий, развернутых на западных границах СССР. Таким образом, он давал понять, что Германия готова защитить свои «интересы на Балканах против русского вмешательства».

2.2. «Советы посла Отта Риббентропу сводятся к тому, чтобы Японии было предложено со стороны Германии начать захват Индокитая...»

(«Рамзай» — Центру, 22 июня 1940 года)

«К концу1939 г. стало ясно, что от принятия радикальных решений не уклониться, поэтому избегавшая их половинчатая дипломатия Абэ-Номура стала вызывать всеобщее недовольство. 31 декабря Отт сообщал в Берлин, что Сиратори и Осима (возвратившийся в Токио в ноябре) "усердно трудятся для свержения нынешнего кабинета" и что, по их мнению, "нужно еще два или три переходных правительства, чтобы осуществить фундаментальную смену курса"»[52].

Сиратори — бывший посол Японии в Риме, Осима —посол Японии в Берлине.

Вопрос о новом премьере вызвал наибольшие противоречия. Армейские круги выдвигали на этот пост генералов Хату Сюнроку, Тэраути Хисаити и Сугияму Хадзимэ и не смогли выбрать кого-то одного. Коноэ отказался от предложения сформировать правительство, и выбор пал на бывшего морского министра адмирала Ёнаи Мицумаса.

Зорге докладывал о правительственном кризисе в Японии в радиограммах, полученных 1 и 3 января 1940 года. 7 января он сообщил о достигнутом соглашении между японцами и Ван Цзинвэем и о создании прояпонского китайского правительства в Нанкине.

На основе шифртелеграмм Зорге было составлено Спецсообщение 5-го Управления РККА от 8 января 1940 года:

«Экз. № 6
Тов. Димитрову

Докладываю:

1. По агентурным данным, заслуживающим доверия, немецкий посол Отт телеграфировал Риббентропу оценку правительственного кризиса в Японии (подчеркивание в документе. — *М.А.*). Его оценка сводится к следующему: "Отставка кабинета Абэ неизбежна. Дворцовые круги готовятся к созданию нового кабинета с широким участием представителей партий. Угаки ожидает, что получит пост премьера, но это не будет означать крупных перемен ни во внутренней, ни во внешней политике японского правительства. В Японии растет убеждение, что создание правительства Ван Цзинвэя бессмысленно и что нужны непосредственные переговоры с Чан Кайши, но военщина возражает против ведения подобных переговоров, по крайней мере в настоящее время, и настаивает на создании правительства Ван Цзинвэя.

В ближайшем будущем Япония не в состоянии внести что-либо существенно новое в отношениях с США, Германией и СССР. Осима (быв. японский посол в Германии) убежден, что понадобится еще смена нескольких кабинетов, прежде чем Япония пойдет на сотрудничество с Германией и широкое соглашение с СССР".

2. По данным нашего источника, кабинет Абэ вряд ли сможет удержаться, несмотря на то, что военные круги не желают его падения. Партийная оппозиция и широкие настроения против Абэ сильны, поэтому военщина опасается продолжать отстаивание кабинета Абэ, так как это грозит ей дальнейшей потерей авторитета.

Кандидатом на пост нового премьера является Угаки, но армия не поддерживает эту кандидатуру. Помимо того, Угаки не пользуется поддержкой Коноэ. Из других кандидатов на пост премьера называют Коноэ, адмирала Осуми и адмирала Тероути (Тэраути. — *М.А.*). Кандидатом на пост нового министра иностранных дел называют Кайсо (Койсо. — *М.А.*). Падение кабинета Абэ ожидают 10.1 с. г.

Полагают, что первым шагом нового кабинета будут непосредственные переговоры с Чан Кайши в целях ликвидации японо-китайской войны.

3. По агентурным данным, заслуживающим доверия, японский генштаб сообщил немецкому военному атташе, что японцы будут заигрывать с американцами до тех пор, пока американцы не заключат торгового договора, после чего японцы займут твердую линию по китайскому вопросу, которая также будет направлена и против американцев.

Вывод:

Падение кабинета Абэ, очевидно, произойдет в ближайшие дни. Основной причиной его падения является неспособность разрешить китайский вопрос и внешнеполитические трудности Японии и в связи с этим обострение борьбы в правящих кругах Японии.

Следует ожидать дальнейшего обострения борьбы между военщиной и умеренными кругами в связи с попытками непосредственных переговоров с Чан Кайши.

Возможно, что попытки Японии вести непосредственные переговоры с Чан Кайши являются результатом давления со стороны Америки.

ПРОСКУРОВ».

16 января 1940 года Абэ Нобуюки сложил с себя полномочия премьер-министра. Главой кабинета стал Ёнаи Мицумаса. Министром иностранных дел в третий раз был назначен Арита. Страна оказалась во внешнеполитической изоляции. С одной стороны, США, Англия и Франция, которые не признавали захватов Японии на континенте. С другой — Германия, оформившая союз с СССР, врагом империи. От нового правительства радикального изменения внешнеполитического курса ожидать не приходилось. Вступая в должность, Арита Хатиро, признав необходимость улучшения отношений с СССР, заявил, что Антикоминтерновский пакт не отменен и связи «трех стран анти-status quo» остаются нерушимыми. Правда, при этом не исключались шаги в направлении нормализации японо-советских отношений.

19 января «Рамзай» сообщал: «Новое правительство все еще склоняется к политическому сближению с Америкой и Англией, но возможности для такой политики небольшие, особенно потому, что армия очень подозрительно относится к Америке. Новое правительство более дружественно к Германии и очень плохо настроено в отношении СССР».

26 января истек срок действия американо-японского торгового договора, а вопрос о пролонгации продолжал висеть в воздухе. 29 декабря 1939 г. «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью Зорге «Призрак "черных кораблей". Японо-американская напряженность» (за подписью «От нашего корреспондента, Токио, декабрь»)[53] о неразрешимом тупике в отношениях между двумя странами:

«Позиция японцев по отношению к американцам со времени первого соприкосновения обеих стран, а стало быть, с 1854 года, характеризуется особой чертой, отличной от обычного отношения японцев к другим народам. В ней содержится элемент, позволяющий японцу после длительного пребывания в Соединенных Штатах "американизироваться»" Эта способность не находит параллелей у японцев, длительное время подвергавшихся воздействию немецкой или прочих европейских культур. Своеобразное влияние "американского" находит свое политическое соответствие в политической позиции Японии по отношению к Соединенным Штатам. Неэффективная в отношениях с другими странами "сентиментальность" создает японской внешней политике — начиная с времен переговоров с первым официальным иностранным дипломатом, американским консулом Харрисом и кончая самым последним временем — предпосылки для стоящей выше всяких сомнений дружбы между обеими странами, особая забота о которой стала принципом японской внешней политики. Это часто приводит к дружественным отношениям, которые иногда кажутся мало-мальски восприимчивому наблюдателю лишенными приятности и наводят на предположение, что "черные корабли коммодора Перри", чье появление у берегов Японии в 1853-1854 годах вынудило ее отказаться от своей изолированности, все еще оказывают известное психологическое воздействие.

Японской империи нет нужды рассыпаться в благодарностях перед Соединенными Штатами — ни за то, что она была вовлечена в мировую политику с помощью американских военных кораблей, ни за особый тип американского миссионера и "round the world" (кругосветного; англ.) путешественника, ни даже, пожалуй, за отнюдь не бескорыстную помощь американцев во время катастрофического землетрясения 1923 года. Зато Соединенные Штаты причинили японцам тяжелейшее оскорбление тем, что обращаются с

японскими иммигрантами как с "нежелательными азиатами". Это Соединенные Штаты уже в 1902 году добились принятия политики "открытых дверей" в Китае, направленной против Японии, Германии и России; эта политика привела после мировой войны к заключению направленного непосредственно против японской политики в Китае пакта девяти держав, который уже вынудил Японию однажды к уходу из Китая, а сегодня вновь используется Соединенными Штатами в качестве оружия против Японии. Казалось, европейская война — "ветер богов Японии" — устранила последние воздвигавшиеся за границей препятствия к окончанию войны в Китае и к решению китайского вопроса в японском духе. Англия и Франция вышли из игры. Само собой разумевшаяся дружба с Соединенными Штатами, казалось, не допустит создания по ту сторону Тихого океана никаких трудностей в становившейся все более рентабельной торговле с Японией. Желательное воздействие, кроме того, были призваны оказывать бесчисленные "good will missions" (миссии доброй воли), путешествовавшие по Соединенным Штатам, и штаб прояпонски настроенных американских пропагандистов. Возвратившемуся в Токио из отпуска из Соединенных Штатов американскому послу был устроен осенью этого года соответствующий прием. Устраивались всякого рода манифестации дружбы. Новый министр иностранных дел Номура возвел японо-американское единение в главный пункт своей программы, более важный, нежели политика в Китае.

Но уже несколько дней спустя после прибытия в Токио американский посол огласил на одном обеде, данном в его честь, возложенное на него президентом Рузвельтом поручение. Если отвлечься от всех миссионерских формул, смысл его был следующий: Соединенные Штаты требуют от Японии извинения и возмещения ущерба, вызванного якобы имевшими место шестьюстами с лишним случаями посягательства на американские права в Китае, в чем, по американскому утверждению, виновны японская армия и военно-морской флот. Кроме того, они требуют гарантии от повторения таких "инцидентов" посредством строжайшего соблюдения международных договоров об "открытых дверях, территориальной неприкосновенности и суверенитете Китая". Только после выполнения этих требований Вашингтон согласен возобновить уже расторгнутый торговый договор с Японией и восстановить старые дружественные отношения. Воздействие этих требований на правительство и круги, которые ради дружбы с Англией и Америкой препятствовали налаживанию тесных отношений с Германией, было почти ошеломляющим. Ибо сведенное к своей прозаической сути требование американского посла означало прекращение всех военных акций Японии в Китае, вывод японских войск, отказ от уже созданного монопольного хозяйственного и политического положения Японии, а стало быть, ликвидацию государственных трестов и созданных под крылышком японских оккупантов "временных правительств" и "автономных административных органов". Американцы, правда, намекнули, что они готовы заключить "новый" пакт девяти держав, в котором могли бы быть учтены особые интересы Японии в Северном Китае.

На случай, если Япония не примет эти требования, была заготовлена угроза не возобновления расторгнутого торгового договора между обеими странами и указано на возможность применения хозяйственных «санкций». При определенных обстоятельствах эта угроза могла бы иметь серьезные последствия, ибо в своей внешней торговле Япония в сильной мере односто-

ронне зависит от Соединенных Штатов. Одно только не возобновление японо-американского торгового договора могло бы принести ощутимый вред внешней торговле Японии и ее судоходству (из-за автоматического повышения тарифов). Японский экспорт в Соединенные Штаты составляет 15 процентов всего вывоза и примерно сорок процентов японского вывоза, связанного с приобретением иностранной валюты. Две трети этого вывоза состоят из шелка-сырца, от которого Соединенные Штаты могут отказаться. Далее, с помощью Соединенных Штатов Япония покрывает примерно тридцать пять процентов всех своих импортных потребностей и семьдесят процентов потребностей во ввозе материалов, важных в военном отношении. К этому добавляется то, что европейская война сильно ограничила возможности внешнеторговой переориентации Японии.

Японское правительство, вопреки всем своим склонностям, не может выполнить требований Соединенных Штатов. Отказавшись от Южного и Центрального Китая, оно вызвало бы опасность тяжелых внутренних потрясений. Оно лелеет надежду, что Америка «блефует» и еще возвратится к приемлемым отношениям. Пока оно стремится прийти с Соединенными Штатами к промежуточному решению, способному создать замену торговому договору, срок которого истекает 26 января, благодаря чему можно было бы избежать такого состояния, когда обе страны не связывали бы больше никакие договорные отношения. Одновременно оно пытается поправить свое уже сильно пошатнувшееся внутриполитическое положение, примкнув к партиям, которым на протяжении лет были исключены из числа сил, влиявших на формирование политической воли правительств. Кажется также, что настоятельная необходимость провести через парламент новый бюджет предоставит ему известные гарантии от резкой оппозиции вооруженных сил.

С другой стороны, американское правительство рассчитывает на весомость своих хозяйственных угроз, на якобы еще живое воспоминание о «черных кораблях коммодора Перри» и на удивительную способность Востока неожиданно находить компромиссные решения. Американские торговцы охотно продолжили бы без помех ведение весьма прибыльных дел с Японией. Так оба государства состязаются в "войне нервов", которая, конечно, должна быть закончена до 25 января. Но важнейшим политическим последствием японо-американской напряженности, превосходящей по значению напряженность в отношениях между Японией и Англией, является расширение оппозиции, направленной против англо-американской ориентации руководящих слоев Японии».

В начале февраля 1940 года сенатор штата Невада обратился с воззванием, в котором призывал к введению эмбарго на военные материалы для Японии. Голосование, проведенное в том же месяце, показало, что 75% опрошенных поддерживало эмбарго на оружие, самолеты, бензин и другие военные материалы. Американское правительство понимало, что столь решительные меры ускорят начало войны и ожидало благоприятного случая, чтобы ввести эмбарго постепенно и так, чтобы не очень раздражать Японию[54].

В подобной ситуации японское правительство пришло к выводу, что сырьевые проблемы страны следует решать за счет оказания давления на богатую каучуком, оловом и нефтью Голландскую Ост-Индию (Индонезию).

Советско-финская война — с 30 ноября 1939-го по 12 марта 1940 года — вызвала усиление антисоветских настроений в японском обществе.

«НАЧАЛЬНИКУ 5 УПРАВЛЕНИЯ РККА
Токио, 1 февраля 1940 г.

Германский посол Отт сильно обеспокоен последним развитием японо-советских переговоров о границе, потому что это разбудило его надежды на выполнение, по крайней мере, одной задачи, поставленной Риббентропом перед ним, т. е. задачи достижения советско-японского соглашения.

Отт довольно пессимистично настроен, потому что ему известна чистосердечная позиция японского Генштаба в отношении этого соглашения.

Он также боится начала новых авантюр, на которые советско-финляндская война оказала влияние в двух отношениях.

Во-первых, японцы убеждены, что Советский Союз в этой войне потерпел большое поражение, несмотря на огромные силы, брошенные на запад. Таким образом, снова появляются старые идеи об агрессии в Сибири.

Во-вторых, Генштаб вряд ли мог перенести поражение у Номонхана. Кроме того, после убеждения, что финны, по крайней мере, оказывают успешное сопротивление Красной Армии, Номонханское поражение делается еще более непереносимым, к тому же все газеты сочиняют большие истории о победах финнов.

Таким образом, сравнение маленькой Финляндии с горделивым японским Генштабом делается все более и более не в пользу Генштаба, особенно потому, что народ уже насытился войной в Китае.

Германский посол Отт тоже сильно разочарован тем, что весь ход пограничных переговоров держался японцами в секрете от него и военного атташе, чувствуя в этом факте нарастающее подозрение японского Генштаба в отношении германо-советского сотрудничества и опасность возможного поворота японцев на англо-американскую сторону.

Посол Отт получил специальное указание Риббентропа о том, чтобы скреплять политические взаимоотношения Японии с Германией и удержать всеми средствами ее от поворота к другим державам.

Я настойчиво предвижу необходимость подготовки дальневосточных границ ко всяким возможным осложнениям.

№№ 200, 01, 02. Рамзай».

[Резолюция НУ]: «тт. Кисленко и Пугачеву. По этой группе телеграмм срочно составить спецсообщение как по данным, заслуживающим внимания. При составлении учесть телеграмму т. Алексеева[55] и прекращение работы смешанной пограничной комиссии. Проскуров. 4/II».

16 февраля Зорге доложил о шагах МИД Германии по укреплению японо-советских отношений и противодействию развитию таких отношений с Великобританией:

«Начальнику 5 управления РККА
Токио, 16 февраля 1940 г.

Повторяю относительно немцев, прибывающих в Японию: Риббентроп телеграфировал послу Отту о том, что работа посла должна быть направлена по линии укрепления дружбы Японии с Германией и установления дружбы Японии с СССР, а также противодействовать какому бы то ни было присоединению Японии к Англии и др[угим] странам.

Правая рука Риббентропа (видимо, главный помощник) в скором времени прибывает в Японию, где пробудет около 3-х месяцев. Его фамилия Шта-

мер. Барон Кабургот и виконт Дуергейм также прибудут в Японию для помощи послу Отт в его работе».

[Резолюция НУ]: «НО-2 и 5. В спецсообщение. Проскуров. 18.2». «НО-4. К учету и в спецсообщение. 18.2. Пугачев». «т. Попову. К сведению. 19.2. Кисленко».

Сообщение отправлялось несколькими частями. В последней части Зорге писал, что, по мнению американского посла в Японии Грю, со стороны США не было намерения силой ввести эмбарго против Японии, так как американское правительство надеялось договориться с нынешним японским кабинетом.

Через два дня Зорге кратко излагал содержание сфотографированного им доклада:

«Начальнику 5 управления РККА
Токио, 18 февраля 1940 г.

Военный атташе в своем январском докладе Генштабу пишет следующее: Армия все еще выжидает, надеясь после одного или двух новых правительств создать действительно сильное правительство для сотрудничества с Германией против англо-американского влияния на Тихом океане. Японцы уже знают, что это будет возможным только после заключения соглашения с СССР по всем вопросам Китая. Вопреки этому японский Генштаб еще не полностью отказался от надежды на будущую войну против СССР. Неуспехи СССР в войне против Финляндии и желание отомстить за Номонхан являются сильными факторами политики японского Генштаба.

Я сфотографировал этот доклад.

№20 Рамзай».

[Резолюция НУ]: «НО-2 и 5. К учету. Проскуров. 20.2». «НО-4. К учету. 22.2. Пугачев». «т. Попову. К сведению. 22.2. Кисленко».

Сообщение передавалось двумя частями. Вышеприведенная часть — вторая и последняя. В первой части говорилось о том, что японское морское министерство согласилось с германским морским министерством обмениваться, как и прежде, всей информацией относительно СССР в Берлине и информацией о дислокации британского флота — в Токио. Обмен информацией между германским и японским генштабами относительно СССР «более или менее приостановился».

В начале марта Зорге передал информацию, полученную от его старинного знакомого адмирала Пауля Веннекера, вновь назначенного на военно-дипломатическую работу (с 1934-го по 1937-й занимавшего пост военно-морского атташе):

«Начальнику 5 Управления Красной Армии
Токио, 6 марта 1940 г.

Адмирал Венекер прибыл в Японию для принятия должности военно-морского атташе в аппарате ВАТ. В дальнейшем Венекер будет проходить под именем Пауль. Он мне сообщил, что в отношении дальнейших европейских событий имеются два основных плана:

Первый — начать решительное наступление в начале этого года с целью прорвать западный Фронт или через Бельгию, или около бельгийской границы, развивая наступление в направлении французского, бельгийского и

голландского побережья. Полагается, что побережье абсолютно необходимо для одержания победы над Англией.

Принимая во внимание, что побережье Голландии слабо укреплено Англией, (поэтому) побережье французское, бельгийское и голландское должно быть захвачено. Наибольшая опасность этого плана состоит в том, что Америка вступит в войну в момент, когда операции будут разворачиваться на территориях Бельгии и Голландии.

Второй план заключается в том, чтобы, «сохраняя спокойствие», сосредоточить все силы на укреплении своей экономической независимости совместно с СССР и остаться экономически сильной.

Но Венекер считает, что первый план предпочитается Гитлером и Риббентропом и поэтому, вероятнее всего, (что) будет осуществлен первый план.

Риббентроп настойчиво добивается того, чтобы предупредить присоединение США к войне против Германии. Он посылает много видных людей в США и также ставит специальные задачи перед послом Отт и Венекером для работы в Японии. Отт и Венекер должны добиваться такой политики со стороны Японии, что Америка всегда должна быть в опасении, что японцы используют присоединение США к войне для продвижения на юг Тихого океана. Таким образом, чтобы США, не будучи уверенными относительно движения японцев в случае присоединения США к войне, будут все дольше воздерживаться от включения в войну против Германии.

Венекер был принят зам. начальника морского штаба Японии, с которым откровенно обменялись мнением относительно этой политики, которую моряки понимают лучше других в японских кругах.

№ 31, 32, 33. РАМЗАЙ».

Зорге в общих чертах воспроизводил со слов Венекера немецкий план наступления на Францию, Бельгию и Нидерланды под кодовым названием «Гельб». Первый вариант плана предусматривал нанесение главного удара при наступлении через Бельгию по обе стороны Льежа. Инициатором перенесения направления главного удара в Арденны (с последующим выходом к берегу Атлантического океана в районе Абвиля и окружения англо-французских сил, находящихся севернее прорыва) выступил в октябре 1939 г. начальник штаба группы армий «А» Манштейн, поддержанный своим командующим Рундштедтом. 24 февраля 1940 г., после нескольких изменений, был принят окончательный вариант плана операции «Гельб», в основу которого был положен план Манштейна[56].

Но главное — Зорге сообщал о намерении Германии положить конец затянувшейся «странной войне» и разгромить англо-французские войска на континенте. «Агентурные данные, заслуживающие доверия», поступившие от «Рамзая», были использованы, в том числе, при составлении Сводки 5-го Управления РККА по событиям на Востоке (Япония и Маньчжурия) 22 марта 1940 г.:

«Экз. № 12
Тов. Димитрову

...

ОЦЕНКА АНТИКОМИНТЕРНОВСКОГО ПАКТА

По агентурным данным, заслуживающим доверия, германский посол в Японии Отт дает следующую оценку антикоминтерновской политики Арита:

1. Антикоминтерновский пакт, предназначенный для внутреннего потребления, имеет целью оправдать империалистические захваты в Китае. Для того чтобы успешно закончить войну с Китаем, эта война должна быть представлена как антикоминтерновская война.

2. Япония использует пакт для того, чтобы изгнать из Китая Англию и США. С этой целью Япония указывает на общие интересы Японии с Англией и США в борьбе против влияния СССР в Китае.

3. Антисоветский характер своей внешней политики Япония использует для того, чтобы демонстрировать возможность заключения нового антикоминтерновского пакта с Англией и США против СССР и даже против Германии.

Поэтому Отт считает, что антисоветский характер внешней политики Японии сохранится на ближайшее будущее.

По мнению Отта, США дали понять японскому правительству, что если Япония воздержится от улучшения отношений с СССР, то это будет способствовать улучшению экономических отношений с США...

Выводы: Японское правительство продолжает придерживаться антисоветской внешней политики. Пользуясь благоприятной [для] Японии обстановкой в связи с англо-франко-германской войной и демонстрируя свою антисоветскую позицию, Япония добивается от Англии и США политических уступок по китайскому вопросу, что способствовало бы капитуляции Чан Кайши и окончанию войны в Китае.

Начальник Пятого управления РККА генерал-лейтенант ПРОСКУРОВ».

На основании информации, полученной от «Рамзая», было составлено очередное спецсообщение 5-го Управления Красной Армии от 29 марта 1940 г. — «Сводка по событиям на Востоке» — о японо-германских отношениях и политике японского генштаба:

«Экз. № 12
Тов. Димитрову

1. Японо-германские отношения.

По агентурным данным, заслуживающим доверия, германский посол в Японии Отт, совместно с германским государственным советником Хельферих, прибывшим в Японию с задачей улучшить германо-японские экономические отношения, телеграфировал в Берлин, что в целях отрыва Японии от Англии Германия должна пойти на некоторые серьезные экономические уступки Японии.

Япония нуждается в германских пароходах, находящихся в бездействии в Японии, в искусственных удобрениях и машинах.

На телеграмму Отта и Хельферига получен ответ германского правительства, содержащий категорический отказ в каких-либо уступках Японии до тех пор, пока Япония не согласится на перевозки товаров для Германии через Сибирь (здесь и далее подчеркивание в документе. — *М.А.*).

В телеграмме подчеркивается недовольство Берлина позицией, занимаемой Японией, и высказывается неудовлетворение безуспешностью работы германского посла Отт в Токио.

2. Политическое положение в Японии.

По агентурным данным, японский генштаб пытался создать во время последней сессии японского парламента оппозиционную группу из партийных

группировок: Кухара, Накадзима, Тайхокай (Тохокай. —*М.А.*), Кокумин и других небольших групп, с целью вынудить кабинет Ионай (Ёнаи. — *М.А.*) уйти в отставку. В этом направлении активно работает бывший японский посол в Берлине Осима, поддерживающий связь с германским послом Отт. Осима намеревался убедить Коноэ возглавить эту новую оппозицию в качестве будущего премьера. Пока этот план потерпел поражение.

В руководстве генштаба растет идея создания военного кабинета в момент, когда еще больше возрастут экономические затруднения Японии. Если Коноэ не согласится возглавить это новое правительство, то генштаб возьмет на себя непосредственное руководство военным кабинетом.

Вывод: Германия продолжает вести активную политику в Японии, добиваясь изменения внешнеполитического курса последней. Планы японского генштаба и деятельность Осима, вероятно, связаны с германской политикой в Японии.

ПРОСКУРОВ».

29 марта на VI сессии Верховного Совета Союза ССР председатель СНК и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов выступил с докладом «Внешняя политика правительства», в котором отметил «крутой поворот» в отношениях с Германией и «глубокую враждебность» со стороны Англии и Франции к Советскому Союзу. «Крутой поворот к лучшему в отношениях между Советским Союзом и Германией нашел свое выражение в договоре о ненападении, подписанном в августе прошлого года. Эти новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность. Предусмотренное еще тогда, осенью прошлого года, развитие экономических отношений получило свое конкретное выражение еще в августовском (1939 г.), а затем февральском (1940 г.) торговых соглашениях. Товарооборот между Германией и СССР начал увеличиваться на основе взаимной хозяйственной выгоды, и имеются основания для дальнейшего его развития.

Наши отношения с Англией и Францией сложились несколько по-другому. Поскольку Советский Союз не пожелал стать орудием англо-французских империалистов в их борьбе за мировую гегемонию против Германии, нам на каждом шагу приходилось натыкаться на глубокую враждебность их политики в отношении нашей страны...

Начавшуюся же в Финляндии войну англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунктом для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран — Швеции и Норвегии»[57].

Что же касается отношений с Японией, то их состояние, по словам В.М. Молотова, не вызывало «большого удовлетворения»:

«В наших отношениях с Японией мы не без известных трудностей, но все же разрешили некоторые вопросы. Об этом говорит заключенное 31 декабря прошлого года советско-японское соглашение по рыболовному вопросу на текущий год, а также согласие Японии на уплату последнего, долго задерживавшегося ею, денежного взноса за КВЖД. Тем не менее нельзя выразить большого удовлетворения нашими отношениями с Японией. Так, до сих пор, несмотря на происходившие длительные переговоры советско-монгольских и японо-маньчжурских делегатов, остался нерешенным важный во-

прос об установлении границы на части территории в районе бывшего в прошлом году военного конфликта. Японскими властями продолжают чиниться препятствия к нормальному использованию внесенного Японией последнего денежного взноса за КВЖД. Совершенно ненормальны во многих случаях отношения японских властей к сотрудникам советских органов в Японии и Манчжурии. В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. (*Продолжительные аплодисменты*). Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно.

В связи с Японией скажу два слова по одному, так сказать, неделовому вопросу. (*Веселое оживление в зале.*) На днях один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: "Не следует ли обдумать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий". (*Взрыв смеха.*) Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются (*смех*), по меньшей мере, веселый человек. (*Смех, аплодисменты.*) Но своими глупыми вопросами он, по-моему, не поднимает авторитета своего парламента. (*Смех.*) Однако, если в японском парламенте так сильно увлекаются торговлей, не заняться ли депутатам этого парламента продажей Южного Сахалина. (*Смех, продолжительные аплодисменты.*) Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (*Смех, аплодисменты.*)»[58].

Усилия правительства Ёнаи сосредоточились на Китае. 30 марта в Нанкине было провозглашено создание нового «центрального» правительства во главе с Ван Цзинвэем, которое Япония признала единственным законным в Китае. Однако США объявили о поддержке Чан Кайши. США соглашались сотрудничать с Японией только при условии отказа Токио от всех завоеваний 1930-х годов.

Зорге советовал в первую очередь направить усилия на предотвращение признания «центрального» правительства со стороны Германии:

«Начальнику 5 управления РККА
Токио, 5 апреля 1940 г.

Я думаю, что до тех пор, пока крупные финансовые капиталисты придворной клики, связанные с феодальным милитаризмом, будут править Японией, не будет действительного мира и безопасности СССР на Д[альнем] В[остоке].

Японцы будут всегда стараться предать СССР взамен английской и американской помощи. Поэтому СССР должен предотвращать всякое признание [Ван Цзинвэя] также со стороны Германии.

Американская политика непризнания Ван Цзинвэя и отказ от помощи Японии в ее растущих затруднениях создает для Японии всевозможные трудности даже во взаимоотношениях с Америкой для того, чтобы заключить союз против СССР.

Подобное соглашение с Америкой было бы противопоставлено британским стремлениям привести Америку к компромиссу с Японией под предлогом, что в противном случае Япония будет вынуждена присоединиться к германо-советской стороне, что никогда не случится при наличии теперешней прогнившей правящей системы.

Рамзай».

[Резолюция НУ]: «НО-2 и 5. По группе информ[ационных] телеграмм составить спецсообщение. Проскуров. 8.4». «НО-4. Срочно спецсообщение. Пугачев. 9.4». «т. Попову. К сведению. Кисленко. 10.4»

Сообщение передавалось тремя частями, вышеприведенная часть была третьей и последней в группе переданных Зорге радиограмм. В первой части «Рамзай» сообщил, что Англия готова на компромисс с Японией для усиления блокады Германии и сохранения враждебного отношения Японии к СССР. США противодействуют японо-английскому соглашению без согласия американского правительства. Во второй части Зорге писал: «Представитель МИД Германии [Штамер] сказал Отту и мне, что вопрос о признании правительства Ван Цзинвэя не может быть решен без германо-советского соглашения. Зная, что СССР не согласится с этим, в МИД Германии имеется группа, которая настаивает на том, чтобы Япония и СССР при посредничестве Германии пришли к взаимопониманию о разделе Китая на три части: под правлением Ван Цзинвэя, северо-запад Китая и под правлением Чунцина (правительство Чан Кайши. — *М.А.*)».

В конце апреля поступило агентурное сообщение «Рамзая» из Токио о разногласиях в японском генштабе по вопросу о военных расходах:

«Начальнику 5 управления РККА
Токио, 23 апреля 1940 г.

«"Отто" (Отт. — *М.А.*) сообщает, что японский генштаб, а также все экономические круги убеждены, что новый бюджет невозможно полностью реализовать без серьезных финансовых последствий. Поэтому внутри японского генштаба появились разногласия по вопросу сокращения расходов.

Штаб японской армии в Китае и Кагеса настаивает на сокращении расходов Квантунской армии, потому что она расходует из фондов, которые тратятся вне Японии, 70%, а армия в Китае — только 30%.

Разногласия, возможно, обострятся и могут повести, если армия в Китае добьется успеха ее точки зрения, к новым инцидентам на северной границе для того, чтобы Квантунская армия могла доказать необходимость получения всех фондов, которые она требует.

Рамзай».

[Резолюция НУ]: «По № 73, 70-72 подготовить сводку. Дать задания другим людям на уточнение. Проскуров. 25.4.». «НО-4. К учету и проверке. Использовать в сводку (проверить перевод). Пугачев. 26.4». «т. Попову. К исполнению. Кисленко. 26.4»

Генерал-майор Кагес Садааки — военный советник при нанкинском правительстве Ван Цзинвэя.

Обращает на себя внимание очередная путаница между псевдонимом Одзаки «Отто» и фамилией германского посла Отта, которую так никто и не попытался устранить. Лица, отвечавшие за руководство токийской нелегальной резидентурой, явно не владели ситуацией.

«Странная война» на Западе закончилась 9 апреля 1940 г. нападением Германии на Данию и Норвегию. Дания не оказала сопротивления и капитулировала в тот же день. В Норвегии 14 апреля началась высадка англо-французских войск. Завязались ожесточенные бои, которые могли привести к за-

тяжной войне. Был освобожден Нарвик, но наступлению союзников помешал начавшийся 10 мая немецкий блицкриг на Францию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

Люксембург был захвачен в первый день, 14 мая капитулировала Голландия, 26 мая акт о капитуляции подписал бельгийский король. Английские войска были отброшены к Дюнкерку. 10 июня в Северной Норвегии капитулировали норвежские войска, 16 июня вся территория страны была оккупирована.

В связи с успешным ходом военной кампании Германии на Западе Зорге направил в Центр донесение о германских взглядах на германо-советские отношения:

«Начальнику 5 управления Красной Армии
Токио, 29 мая 1940 г.

Ввиду увеличивающейся германской победы на западе, я послал доклад относительно германских взглядов на дальнейшие германо-советские отношения.

Эти взгляды собраны от посла Отта, военного атташе, других германцев и важных советников Риббентропа. Первая точка зрения — молодых фашистов — состоит в том, что если Германия выиграет войну на западе, то должна сражаться против СССР. Вторая точка зрения — более важных людей — мирные отношения с Советами при явном признании Советами политического, экономического и военного превосходства Германии. Только эти две точки зрения были высказаны немцами, и они будут оставаться до тех пор, пока Германия не будет серьезно истощена.

Первая группа желает дружбы с Японией с целью использования ее в дальнейшем против СССР с Востока. Вторая группа желает того же, но развивает также идею заключения германо-советского и китайского великоазиатского блока под руководством Германии против западных стран, также и против Японии, если Япония не изменит ее ненадежной, колеблющейся позиции в отношении германской борьбы в Европе. Эта точка зрения имеет место уже во многих важных немецких кругах, включая и посла Отта, и Штамера, являющегося правой рукой Риббентропа.

Рамзай».

[Резолюция НУ]: «НО-2 и 5. К учету. Составить спецсообщение. Проскуров. 1.6.». «НО-4. К учету. Составить спецсообщение. Пугачев. 1.6». «т. Попову. К сведению. Кисленко. 2.6».

Сообщение отправлялось двумя частями. Выше приведена вторая часть. В первой части Зорге писал, что, по сведениям «Отто», японская армия на о. Хайнань ведет подготовку к возможным действиям в отношении Голландской Индии. «В настоящее время ни морские, ни армейские руководители, ни правительство не хотят втягиваться в новые действия на юге, но если германские победы в Европе будут возрастать, тогда прогерманская оппозиция вынудит правительство и руководящие круги начать действия на юге или произвести изменения [кабинета]».

6 июня «Рамзай» прислал дополнение: «Официально доминирующей точкой зрения является — Япония должна и могла бы быть использована после германской победы как средство давления против СССР». Далее Зорге сфор-

мулировал рекомендации: «Необходимо проводить такую политику, чтобы ни Германия, ни Англия в случае их победы не могли рассматривать Японию как нужного союзника против СССР». С этой целью он предлагал:

— самой действенной помощью Китаю решительно ослабить Японию;

— влиять на Германию для создания совместно с СССР политико-экономического блока с Китаем, направленного против Запада и Японии («эта идея уже созревает у важных немецких людей»);

— если эта политика не удастся, то начать переговоры с США относительно общей антияпонской политики в отношении Китая и Дальнего Востока».

9 июня 1940 года было подписано соглашение Молотова — Того об уточнении границы в районе реки Халхин-Гол, создании комиссии по урегулированию и предупреждению конфликтов, по демаркации границы и по нарушению Японией Портсмутского договора 1905 г. СССР согласился признать пограничный район Алушань, имевший наиболее важное значение для Японии и Маньчжоу-Го, частью последнего, а Япония решила уступить МНР остальную часть спорной территории[59].

Сиратори Тосио, бывший посол Японии в Италии, вернувшись на родину, резко осудил «выжидательную позицию правительства, из-за которой Япония может остаться в стороне от плодов победы, включая азиатские и тихоокеанские колонии поверженных стран»[60]. Сиратори настаивал, что «наступило время действовать, заключать союз с Германией и СССР и идти на юг, в Индокитай и Голландскую Индию»[61]. Но такие радикальные перемены во внешней политике становились возможны «только при условии столь же радикальных внутриполитических реформ», которые, наконец, могли стать реальными[62] только при новом правительстве.

«Начальнику 5-го Управления Красной Армии
Токио, 10 июня 1940 г.

Посол Отт имел разговор с Сиратори (бывший японский посол в Италии) о возможном соглашении между Японией, Германией, СССР и Китаем с целью развязать руки Японии против Англии, Франции и Америки. Сиратори уверял Отт, что Япония отказывается от этого плана, т. к. на ближайшее время нет оснований для дружбы с СССР.

Сиратори утверждал, что позиция японского генштаба и оппозиции усиливается и что в случае германской победы она начнет войну против СССР; тогда Япония немедленно присоединится к войне против СССР. Потому надежд на дружбу не предвидится*.

В случае, [если] Германия и СССР станут друзьями, тогда советско-американская угроза настолько усилится, что дружба еще более станет невозможной. По этому вопросу посол Отт был спрошен советским полпредом, [и он] сказал о японском энтузиазме относительно идеи Отта, но Отт не [пере]сказал ему содержание его разговора с Сиратори и не советовал ему телеграфировать это советскому правительству.

Посол Отт сказал советскому послу только то, что время еще не настало для такого сотрудничества

№ 104. Рамзай».

[Резолюция НУ]: «НО-4. К учету и в спецсообщение. Пугачев. 14.6». «т. Попову. К сведению. Кисленко. 15.6».

---

* Этот абзац на полях отчеркнут и отмечен звездочкой.

«В мае, когда германская армия вторглась в Голландию, генерал-губернатор Голландской Индии сообщил о снятии ограничений на экспорт в Японию нефти, олова, каучука и других видов сырья. Однако Япония этим не удовлетворилась. Она требовала снятия ограничений на экспорт в Японию ряда других важнейших материалов и вывоза гарантированного количества стратегических материалов. В июне Япония укрепила свои позиции на юге, заключив с Таиландом договор о дружбе. Вслед за этим Япония потребовала, чтобы Французский Индокитай прекратил провоз военных материалов для Китая и допустил японскую военную миссию для контроля над выполнением этого требования. Власти Французского Индокитая приняли японские требования как раз в день капитуляции Франции. В этот период правительство США предложило правительству Японии подписать совместную декларацию о недопущении изменения статус-кво в южной части Тихого океана. Но Арита заявил, что принятие подобной декларации представляется затруднительным, поскольку в отношениях между Японией и Америкой существуют многочисленные нерешенные вопросы, в том числе и вопрос о денонсации торгового договора.

Одновременно Япония потребовала от Англии вывода войск из Шанхая, а также закрытия Гонконга и Бирманской дороги, использовавшихся для перевозок военных материалов в Китай. В связи с этим Англия заявила правительству США, что она не способна в одиночку обеспечить защиту Малайи и Голландской Индии. Англия потребовала, чтобы США определили свою политику в отношении Японии, и заявила, что будет следовать избранной Америкой политике, будь то политика "твердого курса" или "политика умиротворения". Но правительство США отказалось определить свой политический курс, и английское правительство решило закрыть на три месяца Бирманскую дорогу. Этот факт свидетельствовал о возрождения тенденции к заключению "дальневосточного Мюнхена"»[63].

В своем комментарии к декларации японского правительства, касающейся Голландской Индии, Зорге отмечал:

«Начальнику 5 управления РККА
Токио, 10 июня 1940 г.

В ответ на вашу телеграмму о Голландской Индии я даже сам сейчас не знаю, какие меры Япония предпримет против Голландской Индии. Я знаю только о декларации японского правительства, говорящей о сохранении статус-кво и невмешательства в отношении этих островов, вызванной боязнью действий со стороны других держав ввиду германского наступления через Голландию.

По моему мнению, хорошая разведывательная работа должна предвидеть некоторые новые события, но отнюдь не следует верить заявлениям о статус-кво и проведении политики невмешательства»*.

[Резолюция НУ]: «НО-2 и 5. К учету. Проскуров. 13.6.». «НО-4. Пугачев. 14.6.». «т. Попову. К сведению. Кисленко. 15.6».

Зорге сообщал: «В связи с германскими победами на Западе японская армия и морской флот все более проявляют заинтересованность Индокитаем,

---

* Этот абзац на полях отчеркнут и напротив него написано: «Сводка».

чем Голландской Индией... Но до тех пор, пока Арита (министр иностранных дел Японии. — *М.А.*) находится у власти, действий со стороны Японии не будет».

«Посол Отт, продолжая сотрудничать с Осимой, Сиратори и другими японскими руководителями, добивался вмешательства Японии в европейскую войну, против которого решительно возражал кабинет Ионаи»[64].

«10 июня 1940 г. Арита протестовал против пребывания основной части флота Соединенных Штатов у Гавайских островов. Тем временем немецкое посольство в Токио использовало свое влияние в прессе и среди руководящих политических деятелей для того, чтобы возбуждать враждебные настроения против Соединенных Штатов. Посол Отт лично заявил Коноэ и другим крупным политическим деятелям Японии, что, в конечном итоге, конфликт между Японией и Соединенными Штатами будет неизбежен. Осима, Сиратори и другие члены военной группировки сотрудничали с немцами в этой агитации»[65].

США были готовы на известное время примириться с захватом Японией Маньчжурии, но настаивали на прекращении японской агрессии в Китае и возражали против нахождения японских войск сначала в Северном, а в последующем и в Южном Индокитае.

22 июня 1940 г. Зорге сообщил: «Вряд ли Ионай [Ёнаи] и Арита предпримут военные меры против Индокитая, несмотря на сильное давление в стране. **Советы посла Отта Риббентропу сводятся к тому, чтобы Японии было предложено со стороны Германии начать захват Индокитая, тем самым отвлечь внимание США от Европы и привлечь Японию на сторону Германии** (выделено мной. — *М.А.*). Ответа еще нет. Смена правительства и приход Коноэ неизбежен, надо ожидать в первой половине июня...»

[Резолюция НУ]: «НО-2, НО-5 к учету. В спецсообщение. Проскуров».

Первый пробный шар со стороны «Рамзая» — предложить Японии «со стороны Германии начать захват Индокитая». Однако эта рекомендация преждевременна: Гитлер еще не принял решение о вторжении в Великобританию, а Япония еще не подписала Тройственный пакт.

22 июня Германия и Франция подписали соглашение о перемирии.

Позиция Японии в отношении СССР начинает меняться в мае-июне 1940-го после поражения Нидерландов и Франции в войне с Германией. Япония не желала упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний этих стран. С этой целью она должна была принять меры по урегулированию советско-японских отношений.

Посол Японии в СССР Того Сигэнори писал: «Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на modus vivendi без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме Министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал Министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

Инструкция нашего Министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»[66].

2 июля 1940 г. состоялась беседа наркома иностранных дел СССР с послом Японии[67]. На ней были выявлены позиции сторон, нащупаны точки соприкосновения и обозначены непреодолимые препятствия.

Из записи беседы: «Того начинает беседу с заявления о том, что в данный момент между Японией и СССР имеются различные спорные и другие вопросы. Их число достигает большого количества. Однако он полагает, что все эти вопросы таковы, что на пути их разрешения нет ничего непреодолимого, поскольку имеется много способов для их мирного разрешения…

За последние 2—3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении между СССР и Японией. Нарком, который все вещи видит достаточно глубоко, хорошо понимает это обстоятельство. С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, также, как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, т. е. она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из этих стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая страна не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается того же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение.

Тов. Молотов… Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться. Далее тов. Молотов просит Того уточнить слова: "не нападать" или "не помогать одной из нападающих стран". Общая мысль, заложенная в высказываниях Того, продолжает тов. Молотов, о том, чтобы не помогать нападающей стране и не нападать — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

В заключение тов. Молотов говорит, что он хотел бы узнать конкретные пожелания японской стороны в этом отношении.

Того говорит… что лучше всего будет вполне откровенно изложить содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I.

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается конвенция об основных прин-

ципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 года в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II.

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III.

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Японская сторона, продолжает Того, считает, что такое соглашение между обеими странами в данный момент целесообразно и может удовлетворить обе стороны. Вышеупомянутый проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 году между СССР и Германией. Того думает, что такая форма соглашения в данный момент будет самой подходящей для обеих стран».

Утверждение Того не соответствовало действительности — проект соглашения представлял собой существенно усеченный вариант Договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. (совпадали только тексты ст. 2)[68]. Разнились формулировки ст. 1. В японском проекте отсутствовала ст. 3 договора, подписанного в Берлине: «Если в связи с конфликтом упоминаемого в статье 2 характера, или же когда ни одна из договаривающихся сторон не будет замешана в вооруженных столкновениях, будет образована между третьими державами коалиция с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции примыкать не будет».

Недостоверным было и утверждение Того о его авторстве в подготовке соглашения. Никакой самодеятельности с его стороны проявлено не было. Как свидетельствуют японские архивные документы, согласование проекта шло на протяжении двух месяцев при участии армии. Еще 28 апреля министр иностранных дел Японии Арита сообщил Того Сигэнори о предстоящих шагах по нормализации отношений с Москвой в форме пакта о нейтралитете. Первоначальный вариант был готов 11—12 мая, но из-за разногласий в правительстве на его согласование ушло полтора месяца[69].

«Что же касается Китая, говорит Того, то он считает, что Наркому хорошо известно, что в течение трех лет Япония ведет в Китае военные действия большого масштаба. Поэтому японская сторона желает, чтобы советская сторона имела в виду те обстоятельства, которые вытекают из этих военных действий.

На просьбу тов. Молотова более подробно разъяснить последнюю мысль, высказанную Того, последний заявляет следующее. Если говорить более откровенно о Китае, то в настоящее время Япония предложила Франции запретить провоз оружия через Индокитай для чунцинского правительства. В целях осуществления контроля Японское правительство посылает во французский Индокитай своих наблюдателей. С другой стороны, Япония предлагает английскому правительству не допускать провоза оружия через Бирму, а также не оказывать никакой другой помощи чунцинскому правительству. Того думает, что Англия пойдет навстречу пожеланиям японской стороны. Имен-

но такие же отношения Япония желает иметь и с СССР. Если Япония и СССР войдут в такие дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству. Япония желает достичь такого понимания. И такое пожелание японской стороны исходит из общего положения, существующего в Китае. Поэтому он думает, что это пожелание не является слишком далеко идущим.

Тов. Молотов говорит, что по вопросу о заключении соглашения о нейтралитете он пока может высказать только свое личное предварительное мнение и сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, по мнению тов. Молотова, будет встречена Советским правительством положительно».

«Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны».

Из вышесказанного отнюдь не следовало, что Советский Союз готов был прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о нейтралитете. Это была неудачная попытка оправдаться, в которую Того, конечно, не поверил, но за которую «зацепился», постоянно возвращаясь к этой теме и вынуждая Молотова выкручиваться.

«Переходя к вопросу о Китае, Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю для СССР не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству. Об этом как раз говорится в статье 2 проекта соглашения о нейтралитете. Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой по такой же форме, как когда-то японское правительство сделало это в отношении бессарабского вопроса».

С «бессарабским вопросом» Того так же передернул, как и с «копией» Берлинского договора. Все было не так однозначно, как утверждал японский посол. Достаточно привести выдержки из переписки полномочного представителя СССР в Китае Л. Карахана и посланника Японии в Китае К. Иосидзавы, подписавших в Пекине 20 января 1925 г. Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

Карахан — Иосидзава:

«Доверительно 20 января 1925 г.

Уважаемый господин Посланник!

28 октября 1920 г. пятью державами, в том числе Японией, был подписан в Париже договор, признающий аннексию Румынией территории Бессарабии, принадлежащей Союзу Советских Социалистических Республик.

Принимая во внимание дружественные отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, мое Правительство полагает, что Японское Правительство не приступит к ратификации сказанного договора, против которого Правительство Союза заявило энергичный протест подписавшим его державам.

В соответствии с этим, по поручению моего Правительства, я имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в любезности ознакомить меня с решением Правительства Японии по этому вопросу...»[70].

Иосидзава — Карахану:

«Доверительно 20 января 1925 г.

Уважаемый господин Посол!

В ответ на Ваше письмо от 20-го сего месяца по вопросу о Бессарабском договоре имею честь, согласно полученным от моего Правительства инструкциям, сообщить Вашему Превосходительству, что, если и пока упомянутый договор не будет ратифицирован всеми подписавшими его европейскими державами, Японское Правительство не имеет намерения предпринимать требуемые для ратификации шаги, считая, что договор этот касается вопроса по существу своему чисто европейского...»[71].

Японский посол вновь вернулся к вопросу обмена нотами: «Касаясь вопроса об обмене нотами, Того заявляет, что, хотя, как заявил Нарком, вопрос о Бессарабии и вопрос о Китае являются неоднородными, однако Япония всегда придерживается того мнения, что раз договор подписан, то его нужно ратифицировать. Поскольку же при заключении Пекинской конвенции СССР желал, чтобы Япония не ратифицировала этот договор, Япония пошла навстречу пожеланию СССР. Может быть, вопрос о Бессарабии и вопрос о Китае и различны, однако дух в них общий. Поэтому Того просит тов. Молотова о том, чтобы одновременно с ответом Советского правительства на его проект был также дан ответ и на его предложение об обмене нотами.

Тов. Молотов заявляет, что ответ будет дан в самое ближайшее время».

В беседе с Того наркоминдел недвусмысленно дал понять, в каком направлении Японии следует направить свою экспансию, чтобы не вызвать возражений со стороны Советского Союза. «Тов. Молотов считает правильным откровенное высказывание Того о желании японской стороны договориться по конкретным вопросам и указывает, что по коренным и другим вопросам обе стороны могут договориться, если они будут считаться с интересами друг друга. Если такое разрешение вопроса является желательным для СССР, то оно является также желательным и для Японии, тем более что для Японии на юге Азии и на прилегающих к ней островах, в связи с теперешним положением Голландии, Франции и Англии, как с экономической, так и с военной точек зрения, возник ряд интересных вопросов. Вот почему, учитывая эту обстановку, обе страны, играющие большую роль в международной политической жизни, должны правильно учесть права и интересы друг друга и найти почву, чтобы сделать их отношения прочными и стабильными, в результате чего стабильность интересов была бы обеспечена должным образом».

Молотов подчеркивает, что «стабилизация» отношений между двумя странами, заставит США считаться с интересами СССР и Японии: «Что же касается международной обстановки, продолжает тов. Молотов, то Того здесь

прав. Обстановка меняется не только в Европе, Африке и Азии, но он может добавить, что эти изменения касаются также и Америки... Чем лучше мы поймем друг друга на случай этих изменений, тем это будет более правильным для обеих сторон. Тов. Молотов добавляет, что до осени 1939 г. отношения между СССР и Германией были неважными, однако, когда мы откровенно поговорили друг с другом и установили, что это невыгодно и не отвечает интересам обеих сторон, то СССР и Германия нашли возможным договориться и улучшить те моменты, в которых они были заинтересованы. Поэтому, подчеркивает тов. Молотов, при желании обеих сторон отношения между ними могут стать благоприятными, если при этом не будет ущерба взаимным интересам и правам. Проявленная сегодня инициатива японской стороны будет правильно понята и учтена, и пожелания Того найдут соответствующий отклик. В заключение тов. Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии».

2 июля 1940 г. Конгресс США принял «Закон об усилении национальной обороны», на основании которого президент запретил экспорт без специальных лицензий всех видов военных и подсобно-военных материалов, включая оборудование для их производства. Запрещение безлицензионного экспорта распространялось не только на все виды оружия, самолетов и оборудования для них, но также на основные сырьевые материалы (нефть, алюминий, молибден, ванадий, олово, вольфрам, ртуть, графит, каучук и т. д.), на важнейшие химикалии и на важнейшие виды станков и других металлообрабатывающих машин. Официально единственной целью закона являлось предупреждение экспорта из США материалов и машин, которые могли оказаться необходимыми для самой Америки. Благодаря закону президент отныне мог разрешать экспорт вооружений «нашим друзьям» и воспрещать их вывоз «нашим врагам».

В конце июля американское правительство приняло решение о выдаче лицензий на экспорт авиационного горючего и смазочных масел только в Западное полушарие и Великобританию.

Мемо «РАМЗАЙ» — Центру от 6.7.40: «Сообщает, что в стране налицо правительственный кризис. Кандидатами на пост премьера, помимо Коноэ, называют еще генерала Кайзо. В ген. штабе уже имеется разработанный план захвата иностранных концессий в Китае. Перед захватом Индо-Китая предполагается блокировать Гонконг, для чего 3,4,5 пех. полки гвардейской /кадровой/ дивизии с арт. полком и другими частями отправлены в Ю.Китай.

2. Японское военное министерство сообщило Венекеру, что они используют все возможности в отношении Голландской Индии, после того, как будут решены вопросы в отношении Гонконга и Индо-Китая. При этом на позицию США будет обращено меньше всего внимания. Есть сведения, что во флот за последние дни призвано много моряков.

Из заявлений генерала Муто германскому военному атташе видно, что японский ген. штаб хочет заставить Чан Кай-Ши принять японские условия мира. В случае неудачи посредничество Германии будет использовано. Вместе с тем, есть мнение об установлении с СССР взаимопонимания в вопросах Северо-западного Китая и Монголии.

Телеграмма Риббентропа послу Отту свидетельствует, что Германия остается пассивной в отношении японской экспансии в Индо-Китае и на Юге.

Имеются сведения, что послы Японии и Чан Кай-Ши встретились в министерстве иностранных дел Германии.

В отношении Германии посол Отт думает, что она хочет столкнуть Японию с США, не неся ответственности сама за это, одновременно поддерживая связи с Чан Кай-Ши».

Японские войска были введены на территорию международного сеттльмента в Шанхае только 8 декабря 1941 г. Французская концессия просуществовала до июля 1943 г.

Мемо «Рамзай» — Центру от 13.7.40: «Сообщает, что сообщение газеты «Мияко» о переговорах посла Отт с Аритой выдумка. По мнению Рамзая, деятельность Отт сводится к следующему: переговоры Отт с Аритой ограничились передачей лишь официальных указаний. Отт и Арита ненавидят друг друга. Отт действует в целях свержения Ариты и имеет успех.

Такие люди, как Отт, Осима и Сиратори все время выдвигают перед Коноэ требование захвата английских и французских колоний, а также Голл. Индии.

В то же время посол Отт настаивал на том, чтобы японцы пришли к взаимному пониманию с СССР (выделено мной. — *М.А.*), т. к., если северные границы будут в безопасности, то столкновение с США можно избежать. После поражения французов, Отт имеет указания не мешать японцам в захвате французских и голландских владений.

Предложений со стороны Отта о конкретной помощи японцам не было».

[Резолюция НУ]: «НО-2, НО-5 доложите суть дела. Г.».

К руководству военной разведкой пришел далекий от разведки Ф.И. Голиков — со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Сиратори, Осима, Кухара, Накано были частыми гостями германского посольства, где с ними охотно общался личный друг посла Рихард Зорге[72]. Кухара Фусаносукэ —японский политический деятель, член парламента и крупный промышленник.

Мемо «Рамзай» — Центру от 13.7.40: «Сообщает, что японский ген. штаб просил о посылке большой военной миссии в Германию, на что получил ответ, что такая миссия м. б. послана только после смены существующего правительства. Это свидетельствует о серьезных разногласиях между немцами и японцами».

17 июля Великобритания, поддавшись японскому давлению, дала согласие на закрытие Бирманской шоссейной дороги — единственной магистрали, связывавшей Юг и Юго-Запад Китая с внешним миром. Единственным путем доставки чунцинскому правительству материалов, горючего и вооружения остался Синьцзянский тракт. По нему непрерывным потоком доставлялись из СССР самолеты, танки, артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы и горючее.

Судьбу правительства Ёнаи решили нерешительность в присоединении к военно-политическому союзу с Германией и Италией и формируемая «новая политическая структура».

24 июня 1940 г. Коноэ ушел с поста председателя Тайного совета и приступил к созданию новой политической структуры — «Ассоциации помощи трону». Одна за другой прекращали свое существование политические партии: 6 июля была распущена Социалистическая массовая партия,15 августа — Минсэйто.

22 июля 1940 г. правительство Ёнаи Мицумаса было заменено кабинетом князя Коноэ Фумимаро. Министром иностранных дел стал Мацуока Ёсукэ, военное министерство возглавил генерал-лейтенант Тодзио Хидэки.

Убежденный противник коммунизма, опасавшийся его проникновения в Японию, Коноэ настороженно относился к сближению с СССР. Вместе с тем он понимал, что для успешной реализации геостратегических проектов в Восточной Азии необходим как минимум благожелательный нейтралитет СССР. В Тройственном пакте новый премьер видел своего рода противовес англо-американскому господству на Тихом океане, рассчитывая во что бы то ни стало избежать вступления США в войну[73]. В этом заключалась ошибка Коноэ — заявку на создание «великой восточноазиатской сферы сопроцветания», включавшей в себя Индокитай, Голландскую Ост-Индию, Малайю, Бирму и Филиппины, можно было подкрепить только вооруженной силой, непреодолимым препятствием чему являлись Североамериканские Соединенные Штаты и Великобритания, и в первую очередь Америка.

Выступая 1 августа на седьмой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, Молотов был сдержан в части оценки отношений с Токио: «Относительно Японии можно сказать, что в последнее время наши отношения начали несколько нормализироваться. В частности, 9-го июня было достигнуто соглашение об уточнении границы в районе прошлогоднего конфликта на реке Халхин-Гол. Этот факт имеет тем большее значение, имевшаяся длительная задержка в решении этого вопроса отрицательно отражалась до последнего времени на урегулировали взаимоотношений между СССР и Японией, а также между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го для проведения границы на месте. В ближайшие дни приступает к работе смешанная комиссия Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го для проведения границы на месте. Можно признать, что вообще есть известные признаки желания японской стороны к улучшению отношений с Советским Союзом. При взаимном признании интересов сторон, поскольку обе стороны поймут необходимость устранения некоторых потерявших значение препятствий на этом пути, такое улучшение советско-японских отношении осуществимо. Надо, впрочем, признать, что в программе нового японского правительства насчет установления "новой политической структуры" еще много неясного. Видно, что экспансия на юг, о которой шумят японские газеты, все больше привлекает внимание руководящих кругов Японии, особенно ввиду того, что происшедшие изменения в Европе не могут не найти своего отражения и в районах, интересующих эти круги Японии. Но еще во многом неясны действительные политические устремления этих кругов, что относится и к советско-японским отношениям»[74].

В начале августа 1940 г. от Зорге пришли две телеграммы с характеристикой основных направлений внешней политики нового правительства и выдвигавшихся Германией условий для развития отношений с Японией:

««Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
Токио, 3 августа 1940 г.

Как узнал источник Отто, внешняя политика Коноэ сводится к следующему:

1. Изменение в сторону антибританской политики, что будет зависеть от успеха германского наступления против Англии, которое, как ожидалось, должно было начаться 18 июля.

2. Близкие отношения с Германией и Италией, но без заключения альянса.

3. Стараться избегать открытого столкновения с США, и именно поэтому Мацуока получил пост министра иностранных дел.

4. Улучшение взаимоотношений с СССР, при некоторых условиях и в случае необходимости даже заключения пакта о ненападении. Но этот последний шаг может быть только результатом последующих событий, так как сейчас Коноэ еще не находится в руках военщины, которая действует вместе с Хосино (председатель Планового совета и министр без портфеля. — *М.А.*) и Мацуокой и которая в конечном счете подготовит военную диктатуру совместно или без Коноэ.

№№ 135 и 136. Рамзай».

[Резолюции]: «НО-5, НО-2. Голиков». «Зам. НО-5. К учету. Пугачев. 6.8». «т. Попову. К сведению. Кисленко. 8.8».

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
Токио, 3 августа 1940 г.

Мацуока, новый министр иностранных дел (в дальнейшем — Мак), имел беседу с послом Оттом, в которой сказал, что:

1). Сейчас главная задача — уничтожение Чан Кайши, т. к. компромисс невозможен (здесь и далее подчеркивание в документе. — *М.А.*).

2). Японцы намерены расширить сферу своего влияния в Восточной Азии, включая и районы в южной части Тихого океана, и надеются осуществить это без войны.

В этом мероприятии Япония хочет сотрудничать с Германией, но не знает, насколько далеко Германия заинтересована в японском господстве на Тихом океане.

Отт сказал Мацуоке, что Германия сейчас занята в Европе и она будет заинтересована, если Япония займет преимущественное положение во всей Восточной Азии.

Мацуока должен показать, какую пользу Германия могла бы получить. Но до такого соглашения Япония должна показать определенную деятельность против врагов Германии и максимально обеспечить перевозку через Маньчжурию по сибирской ж. д. купленных товаров и возместить убытки, понесенные немецкими коммерсантами от военных действий японцев в Китае.

На днях Мацуока позвонил и сказал, что выставленные три условия были приняты членами кабинета. Относительно Гонконга и других районов Мацуока не упоминал.

Рамзай».

5 августа японский посол Того посетил Молотова и, напомнив ему о сделанном месяц назад предложении, сообщил, что новый кабинет Коноэ желает скорейшего заключения соглашения. 14 августа нарком иностранных дел передал ему ответ: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией…

Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции.

Советское правительство считает необходимым заявить, что интересы СССР и Японии, в том числе интересы соглашения о нейтралитете, прежде всего, требуют того, чтобы урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»[75].

Соглашаясь с редакцией ст. 2 и 3, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор, по которому Россия, вследствие поражения в войне, вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, которая оккупировала Корею в 1910 г. и Маньчжурию в 1931—1932-м. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, появившихся благодаря этой конвенции[76].

«Советское правительство считало также необходимым отметить то важное обстоятельство, что предлагаемый договор предоставляет Японии максимум выгод, улучшает ее позиции на севере для того, чтобы она могла развить активные действия на юге, тогда как для СССР, который как страна не воюющая получает лишь незначительную выгоду, должны возникнуть новые сложные вопросы в его взаимоотношениях с другими державами. Заключая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имеющих серьезные интересы в бассейне Тихого океана и Южных морей, что, следовательно, может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Между тем японское правительство, выдвигая предложение о заключении договора о нейтралитете, не проявляет внимания к этому обстоятельству, затрагивающему важные интересы СССР, чья мирная политика всегда учитывает также интересы соседних государств. В виду вышесказанного Советское правительство раньше, чем заключить соглашение с Японией о нейтралитете, хотело бы получить от японского правительства разъяснение о его позиции по вопросу о мерах, могущих свести к минимуму тот ущерб интересам СССР, который может быть нанесен Советскому Союзу заключением договора о нейтралитете между СССР и Японией».

Об отказе Советского Союза от оказания помощи Китаю речи не шло.

Поскольку договор был нужен больше Японии, чем СССР, Москва решила воспользоваться инициативой Токио для получения ряда преимуществ.

29 августа Того получил сообщение о своем отзыве, о чем на следующий день оповестил Молотова. Ответа на советские предложения посол еще не получил, поэтому разговор свелся к повторению уже озвученных позиций. И опять Молотов напоминает о том, что Япония может проявить себя на Юге: «Сов[етское] пра[вительство] вполне понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью. ...»[77].

Пользуясь заинтересованностью Германии в подписании Тройственного пакта, японская дипломатия добилась поддержки Берлина в вопросе о расширении контроля Японии во Французском Индокитае. Под давлением Германии и Японии правительство Петена было вынуждено 22 августа 1940 г. подписать с Японией общее соглашение, позволявшее создавать японские базы на территории Индокитая. Токио получал право транзита через территорию Французского Индокитая и военно-воздушные базы в Северном Индокитае, откуда японская авиация могла совершать регулярные налеты на полосу Бирманской железной дороги на китайской территории, по которой шли поставки военных грузов из Англии и Америки правительству Чан Кайши.

В конце августа 1940 г. Риббентроп принял решение отправить Генриха Штамера, получившего ранг чрезвычайного и полномочного посланника, со специальной миссией в Японию. Штамер не являлся карьерным дипломатом и до прихода в Министерство иностранных дел возглавлял Управление заокеанских стран «Фольксдойче Миттельштелле» — одно из центральных ведомств нацистской Германии, занимавшееся организацией нацистской пропаганды среди этнических немцев, живших за пределами Германии (фольксдойче), и переселением их в Третий рейх.

Перед Штамером были поставлены следующие задачи:

— выяснить подлинное отношение японского правительства к Германии;

— начать переговоры о союзе в том случае, если Япония проявит заинтересованность.

Это решение свидетельствовало о переменах в германской политике, возможными причинами которых можно считать сопротивление Англии, разрушившее надежды на ее скорое поражение; стремление удержать США от вступления в войну, вероятность которого не убывала; опасения относительно японо-американского сближения, сторонников которого в Токио было достаточно[78].

1 сентября Зорге сообщал: «На следующей неделе сюда приедет человек, правая рука Риббентропа для обсуждения с послом Оттом будущей политики Германии в отношении Японии и Китая. Возможно, что этот человек заменит Отта, потому что Отт не добился согласованной политики Японии с политикой Германии. Здесь распространяют слухи, что Осима будет снова назначен послом в Берлин и что Сигимицу и Того будут отозваны, но в то же время Япония будет непрестанно стремиться к получению преимуществ в Индокитае и Восточной Голландской Индии, избегая конфликта с Америкой».

Ключевую роль в подготовке документов и подписании Тройственного пакта со стороны Японии сыграл Мацуока. Штамер прибыл в Токио 7 сентября. На следующий день вместе с Оттом он посетил своего знакомого по Берлину Осиму Хироси, который после встречи направился к Мацуоке. Выслушав его, министр иностранных дел так оценил перспективы заключения военного соглашения с Германией и Италией: «Армия в этом вопросе инициативы не проявила. Оикава (Оикава Косиро, адмирал, начальник военно-морской базы в Йокосуке. — *М.А.*) лучше, чем Ёсида (Ёсида Дзэнго, вице-адмирал, министр флота. — *М.А.*). Но сделаю это [заключу союз] я, сделаю, даже если мне это будет стоить должности. За одну-две недели управимся»[79]. Ёсида Дзэнго, выступавший против подписания Тройственного пакта, вскоре вышел в отставку по болезни, и его пост занял адмирал Оикава.

На допросе 18 февраля 1946 г. Ойген Отт показал американским следователям: «Мы удивились, как быстро Мацуока устроил это все, потому что Тайным советом было всегда очень тяжело управлять, так что он должен был изучить каждую деталь всего, поэтому мы удивились и потом я вспомнил, что Мацуока упомянул, что он обладает сильным содействием в Тайном совете со стороны Судзуки (Судзуки Кантаро, вице-президент Тайного совета. — *М.А.*), премьер-министра (Коноэ Фумимаро. — *М.А.*).

ВОПРОС. Кто еще поддерживал его в Тайном совете, кроме тех, кого вы упомянули? Они были не все в защиту этого?

ОТВЕТ. Я не знаю. Возможно, Хиранума. Я не уверен...»[80].

Отт показал, что в подготовке проектов документов участвовали начальник Бюро договоров Министерства иностранных дел Мацумото Сюнъити, советник МИДа Сайто Ёсиэ, а также бывший посол в Италии Сиратори Тосио[81].

Первый раунд переговоров проходил 9—12 сентября в присутствии только Отта. Германия окончательно отказалась от претензий на бывшие владения в Тихом океане, но потребовала от Японии принятия на себя конкретных обязательств — в случае атаки со стороны державы, «не вовлеченной в Европейскую войну или Китайский инцидент», имея в виду США, хотя формально это относилось и к СССР.

15 сентября Зорге сообщал: «Представитель Риббентропа, в дальнейшем Стам, прибыл к послу Отту и военному атташе Мацке (Матцки, Матцке — *М.А.*) с особо секретным поручением. Отт в разговоре с Мацке и прибывшим дал по этому поручению только общие намеки: в отношении нового японского правительства Риббентроп хочет попытаться последний раз добиться с японцами тесного сотрудничества в будущем. Это сотрудничество будет базироваться на следующем: Голландская Индия, Сингапур и все южно-морские острова, на этих территориях Германия полностью признает японское влияние. В свою очередь, Германия настаивает на уступках Японии в южной части Тихого океана.

Кроме того, Германия требует от Японии явных антибританских акций в случае продолжительной войны, а также поддержки Германии против Америки в Тихом океане в случае активных действий Америки против Германии в будущем...

Назначение Тацикавы (Татэкава, назначен японским послом в Москве. — *М.А.*) Отт рассматривает как первый признак ориентации японцев против Америки и Англии и подход к взаимопониманию с СССР для освобождения своих рук для наступления на юге».

«Хотя Германия в тот момент считала, что Япония должна оставаться нейтральной, Штамер ясно заявил о том, что Германия рассматривает Японию, как союзника в будущей борьбе за установление мирового господства: «Настоящая война может закончиться очень быстро, но серьезная борьба в той или иной форме будет продолжаться в течение десятилетий... Тем не менее три державы должны быть готовы к самому худшему». Германия считала, что в конечном счете вряд ли удастся избежать войны между Японией и Соединенными Штатами. Штамер заявил Мацуоке, что война в Европе в конечном счете неизбежно должна перерасти в борьбу против всего англосаксонского мира»[82].

16 сентября Зорге сообщал: «...Японцы надеются добиться мира с Чан Кайши при посредничестве Германии, а также на то, что Германия поможет Японии в сближении с СССР».

Так было положено начало оформлению Тройственного союза между Японией, Германией и Италией. 19 сентября проект был одобрен Императорской конференцией.

21 сентября Зорге докладывает в Москву:

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
Токио, 21 сентября

От посла Отто. Узкое заседание под председательством императора полностью одобрило японо-германское соглашение.

Японцы готовы подписать пакт и оказывают давление на посла Отта о скорейшем его подписании. Пакт будет подписан на английском языке. Все мелкие пункты пакта будут уточнены в дальнейшем послом Оттом и Мацуокой.

В связи с этим Риббентроп отправился в Италию, чтобы получить согласие Италии. Посол Отт скоро ожидает ответа от Риббентропа. Он сообщил мне, что немецкий пакт после присоединения Италии явится новым пактом оси и будет скоро опубликован. Несколько секретных пунктов не будут опубликованы. В секретных пунктах нового пакта предусматривается контакт во всех военных, политических и экономических проблемах.

Дальнейшее содержание: немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз. В пакте нет ни одного пункта, направленного против СССР, что и будет опубликовано. По мнению Отта, после назначения нового посла в СССР японцы будут готовы к тому, чтобы подписать с СССР пакт о ненападении.

Рамзай».

[РЕЗОЛЮЦИИ]: «В. и З. К учету. Д. 25.9.40.», «Н-6. В спецсообщение. Новобранец. 25.9.40.».

В телеграмме, отправленной через два дня, Зорге сообщал: «Италия выразила согласие по всем пунктам японо-немецкого пакта, в который Риббентроп внес небольшие изменения. Пакт будет готов для подписи 25 сентября. Согласно плана оккупации Индокитая, возможно, что в первую очередь будет занят Гонконг, яп. штаб ведет к этому подготовку. Мацуока хочет ускорить это в силу внутреннего политического положения.

Радикальные группы усиливают давление за скорейшее подписание пакта. В секретной части пакта имеется пункт, которым предусматриваются некоторые привилегии странам оси на вновь образуемой громадной азиатской территории Японии».

В этот же день Гальдер записал в дневнике: «16.00—18.30 Совещание с главкомом: ...Очевидно, в течение этой недели будет заключен японо-германо-итальянский союз. Договор вступит в силу в случае вмешательства нового противника в войну в Европе или Азии. Этот союз направлен против Америки и России»[83].

«В ответ на вопрос, поставленный перед ним на заседании Тайного совета 26 сентября 1940 г., Мацуока конкретно указал, что, несмотря на сформулированные условия союза и наличие договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, участники союза трех держав будут оказывать друг другу помощь в случае, если кто-либо из них вступит в войну с СССР»[84].

22 сентября французские колониальные власти в Ханое подписали соглашение о размещении японских войск в Северном Индокитае. В тот же

день японские войска вторглись в Индокитай с китайской территории с севера, а также высадили морской десант на побережье. К концу сентября Северный Индокитай был оккупирован.

«Во время многочисленных обсуждений и совещаний в Токио в сентябре 1940 г. все лица, принимавшие в них участие, признали, что заключение союза наложит на Японию обязательство вести войну против Франции, Голландии и стран Британского содружества наций и что заключение союза также подразумевает готовность Японии вести войну против Соединенных Штатов, если эта страна попытается помешать Японии добиться осуществления ее агрессивных целей... Весь тон обсуждения на заседании Тайного совета и в других организациях ясно показывает, что три державы полны решимости оказывать друг другу поддержку в агрессивных действиях в любых случаях, когда подобные действия будут считаться необходимыми для осуществления их планов. Поскольку Соединенные Штаты считались непосредственным препятствием для осуществления японских планов продвижения на юг, Мацуока заявил, что союз направлен главным образом против этой страны»[85].

26 сентября поверенный в делах Германии В. Типпельскирх явился от имени Риббентропа к Молотову, чтобы сделать два важных сообщения. «Типпельскирх зачитал эти сообщения и русский текст вручил тов. Молотову»[86].

В первом сообщении речь шла о том, что переговоры между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией — с другой «вероятно, в ближайшие дни приведут к подписанию военного союза между этими тремя державами»:

«2) Этот союз, соответственно с причиной своего происхождения, направлен исключительно против демократических поджигателей войны. Хотя это в договоре, согласно обычаю, не будет прямо сказано, однако это вытекает с полной ясностью из его формулировки...

4) Между договаривающимися державами с самого начала переговоров существовало полное единомыслие в том, что их союз никоим образом не затронет отношений, которые каждая из них имеет с Советским Союзом. Для того, чтобы на этот счет и вовсе устранить всякие сомнения, в договор включена особая статья, говорящая о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается. ...».

Во втором сообщении говорилось, что Риббентроп «намеревается в ближайшее время обратиться с личным письмом к господину И. В. Сталину», чтобы ответить в духе германо-советской дружбы на врученный 21 сентября Шуленбургу меморандум Молотова.

«Тов. Молотов выразил благодарность за сообщение о военном союзе между Италией, Германией и Японией до заключения его. Тов. Молотов заметил, что этот вопрос, конечно, интересует Советское правительство, ибо это касается нашего соседа — Японии.

Далее тов. Молотов выразил пожелание ознакомиться с текстом самого договора и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются. Тов. Молотов при этом заметил, что если бы Советское правительство заключило подобный договор, то оно показало бы его Германии. Тов. Молотов заявил, что он так понимает статью 4 договора, и поэтому ему кажется естественным обратиться с такой просьбой с надеждой, что она будет уважена».

Ст. VI Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом была сформулирована следующим образом: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны»[87].

«Типпельскирх заявил, что он не имеет текста договора и что он немедленно сообщит в Берлин просьбу тов. Молотова.

Тов. Молотов добавил, что так как этот договор имеет для Советского Союза большое значение, то желательно предварительно ознакомиться с текстом договора, так как при этом возможно еще внести свои поправки...»

Несвоевременное информирование советской стороны было вызвано скорее не злым умыслом Риббентропа, а бесконечными проволочками в Токио, ставившими под сомнение успех переговоров[88].

27 сентября 1940 г. в Берлине между Японией, Германией и Италией состоялось подписание Тройственного пакта, состоявшего из шести статей:

«Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в великой Восточной Азии.

Статья 3. Германия, Италия и Япония соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе; если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. В любой момент в течение этого периода по требованию одной из держав, заключивших пакт, договаривающиеся стороны обсудят вопрос пересмотра настоящего договора»[89].

При подготовке текста этого документа Берлин проявлял заинтересованность в том, чтобы в то время Пакт не мог рассматриваться как направленный против СССР.

В «Тюремных записках» Зорге писал: «Непосредственно перед началом войны Германия стремилась заключить союз с Японией, направленный главным образом против Великобритании. В 1940 г. Германия успешно сумела убедить Японию в необходимости подписания договора, направленного против Великобритании и США»[90].

«По мнению Осимы, кабинет Коноэ был уже в то время уверен в том, что создания "сферы Великой Восточной Азии" можно будет достичь только путем военного продвижения на юг. Единственный вопрос, который стоит на повестке дня, заключается в том, "когда начнутся события"»[91].

30 сентября Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск записал: «Фюрер направил Сталину извещение о заключении пакта с Японией за 24 часа до его подписания. (Имеется в виду телеграмма Риббентропа временному поверенному в делах Германии в СССР от 26.9.1940. —*М.А.*). Теперь отправлено новое письмо Сталину с целью заинтересовать его в английском наследстве и добиться его поддержки против Англии. Если это удастся, то полагаю, что можно будет начать решительные действия против Англии»[92].

8 октября 1940 г. Зорге, более информированный в этом вопросе, чем Гальдер, сообщал: «Военный атташе Германии Мацке и посол Отт заявили, что пакт 3-х государств направлен исключительно против Америки. Оба, однако, согласны с тем, что позднее этот пакт при новых политических обстоятельствах может быть направлен и против СССР, если Сов[етский] Союз стал бы проводить политику, "нежелательную с точки зрения Германии". Такое изменение направления пакта, которое не являлось вовсе мотивом для его заключения, может произойти позднее в порядке признания того, что пакт не соответствует требованиям дня».

8 октября «Рамзай» отправил еще две радиограммы: «Отт и Стам [Штамер] считают, что удастся втянуть СССР в русло нового пакта и добиться безопасности границ Японии с СССР, чтобы развязать ее руки на юге против Англии и Америки.

По мнению Стама, СССР заинтересован в господстве на с-з Китая, а японцы готовы в случае отказа СССР от помощи ЧКШ (Чан Кайши. — *М.А.*), развязать СССР руки на с-з Китая. Стам считает вероятным для СССР направление на Персидский или Дарданельский заливы».

Мемо от Рамзая № 87 от 8.10.40:

«Сообщает, что никаких комиссий в связи с пактом не организовано. ОТТ считает, что Германия не заинтересована в организации комиссии, но японцы будут просить у ОТТ дать некоторые привилегии в вопросах техпомощи в важных военных отраслях промышленности в связи с пактом.

Верно: К.Сонин[93]».

15 октября Гальдер отмечает в дневнике: «Прочее [сообщение Этцдорфа[94].]: … 3) о Японии (желательно заключение пакта о ненападении [с Россией]; перспективы неплохие, русские, возможно, воздержатся от заключения пакта до выяснения результатов Тройственного пакта)»[95].

К тому времени решение о нападении на Советский Союз не было окончательным. У Гитлера было даже намерение вовлечь в пакт трех держав Советский Союз.

16 октября правительство США приняло решение о выдаче лицензий на экспорт железного и стального лома только в Западное полушарие и Великобританию. По японской военной экономике был нанесен очередной существенный удар: вслед за топливом для самолетов ее лишали важнейшего сырья, из которого делалась вся военная техника[96].

Ссылаясь на то, что в течение долгого времени она была основным покупателем американского железного лома, Япония назвала это «недружественным актом». Когда японский посол обратился с этим заявлением в госдепартамент, Хэлл заметил, что «впервые страна, занятая захватом и агрессией против другой страны, обращается к третьей, миролюбиво настроенной

стране, и серьезно упрекает ее в недружественном отношении за то, что последняя отказывается снабжать военными материалами, помогающими стране-агрессору осуществлять свою политику вторжения»[97].

Параллельно с увеличением давления со стороны Вашингтона, руководимый Черчиллем Лондон начал отходить от практики умиротворения. 18 октября 1940 г. Великобритания вновь открыла Бирманскую дорогу, по которой шла военная помощь к Чан Кайши[98].

Вскоре после заключения Тройственного пакта Министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Восьмой пункт предложений японского МИДа гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае отказа советского правительства принять эти предложения, Япония собиралась добиться демилитаризации этих территорий. Побуждая СССР пересмотреть свою позицию в отношении Японо-китайской войны, Япония планировала вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИДа было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»[99].

«Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика "превращения врага на севере в друга" должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании»[100].

30 октября Зорге информировал Москву: «Из окружения Коное ОТТО узнал, что в связи с активностью англо-американцев и внутриполитическим положением, японцы будут вынуждены начать действия против Голландской Индии. Это значит, что позиция СССР в переговорах с японцами относительно пакта о ненападении будет весьма твердая.

Отставной вице-адмирал КАБАЯСИ (Кобаяси Масаси. — *М.А.*) сообщил, что новым послом Японии в Германии будет не ОСИМА, а адмирал Номура. Также сообщает о подготовке нападения на Голландскую Индию, хотя время этого еще не установлено.

Джо также сообщает о подготовке нападения на Голландскую Индию, в частности, первая кадровая дивизия будет переброшена на юг.

КАБАЯСИ главным вопросом переговоров СССР и японцев будет пункт — предоставят ли СССР свободу действия японцам в Китае и согласятся ли приостановить коммунистическую агитацию там? До тех пор, пока СССР не прекратит агитации против японцев и правительства Ван Цзинвэя мира в Китае не будет. Японцы могут пойти на уступки в вопросах рыбной ловли и концессионных прав японцев на Сахалине, но займут твердую позицию, в случае притязаний СССР по части территориальных уступок в МЧГ (Маньчжоу-Го. — *М.А.*) или на Сахалине.

Герм[анский] посол ОТТ говорит, что Мацуока готов к ведению переговоров с СССР в широком масштабе, если будет решен китайский вопрос».

Послом Японии в Германию был вновь назначен генерал Осима Хироси.

Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу С. Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях[101].

Новый посол Японии в Советском Союзе, отставной генерал-лейтенант Татэкава Усицугу, прибыл в Москву 23 октября 1940 г. В 1924—1928 Татэкава был начальником 4-го отдела (русское и американо-европейское отделения) 2-го (разведывательного) управления Генерального штаба императорской армии Японии. В 1928—1929 он служил военным атташе в Китае и в 1931—1932 был членом японской делегации на Конференции по разоружению в Женеве. В 1932—1933 он занимал пост постоянного представителя японской армии в Лиге Наций. В 1934 году Татэкава стал командующим 10-й дивизии Императорской армии Японии, а в 1935-м был назначен командующим 4-й дивизии. Замешанный в путче молодых офицеров, он был вынужден уйти в отставку.

30 октября Татэкава сообщил Молотову новые японские предложения, которые предусматривали договор не о нейтралитете, но о ненападении, и передал проект. За основу проекта был взят советско-германский пакт 1939 года (отдельные статьи совпадали текстуально, но присутствовали и разночтения — ст. 1; отсутствовала ст. 7):

«Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы.

Статья 3. Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств.

Статья 4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5. В случае возникновения между договаривающимися сторонами споров и конфликтов по вопросам того или иного рода таковые споры и конфликты будут разрешаться исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликта.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу со дня его подписания и сохраняет силу в течение десяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока, настоящий

Пакт будет считаться автоматически продленным в своем действии на следующие пять лет»[102].

О содержании беседы с японским послом Молотов сообщил в телеграмме полпреду СССР в Японии К.А. Сметанину: «Напомнив послу, что в 1939 году между СССР и Германией не просто был подписан пакт о ненападении, но одновременно была достигнута договоренность о существенных интересах обеих сторон, я сказал, что в связи с этим хотел бы получить пояснения по вопросам, затронутым в нашем ответе от 14 августа... Татэкава ответил, что японское правительство желает заключить пакт без каких-либо компенсаций»[103].

Молотов четко повторил Татэкаве все то, что уже говорил его предшественнику: о неприемлемости учета положений Пекинской конвенции 1925 г. и тем более Портсмутского мира в качестве основы двусторонних отношений и о необходимости одновременного рассмотрения пакта и «ряда практических вопросов, интересующих обе стороны»[104].

13 ноября 1940 г. газета «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью Зорге под названием «Большой поворот. "Ревизия" японской внешней политики в связи с Тройственным пактом» (Токио, начало ноября)[105]. В статье анализировались первые два месяца пребывания у власти правительства Коноэ. Зорге писал: «Правительство Коноэ в течение первых двух месяцев пребывания у власти приняло важное решение, перед которым уже стояли три предшествовавших японских правительства [Хиранума, Абэ и Ёнаи]. После этого решения, которое нашло свое выражение в Тройственном пакте, Япония на сегодняшний день прошла уже значительное расстояние по своему новому внешнеполитическому пути. С падением кабинета Ёнаи—Ариты в июле этого года рухнула последняя попытка удовлетворить растущие притязания Японии на "жизненное пространство" под знаменем "традиционной внешней политики Японии", т. е. в духе взаимопонимания с англо-американскими державами. Считают, что уже конфликт в Китае лишил реальной почвы складывавшуюся на протяжении десятилетий внешнеполитическую традицию Японии, ибо напряженность между Японией и ее двумя "традиционными друзьями", которая прежде проявлялась лишь изредка, вылилась в ходе китайской войны в неразрешимые противоречия. А европейская война и большие политические успехи Германии и Италии сделали из этой внешнеполитической традиции ошибку, которая поставила под угрозу саму реальность японской экспансии.

Однако сила воздействия старой внешнеполитической ориентации, чрезвычайная важность поворота в политике, нацеленного на союз с Германией и Италией, вызвали на короткое время среди японских руководящих кругов определенные колебания и страх перед последним решительным шагом. Некоторые влиятельные слои, особенно те, которые неохотно признавали конец традиционной внешней политики страны, сочли себя обязанными рекомендовать новую ориентацию, которая была призвана дать возможность Японии в гордом одиночестве, не вступая в союз ни с одним из двух больших противоборствующих лагерей, пожать плоды великой борьбы в Европе. Эта концепция опиралась на то, что Германия после заключения пакта о ненападении с Советским Союзом слишком сосредоточилась, дескать, на борьбе в Европе, чтобы у нее вообще остались время и интерес заниматься Восточной Азией и поддержанием тесных отношений с Японией. Однако эти утверждения в середине сентября были опровергнуты ясными доказательствами немецкой готовности к сотрудничеству. Тем самым прошло и время колебаний для Японии. За какие-то две недели был подписан Тройственный пакт.

Курс на новую внешнюю политику был взят при помощи новых методов и при активном содействии руководства японской армии и флота.

Поворот в японской внешней политике следует охарактеризовать как чрезвычайно радикальный — во-первых, в отношении главного направления или территориально-целевой установки активной внешней политики, затем и в отношении потенциального противника и, наконец, в отношении роли Японии как договорного партнера Германии и Италии. Основное направление японской экспансии с древних времен (с 364 г. н. э.) до сегодняшних дней всегда оставалось неизменным: через Корею как мост в Китай, а точнее в Северный Китай с Маньчжурией и провинцией Шаньдун. Аннексия принадлежавшего некогда Китаю острова Формозы ничего не меняет в принципиальных установках этой прослеживаемой через века основной цели японской внешней политики. Современная японская территориальная политика подчеркнула свою заинтересованность в северных областях Китая еще путем того, что она уже во время первой китайской войны 1894/95 годов видела единственного потенциального военного противника в России, так как уже тогда Китай рассматривался лишь как цель, а не как противник, которого следует принимать всерьез. Так возникло почти общепринятое мнение, что Россия, дескать, была, есть и будет заклятым врагом Японии. Даже сегодняшняя война в Китае началась с намерением расширить и обезопасить районы развертывания войск фронтом на север путем покорения Северного Китая и Монголии. Только воздействие "китайского пространства" как оружия в борьбе, а затем потрясение англо-французских позиций на Востоке в связи с победами Германии в Европе позволили возникнуть "Великой Восточной Азии" как истинному жизненному пространству Японии с центром тяжести в Среднем и Южном Китае, и юго-западной части Тихого океана. ...

Тем самым одним махом сменились и "потенциальные" военные противники. Интерес к русскому "заклятому врагу" утрачен; на русских даже начинают взирать по-новому, как на возможных дружелюбных соседей. Но тем острее становится теперь столкновение с Англией и Соединенными Штатами, ибо они были властителями "великоазиатского пространства" и, пожалуй, продолжают ощущать себя в этой роли и сегодня. Именно эти две державы главным образом на протяжении десятилетий пытались ради сохранения своих тихоокеанских владений подтолкнуть Японию к экспансии на север континента. **Сегодня вполне возможно, что Владивосток, который еще недавно называли "кинжалом, направленным на Японию", утратит свое острие. Сингапур же, напротив, уже сегодня является символом англо-американской враждебности по отношению к японской политике большого пространства на Тихом океане** (выделено мной. — *М.А.*).

...Япония с некоторых пор знает, что острота экономических угроз Англии и Америки в ее адрес объясняется тем, что она очень поздно осознала хозяйственное значение тихоокеанских областей, в основном Индокитая и Голландской Индии. Япония сегодня сознает, что традиционная дружба с Англией и Америкой в значительной мере выполняла роль функции экономического подчинения ее англо-американскому хозяйственному блоку. Длившиеся десятилетиями дружеские отношения заставляли японскую экономику идти по пути наименьшего сопротивления. Нефть, железо, хлопок доставались японским концернам от американских и английских друзей с меньшими трудностями и большими прибылями, чем это было бы возможным при

экономической и политической борьбе за отчасти еще не развитые области в южной части Тихого океана.

Сила, с которой Япония открывает новую страницу на своем внешнеполитическом пути, зависит, стало быть, не только от содержащегося в Тройственном пакте условия всеми средствами оказывать поддержку при создании больших жизненных пространств в Восточной Азии и в Европе и отвечать войной новым державам, которые захотели бы вмешаться в европейскую или китайскую войну. Еще сильнее этих обязательств на японцев действует сознание политической враждебности США и Англии к ее "великоазиатской" политике и совершенно особое сознание необходимости посредством заново сформулированной политики как можно скорее освободиться от старой экономической зависимости. Тем самым можно предвидеть применение Японией значительных сил в качестве союзницы Германии и Италии. Так отчетливей стала решительная позиция Японии по отношению к первым мероприятиям Америки и Англии, вызванным новой японской внешней политикой. Ни введение [США] эмбарго на железо и сталь, ни открытие бирманской железной дороги [Великобританией для снабжения режима Чан Кайши], ни тем более мобилизация американского тихоокеанского флота и отзыв американцев из Восточной Азии не смогли поколебать Японию в ее движении вперед по новому внешнеполитическому пути».

Как следует из статьи Рихарда Зорге, в японской внешней политике произошел «чрезвычайно радикальный» поворот, который характеризуется изменением ее «территориально-целевой установки» и сменой «потенциального противника»:

— центр тяжести японской экспансионистской политике переместился с северной части азиатского континента на южные районы Тихого океана, включая омывающие Китай моря;

— традиционная враждебность к России и СССР утратила свою актуальность, более того в интересах Японии развивать добрососедские отношения с северным соседом;

— все более обостряется столкновение интересов Японии с Америкой и Англией, которые продолжают ощущать себя в роли властителей «великоазиатского пространства», что неминуемо ведет к применению Японией силы против своих бывших «традиционных союзников» на Дальнем Востоке.

«Рамзай» не только предвидел последующее развитие событий, но и пытался придать им нужное направление, желая не допустить военного столкновения Японии с СССР. И насколько это было возможно стремился способствовать развитию событий в нужном русле — экспансии Японии на Юг.

Статьи доктора Зорге внимательно читали и в Берлине, и в Токио. Одним из первых он произнес слово «Сингапур» и указал на то, что эта английская военно-морская база является «символом англо-американской враждебности». Сингапур стал символом движения Японии на Юг и не только.

Военно-морские интересы Великобритании на Дальнем Востоке были прикованы к Сингапуру. «Англичане, уверенные в том, что Сингапур являлся основным пунктом в обороне Малайского барьера, а, следовательно, и Британской империи, считали, что в случае падения Сингапура все пути через Индийский океан к Австралии и Новой Зеландии будут отрезаны. Они очень настаивали на том, чтобы США выделили свой Тихоокеанский флот для обороны Сингапура»[106]. Свою просьбу англичане аргументировали тем, «что в

связи с необходимостью вести наблюдения за Средиземным морем», Великобритания не в состоянии направить свои боевые силы в Сингапур[107].

США сомневались в значении Сингапура и отвергали требование Великобритании. Американцы настаивали, «что Сингапур не являлся важным стратегическим пунктом для обороны Малайского барьера или имперских коммуникаций, что Сингапур не может быть защищен в случае захвата Японией аэродромов в Индокитае, расположенных от него в пределах действия бомбардировочной авиации, и что выделение кораблей Сингапуру или пополнение Азиатского флота за счет ослабления Тихоокеанского флота дало бы Японии возможность уничтожить флот США по частям»[108].

В конце концов англичане согласились в случае войны с Японией послать шесть крупных кораблей для обороны Сингапура — при условии, что «военно-морской флот США поможет британскому флоту в наблюдении за Средиземным морем». Это соглашение отпало само по себе, когда неожиданное нападение на Перл-Харбор изменило всю обстановку[109].

В конце 1940 года своими публикациями и через Отта Зорге доводил до Берлина мысль, что переломить создавшуюся в Европе патовую ситуацию можно было путем начала военных действий на Дальнем Востоке. В Германии было достаточно сторонников такого подхода, и высказанные идеи попали на плодородную почву. Вот что говорил Зорге в ходе допросов в тюрьме Сугамо: «Немцы были уверены, что японское нападение на Сингапур привело бы к сокращению британских военно-морских сил в Средиземном море и Атлантике, что позволило бы Германии осуществить вторжение на Британские острова»[110]. И еще по этому поводу: «Ситуация в Германии, должно быть, такова, что настоятельно требует японского участия в войне против Британии... Германия уже решилась на войну против России и не могла позволить Англии получить передышку»[111].

12 ноября Зорге сообщил о положении Чан Кайши и его правительства со столицей в Чунцине и высказал ряд рекомендаций. Информация была собрана им в ходе поездки в Китай: «Я с континента возвратился. Имел разговор с многими интересными людьми. Я утверждаю, что японцы надеются принудить Чунцин с помощью немцев и уступок СССР в отношении японской политики в Китае к подчинению. Однако эти надежды японцев абсолютно никаких оснований не имеют. Чунцин чувствует себя сейчас сильнее, чем раньше. С другой стороны, я мог наблюдать среди японских офицеров и населения растущие затруднения в проведении японцами политики в Китае. Возвратившись в Японию, я установил и здесь наличие тех же течений. Основные японские требования концентрируются на Сев. Китае, нескольких морских баз на побережье Южного Китая и некоторых экономических привилегиях.

Мнение посла ОТТа, что растут настроения избавиться от безнадежного положения в Китае. Видимо, Мацуока, начальник штаба Сугияма и даже Итагаки близко примыкают к этому течению. Это означает, что прежние требования о том, чтобы красные отказались от своей нынешней политики в Китае сейчас более бессмысленны, чем были раньше, и было бы неверным и опасным, если эти старые требования японцев оказались бы объектом переговоров между японцами и СССР».

12 ноября начался официальный визит Молотова в Берлин.

В тот же день Зорге сообщил: «В связи с поездкой Молотова в Берлин Мацуока заявил германскому послу ОТТУ, что японцы надеются на помощь со

стороны Риббентропа в японо-советских переговорах по вопросу о пакте ненападения. Мацуока подчеркнул, что японцы, безусловно, хотят заключение этого пакта, но они ожидают, что красные не выдвинут каких-либо требований уступок. Мацуока опасается, что внутренняя политическая оппозиция сможет использовать подобные уступки со стороны японцев СССР в борьбе против правительства Мацуока и Коное за заключение ими пакта 3-х держав».

13 ноября в ходе беседы Молотова с Риббентропом был затронут и вопрос советско-японских отношений. «Министр [Риббентроп] говорит о том, что он всегда проявлял интерес к отношениям между СССР и Японией. Он не знает, может ли он спросить у Молотова о состоянии этих отношений. Со слов Молотова он понял, что имеются признаки, что эти отношения будут улучшаться более быстрыми темпами. Он располагает информацией, что в Японии придают значение заключению пакта о ненападении с СССР. Он не хочет вмешиваться в эти дела, но считает, что может быть полезно переговорить по этим вопросам. Может быть, выявится необходимость посреднического влияния Германии. Он помнит слова Сталина, что азиатов он, Сталин, знает лучше, чем Риббентроп. Но он, Риббентроп, знает, что Япония готова к соглашению с СССР на широкой основе. Если удастся заключить пакт о ненападении, то Япония хотела бы в широком масштабе урегулировать все висящие в воздухе вопросы советско-японских отношений. Японцы его ни о чем не просили. Но Риббентроп говорит, что им получены сведения, что японское правительство в случае заключения договора о ненападении готово признать интересы СССР во Внешней Монголии и Синьцзяне, если удастся достигнуть соглашения с Китаем. В случае присоединения СССР к пакту трех, что было бы равносильно договору о ненападении с Японией, стало бы возможным установить сферы интересов СССР в Британской Индии.

В вопросах сахалинских концессий японцы тоже готовы были бы пойти навстречу, если состоится соглашение. Но японцы должны для этого преодолеть некоторое сопротивление внутри страны…

Он [Молотов] уже выразил надежду на то, что есть основания быстрее пойти вперед по тому пути, по которому развивались советско-японские отношения в этом году. Они, в общем, развивались в положительном направлении, хотя и не без перебоев, задержек и пр. Японское правительство поставило вопрос о заключении пакта о нейтралитете. СССР счел это предложение в принципе приемлемым и дал ответ с изложением своей точки зрения в целом. После этого последовало заявление японского правительства, содержавшее предложение о заключении пакта о ненападении. С советской стороны японцам было на это заявлено, что вопрос этот требует дополнительного рассмотрения. Таково состояние советско-японских отношений, которые, по мнению Молотова, должны углубляться. В настоящее время, как представляет себе советская сторона, дело за тем, чтобы Япония дала ответ на упомянутое выше и переданное Японии еще через Того изложение советской точки зрения, причем Татекава обещал запросить мнение японского правительства по поводу соображений, изложенных советской стороной, и, таким образом, дать ответ на них. Этот вопрос связан с целым комплексом дел, и требуется некоторое время для установления взаимопонимания»[112].

Вернувшись из Берлина 18 ноября 1940 г., Молотов пригласил для беседы японского посла Татэкаву. Из телеграммы Молотова советскому полпреду в Токио Сметанину от 19 ноября 1940 г.:

«Сославшись на свои беседы в Берлине, я сказал, что из бесед с Риббентропом мне стало известно, что Япония действительно готова сделать шаг вперед в деле улучшения советско-японских отношений и готова пойти на широкое соглашение с СССР, и тем самым у меня отпали сомнения, которые я раньше имел насчет действительного желания японского правительства улучшить отношения с СССР. Я сказал Татекаве, что от Риббентропа мне стало известно, что Япония готова признать сферой интересов Советского Союза Внешнюю Монголию и Синьцзян, а также готова пойти навстречу СССР в вопросе о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако, заявил я, последнее предложение японского правительства о пакте ненападения может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении утерянных территорий. Если поставить вопрос о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией, то обязательно встанет и вопрос о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уже, во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении, но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий. При этом я указал, что пакт о нейтралитете с одной стороны достаточен для того, чтобы сделать серьезный шаг в деле улучшения японо-советских отношений, а с другой стороны он обеспечивает все необходимое для развязывания Японии рук для ее деятельности на Юге. Я пояснил, что в случае заключения пакта о нейтралитете не потребуется ставить таких вопросов, как вопрос о Внешней Монголии, где и базируются наши войска, и о Синьцзяне, постановку которого мы считаем нецелесообразным, а также вопросы о возврате утерянных нами территорий.

Суть предложенного мною проекта пакта о нейтралитете сводится к следующему:

1) обе стороны будут поддерживать мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность;

2) если одна из сторон станет объектом военных действий со стороны третьих держав, то другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Существо переданного мною проекта протокола таково:

1) Японские нефтяная и угольная концессии на Северном Сахалине ликвидируются, а соответствующие концессионные договоры от 14 декабря 1925 года аннулируются. Имущество концессионных предприятий переходит в собственность СССР.

2) Советское правительство согласно выдать концессионерам за сделанные ими вложения справедливую компенсацию.

3) Советское правительство согласно гарантировать японскому правительству поставку нефти в течение 5 лет около 100 тысяч тонн ежегодно.

Татекава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить японо-советские отношения. Касаясь вопроса о концессиях, Татекава сказал, что по имеющимся у него инструкциям он после заключения пакта о ненападении должен был бы говорить об этом в ином разрезе, а потому он не может сейчас сказать, будет ли японское правительство согласно с моим предложением. Однако Татекава высказал личное мнение о желательности увеличения размера ежегодной поставки нефти до 200 тысяч тонн, что позволило бы ему с большим успехом рекомендовать японскому правительству принять мои предложения. Тут же он добавил, что в будущем Япония могла бы снабжать СССР из южных районов оловом и каучуком.

Далее Татекава спросил, можно ли считать, что с подписанием пакта о нейтралитете рыболовство будет возвращено к тому состоянию, в котором оно было десять лет назад, и выразил пожелание, чтобы поставляемая нефть была соответствующего качества.

Относительно рыболовного вопроса я ответил, что мой проект пакта не затрагивает этого вопроса, что советское правительство не собирается мешать рыболовству Японии, но что об этом нужно будет договариваться особо. Что же касается нефти, то я указал, что цифра в 100 тысяч тонн взята не случайно, а как средняя годовая добыча нефти на концессии за последние два года, а о возможности увеличения размера поставки можно будет говорить в будущем, когда добыча на промыслах будет развиваться. С качеством нефти затруднений также не будет.

Относительно каучука и олова я сказал, в покупке их СССР заинтересован.

На мой вопрос, считает ли Татекава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татекава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио. При этом Татекава снова повторил свое пожелание об увеличении ежегодной поставки нефти до 200 тысяч тонн. Сообщается для Вашего сведения.

Молотов»[113].

Ответ из Токио пришел чрезвычайно быстро. Из беседы Молотова с послом Японии в СССР 21 ноября 1940 г.: «Татекава говорит, что он пришел для того, чтобы дать ответ на предложения т. Молотова от 18 ноября... Японское правительство считает, что проект пакта о нейтралитете заслуживает изучения, а проект протокола о ликвидации концессий является абсолютно неприемлемым. Японское правительство предлагает Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин с тем, чтобы положить конец спорам между СССР и Японией.

Далее Татекава говорит, что уже в беседе 18 ноября, когда т. Молотов говорил о возвращении некоторых утерянных территорий и указывал, в частности, на Южный Сахалин и Курильские острова, то уже тогда это вызвало большое удивление посла. Северный Сахалин, продолжает Татекава, в свое время принадлежал Японии, но ввиду большой занятости Японии внутренним устройством своей страны в эпоху Мейдзи ей в 1875 году пришлось пойти на большую уступку и передать Сахалин России. Позднее Япония по мирно-

му договору 1905 года возвратила южную часть Сахалина. В 1920 году в связи с инцидентом в Николаевске на Д[альнем] В[остоке] Сев[ерный] Сахалин был оккупирован Японией в качестве гарантии, и в 1925 году, во время заключения Пекинской конвенции, когда советская сторона выразила искреннее сожаление об этом инциденте, японское правительство согласилось эвакуировать Северный Сахалин за счет предоставления советским правительством нефтяной и угольной концессий Японии. Все эти исторические факты, указывает Татекава, ясно говорят о заинтересованности Японии в Сахалине, и в данном случае право возврата утерянных территорий скорее принадлежит Японии. Права Японии на концессии Северного Сахалина и на рыболовство являются политическими правами, в корне отличаясь от тех прав, которые СССР предоставляет другим иностранным государствам.

Затем, напомнив слова т. Молотова, сказанные им в беседе 18 ноября о том, что после заключения советско-германского пакта о ненападении без возвращения утерянных территорий нельзя заручиться согласием советского народа на заключение пакта о ненападении, Татекава указывает, что этот возврат утерянных территорий имел место за счет третьих держав, а не за счет Германии, и потому это в корне отличается от возвращения тех территорий, которые требуют от Японии, и это наносит ущерб Японии. Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то посол твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР. Татекава высказывает пожелание, чтобы его слова были приняты во внимание...

Тов. Молотов говорит, что проект протокола был составлен с учетом того, что он узнал в Берлине от Риббентропа, который сообщил ему, что, по его сведениям, японское правительство готово пойти навстречу в вопросе о ликвидации угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине при достижении соглашения с Советским Союзом по вопросу пакта о ненападении. Отсюда и возник вопрос о проекте протокола. И т. Молотов, полагая, что информация Риббентропа не вызывает сомнений, считал протокол минимальной предпосылкой, при которой только и возможно обсуждение пакта о нейтралитете. Таким образом, этот вопрос возник не случайно, а в связи с теми беседами, которые т. Молотов имел в Берлине.

Татекава, касаясь содержания беседы т. Молотова с Риббентропом, указывает, что в период пребывания Стамера [Штамера] в Японии последний имел беседу с Мацуокой относительно японо-советских отношений. И, насколько ему известно из последующей беседы с Мацуокой, во время беседы Стамера с Мацуокой речь шла не об отказе Японии от концессий, а о продаже Северного Сахалина Японии, и разговор об уступке мог бы идти в том случае, если бы СССР пошел на уступки Японии в других спорных вопросах...

Тов. Молотов повторяет, что он основывал свои выводы не на том, что говорит Стамер, а на беседах с Риббентропом, и к этому он ничего другого добавить не может...

Тов. Молотов, касаясь предложения японского правительства о продаже Северного Сахалина, говорит, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта на сессии Верховного Совета. В своем выступлении на сессии он иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и, в свою оче-

редь, заявил, что в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин. Что же касается продажи Северного Сахалина, то об этом не может быть и речи...

Тов. Молотов предлагает прочитать соответствующее место из его речи на сессии, передав для этой цели текст речи послу. Затем т. Молотов говорит, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка... Поскольку у Японии имеется много ненужных ей островов, советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену. Далее т. Молотов говорит, что если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов.

Татекава заявляет, что ссылку т. Молотова на свое выступление от 29 марта он понимает как полный отказ от японского предложения, которое он сделал от имени своего правительства... У Японии имеется много островов, но они малы и гористы, в то же время у СССР много пространства. Такое пространство нужно было бы Японии, но, по иронии судьбы, этого пространства она не имеет. Поэтому не может быть и речи о продаже даже мелких островов...

После этого Татекава в откровенной форме заявляет, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжает Татекава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки Вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Касаясь движения Японии на юг, посол заявляет, что Япония там имеет исключительно экономические интересы и потому там не нужно применять силу...

Затем т. Молотов указывает, что когда Татекава говорил, что при заключении пакта о ненападении с Германией речь шла о территориях за счет третьих стран, то это не совсем так, ибо там были и территории, на которые претендовала Германия, но о которых обе стороны договорились. Однако, говорит т. Молотов, речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, не считает актуальным. Сейчас актуальным вопросом т. Молотов считает вопрос о ликвидации нефтяной и угольной концессий, считая этот вопрос выгодным для обеих стран, и в результате чего Япония ничего серьезно не теряет, а советская сторона обязуется поставлять нефть в тех же количествах, в каких Япония добывает сейчас. Кроме того, это улучшило бы отношения между СССР и Японией... Речь идет о том, что заключение пакта о нейтралитете и ликвидация концессий улучшат отношения между обеими странами, позволят Японии действовать на Юге, а с другой стороны, это даст экономические выгоды Японии в отношении концессий, освобождая ее от хлопот и неприятностей...»[114].

На следующий день, 22 ноября, Молотов направил телеграмму в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татекавой. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»[115].

В тот же день заместитель наркома С.А. Лозовский сообщил полномочному представителю СССР в Китайской Республике А.С. Панюшкину: «Думаем послать в помощь китайцам авиацию и артиллерию и также бензин. Доставку этих материалов можем организовать только до Хами с тем, чтобы в Хами китайцы имели свой транспорт и своими силами обеспечили дальнейшую отправку в Маньчжоу и дальше. Если китайцы согласны перенять материалы сами, сообщите нам об этом немедля. Без этого условия мы лишены возможности транспортировать материалы. Договоритесь об этом лично с Чан Кайши в конкретном порядке. Мы не знаем, нужны ли китайцам также ручные и станковые пулеметы. Если нужны, можем послать»[116].

24 ноября Зорге информировал Центр о назначении нового военного атташе Германии в Токио: «Преемником МАЦКЕ будет полковник КРЕЧМАН, сведений о котором нет. Вопрос о связях с Кречманом еще не ясен, Мацке не интересуется деталями работы, хотя и имеет связи с ген. штабом японцев. Он верит всему, что ему говорят, поэтому в посольстве за ним установилась кличка "отживший"».

Из дневника Франца Гальдера: «12 декабря 1940 г. ...Япония, по-видимому, согласна отказаться от концессий на Сахалине (одно из условий присоединения России к Тройственному пакту)»[117].

24 декабря «Рамзай» докладывал: «В соответствии с пактом 3 держав, утверждена и начала работу экономическая комиссия с целью установления широкого экономического сотрудничества между японцами и немцами. Немцы направляют в комиссию хорошо известного специалиста ВОЛЬТАТ, который прибудет в Японию в январе. Через КОММЕРСАНТА продолжаем внимательно наблюдать за дальнейшей работой комиссии».

«[Резолюции]: НО-3. Тов. Воронину. Комиссия назначена, чтобы делить чужие земли и богатства, ведь своих нет. Попов. 29.12.40».

НО-3 — начальник 3-го (Дальневосточного) отдела, был создан в результате проведенной реорганизации вместо 2-го (Восточного) отдела. 1-й (Западный) отдел был преобразован в два отдела — 1-й «Германский» отдел и 2-й «Европейский» отдел.

В этот же день Зорге направил еще одну телеграмму:

«Назначение ОСИМЫ послом в Берлин состоялось после того, как было объявлено о назначении НОМУРЫ послом в ВАШИНГТОН. Несмотря на оппозицию ОСИМЕ, Мацуока хочет, чтобы пакт 3-х держав был изменен в наступательный пакт против АНГЛИИ и АМЕРИКИ. Пост посла в Берлине предоставлен ОСИМЕ по политическим причинам. Это означает ослабление радикальной оппозиции, которая особенно усилилась после назначения НОМУРЫ».

«[Резолюции]: НО-3. Тов. Воронину. А может быть, в первую очередь, против СССР? Ведь Осима ярый враг СССР, он заключал антикоминтерновский пакт. Попов. 29.12.40.».

Адмирал Номура Китисабуро выступал за нормализацию японо-американских отношений.

27 декабря Зорге сообщает об оценке японцами перспектив соглашения с Советским Союзом:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 27 декабря 1940 года.
ПЕРЕВОД.

Вице-министр Иностранных Дел рассказал Венекеру (германский морской атташе), что японцы практически отказались от надежд придти к соглашению с СССР относительно пакта о ненападении, поскольку СССР требует слишком многого. Венекер дальше указал, что Германия была готова оказать помощь в широком понимании этого слова, но вице-министр ответил, что внутриполитическое положение Японии делает такую широкую помощь невозможной. Уступки со стороны японского правительства, в том числе и территориальные уступки СССР в Маньчжурии, создали бы положение, что правительство Коное не сможет удержаться в силу внутриполитического кризиса, который уже серьезно угрожает.

№ 130. РАМЗАЙ

Расшифровал Малинников, перевел майор Сонин 30.12.14.00».

Резолюции: «НО 9. ИНФ. Дать по сп. № 1.

НО 9. Недопустимая затяжка в переводе! Г».

Развитие темы перспектив подписания советско-японского соглашения со ссылкой на тот же источник была дана на следующий день: «Работник из японского морского министерства рассказал Венекеру (германский морской атташе), что ни пакт о ненападении, ни пакт о нейтралитете с СССР не даст японцам без гарантии Германии определенной уверенности для активности или борьбы против Америки. Японский спикер в своем выступлении намекнул, что подобный пакт дал бы только некоторую уверенность против СССР в случае борьбы против Америки, к чему японцы откровенно ведут подготовку.

Для Венекера неясно, является ли это своеобразным шантажом для подготовки отхода от существующих возможностей пакта 3-х держав.

№ 136. РАМЗАЙ».

2.3. «Почти невозможно столько лет работать нам одним с Фрицем...».

(«Рамзай» — Центру, май 1940 года)

Новый 1940-й год начался с выяснений, где брать деньги на обещанные наградные.

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ от 12.1.40 г.

Сообщает, что из Центра писали о наградных, но он их не имеет, т.к. из полученных 4.900 не может взять, бережет их для работы. Нет денег на оплату поездки Фрица в Шанхай».

«МЕМО. От ЦЕНТРА — РАМЗАЮ от 15.1.40 г.

Дано разъяснение, из 4900 — 1900 наградных, поездку Фрица оплатить из 3000, выданных для работы на 1 квартал 1940».

Поездка Клаузена в Шанхай была вызвана необходимостью приобретения радиодеталей, а легендирована служебными делами фирмы «М. Клаузен и К°», у которой было отделение в Мукдене под названием: «Фудзита Иоко М. Клаузен и К°». «Фриц», как и ранее, мог использоваться в качестве курьера токийской резидентуры для передачи почты и получения денег в Шанхае. В этой связи 3 мая Зорге запросил Центр: «Где мы получим почту Рамзая — на Островах или континенте? Фриц может выехать по делам на континент в начале июля». Ответ Центра был однозначен: «Встреча должна состоятся 5 мая в Токио».

В Шанхай вместо Клаузена была отправлена его жена Анна с поручением, приобрести некоторые фотопринадлежности и радиодетали для передатчика. Это была ее последняя поездка в Шанхай:

«На этот раз я имела поручение купить фотоаппарат "Лейка" для БРАНКО и некоторые части для фотоаппарата РИХАРДА. Поскольку в Шанхае я не могла получить деньги, пришлось взять их с собой из Токио. 700 американских долларов я зашила между кожей и подкладкой своей дамской сумки. Ехать решила на самолете, несмотря на то, что достать билет на самолет было трудно для простых людей. Билет мне достали без особого труда, из чего было видно, что мы у японцев были на хорошем счету. В Шанхае я купила "Лейку" и передала её во французское консульство по данному мне адресу, как было условлено. Купила я и другие вещи, в том числе части для аппарата РИХАРДА. Части передатчика я везла с собой в банке из под печенья. Такого печенья я везла несколько банок. В одну из них я положила части и оставила ее с печеньем открытой на столе в каюте парохода, на котором я возвращалась в Токио. Закрытые банки положила в общий багаж. Контроль на пароходе обратил внимание на закрытых банках и спросил, что у меня в них. Я ответила, что то же самое, что и на столе, показывая открытую банку, из которой я как будто кушала печенье. Так все прошло благополучно. Когда я приехала в Токио домой, аппарат, купленный для БРАНКО, был уже получен».

Отправление фотоаппарата через французское консульство в Шанхае в Токио было легендировано работой Бранко Вукелича во французском информационном агентстве «Гавас» в Японии.

В январе Центр напоминает «Рамзаю» о вербовочных задачах и просит «поторопиться с ответом». 17 февраля Зорге сообщает: «Поставленная задача по вербовке кадровых офицеров очень трудна для выполнения. До сих пор успеха не имеем, несмотря на помощь и усилия со стороны Мики. Усиленно пытаюсь через Отто получить связи с людьми, имеющими хорошие и близкие отношения с японским генштабом». Но и эти попытки успеха не имели.

9 декабря 1939 г. в США по обвинению в использовании поддельного паспорта был арестован сотрудник военной разведки Николас Дозенберг[118] в связи с разоблачением его бывшим американским коммунистом, назвавшим Дозенберга «агентом ОГПУ». Последний пошел на сотрудничество со следствием и потому был приговорен лишь к одному году заключения за пользование фальшивым паспортом и предоставление ложных сведений при получении документов. Впоследствии жил в США под вымышленным именем, неоднократно давал показания следственным органам, комитетам Конгресса США[119].

Арест Дозенберга дал основание для представления на имя начальника 2-го отдела полковника А.П. Кисленко доклада, в котором ставился вопрос «проверки и принятия решения по каждому имеющемуся в сети старому работнику»:

«НАЧАЛЬНИКУ 2 ОТДЕЛА 5 УПРАВЛЕНИЯ РККА
ПОЛКОВНИКУ тов. КИСЛЕНКО.

Докладываю: Предательство Петерса /Дозенберга/ вновь ставит перед нами задачу проверки и принятия решения по каждому имеющемуся в сети старому работнику. В первую очередь я проверил возможные связи Петерса с работниками китайской сети, однако нового ничего не выявил.

Известно, что Петерс, в бытность его в 1934-36 г.г. в Тяньцзине, знал нашего радиста МИЛОРДА, работающего до сих пор. До этого времени Петерс не знал Милорда, а при отъезде Петерса из Тяньцзина дело свертывалось. Все это дает основания считать, что Петерс не знает о продолжающейся работе Милорда. Все же рассчитывать на прочную работу Милорда нельзя. Намечаю продолжение использования Милорда в старой сети.

Петерс является старым доверенным работником бывшего руководства. При отправке Петерса в 1937 г. на Манилу, намечалось послать ему /под крышу Петерса/ резидентом бывшего нач. отделения РИММА с женой. Задача ставилась по созданию резидентуры питания на Дальнем Востоке. Осенью этого же года в Китай был отправлен ДЖИМ /Гюнтер-Штейн/, работающий до сих пор. Джим поехал с серьезным заданием создать резидентуру на Юге. Джим знает Рамзая и группу старых работников немцев /кого именно, следует проверить 1 Отделу/. Полагаю, что РИММ имел в виду объединить руководство Югом, Шанхаем и Островами в своих руках. При этом более чем вероятно, что Петерс знал о намеченной посылке Джима в Китай. Вероятно также, что он кое-что знал о работе на Островах, так как был близким другом РИММА. В этих условиях единственно правильным выводом считаю форсированное создание новых нелегальных резидентур. В отношении старых агентов надо продолжать осторожное использование с постепенной их заменой и, в нужных случаях, ликвидацией на месте.

В частности, в отношении Джима и Рамзая надо ускорить их проверку путем постановки нескольких проверочных заданий, которые разработать с помощью полковника т. Пугачева, выявить их истинное лицо и, если результаты будут отрицательные — ликвидировать обоих.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛЕНИЯ
2 ОТДЕЛА МАЙОР /Герасимов/

29.1.40 г.»

Следует полагать, что под «ликвидацией» майор Герасимов имел в виду исключение вышеупомянутых «Джима» и «Рамзая» из числа сотрудников 5-го Управления.

Опираясь на материалы ноябрьской почты 39-го года, Центр потребовал разъяснения неудовлетворительной работы «Мики» — Косиро Ёсинобу.

«МЕМО. От ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 16 26.1.40

Сообщается о получении почты /ноябрьской/. Указывается, что материалы МИКИ на японском языке все легальные и могут быть куплены на рынке в любом количестве. Требуется объяснить, почему МИКИ его надувает, как РАМЗАЙ им руководит, почему напрасно тратит средства. Требуется заставить МИКИ работать и оправдывать затрачиваемые на него средства. Заста-

вить МИКИ дать штаты пех. дивизии, сведения по ВВС и дислокацию частей на Островах. Указывается, что и фотоматериалы РАМЗАЯ на 40% плохо сфотографированы и не поддаются восстановлению. Требуется дать объяснение по этому вопросу».

Объяснения из Токио поступают во второй половине февраля и в начале марта:

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 24 — 18.2.40 г.

Ваша критика Мики, мне кажется, базируется на первой части этой книги, которая не интересна с технической стороны, но интересна с педагогической. Вторая часть книги не может быть куплена легально сейчас, после начала японо-кит. войны. Чтобы решить этот вопрос, Вы можете приказать Вашему легальному аппарату попытаться купить ее. Мики не обманывает. С ним работает Джо, я с ним имею дело через Джо».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 26 — 3.3.40 г.

Удивлен упреком, что 40% фотоматериалов не поддаются восстановлению, ибо мы знаем трудность условия его работы. Перед отправкой проверял материал и знал, что только два фильма будут трудны для чтения. Причина плохих фильмов та, что помещение ВАТ и посла переполнены и во время работы требуется большая осторожность. В дальнейшем буду стараться».

Чтобы получить «сведения по ВВС» делается попытка восстановить связь со «Специалистом» — Синодзукой Торао. По-видимому, это делает сам Зорге.

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 199 27.1.40 г.

Сообщает, что визит Специалиста разочаровал Рамзая, что Специалист ничего не знает. Специалист утверждает, что лучшие типы самолетов — 2-х моторный И-98 /произв. Мицубиси/ и итальянские, которых было на севере в кол-ве 120 шт., в боях у Номонхан не применялись. Весной Рамзай вместе со Специалистом предпримет попытку уточнить этот вопрос. Книгу по авиации от МИКИ достал».

27 января Зорге сообщал: «От жандармерии Отто узнал, что в Шанхае дома № 159 и № 7 на авеню Хэйг /_ /, которая является 45 улицей на французской концессии, занимаемые русской женщиной, находятся под усиленным наблюдением японцев. В этих домах до 2 декабря происходили встречи советских людей с иностранцами. Фамилии иностранцев: Ларсон /_ / из Батавии, Хуберт /_ / — швед и Франкель /_ / из Гонконга.

Дом № 641 по Янцзэпу считается коммунистическим Бюро по работе с еврейскими эмигрантами. Дом занимается Фрицем Энгель /_ / и Кофманом /_ / или Кауфманом. Один из них имеет автомобиль с номерным знаком 144. Просим расследовать дело».

Резолюция комдива Проскурова: «Если люди не наши, сообщить соседям».

Примечание: «29.1 послано сообщение т. Фитину».

Информация была получена, конечно, не от «Отто» — Одзаки, а Ойгена Отта, германского посла в Токио.

В конце января Центр занимается выяснением источника документальной информации «Рамзая» — германского посольства или японских спецслужб.

«Начальнику 5-го Управления РККА
Комдиву тов. ПРОСКУРОВУ

При этом представляю материал от Рамзая и из 2-го спец. Отдела НКВД СССР, содержание которых идентично.

Со своей стороны, прошу Вашего распоряжения на предмет разбора этого вопроса, т. к. важно знать, не от одного ли того же лица исходят оба эти документа.

29 января 1940 г. И.Д.НАЧ.2 Отдела

Полковник КИСЛЕНКО»

[РЕЗОЛЮЦИЯ] «Н.У.: Связаться с соседями и уточнить. П[РОСКУРОВ]».

«Примечание к № __ с от 29.1.40 г.

Так как был получен идентичный материал от Рамзая и по линии НКВД, то заслуживало внимание установить следующее: откуда был получен НКВД материал — из Токио или из Берлина? Это важно в том отношении, что дает возможность судить о работе Рамзая, не исходят ли его материалы от японцев. По этому поводу и. д. нач. 2 отдела полковник тов. Кисленко ездил в НКВД, где его заверили, что их работник, доставляющий материалы и, в частности, доставивший этот материал, является честным и надежным в политическом отношении человеком. Следовательно, и материал Рамзая тоже исходит не от японцев и приобретен им в германском посольстве в Токио. Это вселяет некоторую уверенность в Рамзае в связи с сомнениями в его политической честности.

Полковник ПОПОВ

4 февраля 1940 г.».

«Некоторая уверенность», однако, отношение к «Рамзаю» не изменила.

В переписке вновь появляется «Коммерсант» — Гельмут Войдт, и на этот раз тему инициировал «Рамзай», а не Центр. Зорге снова сообщает, что «Коммерсант» может его заменить.

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 198 27.1.40 г.

Сообщает, что Коммерсант выедет со станции Маньчжурия в Берлин 8 февраля. Его можно встретить в поезде. При его возвращении обратно Р. получит от него информацию и сообщит в Центр.

В Токио скоро приезжает быв. герм. воен. мор. атташе ЭВЕНЕККЕР [Венекер], последнее время бывший командиром карманного крейсера "Дейчланд"».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 10 — 1.2.40 г.

Коммерсант уже выехал из Шанхая в Маньчжурию. Приказание об остановке в гост. Метрополь запоздало. Предлагает встретить его в поезде и указать, чтобы он остановился в Метрополь. Он выедет от станции Маньчжурия 8 февраля».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 13 — 17.2.40 г.

Сообщает, что только Коммерсант может заменить его, если он вернется в Японию и там останется. Основная работа его в Китае, и приезжать в Японию он сможет изредка. Других людей нет. Спрашивает, нет ли у нас аме-

риканца, который бы помог ему установить американские связи, что имеет большое значение.

Резолюция НУ т. Проскурова: **Планировать оставить резидентуру «Рамзая» без «Рамзая» из теперешнего состава его людей, новых к нему не подсовывать, а строить отдельно. «Коммерсанта» на это дело не привлекать** (выделено мной. — *М.А.*)».

В начале марта Центром были определены основные информационные задачи резидентуре на ближайшее время:

«МЕМО. ЦЕНТР — РАМЗАЮ. № 27 от 7.3.40 г.:

В ближайшие 3 месяца главные усилия сосредоточьте на 2-х задачах: первая и главнейшая добыть документальные сведения и материалы о производственной мощности японской военной промышленности по основным видам вооружения, причем данные должны отражать состояние в целом всей пр-сти и конкретно по каждому арсеналу и заводу. Эти материалы прошу подготовить к очередной встрече в июне месяце. Основные цифровые материалы сообщите по воздуху. Вторая, но подчиненная первой, — необходимо добыть документальные материалы о характере начавшейся реорганизации японской армии: какие новые соединения и части создаются, из каких частей они развертываются, их нумерация, штат дивизии и полка, фамилии к-ров дивизий и полков, а также следует работать над вопросом выявления внешней линии японского правительства, поставив его так, чтобы можно было предвосхитить события, а не регистрировать постфактум».

Первая задача конкретизировалась в отдельных заданиях:

«МЕМО. Токио — Рамзаю

Сообщите подробные данные о новом яп. истребителе И-99: в каком институте проводились его испытания и результаты; данные о самолете: численность команды, данные о моторе, скорость, дальность полета, потолок и вооружение самолета. Выясните конструктивные отличия И-99 от И-97. 7.12-40».

Решить задачу получения информации по всей военной промышленности и по отдельным арсеналам и заводам с помощью имевшихся источников было невозможно. По второй задаче, которую решить было проще, не могло идти речи об исчерпывающей информации. Требование указывать фамилии командиров полков было чрезмерным.

Мало того, попытки решить обе задачи непременно вели к провалу.

Резидентура поставляла информацию о внешнеполитическом курсе правительства (состоянии и перспективах развития японо-германских, японо-американских и японо-советских отношений), подготовке Японии к войне с СССР (что включало реорганизацию вооруженных сил, состав сухопутных войск в Китае и Маньчжурии), подготовке инфраструктуры Маньчжурии к агрессии против Советского Союза; внутриполитической обстановке, расстановке сил в стране, переводе экономики на военные рельсы и т. д.

Требование Центра свидетельствовало, что на седьмом году успешной деятельности резидентуры «Рамзая» Центр плохо представлял себе ее информационные возможности.

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 62 — 7.4.40 г.

Легализация Фрица развивается успешно. Фрицу нужны: управляющий фабрикой, помощник по радиоделу и ряд других. Ждет, что мы ему дадим по-

мощника, так как Фриц перегружен работой. Крыша для человека очень хорошая и прочная. Посылаемый человек должен быть по национальности или немец, или австриец, или чех.

Резолюция НУ: *Доложите кандидата. Проскуров. 8.4.40 г.*».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 67 — 15.4.40 г.

Сообщается, что Рамзаем у Мики приобретен учебник для противотанковых частей и пехоты, изданный в марте 1940 г. Почта Р. будет готова в июне месяце. Фриц до сих пор не получил деньги».

Резолюция НУ: *Нельзя ли использовать отъезд Петрова для передачи денег людям? Постарайтесь скорее получить учебник*».

«МЕМО. Из ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 36 — 20.4.40 г.

Указывается, что для передачи материалов и денег встреча назначается на 5 мая. На встречу должен выйти Фриц. Условия встречи и передачи те же, как это было сделано в ноябре месяце прошлого года. На встрече передать материалы по экономике Японии, материалы из офиса Анны и Марты, доклад о партиях и доклад Мики об укрепленных районах и его учебники».

Псевдонимы «Анна» и «Марта», употребляемые в переписке, были присвоены Ойгену Отту и военному атташе Германии в Японии (полковнику Матцки, а затем сменившему его полковнику Альфреду Кречмеру).

Организация связи с представителем резидентуры под прикрытием полпредства СССР была неконспиративной, с одними и теми же условиями связи, с ошибкой в нумерации почтового ящика, на адрес которого направлялись билеты, что привело к срыву встречи в назначенный срок и «дежурству» Фрица у кинотеатра.

«МЕМО. Из ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 10 — 7.5.40 г.

Указывается, что в телеграмме от 20 апреля Центром была назначена встреча Фрица с нашим человеком на 5 мая в кинотеатре Империал для передачи почты и денег. Фриц на встречу не явился, доложить причины неявки. Вновь встреча назначается на 26 мая в кинотеатре Империал. На это число наши люди пришлют на 26 число Фрицу 2 билета, у нашего человека номер билета будет меньший рядом с билетами, посылаемыми Фрицу. Пароль: наш человек обращается к Фрицу и просит программу, Фриц отвечает: "Пожалуйста, она на японском языке". Наш человек благодарит. Этот наш человек в ноябре п/г. встречался с Фрицем, таким образом, они друг друга знают. Передача производится в темноте. На встрече Рамзай должен передать все ценные материалы из офиса Анны и Марты, доклад Рамзая о политическом положении Японии, доклад о партиях, учебники, полученные у Мики, доклад Мики о Хунчунском укрепрайоне, доклад Отто о разногласиях в правящих японских кругах по вопросу внешней политики правительства и какие группировки конкретно, какой позиции придерживаются, материалы Рамзая о военной экономике Японии по основным видам вооружений, согласно прежних указаний, и доклад Мики и Джо о возрастах из резерва, призванных в армию. Получение этой телеграммы требуется немедленно подтвердить».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 80 — 9.5.40 г.

Благодарит за поздравления с праздником. **Фриц получил билеты 8 мая, поэтому он не мог пойти в кинотеатр, хотя он ежедневно после 5 мая у те-**

атра ожидал, но наш человек не пришел (выделено мной. — *М.А.*) Пошлите вновь билеты, Фриц будет вовремя там. Почта может быть передана 12 мая. Билеты пошлите за день перед встречей. Фриц запрашивал оба банка, но они ответили, что денег нет».

«МЕМО. От РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 81 — 9.5.40 г.

Сообщает, что номер почтового ящика Фрица был написан неверно, поэтому билеты он получил на три дня позже и не мог прийти на встречу. Фриц сейчас не может много работать на рации, так как занят подготовкой почты».

«МЕМО. От Рамзая — Центру № 93 — 31.5.40 г.

Передан остаток почты человеку Центра, всего он получил от Фрица 37 фильмов».

«ЗАПИСКИ КРОТОВА

...

25.4. Получил задание от Юрия провести встречу с Фрицем. Провел подготовительную работу.

28.4. Послал необходимое по Инструкции в адрес Фрица. ...

5.5. Выходил на встречу с Фрицем. Извещение было послано 27 прошлого месяца. Фриц на встречу не явился. ...

15.5. Встречался с Фрицем. Получил почту и передал монету. Фриц просил вызвать его еще и на 26 для вручения дополнительной почты. ...

26.5. Дважды встречался с Фрицем. Получил дополнительную почту, а на второй встрече оговорил характер дальнейших явок. Об этом отдельным письмом.

«Юрий» — псевдоним резидента, военного атташе СССР в Японии, полковника И.В. Гущенко. Из автобиографии Гущенко:

«Родился в г. Новороссийске Черноморского края в 1902 году. Отец был слесарь Новороссийских ж.д. мастерских — умер в 1904 году. Мать — прачка отдала меня на воспитание рабочему жестянщику ж.д. мастерских КОЛЬЦОВУ, где я и воспитывался до 1914 года. Матери не знаю и сведений о ней с 1904 года не имею. Братьев и сестер нет.

... Самостоятельно начал работать с 1914 года учеником-слесарем в Новороссийских мастерских, где работал до 1917года. С 1917 года по май 1918 года работал в Туапсинском порту — учеником-слесарем.

В февральской и Октябрьской революциях никакого участия не принимал. В партию поступил кандидатом в 1922 году на 11-х пехотных курсах в г. Краснодаре. В действительные члены ВКП/б/ переведен в 1924 году в парторганизации 39 стр. полка ...

Курсантом служил с 1921 года по 1923 год:

С VII. 1921 г. по VIII. 1922 г. — 11-е пехотные курсы г. Краснодар.

С VIII. 1922 г. по 1. 1923 г. — Краснодарские комкурсы действующих родов войск, закончил в январе 1923 года.

1. 1923 г. по 1. 1928 г. — 38 стр. полк 13 сд. — командир отделения, командир взвода, квартирмейстер, политрук роты, командир и политрук роты.

1.1928 г. по XI.1930 г. — 38 стр. полк 13 сд. — командир и политрук роты, начальник и политрук полковой школы.

XI 1930 г. по 1931 г. — учился на «Выстреле» в г. Москва.

XII-1931 г. по II 1933 г. Начальник штаба 32 гороно-стрелкового полка 28 гсд.

с II 1933 по IX 1937 г. — Мотомехакадемия им. Сталина — слушатель.

I 1937 по X 1938 года 6 мехбригада — Начальник 2-й части штаба, Начальник штаба бригады.

С X —XI 1938 года — 11 мехкорпус — Начальник штаба корпуса.

С XI 1938 г. по IV 1939 г. — слушатель курсов усовершенствования Академии Генерального Штаба.

С IX 1939 года — 20 танковый корпус (бывший 11 мехкорпус) — начальник штаба корпуса».

Опыта агентурной работы Гущенко, как и его предшественник «Крылов» — Якимов не имел.

Из письма «Крылова» в Центр:

«Дорогой Директор.

Настоящим письмом сообщаю о состоянии группы петухов, связь с которыми поручено поддерживать и о своей собственной работе за период, прошедший с момента прошлой почты.

...

4. Моя работа.

К сожалению, и я так же пока не могу рапортовать о каких-либо серьезных успехах в своей работе.

... В течение этого периода три раза выходил на свидание с Фрицем. Первая встреча не состоялась по объяснению Фрица о том, что, якобы, они очень поздно получили наше извещение. Мне кажется, что причиной неявки Фрица было, отнюдь, не это, так как извещение было послано за неделю и по совершенно правильному адресу, а причина заключается в том, что он не успел приготовить почту, т.к. после встречи 15-го он назначил повторную встречу на 26 для вручения дополнительной почты.

Оба мы пришли к заключению, что проводимый до сего времени способ явки и место самой явки сейчас является неподходящим и его следует изменить. Дело в том, что прежнее место сейчас стало по своему назначению иным местом, мало посещаемым пижонами и имеющим, кроме того, необходимость высиживать там, по меньшей мере, несколько часов. В противном случае скорый уход сразу целой тройки пижонов /иногда единственных во всем здании/ может, конечно, вызывать естественное недоумение и подозрение. Другого, аналогичного такого же места здесь сейчас нет. Поэтому, придя к убеждению о необходимости изменения условий встреч, **мы договорились встретиться в тот же день дополнительно для разговоров на эту тему. Встретились мы по предложению Фрица в его офисе** (выделено мной. — *М.А.*). Договорились же мы о следующем: встреча происходит в день, указываемый из деревни в маленьком ресторанчике, указанным мне Фрицем. Одно лицо приходит позднее другого на пять-десять минут. Позднее пришедшее лицо подсаживается за столик пижона /который, по уверению Фрица, в это время может быть единственный/, заказывает кушанье «кимо», ранее пришедший завязывает разговор на тему о «кимо», сообщая, что он сам большой любитель кимо, но боится его кушать с тех пор, как от кимо заболел его друг Хелма. После этого происходит уже передача принесенного, а в случае необходимости разговора назначается дополнительная встреча в ином, заранее продуманном месте. Здесь проводится встреча раз или два, после

чего создается новый вариант. Сами встречи, по мнению Фрица, следует проводить не чаще одного раза в два месяца.

...

29.5.40. Ваш Кротов».

«Петухи» — на сленге «Кротова» — агенты. «Пижоны», судя по всему, иностранцы. Как следует из доклада «Кротова», встречи проводились в полупустом зале кинотеатра, а иногда и в пустом зале кинотеатра, что не могло не вызвать недоумения и подозрения. К тому же встрече предшествовало направление билетов в кинотеатр на почтовый адрес Клаузена. Вызывает недоумение и проведение еще одной встречи в этот же день в офисе «Фрица». Все это свидетельствовало о грубейшем нарушении требований конспирации в стране с жестким контрразведывательным режимом. Альтернатива, предложенная «Кротовым», встреча в «маленьком ресторанчике» опять-таки предусматривает возможность проведения еще одной встречи. Все делается для того, чтобы наверняка попасть в поле зрения японских спецслужб. Предлагаемые же «пароль» и «отзыв» (необходимы для опознавания при встрече двух незнакомых людей) — многословны, излишни и трудны для запоминания. Удивительно то, что Центр даже не пытается одернуть и, если не пресечь, то поправить предлагаемые фантазии.

В организационном письме, переданном на встрече с «Кротовым» — С.Л. Будкевичем в мае (была получена в конце июня), «Рамзай» писал:

«ДОРОГОЙ ДИРЕКТОР!

/т. Кисленко. Похвалите за боевое настроение. Во что бы то ни стало к 15/VII доложите кандидатов для посылки помощника. Проскуров. 29/VI./

Прилагаемая почта обширнее, освещает больший круг вопросов, и мы надеемся, что технически она также лучше последней. Тем не менее, при ее технической обработке просим иметь в виду, что значительная часть почты была заснята при чрезвычайно неблагоприятных условиях прямо в офисе Анны и Марты, а посему понятно, что будет целый ряд недостатков; однако, большая часть почты была снята в значительно лучших условиях.

Мы подчеркиваем, что указания, данные в 1935 году из Центра, требовали концентрации исключительно на аппарате Анны и Марты и имели тенденцию совершенно запретить какую-либо связь с местными уроженцами. Теперь же, когда аппарат Анны и Марты в связи с определенными политическими изменениями, а также после значительного ухудшения их личного состояния, имея в виду наши непосредственные цели, сильно потерял для нас значение, достигнута связь, хотя еще и в очень ограниченном размере, с местными уроженцами. В течение последнего времени Отто и Джо удалось расширить свои источники и, наконец, с привлечением Мики мы также получили не менее важную гарантию. Постепенно Мики все глубже входит в работу. Мы намеренно старались его в этом отношении не перегружать. Здесь, в этой стране. к людям надо долго присматриваться, да и им надо дать время сжиться и лично увериться в нас. В этой стране, как, впрочем, и вообще в Азии, ничего не выйдет без некоторой личной дружбы и личных более тесных связей. Мики, один из лучших здешних типов, медлительный и в меру спокойный человек, которому можно доверять. Так как мы еще не нашли для Мики хорошего места на производствах или учреждениях, то он сейчас соби-

рает все свои старые связи по его прошлой работе, посещает их, они к нему ходят, а также налаживает новые связи. Но, однако, сейчас мы не имеем еще с ним налаженной работы с центральной связью.

Ко многим местным материалам я не мог высказать собственного мнения, так как тормозом явился язык, а переводы их чрезвычайно трудно осуществить. Так что я не могу дать оценки материала, составленного кругом друзей Отто, о партиях и о сделках, и конференциях с военными инстанциями в Шанхае. Более точного сообщения о распределении всех дивизий я еще не послал, так как в этом вопросе еще слишком много неясностей и потому еще, что всеобщая реорганизация здешней армии находится в самом зачатке. Во всяком случае, в ближайшее время я вам пришлю телеграфный обзор, насколько, конечно, это будет в моих силах.

Материал о военной промышленности еще чрезвычайно беден. Тем не менее две работы я посылаю этой почтой. Сбор материалов продолжает проводиться систематически.

Само собой разумеется, что в связи с современным военным положением, как я, так и все остальные, отодвигаем на задний план свое желание возвратиться домой. Мы готовы оставаться на своих постах до тех пор, пока в этом будет необходимость. Я тоже вернусь только тогда, когда мне будет найдена соответствующая замена (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Но, к сожалению, данных для этого еще очень мало. Вопрос встает о Коммерсанте, но мне придется еще подождать и выяснить, на какое место и с какими перспективами он сюда едет. На первое время я вижу в нем хорошего помощника, но еще не замену. Это еще должно в нем постепенно развиваться. Мы уже указывали, что у нас есть возможность легализовать помощника Фрицу, если у Вас есть для этого подходящий человек */подчеркнуто рукой Проскурова. см. резолюцию — М.А./*. К сожалению, об этом мы от Вас еще ничего не слыхали. Мы усиленно советуем прислать Фрицу помощника. **Почти невозможно столько лет работать нам одним с Фрицем**. Если он вдруг заболеет, то мы очутимся в тяжелом положении без какой бы то ни было связи с Вами. Поэтому я так прошу Вашей поддержки. Позаботьтесь, пожалуйста, о посылке человека, если возможно, пожилого немца. О его легализации мы уж позаботимся сами. Легализация Фрица замечательна. Его дело идет хорошо, и едва ли можно предположить, что всеобщий экономический кризис может в ближайшее будущее отразиться на нем. Однако оно требует очень много времени, так что по этой причине мы просим помощника для него.

Заключая, мы обращаем Ваше внимание на два доклада. Мы указываем на отношения Японии—Германии к СССР после возможной победы Германии на западе.

При сем, **еще раз заверяю Вас, что мы все здесь поняли, что сейчас не время ставить вопрос о нашем желании возвратиться домой, а также заверяю Вас, что до тех пор, пока мы здесь работаем, мы готовы и в будущем работать как можно лучше. Мы будем стараться всеми средствами расширить и углубить наши местные связи.**

Сердечный привет от Фрица, **верный Вам Рамзай.**

ПРИЛОЖЕНИЕ: 1. Политика Японии в отношении Германии и СССР, на 6-ти листах.

2. Политическое положение Японии. На 2-х листах».

В июне-июле 1940 года организационная переписка «Рамзая» в основном касалась «Фрица»: планируемые встречи, поездки в Шанхай, состояние его здоровья, подготовка помощника.

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 18 от 4.6.40 г.

Сообщается, о договоренности Фрица с нашим человеком об одной встрече в каждые два месяца при перерыве радиосвязи. Просит согласие Центра. Предлагает передавать почту чаще, чем сейчас.

Сообщает, что Фриц выезжает в Шанхай 11 июня и вернется 25 июня; просит поставить в известность Владивосток. Фриц очень нуждается в радиодеталях.

Просит повысить оклад содержания всем работникам группы на 15 %, т.к. цены поднялись.

Резолюция НО — Прибавку можно дать, а о встрече подумать».

Резолюция была наложена все еще Проскуровым.

«МЕМО ИЗ ЦЕНТРА — РАМЗАЮ № 35 ОТ 25.6.40 г.

Сообщается, что помощник Фрица подготавливается, его отправка в промежуток октябрь — ноябрь. В дальнейшем встречи — один раз в месяц. Очередная встреча 25 июля. Указывается на необходимость более активного сбора сведений по японской промышленности, особенно, по заводам, производящим орудия, танки и самолеты».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 109 от 22.6.40 г.

Сообщает, что Фриц болеет сердцем и лежит в постели (выделено мной. — *М.А.*), поэтому так долго не было связи и в дальнейшем много не сможет работать. Просит помощника».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 112 от 6.7.40 г.

Просит прислать помощника Фрицу. В случае, если это будет немец, то он обеспечит ему легализацию. Просит указаний на проведение явки, обусловленной Фрицем на 26 июля, где будет передан доклад Фрица, условия встречи помощника Фрица, а также важная почта.

РЕЗОЛЮЦИЯ НУ: т. Кисленко, как с подбором человека. Посоветуйтесь с другими Нач. Отделов».

Указания даны уже новым начальником Разведывательного управления Генерального штаба РККА генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, назначенным на должность 11 июля.

«МЕМО ИЗ ЦЕНТРА — РАМЗАЮ №2 от 9.7.40 г.

Указывается, что явку, обусловленную Фрицем на 26 июля, санкционирую. В случае, если часы встречи не обусловлены, будет сообщено на днях. Помощник для Фрица приедет в октябре—ноябре».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 117 от 12.7.40 г.

Сообщает, что состояние Фрица не улучшается, поэтому приходится работать в кровати(здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Просит перенести встречу, назначенную на 26 июля на 25 июля при тех же условиях. Предлагает последующие встречи и пароль обуславливать на месте в целях сбережения телеграфных расходов».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 128 от 20.7.40 г.

Сообщает, что на встречу 26.7. выйдет сам, т.к. Фриц болен. Просит передать ему Пауля или Бернарда в качестве помощника для Фрица».

Круг лиц, с которыми встречались сотрудники резидентуры под прикрытием советского полпредства, расширялся, втягивая нелегального резидента.

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 130 от 26.7.40 г.

Сообщает, что на встрече 26.7. передал нашему человеку 9 фильмов. Предложение оставить почту в парке Мейдзи отверг, т. к. это трудно осуществимо. Очередная встреча обусловлена, лишь не установлено время и день. Предлагает 2 сентября в 7 час. вечера».

Парк «Мейдзи» расположен в центре города в зеленом массиве, примыкающем к садам императорского дворца. В 1940 г. на территории парка был построен Олимпийский стадион к несостоявшейся XII Олимпиаде. Предложение перейти к тайниковой связи «запоздало» на девять месяцев. Только своевременно введенная тайниковая связь могла предупредить провал.

Мотивировка отказа «Рамзая» станет понятна из докладной «Кротова»:

«Дорогой Директор.

Сообщаю Вам о текущих вопросах нашей работы:

...5. Моя работа. За этот период была проведена встреча с Рамзаем / Фриц болен/. Обусловлена встреча и получена почта. Очередная встреча намечена в одной "скиячной" в 7 час. вечера в день, сообщенный Вами. В беседе, когда я передал описание дубка и разъяснил необходимость пользоваться дубком, Рамзай категорически возражал против системы дубков вообще и настаивал на проведении личных встреч, утверждая, что опасности в личных встречах менее и, кроме того, имеется уверенность в том, что все "о'кей" и материал попал в нужные руки. При системе дубков у него имеется сомнение, что положенный материал может попасть "не по адресу". Просил меня о его категорическом отрицании "дубка" поставить Вас в известность...»

«Дубок» — тайник.

Из докладной «Кротова»:

«Моя работа.

В течении вот уже целого года я числюсь в «списках отъезжающих» и до последнего времени после сдачи перед намеченным отъездом Лоре — Арнольда и Ксении, кроме выполнения эпизодических поручений /привоз почты от Леонида, встреча с Кармен по ее приезде в Самоедию, прием почты от Фрица и т.д./ более длительных задач к выполнению не получал, что вполне естественно, так как был уже готов к отъезду и более того, неоднократно сообщался срок моего отъезда /как это делается и сейчас/ и даже сообщалось о выезде моего заместителя, который так и не приехал ...

28.VI — 40 г. Ваш Кротов».

В своем письме, датированном 22 июля 1940 г., «Рамзай» сообщает в Центр об условиях, в которых приходится работать, а также ставит вопрос о замене «Фрица», отзыве на подготовку «Жигало», о своей готовности остать-

ся в Японии до конца «европейской войны» и, который раз поднимает вопрос о «Коммерсанте».

«ГОСПОДИНУ [Herrn] ДИРЕКТОРУ.

Настоящая почта была составлена, в основном, для выяснения следующих организационных вопросов. Документальная часть, видимо, будет менее интересна, т.к. со времени последней почты нам еще не удалось получить нужных материалов. При этом мы хотим указать на новую трудность при добывании интересующих нас документов.

Во-первых, военный атташе долгое время отсутствовал и, кроме того, по возвращении организовал свое производство для наших целей еще менее интересное, чем прежде. Атташе занят сейчас, главным образом, пропагандой германских достижений в среде высокопоставленных японцев. После его возвращения активный интерес по сбору материала о японцах пал до нуля. Он не пишет также более известных Вам докладов, а посылает только личные письма одному из доверенных людей в министерстве.

Пропагандистская работа, которую он ведет, имела до сих пор целью обострить борьбу Японского Генштаба против японского правительства и затем, после свержения правительства, побудить Японию к активному выступлению против Англии.

Тем самым значение Матцке, как источника добычи документов, на будущее снизилось.

Значительно усложнил нам работу в будущем также и японский генштаб. Он не издает более книг, предназначенных для обучения. Японцы ограничиваются несколькими гектографированными экземплярами, распространяемыми в частях только среди немногих избранных под строгим наблюдением. Так, например, мы напали на след новейшего устава по обучению танковых частей, но не можем его получить на руки, а вынуждены были поставить перед Мики задачу в тяжелейших условиях скопировать этот устав через посредство его друзей, когда они будут этот устав просматривать. Вы можете себе представить, насколько это усложняет дело и как много времени занимает. Тем не менее, мы надеемся к следующей ежемесячной почте разрешить эту тяжелую задачу. Документы, полученные через Отто, интересны, но для Ваших специальных целей маловажны; с недавних пор они хранятся в соответствующих ведомствах под особыми запорами и при соблюдении особых мер предосторожности. Совсем немногие люди имеют к ним доступ и, что для нас особенно важно, могут быть изъяты на очень короткое время. Естественно, что все это необычайно усложняет нашу работу.

Перехожу к организационным вопросам.

1. Болезнь Фрица: К сожалению, мы все должны признать тот факт, что Фриц страдает серьезной сердечной болезнью, что не приходится рассчитывать на его выздоровление и, тем более, на возвращение им былой работоспособности. Лечащий его врач заявил мне, что даже при полном изменении его образа жизни и работы он сомневается, чтобы Фриц [протянул] более двух лет. Для нас это обозначает, что если даже его выздоровление и в дальнейшем будет прогрессировать, то он все же будет не в состоянии выполнять в старом объеме свою воздушную и легальную работу. Поэтому вопрос о его ассистенте должен быть поставлен в такой плоскости, чтобы последний мог его разгрузить не только на время болезни, но сумел бы по его

указанию здесь твердо легализоваться и одновременно постепенно принять на себя всю работу Фрица. Необходимо, чтобы Фриц самое позднее в начале будущего года, после передачи своего легального дела и воздушной работы, мог бы поехать домой для серьезного лечения и отдыха. Кроме серьезного расширения и слабости сердца, Фриц пострадал еще от отравления фосфоресцирующими красками (легализационная работа), что особенно повлияло на его больное сердце, ибо он, не зная вреда этих красок, не принял надлежащих мер предосторожности.

Поэтому выбор его преемника должен быть сделан следующим образом: этот человек должен быть в состоянии продолжить легальное дело, созданное Фрицем, в которое мы всадили наши легализационные деньги и которое Фриц развил в совершенно самостоятельное, хорошо легализированное предприятие. Тем самым, был бы решен вопрос легализации нового человека, являющийся сейчас наиболее тяжелым, так как сюда не впускают ни одного человека, не имеющего твердой специальности или должности. Этот человек должен с самого начала прибыть сюда в качестве служащего или соучастника дела Фрица. Лучше всего, если этот человек будет иметь германский паспорт, но только, чтобы он не был евреем. Наиболее подходящую кандидатуру мы видим в нашем старом друге Зеппеле (Сеппель). Фирма, организованная Фрицем, что мы еще раз настойчиво подчеркиваем, абсолютно безупречна. Она зарегистрирована в реестре торговых фирм, считается мелкой, но, безусловно, солидной фирмой немецкой торговой камеры. Нет ни малейших опасений, что новый человек может "замарать" себя связью с этой фирмой. Мы считаем наилучшим, если новый человек поедет сначала в Шанхай и оттуда вступит в непосредственную письменную связь с Фрицем, последний же пригласит оттуда на должность заведующего предприятием с тем, чтобы позднее сделать его своим компаньоном. Иначе, без определенной специальности или надежной службы новому воздушнику будет тяжело здесь удержаться. Возможности же, представляемые ему предприятием Фрица, надо приветствовать и обязательно использовать.

В болезни Фрица, естественно, совершенно исключительную роль играет тот факт, что он работает здесь уже целых 5 лет. Вам должно быть ясно, что столь продолжительное время при существующих здесь условиях может подточить здоровье даже самого здорового человека. Не забывайте, что состояние его здесь очень тяжелое.

2. Вопрос о Жигало.

Жигало находится здесь 8 лет без перерыва. Это является здесь, в смысле времени, для иностранца максимумом. Для того, чтобы не возбудить подозрения, он должен, в крайнем случае, съездить на родину "в отпуск". Сюда же следует добавить, что благодаря европейской войне, Жигало лишился своей прекрасной легализации и должен подыскивать себе что-то новое, что может быть осуществлено только после поездки на родину. Так что мы предполагаем разрешить Жигало поездку в Европу, при его поездке туда связаться с Вами с тем, чтобы при возвращении из Европы подучиться в течение некоторого времени воздушному и фотоделу.

Однако в любом случае мы за то, чтобы он непременно возвратился назад для создания здесь крепкой кристаллизационной точки для всех будущих работ. Жигало настолько хорошо здесь вжился, что просто было бы жаль его отсюда пересаживать. Разговор и чтение местного языка он освоил в совершенстве, а это весьма редкое явление.

При просмотре доклада, написанного Жигало, прилагаемого нами, Вы наткнетесь на замечательный пункт, который на первый взгляд покажется Вам сомнительным, который, однако, при условии, что он должен сюда вернуться, может иметь некоторые преимущества.

Жигало в течение нескольких лет живет здесь с одной местной женщиной. Так как он признан семьей этой женщины и сделал из наблюдения над ней некоторые положительные выводы, то мы считаем, что эта женщина, еще пока не знающая, что он делает для нас в действительности, может для него стать скорей защитой, чем опасностью. Она не знает никого из нас здесь, т.е. ни Фрица, ни меня. Она знает Жигало только как представителя Гавас. Тем не менее, мы думаем, что когда она узнает о его работе для нас, то она ему будет помогать, и тем самым увеличит его возможности и даже сможет помогать ему в воздушной работе.

Его основная сила в его фоторабо тах. Затем он хорошо осведомлен и опытен в политических вопросах, хотя его связи с иностранными источниками весьма незначительны. Мы всё же надеемся, что с помощью его жены перед ним раскроются определенные туземные источники. Из этих соображений мы настойчиво советуем отпустить в отпуск Жигало, обучить его некоторое время в Центре и затем снова отправить сюда. Вопрос, взять ли ему с собой в Европу свою жену, или оставить ее здесь, должны решить Вы. Мы же считаем лучшим, если бы он взял ее с собой, и в том случае, если она произведет на Вас хорошее впечатление, чтобы также ею занялись в Центре и осветили бы ей основные политические и практические вопросы нашего мировоззрения.

Мы знаем, что это весьма своеобразное предложение, тем не менее, учитывая наш долголетний опыт здесь, мы считаем себя вправе давать подобный совет. Здешние женщины весьма надежны, особенно, если они решились связать свою жизнь с каким-нибудь мужчиной. Они не представляют тогда никакой опасности, при условии, если мужчина не оставит ее в беде. Такая гарантия, в случае Вашего согласия с подобным разрешением вопроса Жигало, должна будет ей дана. Насколько мне известно, он готов такую гарантию ей дать.

Прежняя жена Жигало здесь. Она воспитывает своего сына, которому сейчас около 10 лет, и помогает нам преданно и надежно. Мы советуем и в дальнейшем оставить ее здесь и использовать ее квартиру и, вообще ее услужливость. С точки зрения легализации не возникает никаких сомнений, тем более, если будет сохранена видимость, что Жигало поддерживает ее, вернее сына материально; последнее отвечает принятому здесь местному обычаю

3. Вопрос обо мне.

В последней почте я уже сообщал Вам, что до тех пор, пока продолжается европейская война, я, само собой разумеется, останусь на своем посту, конечно, если это Вам желательно. Но так как, по мнению здешних немцев, война скоро окончится, то я все чаще вынужден отвечать на вопрос своих высокопоставленных друзей-немцев, а также туземцев, что я, собственно, думаю в будущем делать. Учитывая, что, вообще, не так-то просто в один прекрасный день исчезнуть, не вызвав подозрения своих немецких друзей, я считаю весьма целесообразным, чтобы мне сообщили, чего Вы ожидаете от меня по окончании войны. Это значит, что я хотел бы, господин директор, чтобы Вы

мне ответили на следующие вопросы: могу ли я рассчитывать сразу же по окончанию войны вернуться в Центр, где бы я мог наконец остаться и закончить раз и навсегда свое цыганское существование. Не забывайте, пожалуйста, что мне уже между делом стукнуло 45 лет, что из них на службе у Вашей фирмы я провел свыше 11 лет за границей, а перед тем на службе у другой фирмы я провел еще 5 лет в путешествиях. Наступает уже время дать мне с моим опытом осесть на какой-нибудь работе в Центре, если же Вы не в состоянии сейчас дать мне твердое обещание, что по окончании войны я сразу же смогу уехать домой, то я прошу Вас указать мне точный срок, скажем, например, три месяца или, в крайнем случае, полгода после окончания войны, после которых наступит конец. Я должен знать эту общую границу времени, ибо очень часто мне задают вопрос о моих дальнейших планах как газета, представителем которой я являюсь, так и посол, и другие вышеупомянутые друзья. Газета хочет это знать, чтобы заблаговременно позаботиться о преемнике, издательство, на которое я работаю, хочет знать, когда я закончу для них книгу. А посольство, наконец, хочет об этом знать, так как оно и в будущем надеется работать со мной, т.к. придает моей работе большое значение. Чем известнее и солиднее мне удалось здесь легализоваться, тем труднее становится мне давать уклончивые ответы на вопрос о моих будущих планах по окончании войны. Мои ответы должны быть уклончивыми, так как я вынужден отказываться от любой связи, выходящей за пределы ограниченного времени, чтобы наиболее незаметно суметь в один прекрасный день исчезнуть из поля зрения всех моих легализационных связей.

На всякий случай прошу Вас указать мне твердый срок времени моего пребывания здесь, а именно, смогу ли я уехать сразу же, как кончится война или же я должен рассчитывать еще на несколько месяцев. При сем прошу не забывать, что я тоже живу здесь безвыездно 7 лет и что я ни разу как другие «порядочные иностранцы» не выезжал отсюда через каждые 3-4 года в отпуск, что этот факт, наряду с моей бесперспективностью на будущее, может произвести как на туземцев, так и на немцев, дурное впечатление и даже показаться подозрительным.

4. Вопрос о Коммерсанте.

Коммерсант возвратился из своей поездки по Сибири. Против своего ожидания, он не был связан ни с одним из Ваших сотрудников, хотя я специально указывал, каким поездом он поедет через Сибирь. Коммерсант сильно разочарован, тем более, что уже несколько лет, с тех пор как он поступил в Ваше распоряжение в Китае, у него создалось впечатление, что вы более не интересуетесь его сотрудничеством. Он высказал мне это лично. Он заявил, что из личной дружбы ко мне готов помогать, чем сможет, но в то же время дал, понять, что особенно напрягаться не будет, так как считает, что Вам он не особенно желателен. **Я сожалею о подобного рода плохом использовании Коммерсанта, считаю, что эта связь в течение многих лет осуществляется неряшливо, и что последняя при хорошем индивидуальном подходе могла бы оказаться весьма полезной** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) .

Грозит опасность, что постепенно этот источник совсем закроется. Поэтому прошу Вас сообщить непосредственно мне, действительно ли Коммерсант, как он предполагает, не представляет для Вас интереса, как активный сотрудник нашей фирмы, или же Вы видите в нем только источник, из которого я должен выкачивать все, что возможно, без осуществления более тесной

связи Коммерсанта с фирмой. Коммерсант прикомандирован сейчас к здешнему германскому посольству для обработки всех экономических вопросов, интересующих немцев в связи с оккупацией китайских районов. Частично он занят в самом германском посольстве, частично же в постоянных поездках между Синьцзин-Пекин и Токио. Так что при правильном использовании он в состоянии добывать кое-что полезное.

Учитывая своеобразие его характера (он — человек, не позволяющий пользоваться собой как слепым оружием, а только как сознательным сотрудником), я считаю необходимым выяснить отношение Коммерсанта к нашей фирме. Он будет больше давать, особенно при сотрудничестве со мной, если сможет чувствовать себя членом нашей фирмы, а не каким-то источником № икс.

Заключительные замечания.

Все эти организационные вопросы должны были когда-нибудь быть поставлены. Со своей стороны, господин директор, вы должны дать на них ответ. Тем самым, что в связи с болезнью Фрица вопрос обновления здешнего персонала стал необычайно актуальным, не менее важное практическое значение принимает быстрый ответ на все вопросы, касающиеся Жигало и меня. Мы здесь можем гордиться, что сравнительно немного надоедали Вам с организационными вопросами, а посему надеемся на быстрый ответ. Пока же мы просим содержать в порядке ежемесячную связь с Вашим "человеком", дабы иметь возможность ежемесячно докладывать вам.

Остаемся, правда, несколько ослабленные здоровьем, тем не менее, Ваши верные сотрудники.

Рамзай.

Добавление:

После наступившего у Фрица некоторого улучшения вновь имели место два серьезных приступа. Чем реже Вы получаете от нас телеграммы, тем хуже для дела. В будущем Вы можете руководствоваться этим масштабом. Поэтому мы убедительно просим по возможности ускорить отправку ассистента. Мы не знаем, не постигнет ли Фрица мгновенная катастрофа или не будет ли он вынужден на целые недели оставить работу. Может также случиться, что будет необходимо положить его в больницу, тогда вообще исключена какая бы то ни было возможность работы. В настоящее время он лежит дома в постели и при нашей помощи может кое-что делать из постели. Жалкое состояние, но, что же делать?

Точно так же просим о непременном сохранении места встречи с вашим человеком. Так как мы не можем пересылать много телеграмм, то мы переходим на почту. Из этих соображений **накажите своему человеку, чтобы он каждый месяц договаривался с нами о новом месте встречи**. Все технические вопросы встречи мы урегулируем с ним на месте.

Сердечный привет, особенно от Фрица.

Ваш Рамзай».

Спустя четыре месяца — 24 ноября — «Рамзай» «напоминает, что не получен ответ относительно ЖИГАЛО, КОММЕРСАНТА и помощника ФРИЦУ». И только после этого 30 ноября получает ответ от Центра:

«Помощник ФРИЦУ готовится, выедет к Вам в 1941 году. Тесной связи с КОММЕРСАНТОМ не устанавливайте, используйте его как Вашего друга для получения информации. Выезд ЖИГАЛО и его жены нынешней обстановке

нецелесообразен, надо обождать. Учебники по артиллерии передайте моему человеку в оригиналах. Из имеющихся денег 500 амов используйте как легализационный фонд ФРИЦА, 500 амов как Ваш резерв, остальные на текущие расходы, ориентировочно до половины февраля. Передайте моему человеку подробный отчет Фрица об израсходовании отпущенных ему денег на легализацию и состоянию его предприятия. Отчетов Фрица мы не имеем с 1937 года на полученные суммы от Вас и от нас.

ВЕРНО: /Сонин/»

25 августа «Рамзай» сообщил, что «здоровье Фрица улучшается, но он все еще слаб. За иностранными домами, в том числе и ЖИГАЛО, установлена слежка».

Зорге ничего не пишет о принятых мерах по предотвращению «засветки» связей «Жигало»-Вукелича с резидентурой. Не пишет он и о том, относится ли его жилище к «иностранным домам» и установлено ли за ним наблюдение. Центр же никак не реагирует на его шифртелеграмму.

Из записки «Кротова» — Будкевича: «2.9. **Сегодня вместе с моим заместителем вышли на встречу с Фрицем** (выделено мной. — *М.А.*). Фриц на встречу не явился».

«МЕМО. ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 62 от 10.9.40 г.

Просит сообщить национальность помощника Фрица. Помощник должен пробыть в Китае до выезда на Острова не менее 2-3 м-цев. Встреча с человеком Юрия состоится 25 сентября».

Выписка из письма «Юрия» — Центру от 5.9.40 г.:

«Задачи поставлены 1.9.: Принять от Кротова группу и его знакомства; Ознакомиться со всеми петухами и навести железную дисциплину в группе по выполнению поставленных задач. Добиться, чтобы каждый петух вел разведывательную работу повседневно и давал высококачественный материал».

Такой подход Гущенко, впервые столкнувшийся с агентурной работой, распространил и на нелегальную резидентуру «Рамзая».

Из автобиографии капитана ЗАЙЦЕВА Виктора Сергеевича:

«Родился в 1906 году в гор. Москве. … Из служащих. Рабочий. …

С 1928-1929 год курсант полковой школы арт. полка Московской Пролетарской Стрелковой Дивизии; с 1929 по 1932 год курсант Объединенной Военной школы им. ВЦИК; с 1932-1933 год командир взвода школы ВЦИК; с 1933-1934 год командир роты школы ВЦИК; с 1934-1936 год начальник автопитания шк. ВЦИК; с 1936-1937 год начальник технического довольствия шк. ВЦИК; с 1937 по конец 1937 г. слушатель Военного факультета Моск. Госуд. Института Иноязыков; с 1937-1939 г. (май — *М.А.*) слушатель 2-го факультета Военной Академии им. Фрунзе; с 1939 — по сей день Зам. Начальника Отделения 5 Управления РККА.

… Член ВКП(б) с 1930 г.».

Опыта агентурной работы у капитана Зайцева не было, равно как и у его предшественника Будкевича. Не имели опыта агентурной работы и начальники последних: полковник Гущенко и его предшественник подполковник Якимов. Профессионального совета ждать было неоткуда и давать было некому.

Капитану Зайцеву на командировку были даны широкие полномочия и поставлены большие задачи, некоторые из которых были не выполнимы:

«УТВЕРЖДАЮ
Начальник 5 Управл. КА
генерал-лейтенант / Голиков/
25 июля 1940 г.

ПЛАН-ПРИКАЗ
Заместителю Начальника Отделения майору тов. ЗАЙЦЕВУ
Виктору Сергеевичу
Присваивается псевдоним — «Сергей».

1. "Сергей" включается в состав токийской «легальной» резидентуры "Юрия" с агентурно-разведывательными и вербовочными задачами на правах помощника резидента оперативной группы № 2.

Во всей работе "Сергей" непосредственно подчиняется резиденту "Юрию".

2. Главнейшая задача "Сергея" состоит в том, чтобы усилиями группы № 2 и путем использования личных возможностей, как Зав. консульским отделом, в течение второго полугодия 1940 г. и 1941 г. создать при токийской «легальной» резидентуре работоспособную нелегальную подрезидентуру из 4-5 источников-агентов (главным образом, из японцев) с большими агентурно-разведывательными возможностями по военным и военно-политическим вопросам.

Для выполнения этой задачи необходимо, во-первых, найти, разработать и завербовать 1-2 вербовщиков из иностранцев с большими вербовочными возможностями среди японского населения, во-вторых, через них приступить к вербовочной работе источников-агентов из японского населения.

Главное внимание в подборе и вербовке агентов-источников должно быть обращено на качественную сторону с тем, чтобы приобрести источников в военных и политических кругах и таких, которые бы располагали большими личными военными и военно-политическими агентурными возможностями для добывания документальных материалов и сведений по следующим вопросам:

а) По военным вопросам: ...

б) По военно-политическим вопросам: ...

Для вербовки источников-агентов с перечисленными выше возможностями «Сергей» должен разработать пути проникновения в парламентские, партийные и военные круги в токийском военном гарнизоне (военные чиновники штабов пех. полков и дивизий).

Для избежания проникновения в резидентуру провокаторов японской к.-р каждый разрабатываемый и вербуемый объект как в качестве вербовщика, так и источника-агента должен тщательно и всесторонне изучаться по всем доступным каналам. Все добытые данные о разрабатываемом объекте "Сергей" должен через резидента «Юрия» или лично сообщать в Центр, и окончательная вербовка каждого объекта должна проводиться только с санкции Центра.

3. Вторая основная задача "Сергея" — это изучить в подробностях агентурные возможности агентов "Арнольда", "Габриель", "Салиха" и "Кармен" с тем, чтобы с большей продуктивностью использовать до дна их возможности и заставить их давать ценные нужные нам агентурные сведения и документы, исходя из следующих установочных вопросов:

"Арнольд":

1/ Требовать от него представления ежемесячных докладов об обеспеченности Японии всеми видами нефти и железа. ...

2/Поставить перед ним твердо задачу по вербовке одного авиаинженера иностранца или японца, работающего на одном из японских авиазаводов с тем, чтобы через него можно было получать ценные сведения (а если можно, то и чертежи) о строящихся в Японии военных самолетах (боевые, технические данные и типы).

Кроме того, завербовать одного корейца для использования на нашей агентурной работе в Корее в качестве резидента с задачей добывания сведений о дислокации японской армии в Корее ...

"Габриель": Поставить с ней работу так, как это предусмотрено в ее плане работы...

"Салих": На первых порах (в течение 1940 г.) ограничиться постановкой ему задач по освещению дипломатической деятельности афганского посольства в Японии с выяснением вопросов:

1/ Политика японского правительства в отношении Афганистана. 2/ Внешняя политика Великобритании по отношению к Афганистану. 3/ взаимоотношения между Афганистаном и Турцией по отношению к СССР и роль в этом Англии и Японии.

"Кармен": Принять меры к тому, чтобы она организовала радиоточку и с таким расчетом, чтобы связь была дана осенью т.г. Для этого необходимо встретиться с ней лично, выяснить ее положение с легализацией и ее знакомства и, в особенности, с девушкой-американкой, в кабинете которой "Кармен" предлагает установить радиоаппарат; собрать данные об этой американке и решить вопрос о реализации этого предложения.

Если это будет нецелесообразно по каким-либо причинам, то потребовать от "Кармен" др. мероприятий с тем, чтобы связь была дана не позже октября-ноября с.г.

Поставить ей задачу глубже проникнуть в американское посольство в Японии, развив для этого соответствующие дружеские отношения с теми техническими работниками (секретари, машинистки, стенографистки и т.п.) посольства, через руки которых проходят основные дела дипломатических работников посольства (посол. советники и т.п.) с тем, чтобы "Кармен" в дружеской беседе смогла «выуживать» у них ценные военно-политические сведения о внешней политике американского правительства в отношении Японии...

4. Для помощи Центру в изучении агентурной обстановки в Японии "Сергей" обязан тщательно изучать агентурную обстановку и один раз в два месяца представлять в Центр письменные доклады в основном по следующим вопросам:

1/Наиболее доступные пути въезда иностранцев в Японию для проживания:

2/С какими профессиями иностранцы могут легче устроиться на жизнь в Японии, в особенности, на данном этапе.

3/Условия развития коммерческой деятельности иностранцами в Японии и Корее.

4/ Условия поступления студентов-иностранцев в высшие японские заведения.

5/Основной поток японских эмигрантов в другие страны и условия обратного возвращения (документация на выезд и обратный въезд).

6/ Наиболее выгодные места для проведения явок летом и зимой (разработать и представить к ноябрю 5 явок).

7/ Быт и нравы японского населения (культура, семья, религия и т.д.).

8/ Новые приемы и методы работы японской контрразведки.

"Сергей" имеет право личного доклада как оргписьмами, так и телеграммами Центру по всем вопросам агентурно-разведывательной работы. Для сношения с Центром по телеграфу «Сергею» вручается отдельный от «Юрия» шифр.

...

6. "Сергей" выезжает в Японию на должность 2-го секретаря Полномочного Представительства СССР в Японии для выполнения должности Зав. консульским отделом. Содержание "Сергей" будет получать по линии НКИД и на организационно-оперативные расходы для агентурной работы — от Юрия.

ПРИЛОЖЕНИЕ: схема агентурной группы № 2

И.д. Начальника 2 Отдела
5 Управления Красной Армии
Полковник (КИСЛЕНКО)
Начальник 1 Отделения
Полковник (ПОПОВ)».
25 июля 1940 г.

Ни слова о резидентуре «РАМЗАЯ», связь с которой Зайцеву предстояло осуществлять.

Из записей 1939 г.: ««Кармен» — готовится на воздушника. — Американская еврейка, 24 лет, чл. АКП с 1934 г. Завербована в Москве в мае 1937 г. Кариным и Гудзем. Опыта агентурной работы не имеет. До вербовки вела активную профсоюзную и парт. работу».

Центр предложил единственно возможный алгоритм вербовки агентов-источников из числа японцев — через вербовку агентов-вербовщиков из числа иностранцев. Не ставить задачу вербовки «источников в военных и политических кругах и таких, которые бы располагали большими личными военными и военно-политическими агентурными возможностями для добывания документальных материалов и сведений» руководство Разведупра не имело права. Центр обязан был поставить такую задачу, но была ли она по «плечу» Зайцеву и другим разведчикам, находившимся в Японии под прикрытием официальных должностей? Судя по отсутствию результатов — не была. Да и не могла быть. «Сергей» вообще избегал выходить в город, а если и выходил, то только на агентурные встречи с «Фрицем» или «Рамзаем».

Из «Доклада о работе Имака» («Имак» — новый псевдоним Зайцева со второй половины 1941 г.), датированным мартом 1942 г.:

«Прибыл в Японию 21 августа 1940 года. По прибытию сразу приступил к принятию группы от КРОТОВА. ...

Помимо руководства группой я имел на связи резидентуру Рамзая. **Установить связь с Фрицем пришлось без всяких паролей, так как Кротов уехал в Шанхай, и я знал только место и день с часами встречи. Помня его фотографию и зная его биографию и Рамзая, я связь установил, правда, с большими трудностями, ибо Фриц не хотел признаваться, но после того, как я ему рассказал его биографию и даже упомянул про его вещи, кото-**

рые находятся на хранении в холодильнике, он начал сдавать и попросил меня описать человека, с которым он должен был встречаться, т.е. Кротова, что я, конечно, сделал (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*). После только этого он признался, но все же материал не передавал. Эта встреча происходила в скиячной на Гинзе, после, когда кончили есть, он предложил мне поехать с ним на машине в парк Мейдзи, всю дорогу задавал разные вопросы о Рамзае, на которые я ему отвечал, и по приезду в парк он передал мне материал и взял от меня деньги. В дальнейшем связь с ним не порывалась до дня его ареста. Вторая встреча происходила с Фрицем в скиячной на Симбаси, последующие у него в офисе после работы, офис расположен недалеко от Симбаси-еки. ...

На встречи с Фрицем я выходил часа за два за три до назначенного времени, меняя несколько раз средства сообщения и тщательно проверяя, нет ли хвостов. **Перед отъездом за рубеж я знал, что эта резидентура вся продана, а поэтому нужно было быть особенно осторожным** ...».

Выход на встречу с «Фрицем» «без всяких паролей», в нарушении элементарных правил конспирации (ведь можно было дождаться возвращения «Кротова» — Будкевича из Шанхая), свидетельствует о том, что даже в марте 42-го Зайцев считал, что он поступил правильно. И в своем отчете Зайцев даже бравирует этим. И что удивительно — его никто не одергивает.

Утверждение Зайцева, что на встречи с «Фрицем» он «выходил часа за два за три до назначенного времени, меняя несколько раз средства сообщения и тщательно проверяя, нет ли хвостов», не соответствует действительности. И доказательство тому не только выше цитируемая фраза.

Из Справки «История провала резидентуры Инсона» от 23.05.44 г.:

«Встречи ИМАКА с ИЗОПОМ (новый псевдоним Клаузена. — Прим. авт.) проводились 1-2 раза в месяц. Характерно, что встречи иногда происходили на квартире ИЗОПА, причем, ИМАКУ прежде чем попасть на встречу с ИЗОПОМ частенько приходилось отрываться от преследующих его хвостов. Это объяснялось тем, что ИМАК в город выходил очень редко и, как правило, только на явки. Всегда ли ИМАКУ удавалось отрываться от хвостов, сказать трудно. **На явки он выходил, почти не имея резервного времени и иногда, чтобы не сорвать встречу, выезжал на машине, оставляя ее недалеко от района встречи. Были случаи использования для этой цели машины ВАТ** (выделено мной. — *М.А.*)».

Зная условия агентурной обстановки в Японии, изощренную систему неотвязной слежки и сигнализации постовых полицейских и учитывая особо тщательное наблюдение, которому подвергались сотрудники советского легального аппарата, можно категорически утверждать, что большинство встреч, если не все, попали в поле зрения полиции.

«МЕМО. ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 76 от 21.9.40 г.

Сообщает, что здоровье Фрица улучшается, 25 сентября он выходит на встречу с нашим человеком».

«МЕМО. ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 78 от 27.9.40 г.

Сообщает, что встреча Фрица с нашим человеком не состоялась. Новую встречу предлагает на 15 октября в 7 часов вечера в ресторане Хиросукияки...»

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ, 30.10-40 года, номер 92.

Сообщает, что рация Фрица была неисправна, сейчас налажена. Трудно с добыванием запасных частей. Подтверждает, что встреча Фрица с Сергеем состоялась. Фриц передал Сергею почту и получил от него 500 амов. В ближайшее время денег потребуется гораздо больше...

Рамзай выехал в Шанхай по легализационным делам, вернется в Японию 10.11.

Верно: Сонин. 2.11.40 года».

В ноябре 1940-го в Центре была составлена «Справка на нелегальную резидентуру "Рамзая" — Токио»:

«Нелегальная разведывательная резидентура «Рамзая» в Токио организована с осени 1933 г. Задачи резидентуры: добывание документальных данных и информации по вопросам вооруженных сил, политического, экономического и военного положения Японии.

Резидент "РАМЗАЙ" — немец, рождения 1895 года, член КПГ с 1919 года, член ВКП(б) с 1925 года. Окончил университет в Берлине. Владеет немецкими и английским языками. На нелегальной работе по РУ с 1929 года. До этого с 1923 года работал в ИККИ инструктором Информационного Отдела, по линии ИККИ выезжал в Норвегию.

С 1929-го по 1932 год работал нелегальным резидентом РУ в Шанхае. Отозван из Шанхая в связи с угрозой провала, ввиду допущения им грубых ошибок.

В мае 1933 года командирован в Токио с задачей создания нелегальной резидентуры. Прибыл в Токио через Европу и САСШ в июне 1933 года. Легализовался корреспондентом немецкой газеты "Гамбургер Франдеблатт" и ряда голландских газет. Установил тесные дружеские отношения с руководящими работниками посольства Германии в Токио — в частности, с послом и ВАТ. Через посла Германии вошел в местную фашистскую организацию и активно работал в ней. Установил связи с рядом иностранных посольств и миссий в Токио.

Летом 1935 года вызывался для инструктажа в Москву. Выбыл вновь в Токио после месячного пребывания в Москве.

В Москве проживает жена Рамзая.

Степень сближения Рамзая с руководящими работниками немецкого посольства в Токио характеризуется тем, что б. немецкий посол Дирксен знакомил Рамзая с секретными материалами и имел с ним частые дружеские беседы, а б. ВАТ Германии в Японии полковник Отт даже пользовался помощью Рамзая в шифровке телеграмм.

Такое же прочное положение Рамзай сохранил и после назначения нового немецкого посла и ВАТ.

Материалы, высланные Рамзаем за время с 1933 по октябрь 1940 г., не дают, однако, того, что можно было бы ожидать, исходя из положения и агентурных возможностей Рамзая.

Наиболее полная информация поступала по вопросам политического характера, в частности, по вопросам взаимоотношений Германии и Японии. Характерной особенностью всех материалов Рамзая за этот период было:

1. Наиболее острые вопросы не освещались (антикоминтерновский пакт 1937 г. /1936 г. — *М.А.*/) или освещались с большим опозданием и тенденциозно.

2. Достаточно полно и своевременно освещались те вопросы, которые в дальнейшем получали официальную огласку и опубликование (подготовка договора между Германией и Японией в 1937 году, подготовка пакта между Японией, Германией и Италией в 1940 г.).

3. Сведения, предоставляемые резидентурой по военным вопросам, ценности не представляют. То же — по экономическим вопросам.

Оценивая материалы Рамзая в 1937 году, было дано заключение: "... Рамзай давал со слов Отт заниженную оценку современного состояния и развертывания немецкой армии. Около 35% всех документальных материалов были устарелыми... Центром не были получены материалы дипломатической переписки или дипломатические документы..." и делается вывод: "... **Ряд сведений, полученных от Рамзая, несомненно носит дезинформационный характер** ...".

Оценка эта в значительной степени может быть сохранена и на материалы, поступившие от Рамзая после 1937 года (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*)...

Значительная часть материалов и документов, присылаемых Рамзаем, не имеют никакой ценности или по своему содержанию (напр. о промышленности минеральных удобрений), или потому, что они не секретны (уставы 1937 года) или, наконец, потому что, будучи весьма интересным материалом, даются с большим опозданием, устарели (напр. в январской почте 1940 г. — полит. доклад немецкого ВАТ — пришел с опозданием на... 1½ года!).

Рамзаем за время его работы даны материалы по следующим вопросам: 1. О подготовке Германии к захвату Польши. 2. О правительстве Ван Цзин Вэя. 3. О положении внутри правительства Японии и смена руководства в правительстве. 4. Некоторые данные о ходе переговоров между Японией и Германией по антикоминтерновскому пакту (очень неполные). 5. О подготовке и заключении германо-японо-итальянского соглашения 1940 г.

В оценке положения Японии Рамзай настойчиво проводит точку зрения слабости Японии к активным действиям против СССР.

Надежность Рамзая сомнительна, т. к., еще будучи резидентом н/л резидентуры в Шанхае, Рамзай был вскрыт английской контрразведкой, китайской к-р. и, вероятно, японской к-р:

«...Рамзай был уже скомпрометирован в Шанхае сам лично, далее скомпрометирован связью с Джоном, которого Абрам (приемник Рамзая по шанхайской р-ре) посылал в Японию к Рамзаю, а также провалом по делу Абрама, который принял от Рамзая связников и некоторых источников, знавших лично Рамзая и его настоящую фамилию. Резидентура Рамзая, несомненно, находится под наблюдением японцев ... не используют ли и теперь японцы резидентуры Рамзая для подсовывания нам дезинформации» ... (из Заключения по шанхайскому провалу 1935 года).

"...Ряд моментов сигнализировал, что Рамзай, а, возможно, и часть его сети, раскрыты полицией:

1. Предупреждение, полученное радистом Зеппель от знакомого английского полисмена, что доктор Зорге является агентом Коминтерна и СССР, от него надо держаться подальше.

2. Случай требований английской полиции, предъявленных к госпиталю, о выдаче советского агента доктора Зорге, когда последний лежал в госпитале в Шанхае.

3. Заявление кельнерши пом. резидента Паулю, что доктор Зорге советский разведчик, "о чем знает весь Шанхай".

4. Помощник Рамзая — "Джон", оставшийся в резидентуре после Рамзая и ездивший к Рамзаю на связь в Токио, должен был вернуться, так как имелось предупреждение, что он разрабатывается как сов. шпион.

5. "108" — групповод, провокатор из резидентуры Абрама, оказавшийся в дальнейшем японским и гоминьдановским агентом, знает Рамзая как резидента в Японии, к которому по поручению Абрама он неоднократно ездил на связь в Токио (из Заключения по шанхайскому провалу).

Деятельность Рамзая в Шанхае не могла остаться неизвестной и немецкой контрразведке, которая не могла не интересоваться им после появления в Японии, зная его по Шанхаю (и в Японии, и в Шанхае Рамзай остается под своей настоящей фамилией) и зная его большую близость к послу и ВАТ Германии и Японии. До немецкой к-р. могли дойти сведения о Рамзае и от его первой жены, проживающей в Берлине, где она работает юристконсулом (?). Этой женщине известно, что Рамзай — коммунист, находится в Японии. С Рамзаем она имела письменную связь.

Наиболее вероятно, что твердое положение Рамзая в немецком посольстве занято им в силу значительных услуг, которые оказывает Рамзай немцам.

В состав резидентуры Рамзая входят:

1. ФРИЦ — радист, немец, рождения 1899 года, член КПГ с 1927 года, к работе в РУ привлечен в Германии в 1928 году, по профессии моряк. С 1929 г. по 1931 г. работал н/л. резидентом в Шанхае и Кантоне, с 1931 г. по 1933 г. — н/л. радист в Харбине и Мукдене. Переброшен в Японию из СССР в 1935 году в резидентуру Рамзая.

Легализовался как представитель американской фирмы по продаже велосипедов, автомасла, графита и т.д. в кампании с американским японцем, прибывшим из САСШ вместе с ним. Легализация прочная. Затрачено денег на легализацию — 5.000 ам. долларов. Месячная оплата за нашу работу — 600 иен. Как радист с работой справляется хорошо. В марте 1936 г. к Фрицу из СССР выехала его жена — "Анна". Используется как курьер-связник. По донесениям Рамзая — Фриц тяжело болен сердечной болезнью и требует подготовки смены.

2. Жигало — содержатель конспиративной квартиры с рацией Фрица. Югослав по национальности, сын полковника, юрист и электромеханик по профессии. Завербован в Париже в 1930 году через своего брата — "605" (проходит по сети 1-го Отдела). Командирован в Японию в 1933 году. Легализовался корреспондентом агентства «Гавас». Конечная оплата — 350 иен. Будучи в Японии, развелся с женой, с которой вместе приехал. Последняя сошлась с иностранцем и проживает в Японии. Жене характер работы Жигало хорошо известен.

3. Джо — источник. Японец, рождения 1905 года, по профессии художник. В 1923 году эмигрировал в САСШ, где и завербован работником РУ Доном в 1933 году. Член компартии Японии. Выехал в Японию в 1935 году по заданию РУ, связался с резидентурой Рамзая. Будучи в Японии, имел одно время тесные связи с левыми кругами, в том числе с "Другом из Хоккайдо" и "Жен-

щиной" (оба были арестованы японской жандармерией в феврале 1936 года). Связи с левыми кругами порвал по нашему требованию. Легализован как компаньон ассоциации художников по торговле картинами. Возможностей для добывания документального материала не имеет. По данным Рамзая — надежный и преданный работник. Тяжело болен туберкулезом. Месячная оплата — 170 иен.

4. ОТТО — источник. Японец, рожд. 1900 года, по профессии журналист. Работает в иностранном отделе газеты "Асахи", имеет большие связи в военных и политических кругах. В августе — сент. 1936 года был в САСШ. Был в Китае, где в 1932 году и завербован в Шанхае Рамзаем. Имеет связи с левыми кругами (его друг — "Ронин" — в феврале 1936 г. арестован и убит японской жандармерией?). Месячная оплата — 150 иен.

5. МИККИ — источник. Японец, 30 лет, по профессии юрист. По окончании университета в Токио был призван в Квантунскую армию, где получил звание младшего офицера и ушел в запас. Завербован Джо в 1939 году. Через него намечено проникновение в японские военные круги. Даваемый им материал ценности не представляет (легальные издания военной литературы). Источник не проверенный во всех отношениях. Месячная оплата — 80 иен.

ЗАТРАТЫ НА РЕЗИДЕНТУРУ:

Всего на резидентуру затрачено (по данным с 1936 года):
а) За 1936 год .....54.120 иен и 1.000 амов.
б) За 1937 // .....16.650 иен, 21.750 амов, 700 мекс.
в) За 1938 // .....18.470 ам. долларов.
г) За 1939 // .....6.615 ам. долларов.
д) За 5 м-цев 1940 г.
переведено .....11.400 амов.
Итого вложено в резидентуру за все время:
ам. долларов ....59.235.
иен .....70. 770.
мексов .....700.
Годовая смета утверждена в 15.750 ам. долларов.
В легализацию Фрица вложено 5.000 ам. долларов.
В Ы В О Д Ы

1. Резидентура "Рамзая" основной задачи (здесь и далее подчеркивание в документе. — *М.А.*) — добывание документальных данных по вооруженным силам Японии, подготовки Японией войны — не выполняет. Материалы резидентуры по вопросам политическим и дипломатическим переговорам представляют ценность, но, как правило, освещают только вопросы, в дальнейшем известные через прессу и даются с большим опозданием.

2. Надежность резидентуры сомнительна. Есть основания предполагать, что Рамзай работает на японцев или немцев (возможно, и на обоих одновременно), за что ему, несмотря на наличие больших компрометирующих в работе на СССР материалов, и представлена возможность вести н/л работу на СССР.

Исходя из этого предположения — резидентура в случае войны Японии против СССР в лучшем случае будет свернута, а в худшем — перейдет на донесение дезинформационных материалов, проверить которые при отсутствии параллельных н/л резидентур в Японии возможностей нет.

3. Резидентура "Рамзая" является единственным н/л. источником для получения материалов о внутриполитическом положении Японии и мероприятиях японского правительства. Проверка правильности даваемых материалов показывает, что значительная часть даваемой Рамзаем информации достоверна. Возможно, что Рамзай делает это из стремления поддержать свой авторитет перед РУ и обеспечить себе возможность возвращения в СССР с определенными целями, — но все же текущая информация Рамзая имеет значительную ценность и не может в настоящее время быть перекрыта другими источниками ввиду их отсутствия. Это положение, если оно правильно, необходимо использовать для выкачивания из Рамзая всего, что возможно, повышая требовательность к нему и его р-ре.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. **Резидентуру «Рамзая» сохранить, расценивая ее как р-ру двойника.** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

2. Резко повысить требовательность в части добычи документальных материалов, в частности по вооруженным силам Японии.

3. **Получаемые материалы рассматривать весьма критически,** проверяя их достоверность, правдивость и своевременность всеми способами.

4. Подобрать в помощники ФРИЦУ надежного нелегала-радиста с целью проверки через него надежности р-ры Рамзая. Обеспечить его собственным шифром.

5. **Сократить расходы по резидентуре "Рамзай" на 1941 год на 30%.**

6. Исходя из ненадежности р-ры "Рамзая" выработать конкретные мероприятия по созданию н/л. резидентур в Японии в 1941 году.

К. СОНИН».

Оговорам и наветам на Зорге, вытекавшим из «Заключения по Шанхайскому провалу 1935 года» от 5 мая 1936 г. и повторенным в Справке, уже был дан анализ. Автор (точнее авторы, потому что текст документа должен был быть согласован с руководством, по крайней мере, 3-го Дальневосточного отдела) вынуждены были признать, что резидентура «Рамзая» «является единственным н/л. источником для получения материалов о внутриполитическом положении Японии и мероприятиях японского правительства», что «проверка правильности даваемых материалов показывает, что значительная часть даваемой Рамзаем информации достоверна» и что «все же текущая информация Рамзая имеет значительную ценность и не может в настоящее время быть перекрыта другими источниками ввиду их отсутствия». И эти выводы противоречат аргументации, приведенной в самом тексте справки (анализ этой надуманной аргументации был приведен в соответствующих разделах).

Но объективные выводы справки в части информации, поступавшей из Токио от Зорге, не могли повлиять на ее предвзятую оценку.

2 декабря 1940 г. «Рамзай» напомнил Центру, «что 6 дек. Фриц будет ждать нашего человека для получения денег и передачи почты».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ, ТОКИО, 2.12-40 г. №№ 123 и 125

По данным б[ывшего] зам. нач. штаба Савадза, посол ОТТ рассказывает: до тех пор, пока вопрос с СССР не решен, японцы не осмелятся на открытый конфликт с САСШ [Северо-Американские Соединенные Штаты] и Англией. Не могут они пойти на это и до окончания войны в Китае. ОТТ не ожидает ка-

ких-либо крупных событий в направлении на юг в ближайшее время. Источник Отто слышал, что сайгонский вопрос также отложен. Японцы намерены в ближайшее время еще больше оттянуть войска в Центральном Китае, в частности, в районе Ичан, т.к. связь Ичан-Ханькоу трудна и дорого стоит.

По данным ВЕНЕКЕР /морской атташе Германии в Токио/, японцы перестраивают старые суда в суда ПВО по примеру Англии перед войной.

ДЖО слышал, что яп. штаб намечает увеличить количество артиллерии с расчетом, по меньшей мере, достигнуть уровня арт[иллерийского] обеспечения Красной Армии в каждой дивизии. Однако артил[лерийское] и танковое обеспечение потребует большого времени».

Резолюция: «Тов. Сонину. Напишите Рамзаю, чтобы он ежедневно сообщал данные о дислокации яп. армии. **Его информация ни к черту не годится** (выделено мной. — *М.А.*). Попов, 6.12-40 г.

Верно: /Сонин/».

6 декабря 1940 г. «Рамзаю» Токио была направлена радиограмма с выражением недовольства поступавшей от него информацией: «Вашей информацией по военным вопросам за последние 3 месяца не удовлетворен; она недостаточно конкретна. Нам нужны кроме общих данных сведения о результатах реорганизации яп. армии и переходе на дивизии 3-х полкового состава, о дислокации яп. дивизий и новой нумерации. Ваши донесения не отвечают этим требованиям. Поставьте основной своей задачей добывание конкретных данных о яп. армии, сообщайте их еженедельно».

Центр в течение года несколько раз высказывал недовольство качеством информации «Рамзая», указывая ему на «необходимость более активного сбора сведений по японской промышленности»; требуя «проявить активность в выявлении хода реорганизации армии, а не молчать в период решающих событий»; предписывая «еженедельно давать сводку о дислокации всех частей японской армии» и отмечая «неудовлетворительность его информации по военным вопросам». При этом Центр не задавался вопросом, располагал ли «Рамзай» возможностями, позволяющими выполнять его требования.

Невозможно не видеть, что упреки и замечания Центра основывались не столько на истинной оценке информации, сколько на недоверии к «Рамзаю» и принятом решении о «резком повышении требовательности».

О документальных и прочих материалах, полученных от «Рамзая» в 1940 г. через курьерскую связь, сохранились лишь отрывочные сведения:

в январе прислано 23 фотопленки — фотокопии документов из германского посольства;

в мае — 37 фотопленок. В числе присланных документов были:

1) материалы, составленные знакомыми «Отто», близкими к правительственным кругам: а) о политических партиях; б) о сделках и конференциях с военными властями в Шанхае;

2) две работы по военной промышленности Японии. Содержание этих работ неизвестно. По сведениям, приводимым в «Меморандуме» штаба Мак-Артура на основании показаний Зорге, в 1940 году им был представлен Центру доклад «О японском производстве боеприпасов, самолетов и автомашин, а также о производстве железа и стали на 10.2.1940 года»; 3) Два доклада — об отношениях Японии и Германии к СССР после возможной победы Германии на Западе;

22 июля получено 9 фотопленок. В числе присланных материалов — копии секретных документов, добытых источником «Отто» в правительственных учреждениях Японии;

30 октября получена почта. Количество фотопленок и содержание материалов неизвестно;

24 декабря прислано 10 фотопленок и 3 книги.

Даже если судить только по телеграфным сообщениям «Рамзая», нельзя не признать, что добытые резидентурой сведения отвечали основным задачам, то есть не заслуживали неудовлетворительной оценки.

По вопросам реорганизации, состава и дислокации армии дважды — в сентябре и декабре — были переданы сведения о составе и дислокации японских войск в Маньчжурии и Китае. Сведения, сообщенные в декабре, вызвали сомнение руководства.

«МЕМО с телеграммы РАМЗАЯ от 28.12.40. ТОКИО.

Сообщает, что поданным, полученным от работника нового ВАТ Германии в Токио, стало известно, что немцы интересуются в настоящее время, главным образом, установлением японских сил в Южном Китае для того, чтобы иметь возможность судить о приготовлениях японцев к наступлению против Сингапура или Восточной Индии. В отношении прочих районов КИТАЯ и МАНЬЧЖУРИИ немцы не интересуются, однако сообщил РАМЗАЮ, что по последним данным МАЦКЕ /бывш. ВАТ Германии/, в Сев. Китае имеется 10 пд, 11 бригад и 1 кав. бриг. В Центр. Китае находится 7-11 пд, 4 бригады и 1 кав. бриг, в Южн. Китае и Индо-Китае — 7 пд. и 1 бриг.

Далее сообщает, что новый ВАТ Германии в Токио гораздо умнее Мацке, но прибрать его к рукам трудно».

[Резолюции] НУ: «НО-3. **Все сведения занижены».**

Против пункта о новом ВАТ написано: «**Как будто он кого прибирал? Голиков**» (выделено мной. — *М.А.*).

НО-3: «Тов. Воронину. Сравните с данными информации». 31.12.40. ПОПОВ».

«К телеграмме РАМЗАЯ от 28.12.40.

В результате сверки данных РАМЗАЯ с данными, имеющимися в Информационном отделе, представляется следующая картина:

По данным информ. / По данным источника.

ДИВИЗИИ:

Сев. Китай 9/10

Центр. Китай 12/11

Южн. Китай 6/7

27/28

БРИГАДЫ:

Сев. Китай 13 /11 + 1 кав. бр. [написано от руки карандашом]

Центр. Китай 7/ 4 + 1 кав. бр. [написано от руки карандашом]

Южн. Китай 1/1

21/16 + 2 кав. бр. [написано от руки карандашом]

Информ. отд. +/т. Воронцов[120]/ считает эти данные близкими к действительности.

/Бровченко/».

Сведения «Рамзая» были весьма близки к данным РУ и, возможно, даже уточняли их. «Рамзай» насчитывал в Китае 28 дивизий и 18 бригад, а информационный отдел — 27 дивизий и 21 бригаду. Все эти данные были близки к действительным. По состоянию на 22 июня 1941 г. в Китае насчитывалось 27 дивизий; судить однозначно о количестве бригад не представляется возможным. Известно, что к 1 декабря 1941 г. в Китае находилось 20 бригад; к этому времени в зону Южных морей было переброшено 3 бригады; возможно все три бригады были переброшены из Китая, не исключено, что часть из них — из метрополии; а часть были вновь формированы[121]. Относительно военных действий японцев в Китае: им было заблаговременно сообщено о подготовке японцами активных военных действий против Чунцина, бомбардировке Ичана и захвате провинции Фуцзян. В дальнейшем добыты достоверные сведения о составе японских войск, участвовавших в Ичанской операции, и сведения о намечаемом отводе войск. Заблаговременно сообщено о подготовке наступления против провинции Юннань и бомбардировке границ Бирмы.

Информации по этим вопросам приняты как ценные и достоверные и представлены высшим инстанциям в разделе «важного сообщения».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ № 123 от 22.7.40 г.

Сообщает, что, по сведениям Микки, Ичанская операция со стороны японцев проводилась 13, 33, 34 и 40 пд. и спец. танковой дивизией, состоящей из 3-х танковых полков. 9 и 16 пд. все еще находятся в Центральном Китае. 101, 106 и 114 пд. расформированы и есть предположения, что все дивизии с номерами выше сотни будут расформированы и заменятся дивизиями с новыми №№».

«Резолюция НУ: Важнейшее сообщение, донести Генштабу».

Последующие события полностью подтвердили точность сведений «Рамзая».

«МЕМО ОТ РАМЗАЯ — ЦЕНТРУ 12.10 — 40, № 89.

Сообщает, что с 18.10 ожидаются яп. действия против провинции Юнань и бомбардировки границ Бирмы. Джо доносит о перебросках новых танковых частей и артиллерии на юг и мобилизации резерва моряков и матросов во флот. По данным лидеров флота, если США сорвет экономические переговоры в Голландской Индии, Япония начнет действия против Индии».

«МЕМО ИЗ ТОКИО ОТ РАМЗАЯ, № 90-91.12.10-40 г.

Со слов пом. ВАТ ГЕРМАНИИ по авиации, сообщает данные об авиационном заводе Мицубиси в Нагоя: имеется 2 завода сухопутных и морских самолетов. Общая площадь — 650.000 кв. метров. Цеха в отношении ПВО не оборудованы. На заводе сухоп. самолетов работает 1200 чел. Программа месячная: для армии 30 легк. бомбард. "97", 30 тяж. бомбовозов "97", 5 коммерческих самолетов "МС-20". Для флота: тяж. бомбардировщиков "96" 30 шт., легких бомб. — 35 шт., но сейчас намечен переход на другой тип. Ежемесячно выпускается 5-10 металлических авиаматок для самолетов различного назначения».

В январе «Рамзай» дал анализ внутриполитической обстановки с выводами о предстоящей смене правительства Ёнаи, а в июне сообщил о возвращении Коноэ на пост премьера.

О подготовке японской агрессии против Индокитая и Голландской Индии «Рамзай» передал большое число сообщений, основанных на сведениях, получаемых источником «Отто» непосредственно из японских правительственных кругов, на информациях, добываемых лично «Рамзаем» в германском посольстве, и на сведениях о переброске войск и других военных мероприятиях (по данным источников «Джо», «Мики» и их агентов-наблюдателей).

Что касается японско-германских отношений и политики Японии по отношению к СССР, «Рамзай» своевременно и верно освещал ход переговоров Японии с Германией о заключении Тройственного пакта, выявив основное содержание секретной части соглашения.

Относительно подготовки Японии к войне против СССР в январе «Рамзай» утверждал, что в связи с обострением внутренних противоречий и хозяйственного кризиса, «серьезной военной опасности со стороны Японии больше не представляется». Этот вывод он подкреплял характеристикой экономических и внутриполитических трудностей Японии, приведших к замедлению темпа реорганизации армии и других военных мероприятий.

В дальнейшем «Рамзай» информировал о намерении японского правительства заключить с СССР пакт о ненападении и выявил основные пункты, намеченные японцами в качестве основы для переговоров.

В соответствии с планом, денежное снабжение резидентуры осуществлялось по двум основным каналам:

а) секретной пересылкой денег через курьерскую связь;

б) открытым переводом денежных сумм на банковские счета «Рамзая», «Фрица» или «Густава» через доверенных лиц Центра из других стран (США, Голландии, Франции, Швейцарии, Англии). Как правило, каждому переводу предшествовала договоренность с «Рамзаем», из какой страны, на чей счет и какую сумму следует перевести, исходя из характера деловых легализационных связей работников резидентуры.

В принципе такая система оправдывала себя, обеспечивая достаточно надежное, регулярное и скрытное снабжение резидентуры денежными средствами. Однако на практике оно осуществлялось далеко не безупречно, что неоднократно вызывало справедливые нарекания со стороны «Рамзая».

Перебои, задержки с высылкой денег, небрежность в технике их перевода, не только ставили резидентуру в затруднительное материальное положение, но и вызывали нежелательные инциденты, которые могли иметь опасные последствия.

В предписаниях доверенным лицам о переводе через банки денег работники Центра неоднократно искажали фамилии адресатов, из-за чего адми нистрация банка проводила расследование, сопровождавшееся запросами и уточнениями по месту взноса денег и месту жительства адресата, что привлекало внимание и к отправителю, и к получателю.

Так, в 1936 г., когда для пересылки денег на имя «Ингрид» — Айно Куусинен в Японию нужно было внести деньги на открытый ею личный счет в банке Осло, доверенному лицу в Норвегии было сообщено искаженное паспортное имя «Ингрид»: «Hansen» вместо «Hansson», и банк отказался принять перевод.

В письме «Алексу» — Боровичу от 21 января 1937 г. ответственный сотрудник Центра пытался оправдаться, утверждая, будто «Ингрид сообщила не то имя, на которое она сама сделала вклад». При этом паспортное имя

«Ингрид», на которое она сделала вклад и с которым направилась в Японию, оставалось неизменным и было зафиксировано в ее личном деле.

В марте 1940 г. подобная небрежность была допущена с переводом денег на имя Макса Клаузена («Фрица»). Несмотря на то что «Рамзай» сразу указал на искажение фамилии «Фрица» в переводе, сотрудник Центра, организуя перевод денег из США, вновь исказил его фамилию, указывая «Klaussen» вместо «Clausen». Это вызвало не только трехмесячную задержку с получением денег, но и другие более неприятные последствия. Во-первых, деньги вернулись в США, и администрация «Чейс-банка», через который их перевели, провела расследование, выясняя кем внесены деньги, почему искажена фамилия и т. п. Во-вторых, когда после объяснений Клаузена ему удалось добиться получения денег, из США переслали деньги уже не на Шанхайское отделение, а в Токио, и «Фриц» вместо долларов получил иены.

Эти средства имели целевое назначение: они требовались «Фрицу» для оплаты закупленных в Берлине материалов для его фабрики копировальных аппаратов. Перевод был запрошен на Шанхайское отделение банка в долларах, чтобы иметь возможность произвести расчет с германской фирмой. Перевод денег в Токио лишил «Фрица» необходимой для расчетов долларовой валюты.

«МЕМО с телеграммы РАМЗАЯ от 24.12.40. № 132.

Сообщает, что передал нашему человеку 10 фотолент и 3 книги. Деньги в сумме 1.000 амов, которые были переданы ФРИЦУ через Чейс-банк в Шанхай, банком были отправлены обратно в Америку ввиду того, что перепутана фамилия и банк считал перевод ошибочным. Затем деньги были переведены в Токио и ФРИЦ получил 4.245 иен за 1.000 амов. В силу этого Фриц не может послать немцам денег за легализационные материалы. Рамзай просил нашего человека передать 1000 амов для этой цели, но в этом ему было отказано. Фриц не может закупать немецкие товары на иены в силу ограничения иен. Со следующей почтой обещает прислать отчет Фрица о легализации до конца 1940 г. Жена Фрица 18.12.40 выехала в Шанхай для закупки материалов.

[Резолюции]: НО-3. Переговорить. Голиков.

Верно: /Бровченко/»

Работник аппарата, непосредственно ведающий резидентурой, написал на телеграмме: «т. Воронину: "Ведь ФРИЦ имел торговлю от ам. фирмы. Зачем ему амы, торгуя с немцами. **По-моему, денег не нужно давать** (выделено мной. — *М.А.*)". 29.12.40. Попов».

Его резолюция убедительно показывает, насколько безответственно относились к денежному снабжению резидентуры ответственные сотрудники Центра. Легализационные связи резидентуры, обеспечивающие маскировку денежного снабжения, не изучались, не учитывались и, по существу, оставались Центру неизвестными; при переводах денег фамилию получателя указывали, полагаясь лишь на свою память и не затрудняя себя справиться в личном деле адресата.

До 1945 г. во всех справках о резидентуре, периодически составлявшихся отделением 2-го отдела, ведавшим резидентурой, в качестве легализационного предприятия Макса Клаузена фигурирует «мастерская по продаже

велосипедов, смазочных масел и пр.», — которая в действительности была лишь мелким, временным эпизодом в легализационной деятельности «Фрица» в 1935—1936 г.

С осени 1937 г. «Фриц» создал самостоятельное торгово-производственное предприятие по производству и продаже копировальных аппаратов. Материалы для них ему приходилось выписывать из Германии. И торговли от американской фирмы «Фриц» не вел.

Все это сотрудники аппарата должны были знать, если бы внимательно изучали денежные отчеты «Фрица», телеграммы и письма Зорге и Клаузена. Однако сведения, сообщаемые в этой переписке, нигде не фиксировались, письма и телеграммы подшивались в дела, а денежные отчеты, видимо, вообще не изучались и оценивались не как важный оперативный документ, а как канцелярский отчет, нужный лишь для бухгалтерии.

2.4. «Одзаки был исключительной личностью...»

(*Рихард Зорге. Тюремные записки*)

Когда в 1937 г. Коноэ Фумимаро впервые возглавил японский кабинет министров, Усиба Томохико стал одним из его секретарей. Коноэ хорошо знал его еще со времени своей поездки в США в 1934 г. в качестве председателя палаты пэров. Усиба входил тогда в число сопровождавших Коноэ лиц. По протекции Усибы и с согласия генерального секретаря кабинета министров Кадзами Акиры в июле 1938 г. Одзаки был назначен внештатным сотрудником кабинета министров и оставался в этом качестве до отставки первого кабинета Коноэ в январе 1939 г. Кадзами хорошо знал Одзаки по совместному участию в работе «Исследовательского общества Сёва» («Исследовательская ассоциация Сёва»; Сёва кэнкюкай).

В 1937-м Одзаки был приглашен в это общество. «Сёва кэнкюкай» существовало на пожертвования, владело недвижимостью и имело свой управленческий персонал. Главной целью общества, основанного в ноябре 1936 года друзьями и поклонниками принца Коноэ, была выработка рекомендаций по проблемам внутренней и внешней политики, чтобы Коноэ мог иметь неофициальное, но квалифицированное мнение и имел возможность консультироваться с его членами, когда придет время занять кабинет премьер-министра. «Одни члены Общества Сёва были националистами, другие — патриотами, как немарксистами, так и марксистами»[122].

«Коноэ отказался стать премьер-министром после февральского мятежа 1936 г. Но это лишь усилило всеобщее желание видеть его в кресле премьера. Он был наиболее предпочтительной фигурой по многим причинам. Армия надеялась использовать его в своих целях как уважаемую марионетку, при этом, будучи уверенной, что он находится на ее стороне. Либералы считали его своего рода оплотом против фашизма. А остальная публика полагала, что поскольку он происходит из самой превозносимой ветви древнего дома Фудзивара, то может выступить как незаинтересованная сторона, свободная от амбиций, что резко контрастировало бы с генералами, адмиралами, партийными политиками и бюрократами, занимавшими посты премьеров в предыдущие десять лет. И, кроме того, он был еще относительно молод — в 1937 г. ему было сорок шесть лет»[123].

Одзаки участвовал в работе двух секций Общества — проблем Китая и международных отношений. Кадзами Акира возглавлял первую секцию, в ходе работы которой и познакомился с Одзаки. Между ними установились добрые отношения. О степени их близости можно судить по словам Одзаки, который так рассказывал об опыте их ежедневного общения: «Посторонние считали меня, как я всегда чувствовал, своего рода кадровым офицером при Кадзами. У Кадзами был замечательный политический инстинкт. Он никогда откровенно не выражал свои собственные взгляды. Он выражал их лишь окольным путем, и потому было необходимо понимать стиль его мышления и чувствовать его, чтобы знать, что он действительно думает. И я развил в себе способность судить об общем направлении его мыслей по лаконичным высказываниям или же по тому, что он оставлял недосказанным, о чем умалчивал. Зорге часто спрашивал меня, каково мнение Кадзами по основным вопросам, и я обычно давал мгновенный ответ. Именно благодаря моему ежедневному контакту с Кадзами, я мог представить себе, о чем он думает»[124].

Лучшего источника информации по «китайскому инциденту» чем Кадзами было не найти.

Кадзами Акира стал министром юстиции во втором правительстве Коноэ (22 июля 1940 г. -18 июля 1941 г.).

Одзаки был вхож в круг друзей Коноэ, где его воспринимали как одного из них[125].

Сам Одзаки пользовался большим авторитетом среди аналитиков, следивших за развитием ситуации в Китае. Большой резонанс вызвал, в частности, его вывод о том, что «сианьские события» (арест в декабре 1936 г. Чан Кайши в городе Сиани) неизбежно приведут к формированию единого антияпонского освободительного фронта КПК и Гоминьдана. Он был одним из немногих, кто сразу разглядел за рядовым инцидентом у моста Лугоуцяо под Пекином в июле 1937 г. контуры «большой войны» Японии в Китае. Когда в 1937 г. Кадзами получил приглашение стать генеральным секретарем кабинета министров Коноэ, он рекомендовал Одзаки в качестве своего преемника на посту руководителя секции проблем Китая в «Исследовательском обществе Сёва»[126].

Исследователи, входившие в состав Общества, рассматривали различные концепции объединения Восточной Азии под японским главенством. Одзаки относился к числу сторонников одной из таких концепций, которая называлась «Восточноазиатская кооперативная организация» (Тоа Кёдотай), которая рассматривалась как возможность для разрешения «китайского инцидента». Одзаки писал: «Некоторые считают идею "Кооперативной организации" шагом к установлению господства победителя, т. е. Японии над восточноазиатским континентом, или считают ее только фасадом этого господства. Не отрицаю, что материковый Китай рассматривался в качестве рынка для развития японской экономики, а также как источник сырья. И, вероятно, некоторые районы на континенте рассматривались с точки зрения осуществления безопасности Японии»[127].

«Он соглашался, что после "маньчжурского инцидента" часто обсуждался экономический блок Японии, Китая и Маньчжурии, и эта система экономического объединения была направлена, в основном, на дополнительную мобилизацию Маньчжурии и Китая ради развития японской экономики. Поскольку, по его мнению, на добровольных началах такая экономическая организа-

ция государств Восточной Азии в соответствии с односторонней системой, выгодной Японии, была невозможна, следовало предложить Китаю взаимовыгодную политическую кооперацию. Но это было непростой задачей, т. к. прежний опыт взаимоотношений между Китаем и Японией не вызывал доверия к последней. "В этом смысле, — писал Х. Одзаки, — появление концепции "Восточноазиатской кооперативной структуры", как мне кажется, было связано с недооценкой национализма в Китае... Проблема национализма... — самая большая проблема в современном Китае". Именно национализм, по его мнению, мешал китайцам понять "истинные цели" Японии.

Китайцы, считал Х. Одзаки, должны были в своих же интересах присоединиться к созданию "Восточноазиатской кооперативной организации". Он понимал, что еще не настало время для переговоров с Китаем на такой основе, несмотря на то, что в общих чертах такая идея уже появилась в заявлениях правительства. Он высказывал опасения, что когда принципы "Восточноазиатской кооперативной организации" постепенно распространятся и будут применяться на практике, появится причина для серьезных конфликтов с капиталистической сферой в Японии, т. к. придется учитывать не только японские, но и китайские интересы»[128].

Следует заметить, что в своих высказываниях Одзаки скорее вскрывал слабые места концепции, чем выступал ее апологетом.

Накануне войны на Тихом океане появилась концепция «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания» Ябэ Тэйдзи, профессора Токийского императорского университета и активного участника «Исследовательского общества Сёва» (Существует мнение, что полноправным соавтором концепции являлся Одзаки[129]). «Великая восточноазиатская сфера совместного процветания» — обширная автономная зона обеспечения безопасности Японии и снабжения ее необходимыми материальными ресурсами, охватывающая Великую Восточную Азию. «Определение границ сферы Великой Азии должно осуществляться конкретно и постепенно, а никак не абстрактно и произвольно. Однако всеми признано, что сюда должны входить Северный Сахалин и Курилы на севере, Восточная Сибирь, Маньчжурия, Внутренняя Монголия и Внешняя Монголия, Китай и Тибет на западе, Голландская Вест-Индия на юге и океан до Гавайских островов на востоке»[130]. У сторонников этой концепции не было согласия по вопросу о границах «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». По мнению некоторых, к началу 1941 г. сфера влияния должна была охватить Азию поперек, включая Индию и даже Австралию с Новой Зеландией. На деле же она ограничивалась Бирмой[131].

Основы экономического и военного покорения Азии заложил еще «меморандум Танаки». Идеи паназиатизма нашли свое отражение и в «Основных принципах национальной политики», принятых в качестве правительственной программы 7 августа 1936 г. В документе провозглашалось: «Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и процветания является воплощением духа императорского пути и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики»[132].

Именно об этом писал в своих корреспонденциях Рихард Зорге. 13 декабря 1938 г. «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью «от нашего кор-

респондента» «"Новая эра Восточной Азии". Япония закрывает "открытую дверь" в Китай»[133]: «То, что японское правительство избрало большой национальный праздник — день рождения императора Мэйдзи (1868—1912) для того, чтобы предать огласке свои политические планы преобразования Восточной Азии, конечно, не является случайностью. Для любого японского правительства было бы немыслимым провозглашать в такой праздник принципы актуальной политики, если бы этому правительственному заявлению не придавалось совершенно особое внутри- и внешнеполитическое значение. Значение заявления 3 ноября заключается отнюдь не в беглом оповещении о новых внутренних реформах и даже не в весьма определенной констатации, что вместо облегчений и улучшения жизненного уровня японского народа "фронту родины" придется предъявить трудно выполнимые требования, что, как выразился князь Коноэ, падением Кантона и Ханькоу война де "только начинается"... А князь Коноэ, опираясь на авторитет императора Мейдзи и его сегодняшнего наследника, даже представил необходимость принять исключительно на себя бремя великой миссии Японии в Азии как судьбу сегодняшнего поколения.

Подлинное значение заявления князя Коноэ заключается скорее в официально выдвинутом японским правительством требовании признания этой миссии другими державами. А миссия Японии усматривается в "создании новой эры Восточной Азии". ... А если прибегнуть к словам одного высокопоставленного японского дипломата, это будет звучать так: Япония отныне ставит перед собой задачу распространить на весь Китай форму господства, найденную в процессе создания Маньчжоу-Го и успешно применяемую на практике. Иными словами, теперь, когда Китай уже завоеван от Внутренней Монголии до Южного Китая, надлежит установить также хозяйственную и политическую гегемонию над Китаем и требовать признания этой гегемонии другими державами. Вот это и есть чистое, твердое зерно смысла рассуждений о "миссии" Японии, как бы ее ни описывали сами японцы, толкующие о "создании новой эры", борьбе против коммунизма или против "колониальной эксплуатации Китая Западом".

Эта новая задача значительно выходит за рамки предприятия, успешно начатого в Маньчжоу-Го. ...

Сегодняшние притязания Японии на гегемонию в Китае и Восточной Азии вступают в противоречие со значительно более существенными интересами и политическими принципами других держав в Китае. Кроме того, они вызывают — в особенности у Англии и Франции — опасение, что японское продвижение в Восточной Азии может быть направлено не столько против Советской России, сколько против них...

...сегодняшнее требование Японии, сводящееся к тому, чтобы иностранные державы признали ее монопольное военное, хозяйственное и политическое положение в Восточной Азии, представляет собой резкое отклонение от старых традиций японской политики.

Западные державы воспримут этот поворот тем более чувствительно, что речь идет не только о теоретически-политических изменениях в Китае и Восточной Азии.

Используя политику "открытых дверей", западным державам удалось — и отчасти в еще большей степени, чем Японии — инвестировать в Китае миллиардные суммы. Только британские капиталовложения в Китае достигают

около восемнадцати миллиардов марок. Внешнеторговый оборот различных держав, торгующих с Китаем, составляет ежегодно многие сотни миллионов марок. К этому добавляется — что в особенности касается Англии — "престиж", который ей создало во всей Азии ее положение в Китае, особенно эффектно выставлявшееся наружу с помощью таких витрин, как Гонконг и Шанхай. Под крылышком не только английской крепости Сингапур, но и английских позиций во всем Китае чувствовали себя уверенно даже некоторые менее могущественные европейские державы. Все права, приобретенные на сегодняшний день другими державами, и их хозяйственные позиции оказываются отныне в результате японских притязаний на гегемонию в Восточной Азии под вопросом. Ибо ряд этих "приобретенных прав" противоречит японским интересам в Восточной Азии. И поэтому нельзя предсказать, насколько господствующая в Восточной Азии Япония готова допустить дальнейшее существование части этих "приобретенных прав" в качестве "терпимых или допустимых". Решение на этот счет зависит от мощи Японии и гибкости ее политики по отношению к отдельным державам».

Лозунг «сферы сопроцветания» формально был впервые выдвинут министром иностранных дел Мацуокой Ёсукэ 1 августа 1940 г.: «Япония, Маньчжоу-Го и Китай будут лишь ядром блока стран великой восточноазиатской сферы сопроцветания. Полная автаркия — вот цель блока, который кроме Японии, Маньчжоу-Го и Китая включит Индокитай, Голландскую Индию и другие страны Южных морей. Для достижения такой цели Япония должна быть готова к преодолению всех стоящих на ее пути препятствий, как материальных, так и духовных».

Само правительственное заявление вводило в оборот в качестве столь же официальных формул принципы «восьми углов под одной крышей» (Хакко ити у) и «нового порядка в Великой Восточной Азии» (Дайтоа синтицудзё). Признание японского верховенства в Азии вошло одним из важнейших пунктов в Тройственный пакт[134].

Со временем взгляды Одзаки кардинально изменились. Возможно, не без влияния Зорге он выдвинул идею создания «Общества нового порядка в Восточной Азии», в которой выразил свои представления о развитии мирового революционного процесса в результате Второй мировой войны и возможной революции в Японии.

Из протокола допроса Ходзуми Одзаки:

«ВОПРОС. Обвиняемый, расскажите о так называемом "Обществе нового порядка в Восточной Азии", создание которого вы замышляли.

ОТВЕТ. Я уже говорил, что на смену мировому капиталистическому обществу неизбежно придет мировое коммунистическое общество. Естественно, если взглянуть на историю, то станет ясным, что эта смена социального строя не произойдет одновременно. Об этом говорит и действительность. С 1917 г. Советский Союз существует как единственное коммунистическое государство. Кроме него, в отдельных районах Китая образована советская власть.

Изучая положение в Европе, а также соперничество империалистических государств в Китае, в 1935 г. я высказал предположение, что Вторая мировая война начнется в ближайшем будущем. Китайский инцидент еще более укрепил мое мнение. Я считал, что, подобно тому, как в результате мировой войны появился Советский Союз, так и в результате Второй мировой войны

появится много социалистических стран и будут созданы условия для мировой революции. Я считал:

1) Советский Союз, неуклонно проводящий политику мира, должен стоять в стороне от борьбы капиталистических государств между собой.

2) Борьба Японии, Германии и Италии с одной стороны, с Англией и США с другой (борьба изменившегося империализма с традиционным империализмом) будет чрезвычайно напряженной. Эта борьба приведет или к взаимному поражению, либо к победе одной из сторон. Во всяком случае, в поверженных государствах вспыхнут социальные революции.

3) Победившие государства будут сильно истощены, а удельный вес Советского Союза значительно возрастет, и появится много возможностей для вынужденного перехода великих держав на пути социалистических государств. Что же касается положения Японии, то необходима оценка со всех точек зрения, учитывая при этом события в Китае. Например, если Япония начнет войну с Советским Союзом или пойдет на сотрудничество с Англией или США, или же усилит политику продвижения на юг и вступит в войну с Англией и США, то, возможно, она временно достигнет определенных военных успехов. Однако, вскоре же она столкнется с трудностями, связанными с истощением страны. А это породит большие возможности для социальной революции. Я считаю, что, как ближайший срок, первый шаг в повороте Японии к социальной революции может произойти с первой или второй половины 1942 г. О таких перспективах я говорил Зорге еще в июле 1941 г. Когда я говорю об "Обществе нового порядка в Восточной Азии", я исхожу из действительного положения, суть которого состоит в слабости революционных сил в Японии в момент такого перехода, а также из трудностей осуществления такого перехода только в Японии. Если даже он произойдет, то положение не будет стабильным. Кроме того, для осуществления такого перехода в условиях, когда Япония находится во враждебных отношениях с США и Англией, необходимо, чтобы руководство им находилось полностью в руках Японии и Коммунистической партии Китая без участия Советского Союза и капиталистических стран. Необходима также дружеская взаимопомощь всех трех наций. Тесная связь трех наций будет началом создания содружества наций в Восточной Азии.

Я вовсе не думаю, что созданное таким образом государство сразу станет коммунистическим государством. Это может быть государство так называемой "новой народной демократии", основу которого составлял бы суньятсенизм. В Японии формой переходного государства могла бы быть социалистическая национальная община, сохраняющая японские особенности. Во всяком случае, условием решения проблем народов Восточной Азии является тесное дружественное сотрудничество трех наций — Японии, Советского Союза и Китая. Освободившиеся из-под власти США, Англии, Франции и Голландии такие страны, как Индия, Бирма, Таиланд, Голландская Индия, Французский Индокитай, Филиппины и др., развиваясь как самостоятельные государства, будут развивать политические, экономические и культурные связи с союзом трех наций: СССР — Японии — Китая. И, естественно, что эти страны не обязательно сразу же станут коммунистическими. Они сами изберут форму переходного государства, на основе своей независимости и развитием связей с содружеством наций Восточной Азии.

Таким я представляю себе так называемой "Общество нового порядка в Восточной Азии". Естественно, что его образование является частью мировой революции. При этом я с самого начала не сомневался в том, что китайские события являются решающим фактором в деле создания так называемого "Общества нового порядка в Восточной Азии", которое в свою очередь будет иметь чрезвычайно важное значение во всем процессе крушения мирового капитализма. Я свыше 10 лет был связан с Зорге и вместе с ним вел разведывательную деятельность, направленную на усиление Коминтерна и Советского Союза, а этим самым я внес вклад в сотрудничество с Советским Союзом. Так же я относился и к Китаю»[135].

5 марта 1943 г. Одзаки писал жене: «В начале мысль моя не была направлена на коммунизм. В жизни меня занимали только политические вопросы. Изучая их, я пришел к осознанию, что самое главное — братство народов. Я думал, что нельзя будет избежать войны с США и Англией. Я всегда ратовал за необходимость независимости Азии. Я не скрывал этого. В то же время моим идеалом была полная гармония, которая бы царила между всеми нациями. Единственным моим недостатком было то, что я был мечтателем. Но, как ты сама знаешь, я никогда не мог ограничиться личными интересами»[136].

Японский исследователь Сираи Хисая утверждает, что Одзаки в глубине души считал себя коммунистом. Об этом можно судить по его показаниям следователю Накамура Мицудзо: «Я — коммунист. Мы мечтаем о том, чтобы разрушить современную капиталистическую систему, основанную на противостоянии классов, и создать бесклассовое коммунистическое общество». В марте 1942 года по требованию следствия Одзаки подготовил письменные показания на тему: «Что я думал о революции как коммунист?» Как отмечает Сираи Хисая, своим показаниям объемом в 33 страницы, Одзаки дал название: «Письменное показание Одзаки Ходзуми по поводу перспектив революции и другим вопросам»[137].

Свой взгляд был у Одзаки и на «императорскую систему» Японии (тэнносэй), и эти мысли расходились с установками Коминтерна, к которому Одзаки относился с огромным пиететом. У него были сомнения относительно того, что понятие «императорская система» адекватно отражало сущность государственной власти в Японии.

Одзаки утверждал: «Я думаю, что определение современной государственной системы в Японии как "тэнносэй" вряд ли соответствует действительности». И далее: «С тактической точки зрения для людей, считающих себя коммунистами, выдвижение лозунга свержения "императорской системы" не является подходящим. И вот почему. В историческом плане император не был непосредственным угнетателем народа, и сегодня, каким бы богатством он ни располагал, он не является в глазах народа непосредственным эксплуататором».

Одзаки считал, что «императорскую систему» следовало бы упразднить, но так, чтобы в какой-то форме сохранить память о ней как о наиболее древней «семье» японской нации[138].

Концепция «новой политической структуры» («новой структуры») — «Ассоциация помощи трону» («Тайсэй ёкусанкай») — единственной правящей политической партии в Японии — также сформировалась в недрах «Исследовательского общества Сёва».

В программе «Ассоциации помощи трону» говорилось, что новая структура предусматривает «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях и базируется на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору»[139]. Предполагалось, что ее воплощением станет новая партия, которая будет играть роль «руководящей силы народа, органически объединяющей воедино правительство и военные круги». Эта новая партия должна была стать «отрицанием прежнего идеала выборной партии, ядром которой являлась парламентская фракция», и «объединением единомыслящих вождей обновления». Новая партия, говорилось в «Программе новой структуры», «окажет правительству помощь путем дачи советов и рекомендаций, а при проведении правительством в жизнь этого курса будет сотрудничать с ним», «будет выполнять роль посредника, доводящего мнение верхов до низов и мнение низов до верхов, органически объединяя их». Для этого партия «создаст соседские организации, являющиеся основными организациями народа, и будет руководить ими».

«Соседские организации» — соседские общины — органы ассоциации на местах, возрожденный средневековый институт.

Целью «новой структуры» провозглашалась и деятельность по восстановлению новой Японии с целью построить новый восточноазиатский порядок, а возглавить ее должен был премьер-министр. 12 октября 1940 г. «Ассоциация помощи трону» оформилась официально, действующий премьер-министр Коноэ был выбран ее лидером и провозглашен «политическим спасителем нации во время хаоса».

Участие Одзаки в разработке концепции «Ассоциации помощи трону» документально не подтверждено, однако вполне возможно, учитывая, что ее целью провозглашался новый восточноазиатский порядок, поскольку причастность Одзаки к разработке концепции «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания» вполне доказуема.

По протекции Усибы и при поддержке генерального секретаря кабинета министров (начальника секретариата премьер-министра) Кадзами Акиры в июле 1938 г. Одзаки, по одной версии, был назначен внештатным сотрудником[140] — «найкаку сёкутаку» — кабинета министров и оставался в этом качестве до отставки первого кабинета Коноэ в январе 1939 г. По другой версии, Кадзами «пригласил Одзаки стать временным консультантом Кабинета ("шокутаки") — специалистом-экспертом или временным сотрудником, не получающим регулярной платы в организации, которой он служит. Термин этот имеет весьма расплывчатое толкование. Он может обозначать и человека, чьих советов ищут очень редко и лишь по весьма специфическим вопросам. Это также могло подразумевать и должность ассистента-исследователя, никогда не консультировавшего по вопросам политики»[141]. Расхождение в названии должности не меняет круга возлагаемых обязанностей и открывавшихся перед Одзаки возможностей.

Когда Одзаки был назначен советником кабинета министров, он получил официальное письмо, содержащее следующую фразу: «Настоящим поручаем вам исследовательскую работу».

Но, как пишет сам Одзаки, настоящей его работой было «помогать Кадзами — и более ничего определенного».

«Я изложил Кадзами свои взгляды на Китай... У меня никогда не было намерения реализовать свои политические идеи, пользуясь моим положением советника Кабинета. Все, что я делал, — это давал конкретные советы по конкретным вопросам, одновременно получая точную и ценную информацию. Нет нужды говорить, что информацию, полученную в Кабинете, я передавал Зорге. У меня был свободный доступ к документам в офисе главы секретариата (Кадзами) и других секретариатов»[142].

На допросе 8 марта 1942 г. Одзаки показал: «В то время, когда я был внештатным советником кабинета министров, я каждый день ходил на работу в резиденцию премьера. Мое рабочее место находилось в комнате подвального этажа под кабинетом секретарей премьера. Я мог свободно заходить в этот кабинет и в кабинет генерального секретаря правительства и знакомиться там с документами, относившимися к проблематике моей работы, или в отношении которых секретари хотели узнать мое мнение. Кроме того, я часто присутствовал при их разговорах, и этот давало мне возможность реально представлять себе, как развивалась политическая ситуация. Поэтому я мог знать важные направления государственной политики на переломном этапе истории страны и легко получать политическую информацию. Естественно, я сообщал эту информацию Зорге и высказывал ему свою точку зрения на развитие политической ситуации»[143].

Осенью 1937 г. группой интеллектуалов — советников Коноэ было основано «Асамэсикай» — «Общество завтраков» («Клуб завтраков»), своего рода мозговой центр, оценивавший ситуацию и готовивший рекомендации для Коноэ. Одзаки вошел в «Общество завтраков» летом 1938 г., так как хорошо знал его участников: Усибу, Сайондзи, Кадзами, Инукаи. С Инукаи Кэн, сыном японского премьера Инукаи Цуёси, убитого в 1932 г., Одзаки познакомился в Шанхае. Одно время Инукаи Кэн был членом японского парламента. Но основные его интересы сосредоточивались в Китае. Он являлся советником нанкинского правительства Чан Кайши и считался хорошим знатоком Китая. В политических кругах членов «Общества завтраков» называли «группой Коноэ» или «ближним кругом Коноэ». Свое название «Общество завтраков» получило потому, что его участники обменивались мнениями в неофициальной обстановке за завтраками два раза в месяц[144].

Целью этих собраний, говорил Одзаки, «было оказание помощи кабинету Коноэ через посредство его секретарей, путем выражения различных точек зрения». Встречи происходили дважды в месяц и не прерывались даже после того, как в январе 1939 г. кабинет подал в отставку — группа стала встречаться каждую среду, и с этого времени получила название «Клуб среды»[145].

Все его члены были озабочены государственными проблемами, и, несмотря на все влияние, которое они имели на Коноэ, эти люди по большей части не имели связи с самым важным источником политической власти: с японской армией.

Во время первого премьерства Коноэ (4 июня 1937 — 5 января 1939) группа собиралась в правительственной резиденции в кабинете Усибы, после отставки Коноэ — в отеле «Манпэй» в токийском районе Синдзюку и, наконец, в период второго и третьего премьерств Коноэ (22 июля 1940 — 18 июля 1941 и18 июля 1941 — 18 октября 1941) — в доме Сайондзи в районе Суругудай[146].

Из показаний Одзаки выясняется, что он общался в основном с секретарями Коноэ, не имел прямого выхода на князя и не мог непосредственно излагать ему свою точку зрения. Он встречался с Коноэ лишь в рамках «Общества завтраков».

Это подтверждают и показания самого Коноэ, допрошенного в качестве свидетеля на процессе по делу Зорге 18 ноября 1942 г. Коноэ заявил тогда, что прямых контактов с Одзаки не имел. Стараясь как можно дальше дистанцироваться от Одзаки, он утверждал, что даже не знал о том, что Одзаки являлся внештатным советником кабинета министров[147].

Главный редактор газеты «Ёмиури симбун» и близкий друг Коноэ, Ивабути Тацуо позднее вспоминал, что видел князя в полном отчаянии только дважды: в день ареста Одзаки (15 октября 1941) и в день капитуляции Японии (2 сентября 1945)[148].

Когда Одзаки предложили стать внештатным советником кабинета министров, он оставил работу в редакции газеты «Асахи». А в июне 1939 г. начал работать советником в исследовательском отделе Токийского филиала Южно-Маньчжурской железнодорожной компании («Мантэцу»). Во втором и третьем кабинетах Коноэ Одзаки внештатным советником уже не состоял.

Согласно Портсмутскому мирному договору, большая часть Южно-Маньчжурской ветви КВЖД, отПорт-Артура до Чанчуня, длиной 735 км, со всем принадлежащим имуществом, включая угольные шахты, отошла к Японии. Японская часть дороги управлялась Южно-Маньчжурской железнодорожной компанией, штаб-квартира которой находилась в Дайрэне (Дальнем).

В своей книге «Военно-фашистское движение в Японии», изданной в 1933 г., сотрудники Разведупра РККА Е.С. Иолк и О.С. Тарханов, писали: «В вопросах внутренней политики, как мы уже сказали, одним из основных программных положений военщины является требование увеличения контролирующей роли государства над промышленностью и финансами. Прикрывается это требование лозунгом "госкапитализма" или "государственного социализма"»[149].

«Как на образец указывается на ЮМЖД, которая является полуправительственным, получастным предприятием. Именно этот пример и позволяет нам судить о "госсоциализме" полк. Касахара (Касахара Юкио, бывший военный атташе Японии в СССР. — *М.А.*). Как известно, ЮМЖД является ареной деятельности одного из крупнейших финансовых концернов Японии, именно банка Ясуда, главного частного акционера дороги. Дорога ежегодно приносит миллионные дивиденды финансовому капиталу. Ее отличие от частных предприятий заключается однако в том, что "государство", т. е. военно-полицейская монархия, располагая контрольным пакетом акций дороги, имеет возможность широко использовать дорогу для своих нужд. Именно в последний год мы могли наблюдать, как ЮМЖД бесплатно перевозила огромные воинские грузы, производя, таким образом, скрытое финансирование войны в Манчжурии. Это повлекло за собой большие убытки для мелких акционеров, дивиденды которых резко уменьшились, но не подорвало положения финансовых монополистов и обогатило военное ведомство. Бывший председатель ЮМЖД Утида (Утида Ясуя, министр иностранных дел Японии в 1911—12, 1918—23 и 1932—33. — *М.А.*) именно на этих операциях и сблизился с военщиной и был ею выдвинут министром иностранных дел. Военщина желала бы начать с того, чтобы такие же порядки были установлены и

во всех других важнейших колониальных предприятиях. Таким образом "госсоциализм" типа ЮМЖД или "экономический блок Японии и Маньчжурии" означает союз военщины с финансовым капиталом, но основным содержанием этого союза должно быть концентрирование максимума материальных ресурсов на подготовку к войне, на финансирование войны, на укрепление материальной базы японского милитаризма»[150].

Показательно, что на должность министра иностранных дел был назначен еще один председатель Южно-Маньчжурской железнодорожной компании — Мацуока Ёсукэ. Будучи профессиональным дипломатом, Мацуока в течение 18 лет (с перерывами) служил в компании (член совета директоров, заместитель председателя, председатель), сочетая политику и бизнес в Китае. Попутно он был избран членом парламента.

«В секретной телеграмме, посланной военному министру в мае 1938 г., Тодзио, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, писал, что компания Южно-маньчжурской железной дороги "получает указания от армии сотрудничать с ней в деле проведения национальной политики Маньчжоу-Го и в деле осуществления оперативной подготовки и прочее против Советского Союза"»[151].

В Управление ЮМЖД поступали также сведения от транспортно-судостроительной компании «Мицуи Буссан», которые позволяли судить о проводимых и планируемых морских перевозках войск.

8 марта 1942 г. Одзаки так объяснил на допросе, почему выбор пал именно на «Мантэцу»: «Эта корпорация является наиболее крупной руководимой государством компанией, занимающейся освоением Азиатского континента. Ее непосредственная цель — развитие Маньчжурии, приграничной с дальневосточными районами СССР. Этими факторами и определяется ее значение. Корпорация располагает исследовательским подразделением с давней историей и мощной организацией, она обладает богатыми материалами и новой информацией. Естественно, что этот источник информации был ценен для нас. Кроме того, "Мантэцу" находится под контролем Квантунской армии; планы его исследовательского подразделения и результаты их выполнения докладываются командованию Квантунской армии. Исследовательское подразделение выполняет и прямые заказы армии: ему направляются боевые приказы по армии»[152].

Представляется, что не следовало однозначно утверждать, что Южно-Маньчжурская железнодорожная компания находилась под «контролем Квантунской армии». Скорее всего, это были две равновесомых и взаимосвязанных субъекта.

По словам Одзаки, в исследовательском подразделении Токийского филиала «Мантэцу» «было очень много материалов с грифом "совершенно секретно"» и туда поступали шифрованные телеграммы.

В «Тюремных записках» Рихард Зорге так охарактеризовал информационные возможности Одзаки в филиале «Мантэцу»: «В связи с работой в этой компании Одзаки мог получать массу информации политического и экономического характера, часть которой можно было использовать для нашей деятельности. Иногда в руки попадали политические и экономические документы, а иногда — чисто военные материалы. Однако военной информации было мало и, по-моему, только очень небольшая ее часть поступала ко мне из этого источника.

Я особо подчеркиваю, что никогда не запрашивал о подобных источниках информации ничего, кроме самых общих обычных сведений. В большинстве случаев для меня было вполне достаточно иметь мнение Одзаки о том, что та или иная информация ценная или средняя, или не представляет интереса. Думаю, что Одзаки ежемесячно готовил доклады экономического и политического характера для этой компании. Кажется, его донесения для меня по экономике и политике готовились на основе информации, которую он получал через компанию, или были частью его докладов для компании.

Очень были кстати поездки, которые совершал Одзаки в интересах компании. Мне доставляло много неудобств его отсутствие, но и от его поездок мы получали очень многое. Он имел связи со многими необходимыми людьми и обладал замечательной наблюдательностью, поэтому всегда возвращался с очень ценной информацией для нашей работы. По поручению Южно-Маньчжурской железной дороги он ездил один раз в Маньчжурию и несколько раз в Китай, и в каждом случае я особо просил его обращать внимание на те или иные политические или военные проблемы, связанные с нашей деятельностью»[153].

Источником информации для Одзаки являлись также его журналистские связи. Вот что писал «Рамзай» в «Тюремных записках»: «Как широко известный ранее газетчик, Одзаки имел много знакомых среди японских журналистов. Полагаю, что большинство из них были его коллегами, когда он работал в газете "Асахи симбун". От общения с ними он получал много информации, главным образом политического характера. Впрочем, в двух—четырех случаях прошла политическая информация, связанная с военными вопросами. Думается, что у него были связи и с Информационным бюро кабинета министров, а до этого — и с Информационным департаментом Министерства иностранных дел. Полученные из этих источников сведения содержали, главным образом, данные о текущих политических событиях, информация же по вопросам фундаментальной политики была очень редкой»[154].

В своих показаниях Одзаки упоминает лишь один случай получения ценной информации от работника японской прессы: в июне 1941 г. директор политико-экономического отдела редакции «Токио Асахи» — Синдзиро Танака сообщил ему о совещании (23.VI.41) руководящих лиц армии и флота и принятом ими «Плане единых операций на Юге и на Севере». Нет сомнения, что общение и обмен мнениями с журналистами и ответственными сотрудниками редакции играли значительную роль в информационной деятельности Одзаки, давая ему дополнительную ориентировку и облегчая анализ военно-политической обстановки.

Одзаки и Зорге были близки и по методам работы. Одзаки тоже добывал информацию в дискуссиях, обмене мнениями, консультациях с равными ему по уровню знаний людьми. Он не только получал информацию от своих источников, но и делился с ними информацией. Одзаки считал: «Я уверен, что у людей, с которыми я общался, никогда не могло возникнуть ощущения, что я выуживаю из них информацию»[155].

Уиллоуби в книге «Шанхайский заговор» говорит о «технике» разведывательной деятельности Одзаки, ссылаясь на его, якобы, личные формулировки:

«Касаясь техники своей работы, Одзаки перечислил следующие 9 "заповедей", которые служили ему руководством:

1) Никогда не создавайте впечатление, что вы стремитесь получить информацию. Люди, занятые важными делами, откажутся разговаривать с вами, если будут подозревать, что Вы пытаетесь получить информацию.

2) Если Вы создадите впечатление, что у вас больше сведений, чем у собеседника, от которого вы ожидаете информации, то он даст вам эту информацию охотно, с улыбкой.

3) Неофициальные обеды являются превосходным местом для сбора информации.

4) Очень выгодно быть специалистом в какой-либо области. Например, я, являясь специалистом по Китаю, всегда получал запросы из различных кругов и имел возможность собирать много данных у лиц, обращавшихся ко мне с вопросами.

5) Мое положение писателя сослужило мне хорошую службу.

6) Получая часто приглашения читать лекции в разных местах Японии, я имел превосходные возможности изучать общественное мнение на местах.

7) Важное значение имеют связи с солидными организациями, занятыми сбором новостей. Я был связан с "Асахи-симбун", а позже с ЮМЖД.

8) Прежде всего вы должны завоевать доверие у тех, кто дает вам информацию, — для того чтобы получать ее не вызывая подозрений.

9) В наше беспокойное время вы не можете быть хорошим разведчиком, если сами не являетесь хорошим источником информации. Вы можете достигнуть этого только на основе глубокой, систематической подготовки и широкого опыта».

Содержание этих «заповедей» в основном отвечает условиям сбора информации, однако трудно поверить, что Одзаки свел в своих показаниях применявшиеся им «методы» к этим «девяти заповедям». Их автором, безусловно, является сам Уиллоуби, извлекший из показаний Одзаки отдельные формулировки, которые и превратились в итоге в «девять заповедей» «шпиона» Одзаки.

Сам Одзаки так характеризовал свою деятельность на суде: «Если вы спросите меня о специальных вопросах моей техники, то я отвечу, что моя деятельность характеризуется полным отсутствием специального метода... Мой успех лежит в моем отношении к работе. По своей природе я общительный человек. Я люблю народ, я могу поддерживать дружеские отношения со многими людьми. Кроме того, я люблю хорошо относиться к людям. Я нахожусь в близких отношениях с большинством членов моего кружка. Мои источники информации — это мои друзья. Я никогда не искал специальной информации... Я создавал свое собственное мнение по данному вопросу, рисовал в своем воображении полные картины общего направления событий на основе различных сообщений и слухов. Я никогда не задавал специальных наводящих вопросов.

В условиях политически напряженной обстановки отдельные новости имеют незначительную внутреннюю ценность, но они могут быть важными и секретными, так как могут вызвать внезапное изменение даже важного решения. Например, правительство или армия захотят быть упорными в своей позиции, но внешние обстоятельства часто вынуждают отказаться от своего упорства и изменить решение. Поэтому установление общего направления развития является более важным, чем точное выяснение того, что было

сказано или что было решено. Единственно важная информация, которую я надеялся получить заранее, — это точное время возможного нападения Японии на Россию».

Именно это «отсутствие специальных методов», умение добыть ценную информацию в процессе повседневного, открытого общения с широким кругом друзей, знакомых, сослуживцев, способность глубоко анализировать и предвидеть направление развития событий делали Одзаки исключительно ценным агентом-информатором и обеспечивали максимальную конспиративность его агентурной деятельности.

Первоначально Одзаки выступал не только как агент-информатор, но и как групповод. «В интересах работы моей разведывательной группы Одзаки использовал двух или трех помощников, — писал Зорге в «Тюремных записках». — Один из них — Мидзуно, которого я знал раньше в Китае. С ним я встречался один раз в ресторане, и, насколько я помню, темой нашей беседы тогда было сельское хозяйство. Помощником Одзаки можно считать также и Каваи, хотя, как я уже говорил раньше, более правильно считать его иждивенцем Одзаки. Наконец, нужно упомянуть одного «специалиста»»[156].

В состав агентурной группы Одзаки входили «Осака-бой» — Мидзуно Сигэру, «Ронин» — Каваи Тэйкити, и «Специалист» — Синодзука Торао.

«Осака-бой» был привлечен к сотрудничеству с военной разведкой только в Токио. Как агент-информатор он проявил известную активность и доставил резидентуре ряд важных сведений. Он собирал и обрабатывал сведения по социальным и политически вопросам, вел наблюдение за переброской и формированием войсковых частей в районе Киото-Осака. Являясь сотрудником «Исследовательского общества Сёва» и принимая участие в составлении «Ежегодника молодежной организации Великой Японии», он передал «Рамзаю» ряд докладов о «Союзе молодежи», об обществе «Черный Дракон» («Кокурюкай»), о реорганизации старых политических партий в 1940 г. В 1939 и 1940 г. он добыл ценные сведения о вооружении и переброске 16-й и 116-й дивизий.

Считая «Ронина» — Каваи «сильным и верным товарищем», «Рамзай» сомневался в целесообразности привлечения его к агентурной работе в Японии. Он поручил Каваи наблюдению Мияги, «чтобы установить, насколько он (Каваи) испорчен или годен в результате своей цыганской жизни». Результат говорил не в пользу последнего. О своей работе с Каваи Мияги Ётокуна показал на следствии: «Каваи был представлен мне Одзаки. Он был китайским авантюристом. Как только у него кончались деньги, он прибегал к Одзаки, который давал ему деньги. Посещения Каваи учреждения Одзаки вызывали неудобства, учитывая высокое положение Одзаки и то, что его посещали высокопоставленные лица. Я предложил Зорге взять Каваи под свое наблюдение. Он одобрил это и предложил мне подготовить из него сотрудника, который работал бы на меня. Я платил ему от 60 до 100 иен в месяц. Убедившись в том, что Каваи не имеет никаких твердых убеждений, я в мае 1940 г. передал его обратно Одзаки, который устроил его на работу в бумажной компании.

Я не мог полностью доверять Каваи, так как его уровень понимания коммунизма был низким, а личная жизнь его была скандальной.

Я делал много попыток найти ему работу, но этот человек ненавидел работу».

«Густав» — Штейн в своем докладе Центру в ноябре 1937 года указывал, что «связь с Каваи прервана». Однако, если верить этим показаниям Мияги, он не только не прерывал связи с Каваи до мая 1940 г., но и выплачивал ему содержание как агенту.

В документах резидентуры отсутствуют какие-либо следы агентурной деятельности Каваи. Возможно, Зорге или Мияги использовали его для выполнения отдельных поручений, наблюдения и т. п. Во всякой случае, следует признать, что Каваи, состоявший под надзором полиции, с его сомнительными связями в леворадикальных и «подпольных реакционных» кругах, с его «скандальной личной жизнью» и склонностью к авантюрам, как агент не только не представлял какой-либо ценности, но и был явно нежелательным, опасным элементом в агентурной сети.

Имени «Специалиста» не знали ни «Рамзай», ни в «Центре». Как следует из переписки с Центром, связь со «Специалистом» не была окончательно прервана (как это докладывалось ранее) и в 1940 г.

Одзаки, по возможности, избегал встреч с агентами своей группы — «Осака-боем» и «Ронином», поручая эти встречи Мияги.

В «Меморандуме для печати» Штаба Мак-Артура от 1949 г. указывается, что в состав группы Одзаки, помимо вышеперечисленных агентов, входили еще два агента-японца, арестованные и осужденные вместе с другими сотрудниками «Рамзая»: Фунакоси Хисао, заведующий японский газетным агентством «Ренго Цусин» в Китае, неофициальный советник Штаба японских войск в Ханькоу, сотрудник Института исследования проблем Китая в Тяньцзине; и Кавамура Ёсио, журналист, директор Шанхайского издательства «Мансю нити-нити» и сотрудник газеты «Маньчжуриан дейли ньюс».

Ни тот, ни другой не проходят по архивным документам токийской резидентуры. Ни в докладах «Рамзая», ни в оргпереписке его с Центром их имена ни разу не упоминаются.

Документально установлено, что Фунакоси и Кавамура были раскрыты как прежние агенты шанхайской резидентуры лишь через показания Каваи, «знавшего их по совместной работе в Шанхае». Однако Кавамура не был агентом советской военной разведки ни во время пребывания Зорге в Китае, ни после его отъезда.

Не исключено, что Одзаки до последнего времени поддерживал с ними связь и действительно в какой-то мере использовал их как источник информации по Китаю и Маньчжурии, однако нет никаких оснований считать их постоянными агентами-информаторами резидентуры «Рамзая».

В материалах «токко» отмечалось, что «между разведывательной группой КПК и международной разведывательной организацией (т.е. «организацией Зорге». — *М.А.*) существовала длительная и очень тесная связь». Дело «разведывательной группы коммунистической партии Китая», указывает японский исследователь Ватабэ Томия, возникло 16 июня 1942 г., т.е. через восемь месяцев после ареста Зорге. Объединяющим началом обеих дел стал Одзаки Ходзуми. Ключевой фигурой дела «разведывательной группы КПК» являлся Наканиси Цутому, человек с которым Одзаки сблизился во время преподавания в Академии по изучению Восточной Азии («Тоа добун сёин») в Шанхае.

После поражения Японии Наканиси Цутому был освобожден из тюрьмы американскими войсками как политический заключенный. Он стал членом

парламента от КПЯ и оставил воспоминания о деятельности «разведывательной группы КПК».

Осенью 1933 г. по рекомендации Одзаки Наканиси устроился на работу в головной офис концерна «Мантэцу» в Дайрене. С этого момента происходил обмен разведывательной информацией между двумя единомышленниками. В 1940 г. исследовательский отдел «Мантэцу» подготовил доклад, посвященный оценке военного потенциала сопротивления Китая. Этот доклад готовился в специальном комитете, в работе которого принимали участие Одзаки и Наканиси. Причем последний играл ведущую роль. Основные положения доклада заключались в следующем: обширные сельскохозяйственные районы Китая продолжают существовать в определенной степени автономно, поэтому они сохраняют жизнеспособность даже в условиях оккупации японской армии прибрежного пояса Китая; поскольку КПК является основной силой сопротивления Японии, такое сопротивление будет продолжаться; прекращение иностранной помощи не приведет даже к временному свертыванию сопротивления. С докладом о военном потенциале сопротивления Китая были ознакомлены военное и морское министерства Японии, генеральный штаб армии, кабинет министров и некоторые правительственные ведомства. Доклад был передан Одзаки Зорге и отправлен в Москву, а Наканиси — в разведывательную секцию ЦК КПК.

В своих воспоминаниях Наканиси писал: «Третье заседание комитета по составлению доклада о военном потенциале сопротивления Китая состоялось в Шанхае. Для участия в нем из Токио прилетел Одзаки. Тогда у меня состоялся с ним довольно длительный разговор. Во время него Одзаки сказал мне: "Тебе больше нельзя появляться в Токио. Полицейское управление приметило тебя. Последнее время странные вещи происходят и вокруг меня. Вряд ли мы сможем увидеться еще раз. Поэтому давай договоримся, как будем поддерживать контакты между собой. Я буду оповещать тебя следующим образом...". Одзаки назвал номер телефона и продолжал: "Мы сделали с тобой большое дело. Но все зависит от небес. Поэтому будем работать пока живы. Будь здоров". И мы подняли чарки саке».

По утверждению Ватабэ Томия, в материалах дела Зорге, составленных токко, имеется таблица с перечнем информации, отправленной в Москву. Анализ этой таблицы был опубликован в материале «Исследовательский отдел "Мантэцу" и Ходзуми Одзаки». В нем отмечалось: «В тексте смертного приговора Ходзуми Одзаки в вину ему вменялась передача 52 информационных сообщений, которые содержали состав преступления. Из них 21 информация, или 40%, была получена из концерна "Мантэцу" (за исключением исследовательских записок, подготовленных для Зорге)». В документе «Ход расследования разведывательной группы КПК», подготовленном токко, отмечалось, что Наканиси Цутому получил от Одзаки Ходзуми в том числе следующие информационные материалы: «Решение о нападении на Кантон» (сентябрь 1938 г.), «О внутриполитическом положении Японии» (март 1940 г.), «О военном потенциале Японии» (декабрь 1940 г.). Среди этих документов особую ценность должен был представлять последний материал, поскольку он был использован КПК при разработке стратегии длительной войны[157].

Из камеры смертников Одзаки Ходзуми писал своей жене Хидеко (Хиросэ) Эйко:

«Я хорошо знаю из писем и других источников, что мои родные гневаются на меня. Они считают, что я поступил жестоко, лишив счастья не только самого себя, но и жену и маленькую дочь. Думаю, что они по-своему правы. Ведь я сразу знал, чем все это кончится. Но я настолько был захвачен борьбой, что мало заботился о безопасности своей и своих близких. Я служил высшим интересам.

Я хочу снова повторить: "Откройте шире глаза, вглядитесь в нашу эпоху!"

Кто сумеет правильно понять веление времени, тот не станет заботиться только о личном счастье и счастье своих родных. Моя работа давала мне возможность увидеть будущее, понять его, и это было для моего сердца самым близким и самым родным. Пусть меня таким и вспоминают. Это будет лучшим надгробным словом над моей могилой. Мои последние слова прошу передать всем»[158].

Уже в 1946 г. в Японии была опубликована часть писем Одзаки Ходзуми своей жене под общим названием «Любовь подобна падающим звездам». А еще через четыре года — в 1950 г. были опубликованы все 243 письма.

Глава 3

1941 год. БЕРЛИН, ТОКИО, МОСКВА

3.1. «Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши»

(Зорге — Центру, 19 мая 1941 года)

Основные задачи, которые должна была решить советская военная разведка накануне 22 июня, можно сформулировать следующим образом: — **вскрыть военную доктрину Германии и тесно связанный с ней замысел проведения кампании против СССР**; выявить планы проведения операций видами вооруженных сил (сухопутными силами, военно-воздушными силами и военно-морским флотом); установить задачи, стоявшие перед группами армий, армий и танковыми группами; воздушными флотами и авиационными корпусами; военно-морским флотом;

— **отследить стратегическое развертывание вооруженных сил Германии**. Стратегическое развертывание представляло собой систему мероприятий государств, включавшую мобилизационное развертывание вооруженных сил (перевод вооруженных сил с мирного на военное положение); стратегическое сосредоточение войск на театрах военных действий (стратегические перегруппировки войск между театрами военных действий, переброски из внутренних районов страны на театры военных действий); развертывание вооруженных сил на театрах в определенных стратегических и оперативных группировках и занятие войсками исходного положения для ведения боевых действий; прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания от ударов противника с воздуха, моря и суши.

— **установить сроки готовившегося нападения**.

Несмотря на ограниченные природные, экономические и людские ресурсы Германии, ее военная доктрина основывалась на таких предположениях: превосходстве над противниками в тотальной подготовке страны и вооруженных сил к войне, внезапности и молниеносности проведения кампаний, последовательном разгроме противников поодиночке, максимальном использовании союзников. В соответствии с этим суть германской военной доктрины составляла концепция тотальной и «молниеносной войны»[1].

Войну против Советского Союза Гитлер рассматривал как направленную на уничтожение советского государства, «большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции». Для Директивы № 21 (план «Барбаросса») характерно отсутствие идейной мотивировки оперативного планирования. Впервые Гитлер заговорил об политико-идеологическом характере войны в конце марта 1941 г.

Концепция блицкрига как важнейшая составная часть военной доктрины опиралась на новые оперативно-тактические формы применения танковых и моторизованных войск во взаимодействии с авиацией. Вся наступательная мощь вермахта предназначалась для первого удара, так что не оставалось сколько-нибудь значительных резервов и сводились до минимума силы прикрытия на других стратегических направлениях.

Директива № 21, подписанная Гитлером 18 декабря 1940 г., начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса») ...

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»[2]. Командование вермахта предусматривало развязывание боевых действий отмобилизованными и развернутыми на всех стратегических направлениях силами. В этом и состояла стратегическая внезапность начала войны Германии с Польшей в 1939 г., с Францией в 1940 г. и Советским Союзом в 1941 г.

Эта и другие особенности отмечались в небольшой брошюре-монографии комбрига Георгия Самойловича Иссерсона[3] «Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн», написанной в июне—июле 1940 г. и изданной в том же году «Воениздатом» Народного комиссариата Обороны Союза ССР, (объем основного текста менее 80 страниц небольшого формата в бумажном переплете, без указания тиража).

Германо-польская война, по оценке Г.С. Иссерсона, в начале 1920-х занимавшего руководящие должности в органах военной разведки, представляла интерес по целому ряду причин: характера вступления в войну; условий, порождающих маневренную войну; оперативного применения и возможности современных средств борьбы, в особенности авиации и мотомеханизированных войск; перспектив маневренного развития борьбы вплоть до достижения решающего исхода; способов ведения операций.

Иссерсон утверждал, что «германо-польская война представляет собой новое явление в истории»:

«Германо-польская война началась самим фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе; она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов ...

При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно, прежде чем ударить, предупредить об этом. Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 г., а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока — наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. **После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе** (выделено Иссерсоном. — *М.А.).*

Так началась германо-польская война. Она вскрыла совершенно новый характер вступления в современную войну, и это явилось, в сущности, главной стратегической внезапностью для поляков. ...

Никакого начального периода войны не было. Никаких стратегических предисловий и предварительных действий. Война началась сразу в развернутом виде и полным ходом. Именно этот момент внезапного открытия военных действий широким фронтом и всеми развернутыми силами на польской стороне прогадали...

... это создало обстановку полной стратегической растерянности, скоро перешедшей в общее смятение. Польская армия была захвачена врасплох самой формой внезапного вторжения вооруженных сил Германии, и это нанесло ей непоправимый и самый решительный удар. ...

Опустив поочередно палец сначала в сосуд с холодной, а затем с горячей водой, можно сразу установить разницу в температуре. Но, опустив палец в сосуд с водой, постепенно согреваемой на слабом огне, очень трудно установить постепенное изменение температуры.

Так и сосредоточение, сжатое в коротком времени и создающее исключительное напряжение в работе транспорта, становится доминирующим явлением в данный период и может быть легко засечено.

Однако сосредоточение, производимое постепенно и последовательно и растянутое во времени, очень трудно поддается учету, вернее, рассредоточивает и притупляет наблюдение. А такой именно характер носило сосредоточение германских армий.

Это сосредоточение не было больше одним единым, ограниченным во времени актом, который начинается и кончается в определенные, заранее рассчитанные часы и продолжительность которого может быть противником примерно высчитана.

Сосредоточение приобрело глубокий характер. Его начала вообще никто не может зафиксировать (разрядка Г.С. Иссерсона. — *М.А.*). Его продолжение оставляет всегда сомнение, подготавливается ли действительное вооруженное выступление или это только подкрепление дипломатической угрозы. Его конец обнаруживает только сам факт вооруженного выступления.

Так современная война начинается ранее вооруженной борьбы»[4].

О способах ведения операций Иссерсон писал: «Прорыв на Варшаву имел огромное стратегическое значение. Это был первый пример самостоятельного применения бронетанковых войск, выброшенных сильным ядром далеко вперед фронта».

Разгром польской армии выглядел следующим образом:

«а) управление парализовано и выведено из строя; связи с войсками оно больше не имеет;

б) транспорт парализован; все крупные железнодорожные узлы находятся под систематическим бомбардированием с воздуха, подвоза нет и в тылу общий хаос;

в) а главное — в тело всей армии глубоко вонзились острия танковых соединений; между группами отступающих войск они прорвались в глубокий тыл, вплоть до столицы, далеко обогнали отходящие колонны, всюду вышли им в тыл и опередили их на всех важнейших рубежах вплоть до Вислы и Сана.

В этих условиях все возможности для организации сопротивления отпадают. Фронт не может быть создан, потому что он уже взорван с тыла... Глубокая операция... реально показала свое огромное действенное значение. Она создала возможность беспрерывного развития маневренного вала и отняла у отступающего всякие условия для сбора своих сил и организации фронта борьбы.

Решающую роль в достижении этих результатов имел новый способ применения современных средств борьбы, главным образом авиации и самостоятельных мотомеханизированных соединений»[5].

Труд комбрига Иссерсона был предназначен для командного состава РККА, однако содержавшиеся в нем выводы, как покажут совещание высшего

командного состава Красной Армии в конце декабря 1940 г.[6] и оперативно-стратегические игры, проведенные в январе 1941 г., не только не были восприняты, но и подверглись критике, а сам Иссерсон 7 июня 1941 г. был арестован.

«Нет пророка в родном Отечестве» и бесценные заключения Г.С. Иссерсона остались не востребованными, а цена за такую близорукость советского командования оказалась несоразмерной.

Решение задач, стоявших перед военной разведкой, происходило в обстановке широкого применения противником мер дезинформации.

В целом дезинформацию, поступавшую по разным каналам, следует разделить на два вида:

— собственно дезинформация: попытка убедить в том, что военные действия против Советского Союза будут возможны только после вывода Англии из войны (вторжение на Британские острова, крупномасштабные действия вне пределов английской митрополии) и объяснение именно в этом контексте вскрытых фактов наращивания группировки германских войск на западных границах СССР. На собственно дезинформацию был направлен целый ряд директив в части касающейся, разработанный верховным главнокомандованием;

— и информация, интерпретация, которой после 22 июня, сделала ее дезинформацией. Информация, которая до конца марта — начала апреля все еще является достоверной — принятие окончательного решения о нападении на Советский Союз Гитлером относится именно к этому сроку, а дата нападения — 22 июня — будет названа только 30 апреля. До этого времени (при предполагаемых сроках нападения — 15 мая 1941 г.) фюрер колеблется, оценивает внешнеполитические акции Советского Союза (и не приемлет их) и в какие-то моменты не исключает пути политического урегулирования отношений с СССР на своих условиях. И эти метания фюрера находят отражения в телеграммах, поступавших в Центр, содержание которых после 22-го июня ошибочно относится к дезинформации.

Таким образом, параллельно развиваются два процесса: подготовка к вторжению в СССР и определение сроков нападения, которое, в конечном счете, неизбежно, исходя из представлений об «огромной опасности коммунизма для будущего». Первый процесс может быть приостановлен, отложен, но никак не отменен.

Впервые о необходимости маскировки подготовки агрессии против Советского Союза зашла речь в выступлении Гитлера на совещании в ставке 31 июля 1940 г., когда зашла речь о начале подготовки к войне с СССР. Гитлер на этот счет был лаконичен: «Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия»[7], т.е. подготовку к вторжению в Советский Союз следовало «закрыть» таким образом, чтобы сложилось представление о подготовке операций против Гибралтара, Северной Африки и Англии.

6 сентября 1940 г. в связи с тем, что «в ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится» управлению военной разведки и контрразведки (абверу) было дано указание ОКВ принять меры, чтобы «у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток». Вместе с тем ставилась задача, противоречащая первой: «В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате[8] находятся сильные и

боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства»[9]. С одной стороны, не хотели «выпячивать» факт переброски войск на границы с СССР, с другой стороны, из-за опасения использования военной силы Советским Союзом на Балканах, посчитали нужным преувеличить боевые возможности переброшенных войск.

«Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки (выделено мной. — *М.А.*)», следовало «руководствоваться следующими основными принципиальными положениями»:

«1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке, по возможности, распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания Западного похода противовоздушная оборона на Востоке серьезно усилилась и что зенитная оборона всех важных объектов укрепляется за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям»[10].

В 1940-м еще предполагалось сотрудничество двух разведок — германской и советской.

В целях обеспечения секретности директива № 21 была издана в количестве 9 экземпляров, причем только три экземпляра вышли за пределы штаба ОКВ — они были направлены главнокомандующим трех видов вооруженных сил. Всего три экземпляра! К тому же Гитлер имел обыкновение давать указания устно. Полностью ознакомиться с Директивой № 21 удалось единицам, поэтому и допускалась различная интерпретация указаний верховного главнокомандования.

В «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию» ОКХ от 31 января 1941 г. в разделе «Сохранение тайны» предписывалось следующее: «Во избежание внешнеполитических осложнений следует соблюдать безусловную секретность в разработке и осуществлении плана сосредоточения войск на Востоке. Для этого необходимо по возможности ограничить число офицеров, привлекаемых к этой работе. Дальнейшее привлечение новых лиц произвести как можно позже, причем каждое новое лицо должно быть осведомлено о работе не шире, чем это требуется для ее выполнения. Круг полностью осведомленных лиц следует по возможности дольше ограничивать командующими группами армий, командующими армиями и корпусами, начальниками их штабов, обер-квартирмейстерами и начальниками оперативных отделов штабов. Привлечение других военачальников и их помощников в рамках их задач производить настолько позже, насколько позволяют подготовительные работы.

Передача точного текста директивы о сосредоточении допускается только в порядке отдельных выдержек.

Связи с иностранными государствами быть не должно. Об этом в нужное время будет отдан соответствующий приказ»[11].

Недоверие Сталина к данным разведки вообще и военной в частности было вызвано в том числе тем, что разведке не удалось получить документальных подтверждений планов Германии напасть на Советский Союз.

Агентов-источников, имевших непосредственный доступ к планам гитлеровского военного командования, у разведки не было, приходилось опираться на устную информацию. Особо ценная поступала от «вторых» лиц, имевших выход на ее носителей в главных командованиях, штабах, министерствах и т. д. Причем получали ее «втемную» и на доверительной основе.

Такими «вторыми» лицами — источниками ценной устной информации — были для Зорге посол и военный, военно-воздушный и военно-морской атташе, офицеры вермахта и высокопоставленные гражданские специалисты, прибывавшие в Токио из Германии или следовавшие через Токио к месту назначения. Перед ними был не просто журналист, встреченный на официальном приеме или другом протокольном мероприятии, а коллега, аналитические способности которого они признавали (или о которых были наслышаны) и оценкой обстановки которого дорожили. Более того, окружение Зорге рассматривало его самого как источник информации.

20 марта 1941 г. начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков представил в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) доклад «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР»[12]. «Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР», заслуживали внимания три варианта. «Вариант № 3, по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 года (речь шла о донесении, полученном от «Арийца». — *М. А.*): «...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштудт (Рундштедт. — *М.А.*) — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева.

Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

Чрезмерным представляется утверждение маршала Г.К. Жукова в первом издании его мемуаров (1969), что в одном из вариантов «возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз», содержавшихся в докладе Ф.И. Голикова, «по существу, отражена была суть этого плана». Речь шла о варианте № 3[13].

К сожалению, этот вариант мало что давал советскому командованию, даже если бы остановились именно на нем, не говоря уже о том, что группа армий «Центр» была нацелена не на Москву, а на Смоленск с последующим поворотом армий на север. Необходимо было вскрыть замысел нанесения ударов каждой из трех групп и выявить направление всех трех главных ударов, но это сделано не было.

Во втором издании «Воспоминаний и размышлений» Жукова (1974; не обошлось без консультантов) была кардинальным образом пересмотрена оценка доклада Голикова и высказана противоположная точка зрения: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план "Барбаросса", на-

правление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков — Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы заранее сообщили эти сведения. Однако будто бы наше политическое и военное руководство не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их.

Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»[14].

Рихард Зорге, наряду с другими военными разведчиками, пытался вскрыть планы ведения наступательных операций германским командованием, получить информацию о развернутой на западных границах СССР группировке и сроках вторжения.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 19 мая 1941 г.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени.

Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать. Они заявили, что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий. Один армейский корпус находится под командованием известного Райхенау (генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау командовал 6-й армией, входившей в группу армий «Юг». — *М.А.*).

Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши (выделено мной. — *М.А.*).

№125 РАМЗАЙ.

Расш.и перевел Малинников. 11.30 22.5
Адресату.
Дронову[15].
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: [НО] 9. Запросить Рамзая:
На № 125. Уточните — корпусов или армий?
Если корпусов, то не вяжется с понятием корпуса.
Д.

Голиков».

Очевидно, речь шла об ошибке. Ошибка самого «Рамзая» представляется маловероятной — хотя Зорге и не являлся профессиональным военным, он был фронтовиком с трехлетним опытом войны, унтер-офицером германской армии. И, конечно, хорошо представлял себе разницу между корпусом и армией. Ошибка переводчика исключена — в Центре, увидев упоминание о корпусах, должны были обратиться и обратились к английскому тексту шифровки, чтобы исключить ошибку перевода.

Еще 14 февраля 1941 г. Зорге направил в Центр шифртелеграмму, составленную на основании документа, содержавшим «дислокацию японских дивизий» (полный текст сообщения «Рамзая» приводится в другой части этой

главы). Фраза телеграммы «Японцы организуют армейские корпуса, состоящие из нескольких дивизий каждый. Такие корпуса имеются: 3-ий армейский корпус…4-й корпус…» у начальника 6-го (дальневосточного) отделения Информационного отдела РУ Генштаба Красной Армии майора Воронцова Т.Ф. и его подчиненных не вызвала вопросов, хотя в составе японской армии ни до вступления страны в войну в декабре 1941 г., ни во время самой войны на Тихом океане корпусов не было. Воронцов не сомневался, что **в сообщении Зорге об организации в Маньчжурии и Китае корпусов, речь шла об организации армий** (об этом подробно в следующей главе).

Однако, когда спустя три месяца Зорге в своей телеграмме доложил, «что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий», к Воронцову за разъяснением никто не обратился, так как телеграмма попала в другое отделение — германское — информационного отдела. Становится понятным недоумение на этот счет в ответе «Рамзая» от 15 июня:

«В сообщении относительно 9 армий на советско-германской границе сказано ясно об армиях, но не об армейских корпусах. Из американских источников: Германия имеет на границах против СССР 900 тысяч человек в первой линии и около одного миллиона как резерв. №. 141.

РАМЗАЙ».

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: «НО 4

Доложите вместе с первым донесением о 9-ти армиях.

Голиков. 18/VI

т. Дронову и НО2 Голиков».

Судя по всему, это Клаузен, зашифровывая донесения Зорге упорно, по одному ему понятной причине, называл армии корпусами.

В действительности на 22 июня в немецкую группировку на Востоке входили три группы армий «Север», «Центр» и «Юг», а также отдельная немецкая армия «Норвегия» — всего 8 армий и 4 танковых группы.

Цифра 150 дивизий относится к группировке германских сухопутных войск, развернутых к моменту нападения, а не ко дню отправления шифртелеграммы из Токио. Цифра, близкая к действительной, хотя до сих пор нет полной ясности о числе германских дивизий на западных границах Советского Союза к 22-го июня. В дневниковой записи от 21 июня 1941 года начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер указал, что общий состав немецких сил для операции «Барбаросса» был следующим: 102 пехотных и горнопехотных дивизии (в том числе 4 легкие пехотные и 2 горноегерские), 10 танковых, 14 моторизованных (в том числе 4 дивизии СС), одна кавалерийская и 5 спецсоединений (в том числе 3 охранных дивизии и 2 дивизии 15-й волны), всего 141 соединение дивизионного состава[16].

Генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд указал, что в июне 1941 г. для ведения боевых действий на Востоке было выделено 120,5 + 2/3 дивизий (пехотных — 76, горнострелковых — 1, охранных — 9, кавалерийских — 1, моторизованных — 9 2/3, моторизованных СС — 3 ½ и 17 танковых) в составе групп армий, 14 дивизий находились в распоряжении ОКХ за фронтом (из них 12 пехотных, одна горнострелковая и одна полицейская дивизия СС) и еще 14 (11 пехотных, одна моторизованная и две танковых) — в резерве ОКХ, причем последние на 22 июня находились еще на территории Германии и Балкан[17]. Таким образом, два источника дают незначительное расхождение в числе дивизий — 141 дивизия по Гальдеру и 149 дивизий по Мюллер-Гил-

лебранду (согласно последнему источнику, на начало Великой Отечественной войны 14 дивизий вообще не находились на Восточном фронте).

Американские источники, на которые впервые ссылался Зорге, давали явную дезинформацию — «900 тысяч человек в первой линии и около одного миллиона как резерв». Эта цифра вступала в противоречие с планируемым верховным главнокомандованием вооруженных сил Германии блицкригом. Франц Гальдер, оценивая процент потерь вермахта с начала кампании на Востоке по состоянию на 30 июня 1941 года, отталкивается от цифры 2,5 млн человек[18] (Гальдер включает сюда только численность личного состава сухопутных войск).

Численность действующей армии Германии в июне 1941 г., по данным Б. Мюллер-Гиллебранда, составила 3 млн 800 тыс. человек, из которых 3,3 млн были развернуты против Советского Союза[19].

1 июня Зорге сообщил из Токио о беседе со своим давним знакомым подполковником Фридрихом Шолль (Шолл) (помощник германского военного атташе в Токио в 1938-1940 гг.), назначенным военным атташе в Бангкоке и с которым он воевал в одном студенческом отряде во Фландрии в 1914 году.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 1 июня 1941 года
По телеграфу.

Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе.

Отт заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла.

В беседе с Шоллом я установил, что немцев, в вопросе о выступлении против Красной Армии, привлекает факт большой тактической ошибки, которую по заявлению Шолла, сделал СССР.

Согласно немецкой точки зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена, в основном, против немецких линий без больших ответвлений составляет величайшую ошибку. Она поможет разбить Красную Армию в первом большом сражении. Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии*.

№ 136,137. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел Добровинский. 23.00 2.6.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИИ НУ]: НОЗ: Пошлите Рамзаю след. запрос: На №...
«Прошу сообщить:
1) более понятно сущность большой тактической ошибки, о которой вы сообщаете и
2) ваше собственное мнение о правдивости Шолла насчет левого фланга».
Голиков.
3/6.

---

* На полях напротив этого абзаца Голиковым проставлен вопросительный знак.

НОЗ: в перечень сомнительных и дезинф[ормационных] сообщений Рамзая.

Голиков».

Ответ из Токио поступил уже после начала войны — 3 июля 1941 г.:

«Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок.

Подполковник Шолл сказал, тогда что первый и главный удар будет нанесен немцами по Красной Армии их левым флангом. Немцы полностью уверены, что главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара. Немцы очень опасались, что Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара. Главная цель немцев — это уничтожение Красной Армии, охватом ее как это было с польской армией. ...».

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО 4

...

3) Доложите, сколько времени он не давал ответа на наше требование о левом фланге и саму его телеграмму.

8.VII.41. Голиков».

Шолль сообщил ему то, что слышал в штабе Верховного главнокомандования вермахта, и уехал в Бангкок. Отт, скорее всего, не был в курсе замысла Плана «Барбаросса». Поэтому никто не мог разъяснить информацию, полученную от Шолль. Оставалось только ждать развития событий.

В своих телеграммах Зорге, по сути, изложил общий замысел Директивы № 21: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»[20].

В части проведения операций сухопутными силами Директива № 21 устанавливала: «...Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. **Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот** (здесь и далее выделено мной. — *М. А.*). Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. **Таким образом, будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.**

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно...

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью **главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев**. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника...»[21].

Таким образом, предлагаемый Генеральным штабом Сухопутных сил Германии проект директивы по части нанесения одного из главных ударов был по настоянию Гитлера изменен. «К операции по взятию Москвы» следовало приступить лишь после выполнения неотложной задачи по уничтожению «сил противника» в Прибалтике и «захвату» Ленинграда и Кронштадта. «Гитлер и раньше требовал перемещения главных направлений на фланги, и теперь, по крайней мере, в отношении северной группировки, он упрямо проводил в жизнь это требование. Тем самым он отодвигал задачу овладения Москвой на второй план»[22].

В плане «Барбаросса» указывалось, что «направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот» двумя группами армий. Существует точка зрения, что именно это имел в виду Шолль, когда говорил Зорге, что «наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии»[23].

Некоторые исследователи утверждают, что журналисту Зорге была «доверительно» сообщена эта «военная тайна», чтобы он способствовал распространению желательной для штаба верховного главнокомандования вермахта дезинформации[24]. Голиков был прав, отнеся сообщение Зорге к разряду сомнительных.

За день до принятия плана «Барбаросса» — 17 декабря 1940 г. — «фюрер высказал начальнику штаба оперативного руководства» следующие соображения:

«1. Решающим является, чтобы удалось, нанося главный удар по обе стороны Припятских болот, прорвать здесь русский фронт и быстро продвинуться на восток крупными моторизованными силами; затем, повернув на север, а также на юг, во взаимодействии с немецкими войсками, наступающими фронтально, окружить и уничтожить русские силы, находящиеся в Прибалтике и на Украине»[25].

В «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (план «Барбаросса»)» ОКХ от 31 января 1941 г. группы армий, привлекаемые к вторжению, получают названия — «Север», «Центр» и «Юг».

«Группа армий "Север" имеет задачу уничтожить действующие в Прибалтике силы противника и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить русский флот его баз. Вопросы совместных действий с мощными подвижными силами, наступающими на Смоленск и находящимися в подчинении группы армий "Центр", будут своевременно уточнены и доведены до сведения особо главным командованием сухопутных войск.

В соответствии с этой задачей группа армий "Север" прорывает фронт противника, нанося главный удар в направлении на Двинск, как можно быстрее продвигается своим сильным правым флангом, выслав вперед подвижные войска для форсирования р. Западная Двина, в район северо-восточнее Опочки с целью не допустить отступления боеспособных русских сил из При-

балтики на восток и создать предпосылки для дальнейшего успешного продвижения на Ленинград...»[26].

Из военного дневника Гальдера: «30 июня 1941 г. 9-й день войны.

Фюрер подчеркнул: а. Задача овладения Финским заливом является первостепенной (выделено мной. — *М.А.*), так как только после ликвидации русского флота станет возможным свободное плавание по Балтийскому морю (подвоз шведской железной руды из Лулео)...

Фюреру представляется особенно важным ускорить наступление пехотных соединений группы армий "Север" на Ленинград, но одновременно с этим следует продолжать наступление подвижными соединениями, не ожидая подтягивания пехоты. Он не уверен в том, что сил, имеющихся в распоряжении Лееба, будет достаточно для выполнения этой задачи (особенно это касается подвижных соединений)»[27];

«23 июля 1941 г. 32-й день войны. 18.00 — доклад у фюрера: Я доложил о положении противника и поставил вопрос о конечных целях операции. Фюрер ставит перед собой цели, которые были сформулированы во вчерашней директиве ОКВ, и продолжает упорно держаться их, не считаясь с противником и другими факторами. Таким образом, фон Бок (командующий группой армий «Центр». — *М.А.*) должен будет отдать свои танковые группы и продолжать наступление на Москву одной пехотой. Вообще же в настоящий момент Москва фюрера совершенно не интересует, а все его внимание приковано к Ленинграду, что вызвало продолжительные прения по вопросу о том, каким образом вести операцию группы армий "Север" и почему фон Леебу (командующий группой армий «Север». — *М.А.*) следует передать 3-ю танковую группу [Г. Гота] для выполнения задачи по уничтожению противника в районе Ленинграда. Цель операции фюрер видит в уничтожении сил противника, что он считает возможным достигнуть еще до выхода в район Москвы»[28].

Попытки Гальдера доказать, что «план приведет к распылению наших сил и приостановке наступления на решающем, московском направлении», не увенчались успехом.

«19 августа 1941 г. 59-й день войны. ...Группа армий «Север»: Согласно приказу свыше (Гитлер) о переброске на север двух моторизованных дивизий начал перебрасываться передовой отряд под командованием Кюнерта. В его состав входят части 18-й и 20-й моторизованных и 12-й танковой дивизий (из состава группы армий «Центр». — *М.А.*)»[29].

Первостепенное значение Гитлер, уделял захвату Ленинграда, что противоречило взглядам командования вермахта. **Информация, полученная Зорге от Шолля, отражала точку зрения Гитлера, который и принимал окончательное решение**.

Группа армий «Север» была развернута в Восточной Пруссии от Мемеля (Клайпеда) до Голдапа на фронте 230 км; группа армий «Центр» — на фронте 500 км — от Голдапа до Влодавы; группа армий «Юг» действовала на фронте от Влодавы до устья реки Дунай протяженностью в 1250 км[30].

Количественный состав групп армий накануне 22 июня 1941 г., который приведен ниже, также не однозначен у различных авторов, которые чаще всего опираются на одни и те же источники:

— группа армий «Север» в составе 20 пехотных, 3 танковых, 3 моторизованных дивизий (**всего 26 дивизий**); группа армий «Центр» в составе 42 пехотных, 9 танковых, 7 моторизованных и 1 кавалерийской дивизии (**всего 59**

дивизий); группа армий «Юг» в составе 41 пехотной, 6 танковых, 4,5 венгерских, румынских, итальянских и словацких дивизий (**всего 51,5 дивизий**) (по состоянию на 1 августа 1941 г.)[31];.

— группа армий «Север» в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (**всего 29 дивизий**); группа армий «Центр» в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (**всего 50 дивизий и 2 бригады**); группа армий «Юг» состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (**всего 57 дивизий и 13 бригад**)[32];

— группа армий «Север» в составе 20 пехотных дивизий, 2 моторизованных, 3 танковых дивизий, 1 дивизия «СС» и 3 охранные дивизии (**всего 29 дивизий**), группа армий «Центр» в составе 31 пехотной дивизии. 5,5 моторизованных дивизий, 9 танковых дивизий, 1 кавалерийской дивизии, 2 дивизий «СС», 3 охранных дивизий, 1 полк (**всего 51,5 + 1/3**); группа армий «Юг» в составе 26 пехотных дивизий, 4 легких пехотных дивизий, 2 моторизованных дивизий, 5 танковых дивизий, 2 горнопехотные дивизии, 1,5 дивизий «СС», 3 охранные дивизии (**всего 43,5 дивизий**)[33];

— группа армий «Север» насчитывала 16 пехотных, 2 моторизованных, 3 танковых и 3 охранных дивизии (**всего 24 соединения**); группа армий «Центр» состояла из 29 пехотных, 5 моторизованных, 9 танковых, 1 кавалерийской, 1 дивизии «СС», 3 охранных дивизий и 1 полка (**всего 48 дивизий** и один полк); группа армий «Юг» в составе 23 пехотных дивизий, одной легкой пехотной дивизии, 4 танковых, одной горнострелковой, одной дивизии СС и 3 охранных дивизий (**всего 33 дивизии**)[34].

Исходя из числа дивизий на километр фронта, наиболее мощная группировка была создана именно в группе армий «Север» (по крайне мере, она была равной группе армий «Центр», уступая ей в числе подвижных соединений). Это буквально соответствовало тому, что докладывал Зорге: «наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии».

При этом бронетанковые и моторизованные войска при поддержке авиации вермахт в первый же день бросил мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях для нанесения сокрушительных рассекающих ударов. Все направления были опасными, но наиболее результативными оказались действия группы армий «Центр», однако отсюда не следует, что главный удар наносился только группой армий «Центр» и что острие его было направлено на Москву.

Некоторые исследователи утверждают, что информация «Рамзая» о левом фланге «объективно подталкивала наше военно-политическое руководство к такой перегруппировке, которая была очень желательной для реализации замысла фашистов». На самом деле перегруппировка не была необходимой, к тому же в тех условиях она была невозможной. Если бы сведения Зорге были приняты во внимание, войска второго стратегического эшелона, в частности, 19-ю и 16-ю армии можно было успеть сосредоточить не на Украине, а в тылу Западного фронта[35]. Жуков в мемуарах пишет: «Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки. Именно белорусское направление было кратчайшим к столице нашей Родины — Москве.

Вследствие этой ошибки пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении»[36].

Если бы Зорге поверили, возможно, «ход оборонительных действий на западном направлении» был бы иным. Однако, информации, полученной из Токио, было недостаточно для принятия решений о переброске войск второго стратегического эшелона. Она должна была рассматриваться в совокупности со сведениями, полученными из других независимых источников. Судя по всему, подобными сведениями Голиков не располагал, поэтому сообщению «Рамзая» не поверил. Если бы даже информация была доложена Сталину, с большой долей вероятности можно предположить, что по целому ряду причин, и в первую очередь из-за отсутствия подтверждения от источников I-го Управления НКГБ (НКВД) СССР, это не привело бы к принятию стратегически важных решений. А вот неприятности начальнику Разведупра могла доставить. Возможно, именно поэтому он ее и «придержал». А возможно, он не докладывал ее по другой причине — не получив подтверждения от Зорге[37].

Зорге был единственным, кто передал мнение германских стратегов о «большой тактической ошибке», которую совершил Советский Союз. Глубокое расположение войск, как считалось в теории, способствует устойчивой обороне. К исходу 21 июня войска приграничных округов — первый стратегический эшелон — были рассредоточены на глубину до 400 км и более. До одной трети — 58 дивизий (первые эшелоны армий прикрытия) располагалось в районах, удаленных от границы до 50 км; вторая треть — 52 дивизии (вторые эшелоны) находилась на глубине 50—100 км; а остальные 62 (резервы округов) — в 100—400 и более км от границы[38].

Замысел главного командования Красной Армии состоял в том, чтобы войсками первого стратегического эшелона (армиями прикрытия и резервами приграничных округов) отразить первый удар и обеспечить отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил для нанесения ответного удара.

Позиции дивизий армий прикрытия, усиленных полевыми укреплениями, и даже долговременные огневые сооружения укрепрайонов были выдвинуты к самой границе. Поэтому построение обороны в районах и на участках прикрытия не предусматривало создания полосы обеспечения (предполья) достаточной глубины. Стремление прикрыть госграницу на всем ее протяжении привело к тому, что ограниченные силы армий прикрытия были вытянуты вдоль границы «в ниточку». Оборону соединениям первого эшелона армий прикрытия приходилось строить на непомерно широком фронте[39].

Низкие оперативные плотности войск в районах (полосах) прикрытия, именно это имел в виду Зорге, неготовность укрепрайонов и полевых укреплений не обеспечивали устойчивой обороны. В результате по 58 советским дивизиям нанесли удар свыше 120 немецких дивизий, которые сразу же прорвались на большую глубину.

Армии прикрытия по своему составу и оперативному построению, мобилизационной и боевой готовности соединений и частей, по существу, были не в состоянии выполнить поставленную задачу по прикрытию отмобилизова-

ния, сосредоточения и развертывания главных сил фронтов (на полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия планом отводилось до 15 дней) в случае внезапного нападения противника. Тем более они не были способны отразить массированные удары его крупных сил[40].

«Разбить Красную Армию в первом большом сражении», как об этом писал Зорге, и что являлось отражением общего замысла плана «Барбаросса» было заведомо невыполнимой задачей. Однако, немцам удалось «в первом большом сражении» разгромить первые эшелоны армий прикрытия приграничных округов.

3.2. «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна»

(Зорге — Центру, 20 июня 1941 года)

Разнобой в докладах разведки, в том числе Рихарда Зорге, о сроках нападения и его неотвратимости в конце марта — начале апреля был не дезинформацией, а следствием колебаний Гитлера. Принятие окончательного же решения, по-прежнему, оставалось за ним.

Следует напомнить еще раз несколько выдержек из уже цитируемой Директивы № 21:

«... Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г. ...

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены (выделено мной. — *М.А.*)»[41].

Если представить себе, что Директива № 21 оказалась тогда на столе у советского руководства. К каким выводам можно было бы прийти? Таких выводов два, и они взаимоисключающи. Первый вывод: названа дата завершения приготовлений — стратегического развертывания вооруженных сил — требующих более продолжительного времени, т.е. более восьми недель до срока начала операций — к 15 мая 1941 г. Именно 15.05, отложилось у германского военного командования как дата начало операции «Барбаросса», некоторые же посчитали днем начала выступления следующий после 15 мая день — 16.05.

Второй вывод, противоречивший первому, — конкретный срок нападения на Советский Союз был еще не определен, более того, даже допускалась

возможность отмены этой операции. Названная же дата — 15 мая (равно как следующий день — 16 мая) — никоим образом, не являлась датой начала кампании против Советского Союза. Иначе, зачем было оговаривать в Директиве следующие обстоятельства: «на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам»; «опасность возникновения серьезнейших политических осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены»; «приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам сам». Подобные оговорки были предназначены сугубо для внутреннего пользования крайне ограниченным кругом лиц.

Поэтому срок 15 (16) мая 1941 года, как представляется, являлся не окончательным, а возможным.

В фундаментальном труде «Сухопутная армия Германии. 1933—1945» бывший генерал-майор вермахта Буркхарт Мюллер-Гиллебранд свидетельствовал: «Гитлер до последнего момента не объявлял своего решения о сроках фактического начала кампании против Советского Союза. Это обстоятельство приходилось учитывать при проведении подготовительных мероприятий по стратегическому развертыванию сил»[42].

Бывший начальник первого отдела военной разведки и контрразведки Германии генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк показал на Нюрнбергском процессе: «О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 г. от Канариса. Какими источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая»[43].

В военном дневнике генерал-полковника Гальдера значится: «"Барбаросса". 1. Начало операции — 16. 5»[44]. В примечании к немецкому изданию указано: «Так называемый день "Б" — установленный срок начала операции "Барбаросса". Срок был установлен директивой № 21 от 18 декабря 1940 г.». Казалось бы, логично: начало операции назначено на следующий день после завершения стратегического развертывания, то есть 16 мая. Тем не менее, в этих же записях Гальдер делает пометку: «Если операция «Барбаросса» начнется 15 мая 1941 г., то 4-ю горную дивизию не следует посылать в Болгарию!»[45]. Это «если» также свидетельствует о неопределенности срока.

В то же время согласно германским документам и показаниям подсудимых на Нюрнбергском процессе, 15 мая рассматривалось высокопоставленными военными как срок нападения на Советский Союз, причем однозначный, а не возможный.

В части сроков нападения на Советский Союз особняком стоит «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (план "Барбаросса")» от 31 января 1941 г., разработанная Генеральным штабом сухопутных войск[46]. Директива начинается словами: «В случае, если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». По сути, это — повтор оговорок, сделанных в Директиве № 21 от 18 декабря 1940 г.: агрессия состоится в том случае, если СССР «изменит свое нынешнее отношение к Германии». Отсюда: если «нынешняя позиция по отношению к нам» не изменится, то и не будет вторжения.

И опять отсутствует однозначность. Дверь к соглашению с Советским Союзом, если исходить из буквального смысла заявленного, все еще остается приоткрытой, т.е. сложившиеся германо-советские отношения «пусть и с натяжкой» все еще продолжают устраивать Гитлера, однако закладывается прогноз их ухудшения. Допущение, что в этой фразе была заложена дезинформация, абсурдно. Кого собирался дезинформировать Гитлер — высшее руководство вооруженных сил Германии?

В том, что касается сроков нападения на Советский Союз, Директива устанавливает: «...Начало наступления будет отдано единым приказом по всему фронту от Черного до Балтийского моря: (день — Б, время У)». И здесь же: «**Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день «Б») могло быть начато 21.6.** (выделено мной. — *М.А.*)»[47]. Появление данной даты даже в таком эвентуальном контексте — «... могло быть начато 21.6.» — не поддается никакому объяснению. Сам факт появления такой инициативной даты без указаний фюрера, трансформируемых в директивы ОКВ и ОКХ, не понятен. Гальдер же в своем военном дневнике никак не комментирует эту дату, а стоит на своем, как было показано выше, — на 16 мая 1941 г.

Как уже отмечалось, первое сообщение о сроках начала войны против Советского Союза было получено 29 декабря 1940 г. из Берлина: «Война будет объявлена в марте 1941 г.».

В Дневнике штаба руководства военно-морскими операциями за 8—9 января 1941 г. появляется запись: «Позиция России в случае (предстоящих) немецких действий в Болгарии еще не ясна. России нужна болгарская территория для развертывания наступления на Босфор. Надежда на Соединенные Штаты и Россию поддерживает дух Англии. Заметны дипломатические приготовления Англии к сближению с Россией; цель Англии — спровоцировать Россию к нажиму всей ее мощью на Германию... В случае вступления Соединенных Штатов в войну Россия будет стоять на пути всех наших военных усилий. Поэтому нужно заранее исключить всякую возможность подобных угроз. Когда угроза со стороны России будет устранена, мы сможем продолжать войну против Англии во вполне сносных условиях. Поражение России снимет всякое давление с Японии и усугубит опасность положения Соединенных Штатов»[48].

16 января Гальдер записывает: «О докладе фюрера 8—9.1 в Бергхофе. ... Россия: Сталин умен и хитер. Он будет все время увеличивать свои требования. С точки зрения русской идеологии победа Германии недопустима. Поэтому решение: как можно скорее разгромить Россию. Через два года Англия будет иметь 40 дивизий. Это может побудить Россию к сближению с ней.

Япония: Готова к серьезному сотрудничеству. Разрешение русской проблемы [Германией] развяжет Японии руки против Англии на Востоке. Поэтому необходимо радикальное решение проблемы. Как можно скорее!».

Однако окончательное решение Гитлером все еще принято не было.

20 января, в присутствии ряда высокопоставленных лиц Третьего рейха и Италии, в том числе имперского министра иностранных дел Риббентропа и начальника штаба ОКВ Кейтеля, состоялась беседа Гитлера с Муссолини и итальянским министром иностранных дел Чиано. В ходе беседы Гитлер изложил свою позицию по целому ряду вопросов: «Большое значение для нас имеет Ф и н л я н д и я (здесь и далее разрядка документа. — *М.А.*) ввиду ее единственного в Европе месторождения никеля. Хотя русские тоже согласны

поставлять нам никель, они будут делать это только до тех пор, пока захотят. Поэтому Финляндию больше не трогать.

Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонен. Русские становятся все наглее, особенно в те времена года, когда против них ничего не предпринять (зимой).

Сосредоточение германских войск преследует троякую цель: а) операцию против Греции; б) защита Болгарии от России и Турции; в) обеспечение гарантии Румынии.

Для осуществления каждой из этих задач нужна собственная группа войск, задействование которой вдали от наших баз требует много времени.

Желательно, чтобы это сосредоточение закончилось без воздействия противника. Поэтому демаскировать эти войска следует как можно позже. Основная тенденция: как можно позже форсировать Дунай и затем как можно раньше перейти в наступление. (...)

Турция, по всей вероятности, останется нейтральной. Весьма неприятным это может стать для нас, если она заявит о своей солидарности с Англией и предоставит в ее распоряжение свои аэродромы. Общее положение на Востоке можно правильно оценить только с точки зрения положения на Западе.

Нападение на Британские острова — наша последняя цель. Здесь мы находимся в положении человека, у которого в винтовке остался всего один патрон: если он промахнется, ситуация станет еще хуже, чем прежде. Высадку не повторить, так как в случае неудачи будет потеряно слишком много техники. Тогда Англии больше уже не придется ничего опасаться, и она сможет направить свои главные силы на периферию, куда ей вздумается. А пока высадка все еще не состоялась, англичанам приходится считаться с ее возможностью. Высадка возможна только при определенных условиях, которых осенью не было: три дня подряд хорошей погоды. (...)

От Америки, даже, если она вступит в войну, я большой угрозы не жду. Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя мы и имеем с Россией весьма выгодные политические и экономические договора, предпочитаю полагаться на мои силовые средства. Однако весьма значительная часть немецких войск связана на русской границе, и это мешает мне направить достаточное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота.

Правда, пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и острожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнитуре, могут продвинуться в первый.

Следовательно, надо проявлять осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Поэтому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из вида такой фактор, как Россия, и подстраховать себя силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия для нас никакой угрозы не представляла, потому что на суше она для нас совершенно не опасна. Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в дымящиеся развалины, а он для оси жизненно важен...»[49].

«Высказывания фюрера в краткой формулировке» были доведены до командования Вооруженных сил Германии.

Внешне советско-германские отношения в начале 1941 г. складывались вполне благополучно, двустороннее экономическое и даже политическое сотрудничество развивалось. 10 января 1941 г. между СССР и Германией было подписано Соглашение о взаимных торговых поставках на второй договорный период по Хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. Соглашение регулировало товарооборот между СССР и Германией до 1 августа 1942 г. СССР брал на себя обязательства поставлять Германии промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, в особенности зерновые; Германия обязывалась направлять в СССР промышленное оборудование, включая станки для оборонной промышленности. Советскому Союзу для ознакомления передавались новейшие образцы военной техники, в частности авиационной. Все это, казалось, свидетельствовало об отсутствии у Германии враждебных намерений.

10 января 1941 г. между странами был подписан Секретный протокол, который изменил условия Секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. в отношении Литвы: Германия отказывалась от притязаний на «полосу литовской территории, упомянутую в Секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г.», а СССР обязался компенсировать Германии за эту территорию Литвы 7 млн 500 тыс. золотых долларов, равных 31 млн 500 тысяч германских марок[50]. Подписание Секретного протокола, как представлялось, свидетельствовало о том, что обе стороны придерживаются условий Советско-германского пакта о ненападении.

Однако, по мнению Германии, «Советская Россия усилила свою все более открыто направленную против Германии политику, и ее все более тесное сотрудничество с Англией проявлялось все яснее»[51].

Шуленбург так докладывал о встрече с Молотовым, состоявшейся по инициативе последнего 17 января 1941 г.: «Поскольку наиболее важные экономические вопросы в отношениях между Германией и СССР были урегулированы недавно заключенными договорами, теперь наступило время вернуться к чисто политическим вопросам. Советское правительство удивлено, что оно еще не получило от Германии никакого ответа на заявление о своей позиции от 25 ноября, касающейся поднятых во время Берлинских переговоров вопросов, и он [Молотов] был бы признателен, если бы я смог обратить на этот факт внимание правительства Германской Империи, отметив, что советское правительство рассчитывало на скорое получение германского ответа»[52].

Относительно Балкан Молотов заявил Шуленбургу: «Согласно всем поступившим сообщениям, германские войска в огромном количестве сосредоточены в Румынии и готовы вступить в Болгарию с целью оккупировать Болгарию, Грецию и Проливы. Нет никакого сомнения, что Англия попытается предвосхитить операции германских войск, оккупировать Проливы, начать, в союзе с Турцией, военные операции против Болгарии и превратить Болгарию в театр военных действий. Советское правительство неоднократно обращало внимание правительства Германской Империи на то, что оно рассматривает территорию Болгарии и Проливы как зону безопасности СССР и что поэтому перед лицом событий, которые угрожают безопасности интересов СССР, оно не может оставаться безразличным. Соответственно, советское правительство считает своей обязанностью обратить внимание на тот факт, что оно будет считать появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии или в Проливах нарушением интересов безопасности СССР».

Эта позиция пополнила «список Гитлера» германских претензий к Советскому Союзу.

22 января советскому послу в Берлине были даны «исчерпывающие разъяснения причин и целей военных мер Германии на Балканах»: «... 2. Фюрер неоднократно подчеркивал господину Молотову во время его визита в Берлин в ноябре, что Германия всеми военными средствами предвосхитит любую попытку Англии получить плацдарм на греческой земле... Поэтому на Балканах производится определенная концентрация войск, имеющая своей единственной целью предотвращение приобретения Британией плацдарма на греческой земле. 3. Германия не намерена оккупировать Проливы. Она будет уважать территории, находящиеся под турецким суверенитетом, если Турция, со своей стороны, не совершит какого-либо враждебного акта против германских войск. С другой стороны, однако, германская армия намерена пройти через Болгарию в случае, если какие-либо операции будут производиться против Греции... 4. Для операции, которая может быть предпринята против Англии в Греции, Германия проводит концентрацию войск на Балканах в таких масштабах, чтобы иметь возможность расстроить любые попытки Англии создать фронт в этих районах. Имперское правительство уверено, что, поступая таким образом, оно преследует также и интересы СССР, который был бы против получения Англией плацдарма в этих районах. 5. Имперское правительство, как оно указало по случаю визита в Берлин господина Молотова, понимает советскую заинтересованность в Проливах и готово в подходящий момент одобрить пересмотр конвенции в Монтрё. Германия, со своей стороны, политически не заинтересована в Проливах и выведет свои войска после завершения своих операций на Балканах»[53].

По вопросу о продолжении политических переговоров, начатых в Берлине, Молотову было заявлено следующее: «...Имперское правительство находится в контакте по всем этим вопросам с правительствами своих союзников — Италии и Японии, и оно надеется, что в ближайшем будущем, после того как в этом вопросе будет наведена еще большая ясность, оно сможет возобновить политические переговоры с советским правительством»[54].

Тем временем военная машина Германии продолжала подготовку к войне. 15 февраля начальник штаба ОКВ Кейтель издал директиву по маскировке военных планов германского руководства[55].

«1. Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции "Барбаросса". Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение.

Чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо на первом этапе, то есть приблизительно до середины апреля, сохранять ту неопределенность информации о наших намерениях, которая существует в настоящее время. На последующем, втором этапе, когда скрыть подготовку к операции "Барбаросса" уже не удастся, нужно будет объяснять соответствующие действия как дезинформационные, направленные на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию.

2. Во всей информационной и прочей деятельности, связанной с введением противника в заблуждение, руководствоваться следующими указаниями.

а) На первом этапе:

усилить уже и ныне повсеместно сложившееся впечатление о предстоящем вторжении в Англию. Использовать для этой цели данные о новых средствах нападения и транспортных средствах;

преувеличивать значение второстепенных операций "Марита" (операция по вторжению в Грецию. —*М.А.*) и "Зонненблюме" (план переброски немецких войск в Северную Африку. — *М.А.*), действий 10-го авиационного корпуса, а также завышать данные о количестве привлекаемых для их проведения сил;

сосредоточение сил для операции "Барбаросса" объяснять как перемещения войск, связанные с взаимной заменой гарнизонов запада, центра Германии и востока, как подтягивание тыловых эшелонов для проведения операции "Марита" и, наконец, как оборонительные меры по прикрытию тыла от возможного нападения со стороны России.

б) На втором этапе:

распространять мнение о сосредоточении войск для операции "Барбаросса" как о крупнейшем в истории войн отвлекающем маневре, который якобы служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию;

пояснять, что этот маневр возможен по следующей причине: благодаря мощнейшему действию новых боевых средств достаточно будет для первого удара сравнительно малых сил; к тому же перебросить в Англию крупные силы все равно невозможно ввиду превосходства на море английского флота. Отсюда делать вывод, что главные силы немецких войск могут быть на первом этапе использованы для отвлекающего маневра, а сосредоточение их против Англии начнется только в момент нанесения первого удара».

«Б. Порядок осуществления дезинформации.

I. Информационная служба (организуется начальником управления военной разведки и контрразведки). Принцип: экономное использование версии об общей тенденции нашей политики и только по тем каналам и теми способами, которые будут указаны начальником управления военной разведки и контрразведки.

Последний организует также передачу нашим атташе в нейтральных странах и атташе нейтральных стран в Берлине дезинформационных сведений. Эти сведения должны носить отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции...»

Япония нейтральной страной не являлась, она была союзницей Германии по Трехстороннему пакту.

22 февраля послу Шуленбургу поступила из Министерства иностранных дел шифрованная телеграмма с грифом «Конфиденциально. Главе дипломатической миссии или его представителю лично. Государственная тайна. Должно быть расшифровано лично. Совершенно секретно. Ответ курьером или секретным шифром» за подписью Риттера, посла по особым поручениям, главного экономического эксперта МИД Германии: «В телеграфной инструкции за № 36 от 7 января было сделано указание на то, что в течение какого-то времени желательно поддерживать неопределенность в сообщениях о количестве германских войск и что в подходящее время будет сообщено о полной мощи войск. Теперь это время пришло.

В Румынии в боевой готовности находятся 680 000 (шестьсот восемьдесят тысяч) германских войск. Среди них очень высокий процент технических войск, особенно бронетанковых сил, с самым современным вооружением. В тылу этих войск, в Германии, находятся неисчерпаемые резервы, в том числе регулярные войска, сосредоточенные на германо-югославской границе.

Я прошу членов дипломатической миссии и возможных доверенных лиц начать приемлемым способом во впечатляющей форме давать знать об этой

силе, указывая, что ее более чем достаточно, чтобы справиться на Балканах с любым непредвиденным обстоятельством с любой стороны, причем делать это не только в правительственных кругах, но также и среди заинтересованных иностранных дипломатов. Оставляю на Ваше усмотрение, когда не следует называть точную цифру, указанную выше. Напротив, можно также использовать намеки и околичности, как, например, "едва ли не 700 000" и т. п.»[56].

В связи с недавним заявлением Советского Союза, что он рассматривает присутствие иностранных вооруженных сил в Болгарии «как нарушение интересов безопасности СССР», Берлин, опасаясь применения СССР военной силы при введении соединений и частей вермахта в Болгарию, попытался припугнуть Москву своей военной мощью, существенно преувеличив численность развернутых в Румынии войск. Не исключено, что дезинформацию с существенно завышенным числом находившихся там германских солдат и офицеров предполагалось использовать и для политического шантажа СССР.

1 марта Болгария подписала протокол о присоединении к Трехстороннему пакту (20 ноября 1940 года протокол о присоединении к этому пакту подписала Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — марионеточное государство Словакия). На следующий день, 2 марта, германские войска были введены в Болгарию. В состоявшейся накануне беседе с Шуленбургом Молотов выразил «глубокую озабоченность тем, что в вопросе, представляющем для Советского Союза такое [большое] значение, германское правительство приняло решение, противоречащее мнению советского правительства об интересах безопасности СССР»[57]. «Советское правительство неоднократно подчеркивало германскому правительству, — заявил Молотов, — как во время берлинских переговоров, так и позже — свою особую заинтересованность в Болгарии. Следовательно, оно не может оставаться безразличным к последним германским мероприятиям и должно будет определить свое отношение к ним. Оно надеется, что правительство Германской империи придаст должное значение этому решению»[58].

3 марта СССР заявил, что не считает правильной позицию, занятую болгарским руководством, поскольку она «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и втягиванию в нее Болгарии», и потому не может «оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»[59]. В Берлине данное заявление было квалифицировано как «носившее прямо враждебный характер по отношению к Германии и сводившееся к тому, что пребывание германских войск в Болгарии служит не миру на Балканах, но войне. Германское правительство почерпнуло объяснение этой позиции из участившихся к этому времени сведений о том, что сотрудничество между Советской Россией и Англией становится все теснее»[60].

К этой же категории в Германии было отнесено и заявление советского правительства, сделанное 24 марта 1941 года: «Если Турция действительно подвергнется нападению и будет вынуждена вступить в войну для защиты своей территории, то Турция, исходя из существующего между нею и СССР пакта о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР»[61]. Это заявление было расценено Германией как «обещанное советским правительством в марте 1941 г. Турции обеспечение ее тыла на случай, если бы она вступила в войну на Балканах. Как было известно германскому правительству, это было результатом англо-советских переговоров во время

посещения Анкары английским министром иностранных дел, усилия которого были направлены на то, чтобы таким путем все теснее втягивать Советскую Россию в английскую комбинацию»[62].

Позиция Советского Союза по Болгарии и Турции, по сути, не изменилась с момента представления Молотовым в ноябре 1940 года условий по участию в «пакте четырех держав».

Попытки Гитлера просчитывать варианты возможного решения в противостоянии с Советским Союзом, возможность прибегнуть к угрозе применения силы, к предъявлению ультиматума (ведь предъявил же СССР ультиматум Румынии с требованием передать ему Бессарабию и Северную Буковину, и Бухарест уступил) находили отражение в шифровках, поступавших в Центр от зарубежных резидентур. Поиск Гитлером приемлемого решения на фоне наращивания группировки на советских границах находили отражение в шифртелеграммах и подготовленных на их основе спецсообщениях руководству страны. И до начала апреля эти донесения дезинформацией не являлись.

10 марта «Рамзай» сообщал: «Новый германский ВАТ получил от прежнего атташе письмо, описывающее резко антисоветские тенденции среди высшего немецкого офицерства и кругов Гиммлера. Новый германский ВАТ считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза...»

Речь шла о письме полковника Матцки (Мацке) сменившему его полковнику Кречмеру.

На ужесточение позиции Гитлера по отношению к СССР повлияли югославские события. 25 марта 1941 югославский премьер Цветкович подписал венский протокол о присоединении его страны к Тройственному пакту, что, однако, вызвало бурный протест населения. В ночь на 27 марта группа офицеров во главе с командующим югославскими ВВС генералом Симовичем совершила государственный переворот, свергнув князя-регента Павла. Это вызвало болезненную реакцию в Берлине, хотя новое правительство Югославии не денонсировало протокол о присоединении к Тройственному пакту.

В тот же день Гитлер подписал ОКВ № 25 о подготовке операции по захвату Югославии — одновременно с вторжением в Грецию. Директива предусматривала «уничтожение Югославии как военной и политической силы».

В докладе о заседании в штабе оперативного руководства вооруженными силами от 27 марта говорится: «Фюрер дает оценку ситуации в Югославии после государственного переворота... Фюрер... указывает на необходимость подготовки к военному разгрому Югославии с целью уничтожения ее как государства... **В связи с этим осуществление плана Барбаросса должно быть отсрочено не менее чем на четыре недели** (выделено мной. — *М.А.*)...»[63].

В конце марта Гитлер впервые заговорил о политико-идеологическом характере войны против СССР. Гальдер в своем дневнике записал: «30 марта 1941 г. Большое совещание у фюрера. Почти 2,5-часовая речь следующего содержания.

...Роль и возможности России: обоснование необходимости [военного] разрешения русской проблемы. Только при условии окончательного и полного решения всех сухопутных проблем мы сможем выполнить стоящие перед нами задачи (в отношении техники и, личного состава) в воздухе и на море в течение ближайших двух лет.

Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство.

Борьба двух идеологий: уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника.

Будущая картина политической карты России: Северная Россия отойдет к Финляндии; протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии. Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции.

Новые государства должны быть социалистическими государствами, но без собственной интеллигенции. Не следует допускать, чтобы у них образовалась новая интеллигенция. Здесь будет достаточно лишь примитивной социалистической интеллигенции. Следует вести борьбу против яда деморализации. Это далеко не военно-судебный вопрос.

Командиры частей и подразделений должны знать цели войны. Они обязаны руководить этой борьбой. Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и лица, принадлежащие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать как с преступниками. Поэтому командиры должны прочно держать в руках свои войска. Командир обязан отдавать свои приказы, учитывая настроения войск.

Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания»[64].

3 апреля появляются Указания начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтеля, подтверждающее заявление Гитлера от 27 марта: «1. **Время начала операции "Барбаросса" вследствие проведения операций на Балканах откладывается, по меньшей мере, на четыре недели** (выделено мной. — *М.А.*).

2. Несмотря на перенос срока, приготовления и впредь должны маскироваться всеми возможными средствами и преподноситься войскам под видом мер прикрытия тыла со стороны России. Все мероприятия, которые связаны непосредственно с наступлением, должны быть отодвинуты, насколько это будет возможно, на более поздний срок...»[65].

Из показаний генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса на Нюрнбергском процессе: «Начало войны было приурочено к тому времени, которое являлось бы наиболее подходящим для продвижения больших войсковых частей на территории России. Возможности такого продвижения ожидались в середине мая. И соответственно этому были предприняты все приготовления. Этот план был изменен, так как Гитлер в конце марта решился в связи с изменившимся положением в Югославии напасть на Югославию. 8 апреля 1941 г. был установлен новый срок (здесь Паулюс путает даты, что документально подтверждено. — *М.А.*)... В результате своего решения напасть на Югославию Гитлер изменил сроки выступления. **Выступление должно было быть отсрочено примерно на пять недель, то есть оно намечалось на вторую половину июня** (выделено мной. —*М.А.*). И, действительно, нападение на СССР состоялось во второй половине, а именно 22 июня 1941 г.»[66].

Следует обратить внимание на фразу Паулюса о начале выступления: «оно намечалось на вторую половину июня...». Срок вторжения в Советский Союз — вторая половина июня — также присутствовала в донесениях разведчиков. И это была отнюдь не дезинформация.

На советско-югославских переговорах, начавшихся 3 апреля в Москве, югославская сторона предложила свой проект договора о дружбе и союзе, дав согласие на ввод советских войск. Оценивая ситуацию в Югославии, советский НКИД полагал, что югославское руководство «серьезно готовится дать отпор немецким притязаниям, не останавливается даже перед войной для защиты своей независимости». Поэтому «политическая поддержка Югославии со стороны СССР в ее борьбе за сохранение своей государственной независимости соответствовала бы нашим государственным интересам. Разумеется, тот или иной соответствующий шаг с нашей стороны не явится абсолютной гарантией того, что Югославия не подвергнется нападению со стороны держав "оси", но сам факт нашей поддержки будет иметь огромное политическое значение для Югославии и в то же время в серьезной степени укрепит наши позиции на Балканах»[67].

4 апреля советская сторона предложила свой проект договора о дружбе и ненападении. Югославия попросила убрать из договора фразу о сохранении нейтралитета в случае нападения на одну из договаривающихся сторон и ускорить советские военные поставки. В тот же день Молотов проинформировал посла Германии Шуленбурга о проходящих переговорах. По мнению советского правительства, указал Молотов, это не идет вразрез со стремлением Германии бороться против расширения войны. В этой связи советское правительство выражает надежду, что Германия сделает все, чтобы сохранить мир с Югославией Шуленбург выразил сомнение, что момент для подписания договора выбран удачно, и заметил, что «заключение договора создаст в мире нежелательное впечатление». Политика Югославии не ясна, а ее отношение к Германии «просто вызывающе». На это Молотов ответил, что Югославия подписала с Германией протокол о присоединении к Тройственному пакту, и югославский посол в Москве заверил советское правительство, что Югославия продолжает его поддерживать. Исходя из этого, советское правительство и решило в ближайшие дни подписать договор. Шуленбург ответил, что Югославия не подтвердила свое вступление в Тройственный пакт, и выразил сомнение в доброй воле югославского правительства. Заявив, что «он убежден в мирных намерениях югославского правительства», Молотов закончил беседу утверждением, что советское правительство «обдумало свой шаг и приняло окончательное решение», и настоятельно попросил германское правительство сделать «все возможное для сохранения мира на Балканах»[68].

5 апреля Советский Союз заявил Югославии, что не против ее сближения с Англией, которое считает «целесообразным». Цель Кремля «заключалась в том, чтобы Югославия, очевидно, в купе с Грецией образовали при возможно более деятельном участии Англии антигитлеровский фронт на Балканах, который был бы способен на какое-то время приковать к себе достаточно значительные силы Германии». Москва была готова тайно поддерживать этот фронт. Ночью 6 апреля, в ходе последних согласований, Сталин решил вычеркнуть из договора упоминание о «нейтралитете», и около 3 часов утра был подписан «Договор о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и королевством Югославия», датированный 5 апреля[69].

Согласно статье I, «Обе Договаривающие Стороны взаимно» обязались «воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга и уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность СССР и Югославии»[70]. «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней» (статья II).

Формулировки договора были туманными и необязательными. Тем не менее, он вызвал крайне негативную реакцию Германии. «Усилившийся с тех пор агрессивный характер политики советского правительства по отношению к Германии и до тех пор несколько замаскированное проведение политического сотрудничества Советского Союза с Англией с началом балканского кризиса в начале апреля с. г. стали ясными для всех, — говорится в ноте МИД Германии советскому правительству от 21 июня 1941 года. — Теперь неоспоримо установлено, что устроенный в Белграде путч после присоединения Югославии к Пакту трех держав был инсценирован Англией в согласии с Советской Россией...

В то время, когда германские войска стягивались на румынской и болгарской территориях против массовых высадок английских войск в Греции, советское правительство, теперь уже в полном согласии с Англией, пытается нанести Германии удар в спину:

1. открыто поддерживая Югославию в политическом и военном отношениях,

2. пытаясь побудить Турцию обещанием прикрытия ей тыла к занятию агрессивной позиции против Германии и Болгарии и к выступлению турецких армий в весьма невыгодном военном положении во Фракии...»[71].

Так в «списке Гитлера» появилась очередная и последняя претензия к внешней политике Советского Союза. Оставалось только определить окончательные сроки нападения. Период колебаний на этом закончился.

Рано утром 6 апреля вермахт перешел границу Югославии и Греции. В тот же день в 16.00 Шуленбург информировал Молотова о начале войны на Балканах. Эти действия Германии объяснялись угрозой англо-югославо-греческой военной акции против Германии и Италии. Германское правительство заявляло, что не имеет на Балканах «совершенно никаких интересов, политических или территориальных, и выведет войска с Балкан после выполнения своей задачи». В ответ Молотов выразил сожаление, что расширение войны оказалось неизбежным. Вместе с тем 12 апреля СССР решительно осудил участие Венгрии в войне против Югославии[72].

17 апреля Югославия капитулировала, а 23 апреля прекратила сопротивление и Греция. Английские войска были вынуждены эвакуироваться на Крит.

11 апреля Зорге сообщал из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 апреля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Я узнал относительно щекотливых германо-советских отношений следующее: к человеку Гиммлера, по фамилии Губер, работающему в герман-

ском посольстве в Токио, приехал заместитель, который сказал Губеру, чтобы он выехал в Германию немедленно, так как новый человек полагает, что война между СССР и Германией может начаться в любой момент после возвращения Мацуока в Токио.

Германский морской атташе сообщил мне, что неожиданно получил приказание отправить сырье не через Сибирь, а на пароходах, оперирующих в южной части Тихого океана в качестве рейдеров. Но впоследствии от этого отказались, и он полагает, что напряженность во взаимоотношениях между Германией и Советским Союзом уменьшилась.

Германское посольство получило от Риббентропа телеграмму, в которой заявляется, что Германия не начнет войны против СССР, если она не будет спровоцирована Советским Союзом. Но, если она окажется спровоцированной, то война будет короткой и закончится жестоким поражением СССР. Немецкий генштаб закончил всю подготовку».

«[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО9

Послать (два последних абзаца — *М.А.*) в 4 адреса.

Г.

19/IV

Доложено НКО.

Г.»

Германия остро нуждалась в некоторых особо дефицитных видах сырья — каучуке, вольфраме, сере, олове и т. п. 28 января 1941 г. Гальдер записал: «10.30 — Совещание с Фроммом, Томасом, Ханнекеном, Леебом, Зейделем (ВВС) и другими по вопросам подготовки к операции «Барбаросса» ...

К концу февраля наши запасы каучука будут исчерпаны, после чего останется лишь надежда на те 12 тыс. тонн, которые должны прибыть из Индокитая и Южной Америки на судах... Еще 25 тыс. тонн каучука закуплено французами, но японцы не допускают его вывоза. На период после апреля никаких определенных сведений или прогнозов дать нельзя. Начиная с мая, мы окажемся в полной зависимости от сомнительного ввоза. Вся ставка — на импорт. — Замена резины железными бандажами возможна только у автомашин грузоподъемностью ниже 3 тонн. Для легковых машин можно использовать резину с бездействующих автомашин (запас на три месяца)».

Штабу руководства войной на море была поставлена задача: посылать под чужими флагами суда в нейтральные страны, скупать сырье и доставлять его в Германию под охраной «прерывателей блокады» — вспомогательных крейсеров или подводных лодок.

Прекращение доставки стратегического сырья через территорию СССР являлось одним из признаков намерений Германии развязать войну в ближайшее время. В самом деле, запрет на переброску сырья через Сибирь временно отменили, и он был вновь введен в середине мая.

В начале апреля Гитлер приходит к заключению, что Россия изменила «свою нынешнюю позицию по отношению к нам», и оговорка на этот счет, сделанная в Директиве № 21 от 18 декабря 1940-го и в Директиве главного командования от 31 января 1941 года, может быть снята.

30 апреля была, наконец, произнесена дата — 22 июня 1941 года. Как следует из доклада на совещании Гитлера с начальником отдела обороны штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных

сил: «1. График операций "Барбаросса". Фюрер решил: операция Барбаросса начинается 22 июня. Начиная с 23 мая в действие входит расписание максимального передвижения войск...»[73].

Из протокола совещания у начальника отдела обороны страны штаба Верховного главнокомандования вермахта: «... 2. Соотношение сил по плану "Барбаросса":

— полоса "Север" — германские и русские силы примерно равны;

— полоса "Центр" — сильное германское превосходство;

— полоса "Юг" — русское превосходство.

3. Русское сосредоточение и развертывание: дальнейшие крупные передвижения войск к германо-русской границе.

4. Оценка реализации плана "Барбаросса" главнокомандующим сухопутными войсками (генерал-фельдмаршал В. фон Браухич. — *М.А.*). Предположительно, ожесточенные приграничные сражения, продолжительность — до четырех недель. В дальнейшем же ходе операции можно рассчитывать только на более слабое сопротивление.

Оценка русского солдата. Русский солдат будет обороняться там, где он поставлен, до последнего»[74].

«В первоначальном варианте "Барбаросса", а именно в директиве № 21, предполагалось, что вторжение будет иметь место приблизительно 15 мая 1941 г. — Отмечал в своем выступлении заместитель Главного обвинителя от США С. Олдерман на Нюрнбергском процесс. — Однако в это время нацистские заговорщики были заняты проведением кампании на Балканах, и поэтому были вынуждены отложить "Барбаросса" на несколько недель...

Я представляю документ США-136 как доказательство. Я хотел бы зачитать один отрывок из второго абзаца. Запись от 3 апреля 1941 г. Там говорится "...Операции на Балканах отсрочили "Барбаросса" сначала на срок, приблизительно, 5 недель. Все меры, которые могут определяться как наступательные действия, должны быть приостановлены в соответствии с приказом фюрера...". Однако к концу апреля события значительно определились, что дало возможность Гитлеру окончательно установить день вторжения 22 июня, то есть позднее более чем на 7 недель»[75]. На самом деле, срок нападения на Советский Союз был перенесен на пять недель.

СССР стремился отсрочить столкновение с Германией и ее союзниками и устранить все, что могло быть использовано в качестве повода для конфликта. После «замораживания» советской стороной январских и февральских поставок в Германию, предусмотренных двусторонним соглашением от 10 января 1941 г., в марте—апреле был не только выполнен, но и значительно перевыполнен их объем за квартал. 15 апреля на переговорах по пограничным вопросам НКИД СССР «безоговорочно принял» германские предложения, против которых до этого резко возражал. Стремясь продемонстрировать готовность к мирному диалогу, Москва в апреле неоднократно давала понять, что СССР готов к сближению и сотрудничеству с Тройственным пактом, то есть мог бы вернуться к рассмотрению предложений, которые Гитлер и Риббентроп делали наркому иностранных дел Молотову во время его визита в Германию осенью 1940 г.[76].

В середине апреля Шуленбург был вызван в Берлин для консультации. По свидетельству советника германского посольства в Москве Густава Хильгера, Шуленбург привез в Берлин меморандум, составленный им совместно

с военным атташе генералом Кёстрингом. Документ был направлен по служебным каналам Гитлеру. Аудиенции пришлось ждать две недели. 28 апреля она состоялась. Характер и тон беседы не оставили у посла сомнений в том, что решение о нападении принято и Гитлер занят поисками аргументов для его оправдания. В частности, Гитлер настаивал, что советско-югославский договор от 5 апреля заключен, чтобы запугать Германию. «Я отрицал это, — пишет Шуленбург в меморандуме, составленном после беседы, — и повторил, что русские только намеревались подчеркнуть свой интерес, но, тем не менее, проявили корректность, уведомив нас о своем намерении». Гитлер утверждал, будто советское командование проводит стратегическое сосредоточение. Шуленбург это отрицал: «Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию». Расставаясь с послом, Гитлер сказал: «О, вот еще что: я не намереваюсь воевать против России»[77].

Но 30 апреля, по возвращении в Москву, Шуленбург сообщил встречавшему его на аэродроме советнику Хильгеру: «Жребий брошен. Война с Россией решена»[78].

2 мая посол доложил из Москвы в МИД Германии: «Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты»[79].

В тот же день «Рамзай» отправил в Центр радиосообщение:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 2 мая 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой.

Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты.

Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент так, что Германии останется только собрать урожай.

Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика по тому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба*.

Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией (выделено мной. — *М.А.*).

Однако Отт, который лично против такой войны, в настоящее время настроен настолько скептически, что он уже предложил Принцу Ураху выехать в мае обратно в Германию.

№114,115,116. РАМЗАЙ.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: «НО 9

Дать в пять адресов (без зачеркнутого).

Г. 6/5.41»

На допросе в токийской тюрьме Рихард Зорге, говоря о содержании бесед в конце апреля 1941 г. с германским военным атташе в Японии полковником Кречмером, показал: «Вопрос о войне всецело зависел от того, какова будет воля Гитлера, но отнюдь не был связан с позицией Советского Союза»[80].

О том, что 30 апреля Гитлер определился с датой начала проведения операции «Барбаросса», германские посол и морской атташе в Японии знать еще не могли, поэтому они рассуждали о сроках нападения с точки зрения военных специалистов, которые черпали информацию не только из официальных депеш, но и из частной переписки, из разговоров прибывавших в Токио в командировки (или следовавших через Токио) офицеров. И наконец, в телеграмме подчеркивалось, что окончательное решение оставалось за Гитлером. Срок окончания сева в СССР, по немецким представлениям — середина июня.

31 мая в «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья токийского корреспондента газеты Джозефа Ньюмена под названием «Токио ожидает, что Гитлер двинет на Россию». Статья была подготовлена по материалам, переданным американскому журналисту Вукеличем. Источником информации Вукелича являлся Зорге. В статье, в частности, говорилось: «Информация, полученная заслуживающими доверия источниками в Токио, свидетельствует, с их точки зрения, о том, что напряженность между Россией и Германией достигла за последние несколько недель почти что точки взрыва и не спадает из-за ожидаемого решения фюрера Адольфа Гитлера двинуться против Советского Союза.

Эти источники считают, что единственно возможным временем нападения Германии на Россию является отрезок между завершением сева зерновых на Украине и созреванием урожая. Они добавляют также, что если нападение не произойдет в конце июня, оно будет отложено до следующего года. Что касается германских кругов здесь (в Токио. — *М.А.*), они говорят о том, что Советский Союз может быть разбит в течение двух месяцев.

Цели германского нападения на Советский Союз, по словам этих источников, в следующем: а) устранить опасность, исходящую от единственной огромной сухопутной армии на европейском континенте, прежде чем начать новую кампанию на западе в связи с ожидаемым вступлением в войну Аме-

---

* Этот абзац в тексте отмечен и перечеркнут. На полях резолюция НУ: «НО.9 Включить в выписки. Г».

рики; сделать возможной последующую демобилизацию нескольких миллионов высвобождающихся германских солдат, в которых остро нуждается промышленность; б) приобрести украинские зерновые без оплаты их стоимости; в) получить рабочую силу с Украины, чтобы обеспечить выполнение новых задач на западе»[81].

Передавая материалы американскому журналисту, Зорге явно пытался обратить внимание советского руководства на нависшую угрозу. Кстати, редакция «Нью-Йорк геральд трибюн» не оценила сенсационность статьи и поместила ее на 21 полосу.

Джозеф Ньюмен приехал в Японию в 1937-м, его корпункт находился в здании телеграфного агентства «Домэй цусин». Там же располагался и корпункт французского информационного агентства «Гавас», сотрудником которого являлся «Жиголо» — Бранко Вукелич. Из показаний Вукелича: «С весны 1941 года по согласованию с Зорге я проводил специальную работу с американским корреспондентом Ньюменом. Мы обсуждали с ним японо-американские отношения, изыскивая возможности сделать американскую политику более благоприятной для Советского Союза. Я старался разъяснить Ньюмену, что германская политика направлена на то, чтобы втянуть Японию в войну против Англии и Америки и превратить ее в пятую колонну Германии. Исходя из этого, я советовал ему написать соответствующую статью. Доверяя мне, Ньюмен написал такую статью, и она была опубликована в "Нью-Йорк геральд трибюн"»[82]. В газете появились как минимум три материала Ньюмена, которые можно рассматривать как инспирированные Рихардом Зорге[83].

15 мая вновь была поднята тема азиатского сырья. Сотрудник германского посольства в Москве «ХВС» («Х» — Герхард Кегель) передал донесение, которое перекликается с апрельским донесением Зорге: «Немцы намерены перебросить весь каучук из Азии в Германию до 15 мая 1941 г. или вовсе оставить его в Азии. Сотрудники посольства в срочном порядке отправляют ценности в Берлин»[84]. Сплошные признаки — «косвенные доказательства», по определению Зорге, подготавливавшейся войны.

19 мая 1941 г. Зорге докладывал из Токио: «Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени.

Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать...».

И опять признак неминуемой войны — приказ германским представителям вернуться в Берлин. Судя по всему, речь шла о сотрудниках технического департамента германских воздушных сил, которые «жестко» привязывали срок своего возвращения с началом войны, о чем и шла речь в телеграмме.

30 мая Гальдер записал: «Фюрер решил, что срок начала операции «Барбаросса» прежний — 22.6»[85]. Значит, даже тогда все еще существовала, пусть призрачная, возможность изменения сроков нападения.

В этот же день Зорге докладывал в Москву:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 30 мая 1941 года
По телеграфу.

Берлин информировал Отт, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня (выделено мной. — *М.А.*). Отт на 95%

уверен, что война начнется. Косвенные доказательства, которые я вижу к этому в настоящее время, таковы:

Технический департамент германских воздушных сил в моем городе получил указания вскоре возвратиться. Отт потребовал от ВАТ [военного атташе], чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука через СССР сокращен до минимума.

Причины для германского выступления: существование мощной Красной Армии не дает возможности Германии расширить войну в Африке, по тому что Германия должна держать крупную армию в Восточной Европе. Для того, чтобы ликвидировать полностью всякую опасность со стороны СССР, Красная Армия должна быть отогнана возможно скорее. Так заявил Отт.

№30,31. РАМЗАЙ.

Расш. Лакучинов.
Перевел Добровинский. 23.00 2.6.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 5: запросить Гущенко,
находится ли в Японии технич.
департ-нт германск. ВВС.

Г.».

И в этой телеграмме Зорге перечисляет признаки — «косвенные доказательства» неминуемого развязывания войны Германией.

«Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня, — доносил Зорге 1 июня, — базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе.

Отт заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла...».

22 июня, как дата вторжения, было определено Гитлером на совещании 30 апреля. А до этого в определении срока начала войны исходили из указания Гитлера от 27 марта и 3 апреля — «Время начала операции "Барбаросса" вследствие проведения операций на Балканах откладывается, по меньшей мере, на четыре недели», т.е. до середины июня.

5 июня на проведенном в Ставке совещании Гитлер утвердил расчет времени в качестве основы при проведении дальнейших подготовительных мероприятий к операции «Барбаросса»: «День вторжения — 22.6. Время начала вторжения сухопутных войск и перелета границы военно-воздушными силами — 3 ч. 30 мин»[86].

10 июня главнокомандующим сухопутными войсками генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем было отдано распоряжение: «На основе предложения, представленного главным командованием сухопутных войск, верховное главнокомандование вооруженных сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки:

1. Днем "Д" операции "Барбаросса" предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал "Дортмунд". Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов;

б) сигнал "Альтона". Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно»[87].

Даже в этом документе закладывалась возможность дважды перенести сроки начала агрессии: не позднее 18 июня (без раскрытия «данных о направлении главного удара») и в 13.00 21 июня (с «полным раскрытием целей сосредоточения немецких войск»).

Как известно, сроки вторжения в Англию многократно переносились: сначала предполагалось закончить приготовления до середины августа 1940 г.; затем планировалось осуществить высадку 15 сентября; 3 сентября был установлен новый срок — 21 сентября; в последующем поступили указания ориентироваться на 27 сентября; после этого было предложено ориентироваться на 8 октября; 12 октября Гитлер отменил вторжение «по крайней мере до весны».

21 июня 1941 г. Гитлер направил письмо Муссолини, которое начиналось следующими словами: «Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями. Я прежде всего считаю, что уже нет иного пути для устранения этой опасности. Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к гибельным последствиям... После ликвидации Польши в Советской России проявляется последовательное направление, которое — умно и осторожно, но неуклонно — возвращается к старой большевистской тенденции расширения Советского государства... Русские имеют громадные силы... Собственно, на наших границах находятся все наличные русские войска. С наступлением теплого времени во многих местах ведутся оборонительные работы. Если обстоятельства вынудят меня бросить против Англии немецкую авиацию, возникнет опасность, что Россия со своей стороны начнет оказывать нажим на юге и севере, перед которым я буду вынужден молча отступать по той простой причине, что не буду располагать превосходством в воздухе. Я не смог бы тогда начать наступление находящимися на Востоке дивизиями против оборонительных сооружений русских без достаточной поддержки авиации. Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 года.

Не говоря уже об этом, дуче, трудно предполагать, чтобы нам предоставили такое время. Ибо при столь гигантском сосредоточении сил с обеих сторон — я ведь был вынужден со своей стороны бросать на восточную границу все больше танковых сил и обратить внимание Финляндии и Румынии на опасность — существует возможность, что в какой-то момент пушки начнут сами стрелять. Мое отступление принесло бы нам тяжелую потерю престижа. Это было бы особенно неприятно, учитывая возможное влияние на Японию. Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута... В заключение я хотел бы Вам сказать еще одно. Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом, при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, часто сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени»[88].

При всем лицемерии и актерстве Гитлера, трудно предположить, что окончательное решение напасть на Советский Союз было принято им с легкостью и задолго до написания письма.

15 июня Зорге докладывает в Москву:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 15 июня 1941 года
По радио.

Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет. ...».

В этой телеграмме Зорге переносит указанный им же слов Шолль срок с 15 июня на конец июня. И, конечно, значимо сообщение курьера, прибывшего из Берлина, чем отсутствие информации по этому поводу у военного атташе полковника Кречмера. Однако, «Рамзай», считает нужным сообщить даже об этом.

15 июня Зорге направил в Центр еще одну шифртелеграмму о ходе японо-американских переговоров. Однако и в этом сообщении он не смог не обойти тему надвигавшейся войны:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 15 июня 1941 года
По телеграфу.

...

Мацуока очень обеспокоен слухами относительно возможной войны между Германией и СССР. Он видит единственную надежду на удержание Америки от вступления в европейскую войну и оккупацию Англии германскими войсками отнюдь не в войне с СССР.

Мацуока просил посла Отт доложить об этом Риббентропу.

№ 142 — Рамзай

Расш. Малинников.
Перевел полковник Рогов[89]. 11.20 18.6.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО4
НО9
Дать в 4 адреса.

Г.

18/VI».

20 июня из Токио были направлены три шифртелеграммы, которые приводятся в последовательности их расшифровки в Москве.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 20 июня 1941 года

По данным германского военного атташе, один германский авиаполк, который дрался все время против Англии, сейчас переброшен в Краков.

№144—ИНСОН

Расш. Малинников 01.00 22.06
Перевел: полковник РОГОВ
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[Резолюция ЗНУ]: «Инф: Нанести на карту. П. [ПАНФИЛОВ] 22.6.41».

Передислокация авиационного полка являлась еще одним признаком готовившейся войны.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 20 июня 1941 года
По радио.

По вопросу критического положения отношений между СССР и Германией здесь нет ничего нового в иностранных и внутренних политических кругах Японии, кроме ожидания наступления — момента кризиса. Из Америки до сих пор нет еще ответа.

№. 147 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 13.20 22.6
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: НО4.

Дать указание. В связи создавшимся положением — усилить бдительность. Быть готовым ко всяким неожиданностям. Работать осторожно не покладая рук. Желаю успеха.

АП.[ПАНФИЛОВ]».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 20 июня 1941 года
По радио.

Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии, также хорошо, как это было сделано в самом начале... (искажение) потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши.

Инвест [Одзаки] сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны.

Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока с одной стороны и Хиранума с другой — застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии.

№143—РАМЗАЙ

Расш. Малинников 14.35 22.06
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: Инфор. АП».

Предпоследняя и последняя — самая важная (была получена в 9-м отделе Разведуправления 21 июня в 17.05) — из трех отправленных 20 июня из Токио шифртелеграмм были расшифрованы только днем 22 июня, когда на западных границах Советского Союза велись ожесточенные бои, и шифртелеграммы потеряли свою значимость и отпала необходимость в их докладе руководству страны.

Отт, который сообщил Зорге, что война неизбежна, был проинформирован об этом своим Министерством иностранных дел.

В своих шифртелеграммах Зорге, начиная со второй половины мая докладывал о неминуемости нападения в течение месяца Германии на СССР, хотя и называя при этом разные сроки: конец мая, вторая половина июня, 15 июня, конец июня и радиограмма от 20 июня о том, что «война между Германией и СССР неизбежна». При этом «Рамзай» указывал на «косвенные доказательства» — признаки подготавливаемой войны.

Зорге в своих телеграммах, по сути, изложил общий замысел Директивы № 21 («Операции должны быть проведены таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России») — «Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши», который заключался в новых оперативно-тактических формах применения танковых и моторизованных войск во взаимодействии с авиацией.

Зорге указывал также, на чем базировалась уверенность немцев в успешности блицкрига — ведения скоротечной войны, в которой победа достигается в сроки, исчисляемые неделями или месяцами: «Немецкие генера-

лы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».

Зорге был единственным, кто предупреждал о «большой тактической ошибке», которую, по мнению германских стратегов, совершил Советский Союз, — «тот факт, что оборонительная линия СССР расположена, в основном, против немецких линий без больших ответвлений составляет величайшую ошибку».

Что чувствовал Зорге, когда узнал о нападении Германии на СССР? Вот как вспоминал об этом сотрудник германского посольства Эрвин Бикард. В жаркое воскресенье 22 июня Бикард и военно-воздушный атташе посольства Германии Вольфганг фон Гронау возвращались в столицу из дачного местечка Каруидзава. «На станции Уэно мы купили только что вышедший экстренный выпуск газеты. В нем бросался в глаза крупный заголовок: "Германия напала на СССР". Я жил тогда в отеле "Империал" и, зайдя в свой номер, сразу же спустился перекусить в бар. Там я увидел Рихарда Зорге. Он был уже пьян и пытался высказать посетителям бара, что он думает о Гитлере. В баре были американцы, англичане, французы. Всем своим видом они демонстрировали, что не хотят слушать Зорге. Тогда он начал громко кричать по-английски, что Гитлер — большой преступник, что он напал на СССР после того как недавно заключил договор о ненападении со Сталиным.

Я сел рядом с Зорге. Никто не слушал его выкрики. Я тихо сказал ему: "Зорге, будь осмотрительней. Кругом американцы, англичане и французы, в баре могут быть сотрудники жандармерии". — "А мне плевать на это!" — ответил он. Когда бармен отказался налить ему очередную порцию виски, Зорге выругался. Он был здорово пьян»[90].

По воспоминаниям японской подруги Зорге Ханако Исии, в тот день она впервые увидела, как он плакал: «Я подсела к Зорге и стала гладить ему спину. Заглянув ему в лицо, я заметила, что он плакал. Мне трудно было представить себе плачущего Зорге. Когда я удивленно спросила его, в чем дело, он ответил: "У меня нет друзей и близких. Тяжело". Я подумала тогда, каким одиноким делает человека его работа»[91].

3.3. «Фриц» — самый лучший наш радист»

(Из докладной Артузова Урицкому, январь 1937 года)

Лишь по истечении 1—2-х месяцев после приезда Макс Клаузен предпринял первые шаги по обеспечению своей легализации.

Как указывал Клаузен в своем «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР», он руководствовался следующими соображениями: «Можно было обратиться в коммерческую палату с просьбой дать адреса иностранных фирм, желающих вступить в деловую связь с другими фирмами. Это создало бы видимость какого-то занятия и могло бы обеспечить крышу, но лишь на несколько месяцев, а не на годы. Фактическое развитие деловых связей с иностранными фирмами требует весьма солидного финансирования, иначе полиция очень скоро и просто обнаружит, что это только крыша для какой-то другой деятельности.

Нужно было найти такого рода дело, которое позволяло реально и надежно обеспечить себя от подозрений со стороны полиции».

Полученные (в счет легализационного фонда) 2 тыс. ам. долларов необходимо было использовать в каком-то деле так, чтобы «это стало известно людям, а через них полиции».

Эти соображения и привели Клаузена к мысли использовать в качестве компаньона японца Исери (Изери), с которым он познакомился на пароходе по пути следования из Сан-Франциско в Токио. Историю отношений с ним «Фриц» излагает следующим образом: «Имя японца, которого я встретил на пароходе, было Изери. Он все время крутился около меня, так что я мог предположить, что он японский шпик. Поэтому, приехав в Токио, я счел необходимым познакомить его со своими "делами". Я опросил его, не знает ли он какой-либо фирмы со стоящим товаром, который можно было бы экспортировать. Изери очень хорошо говорил по-английски, и я предложил ему стать моим партнером. Я знал, что приглашаю самого дьявола, но было лучше дер жать его в курсе моих дел, чем отдалять от себя. Он нашел тогда фабрику, производящую дождевые плащи из бумаги».

С владельцем этой фабрики японцем Танакой был заключен соответствующий контракт. Клаузен приобрел права единственного представителя по продаже плащей в Америке и Восточной Азии, обязуясь выплачивать за это Танаке ежегодно 2 тысячи иен.

В дополнение к этому Макс в компании с Исери организовал торговлю жемчугом, скупая его через посредников у фермеров, культивировавших устриц-жемчужниц. Этот начальный период развертывания коммерческой деятельности Клаузен описывает так: «Мы взяли у Танаки образцы товаров и отправили их заграницу. Кроме того, Изери вступил в связь с торговцами, которые скупали жемчуг у фермеров, культивирующих жемчужниц, а не у Микимото (глава крупной японской фирмы, производившей искусственно культивируемый жемчуг. — *М.А.*). Этот жемчуг дешевле, но не хуже. Я финансировал Изери деньгами, а он ходил по большим отелям и продавал жемчуг туристам. Я получал комиссионные. Несмотря на его желание работать со мной, я никогда не забывал об осторожности. Меня интересовало, почему этот человек с готовностью ходит по отелям. Может быть, он полицейский, который должен присматривать за иностранцами в отелях, думал я. Я сказал свое мнение Рамзаю. Рамзай, зная, что я не обнаружу перед Изери свою настоящую деятельность, предложил мне продолжать работать с ним, соблюдая осторожность».

Торговля плащами и жемчугом как небольшое коммерческое дело создавало крышу, но в перспективе оно не могло обеспечить солидность и долговременность. И Клаузен начал подыскивать еще какую-то, более основательную коммерцию.

В 1936 году через владельца немецкого ресторана Кетеля он познакомился с немцем Ферстером, имевшим в пригороде Токио Омори небольшое ремонтно-торговое предприятие: ремонт автомашин и мотоциклов, а также представительство от американских фирм по торговле в Японии и Китае мотоциклами, велосипедами, автомаслом, графитом и т. п. «У него... не было денег для налаживания дела. Я помог ему деньгами и стал его партнером по делу. ФЕРСТЕР был настоящим бандитом, но он умел хорошо рекламировать свое дело, и это было как раз то, что мне было нужно. Теперь я был участни-

ком в экспортно-импортном деле и компаньоном небольшой мастерской... В течение 2-х лет я вложил всего в дело 15600 иен. Мы производили ремонт автомашин, импортировали мотоциклы и т. п. Прибыли от этого дела я почти не получал, т. к. ФЕРСТЕР был нечестен... Через меня он обогатился, однако получить деньги от него обратно было очень трудно. Я их вернул при содействии немецкого консульства. Я затеял дело против ФЕРСТЕРА через консульство, чтобы не потерять свой престиж».

Став партнером Ферстера, Макс, однако, не считал завершенным дело по устройству своей крыши. Он поставил своей целью создать самостоятельное надежное коммерческое предприятие, дающее прибыль, которая могла бы стать дополнительным источником материального снабжения резидентуры.

В отчете о своей легализации в 1936 году он писал: «Если бы я получил еще 5000 ам. долларов, я смог бы через 4—5 месяцев вернуть эти деньги и, кроме того, быть независимым от нашей фирмы. Возможно, что я смогу даже помочь здешнему нашему аппарату. Я намерен в отношении моей легализации работать так же, как и по моей основной работе, так как я хочу, кроме всего прочего, еще добыть средства для фирмы, чего до сих пор никто из нас еще не делал». В 1936 году для развития коммерческой деятельности «Фриц» получил 3000 ам. долларов, вместо запрошенных 5000.

Летом 1937 г. «Фриц» начал последний, наиболее успешный и эффективный этап своей предпринимательской деятельности. В одной из местных газет — «Джэпэн Адвертайзер» — появилось объявление некоего Штейнлауфа, предлагавшего продать патент на производство копировальных аппаратов. Он выдавал эти аппараты за свое изобретение, поскольку они были еще неизвестны в Японии. Клаузен встретился с Штейнлауфом, «немецким евреем», и, после ознакомления с техникой, заключил с ним соглашение и отправился по различным учреждениям и учебным заведениям.

Демонстрация аппарата имела успех: сразу поступило много заказов. Клаузен приобрел у Штейнлауфа специальные пластины и люминесцентную краску и приступил к производству аппаратов.

На первых порах его ждала неудача: из купленных пластин три четверти оказались негодными. К счастью, Клаузен заплатил за них лишь часть денег, а Штейнлауф, видимо, зная качество своего товара, поспешил уехать из Японии, не ожидая окончательных расчетов. Макс не потерял присутствия духа и отправил письмо гамбургской фирме «Швикер» с просьбой выслать ему образцы краски, которые вскоре были получены. Испытание дало результаты лучшие, чем пластины и краски Штейнлауфа. Клаузен приступил к массовому изготовлению аппаратов, получивших большой спрос со стороны различных учреждений, заводов, воинских частей, университетов и т. п.

Позднее «Фриц» сконструировал и стал производить аппарат для синей светокопировки. Дело стало разрастаться.

Еще в 1936 году Клаузен завел себе что-то вроде офиса, сняв полкомнаты у японской конторы, экспортировавшей японские фильмы. В конце 1937 г. контора переехала на Гавайи, уступив все помещение Клаузену.

В начале 1938 г., с развертыванием производства и продажи аппаратов, для работы потребовалось больше людей, контора стала мала. «Мой деловой офис находился на Симбаси 2 Тйоме КАРСУМОРИ билдинг. В апреле 1938 г. я снял здесь одну комнату, спустя некоторое время я снял еще две комнаты. В нем работали: бухгалтер, заведующий торговлей, 3—4 продавца, 2—3

боя и одна машинистка. Фабрика находилась в Адзабу-ку около моего дома. Я занимался производством машин для копирования документов, книг и т. д. Кроме того, я торговал некоторыми фотопринадлежностями помимо аппаратов. Для продажи этих товаров у меня было агентство от таких больших компаний, как ОРИЕНТИЛЬ и Сакура».

«Мне пришлось зарегистрировать свою фирму, — пишет Клаузен, — которую я назвал М. Клаузен и К°», выступая единоличным владельцем.

В середине 1939 г. в предприятии «Фрица» уже работало 10 рабочих и 18 служащих. В том же году предпринимательская деятельность Клаузена вышла за пределы Токио: он открыл отделение в Мукдене под названием: «Фудзита Иоко М. Клаузен и К°», а также агентство на Формозе (Тайване). В 1939 году предприятие дало 14 тыс. иен чистого дохода; в 1940-м — 4500 иен.

Поскольку фирма принадлежала одному Клаузену, он должен был платить большие налоги. Поэтому в мае 1941 г. он решил пригласить в компаньоны двух японцев-продавцов и своего помощника немца Папендика. У компании под названием «Госи Кайся М. Клаузен К°» был капитал 100 тыс. иен: 85 тыс. вложил Клаузен и по 5 тыс. — компаньоны.

Состояние фирмы к октябрю 1941 г. Клаузен характеризовал так:

«Месячный оборот дела был примерно 10 тыс. иен. Актив фирмы в день образования объединенной компании был 85 тыс. иен. До дня моего ареста он вырос до 150 тыс. иен, включая 15 тыс. иен других трех пайщиков. Конфискованы были только книги и прочие посменные материалы в конторе. Все это я получил обратно, когда был заключен в тюрьму в феврале 1945 г.».

В своих отчетах о состоянии дел Клаузен допускал явные неточности и не давал полной и ясной картины финансового состояния своего предприятия. Нельзя не отметить также, что он совершенно обошел молчанием вопрос о покупке дома в пригороде Токио. Надо думать, что стоимость дома была оплачена за счет прибылей фирмы и составила несколько десятков тыс. иен.

Вложенный в торговлю фотопринадлежностями капитал «Фрица» достиг 38—40 тыс. ам. долларов (ок .135 тыс. иен) от крупных компаний: «Ориенталь» и «Сакура фото К°». К 1941 году для легализации Клаузена Центр выделил всего 8 тыс. ам. долларов.

В деле легализации и организации коммерческой крыши Клаузен отводил серьезное место вопросу взаимоотношений с домашней прислугой, работниками предприятия, учитывая, что, как правило, все работники-японцы «подставляются» полицией для установления систематического внутреннего наблюдения.

Говоря о домашней прислуге (боях, амах), Клаузен рекомендовал, соблюдая строгую конспиративность, предоставлять ей широкую возможность свободно наблюдать официальную сторону своей жизни, поведение, домашний распорядок. Эта постоянная свободная возможность наблюдения с течением времени должна была притупить бдительность агента.

«Первое, что мне было нужно, — рассуждал «Фриц», — это бой, для которого мой дом открыт целиком в рабочее время. Я должен дать ему возможность осмотреть все в моем доме и проследить за моими действиями. Об этом его спросит полиция. Если он всегда видит, что происходит в моем доме, он рано или поздно прекратит следить за мной, так как ему это надоест».

Подыскивая боя, Клаузен вновь решил действовать «через самого дьявола»: он обратился к своему компаньону-японцу Исерис просьбой порекомен-

довать ему человека, считая, что «лучше взять прислугу прямо у японского шпика». «Он прислал мне Фудзивару, — рассказывал «Фриц», — о котором я позднее узнал, что он является племянником инспектора полиции Накамуры. Поэтому пришлось действовать вдвойне осторожно. Он проработал у меня три года и всегда давал обо мне очень хорошие отзывы в своих донесениях дяде. Это мне сообщил сам Накамура при допросе после моего ареста».

Вряд ли подобный опыт — трудоустройство у себя на фирме племянника полицейского инспектора — следует рассматривать как образец для практической деятельности нелегала.

Вступая в компанию с Ферстером, Клаузен, не имея опыта в коммерческих делах, решил подыскать помощника, который помог бы ему наладить дело. Немец Кранц, — старый знакомый «Фрица» по Мукдену, познакомил его с безработным немцем по фамилии Престин. Престин помог ему наладить и развернуть производство копировальных аппаратов. Однако, наряду с деловыми качествами, он обладал серьезным недостатком: имел «слабый характер, много пил, не считаясь с тем, чьи деньги он тратит». Выполняя одно поручение Клаузена, он отправился в Кобэ и там прокутил все деньги, полученные от должника фирмы, после чего отправился в Нагоя — с намерением повторить то же самое с другим должником. Клаузен предложил Исери послать в Нагоя переодетого полицейского, чтобы задержать Престина, что и было сделано. Клаузен уступил слезным просьбам и обещаниям Престина. Его освободили, и он снова стал работать у «Фрица». Однако при подведении баланса за 1938 год обнаружилось, что Престин сумел украсть и растратить около 16 тыс. иен. «Клаузен» обратился в немецкое консульство и добился отправки Престина в Германию. Взамен был нанят другой помощник — немец, профессионал-букинист, 60-тилетний Папендик.

Обращение Клаузена к содействию полиции и немецкого консульства по делу Престина следует признать совершенно правильным, так как это способствовало укреплению его репутации как делового коммерсанта, защищающего свои интересы.

Говоря о взаимоотношениях с партнерами и служащими фирмы, Клаузен подчеркивал необходимость тщательной маскировки денежных средств, поступающих в адрес нелегала. Во избежание опасных недоразумений Клаузен считал необходимым открыть в банке два текущих счета: один для фирмы, другой — для личных нужд. Деньги, предназначенные резидентуре, Центр должен был переводить только на личный счет, через указанные им банки.

«Некоторые говорят, что мы должны лучше прятаться от полиции, — писал Клаузен. — Это ошибочная точка зрения. Нужно показываться как можно чаще. Полиция не столько следит за мной лично, сколько за людьми, с которыми я имею связи. Этих людей полиция будет спрашивать обо мне. Поэтому нужно бывать как можно больше с людьми. С этими людьми следует говорить о деле и личных интересах, но не о политике, за исключением разве лишь тех вопросов, которые могут представлять непосредственный интерес для коммерсанта: полиция никогда не поверит, что торговец может интересоваться политикой.

В качестве крыши удобно иметь такое дело, которое трудно контролируется полицией. Но если она может контролировать его, то она должна видеть, что доходов от дела хватает на жизнь...

Нужно проявлять интерес к различным коммерческим делам, разного рода сделкам и действовать так, чтобы это могло стать известным полиции».

В качестве иллюстрации Клаузен привел пример из личной практики, свидетельствовавший о его коммерческой жилке:

«У меня был бэби-кар (маленькая автомашина). Мне представился случай продать ее за 6 тыс. иен. В другом месте я мог купить машину за 4500 иен. Я отправился к агенту по продаже автомашин и продал через него автомобиль. За это я уплатил ему 200 иен. Затем я направился к человеку, продававшему машину, и пошел с ним к агенту. Тот осмотрел машину и оценил ее в 3900 иен.

За эту цену я ее купил, а разницу между 4500 и 3900 иен мы разделили. Это дело можно было провести без агента, но тогда бы я не выгадал при этом, и полиция не узнала бы об этой сделке. При ведении дела через агента я плачу определенный налог, что делает мою сделку открытой».

«Важный момент поведения коммерсанта: — не платить много денег по счету, когда проводишь время с японцами в ресторане, — отмечал Клаузен. — Японец не может понять, почему иностранец — гость в его стране — платит за него. Наши люди иногда имеют привычку тратить на японцев много денег, рассчитывая таким образом приобрести друзей. Но это неверно. Это обычно свойственно людям, собирающим информации. От одних они получают информации по дружбе, от других — по расположению, от третьих — за деньги.

Нелегалам не следует для приобретения друзей прибегать к угощению, подпаиванию и т.п. Этим не приобретешь настоящих друзей. Эти люди будут опаснее полиции, так как будут постоянно болтаться вокруг.

После обеда с японскими бизнесменами по случаю какой-либо сделки следует сделать вид, что хочешь платить, но когда будут настаивать, дать им возможность заплатить. Хотя это им, может быть, и не очень понравится, но они не будут иметь основания сказать, что вы тратите денег больше, чем вам позволяет дело».

Говоря о легализации Клаузена, нельзя не признать, что в организации коммерческой крыши он добился больших успехов. Созданное им предприятие, с филиалами в Мукдене и на Формозе, являлось надежной крышей. Помимо разрешения этой главной задачи, фирма Клаузена давала возможность (в условиях мирного времени):

1. Легализовать новых работников резидентуры в качестве работников и служащих предприятия.

2. Маскировать денежное снабжение резидентуры из Центра.

3. Частично обеспечивать содержание резидентуры за счет коммерческой прибыли.

В случае каких-либо особых непредвиденных обстоятельств ликвидация предприятия и реализация его капиталовложений давали значительный резервный фонд, обеспечивая содержание резидентуры примерно в течение 2-х лет.

В обеспечении этого успеха роль Центра была ограничена: она свелась лишь к снабжению Клаузена денежными средствами в количестве, достаточном для развертывания «среднего бизнеса». Центр не только не предоставлял ему помощь, но даже не имел ясного представления о том, какую именно крышу создал Клаузен, хотя многое можно было уяснить, внимательно изучая лишь отчеты и письма «Фрица». Успех легализационно-коммерческой деятельности Клаузена являлся лично его заслугой.

Опыт предыдущей нелегальной работы в условиях Дальнего Востока позволил Клаузену изучить образ жизни и приемы коммерческой деятельности иностранцев-предпринимателей и выработать способность правильно оценивать особенности оперативной обстановки. Отсюда уменье найти правильные взаимоотношения с местными властями, полицией, иностранцами, соотечественниками, местными жителями и т. п.

Личные качества Клаузена: наличие «коммерческой жилки», предприимчивость, общительность, настойчивость и энергичность — помогли ему успешно вжиться в весьма правдоподобный образ добропорядочного бизнесмена средней руки, для которого существует только один интерес — коммерческая прибыль и личное благополучие.

Легализоваться в немецкой колонии должна была и жена Макса Клаузена Анна. Поскольку до брака с Максом Анна носила фамилию первого мужа — финна Валениуса, при оформлении брака она была зарегистрирована как финка и в дальнейшем превратилась в немецкую гражданку, финку по происхождению.

Макс ввел Анну в немецкую колонию, где она вела себя сообразно с положением жены добропорядочного немецкого коммерсанта: «Не чуждаясь немецкого общества внешне, мы стали его членами. Я завела знакомства с немецкими женщинами. Они часто устраивали различные благотворительные мероприятия в пользу немецких солдат. Я вынуждена была принимать в этом участие, и это дало очень много для упрочения нашей легализации. Меня принимали за настоящую немку. Как-то председательница немецкого женского общества Фрау Эгер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как "нашей стране" нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей. У японцев я была зарегистрирована как немецкая гражданка-финка. Так же была ориентирована и домашняя прислуга».

Легализацию Анны также следует признать и успешной, и надежной.

Оформление брака Макса и Анны сыграло положительную роль в укреплении положения самого Клаузена, так как он затребовал из Германии и представил в консульство документы, свидетельствующие о «чисто арийском происхождении его самого и всех его предков».

Осмотр «наследства», оставленного радистом «Бернгардтом» — Бруно Виндтом и хранившегося у Вукелича, не впечатлил Клаузена: «Мне этот приемник не понравился, так как он был очень велик. Это был целый завод. Все же первое время я использовал его. Он хорошо работал, но был слишком велик для секретной работы. БРАНКО очень нервничал в связи с этим».

Таким же большим был и радиопередатчик. Именно с изготовления компактного передатчика и началась работа Клаузена по обеспечению радиосвязи резидентуры с Центром. Еще в Москве Клаузен обсудил со своим предшественником возможность сборки передатчика на месте из подручных средств. Опыт в этом у него, как известно по работе в Китае, уже был. К подбору подходящей схемы передатчика и его изготовлению Клаузен приступил сразу по прибытии в Токио, поселившись в отеле «Санно». «Но это было довольно опасно, так как все время ходили бои». В декабре Клаузен переехал в апартаменты Бунка, где и продолжил свои занятия.

Большой радиопередатчик Виндта был разобран, и в ход пошли его детали, а недостающее приобреталось в магазинах Токио (в районе Гинза) и позд-

нее Шанхая. Некоторые детали Макс делал сам. Например, катушки индуктивности он изготовлял из медной трубки (бензопровода от автомашины). Такие катушки обеспечивали необходимую прочность монтажа передатчика и сравнительно неплохое постоянство электрических параметров. Даже телеграфный ключ Клаузен изготовил сам, так как покупка в магазине ключа Морзе неминуемо привлекла бы внимание спецслужб. Радиолампы для передатчика в последующем приобретала и жена Макса Анна — в Шанхае и других местах. Каждый магазин, как правило, они посещали не более одного-двух раз.

Закупив необходимые детали и изготовив недостающие, Клаузен за короткое время собрал радиопередатчик мощностью 15 Вт.[92].

К испытаниям смонтированного передатчика Клаузен приступил в доме Вукелича. Первые опыты были неудачны — передатчик не работал. «Я допустил ошибку, — писал Клаузен в 1946 году. — Я установил передатчик в ящике, покрытом японским лаком. При испытании все время происходило короткое замыкание. Пришлось разобрать весь передатчик и очистить места соединения частей от лака. Теперь он стал работать».

Конструктивно передатчик состоял из нескольких отдельных блоков, которые соединялись между собой разъемами. Крупногабаритных и тяжелых блоков Макс изготовил несколько и хранил их по одному на разных радиоквартирах. Собственно передатчик небольших габаритов и веса был собран в одном экземпляре, который он всегда хранил у себя дома. Это давало возможность радисту проводить сеансы связи из разных квартир, исключая транспортировку по городу всех комплектующих частей. Кроме блоков питания, на радиоквартирах хранились антенные канатики и телеграфные ключи. Первоначально специального радиоприемника у Клаузена не было. Для связи с Центром он использовал широковещательные приемники, приспособленные для приема незатухающих колебаний[93].

В феврале 1936 г. Клаузен установил первую связь с Владивостоком. «Это было в доме БРАНКО, — писал в своем отчете Клаузен. — Но мне не хотелось всегда работать в его доме, так как это было опасно, и я начал подготавливаться к работе в доме ГУСТАВА. Но так как ГУСТАВ был журналист, то держать в его доме радиочасти было опасно. Поэтому я купил в Хаттори радиограммофон и заменил приемник в нем с длинноволнового на коротковолновый, причем я мог всегда менять катушки. Передатчик я сделал так, что его можно было легко переносить с места на место. В марте 1936 г. я снял дом сам. Он находился на Синрюдо-тйо № 12. Дом был удобен для работы, в коридоре я нашел место, где можно было прятать передатчик, когда я не работал. Стена там была двойная. Теперь у меня было три места, где я мог работать...

Большой передатчик БЕРНАРДА я разобрал и собрал маленький. Нужно было выбросить приемник и выпрямитель, мы решили выбросить это в море у горы Фудзи (речь шла об одном из пяти озер у подножия Фудзи. — *М.А.*), так как в Токио выбросить такой большой груз было опасно. В воскресенье утром мы отправились с БРАНКО, взяли лодку, выехали в море и выбросили груз. Об этой поездке я мог бы написать больше, она была не такой легкой, как выглядела на первый взгляд. Я упомяну здесь один случай. Когда мы вышли из такси на берегу, прежде чем я успел взять чемодан, его поднял бой из отеля. Он был очень удивлен: "Что это у Вас такое тяжелое?" — "Так как у вас нет пива, мы взяли его с собой", — ответил я. "У нас много пива", — ответил он сердито».

Когда Клаузен рассказал об этом Зорге, тот резко заметил: «Вам следовало избавиться от груза в Токио, вместо того чтобы ехать так далеко»[94]. Излишняя инициатива «Фрица» была не только вредна, но и опасна.

В первый год работы Клаузена, по его словам, «все было организовано не так хорошо, как должно было быть»: в каждом доме имелся отдельный приемник; в доме «Фрица» и «Жиголо» были небольшие приемники-радиолы, у «Густава» — большой приемник-радиола, оборудованный переключением на наушники.

Позднее все эти приемники были ликвидированы, и «Фриц» сконструировал только один, маленький, который укладывал вместе с передатчиком в небольшой чемодан и хранил у себя в квартире.

Трансформаторы по-прежнему хранились во всех домах, так как переносить их было тяжело. Все эти дома были двухэтажными японскими коттеджами с двумя комнатами во втором этаже, за исключением дома «Эдит», где наверху была лишь одна комната.

Таким образом, вся основная аппаратура хранилась в квартире Клаузена. Порядок хранения он описывал так: «Первое время я прятал части в стене. В спальне, в стене имелось отверстие, сквозь которое проходила труба для печки (зимой в японских домах устанавливались небольшие металличе ские печи, отапливаемые угольными брикетами. — *М.А.*). Я прикреплял части на веревку и спускал их в отверстие. Место было очень надежное, но неудобное, т. к. требовалось много времени для прятанья и вытаскивания.

Я подыскал более удобное место. Я обнаружил, что в коридоре, под окном, одна из стен полая. Острым ножом я вырезал две планки и обнаружил пустое место 60 см глубины и 70 см ширины.

Отверстие было достаточно большим, чтобы прятать все секретные вещи в моем доме. Теперь можно было уходить из дома, не боясь, что полиция что-нибудь обнаружит. Когда мы переехали в новый дом после тайфуна 1938 г., я стал там прятать вещи в двойном перекрытии между подвалом и первым этажом. Но после многочисленного вынимания пластина расшаталась и стала заметна.

С начала 1940 г., когда я мог считать, что наша репутация у полиции укрепилась, мы приделали американский замок к двери одной из комнат. В этой комнате мы хранили наши вещи, ценные товары, а в большом чемодане я прятал рацию и секретные материалы. Время от времени моя жена и прислуга производили там уборку. Перед этим мы убирали оттуда все секретные материалы».

Так начиналась постоянная радиосвязь резидентуры «Рамзая» с Центром. Поначалу она проходила трудно. У корреспондента «З-Х» (таково было условное название радиостанции Клаузена) и радиоузла во Владивостоке были взаимные претензии: обоюдная слабая слышимость сигналов, плохой тон и низкая стабильность частоты передатчика корреспондента. Это и понятно, стоит лишь представить себе, как быстро и в каких условиях Клаузен оборудовал радиостанцию. У него не было точных измерительных приборов: градуировка шкалы настройки передатчика осуществлялась на глазок, при монтаже аппаратуры использовались не всегда те радиодетали, какие требовались по техническим параметрам. Неудивительно, что радиооператорам Центра во время приема радиограмм от корреспондента «З-Х» приходилось одной рукой записывать текст, а другой, вращая ручку настройки, «гоняться за гуляющей частотой» передатчика корреспондента.

Имелись серьезные недостатки и на владивостокском радиоузле: там не было мощных радиопередатчиков, высокоэффективных остронаправленных антенн, не хватало радиооператоров высокой квалификации, отмечались случаи нарушения радиодисциплины.

15 мая 1936 г. в резидентуру было направлено письмо, в котором говорилось: «Важнейшими сторонами Вашей работы, от которой зависит ее дальнейший успех, являются укрепление легализационного положения, а также сохранение и надлежащее использование аппаратуры Фрица. Мы прекрасно понимаем, что при оборудовании радиостанции Вам приходится сталкиваться с различными трудностями. Помните, промахи в этом деле угрожают катастрофой. Вот почему убедительно просим Вас ни на одну минуту не оставлять без присмотра это хозяйство и не забывать, что при малейшем попустительстве и даже пустяковом промахе мы можем лишиться самого решающего звена в Вашей работе — связи. Повторяем: эти два вопроса являются для Вас основой основ. Учитывая, что в процессе дальнейшего развертывания работы Вы, естественно, можете ослабить внимание к этим сторонам дела, мы, и напоминаем Вам о них...».

Установленная в феврале 1936-го регулярная радиосвязь с Владивостоком в октябре прервалась и была восстановлена лишь в феврале 1937-го. Вину за перерыв связи «Рамзай» целиком возлагал на Владивосток, жестко требуя разбирательства и наказания виновных. Центр, в свою очередь, делал все возможное, чтобы установить нормальную связь.

Ниже приведены «мемо» — изложение содержания переписки в радиограммах, а также выписки из писем Центра, «Алекса» и «Рамзая».

«6.11.36: Алекс сообщает, что Рамзай жалуется на плохую работу Висбадена.

Резолюция т. Урицкого: "Н-2. Принять вместе с т. Гурвичем самые конкретные меры. Обсудите с ним. Если нужно, пошлите человека"».

«18.11.36. Алекс сообщил, что Рамзай прислал курьера и через него потребовал немедленного расследования над Висбаденом. Рамзай обвиняет Висбаден в саботаже, так как он в течение 4 недель не имел настоящей связи. У Рамзая и Фрица впечатление саботажа Висбадена. Рамзай требует, если не будет ликвидировано положение, отзыва и настаивает на том, чтобы посадить на работу наших старых работников. По словам Рамзая, Висбаден работает не больше одного часа, недоволен установленными днями, слышит хорошо, требует изменения волны и работает плохо отрегулированным датчиком.

Резолюция т. Урицкого: "т. Артузову. Действительно с работой Висбадена плохо. Нач. 2 От. не обращал внимания на сигналы, идущие оттуда. Я Вас прошу лично добиться коренного улучшения работы Висбадена, приняв для этого все меры. Пошлите также успокоительную телеграмму Рамзаю"».

«19.11.36: Телеграмма Центра Висбадену содержит указания о присылке Рамзаем специального курьера с просьбой расследования саботажа и сообщения Рамзая о недовольстве радистов установленными днями и так далее. Приказано: а/ произвести расследование с привлечением командира из армии, б/ наказать виновных, о которых сообщает 3х, в/ Реброву (начальник Разведывательного Отдела ТОФ, капитан 3-го ранга. — *М.А.*) нести личную ответственность за исправление работы его радистов и г/ держать центр в курсе мероприятий по приведению в порядок радиослужбы и наложения наказаний за срыв работы самоотверженного резидента, работающего под угрозой потери своей жизни».

«23.11.36: Послана телеграмма Алексу с запросом о дате выезда курьера Рамзая из Шанхая и указанием успокоить Рамзая, сообщив, что виновные в отсутствии связи с 3х привлекаются к ответственности. Связь с Рамзаем будет сделана безотказной. Передается привет из Центра Р. и его работникам».

«27.11.36 от Рамзая директору лично /Телегр. получена 1.12.36 г./: Мы предполагали держать Вас в курсе всех моих разговоров с Отто и Диксеном о японо-германском соглашении. После 15-го ноября, когда я отправил Алексу специального курьера, я выяснил детали договора. У нас имеется около 2.000 групп, которые сейчас бесполезны, потому что Висдбаден нас не слушает. Мы оказались, таким образом, биты своими собственными друзьями».

«29.11.36: Рамзай сообщает, что им получено задание по химии. Указывает, что такая плохая работа Висбадена, какая была до сих пор не гарантирует от провала работников на Островах, так как им приходится из-за этого ходить по городу с материалами и с аппаратурой, что очень опасно. Кроме того, приходится подолгу работать днем. Просит не забывать трудных условий, в которых им приходится работать и тратить много нервов».

«3.12.36: т. Урицкий Реброву, Артемьеву (И.Н. Артемьев — инженер Научно-исследовательского института по технике связи РККА. — *М.А.*) и другим приказал донести, что конкретно делается для налаживания работы с 3 икс. Эту работу необходимо наладить любой ценой. Этого требуют интересы родины».

«3.12.36: Центр через Реброва сообщил Рамзаю, что во Владивостоке организована особая группа, которая будет работать с 3 икс. Дано распоряжение назначить на эту работу лучших работников, так чтобы, несмотря на то, что передачи 3 икс очень слабые, все же они могли поймать самые слабые сигналы. Предлагается продумать возможность не передвигать станции, а работать с постоянного места, так как постоянное передвижение — опасно. Просьба тщательно проверить, почему произошло ослабление мощности. Станция 9 мес. работала хорошо. Зам. директора».

«3.12.36 сообщено Реброву — Гогуеву о том, что, исходя из доклада т. Артемьева, центр убежден в виновности Висбадена. Возмутительно, почему Хамерлунд (радиоприемник Хаммарлунд. — *М.А.*), который имеется у Висбадена, не используется на связи с 3 икс. Приказывается его использовать. Кроме того, 28.11 послано еще два Хамерлунда, один из них для т. Гогуева».

«7.12.36 г. через Реброва послано Рамзаю о том, что приняты все необходимые меры для налаживания работы. Центр просит также проверить работу 3 икс, возможно, лампы потеряли эмиссию, спрашивается, имеется ли возможность достать новые лампы. Указывается на необходимость работать на постоянном токе и из одного места, также проверить, не ведется ли работа при сильном колебании напряжения тока. Мы проверяем Висбаден, но и Вы проверьте свою работу».

«№ 1118 от 25.12.36 г.: Ребров сообщил, что 3 икс не работал 15, 18, 20, 22 и 24 декабря. У Реброва для Рамзая имеются наших 4 сообщения, из них 3 переданы Рамзаю, но без подтверждения от него. № 5.

Рез. т. Урицкого: "т. Гудзь, спешно посоветуйтесь с т. Кариным. Что делать с 3 икс? обдумайте мероприятия, вплоть до посылки людей в Висбаден и к Рамзаю. Так продолжаться не может". 26.12.36 г.

Рез. т. Артузова: "т. Абрамов. Доведите до конца оформление инженера". 13.1.37 г.».

«Семен Петрович! /Н2. Переговорить СУ. 14.1.37/

1. т. Лонгва сегодня, наконец, выделяет инженера для Владивостока.

В ближайшие дни направляю его на должность инженера Владивостокского нашего узла. Считаете ли возможным послать вместе с инженером на неделю (плюс дорога) тов. Кассони.

2. Посылать к Рамзаю сейчас не стану, Фриц — самый лучший наш радист.

Имеет смысл послать лишь после заключения и мероприятий инженера — Кассони.

В этом случае пошлем к Рамзаю Гарри из Ширмы (Китая. — *М.А.*) с указаниями для Фрица.

Артузов».

Выписка из письма Центра «Алексу» от 22 января 1937 г.: «21. О Рамзае. Важнейшим вопросом за последние два месяца является восстановить надежной и прочной паутины (связи. — *М.А.*), чего не удается добиться, несмотря на ряд принятых мер. Пока еще не ясно, почему так внезапно оборвалась уже прилично налаженная паутина? Здесь в Полюсе проделана известная работа: установлена круглосуточная вахта и выделены лучшие мастера, но до сих пор результата нет...

Вам посланы условия работы Фрица с Висбаденом. Пусть Клейн (радист в Шанхае. — *М.А.*) проследит за работой их и сам установит паутину с Фрицем. Установление паутины с Самоедией является нашей боевой задачей на сегодня. Поездка Эрнста будет содействовать быстрейшему установлению связи Клейна с Фрицем».

«7.1.37: Рамзай запрашивает по радио о результатах расследования причин долгого перерыва связи и спрашивает, почему сначала хорошая слышимость Р-6 Висбадена часто падает до Р-0 и почему Висбаден игнорирует новое время работы, назначенное Фрицем».

«21.1.37: Предложено Алексу продумать возможность поездки на о-ва Эрнста, так как положение со связью у Рамзая остается очень тяжелым».

«27.1.37: Ребров сообщил, что он работал с 3х, принял 1012 групп и передал 154, слышимость была в пределах Р-4, Р-7; слышимость 3х в пределах Р-3 и Р-6. Работали 4 ч. 5 м. В работе были повторения.

Рез. т. Карина: "Запретить в самой категорической форме Рамзаю работать более 30 мин., в противном случае провал Фрица неизбежен"».

«29.1.37: Дана телеграмма Рамзаю из Центра с приветствием и благодарностью за восстановление связи. Сообщается, что Висбаден будет строго соблюдать расписание, не будет сокращать сеансов и проверит стабильность своей установки. У Висбадена сейчас лучшие условия во всех отношениях. Запрашивается о моральном, рабочем и бытовом состоянии Фрица ввиду того, что Фриц начал сдавать. Центр просит указывать на недочеты работы Висбадена. Центр запрещает работать в один сеанс больше, чем 1 час, так как это грозит провалом Фрица. Передаются приветы от жены и Центра».

«1.2.37: Рамзай сообщает, что они были правы, поставив своевременно вопрос о реорганизации работы Висбадена и перемене времени. Фриц все время работает, не меняя своей аппаратуры, так что нет оснований говорить о недостатках, которые возможны по вине аппаратуры Фрица. Рамз. считает, что за все время перерыва связи /3 мес./ должен нести ответственность только один Висбаден. Считает желательным отметить Фрица за его напряженные усилия по восстановлению связи.

Рез. т Урицкого: "1/. Копию телеграммы Рамзая, соответственно пересоставив, послать Реброву — доложите.

2/. Пошлите телегр., что оба, и Фриц, и Рамз., отмечены приказом нашего высшего шефа, что мы не сомневаемся, что за их успешную работу, они будут награждены высшей наградой". 3.2.37 г.».

«5.2.37: Указано Реброву, что 3 икс был прав, требуя изменений условий работы. Это подтверждается теперь восстановлением связи с ним.

В большей степени виновником в перерыве связи является аппарат Реброва, который не учитывал специфических условий 3 икс. Перерывы в работе 3 икс были и, возможно, будут и в будущем в силу этих особых, трудных условий. Следует это учитывать в дальнейшем».

«5.2.37: Послано сообщение Рамзаю о том, что ему уже несколько раз указывалось о значении всей их работы и, в частности, работы Фрица. Ввиду исключительно тяжелой обстановки поставлен вопрос о замене Фрица. Промахи и перерывы могут быть у любого, самого лучшего специалиста, особенно при работе в тяжелых условиях. Есть надежда, что и Фриц, и Рамз. будут награждены».

«8.2.37: Алекс просит дать указания Рамзаю работать с Клейном по переданной программе. До сих пор нет связи. Первый день работы 3х с 8х установлен 30 января. Необходимо, чтобы Фриц указал дату работы /день начала работы/. Алекс просит сообщить, вернулся ли курьер от Рамзая, уехавший к нему из Шанхая 26 января».

Таким образом, была сделана попытка установить радиосвязь Токио с Шанхаем, используя радиостанцию в Китае в качестве ретранслятора.

«10.2.37: Послана телеграмма Рамзаю с запросом о возвращении курьера, о работе Фрица с Клейном и установлении дня начала работы и запрещение работать по радио долгое время 2—3 часа, передавая длинные доклады».

«Рамзаю от 11.2.37: Указано, что в его городе тщательно разыскивается рация, в связи с этим работа его рации приостанавливается до 1 марта. По возобновлении — работать три раза в месяц, каждый раз продолжительностью не больше часа. На случай исключительно срочной необходимости — следует слушать обоюдно по программе».

«13 февраля Ребров сообщил, что 3 икс явился 13-го, слышимость его была Р-5, слышимость Владивостока — Р-5, затем — 7. Вначале работали плохо, пришлось просить 3 икс об удлинении волны, после этого работали нормально, но во время его приема сильно мешали японские рации, дававшие все время фразу "Кан-5". Из-за этого переспрошено 30 поправок. Продолжительность работы 2 ч. 53 мин. Следующая работа 13—14 февраля.

Резолюция т. Александровского: "Н-2, прекратите, наконец, это безобразие. Укажите, что если сам не прекратит, то мы запретим принимать его". 14.2.37 г. Резолюция т. Карина: "Исполнено"».

«12.2.37: Рамзай № 368 сообщает, что в отзыве Фрица домой нет необходимости. Хотя Фриц и сам Рамзай переживали очень трудное время, но они могут работать, несмотря ни на какие настроения и нервы.

Рез. т. Урицкого: "Надо подтвердить, тепло подбодрить и прекратить работу до 1.III. 37 г." 15.2.37 г.».

Выписка из письма «Алексу» от января 1937 г.: «Дорогой друг А.

История последних дней с Всб (Висбаденом. — *М.А.*) очень огорчает Фрица и Викса (так в целях конспирации называл себя Зорге. — *М.А.*). Эта банда

не думает ни о чем другом, как только как бы поскорее закончить неприятную работу в Ф. (F- в оригинале. — *М.А.*), не имеет ни малейшей инициативы и готова еще сто лет работать в неподходящее время, даже хуже того, они игнорируют новую договоренность с Фрицем о работе в более благоприятное время, просто не появляясь в эти часы. Поэтому Викс просит тебя послать лично директору, или кому ты считаешь целесообразным, наряду с остальными техническими телеграммами; Викс и Фриц так изработались и изнервничались, что они прямо готовы пристрелить Всб на месте.

Итак, пошли, пожалуйста, следующую телеграмму: опыт последних дней с несомненностью показал, что возобновление связи в более благоприятное время тормозится благодаря отсутствию инициативы со стороны Всб. и игнорированию им всей новой договоренности с Фрицем, на которую Всб, в свою очередь, давал согласие. Фриц может это положение подтвердить. Так как Всб., несмотря ни на что, продолжает себя вести по-прежнему, мы просим о строжайшем исполнении новой рабочей программы. Точное проведение этой новой программы является важнейшим делом для фирмы здесь. Рамзай».

Выписка из письма Зорге в Центр:

«Организационные вопросы. Нарушение воздушной связи.

Вместе с данным письмом посылается подробный отчет Фрица о ходе его напрасных попыток восстановить связь. Викс просит самым внимательным образом ознакомиться с этим отчетом. Викс, в свою очередь, обращает Ваше внимание на следующее:

1. Нарушение связи странным образом совпало со временем возвращения Кот (Отт. — *М.А.*) и Дик (Дирксен. — *М.А.*). Некоторое ухудшение связи имелось еще раньше после возвращения Викса с континента, но, несмотря на трудности, связь могла быть поддерживаема, окончательное же нарушение последовало, как указано, по возвращении этих двух людей, т.е. в то время, когда Вы от нас больше всего ждали и скопился большой материал. Это заставляет задуматься.

2. Многочисленные попытки Фрица показали, что установленные до сих пор точные часы работы в данное время года неблагоприятны. Это же факт, что даже крупные телеграфные агентства работают сейчас с большими трудностями и составляют очень сложные схемы работы на основе научных данных и почти ежедневно меняют волну и часы. Тем не понятнее упорство Висбадена, придерживающегося неподходящего времени…

2. Новая программа для Фрица и Всб. Висбаден должен в нижеуказанные дни и часы ожидать вызова Фрица и отвечать лишь тогда, когда услышит вызов Фрица:

Понедельник — от 5 — 9 ГМТ и от 17 до 19 ГМТ.

Среда — от 7 — 11 и от 19 —21 ГМТ.

Четверг — от 5 — 9 и от 17 —19 ГМТ.

Суббота — от 9 — 13 и от 21 —23 ГМТ.

Фриц будет вызывать в течение 10 мин. согласно всех условленных знаков, а затем 20 мин. ждать ответа Всб. Если ответ не последует, Фриц еще раз вызывает в течение 10 мин. и т.д. Мы рассчитываем, что Вы обеспечите, чтобы Всб. в эти дни и часы был у аппарата Р.

3. Вышеуказанная программа является твердой автоматической программой. Как только будет восстановлена связь, так Фриц снова будет по временам осуществлять специальную договоренность о работе на основа-

нии нового ключа, ключа, посылаемого ближайшей почтой. В те периоды, когда такого рода особая договоренность почему-либо не может быть осуществлена, сразу вступает в силу твердая программа работы. Мы начинаем работать по новой программе с 15.1. Р.

4. Рамзай просит точно проверить следующее непонятное явление: очень часто Всб начинает работать при силе звука 5 и выше, а затем внезапно совершенно исчезает. Если причиной к этому не являются технические неполадки у Всб., то остается открытым вопрос о том, не применяет ли противник каких-либо методов, заграждающих нам доступ волн Всб. Какие средства против этого имеются?»

Попытка «Викса»-«Рамзая» связать возвращение в Токио германских военного атташе и посла с нарушением связи представляется надуманной и не имевшей под собой никаких оснований.

«5 марта 1937 г. Ребров сообщил, что корреспондент 3х явился на сутки позже назначенного времени, его слышимость Р2-3, он слышал Висбаден Р3, передачу от Висбадена не принял, просил подождать 20 мин. Больше не явился.

Резолюция т. Карина: "Покладок. Рамзай явно не соблюдает наших указаний работать 1, 10 и 20 каждого месяца. Доложите завтра т. Александровскому и составьте Рамзаю телеграмму". 7.3.37».

«8.3.37 г. указано Рамзаю, что работать он должен каждый месяц 1-го, 10-го и 20-го числа».

Однако 12 марта рация «Фрица» снова работает с Висбаденом в течение 3 ч. 22 мин., а 26 марта — 1 час. 48 мин. Подобная картина сохраняется и в последующем.

«22.4.37: Ребров сообщает о том, что он имеет сведения от соседей о том, что в Японии жандармское управление разыскивает рацию, работающую на короткой волне в районе Мито-Фунабаси-Йокосука с позывными j 5 sr.

Резолюция т. Урицкого: «Нач.2, вместе с Агафоновым разобраться в позывных Рамзая»».

«26.4.37: Рамзаю передано сообщение Реброва о розыске рации с позывными j 5 sr. Предложено свести его работу до минимума, передавая только особо важные вопросы».

Ставя вопрос о замене «Фрица» — Клаузена, Центр связывал нарушение радиосвязи Токио с Владивостоком не только с промахами и недостатками работы владивостокского узла, но и с упущениями в работе Клаузена. При этом Центр оставлял в стороне проблему легализации нового радиста. Однако «Рамзай» категорически возражал против смены Клаузена. «Фриц» был оставлен, и радиосвязь до конца существования резидентуры (октябрь 1941 г.) работала в подавляющем большинстве случаев бесперебойно.

Истинные причины нарушения связи, как уже отмечалось, в значительной мере обуславливались не только организационно-техническими неполадками во Владивостоке, но и несовершенством аппаратуры нелегальной рации и недостаточной изученностью природных условий радиосвязи с Японией (суточные и сезонные изменения в прохождении волн, разного рода помехи местного характера и т. п.).

Взаимные обвинения Владивостока и «Фрица» оставались бесплодными и мало обоснованными, поскольку, при наличии единственного нелегального радиста в Японии, Центр был лишен практической возможности как-либо

контролировать его работу, чтобы делать выводы о степени виновности в перебоях радиосвязи.

На протяжении восьми лет резидентура «Рамзая» имела одного радиста, который поддерживал связь только с Владивостоком: опыт использования шанхайской радиостанции в качестве ретранслятора не дал положительных результатов.

Организационным планом Центра (от VII. 1935 г.) предусматривалось направление в резидентуру «запасного радиста-китайца». В течение ряда лет Зорге настойчиво и многократно просил у Центра дать ему второго радиста, указывая на плохое состояние здоровья и перегрузку работой «Фрица» и предлагая надежно легализовать присланного человека под крышей коммерческого предприятия последнего.

Центр многократно обещал прислать радиста, сообщал даже время намечаемого выезда, но обещания так и остались обещаниями.

Зорге внес предложения об изменениях программы связи, распорядка работ. В ноябре 1937 г. он предлагал «установить ежедневное семичасовое дежурство у аппаратов с тем, чтобы в случае необходимости сообщения могли быть переданы в любой день». «Время должно быть следующим: по четным дням /2, 4, 8 и т.д./ с 4-х часов дня до 11 час. веч., по нечетным числам /1,3, 5 и т.д./ с 11 час. веч. до 6 час. утра».

«Рамзай» также просил «принять необходимые меры на случай введения в военных условиях четырнадцатичасового дежурства, охватывающего все время нашей работы, а именно, с 4-х часов дня до 6-ти часов утра в случае необходимости беспрерывно. Готовность к такой работе, по мнению Р., должна быть создана немедленно».

И Центр шел навстречу «Рамзаю»: «1/ ...В экстренных случаях /передача срочных, важных сведений/ — разрешить передачу в любой день, для обеспечения чего: 2/ установить ежедневные 7-ми часовые дежурства на приемнике Висбадена в часы, предложенные РАМЗАЕМ, /Сделано распоряжение через 13 отдел. Сообщено Рамзаю тел. № 75 от 28.11./ ...

3/ на случай войны уже сейчас предусмотреть установление Висбаденом 14-ти часовых ежедневных дежурств в часы, предложенные РАМЗАЕМ/ 25.11.37».

При перерывах связи «Рамзай» дважды направлял в Шанхай курьеров («Густава» и «Анну»), пересылая с ними улучшенную программу связи и пытаясь организовать радиосвязь с Шанхаем.

Макс Клаузен был безусловно выдающимся радистом-изобретателем.

Радиосвязь с Центром он предпочитал проводить вечером с 17.00 до 21.00 или ночью. Невзирая на то, что Рамзаю было разрешено проводить передачу не чаще 4 раз в месяц, то есть раз в неделю, сеансы связи проводилась порой ежедневно. Продолжительность каждого сеанса не должна была превышать одного часа, и это требование часто не соблюдалось. Материала накапливалось так много, что связь затягивалась на несколько часов. Чтобы сократить время нахождения радиостанции в эфире, Макс предложил оригинальный вариант сокращенного кода Морзе, применение которого дало возможность ускорить радиообмен с Центром почти в два раза.

В результате в Центре и резидентуре радиосвязь на линии Токио — Владивосток улучшилась, стала более надежной и скрытной: если раньше при вступлении в связь владивостокский узел и радиостанция Клаузена должны

были давать в эфир свои позывные по 5 минут каждый, то теперь они входили в связь сразу, без передачи позывных, что значительно затрудняло наблюдение японской радиоконтрразведкой за рацией Клаузена и сокращало длительность сеанса. Время радиообмена сократилось также за счет улучшения обоюдной слышимости (4—5 баллов) и применения сокращенного кода Морзе.

Зорге докладывал: «Несмотря на общую сложную обстановку, вопросы организации радиосвязи идут хорошо. Благодаря моим личным усилиям и Фрица, мы уже организовали три радиоквартиры и готовим еще одну, работаем в основном ночью. Я теперь имею возможность отправлять в Центр столько радиограмм, сколько мне угодно»[95].

Клаузен исходил из того, что лучше всего работать из квартиры в большом здании, где затруднена пеленгация. Вместе с тем он понимал, что в таких местах отмечаются большие потери излучаемой мощности передатчика, а слышимость его сигналов снижается.

«Теперь о том, как мы конспирировали нашу работу и прятались от полиции, — отмечал Клаузен в отчете. — Конечно, в первый год все было организовано не так хорошо, как должно было быть. Я имел приемники в каждом доме. Позднее я имел только один маленький приемник, который я укладывал вместе с передатчиком в маленький чемодан. Только трансформаторы я по-прежнему имел во всех домах, так как переносить их было тяжело. Для работы у меня было три дома: мой собственный, БРАНКО и ГУСТАВА. Каждый раз я менял место для работы. Иногда я также работал у РИХАРДА. Но у него было неудобно, так как было близко от антенны. Я работал, как правило, два раза в неделю, но часто я не мог связаться с Висбаденом. Почему, я не знаю. Правда, мне приходилось работать без волнометра и амперметра в антенне».

В другом месте Клаузен писал: «В основном я работал 2 раза в неделю, но иногда и каждый день, когда это было необходимо. Все зависело от количества телеграмм, которые нужно было передавать. Часто связь с Висбаденом обрывалась. С моей стороны срыв связи бывал из-за следующих причин:

а) Выключение электричества...

б) Порча частей передатчика. Это случалось очень часто, так как я всегда работал с перегрузкой на аноде...

в) Иногда во время сеанса приходили люди, и мне приходилось прерывать работу.

г) Другой важной причиной являлось то, что передатчик Висбадена был очень плохо отрегулирован. Я не мог понимать его ответов, поэтому часто не знал, приняли ли мою телеграмму или нет...

д) Иногда атмосферные условия были настолько плохи, что я не мог передать даже одного слова. В таких случаях я сам прекращал работу...

Метод работы в Китае был очень прост. У меня не было специального кода. Позывные я не менял часто, в Китае было работать не так опасно, как в других местах. Для взаимопонимания мы использовали код радиолюбителя или какой-нибудь из коммерческих кодов. Если мне нужно было вызвать Висбаден на другой день, я просто сообщал pse tmw, время было по Гринвичу gmt. Мы узнавали друг друга быстро, иногда нам не нужно было давать позывные, так как мы хорошо знали руку друг друга и звук радиопередатчика. По моему мнению, нет смысла часто менять позывные, так как рука и звук передатчика остаются прежними. Даже перемена волны не очень важна, так как любая станция ее легко обнаружит. Лучше всего менять время, предва-

рительно не оповещая об этом Висбаден. Но еще важнее менять постоянно место работы, как мне позволяет сказать мой опыт. В Японии в течение 6 лет японская полиция перехватывала мои передачи много раз, но была не в состоянии найти мою станцию, так как я постоянно менял место работы. Первое время я имел обыкновение оповещать Висбаден о времени следующего сеанса, для этого у меня был код, который я получил от Гурвича перед отъездом из Москвы».

Как выяснилось во время следствия после провала резидентуры, за 6 лет работы рации «Фрица» японцы перехватили 40—50 радиограмм, но расшифровать их до ареста Клаузена не смогли.

Клаузен постоянно менял квартиры. Смена производилась вне какой-либо очередности и системы: иногда работа велась 2—3 раза подряд из одного дома, затем 1 раз — из другого и 3 раза — из третьего и т. п.

Радиоаппаратура (приемник и передатчик) каждый раз доставлялась на место в чемоданчике.

Чемодан необходимо было переносить скрытно, так как систематическое, в течение ряда лет, появление Клаузена на улицах с чемоданом не могло остаться незамеченным и неизбежно привлекло бы внимание. Иногда Макс сам привозил чемодан на квартиру, но нередко договаривался с Вукеличем или «Эдит» о встрече в удобном месте, где он передавал им аппаратуру, и Клаузен уже приходил к ним без чемодана.

Окончив сеанс, он уходил не домой, а куда-либо в другое место, не беря с собой ничего, а Вукелич или «Эдит» относили чемодан к нему.

О том, как Клаузен посещал конспиративные квартиры, он рассказывал так: «Я посещал эти дома следующим образом: когда мне надо было работать в доме Жиголо или Эдит, я никогда не шел туда прямо от себя. Я ехал на машине или в немецкий клуб, или в какую-нибудь гостиницу. Машину оставлял около этого места, а поблизости брал такси и ехал на место работы. Я никогда не забывал, что должен держаться свободно и не боялся показывать шоферу такси, что я еду в дом Жиголо. Но если бы я сошел, не доезжая до дома, и пошел бы дальше пешком, это могло бы показаться ему подозрительным».

Деятельное участие в транспортировке аппаратуры с одной квартиры на другую, особенно в последние годы существования резидентуры, принимала жена Клаузена Анна, проявившая заметную изобретательность.

В 1946 году она рассказывала: «В последние годы МАКС был болен. Когда он работал на квартирах наших товарищей, то аппарат приходилось переносить мне. Иногда у МАКСА были сердечные припадки, чего мы всего больше опасались в нашей работе. Поэтому остерегался переносить аппарат по улице сам. Мне же было удобно. Части мы складывали в маленькие чемоданчики, а чемоданчики завертывали в фуросики (японский шелковый платок для свертков) вместе с маленькой корзинкой с фруктами сверху или другими предметами мелкого обихода. Я часто ходила с такими узелками вообще, так что такая ноша в моих руках никогда не вызывала подозрений. Для целей маскировки я завела кур, которыми любовались полицейские, у которых я спрашивала, где можно найти для них корм. Было и так, что однажды я встретилась с таким драгоценным узелком с полицейским в не совсем подходящем мне районе. Я ему сказала, что купила корм для кур, который у меня действительно был поверх чемоданчика. Наши чемоданы я часто возила в Тикадзаки (Тигасаки. — *М.А.*) на поезде, в авто, на трамвае и никогда не вызывала

ни малейшего подозрения. Я придерживалась такого закона: держаться проще, свободнее и открыто, не прячась от людей. Когда я иду бывало с чемоданчиком, то зайду в одну лавочку, в другую, что-нибудь куплю из продуктов, поставлю чемоданчик на пол, а что купила, положу сверху и прохожу мимо полицейских, а то и подойду спросить их что-либо. Я же знала, что полицейские ищут тех, кто прячется больше, чем надо».

Во время работы Клаузена Анна, Вукелич или «Гертруда» вели скрытное наблюдение из окна за подходами к дому с целью предупредить какое-либо неожиданное и нежелательное посещение. «Всегда, когда я работал, — отмечал Клаузен, — моя жена сидела у окна и смотрела из-за занавески, не идет ли кто-нибудь. В доме БРАНКО наблюдал БРАНКО. У ГУСТАВА следила его жена. Слуг мы держали только на половину дня, так как я обычно работал после полудня и вечером. Когда я выезжал с рацией к ГУСТАВУ или БРАНКО, я никогда не ехал туда прямо, а менял такси по пути. Иногда заезжал в универмаг или немецкий клуб и пр.

Но главное — у меня была хорошая легализация. Несколько раз переодетый полицейский заходил к нам в дом, чтобы узнать, чем я занимаюсь. Свой передатчик после работы я разбирал на части. За полчаса до начала работы я собирал его. Антенны у меня были комнатные».

Анна время от времени выходила во двор и на улицу, якобы чтобы погулять с собакой. «Если Фриц (Анна знала псевдоним мужа. — *М.А.*) должен был выполнять свою работу днем, — отмечала Анна, — то я заранее уже подготовляла повод, чтобы послать прислугу куда-нибудь подальше. Когда Фриц работал, я охраняла его так, что он мог спокойно работать. Я наблюдала из окна и время от времени выходила как будто гулять с собакой. Таким путем я осматривала все подозрительные места, где могли бы укрыться полицейские. Однажды было так: во время работы Фрица пришел полицейский. Наша квартира имела три выхода: через один я прошла в сад, откуда вышла к посетителю, поговорила с ним и пошла открывать другую дверь: Фриц за это время успел спрятать аппарат. Собака для меня была необходима. Я имела предлог часто выходить с ней, гулять около дома в любой час днем и ночью и осматривать все, что нужно. Я заходила в заднюю улочку, где стоят мусорные ящики (а они мне были часто нужны, когда Фриц, исправляя аппарат, должен был выбрасывать мелкие части)». Клаузен особо ценил роль Анны в обеспечении его работы: «Мы часто слышим о храбрости советской женщины во время войны. Но она несравнима с тем, что сделала моя жена. Девять лет без перерыва она должна была охранять мою работу, быть готовой каждый час, каждую минуту ко всяким неожиданностям».

Клаузен пришел даже к категорическому заключению: «Необходимо, чтобы с радистом была всегда его жена».

Каждого члена резидентуры преследовала опасность обнаружения компрометирующего материала, в том числе в ходе случайной проверки на улице или на дому. В этом Клаузен, пожалуй, был самым уязвимым. От него требовалась большая собранность и внимательность. По его словам, у него было несколько опасных эпизодов. Один из них произошел осенью 1937 г.: «Я, как обычно, взял такси по соседству, чтобы отправиться на радиосеанс с Москвой и, прибыв к дому Вукелича где-то около двух или трех часов дня, обнаружил, что исчез большой черный бумажник, который я положил в левый карман брюк. Я пулей вылетел обратно на улицу, однако такси уже ис-

чезло, в бумажнике находились 230 иен в японской валюте, мое водительское удостоверение с фотографией, а также написанный Зорге по-английски финансовый отчет, который мы должны были отправить в Москву. Его нужно было сфотографировать в доме Вукелича. Все остальные зашифрованные сообщения, к счастью, были тщательно упрятаны в моей старой черной сумке. Я, должно быть, забыл бумажник в машине, поскольку был уверен, что доставал и открывал его. Конечно, я не помнил номера этой машины. Я не знал, что мне делать, и потому сказал Вукеличу, что потерял бумажник и большую сумму денег, и попросил совета. Он был болтлив по натуре, и я боялся, что он расскажет Зорге о финансовом отчете, а потому не сказал ему о нем. На следующий день я набрался дерзости и сообщил о моей пропаже в департамент потерь и находок при городской полиции. Я сказал, что потерял некоторую сумму в японской валюте, мои водительские права и пачку бумаг, написанных по-английски. Бумажник так и не нашли, и в течение нескольких дней я пребывал в состоянии постоянного беспокойства»[96].

Был еще один случай, о котором Клаузен также упомянул: «1 сентября 1938 г. я работал в доме БРАНКО. Днем я поехал в немецкий клуб на своей машине, оставил ее в саду клуба и отправился на такси к БРАНКО. Рация и шифрованные телеграммы были при мне в небольшом чемодане. В этот вечер я не мог наладить хорошей связи с Висбаденом и решил остаться в доме БРАНКО до 3-х часов ночи. Но в эту ночь мне не повезло. Начался тайфун. Дом болтало как при землетрясении. Окна вылетели. Нам с БРАНКО пришлось их вставлять. О работе не могло быть и речи, так как электричество было выключено. В 8 часов утра к БРАНКО приходила его прислуга для уборки. Мне надо было покинуть дом до ее прихода. Я не мог достать такси на улице, так как почти все деревья на улице были повалены ветром. Крыши домов и всевозможные предметы валялись на улице. Так как немецкий клуб был недалеко от дома БРАНКО, я отправился туда за своей машиной. Мы договорились с БРАНКО, что встретимся на углу, недалеко от его дома, и он передаст мне рацию. Мы так и сделали, и я поехал домой. По пути у Роппонги полицейский приказал мне остановиться и спросил у меня визитную карточку. Я дал ему ее, он извинился и отошел. Трудно представить мое чувство, когда он отошел. Мне удивительно везло. По возвращении домой я увидел, что мой дом пострадал довольно сильно. Отломался кусок крыши, в комнатах была вода. Света в доме также не было. Я потребовал у владельца включить свет, но он не пришел. Я решил снять новый дом, так как надо было работать. Кроме того, недалеко от моего дома находилось торгпредство СССР, поэтому в этом районе было много полицейских. Рядом также находился 3-й полк. После начала войны с Китаем происходила мобилизация, улица перед нашим домом всегда была заполнена народом, провожающим новобранцев. В связи с этим полицейские тоже были тут.

15 сентября мы переехали на ХИРОО-ТЙО (Адзабу-ку, Хироо-тё. — *М.А.*), № 2. Там мы проживали до нашего ареста».

По части соседства в месте жительства до тайфуна и после него Клаузена подвела память. По первому адресу он действительно проживал рядом с расположением 3-го пехотного полка. А после переезда он оказался по соседству с Торгпредством СССР (Адзабу-ку, Когаи-тё, 4) — 3—4 минуты пешком[97].

За Торгпредством, как и за Посольством СССР велось постоянное наружное наблюдение, как со стационарных постов, так и экипажами машин, де-

журивших в районе расположения советских представительств. В этой связи выбор места жительства как Зорге, рядом с советским посольством, так и Клаузена, вблизи торгпредства, был крайне неудачен, так как посетители их квартир, входившие в состав резидентуры, могли случайно попасть в поле зрения сотрудников жандармерии — кэмпэйтай, дежуривших в районе расположения советских представительств.

Клаузен практиковал и совершенно недопустимые вещи, проводя радиосеансы из домов Вукелича или Зорге, когда хозяева квартир отсутствовали.

«Я мог бывать, — сообщает Клаузен, — в доме "Рамзая" и "Жиголо" даже тогда, когда их не было дома, у меня были ключи от обоих домов. Часто я работал в доме "Жиголо", когда его не было дома. С точки зрения конспирации это было, конечно, хорошо, но стоило много нервов, т.к. я не знал, кто стучится в дверь во время отсутствия "Жиголо". К "Рамзаю" я также ходил часто, когда его не было дома. "Рамзай" часто должен был работать ночью в немецком посольстве, поэтому, если мы должны были встретиться в такой день, мне приходилось сидеть и ожидать его возвращения. Не было необходимости долго бродить по улицам. У "Рамзая" была привычка не выключать свет в своем доме, поэтому не было ничего странного в том, что я был там».

Подобный подход можно расценить лишь как непонимание Клаузеном требований конспирации. Что касается «Рамзая», отсутствие его реакции на подобные грубые нарушения не могут не удивлять.

Весьма серьезное значение в деле маскировки нелегальной радиосвязи имеет соблюдение режима работы рации, — с целью затруднения перехвата передач и пеленгации места работы рации радиослежкой противника.

Радиосвязь резидентуры «Рамзая» с Владивостоком отличалась тем, что сеансы приема-передачи порой затягивались на 4—5 часов, что давало японской контрразведке возможность тщательно изучать работу раций, их позывные, почерк радистов, и перехватывать большое количество шифрованных радиограмм.

«Фриц» должен был работать 1—2 раза в неделю (в зависимости от количества материалов) не более часа. Однако этот режим почти не соблюдался. По его словам, Клаузен иногда работал каждый день. Теряя связь с Владивостоком, работал много часов, пытаясь ее восстановить.

«Иногда передавал 1400 групп в 3—4 часа, иногда же приходилось работать 3 часа для передачи 200 групп. В среднем передавал 500 групп в неделю, в год — в среднем — от 20 до 25 тыс. групп. От Владивостока принимал в год от 8 до 10 тыс. групп».

И руководство Центра, и «Рамзай» сознавали недопустимость многочасовых сеансов работы радиста, считая, что такие длительные радиопередачи дают возможность противнику запеленговать рацию «Фрица». Тем не менее многочасовые передачи продолжались.

В одном из писем в октябре 1938 г. «Рамзай», основываясь на пятилетнем опыте работы резидентуры, писал:

«О КОНСПИРАТИВНЫХ КВАРТИРАХ

При вопросе сооружения мастерских в каком-либо помещении, решающую роль должны играть два основных момента: во-первых, речь идет о двухэтажном доме и ни в коем случае не об одноэтажном, т.е. о доме, как большинство здешних домов, лежащих на земле.

Так как здесь дома строятся таким образом, что каждый посетитель, поставщик или полицейский, открыв входную дверь, сразу же может заметить большую часть нижнего этажа, то мастерские необходимо строить во втором этаже.

Второй вопрос, о домашнем персонале, которым необходимо вынужден пользоваться каждый иностранец. Если даже вопрос идет только о домашней работнице, то и она не должна жить в этом помещении. Надо выбирать себе такую домработницу, которую можно приучить приходить пораньше утром и уходить, по возможности, сразу же после обеда. Вообще-то, домработницы имеют тенденцию жить тут же на квартире. Естественно, что эта тенденция сильно поощряется властями, так как через них они имеют прекрасный контроль над всем происходящим в доме. Вследствие этого квартиры, используемые под конспиративную работу, никогда не должны быть богатыми, дорогостоящими, важными, ибо они требуют постоянную одну или несколько домработниц. Семья, живущая там, так же не должна быть очень большой, ибо ей самой нужна постоянная домработница...

...Следует отдавать предпочтение домам, построенным в иностранном стиле, так как они имеют больше укромных уголков в архитектуре и во всей конструкции...

...Желательно, чтобы возможно большее количество таких конспиративных квартир содержалось бы в различных районах города и даже в окрестностях. Например, летом необходимо одну-две квартиры иметь в местах летних дач, где отдыхают как местные жители, так и иностранцы. Транспортирование аппаратуры и др. принадлежностей вместе с недельным багажом, а также с купальными принадлежностями значительно легче и менее заметно, чем в городе.

Во время работы в этих помещениях должно быть создано впечатление, что или хозяина квартиры в данный момент нет дома или что все уже спят. Это значит, что работа должна проводиться, по возможности, при свете, незаметном с улицы, что не всегда удается благодаря стилю построек.

Только в исключительных случаях можно работать во втором этаже, когда хозяин квартиры, как обычно, находится дома, и это заметно с улицы... Работающий мастер никогда не должен находиться в квартире один. До сих пор здесь придерживались правила работать только в квартирах иностранцев. Эта установка вернее, так как дома, где живут местные жители, труднее часто посещать иностранцам. Местный житель, часто посещаемый иностранцами, очень скоро навлекает на себя подозрение, в то время как общение между иностранцами не так бросается в глаза, хотя, конечно, они постоянно находятся под контролем. Тем не менее без помощи домашних служащих властям не удается установить полный контроль».

Подытоживая опыт своей работы в Токио, Клаузен сделал следующие выводы: «а) наиболее надежная маскировка и обеспечение работы радиста — это хорошая легализация и солидная репутация в глазах полицейских органов;

б) нелегальная резидентура должна иметь минимум двух радистов, не имеющих непосредственной связи друг с другом. Они должны работать поочередно, часто и бессистемно меняя места работы;

в) практикуемая смена позывных рации не только не достигает цели маскировки, но приводит даже к отрицательным результатам. Тон передатчика и

почерк радиста остаются прежними и легко могут быть распознаны, периодическая же смена позывных лишь дает указание на то, что рация — секретная;

г) обуславливание каждый раз времени следующего сеанса при помощи кодовой фразы — также мало целесообразно. Код со временем может быть раскрыт противником. Наиболее удобен и целесообразен порядок, установленный в последний период деятельности резидентуры «Рамзая»: круглосуточное дежурство рации Центра на заданной волне — в течение 10-ти минут в начале (или в конце) каждого часа».

Центр крайне интересовал опыт конструирования радиостанции, в первую очередь радиопередатчика, из подсобных материалов. В этой связи 6 октября 1938 г. «Фриц» написал отчет, который «Рамзай» направил в Центр вместе с почтой: «Возвращаясь к Вашей телеграмме, я перечисляю Вам те материалы, на которых была построена моя S.

1. Лампы. В течение трех лет я употребляю американские лампы И.Х.210. К сожалению, их нельзя больше раздобыть, поэтому я сделал попытку связаться с кораблями.

До сих пор этим путем мне удалось приобрести четыре лампы, в ноябре я добуду еще четыре, а это значит, что на будущее времена я лампами обеспечен.

2. Конденсаторы. Эти пока еще можно достать здесь, имеющиеся в настоящее время не особенно годятся. Случается, что в течение часа перегорают два конденсатора. Я дал своей жене захватить с собой штук 10 конденсаторов. Тогда на некоторое время я буду обеспечен так же и ими.

3. Различные материалы. Другие материалы, необходимые для моей S., я не могу приобретать здесь, кое-что делаю сам.

4. Тип моей S. это система Армстронг с двумя параллельными И.Х.210. Моя S. помещается в папиросном ящике, следовательно, очень маленькая и удобная для транспортирования. Я себе соорудил четыре рабочих места, одно за городом и 3 в городе. Все места расположены далеко друг от друга, так что до некоторой степени, работа обеспечена.

5. Условия работы чрезвычайно различны, летом, например, тяжело работать, так как очень велики атмосферные помехи.

Так как моя S. имеет только15 ватт, то иногда плохо слышно, а иногда совсем ничего не слышно. Зимой работа идет лучше, в чем Вы сами могли убедиться прошлой зимой...

Одно ясно, до тех пор, пока я здесь, работа будет спориться. Привет всем.

Фр.»

Клаузен так описывал сеансы радиосвязи из своей квартиры: «...Работа была трудна не только тем, что мы должны были предупреждать раскрытие организации, она трудна сама по себе. Вы знаете, как жарко в Восточной Азии. Во время же работы я не мог открывать окон, наоборот, я закрывал их, чтобы ничего не было видно извне. Когда я нажимал ключ, в доме потухал свет. Чтобы этого не было видно с улицы, мы занавешивали окна плотными занавесками. Я снимал с себя все и работал от 2 до 5 часов. Приходилось пить холодное пиво, чтобы поддерживать прохладу. РИХАРД иногда пытался сидеть рядом со мной, но не выдерживал и уходил. Кроме того, доставалось от комаров, приходилось все время поддерживать дым от них».

«В 1939 г. БРАНКО развелся со своей женой ЭДИТ (по Справке, составленной в Центре на резидентуру «Рамзая», развод Вукеличей состоялся в 1937-м. — *М.А.*), и она снимала новый дом в Мегуро, — вспоминал Клаузен. — Да, забыл написать, что ГУСТАВ уехал из Японии в 1937 г., поэтому у меня осталось два места для работы, но после развода БРАНКО и ЭДИТ у меня снова было три места. И, кроме того, дом в Тигасаки. Весной 1940 г. я заболел, но, благодаря храбрости моей жены, работа с Висбаденом не прекращалась... В этот день утром у меня был сердечный припадок, я отправился в больницу, но врач не хотел меня отпускать. Я упросил доктора ФУКАСЕ дать мне что-нибудь, чтобы я мог еще один день работать. Он за 2 часа сделал мне 6 уколов, после чего мне стало лучше, и вечером я с женой могли выйти на встречу советского человека. На следующий день, так как мне стало хуже, я лег в госпиталь на несколько дней. Но я там нервничал и вернулся домой, потому что должен был работать. РИХАРД вызывал мне врача ИКЕДА из больницы Св. Луки, но его лекарство мне не помогало, тогда РИХАРД вызвал немецкого врача ВИРЦА. Через три месяца мне стало лучше. За это время жена все сделала для меня. Плотник мне сделал доску, на которой я в кровати удобно мог шифровать. Перед началом работы с Висбаденом жена подготавливала рацию перед моей кроватью. Мне оставалось только передавать телеграммы. Связь с РИХАРДОМ и БРАНКО тоже поддерживала она. Однажды, когда я занимался шифрованием, в мою комнату вошел доктор ВИРЦ, который прошел в мою комнату незаметно, так как жена была на кухне. "Что Вы делаете? Я запретил Вам работать совсем", — сказал он. Я неторопливо положил бумаги за кровать и ответил: "Я подсчитываю свои дела". — "Если Вы будете продолжать в этом духе, моя помощь вам не поможет". Я сказал, что занимаюсь совсем немного. Вышеупомянутый факт один из немногих, которые случались в нашей работе. Поэтому я должен сказать, что если бы не смелость моей жены, моя работа не была бы успешной. Мне бы не пришлось проработать в Японии 6 лет, если бы моя жена не охраняла меня от посторонних вторжений. Необходимо, чтобы с радистом была всегда его жена. После моего выздоровления, когда мы с женой ходили работать к БРАНКО или ЭДИТ, жена всегда сама носила рацию, так как я был не в состоянии делать это сам».

На первый взгляд, продолжать использовать «Эдит» для обеспечения радиосвязи с Центром после ее развода с Бранко Вукеличем было опасно, так как исключалась возможность контроля за ней, ее контактами и кругом общения. Ведь был же иностранец, с которым она «сошлась»? Что с ним стало? Ответ Центром так и не был получен, а квартира «Эдит» продолжала использоваться вплоть до ее отъезда из Японии в сентябре 1941 г. Значит, Зорге знал о ней больше, чем сообщал Центру, и не сомневался в ее надежности.

Вот что вспоминала Анна: «В последние месяцы 1940 г. работать МАКСУ было трудно, особенно, когда он вынужден был лежать три месяца в постели со льдом. Врач велел ему лежать только на спине. Однако работать было нужно. Мы устроили тогда тонкую парту из досок через всю кровать. Я приготавливала аппарат и устанавливала его над грудью МАКСА так, чтобы он мог держать ключ. Работа иногда продолжалась несколько часов. В промежутках я бегала за льдом и меняла его. Когда сеанс заканчивался, я разбирала аппарат и прятала. После такой работы МАКСУ всегда становилось хуже. Врач приходил каждый день и удивлялся скачкам в болезни МАКСА. Он предлагал нам взять постоянную сестру-сиделку на дом, так как он думал, что МАКС

не лежит спокойно. МАКС сопротивлялся этому, говоря, что он спокоен только тогда, когда рядом с ним его жена. Когда МАКС стал поправляться, он стал иногда опять работать у БРАНКО».

Шифр первоначально был сообщен только Зорге, и он лично занимался шифровкой материалов. В апреле 1936 г. «Рамзай», оправданно ссылаясь на чрезмерную занятость, запросил разрешения Центра обучить «Фрица» шифру и поручить ему обработку документов. Центр ответил отказом, считая, что в привлечении Клаузена к шифровальной работе «нет необходимости». Однако с 1937 г. шифровка телеграмм в резидентуре все же была передана Клаузену, «по разрешению Центра». Судя по упомянутому отчету Клаузена, с этого времени шифровкой занимался почти исключительно он, и лишь иногда Зорге.

Качество шифровки вызывало нарекания Центра, который даже сделал запрос, кто привлекался к работе. Мемо из радиограммы Зорге от 2 октября 1937 г.: «Указывает, что шифр известен только ему и Фрицу. В течение последних 9-ти мес. работает на шифре только Фриц. Протестует против подозрений о передаче шифра какому-то третьему лицу.

Справка: Последнее является ответом на запрос т. Озолина, так как присланные последние телеграммы были зашифрованы с большими ошибками».

Как правило, Зорге передавал Клаузену материалы, отпечатанные на машинке, а тот их шифровал. Шифровка 500 групп занимала 3—4 часа.

Для шифрования использовалась книга «Немецкий статистический ежегодник». Судя по тому, что эта книга имелась в 3-х экземплярах — в домах самого Клаузена, Зорге и Вукелича, — можно заключить, что «Фриц» занимался шифрованием не только у себя дома.

После передачи радиограмм Клаузен в течение некоторого времени сохранял у себя копии, объясняя это тем, что иногда Центр требовал повторения радиограммы или ее части, перепутанной при передаче. В момент ареста «Фрица» полиция захватила в его доме около 500 групп зашифрованных телеграмм.

Клаузен допускал иногда шифровку телеграмм в присутствии домработницы или врача, оставлял на столе или в незакрытом ящике стола полузашифрованные телеграммы и их оригиналы; с непонятной педантичностью, в течение ряда лет, вел дневник радиопередач, фиксируя длительность сеансов и количество переданных групп, не соблюдал режима радиопередач, проводя многочасовые передачи и позволив радиослежке противника накопить обширный перехваченный материал, который после ареста Клаузена с его же помощью был расшифрован.

«Так как часто случалось, что Висбаден требовал, чтобы я повторял телеграммы, — писал в отчете Клаузен, — то я в течение некоторого времени прятал у себя телеграммы, которые мне давал РИХАРД. РИХАРД же никогда не доделывал телеграмм до конца. Он писал иногда на машинке целые страницы без интервалов, и мне приходилось корректировать их...

Вы спрашиваете, нашли ли они ключ для шифра. У меня не было ключа для шифрования, так как все это я держал в голове. Но полиция обнаружила несколько телеграмм, которые я не успел уничтожить. Начальник полиции заявил мне хвастливо, что он может прочесть эти телеграммы без моей помощи. И он почти добился этого. На это ему потребовалось два дня. Конечно, способа употребления статистического ежегодника он не знал, но смог прочесть».

На самом деле Клаузен раскрыл японцам шифр, что, впрочем, при наличии захваченных при его аресте неотправленных зашифрованных радиограмм и их оригинального текста не представляло большого труда.

«Фриц» «сломался» в первые же дни (если не часы) — не выдержал мощного психологического прессинга со стороны японского следствия (в отчете он не упоминает, что к нему применялись пытки).

Обеспечением радиосвязи с Центром и зашифровкой телеграмм не ограничивался круг обязанностей Клаузена. «Помимо этого, — писал он в отчете, — мне было поручено прятать у меня в доме все документы, которые добывали члены нашей группы. Их приносил мне РИХАРД. Я относил их БРАНКО для фотографирования. Пленки я приносил обратно к себе и держал их у себя до отправки почты. ... Например, ДЖО приносил документы БРАНКО, так как он не должен был бывать у РИХАРДА. Я позднее шел к БРАНКО и относил их РИХАРДУ. РИХАРД просматривал их, определял их ценность для снятия копии. Я договаривался с БРАНКО, когда он может их сфотографировать, и относил их тогда к нему в дом. Там я помогал ему при фотографировании. Я должен был находиться при БРАНКО во время фотографирования, чтобы он не прочитывал материал. БРАНКО был очень хороший человек, но так как он был журналист, РИХАРД не хотел, чтобы он читал эти документы, так как он мог использовать некоторые сообщения для агентства ГАВАС. По окончании работы я сжигал у него на кухне все материалы. Тогда же я договаривался с БРАНКО встретиться где-нибудь за завтраком или обедом. Тем временем БРАНКО проявлял пленку. Обмен пленкой мы производили следующим образом. Так как ходить домой друг к другу часто было неудобно, мы встречались в городе. Иногда мы ходили в бар, иногда в ресторан. Все было обусловлено заранее. Например, БРАНКО укладывает пленку в коробку с сигаретами, в которой имеется некоторое количество сигарет. Я прошу у него сигарету, он достает коробку и, протягивая ее мне, говорит: "Берите, у меня есть еще одна". И сразу же достает другую и показывает ее мне. Со стороны можно думать, что я действительно взял у него сигареты, так как я достаю одну и закуриваю. Встречаться с РИХАРДОМ было легче, чем с БРАНКО, так как мы оба немцы. Встречались мы с ним преимущественно в немецких барах.

РИХАРД и я имели хороший способ для встреч. Я уже упоминал, что я был компаньоном ФЕРСТЕРА, мы импортировали с ним мотоциклы ЗЕНДАПП. РИХАРД купил у меня мотоцикл. Теперь у него была хорошая причина для встреч. Когда он хотел что-нибудь от меня, он вызывал меня по телефону и сердито громко говорил, что мотоцикл, который он купил у меня, никуда не годится, так как опять требует ремонта. Затем он просил меня придти к нему на место, где он находится с мотоциклом. Другой способ встречаться был следующий: по телефону мы договаривались встретиться в ресторане ЛОХМЕЙЕР, но это означало, что мы встретимся в баре Дай Ити. Встреча обычно происходила на пять часов позже обусловленного по телефону времени. По телефону РИХАРД обычно называл меня "г-н директор", а я его "г-н доктор"».

В этом рассказе «Фрица» нельзя не заметить явную надуманность всего этого процесса передачи друг другу материалов с наивными попытками изобразить меры конспиративной предосторожности относительно «Жиголо». Едва ли был смысл дежурить около Вукелича во время фотосъемки, если он первым получал материалы от Мияги и держал их у себя до прихода Клаузена, а в дальнейшем проявлял и хранил проявленные пленки до передачи ему. Это же касается и назначение Клаузеном встреч с Зорге.

Похоже, Клаузен пытается задним числом несколько упорядочить существовавшую практику обработки и подготовки материалов, не замечая того, что нередко противоречит сам себе.

Еще Клаузена использовали в качестве курьера для доставки почты в Шанхай.

Что же касается рекомендаций, сформулированных «Рамзаем» и «Фрицем», то оба они далеко не всегда следовали им. В частности, это касалось выбора квартиры, как Зорге, так и Клаузена, как здесь уже отмечалось, очень неудачного. Неудачно была выбрана и квартира «Густава». «Алекс» в письмах Центру в начале ноября 1936 г. сообщал: «У Густава аппаратура плохо скрыта, квартира не приспособлена для устройства хранилища-тайника». Осталась нереализованной и рекомендация «Рамзая» отдавать предпочтение домам, построенным в иностранном стиле.

«Фриц» неоднократно подчеркивал, насколько важно систематическое, надежное обеспечение и охрана радиста во время работы. Клаузену вторил Зорге, указывая, что «работающий мастер никогда не должен находиться один». Практически же Клаузен, как уже отмечалось, часто работал у Вукелича или Зорге, когда не было дома. Такие сеансы в чужом доме в отсутствие хозяев можно расценивать как совершенно недопустимые и неоправданно рискованные приемы работы.

Недопустимая длительность сеансов была отчасти вызвана техническим несовершенством приемной и передающей аппаратуры. Перебои в работе требовали повторной регулировки, дополнительных перепроверок. В результате радиоперехват передач Клаузена производился не только в Токио, но и в других местах Японии и даже в Корее.

Весьма серьезным недостатком являлась неповоротливость аппарата Центра в решении вопроса об обеспечении резидентуры «Рамзая» вторым радистом. С 1934-го по 1941 год он свыше десяти раз обращался в Центр с просьбой обеспечить его вторым радистом, указывая на чрезмерную загруженность и плохое состояние здоровья «Фрица», предлагая надежно легализовать нового радиста под крышей коммерческой фирмы Клаузена.

Центр в течение восьми лет заверял, что «радист подготавливается», «будет скоро прислан» и т. д., однако эти обещания так и остались невыполненными.

«Рамзай» был вынужден использовать своего единственного радиста и как шифровальщика, и в качестве курьера для пересылки почты, и как связника, и даже для рискованных встреч со связниками легального аппарата. Не говоря уже о том, что это создавало чрезмерную нагрузку для Клаузена, занятого также и коммерческой деятельностью. Такое положение было явно недопустимым.

Наличие единственного радиста в резидентуре лишало Центр возможности осуществлять контроль за состоянием радиосвязи, так как монопольное положение «Фрица» позволяло ему при желании прервать связь, сославшись на технические неполадки своей или владивостокской рации, неблагоприятные атмосферные условия и т. п.

Хранение документов на квартире радиста вместе с радиоаппаратурой вообще нельзя признать целесообразным, работающая рация являлась одним из наиболее уязвимых звеньев резидентуры. В случае обнаружения и захвата рации на квартире Клаузена полиция получила бы большое количест-

во улик, раскрывавших деятельность резидентуры и даже, возможно, источники получения направляемой в Центр информации.

Успешной работе нелегальной рации в течение восьми лет способствовали следующие факторы:

— надежная легализация радиста под прочной крышей немца-коммерсанта, создавшая ему солидную положительную репутацию;

— относительно хорошая маскировка мест работы: частые, бессистемные перемены пунктов работы, удачная маскировка хранения и транспортировки аппаратуры;

— явное несовершенство радиопеленгаторных средств японской контрразведки того времени, не сумевшей в течение восьми лет точно засечь рацию нелегальной резидентуры, несмотря на длительные сеансы радиопередач.

Радиосвязь, по существу, бесконтрольно находилась в руках Клаузена, который мог работать или не работать, ссылаясь на неполадки во Владивостоке. В деле упорядочения и укрепления радиосвязи с резидентурой организующая роль Центра была недостаточна, инициатива в значительной мере принадлежала Зорге. Центр преимущественно принимал и санкционировал предложения «Рамзая», внося от себя лишь уточнения и мелкие поправки.

В 1946 году Макс Клаузен написал: «РИХАРД был очень хороший человек. Он особенно любил меня. После того как наци напали на СССР, РИХАРД говорил мне: "В этом мире, зараженном нацизмом, у меня есть только ты, с кем я могу говорить. Когда я должен идти в немецкий клуб или немецкое посольство, меня просто тошнит, но делать это необходимо"».

Не все в изложении Клаузена следует принимать на веру. Нередко он терял последовательность, противоречил самому себе, выдавая свое стремление изобразить дело в более выгодном для себя свете. Это касается, в первую очередь, вопросов конспирации при организации связи и радиосвязи. Что касается вышеприведенной цитаты из его отчета, то в данном случае нет оснований сомневаться в искренности Макса Клаузена и желании подыграть тем, кто будет читать эти строки.

Глава 4

1941 год. ТОКИО, МОСКВА

4.1. «Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других людей, и он может поднимать вопрос о Сингапуре... Я имею некоторое влияние на германского посла Отт и могу подталкивать или не побуждать его к оказанию давления на Японию...».

(«Рамзай» — «Центру, Токио, 18 апреля 1941 г.)

Германия, Италия и Япония согласились 20 декабря 1940 г. создать комиссии, предусмотренные Тройственным пактом. Соглашение предусматривало создание общей комиссии и двух технических комиссий: военной и экономической, которые должны были существовать независимо друг от друга в каждой из трех столиц. Генерал Муто Акира, начальник Бюро военных дел военного министерства, и адмирал Ока Такасуми, ставший начальником Бюро общих и военных дел военно-морского министерства, были назначены в техническую военную комиссию в Токио.

В день, когда было достигнуто соглашение, генерал Осима Хироси был назначен послом в Германию и стал членом общей комиссии в Берлине. Отъезд его в Германию состоялся 15 января 1941 г.[1].

Министр иностранных дел Японии Мацуока собирался посетить Германию после прибытия Осимы в эту страну, однако посредничество в пограничном споре между Французским Индокитаем и Таиландом заставило его отложить поездку.

18 января 1941 года из Токио в Центр было отправлено четыре информационных шифртелеграммы, касавшихся внешней политики Японии.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 18 января 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Морской атташе Германии в Токио Венекер рассказал мне, что поражение Италии сказывается на японском морском министерстве и штабе.

На развертывание активных действий против юга в ближайшие 2-3 месяца надежд нет. Растет влияние новых политических групп. Переговоры с новыми представителями Индо-Китая носят чисто экономический характер. Несмотря на имеющуюся возможность занять Сайгон одним японским полком без большого сопротивления, японский штаб до сих пор не намечает подобных активных действий и не будет их проводить, если японские экономические требования к Индо-Китаю будут удовлетворены последним.

№ 145 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. Перевел: майор Сонин 13.15 21.1
Адресату
Панфилову
Дубинину».

10 июня 1940 г. Италия объявила войну Великобритании и Франции. 11 ноября 1940 г. британская палубная авиация совершила налет на итальянскую военно-морскую базу в Таранто. В результате атаки один линкор был потоплен и два серьезно повреждены; флот Великобритании захватил инициативу в Средиземном море. Атака доказала возможность эффективных действий палубной авиации против тяжелых судов, находящихся в защищенной гавани. Операция послужила образцом для японской атаки Пёрл-Харбора в 1941 г.

Откликается «Рамзай» и на отъезд в Германию назначенного послом генерала Осима Хироси.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 18 января 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

От германского посла узнал: Осима будет главным послом для всей Европы с задачами развития пакта 3-х держав в военный союз с наступательными акциями Японии против Сингапура и, если будет необходимо, и против Америки.

Сиратори и часть работников японского штаба и морского министерства без согласия Коное поддерживает Осима.

Германский посол считает, что создавшаяся политическая ситуация в Японии не дает японцам возможности успешного проведения этой политики до того, пока не выяснится возможность победы Германии в результате вторжения в Англию. Так или иначе, но посол утверждает, что Япония начинает движение за изменение пакта 3-х держав в агрессивный наступательный союз.

№146 РАМЗАЙ.

Расшифровал Малинников. Перевел: майор Сонин 13.15 20.1
Адресату
Панфилову, Дубинину
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Переговорить.

Г.

Запросить и указать, что содержание т.-ммы
очень непонятное и туманное.

23.1 Г.

НО-6
Доложите Ваши соображения по этому вопросу.
Подпись.21/1».

Сиратори Тосио — посол Японии в Италии в 1939, 1940-х годах — с перерывом, советник министерства иностранных дел, один из инициаторов Тройственного пакта.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 18 января 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Риббентроп пригласил Мацуока прибыть в Берлин для обсуждения вопросов пакта 3-х держав. Это приглашение было сделано после того, как германский посол в Токио информировал Риббентропа о желании Мацуо-

ка выехать в Берлин с целью усиления своего положения, которое несколько пошатнулось в связи с введением в кабинет Сиранума [Хиранума]. Осима и Сиранума против планов Мацуока. Вопрос этот будет решен в ближайшее время; возможно, что Мацуока попытается дать новое развитие вопросу переговоров между СССР и Японией.

№147 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. Перевел: майор Сонин 13.15 21.1
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
НО-9
Дать тт. Сталину, Молотову, НКО,
НГШ, Ворошилову, Берия.

Г.

Адресату
Панфилову, Дубинину».

Хиранума Киитиро 6 декабря 1940 г. был назначен министром без портфеля, а 21 декабря — министром внутренних дел в кабинете Коноэ.

18 января Гальдер записывает в своем дневнике: «... 3. Возможен приезд японского министра иностранных дел [Мацуока]. По-видимому, во время переговоров будут затронуты вопросы о Французском Индокитае и Голландской Индии. Если мы хотим активного сотрудничества с Японией, нам придется уступить ей Голландскую Индию. Я лично считаю эту уступку целесообразной, так как своими силами мы все равно удержать ее не сможем, а попытками сохранить ее в качестве колонии Нидерландов только затрудним свои отношения с Голландией [с Японией?]»[2].

Информация была предоставлена Этцдорфом, референтом связи МИДа Германии при Главном командовании сухопутных сил. Зорге был лучше информирован, чем министерство иностранных дел рейха.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 января 1941 года.
По радио.

Отто (источник) возвратился из Китая и рассказывает, что японцы готовят высадку в Сайгоне в марте, но дальше не будут продвигаться в ожидании результатов германского вторжения в Англию. Японские войска уже выбыли с Формозы в Хайнань. В районе Вузунг (Шанхай), оборудованы специальные военные лагеря для размещения войск перебрасываемых на юг.

№ 148. РАМЗАЙ.

Перевел: майор Сонин. 13.15. 21.1
Адресату.
Панфилову, Дубинину».

«В Токио. Тов. Рамзаю.
24 января 1941 г.

Смысл Вашей телеграммы № 146 не ясен. Как понимать, что Осима будет главным послом для всей Европы, и что Япония начинает движение за изменение пакта 3-х держав? Какова цель и причины этого?

Организатор».

«Организатор» — псевдоним начальника 3-го (Дальневосточного) отдела.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО.
7 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Отвечаю на Вашу телеграмму № 46: Осима не будет являться официально главным послом в Европе, но намерен фактически выполнять эту роль.

№ 67 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.2».

22 января на 76-й сессии парламента с речью о внешней политике Японии выступил министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ. Он «подчеркнул, что внешняя политика японского правительства базируется на тройственном пакте, который предполагает, что участники пакта обязуются помогать друг другу всеми политическими, экономическими и военными средствами. Говоря о целях Японии в "сфере великой Восточной Азии", Мацуока остановился на взаимоотношениях Японии с Маньчжоу-Го и нанкинским "правительством" Ван Цзинвэя. Мацуока заявил, что сопротивление, оказываемое до настоящего времени Японии со стороны правительства Чан Кайши, исходит из необоснованных надежд Китая на получение помощи Англии и США.

Мацуока сообщил об экономических переговорах с Голландской Индией и Французским Индокитаем, в результате последних было достигнуто соглашение о пропуске японских войск на территорию Французского Индокитая. Подчеркнув наличие дружественных отношений между Японией и Таи (Таиланд. — *М.А.*), Мацуока заявил, что Япония не может оставаться безучастной к вооруженным конфликтам, происходящим на границе Французского Индокитая и Таи».

Остановившись на взаимоотношениях с Советским Союзом, Мацуока сказал: «Было бы нежелательным, чтобы существующие дипломатические отношения между Японией и СССР оставались такими, какими они являются в настоящее время. Сейчас прилагаются все усилия к тому, чтобы устранить взаимные разногласия и, если будет возможно, осуществить фундаментальные и далеко идущие изменения в дипломатических отношениях. По этому вопросу как Германия, так и Италия разделяют стремления Японии. В настоящий момент мы ведем переговоры по таким вопросам, как демаркация границ между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией, о рыболовстве и японских концессиях на Северном Сахалине…»

Мацуока напомнил о статье 5 тройственного пакта, подчеркивающей, что он не направлен против Советского Союза. «Мы искренне надеемся, — заявил Мацуока, — на то, что СССР поймет действительные намерения Японии и что обе страны, руководимые духом взаимных уступок и доброжелательства, смогут достигнуть улучшения своих отношений».

Останавливаясь далее на внешней торговле Японии с Англией и Соединенными Штатами, Мацуока коснулся и общеполитических отношений с США. «Мацуока заявил, что имеется ряд фактов недостаточно лояльного отношения США к Японии, в частности, осуществления США эмбарго и ограничений на экспорт в Японию ряда товаров. Соединенные Штаты, указал Ма-

цуока, очевидно полагают, что линия их национальной обороны проходит на западе не только через восточный бассейн Тихого океана, но даже вплоть до Китая и южных морей. Такая позиция является односторонней. Эта позиция, по мнению Мацуока, не будет способствовать укреплению всеобщего мира»

В заключение Мацуока сказал: «налицо — тенденция дальнейшего осложнения международной обстановки. Если США будут вовлечены в европейскую войну, и Япония в таком случае также будет вынуждена вступить в нее, то война охватит весь мир. ...»[3].

29 января Зорге направил в Москву еще одну шифртелеграмму, составленную на основе информации, полученной от германского военно-морского атташе:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 29 января 1941 года. По радио.
ПЕРЕВОД.

Морской атташе Германии в Токио Венекер показал мне секретный документ английских военных экспертов, копия № 76 от августа 1940 года, полученный Венекером из японского морского министерства. Заснять этот документ возможности не было, так как я читал в присутствии Венекера.

Основные пункты этого документа:

В случае нападения японцев на Гонконг, Англия будет защищать его местными силами с задачей возможно дольше сдерживать японцев. Надежд на удержание Гонконга нет. Англия не намечает посылку в Гонконг подкреплений, а будет концентрировать силы для обороны Малайских владений и Сингапура.

В случае захвата японцами французского Индо-Китая или Сиама, Англия не ввязывается в войну против Японии. Военные действия против Японии могут начаться в случае нападения Японии на Малайские государства. Если Япония нападет на Голландскую Индию, Англия объявит войну Японии только при условии, что Голландия пожелает защищать свои острова и пойдет на заключение секретного военного соглашения с Англией о совместной борьбе против Японии.

Больших надежд на успешную оборону Малаи и Голландской Индии нет, поскольку Англия не в состоянии разбить итальянцев в Средиземном море.

Основная тактика Англии — выиграть время, разбить итальянцев, начать немедленно переговоры с Голландией и добиться активной помощи от американцев.

Несмотря на то, что этот документ был известен японскому морскому министерству. оно ничего не предпринимало и даже хранило его в секрете от японского генштаба, пока ген.штаб не получил этот документ от военного атташе Германии в Токио.

№ 51,52,53. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. Перевел: майор Сонин. 30.1 15.20.
Адресату.
Панфилову
Дубинину
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
По сп. № 1.
Г. 30/I».

В начале января начались боевые действия между Таиландом (в 1939-м старое название государства — «королевство Сиам» было официально заменено на «Мыанг Тхай», англизированный вариант названия — Таиланд) и Французским Индокитаем. Япония взяла на себя обязательства по урегулированию конфликта. По настоянию японских властей в Сайгоне открылась Конференция о прекращении военных действий, и 31 января между воюющими сторонами был подписан ряд предварительных соглашений. Японцы извлекли реальную выгоду от произошедшего конфликта, а их влияние в Сиаме и во Французском Индокитае возросло.

27 января 1941 года Зорге сообщает из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 27 января 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Мацуока рассказал немецкому послу, что переговоры с французским Индо-Китаем протекают успешно. Французы продают Японии 700000 тонн риса; в дальнейшем при наличии возможностей, будет дополнительно продано еще 200000 тонн. Отмечается серьезность рисовой проблемы в Японии.

Мацуока рассказал немецкому послу, что район Сингапур будет оккупирован японцами в случае, если они будут вынуждены прибегнуть к этому, однако, он надеется, что этого не произойдет. По мнению немецкого посла, подготовка к оккупации Сингапура проводится только с целью давления.

Мацуока также рассказал, что японцы уведомили Сиам и Индо-Китай о неприемлемости какого-либо посредничества со стороны Англии. Японцам известно, то Англия предлагала свое посредничество на условиях территориальных уступок со стороны Франции в обмен на другие территории. Япония требует от Франции возвращения Сиаму некоторых территорий. Мацуока просил немецкого посла информировать об этом Риббентропа с тем, чтобы Германия оказала давление на правительство Виши для обеспечения японского плана посредничества и дальнейших экономических уступок японцам.
№ 54,55. РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов
Перевел: майор Сонин. 30.1 15.20.
[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: Инфор.
П.
Н-1
К учету.
П[ОПОВ] 31/1. 41».
Адресату.
Панфилову
Дубинину».

В тот же день посол Джозеф Кларк Грю сообщал в Государственный департамент: «Сотрудник посольства... из многих источников, включая один японский, узнал, что неожиданная массовая атака на Пёрл-Харбор была спланирована японскими вооруженными силами на случай "осложнений" между Японией и Соединенными Штатами; что в атаке будут использованы все японские военные возможности. Мой коллега сказал, что он сообщает эту инфор-

мацию ввиду того, что она поступила из многих источников, хотя план выглядит фантастичным»[4]. Таким образом, Белый дом был поставлен в известность, что Япония может совершить нападение на США.

В «Приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока» констатировалось: «Тихоокеанский флот Соединенных Штатов, который базировался на Гавайских островах в Пирл Харбор [Пёрл-Харбор], представлял собой одно из самых серьезных препятствий для осуществления политики кабинета Коноэ, которая должна была обеспечить военное продвижение на юг. Многие японские руководители опасались, что этот флот может быть использован для усиления обороны Сингапура, и они отстаивали немедленное нападение на Сингапур для того, чтобы помешать этому. Однако японский флот требовал создания еще больших запасов нефти и других жизненно важных предметов снабжения, а также достаточной подготовки к тому, чтобы пополнить эти запасы до того, как будет предпринято нападение на Сингапур.

Общий план, принятый кабинетом Коноэ, принимал во внимание требования военно-морского флота попытаться устранить угрозу со стороны Тихоокеанского флота США путем переговоров о заключении пакта о ненападении с правительством Соединенных Штатов. В предложении указывалось, что в этом договоре, в частности, Япония должна гарантировать безопасность Филиппин и Гуама, а Соединенные Штаты должны признать сферу сопроцветания. Подготовка к нападению на вооруженные силы Соединенных Штатов должна была продолжаться во время переговоров с таким расчетом, чтобы в случае провала переговоров можно было бы предпринять внезапное нападение.

План уничтожения Тихоокеанского флота Соединенных Штатов в то время, когда он стоял на якоре в Пирл Харбор, путем внезапного нападения, которое должно быть предпринять в то время, когда между Соединенными Штатами и Японией будут сохраняться мирные отношения, был задуман и представлен на рассмотрение командующего объединенным флотом. Он одобрил план и передал его в императорскую ставку еще в январе 1941 года... Японские руководители считали, что если нападение на Пирл Харбор будет иметь успех и приведет к уничтожению американского флота, то они смогут захватить все важные пункты в Тихом и Индийском океанах до того, как Соединенные Штаты смогут подготовить и предпринять контрнаступление»[5].

В феврале численность японских войск в Северной части Индокитая в два раза превысила максимальный предел, предусмотренный соглашением от 23 сентября 1940 г.: вместо 6 тысяч в этой части французской колонии расположилось 13 тысяч солдат и офицеров[6].

Одновременно происходит лихорадочная германо-японская активность по согласованию позиций и отстаивания (навязывания) приоритетов. При этом «Рамзай» шаг за шагом отслеживает продвижение германской дипломатии в переговорах с Японией, объективно и своевременно информируя Москву.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 1 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Французы, имеющие связь с французским посольством, распространяют слухи, что японцы заключили соглашение с правительством Виши о переда-

че японцам авиа — и морских баз в Сайгоне. Военные суда и войска уже находятся в пути для оккупации района Сайгон.

Из других источников эти слухи не подтверждаются.

№ 60. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 12.30 4.2
Адресату.
Панфилову, Дубинину».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 7 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Немецкий посол телеграфировал Риббентропу, что Осима выезжает с намерениями расширения договора 3 держав и превращения его в агрессивный военный пакт, направленный против Англии, с задачами нападения на Сингапур или Голландскую Индию.

Посол считает, что японо-американские отношения в ближайшее время будут более напряженными, исходя из чего видит наличие возможностей для успеха в случае, если Риббентроп пожелает подталкивать японцев от оборонительного толкования пакта 3-х держав к превращению его в агрессивный наступательный пакт с военными действиями против Сингапура.

Немецкий посол использовал все свои и своих политических и военных помощников возможности и в течение 2-х дней установил, что японцы могут взять Сингапур без особого ослабления своих сил в Китае, но эти действия должны быть неожиданными и законченными, по крайней мере, в 1 год.

Дальше в телеграмме Риббентропу сообщается, что, несмотря на полную ясность военного вопроса, оппозиция против новой авантюры явно велика и запрашивается, желательны ли подобные изменения в сторону активного участия японцев, что может привести также к вовлечению Америки в войну.

В случае, если Риббентроп считает полезным, исходя из положения итальянцев, приковать больше английских сил к Сингапуру или нейтрализовать американские силы на Востоке, тогда немецкий посол мог бы начать, через свои круги, продвижение этого мероприятия (выделено мной. —*М.А.*).

До получения указаний от Риббентропа, немецкий посол не начнет реализации этого плана, поскольку пакт 3 держав включает пункт, что японцы не будут вовлечены в войну против какой-либо другой державы до тех пор, пока Америка не вступит в войну в Европе.

Посол ожидает ответа Риббентропа.

№. 64,65,66 РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.2
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Но.9
Инф.
Дать по списку № 1.

Г.

10/2-41.
Адресату.
Панфилову, Дубинину.
Разослано по сп. №1».

«... немецкий посол мог бы начать, через свои круги, продвижение этого мероприятия», — докладывает «Рамзай» в Москву. Вопрос: принадлежит ли это идея самому немецкому послу Отту, или ему кто-то ее внушил, а точнее продолжает внушать?

С большой степенью вероятности можно утверждать, что под «своими кругами» имелись в виду «круги» Зорге и Одзаки.

Следует вспомнить шифртелеграмму от 22 июня 1940-го: «Советы посла Отта Риббентропу сводятся к тому, чтобы Японии было предложено... начать захват Индокитая». Уже в августе 1940-го японское правительство включило Индокитай в «сферу взаимного процветания» и, предъявив ультимативные требования, добилось от французских властей права строить там военно-морские и воздушные базы, перебрасывать через эту территорию войска, использовать аэродромы в Хайфоне и железную дорогу Хайфон—Куньмин.

22 сентября колониальные французские власти в Ханое подписали соглашение о размещении японских войск в Северном Индокитае. В день подписания японские войска вторглись в Индокитай с китайской территории и высадили на побережье морской десант. К концу сентября Северный Индокитай был фактически оккупирован. Большинство аэродромов и укрепленных пунктов на границе с Китаем перешло в руки японского командования. С этих аэродромов японская авиация получила возможность наносить удары по бирмано-китайской дороге, имевшей важное стратегическое значение для Китая.

Подобный ход событий был бы невозможен без давления Берлина на правительство Виши. И в принятии такого решения учитывались, в том числе и рекомендации, поступавшие из Токио.

Должно было пройти полгода, чтобы советы Отта—Зорге Риббентропу были восприняты и трансформировались в указания Берлина германскому послу в Японии.

В период между двумя мировыми войнами действовала так называемая «Сингапурская стратегия» — военно-морская стратегия Британской империи на Дальнем Востоке. Доктрина была нацелена на сдерживание агрессии Японии путем размещения там сильного флота, способного в случае войны нанести поражение японскому флоту вторжения, угрожавшему Индии или Австралии. Для эффективного решения задачи Британии требовалась сильная военно-морская база. В 1919 году местом для размещения базы был выбран Сингапур, удобно расположенный у восточного входа в стратегически важный Малаккский пролив. Строительство базы и укреплений продолжалось два десятилетия[7].

Военно-морская база «Сингапур» располагалась на равнинном острове с одноименным названием (малайск. Pulau Ujong — «остров у оконечности полуострова») у южной части полуострова Малакка. Остров Сингапур (617,2 км^2), отделенный от материка Джохорским проливом шириной от полумили до нескольких миль, протянулся на 27 миль с запада на восток и на 30 миль — с севера на юг. На его южном берегу находился сам город, население которого к началу войны составляло 550 тыс. человек[8].

«Среди английских имперских политиков, в военно-морских кругах Великобритании была распространена точка зрения, что "достаточный флот", базирующийся в Малаккском проливе, может уничтожить или, во всяком случае, нейтрализовать любые вражеские действия против Австралии, охранять

подходы к Индии с востока, защитить Бирму и нефтяные поля Ирана и прикрыть как основные торговые пути, так и коммуникации Великобритании.

В течение почти 20 лет все оборонные сооружения военно-морской базы строились из расчета отражения возможной вражеской атаки с моря. Что же касается северного побережья о-ва Сингапур, то оно не имело постоянных береговых укреплений и, естественно, было уязвимо для нападения с материка»[9].

Однако, «достаточного флота» в Малаккском проливе так и не было сформировано. К лету 1941-го на военно-морской базе «Сингапур» базировались всего три крейсера и пять эсминцев[10].

«Сингапурская стратегия» нашла отражение в серии военных планов, как оборонительного, так и наступательного характера, разрабатывавшихся в течение двадцати межвоенных лет. В 1920 году Адмиралтейство выпустило меморандум с инструкциями на случай войны с Японией (*англ.* «War Memorandum (Eastern)»). Авторы меморандума полагали, что война с Японией пройдет три фазы: гарнизон Сингапура будет оборонять крепость до прибытия сильного флота из Метрополии, затем флот выдвинется кГонконгу для его деблокирования или захвата. Во время третьей фазы флот начнёт блокаду Японии и принудит её завершить войну на условиях Великобритании[11].

Большинство планов затрагивали действия во время первой, наиболее важной фазы, предполагавшей возведение прочных оборонительных сооружений. Для осуществления второй фазы необходимо было оборудовать в Сингапуре крупную военно-морскую базу, способную принять флот и обеспечить его снабжение и ремонт.

Оценка времени, необходимого для прибытия флота из метрополии, многократно менялась. Сбор флота, его оснащение, пополнение и подготовка к походу, а также сам поход должны были занять 42 дня при условии заранее полученного уведомления о возможности начала войны. В 1939-м срок увеличился до 90 дней (плюс 15 на пополнение продовольствия), наконец, в сентябре 1939-го — до 180 дней[12].

На пути следования флота были устроены запасы нефтепродуктов: в Гибралтаре, на Мальте, вПорт-Саиде, Порт-Судане, Адене, Коломбо, Тринкомали, Рангуне, Сингапуре и Гонконге[13].

Сингапур должен был стать серьезным препятствием на пути японской агрессии в Юго-Восточной Азии и в Индонезии.

На практике «сингапурская стратегия» оказалась неосуществимой из-за финансовых, политических и технических проблем. В первую очередь это касалось размещения в Сингапуре сильного флота.

«Когда правящие круги решили построить Сингапурскую военно-морскую базу, в одной из английских газет можно было прочитать следующие строки: "Сингапурская база необходима Джону Булю (собирательный образ типичного англичанина. — *М.А.*) для того, чтобы он мог действовать, как пожелает, в Сибири и Китае, чтобы он мог запугивать азиатов и эксплуатировать их минеральные и другие ресурсы".

В годы морской стратегии и незначительной авиационной мощи крепость Сингапур, на строительство которой к 1938 г. было затрачено 60 млн. ф. ст., выглядела грозным бастионом.

Высеченная среди джунглей и болот у основания п-ова Малакка, она контролировала морские пути, которые вели из метрополии в Австралию,

Новую Зеландию, Китай, Гонконг и собственно во все владения Британской империи к востоку от Суэца»[14].

Однако она только выглядела «грозным бастионом». Возможность атаки с суши во внимание вообще не принималась: Сингапур, прозванный в прессе «Гибралтаром Дальнего Востока», укреплялся лишь с моря. Боевые действия в январе-феврале 1942 года показали, насколько заблуждались стратеги, британские и германские.

В 1940 году, когда в войну вступила Италия, а Франция капитулировала, ситуация стала развиваться по самому худшему сценарию. Британский Комитет начальников штабов докладывал: «Безопасность имперских интересов на Дальнем Востоке всецело зависит от нашей способности контролировать морские коммуникации в юго-западной части Тихого океана, для чего необходимо иметь в Сингапуре сильный флот. Несмотря на нашу прошлую уверенность в решении этого вопроса, стратегическая ситуация существенно изменилась после поражения Франции. Результатом стало нарушение баланса морских сил в домашних водах. Ранее мы планировали вывести флот со Средиземного моря и перевести его на Дальний Восток, полагаясь на французский флот в западном Средиземноморье, который должен был противодействоватьитальянскому флоту. Если мы теперь переведем флот со Средиземного моря на Дальний Восток, то нечем будет сдержать итальянский флот, который получит возможность действовать в Атлантике или же усилит германский флот, базируясь на порты северо-запада Франции. Следовательно, мы должны иметь в европейских водах флот, достаточно сильный для контроля итальянского и немецкого флотов, что нельзя осуществить, отправив корабли на Дальний Восток. В то же время стратегическое значение Дальнего Востока как для безопасности империи, так и для победы над врагом ещё более увеличилось»[15].

Надежды на американскую помощь потерпели крах в феврале 1941-го во время встречи начальников штабов в Вашингтоне. ВМС США были сосредоточены главным образом на Атлантическом побережье. Американские адмиралы предложили вывести британский флот из Атлантики и Средиземного моря и отправить его на Дальний Восток[16].

Уинстон Черчилль, занявший в мае 1940 г. пост премьер-министра, полагал, что небольшая эскадра сможет отвлечь крупные силы японского флота подобно тому, как немецкий линкор «Тирпиц» отвлекал значительные силы Королевского флота. Министерство иностранных дел выразило мнение, что присутствие в Сингапуре современных линейных кораблей может удержать Японию от вступления в войну[17].

В конце лета 1941 года Великобритания уже не смогла отправить на восток крупный флот. В Сингапур было послано лишь соединение Z, состоявшее из линкора «Принс оф Уэлс», линейного крейсера «Рипалс» и четырех эсминцев. 2 декабря соединение прибыло в Сингапур, а 10 декабря, в ходе нескольких атак японских бомбардировщиков и торпедоносцев, линкор и линейный крейсер были потоплены.

«Любому беспристрастному наблюдателю, прибывшему в Сингапур в 1941 году, стало бы ясно, что город совершенно не подготовлен к современной войне. Форты с могучими орудиями, глядевшими в море, не могли помочь в случае наступления противника по суше. В городе и других населенных пунктах страны не было никаких бомбоубежищ и укрытий для населения.

В Сингапуре долго обсуждали, как защитить город от воздушных налетов; в результате было решено не строить бомбоубежищ и укрытий, потому что остров расположен так низко, что в траншеи и доты будет поступать вода. Для возведения наземных оборонительных сооружений требовалось много свободного места, а в городе его не нашлось. Вопрос о введении в городе затемнения также был решен отрицательно из опасения, что отключение электричества дурно скажется на вентиляции жилых помещений, так как перестанут работать фены (стоявшие, естественно, лишь в домах англичан и богатых китайцев). Уровень подобных рассуждений доказывает, что колониальные власти ни в какое нападение Японии не верили и не представляли себе, что такое современная война»[18].

Однако иллюзии о «неприступной крепости» еще сохранялись. 10 января 1942 г. Черчилль писал комитету обороны: «Поскольку японцы временно обеспечили себе господство на море и в воздухе над районами значительного протяжения, они имеют полную возможность захватить почти любой пункт по своему выбору, за исключением, как мы наденемся, крепости Сингапур»[19].

В середине января 1942 г. главнокомандующий объединенного командования союзными войсками в зоне Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Тихого океана английский генерал Уэйвелл прилетел в Сингапур и обследовал его. «Здесь он обнаружил то, о чем и не подозревали в Лондоне, — что Сингапур беззащитен с севера. Оказалось, что мощные орудия береговой обороны, охранявшие остров с юга, не могут быть обращены на север без больших фортификационных работ, времени для которых уже не оставалось. Получив доклад Уэйвелла, Черчилль направил начальникам штабов записку, в которой, в частности, отмечал: "Я должен признаться, что совершенно поражен телеграммой Уэйвелла от 16 января... Мне ни на секунду не приходило в голову, что могучая крепость Сингапур, отделенная от суши рвом шириной в полмили, совершенно не была подготовлена к нападению с севера. Какой же смысл превращать остров в крепость, если его нельзя защитить? Почему могло получиться, что ни один из вас не указал мне на это во время соответствующих совещаний?"»[20].

7—8 декабря 1941 г. японские вооруженные силы приступили к проведению трех одновременных крупных стратегических операций: Гавайской, Филиппинской и Малайской, а также нескольких частных операций на других направлениях.

Гавайская операция — внезапное комбинированное нападение японской палубной авиации авианосного ударного соединения вице-адмирала Тюити Нагумо и японских сверхмалых подводных лодок, доставленных к месту атаки подводными лодками Японского императорского флота, на американские военно-морскую и воздушные базы, расположенные в окрестностях Перл-Харбора на острове Оаху, Гавайские острова, произошедшее воскресным утром 7 декабря 1941 года. Операция против Гавайских островов не ставила целью решить исход войны в решающем сражении с американскими военно-морскими силами. Она являлась лишь одним из звеньев стратегического плана, который предусматривал постепенное ослабление американского флота, для того чтобы облегчить проведение операции по захвату районов Южных морей и в целях поддержания равновесия военно-морских сил Японии и США[21].

Филиппинская операция началась 8 декабря 1941 г. и в основном завершилась 2 января 1942 г. с занятием Манилы. Однако американские и филиппинские войска еще длительное время оборонялись на полуострове Батаан и в крепости Коррехидор.

Малайская операция, начавшаяся одновременно с Филиппинской, имела большое значение для достижения одной из основных целей — захвата Британской Малайи, богатой стратегическим сырьем. Она завершилась захватом Сингапура, отстоявшим от Японии на несколько тысяч километров. «Лишь последовательное установление контроля над прилегающими территориями (Британской Малайей) могло привести к заветной цели. Поэтому японцы в своих планах предусматривали оккупацию Малайи с предварительным нарушением нейтралитета Сиама, то есть из Индокитая японские войска должны были пройти через Сиам на его южную часть (перешеек Кра) и вторгнуться в северную Малайю. При этом другая часть японских войск должна была высадиться с моря одновременно на северо-восточном и восточном побережье Малайи с целью создания угрозы тылам и флангам английских войск в этом регионе. Конечной целью всей операции являлся захват Сингапура. Решение поставленной задачи представляло значительные трудности, в том числе связанные с рельефом полуострова, разделенного горным хребтом на две части, изрезанного руслами рек и покрытого густыми тропическими джунглями. Командующий английскими войсками в Малайе генерал Персиваль имел в Сингапуре более 90 тыс. солдат, из них 19 тыс. англичан, 15 тыс. австралийцев, 17 тыс. малайцев и более 37 тыс. индийцев[22].

15 февраля 1942 г. 25-я японская армия под командованием генерала Ямаситы овладела Сингапуром, причем бои за крепость, считавшуюся неприступной, продолжались всего семь-восемь суток. Черчилль назвал падение Сингапура ««худшей катастрофой и крупнейшей капитуляцией в британской истории»[23].

Падение Сингапура, действительно, было важным событием. Эта крепость, на строительство которой были затрачены огромные средства, считалась первоклассной и неприступной с моря. Однако бои за Сингапур продолжались всего с 8 по 15 февраля, т.е. семь-восемь суток. Эта «первоклассная крепость» капитулировала. Падение Сингапура, хотя и имело важное значение для дальнейшего хода операции на юго-западном направлении, все же стратегического значения не имело, и иметь не могло. Это становится тем более очевидным, если учесть, что Сингапур считался главной военно-морской базой, но не имел флота, для базирования и действий которого он создавался.

На слушаниях в Парламенте британский премьер Черчилль предложил расследовать катастрофу после окончания войны. В 1946 году его речь была опубликована, после чего правительство Австралии запросило правительство Великобритании о том, намерены ли британцы начать расследование. Запрос и был рассмотрен, и было принято решение не начинать расследования, поскольку для его осуществления требовалось изучить не только непосредственно саму сдачу, но и множество политических, дипломатических и военных аспектов «сингапурской стратегии» за многие годы.

Сингапур был символом могущества Великобритании на Дальнем Востоке, символом движения Японии на Юг. Германия стремилась как можно скорее побудить Японию к активным действиям на Тихом океане, чтобы сковать значительные силы Великобритании и перенести центр тяжести интересов

Соединенных Штатов в этот регион. Однако позиция Германии, считавшей, что со взятием Сингапура «все другие восточноазиатские проблемы, связанные с Соединенными Штатами и Англией, будут разрешены» (оценка адмирала Дёница)[24], была ошибочной.

Складывается парадоксальная ситуация: Германия, готовясь воевать с Советским Союзом, буквально подталкивает японский каток на Юг (не без участия посольства в Токио) и только в конце июня, уже после вторжения в СССР, спохватывается и начинается использовать все рычаги, чтобы повернуть ситуацию вспять — принудить Японию к войне с Советским Союзом.

Напрашивается единственный вывод: **уничтожение Англии для Германии все еще оставалось первостепенной задачей**, поэтому Берлин требовал от Токио нападения на Сингапур, рассчитывая оттянуть часть английского флота из Атлантики и Средиземного моря. Поскольку в тот период США уже оказывали помощь Англии, участие Вашингтона на стороне Лондона становилось неизбежным. И даже после того, как 30 апреля была озвучена дата 22 июня 41-го, Гитлер продолжал считать, что к войне, которую он собирается развязать против Советского Союза, нет необходимости привлекать на первоначальном этапе Японию, которой предназначалась задача связать значительные английские силы на Дальнем Востоке.

На допросе в токийской тюрьме, говоря о событиях весны 1941 г., Рихард Зорге показал: «Я пришел к выводу, что положение в Германии в настоящий момент настоятельно требует открытия военных действий Японии против Англии. Причина стала ясна позднее: в то время Германия уже приняла решение воевать с Советским Союзом и из-за этого с нетерпением ждала войны Японии против Англии, чтобы не дать последней ни одной минуты передышки[25].

И только 30 июня 1941 г. германский посол в Токио Отт вручил Мацуоке меморандум рейхсминистра иностранных дел, в котором содержался призыв, «не колеблясь, принять решение о начале военных действий против Советов»[26].

С этого момента Берлин, используя все каналы, настойчиво добивался от Токио выполнения обязательств, взятых на себя по Тройственному пакту, несмотря на то, что Германия нападению не подвергалась, а наоборот, — выступила агрессором. До этого же времени германская позиция состояла в том, что решающий удар должен быть нанесен Сингапуру, чтобы уничтожить ключевую позицию Англии в Восточной Азии (как здесь ошибочно считали) и в целом ослабить Великобританию.

3 февраля 1941 г., на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки, Мацуока изложил «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Они предусматривали заключение четырехстороннего пакта и урегулирование отношений с Советским Союзом на основе пакта о ненападении. Договор предполагалось заключить на следующих условиях:

«1) Продажа Японии Северного Сахалина (с помощью давления Германии на Советский Союз), либо поставка Японии 1,5 млн тонн советской нефти, даже если потребуется оказать помощь СССР со стороны японского правительства в добыче.

2) Японское признание советских позиций в Синьцзяне и Внешней Монголии (Монгольской Народной Республике) в ответ на советское призна-

ние японских позиций в Северном Китае и Внутренней Монголии; отношения между Синьцзяном, Внешней Монголией и СССР будут решаться между СССР и Китаем (очевидно, речь шла о прояпонском правительстве Ван Цзинвэя. — *М.А.*).

3) Прекращение советской помощи Чан Кайши.

4) Создание комиссии из представителей Маньчжоу-Го, СССР и Внешней Монголии для определения границы и разрешения конфликтов.

5) Заключение рыболовного соглашения на основе предложений Татэкавы о конвенции или аннулирование японских рыболовных концессий, если это окажется необходимым для урегулирования дипломатических отношений между СССР и Японией.

6) Предоставление Советским Союзом железнодорожных вагонов и фрахтовых скидок для обеспечения крупномасштабной японо-германской торговли»[27].

Ничего принципиально нового эти предложения не содержали. Что касается последнего пункта, то следует напомнить п. 3 из «Некоторых директив к Берлинской поездке» Молотова — «Транзит Германия — Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду»[28]. В декабре 1940 г. Татэкава уже ставил этот вопрос перед Молотовым, но нарком, видя нежелание японской стороны принимать его предложения, не спешил с его урегулированием.

«Коноэ поддержал эти инициативы. Убежденный противник коммунизма, опасавшийся его проникновения в Японию, он настороженно относился к двустороннему сближению с СССР, но охотно согласился на "пакт четырех", предполагая, что это, во-первых, предотвратит вступление США в войну (чего принц боялся и всеми силами стремился избежать), а во-вторых, многосторонний характер комбинации помешает Советскому Союзу "давить" на Японию. "Евразийский блок" будет непобедим за пределами двух Америк, а это открывало пути к реализации глобального проекта "сферы сопроцветания Великой Восточной Азии", разработанного в окружении принца»[29].

Координационный комитет правительства и императорской ставки разделил мир на четыре сферы: Великая Восточноазиатская сфера во главе с Японией; европейская (с Африкой) — во главе с Германией и Италией; американская — во главе с США и советская, включая Иран и Индию, — во главе с СССР[30].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Джо и Отто узнали, что некоторое количество японских войск высадилось 23-го января на юге и севере Сайгона, с целью оказать давление на Индо-Китай в связи с предстоящей в Токио мирной конференции.

Германский морской атташе узнал, что в водах Сайгона находятся один японский крейсер и четыре миноносца.

Отто сообщил, что японцы не будут оккупировать Сайгон, чтобы не срывать мирные переговоры и отправку Сайгонского риса в Японию.

№. 71 РАМЗАЙ.

Расш. и перевел: Малинников. 16.00 15.2
Адресату.
Панфилову.
Дубинину.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: «НО.3
НО.9
Послать Рамзаю т-мму:
«На № 71: Я не хочу, чтобы вы пичкали нас
давно всем известными по газетам сведениями.
Д».

Г.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1
"К исполнению резолюцию НУ" П[ОПОВ] 17/2.41».

Прошла только неделя от поступления предыдущей телеграммы, которая была разослана руководству страны по списку №1.

22 февраля японский посол генерал Осима сообщил статс-секретарю Министерства иностранных дел Германии Вайцзеккеру, что Сингапур предстоит захватить путем нападения с моря и суши[31].

23 февраля Риббентроп провел совещание с Осимой, посвященное тому, чтобы Япония как можно скорее начала военные действия против Великобритании. Риббентроп послал копии выдержек из отчета о совещании послам и полномочным министрам с пометкой: «...документы имеют очень большое значение для ориентации в общей политической ситуации, в которой окажется Германия ранней весной 1941 г.»:

«... После сердечных взаимных приветствий министр иностранных дел сказал, что посол Осима оказался прав в отношении политики, которую он проводил касательно Германии, несмотря на то, что многие в Японии сомневались в ее правильности.

Победа Германии на Западе показала, что эта политика была полностью оправдана. Он, Риббентроп, сожалеет о том, что союз между Германией и Японией, ради которого они с послом работают уже в течение многих лет, был заключен лишь после многочисленных демаршей, но общественное мнение в Японии ранее еще не созрело для этого союза. Основное, однако, в том, что они, наконец, вместе...

Теперь германо-японский союз, наконец, заключен. Япония обязана этим послу Осиме. Теперь, после заключения союза, стал основным вопрос о его дальнейшем развитии. Как же обстоит дело в этом отношении?»[32].

«Высадка на побережье Англии уже подготовлена, — сказал Риббентроп. — Однако ее проведение зависит от различных факторов, и прежде всего от атмосферных условий... Фюрер будет бить Англию везде, где он ее встретит. Дело в том, что наши силы не только равны, но они больше, чем объединенные англо-американские воздушные силы. В нашем распоряжении неограниченное количество пилотов. Это относится также к нашему производству аэропланов. Что касается их качества, то наши самолеты всегда были лучше английских, не говоря уже об американских, и мы стоим на пути к тому, чтобы еще улучшить их качество. По приказу фюрера также будет усилена противовоздушная оборона. Поскольку армия снабжается в гораздо большей степени, чем она в этом нуждается, и, кроме того, еще имеются огромные резервы (нам пришлось приостановить работу заводов, произво-

дящих вооружение, потому, что его было слишком много), мы будем теперь концентрировать наши усилия на производстве подводных лодок, аэропланов и зенитных орудий. Мы учли все возможности. Война уже выиграна в военном, экономическом и политическом отношениях. Мы хотим кончить войну как можно скорее и заставить Англию скорее просить мира. Фюрер полон сил, здоровья и уверенности в победе. Он решил привести войну к быстрому и победному концу.

Сотрудничество с Японией весьма необходимо для того, чтобы провести это намерение в жизнь. Однако и Япония в своих собственных интересах должна вступить в войну как можно скорее. Англия потеряла бы, таким образом, свои ключевые позиции на Дальнем Востоке, Япония же, напротив, займет, таким образом, удобную позицию на Дальнем Востоке. Но это возможно сделать только путем войны. Существуют три причины, предопределяющие необходимость действовать быстро: 1. Вмешательство Японии может нанести решительный удар против центра Британской империи (угроза Индии, морская война и т. д.). Действие такого вмешательства на моральное состояние британского народа будет очень велико. Оно ускорит окончание войны. 2. Неожиданное вмешательство Японии заставит Америку устраниться от войны. Америка, которая еще не вооружена и не решается подвергнуть свой флот риску к западу от Гавайских островов, еще в меньшей степени будет стремиться вступить в войну, если Япония начнет военные действия. Если Япония в других отношениях будет уважать американские интересы, Рузвельт не сумеет даже выдвинуть аргумент о потере престижа для того, чтобы оправдать вступление Америки в войну...

3. Имея в виду будущий "новый порядок", в интересах Японии также обеспечить себе уже во время войны то положение, которое она хочет удержать на Дальнем Востоке после того, как будет заключен мирный договор. Посол Осима полностью согласился со мной и сказал, что он сделает все, что в его силах для того, чтобы провести эту программу в жизнь...

Имперский министр сказал далее, что именно дружба Японии дала Германии возможность вооружиться после того, как был заключен антикоминтерновский пакт. С другой стороны, Япония сумела глубоко проникнуть в английскую сферу интересов в Китае. Германская победа на континенте теперь, после заключения пакта трех держав, даст большие преимущества и Японии. Франция как дальневосточная держава более не существует (Индокитай). Англия также значительно ослаблена, и Япония может теперь постепенно укрепиться в Сингапуре. Таким образом, Германия уже очень много сделала для будущего двух народов. В связи с нашим географическим положением, если возникнет нежелательный конфликт с Россией, мы должны будем взять на себя основное бремя и в этом случае.

Если Германия когда-нибудь ослабнет, Япония в самый короткий срок окажется перед всемирной коалицией. Мы впряглись в одну колесницу. Судьба обоих народов предопределена теперь на будущие века. То же относится и к Италии. Интересы всех трех стран никогда не столкнутся. Разгром Германии будет означать также и крах планов расширения влияния Японии. Посол Осима полностью согласился с этим и подчеркнул, что Япония решила во что бы то ни стало сохранить свое главенствующее положение. ....»[33].

27 февраля Осима сообщил Риббентропу о том, что приготовления к нападению на Сингапур будут закончены к концу мая. При этом он добавил, что на случай необходимости предусмотрена оккупация Гонконга и Филиппин[34].

В это же время Сиратори Тосио обсуждал в Токио с германским послом Оттом стратегический план нападения на Сингапур. Сиратори придерживался мнения, что флоту не следует предпринимать фронтальной атаки, а что необходимо захватить базы на Малайском полуострове, с которых японская авиация, при поддержке немецких пикирующих бомбардировщиков, сможет бомбить Сингапур в порядке подготовки к наступлению[35].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 28 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Посол рассказал мне, что Мацуока упорно стремится склонить Францию к соглашению, чтобы "спасти лицо" японцев.

По мнению немецкого посла и ВАТ, в случае, если соглашения не будет достигнуто, можно после 7 марта ожидать, что японцы начнут высадку войск в Индокитае.

Мацуока еще раз обратился к немецкому послу с просьбой просить Риббентропа оказать давление на правительство Виши.

№ 78. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 19.00 5.3
Перевел: майор Сонин.
Адресату.
Панфилову, Дубинину.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Копию т. Лозовскому.

Г. 6.3.41».

С.А. Лозовский — заместитель наркома иностранных дел СССР.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 28 февраля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Мирные предложения Мацуока были неожиданными как для германского посла в Токио, так и для Риббентропа, которые не имели никакого представления о них. Германский посол считает, что Мацуока допустил большую ошибку, не учтя внутренней политической активности прогрессивных групп, ведущих до настоящего времени настойчивую работу против пакта.

На конференции мирных переговоров между Таи и Французским Индо-Китаем Мацуока предложил соглашение, которое включает уступку на севере Лоан...* [Луангпхабанг?] провинции, переданной Французскому Индо-Китаю по договору 1917 года. Западная часть Камбода [Камбоджа], исключая Большое озеро и... отходят к Таи.

Говоря конкретно, японцы хотят получить морскую базу южнее Сайгона.

№. 79 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 14.00 5.3
Перевел: майор Сонин.
Адресату.
Панфилову, Дубинину».

---

* Искажено.

Сообщая о «мирных предложениях Мацуоки», Зорге, судя по всему, имел в виду расширение Трехстороннего пакта за счет присоединения к нему Советского Союза. Скорее всего, этой шифртелеграмме предшествовала еще одна, которая раскрывала суть «мирных предложений», но по тем или иным причинам она не была отправлена Клаузеном или не была принята «Висбаденом» — Владивостоком.

5 марта Верховным командованием вооруженными силами (ОКВ) Германии была принята Директива № 24 «О сотрудничестве с Японией»: «Фюрер отдал следующий приказ о сотрудничестве с Японией:

1. Целью сотрудничества, основанного на Тройственном пакте, заключается в том, чтобы как можно скорее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Таким образом, будут скованы значительные силы Великобритании, и центр тяжести интересов США будет перенесен из Америки на Тихий океан.

Япония будет иметь тем больше шансов на успех, чем раньше начнет боевые действия, поскольку ее противники еще недостаточно подготовлены к войне. Операция "Барбаросса" создаст для этого особенно благоприятные политические и военные предпосылки.

2. Для того чтобы подготовить такое сотрудничество, необходимо всеми средствами способствовать укреплению японской военной мощи. Поэтому главным командованиям видов вооруженных сил следует полностью удовлетворять японские пожелания получить информацию о германском военном опыте, военно-экономическую и техническую помощь. Здесь желательна взаимность, но даже ее отсутствие не должно стать обстоятельством, затрудняющим ведение переговоров...

3. Координация двусторонних оперативных планов возлагается на главное командование военно-морских сил. Она должна осуществляться на основе следующих директив:

а) Общей целью ведения войны следует считать достижение быстрого разгрома Англии и тем самым предотвращение вступления в войну США. Германия не имеет на Дальнем Востоке никаких иных политических, военных или экономических интересов, которые шли бы вразрез с намерениями Японии.

б) Большие успехи Германии, достигнутые в войне против торгового флота, особенно показательны и говорят в пользу того, чтобы значительные японские силы были использованы в тех же целях. Наряду с этим необходимо использовать любую другую помощь, которая может быть оказана Германии в ведении войны против торгового флота.

в) Положение с сырьем государств — участников пакта требует, чтобы Япония захватила те области, в которых она будет нуждаться для продолжения войны, особенно в том случае, если в войну вмешаются Соединенные Штаты. Поставки каучука должны осуществляться и после вступления Японии в войну, ибо они имеют для Германии жизненно важное значение.

г) Захват Сингапура — ключевой позиции Англии на Дальнем Востоке — означал бы решающий успех в ведении войны государствами Тройственного пакта в целом.

Кроме того, нападение на другие базы английского, а также американского флота (в том случае, если не удастся воспрепятствовать вступлению в войну США) приведет к потрясению всей тамошней системы, на которой по-

коится мощь противника, равно как нападение на морские коммуникации позволит сковать значительные его силы (в частности Австралию).

Точную дату начала обсуждения оперативных планов установить пока невозможно…

5. Никаких сведений об операции "Барбаросса" японцам сообщать не следует»[36].

Таким образом, общая цель ведения войны двух стран, формулируется следующим образом: нужно добиться быстрого разгрома Англии и тем самым удержать Америку от вступления в войну. При этом, с одной стороны, подчеркивается, что Япония будет иметь больше шансов на успех, если она как можно скорее предпримет активные действия на Дальнем Востоке. С другой стороны, сообщается, что толчком к действиям Японии, явится операция "Барбаросса", которая создаст для этого особенно благоприятные политические и военные предпосылки. Однозначность отсутствует. Директива предусматривает нападение на американские базы на Тихом океане только в случае вступления США в войну, а не наоборот.

Данную директиву можно рассматривать, в том числе как результат влияния «Рамзая», в первую очередь через германское посольство, на стратегические планы использования Японии на Дальнем Востоке.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 8 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Посол Отт рассказал мне, что Мацуока имеет решения кабинета и императора на поездку в Берлин и Москву. Посол получил разрешение от Риббентропа сопровождать Мацуока для обсуждения всех вопросов относительно возможных изменений пакта в наступательный военный договор против Сингапура. Однако Отто не уверен, выедет Мацуока или нет, так как многие круги возражают против этой поездки боясь, что Мацуока в Берлине и Москве завлечет японцев слишком далеко. Эти круги настроены против агрессивных действий против Сингапура, так как положение Германии неясное. Мацуока боится также, что оппозиция во время его поездки может столкнуть его с поста и, что кабинет Коноэ может уйти в отставку.

Отто (источник) думает, что это могло бы случиться, если кабинет Коноэ будет поддерживать "ассоциацию помощи трону", что будет систематически увеличивать число его противников.

Имеются также затруднения у военмина Тодзио, который отставил известного генерала Исавара. Исавара имеет много сторонников среди молодых офицеров.

№ 82,83. РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов.
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.3
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-9
По сп. № 1».

В одной шифртелеграмме «встречаются» два источника: посол Отт и «Отто» — Одзаки Ходзуми, что отнюдь не облегчает понимание.

Идеи Зорге — Отта «прорастали» в Берлине и воспринимались как собственные.

9 марта Зорге сообщил:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 9 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Мацуока снова отложил свою поездку в Германию. Посол Отт уже выехал, заручившись обещанием, что Мацуока выедет 17-го из Маньчжурии. Мацуока сильно ожидается* в Германии**, так как немцы требуют, чтобы японцы наступали на Сингапур.

Риббентроп в телеграмме приказал послу Отт принять все меры к тому, чтобы японцы выступили против Сингапура неожиданно. Однако детали плана и условия его осуществления будут обсуждены во время пребывания Мацуока и Отт в Берлине.

Вместе с тем, немцы очень заинтересованы в ликвидации трудностей в советско-японских отношениях с тем, чтобы японцы могли быть использованы против Сингапура.

Посол Отт заявил мне, что после своей беседы с офицерами японского генштаба он понял, что наступление японцев на Сингапур зависит от советско-японских отношений.

№. 86 РАМЗАЙ.

Расш. и перевел: Малинников. 19.20 11.3
Адресату.
Дронову.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
НО-9
Копию т. Молотову.

Г.

13/3».

На следующий день — 10 марта — в Москву приходит серия телеграмм из Токио, вскрывавшая стратегию германской и японской дипломатии на предстоявших переговорах в Берлине. «Рамзай» сообщал также о том, что ожидает японское правительство от переговоров Мацуока в Москве с советским руководством.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 10 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Телеграмма Риббентропа послу Отт относительно внезапного наступления японцев на Сингапур имеет цель активизировать роль Японии в пакте трех держав.

---

* В тексте зачеркнуто.

** От руки вписано: "с нетерпением ожидают приезда Мацуока".

Принц Урах (специальный немецкий курьер, прибывший сюда несколько дней тому назад, близко связанный с Риббентропом и которого я уже знаю много лет) сообщил мне, что немцы хотят, чтобы японцы выступили против Сингапура только в том случае, если Америка останется вне войны и если Япония не сможет быть больше использована для давления на СССР. Урах заявил далее, что эта точка зрения — использовать в будущем Японию для давления на СССР — довольно сильно распространена в Германии, особенно в военных кругах.

Новый германский ВАТ получил от прежнего атташе письмо, описывающее резко антисоветские тенденции среди высшего немецкого офицерства и кругов Гиммлера. Новый германский ВАТ считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза. По этим соображениям, полагает он, Япония все еще имеет великую миссию против СССР, однако, необходимо достигнуть соглашения и добиться выступления Японии против Сингапура.

Новый германский ВАТ тоже стоит за наступление на Сингапур.

№ 87,88. РАМЗАЙ.

Расш. и перевел: Малинников. 19.30 11.3
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-3
НО-9
Копии т. Сталину, т. Молотову.

Г.»

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 10 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Принц Коноэ лично заявил Отт, что он сильно одобряет поездку Мацуока в Германию, но он указал, что некоторые японские круги стараются удержать Мацуока от этой поездки, опасаясь, что германские руководители могут слишком сильно повлиять на Мацуока. Коноэ видит главную цель поездки Мацуока в следующем:

1. Усиление энтузиазма перед пактом 3-х держав, который быстро ослабевает в Японии после поражении Италии и в связи с задержкой германского вторжения в Англию. Проанглийские и проамериканские круги усиленно работают над тем, чтобы удержать Японию от более тесных взаимоотношений с Германией.

2. Мацуока должен через личные беседы с Гитлером и другими выяснить действительные намерения Германии относительно Англии: будет ли она воевать с Англией или нет. Руководители Японии продолжают опасаться возможности англо-германского компромисса в случае, если немцы не смогут вторгнуться на острова. В случае такого компромисса Япония должна быть осторожна в отношении своей экспансии на юг.

3. Что касается СССР, Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких во-

енных материалов, заказанных Японией. Наконец он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством.

Мацуока посетит сначала Берлин, затем Рим, Виши, Москву, затем вернется в Берлин и снова посетит Москву.

№№ 89,90,91. РАМЗАЙ.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-3
НО-9
Копии т. Сталину, т. Молотову.

Г.

13/3
Рамзаю ответ: "Ваши №№89,90,91,87,88
имеют значение. Д".

Г.»

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 15 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Вновь назначенный в Виши посол сообщил Отто [Отт], что во время переговоров между Японией, Таи и Индокитаем, Япония избегала требовать какие-либо военные привилегии от Таи или Индокитая. Но позднее Япония потребует заключения пакта о взаимопомощи и ненападении. Обе страны должны будут предоставить Японии авиа и морские базы. Индокитай должен будет предоставить Японии такие базы на юге от Сайгона и Таи, не очень далеко от границы Таи и малайского государства. Но эти переговоры будут завершены лишь после возвращения Мацуоки.

№. 94 РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов.
Перевел: Малинников. 14.00 17.3
Адресату.
Дронову».
[Резолюция]: «НО.3
НО.9
Копии дать т.т. Сталину, Молотову. Г. 18/3».

15 марта «Рамзай» отправил еще одну шифртелеграмму, в которой счел нужным повторить свое сообщение от 9 марта:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 15 марта 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Я читал телеграмму Риббентропа к германскому послу Отт, которая по-немецки читается так:

"Я прошу Вас при этом всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами побудить Японию к неожиданному наступлению на Сингапур".

Далее мне Отт заявил, что германский генштаб считает гарантию против возможного наступления Красной Армии на Маньчжурию необходимым условием перед началом военных действий против Сингапура.

№93. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников, Волков.
Перев[ели] Малинников и Фейгинова.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: "НО.3
НО.9
Дать копии тт. Сталину, Молотову, НКО, НГШ.

Г.

18/3"».

18 марта состоялось совещание, посвященное активизации действий Японии на Дальнем Востоке, на котором присутствовали Гитлер, гросс-адмирал, главнокомандующий военно-морского флота (кригсмарине) Редер, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами (ОКВ) генерал-фельдмаршал Кейтель и начальник оперативного отдела ОКВ генерал-полковник Йодль. Из протокола совещания: «...Япония должна предпринять шаги для того, чтобы как можно скорее захватить Сингапур, поскольку никогда условия не будут более благоприятными. (Весь английский флот занят, Соединенные Штаты не подготовлены к войне против Японии. Превосходство японского флота по сравнению с американским.) Япония действительно готовится к таким действиям, но, согласно заявлениям японских офицеров, она приступит к ним лишь, если Германия произведет высадку на английском побережье. Германия поэтому должна напрячь все усилия для того, чтобы заставить Японию действовать немедленно. Если Япония захватит Сингапур, тем самым будут решены все остальные восточно-азиатские проблемы в отношении США и Англии (Гуам, Филиппины, Борнео, Голландская Восточная Индия).

Япония хочет, если возможно, избежать войны против США. Она сможет сделать это, если она в наикратчайший срок захватит Сингапур»[37].

23 марта министр иностранных дел Японии Мацуока по транссибирской магистрали прибыл в Москву. Как он и просил, газетные сообщения были краткими и подчеркивали, что он находится в СССР проездом.

Спустя два дня от «Юрия» — И.В. Гущенко, резидента военной разведки под прикрытием должности военного атташе при посольстве СССР в Японии, получена шифртелеграмма, составленная на основе доклада «Рамзая», с комментария Гущенко (доклад передан ранее в почте «Рамзая» на встрече Макса Клаузена с В.С. Зайцевым):

«Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии.

<...> секретная часть пакта есть основа, которая состоит в том, что Германия обязалась обеспечить продвижение Японии во Французский Индокитай и Голландскую Индию. Но благодаря усилению Америки, Япония не желает вооруженного конфликта. Мацуока и Коноэ застопорили это продвижение и поставили вопрос перед Отт о пересмотре пакта в связи с изменившейся обстановкой. Отт на это ничего не ответил, а перед своим отъездом собирал совещание из десяти немцев, в том числе всех дипломатических ра-

ботников, военных аппаратов немцев*. На этом совещании Отт поставил вопрос — как быть с пактом, положение резко изменилось. Военный атташе Кречмер заявил — Германия через месяц начнет генеральное наступление на Англию (здесь и далее подчеркивание в документе. — *М.А.*), и тогда все эти вопросы будут решены, но есть сомнение [в] связи с большой помощью со стороны Америки — операция может провалиться. На этот случай Германия имеет второй план — нанести удар по Ближнему Востоку, захватив Турцию и Кабул; против этого будет СССР, но Германия не должна будет считаться с СССР, ибо его Красная Армия в Польше и Финляндии показала недостаточную боеспособность. Кречмер предложил этот вопрос здесь не решать, а разрешить его в Берлине. После этого Отт выехал в Берлин.

В Берлин вызван также и Мацуока с тем, чтобы накачать его выгодно для Германии и заставить отвлечь на себя Америку. При этом Мацуока из Берлина получил указание встретиться с Молотовым или его заместителями и прощупать, как будет реагировать СССР на случай расширения войны в Европе. Китайский вопрос в Москве не поднимать.

Основные беседы в Москве Мацуока должен провести по возвращении из Берлина**.

Америка должна вступить в войну с Германией не позднее августа, считают, что поведение Америки будет зависеть от результатов генерального наступления Германии.

Вывод: считаю, что доклад в основном правдоподобно освещает те события, которые имеют место в Токио за кулисами в последнее время.

Имеются пометы.

Указана рассылка»[38].

24 марта японский министр имел непродолжительные беседы с Молотовым и Сталиным. Из беседы наркома иностранных дел с министром иностранных дел Японии: «Мацуока в начале беседы, разъясняя цели своей поездки в Европу, говорит, что идея посещения Берлина и Рима у него возникла в связи с заключением Пакта трех держав и в целях обмена мнениями с руководителями Германии и Италии по вопросам, касающимся тройственного союза. При этом Мацуока указывает, что после того, как посредничество Японии между Таи и Индо-Китаем закончилось успешно, он смог получить разрешение от своего правительства на поездку в Европу... На обратном пути, говорит Мацуока, он хотел бы поговорить с т. Молотовым по вопросу об улучшении японо-советских отношений... После этого Мацуока спрашивает, когда может состояться его встреча с т. Сталиным.

Тов. Молотов ответил, что до сих пор его спрашивали только о согласии т. Сталина на встречу с Мацуокой, но никто не спрашивал о времени этой встречи. О согласии т. Сталина на встречу, говорит т. Молотов, он уже сообщил, а сейчас желательно узнать мнение Мацуоки о времени встречи.

Мацуока говорит, что он мог бы встретиться даже сейчас.

Тов. Молотов позвонил по телефону т. Сталину и сообщил Мацуоке, что т. Сталин сможет быть через 10 минут»[39].

Из беседы Сталина с Мацуокой: «...Затем Мацуока говорит, что так как т. Сталин очень занят, то он не хочет отнимать у него драгоценного времени, но

---

* Эта часть текста в сообщении обведена.

** Абзац на полях отчеркнут.

если т. Сталин смог бы уделить ему еще минут 20, то у него имеются для сообщения т. Сталину два вопроса, о которых он просил бы подумать до его возвращения из Берлина и Рима.

Тов. Сталин отвечает, что, так как Мацуока редкий гость, то он готов удовлетворить просьбу Мацуоки.

1. Мацуока говорит, что, как известно, в Японии верховная власть находится в руках Тенно. На иностранный язык Тенно обычно переводится как император. Однако это не верно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я бы назвал, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет. Далее, например, сравнительно небогатый человек, видя какого-нибудь бедного мальчика, дает ему денег на учебу и, таким образом, оказывает свое посильное содействие.

На вопрос т. Сталина, не есть ли это путь императора, Мацуока говорит, что он назвал бы это моральным коммунизмом, ибо Тенно — это государство, и все принадлежит ему. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжает Мацуока, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство, и которая называет принцип своей политики японским словом «хаккоицю», что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливости. Все это, указывает Мацуока, имелось и раньше, но было ущемлено капитализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англосаксов. С этой целью, добавляет Мацуока, был заключен Пакт трех держав, при заключении которого не считались с мелкими интересами.

После чего Мацуока говорит, что если т. Сталин понимает, что он хочет сказать и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы, заявляет Мацуока, готовы идти рука об руку с вами. При этом Мацуока выражает надежду, что до его возвращения из Берлина т. Сталин сможет обдумать то, что сказал Мацуока.

2. Затем, касаясь японо-китайской войны, Мацуока говорит, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения. В связи со сказанным им Мацуока просит учесть намерения Японии в Китае.

На вопрос т. Сталина, должен ли он ответить сейчас, Мацуока заявляет, что он изложил лишь общую мысль и хотел бы, чтобы т. Сталин подумал над теми вопросами, которые затронул Мацуока, и дал бы ответ после возвращения Мацуоки из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что если Мацуока так хочет, то можно отложить и дать ответ после возвращения Мацуоки. При этом т. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон... Что же касается англосаксов, говорит т. Сталин, то русские ни-

когда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить. Далее т. Сталин заявляет, что то, что в Японии хотят, чтобы государство стало контролером отдельных капиталистов, уже проделывается в Германии и Италии. Это хорошо. Государство только в том случае может усиливаться, если оно является полным контролером всего народа и всех классов.

Мацуока отвечает, что он глубоко убежден в том, что без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами...

В заключение беседы т. Сталин просит Мацуоку передать поклон Риббентропу. Тов. Молотов присоединяется к этому и также просит Мацуоку передать поклон Риббентропу»[40].

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, где встречался с Гитлером и Риббентропом. Причем с последним он встречался несколько раз. Из записи беседы Риббентропа с Мацуокой 29 марта 1941 года: «Министр иностранных дел начал с предшествующей беседы с Мацуокой по поводу предстоящих переговоров в Москве с русскими. Он выразил мнение, что, учитывая общую обстановку, самым лучшим было бы не расширять излишне отношений с русскими. Он не знает, как будет развиваться ситуация дальше. Но можно быть совершенно уверенным: если Россия когда-нибудь нападет на Японию, Германия выступит тотчас же. Он может совершенно определенно заверить в этом Мацуоку, так что Япония может продвигаться на юг к Сингапуру без страха перед возможными осложнениями с Россией. Большая часть германской армии находится и так уже на восточной границе рейха и готова выступить в любую минуту. Он (министр рейха) полагает, что Россия не будет стремиться к осложнениям военного характера. Но если между Германией и Россией возникнет конфликт, то Советский Союз будет разбит в течение нескольких месяцев. В этом случае Японии тем более не следует чего-либо опасаться, если она захочет атаковать Сингапур. Она ни в коем случае не должна отказываться от этой операции из-за опасения перед Россией»[41].

Еще несколько дней, и Гитлер окончательно уверится в том, что Россия изменила «свою нынешнюю позицию по отношению к нам», и оговорка на этот счет, сделанная в Директиве № 21 от 18 декабря 1940 года и в Директиве главного командования от 31 января 1941-го, может быть снята, и решение о нападении на СССР перестает быть возможным и становится однозначным.

Однако, действуя в соответствии с Директивой № 24 «О сотрудничестве с Японией», Риббентроп вынужден скрывать этот факт и не называть вещи своими именами. Вместе с тем, используя дипломатический язык, он пытается дать понять о принятом Германией решении: «**Как будут развиваться дела с Россией, этого, конечно, знать нельзя. Не известно, будет ли Сталин продолжать свою нынешнюю недружественную политику по отношению к Германии или нет** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) Он (министр рейха) хотел бы при всех случаях указать Мацуока на то, что **конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным**».

Трудно выразиться более туманно. И здесь же имперский министр объясняет, почему вопрос присоединения СССР к Тройственному пакту перестал

быть актуальным: «Что касается вступления России в тройственный союз, о чем со стороны Германии было сделано предложение Молотову, то министр рейха отметил, что речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, **русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять, так что дела находятся сейчас in suspenso**. На вопрос Мацуоки, означает ли это, что Германия, возможно, будет вновь пытаться приобщить Россию к пакту, министр рейха ответил, что **маловероятно, чтобы была предпринята такая попытка в настоящий момент, так как выдвинутые Россией условия в отношении Финляндии и Турции несовместимы со взглядами Германии**....

Отказ Германии удовлетворить советские требования в отношении Финляндии объясняется соображениями экономического, а также эмоционального характера. Германия в Первую мировую войну сражалась вместе с финнами...

... в беседах с Молотовым и Сталиным в отношении Финляндии было заявлено, что она не входит в сферу германских интересов. Но после того как финны так храбро оборонялись против русских, в Германии возникли к ним большие симпатии, так что сейчас было бы невозможно совершенно отказаться от Финляндии, так как занятие ее Россией привело бы к полному уничтожению страны, как об этом свидетельствует пример с Прибалтийскими странами.

Второе условие русских касалось гарантии в отношении Болгарии, а также занятия страны русскими войсками, о чем он подробно информировал Мацуока в своих прежних беседах с ним.

Третье условие касается строительства военных баз в Дарданеллах. Об этом Мацуока также информирован. Германия предпочитает при всех случаях, чтобы Дарданеллы оставались в руках Турции. Германия не может допустить вторжения русских на Балканы. Россия, однако, пытается вновь и вновь продвинуться в этом направлении. В связи с последними событиями в Югославии она развивает в этой стране активную деятельность, используя частично помощь организации "Сокол", а также прямое коммунистическое влияние.

Во всяком случае, беседы с русскими по поводу этих условий больше не возобновлялись. Германия заявила Советскому Союзу, что она не может допустить новых конфликтов в Финляндии или на Балканах. С тех пор все эти вопросы, как уже было сказано, находятся in suspenso, и **вряд ли следует ожидать какого-либо благоприятного развития дел**.

... министр рейха доверительно сообщил японскому министру иностранных дел свое мнение по поводу истинных интересов русских. Советский Союз желает, чтобы война шла как можно дольше. Русские знают, что сами они ничего не добьются с помощью военного нападения. Поэтому такому хитрому и опытному политику, как Сталин, быстрое поражение Франции пришлось весьма некстати. Он желает длительной войны, которая утомила бы народы и подготовила бы почву для большевистского влияния. Вот в чем состоит истинная цель русской политики, и об этом не следует никогда забывать.

Мацуока согласился с высказанными мыслями и привел в качестве примера положение в Китае. Чан Кайши, с которым он поддерживает личные отношения, который его знает и ему доверяет, испытывает большие опасения по поводу дальнейшего усиления влияния Красной Армии в Китае.

Министр рейха заявил, что вполне возможно, что вышеописанные обстоятельства могут привести довольно быстро к конфликту между Германией и Россией. Если Германия почувствует, что ей угрожает опасность, она тотчас же выступит и расправится с большевизмом.

На предложение Мацуоки возобновить антикоминтерновский пакт, не дать истечь сроку его действия министр рейха ответил, что он не может занять в этом вопросе окончательной позиции, так как сейчас еще не ясно, каково будет положение вещей осенью, когда закончится срок действия договора. Но в принципе позиция Германии остается всегда верной духу антикоминтерновского пакта».

«Затем министр рейха коснулся вопроса о Сингапуре. Он еще раз обсуждал обстановку с гросс-адмиралом Редером в связи с высказанными Японией опасениями в отношении возможного нападения подводных лодок со стороны Филиппин и вмешательства британского средиземноморского флота, а также флота метрополии. Адмирал заявил ему, что британский флот в этом году будет полностью занят в Средиземном море и британских внутренних водах и он не в состоянии послать хотя бы один корабль на Дальний Восток. Что касается американских подводных лодок, то, по мнению гросс-адмирала Редера, они настолько плохи, что Японии вообще не следует беспокоиться по этому поводу.

Мацуока тотчас же заметил, что японский военно-морской флот считает угрозу со стороны британского флота очень маловероятной и придерживается мнения, что при столкновении с американским флотом они без труда разобьют его...

Министр рейха ответил, что после занятия Сингапура Америка вообще ничего не сможет поделать с Японией. Уже по одной этой причине Рузвельт не один раз подумает, прежде чем принять решение начать активные действия против Японии. С одной стороны, он ничего не сможет поделать с Японией, с другой стороны, вполне вероятно, что Филиппины будут утеряны (в пользу Японии), что означает сильную потерю престижа для американского президента, и этому факту в связи с недостаточным вооружением Америки он ничего противопоставить не может.

Мацуока в этой связи указал на то, что он сделает все, чтобы успокоить англичан в отношении Сингапура. Он сделает так, будто у Японии вообще нет никаких намерений в отношении этой ключевой позиции Англии на Востоке. Поэтому может быть так, что он в своих словах и делах займет по отношению к Англии дружественную позицию. Но это не должно вводить в заблуждение Германию. Такую позицию он будет занимать не только для того, чтобы успокоить Англию, но и для того, чтобы ввести в заблуждение те элементы в Японии, которые настроены проамерикански и пробритански, пока одним прекрасным днем она не нанесет удара по Сингапуру.

Министр рейха по этому поводу заявил, что, по его мнению, объявление войны Англии со стороны Японии следует произвести в виде нападения на Сингапур».

Заявление Риббентропа опиралось на оценку германских стратегов: «Захват Сингапура — ключевой позиции Англии на Дальнем Востоке означал бы решающий успех в ведении войны государствами Тройственного пакта в целом»[42]. Оценки, как было показано выше, ошибочной: военно-морская база в Сингапуре не являлась ключевой позицией Великобритании на Дальнем Востоке, и ее захват не дал решающего результата в войне на Тихом океане.

«Мацуока заметил в этой связи [о нападении на Сингапур], что его тактика базируется на предположении, что внезапные действия против Сингапура сразу объединят всю японскую нацию. ("Ничто не бывает таким успешным, как успех", — сказал министр рейха). Он в данном случае полностью разделяет мнение знаменитого государственного деятеля Японии, который сказал в начале русско-японской войны: "Вы открываете огонь, и сразу вся нация становится единой". Для того чтобы японцы пробудились, их надо встряхнуть. Как восточный человек, он верит в судьбу, которая сбудется, хотим мы этого или нет...

Далее Мацуока коснулся вопроса о помощи Германии в случае операции против Сингапура, о чем уже неоднократно шла речь, упомянув при этом сделанное Германией предложение оформить это обещание документально.

Министр рейха отметил, что он уже обсуждал эти вопросы с послом Осимой. Он просил его достать карты Сингапура, с тем чтобы фюрер, которого следует в настоящее время рассматривать как самое компетентное лицо в военных вопросах, мог бы дать совет по поводу наилучших способов нападения на Сингапур. В распоряжение Японии могут быть представлены компетентные лица в вопросах авиации, которые смогут сообщить на основании своего личного опыта, приобретенного в Европе, как следует использовать пикирующие бомбардировщики против английского флота в Сингапуре, имея в виду при этом военно-воздушные базы, расположенные поблизости. Английский флот будет вынужден тотчас же убраться из Сингапура.

На это Мацуока заметил, что Японию гораздо больше интересует захват крепостей, чем английский флот.

Министр рейха заметил, что и в этой области фюрер использовал новые методы во время нападения на очень сильно укрепленные позиции, как, например, линия Мажино или форт Эбен-Эмаель. Он сможет предоставить их в распоряжение японцев...»

В ходе беседы Мацуока затронул вопрос японо-советских отношений: «Он указал на то, что предлагал русским пакт о ненападении, на что Молотов ответил предложением подписать соглашение о нейтралитете. По этой причине ему придется во время своего пребывания в Москве высказать свое отношение к этим вопросам, поскольку именно он делал первоначальное предложение о пакте ненападения. В этом случае он попытается побудить русских отказаться о северной половины острова Сахалин. Там имеются важные источники нефти, и русские чинили всяческие препятствия в эксплуатации этих источников. Мацуока назвал максимальную цифру возможной добычи нефти из этих источников — 2 миллиона тонн. Он предложит русским купить у них Северный Сахалин...

В качестве компенсации Япония во всяком случае готова заменить свои договоры (Портсмутский и Пекинский) на другие соглашения и отказаться от своего рыболовного права. Он должен коснуться всех этих вещей и прежде всего пакта о ненападении во время своего пребывания в Москве. Он спросил министра рейха, должен ли он глубоко касаться этих вопросов или только поверхностно.

Министр рейха ответил, что, по его мнению, этих вопросов не следует касаться очень глубоко, а только чисто формально. Затронутый Мацуокой вопрос о Сахалине может быть решен и позднее. **Если русские будут проводить безрассудную политику и вынудят Германию ударить по ним, то он**

считает правильным, учитывая настроение японской армии в Китае, чтобы ей помешали выступить со своей стороны против России. Лучше всего Япония поможет общему делу, если она не будет ничем отвлекаться и проведет операцию против Сингапура. В случае совместной победы вышеупомянутые желания Японии осуществятся так или иначе, и все желаемое достанется Японии без особого труда...».

«... В конце беседы министр рейха еще раз коснулся вопроса о помощи Германии Японии. Возможно, что и в этой области может быть что-то сделано. Япония, однако, должна сознавать, что в этой войне самая основная тяжесть лежит на плечах Германии. Рейх воюет с Британией, и он сковал британский средиземноморский флот. Япония же воюет только на периферии.

Кроме того, и все дела с Россией — это тоже Европа. Это обстоятельство будет, безусловно, признано японской нацией, которая является рыцарской нацией.

В заключение Мацуока выразил свое согласие с этими мыслями и заверил, что Япония всегда будет лояльным союзником, который будет полностью поддерживать общее дело, и делать он это будет не как-нибудь, а по-настоящему».

Мацуоке однозначно давали понять, что в Берлине отказались от идеи привлечь СССР к Тройственному пакту. И это тоже было одним из признаков принятого Германией решения воевать с Россией. Однако официально об этом японскому министру не сообщили, ограничившись перечислением претензий к СССР.

2 июля Мацуока, говоря о своих впечатлениях, которые он вынес от общения с Гитлером и Риббентропом в ходе визита в Германию, отмечал: «... Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет»[43].

Мацуока, конечно, ошибался, но он даже не попытался подловить Риббентропа и заставить его проговориться. Ему не удалось расшифровать намеки, словесные пируэты и противоречия в высказываниях собеседника.

29 марта, в беседе с фельдмаршалом Герингом, Мацуока договорился о поддержке немецкой авиации в обмен на увеличение поставок каучука для Германии[44].

В тот же день Гальдер записал в дневнике: «Переговоры с Мацуокой, по-видимому, идут успешно. Очевидно, намечено наступление на Сингапур. Сроки, однако, не установлены. Мацуоке было сообщено, что мы не заинтересованы в заключении русско-японского пакта о ненападении; достаточно заключения рыболовной конвенции и т. п.»[45].

Развитие событий показало, что Мацуока оказался глух к рекомендациям, высказанным в Берлине.

4 апреля Мацуоку, вернувшегося из Италии (где он встречался с дуче, папой и итальянским министром иностранных дел Чиано) принял Гитлер. В ходе беседы с ним Мацуока коснулся взаимоотношений с Соединенными Штатами: «Япония особенно нуждается в помощи со стороны Германии в военной области (ведение подводной войны), и прежде всего ей нужен новейший опыт, полученный во время войны, а также новейшие технические изобретения и рекомендации по улучшению техники. Япония сделает все, что в ее силах, чтобы избежать войны с Соединенными Штатами. Если страна решится

ударить по Сингапуру, то японский военно-морской флот должен, естественно, сделать все необходимые приготовления к войне с Соединенными Штатами, так как Америка в этом случае встанет, вероятно, на сторону Великобритании. Лично он [Мацуока] верит в то, что с помощью дипломатических усилий удастся удержать Соединенные Штаты от вступления в войну на стороне Великобритании. Сухопутные войска и военно-морской флот должны принимать в расчет возможность самого неблагоприятного случая, т. е. войны с Америкой. Они придерживаются мнения, что эта война может продолжаться более пяти лет, а сражения будут происходить на Тихом океане, в его экваториальной и южной части, а сама война будет носить локальный характер...

Подводя итог всему сказанному, Мацуока просил фюрера позаботиться о том, чтобы соответствующие немецкие инстанции предоставили японцам все необходимые для них изобретения и рекомендации по рационализации, касающиеся военно-морского флота и сухопутных войск.

Фюрер выразил свое согласие и указал на то, что Германия считает конфликт с Соединенными Штатами нежелательным, но она принимает в расчет такую возможность... В ходе дальнейшей беседы фюрер подчеркнул, что, если между Японией и Соединенными Штатами возникнет конфликт, Германия со своей стороны сделает немедленно свои выводы».

В Берлине пришли к выводу о неизбежности войны с США в недалеком будущем, однако стремились избежать провоцирования Вашингтона.

«По поводу японо-американских отношений Мацуока заметил далее, что он всегда утверждал в своей стране, что если Япония будет вести себя и дальше таким образом, война с Соединенными Штатами рано или поздно станет неизбежной. По его мнению, этот конфликт начнется скорее раньше, чем позже.

Его дальнейшие аргументы заключались в следующем: почему же Японии не действовать решительно в нужный момент, не пойти на риск и не начать войну? Тем самым она воспрепятствует, возможно, новым войнам в течение ряда поколений, особенно если Японии удастся установить господство в экваториальной и южной части Тихого океана. Правда, в Японии многие колеблются и не разделяют этих мыслей. В этих кругах Мацуока считается опасным человеком с опасными мыслями. Но он тем не менее утверждает, что, если Япония будет и дальше идти тем же путем, ей все равно придется воевать через какое-то время и в этом случае это произойдет в менее благоприятных обстоятельствах...

Мацуока заметил, что... Америка не будет бороться против Японии из-за Китая или Тихого океана, при условии, что Япония будет беспрепятственно пропускать транспортные суда, поставляющие каучук и олово с этих территорий к месту их назначения. Но Америка выступит против Японии в тот момент, когда она почувствует, что Япония вступает в войну с намерением помочь уничтожить Великобританию.

На это фюрер заметил, что такая позиция Америки означает лишь одно: пока Британская империя будет существовать, Соединенные Штаты будут питать надежду выступить совместно с Великобританией против Японии, но если Британская империя потерпит крах, то Соединенные Штаты окажутся один на один с Японией, и они ничего не смогут с ней поделать»[46].

Германия рассчитывала оттянуть войну Японии с США, так как неизбежным следствием начала военных действий явилось бы вступление в войну

Берлина на стороне Токио. Что и произошло 11 декабря, когда Германия и Италия, союзники по Тройственному пакту, объявили войну Соединенным Штатам.

Нападение на Сингапур воспринималось Мацуокой как помощь Германии в «уничтожении Великобритании».

Мацуока поведал фюреру «тайну», которую попросил сохранить. Поступок совершенно не характерный для министра иностранных дел, уполномоченного вести переговоры. «Мацуока сказал, что ему представляется важным сказать фюреру всю правду о действительном положении дел в Японии. Поэтому он обязан сообщить ему тот прискорбный факт, что он [Мацуока] будучи министром иностранных дел, не может рассказать в Японии ни одного слова из того, что он изложил здесь о своих планах фюреру и министру рейха. Это очень повредило бы ему в политических и финансовых кругах. ... В настоящее время он должен будет внимательно и тщательно следить за развитием обстановки в Японии, с тем чтобы в подходящий момент решиться на такой шаг и сказать всю правду о своих собственных планах императору и принцу Коноэ. В этом случае вопрос будет решен в течение нескольких дней, иначе решение проблемы утонет в словесном потоке. Если Мацуоке не удастся осуществить свои намерения, то это будет доказательством того, что ему не хватает влияния, силы убеждения и тактических способностей. Если же он добьется своего, это будет служить доказательством того, что он имеет большое влияние в Японии. Лично он полагает, что он добьется своей цели.

При своем возвращении в Японию он ответит на вопросы императора, премьер-министра, военно-морского и военного министра, что о Сингапуре речь шла, но он скажет, что разговор шел в гипотетической форме.

Помимо этого, Мацуока очень просил ничего не передавать по телеграфу о Сингапуре, так как он опасается, что из телеграмм может что-то просочиться. Если возникнет необходимость, он пошлет курьера.

Фюрер выразил свое согласие и заверил, что он может быть совершенно спокоен в отношении того, что никакой огласки не будет»[47].

Обещая Германии развернуть военные действия против английской военно-морской базы, Мацуока не отдавал себе полного отчета в том, что нападение на Сингапур неизбежно приведет Японию к войне с Соединенными Штатами.

Показательно, что, уже приняв окончательное решение о нападении на Советский Союз, Гитлер и словом об этом не обмолвился.

7 апреля, возвращаясь на родину, Мацуока снова остановился в Москве, где встречался с Молотовым и Сталиным. Советских руководителей интересовали новости из Берлина. Услышанное не очень обнадежило, но вместе с тем советское руководство не оставляло надежду на политическое урегулирование между Германией и СССР.

Позиция СССР по поводу подписания соглашения с Японией неоднократно озвучивалась Молотовым японскому послу Татэкаве и была закреплена в циркулярной телеграмме НКИД СССР советским полпредам в Японии и Китае от 14 июня 1940 года: «Исходя из того, что наша страна может надежно обеспечить безопасность своих границ на Дальнем Востоке только в сотрудничестве с США и Китаем, она должна всячески избегать договоров с Японией, которые провоцировали бы США на антисоветские акции, ограничившись соглашениями с Токио по второстепенным вопросам, не имеющим большого

политического значения, каким являлся бы, например, пакт о ненападении, идентичный пакту, заключенному между СССР и Германией»[48].

В то же время, как указывалось в телеграмме, СССР должен заключить такое соглашение, которое бы не вызывало раздражение упомянутых государств и позволило бы Японии почувствовать, что ей ничто не угрожает на севере. По мнению советской стороны, последний фактор будет побуждать Японию к продвижению на юг, где она должна неизбежно столкнуться с США, и поэтому следовало подготовить почву для подписания с Токио пакта не о ненападении, а о нейтралитете как более узкого и менее значимого документа[49].

В беседе 7 апреля с наркомом иностранных дел Молотовым Мацуока сказал, что о частных проблемах говорить не будет, а сразу перейдет к главному. «Он смотрит на улучшение отношений с СССР не с точки зрения временных интересов и временной политики, а с точки зрения улучшения отношений на 50—100 лет... Возникают следующие вопросы: во-первых, как сохранить такие отношения между обеими странами; во-вторых, какие отношения между нашими странами могут способствовать такой политике в Азии; и, в-третьих, какие отношения с СССР могут быть полезными для Японии с учетом интересов другого партнера...

Судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Что лучше для Азии, — спрашивает Мацуока, — чтобы эти две силы, являющиеся решающими элементами в Азии, ссорились или дружили между собой?.. Дружба, подчеркнул Мацуока, дает взаимные выгоды...

Мацуока заявляет, что у него нет намерения, чтобы Япония вместе с Германией напали на СССР. В Германии он по этому поводу ни с кем и никогда не говорил. Само собой разумеется, что Япония будет лояльна к своей союзнице — Германии, но из этого вовсе не вытекает, что Япония будет ссориться с СССР. Мацуока добавляет, что его точка зрения заключается в том, чтобы в отношении улучшения отношений между СССР и Японией работать таким образом, чтобы не было ссоры между Германией и СССР. Если... к несчастью, будет такой случай, когда Советский Союз и США, имея Японию в качестве общего врага, будут сотрудничать, то Япония до того, как это сотрудничество осуществится, имеет решимость и готовность напасть на Советский Союз... Вопрос здесь заключается в жизни и смерти Японии, и, разумеется, Япония не будет ожидать того момента, когда будет укреплен союз между врагами Японии»[50].

Молотов повторил собеседнику все то, что ранее излагал Того и Татэкаве. Советский Союз серьезно относится к пактам, которые заключает; не его вина, что пакт о ненападении был отвергнут. «В СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся к Версальскому договору». Концессии придется ликвидировать. Северный Сахалин не продадим, а лучше купим Южный и «некоторые группы северных Курильских островов». «У нас нет намерения, заключать соглашение с США для нападения на Японию, хотя это отнюдь не продиктовано трусостью, так как в советском правительстве найдется немало смелых и решительных людей»[51].

В общем, трехчасовая беседа была безрезультатной: договорились лишь о продолжении переговоров и переносе отъезда Мацуоки на 13 апреля.

«9 апреля Председатель Совнаркома СССР и Нарком иностранных дел т. В.М. Молотов имел вторую беседу с Министром иностранных дел Японии г-ном Иосуке Мацуока, которого сопровождал японский посол в Москве г-н Татекава»[52]. Мацуока начал с того, что «решил взять обратно свое предложение — за-

ключить пакт о ненападении и согласиться на предложение Молотова заключить Пакт о нейтралитете. За время пребывания в Москве он смог бы вместе с Татэкавой подписать только Пакт о нейтралитете без всяких дополнительных условий»[53]. Молотов выставил непременное условие: ликвидацию концессий, но оставил за японской стороной право выбирать форму документа (открытый или конфиденциальный протокол). «То, что Япония и СССР заключат политическое соглашение, будет хорошо, — суммировал нарком, — но будет плохо, если на следующий день начнутся инциденты вокруг концессий, что будет портить политические отношения. Зачем оставлять эту занозу?»

Мацуока сослался на существующую в Японии оппозицию ликвидации концессий и вновь начал рассказывать, как боролся за японо-советский пакт и как ему мешали Араки и Утида. Не произвел впечатление и следующий его аргумент: что если бы ему не удалось улучшить отношения между Японией и СССР, принятие им поста министра иностранных дел потеряло бы всякий смысл.

«Молотов, касаясь просьбы Мацуоки не забывать его роли в вопросе о политическом соглашении, заявляет, что именно то обстоятельство, что во главе Министерства иностранных дел Японии стоит лицо, которое уже давно занимает определенную политическую линию в вопросе улучшения японо-советских отношений, дало ему [Молотову] уверенность в том предложении, которое сделало советское правительство, чтобы отбросить вопросы, могущие создать излишние поводы к тому, чтобы откладывать заключение соглашения»[54].

Иными словами: хочешь дипломатического триумфа — отказывайся от концессий. 11 апреля состоялась заключительная встреча с Молотовым, которая также не дала результата.

Мацуока заявил, что санкции на ликвидацию концессий у него нет, но «в качестве компромисса» предложил передать Молотову при подписании пакта специальное письмо, в котором говорилось бы о скором заключении торгового и рыболовного соглашений и о готовности сторон решить спорные вопросы «в духе примирения и взаимных уступок». Молотов ответил, что позиция СССР остается прежней: ликвидация концессий является необходимым условием заключения пакта; «торговое соглашение уже более или менее подготовлено к подписанию, и, конечно, для решения этого вопроса большое значение имело бы урегулирование политического вопроса». «В заключение беседы Мацуока, видимо, уже смирившись с тем, что договориться не удастся, выразил сожаление, что он не смог сам подписать Пакт о нейтралитете. Но это не меняет его желания работать над улучшением советско-японских отношений»[55].

Казалось, задуманный дипломатический блицкриг не состоится. Мацуока уже готов был уехать из Москвы, не подписав пакта, но 12 апреля, во время вечернего просмотра спектакля в Художественном театре, он был приглашен в Кремль для беседы со Сталиным.

Из беседы генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии[56]:

«… Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему [Сталину] о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор, однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику: пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время нахождения Стамера (Генрих Штамер. — *М.А.*) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплому морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось такое убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши — агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы бо-

лее целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех.

Пятое — это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше — ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее».

«Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германий и Италией по большим вопросам. Об этом т. Молотов заявлял г-ну Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Г-н Гитлер заявил тогда т. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет т. Сталин, то и теперь г-н Гитлер заявляет, что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает т. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг, к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Не имея с ноября 1940 года ответа из Берлина на свои конкретные предложения, Сталин недвусмысленно дал Мацуоке понять, что не отказывается от присоединения к Тройственному пакту, полагая, что эта информация будет доведена до Гитлера. Во-вторых, он показал, что считает пакт с Японией не двусторонним «сепаратным миром», но новым шагом на пути к созданию «пакта четырех». Более того, подписание с Японией пакта о нейтралитете «развязывало» ей руки для движения на Сингапур, чего с такой настойчивостью добивался от Токио Берлин. И это тоже должно было «пойти в зачет» в глазах Гитлера. Верил ли он в это на самом деле, вопрос другой. Но то, что подписанием такого пакта он рассчитывал застраховать СССР от войны на два фронта — как в свое время сделал Гитлер — не вызывает сомнений.

Официальные советские комментарии не отрицали связь между пактом о нейтралитете с Японией и Тройственным пактом. В передовице «Правды» от 16 апреля говорилось: «В ноябре 1940 года Советскому правительству было предложено стать участником "пакта трех" о взаимопомощи и превратить "пакт трех" в "пакт четырех". Так как Советское правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР»[57].

«Далее т. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил т. Молотов, у Мацуоки нет возражений против текста пакта и только один пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывает сомнения, — говорилось далее в записи беседы. — Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Целесообразно ли

это? — спрашивает т. Сталин и говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существа дела и предложение советского правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжоу-Го не союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Сталин говорит, что это все равно, и, значит, здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет и, следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий».

В ходе обсуждения вопроса о концессиях Мацуока попытался выторговать у Сталина согласие на продажу Северного Сахалина: «Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок, что же касается протокола о ликвидации концессий, то так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей т. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете без протокола…

Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуоки, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает т. Сталин, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуоки, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо т. Молотова…

Мацуока… указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Сталин спрашивает — ликвидация концессий?

Мацуока отвечает — да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик...

Мацуока говорит, что в беседах между ним и т. Молотовым точки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом, и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным...

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит т. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы

СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

Тов. Сталин отвечает, что это даст спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

Тов. Сталин отвечает, что взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить.

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что он не возражает против того, чтобы вместо слов «в течение 2—3 месяцев» указать «в течение нескольких месяцев».

Тов. Сталин соглашается с этим.

Мацуока далее заявляет, что так как СССР не хочет продать Японии Северный Сахалин (в этот момент т. Молотов бросает реплику: "Это невозможно", а т. Сталин говорит, улыбаясь: "Япония хочет нас задушить, какая же это дружба"), то остается другой выход по линии протокола. Что же касается вопроса о том, сколько нефти будет поставлять СССР Японии — 100 тыс. тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Одним словом, говорит Мацуока, он будет прилагать все свои усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Тов. Сталин предлагает в текст письма Мацуоки внести поправку: и вместо "вопрос, касающийся концессий", написать "вопрос, касающийся ликвидации концессий".

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит т. Молотова дать распоряжение на центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио».

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание проекта документа.

11 апреля «Рамзай» сообщает из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 апреля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

В правительственных кругах заявили Отто, что предстоящее решение по вопросу об атаке Сингапура не будет особенно зависеть от впечатлений, которые Мацуока вынесет после своей поездки по Европе.

Гораздо более важными будут доклады генерал-лейтенанта Ямасита и адмирала Номура, возглавляющих миссию в Германию. Им обоим, официально занимавшимся отбором немецких военных материалов и изучением во-

енной промышленности, было позже приказано дать ответственные заключения о военном положении, военных шансов Германии и возможности выступления Японии на юг.

Если точки зрений Мацуока и Ямасита совпадут, то решение об атаке Сингапура будет принято даже вопреки мнению флота, так как флот недостаточно силен, чтобы выступать против Мацуока и Ямасита. Но если точки зрений Мацуока и Ямасита будут различны, то вопрос решит флот.

№. 102,103 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел: Добровинский. 11.50 14.4
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-9
Дать в 4 адреса.

Г.

Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр».

11 апреля пришло еще два сообщения от Зорге.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 апреля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Отто полагает, что вопрос об атаке Японией Сингапура уже решен.

Атака Сингапура может быть отложена только в случае, если Германия сделает в ближайшее время тяжелые ошибки или потерпит некоторое поражение.

Но если все будет как в настоящее время — Япония атакует Сингапур, по причинам безнадежности разрешения китайского конфликта и своего внутреннего политического положения.

№. 104 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 12.05 14.4
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-9
Дать в 4 адреса.
Указать, кто ОТТО.

Г.

Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 апреля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Германский ВАТ полагает, что вопрос об атаке Сингапура может быть решен в течение мая. Он узнал от заместителя начальника генштаба, что Япо-

ния выделила для этой цели **12 дивизий** (выделено мной. —*М.А.*). Шесть из них уже находятся на Формозе, Хайнане и в Индокитае. Другие шесть готовы в собственной Японии. Номера дивизии военный атташе узнать не мог.

Генштаб и флот отказались разрешить германскому воздушному атташе посетить Формозу, ввиду военных приготовлений там.

№. 105 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел: Добровинский. 11.50 14.4
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.9
В пять адресов.

Г.

Адресату. Сталину Жукову
Панфилову. Молотову
Дронову. Ворошилову
В реестр. Тимошенко
[Резолюция]: "НО9
В пять адресов. Г."»

Согласно боевому расписанию, изданному Ставкой 6 ноября 1941 г., для действий в южных районах Тихого океана была создана Южная группа армий: 14-я армия (16 пд, 48 пд, 65 бригада), 15 армия (33 пд, 55 пд), 16 армия (2 пд, 56 бригада), 25 армия (императорская гвардейская дивизия, 54 пд, 18 пд), 21 пд[58] — **11 дивизий.**

13 апреля 1941 г. в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией:

«Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья 3. Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио, также в возможно короткий срок»[59].

Вместе с пактом о нейтралитете была подписана и опубликована специальная декларация, в которой правительства обеих стран торжественно заявили, «что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики»[60].

По вопросу о концессиях компромисс был найден в форме письма Мацуоки, получившего гриф «совершенно секретно»:

«Дорогой г-н Молотов!

Ссылаясь на пакт о нейтралитете, подписанный сегодня, имею честь заявить, что я ожидаю и надеюсь, что торговое соглашение и рыболовная конвенция будут заключены очень скоро и что при ближайшей возможности мы, Ваше Превосходительство и я, в духе примирения и взаимных уступок постараемся разрешить в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине, приобретенных по договорам, подписанным в Москве 14 декабря 1925 года, с целью ликвидировать любые вопросы, которые не способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами»[61].

22 апреля был согласован порядок одновременной ратификации договора, намеченной на 25 апреля, и ее обнародования в печати. 24 апреля в Токио, согласно установленному порядку, собрался Тайный совет, который после обсуждения рекомендовал императору ратифицировать пакт о нейтралитете[62].

Имея широкие полномочия, Мацуока вел свою игру как в отношении Берлина, так и Москвы. Заключение пакта о нейтралитете явилось полной неожиданностью для Германии — ведь он был подписан вопреки предупреждению Риббентропа. В беседах с германскими послами в Москве и Токио Мацуока говорил, что в Берлине не исключали возможность подписания такого документа, однако это не соответствовало действительности. В телеграмме Риббентропа германскому послу в Токио от 5 июля 1941 года говорилось: «Касаясь вопроса об отношениях Японии к Советской России, я хотел бы в целях Вашей личной ориентировки правильно осветить сообщение о нашем с ним разговоре на тему о японско-русском договоре о ненападении или нейтралитете.

Согласно Вашей телеграмме № 685 от 6 мая 1941 г., Мацуока сообщил Вам тогда, что после своего отъезда из Берлина он не рассчитывал на возможность заключения японо-русского пакта о нейтралитете. То же выражал он и в разговоре со мной, и только думал воспользоваться случаем, если русские выразят к тому готовность. Сделанным Вам тогда сообщением Мацуока, по-видимому, хотел сказать, что я после берлинских переговоров должен был бы считаться с возможностью заключения пакта. Такое же заявление сделал Мацуока и графу Шуленбургу в Москве после того, как уже было достигнуто соглашение по поводу заключения пакта и как раз до формального его подписания. При этом г-н Мацуока так представил разговор со мной, будто он сказал мне, что не сможет избежать в Москве обсуждения давно назревшего вопроса о японо-советском пакте о нейтралитете или ненападении, что он, конечно, против всякой поспешности, но что ему придется что-то предпринять, если русские пойдут навстречу японским желаниям. Я будто бы согласился с его мыслью.

То, что Мацуока изложил Вам, а также графу Шуленбургу, не отвечает действительности. Тема японо-советского пакта о ненападении и нейтралитете была поднята в разговоре между Мацуокой и мною 26 марта 1941 г. и, согласно записи, сделанной послом Шмидтом тотчас же после нашего разговора, тема эта развивалась таким образом.

В связи с замечанием о заключении давно уже обсуждаемого русско-японского торгового договора, Мацуока прямо поставил мне вопрос, не дол-

жен ли он на обратном пути задержаться в Москве, чтобы обсудить с русскими пакт о ненападении или о нейтралитете. Он при этом подчеркнул, что японский народ не допустит непосредственного присоединения России к пакту трех держав, что последнее вызвало бы во всей Японии общий крик негодования. Я ответил Мацуоке, что о принятии России в члены пакта и думать нечего, и посоветовал ему по возможности не поднимать в Москве вопроса о заключении упомянутого пакта о ненападении или нейтралитете, так как это не уместилось бы в рамки современного положения»[63].

6 мая Мацуока, беседуя с Оттом, вполне определенно высказался на тему о позиции Японии в случае войны Германии с Советским Союзом: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»[64].

В этом отношении Мацуока был последователен, уже 22 июня убеждая императора, как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу[65].

25 июня на 32-м заседании координационного совета правительства и императорской ставки Мацуока, в частности, заявил: «... Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете»[66]. Руководители рейха не хотели раскрывать свои карты японцам и фактически дезориентировали их.

Пакт о нейтралитете не гарантировал безопасность Советского Союза на Дальнем Востоке. Советско-японское соглашение лишь «подтвердило статус-кво на Дальнем Востоке, но не укрепило его». В то же время пакт давал определенные преимущества как Советскому Союзу, так и Японии — «снижение вероятности войны на два фронта»[67].

Документ не содержал гарантий в отношении взаимного отказа сторон от недружественных действий. Зафиксированное специальным протоколом взаимное признание интересов СССР в Монголии и Японии в Маньчжоу-Го не было радикальным соглашением о разделе сфер влияния, которое имелось в виду в случае присоединения СССР к Тройственному союзу. Сторонам также не удалось договориться по ряду ключевых территориальных вопросов. Вне рамок пакта остался вопрос о прекращении советской помощи Чан Кайши. Вместе с тем, советской стороне удалось добиться согласия Мацуоки на ликвидацию концессий на Северном Сахалине.

Япония не напала на СССР лишь потому, что не состоялся германский блицкриг летом 1941-го и не были разгромлены советские войска в 1942-м. Обязательства Москвы по пакту о нейтралитете утратили силу после принятия Японией в июле 1941-го и проведения мероприятий по подготовке к наступательным военным действиям против СССР, получивших название «Особые маневры Квантунской армии» — сокращенно «Кантокуэн».

Как покажет развитие событий после 22 июня 1941 года, Япония не считала себя связанной пактом о нейтралитете. Примечательны слова, сказанные в этой связи 2 июля председателем Тайного совета Хара Ёсимити: «Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападем на Советский Союз, никто не со-

чтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен»[68].

В целом негативно относившиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом, военные круги Японии, в отличие от политиков, не придали пакту особого значения. На следующий день после его подписания в «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»[69]. Еще более определенно высказался военный министр Тодзио Хидэки: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»[70].

Наиболее воинственные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете как прикрытие завершения подготовки к нападению на СССР. Об этом свидетельствует сделанное 24 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимуры Хэйтаро на совещании командиров соединений:

«1. Настоящий договор, являясь одним из дипломатических шагов с точки усиления союза трех держав, учитывая современное положение нашей империи, предполагает внести на некоторое время мир и спокойствие в дипломатические отношения Японии и Советского Союза…

Для того, чтобы получить практический результат от этого договора в будущем, армии ни в коем случае не допускать ни малейшего ослабления подготовки к военным операциям. Получение результатов может быть ускорено еще большим усилением и расширением этой подготовки.

Никаких изменений в прежние установки для армии не вносится.

3. В Японии и Маньчжурии публично часто говорится об ослаблении и уменьшении наших военных приготовлений против Советского Союза в связи с заключением договора о нейтралитете, но в наших военных приготовлениях против СССР, как говорилось выше, не только не будет никаких изменений в сравнении с прошлым, но, наоборот, сейчас особенно необходимо иметь точные установки в отношении идеологической, контрразведывательной и подрывной работы. Особенно необходимо сделать все, чтобы быстро довести до полного понимания подчиненными этого смысла.

Однако, чтобы не умалить политического эффекта этого договора, необходимо проводить работу по его выполнению совершенно секретно и принимать особые меры предосторожности»[71].

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. — *М.А.*) Такахаси заявил журналистам: "СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет и они со своих позиций не уйдут"»[72].

Тем не менее пакт о нейтралитете имел большее значение, чем это представлялось на первый взгляд. Его заключение явилось немаловажным фактором при принятии решения о движении на юг. Пакт подталкивал Японию к экспансии в сторону южных морей, чреватую столкновением с США. И в этом была, в том числе заслуга резидентуры Зорге, своевременно информировав-

шей советское руководство о планах японской дипломатии и о месте Токио в стратегии Берлина.

Для Советского Союза смысл пакта состоял не только в том, чтобы уменьшить угрозу войны на два фронта. В Москве все еще представлялось (уже совершенно неоправданно) возможным политическое урегулирование советско-германских отношений.

16 апреля поверенный в делах Германии в СССР Типпельскирх доносил в германский МИД: «Японский посол, которого я сегодня посетил, сказал мне, что с заключением советско-японского пакта о нейтралитете в советском правительстве создалась очень благоприятная атмосфера, в чем его убеждал Молотов, который сегодня попросил его прийти немедленно для продолжения переговоров о торговом соглашении...

Сотрудники здешнего японского посольства утверждают, что пакт выгоден не только Японии, но и Оси, что он благоприятно воздействует на отношения Советского Союза с Осью и что Советский Союз готов сотрудничать с Осью»[73].

В дневнике штаба руководства войной на море на этот счет было записано следующее: «20.IV.41. Главнокомандующий военно-морским флотом задает вопрос о результатах визита Мацуоки и об оценке японо-русского договора от 14.4. Фюрер сообщил Мацуоки, "что Россию не тронут, если она будет вести себя дружественно, в соответствии с договором, но что в противном случае он, фюрер, оставляет за собой право активных действий". Японо-русский договор, продолжал фюрер, заключен по согласованию с Германией, и имеет целью удержать Японию от нападения на Владивосток и побудить ее к нападению на Сингапур. Такой маневр фюрера благоприятно отразится, по его словам, на позиции России, которая теперь ведет себя весьма корректно и не ожидает нападения.

Главнокомандующий военно-морским флотом спрашивает: "Каково мнение фюрера об ощутимом в настоящее время повороте настроения России, очевидно, в пользу Германии?"

Фюрер отвечает в соответствии с тем, что указывал выше»[74].

Гитлер ввел в заблуждение гросс-адмирала Редера, заявляя, что пакт о нейтралитете «заключен по согласованию с Германией». Но он действительно видел рациональное зерно в этом пакте — «удержать Японию от нападения на Владивосток и побудить ее к нападению на Сингапур». Таким образом, сигнал из Москвы был принят, но он уже ничего не мог изменить.

После подписания японо-советского пакта о ненападении Мацуока разъяснил германскому послу Отту, который сопровождал его в поездке, что пакт «облегчит продвижение Японии на юг»[75].

25/26 апреля военный атташе при советском посольстве в Германии генерал-майор Тупиков[76] представил начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту ГоликовуЗаписку[77] о неизбежности нападения Германии на Советский Союз «в пределах текущего года». Автор записки, находившийся на посту военного атташе всего три с половиной месяца, отвечает на им же самим поставленный «основной вопрос»: «Стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки начала возможного столкновения; как будет выглядеть германская сторона при этом?» Ответ на этот вопрос он связывал с только что заключенным пактом о нейтралитете между СССР и Японией:

«Советско-японский пакт о нейтралитете, на мой взгляд, явился своего рода проявителем курса германской политики в адрес Советского Союза.

Приезду Мацуоки предшествовали:

а) Распространение среди всех слоев населения и иностранных политиков и разведчиков утверждений, что война между СССР и Германией неизбежна.

б) Действительное сосредоточение войск на востоке; действительная инженерная подготовка восточного театра; действительная эвакуация немецкого населения из восточных районов.

в) Открыто подчеркнутое игнорирование наших интересов в своей балканской политике.

г) Толкование визита Мацуоки в Москву только как транзитной неизбежности, а его визита тт. Молотову и Сталину как визита признательности за представленный ему вагон или поезд от Владивостока до германской границы.

Приезд Мацуоки сопровождался:

а) Продолжением той же пропаганды неизбежности столкновений Германии с СССР, и в этот период пропаганда достигала размеров ажиотажа.

б) Пропагандой, что содержанием переговоров с Мацуокой является установление контакта между Германией и Японией в одновременном выступлении этих стран против Советского Союза.

в) Продолжением сосредоточения войск на востоке и демонстративной популяризацией этих мер.

Второе пребывание Мацуоки в Москве, до того как появился пакт, не освещалось никак, кроме минимально необходимых хроникерских сообщений.

Появление пакта, видимо, ошеломило германские круги, так как надо было изобретать новую трактовку европейским миссиям Мацуоки.

Надо отдать справедливость — новая трактовка была сформулирована очень быстро:

а) Берлинские и римские встречи Мацуоки вооружили его столь широкими политическими перспективами, что Московский пакт является лишь первой ласточкой грядущих побед держав "оси".

б) Блестящая победа Мацуоки в Москве. (Над кем победа и за что шла борьба?)

в) Советско-японский пакт продиктован Москве Берлином. Этот пакт знаменует собой новый этап отношений между Германией и СССР и характеризуется капитуляцией последнего.

Среди корреспондентов, штатских и военных дипломатов, среди всех кругов своего населения с немецкой энергией начинается пропаганда версии, будто угроза столкновения отдалена тем, что СССР капитулировал и теперь вряд ли попытается проводить свою политику там, где уже присутствует политика Германии.

18.4. я в ресторане встретился с известным Вам "Хозяйственником". Он мне сказал, что очень рад, что сейчас германо-советская атмосфера неизмеримо лучше, чем в период последней нашей встречи. (А последняя встреча была в период, когда слухи о войне с нами текли со всех сторон широким потоком. Он тогда говорил, что он всем этим удивлен, поражен, не хочет этому верить, не знает, что все это значит, и т. д. в этом духе).

Теперь, заявил он, угроза столкновения снята.

На мою реплику — разве она была реальной? — он ответил утвердительно и продолжал, что заключением пакта с Японией СССР вновь стабилизировал свои отношения с Германией.

Я сказал, что мне непонятно все, что он говорил, т. к. я считал и считаю, что отношения между СССР и Германией определены договорами между ними самими непосредственно и пакт с третьей стороной не может играть роль барометра.

Ответ он начал с заявления, что авторство всего, что он сейчас скажет, принадлежит не его домыслам, а человеку, который фактически почти единолично решает судьбы Германии. (Я понял, что речь идет о Геринге.)

Прямо на высказанную мною мысль он не ответил, но изложил буквально программную тираду.

1. Взаимоотношения СССР и Германии мыслимы лишь как хозяйственный контакт. Контакта политического быть не может из-за контрастности социальных систем.

2. Германия в ведущейся войне борется за жизненно необходимое ей пространство. У СССР этого пространства с избытком в пределах его границ и, следовательно, вмешательство СССР в зоны интересов Германии может объясняться не жизненными интересами, а агрессивной противогерманской политикой как политикой одной системы против другой системы.

Попытка СССР противопоставить жизненным интересам Германии свою политику в недавнем прошлом привела к обострению, которое сейчас рассеялось благодаря пакту. (Почему благодаря пакту, он и здесь не сказал.)

3. Сейчас перед Германией стоит задача добить Англию на внеевропейских театрах.

Для этого Германии нужна Турция. При сегодняшней ситуации на Балканах о позиции Турции не может быть двух мнений: она пойдет на все, что ей продиктует Германия, т. к. Англия утратила все остатки своего авторитета, а СССР не будет вмешиваться.

4. В хозяйственных взаимоотношениях СССР должен учитывать интересы Германии и обеспечивать эквивалентность обмена так же, как это учитывает Германия.

Германии нужен хлеб в таком количестве, которое обеспечивает ей победоносное ведение войны.

Далее он применил аллегорию следующего порядка: "Крысы, когда они голодны, прогрызают стальную броню, чтобы проложить дорогу к хлебу". Немцы же уже дошли до того, что их химики работают над тем, чтобы содержимое канализационных котлованов вновь сделать пригодным для обедов и ужинов.

Такова суть высказываний «Хозяйственника», заявившего, что это не его домыслы, а лица, государственную власть преимущего.

Что означает все вышеприведенное?

По-моему, оно означает, что немцы в программе своей политики каких-то не весьма отдаленных сроков имели выступление против нас. Япония по этой программе должна была выступить одновременно с Германией.

Московский пакт опрокинул генеральную суть этой программы (второй фронт).

Немцы, чтобы провал их этой политики не стал всеобще очевидным, толкуют пакт как победу Берлина и чуть ли не поражение Москвы.

Избежать огласки этого провала Германия должна была, прежде всего, по мотивам внутриполитического порядка.

Ведь неизбежность войны в самые близкие сроки вдалбливалась всерьез широким слоям населения, и вдруг отсрочка. Этим именно и объясняются молниеносность, с какой берлинская версия Московского пакта охватила широкие слои населения, и антисоветская сущность самой версии.

Итак, если признать, что нападение действительно готовилось в близкие, конкретные сроки, то пакт, разрушив важнейший участок этих приготовлений, действительно отсрочил столкновение. Он отсрочил столкновение просто потому, что поставил перед необходимостью перерасчета сил и создание возможной другой коалиции.

Однако и после пакта германская трактовка взаимоотношений Германии с СССР осталась ярко выраженной антисоветской. СССР в ней фигурирует чем-то в виде доминиона.

В силу этого вопрос столкновения — вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных, так как, будучи столь зависимой от нормальных отношений с нами, Германия едва ли сочла бы возможным на долгий период планировать устойчивость германо-советских отношений на антисоветской основе.

Это данные общеполитического порядка.

Данные состояния вооруженных сил также говорят о том, что Германия проедается, но держит армию такой численности, которую, кроме нашего театра, негде применить.

Сейчас под ружьем вместе с апрельской мобилизацией резервистов и призывом новобранцев больше 9 миллионов человек.

Против англо-французов Германия выступила с семью миллионами человек.

Группировка германской армии с осени 1940 года (не считая первой партии войск после разгрома англо-французов) неизменно смещается на восток. Сейчас на востоке — Восточная Пруссия, Польша, Румыния — до 118—120 дивизий.

Против англо-французов Германия выступала, имея на западном фронте 150—160 дивизий.

Сосредоточение на восток продолжается.

Качественное состояние вооруженных сил по признакам — политико-моральным, обученности и оснащенности — сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, т. к. уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения.

В своей внешней политике Германия не только игнорирует интересы СССР там, где интересы обеих стран якобы сталкиваются естественным ходом событий (Балканы). Она изыскивает свои интересы и устремляет их прямо, ярко, антисоветски, больше того — открыто военно-антисоветски и там, где эти интересы, кроме военно-антисоветских, отсутствуют (Финляндия).

Потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получаются сведения о транспортировке войсковых частей.

Наконец состояние наших вооруженных сил.

Немцы несомненно в курсе слабых сторон подготовленности Красной Армии в период по 1939 год включительно.

Но они также, несомненно, в курсе и того, какими темпами идет перестройка в армии и какая именно. А эти данные весьма весомые для выбора сроков ведения с нами войны.

Вывод. Я оговорил вначале, что рассуждения в этом докладе я веду на основе различных конкретных данных, в разное время и в разных документах, доложенных Вам.

Все эти данные приводят меня к убеждению, что:

1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник.

2. Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года.

Другое дело, что эти планы и сроки могут натолкнуться на нечто подобное поездке Мацуоки "в Москву через Берлин и Рим", как ее здесь в дипломатических кругах называют. Но это уже не по доброй воле немцев, а вопреки ей.

3. Очередные ближайшие мероприятия немцев мне представляются такими:

а) Оседлание Турции пактом трех или каким-либо ему аналогичным.

б) Присоединение к пакту трех Швеции, а следовательно, и Финляндии, так как последняя давно готова к нему присоединиться.

в) Усиление перебросок войск на наш театр.

г) Планируют ли немцы широкие операции на Ближнем Востоке и в Африке с применением такого количества войск, которое ослабило бы их европейскую группировку, сказать трудно, хотя официально прокламируются такие цели, как Суэц, Моссул, разгром англичан в Абиссинии».

Генерал-майор Тупиков приходит к однозначному выводу: «сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года», опираясь на ложную аргументацию. Советский военный атташе полагает, что советско-японский пакт о нейтралитете отсрочил нападение Германии на Советский Союз, так как Берлин был поставлен перед необходимостью «перерасчета сил и создание возможной другой коалиции». Тупиков исходил из неверного посыла, что Япония по планам Германии должна была выступить одновременно с ней против СССР. Подобное недоразумение можно было бы устранить, если бы Центр информировал военного атташе о том, что сообщал «Рамзай» — что Германия толкала Японию на юг, на Сингапур, но не на север. И тогда генерал-майор Тупиков, проведший блестящий анализ, уже не определял бы «срок начала столкновения» «в пределах текущего года», а значительно сузил бы рамки.

Число германских дивизий, развернутых на восточных границах Советского Союза, было им существенно завышено. По состоянию на 15 мая, там было развернуто 69—77 дивизий.

Собеседник Тупикова «Хозяйственник» (майор Иммиш?) был сотрудником Управления по четырехлетнему плану. Этим Управлением — центральным государственным учреждением Германии в 1936—1945 годах, созданным для перевода страны на военные рельсы, — руководил Герман Геринг, уполномоченный по четырехлетнему плану. «Хозяйственник» был официальным контактом Тупикова, с которым тот встречался с ведома и по указанию своего руководства. К моменту встречи, 16 апреля, колебания Гитлера закончились, поэтому все то, что сообщил Тупикову «Хозяйственник», было дезинформацией. Маловероятно, что за три с половиной месяца пребыва-

ния в стране у Тупикова могли сложиться доверительные отношения с этим человеком. И чтобы дезинформация звучала правдивей, к ней была добавлена информация, которая не вызывала сомнений и тем самым дела ее достоверной — «взаимоотношения СССР и Германии мыслимы лишь как хозяйственный контакт»; «контакта политического быть не может из-за контрастности социальных систем»; «Германия в ведущейся войне борется за жизненно необходимое ей пространство»... Сообщение Тупикова о беседе с «Хозяйственником» оставляло надежду на достижение политическими средствами соглашения с Германий, хотя это уже не соответствовало действительному положению вещей.

Подписание пакта о нейтралитете Мацуока воспринимал как свой дипломатический триумф. И триумф этот был подготовлен в Токио не без участия Зорге и Одзаки. Немедленно по заключении пакта премьер Коноэ заявил, что пакт «имеет эпохальное значение для отношений между Японией и Советским Союзом и будет значительно способствовать установлению мира во всем мире»[78].

«Телеграмма № 3613/3964 от 16.04.1941г.
В Токио т. Рамзаю.

Связи с заключением пакта о нейтралитете между СССР и Японией, следите за внешнеполитическим курсом и военными мероприятиями японского правительства и командования. Сообщите, конкретные мероприятия по экспансии Японии на Юг и по завершению войны с Китаем. Общественное мнение Японии. Взаимоотношения Японии с САШ и Англией.

Что Вам известно о погрузке японских частей на корабли в Сибаура.

Жду от Вас информации. Д.».

Сибаура— район Токио, расположенный на побережье Токийского залива. Ставить задачу резидентуре сообщить данные о погрузке японских частей в Сибаура — значило не понимать назначение нелегальной резидентуры. Не говоря уже о том, что сбор данных по такому частному сиюминутному вопросу мог привести к «засветке» агента, которому будет поставлена такая задача.

18 апреля Зорге направил следующее сообщение из четырех частей:

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 апреля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Отто посетил Коноэ в тот момент, когда последний получил от Мацуока телеграмму относительно заключения пакта о нейтралитете. Все присутствовавшие, в том числе Коноэ были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ немедленно позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни радости, ни гнева, но согласился с мнением Коноэ, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление в отношении нового пакта.

Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта, вопрос о Сингапу ре даже не поднимался.

Главное внимание всех присутствовавших было сосредоточено на вопросе о том, как использовать пакт для ликвидации войны в Китае. Если Чан-Кайши будет продолжать опираться на Америку, тогда было бы полезно обратиться еще раз к Америке с предложением достигнуть дружественного взаимоотношения с Японией в отношении Китая.

Отто полагает, что вышеуказанные пункты лягут в основу будущей внешней политики Японии.

Коноэ заявил Отто, что он полагает, что между Мацуока и Осима имела место стычка в Берлине, так как Осима прислал телеграмму, в которой выражает свое недовольство поведением Мацуока в Берлине.

Когда Отто впоследствии спросил Коноэ прямо, как в отношении Сингапура, Коноэ ответил, что этим вопросом очень интересуются германский посол Отт и другие люди (выделено мной. — *М.А.*).

Как бы то ни было, Отто полагает, что в случае, если Англия будет терпеть дальнейшие поражения, как сейчас, то вопрос об атаке Сингапура снова встанет очень остро, и если не сейчас, то через некоторое время.

№. 110,111,112 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 01.40 21.4
Перевел: Добровинский.
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НОЗ
Переговорить по № 110-112 и № 113.

Г.».

Таким образом, вопрос о Сингапуре отодвигался на второй план и воспринимался Токио как предприятие, выгодное Берлину. Следует отметить также степень откровенности принца Коноэ с Одзаки и возможность через последнего отслеживать действия германского посла.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 апреля 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

В связи с вышеуказанным, я жду от Вас директив.

Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других людей, и он может поднимать вопрос о Сингапуре, как острую проблему. Поэтому я запрашиваю Вас — заинтересованы ли Вы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура или нет.

Я имею некоторое влияние на германского посла Отт и могу подталкивать или не побуждать его к оказанию давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура.

Если Вы заинтересованы, то делайте мне указания как можно быстрее, относительно Ваших желаний (выделено мной. — *М.А.*).

№. 113 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 12.30 21.4
Перевел: Добровинский.
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: "НО.3
!?!. Переговорить".

Г. 22/4.41».

«Агенты влияния» как понятие и как инструмент воздействия разведки на высокопоставленных лиц утвердится позже. А пока подобное предложение было слишком необычно. Голиков решил воздержаться от выдачи положительной санкции и, похоже, никому из руководства не доложил об этом предложении «Рамзая».

Отсюда отрицательная реакция Центра:

«Телеграмма № ..... от 25.04.1941г.
В Токио т. Рамзаю

Вашей задачей является своевременно и достоверно освещать военные и политические мероприятия японского правительства и высшего командования. Влиять и подталкивать Коноэ, Отт и др. лиц в Вашу задачу и Отто не входит, и заниматься этим не следует.

Директор».

Концовка фразы шифртелеграммы «... заниматься этим не следует» звучала отнюдь не как отповедь или запрет. Подобная формулировка оставляла свободу маневра для исполнителя, обладавшим стратегическим видением проблемы в отличие от руководителя военной разведки.

Полученный ответ не мог остановить Зорге, который давно использовал Одзаки в качестве агента влияния на окружение председателя правительства Японии и сам выступал в качестве такового по отношению к германскому послу Отту, через него оказывая влияние на Министерство иностранных дел Германии и военное руководство рейха. Не последнюю роль в этом играл и Вукелич в агентстве «Гавас». Первые шаги Зорге предпринял еще в июне 1940-го — через германского посла Отта рекомендовал Министерству иностранных дел рейха предложить Японии «начать захват Индокитая».

В этом, собственно, и признался Зорге в своих «Тюремных записках», допуская определенное лукавство в части «беспрекословного» выполнения запрета Центра: «Мне было строго запрещено Москвой заниматься другой деятельностью, кроме разведки, а именно — пропагандистской и организационной работой, имевшей политический характер.

Поэтому моей группе и мне совершенно не разрешалось предпринимать какого-либо политического воздействия на любых отдельных лиц или на организации. Мы беспрекословно выполняли этот запрет, но допускали одно исключение: мы активно воздействовали на мнение людей в отношении мощи СССР. Пусть даже это нарушение, но совершенно неразумно соблюдать общие ограничения, ничего не предусматривающие в отношении подобных экстраординарных случаев. Если бы Одзаки и я в качестве советников, опытных советников-специалистов по политическим проблемам, принижая мощь СССР, подтвердили общее мнение, тогда низко ее оценивавшее, наша позиция сразу стала бы опасной. Именно поэтому наша группа заняла особую по-

зицию по вопросу оценки мощи Советского Союза. Однако, поступая таким образом, мы не вели пропаганды в пользу Советского Союза. Обращаясь к отдельным людям и к целым слоям общества, мы рекомендовали осмотрительнее оценивать мощь СССР. Мы убеждали их, не умаляя мощи Советского Союза, стараться решать японо-советские проблемы мирным путем.

Одзаки, Вукелич и я на протяжении нескольких лет стояли на этих позициях. Однако с 1941 года стали усиливаться голоса в пользу войны с СССР. Я направил в Москву единственный запрос, поскольку Одзаки выразил уверенность, что сможет, умело обойдя указанные выше ограничения, повлиять на близких ему людей и активно содействовать становлению мирного курса Японии по отношению к СССР. Он был убежден, что, **настойчиво пропагандируя теорию против войны с СССР в группе Коноэ, можно добиться поворота японской экспансионистской политики в южном направлении** (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*).

Мой запрос был сделан в самой общей форме, чтобы сохранить возможности для активных действий Одзаки и других членов группы, но ответ Москвы был отрицательным. Правда, в нем прямо не запрещались подобные действия, но указывалось, что в них просто нет необходимости. После начала войны Германии с СССР в 1941 году обстановка становилась все более напряженной. В этой ситуации я подумал, что, даже не истолковывая ответ Москвы как не обязательно категорический, ничто не мешает действовать в рамках моей компетенции. А рассматривая формулировку "нет необходимости" в более широком смысле, я посчитал, что нам определенно не запрещено заниматься вышеуказанной деятельностью.

Поэтому я не препятствовал активным действиям Одзаки в группе Коноэ. Более того, я сам решительно взялся за работу среди немцев, учитывая, что **моя позиция по этим вопросам оставалась неизменной в течение нескольких последних лет**»[79].

Развитие событий на Дальнем Востоке и Тихом океане в дальнейшем пошло именно по тому сценарию, за который боролись Рихард Зорге и его соратники. Естественно, было бы ошибочно считать это исключительно результатом их усилий. Однако следует подчеркнуть, что Зорге «сотоварищи» предвосхитили вектор развития ситуации и подталкивали события именно в этом направлении. В «Тюремных записках» Зорге писал: «Время подтвердило справедливость моих мыслей. Говоря так, я не стараюсь утверждать, что дальнейшее развитие обстановки явилось результатом нашей деятельности. То, что Япония взяла курс продвижения на юг, это не наша работа. Это объективный процесс»[80].

Лукавит Зорге и когда пишет о том, что узнал о намерениях Одзаки не допустить войны Японии с СССР только тогда, когда получил отрицательный ответ из Центра: «Выше подробно описано, как мы направили в Москву запрос и получили отрицательный ответ, и только при этом я впервые узнал о намерениях Одзаки. Насколько я знаю, он только после обсуждения этого вопроса со мной начал активно работать со своими знакомыми. Аргументы, которые он использовал, в основном сводились к следующему.

СССР не имеет намерений воевать с Японией. Даже если Япония вторгнется в Сибирь, СССР будет только защищаться. Если Япония нападет на Советский Союз, это будет близорукий и ошибочный поступок. Даже если в ходе такой войны Япония захватит Восточную Сибирь или ее западную часть, она не будет иметь никаких политических и экономических выгод. Вероятно,

США и Великобритания будут приветствовать то, что Япония втянется в водоворот этой войны, и, после того как она исчерпает свои резервы нефти и железа, нападут на нее, выбрав благоприятный момент. Между тем, если Германия победит СССР, Сибирь, пожалуй, "упадет в карман" Японии, даже если она и пальцем не пошевелит. Если же Япония намерена продолжать экспансию куда-либо еще, кроме Китая, то южное направление является выгодным для этого...

Одзаки такими аргументами старался смягчить напряженную обстановку 1941 года. Я не знаю, использовал ли он какие-либо другие способы, кроме этих. Думаю, что он, как и я, при всяком удобном случае противодействовал общей тенденции, заключавшейся в поверхностной оценке мощи СССР и пренебрежительном отношении к нему как к противнику. Несомненно, в своих беседах с людьми он указывал на уроки Халхин-Гола и просчеты Гитлера в войне с СССР»[81].

Воздействие на принца Коноэ осуществлялось Одзаки через молодых интеллектуалов из окружения премьер-министра, в первую очередь, через Сайондзи Кинкацу, внука всесильного гэнро («государственного старейшины») Сайондзи Киммоти; депутата парламента Инукаи Кэна, сына убитого во время мятежа 15 мая 1932 г. премьер-министра.

На допросе 12 марта 1942 г. Одзаки показал: «... Поскольку у меня были контакты с влиятельными в политике людьми из окружения Коноэ, я считал, что в некоторой степени мог вести политическую пропаганду и работать в защиту Советского Союза. Об этом я сказал Зорге примерно в 1939 г. На это Зорге ответил мне тогда, что лучше не заниматься такими политическими действиями, так как они выходят за рамки нашей основной разведывательной работы»[82]. После 1939 г. подход Зорге к попыткам оказать влияние на внешнюю политику Японии изменился.

Следует оговориться, что движение на юг, равно как и на север, были авантюрой, которая должна была закончиться полным разгромом Страны восходящего солнца. Япония ввязалась в изнурительную войну в Китае, которая при наличии у гоминдановского правительства неограниченных людских ресурсов и представляемой Чан Кайши и Мао Цзэдуну финансовой, военной и иной материальной помощи со стороны СССР, США и Англии, лишало ее шансов на победу. Ситуацию не спасало существование подконтрольного Токио Нанкинского правительства Ван Цзинвэя. На фронтах в Китае было сосредоточено максимальное число сухопутных сил Японии, несравнимое с числом соединений и частей, которые предполагалось выделить для проведения операций на севере и юге. Однако отказаться от движения на юг или север Япония не могла. И в этих войнах Япония никак не могла выступить победителем. Капитуляция страны была лишь вопросом времени.

«Вукелич как представитель агентства "Гавас", — пишет в «Тюремных записках» Зорге, — посещал устраиваемые для иностранных корреспондентов пресс-конференции и поддерживал контакты с агентством "Домэй" и газетой "Майнити симбун". Он также в какой-то степени мог заниматься указанной выше деятельностью. Думаю, что он дискутировал с теми, кто недооценивал мощь СССР, и стремился укрепить курс на мирные договоренности с Советским Союзом. Он часто спрашивал меня, как использовать информацию, отправляемую им по радио во Францию и полученную в ходе своих бесед с сотрудниками агентства «Домэй» ... Кажется, он умело воспользовался инцидентом на Халхин-Голе. Он говорил также о необходимости сближения между Японией и

Советским Союзом, поскольку политика США в отношении Японии постепенно становилась все более жесткой. Думается также, что он, обыгрывая вероломное нарушение Германией пакта с СССР и желание быстро его проглотить, стремился показать, насколько эгоистичным и необязательным было отношение нацистов к обязанностям, предусмотренным договором. И, наконец, он постоянно указывал на существование японо-советского пакта о нейтралитете и, по меньшей мере, создавал атмосферу оппозиции к его отмене.

Такая линия поведения Вукелича неожиданно полностью совпала с позицией, которой он должен был придерживаться как сотрудник агентства "Гавас". Одновременно в этом заключался и замысел противодействия настойчивой немецкой пропаганде, старавшейся втянуть Японию в войну с СССР»[83].

Как уже отмечалось, Вукелич с весны 1941 г. «по согласованию с Зорге» проводил «специальную работу» с американским корреспондентом «Нью-Йорк геральд трибюн» Джозефом Ньюменом. Воздействовал в нужном направлении (а не только получал информацию) Вукелич и на советника американского посольства Думана.

Передача информации в Берлин с целью формирования позиции руководства страны в пользу поддержания агрессивных планов Японии в южном направлении проходило не только по линии имперского Министерства иностранных дел, но и через Германское телеграфное агентство (Deutsche Nachrichten Buro, ДНБ). У Зорге сложились хорошие отношения с представителем ДНБ в Токио Рудольфом Вайзе, с которым они не только вместе обедали, но и захаживали друг к другу в гости[84]. Через Вайзе Зорге направлял в Берлин директору Бюро Вильгельму фон Ритгену аналитические материалы и личные письма, которые «были, по существу, подробными обобщающими докладами»[85] о внутриполитический обстановке в Японии, Восточной Азии и Тихоокеанском бассейне. Эти материалы не могли не публиковаться в закрытом информационном бюллетене для руководства нацистской партии «NS Partei-Korrespondenz», поскольку фон Ритген был главным редактором бюллетеня[86]. В отсутствие Вайзе (отправившегося в отпуск на родину) Зорге заменял его и поддерживал непосредственную связь с фон Ритгеном.

Еще одним из каналов воздействия являлись публикации Зорге в периодической печати Германии, и в первую очередь в газете «Франкфуртер цайтунг» и журнале «Цайтшрифт фюр геополитик». Карл Хаусхофер никогда не правил статей Зорге, что свидетельствует о его высокой оценке подготовленных «Рамзаем» для публикации материалов.

В мае-июне Зорге направил в Москву целый ряд шифртелеграмм, сообщавших о предпринимаемых Германией бесплодных усилиях заставить Японию выступить против Сингапура и о ходе начавшихся в марте японо-американских переговоров по нормализации двусторонних отношений.

10 мая 1941 года Зорге телеграфировал из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 10 мая 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Германский морской атташе Венекер запросил адмирала Кондо о перспективах совместного германо-японского выступления против Англии, не

упоминая о приказании Риббентропа заставить японцев выступить против Сингапура.

Об ответе Кондо Венекер послал следующее донесение, которое я читал на немецком языке: "Японский флот сделал все приготовления для нападения на Сингапур, которое будет проведено в нужный момент, и когда не будет другого выхода. Но пока есть возможность получать из США важное сырье, подходящий момент еще не наступил".

№. 120 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 11.00 12.5
Перевел: Полякова и Малинников.
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО 9
Дать в пять адресов.

Г.».

Вице-адмирал Кондо Нобутакэ, заместитель начальника Морского Генштаба, принимал участие в планировании операций в Юго-Восточной Азии.

В этот же день Зорге направляет еще одну телеграмму, затрагивая сразу несколько тем:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 10 мая 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Не только генштаб, но и вся японская армия, в том числе и Умедзу из квантунской армии, согласны с советско-японским пактом. Только небольшая часть реакционеров вроде Араки и некоторая часть молодежи из группировки Тояма против этого пакта.

В настоящее время незаметно никакой активности в вопросе наступления на Сингапур. Германский посол Отт пытался встретиться с Мацуока по этому вопросу, но Мацуока отказался принять его под предлогом болезни.

Посол Отт сообщил, что Гитлер дал понять Мацуока, что он ждет быстрых и определенных действий со стороны Японии против Сингапура. Если Япония это сделает, то Германия будет готова отказаться от всех прав на островах в южной части Тихого океана, но, если же Япония не выступит против Сингапура, то Германия после своей победы в войне, не уступит своих прав.

№. 121 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 12.00 12.5.41
Перевел: Добровинский.
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО 9
Дать в пять адресов.

Г.»

Умэдзу Ёсидзиро — генерал, командовавший Квантунской армией. Генерал Араки Садао возглавлял группировку «молодого офицерства», в 1931-34 гг. военный министр; в 1938-39 гг. министр просвещения. Тояма Мицуру — политический деятель, лидер японских правых и основатель тайного общества националистов «Гэнъёся».

Начавшиеся в Вашингтоне переговоры о нормализации японо-американских отношений имели целью отколоть Японию от Германии и Тройственного пакта. 9 апреля посол Японии в США адмирал Номура Катисабуро предложил «проект японо-американского взаимопонимания» — проект урегулирования, разработанный в Токио. Вашингтону предлагалось признать Маньчжоу-Го и побудить правительство Чан Кайши приступить к переговорам с Японией, кроме того, Соединенные Штаты должны были признать «оборонительный характер» Тройственного пакта. В свою очередь, Япония соглашалась восстановить принцип «открытых дверей» в Китае и вывести войска из страны. 16 апреля госсекретарь США Хэлл представил американские контрпредложения: 1) уважение территориальной целостности и суверенитета всех государств, 2) невмешательство во внутренние дела других государств, 3) равные торговые возможности, 4) изменение статус-кво на Тихом океане только мирными средствами[87].

18 апреля состоялось совещание японского кабинета, на котором было принято решение продолжить переговоры, тем не менее, этот шаг предполагался лишь как маневр, т. к. принимать четыре пункта Хэлла за основу японо-американского урегулирования в Токио считали невозможным. Там полагали, что Тройственный пакт и японо-германские отношения не должны пострадать в результате переговоров в Вашингтоне[88]. Японское правительство стремилось обеспечить устойчивые торговые отношения и нейтралитет США, в то время как само не собиралось идти на значимые уступки.

«Страна находилась в страшнейшей экономической зависимости от США, война в Китае превратилась из легкой прогулки в затяжной конфликт, в пат, выхода из которого не было видно». Неудивительно, что Коноэ стремился найти компромисс, но был ограничен слишком большим числом факторов и на кардинальное изменение политики пойти не мог. В условиях тогдашней ситуации отказаться от Тройственного пакта, встроиться в русло американской политики и уйти из Китая означало верное самоубийство[89].

С возвращением Мацуоки в Японию с новой силой встал вопрос о противоречиях между Тройственным пактом и «проектом японо-американского взаимопонимания». Изучив американский проект и проект, предложенный японскими военными и военно-морскими кругами, Мацуока внес в документ ряд значительных изменений, которые сводились к следующему: «...Твердо заявить, что, согласно статье 3 пакта, Япония намерена выполнить свои обязательства в отношении военной помощи, когда это потребуется. 2) В отношении "китайского инцидента" отказаться от всех предложенных условий мирного урегулирования и обеспечить за Японией право самой диктовать эти условия. 3) Что же касается продвижения Японии в юго-западной части Тихого океана, то Мацуока предложил предусмотреть ряд случаев, когда при провокационных действиях третьих государств в зависимости от обстановки Япония будет вынуждена прибегнуть к вооруженной силе. Проект содержал и другие дополнения»[90].

3 мая Мацуока представил дополненный и исправленный проект на рассмотрение координационного комитета правительства и императорской

ставки (Совета связи). После обсуждения проект был принят за основу. Было также одобрено предложение министра иностранных дел о подписании с США пакта о нейтралитете.

12 мая проект японо- американского урегулирования был передан Хэллу. По основным вопросам внешней политики предлагалось следующее: «1. В отношении европейской войны: США ограничиваются мерами самообороны и не вмешиваются в конфликт. Япония также не вмешивается в конфликт и заявляет, что тройственный пакт имеет лишь оборонительный характер.

2. По китайскому вопросу: США признают стремление Японии создать миролюбивые и взаимовыгодные отношения между Китаем, Маньчжоу-Го и Японией, США прилагают усилия к организации переговоров между режимом Чан Кайши и Имперским правительством.

3. Оба государства устанавливают нормальные торговые отношения.

4. Экономическая деятельность в Тихоокеанском регионе ведется на равных правах, а японская экспансия носит исключительно мирный характер.

5. Япония и США гарантируют независимость Филиппин, США отказываются от дискриминационной политики в отношении эмигрантов из Японии».

В отношении японо-китайского урегулирования Имперское правительство предлагало «три принципа Коноэ», сформулированных еще 30 ноября 1940 года: 1) добрососедские отношения Китая и Японии, 2) совместная оборона против коммунизма, 3) экономическое сотрудничество обеих стран, при отсутствии экономической монополии Японии в Китае и ущемления экономических интересов третьих держав[91].

Документ не мог устроить Вашингтон: от Белого дома требовали уступок, сравнимых лишь с Мюнхеном, в то время как все обязательства японской стороны либо носили формальный характер, либо включали оговорки, сводившие на нет их значимость. Документ показал, что поиск компромисса с Японией на приемлемых для США условиях невозможен.

Но чем чаще американские корабли ходили в Англию, тем чаще они подвергались риску атак германских субмарин. Рузвельт заявлял, что Америка «патрулирует» транспорты, перевозящие оружие, предоставленное Англии, а главнокомандующий ВМС США адмирал Старк открыто называл эти действия «конвоированием»[92].

О ходе проходивших японо-американских контактах Зорге докладывал из Токио следующее:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 19 мая 1941 г.
По радио.
ПЕРЕВОД.

По сведениям источников Отто и германского посла Отт, Америка обратилась, через Грю, к Японии с предложением установить новые дружественные отношения.

Америка предложила свое посредничество между Японией и Чунцином на базе эвакуации японских войск с признанием особой позиции Японии в Китае и предоставлением ей многих торговых преимуществ. Америка предложила также признать особые экономические нужды Японии в южной части Тихого океана.

Но потребовала, чтобы Япония отказалась от военного вторжения в южную часть Тихого океана и отказалась де-факто от пакта 3-х держав.

Это предложение вызвало всеобщую агитацию за японо-американские переговоры, которая началась в тот момент, когда Мацуока возвратился. Таким образом, Мацуока не имел времени удовлетворить германские требования о выступлении против Сингапура и занять решительную позицию против Америки.

В правительстве происходит серьезная борьба между активной группой и группой, занимающей выжидательную позицию. Последней руководят Хиранума и морской флот. Флот начнет выступление только после падения Суэцкого канала и даже в этом случае тоже будет медлить.

Мацуока сообщил германскому послу Отт об этой внутренней борьбе, но был при этом оптимистичен.

Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере, в течение первых недель. Но в случае поражения СССР, Япония начнет военные действия против Владивостока.

Япония и германский ВАТ следят за перебросками советских войск с востока на запад.

№. 122, 123, 124 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 19. 50 21.5.1941 г.
Перевел: Добровинский.
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО9
Дать в пять адресов.

Г. 23/V

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Т. Воронину
К учету. Есть др[угие] данные,
что переговоры идут

П[ОПОВ] 23/5.41».

Джозеф Грю — американский посол в Токио.

В этот же день из Токио в Москву Рамзай отправил еще одну телеграмму:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 19 мая 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

По сообщению германского посла Отт, Мацуока послал государственному секретарю Хэлл следующую телеграмму:

"Прежде, чем ответить на Ваше предложение об улучшении взаимоотношений, я должен заявить, что мой визит в Европу был весьма успешным, что мои впечатления относительно германской мощи и окончательной победы Германии стали твердыми и, что ничто не может отделить Японии от Германии".

После этого Номура телеграфировал, что Япония должна ответить как можно скорее, потому что американцы намерены ввести систему конвоирования судов, идущих в Англию. Только благоприятный ответ Японии может приостановить введение этой системы.

После этой телеграммы Мацуока запросил мнение Германии относительно намерения Японии начать переговоры с Америкой. Германский ответ не был ясным и содержал лишь несколько вопросов.

14 мая Мацуока телеграфировал Хэллу, что Япония готова начать переговоры на двух условиях:

Первое — Америка должна немедленно оказать давление на Чунцин с тем, чтобы Чунцин пришел к соглашению с Японией и второе — Америка должна воздержаться от всяких действий, которые Япония считает военными акциями против Германии.

Грю спросил Мацуока, что Япония считает военными акциями. Мацуока ответил, что конвоирование судов в Англию также должно рассматриваться, как военная акция.

Когда пришел германский ответ, он гласил только, что Германия должна настаивать на том, чтобы переговоры не шли против пакта 3-х держав и, что она может помочь даже Америке остаться вне войны.

Мацуока заявил послу Отт, что у него нет больших надежд на успешность переговоров.

С американской стороны я слышал немного иную версию: Мацуока не дал ясный ответ Грю о том, что Япония будет считать военным акциями со стороны Америки против Германии. Мацуока заявил только, что до того, как Япония сможет ответить на этот вопрос необходимо, чтобы имели место некоторые практические случаи.

Новый германский ВАТ чрезвычайно пессимистически настроен, ожидает прямого предательства со стороны Японии и просил освободить его от занимаемой должности в Токио.

Посол Отт надеется, что японо-американское соглашение сможет остановить Америку.

№.126,127,128,129 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел: Добровинский. 19.50 22.5
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 9: Разослать в 5 адресов.

Г. 23/5»

30 мая Зорге вновь возвращается к теме японо-американских контактов для начала переговоров, а также возможного движения Японии на Юг:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 30 мая 1941 года.
По телеграфу.
ПЕРЕВОД.

В японо-американских переговорах об улучшении взаимоотношений не наблюдается прогресса. Мацуока не получил до сих пор ответа от США.

Сейчас совершенно ясно, что сопротивление японской армии в Китае, флота и группы Хонда сделали какие-бы то ни было переговоры совершенно невозможными. Мацуока попал в тяжелое положение потому, что консервативные группы оказывают давление, настаивая на ведении переговоров.

С другой стороны, Америка полагает, что Япония слишком слаба, чтобы начать выступление на юге по причинам внутреннего политического раскола в Японии.

№. 32 РАМЗАЙ.

Расш. Лакучинов 14.00 2.6.
Перевел Добровинский в 23.00. 2.6.41.
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Использовать для с/сообщ.

Г. 4/VI

Уточнить слово "Хонда" с Герценштейном».

Хонда Масаки, генерал-лейтенант, командующий 8-й дивизией (Маньчжурия).

М.С. Герценштейн — начальник 7-го отделения Информационного отдела.

6 июня маркиз Кидо записал в дневнике: «В 9 часов утра звонил принц КОНОЭ и сообщил мне, что посол ОСИМА имел интервью с Гитлером в Берхтесгадене. Судя по отчету посла, Германия, наконец, решила напасть на Россию, и Гитлер сделал косвенный запрос о создании объединенного фронта против России, хотя он ничего не сказал положительного»[93]. «Еще 6 июня 1941 г. Осима сообщил Коноэ, что немецкое правительство решило напасть на СССР. Это сообщение вызвало значительное замешательство среди японских лидеров. Некоторые из них, в том числе Мацуока, считали, что Японии выгодно отложить нападение на юг и повторить роль, сыгранную Италией в европейской войне, напав на СССР с тыла в благоприятный момент во время германо-советской борьбы для того, чтобы захватить советские территории на Дальнем Востоке и тем самым получить сахалинскую нефть. Другие, в том числе Коноэ и Кидо[94] (Кидо Коити, лорд-хранитель печати. — *М.А.*), считали, что не следует отказываться от первоначального плана наступления на юг, принятого в сентябре-октябре»[95].

«Телеграмма № 5453/6132 от 12.06.1941г.
В Токио т. Рамзаю

Очень необходимо получить информацию от наиболее ответственных кругов в отношении вопросов мирных переговоров и возможностей урегулирования проблем Южных морей и Китая между Японией, Англией, США и Китаем. Организатор».

15 июня Зорге в своей телеграмме о ходе японо-американских контактов, не мог обойти тему надвигавшейся войны:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 15 июня 1941 года.
По телеграфу.
ПЕРЕВОД.

Американцы еще не предложили ответ японцам о детализации условий в отношении посредничества в Китае.

Мацуока сообщил Отт, что он ждет сообщения Номура о поступлении первого ответа американцев на японскую ноту о готовности вести перего воры.

Мацуока очень обеспокоен слухами относительно возможной войны между Германией и СССР. Он видит единственную надежду на удержание Америки от вступления в европейскую войну и оккупацию Англии германскими войсками отнюдь не в войне с СССР.

Мацуока просил посла Отт доложить об этом Риббентропу.

№ 142 — Рамзай

Расш. Малинников.
Перевел полковник Рогов. 11.20 18.6.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО4
НО9
Дать в 4 адреса.

Г.

18/VI».

В уже цитируемой телеграмме от 20 июня 1941 года «Рамзай» сообщал в части контактов о начале японо-американских переговоров: «... Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока с одной стороны и Хиранума с другой — застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии».

21 июня Хэлл вручил Номуре ответ на предложения от 12 мая. Контрпредложения вносили существенные поправки в японский проект, а точнее, не оставляли от последнего камня на камне. Белый дом соглашался оказать содействие японо-китайским переговорам, но при условии, что текст договора будет разработан совместно тремя сторонами. В случае подобных переговоров Токио пришлось бы идти на уступки под давлением американской и китайской делегаций. Американцы даже не требовали вывода войск из Китая. В случае согласия японцев на первый пункт, войска пришлось бы вывести так или иначе. Американцы требовали подтвердить оборонительный характер Тройственного пакта и наотрез отказывались признать «сферу сопроцветания», не давая шанса на возможность реализации этого проекта — все изменения статус-кво в Тихоокеанском регионе, по их мнению, должны были осуществляться только мирным путем. Это был краеугольный камень в позиции Вашингтона. По отношению к европейской войне Белый дом заявлял, что отношение к ней будет строиться «из соображений защиты и самообороны; из соображений национальной безопасности и ее защиты», то есть из понятий, допускающих широкую трактовку, а значит, и возможность вступления в войну. О прекращении помощи Великобритании даже не упоминалось. Взамен было предложено заключить новый торговый договор. Американские предложения можно трактовать как угодно, но совершенно невозможно отрицать того, что они были совершенно неприемлемы для Токио: прекращение экспансии, трехсторонний договор по Китаю, разрыв со странами «оси» в обмен на торговый договор с США[96].

Военный разведчик М.И. Иванов, работавший в Токио под прикрытием должности секретаря консульского отдела посольства СССР, был, по его собственным словам, «визуально знаком» с Рихардом Зорге. Впервые он увидел Рихарда Зорге в конце апреля 1941 года на аэродроме Ханеда, куда весь посольский и журналистский корпус устремился встречать прилетевшего после визита в Берлин, Рим и Москву министра иностранных дел Мацуоку. «Толпы репортеров, сотрудников охранки и дипломатов ринулись к только что приземлившемуся самолету, из которого вышел улыбающийся Мацуока. Консул посольства В.С. Зайцев толкнул меня, кивком указав в сторону. Там неторопливо шел прихрамывающий Зорге — без фотокамеры, даже без полевого блокнота, в безукоризненно выглаженном костюме-тройке с нацистским значком на лацкане. Я мгновенно почувствовал, как одинок он был в этой суетящейся массе жаждавших сиюминутной сенсации репортеров (Япония «предала» интересы фашистского союзника, пошла на сговор с Советами, велика ли уверенность, что Сталин не держит камня за пазухой и т.д.). ...

Увидев Зорге, я ощутил восторг и скорбь одновременно. Он шел с достоинством и горечью безмерно измученного одинокого человека, чуждого фальшивой суеты политиканов, понимающего глубинную неотвратимую суть надвигающихся грозных событий. И все же — одновременно — он шел как победитель, как автор этой шумной постановки. Это была минута его торжества как стратега и мыслителя столетия...»[97].

4.2. «...ЯПОНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВСЕГДА ИМЕЕТ В ВИДУ РАСШИРЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРИГОТОВЛЕНИЙ... ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СВЯЗАТЬ СИЛЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ, КОТОРЫЕ ОНА МОГЛА БЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ В ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ...»

(из телеграммы германского посла в Токио Отта в Берлин, весна 1942 г.)

Вооруженные силы Японии состояли из двух видов — сухопутные войска и флот, в состав которых входила авиация. Численность и состав сухопутных войск в первую очередь в Маньчжурии (именно это представляет интерес в данном исследовании в связи с готовившимся нападением Японии на Советский Союз) приводятся по отечественным изданиям[98], в том числе и переводным[99]. В свою очередь отечественные издания опираются, прежде всего, на непереведенные японские[100] и переводные (японские и иностранные) издания, а также на Государственный архив Российской Федерации. При этом следует отметить, отсутствие однозначного подхода в оценке численности и состава сухопутных войск в различных публикациях и источниках; введение в научный оборот едва ли не противоречивых сведений и данных.

Высшим тактическим соединением сухопутных войск являлась дивизия. Дивизии, в свою очередь, входили в состав армий. До 1937 г. японские пехотные дивизии формировались по двум штатам: усиленные дивизии типа «А-I» и типа «А». В западной литературе такие дивизии иногда называют «старыми регулярными». С начала 1938 г. появляется третий тип пехотной дивизии — т.н. «обычные» или «стандартные» дивизии.

По одним источникам, состав и вооружение трех типов пехотных дивизий выглядел следующим образом: «усиленная» дивизия типа «А-I» — двухбригадного состава (штатная численность **29 400 человек**, 148 орудий, 81

танк); «усиленная» дивизия типа «А» — полкового состава (**24 600 человек**, 102 орудия и 7 танков) и «обычная» — полкового состава (**13-16 тыс. человек**, 75 орудий)[101].

«Пехотные дивизии японской Императорской армии, — по другому источнику, — делились на три основных категории, обозначавшиеся как Типы А, В и С. Дивизия Типа А считалась "усиленной", Типа В — "стандартной", и Типа С — "специальной"»[102]. Состав и вооружение «усиленной» дивизии типа «А» по вышеприведенной классификации выглядели следующим образом: «Всего: **29 408 человек** (здесь и далее выделено мной. — Прим. авт.), 9906 лошадей, 502 автомобиля; 3 пехотных полка — по 5687 человек в каждом; 1 полевой артиллерийский полк — 2379 человек (или горно-артиллерийский полк -3400 человек, 1400 лошадей); 1 средний артиллерийский полк — 951 человек; 1 разведывательный полк — 730 человек (или кавалерийский полк — 950 человек, 1100 лошадей); 1 танковая часть — 717 человек; 1 инженерный полк — 1012 человек; 1 транспортный полк — 2729 человек.

Вооружение: **10 000 винтовок**, 405 ручных и 112 станковых пулеметов. 72 противотанковых ружья, 457 минометов/гранатометов; 40- 37/47-мм противотанковых пушки, 24 -75-мм полковых орудия, 24-105-мм и 12-150-мм гаубицы, 13 бронемашин или танкеток, 20 легких танков, 48 средних танков»[103].

«В каждом пехотном полку имелось по 1083 лошади, но средств механизированной тяги не было; полевой артиллерийский полк располагал 2463 лошадьми и 49 автомобилями; средний артиллерийский полк — 769 лошадьми, без средств механизации; разведывательный полк — 188 лошадьми и 61 автомобилем; медицинская часть — 1468 лошадьми, без средств механизации; транспортный полк — 1222 лошадьми и 176 мехсредствами»[104].

«Стандартная» пехотная дивизия типа «В» 1940 г., по этому же источнику, была представлена следующим образом: «Всего: **20 000 человек**, 7500 лошадей; 3 пехотных полка — по 3845 человек в каждом; 1 полевой артиллерийский полк — 2480 человек (или горно-артиллерийский полк — 3400 человек, 140 0 лошадей); 1 разведывательный полк — 730 человек (или кавалерийский полк — 950 человек, 110 0 лошадей); 1 инженерный полк — 900 человек; 1 транспортный полк — 2480 человек (подразделение пехотных танкеток — 100 человек).Вооружение: **9000 винтовок**, 382 ручных и 112 станковых пулеметов, 340 50-мм минометов/гранатометов; 22 -37-мм противотанковых пушки, 18-70-мм батальонных орудий, 12- 75-мм полковых орудий, 36-75-мм полевых/горных орудий, 7 бронемашин или танкеток (плюс 10-17 танкеток)[105].

«Специальная» пехотная дивизия типа «С»: «Всего: **13 000 человек**, 2600 лошадей; 2 пехотных бригады — по 4750 человек в каждой; 1 инженерная часть — 600 человек; 1 транспортная часть — 1800 человек.

Вооружение: **6950 винтовок**, 110 ручных и 32 станковых пулеметов, 112 минометов/гранатометов, 16 легких минометов, 8-70-мм батальонных пушек»[106]. «Специальные» пехотные дивизии типа «С» были развернуты только в Китае.

Сложение численного состава частей, входивших в каждую из вышеперечисленных трех типов дивизий («усиленная», «стандартная» и «специальная»), дает меньшие цифры, чем указаны выше. Видимо, автором источника не учтены еще какие-то части, что однако не меняет общей картины.

Численность дивизий и их вооружение, представленные выше, показывают лишь штатный состав мирного времени и не отражают реального поло-

жения вещей (как правило, реальный состав и вооружение были ниже штатных показателей). Выяснить штаты военного времени дивизий не представилось возможным. Однако следует заметить, что они ненамного превосходили штаты мирного времени; более того, численность и вооружение дивизий в ходе мобилизации так и не были доведены до штатов военного времени.

Необходимо обратить внимание на несоответствие количества стрелкового оружия и численности солдат в японских пехотных дивизиях всех трех типов — едва ли не половина солдат выполняло обеспечивающую функцию — находилось в обозе.

Мощь брони и вооружения танков, стоявших на вооружении сухопутных войск, «были принесены в жертву ради легкости и скорости передвижения машин: слабость вооружения критическим образом проявилась в период номонганской кампании летом 1939 г., когда японские танки столкнулись с частями Красной Армии. Затем, в ходе Второй мировой войны, техническое отставание японской бронетехники становилось все более заметным»[107].

«Бронемашины и танкетки применялись в основном для проведения разведывательных операций — в каждой пехотной дивизии имелась соответствующая рота. Танковые части, как правило, включались в состав пехотных дивизий Типа А и выполняли роль поддержки пехоты»[108].

«Обычные» дивизии формировались, в первую очередь, за счет четвертых полков дивизий типа «А». К 1941 г. японские сухопутные войска состояли только из дивизий типа «А» и «обычных» дивизий. Согласно Разведывательной сводке по Востоку №1 за 1941 г. к концу 1940 г. в Маньчжурии пять из 12 пехотных дивизий являлись дивизиями типа «А». В течение 1941 года все существовавшие в сухопутных войсках дивизии типа «А» были реорганизованы в «обычные» («стандартные») дивизии, сформированные на основе трех пехотных полков трехбатальонного состава и дополненные вспомогательными частями. К 1944 г. штатная численность личного состава «стандартной» дивизии составляла 16 тысяч человек.

В июле 1937 г., перед началом японо-китайской войны, сухопутные войска Японии насчитывали 17 пехотных дивизий, ряд отдельных полков и бригад. В ходе военных действий против Китая Япония, наращивая свои вооруженные силы, провела несколько частичных мобилизаций.

Динамика увеличения числа дивизий в японской армии выглядела следующим образом: к концу 1937 г. в сухопутных войсках насчитывалось уже **24** дивизии (в т.ч. в Китае — 16, в Маньчжурии — 5, в Корее — 2, в метрополии -1); в 1938 г. — **34** дивизии (в т.ч. в Китае — 24, в Маньчжурии — 8, в Корее — 2); в 1939 г. — **41** дивизия (в т.ч. в Китае — 25, в Маньчжурии — 9, в Корее — 2, в метрополии — 5); в 1940 г. — **50** дивизий (в т.ч. в Китае — 27, в Маньчжурии — 12, в Корее — 2, в метрополии — 9)[109]. К 22 июня 1941 г. общее количество дивизий и их распределение по регионам не изменилось.

К 1939 г. в войсках насчитывалось более 2 тыс. танков, из них около половины — устаревших конструкций. За этот же период количество эскадрилий авиации сухопутных войск увеличилось с 54 до 91 (44 тыс. человек, около 1 тыс. самолетов). Военно-воздушные силы армии были сведены в авиационные дивизии, бригады и отряды, имевшие на вооружении одноместные истребители типов «95» и «96» (скорость 380 км/час), разведывательные самолеты «94», одномоторные и двухмоторные легкие бомбардировщики «93», средние бомбардировщики «93» и «97» (скорость 220 и 474 км/час) с бомбовой нагрузкой от 500 до 1000 кг[110].

К 1941 г. у Японии отсутствовала современная армия. К ее недостаткам относились невысокая насыщенность сухопутных войск современными огневыми средствами (пехота, в частности, не имела автоматов), очень слабая механизация (в качестве средств тяги использовались лошади), малочисленность бронетанковых частей (формирование первых двух танковых дивизий закончилось лишь в августе 1942 г.).

Сильными сторонами вооруженных сил Японии были относительно хорошая подготовка войск, способность вести боевые действия в сложных условиях, Японским военнослужащим были присущи фанатизм и слепое повиновение.

В июне 1941 г. генерал-лейтенант Ямасита Томоюки, вернувшийся на родину после полугодового изучения военного опыта Германии и Италии во главе специальной военной миссии, представил доклад императорской Ставке, содержание которого сводилось к следующему:

1. Основное внимание необходимо уделить военно-воздушным силам и бронетанковым войскам. Строительству военно-воздушных сил следует отдать приоритет.

2. Вооружение сухопутных войск должно отвечать требованиям повышения маневренности и огневой мощи. Основу сухопутных войск должны составить бронетанковые части, вооруженные средними танками.

3. Необходимо безотлагательно приступить к созданию воздушно-десантных войск и разработке принципов их боевого использования.

4. Учитывая, что японская армия оснащена устаревшим вооружением, начинать войну с Соединенными Штатами и Великобританией или с Советским Союзом Японии следует только в самом крайнем случае. Японии, исходя из этого, необходимо терпеливо избегать развязывания войны, направляя в то же время все свои усилия на модернизацию технического оснащения своей армии»[111].

Однако голос Ямасита Томоюки, прозванного позднее «малайским тигром» за то, что он во главе 25-й армии осадил и взял Сингапур, услышан не был.

Императорское совещание от 2 июля санкционировало проведение практических мероприятий по подготовке к войне с СССР в соответствие с оперативным планом на 1940 г. В японских секретных документах эти мероприятия получили условное наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн»[112].

5 июля была издана директива о проведении мобилизации. «... под видом учебных сборов для приписного состава проводится мобилизация 100 тыс. человек, формируется объединенный штаб противовоздушной обороны метрополии. Тогда же начинается секретная мобилизация 500 тыс. человек, а также большого числа судов общим тоннажем 800 тыс. брт для перевозки военных грузов и войск в Маньчжурию. В течение июля — августа численность японских войск в Маньчжурии и Корее увеличилась почти вдвое. К 13 июля было сформировано примерно 300 частей и подразделений первой очереди.

Мобилизация проводилась в глубокой тайне. Большая часть вновь создаваемых частей и подразделений направлялась в распоряжение командующего Квантунской армией генерала Умэдзу. Эта армия состояла из пяти полевых армий (13 пехотных дивизий, 24 пехотные бригады) и авиационной группы (560 самолетов). Численность Квантунской армии к осени 1941 г. составляла 700 тыс. человек»[113].

Мобилизация 500 тысяч рекрутов предназначались не только для Квантунской армии, и осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава, именуясь «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были строго запрещены всякие проводы в армию и другие принятые в Японии в этих случаях церемонии[114].

Для реализации мероприятий в рамках «Кантокуэн» в штаб Квантунской армии был направлен соответствующий приказ начальника генерального штаба и уведомление военного министра.

«Особыми маневрами» предусматривалось доведение за счет проводимой мобилизации штатов дивизий Квантунской армии до штатов, «близких к военному времени» (по свидетельству командующего Квантунской армии генерала армии Ямада Отодзо[115]); «средних между численностью мирного времени и численностью военного времени» (по утверждению начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро[116]); «до 80% штатов состава военного времени» (по показаниям заместителя начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Мацумура Томокацу[117]). За счет проводимой мобилизации в составе Квантунской армии были образованы 3 фронтовых управления, завершено формирование штабов 5 полевых армий и штаба Квантунской армии обороны. В Маньчжурии были сформированы отдельные пехотные бригады, отдельные артиллерийские полки, части связи, инженерные и саперные части, организовывались тыловые части и т. д. Эти части передавались в подчинение штабам армий. Всего в Маньчжурии было развернуто 629 таких отдельных частей и подразделений[118] (по другим данным: около 200 подразделений армейского подчинения[119]; «к 13 июля было сформировано примерно 300 частей и подразделений первой очереди[120]». Для усиления Квантунской армии из метрополии были направлены две дивизии (51-я и 57-я)[121].

Одновременно командованию Квантунской армии поступило уведомление военного министра Тодзио о выделении дополнительных сумм военного бюджета в размере около 1 млрд иен, на который предстояло «форсировать» «строительство аэродромов, арсеналов, военных казарм, материальных складов, шоссейных дорог... включая сюда и более быстрое окончание многолетнего строительства укреплений»[122]. Военный министр сообщил также о «направлении стратегических материалов военного значения, амуниции и пр.»[123]. Создавались запасы боеприпасов, горючего и продовольствия необходимых для ведения боевых действий войсками, которые предстояло развернуть в Маньчжурии.

Развернулось создание танковых войск, активная фаза которого пришлась на лето 41-го. Вместо смешанной механизированной бригады Квантунской армии, сформированной в 1933 г., образовали две танковые бригады или группы трехполкового состава — по 98 средних танков Тип 89 «Оцу» и 28 легких Тип 95 в каждой. Для их формирования использовали как уже имеющиеся танковые полки, так и вновь сформированные 10-й и 11-й. В результате — 1-я танковая бригада (группа) включила 3-й, 5-й и 9-й танковые полки и вошла в подчинение 3-й армии (штаб в Дунине); 2-я танковая бригада — 4-й, 10-й и 11-й полки, передана 5-й армии (к северу от оз. Ханка)[124].

«Общая численность Квантунской армии, — пишет Хаттори Такусиро, — в результате принятых мер удвоилась и составила около 700 тыс. человек.

В ней насчитывалось около 140 тыс. лошадей и 600 самолетов»[125]. Речь идет о мобилизационных мероприятиях, которые завершились к сентябрю 1941 г.

Эти данные в определенной степени подтверждаются «Приговором международного трибунала для Дальнего Востока по делу главных военных преступников», в котором говорится: «Летом 1941 г. согласно плану была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии было включено 300 тыс. человек, и приданы две новые дивизии и различные специальные части. К январю 1942 г. численность Квантунской армии увеличилась до одного миллиона человек»[126].

Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата на допросе показал: «Что касается увеличения армии, то это мероприятие было закончено к сентябрю месяцу 1941 г. ... Мы докладывали [в генеральный штаб армии] о том, что Квантунская армия после выполнения мероприятий, указанных в приказе Генерального штаба, вполне готова к выступлению для военных действий и что **требуется только подход дивизий из Японии** (выделено мной. — *М.А.*), предусмотренных оперативным планом, а также указание Генерального штаба о выступлении.

... **В основном все необходимые военные приготовления к войне против Советского Союза штабом Квантунской армии были закончены к декабрю месяцу 1941 года**. При этом я имею в виду стратегическое строительство железных и шоссейных дорог и прочих коммуникаций, строительство аэродромов, сооружение крепостей и укреплений, приведение армии в боевую готовность и т.п.»[127].

Увеличение числа дивизий в Маньчжурии производилось за счет переброс ок из метрополии — Японии. В июле-августе 1941-го в Маньчжурию были направлены две отмобилизованные пехотные дивизии — 57-я и 51-я, последняя была переброшена в Кантон в сентябре-октябре 1941 г., увеличив тем самым число дивизий в Китае к этому времени до 28 единиц.

К 1сентября 1941 г. за счет формирования одной дивизии, их число в сухопутных войсках Японии было доведено до 51 соединения, которые распределялись следующим образом: Китай (все еще) — 27 дивизий, Маньчжурия — 14 дивизий; Корея — 2 дивизии; метрополия — 8 дивизий (если допустить, что дивизия было сформирована именно здесь).

В Китае, Маньчжурии и метрополии шло формирование отдельных смешанных и охранных бригад (в дополнение к уже существующим). Многочисленные бригады решали в основном задачи несения гарнизонной службы, и участие их в наступательных операциях не предусматривалось. Численность бригад могла варьировать от 3 до 6 тысяч человек, вооруженных чаще всего только стрелковым оружием.

В ноябре был утвержден состав сухопутных войск, предназначенных для действия в зоне Южный морей, в количестве 11 дивизий и 66 эскадрилий (около 700 самолетов первой линии), около 400 тыс. человек[128]. 4 дивизии было выделено из состава войск, дислоцированных в метрополии, и 7 дивизий — из числа войск, действовавших в Китае (максимум, что могло «оторвать» от себя командование японских войск в Китае).

По состоянию на 1 декабря 1941 г. распределение сухопутных войск Японии по театрам военных действий выглядело следующим образом: Китай — 21 дивизия, 20 бригад; Маньчжурия — 13 дивизий, 24 бригады; Корея — 2 дивизии; метрополия — 4 дивизии, 11 бригад; Зона Южных морей — 11 дивизий, 3 бригады.Всего: 51 дивизия, 58 бригад[129].

Согласно боевому расписанию на 7 декабря 1941 г., в состав Квантунской армии (Чанчунь), входили: 3-я армия (Муданьцзян) — 9-я пд, 12-я пд, четыре бригады; 4-я армия (Бэйань) — 1-я пд, 14-я пд, 57-я пд, пять бригад; 5-я армия (Дунань) — 11-я пд, 24-я пд, четыре бригады; 6-я армия (Хайлар) — 23-я пд, одна бригада; 20-я армия (Цзинин) — 8-я пд, 25-пд, четыре бригады; резерв — 10-я пд, 28-я пд, 29-я пд, 1 бригада и 4-й, 5-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й танковые полки.

Квантунская армия обороны (Чанчунь) — пять бригад[130].

В 1939 году сухопутные войска Японии насчитывали 1240 тыс. человек (в т.ч. в авиации 44 тыс.); в 1940 году — 1350 тыс. человек (в т.ч. в авиации 60 тыс.). К концу 1941 года численность сухопутных войск составила 2110 тыс. человек (в т.ч. в авиации 85,5 тыс.)[131], а все вооруженные силы Японии — свыше 2,4 млн. человек, из них более 310 тыс. во флоте[132].

Планы ведения боевых действий Японии против Советского Союза, приводимые в различных изданиях, в целом совпадая, разнятся в деталях, иногда весьма существенных. «Согласно стратегическому замыслу (в соответствие с оперативным планом на 1940 г.- *М.А.*), предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление противостоящих войск, принудить их к капитуляции. Военные действия разбивались на два этапа. **На первом планировалось, наступая на Уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). На втором — захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота — Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские дивизии на Северном и Западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-Камчатский. Предусматривалось также в зависимости от обстановки осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР.

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были "уничтожить авиацию противника до начала операции".

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Биробиджан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск- Камчатский[133].

Для действий на Восточном (Приморском) направлении формировался 1-й фронт в составе **19 дивизий**, на Северном (Амурском) направлении должна была действовать 4-я армия в составе трех дивизий, а на Западном (район Большого Хингана) — 6-я армия (четыре дивизии). Резерв командующего Квантунской армии, которая была превращена в группу армий, составлял четыре дивизии[134].

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в **34 дивизии**[135].

По другой версии, развязывание японцами боевых действий против советского Дальнего Востока выглядело следующим образом: «Замысел япон-

ского командования состоял в том, чтобы внезапным налетом военно-воздушных сил уничтожить советские авиационные базы на Дальнем Востоке и, завоевав господство в воздухе, **нанести главный удар в районе Приморья**, выйти в тыл Владивостоку, а затем во взаимодействии с флотом захватить его. В последующем намечалось овладеть Хабаровском, Благовещенском и другими городами и районами Дальнего Востока. В это время специальные группировки армии и флота Японии должны были захватить Северный Сахалин и Камчатку[136]. Какие-либо цифры этим источником не приводятся.

Любопытны на этот счет показания командующего и начальника штаба Квантунской армии, сделанные ими в ходе допросов в Хабаровске в 1946 г. При этом следует учесть, что от исследуемого периода их отделяло целых пять лет, и они не могли обратиться к документам 41-го, и поэтому, безусловно, в их показаниях не могут не присутствовать непредумышленные искажения.

В «собственноручных показаниях» от 8-9 апреля 1946 г. бывший командующий Квантунской армии генерал Ямада Отодзо сообщил об оперативных планах армии следующее:

«**Наступление в сторону Советского Приморья** ставило своей задачей овладение этой частью Дальнего Востока. Приморье в силу своего географического положения могло быть использовано под советские и американские авиабазы для налетов на территорию собственно Японии. Следовательно, надо было овладеть территорией на юг от реки Иман и этим самым устранить опасность, висевшую над Японией. Выделяемые для этих операций силы были сформированы следующим образом:

Армии 1-го фронта: 2-я армия (2 дивизии), дислоцирована в районе Хуньчунь; 3-я армия (3 дивизии), дислоцирована в районе Муданьцзяна; 20-я армия (5 дивизий, 1 танковая дивизия), район Синин. (Данные три армии для наступления на Приморье).

5-я армия (1танковая и 3 пехотные дивизии), район Дунъань. (5-я армия была создана для наступления на Приморье, для захвата частью сил территории на север от Имана).

… армия 2-го фронта в составе: 4-я армия (3 дивизии), дислоцирована в районе Суньу …

Таким образом, только что указанные силы **состояли из 30 дивизий** (здесь и далее выделено мной. — Прим. авт.) (включая сюда и части, переброшенные из Китая) 2-х дивизий танковых частей и 4-х дивизий воздушных сил»[137].

В своих показаниях от 28 февраля 1946 г. бывший начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро в части «Оперативного плана Квантунской армии и ее подготовки к войне с СССР» свидетельствует:

«а) В основу оперативного плана Квантунской армии был положен «План военных операций против СССР № 6», который предусматривал перенесение центра тяжести на Восточную Маньчжурию. После разгрома врага в этом районе намечалось продвинуть главные силы до равнины у города Ворошилова. Далее Квантунская армия, дойдя до Хабаровска, должна была сделать крутой поворот и решить, исходя из обстановки данного момента, идти на Запад или на Север. Но при всех обстоятельствах оперативный план предусматривал сохранение за Квантунской армией большого или малого Хингана.

Б) Численность и дислокация.

Уже отмечалось, что общая численность японской армии в Маньчжурии во время войны с СССР должна была быть **доведена до 35 дивизий**. Первый

восточный фронт получал в свое распоряжение **19 дивизий**, разбиваемых на 2, 3, 20 и 5 армии. ... На северо-западном направлении — на втором фронте — сосредотачивались 3 армии, т.е. 4,6 и энская, состав которой должен был определиться после начала военных действий. ...»[138].

Генерал-лейтенант Хата подготовку войны Японии с СССР разбивает на три фазы (с 1935 г. по 1939 г. — первая фаза; с 1939 г. по 1941 г. — вторая фаза; с июля 1941 г. — третья фаза». В течение второй фазы «Япония форсировала подготовительные действия к войне, т.е. в основном, была создана военная промышленность, способная давать вооружение Квантунской армии, амуницию, созданы арсеналы, было сооружено большое количество аэродромов, шоссейных дорог, был организованы средства связи, усилена разведывательная работа военного характера». «... в третью фазу численность Квантунской армии была увеличена с 13 дивизий до 15 дивизий. ... Таким образом, численность штата Квантунской армии за этот период была доведена с 340 тысяч до 600 тысяч человек. Короче говоря, были произведены все приготовления к началу военных действий, если не считать того, что **из Японии должны были быть переброшены дополнительные дивизии в числе 20**, так как оперативный план ведения войны против Советского Союза предусматривал мобилизацию **35 дивизий**»[139].

Корректнее было перевести — «оперативный план ведения войны против Советского Союза предусматривал развертывание в Маньчжурии 35 отмобилизованных дивизий». Именно это имел в виду бывший начальник штаба Квантунской армии.

Как уже указывалось выше, число дивизий Квантунской армии в течение июля-августа 1941 г. увеличилось с 12 до 14 соединений, а не с 13 до до 15 единиц.

В конечном итоге, не важно, какое точное количество дивизий, согласно планам генерального штаба армии, предусматривалось развернуть на советских границах. 30, 34, 35 дивизий и сколько дивизий предусматривалось выделить первому (восточному) фронту — 19 или 20 единиц. Важен порядок числа дивизий, планируемого для ведения боевых действий против СССР, и реальное их число, которым располагало японское командование.

Указанное количество дивизий — 30, 34, 35 соединений — можно было сосредоточить в Маньчжурии только благодаря переброскам большей части дивизий из Китая, и меньшей — из метрополии, так как количество имевших собственно в Японии было крайне ограничено. Имевшиеся отдельные бригады в расчет не брались в силу специфического характера решаемых ими задач. Учитывая, что после переброс в Маньчжурию двух дивизий, количественный состав Квантунской армии насчитывал 14 дивизий, планировалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента»[140].

В конце июня 1941 г. генеральным штабом армии было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танака Синъити с военным министром Тодзио **было окончательно решено выделить для войны против СССР 24 дивизии**[141], **с учетом уже имевшихся в Маньчжурии.**

1 июля 1941 г. на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки заместитель начальника генерального штаба Цукада Ко заявил: «... мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск»[142].

И объяснение этому кроется отнюдь не в том, что японское командование намеревалось добиться целей войны против СССР «малой кровью», а в том, что **имевшимися силами достигнуть поставленных целей было невозможно, и иного выхода просто не было**. Оставалось ждать, когда Советский Союз будет повержен гитлеровской Германией, и рассуждать о теории «спелой (зрелой) хурмы». Теория «спелой (зрелой) хурмы» («умикаки»): «Спелая хурма сама падает с дерева».

Генерал-лейтенант Хата Хикодзабуро на этот счет свидетельствовал: «Военные круги считали, что позиция правительства Японии направлена к тому, чтобы забирать жар чужими руками, что по-японски передается: "Выжидать, покамест персимон упадет к твоим ногам, а не лезть за ним на дерево". Точнее говоря, военные круги считали, что Японии было бы выгоднее всего ожидать ослабления Советского Союза и после этого напасть на него»[143]. Персимон — один из видов хурмы. Военным кругам ничего не оставалось, как выжидать, пока персимон созреет, так как воевать на Севере было нечем.

Генерал-лейтенант Хата Хикодзабуро лукавит. Создавшаяся ситуация с острым недостатком дивизий для ведения боевых действий на Севере лишь отчасти результат деятельности правительства (если иметь в виду финансирование увеличения численности сухопутных войск). На самом деле, это — следствие серьезных просчетов в работе генерального штаба армии — нереальность поставленных задач перед сухопутными войсками, которая определялась ярым антисоветизмом японской военщины.

Все, что могла направить Япония в Маньчжурию, это, как было показано, 10-11дивизий (в зависимости от того, когда была отозвана 51-я дивизия в Китай — именно это количество было выделено для формирования группировки войск в «Зоне Южных морей».

К 25 июня генеральным штабом армии был разработан график завершения подготовки и ведения войны против Советского Союза:

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября[144].

Блицкриг по-японски укладывался в полтора месяца.

График был неосуществим изначально, и мог существовать только на бумаге. Однако, как это ни странно, этот документ воспринимался всерьез и в 41-м, и в послевоенные годы.

Блицкриг по-немецки, это готовность германских вооруженных сил разбить Советский Союз в ходе кратковременной кампании. Только в этом, и только на бумаге обеспечивался блицкриг по-японски — начало военных действий — 29 августа, завершение операций — середина октября 1941 года.

Блицкриг по-немецки, обеспечивался за счет достижения стратегической внезапности 22 июня 1941 г. Применительно к нападению Японии на Советский Союз речь не могла идти о достижении стратегической внезапности. Не могло быть достигнуто даже простой внезапности, как это произошло в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года при нападении японского флота на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура. Советские войска ждали и готовились к отражению нападения со стороны вооруженных сил Японии. На этот раз, перед ними не была поставлена задача: «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения» (из Директивы войскам, развернутым на западных границах СССР, от 21 июня 41-го).

Блицкриг по-немецки, это когда силы сосредотачивались на направлениях главных ударов, имея в виду необходимость атаковать и на прочих участках фронта.

Блицкриг по-немецки, это намерение уничтожить основные силы советских сухопутных войск, находившихся в европейской части страны посредством глубокого и быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных советских войск вглубь территории страны должно было быть предотвращено. Танковых клиньев у сухопутных войск Японии просто не существовало. Танковые дивизии были сформированы только в 1942-м.

Вслед за танковыми дивизиями в прорыв вводились моторизованные и пехотные дивизии, из которых формировались мощные подвижные группировки. Суть блицкрига: применение танковых и моторизованных войск в тесном взаимодействии с авиацией. Танковые и моторизованные подразделения должны были прорываться в тылы противника на большую глубину, не вступая в бой за сильно укреплённые позиции. Целью прорыва должен был стать захват центров управления и нарушение линий снабжения противника.

Перед люфтваффе ставилась задача, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия советских ВВС и поддерживать германские сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Приоритетная задача блицкрига — лишить противника возможности продолжать успешные боевые действия даже при сохранении живой силы, техники и боеприпасов. А для этого необходимо, прежде всего, захватить или уничтожить системы управления, транспортную инфраструктуру, снабжение и транспортные узлы, а также осуществить окружение крупных масс войск.

На практике, вслед за немецкими танковым клиньями, тянулись линии снабжения, по которым колоннами шли машины со всем необходимым. Понятно, что организовать снабжение «уходящих вперед» ограниченного числа танков на лошадиной тяге было невозможно. Нужны были грузовики.

Для блицкрига по-немецки, нужна была не только соответствующая боевая техника и вооружение (танки, авиация, в т.ч. пикирующие бомбардировщики, артиллерия, бронетранспортеры, автоматическое оружие и т.д., и, конечно, средства связи в частях и подразделениях сухопутных войск и авиации), но и ее наличие в войсках в соответствующих количествах.

Блицкриг по-немецки предусматривал наличие профессионального офицерского корпуса с опытом войны в Польше в 1939-м и в Западной Европе в 1940-м.

Всего этого у японских вооруженных сил по состоянию на август 1941 г. не было.

Осуществить блицкриг 14 пехотными дивизиями и 550-600 самолетами и сотнями отдельных частей на конной тяге, имевшимися в Маньчжурии, а также переброшенными 11-ю дивизиями и 600 самолетами было невозможно.

Разработанный японским генеральным штабом армии график завершения подготовки и ведения войны против Советского Союза являлся блицкригом только на бумаге.

Из показаний начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро в ходе допроса 28 февраля 1946 г.: «Содержание одной дивизии в Маньчжурии обходилось в два раза дороже, чем в Японии. Из соображений экономии государственных средств было рациональнее не держать в Маньчжурии большой армии. Указанные 13 дивизий Квантунской армии были дислоцированы с тем расчетом, чтобы **прикрыть концентрацию и подвоз из Японии главных сил**(здесь и выделено мной. — *М.А.*) в случае начала войны с СССР.

Оперативный план предусматривал прибытие из собственно Японии и Китая 22-х дивизий в случае начала войны с СССР (в то время численность Квантунской армии достигала только 13 дивизий). Кроме того, план предусматривал отправку частей непосредственного подчинения, тыловых войск и дивизий воздушного флота»[145].

Стоит ограничиться комментарием в части утверждения начальника штаба о том, что в случае начала войны с Советским Союзом численность Квантунской армии достигала только 13 дивизий. Речь должна идти о 14 дивизиях. Происхождение этого количества следующее: накануне 22 июня 1941 г. Квантунская армия насчитывала 12 дивизий, затем в входе «Кантокуэна» это число было доведено до 14 единиц за счет переброски из метрополии 57-й и 51-й дивизий, последняя из которых была направлена в сентябре-октябре 1941 г. из Маньчжурии в Кантон.

Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро дает расчет, согласно которому, даже, если бы было принято решение начать переброски и концентрацию войск — 22 июня, то нападение на СССР никак нельзя было планировать на 29 августа, как это следовало из графика, разработанного генеральным штабом армии. Следовало провести стратегическое развертывание не только отмобилизованных дивизий из состава Квантунской армий, но и тех соединений, которые должны были прибыть из метрополии и Китая, и только после этого начинать войну на Севере. Речь могла идти только об осени, и отнюдь не ранней, что делало неизбежным ведение войны зимой:

«в) Установление момента начала военных действий:

Для транспортировки в мирное время только что указанного количества войск требовалось бы 2 месяца, включая сюда и концентрацию их в Маньчжурии. **Для переброски же главных и остальных сил требовалось 3 месяца** (выделено мной. —*М.А.*). Кроме того, для переброски вооруженных сил из Китая в тогдашних условиях требовалось значительное время. Ведение операций в зимнее время было наиболее невыгодным для японской армии. Следовательно, если бы правительство Японии решило начать военные операции против СССР немедленно после нападения Германии на СССР, т.е. в 1941 г., то боевые действия Японии пришлось бы вести в трудных условиях. Однако, если бы Япония заняла неопределенную позицию по отношению к советско-германской войне, то это означало бы возможность оттяжки нападения на СССР до весны 1942 года. Таковы были расчеты того времени»[146].

Хаттори Такусиро писал по этому поводу: «Военные действия на севере необходимо было начать не позднее первой декады сентября и закончить до наступления холодов. Северную проблему предполагалось решить силами двадцати трех дивизий, поэтому необходимо было, по крайней мере, за месяц до операции начать переброску подкреплений. Решение о начале военных действий зависело от того, как сложится обстановка на германо-советском фронте»[147]. Однако, как справедливо указывает начальник штаба Квантунской армии Хата переброску подкреплений невозможно было осуществить за месяц.

Более того, нет уверенности, что маньчжурская железнодорожная сеть содержала технический парк, достаточный для обеспечения перевозки запланированного количества дивизий в указанные сроки.

Кроме двух дивизий в Маньчжурию после 22 июня 1941 г. не было направлено ни одной дивизии! Тем не менее, Япония не только не исключала возможность развязывания боевых действий против Советского Союза, но и собиралась воевать, когда «персимон упадет к ногам».

Попытки пересчитать численность имевшихся в Маньчжурии 24 бригад в расчетные дивизии (две бригады — одна дивизия) и получившиеся 12 «дивизий» прибавить к 14 уже имевшимся, не корректны, так как в подавляющем большинстве случаев отдельные пехотные или смешанные бригады несли охрану коммуникаций и объектов и при планировании боевых действий против СССР не учитывались. Еще большим недоразумением является следующее утверждение: «Поскольку в результате проведения мобилизации в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тысяч человек, можно считать, что по численности это соответствовало 58—59 японским обычным пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства»[148].

Подобный подход идет от японских исследований (основанных на японских же данных), ссылки на которые приводятся в отечественных изданиях:

«... для успешного наступления считалось достаточным 22 японских дивизий, которые создадут двойное превосходство в силах и средствах над противником.

Такая группировка японских войск была сосредоточена в готовности к наступлению на территорию Советского Союза к началу августа 1941 г. Она включала 16 штатных дивизий и 750 различных частей и подразделений, общая численность которых соответствовала 25 дивизиям. Кроме того, была сформирована Квантунская армия Обороны, которая выполняла роль резерва.Всего в ходе мобилизации на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров. Специально для участия в войне против Советского Союза в районе Оминато был создан 5-й флот, который должен был взаимодействовать с армией»[149]. Оминато — военно-морская база Морских Сил самообороны Японии, расположена на северной оконечности острова Хонсю на северо-восточном побережье залива Муцу.

Приведенная цитата подталкивает к мысли, что и подкрепления из Китая и метрополии не следует перебрасывать, так как имеющих сил в Маньчжурии вполне достаточно.

Выше приведенная фраза — «для успешного наступления считалось достаточным 22 японские дивизии, которые создадут двойное превосходство в силах и средствах над противником» — еще одна фантазия японских авторов. «По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети. Считалось, что в результате укомплектования японских дивизий в Маньчжурии и Корее по штатам военного времени и придания им многочисленных частей и подразделений непосредственного подчинения мощь японской дивизии будет на 25 % превосходить силу советской дивизии. Отсюда делался вывод, что, например, 11 японских дивизий будут соответствовать 15 советским дивизиям, а намеченные для войны с СССР 24 дивизии будут более чем вдвое превосходить мощь оставшейся советской группировки войск»[150]. 24 дивизии и ранее называвшаяся цифра числа дивизий «22» — один порядок.

Насколько данные японской разведки о советских войсках, развернутых на Дальнем Востоке и в Сибири, которыми оперировал генеральный штаб армии Японии в своих расчетах, соответствовали действительности?

По состоянию на 22 июня 1941 г., группировка советских войск на Дальнем Востоке — Дальневосточный фронт (образован в июле 1940 г.) и Забайкальский военный округ — Забайкальский фронт (сформирован в сентябре 1941 г.) состояла из 23 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии, 8 танковых дивизий, 13 авиационных дивизий; трех стрелковых бригад, одной танковой бригады, 4 авиационных бригад, одной бригады ПВО, 13 укрепленных районов[151].

Личный состав дальневосточной группировки на 22 июня исчислялся в 703 714 человек. На ее вооружении состояло 10080 орудий и минометов; 3188 танков и самоходных артиллерийских установок; 4140 боевых самолетов и 94 боевых корабля (основных классов)[152]. В отдельных источниках встречается цифра 1935 боевых самолетов.

Мобилизация военнообязанных запаса на территории ЗабВО и ДВФ, а также приписанных в их части из территорий СибВО, САВО и УрВО, дабы не насторожить японцев, была специально объявлена на месяц позже с 22.07.41 Постановлением ГКО № 234сс:

«ВОПРОС НКО

1. Разрешить Народному Комиссариату Обороны призвать на Большие учебные сборы военнообязанных и осуществить поставку мехтранспорта, тары, лошадей, повозок и упряжи, приписанных (занаряженных) для частей и учреждений, развертывающихся по схеме оргразвертывания на территории Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа, а также ресурсов, занаряженных для этих округов с территории Сибирского, Уральского и Средне-Азиатского ВО.

2. Призыв на сборы и поставку произвести скрытым порядком в период с 22 июля по 2 августа 1941 г.».

Всего по 02.08.41 было мобилизовано почти 370 тысяч чел. из УрВО, СибВО, САВО, ЗабВО и ДВФ. После начала войны и объявления мобилизации стрелковые дивизии переходили уже на новый штат военного времени 04/400 (от 5.04.41 года).

В стрелковой дивизии РККА по штату военного времени 04/400 от 05.04.1941 г. содержалось 14 483 ч. На вооружении состояло: 392 ручных пу-

лемёта, 166 станковых пулемёта, 84 50-мм миномёта, 54 82-мм миномёта, 12 120-мм миномёта, 54 45-мм пушек, 18 76-мм полковых пушек, 16 76-мм дивизионных пушек, 32 122-мм гаубиц, 12 152-мм гаубиц, 24 7,62-мм комплексных зенитных пулемёта (счетверённая установка пулемётов Максим), 9 12,7-мм зенитных пулемёта, 8 37-мм зенитных пушек, 4 76-мм зенитных пушек, 16 плавающих танков, 13 бронеавтомашин, 558 различных автомобилей, 99 арттягачей и тракторов, 14 мотоциклов, 841 повозок, 3039 лошадей[153].

Штатная численность танковой дивизии РККА в 1941 г. исчислялась в 10942 человека; на ее вооружении находилось танков и самоходных артиллерийских установок 375; орудий полевой артиллерии — 28; минометов — 45; орудий противотанковой артиллерии и зенитной артиллерии по 12 единиц; автомашин 1360, 122 ручных пулеметов; 390 пистолетов-пулеметов 1528 самозарядных винтовок[154].

Чтобы утверждать о превосходстве японской пехотной дивизии над советской стрелковой дивизией следует сравнить штатную структуру мирного времени японской «стандартной» дивизии (о штатной структуре военного времени судить не представляется возможным, поэтому следует учитывать сделанное допущение) с советской стрелковой дивизией по штату военного времени 04/400 от 05.04.1941 г. Сравнение явно не в пользу японской пехотной дивизии. Если судить по штатной структуре дивизий, то советская стрелковая дивизия превосходит японскую пехотную дивизию по всем позициям или практически по всем. Даже, если сравнивать советскую стрелковую дивизию, развернутую по штатам военного времени 04/400, с японской пехотной дивизией типа «А» (численностью 29408 человек, вооруженными 10000 винтовок), то о преимуществе японцев также говорить не следует (сравнение гипотетическое, так как к июлю 1941 г. дивизии этого типа уже были расформированы или их расформирование завершалось).

Сравнение советской и японской дивизий велось только по их штатной структуре. Не учитывались такие факторы, как их укомплектованность, обеспеченность вооружением и техникой, выучка и слаженность личного состава, его боевой опыт, качество вооружения.

Поэтому 24 (22) японские пехотные дивизии, которыми предполагалось по скорректированным планам генерального штаба армии Японии развязать военные действия против Советского Союза никак не превосходили развернутых на Дальнем Востоке и Забайкальском военном округе 23 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии, 8 танковых дивизий, 13 авиационных дивизий, трех стрелковых бригад, одной танковой бригады, 4 авиационных бригад, одной бригады ПВО, 13 укрепленных районов.

Японскому командованию оставалось полагаться на «сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети» за счет их перебросок в европейскую часть СССР.

«По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля 1941 г., за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 % советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а

на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Это не позволяло японскому командованию рассчитывать на успех наступления силами лишь 24 дивизий»[155].

Как же обстояли дела с перебросками на самом деле? В связи с возрастанием угрозы агрессии со стороны фашистской Германии директивой Генерального штаба от 26 апреля 1941 года Дальневосточному фронту было приказано отправить на запад управление 31-го стрелкового корпуса, 2 стрелковые дивизии (21-ю и 66-ю) и 2 воздушно-десантные бригады (211-ю и 212-ю)[156]. Это была первая запланированная Генштабом крупная переброска войск с Дальнего Востока на запад страны. До войны в Киевский особый военный округ убыли управление стрелкового корпуса и две воздушно-десантные бригады. После начала войны в августе 1941 года на запад была отправлена указанная в директиве 21-я стрелковая дивизия, а 66-я стрелковая дивизия осталась в составе фронта.

9 мая 1941 г. было опубликовано опровержение ТАСС, текст которого был написан И. В. Сталиным: «Японские газеты публикуют сообщение агентства Домей Цусин из Нью- Йорка, в котором говорится, что, согласно телеграмме корреспондентов агентства Юнайтед Пресс из Риги, Советский Союз концентрирует крупные военные силы на западных границах. Дипломатические круги в Москве, заявляет агентство, также указывают, что концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. В связи с этим прекращено пассажирское движение по Сибирской железной дороге, т.к. войска с Дальнего Востока перебрасываются главным образом к западным границам. ... ТАСС уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое сообщение Домей Цусин, позаимствованное у неизвестного корреспондента Юнайтед Пресс, представляет плод большой фантазии его автора. ...»[157]. Учитывая незначительный характер переброс0к, не следует исключать, что само сообщение агентства Домей Цусин было инспирировано советской стороной. В этом случае, как сообщение японского агентства, так и последовавшее опровержение факта переброс0к, преследовали цель оказать сдерживающее влияние на военные приготовления Германии.

С июля по декабрь 1941 г. в европейскую часть Советского Союза из состава Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа (с сентября Забайкальского фронта) были переброшены 12 стрелковых, 5 танковых и одна моторизованная дивизии. Их средняя укомплектованность достигала почти 92% штатной численности: около 123 тыс. солдат и офицеров, почти 2200 орудий и миномётов, более 2200 лёгких танков, 12 тыс. автомашин и 1,5 тыс. тракторов и тягачей[158]. Представляется более корректной другая приводимая цифра общего количества переброшенных дивизий во второй половине 1941 года — 16 дивизий, в том числе три танковых, одна моторизованная и 12 стрелковых дивизий[159]. В первые три месяца Великой Отечественной войны переброски с Дальнего Востока на советско-германский фронт не носили массового характера: две дивизии в июле (59 тд, 69 тд), две дивизии в августе-сентябре (21 сд, 26 сд) и две дивизии в сентябре (32 сд, 114 сд.). Из шести переброшенных дивизий, пять стрелковых дивизий входили в состав Дальневосточного фронта. Одновременно происходило формирование новых соединений.

Таким образом, речи не шло о переброске в первые три недели после начала войны с Дальнего Востока на Запад «лишь 17 % советских дивизий, а

механизированных частей — около одной трети». Однако, даже эти чрезвычайно завышенные цифры остановили японский генеральный штаб армии от развязывания войны с Советским Союзом.

Стратегический просчет генерального штаба армии Японии состоял в том, что за первую половину 1941г. не было сформировано **ни одной дивизии**. С июля 41-го была сформирована лишь одна дивизия. 300 из 500 тысяч рекрутов, призванных в ходе скрытой мобилизации, были направлены на доведение численности дивизий выше штатов мирного времени, на формирование штабов армий и фронтовых управлений, формирование отдельных бригад, а также отдельных частей армейского, а, возможно, и фронтового подчинения. Все эти мероприятия были необходимы, но явно недостаточны.

Чем объясняется такой стратегический просчет японского военного руководства?

Находившаяся летом 1941 г. в Китае японская экспедиционная армия занимала часть Северного и Центрального Китая, а также плацдармы на южнокитайском побережье. «... японцы захватили почти все торгово-промышленные центры на побережье, основную сеть железных дорог и основные водные коммуникации. Из 9597 тыс. кв. км территории Китая японцами было оккупировано около 22%, на которых проживало 42,5% населения. Это значит, что на территории "свободного" Китая оставалось 270 млн. человек (исходя из общей численности населения Китая в 470 млн. человек)»[160]. Японская экспедиционная армия состояла из группы армий и трех отдельных армий. В Северном Китае действовала группа армий (1-я, 12-я и монгольская армии), в Центральном Китае — 11-я и 13-я армии; 23-я отдельная армия была развернута в Южном Китае. Численность японской армии в Китае к концу 1940 г. составила 1 120 тыс. человек[161]. Немалую военную силу, использовавшуюся Японией в своих интересах, представляла армия правительства Ван Цзинвэя. Она насчитывала 39 пехотных дивизий — около 550 тыс. солдат и офицеров и 736 орудий»[162].

Японским войскам и «национальной» армии Нанкина противостояли вооруженные силы гоминьдана и компартии Китая. В гоминьдановской армии в июне 1941 г. было около 2,3 млн. человек. Она состояла из 70 армий, включавших более 270 пехотных дивизий, из них свыше 100 дивизий несли гарнизонную службу в провинциях. К декабрю 1941 г. сухопутные войска Чан Кайши увеличились до 74 армий (свыше 290 пехотных дивизий) На их вооружении состояло 3157 орудий и минометов и около 200 самолетов. На фронте армию гоминьдана прикрывала авиагруппа США (92 самолета) 8-я и Новая 4-я армии Китая в июне 1941 г. вместе с партизанскими отрядами насчитывали 896 тыс. человек (в 8-й армии было 386 тыс., а в Новой 4-й — 210 тыс. человек). В партизанских отрядах, действовавших под руководством КПК, насчитывалось около 300 тыс. бойцов[163].

Япония ставила перед собой политическую цель: укрепить «национальное» правительство в Нанкине; оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского правительства, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции — реорганизация правительства Чан Кайши для формирования коалиции с «национальным» правительством, или склонение его к мирным переговорам; объединить все антикоммунистические силы Китая с тем, чтобы толкнуть их на войну против народных армий.

Одной из мер, способных побудить гоминьдан к фактической капитуляции, по мнению кабинета Коноэ, было признание Германией и Италией про-

японского марионеточного правительства Ван Цзинвэя. 4 июля 1941 г. Япония добилась этого дипломатического акта. Однако он вызвал столь бурное негодование прогрессивных сил Китая, что гоминьдановское правительство было вынуждено разорвать отношения с Германией и Италией. Но Чан Кайши стремился сохранить «открытыми» двери для восстановления отношений с Берлином и Римом[164].

Не ограничиваясь действиями по расколу национального антияпонского фронта в Китае, японское правительство предпринимало в тот период и ряд других шагов, чтобы показать гоминьдановскому руководству военную мощь Японии и вынудить его к капитуляции. С начала мая и до осени 1941 г. продолжались массированные воздушные удары по Чунцину и коммуникациям Западного Китая с целью ослабить волю китайского народа к сопротивлению и парализовать поставки чунцинскому правительству вооружения из-за границы, в том числе из Советского Союза[165].

Японское командование, пользуясь отсутствием единых действий гоминьдана с КПК и пассивностью их войск, летом 1941 г. предприняло ряд карательных операций: в июне — против Шаньдунского партизанского района, в июле — против партизанских баз Новой 4-й армии в районе Чжэньцзян, Ичжэн (северо-восточнее Нанкина) и в августе — против Шаньси-Чахар-Хэбэйского партизанского района.

Главной целью предпринятых во второй половине 1941 г. карательных операций японцев было уничтожение народных войск и партизанских районов на оккупированной китайской территории[166]. Однако желаемых результатов это не дало.

Борьба Китая против японской агрессии летом и осенью 1941 г. не отличалась активностью и решительностью. Это объяснялось рядом причин политического, экономического и военного характера. Основной из них было отсутствие действенного единого антияпонского фронта, не прекращавшаяся острая политическая, а порой и вооруженная борьба между силами, поддерживавшими гоминьдан и КПК.

Летом 1941 г. правительство Чан Кайши формально выступило с заявлением о сочувствии советскому народу, подвергшемуся гитлеровской агрессии, но на деле придерживалось политики лавирования и выжидания. Среди деятелей гоминьдана были и прояпонские элементы, склонные пойти на соглашение с Японией. Эти факторы сказывались на освободительной борьбе китайского народа.

Вместе с тем националистический курс некоторых лидеров КПК привел к тому, что боевая активность 8-й и Новой 4-й армий снизилась в тот самый период, когда усилилась угроза нападения Японии на СССР. Пассивность коммунистических войск обусловливалась позицией группы Мао Цзэдуна, который в своем выступлении перед слушателями партийной школы в Яньани в ноябре 1941 г. выдвинул следующую установку: «Ввиду наличия перемены международной обстановки, не благоприятствующей КПК, наша партия в настоящее время кроме всемерного расширения своих реальных сил должна избегать жертв для сохранения своих сил», то есть избегать активных боевых действий против японской армии.

Поэтому 8-я и Новая 4-я армии в течение второй половины 1941 г. не вели решительных операций против японских войск[167].

Однако, все вышеперечисленные обстоятельства и предпосылки для достижения японцами поставленных целей не дали желаемых результатов:

так и не удалось примирить правительства Чан Кайши и Ван Цзинвэя, так и не удалось подтолкнуть правительство Чунцина к капитуляции, так и не удалось нанести серьезное поражение народным армиям. А значит, японское командование могло использовать лишь малую часть своих экспедиционных сил для усиления группировки на севере — против СССР или на юге — против Великобритании и США. Все, что удалось «вытащить» из Китая, это — семь дивизий с учетом одной дивизии, переброшенной из Маньчжурии (на самом деле группировка японских войск в Китае уменьшилась только на шесть дивизий), и все. «Снять» большее количество дивизий означало — «обрушить» фронт в Китае. Рассчитывать на пассивность многомиллионной китайской армии и внутренние распри не приходилось, достаточно было вывести больше шести дивизий, чтобы китайский дракон пробудился.

Японское верховное командование внимательно отслеживало ход боевых действий на советско-германском фронте и состояние группировки советских войск на Дальнем Востоке, стремясь определить наиболее удобный момент для нападения на СССР. Об этом говорит документ, разосланный войскам в первых числах декабря 1941 г: «Для завершения проводимой непрерывной подготовки к операциям против Советского Союза не только Квантунская армия, но и каждая армия и соединения первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постепенно происходящими изменениями военного положения Советского Союза и Монголии, иметь возможность в любой момент установить истинное положение. Это особенно относится к настоящим условиям, когда все более и более возникает необходимость быстро установить признаки переломного момента в обстановке»[168].

В своей телеграмме от 3 июля 1941 г., адресованной в Берлин, германский посол Отт сообщил из Токио: «японское правительство не забывает о том, что усиление военных приготовлений проводится, помимо всего прочего... также для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в ее борьбе с Германией»[169].

Берлин высоко оценивал столь важную форму помощи Японии в войне против СССР. 15 мая 1942 г. в Токио германскому послу Отту была отправлена телеграмма за подписью Риббентропа:

«Послу лично.
Ответ на телеграмму от 6 мая №142

1. Если японские данные о русских вооруженных силах в Сибири точны и она [Япония] способна справиться с сопротивлением русских во Владивостоке и проникнуть в Сибирь в направлении озера Байкал, то такая операция будет иметь очень большое значение для дальнейшего развития войны.

2. Если Япония не располагает достаточными силами для успешного проведения подобной операции, то, естественно, ей лучше поддерживать нейтральные отношения с Советской Россией. Это даже облегчит труд, поскольку **Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта** (выделено мной. — *М.А.*). Прежде всего следует избегать каких-либо заверений русским со стороны Японии»[170].

В наиболее тяжелые периоды борьбы советского народа с фашистской Германией — во время битвы под Москвой в 41-м, летнего наступления не-

мецких войск на Кавказе и Волге в 1942 г., Сталинградской и Курской битв — в 1943 г., японские милитаристы сковывали на Дальнем Востоке крупную стратегическую группировку советских войск, чем оказывали активную и существенную помощь своему союзнику — Германии. Тем самым затягивалась Великая Отечественная война и Вторая мировая война в целом, множилось число жертв советского и других народов.

Международная обстановка после Второй мировой войны была неоднозначной и непредсказуемой. Формально антигитлеровская коалиция сохраняла своё существование. На практике же обнаруживались все более углублявшиеся противоречия между СССР и его западными союзниками. Нарастало коммунистическое влияние в странах Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, ширился рост влияния коммунистов и в Западной Европе. В Греции шла гражданская война между коммунистами и антикоммунистическими силами. Сталин претендовал на первенствующую роль, подчёркивая, что Советский Союз как главный победитель фашизма и наиболее пострадавший от него, имеет больше прав в решении вопросов послевоенного устройства, особенно в Европе и Азии. СССР предъявил территориальные претензии к Турции и затягивал вывод войск из Ирана.

Но наряду с этим произошли ряд событий, которые сильно осложнили международную обстановку и отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции.

5 сентября 1945 г. совершил предательство шифровальщик резидентуры советской военной разведки в Канаде Игорь Гузенко. Показания шифровальщика и свыше 100 документальных материалов, вынесенных им из резидентуры, представили масштабы советской разведывательной деятельности в Северной Америке, и в первую очередь по атомной проблематике. Этот факт нанес существенный ущерб международному авторитету Советского Союза.

На основании секретных документов, предоставленных Гузенко, канадские власти арестовывают как шпиона английского ученого, доктора Аллана Нанна Мэя. Его признания позволяют британским спецслужбам напасть на след Клауса Фукса… Всего по подозрению в шпионаже было арестованы десятки человек (часть из которых была позднее освобождена). Информация Гузенко способствовала, в том числе расшифровке советских шифров. Созданная по распоряжению канадского правительства Королевская комиссия по шпионажу, которая занималась расследованием дела Гузенко (кодовое название «Динамит»), в июне 1946 г. представила отчет о результатах своей деятельности на 733 страницах, в котором помимо прочего отмечалось, что «на международных конференциях Советский Союз выступает с заявлениями о мире и безопасности, а на деле втайне готовит третью мировую войну». «С прицелом на эту войну советское правительство создает и поддерживает в демократичных странах, в том числе и в Канаде, "пятую колонну", в состав которой входят даже советские дипломатические представители… Вместо благодарности за оказанную во время войны помощь Советский Союз ведет активную разведывательную деятельность на территории Канады и готовится нанести этой стране предательский удар в спину».

5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже (г. Фултон, штат Миссури, США) Уинстон Черчилль произнес речь, положив тем самым, как принято считать, начало «холодной войне»: «Сегодня на сцену послевоенной жизни, еще совсем недавно сиявшую в ярком свете союзнической победы, легла

черная тень. Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру. ...

Я не верю, что Советская Россия хочет новой войны. Скорее, она хочет, чтобы ей досталось побольше плодов прошлой войны, и чтобы она могла бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии....

Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. ... Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было померяться с нами силами» [171].

В ноябре 1945 года в ФБР с повинной пришла Элизабет Бентли, завербованная НКВД в 1938 г. Правая рука советского агента Якова Голоса (с 1940 г.), создавшего с помощью американской компартии самую крупную разведывательную сеть ОГПУ-НКВД-НКГБ в США. После его смерти в 1943 г. Бентли фактически стала руководить созданной Голосом агентурной сетью. Большинство контактов Элизабет Бентли были в среде экономистов и государственных чиновников, которых впоследствии назовут Silvermaster group — группа Сильвермастера. Смерть Голоса негативно повлияла на Элизабет Бентли — она стала страдать от приступов депрессии, появились проблемы с алкоголем. К концу декабря 1944 г. Бентли против ее воли изолировали от контактов с агентурной сетью, что еще больше усугубило ситуацию.

В ФБР Бентли назвала свыше 150 имен советских агентов, 37 из них оказались высокопоставленными чиновниками в различных министерствах и ведомствах. Она согласилась поработать двойным агентом. Однако игра, затеянная Гувером, не получила своего развития. Далее для Бентли настала череда разбирательств — она предстала по настоянию Генерального прокурора США Тома Кларка перед Большим жюри, подробности её деятельности стали просачиваться в прессу, в июле 1948 года она встретилась с корреспондентами газеты New York World-Telegram, которая написала о ней. 31 июля 1948 года она предстала перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Дело Элизабет Бентли получило широкий резонанс в американском обществе.

Верховный главнокомандующий сил союзников генерал Дуглас Макартур считал «русских» «главным врагом». «Для него Япония — это, прежде всего, воздушная база, откуда наши бомбардировщики могут достигать любого пункта Сибири... Он разделяет убеждение генерала Феллерса (ближайший помощник Макартура. — Прим. авт.), что конфликт между "монголо-славянскими ордами Востока и цивилизованными народами Запада будет разрешен на поле боя"», — писал американский журналист, проведший в Японии первые годы оккупации США[172].

Бригадный генерал Чарльз Эндрю Уиллоуби (Charles Andrew Willoughby), возглавлявший разведотдел (G-2) штаба Верховного главнокомандующего, сосредотачивает свои усилия на решении контрразведывательных задач в русле антикоммунистических, антисоветских взглядов Макартура, которые он полностью разделяет. С этой целью в рамках разведотдела создается

контрразведывательное подразделение «Сивил интеллидженс сэрвис». Основная задача, стоявшая перед разведотделом в целом и перед новым подразделением, в частности — сбор информации о военных преступлениях японской армии. Однако Уиллоуби выходит за рамки поставленной задачи. Так, по его указанию расследуется деятельность японских репатриантов из советских лагерей для военнопленных. Основанием для этого расследования является предположение, что в числе возвращавшихся на родину были и коммунисты, отправленные обратно советскими властями, чтобы «сформировать ядро японской Коммунистической партии». Массовая репатриация пленных японцев началась в октябре 1946 года. Проводилась она в два этапа, первый из которых пришёлся на осень 1946 года и весну 1947 года. Сотрудники контрразведывательного подразделения разыскивают бывших лидеров правых организаций, чинов тайной полиции и жандармерии, с последующей вербовкой части из них.

На основании разысканного американцами экземпляра секретного доклада по «делу Зорге», опубликованного министерством юстиции Японии в апреле 1942 г., подполковник Дэвис из «Сивил интеллидженс сэрвис» уже к началу 1946 г. подготовил сообщение, которое озаглавил «Шпионская группа Зорге. Расследование международного шпионажа на Дальнем Востоке», и представил его в штаб Макартура. Отдельные части этого сообщения были тотчас же направлены в Вашингтон.

Несколько позднее доклад Дэвиса был переработан и дополнен другим сотрудником того же контрразведывательного подразделения отдела — д-ром Ноблом и 15 декабря 1947 г. опубликован секретным органом разведотдела штаба оккупационных войск США «Сивил интеллидженс сэкшн периодикал саммари». Одновременно генерал Уиллоуби представил его в Пентагон.

В октябре этого же года Уиллоуби направил доклад о «шпионской сети» Рихарда Зорге, утверждая, что американка Агнес Смедли, была членом этой организации. В апреле 1948 года, Эдгар Гувер, бессменный директор ФБР, ознакомившись с 64-страничным докладом Уиллоуби, заявил: совершенно очевидно, что автор доклада руководствуется мотивами в ущерб фактам относительно деятельности организации Зорге. Говоря о мотивах, Гувер имел в виду антикоммунизм Уиллоуби.

Соединенные Штаты вступали в период политической реакции 1950-1954-х годов, получивший в США название эпохи «охоты на ведьм», эпохи маккартизма (McCarthyism) [173] — политического течения, направленного против левых и либеральных деятелей и организаций.

Изначально речь шла о переформатировании американского общественного мнения, в целом характеризовавшегося весьма дружелюбным настроем по отношению к СССР после совместной борьбы двух народов с фашизмом, то есть о смене парадигмы восприятия СССР с «друга» на «врага». Раздражение в Вашингтоне явно нарастало по мере «неуступчивости» Сталина, что грозило срывом послевоенных планов США по установлению мирового лидерства и ущемлению советских интересов. Холодная война набирала обороты.

Два исторических события вызвали особенно болезненную реакцию, породив у элиты США острое желание вытравить из общественного сознания американцев симпатии к СССР и советским людям. Первым из них явилось

испытание в СССР в августе 1949 года атомной бомбы. Это положило конец американской ядерной монополии, с которой в Вашингтоне связывали такие большие надежды на управление миром. А вторым, произошедшим в том же 1949 году, стало поражение в Китае американского ставленника Чан Кайши и победа там коммунистов (1 октября 1949 г. в Пекине Мао Цзэдуном была провозглашена Китайская Народная Республика), вызвавшая шок в США и желание отыскать «предателей и виновных» в этом крупнейшем провале со времен Пёрл-Харбора. Во всяком случае повод для поисков врага был найден.

Американцам было трудно поверить, что «потеря Китая» не связана с чьей-то «злой волей». Они задавались вопросами: Как получилось, что мы потеряли Китай? Почему потерпел поражение американский союзник Чан Кайши? Чем объясняется победа коммунистов? Когда началось сотрудничество Мао Цзэдуна с Москвой, и кто стоял у его истоков?

Антикоммунистическая деятельность Уиллоуби как нельзя больше соответствовала новому внутри- и внешнеполитическому курсу страны, она давала аргументы в пользу проведения этого курса и более того содержала ответы на задаваемые вопросы.

10 февраля 1949 г. «армия США», использовала отчет Уиллоуби для обвинения Агнес Смедли, что она являлась членом «шпионской организации» Зорге. Однако, уже 18 февраля 1949 года, «армия США» публично извинилась перед Смедли и сняла свои обвинения. Это унижение заставило Уиллоуби еще больше времени уделять «делу» Зорге. Атака Уиллоуби на Смедли имела еще один «положительный» эффект — он привлек внимание американских СМИ и общественности к угрозе, которую представляет для страны коммунистический шпионаж.

В этом же 1949 г. специальный доклад Чарльза Уиллоуби и его команды о коммунистической разведывательной деятельности на Дальнем Востоке — «Шпионская сеть Зорге. Расследование по делу международного шпионажа на Дальнем Востоке» («The Sorge Spy Ring: A Case Study in International Espionage in the Far East», report, Congressional Record Appendix, 81st Cong., 1st sess. (1949), vol. 95, pt. 12: A707) был представлен конгрессу США.

Материалы специального доклада Уиллоуби легли в основу его книги о разведывательной деятельности Зорге «Шанхайский заговор: шпионская сеть Зорге», изданной в 1952 г. в Соединенных Штатах (Shanghai Conspiracy: The Sorge Spy Ring. Boston: Western, 1952).

Более, чем странное название для книги о человеке, деятельность которого связывают прежде всего с Японией. Однако тогда всеобщее внимание было приковано к Китаю. В этих условиях иного названия у книги просто быть не могло. И именно на этот аспект основное внимание обратил в своей книге отставной генерал. Именно этому изначально было посвящено расследование, начатое Уиллоуби и его подчиненными и продолжавшееся несколько лет.

Высокую оценку книге, носившей явный антикоммунистический характер, дал генерал армии Дуглас Макартур, который написал в предисловии: «Книга генерала Уиллоуби "Шанхайский заговор", которая включает рассказ о Рихарде Зорге, имеет особо важное значение, так как она четко обрисовывает образец всемирного коммунистического саботажа и предательства, которые проводятся и в наши дни».

В своей книге Уиллоуби отдает должное Зорге, подчеркивая, что в истории, пожалуй, не было сети более смелой и успешной, но при этом он неод-

нократно обращает особое внимание на необходимость бдительности западного общества. В частности, он пишет: «Хотя работа доктора Рихарда Зорге и его соратников принадлежит истории, методы их работы должны служить ясным предупреждением сегодняшнему дню и будущему».

Следует подчеркнуть, что она написана специалистом в разведке, а не писателем художественных произведений и это очень важно. Невзирая на свой махровый антикоммунизм, книга Уиллоуби содержит определенный фактический материал, относящийся именно к оперативной деятельности разведывательной сети, созданной Зорге. Эта первая наиболее полная публикация, отмечает исследователь Ю.А. Кузнецов, привлекла внимание к личности Зорге во многих странах мира, а ее содержание во многом послужило основой для написания произведений о Зорге западными авторами, но уже в стиле «шпионских романов и повестей» со всеми атрибутами, вызывающими сенсацию.

С 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года в Токио проходил суд над японскими военными преступниками — Международный военный трибунал для Дальнего Востока. На скамье подсудимых оказались японские военные, политики и дипломаты, в том числе и генеральских званий.

Два дня, 28 и 29 января 1948 года, за свидетельским пультом Международного трибунала в Токио стоял свидетель обвинения подполковник Фриц фон Петерсдорф. Его разыскали в одном из лагерей немецких военнопленных в Советском Союзе и привезли в Токио для того, чтобы он дал показания о сотрудничестве военных ведомств Германии и Японии. В 1938 году он сменил майора Шолль на посту помощника военного атташе посольства Германии в Токио и оставался на этой должности до января 1943 года. Одной из задач, стоявших перед Петерсдорфом, являлись контакты с японским генштабом — с 16-м (германским) отделением 2-го отдела генерального штаба армии — и получение сведений о силах Красной Армии, о дислокации частей РККА на Дальнем Востоке, о военном и экономическом потенциале СССР. Вся эта информация передавалась в германское отделение из русского отделения 2-го отдела на основании донесений, поступавших в генштаб от японского военного атташе в Москве, и из других источников.

В начале 1943-го подполковника отозвали в Германию и отправили на Восточный фронт, где он и попал в плен. Бывший офицер вермахта был откровенен в своих показаниях, рассказывая сотрудникам военной контрразведки и о сотрудничестве с японским генштабом по вопросам обмена разведывательной информацией, и о контактах с немецким журналистом Рихардом Зорге, которого он хорошо знал несколько лет.

Бывший помощник германского военного атташе в Токио Петерсдорф подтвердил систематическое получение секретной военной информации о Советской Армии от японского генштаба («приблизительно раз в месяц»). Эта информация немедленно передавалась в Берлин.

«Каково было содержание информации? Петерсдорф говорит:

— Я получал всю военную информацию о русской дальневосточной армии, а именно: дислокация войск, их численность, воинские перевозки, а также подробности о резервах, о продвижении советских войск на европейском фронте, а также данные о военной промышленности в Советском Союзе.

Петерсдорф подтвердил, что эти сведения, безусловно, выходят за пределы тех данных, которые военные атташе могут добыть легальными путями.

Он признал, что эти сведения имели важное значение для германской армии, что они были использованы в военных операциях против Советского Союза.

На вопрос советского обвинителя Васильева Петерсдорф ответил, что сфера японского шпионажа не ограничивалась Дальним Востоком:

— В 1942 году мы получили точную информацию о переброске русских войск из района Хабаровска на русско-германский фронт. Это была точная информация о русских авиационных частях, а также о численности вооруженных сил. В июне 1942 года была получена точная информация о концентрации войск в районе западнее Тамбова и в районе Сталинграда... Я был в японском генеральном штабе более трехсот раз, и я передавал в Германию, в немецкий генеральный штаб, информацию, которую получал там. Когда в 1943 году я вернулся в Германию, то доложил о себе начальнику атташата Шугардту. И он сообщил мне, что информация, которую я получал, занимая свой пост, имела большое значение для немецкого генерального штаба. Он заявил также, что на основе этой информации были предприняты некоторые действия в отношении русской армии»[174].

В ходе предварительного рассмотрения дела в суде Петерсдорф дал показания, в том числе и об информации, получаемой им и в целом германским посольством от журналиста Рихарда Зорге. Эти показания, судя по всему, были спровоцированы вопросами американского адвоката, который проявил осведомленность благодаря данным полученным «по делу Зорге» от Уиллоуби. Показания бывшего помощника военного атташе были оформлены документом, который весьма приблизительно соответствовал данному ему названию — аффидевит — в праве Великобритании и США письменное показание или заявление лица выступающего в роли свидетеля, которое при невозможности (затруднительности) его личной явки, даётся под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

Первоначальный вариант «аффидевита» по настоянию советского обвинения подвергся кардинальной правке, и из него было изъято все, что касалось Рихарда Зорге и его резидентуры — советское обвинение представило в качестве доказательства только ту часть показаний свидетеля, которая касается сведений, полученных им из японского генштаба.

Советские представители, участвовавшие в работе трибунала, делали все возможное, чтобы деятельность разведки на Дальнем Востоке не всплыла наружу, и информация об этой деятельности не попала в протоколы заседаний Трибунала. Малейшие попытки защиты упомянуть фамилию советского разведчика Зорге и, как следствие, привлечь внимание суда к деятельности советской военной разведки в Японии, встречали упорное сопротивление советского обвинения.

Антикоммунист Уиллоуби «приложил руку» и к выработке линии поведения в ходе перекрестного допроса Петерсдорфа в последующем американским адвокатом Каннингэмом, защищавшим генерала Осима Хироси, военного, разведчика, дипломата (посол Японии в Германии с февраля 1941 по май 1945), приговоренного к пожизненному заключению.

Первоначальный вариант «аффидевита» был известен Каннингэму. Последний пытался доказать, что жизненно важная информация о Квантунской армии попадала в Берлин в основном через Зорге, а не через японские источники, такие как его клиент — генерал Осима.

Петерсдорф закончил давать показания и в соответствии с процедурой Международного трибунала начался его перекрестный допрос. Вопросы задавал американский адвокат Каннингэм.

«**Вопрос**. Вы говорите, что в процессе сбора информации Вы получали ее не только из японского генштаба, а также в различные периоды получали информацию о численности Квантунской армии от немецкого корреспондента Рихарда Зорге?

Фамилия Зорге была произнесена, и генерал Васильев сразу же вступает в юридическую схватку.

Генерал Васильев. Господину Каннингэму хорошо известно, что эта часть аффидевита вычеркнута, и поэтому я возражаю против данного вопроса.

Председатель. Осталось ли в аффидевите что-нибудь, что может оправдать постановку такого вопроса? В этом сейчас все дело.

Генерал Васильев. Нет, в аффидевите не осталось ничего такого…

Но Каннингэм продолжал настаивать на том, что для суда очень важно выяснить, откуда в германское посольство поступала информация, которая потом отправлялась в Берлин. Он утверждал, что Петерсдорф и германский посол Отт получали информацию из одного источника, и хотел добиться того, чтобы суд признал этим источником советского разведчика Рихарда Зорге. Защитник ссылается на один из предыдущих протоколов допроса свидетеля.

Вопрос. Знаете ли Вы, какова была численность Квантунской армии в различные периоды времени?

Ответ. Да, знаю.

Вопрос. Из какого источника Вы это узнали?

Ответ. Частично от японского генштаба, а также от немецкого корреспондента Рихарда Зорге, от которого мы получали точные сведения о численности дивизий Квантунской армии, а также о номерах некоторых из них. Из немецкой миссии в Маньчжурии мы также получали некоторые сведения относительно численности Квантунской армии.

Вопрос. Были ли эти вопросы заданы Вам и дали ли Вы на них эти ответы на допросе 12 мая 1947 года?

Ответ. Да.

Вопрос. Теперь, что касается немецкого корреспондента Рихарда Зорге, от которого Вы получали «точные сведения о числе дивизий Квантунской армии, а также о номерах некоторых из них», какой пост занимал Рихард Зорге в немецком посольстве в то время?

Опять с возражением выступил генерал Васильев, утверждая, что вопрос выходит за рамки аффидевита и не имеет никакого отношения к вопросам, разбирающимся в суде. Генерал также заявил, что сведения о численности Квантунской армии, полученные Петерсдорфом, настолько неполны и недостоверны, что эта часть его аффидевита была вычеркнута. … Но, очевидно, возражения генерала были для председателя недостаточно убедительными. Он отклонил возражения и разрешил свидетелю ответить на вопрос защиты.

Ответ. Зорге был корреспондентом немецкой газеты и не занимал никакого официального поста в немецком посольстве.

Вопрос. Не давали ли Вы какие-либо из Ваших докладов господину Зорге перед тем, как посылали их в Германию или представляли Вашему военному атташе? Доверяли ли Вы ему?

Васильев возражает, утверждая, что вопрос не имеет никакой связи с аффидевитом свидетеля и нарушает все правила, установленные Трибуналом в отношении перекрестных допросов. Председатель отклоняет вопрос защиты. Каннингэм, ссылаясь на американский меморандум, задает Петерсдорфу вопрос, был ли Зорге сотрудником немецкого посольства. Подполковник категорически отрицает это. Тогда защитник заходит с другого конца, почерпнув эту информацию, очевидно, тоже из меморандума. ...

Вопрос. Помните ли Вы, что по утрам, после того как Зорге выпускал пресс-бюллетень о ходе войны в Европе, он в большинстве случаев завтракал вместе с послом?

Председатель Генерал Васильев.

Генерал Васильев. Я возражаю против этого вопроса. Этот вопрос делает честь настойчивости господина Каннингэма, однако он не имеет никакого отношения к делу.

Председатель. Да, это тот же самый тип вопроса. Возражение поддерживается, и вопрос отклоняется.

Вопрос. Помните ли Вы...

Но здесь терпение лопнуло даже у флегматичного председателя Трибунала. ...

Председатель. Должен же быть когда-нибудь предел этому. Господин Каннингэм, мы все еще контролируем действия суда и будем заниматься этим и впредь. Свидетель несколько раз отрицал очень настоятельно предъявленные ему заявления, и, мне кажется, нет необходимости продолжать дальше эту так называемую проверку памяти свидетеля.

Каннингэм. Ваша честь, свидетель уже показал в Москве, что одним из источников получаемых им сведений был Рихард Зорге, через которого этот свидетель получал свои сведения, и через которого получал информацию также посол Отт, и которому посол Отт показывал телеграммы, присылавшиеся из Германии, и советовался с ним, был самым отъявленным русским шпионом в истории, одним из таких шпионов. Это все, что я хотел сказать...»[175].

Дикин и Стори дают совершенно иной вариант (точнее вариант перевода) заявления Каннингэма на этот счет: «М-р Куннингэм: Мне бы хотелось показать, будь у меня такая возможность, что Ричард Зорге, через которого этот свидетель получал информацию, и через которого посол Отт получал всю свою информацию, и которому посол Отт показывал телеграммы из Германии, и от кого посол Отт получал советы, был самым знаменитым шпионом — одним из многих в русской истории»[176].

«Утреннее заседание 29 января началось с продолжения допроса Петерсдорфа. Защитник задает уже набивший оскомину вопрос: "Господин свидетель, Вы можете нам сказать, какую информацию Вы получали от Зорге относительно Квантунской армии?" Здесь уже разъяснения пришлось давать генералу Васильеву: "... Мне кажется, что я должен объяснить, что мы не обвиняем германское посольство в том, что оно передавало информацию, полученную из японских источников. Но мы обвиняем руководителей японского правительства, которые представляли эту информацию германскому посольству. Поэтому трибунал не может интересовать, какие источники кроме японского правительства использовало германское посольство, и мы говорим сейчас только о японском генштабе". После обсуждения судьи отклоняют и этот вопрос защиты.

«... Следующий вопрос защитника: "Господин свидетель, Вы показали, что часть сведений Вы получали от господина Зорге. По указанию каких сотрудников германского посольства господин Зорге собирал информацию?" И этот вопрос отклоняется Трибуналом как не относящийся к делу. Третий вопрос защитника: "Помните ли Вы ту дату, когда Рихард Зорге прекратил предоставление информации военному атташе и Вам лично...?" ...

Вопрос к свидетелю: "Когда Вы узнали о том, что Рихард Зорге был русским шпионом?" Трибунал отклоняет вопрос»[177].

«Генерал Васильев был категорически против допроса: "В таком виде это попытка оскорбить страну, представленную на этом трибунале... Трибунал пока не установил факт, был ли Зорге русским шпионом или каким-то другим шпионом, и потому советник защиты Каннингэм не имеет права утверждать это". Председатель колебался по вопросу о якобы оскорблении, сомневаясь при этом, мог ли советник защиты доказать свое утверждение. Каннингэм торопливо воскликнул, что никакого оскорбления он наносить не собирался, но что "судьба трех народов в огромной степени зависела от той информации, которую Рихард Зорге получал в германском посольстве"»[178].

Очередной вопрос защитника свидетелю: ««Известно ли Вам, что посол Отт был освобожден от своего поста в Японии по той причине, что он был замешан в деле Рихарда Зорге?» И этот вопрос отклоняется как не относящийся к делу. Тогда Каннингэм пытается зайти с другого конца, задавая по сути дела тот же самый вопрос: "... Известны ли Вам взаимоотношения, которые существовали между послом Оттом и Зорге после его ареста в 1941 году?" Поскольку вопросы, связанные с Зорге, продолжались, лорд Уэбб решил высказаться вполне откровенно. Вот заключительная выдержка из стенограммы заседания Трибунала.

Председатель. Этот вопрос о Зорге является совершенно второстепенным вопросом, который поднят, вероятно, для того, чтобы отнимать у нас время. Какое это имеет отношение к вопросам, разбираемым нами, или даже к вопросу о правдивости показаний данного свидетеля? Вы не показали этого.

Каннингэм. Ваша честь, я не хочу затягивать спор. Я лишь заявляю о том, что дальнейшее проведение перекрестного допроса покажет связь данного свидетеля с Одзаки Ходзуми, Бранко Вукелич, а также с японцем по фамилии Мияги.

Председатель. Я хотел бы знать, желает ли большинство Трибунала заниматься разбором вопросов о шпионской деятельности в Токио, или же оно намеревается ограничиться разбором вопросов, изложенных в обвинительном заключении? Мы сделаем перерыв для того, чтобы установить точку зрения большинства судей по этому вопросу, и я с готовностью подчинюсь любому решению большинства.

Лорд Уэбб не был лишен юмора. Объявили перерыв, и судьи ушли в судейскую комнату совещаться. Совещались пятьдесят минут. Мнение было единодушным. Всем надоела возня защитника вокруг имени советского разведчика, и на его дальнейших попытках увести Трибунал в сторону решили поставить точку. После перерыва выступление председателя Трибунала.

Председатель. Точка зрения большинства членов Трибунала сводится к следующему. Показания и прямой допрос свидетеля имели своей целью показать сотрудничество между Японией и Германией. Точность или неточность информации, на которой основано было это сотрудничество, а также источ-

ник этой информации являются чисто второстепенными вопросами, разбором которых мы не имеем права заниматься. Мы решили запретить дальнейший перекрестный допрос по этим второстепенным вопросам»[179].

Юридический поединок в Токио закончился поражением американской защиты и генерала Уиллоуби. О Зорге и членах его группы больше не вспоминали, и их фамилии не появлялись в стенограмме заседаний Трибунала.

Генерал А.Н. Васильев в ходе заседаний Международного военного трибунала для Дальнего Востока успешно отводил любые вопросы и свидетельства, касавшиеся дела Зорге. СССР не готов был признать Рихарда Зорге — «Рамзая», «Инсона» советским разведчиком. Только в 1964 году Советский Союз официально заявил, что он вел разведывательную работу против Японии, присвоив своему разведчику в Токио звание Героя Советского Союза.

4.3. «... общее количество солдат японской армии в Маньчжурии теперь составляет не менее 700 тысяч человек»

(«Инсон» — Центру, 26 сентября 1941г.)

Следует остановиться на оценке японских вооруженных сил Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии, на вскрытых вероятных оперативных планах Японии по использованию своих сухопутных войск против Советского Союза, а также на информации, которую в этой связи давал Рихард Зорге.

О составе японской армии можно судить по Записке «об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы»[180] от 18.09.1940 г. Этот документ за подписью наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в единственном экземпляре был адресован в ЦК ВКП(б) — И.В. Сталину и В.М. Молотову.

В разделе «II. Вооруженные силы вероятных противников» говорится, в частности, следующее:

«... На Востоке — Япония, ведущая сейчас войну с Китаем, имеет в составе армии — 49 пех. дивизий, около 56 000 полев. орудий, до 1570 танков и танкеток, 3420 сухопутных и морских самолетов.

В случае войны в ближайшие годы Япония сможет увеличить свою армию до 63 пех. дивизий.

Для действий против СССР японское командование может выставить до 50 пех. дивизий, из коих до 30 пех. дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов (1500 сухопутных и 1500 морских) может быть сосредоточено к границам СССР в течение 25—30 дней.

Армия Маньчжоу-Го в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение»[181].

Как следует из приведенного документа, в какой-то степени была близка к действительной цифра общего количества дивизий — 49 единиц (вместо 50 в действительности), хотя эта цифра ни о чем не говорила и могла лишь привести к неправильным выводам. Что же касается оружия и боевой техники, состоявшей на вооружении армии и флота, то их количество было существенно завышено.

«Основами нашего стратегического развертывания на Востоке должны быть:

1. При всех обстоятельствах не допустить вторжения японцев в Приморье и обеспечить побережья Тихого океана, Охотского моря, Сахалина и Камчатки от возможных попыток японских войск высадить десант;

2. Пользуясь в начальный период войны превосходством сил и возможностью разгромить японцев по частям, немедленно, по окончании отмобилизования и сосредоточения войск, перейти в общее наступление, разгромить первый эшелон японских войск и выйти на фронт Таонань, Цицикар, Бэйаньчжень, Самсин, Боли, Дуннин. В дальнейшем иметь в виду действия по разгрому главных сил японской армии и по захвату Северной Маньчжурии.

При одновременной войне СССР на Западе и Востоке, для действий на Востоке предназначаются:

24 стрел. дивизии;

2 танковых дивизии;

4 мотострелковых дивизии;

8 танковых бригад;

4 кавалерийских дивизии;

44 полков авиации, а всего 5741 танков и танкеток и 3347 самолетов;

Амурская флотилия, Тихоокеанский флот и гарнизоны укрепленных районов.

Для удобства управления необходимо сохранить Дальневосточный фронт и развернуть из состава штаба и управлений ЗабВО — Забайкальский фронт».

Перед военно-воздушных силами, в случае нападения Японии на Советский Союз, ставились следующие задачи:

1. Уничтожение живой силы и укреплений противника во взаимодействии с войсками;

2. Уничтожение авиации противника;

3. Разрушение железнодорожных узлов Сыпинчай, Чанчунь, Цицикар, Харбин, Гирин, Мукден, Дзйо-Сампо, Лафачжан, Эхо и тоннелей для воспрещения воинских перевозок.

4. Совместно с Тихоокеанским флотом:

а) нанесение ударов по морским сообщениям японцев с островов в Северную Маньчжурию;

б) атака японского военно-морского флота, транспортов и десантов;

в) оказать содействие наземным войскам и флоту по обороне Камчатки и Сахалина;

5. истребительной авиацией прикрыть сосредоточение, развертывание и действие наших войск;

6. по особому указанию Главного Командования производить налеты на Японские острова. … ».

В последующем и последнем предвоенном документе уже цитируемом «Уточненном плане стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на западе и на востоке»[182] от 11 марта 1941 года, разработанном, в том числе и на основе разведывательных данных в Генеральном штабе отсутствует упоминание о составе японской армии в целом.

В разделе «I. Наши вероятные противники» «Уточненного плана» документа утверждается: «Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной

Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение».

Как следует из раздела «II. Вооруженные силы вероятных противников»: «На Востоке — Япония для войны может выставить против СССР до 60 пехотных дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов, из них до 30 пех. дивизий, и большая часть танков и артиллерии может быть сосредоточена к границам СССР в течение 25 — 30 дней.

Кроме японских войск, необходимо учитывать возможность использования против СССР войск Манчжоу-Го в составе 27 смешанных бригад, 1 кав. дивизии, 6 кав. бригад».

Странно, что второй документ по сравнению с первым по прошествии полугода увеличивает количество дивизий, которые Япония может выставить против Советского Союза с 50 до 60 дивизий, не меняя общего чрезвычайно завышенного количества боевой техники, якобы, стоящей на вооружении этих дивизий: 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий. Однако в обоих случаях сосредоточение 30 дивизий к границам СССР в течение 25-30 дней после сосредоточения.

В разделе «III. Вероятные оперативные планы противников» Уточненного плана 1941 г. констатируется следующее: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по западу, так и по востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает». И далее:

«Наиболее вероятными предположениями стратегического развертывания возможных противников могут быть:

...

На Востоке.

Вероятнее всего, японское командование ближайшей целью своих действий сухопутных и морских сил поставит овладение нашим Приморьем, в связи с чем предполагается следующая группировка японских сил в первый месяц войны:

— на Приморском направлении — 14-15 пехотных дивизий:

— на Сунгарийском направлении — до 3 пехотных дивизий;

— на Сахалинском направлении — до 3 пехотных дивизий;

— против Сахалина и в устье реки Амур — до 2 пехотных дивизий;

— против Забайкалья и МНР — 8-9 пехотных дивизий, главная группировка которых будет на Хайларском плато.

Остальные 30 японских дивизий и небольшие средства усиления могут быть подвезены в Северную Маньчжурию к концу второго месяца от начала сосредоточения. Необходимо также учитывать действия против наших восточных берегов и портов сильного морского флота противника».

Удивительным образом, при отсутствии «документальных данных» Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии дает картину достаточно близкую к планам нападения на Советский Союз, существовавшим на картах генерального штаба армии Японии (только на картах).

34 дивизиями японцы собирались воевать против Советского Союза (до июльских корректировок). Совершенно верно было вскрыто направления главного удара — советское Приморье. Близок к планируемому был вскрыт и выделяемых для этого состав сил — 14-15 дивизий (при 19 планируемых японцами дивизиях). Конечно, ни о каких 60 дивизиях, которые «могла» Япония «выставить» против СССР, речи не шло.

Для действий на Востоке против Японии, согласно «Уточненному плану» предусматривалось назначить:

«29 стрелковых дивизий (из них 6 моторизованных) с учетом трех из Сибири;

7 танковых дивизий;

1 кавалерийскую дивизию;

1 мотобронебригаду;

4 кавалерийские дивизии МНР;

1 бронебригаду МНР;

2-3 бригад авиадесант;

54 полка авиации».

Какие-либо уточнения по поводу «Основ нашего стратегического развертывания на Востоке» в «Уточненном плане» отсутствуют.

Напрашивается парадоксальный вывод. Существенное завышение Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии группировки японских войск в Маньчжурии, особенно в части вооружения, привело к тому, что советское командование было вынуждено держать на Дальнем Востоке мощную группировку и не спешить ее ослаблять перебросками. И этот факт умерил агрессивный пыл японского командования, даже, невзирая на то, что оно опиралось в своих выводах на данные разведки, дававшей преуменьшенную цифру числа советских соединений на Дальнем Востоке.

Военной разведке и в том числе Рихарду Зорге приходилось действовать в обстановке жонглирования цифрами числа дивизий на разных уровнях, когда не было окончательной ясности о действительном положении вещей. Причем речь не шла о целенаправленной дезинформации, в части воинских формирований, их численности, переброс к и т.д. У каждого источника была своя информация, отличавшаяся от других, и установить реальное положение вещей, о котором может быть знали единицы, но умалчивали по своим мотивам даже перед вышестоящими инстанциями, было крайне сложно. Отсюда и разброс в цифрах в поступавшей из Токио информации.

И, тем не менее, в этой сложной обстановке Зорге удавалась отслеживать происходившие процессы в армии. Более того, его количественная оценка числа дивизий японской армии, развернутых, в том числе и в Маньчжурии, их дислокация, поименное перечисление командующих дивизиями, достигнутые результаты в ходе проведенной мобилизации, были наиболее близки к тому, что существовало в действительности, а в ряде случаев и полностью соответствовали реальному состоянию вещей. Однако, информация Зорге, особенно в части общего количества дивизий, развернутых на советских границах на Дальнем Востоке, не учитывалась при составлении Специальных сообщений и иных обобщающих документов Разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии, которое постоянно давало существенно завышенные данные по этому вопросу. Более того, эта информация в ряде случаев ставилась под сомнение.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ.
ТОКИО, 8 января 1941 года.

Джо, Микки и работники германского военного атташе в Токио утверждают, что реорганизация за последние годы всех пехотных дивизий в диви-

зии 3-х полкового состава уже закончена. Так называемые отдельные бригады в Китае все же сохранены в силу местных условий в Китае, ввиду необходимости охраны железных дорог и захваченных районов.

В самой Японии отдельных бригад не имеется. Что касается номеров новых дивизии, ничего, кроме того, что сообщили месяц назад, мы не установили, будем делать все необходимое.

Факт, что дивизия Коноэ в Токио послала трех полковые дивизии в Южный Китай и Индо-Китай, но неизвестно — имеют ли они новые номера или являются временными дивизиями.

Военный атташе рассказал, что на юге имеются 7 дивизий и 1 бригада. Джо и Микки насчитывают 9 дивизий и 2 бригады, включая 2 формозские дивизии, 2 отдельные бригады, о которых упомянуто выше, организованы из старой 14 гарнизонной дивизии и первой дивизии в Токио.

№ № 141, 142. РАМЗАЙ.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: т. Дубинину
НО.3

Г[ОЛИКОВ]

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Это важно установить точно!

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: т. Воронину

Согласуйте с Инф., нужно ли дальше уточнять о 3 пд (трех полковых дивизиях. — Прим. авт.), посланных в Южн. и Индокитай от гв.див?

П[ОПОВ] 11/I.41».

«Джо» — Мияги Ётоку, «Мики» — Косиро Ёсинобу.

«Дивизия Коноэ» — императорская гвардейская дивизия (Коное Shidan) — насчитывала 13 тысяч человек. В сентябре 1939 года Гвардейская дивизия была разделена на 1-ю и 2-ю гвардейские бригады, двухполкового состава каждая. В октябре 1940 г. 1-я гвардейская бригада была направлена во Французский Индокитай, а 2-я гвардейская бригада в этом же году была направлена в Китай (Шанхай). Из фразы шифртелеграммы Зорге «Факт, что дивизия Коноэ в Токио послала трех полковые дивизии в Южный Китай и Индо-Китай» следует, что на базе «дивизии Коноэ» были сформированы дивизии трех полкового состава, что, однако, не соответствует действительности (не исключено, что искажение было внесено Клаузеном при зашифровке текста, полученного от Зорге, и это искажение повторилось и в других донесениях).

По имеющимся данным, к концу 1941 года все японские пехотные дивизии были 3-х полкового состава (по 3 пехотных полка в каждой)[183]. Утверждать, что процесс реорганизации закончился только к концу 1941 г., а не на год раньше, как об этом докладывал Зорге, нет никаких оснований, равно, как и отрицать этот факт. Однако в «Разведывательной сводке по Востоку №1 за 1941 г. (Япония и Китай) Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии» по состоянию на 1 февраля, по-прежнему, утверждалось: «Известно, что в числе установленных сорока девяти пехотных дивизий к концу 1940 г. было двадцать семь дивизий четырех-полкового состава...»[184].

В начале февраля 1941 года Зорге со ссылкой на военного атташе Германии в Токио полковника Альфреда Кречмера дал группировку японских войск на материке:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 1 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Новый военный атташе Германии в Токио рассказал мне, что в Манчжурии имеется 10 дивизий, 1 моторизованная бригада и 1 кав. бригада; в Сев. Китае: 11 дивизий, 7 бригад, 1 моторизованная и 1 кав. бригада. В Центральном Китае: 14 дивизий и 1 бригада. В Южном Китае: 12 дивизий и 2 бригады.

В случае активизации на юге, в резерве должно быть около 12 дивизий, 2 моторизованные бригады и 1 кав. бригада. В Манчжурии имеется около 550 самолетов.

№ 61. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 12.30 4.2
Адресату.
Панфилову
Дубинину
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Переговорить о количестве яп. дивизий в Китае.
Откуда у него такие "данные"?
Г. 4.2.
НО-6
Доложите, что мы имеем о количестве дивизий?
Подпись».

По данным военного атташе на две дивизии был занижен состав Квантунской армии (10 дивизий вместо 12 соединений в действительности). Что же касается японской экспедиционной армии в Китае, то ее состав был завышен. Вместе с тем, практически точно была указано число дивизий, которые японцы собираются использовать в случае активизации на Юге — 12 дивизий вместо 11 дивизий, выделенных в ноябре 1941 г. для действий в Зоне Южных морей. Также точно было указано число самолетов Маньчжурии — 550 единиц.

14 февраля 1941 года «Рамзай» направил в Москву шифртелеграмму, составленную на основе документальных данных, полученных от Одзаки Ходзуми, работавшего советником в исследовательском отделе Токийского филиала Южно-Маньчжурской железнодорожной компании («Мантэцу»):

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Отто достал документ, который дает следующую дислокацию японских дивизий:

Дивизии Коное — на юге и в Индо-Китае.

В Маньчжурии: Первая дивизия- командующий Йокаяма Исаму. Вторая — Йосимото Теици, вернулась в Японию в конце 1940 года. Четвертая дивизия.

Седьмая дивизия — командующий Кунидзаки Нобуро, возвращается. Восьмая — командующий Хонда. Девятая дивизия — командующий Хигути Суэитиро, возвращается домой. Десятая дивизия — командующий Сасаки Таити. Одиннадцатая дивизия — командующий Усидзима Мицуро. Двенадцатая дивизия — командующий Кавабэ Сйодзо. Двадцать третья дивизия-командующий Иноуэ Масакити. Двадцать четвертая дивизия — командующий Куроива Ясикацу. Двадцать пятая дивизия — командующий Кавахара Сиро. Двадцать шестая дивизия — командующий Куродаси Генори. Двадцать восьмая дивизия — командующий Исикуро Тейцзо.

В Центральном Китае. Тридцатая дивизия под командованием Китано Кэнцзо. Шестая дивизия под командованием Мацидзиро Риоки. Тринадцатая дивизия под командованием Уцияма Эйтаро. Пятнадцатая дивизия под командованием Кумагаи Кейотит. Семнадцатая дивизия под командованием Хирабаси Морито. 22-я дивизия под командованием Цутибаси Кацудзи.

33-я дивизия под командованием Амагасу Сигэтаро.

34-я дивизия под командованием Сэки Камахару.

37-я дивизия под командованием Адаци Фумидзо.

39-я дивизия под командованием Мураками Кэйсаку.

40-я дивизия под командованием Ацзаяма Оцзиро.

Северный Китай. 21-я дивизия под командованием Танака Кюици. 27-я дивизия под командованием Томинага Нобумаса. 32-я дивизия под командованием Идэ Тануцзо. 35-я дивизия под командованием Харада Кумакоци. 36-я дивизия под командованием Исэ Кицзин. 41-я дивизия под командованием Танабэ Моританкэ.

Южный Китай. 5-я дивизия под командованием Мацуи /Мацуита/ Куро, часть в Индо-Китае. 18-я дивизия под командованием Хякутакэ Рейкици. 38-я дивизия под командованием Фуцзи Иодзи.

Корея. 19-я дивизия под командованием Камицуки Иосио. 20-я дивизия под командованием Сицида Ициро.

Дивизии, которые вернулись: 9-я дивизия под командованием Хигуци Суэитиро. 14-я дивизия под командованием Кита Суици, 16-я дивизия под командованием Исихара Кандзи.

Еще не организованные дивизии: 29,30,31, и 42-50.

51-я дивизия под командованием Уэно Канитиро.

52-я дивизия под командованием Кусабато Цуми. Место расположения 2-х дивизий не установлено.

53-я дивизия не организована.

На островах. 54-я дивизия под командованием Окияма Йосисукэ. 55-я дивизия под командованием Исимото Тораза. 56-я дивизия под командованием Ватанабэ Мато. 57-я дивизия под командованием Ито Тйоно.

Кроме вышеперечисленных дивизий 104 все еще находится на юге под командованием Комода Ясуити, 110-я в Северном Китае, под командованием Иде Мамори, 116-я в Центральном Китае под командованием Синохара Сэйитиро. Одна смешанная бригада Карафуто, под командованием Умоока Нитиро.

Японцы организуют армейские корпуса, состоящие из нескольких дивизий каждый. Такие корпуса имеются: 3-ий армейский корпус в Мудаосии около Мутиньчжень, под командованием генерал-лейтенанта Ятака Камэнцзо.

4-й корпус в Луньчжень, под командованием Васин Токухэй. 5-й корпус — в Тунган, под командованием Намита Сигэити, 6-й — в Харбине, под командованием Ясуи Тодзи,

В Китае: 1-й в Тайюане, под командованием Синохара Йосио. Одиннадцатый — в Ханькоу под командованием Сонобэ Кацзуитиро. Двенадцатый — в Цзинане, под командованием Есида Тейко, 13-й — в Шанхае, под командованием Савада Сигеру.

№. 72,73,74,75,76 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел: майор Сонин. 14.30 17.2
Адресату.
Панфилову.
Дубинину.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Обстоятельно доложить
об этих данных.

Г. 17.2.41.

НО-6
Нанести на карту и доложить.
Подпись.18.2
Исполнено.
Подпись. 20.2».

«ОЦЕНКА данным источника «Рамзая» по составу и дислокации частей японской армии (см. его шифртгр. № № . 72,73,74,75,76).

В целом данные соответствуют действительности и являются ценными. Нумерация дивизий и фамилии их командиров почти полностью совпадают с нашими данными. Нумерация армий также совпадает. Фамилии некоторых командиров даются впервые и в последнее время это подтверждено другими источниками.

Данные о наличии в составе яп. армии 51, 52, 54, 55, 56 и 57 дивизии поступают впервые и заслуживают внимания. Необходимо выяснить, когда и в каком дивизионном районе они сформированы.

Также необходимо установить нумерацию всех дивизий трех полкового состава. Проверить — вводится ли в состав пехотной роты пулеметный и противотанковые взводы.

Какие дивизии и бригады находятся на Хайнань и Формозе.

Нач. 6 отд. майор Воронцов

3.3.41».

Как уже отмечалось, фраза телеграммы «Японцы организуют армейские корпуса, состоящие из нескольких дивизий каждый. Такие корпуса имеются: 3-ий армейский корпус…4-й корпус…» у майора Воронцова Т.Ф не вызвала вопросов. Начальник 6-го (дальневосточного) отделения Информационного отдела РУ не сомневался, что **в сообщении Зорге об организации в Маньчжурии и Китае корпусов, речь шла об организации армий**. Иначе в оценке данных источника «Рамзая» не было бы фразы: «Нумерация армий также совпадает».

Фраза телеграммы «Дивизии Коное — на юге и в Индо-Китае» скорее свидетельствует о неправильности зашифровки первоначального текста — речь идет об императорской гвардейской дивизии (Коное Shidan), 1-я и 2-я гвардейские бригады которой находились во Французском Индокитае и Китае, соответственно.

Центр не признавал утверждения «Рамзая», что все японские пехотные дивизии уже переведены на трехполковой состав.

«Телеграмма № 1965/2237 от 03.03.1941г.
В Токио т. Рамзаю

Сведения Отто о дислокации яп. частей являются ценными. Источник заслуживает поощрения. Поставьте ему задачу 1) выяснить, когда и в каких дивизионных районах сформированы 51, 52,54,55,56 и 57 дивизии; 2) установить номера дивизий 3-х полкового состава; 3) проверить, вводится — ли в состав пехотных рот пулеметные и противотанковые взводы; 4) какие дивизии и бригады находятся на Хайнане и Формозе.

Организатор».

«Рамзай» счел нужным прокомментировать переданный материал, полученный от «Отто»:

«Примечания к материалу о дивизиях.

Этот материал исходит из местного Центрального Бюро Южно-маньчжурской жел. дорожной компании (выделено мной. — *М.А.*). Этот материал составлен по заказу одного из старших местных начальников и на основании тесных связей с японским штабом. По заявлению Отто, материал один из важнейших и хороших.

Но по поводу самого составления материала необходимо сделать следующие замечания:

Автор называет 8 дивизий, якобы, постоянно находящихся внутри страны. Но при этом он путает эти 8 дивизий с теми, которые до сих пор были на континенте и сейчас окончательно вернулись назад и с теми, что созданы вновь и сейчас находятся в стране. Наряду с возвратившимися 9, 14 и 16 дивизиями в стране находятся четыре новых, приведенные им как постоянно находящиеся в стране. Это относится к 54, 55, 56 и 57, что вместе представляет собой не 8, а 7 дивизий. Здесь, следовательно, автор допустил ошибку.

Но он сделал также и вторую ошибку. Кроме этих, находящихся внутри страны дивизий, все старые постоянные дивизии имеют постоянные гарнизоны внутри страны. Это значит, что к находящимся внутри страны дивизиям необходимо еще присчитать следующие дивизионные гарнизоны, которые в смысле состава и вооружения могут быть отнесены к более или менее совершенным соединения.

Усиленные гвардейские дивизии: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Следовательно, кроме приведенных автором старых и новых дивизий внутри страны находятся еще 12 дивизий (постоянных). То есть, кроме 34 дивизий, находящихся на континенте, внутри страны имеются 19 дивизий. Следовательно, в общей сложности в настоящее время существуют 53 дивизии.

Не следует, однако, допускать ошибку, считая, что сформированы также недостающие номера, как-то: 29, 30, 31, затем 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 53 и 54. Кроме того, безусловно, исчезнут еще три имеющиеся дивизии 104, 110, 116.

Следует рассчитывать, что будут организованы еще 11 новых дивизий, причем предполагается, что состав японской армии в будущем будет равен, по крайней мере, 64 дивизиям.

А так как в течение продолжительного времени проектируется создать несколько танковых дивизий, то общее количество дивизий должно будет равняться 70. Это предполагается к моменту окончания реорганизации армии.

Предполагается, что к концу этого года будет организовано 64 пехотных дивизии.

Развитие бронированных дивизий, безусловно, потребует длительного времени. Техническая сторона танкового оружия еще чрезвычайно отстала, чтобы иметь возможность быстро развиваться.

Рам. Февраль 1941 г.».

Сам комментарий свидетельствует о глубоком понимании Зорге проблемы и свободным владением материала. Общее количество дивизий в сухопутных войсках Японии в начале 1941 г. исчислялось 50-тью единицами, а не 53-мя, как настаивает «Рамзай». В его комментарии нашли отражения и планы-фантазии японского генерального штаба армии по развязыванию войны с Советским Союзом, что было невозможно без увеличения количества пехотных соединений. Зорге сообщает достоверную информацию по поводу формирования танковых дивизий, отмечая, что этот процесс еще не закончен. «Консервативность японского командования ярко проявилась в том, что первая бронетанковая дивизия была сформирована только в 1942 г.; в ходе войны было создано еще четыре таких дивизии»[185].

«Телеграмма № 1676/1932 от 24.02.1941г
В Токио т. Рамзаю

Сообщите:

1) Имеют ли место новые формирования танковых соединений в Японии, где и какие конкретно.

2) Какие танковые полки, бригады или дивизии Вам известны, фамилии командиров, дислокация этих частей.

Организатор».

11 апреля Зорге направляет очередную шифртелеграмму в Москву, в которой сообщает о направленном в Центр материале, полученном от Одзаки:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 апреля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Отто получил через свою контору основной материал, содержащий все перемещения, произведенные в японской армии за последнее время. В документе говорится о планах назначения Терауци, Сугияма и Хата фельдмаршалами и назначение Терауци генерал—губернатором Кореи.

В документе говорится, что новая 52-я пех. дивизия укомплектована в старом 9-м дивизионном округе, 53 пд — в 14-м, 54 пд — также в 14-м, 55 пд — в 11-м, 56 пд — 12-м и 57 пд — в 8-м дивизионном округе.

Материал будет передан Вашему человеку на очередной явке 26-го апреля.

№. 109 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 13.15 18.4
Перевел: Добровинский.
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ]: НО-3
[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1
Почему так долго нет от Юрия почты?
Материалы получить и выслать в Центр.

П[ОПОВ] 19/4.41».

«Юрий» — полковник И.В. Гущенко, военный атташе при посольстве СССР в Японии, резидент военной разведки под официальным прикрытием.

2 мая 1941 года из Токио поступает очередная информация о японской армии, в которой указываются различные источники получения этой информации:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 2 мая 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Получить точные данные о японской армии очень трудно. Даже германский ВАТ, который со мной очень откровенен, не может получить таких данных.

Полковник Сайго заявил, германскому ВАТ, что в Манчжурии имеется 12 японских дивизий и две дивизии, находящихся в распоряжении главного командования Квантунской армии. В Северном Китае — 7 дивизий, в Центральном Китае — 12 дивизий, в Южном Китае — 6 с половиной дивизий.

Сообщить, что-либо подробное относительно каждой дивизии в отдельности он отказался.

Материал, полученный от итальянского ВАТ еще бедней. Данные итальянских источников таковы: в Маньчжурии: 2,7,8,11,12,23,24*,32,35 и 103 пех. дивизии и две кав. дивизии.

В Северном Китае: 11,14,21,24*,25,26,27,36,37,108,109 и 115 пех. дивизии, одна кав. дивизия, одна моторизованная бригада и шесть других бригад. В Центральном Китае: 3,6,9,13,16,17,22,33,34,101,106,111,116 пех. дивизии и девять бригад.

В Южном Китае: 1,4,5,10,18,28,104 и 110 пех. дивизии, четыре дивизии не установленной нумерации и две бригады.

№. 117,118 РАМЗАЙ.

24* — дано в двух местах.
Расш. и перевел Малинников. 19.00 6.5
Адресату.
Панфилову, Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Доложить устно заключение по этим данным».

Полковник Сайго из военного министерства сообщил германскому военному атташе точные данные по поводу количества дивизий в Маньчжурии;

говоря о двух дивизиях, находящихся в распоряжении главного командования Квантунской армии, он, судя по всему, имел в виду две дивизии в Корее. Что же касается, числа пехотных дивизий, развернутых в Китае, то их общее количество было занижено на два соединения. Данные, полученные от итальянского военного атташе, были не достоверны — существенно завышены. Тем не менее, Зорге, владея реальными данными на этот счет, счел нужным сообщить в Центр полученную информацию от итальянского ВАТ.

Шаг за шагом Зорге отслеживает через свои источники изменение планов японского командования по использованию вооруженной силы:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 30 мая 1941 года
По телеграфу.

ВАТ и Джо узнали из Японского министерства иностранных дел, что две дивизии и одна мотобригада из Квантунской армии будут посланы в Шаньси. ВАТ получил доказательства из того же министерства, что японские войска на Формозе и Хайнани, вероятно, будут использованы в новом наступлении против Чунцина. Многие сотрудники Японского министерства иностранных дел желают закончить китайский конфликт путем военного наступления.

Помыслы о военном выступлении в районе южных морей более активно не фигурируют.

№. 33 РАМЗАЙ.

Расш. Лакучинов.
Перевел: Добровинский. 23.00 2.6.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
НО4
Дать с/сообщение Правительству о том,
какие силы японцы взяли из МЧГ и Кореи в
Китай после пакта.

Г. 3/VI».

Планы о переброске двух дивизий и «одной мотобригады» — смешанной механизированной бригады из состава Квантунской армии в Китай так и не были реализованы. Поэтому давать спецсообщение на этот счет было преждевременно.

«Телеграмма № 6696/7668 от 03.07.1941 г.
В Токио т. Икару

На ближайшей встрече с Инсоном или Изопом сообщите им, что мы срочно ожидаем их информаций по вопросам мероприятий правительства лоскутии (Японии — *М.А.*). На встрече постарайтесь получить устно всю информацию и срочите нам.

Организатор».

«Икар» — новый псевдоним Гущенко. «Инсон» и «Изоп» — новые псевдонимы Зорге и Клаузена, соответственно.

«Телеграмма № 6785/7770 от 04.07.1941г.
По радио через "Х13"
В Токио т. Инсону (Рамзаю)

Ожидаю больше информаций в отношении переброс Японских войск из собственной Японии и Китая к нашим границам.

Организатор».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 22 июля 1941 года
По телеграфу.

Инсон представил большой доклад на пленке.* Из доклада основными моментами является следующее*:

1. Япония считает, что СССР находится в затруднительном положении и в случае улучшения отношений Америки с СССР, последний может предоставить Америке Приморье и Сахалин.

Это допустить Япония не может, ибо на северном Сахалине получают в год до 700.000 тонн нефти, а если Япония получит разработки, то может получить нефти до 1.500.000 тонн, следовательно, Япония должна захватить эти районы.

2. По плану мобилизации рассчитывается призвать всего 5 миллионов человек. Первая очередь с 8 июля по 20 июля рассчитана на 2 миллиона. Призваны запасники первой очереди, прошедшие военную службу и не прошедшие действительной службы.

Призваны демобилизованные в прошлом году из экспедиционной армии в Китае.

Мобилизация по всей стране прошла по единой форме.

Призванные солдаты должны войти в состав корейской и маньчжурской армии.

№ 195 ИКАР**

[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Членам ГКО,
нач. ГШТ,
т. Мехлису.

23/VII АП[анфилов].

Генерал-майор Панфилов Алексей Павлович, исполняющий должность начальника Разведывательного управления Генштаба Красной Армии.

Как впоследствии доложит сам «Инсон», призванные в ходе мобилизации рекруты, вошли не только в состав Квантунской и Корейской армий, но и экспедиционных войск в Китае и собственно в метрополии.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 22 июля 1941 года
По радио.

1.Из доклада Инсона:

а/ 6 пех. дивизия — командир генерал-лейтенант Конда, штаб дивизии в Puchihsib /100 миль юго-западнее Hankow/, относится к классу «Б» (тип «В» —

---

* Первая фраза заменена на «Источник сообщил».

** Подпись «Икар» заменена на В.А. Гущенко».

М. А.)/класс «А» (тип «А». — *М.А.*) механизированные дивизии для операций против СССР, класс «Б» не механизированные для операций в Китае/.

Пример — 12 пех. дивизия относится к классу «А». Арт. полк 6 пех. дивизии имеет — 2000 человек, четыре артдивизиона /три пушечные и один гаубичный/. Дивизион состоит из трех батарей. Состав батарей: взвод управления, первая секция — 1 и 2 взводы, вторая секция 3 и 4 взводы, боевое питание — два взвода.

Взвод состоит — орудия, 17 солдат, 6 лошадей. Гаубица «91» — калибр 100 миллиметров, дистанция 10300 метров, вес снаряда 4 килограмма, скорострельность — 6-8 выстрелов минуту. Полевое орудие «90» — калибр 70 мм, скорострельность 15 выстрелов в минуту.

2. 4 пех. полк 12 пех. дивизии в марте убыл в южный Китай /говорят — вновь организован/. 18 пех. дивизия убыла в южный Китай в начале марта.

Закончена организация 50 пех. дивизии на Кюсю.

3. (Далее следует сообщение от другого источника — *М.А.*).

№ 197 ИКАР

Расшифровал 14 ч. 40 мин. 23.7.1941 г. Никитин.
Адресату.
т. Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
Но-3 и 1
К учету. Доложите лично
о 6,12, 18 и 50 псд.

25.7 И[льичев].

Бригадный комиссар Ильичев Иван Иванович[186], военный комиссар Разведывательного управления Генштаба Красной Армии (с 17 июля 1941 г.).

Зорге дает вариант классификации японских пехотных дивизий, который близок к одному из вариантов уже приведенной классификации («усиленная» дивизия типа «А», «стандартная» дивизия типа «В»). Это была оценка военных специалистов из аппарата военного атташе при посольстве Германии в Японии. И еще количество — количество танков и танкеток в дивизиях любого типа было весьма ограничено, поэтому говорить о механизированным дивизиях преждевременно.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 30 июля 1941 г.
По телегр.

Источники Инвест и Интари сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200.000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа, Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коное, но как долго намерен выжидать японский Генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят.

№168 ИНСОН.

Расш. Малинников. 21ч. 50 м. 1.8.1941 г.
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
Доложите о всех этих
источниках — кто они.

АП[АНФИЛОВ]

3/8.41».

«Инвест» и «Интари» — новые псевдонимы Одзаки Ходзуми и Мияги Ётоку, соответственно.

2 августа Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии направило руководству страны и командованию РККА Специальное сообщение, в котором относительно достоверные данные соседствовали с дезинформацией:

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№ 661132
2 августа 1941 г.

Содержание: Массовые переброски японских войск из Метрополии и их группировка в Манчжурии.

1. Переброски и сосредоточение войск.

По всем поступившим сведениям из источников РУ, НКВД, а также по американским и английским данным, японское командование в период с 22 июня по 1 августа дополнительно к имевшимся в Манчжурии двенадцати пех. дивизиям перебросило до шести пех. дивизий.

Одновременно состав войск на Южном Сахалине доведён до двух пех. дивизий (на 22.6 там дислоцировалась отдельная Сахалинская пех. бригада).

За указанный период времени закончено отмобилизование Квантунской и Корейской армий, а также проведена частичная мобилизация в Метрополии.

В результате проведённых мобилизационных мероприятий состав японской армии на 1.8 доведён до 72 пех. дивизий.

По последним данным, полученным из Японии и Кореи, с 23 июля отмечается начало массовых переброс японских войск из Метрополии в Манчжурию.

С 25 июля наблюдается высадка большого количества японских войск в портах Фузан, Цинкай, Дайрен, Порт-Артур.

В указанных портах за период с 25 по 31.7 высадилось более трёх пех. дивизий, танковый полк и тяжёлый арт. полк. Высадка войск продолжается.

Наряду с этим, видимо, имеет также место высадка войск в северных портах Кореи (Юки, Расин, Сейсин).

Конкретных данных по этим портам, из-за отсутствия наблюдения, не поступало. По расчётным данным, за указанный период можно предположить высадку до двух пех. дивизий.

По агентурным данным, заслуживающим доверия, с 23 по 27 июля наблюдалась переброска большого количества порожняка по жел. дороге из Харбина к портам выгрузки. 24 июля в районе Мукден было сосредоточенно 450 пассажирских и 1200 товарных вагонов, оборудованных для переброски войск.

В итоге следует считать, что на 1.8 в портах выгрузки высадилось до пяти пех. дивизий с частями усиления.

На 2 августа направление движения и районы сосредоточения высаживающихся японских войск в Дайрене и других портах пока не установлено. Однако в ближайшие дни можно ожидать появления крупных войсковых соединений в приграничных с нами районах.

Одновременно с переброской войск из Метрополии наблюдается сосредоточение группировки японских войск (более трёх пех. дивизий) в Бейпин-Тяньцзиньском районе (Северный Китай) для возможных действий на Калганском направлении (в сторону МНР) или переброски в Манчжурию.

2. Группировка японских войск по направлениям.

Из сосредоточенных на 1 августа в Манчжурии восемнадцати пех. дивизий и частей усиления, основная группировка (десять пех. дивизий, шесть танковых полков, семь отдельных тяжёлых и горных арт. полков) создана на приморском направлении.

На Хайлар-Солуньском направлении (Забайкалье) сосредоточено до четырёх пех. дивизий, двух танковых полков и до трёх отдельных тяжёлых арт. полков.

Такое распределение войск по направлениям не исключает возможность, при известных условиях, создания крупной группировки войск Хайлар-Солуньском направлении за счёт прибывающих новых дивизий. Из имеющихся 72 пех. дивизий японцы в состоянии в ближайшие 10-15 дней довести состав Квантунской армии до 40-45 пех. дивизий за счёт переброски войск из Метрополии и Китая. Причём, из действующих в Китае 26 пех. дивизий, предположительно, будет переброшено до двенадцати пех. дивизий.

Вывод:

Следует считать установленным наличием массовых переброс японских войск из Метрополии и в ближайшие дни возможно значительное увеличение группировки японских войск в Манчжурии.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Схема и таблица распределения японских войск в Маньчжурии по операционным направлениям.

И.О. Начальника РУ Военный Комиссар РУ
Генштаба РККА Генштаба РККА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
(Панфилов) (Ильичев)

Рассылка:

Экз. № 1 — тов. Сталину
« № 2 — тов. Молотову
« № 3 — тов. Берия
« № 4 — тов. Маленкову
« № 5 — тов. Шапошникову
« № 6 — тов. Мехлис
« № 7 — тов. Кузнецову
« № 8 — тов. Кулику
« № 9 — тов. Василевскому
« № 10 — в дело».

Вывод спецсообщения совершенно адекватен обстановке — «Следует считать установленным наличием массовых переброс японских войск из Метрополии и в ближайшие дни возможно значительное увеличение группировки японских войск в Манчжурии». Вместе с тем, переброска большо-

го количества военнослужащих в Маньчжурию, в том числе и в составе уже сформированных отдельных частей, ошибочно связывалась с переброской сформированных дивизий или предназначавшихся для формирования новых дивизий в Маньчжурии. В спецсообщении было завышено число пехотных дивизий, переброшенных в Маньчжурию — шесть дивизий вместо двух соединений в действительности. Кроме того, было чрезвычайно преувеличено количество пехотных дивизий, до которого был доведен состав японской армии в ходе проведенной мобилизации — 72 дивизий вместо 51-й (число дивизий в сухопутных войсках увеличилось всего на одну дивизию).

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 7 августа 1941 года
По радио-телеграфу

Сообщаю некоторые подробности мобилизации в Японии: мобилизованы возраста от 23 до 45 лет. Новые дивизии по 20.000 человек в каждой начали мобилизацию 7 июля.

Зенитные арт. полки (искажено) предположительно для Манчжурии. 2-я пех. дивизия начала мобилизацию 23 июля. В 14-й пех. див. мобилизован только 15-й пех.полк в Такасаки. Как удалось выяснить, 16-я пех. дивизия постепенно готовится к переброске в Маньчжурию.

№. 70 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников. 16.00 8.8
Перевел: п-к Рогов
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[Резолюция]: "НО4 и Инф.
1. Доложите о Инсон, врет — больше перебросили.
2. Где 16 див по наш. данным? АП[ПАНФИЛОВ] 8/8".
Доложено
Сведения правильные (выделено мной. — *М.А.*).
Подпись. 11.8.41».

Реакция исполняющего должность начальника Разведывательного управления Генштаба КА была обусловлена все тем же порочным подходом: пересчетом количества мобилизованных рекрутов в дивизии. Зорге пишет о начале мобилизации в «новых дивизиях по 20.000 человек — речь идет о «стандартных» типа «В» дивизиях.

Информация о 16-й дивизии поступила Зорге от германского военного атташе Кречмера, который еще в июле докладывал в Берлин:

«ТЕЛЕГРАММА
/секретный шифр/
Токио, 12 июля 1941 г. 10 ч. 25 мин.
Принята: 13 июля 1941 г. 1 ч. 00
№ 1200 от 12.7.

Верховному Командованию вооруженных сил.

«а/ У меня сложилось впечатление, что следующие меры были приняты, как часть японских приготовлений к войне:

1/ Значительное число офицеров получили новые назначения.

2/ Якобы, призваны в армию резервисты 24-27-летнего возраста.

3/ Дополнительный призыв шоферов.

4/ Конфискация тракторов в Маньчжурии.

5/ Запрещение путешествия студентов.

6/ Призыв всех умеющих говорить по-русски...»

б/ Для оккупации Сайгона, которое по слухам ожидается 17 июля, по-видимому, подготовлены только 3 дивизии.

в/ Доукомплектование Квантунской армии для будущей войны с Советской Россией происходит в районе Шанхая и Гияньцзина, куда были переброшены резервисты и две японские дивизии /в том числе, 16-я/.

г/ В Китае в настоящее время не ожидается больших операций»[187].

Насчет трех дивизий, предназначенных для оккупации Сайгона, Зорге доложил в Центр еще 3 июля со ссылкой на источник «Инвест» — Одзаки: «... Решено послать три дивизии в Сайгон Индо-Китай...». Зорге же послужил и источником информации для Кречмера.

Что же касается 16-й пехотной дивизии, то она так и не была переброшена в Маньчжурию.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО.
7 августа 1941 года.
По радио-телеграфу

Источник Инвест сказал, что последняя очередь призванных в армию 900.000 чел. будут готовы к отправке в середине августа месяца, но 500.000 из них будут /искажено/

Первая дивизия уже проследовала через Ниигата и Цуругу. Однако начало войны зависит от позиции американцев и успехов Германии.

ИНСОН.

Расш. Сигалов. 19.20 8.8
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ]: НО-3 и 1
1. К учету.
2. Сообщить инф. отделу.
10.8. И».

Зорге, вернее его источник, преувеличивает число отмобилизованных рекрутов в июле-августе 1941 г. — всего было призвано 600 тыс. человек — 100 тыс. «под видом учебных сборов» и 500 тысяч в рамках проведения «секретной мобилизации».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 11 августа 1941 года.
По радио.

Источник Инвест узнал, что в японском генштабе считают район рек Зея — Бурея, как слабый пункт обороны Красной армии. Поэтому в этом на-

правлении может начаться наступление. При всеобщем наступлении удар будет наноситься в направлении Владивостока.

№ 73. ИНСОН.

Расш. Лакутинов. 19.40 12.8
Адресату.
В реестр.
Использовано для спецсообщения.

Подпись 12.8.41».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
«ТОКИО. 11 августа 1941 года.

Источник Инвест сообщил: По мобилизации в Японии призвано 900.000 человек. Из числа призванных 200.000 предназначены в квантунскую армию, 350.000 остаются в Японии и 350.000 предназначены в Китай. Решение о призыве последующих 500.000 человек еще не принято.

№ 72. ИНСОН.

Расш. Лакутинов. 19.30 12.8
Адресату.
В реестр.
Взято на учет.

Подпись 12.8.41».

В Квантунскую армию было направлено 300 тыс. человек.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 11 августа 1941 года.
По радио.

По данным Инвеста и Интари, большинство войск, посылаемых в Китай, направляется в южную часть, с целью усиления напряженности с Америкой и возможности действий против голландской Индии. Эти сведения нуждаются в проверке.

№ 78. ИНСОН.

Расш. Лакутинов. 10.00 13.8
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
Инф
[Резолюция]: НО-3 и 1
1) К учету.
2) Сообщить в информ. отдел.

14.8. И[льичев]».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 12 августа 1941 года.
Немедленно.
По радио.

Вновь мобилизованные солдаты 14 дивизии отправлены на материк небольшими группами в различные, уже существующие войсковые части. Часть из них отправлена в зимнем обмундировании, а остальные в летнем.

Ирако сообщил, что пополнение различных частей гарнизонов производится на континенте. Только технические части отправляются сформированными подразделениями, но не более чем полк. Погрузка происходит, главным образом, в портах Цуруга, Ниигата, Кобе и в порту около Хиросима.

№ 77. ИНСОН.

Расш. Лакутинов. 18.00 15.8
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
К учету.

АП[АНФИЛОВ]

15/VIII-41.
[Резолюция]: НО — 3 и 1
1. К учету.
2. 14-й или четырнадцати дивизий?

14.8. И».

«Ирако» — новый псевдоним «Мики» — Косиро Ёсинобу. В шифртелеграмме Зорге речь о 14-й дивизии, а не о 14-ти дивизиях, которые по всем расчетам Центра должны были быть сформированы и переброшены в Маньчжурию или сформированы на месте.

12 августа Зорге сообщает явно преувеличенные данные по количеству японских дивизий, развернутых в Маньчжурии, которые превышают даже те завышенные цифры, которые докладывает Разведывательное управление: «Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли 4 дивизии. ВАТ точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. ...».

Таким образом, группировка Квантунской армии была «доведена» к 12 августа 1941 г. до 24 пехотных дивизий (именно этим количеством дивизий японцы собирались развязать военные действия против СССР), вместо 14 дивизий в действительности. Германский военный атташе был явно дезинформирован японцами. Цель — убедить союзника по Тройственному пакту в подготовке к нападению на Советский Союз.

Тем временем в Разведывательном управлении Генерального штаба Красной Армии возникает вопрос, на каком основании состав японской армии исчисляется в 68-77 дивизий.

13 августа Центр запрашивает на этот счет «Икара» — Гущенко:

«Телеграмма № 8511/9662 от 13.08.1941г.
В Токио т. Икару.
На № 229

Сплошная путаница, ничего определенного. В №№ 193, 211,217,224 сообщали об отмобилизовании оставшихся частей до штатов военного времени. В № 229 вместо прямого ответа делаете противоречивые рассуждения. Данным Инсона отмобилизованы (новые?) дивизии по 20.000 человек каждая, количество дивизий не дает.

Дайте прямой ответ, отмобилизованы ли 14 дивизий на базе оставшихся частей или нет, независимо от того, где они сейчас находятся.

Если Вашему мнению новые дивизии не были развернуты, то [на] каком основании считаете составе японской армии 68 — 77 дивизий.

Директор».

В этот же день направляется телеграмма Зорге:

«Телеграмма №8536/9698 от 13.08.1941г.
В Токио т. Инсону (Рамзаю)

Благодарю за последнюю информацию. Прошу Вас информировать меня по следующим вопросам:

Сколько сформировано новых японских дивизий и какие их номера.

Сколько японских дивизий расположены в Маньчжурии по состоянию на 15 августа и их номера.

Какие японские дивизии переброшены из Китая в Маньчжурию.

Какие дивизии расположены в районе Бейпин — Тяньцзин.

Прошу более точно информировать о дате начала выступления японцев.

Директор».

Центр, доложивший политическому и военному руководству страны о наличии в составе японской армии 72 пехотных дивизий (по состоянию на 1 августа 1941 г.), начал сомневаться в реальности этой цифры.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
№ 661282
20 августа 1941 г.

Я П О Н И Я.

1.Требования Германии об ускорении выступления Японии против СССР.

По агентурным данным, заслуживающим доверия, немцы проявляют недовольство длительным выжиданием и задержкой вступления Японии в войну против СССР.

В связи с этим немецкий посол в Японии Отт за последнее время усилил нажим на японское правительство, требуя от последнего скорейшего выступления против СССР.

2. Переброска и сосредоточение японских войск в Маньчжурии и Корее.

По данным источников РУ Генштаба, продолжает отмечаться прибытие новых японских частей в Маньчжурию и Корею.

В период с 10 по 20 августа в Маньчжурию и Корею прибыло до четырех пех. дивизий, два арт. полка АРГК на мех. тяге. Из них:

а) до одной пех. дивизии и два арт. полка АРГК на мех. тяге (один полк — 105-мм пушек, один — 150-мм гаубиц) высадились в Дайрене в течение 13-14 августа. Из Дайрена указанные части отправлены на север, район сосредоточения не установлен.

б) Одна пех. дивизия высадилась в южно-корейских портах (Фузан и Гунзан) в период с 9 по 15 августа. Затем дивизия через Сеул и Гензан проследовала на Приморье (район сосредоточения не установлен).

в) До одной пехотной дивизии высадилось в портах Юки, Расин, Сейсин (Северная Корея). Дивизия, предположительно, переброшена на Хуньчуньское направление (Приморье).

г) Одна пехотная дивизия прибыла, предположительно, в район Суйхуа (Сахалянское направление) из Северного Китая через Мукден и Харбин.

Нумерация вновь прибывших частей не установлена.

Ранее имевшиеся данные о переброске 16 пех. дивизии в Маньчжурию не подтвердились.

В результатае происходящей в японской армии реорганизации (переход на дивизии трехполкового состава) в Корее на базе четвертых полков 19 и 20 пех. дивизий, предположительно, сформирована новая пех. дивизия.

Таким образом, за период с 10 по 20 августа группировка японских войск в Маньчжурии и Корее увеличилась на пять пехотных дивизий и два арт. полка АРГК.

...

Выводы:

1. Японское правительство под давлением немцев и военных кругов Японии форсирует подготовку к вступлению в войну против СССР.

Окончательное решение о сроках выступления Японии пока не принято, однако, по агентурным данным, нападения на Советский Союз возможно в течение августа.

2. Сосредоточение японских войск в Манчжурии и Корее в основном следует считать законченным. Однако японцы имеют возможность в ближайшее время дополнительно перебросить из Китая в Манчжурию еще до 10 пех. дивизий.

Японское командование, воспользовавшись создавшейся обстановкой, произвело скрытую переброску значительного количества войск и воинских грузов из Японии на материк. Это мероприятие в большой степени разрешило остроту проблемы перебросок японской армии, которая бы встала с началом военных действии.

Следует учитывать возможность начала военных действий японцами против нас при наличии уже созданной группировки войск.

3. Основная группировка японских войск (пятнадцать пех. дивизий, семь танковых полков, девять арт. полков АРГК) сосредоточена в направлении Приморья, где, видимо, японцы предполагают наносить главный удар.

Наряду с этим имеет место также усиление группировки японских войск и в сторону Забайкалья / Хайларское и Солуньское направления/.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Таблица на 2 листах.

И.О. Начальника РУ Генштаба РККА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК
(Панфилов)

Военный Комиссар РУ Генштаба РККА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
(Ильичев)

«» августа 1941 г.

Рассылка разведсводки:

1 — т. Сталин
2 — т. Молотов
3 — т. Берия
4 — т. Кузнецов
5 — т. Шапошников
6 — т. Мехлис
7 — т. Маленков
8 — т. Щаденко
9 — т. Василевский

10 — т. Кулик
11 — т. Жигарев
12 — т. Михеев
13 — т. Колганов
14 — в дело

Общая цифра японский дивизий — 72 единицы — уже не упоминается. Видимо, появляются сомнение в озвученной цифре.

23 августа Зорге отвечает на запрос Центр от 13 августа и повторяет уже озвученное им завышенное число дивизий, развернутых в Маньчжурии:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 23 августа 1941 года.
По радио и телегр.

Итери слышал от секретаря Угаки, что из числа мобилизованных 1-й и 2-й очереди 200.000 солдат направлены в Маньчжурию и Сев. Корею (это почти такое же число, как сказал германский ВАТ). В Маньчжурии теперь 25—30 пехотных дивизий, включая и находящиеся там 14 старых пех. дивизий. 350.000 солдат будут посланы в Китай. 400.000 останется на островах. Много солдат одевают в шорты (короткие шаровары специально для жарких стран), поэтому можно предполагать, что значительная часть будет направлена и на юг.

№83—ИНСОН.

Расш. Сигалов 21.30 24.8
Перевел Рогов
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
Доложите с
нач. отдела эту телеграмму.
[далее неразборчиво. — Прим. авт.]

25/8 АП».

Речь не идет о дезинформации. Число виртуальных дивизий уже упоминалась ранее. Эта цифра циркулировала в военных кругах и была получена путем пересчета «16 штатных дивизий и 750 различных частей и подразделений», общая численность которых и соответствовала 25 дивизиям.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 23 августа 1941 года.
По радио-телеграфу.

16-я пех. дивизия из Киото в июле убыла в Маньчжурию.

Инвест узнал, что мобилизация 3-й и 4-й очередей должна быть, но даты начала еще до сих пор неизвестны.

Немцы доносят, что переброски японских войск к северным границам происходят очень медленно и что сосредоточение главных сил может ожидаться только к концу августа. Главный удар будет наноситься на Владивостокский сектор силами 13-15 пех.дивизий.

№ 84. ИНСОН.

Расш. Сигалов. 10.30 25.8
Перевел Рогов
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[Резолюция]: Срочно.
Инф.
Дать справку к этой телеграмме.
Когда прибыла 16 див и сколько
дивизий на Приморском направлении.

Подпись.

25/8».

16-я пехотная дивизия так и не была переброшена в Маньчжурию, а к 7 декабря 1941 г. находилась в составе 14 армии в зоне Южных морей[188].

«Телеграмма № 9087/10349 от 26.08.1941г.
В Токио т. Инсону (Рамзаю)

В отношении сосредоточения 13-15 дивизий войск в секторе Владивосток я с Вами согласен. В целях проверки имеющихся у нас сведений прошу Вас сообщить мне более конкретно о районах расположения и нумерацию этих и других дивизий.

Директор».

26 сентября 1941 года Зорге сообщил точную цифру общего числа военнослужащих из состава группировки, развернутой в Маньчжурии после проведенных мобилизационных мероприятий:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 26 сентября 1941 года
Радио-телеграф.

Источник Инвест возвратился из Маньчжурии*. Он сказал, что ему не представилось возможности узнать нумерацию японских дивизий. Все дивизии называются только по имени их командиров. Только по чину командира можно определить состав полка, бригады или дивизии японских войск, к тому же прибывших туда из различных дивизий с островов.

В жел. дор. кампании Инвест узнал, что за последние 2 месяца в Манчжурию прибыло около 400 тысяч новых солдат. Таким образом, **общее количество солдат японской армии в Манчжурии теперь составляет не менее 700 тысяч человек** (выделено мной. — *М.А.*).

(Продолжение следует)

№ 94. ИНСОН.

Расш. Сигалов. 08.45 29.09.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.

---

* В предыдущей телеграмме Инсон сообщал, что он направил туда Инвеста специально узнать о количестве войск, прибывших в Маньчжурию и их дислокации.

в реестр.
Резолюция: НО4
Учесть и доложить о 700 тыс.

Д.

30.9».

4.4. «Ввиду важности вопроса установите личным обмером действительную площадь заводов, как действующих, так и новостроящихся»

(Центр — «Рамзаю», 25 марта 1941 года)

Информация, поступавшая от Зорге в течение 1941 г. (равно как и во все время его пребывания в Японии), перекрывала с той или иной степенью полноты все сферы деятельности японского государства. Сведения, не терпящие отлагательства, отправлялись им по рации. В этом случае речь шла о политических и военно-политических проблемах (к последним относился и вопрос подготовки Японии к агрессии против СССР). Шифрованными телеграммами отправлялись из Токио и донесения «чисто» военного характера (о числе дивизий, их составе и дислокации, проводимой мобилизации и т.д.) и военно-технического характера (разработки новых типов вооружения, о состоянии авиационной промышленности и т. д.). Остальные материалы шли т.н. «тяжелой почтой», сфотографированными на пленку и передаваемыми через связников из аппарата резидентуры под прикрытием посольства в Токио.

О содержании этих материалов можно судить по их оценкам в информационном и военно-техническом отделах Разведывательного управления Генерального штаба РККА. Оценки эти должны были передаваться в резидентуру Зорге. Немалую часть материалов, передаваемых в фотопленке, представляли собой документы посольства Германии в Токио, и в том числе доклады военно-воздушного атташе.

Так в почтах, полученных от «Рамзая» в конце 1940 г. и в первой половине 1941-го, содержались следующие материалы, ряд из которых был охарактеризован отделом информации Разведывательного управления Генштаба КА и получил следующую оценку:

«Телеграмма № 1251/1408 от 12.02.1941г.
В Токио т. Рамзаю

Из всех присланных Вами материалов наибольший интерес представляет "Осмотр японских авиазаводов".

Крайне желательно выслать подобные материалы и по другим заводам.

Такие материалы как "Контроль над морскими перевозками", "Танковые части в МЧГ", "Токийский ежемесячник", "Промышленное развитие Китая" и "Положение в Центральном Китае" представляют интерес, но сильно запоздали, что в значительной степени снижает их ценность. Остальные материалы почты не ценные и высылка их нецелесообразна.

Фото "Военное положение Китая и п-ва Ван Цзинвэя" заснято не в фокусе, и поэтому читать невозможно.

Дальнейшем необходимо добыть данные о производственной мощности остальных японских авиазаводов, кроме "Mitsubisi", тех. помощи со стороны Германии, производственной мощности танковых и артиллерийских заводов Японии.

При возможности, достаньте новый танковый устав. Вышлите данные о формировании новых танковых соединений и частей на островах.

Организатор».

Запоздание в получении целого ряда материалов, которые представляли интерес, было связано не только с тем, что они были добыты с задержкой, но и с недостатками в организации связи — почта передавалась на личных встречах, которые проводились не регулярно; к числу факторов, отрицательно влиявших на доставку материалов «Рамзая», относилась также регулярная, но не частая передача почты из советского Посольства в Москву. И, наконец, почту «Рамзая» в ряде случаев задерживал «Юрий» — Гущенко. Показательна в этом смысле телеграмма Центра:

«Телеграмма № 3966/4368 от 26.04.1941г.

В Токио т. Юрию

Срочите, получили ли Вы материал от Рамзая и когда его вышлите. Не задерживайте. Когда выезжает Медведев.

Организатор».

Требование добыть «данные о производственной мощности остальных японских заводов», «производственной мощности танковых и артиллерийских заводов Японии» относилось, по большей части, к числу невыполнимых. В этом случае, все упиралось в посещение авиационных заводов германским помощником военного атташе по авиации.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА НА МАТЕРИАЛ,
ПОЛУЧЕННЫЙ ОТ ИСТОЧНИКА "РАМЗАЙ"

№ п/п	Наименование документа	Характеристика документа и оценка
1	Фамилия и дислокация японских частей (14 фото)	Материал весьма ценный и соответствует действительности. Основное содержание этого документа было получено своевременно в феврале 1941г. В последующем все новые данные подтвердились, в частности, о наличии в японской армии 25, 51-57 дивизий.
2	Дислокация японской армии (38 фото)	Материал аналогичен материалу, указанному выше.
3	О советских учреждениях в Шанхае (42 фото)	Дается краткая характеристика советских учреждений, имеющихся в Шанхае (консульства, ТАСС, Интурист и т.д.) и деловая характеристика работников этих учреждений. Приводится список информаторов, работающих на Сов.Союз. Материал представляет ценность для агентурных работников и НКВД.

4	Материалы по экономике и политике (199 фото)	Материал с грифом "Сов.секретно" опубликован исследовательским отделом "Мантецу" (за январь 1940г.). Материал освещает вопросы финансовой политики, оживления деятельности финансовых кругов, мероприятия по транспорту, путям сообщения и связи (водные, морские и воздушные перевозки), о состоянии шелководства в Японии, о состоянии капитала акционерных компаний и об объединении последних, о проблеме нефти в Японии, о политическом положении страны и т.д. Даются общие рассуждения без приведения фактического материала. Материал устарел и на сегодня некоторый интерес представляют только данные о нефти.
5	По боевым стопам китайских событий (99 фото).	Материал легальный, издан в 3-х частях в ноябре 1938 года. Данный материал — 2-я часть. Начало брошюры отсутствует (начинается с 36 стр.). Дается описание военных операций под Шанхаем, Усун, Сучжоу и т.д.), в которых восхваляется непобедимость японской армии и подвиги офицеров. Документ носит агитационный характер.
6	Исследование боя пехоты (175 фото)	Материал легальный, у нас его нет. Возможно, будет целесообразно перевести.

НАЧАЛЬНИК 6 ОТДЕЛЕНИЯ
майор / ВОРОНЦОВ/

28.5.1941».

«ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ,
полученных в майской почте [1941 г.] Рамзая

1. Алюминиевая промышленность и производство алюминия в Японии (6 листов).

Доклад военно-воздушного атташе германского посольства — Министерству авиации в Берлин.

2. Проект Маньчжурской Авиационной Компании (4 листа).

Доклад немецкого посольства — Министерству Хозяйства в Берлине.

3. Письмо советника Министерства Хозяйства своему представителю на Дальнем Востоке по вопросам Транспорта (5 листов).

4. Осмотр авиамоторного завода фирмы Накадзима (6 листов).

Доклад военно-воздушного атташе в Токио — Министерству авиации в Берлине.

5. Осмотр самолетного завода фирмы Накадзима (7 листов).

Доклад военно-воздушного атташе в Токио — Министерству авиации в Берлине.

6. Материал по военным вопросам (9листов на анг.яз.).

7. Еженедельное обозрение по экономическим вопросам (34 листа).

Легальная пресса на англ. яз.

8. Возможности вступления Японии в Европейскую войну и неизбежные последствия (19 листов). Доклад немецкого посольства в Токио. Материал прочесть невозможно.

9. О лицензиях (8 листов). Доклад немецкого посольства.

10. Приход и расход правительства Ван-Цзин-вея в Пекине (5 листов).

Доклад немецкого посольства в Пекине — немецкому посольству в Токио.

11. Беседа с послом нанкинского правительства в Токио.

—--//---

12.Правительство Нанкина спустя три месяца после подписания договора с Японией.

—--//---

13.Оценка разногласий правительства Чунцина с 4 Армией.

—--//---

14.Краткое обозрение хоз. политического развития Китая в 1940 г.

—--//---

15.Материал на 50 листах, который невозможно подобрать и определить, о чем он».

«ОЦЕНКА ПОЧТЫ ИНСОНА
(отправлена почтой «Икару» от 26.06.41г. — *М.А.*).

Письмо представителя министерства хозяйства о транспорте на Дальнем Востоке.	Материал интересный, он свидетельствует, что Германия не заинтересована в экспорте машин и др. товаров в Японию, что значительно ухудшает экономическое положение Японии; в частности, Япония не в состоянии создать производство иск. нефти и реорганизовать свою промышленность из-за резкого сокращения экспорта германских машин.
Алюминиевая промышленность и производство алюминия в Японии.	Материал интересный, характеризует производственную мощность отдельных алюминиевых заводов в Японии. Цифры 66 тыс.т. алюминия для 1941 г. и 120 тыс.т. для 1942 г. относятся к области плановых предположений и являются нереальными. Желательно сообщить о вновь строящихся заводах и их мощности.
Проекты маньчжурской авиационной компании	Материал по этому вопросу поступил вторично. В первом сообщении 2.4.41 г. приводили данные о том, что должна поставить фирма Юнкерс и о производственных возможностях новых заводов, вновь созданной компании. Из данного сообщения можно сделать вывод, что ввиду больших финансовых затруднений с японской стороны, эта компания, по-видимому, не будет организована. Необходимо установить: будет ли создана эта фирма, если будет, то на каких условиях и где предполагается строительство заводов этой фирмы.

Посещение авиастроительного завода Накадзима 10.12.40.	Материал ценный. Необходимо получить подобные сведения и по другим авиационным заводам Японии.
О лицензиях на самолеты.	Материал представляет интерес. Необходимо установить: 1. Закуплены ли лицензии на строительство германских самолетов Фокке-Вульф «Кондор», Хейнкель Не-100 (Не-113) и Хейнкель Не-119. 2. Стоимость лицензии на каждый из этих самолетов. 3. Какие заводы будут строить или уже строят данные самолеты.
Фамилия [командира части] и дислокация японских частей.	Материал весьма ценный и соответствует действительности. Основное содержание этого документа было получено своевременно в феврале 1941 г. В последующем все новые данные подтвердились, в частности, о наличии в японской армии 25, 51-57 дивизий.
Дислокация японской армии.	Материал аналогичен материалу, указанному выше.
Материалы по экономике и политике.	Материал с грифом «сов. секретно» опубликован исследовательским отделом «Мантецу» (за январь 1940 г.). Материал освещает вопросы финансовой политики, оживления деятельности финансовых кругов, мероприятия по транспорту, путям сообщения и связи (водные, морские и воздушные перевозки), о состоянии шелководства в Японии, о состоянии капитала акционерных компаний и об объединении последних, о проблеме нефти в Японии, о политическом положении страны и т.д. Даются общие рассуждения без приведения фактического материала. Материал устарел, и на сегодня некоторый интерес представляют только данные о нефти. (Оценка материала исследовательского отдела «Мантецу» сделана вторично. — М.А.).

Скорее всего, была еще информация, но о содержании ее судить невозможно, так как она не была оценена до начала Великой Отечественной войны.

В шифрпереписке Зорге с Центром присутствовала и военно-техническая информация о разработках новой техники, в основном авиационной. Спешность в передаче подобной информации по рации не была оправдана.

Целая серия телеграмм в первой половине 1941 г. была посвящена авиационной тематике, которая чаще всего была фрагментарна и обрывочна. Однако и такая информация имела ценность.

8 января 1941 г.: «Германский воздушный атташе сообщил мне, что над новым японским истребителем "99" отдельно работают две фирмы: "Накадзима" и "Мицубиси". Однако германскому воздушному атташе было отказано, как

обоими заводами, так и в генштабе, показать эти истребители или сообщить о них какие-либо подробности. Он полагает, что Накадзима использует мотор "Накадзима" в 1350 лош. сил, а Мицубиси использует более легкий мотор, так как этот истребитель является так называемым "бортовым истребителем".

Будем прилагать все усилия, чтобы выяснить больше подробностей.

№ 143. РАМЗАЙ».

С 1932 г. все японские армейские самолеты получили сквозную нумерацию «китай» (конструкция номер NN), в том числе ее получили и уже принятые на вооружение типы. Кроме номеров «китай», в армейской авиации использовалась и нумерация по годам принятия образца на вооружение, включавшая краткое обозначение назначения самолета. Нумерация велась по японской системе летоисчисления, при этом брались две последние цифры. Так, самолет, принятый на вооружение в 1939 г. (в 2599 г. по японскому летоисчислению) становился «типом 99», а принятый на вооружение в 1940 г. (то есть в 2600 г.) — «типом 100».

Серьезные ограничения на характеристики самолетов накладывали двигатели. Насколько японские самолеты превосходили современные им европейские конструкции, настолько японские авиационные моторы уступали по возможностям моторам европейского производства. Острейшая нехватка легких и в то же время мощных двигателей неизменно преследовала японских авиаконструкторов на протяжении всей войны и была основной причиной технического превосходства противника. В Японии выбор двигателя определял конструкцию будущего самолета, в то время как в Европе и Америке двигатель создавался для конструируемой машины. Для японских истребителей военных лет характерно применение двигателей воздушного охлаждения, созданных по типу выпускавшихся до войны по лицензии американских звездообразных моторов. Наиболее распространенными являлись 14-цилиндровый Накадзима На-25 и 18-цилиндровый Накадзима На-45[189]. Они были легче двигателей водяного охлаждения и проще в производстве. Ради уменьшения веса самолетов конструкторы долгое время отказывались от применения бронезащиты летчика и протектированных баков. В результате малый вес и компактность силовой установки обеспечивали японским истребителям исключительную маневренность, но их скоростные качества, боевая живучесть и эффективность вооружения оставляли желать лучшего. Так, самый распространенный в начале войны самолет армейской истребительной авиации Накадзима Ki-43 имел максимальную скорость менее 500 км/ч, а его вооружение состояло всего из двух мелкокалиберных пулеметов[190].

Для того чтобы повысить скоростные свойства истребителя, инженеры фирмы Накадзима создали самолет Ki-44 с уменьшенным на 2 м по размаху и в полтора раза по площади крылом. В качестве силовой установки был выбран звездообразный двигатель воздушного охлаждения На-41 (14-цилиндров, 1250 л.с.).

Опытный образец Ki-44 совершил первый полет в августе 1940 г. В последующем было проведено несколько доработок, направленных на улучшение аэродинамики и облегчение самолета, что позволило, в конечном итоге, достичь скорости 616 км/час (на опытном образце при снятом вооружении).

В январе 1942 г. было начато серийное производство самолетов этого типа, которые развивали максимальную скорость в 580 км/час на 3800 метрах.

В телеграмме «Рамзая» говорится также о палубном истребителе, названным переводчиком «бортовым истребителем».

В июле 1940 г. Япония сумела обеспечить себя новым палубным истребителем — «Палубный истребитель флота Тип 0 Модель 11» (A6M2 Модель 11) (более известный как «Зеро») с двигателем Sakae 12 мощностью 940 л.с. Тип «0» свидетельствовал о том, что самолет был принят на вооружение в 1940 г. Зорге пишет, судя по всему, о работе фирмы Мицубиси над последующими модификациями A6M. В конце 1941 года Накадзима представила двигатель Sakae 21 мощностью 1130 л.с. Производство очередной модификации самолета — A6M3 Модель 32 (максимальная скорость 560 км/час) началось в апреле 1942 г.

«Телеграмма № 379/419 от 13.01 1941 г.
В Токио т. Рамзаю

Срочите, заключен ли новый договор Японии с германской фирмой Фокке-Вульф на покупку лицензий для постройки самолетов 5 FRV 200 "Кондор", вместо поставок этих самолетов? Каким авиазаводам Японии поручено строить эти самолеты и на каких условиях?

Организатор».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 января 1941 года

Источник сообщил.*

От нового человека. После номонханского инцидента японцы прилагали большие усилия к улучшению своих танков, но не добились результатов и отказались от этого, решив взять лучшие образцы немецких танков. Для определения лучших типов немецких танков в Германию послана военная комис сия. Он же сообщил, что японский штаб успешно проводит испытания нового истребителя, скорость которого приближается к 700 клм. Институт также работает над новым легким пулеметом № 99, который гораздо лучше используемого сейчас пулемета. Новый пулемет еще не используется. Также идет работа над новой автоматической винтовкой, но последняя еще тоже не используется в силу того, что вопрос о снабжении армии новым оружием требует испытания нового оружия в армии Маньчжоу-Го или Китае.

№ 150. РАМЗАЙ».

«[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.
Сообщить Наркому, Н-ку Ген Шт, т. Ворошилову, Кулику. Г. 21/I
т. Воронцову
К немедленному исполнению. Можно разослать через 9 отдел, т.е. размножить эту же шифровку. Подпись 23.1».

Не исключено, что приводя цифру 700 км/час, Зорге передает ставшие ему известными сведения о полетах прототипа истребителя Ki-44.

---

* Дописано от руки.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 27 января 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Пом. военного атташе Германии в Токио по ВВС сообщает следующее о самолето и моторостроительных заводах Накадзима: старый завод, расположенный в Одзику, район Токио, в настоящее время переброшен на новый завод в районе Мусасимо, Токио. Старый завод используется для новых образцов и производства частей.

Площадь нового завода = 160000 кв. метров. Площадь крытых помещений — 120000 кв. метров. Количество рабочих 8-10 тысяч человек. Ежемесячная продукция 60-70 моторов, из них 30% 14-ти цилиндровых звездообразных моторов, мощностью 1300 л.с., 50% 14-ти цилиндровых звездообразных моторов мощностью 1000 л.с.; 20% 9-ти цилиндровых, мощностью 800 л.с. В ближайшее время продукция будет увеличена до 100 моторов за счет прекращения выпуска старых 9-ти цилиндровых моторов.

Намечено, по имеющемуся пробному образцу производство 18-ти цилиндровых сдвоенных звездообразных моторов, мощностью 1700 л.с

№ 55,57. РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов
Перевел: майор Сонин. 30.1 15.20.
Адресату.
Панфилову
Дубинину».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 1 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Кауфман рассказал мне, что переговоры относительно самолета "Кондор-200" еще не завершены. Немцы требуют только за лицензию, без военного оснащения, больше 3-х миллионов. Кроме того, немцы требуют еще 1 миллион за лицензию на позднейший "Кондор", который был испытан в качестве дальнего бомбардировщика через Атлантический океан. Японцы считают, что запросы немцев слишком велики и надеются добиться уступок через авиационную комиссию, находящуюся сейчас в Берлине, или, включив обсуждение этого вопроса в предстоящие переговоры о торговом договоре, которые должны начаться в марте по прибытии Вольтата из Берлина. В случае успешного завершения переговоров, эти самолеты будут строиться заводами Мицубиси в Нагойя. Японцы хотят добиться от немцев на предстоящих переговорах: лицензий на зенитные орудия из рейнского металла, на танки и подлодки и секрет изготовления искусственного газолина красочными фабриками, лицензии на производство специальной стали для моторных и танковых заводов.

Посол Германии расценивает эти желания японцев как ясный показатель плохого развития японской военной промышленности.

№ 62,63. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 4.2 12.30
Адресату.
Панфилову
Дубинину».

В начале 1939 г. «Дай Ниппон кабушики каиша» (Японо-маньчжурская авиакомпания) подписала контракт на пять Фокке-Вульф Fw 200 Кондор — немецкий 4-моторный дальний многоцелевой самолёт-моноплан Fw.200b. Японский контракт на пять транспортных самолетов включал еще и специальное соглашение, предусматривавшее выполнение одного из "Кондоров" в варианте дальнего морского разведчика в интересах японского флота (работы над этим проектом были начаты). Однако этот контракт не был реализован.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 1 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Самолетостроительный завод ОТА, площадь крытых помещений 200. 000 кв. метров, количество рабочих 10. 000 человек, изготовляет морские одномоторные военные линейные самолеты. Номер 97, цельнометаллический, с убирающимися шасси и закрылками, выпускается 30 шт. ежемесячно; скорость 360 км. Для армии — легкие истребители типа "97" — 40 шт. ежемесячно. Об истребителе "99" ничего не слышно. "Дуглас ДС-3" — ежемесячно 7 самолетов. Дуглас "ДС-4" — как бомбардировщики дальнего действия для флота.

Все самолетостроительные заводы выстроены без учета требований ПВО. Нитчке, который прилетел сюда на рекордной машине "Хенкель № — 100", рассказал, что патент и лицензии на эту машину проданы японцам, но он считает, что японцы не смогут успешно производить эту машину.

Нитчке составил высокое мнение о японских летчиках. Новые машины летают без аварий. Японский полковник, молодой лейтенант и младший офицер проводили посадки самолета на трудный и небольшой по размеру аэродром.
№ 58,59. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 4.2 12.30.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Инф.

Г. 4/2-41

[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: НО-1
К учету, проверке и использованию
(сводка и очерк по пром.).
Обратите внимание на показатели.
5.2. А. Панфилов.
Адресату,
Панфилову,
Дубинину».

«Истребитель армейский тип 97» (Накадзима Ki -27), о котором идет речь в телеграмме, имел максимальную скорость на высоте 444 км/час и у зем-

ли — 390 км/час и не убирающиеся шасси. В документах НИИ ВВС РККА этот истребитель получил название «Накадзима И-97».

Разработанный американской фирмой «Дуглас Айркрафт компании», в Японии этот самолет строился в основном небольшим предприятием «Сёва хикоки». Также, в ограниченном количестве, самолет строился фирмой «Накадзима», самым крупным в Японии производителем самолетов и двигателей. 24 февраля 1938 г. фирма «Митсуи» выплатила 90 тысяч долларов Дугласу за право строить и продавать лицензионные DC-3. Одновременно, Накадзима также изъявила желание участвовать в лицензионном производстве DC-3. Фирмы «Сёва» и «Накадзима» работали вместе, чтобы приспособить DC-3 для производства в японских условиях. Они также перепроектировали силовые установки, для использования 1000-сильных двигателей «Митсубиси Кинсей-43» вместо «Pratt & Whitney SB3G». Производство японского DC-3, получившего обозначение L2D2, или «транспортный самолет флотский тип 0 модель 11», началось в 1940 г. на фирме «Накадзима». Всего, до окончания их производства в ноябре 1942 г., была построена 71 машина. После 1942 г. Сёва осталась единственным изготовителем L2D2. Эта фирма выпустила свой первый L2D2 в марте 1941 г. Всего было изготовлено 487 экземпляров этого самолета.

В 1939 г. флот Японии закупил три германских истребителя Heinkel He 100 D-0 за 1,2 млн рейхсмарок и ещё за 1,6 млн марок лицензию на производство. Так как характеристики самолета — мощность двигателя 1175 л.с., максимальная скорость 573 км/ч (у земли) и 650 км/час (на высоте), практический потолок 11000 м., экипаж 1 человек, вооружение одна 20-мм пушка, два 7,92-мм пулемета MG-17 — были существенно выше средних на тот период, было принято решение их серийного производства, как основного истребителя баз ПВО. Предполагалось развернуть производство в районе Хитати. Все три самолёта, которые предусматривалось использовать в качестве опытных образцов, были доставлены в Японию в мае 1940 года, получив обозначение AXHe 1. Но из-за того, что Хейнкель не смог поставить все необходимые шаблоны и оборудование, эти планы реализованы не были.

Информация, полученная от Зорге, вошла в «Сводку Разведуправления Генштаба Красной Армии по военной технике и экономике иностранных государств, направленная Наркому авиационной промышленности СССР Шахурину» от 12 февраля 1941 г.:

«... 20. Самолетостроительный завод Накадзима в Ота (Япония) ежемесячно выпускает следующие самолеты и гидросамолеты:

— морские легкие бомбардировщики ЛБ-97 — 30 шт.

— сухопутные одноместные истребители И-97 — 40 шт.

— самолеты Дуглас ДС-3 — 7 шт.

— морские бомбардировщики дальнего действия Дуглас ДС-4 (количество неизвестно)

Количество занятых рабочих на этих заводах 10 000 человек, площадь пола 200 000 кв.м.

21. Самый большой в Японии авиационный завод Мицубиси в Нагоя производит в настоящий момент легкие бомбардировщики Мицубиси ЛБ-97 — 30 самолетов в месяц.

Тяжелые морские бомбардировщики Мицубиси ТБ-96 — 30 штук в месяц.

Морских истребителей И-96 — в месяц 35 штук.

Многоцелевых самолетов — от 5 до 10 шт. в месяц.

Двухмоторные пассажирские самолеты «МТ-20» (11 чел. пассажиров и 4 человека экипаж) — 5 шт. в месяц.

Площадь пола самолетостроительного завода около 650 000 квадратных метров.

Площадь моторного завода со всеми вспомогательными учреждениями — около 800 000 квадратных метров. Производительность моторного завода — около 180 моторов в месяц, исключительно звездообразных моторов, мощностью от 850 до 1000 л.с. Количество рабочих на самолетном заводе — около 12 тысяч и на моторном заводе — более 10 000 чел.

22. Япония купила лицензию у германской фирмы Хейнкель на производство одноместного истребителя Хейнкель Не-100.

23. Японцы ведут переговоры с немцами о покупке у них лицензии на постройку на заводе Мицубиси 4-моторного немецкого бомбардировщика Кондор. Только за одну лицензию на самолет без военного оборудования немцы требуют больше 4 млн. иен.

Японцы стремятся получить от немцев лицензии на постройку зенитных орудий и лицензию на производство специальной стали для моторных и танковых заводов, а также на приготовление синтетического топлива.

Начальник отдела ВТЭИ [военно-технической
и экономической информации] РУ Генштаба КА
полковник (ПУГАЧЕВ)
Начальник 1 отделения отдела ВТЭИ
военинженер 1 ранга (ЧЕРНЯЕВ)»[191].

Как и в случае с истребителем армейским тип 97 (Накадзима Ki -27), названным НИИ ВВС РККА сухопутным истребителем И-97, легкий армейский бомбардировщик Тип 97 (Мицубиси Ki-30) и тяжелый бомбардировщик армейский тип 97 (Мицубиси Ki-21) были названы соответственно морской легкий бомбардировщик ЛБ-97 и тяжелый морской бомбардировщик ТБ-96 (следовало назвать ТБ-97). В действительности, оба бомбардировщика были не морскими, а армейскими. ЛБ-97 выпускался по лицензии Мицубиси на заводе фирмы «Накадзима» в Ота.

8 марта Зорге сообщал «по радио»:

«Пом. по авиации военный атташе Германии рассказал, что японский штаб имеет в Тацикава на опытной станции новый тяжелый бомбардировщик Мицубиси с 2 моторами по 1300 л. с. каждый, который является удачным усовершенствованием тяжелого бомбардировщика Мицубиси № 96. Команда бомбардировщика 7 человек, бомбовая нагрузка 1000 кг, дальность — 3500 км, скорость около 500 км. Вооружение: одна 2-х см пушка, один пулемет спереди, один внизу в конце хвоста и по одному пулемету по бокам, как делают немцы. Также установлено, что морской тяжелый бомбардировщик того же типа в Нагойя уже находится в общем производстве. Выпуск истребителя "99" задержан в связи с отсутствием мотора. Этот истребитель будет иметь мотор Мерседес № 601, используемый германскими воздушными силами. Этот мотор японцы вынуждены импортировать из Германии. Штаб и адмиралтейство решили использовать этот мотор для скоростных морских и сухопутных самолетов на заводах Тици Токей.

№ 80,81 РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов.
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.3
Адресату.
Панфилову.
Дронову.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: т. Пугачеву. Доложить об этих самолетах.

Г.

10/3».

В телеграмме Зорге речь шла о Мицубиси Ki-21-II — вторая серийная модификация тяжелого бомбардировщика армейского тип 97, разработанная с учетом опыта боевого применения самолетов Ki-21-I в Китае. Новые машины оснащались двумя двигателями Мицубиси Ha-101 мощностью 1500 л.с, что позволило существенно улучшить летные характеристики (так, максимальная скорость на высоте 4400 м возросла до 478 км/ч., а потолок — до 10000 м). Летные испытания опытного образца начались в марте 1940 года, а в декабре для войсковых испытаний были представлены четыре серийные машины. Модель Ki-21-IIb имела экипаж 5 человек (число членов экипажа оставалось неизменным от модификаций), вооружение (пулеметы 1х12,7 мм и 4х7,7 мм), бомбовую нагрузку 1000 кг, практическую дальность полета 2700 км.

Не исключено, что сообщения о разработках скоростного истребителя ТИПА «99», часто упоминаемых Зорге в своих телеграммах, является отражением разговоров о проводившихся разработках фирмой Кавасаки. В 1940 году эта фирма получила от командования армейской авиации заказ на создание двух типов истребителей, оснащенных двигателем жидкостного охлаждения Ha-40(лицензионная версия авиационного двигателя «Даймлер-Бенц» DB 601, установленного на истребителях «Мессершмитт» моделей «Ме-109Е» и «Ме-110»). Это были скоростной перехватчик Ки-60 и более традиционный истребитель Ки-61. В марте 1941 года прототип истребителя Ki-60 совершил свой первый полет. Самолет оказался сложным в управлении, кроме того он отличался недостаточной маневренностью и слишком высокой посадочной скоростью. Но главное — максимальная скорость Ki-60 составляла всего 550 км/ч вместо 600 км/ч по проекту. Проект Ки-60 свернули, построив три прототипа. А вот Ки-61 «Хиен» был принят на вооружение в начале 1943 года.

«Телеграмма № 2732/3114 от 25.03.1941г.
В Токио т. Рамзаю

Докладе "О посещении заводов Мицубиси" данные о площадях сильно преувеличены. **Ввиду важности вопроса установите личным обмером действительную площадь заводов, как действующих, так и новостроящихся** (выделено мной. — *М.А.*). Какие новые конструкции самолетов и моторов производит фирма Мицубиси.

В чем состоят особенности конструирования и производства самолетов. Необходимо получить тактико-технические данные нового типа истребителя, строящегося вместо "И-96" и нового торпедоносца. Тоже о новом двухместном одномоторном бомбардировщике, выпускаемого фирмой Аиси Токей.
Организатор».

Совершенно не понятно, как, по мнению «Организатора», Зорге мог «установить личным обмером действительных площадей заводов».

Из мартовской почты «Рамзая»:

— «Прилагается доклад авиатора из герм. ВАТ о состоянии алюминиевой промышленности. Этот материал уже однажды Вам отправлялся, но там не доставало подробных описаний, которые сейчас сделаны официальной авиационной инстанцией.

Кроме того, прилагается резюме японских желаний, которые они направили Германии для будущих переговоров по хозяйственному соглашению. Это, правда, только японские мечты, но они представляют исключительный интерес сами по себе»;

— «В прилагаемом материале, первую и вторую часть которого мы не приводим, так как они содержат чисто экономические наблюдения о положении в Маньчжурии, речь идет о следующем:

Авиационные заводы Юнкерса продолжительное время находятся в связи с вышеупомянутой маньчжурской Авиационной Компанией с целью сооружения новейшего авиазавода, производящего машины Юнкерс 88.

В конце апреля в Маньчжурию прибывают два инженера проектировщика, чтобы на месте, т. е. в Мукдене, изучить возможности постройки авиазавода на территории местного завода Накадзима. Заводы Юнкерс уже составили план для производства 2000 самолетов в месяц, который имеет ввиду германские производственные возможности, но о каковых, естественно, не может быть и речи в Мукдене. К дискуссии по поводу этого плана представитель германского Имперского Союза Авиационной промышленности написал следующий доклад».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 30 мая 1941 года.
По радио.
ПЕРЕВОД.

Германский воздушный атташе, выезжавший в Западную Манчжурию, узнал, что квантунская армия имеет от 500 до 600 первоклассных самолетов, т.е. две авиадивизии. Формирование третьей дивизии идет медленно.

В Чихар* находится бомбардировочный полк, в Хайлар — один полк штурмовиков. Все самолеты типа 97. Других типов (старее или новее) атташе не видел там. Он заявил также, что новый штурмовик 99 все еще проходит испытания. Он узнал, что приблизительно в 80 км севернее Мукдена расположен огромный склад, построенный в горе. Там уже хранится 10.000 баррелей бензина и от 6000 до 8000 бомб всех родов. Подготавливаются еще два (или больше) склада, но месторасположение их еще не установлено.

Японский корабль доставил из Европы один бомбардировщик "Юнкерс-89" и два "Хейнкель". Военно-морской флот получил лицензию на их производство.

№. 134,135 РАМЗАЙ.

Расш. Лакутинов. 11.00 12.5
Перевел: Малинников.
Адресату.
Дронову.
В реестр».

---

* Искажено.

Информация о количестве самолетов в составе Квантунской армии, полученная от германского военно-воздушного атташе соответствовала действительности — 600 самолетов. В том, что касается организации армейской авиации существовали и проблемы перевода названий с японского языка, вызванное тем, что одно слово имело несколько значений. После проведенной в 1938 г. реорганизации армейская авиация состояла из эскадрилий (чутаев) (по 9 самолетов в каждой), авиационных групп (хико сентай) (45 машин в истребительной авиагруппе и 30 в бомбардировочной или разведывательной авиагруппе). Две или более двух авиационных групп составляли авиационную бригаду (хикодан), две или более двух авиационных бригад — авиакорпус (хикошудан). В середине 1942 г. название «авиакорпус» заменили на авиационная дивизия (хикошидан), однако организационная структура соединения осталась прежней.

Вся информация, поступавшая от германского военного атташе в части закупок германской авиационной техники, германских лицензий на производство авиационной техники была достоверной, когда же речь заходила о собственных разработках японской авиационной техники, в информации появлялись неопределенность и недостоверные сведения, что свидетельствовало о нежелании японцев делиться информацией со своими союзниками.

4.5. «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия»

(И. о. н-ка РУ Генштаба КА генерал-майор танковых войск Панфилов. 14/VII)

В 1958 году русский эмигрант, художник-акварелист Петр Петрович Балакшин написал, что роль Рихарда Зорге «сводилась к простой задаче: выяснить количество соли», идущей в засол белой редьки-дайкона: «В Японии по количеству соли, идущей в засол белой редьки-дайкона (необходимой приправы к пресному рису), специалисты берутся судить, куда намерены двинуться японские вооруженные силы: крепче засол — на юг, слабее — на север»[192]. И здесь же Балакшин опроверг самого себя: «На самом же деле задача определить первоначальное движение японских вооруженных сил была трудна даже для самой Японии. Постоянно враждовавшие между собой армия и флот перемещались как борцы на цирковой арене, в поисках выигрышной позиции»[193]. Однако, тезис Балакшина совсем не соответствовал действительному положению вещей.

Как уже отмечалось, решения в Японии принимались коллегиально широким кругом лиц путем поиска компромисса. При этом особенность компромисса по-японски заключалась в том, что учитывались интересы всех сторон: как тех, кто выступал за безотлагательное решение «северной проблемы», так и тех, кто настаивал на движении на юг.

В ходе своей встречи с Гитлером 4 апреля 1941 г. Мацуока высказал сожаление о том, что в Японии нет человека, который способен принимать единоличные решения: «Народ находит такого фюрера раз в тысячу лет. Японский народ еще не нашел своего фюрера»[194].

Вооруженные силы Японии, готовясь воевать на севере и на юге, предполагали разрешение «северной проблемы» со многими оговорками, и проти-

воборства армии и флота в части выбора направления движения не наблюдалось.

22 июня 1941 г. посол Германии Отт в телеграмме (в ответ на предписание от германского МИДа от 21 июня) доложил: «Сегодня в 19 час. по японскому времени... я посетил Мацуоку и подробно разъяснил ему меморандум германского правительства, а также передал прокламацию фюрера.

Министр иностранных дел воспринял мое разъяснение с полным пониманием...

Мацуока разъяснил далее:

1. Члены основного ядра кабинета, куда входят премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр и министр финансов, встретятся завтра днем. Он будет докладывать о сложившейся обстановке и надеется, что он сможет без промедления сообщить германскому правительству точку зрения японского правительства; ...

3. Лично он может еще раз заверить, что Соединенные Штаты будут не в состоянии переправлять военные поставки в Советский Союз через Тихий океан. ...

Затем Мацуока просил меня сообщить, рассчитывает ли Германия на скорое крушение сталинского режима, для которого, как он издавна считал, только подобная война представляет опасность.

Узнав от меня, что мне неизвестны в подробностях соображения германского правительства, он попросил запросить Берлин.

Мацуока заявил далее, что из отчета посла Осимы у него сложилось впечатление, что фюрер и министр иностранных дел не рассчитывают на активное участие Японии в войне против Советского Союза, предусмотренное пактом трех держав. Он лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте.

Если Соединенные Штаты Америки вступят в войну в связи с германо-русским конфликтом, то для Японии это явится, по его мнению, случаем, предусмотренным Тройственным пактом.

К концу беседы Мацуока получил другую телеграмму Осимы, в которой сообщалось, что имперский министр иностранных дел ставит в известность о том, что русские якобы переправляют войска с Дальнего Востока. Мацуока тут же заявил, что сейчас же предложит соответствующие меры»[195].

И предложил: направился в императорский дворец, где стал убеждать японского монарха как можно скорее выступить против Советского Союза. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, министр иностранных дел ответил, что «сначала надо напасть на Россию»[196].

«По совету Кидо император дал Мацуоке указание действовать в соответствии с желанием Коноэ, а Кидо и Хиранума повторили совет»[197].

Кидо Коити, лорд-хранитель печати, главный политический советник двора и связующее звено между ним и верхушкой государственного аппарата; руководил императорскими конференциями по важнейшим военным и политическим вопросам. Хиранума Киитири, премьер-министр в 1939 г., министр внутренних дел во втором кабинете Коноэ (1940—1941).

В этот же день начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал: «22 июня 1941 г. (воскресенье) 1-й день войны.

11.00 — Паулюс сообщил о заявлении статс-секретаря Вайцзеккера. Англия, узнав о нашем нападении на Россию, сначала почувствует облегчение и будет радоваться "распылению" наших сил...

На Дальнем Востоке маловероятно, чтобы Япония выступила против Англии. Скорее, как Япония, так и Америка будут избегать втягивания в войну. Германия заинтересована в том, чтобы удержать их обеих от вступления в войну, так как в противном случае война станет необозрима по продолжительности и средствам ее ведения и заключение мира в будущем станет крайне сложной и трудной проблемой»[198].

«ТЕЛЕГРАММА от 23.06.1941 № 6058/6897 (в два адреса)

В Токио
Рамзаю
ВАТ тов. Гущенко

Сообщите Ваши данные о позиции Японского правительства в связи с войной Германии против Советского Союза.

Директор».

22 июня премьер-министр Черчилль выступил с обращением, в котором говорил о безоговорочной помощи СССР в его борьбе с Германией. 24 июня Рузвельт заявил, что Соединенные Штаты предоставят Советскому Союзу необходимую помощь. В американских банках были разморожены советские активы и кредиты. Фактически оба лидера говорили о союзе с Россией. Это было недвусмысленное предупреждение и для Японии, что в случае нападения на СССР она может столкнуться с коалицией[199].

Германская агрессия против Советского Союза вновь поставила на повестку дня «разрешение северной проблемы», и избежать обсуждения этой проблемы уже не представлялось возможным.

24 июня военный и военно-морской отделы императорской ставки приняли проект «Программы национальной политики империи в соответствии с изменениями обстановки», согласно которому Япония должна была быть готовой вести военные действия как на южном, так и на северном направлениях. В последнем случае приступить к военным действиям следовало, когда сложатся «особо благоприятные условия».

Проект был передан на рассмотрение в координационный комитет правительства и императорской ставки. Комитет заседал непрерывно с 25 июня по 1 июля.

С предложением немедленно осуществить нападение на Советский Союз выступил Мацуока. Он подчеркивал вторичность Пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом по отношению к Тройственному пакту между Японией, Германией и Италией. 25 июня Мацуока заявил:

«Подписание Пакта о нейтралитете не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Это я объяснил после моего возвращения в Японию. К тому же Советский Союз пока никак не реагировал. Собственно говоря, я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту, что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на положения [советско-японского] Пакта, и, если мы будем намерены что-то предпринять, я буду информировать его по мере возникновения необходимости. В том же духе я говорил с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана). Какое впечатление произвели ваши слова на советского посла?

Мацуока. "Япония сохраняет спокойствие, но никакой ясности нет", — вот, что он сказал, и, я полагаю, это были его подлинные чувства.

Некто. Меня интересует, не счел ли он, что Япония сохраняет верность Тройственному пакту и неверна Пакту о нейтралитете?

Мацуока. Я не думаю, что у него сложилось такое впечатление. Конечно же, я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете. Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Я хочу скорейшего принятия решения по поводу нашей национальной политики. Отт продолжал говорить о перебросках советских дальневосточных войск на Запад»[200].

Однако присутствовавшие на заседании понимали иначе «принципы национальной политики», чем министр иностранных дел. Проявлять спешку в развязывании военных действий против СССР ни военный, ни военно-морской министры не собирались.

«*Военный министр Тодзио.* Переброска дальневосточных войск на Запад, вне всякого сомнения, оказывает сильное воздействие на Германию, но, разумеется, Япония не должна излишне переживать по этому поводу. Мы не должны полностью полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава. От имени флота я хочу сделать некоторые замечания о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней деликатной международной обстановке не следует говорить об отдаленном будущем без консультаций с Верховным командованием. Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу войны одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом. Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе, и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т. д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Чтобы избежать подобной ситуации, **не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз** (выделено мной. — *М.А.*).

Мацуока. Вы сказали, что не опасаетесь войны с Соединенными Штатами и Британией. Тогда почему вы не желаете вовлечения в войну Советов?

Оикава. Если Советы выступят, это означает ведение войны дополнительно с еще одним государством, не так ли? Как бы то ни было, не следует предвосхищать будущее.

Мацуока. Разве я когда-либо говорил в подобном духе? Именно поэтому я считаю, что мы должны спешить и принять решение на основе принципов нашей национальной политики.

Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника в Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры. Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша империя занимает твердые

позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока. В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто. Что бы вы ни предпринимали, не допускайте поспешности в действиях»[201].

Еще в ноябре 1940 г. командующий Оборонительного района Мако вице-адмирал Такахаси Ибо настаивал: «Япония не может приостановить свой натиск в южном направлении... У нас нет другого выбора, как броситься в самую середину урагана. Это наш последний шанс для продвижения на юг»[202]. Призывы эти были тщетны. Ни одно правительство так и не решилось броситься «в середину урагана» на юге, пока Красная Армия не оказалась серьезным образом связанной Германией на западе. Даже генерал Койсо Куниаки, один из ярых сторонников «движения на юг», наиболее горячо в то время требовавший «решительных действий», в октябре 1940 г. предупреждал своих сторонников: «Осуществляя движение на юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот»[203]. 22 июня 1941 г. коренным образом изменило обстановку, угроза «тигра у северных ворот» уже не воспринималась так остро, как ранее.

Мацуока, практически в единственном числе, выступал на заседаниях координационного комитета сторонником теории (принципа) «сибукаки»[204] — «недозрелой хурмы»: «Время спелой хурмы не пришло. Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева». Но оппоненты Мацуоки стояли на позиции теории «умикаки» — «зрелой хурмы».

Итак, только Мацуока, архитектор пакта о нейтралитете, с 22 июня настойчиво добивался немедленного вступления Японии в войну с Советским Союзом. Чем были продиктованы столь непоследовательные и импульсивные действия Мацуоки, ведь Германия еще не призвала Японию выступить против Советского Союза? «Почему он так поступил? Современники, а затем историки терялись в догадках. Поверил в неминуемый успех блицкрига и решил «не опоздать на автобус» ...? Стремился любой ценой войти в историю, понимая, что туберкулез делает свое дело? Слегка повредился рассудком от головокружительного развития событий, как прямо говорил его главный антагонист Хиранума?»[205]. «Определяющей чертой характера Мацуока надо признать его поистине маниакальное славолюбие и стремление к личным триумфам, о последствиях которых он не всегда задумывался»[206]. «Мацуока был гений, динамичный и сумасбродный, — писал после войны его бывший помощник Касэ. — Его мысль работала быстро, как молния... Но он часто противоречил самому себе. Для него... последовательность была уделом посредственностей»[207].

В тот же день — 25 июня — координационный комитет принял Программу политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда, представленную на рассмотрение комитета военным и военно-морским отделами императорской ставки:

«1. Учитывая современную общую обстановку, империя на основе установленного курса форсирует политику продвижения в южную часть Французского Индокитая, в частности, в кратчайший срок устанавливает между Японией и Французским Индокитаем отношения военного сотрудничества с целью обеспечить безопасность и оборону Французского Индокитая.

2. На основе установления отношений военного сотрудничества с Французским Индокитаем империя выдвигает следующие требования:

а) создание или использование авиационных баз, портовых сооружений в установленных районах Французского Индокитая, а также размещение необходимых войск в южной части Французского Индокитая;

б) обеспечение удобного размещения и надежного снабжения императорских войск.

2. Для удовлетворения указанных требований империя приступает к дипломатическим переговорам.

3. Если правительство Франции или власти Французского Индокитая не согласятся на наши требования, для достижения своих намерений применим вооруженную силу.

4. В этих целях следует готовиться к отправке войск»[208].

25 июня императорской ставкой был также утвержден разработанный генеральным штабом армии график (уже цитировавшийся) подготовки к войне, ее развязывания и победоносного завершения:

25 июня военный атташе при посольстве СССР в Японии Гущенко — «Икар» — сообщил начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной Армии «данные о позиции Японского правительства в связи с войной Германии против Советского Союза»:

«Токио По телеграфу
25 июня 1941 г.

Из разговоров, моих и работников, с японцами установил:

1. Для простого народа и интеллигенции выступление Германии против СССР было полной неожиданностью. Они рассказывали, что когда банковские служащие Иокогамы узнали об этом событии, то многие из них говорили: "Пришло такое время, что если призовут в армию, то не будем знать, на кого направлять ружье, ибо непонятно, кто враг, а кто друг".

2. Эта категория людей ясно понимает, что наступающей стороной является гитлеризм, порвавший договор, как простую бумажку, а отсюда — верить Гитлеру нельзя.

3. Оценивая взаимоотношения Японии и СССР, простой народ и интеллигенция говорят: Япония не может воевать против СССР, от этой войны она не может получить ничего, следовательно, воевать в пользу Германии могут только дураки. Мы получили экономические выгоды от торговли на основании заключенных договоров. Мы воюем уже четыре года, мы устали. Денег нет, все дорого, и ничего нет, зарплата уже почти не обеспечивает прожиточного минимума. Это ярко показала иокогамская демонстрация в мае против закрытия порта, где было арестовано 300 человек.

4. На усиленно развернувшуюся пропаганду немцев, которая заполняет газеты до 75% всех статей, простые люди читают и удивляются: «Как Германия сильна — 2000 самолетов сбила!», верят в написанное. Люди, способные мыслить, говорят: «Здесь правды от 50% до 5%».

Немецкая ложь и демагогия проводятся на основе защиты интересов всего мира против коммунизма.

5. Генералы Араки и Сида с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были ярыми противниками СССР, под впечатлением речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно. Народ верит, что будет принято решение в войну не вступать.

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: народ всем своим существом не хочет войны и будет бороться против, несмотря на жестокий полицейский режим. Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки.

Гущенко».

Военный атташе при посольстве СССР в Японии, резидент военной разведки доложил в Центр то, что, как он полагал, от него ждали. И вместе с тем, Гущенко не исключил возможность того, что правительство «может пойти на самые неожиданные шаги».

Однако эта информация не удовлетворила Центр:

«Телеграмма № 6221/7114 от 26.06.1941 г. /по радио/
В Токио т. Инсону /Рамзаю/.

Сообщите, какое решение принято японским правительством в отношении нашей страны в связи с войной между СССР и Германией. Случаях переброс войск нашим границам немедленно сообщайте нам.

Организатор».

На заседании координационного комитета правительства и имперской ставки 26 июня продолжал рассматриваться проект «Программы национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен совещанию с участием императора. Возмутителем спокойствия по-прежнему выступал внезапно перекрасившийся в антисоветского ястреба министр иностранных дел:

«*Мацуока.* Мне не понятна фраза "предпринять шаги для продвижения на юг" и слово "также" в фразе «также разрешить северную проблему» ...

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Что вы хотите знать? Вы хотите знать, что важнее — Юг или Север?

Мацуока. Это то, что я хочу знать.

Сугияма. Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация.

Мацуока. Означает ли фраза "предпринять шаги для продвижения на юг", что мы не предпримем действий на Юге в ближайшем будущем?..

Зам. начальника генерального штаба армии Цукада. Хорошо, тогда я выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий по важности. Порядок и метод [действий] будут зависеть от обстановки. Мы не можем дей-

ствовать на обоих направлениях одновременно. В данный момент мы не можем решить, что будет первым — Север или Юг...

Мацуока. Что произойдет, если обстановка не изменится в особо благоприятном для нас направлении?

Цукада. Мы пойдем вперед, если почувствуем, что условия особо благоприятные, и не выступим, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включили (в проект документа) слова "особо благоприятные". К тому же существуют разные точки зрения. Даже если Германия будет считать условия особо благоприятными, но они не будут благоприятными для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, мы выступим, если они будут благоприятны для нас.

Министр внутренних дел Хиранума. Можно вступить в войну без использования военной силы. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не используются вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, и использование вооруженных сил не могут быть разделены, нельзя ли вступить в войну без применения вооруженных сил?

Мацуока. Согласен. Возможен период между вступлением в войну и использованием вооруженных сил»[209].

26 июня Зорге под псевдонимом «Инсон» сообщил из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 26 июня 1941 года.
По радио

Германский посол ОТТ не имеет приказа давить на Японию вступать в войну.

Источник ОТТО сказал, что японский флот в отношении вступления в войну будет наблюдать и выжидать.

Второй месяц — два германских корабля с военными материалами для Германии стоят в Японии. Названия этих кораблей: «Oven Wald» и «Reihland». Мацуока не имеет надежд на какие-либо взаимопонимания с Америкой.

№150. ИНСОН.

Расш. Малинников. 19.00 3.7
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 4
НО-3
В сводку

4.7 И [Ильичев]».

В этот же день в Москву из Токио была отправлена еще одна телеграмма:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО.
26 июня 1941 года.
По радио

Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу.

Мацуока сказал Германскому послу ОТТ, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР*.

№149. ИНСОН.

Расш. Малинников.
Перевел Рогов 3.7
Адресату. Сталину. Молотову. Берия. Тимошенко.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Маленкову. Жукову.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 4
НО-3
К учету и сводку

4.7 И».

В данном случае Мацуока выразил личную точку зрения, которая не отражала точку зрения большинства участников, проводимых ежедневных заседаний координационного комитета правительства и императорской ставки.

На очередном заседании координационного комитета 27 июня Мацуока остался верен себе:

«Я получил несколько сообщений от Осимы. Их суть состоит в том, что проведение политики нашей Империи может оказаться довольно трудным, когда германо-советская война завершится в короткие сроки, а германо-британская война будет закончена этой осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки.

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о нем размышлял. Хотя я оценивал возможность начала германо-советской войны на 50 процентов, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Несмотря на то, что наша Империя некоторое время может выжидать и следить за развитием обстановки, в конце концов, мы будем вынуждены принять важное решение и как-то выйти из создавшегося сложного положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война быстро закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападем на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем, Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее, надо нанести удар сначала на Севере, а затем идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Британией, и с Соединенными Штатами.

...Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы

---

* Этот абзац в тексте выделен. На полях резолюция НУ: "Членам ГосКО, НКО (тел-ф), НГШ. Г."

должны сначала ударить на севере, а затем нанести удар на юге. Если ничего не предпринимать, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия»[210].

Согласно другому источнику, говоря о том, что «прежде необходимо выступить против севера», Мацуока вернулся к сравнению Советского Союза с тигром: «Не войдя в пещеру тигра — не возьмешь тигренка. Будем действовать смело и решительно»[211].

Однако армию волновал вопрос разрешения «китайского инцидента»:

«*Военный министр Тодзио.* Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока. До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что, если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио. Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока. Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио. Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Военно-морской министр Оикава. Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока. Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы могли бы с самого начала уклониться от заключения Пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще неясна.

Министр внутренних дел Хиранума. Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Предлагаете ли вы безотлагательно напасть на Советскую Россию, немедленно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока. Да.

Хиранума. Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока. Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначального удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии.

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар [на Север] или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным

операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. **Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться** (выделено мной. — *М.А.*).

Мацуока. Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма. Нет»[212].

Аргументация Мацуока была не убедительна и не достигла своей цели. И даже ястреб Хиранума не поддержал его.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 28 июня 1941 года.

Решение о движении на Сайгон было принято под давлением радикальных элементов, которые требовали действий, но при условии избежания конфликта с Америкой и, во-вторых, чтобы выиграть время в течение германо-советской войны.

Источник Инвест утверждает, что как только Красная Армия получит поражение, Япония выступит на север, но указал, что Япония желает купить Сахалин мирным путем, как случай (два слова искажены) … политики в период советско-германской войны.

Германский посол Отт подтверждал в отношении первой части этого, но Мацуока на вопрос Отт в отношении второй части сказал, что Япония выступит против СССР, как он об этом всегда заверял его. Затем Мацуока сказал послу Отт, что император согласился на движение в Сайгон еще некоторое время тому назад и что это не может быть изменено в данное время. Поэтому Отт понял, им Япония не выступит на север сейчас.

Инвест сказал, что прибытие генерала Ямасита будет иметь большое влияние на выступление Японии на юг или север, но само решение о выступлении даже Ямасита изменить уже не сможет.

Прибытие Сигэмицу и переговоры в Вашингтоне будут также иметь некоторое влияние на дальнейшие решения.

Американский ответ в отношении сближения прибыл удовлетворительный, но еще не известен, но утверждают, что ответ в общем касается Китая и что Япония получает большое экономическое преимущество в Китае, если она не будет претендовать на южные моря и расторгнет пакт трех держав. Инвест скоро будет иметь более полную информацию.

№156,157,158.159. ИНСОН.

Расш. Малинников. 13.20 4.7
Перевел п-к Рогов
Адресату. Сталину. Молотову.
В реестр. Сталину. Жукову.
Дронову
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 9: Разослать
тт. Сталину,
Молотову,
НГШ.

Г [Ф.И. Голиков].

НО-3
К учету и в сводку

5.7 И [И.И. Ильичев]».

Генерал Ямасита Томоюки, во главе специальной военной миссии находился в 1940—1941 г. в Германии и Италии. Сигэмицу Мамору, посол в Великобритании, отозван в июне 1941 г.

В шифртелеграмме сообщение о согласии императора «на движение в Сайгон» являлось отражением Программы политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда, принятой 25 июня координационным комитетом.

30 июня Отт вручил Мацуоке меморандум Риббентропа, призывавший японское правительство к немедленному вступлению в войну против СССР.

Основные доводы рейхсминистра были сформулированы следующим образом:

«1. Война между Германией и Советами не ограничивается локальными, отдельными проблемами. Она приведет к окончательному решению всей проблемы России в целом.

2. Разгром Советского Союза в результате военных действий Германии ожидается в сравнительно короткое время. В результате победа Германии и над Англией станет еще более непоколебимым фактом. Когда Германия захватит нефтяные поля и хлеб Советского Союза, то создастся гарантия полного обеспечения всей Европы. Этим самым блокада, организованная Англией, утратит свое значение. Кроме того, восстановится прямая связь по материку с Восточной Азией.

3. Таким образом, возникнут все предпосылки для создания нового порядка в Европе, являющегося целью стран "оси".

4. Все это дает и для Японии единственный и бесподобный шанс, вытекающий из данной обстановки. Так же как это сделает Германия для Европы, Япония в результате открытия сейчас военных действий против Советов может создать все условия для планируемого ею нового порядка в Восточной Азии. Если уничтожить силы СССР в Восточной Азии, то Япония без каких-либо трудностей сможет разрешить китайскую проблему, согласно своему желанию.

5. С точки зрения интересов Японии ее идея продвижения на юг, включая район Сингапура, получает серьезное значение как в настоящее время, так и на будущее. Однако в соответствии с тем, что в отношении этого продвижения Япония еще не провела подготовку, а также ввиду того, что возможность для такого продвижения в условиях данного этапа войны еще не созрела, использование на Дальнем Востоке благоприятного случая полного решения русского вопроса, представившегося для Японии в настоящее время, является для нее чрезвычайно выгодным.

6. В соответствии с тем, что ожидается быстрое завершение событий, Япония должна, не колеблясь, принять решение о начале военных действий против Советов. Если Япония предпримет действия уже после того, как СССР потерпит полное поражение, то это нанесет Японии и моральный, и политический ущерб.

7. Быстрое поражение Советского Союза, и особенно его поражение в результате нанесения Японией удара с Востока, полностью изолируют Америку и сделает для нее совершенно бессмысленным выступление на стороне Англии»[213].

Этот документ производит странное впечатление в связи с тем, что до последнего момента Германия добивалась от Японии нападения на Сингапур. И вдруг, как будто спасала пелена с глаз, как будто прошло наваждение,

тот же Риббентроп, который еще в апреле ратовал за движение на Сингапур, заявляет, что «возможность для такого продвижения в условиях данного этапа войны еще не созрела». Закончилось воздействие из Токио на министерство иностранных дел Германии, а через него и на руководство рейха в целом. И решение на такую радикальную переориентацию мог принять только один человек в Германии — Гитлер.

На открывшемся в тот же день очередном заседании координационного комитета Мацуока вновь призывал немедленно выступить против СССР. Его поддержал министр внутренних дел Хиранума, правда, с существенной оговоркой. Из стенограммы, однако, не следует, что Мацуока ознакомил участников заседания с полученным меморандумом Риббентропа (не исключено, что меморандум был получен после заседания).

«*Мацуока.* До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муто. Оккупировав южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Министр внутренних дел Хиранума. Я полагаю, мы должны идти на север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано. Что касается флота, то, если мы выступим на севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни. Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма. В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака. Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть — на север или на юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на север.

Военный министр Тодзио. Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Принц Хигасикуни. Каковы будут результаты движения на юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма. Существует несколько возможных вариантов движения на юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения на-

шего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей. То есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ. Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Принц Асака. Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ. Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью»[214].

Говоря о том, что «великие люди должны уметь менять свое мнение», Мацуока имел в виду себя, иначе зачем подтверждать этот тезис примером: «Раньше я выступал за движение на юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления».

Председатель правительства, армия и флот склонялись к движению на юг. При этом войска в Маньчжурии приводились в боевую готовность с существенной оговоркой о намерении иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. На заседании 1 июля на этот счет говорилось следующее:

«*Министр финансов Кавада.* Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим наши войска в Маньчжурии в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада. **Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

Военный министр Тодзио. Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси. Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечить транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на юг или на север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как

обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также как разрешить китайский инцидент»[215].

Итог ежедневных дебатов был поведен 2 июля, когда была принята «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки»:

«Политика:

1) Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2) Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. **Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*).

3) Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей»[216].

В резюме документа говорилось:

«а) Чтобы ускорить падение режима Чан Кайши, на него будет усилено давление, и в зависимости от изменений в обстановке, мы в нужное время осуществим права воюющей стороны по отношению к Чунцинскому режиму и конфискуем концессии врага в Китае.

б) В интересах обеспечения самостоятельного существования и самообороны, Япония будет продолжать дипломатические переговоры с заинтересованными странами южных областей и примет другие необходимые меры.

В этих целях мы должны подготовиться к войне с Англией и Соединенными Штатами.**Сначала мы должны воплотить в жизнь наши планы в отношении Французского Индокитая и Таи, следуя "Основной политике в отношении Французского Индокитая и Таи"** ["Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда"] и **"Вопросам, касающимся ускорения осуществления нашей южной политики"** ["О форсировании политики в отношении Юга"]. **И, таким образом, создать устойчивый фундамент для наступления на юг.**

Для достижения вышеупомянутой цели Япония готова пойти на войну с Англией и Соединенными Штатами.

в) Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с Советским Союзом. Тем временем, мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. И, **если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах**.

г) Для осуществления сказанного выше и, особенно на случай применения оружия, должны быть приняты все меры, но так чтобы не возникло никаких трудностей для сохранения готовности к войне с Англией и Соединенными Штатами.

д) Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну, применяя для этого как дипломатические

меры, изложенные в заранее разработанных программах, так и любые другие способы. Но если Соединенные Штаты примут участие в войне, Япония будет действовать в соответствии с пактом Трех держав. Время же и метод ведения военных действий будут определены самостоятельно.

е) Необходимо немедленно перейти к тщательному укреплению всей внутренней военной организации страны и стремиться к укреплению системы национальной обороны, в особенности.

ж) Какие именно меры должны быть приняты, мы решим отдельно»[217].

В ходе обсуждения повестки дня премьер-министр Коноэ отметил:

«...Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации, с одной стороны, мы должны продвинуться на юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта (северная проблема) является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности всей Азии»[218].

Достаточно единодушны в своих оценках ситуации были представители армии и флота. В своем выступлении начальник генерального штаба армии Сугияма говорил о планах использования армии как на юге, так и на севере, не забывая и «китайский инцидент»:

«По поводу разрешения китайского инцидента. В нынешних условиях я считаю, что для ускорения разрешения этого инцидента нашей Империи абсолютно необходимо усилить прямое давление на чунцинский режим. Двигаясь в южном направлении, мы сможем нарушить связи между чунцинским режимом и Британией и Соединенными Штатами, которые, оказывая поддержку с тыла, поощряют этот режим к продолжению сопротивления. Продвижение наших войск в южную часть Французского Индокитая преследует именно эти цели».

«Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, и Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга».

«По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее

время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять в тайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечивать независимую позицию.

При этом я считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей принципиальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма».

«...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке. — *М.А.*) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. **Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению и предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия.** Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят—шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза "пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт"».

Интересна иерархия приоритетов (если это не результат некорректного перевода), которые, по мнению начальника генерального штаба, должна решать Квантунская армия после усиления: защищать себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть готовой к наступлению и предпринять наступление.

Начальник главного морского штаба Нагано, говорил только о движении на юг:

«По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов, будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью. В качестве первого шага нам необходимо осуществить политику в отношении Французского Индоки-

тая и Таиланда в соответствии с документами «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении юга» и тем самым повысить наши возможности для дальнейшего движения в южном направлении».

Выступавший после них Мацуока был на удивление нейтрален: «Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обстоятельства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой — оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции...

Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает Верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной».

Наиболее решительно выступил председатель Тайного совета Хара:

«Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии...

Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападем на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединенными Штатами. Я не думаю, что Соединенные Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападем на Советский Союз».

Мацуока в своем выступлении затронул тему воинственных настроений в войсках: «Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость Верховного командования».

Опасения Мацуоки были не беспочвенны. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата Хикодзабуро на допросе 28 февраля 1946 г. в Хабаровске показал: «Позиции немедленного выступления войной против Советского Союза, придерживалось большинство молодых офицеров штаба Квантунской армии, во главе которых стояли начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант ЕСИМОТО [Ёсимото Тэйити] и его заместитель генерал-майор АЯБЭ [Кицудзю]»[219].

Нельзя было исключать угрозу развязывания военных действий, спровоцированных руководством штаба Квантунской армии, тем более что такие примеры имелись. Последний случай такого выступления — в 1939 г. на Халхин-Голе. Однако теперь ограничить вооруженные столкновения локальным конфликтом было бы почти невозможно. Военный министр Тодзио в своем выступлении отметил:

«Министр иностранных дел Мацуока сейчас высказал свое мнение по поводу молодых офицеров. Как лицо ответственное за поведение солдат и весь личный состав вооруженных сил, я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечаний министра иностранных дел, сделанных в присутствии императора.

Министр иностранных дел намекнул, что некоторые находящиеся на передовой военнослужащие проявляют нетерпение. Однако я хочу заявить, что армия действует по приказам императора. То, на что намекает министр иностранных дел, никогда не может произойти. Мы будем прибегать к строгим (дисциплинарным) мерам в отношении войск, посланных во Французский Индокитай. Согласовать военные и дипломатические акции очень трудно. Я постараюсь избежать проблем такого рода в сотрудничестве с Верховным командованием».

Мацуока затронул вопрос и единоличного принятия Гитлером решений: «Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет». Риббентроп в начале апреля 1941 г. был уже в курсе решения, принятого Гитлером. Однако Японию об этом решили не информировать.

Председатель Тайного совета обратился к министру иностранных дел с вопросом: «Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?» Мацуока ответил так: «Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа "О форсировании политики в отношении юга". Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств».

Ответ Мацуоки содержал полуправду — давление на страну восходящего солнца в пользу нападения на СССР стало оказываться с 30 июня, когда Отт вручил Мацуока меморандум Риббентропа, призывавший японское правительство к немедленному вступлению в войну против СССР.

Из протокола допроса от 18 ноября 1942 г.

Свидетель — Коноэ Фумимаро.

Следователь — Накамура Кодзуо (Кодзо).

Секретарь — Курабаяси Торадзи.

«... Вопрос тридцатый. Принималось ли решение о нашей позиции в отношении Советского Союза на конференции в присутствии императора 2 июля 1941 года?

Ответ. Да, принималось. Я помню, что это решение было принято на всякий случай. **Было решено произвести подготовку, с тем чтобы поступить в соответствии с обстоятельствами** (выделено мной. — *М.А.*)...»[220].

Подобный лаконизм бывшего премьер-министра Японии отражал суть принятого решения в отношении Советского Союза.

30 июня принц Арака, давая оценку позиции, которую заняла Япония, сказал: «Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть — на север или на юг». Однако, это высказывание не отражало действительного положения вещей. Япония «сидела на заборе» отнюдь не вольготно, а с гирей на ногах — гоминдановской армией и Национально-революционной армией на фронтах Китая. И на юг Япония уже «прыгнула» — было подтверждено решение «продолжать движение на юг» — во Французский Индокитай, несмотря на возможность войны с Великобританией и Соединенными Штатами. С севером дело обстояло иначе — нападение должно произойти тогда, указывал военный министр Тодзио, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»[221]. Спелой хурма должна была стать после того, как СССР будет окончательно повержен в его европейской части ударами вермахта. Для развязывания военных действий против Советского Союза необходимо было существенное ослабление дальневосточной группировки за счет переброски на западный фронт или развал и деморализация Красной Армии на Дальнем Востоке после ее окончательного разгрома в европейской части страны.

Япония вступила в войну против СССР без применения вооруженных сил, но при сохранении угрозы их применения. Наращивая свои войска в Маньчжурии и бряцая оружием, Япония подвешивала себе гирю на вторую ногу, тем самым становясь заложницей, самой же спровоцированной ситуации. Перенося сроки нападения на советский Дальний Восток — сначала на 1942 год, затем на 1943-й, японцы подсознательно отдавали себе отчет в том, что этого нападения так и не произойдет. И в этой ситуации Японии оставалось пребывать в ожидании, когда Советский Союз нанесет первым удар, имея на то все основания.

В одном из своих писем А.П. Чехов выразил следующую мысль: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него»[222]. Квантунская армия как ружье «провисело» в Маньчжурии пять лет, так и не выстрелив. Вместе с тем, это были демонстрация силы, оказание постоянного давления на Советский Союз, которые являлись очагом постоянной напряженности на советском Дальнем Востоке.

1 июля 1941 года в «Нью-Йорк геральд трибюн» появилась статья Джозефа Ньюмена «Япония все еще нацеливается на область южных морей». В ней говорилось: «Несмотря на то что советско-германская война вызвала на некоторое время повышенный интерес в Японии к Владивостоку, ее главное внимание, по сведениям хорошо информированных источников, по-прежне-

му сконцентрировано на районе южных морей. Планируются новые усилия по созданию т.н. Великой Восточно-Азиатской сферы взаимного процветания, которая будет включать в себя Французский Индокитай, Таиланд, Филиппины и Голландскую Восточную Индию»[223]. Статья, как и некоторые другие, была инспирирована Зорге через Вукелича с целью не только предупредить Америку о планах Японии, но и попытаться убедить Вашингтон в тщетности попыток договориться с Токио.

В круг знакомых Вукелича входил и аккредитованный в Токио корреспондент американского агентства «Юнайтед пресс» Гарольд О. Томпсон. К нему обратился Вукелич с предупреждением о готовящемся нападении Японии на Сингапур в надежде, что располагающий обширными связями американец сумеет найти способы и каналы, чтобы известить официальные органы своей страны и Великобритании. Вот как описал происшедшее Томпсон в своем письме, которое было опубликовано спустя двадцать лет:

«Я знал Бранко Вукелича лучше (чем Рихарда Зорге. — *М.А.*). Буки (прозвище Вукелича. — Прим. авт.) работал на агентство Гавас, а когда его токийское отделение закрылось, он стал безработным ... Вукелич мне нравился, при случае он часто оказывал мне помощь. Но вот однажды он пришел и спросил, не хотел бы я узнать кое-что относительно планов захвата японцами Сингапура. Не забывайте, что Япония в то время еще даже не находилась в состоянии войны. Я разъяснил Вукеличу, что он ступил на опасный путь, что это уже шпионаж и что такие вещи не входят в компетенцию сотрудника органов прессы. Он рассмеялся и сказал, ... что у него ... есть хорошие друзья среди японских военных. Тем не менее, я отказался выслушать его, еще раз его предупредил и подчеркнул, что в этих обстоятельствах больше не могу пользоваться его услугами.

Г. О. Томпсон»[224].

С трудом верится, что Томпсон не сообщил о полученной информации в соответствующие инстанции. Однако это письменное свидетельство дает основание считать, что Ньюмен и Томпсон были не единственными контактами, к которым Вукелич обращался с целью передать информацию о планах Японии. Среди таких контактов мог быть и британский военный атташе в Токио генерал-майор Фрэнсис Пиготт.

Для действия в южной части Индокитая 5 июля была сформирована 25-я армия, основу которой составили гвардейская дивизия и 21-я отдельная смешанная бригада. Для подготовки к выступлению требовалось 20 дней[225].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 3 июля 1941 г.
По радио.

...

Германский военный атташе сказал мне, что японский Генштаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежностью поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее как через 5 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высад-

кой десанта со стороны Сахалина на Советском побережье Приморья. Общее настроение народа против действий Германии и присоединения Японии.

Ваша дипломатическая деятельность должна быть значительно сильнее, чем это делается другой стороной.

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет и придерживаться пакта о нейтралитете с СССР.

Решено послать три дивизии в Сайгон Индо-Китай. Даже Мацуока голосовал за это, который перед этим был за ориентацию на СССР.

Источники Итери и Ирако сказали, что слышали в отношении укрепления Восточной границы некоторым количеством войск из Сев. Китая а также усиления войск на Хоккайдо.

Возвращенная в Киото дивизия будет направлена на север.

РАМЗАЙ.

Расш. Малинников 3.7.41 19.30

Перевел полковник Рогов.

Адресату.

Дронову.

В реестр.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО4

1) Подчеркнутое на стр. 1-2 послать выпиской членам Гос. К. Об. И НГШ.

2) Потребуйте от Рамзая сообщений о японских военных перебросках против СССР из Китая и самой Японии.

3) Доложите, сколько времени он не давал ответа на наше требование о левом фланге и саму его телеграмму.

8.VII.41

Г.».

«Инвест» — Одзаки, «Итери» — Мияги, «Ирако» — новый псевдоним «Мики» — Косиро Ёсинобу.

Указанный в телеграмме срок в шесть недель, через которые Япония, по мнению «Инвеста», намеревалась вступить в войну, соответствовал принятому графику: от издания директивы о мобилизация — 5 июля — до начала военных действий — 29 августа.

В своей шифртелеграмме Зорге не удержался от рекомендаций относительно деятельности советской дипломатии.

4 июля Отт донес «Весьма срочно» в министерство иностранных дел Германии:

«ТЕЛЕГРАММА

Токио, 4 июля 1941 г. 10 ч. 30 м.
Принята 5 июля 1941 г. 0, 55 м.
№ 1350 от 4.7.
Весьма срочно.

Военный атташе сообщает свои впечатления, которые он вынес из беседы с японским генеральным штабом, японская армия усердно готовится, все более скрывая это:

1. К занятию Сайгона в недалеком будущем. Занятие Сайгона должно явиться предпосылкой для возможного дальнейшего наступления на юг, но для этого еще нет надежных точек опоры.

2. К неожиданному, но не опрометчивому открытию военных действий против России, первая цель которых — захват областей на побережье. Поэтому генерал Ямасита вначале для того, чтобы передать свой опыт, также остался в Квантунской армии»[226].

Замечательная формулировка «неожиданное, но не опрометчивое открытие военных действий против России».

Сопоставление телеграмм Зорге и Отта говорит о том, что донесение «Рамзая» — «Инсона» было значительно содержательнее. Более того, германскому послу говорили то, что он желал услышать.

На фоне победоносного шествия вермахта по советской земле Германия вдруг упорно добивается безотлагательного вступления Японии в войну. 9 июля 1941 г. Франц Гальдер записал в своем дневнике: «18-й день войны... 4-й обер-квартирмейстер [бывший военный атташе в Японии генерал Мацке] доложил о военно-политических моментах. Намерения Японии до сих пор еще не ясны. До сих пор внимание Японии направлялось нами на Сингапур, теперь мы направляем его против России. Результаты, впрочем, могут сказаться лишь по истечении известного времени»[227].

10 июля Риббентроп телеграфировал Отту:

«4. Я прошу при возможности поблагодарить японского министра иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве. Было бы хорошо, если бы и впредь мы могли постоянно получать таким путем известия из России.

Обобщая, я хотел бы сказать:

Теперь, как и прежде, я питаю полное доверие к японской политике и к японскому министру иностранных дел, прежде всего, уже потому, что сегодняшнее правительство действовало бы безответственно по отношению к будущности его нации, если бы оно не использовало бы эту единственную возможность, чтобы разрешить как русский вопрос, так и обеспечить раз и навсегда свое распространение на юг и урегулирование китайского вопроса.

Так как Россия, как сообщает японский посол из Москвы, действительно стоит перед катастрофой, что, впрочем, совпадает и с нашими наблюдениями, насколько мы это смогли сделать при современной военной обстановке, то невозможно, чтобы Япония, как только она будет готова в военном отношении, в худшем случае не решила бы вопроса о Владивостоке и о сибирском пространстве.

Само собой разумеется, что мы заинтересованы в том, чтобы Япония на юге обеспечила себе дальнейшие позиции в Индокитае и так далее, как вообще мы в принципе приветствовали бы любое экспансионистское мероприятие Японии.

В остальном я прошу Вас всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами и впредь действовать в духе моего послания на имя Мацуока для быстрейшего вступления Японии в войну против России, так как чем раньше произойдет это вступление, тем это будет лучше. Разумеется, и на дальнейшее остается целью, чтобы Япония и мы до наступления зимы протянули друг другу руки на транссибирской дороге.

С крушением России позиция государств Пакта трех в мире будет столь гигантской, что вопрос крушения Англии, или абсолютное уничтожение английский островов, станет вопросом только времени.

Против овладения остальными позициями Британской империи, важными для государств Пакта трех, будет выступать одна Америка, полностью изолированная от остального мира»[228].

В тот же день — 10 июля — Зорге сообщил в Москву о полученной Оттом из Берлина телеграмме, снабдив ее комментариями, и не только:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 10 июля 1941 г.
По радио

Германский посол Отт получил приказ от Риббентропа толкать Японию в войну, как можно скорей. Отт очень удивлен такой спешкой Риббентропа, который должен знать, что Япония еще не готова и что это была бы только видимость войны, если она начнется теперь.

Ист. Инвест сказал, что около дивизии уже направлено для действий на юге.

37 транспортных пароходов с войсками находятся в пути, в направлении Формозы.

Имеются слухи, что 19-я дивизия находится в пути на север.

Я послал человека специально разузнать в Киото.

№ 164 ИНСОН.

Расш. Долгих 12.7 20.45
Перевел Рогов.
Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Вышинскому.
Дронову. Сталину. Ворошилову. Берия. Жукову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: "НО-4
Членам ГКО,
тов. Вышинскому,
Нач Г Штаба.
АП [Панфилов] 13/VII".
НО-3
В сводку

13.7 И [Ильичев]».

10 июля Зорге отправил еще одну очень важную телеграмму о принятых решениях на императорском совещании 2 июля:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 10 июля 1941 года.
По радио

Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии (здесь и далее выделено мной. —*М.А.*). Германский посол Отт сказал то же самое, что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска.

Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну, но не ранее конца июля или начала августа и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку.

Мацуока в разговоре с Отт сказал, что японский народ будет ощущать авиационные налеты на жизненные центры Японии.

На это Отт ответил, что это невозможно потому, что СССР имеет только 1.500 первоклассных самолетов на Дальнем Востоке, что только 300 тяжелых бомбардировщиков будут в состоянии прилететь в Японию и вернуться обратно. Что имеется только два типа самолетов, которые смогут выполнять такие задачи — это ТБ-7 и тип ДБ-3, которых еще нет совсем на Дальнем Востоке. Вот этими разговорами Отт старался влиять на Мацуока за вступление в войну.

Германский военный атташе уверен, что конец советского режима наступит вместе с оккупацией Ленинграда, Москвы и Харькова, в противном случае немцы начнут крупные воздушные операции вдоль жел. дор. линий из Москвы через Сибирь.

Японские власти начали преследование лиц, не одобряющих германо-советскую войну и, наоборот, держатся в стороне от народа, который с энтузиазмом за вступление в войну на стороне Германии.

Три влиятельных... (искажено), которые выражали желание воевать против СССР, были арестованы.

Чтобы избежать влияний на решения правительства, генерал Ямасита получил приказ остаться в Маньчжоу-Го.

Имеются слухи, что Ямасита будет назначен на новую должность командования войсками на южных базах и в Индо-Китае.

№163,165,166,167. ИНСОН.

[РЕЗОЛЮЦИЯ ЗНУ]: Инфор

В спец донесение.

Подготовить сегодня же.

АП

14/VII

Примечание РУ Генштаба КА:

Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия.

И. о. н-ка РУ Генштаба КА

Генерал-майор танковых войск Панфилов.

Расш. Малинников. 14.30 13.7

Перевел полковник Рогов

Адресату.

В реестр».

Генерал Ямасита Томоюки в июле был назначен командующим 25-й армии, перед которой стояла задача оккупации полуострова Малакка и захват Сингапура.

Зорге удивительно точно передал суть принятого на императорском совещании решения: не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии.

Наряду с прочей ценной информацией, обращают на себя внимания слова Отта, воспроизведенные «Рамзаем»: «Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска». Оказывается, чтобы подвигнуть японцев к началу боевых действий, уже недостаточно было, чтобы германские войска заняли Москву и Ленинград — план «Барбаросса» предусматривал достижение ли-

нии Волга — Архангельск. В этом ключ к пониманию позиции Японии: готовиться к войне, но ее не развязывать.

Передавая попытку германского посла развеять опасения Мацуоки насчет возможных ударов советской авиации по «жизненным центрам» Японии, Зорге приводит цифры, озвученные Оттом, — 1500 боевых самолетов, в том числе 300 тяжелых бомбардировщиков с дальним радиусом действия. Обе цифры были занижены.

Группировка ВВС Красной армии в Отдельном Дальневосточном военном округе на 22 июня 1941 г. насчитывала, согласно одним данным, 4140 боевых самолетов[229], согласно другим — 1935 боевых самолетов, в том числе дальних и тяжелых бомбардировщиков — 403, из них 262 современных по тем временам самолета — Ер-2 (дальность 4100 км при бомбовой нагрузке 1000 кг) и Ил-4 (дальность 3800 км при бомбовой нагрузке 1000 кг)[230].

Однако даже заниженные цифры не могли успокоить ни министра иностранных дел Японии, ни японский генералитет. В одном из документов императорской ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»[231].

О том, как проходил процесс анализа и оценки, поступавшей к нему из разных источников противоречивой информации (как можно было допустить, что проходившая мобилизация и наращивание группировки войск в Маньчжурии, в действительности, предусматривает выступление против СССР лишь в том единственном случае, когда советские войска на Дальнем Востоке будут чрезвычайно ослаблены и разложены; разгрома советских войск в европейской части страны для этого было недостаточно), Зорге остановился на одном из допросов:

«Для определения позиции Японии в отношении войны Германии с Советским Союзом 19 июня 1941 года состоялось заседание японского правительства и руководства вооруженными силами. Затем 23 июня состоялось заседание Совета руководства сухопутных и военно-морских сил с участием премьер-министра, а 2 июля 1941 года было созвано совещание в присутствии императора. Из информации, которую сообщил мне Одзаки по всем заседаниям, наибольший интерес представляла информация о совещании 2 июля. Еще до него у Одзаки сложилось впечатление, что премьер-министр Коноэ и окружающие его министры, за исключением военных не хотят войны с Советским Союзом. Кроме того, в руководстве военно-морским флотом были люди, которые не хотели воевать с Советским Союзом, и только лишь в руководстве сухопутными войсками выступали за участие в этой войне. Однако все эти силы практически занимали выжидательную позицию, в правительстве только министр просвещения высказывал мысль об отказе от договора о нейтралитете, заключенного самим Мацуока. Одзаки считал, что заседание 19 июня, также как и заседание 23 июня имели подготовительный характер, и на них не было принято никаких решений. Они были созваны для подготовки совещания 2 июля. Созыв этих двух совещаний является доказательством, с какой серьезностью японское правительство изучало эту проблему. Одзаки просил обратить на это серьезное внимание. Однако неделю спустя я получил от Мияги несколько иную информацию о заседании руководства сухопутных и военно-морских сил 23 июня. По сообщению Мияги, на

заседании было принято решение о так называемых единых операциях на Юге и Севере, суть которого сводилась к проведению боевых на Юге в районе Французского Индокитая и одновременно ведению боевых действий на Севере против Советского Союза. Однако, я не поверил этой информации и не передал ее в Москву, отдав предпочтение информации Одзаки. Вместе с тем я внимательно изучал полученную информацию. Что же касается содержания совещания 2 июля, то спустя некоторое время после совещания Одзаки устно доложил мне его. Я думаю, что эта информация была получена от членов группы, близких к Коноэ. По сообщению Одзаки, решения этого заседания можно разделить на три раздела:

1. Япония должна определить свою позицию и провести подготовку в соответствии с изменениями, происшедшими в мире.

2. Если в международном плане положение не претерпит изменений, Япония будет соблюдать японо-советский договор о нейтралитете.

3. Япония будет вести экспансию в южном направлении, при этом необходимо провести всестороннюю подготовку.

Пункты 1 и 2 были проявлением антисоветской политики Японии, и для себя я их объединил в один, а что касается всего содержания заседания, то оно представлялось мне из двух положений. Когда я обдумывал содержание этих заседаний, появились признаки всеобщей мобилизации, проводимой с июля месяца, которая проявлялась в призыве в войска, находящиеся на Севере, т.е. в Маньчжурии, и действующие на Юге, т.е. во Французском Индокитае. При этом осуществлялась мобилизация в Маньчжурии, находящейся непосредственно против Советского Союза, осуществлялась также соответствующая положению подготовка, однако все это проводилось в пределах нормальных явлений и означало, что Япония не намерена предпринять активных действий. Как сообщил Одзаки, военное командование японской армии сразу же после совещания 2 июля, примерно 5 или 6 июля, одобрило план, согласно которому предполагалось к концу июля оккупировать территорию Французского Индокитая до Сайгона. Таким образом, я убедился в достоверности информации Одзаки о содержании совещания 2 июля, по которой Япония придает главное значение продвижению на Юг, и что она займет выжидательную позицию в отношении своего участия в войне против Советского Союза. Эту информацию я передал в Центр в Москве»[232].

В данном пространном свидетельстве Зорге, исходя из ставшей ему известной впоследствии информации о том, что Япония так и не напала на Советский Союз, а начала движение на Юг, несколько искажает содержание шифртелеграмм, направленных им самим в Центр, после совещания от 2 июля. Он пытается придать однозначность принятым на этом совещании решениям, которой на самом деле не было, о чем он сам и докладывал 3 июля: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. ...». Как бы то ни было, приведенная выдержка свидетельствует о том, что Зорге вновь и вновь возвращался к той информации, которая к нему поступала, и пытался ее переосмыслить.

Скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану «Кантокуэн» только через пункты на территории Кореи в сутки пропускалось до 10 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей[233].

11 июля императорская ставка направила в Квантунскую и армии в Северном Китае директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии») является усиление готовности к выступлению против Советского Союза[234].

В ответ на приведенную телеграмму Риббентропа от 10 июля германский посол в Японии Отт сообщил:

«Шифротелеграмма, секретно, Токио,
14 июля 1941 года. Получена 14 июля.
Весьма срочно.

Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время. Для того чтобы убедить лично Мацуока, а также министерство иностранных дел, военные круги, националистов и дружески настроенных деловых людей, использую в качестве аргумента главным образом личное заявление министра иностранных дел и шифрованную вашу телеграмму. Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено. Самым большим препятствием являются разногласия между различными группами, которые, не получая общего руководства, преследуют самые различные цели и очень медленно приспосабливаются к изменившейся ситуации...»[235].

Единства взглядов по вопросу о времени вступления Японии в войну против СССР не было, хотя и господствовало убеждение (особенно вначале) в конечной победе Германии. Представление о борьбе мнений по этому вопросу в правящем лагере Японии и о занимаемой Одзаки позиции дают дебаты, развернувшиеся в «мозговом тресте» Коноэ.

Большинство членов «Асамэсикай» — «Общества завтраков» выражали мнение, что, «учитывая темп продвижения германской армии, военный разгром СССР последует примерно в течение двух месяцев». На допросе 12 марта 1942 г. Одзаки показал: «Я уже говорил, что эти люди прогнозировали поражение Советского Союза в германо-советской войне и последующий развал режима Сталина. В противоположность им я считал, что хотя Советский Союз и сталкивается с военными неудачами, будет нелегко сломить социальное единство СССР, возникшее после революции, и вряд ли возможен крах режима Сталина. Повторюсь, отмечая, что позиция Общества завтраков в отношении Советского Союза была отрицательной. Усиба, Мацумота, Киси, Тайра и другие предсказывали развал Советского Союза. В противовес им я высказывал мнение, что СССР вряд ли уступит Германии в военном отношении и что расчет на его быстрый внутренний развал слишком поспешен. Это мнение я отстаивал и в присутствии генерального секретаря кабинета министров Кадзами»[236].

Одзаки Ходзуми в своих выступлениях на заседаниях «Асамэсикай» неоднократно заявлял, что Советский Союз силен и «война против него потребует много жертв. Экономические же ресурсы, которые имеются сейчас в Сибири, не стоят этих жертв. Вот почему не следует воевать с Советским Союзом»[237].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 12 июля 1941 г.
По радио

Германский посол Отт сказал Инсону, что он обратился к Японии с предложением вступить в войну, но Япония пока что хочет оставаться нейтральной.

В Японии имеются группы Исимото, Накано и другие которые сильно агитируют за выступление на юг, но молодое офицерство Квантунской армии — за вступление в войну с СССР.

Инсон говорит, что подготовка к войне будет длиться самое большее 6 недель. Япония наблюдает за ходом войны. Если Красная Армия потерпит поражение, то японцы безусловно вступят в войну, а если поражения не бу дет, то они будут занимать выжидательную позицию.

Примечание: Текст этой телеграммы составлен сокращенно, в связи с сильным искажением, которое произошло при передаче из Владивостока. Сделан запрос.

№ 160, 161 ИНСОН

Расш. Малинников.
20.45 12.7
Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Вышинскому.
Дронову. Сталину. Ворошилову. Берия. Жукову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Членам ГКО,
т. Вышинскому,
Нач Г Штаба.

13/VII.41 АП [ПАНФИЛОВ]».

В спецсообщении Разведывательного управления Генштаба Красной Армии, составленном спустя два дня после получения шифртелеграммы от «Инсона», делалась ссылка на «агентурные данные из Токио»:

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№ 660972
14 июля 1941год

Содержание:

По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, на состоявшемся недавно в Токио совещании у императора принято решение о подготовке Японии к войне против Советского Союза на случай поражения Красной армии.

Германский посол Японии Отт в беседе с нашим источником подтвердил наличие такого решения.

В ответ на требование немцев ускорить выступление Японии против СССР, Мацуока заявил Отту, что возможные налёты советской авиации на жизненные центры Японии будут составлять для последней большую опасность.

На это Отт ответил, что этого опасаться не следует, так как СССР, по мнению Отт, имеет на Д. Востоке только 1500 первоклассных самолётов, из них только 300 тяжёлых бомбардировщиков с дальним радиусом действия.

Такого рода разговорами Отт старается повлиять на Мацуока с целью ускорить вступление в войну против Японии.

Германский военный атташе в Токио в своём сообщении в Берлин указывает, что Япония, как только закончит подготовительные мероприятия, вступит в войну против Советского Союза. По его мнению, в конце июля или в начале августа выступит против СССР.

Германский военный атташе заявил нашему источнику, что если, после оккупации немецкими войсками Ленинграда, Москвы и Харькова, Советский Союз будет продолжать сопротивление, то немцы предпримут крупные воздушные операции вдоль жел. дорожных магистралей из Москвы в сторону Сибири.

По сообщению источника РУ, японские власти за последнее время начали преследование лиц, не одобряющих германо-советскую войну.

Таким образом, происходящая сейчас в Японии секретная мобилизация, скрытое отмобилизование Квантунской армии и подтягивание японских войск Манчжурии в приграничные с нами районы, а также целый ряд фактов позволяют сделать вывод о проводимой в Японии широкой подготовке к вступлению в войну против Советского Союза.

И.о. Начальника Разведывательного Управления
Генерального Штаба Красной армии
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК (Панфилов)

Т. Сталину — 1
Т. Молотову — 2
Т. Берия — 3
Т. Маленкову — 4
Т. Жданову — 5
Т. Жукову — 6
Т. Димитрову — 7
В дело — 8».

Одновременно со Спецсообщением Разведывательным управлением была разослана по 15 адресам Разведсводка, которая в том числе базировалась на донесениях Зорге. Так, в разделе «Япония. Требование Германии на вступление Японии в войну против СССР», собщалось: «По агентурным данным, заслуживающим доверия, германский посол в Японии Отт усилил нажим на японское правительство, требуя от последнего ускорения выступления против СССР.

Германский военный атташе в Японии считает, что Япония вступит в войну против СССР в конце июля или в начале августа.

По американским данным, нападение на Советский Союз со стороны Японии ожидается в двадцатых числах июля.

Ранее имевшиеся сведения о возможной в ближайшее время отставке Коноэ и Мацуока подтверждаются другими источниками РУ. ...».

В первой половине июля в Токио произошел правительственный кризис, причиной которому стала непредсказуемость министра иностранных дел Мацуоки. Поводом для кризиса послужило незначительное событие, которое, тем не менее, могло сорвать проходившие японо-американские переговоры. 21 июня 1941 г., вручая японскому послу в Вашингтоне ответные предложения, госсекретарь США сделал устное заявление, в котором указал, что прежде чем продолжать переговоры Соединенные Штаты должны подождать более ясных указаний, чем те, которые уже были даны, на то, что японское правительство хочет проводить политику мира. Мацуока настаивал на том, что заявление, сделанное Хэллом, должно быть официально отвергнуто как оскорбительное для Японии. Коноэ, опасаясь того, что Соединенные Штаты могут отказаться от ведения дальнейших переговоров, потребовал от Мацуоки, чтобы тот послал послу Номуре контрпредложения вместе с инст-

рукциями об отклонении заявления Хэлла. Мацуока, однако, пренебрег требованием Коноэ и в посланных Номура инструкциях изложил собственные взгляды, тем самым ускорив правительственный кризис[238].

16 июля 1941 г. кабинет Коноэ в полном составе ушел в отставку, и император приказал Кидо созвать «Дэюсин», т. е. бывших премьер-министров, выступавших в роли старейших государственных деятелей, вместе с председателем Тайного совета, чтобы рекомендовать преемника Коноэ. Совещание единодушно высказалось за то, чтобы сохранить на посту Коноэ. 18 июля был сформирован третий кабинет Коноэ Фумимаро. Тодзио Хидэки остался на посту военного министра, Хиранума Киитиро стал министром без портфеля. Новый министр иностранных дел Тоёда Тэйдзиро заявил, что со сменой кабинета в политике не произойдет никаких изменений[239].

Уже во второй половине июля у японского генералитета появились первые сомнения в успехе германского блицкрига. 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, где оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий. Тихо». 21 июля: «В развитии обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь»[240]. «22 июля. Ровно месяц после начала германо-советской войны. Хотя операции германской армии идут благоприятно, устойчивость правительства Сталина вопреки ожиданиям сильна. Передвижений советских войск с Дальнего Востока не отмечается. Что касается наступления благоприятного случая для открытия военных действий против СССР, то вероятность окончания войны в результате операций только Германии по меньшей мере сократилась.

25 июля. В первом (оперативном) отделе точка зрения о том, чтобы выступить против севера в течение текущего года, постепенно ослабевает»[241].

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№ 661051сс
22 июля 1941года.

Содержание: Подготовка Японии к войне против СССР.

Японское правительство с возникновением войны между Германией и СССР, начало проводить скрытое отмобилизование Квантунской армии и с 6 июля мобилизацию в метрополии.

Смену кабинета в Японии следует рассматривать как стремление правящих кругов форсировать подготовку войны против СССР.

По агентурным данным, в случае неуспешных действий Красной армии против немцев, в первых числах августа ожидается вступление Японии в войну против нас.

По данным японских морских офицеров, части морского флота, предназначенные для действий против Владивостока, якобы, сосредотачиваются в Хакодате (ост. Хоккайдо).

Наряду с этим продолжают поступать сведения об одновременной подготовке Японии к захвату Индокитая.

Переброска японских войск из Китая и метрополии в Маньчжурию.

По данным штаба 8 НРА, с 10 июля части 110 пех. дивизии перебрасываются из района Бэйпин, Тяньцзин в Маньчжурию.

По данным американского консула в Дайрене, в течение 12-15 июля по жел. дороге Синьцзин (Чанчунь) в сторону Харбина проследовало до одной пех. дивизии не установленной нумерации...

И.о. Начальника Разведывательного Управления
Генерального Штаба Красной армии
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК
(Панфилов)».

Вывод о том, что «смену кабинета в Японии следует рассматривать как стремление правящих кругов форсировать подготовку войны против СССР» не имел под собой никаких оснований.

26 июля Франц Гальдер записывает в дневник: «35-й день войны... Этцдорф: Новый японский кабинет, по-видимому, сохраняет ориентацию на державы оси. Сроки выступления Японии могут измениться. Индокитай, Владивосток. ...»[242].

О ходе мобилизации Зорге доложил 30 июля:

«Источники Инвест и Интари [Итери] сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200.000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа, Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коное, но как долго намерен выжидать японский Генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят».

Зорге связывает нападение Японии на Советский Союз с поражением от немцев, последнее же, по его мнению, приведет к ослаблению группировки Красной Армии на Дальнем Востоке. Связь, отнюдь, не однозначная.

30 июля Министерство иностранных дел Японии направило своему послу в Вашингтоне телеграмму с оценкой позиции Японии «к настоящему моменту»: «... Ясно, что русско-германская война дала нам возможность разрешить Северный вопрос. И, действительно, мы продолжаем нашу подготовку для того, чтобы использовать эту возможность.

Однако мы должны не только проводить нашу подготовку, но мы должны хорошо использовать наши шансы. Это легко понять, если иметь в виду реальную ситуацию, перед которой стоит наша империя. Если русско-германская война будет протекать слишком быстро, наша империя неизбежно не будет иметь времени, чтобы предпринять эффективные и согласованные действия.

Я знаю, что немцы несколько не удовлетворены нашими переговорами с США. Но мы хотели бы любой ценой предотвратить вступление США в войну и хотели бы разрешить китайский вопрос. Мы и работали в этих направлениях. Пусть кто угодно оспаривает тот факт, что в результате мы оказали неизгладимое впечатление на США, показав им всю глубину решимости японской империи и удержали их от того, чтобы ввязаться в конфликт с Германией. Само собой понятно, что мы начали эти разговоры в такое время, которое казалось благоприятным для нас, при наличии предположения, что между Японией и Германией существует полное доверие. Кстати, разве Германия не

начала войну против Советского Союза в момент, когда ей это было выгодно с военной точки зрения, хотя в то время нам было это менее всего желательно? Теперь нам предстоит разрешить не только китайский инцидент, но и встретиться с новыми вызовами на Севере, точно также как и на Юге, а это нам совсем не выгодно. ...»[243].

Понятно, что подобный текст никак не прояснял позицию японского правительства.

1 августа Ойген Отт доложил в Берлин: «Начальник департамента Ямамото, исполняющий обязанности вице-министра, обрисовал мне во время нашей беседы обстановку следующим образом: в связи с опубликованием соглашения, касающегося Индокитая, которое было заключено между японским и французским правительством, английское правительство выразило протест против переданной ему мотивировки, что якобы Великобритания угрожает безопасности Индокитая и заявило, что дальнейшее продвижение Японии на Тихом океане в юго-западном направлении может привезти к серьезным последствиям.

Правительство Соединенных Штатов Америки сделало подобное же заявление.

На мое замечание, что оба правительства, очевидно, ограничатся лишь протестом и предостережением, Ямамото не возразил. Он настойчиво подчеркнул, что Япония с приобретением новых позиций стала сильно беспокоить англосаксонские страны. Она значительно усилила свой нажим в пользу стран оси. Под этим углом зрения надо рассматривать мобилизацию, которая проводится с намерением уничтожить русские вооруженные силы на Дальнем Востоке. Советское правительство официально умалчивает об этом, однако, по достоверным сведениям, следит за мобилизацией с возрастающей тревогой и едва ли решится продолжать переправлять свои войска на Запад.

Когда я в связи с имеющимися слухами, которые также Сиратори считает серьезными /как он мне сказал, когда я вновь посетил его на днях в его загородном доме/, постарался узнать, хочет ли Япония в своем активном продвижении руководствоваться теми требованиями, которые она предъявит Советскому Союзу, — вице-министр иностранных дел охарактеризовал мне этот путь, учитывая наличие пакта о нейтралитете, как лучший метод для того, чтобы найти оправдательный предлог для самообороны в случае возникновения русско-японских военных действий.

Он считает лично, что требования должны быть такими жесткими, чтобы советское правительство не смогло бы принять их, при этом он имел ввиду территориальные уступки.

В ответ на мое замечание, что Советское правительство постарается, вероятно, путем затягивания переговоров и своим содействием во все увеличивающимся нажиме англосаксов задержать вступление Японии в войну до начала зимы и, таким образом, возможно, вообще, сможет воспрепятствовать ее вступлению, Ямамото уверил меня, что он лично стоит за скорейшее вступление Японии в войну»[244].

Если Отт намеревался запутать рейхсминистра Риббентропа, своей цели он достиг.

К началу августа 5-й (русской) секцией 2-го (разведывательного) отдела генштаба армии был подготовлен и представлен руководству документ под

названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны»[245]. Высказывалось также предположение о вероятности затяжной войны.

«4 августа 1941 года, 44-й день войны, — записывает в своем военном дневнике Франц Гальдер. — 4-й обер-квартирмейстер сообщает: ... 1. (Японский военный атташе) Банзай сообщил, что командование армии и правительство (Японии) якобы приняли решение, несмотря на имеющиеся трудности, выступить против России. Он полагает, что Япония вступит в войну в сентябре. ... Владивосток, по-видимому, удастся захватить к ноябрю. В течение всего этого времени японские войска будут удерживать захваченные территории в Китае. Захват Сингапура будет подготовлен операциями в Индокитае. Однако пока эта операция будет отложена. ...»[246]. Примечательно в записях Гальдера вводное слово «якобы»: немцы уже усомнились в обещаниях японцев.

6 августа 1941 г. на очередном заседании координационного комитета новый министр иностранных дел Тоёда доложил о посещении его германским послом Оттом:

«*Тоёда.* ...Сегодня, 6 августа, в 9 часов меня посетил посол Германии Отт, который сказал следующее:

Отт. Мне стало известно, что вы говорили с советским послом. О чем был разговор?

Тоёда. Мы говорили о сотрудничестве в вопросах, касающихся наших концессий на северном Сахалине, чтобы мы могли без помех осуществлять там нашу деятельность...

Отт. Какова будет позиция Японии, если Соединенные Штаты будут направлять оружие Советскому Союзу через Владивосток?

Тоёда. Мы будем вынуждены рассмотреть эту проблему.

Отт. Что вы собираетесь делать с Соединенными Штатами?

Тоёда. Соединенные Штаты возбуждены. Прежде всего, мы попытаемся успокоить их.

Отт. Я слышал, что Япония ведет переговоры о передаче ей районов к востоку от озера Байкал. Что вы можете сказать?

Тоёда. Это неправда»[247].

20 июля Тоёда сообщил Отту, что смена кабинета не повлияет на решения, принятые на совещании в присутствии императора 2 июля 1941 г.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 7 августа 1941 года.
По радио-телеграфу

Германский посол Отт послал телеграмму Риббентропу в отношении нового кабинета Коноэ, указывая, что кабинет, безусловно, базируется на Германию. Новым было то, что Мацуока был прогерманец. Отт высказал, что основная политика не изменилась, но темп вступления в войну очень медленный.

Одновременно Отт выразил полную уверенность, что новый кабинет за вступление в войну. Так или иначе, для Отт теперь имеется значительно боль-

ше трудностей в связи с тем, что новый кабинет значительно равнодушней в отношении Германии, чем прежний кабинет с Мацуока.

ИНСОН».

«[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф. АП [ПАНФИЛОВ]

[Резолюция]: НО 3 и 1. К учету. Ознакомить инф. отдел. Инсон может и должен давать больше и чаще материала, чем он дает сейчас и более конкретно. 10.8. И

Использовано для спецсообщения. Подпись. 11.8.41».

20 июля Япония предъявила правительству Виши и властям Индокитая ультиматум, который содержал требование предоставить ей право держать войска в южной части французской колонии и передать в ее распоряжение военно-морские и военно-воздушные базы в Сайгоне и Камране. 23 июля между Японией и Францией было заключено соглашение об использовании японскими войсками военных баз в Южном Индокитае.

24 июля японские вооруженные силы вторглись в Южный Индокитай. Стремясь найти путь к компромиссу с Японией, Рузвельт в тот же день в беседе с Номура сделал предложение о «нейтрализации» Индокитая при непременном условии вывода оттуда японских вооруженных сил. Однако это предложение было отвергнуто.

25 июля президент Рузвельт издал директиву о секвестре всех японских активов в США и введении полного торгового эмбарго. Подобное эмбарго наложила и Великобритания, объявив о расторжении японо-английского торгового договора 1911 г., японо-индийского договора 1934 г. и японо-бирманского 1937 г. Таким образом, Японская империя оказалась в ситуации полной экономической блокады. Со своей стороны японское правительство сделало то же с активами этих стран.

1 августа 1941 г. вступил в силу американский запрет на вывоз в Японию важных стратегических материалов. Были также приняты меры военного характера: филиппинская армия перешла в подчинение американского командования, а в Китай направилась группа американских военных советников.

Рузвельт понимал, что эмбарго является для империи таким же стимулятором агрессии, как и слабость жертвы. Выступая по радио, Рузвельт заявил: «США рационализируют потребление бензина в стране и в то же время снабжают горючим явного агрессора. Если бы мы прекратили поставки нефти, японцы двинулись бы на Голландскую Ост-Индию уже год назад, и мы бы имели войну»[248]. У Токио оставалась одна альтернатива: движение на юг к «ресурсам стран южных морей» или вывод войск из Индокитая и Китая (уступки Вашингтону по ключевым вопросам и все из этого вытекающее).

4 августа в руки Хэлла попала предназначенная японскому послу в Вашингтоне телеграмма от нового министра иностранных дел. В телеграмме говорилось: «Япония должна принять меры к охране сырьевых ресурсов южных морей. Наша империя должна немедленно разорвать кольцо, создаваемое США и Англией, действующих, как хитрый, притворяющийся спящим дракон. Вот почему мы решили оккупировать эту территорию (т.е. Индокитай). Все, что предпримет наша империя, будет основано на нашем стремлении успешно выполнить обязательства "Тройственного пакта"»[249].

Коноэ, который только что перенес очередную перетряску кабинета, сознавал, что добиться урегулирования с США в подобной ситуации невозмож-

но, в то время как именно нейтральная позиция Америки требовалась для дальнейшего осуществления политики империи. В столь нетривиальных условиях премьер идет на беспрецедентный шаг: просит у императора разрешения на проведение японо-американской встречи на высшем уровне. Коноэ получил соизволение. 7 августа Тоёда направил в Вашингтон предложение об организации встречи премьера Коноэ и президента Рузвельта[250].

11 августа 1941 г. Зорге доложил из Токио, в том числе о том, что в ходе посещения Оттом Министерства иностранных дел Японии речь шла и о возможном выдвижении Японией жестких территориальных требований к Советскому Союзу:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 11 августа 1941 года.

В течение первых дней войны Германии и СССР японское правительство и генштаб решили подготовить войну, поэтому провели большую мобилизацию. Однако после 6 недель войны руководители Японии, готовящие войну, видят, что наступление германской армии задерживается и значительная часть войск уничтожена Красной Армией. Позиция Америки становится все более антияпонской. Усиливается экономическая блокада Японии, но японский генштаб совсем не собирается распускать обратно мобилизованных. В генштабе уверены, что в ближайшее время последует окончательное решение, тем более что уже приближается зима. Ближайшие две-три недели окончательно определят решение Японии. Возможно, что генштаб примет решение на выступление без предварительной консультации с правительством.

Германский посол Отт узнал, что под предлогом избежания войны японское министерство иностранных дел потребует от правительства СССР удовлетворения максимальных своих претензий.

№ 75, 74. ИНСОН.

Использовано для спецсообщения.

Подпись 12.8.41».

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
№ 661208
11 августа 1941 г.

Подготовка Японии к войне против СССР.

Оценка немцами нового кабинета Коноэ.

По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, немецкий посол в Японии Отт в своей телеграмме Риббентропу оценивает новый кабинет Коноэ, как, безусловно, ориентирующихся на Германию.

Далее говоря о том, основная политика японского правительства не претерпела никаких изменений, Отт выразил полную уверенность в том, что новый кабинет стоит за вступление Японии в войну против СССР, однако, темп вступлений в войну, по мнению Отт, крайне медленный.

1. Переброска и сосредоточение японских войск в Маньчжурии.

Поступающие от источников РУ Генштаба сведения подтверждают наличие массовых переброс японских войск из метрополии в Маньчжурии…».

К началу августа группировка, развернутая для вторжения в Советский Союз, должна была быть в основном подготовлена, чего не произошло на самом деле. Приближались установленные графиком сроки: 10 августа — принятие решения о начале войны; 29 августа — начало военных действий.

11 августа Зорге направил еще одно срочное донесение:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 11 августа 1941 года.

Прошу Вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца.

№ 71. ИНСОН.

Расш. Сигалов. 19.15 12.8
Адресату.
В реестр.
«[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Срочно. Инф. Все 5 тел. Инсона дать в виде агентурной сводки по Японии к 10.00 13.8.41. Вместе с 4 отд. оформить. АП [ПАНФИЛОВ]
№ 71,76,75,73,72

Подпись».

Однако руководство японской армии, продолжая усиливать свою группировку в Маньчжурии за счет развертывания отдельных частей, не собиралось воевать, ожидая поражения Советского Союза на Западе и ослабления группировки войск на Дальнем Востоке.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 12 августа 1941 года
Немедленно.
По радио.

Немцы ежедневно давят на Японию за вступление в войну. Факт, что немцы не захватили Москву к последнему воскресению, как это они обещали высшим японским кругам, понизило энтузиазм японцев.

ИНСОН.

Расш. Лакутинов. 18.10 16.8
Перевел полковник Рогов
Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Мехлису.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Берия.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
Членам ГКО,
т.Мехлису.

АП [ПАНФИЛОВ]

16/8.41».

Продолжительность «кратковременной кампании» была определена Гитлером на совещании 31 июля 1940 г.: «Начало [военной кампании] — май 1941 г. **Продолжительность операции — пять месяцев**... Цель — уничтожение жизненной силы России»[251].

Уверения Отта в скором завершении кампании были далеки от действительности. Германский посол заведомо лгал, чтобы подстегнуть Японию к выступлению.

В этот же день — 12 августа — в Центр была отправлено еще одно шифрдонесение:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 12 августа 1941 года.

С целью воздействия на Японию, чтобы она выступала, Риббентроп присылает ежедневно телеграммы. По этому поводу имелись разговоры с генералами Доихарой и Окамурой. Посол Отт думает, что японцы выжидают момента, пока Красная Армия ослабнет, так как без этих условий вступление в войну будет не безопасно, тем более что их ресурсы горючего очень малы.

№ 81. ИНСОН.

Расш. 19.00 15.8
Перевел полковник Рогов
Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Мехлису.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Берия.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
Членам ГКО, т. Мехлису.

АП [ПАНФИЛОВ]

16/8-41».

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№ 661223
13 августа 1941 г.

О предстоящем нападении Японии на Советский Союз.

По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, во второй половине августа следует ожидать нападения Японии на Советский Союз без объявления войны.

Источник сообщает: "Прошу вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа мес."

Несмотря на отсутствие окончательного решения японского правительства о времени выступления против СССР, источники РУ допускают возможность принятия такого решения Генштабом без предварительной консультации с правительством.

По данным нашего источника, японский Генштаб считает район между реками Зея и Бурея (благовещенского направления) наиболее слабым участком обороны Красной армии. Поэтому военные действия могут начаться наступлением в этом районе. При этом, главный удар Японская армия будет наносить в приморье, в сторону Владивостока.

По данным этого же источника, германскому послу в Японии ОТТ известно, что японское министерство иностранных дел потребует от Советского правительства удовлетворения своих максимальных претензий.

И.О. Начальника РУ Генштаба РККА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК
(Панфилов)

Военный Комиссар РУ Генштаба РККА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
(Ильичев).

Экз. №1 тов. Сталину
Экз. №2 тов. Молотову
Экз. №3 тов. Шапошникову
Экз. №4 тов. Мехлис
Экз. №5 тов. Шаденко
Экз. №6 тов. Берия
Экз. №7тов. Маленкову
Экз. №8 тов. Кузнецову
Экз. №9 тов. Василевскому
Экз. №10 в дело».

Еще 25 июля 1941 г. посол Отт и военный атташе Кречмер отправили в адрес министра иностранных дел и Верховного командования сухопутной армии телеграмму, которая изобиловала словами «ясности еще нет», «вероятно», «еще неясно», «можно предположить»:

«А. Наряду с усилиями японских частей в Маньчжурии, равно как и в Северном Китае, формируется новая группа войск в Корее.

Б. Помимо японских войск в Маньчжоу-Го и Корее, согласно высказываниям офицеров генерального штаба, для направления против Советского Союза предназначаются, очевидно, также части японской армии в Северном Китае.

В отношении японского оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением на район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении озера Байкал, а именно вдоль ж. д. Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию.

В. Время наступления еще неясно, но можно предположить, что развертывание войск потребует времени еще до середины августа. Кроме того, генерал Окамото многократно в разговоре упоминал, что Япония лишь тогда выступит, когда немецкие части достигнут Волги»[252].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 12 августа 1941 года
По радио

«Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли 4 дивизии. ВАТ точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. Подготовка к операциям закончится между 20-м числом и концом августа месяца, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение на выступление японцев еще не принято. Если Япония выступит, то первый удар будет нанесен на Владивосток, куда и нацелено большинство японских сил. Против Благовещенска направлены 3 дивизии.

№ 80. ИНСОН».

Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Шапошникову.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Берия. Мехлису.
«[Резолюция]: НО-4
К учету и использованию в сводке или Спецсообщении.
17.8. Подпись».

Японцы не считали нужным информировать своего союзника по Тройственному пакту о действительном положении вещей. Насколько неопределенной и неоднозначной была информация, доводимая до германского и итальянского послов в Токио министром иностранных дел Японии адмиралом Тоёдой Тэйдзиро, свидетельствует его телеграмма японскому послу Осиме в Берлин:

«Из Токио в Берлин Секретно
15 августа 1941 г.
№ 740

15-го августа я конфиденциально заявил послам Италии и Германии в Токио о моих разговорах с советским послом по поводу моментов, указанных в моем отдельном послании за № 739.

Посол Отт, выражая желание понять основную проблему, заявил, что, исходя из телеграммы, посланной 2-го июля германскому правительству, он считает, что возможность Японии принять участие в германо-русской войне вовсе не исключена. При этом он спросил, ...не создалось ли у Советов впечатления, что Япония не будет принимать участия в германо-русской войне. На это я ответил, что, имея в виду проводимую Империей военную экспансию, сейчас при существующих обстоятельствах, по-моему, вышеупомянутая договоренность с Советским Союзом является самым лучшим средством для того, чтобы предпринять первые шаги для выполнения будущих планов, касающихся России, шаги, которые будут предприняты вместе с германским правительством, что это полностью совпадает с духом и целями пакта трех держав и, я надеюсь, что германское правительство полностью поймет этот момент.

В ответ на это посол Отт спросил, можно ли понимать, что настоящая договоренность является первым шагом к будущим мероприятиям, которые будут предприняты против России, что это, как бы сдерживающее начало против России, что это просто временная договоренность, другими словами, что это, как бы сдерживающее начало для Советского Союза до тех пор, пока не будет закончена подготовка. На это я ответил удовлетворительно. Прошу переслать в Рим вместе с моим отдельным посланием»[253].

Прояснило ли ситуацию разъяснение, сделанное Отту министром иностранных дел? Скорее всего нет. Неопределенность в отношении планов использования Японией своих войск на севере сохранялась.

Зорге докладывал в Москву и доходившую до него отраженную информацию из Берлина о планах командования вермахта на советско-германских фронтах. 15 августа 1941 года он сообщал из Токио:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 15 августа 1941 года.
По радио.

Германский военный атташе уверен, что в связи с успехом германских войск на Украине, безусловно, последует новый удар на Ленинград и новое наступление на Москву. Захват этих двух городов крайне необходим, с целью воздействия на Японию. Он сказал, что созданные немцами воздушные ди-

визии еще не использованы. Он думает, что эти дивизии будут использованы для захвата Ленинграда, Москвы и Бакинского нефтяного района. ВАТ думает, что успехи немцев на юге начали оказывать свое влияние на японский генштаб.

№ 82 ИНСОН.

Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову. Шапошникову.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Берия. Мехлису.
[РЕЗОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО КОМИССАРА РУ]: НО8.
Составить общую телеграмму из 2 Инсон и доложить перед отправкой чл. ГКО, т. Мехлис, нач Штаба. Ильичев
[Резолюция]: НО-4, НО-2 и НО-7
К учету и использованию в Спецсообщении или сводке. 17.8. Подпись».

6 сентября Гитлер подписывает Директиву № 35 о наступлении на советскую столицу. В Директиве отмечалось, что успех немецких войск на флангах создал предпосылки для того, чтобы «провести решающую операцию против фронта Тимошенко, который проводит неудачные наступательные действия на участке группы армий "Центр". Эта операция должна быть успешно завершена до начала зимы». Позже она получила название «Тайфун».

Германский посол Отт с завидным упорством добивался разъяснений в японском МИДе по поводу сроков выступления Японии против Советского Союза, ссылаясь на данные ею ранее заверения.

16 августа Тоёда Тэйдзиро доложил на заседании координационного комитета об очередной беседе с германским послом:

«*Отт.* Я точно не помню, но в одном из посланий бывшего министра иностранных дел Мацуока в Германию было заявлено, что, как только Япония почувствует себя готовой, она свергнет коммунистическую систему. Что произошло с этим планом?

Тоёда. Наши нынешние военные приготовления против Советского Союза являются первым шагом на пути к будущим операциям против Советского Союза. Я полагаю, это отвечает духу Тройственного пакта.

Отт. Я считаю ваше заявление о первом шаге на пути к операциям против Советского Союза весьма важным. Я вас хорошо понял»[254].

Положение на советском Дальнем Востоке, где, вопреки надеждам японских военных, СССР не оголял своих рубежей, не предвещало в ближайшем будущем «благоприятного случая» для выступления Японии. 9 августа начальник генерального штаба армии Сугияма Хадзимэ известил военного министра о своем решении: «Независимо от будущих изменений в германо-советской войне в текущем году оружия против Советского Союза не применять»[255]. Но решение еще не было окончательным. Во второй половине августа вопрос обсуждался на специальном совещании центральных органов армии и флота, в котором принимали участие представители командования Квантунской и Корейской армий, а также экспедиционных сил в Китае. Совещание поддержало мнение Сугиямы. Однако и это решение не было окончательным. В руководящих правительственных и военных сферах существовало мнение, что, если в ходе советско-германской войны произойдут неожиданные перемены и появятся явные симптомы внутреннего краха СССР, а в Сибири возникнут волнения, позицию о выступлении против Советского Союза придется вновь пересмотреть.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 23 августа 1941 года
По радио и телегр.

Инвест сообщил, что Доихара и Тодзио считают, что для Японии еще не наступило время вступать в войну. Немцы очень недовольны таким поведением Японии. Коное указал Умэдзу, чтобы избегать каких-либо провокационных действий. Одновременно, обсуждение вопросов оккупации Таи и затем Борнео, в правительственных кругах происходят более серьезно, чем это было раньше.

Работник Таймусио (Министерство иностранных дел) сказал, что, учитывая явно антияпонскую позицию Америки, вступление Японии в войну в текущем году может и не быть, хотя этот вопрос еще не решен.

№85 — ИНСОН

Расш. Сигалов 11.30 25.8
Перевел Рогов
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
Доложите все эти
три телеграммы.

АП[АНФИЛОВ]

25/8».

Эта информация от Зорге, равно как и предыдущие нашли отражение в Спецсообщении Разведывательного управления:

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
№661383
29 августа 1941 г.

Разногласия в правящих кругах в Японии о сроках нападения на Советский Союз. По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, в связи с более решительной политикой США в отношении Японии, внутри японского правительства за последнее время усилилась борьба между сторонниками немедленного вступления Японии в войну на стороне Германии и группировкой, отстаивающей политику выжидания. Причем, точку зрения последних, якобы, поддерживает Коноэ.

По этому вопросу нет единства и в самой армии. В руководящих кругах армии и флота также существуют две группировки: одна, обьединяющая командование Квантунской и Корейской армий, начальника военного департамента военного министерства генерал-майора Муто и других, требует немедленного выступления против Советского Союза, а другая, опирающаяся в основном на командование японскими войсками в Китае и морской флот, стоит за активные действия в районе Южных морей.

Немцы проявляют большое недовольство медлительностью вступления Японии в войну против СССР и по-прежнему продолжают нажим на японское правительство.

В подтверждение позиции, занимаемой Коноэ, источники РУ сообщают, что Коноэ дал указания командующему Квантунской армии генералу Умэдэу избегать каких-либо провокационных действий на границе Советского Союза.

По мнению военного министра Тодзио, время для вступления Японии в войну с СССР еще не наступило, тем не менее, усиление группировки японских войск против нас продолжается

За два месяца советско-германской войны японское командование больше чем в два раза увеличило количество своих войск в Манчжурии и Корее. Вместо имевшихся на 22. 6. 12 пех. дивизий, 6 танковых полков, 12 арт. полков АРГК, 23 боевых авиаотрядов, на 29.8. в Манчжурии и Корее сосредоточено 28 пех. дивизий, 12 танковых полков, 20 арт. полков АРГК, 35 боевых авиаотрядов и другие спец.части, общей численностью около одного миллиона человек, 5.000 орудий всех калибров, до 1.000 танков и около 1.500 самолетов (из них, ориентировочно, истребителей 470, бомбардировщиков около 600, разведчиков 150 и не установленного типа 280).

Наряду с этим происходит увеличение количества японских войск в Индокитае, где на 29.8. сосредоточено 3-4 пех. дивизии, численностью 70-80 тысяч человек.

Кроме того, имеются данные о предстоящей дополнительной мобилизации в Японии резервистов 3 и 4 очередей, общей численностью 300-400 тысяч человек.

Таким образом, бесспорным является то, что значительное усиление группировки японских войск в Манчжурии и Корее предпринято для нападения на Советский Союз.

Имеющиеся разногласия внутри японского правительства о сроках вступления Японии в войну против нас, видимо, объясняются желанием группировки Коноэ выждать наиболее благоприятного для нападения момента.

И.о. Начальника РУ Генштаба РККА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТАНКОВЫХ ВОЙСК
(Пафилов)

Военный Комиссар РУ Генштаба РККА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
(Ильичев)

Отп. 10 экз.
1-й т. Сталину
2-й т.Молотову
3-й т. Берия
4-й т. Маленкову
5-й т. Шапошникову
6-й т. Мехлис
7-й т. Щаденко
8-й т. Кузнецову
9-й т. Василевскому
10-й в дело».

Приведенный в Спецсообщении состав группировки войск в Маньчжурии был существенно завышен.

Отвечая в ходе допроса на вопрос, что представляла информация, переданная Одзаки относительно большой мобилизации, Зорге показал: «То, что вопрос о начале большой мобилизации японской армии в последней декаде июля 1941 г. представлял для меня исключительный интерес, объясняет-

ся необходимостью подтверждения правильности или ошибочности мнений германской стороны по этому вопросу. В частности, утверждалось, что начатая мобилизация японской армии не приостановится и будет продолжаться и что главной ее направленностью должен быть Советский Союз. Я с помощью Одзаки стремился, во что бы то ни стало, узнать действительное положение вещей. Доклад, содержащий даже детали, который передал мне Одзаки, тем не менее, почти не представлял ценности. Я ожидал в докладе Одзаки, в крайнем случае, ответов на вопросы о том, какое количество вооруженных сил направляется в Маньчжурию и в какой степени сейчас готовность Японии для нападения на Советский Союз. Подробный доклад, касающийся мобилизации, передал мне и Мияги. Затем Одзаки передал мне новую информацию, касающуюся всеобщей мобилизации. По этой информации, мобилизация должна быть достаточно широкой и к концу июля месяца были подготовлены для отправки войск торговые суда общим тоннажем около 1 млн. тонн. При этом предусматривалось, что отправка войск будет проводиться тремя этапами и закончится к 15 августа.

Из доверительных источников Одзаки узнал, что план всеобщей мобилизации подготовлен самостоятельно руководством армии и что даже премьер-министр Коноэ был удивлен, узнав о нём. Следовательно, руководство армии рассудило так, что вопрос масштабов мобилизации должна решать сама армия, и поэтому сразу после совещания 2 июля руководство армии приступило к ее осуществлению. Я, Одзаки и Центр в Москве в течение некоторого времени были чрезвычайно взволнованы тем, что такая широкая по своим масштабам мобилизация осуществляется по воле военных, и тем, что военные теперь, очевидно, заставят правительство одобрить эту мобилизацию, а также тем, не решится ли Япония после мобилизации начать войну против Советского Союза.

Следующее, что волновало нас, это вопрос о том, куда направляются войска, сформированные в результате этой мобилизации. Одзаки приложил много усилий для получения такой информации и, в конце концов, передал ее мне. Согласно этой информации, одна треть отмобилизованных частей направлялась на Север, то есть в Маньчжурию, а в дальнейшем намечалось даже сокращение этих сил. Таким образом, в Маньчжурию направлялось около 300 тыс. солдат, то есть примерно 15 дивизий, большая же часть вооруженных сил направлялась на материковых Китай и на Юг, то есть во Французский Индокитай. Узнав об этом, мы смогли облегченно вздохнуть. Далее, несмотря на то, что завершение мобилизации намечалось к 15 августа, прошло 15 число, а мобилизация продолжалась. Это нас успокаивало. Облегчение было вызвано тем, что война на Севере в зимних условиях, хотя и признавалась возможной, однако сопровождалась чрезвычайно большими трудностями.

Затем Одзаки передал мне чрезвычайно важную информацию о том, что на совещании руководство японской армии с представителями Квантунской армии, которое проходило с 20 по 28 августа, было принято решение не вступать в войну против Советского Союза в течение текущего года. Причем представители Квантунской армии высказались вообще против войны с Советским Союзом.

Вскоре после этого Одзаки выехал в командировку в Маньчжурию. Перед его отъездом я дал ему задание выяснить, во-первых, степень боевой готовности японских вооруженных сил в Маньчжурии и, во-вторых, какие дивизии прибыли из Японии в Маньчжурию»[256].

Одним из источников информации Одзаки был Сайондзи Кинкадзу. Вот, что последний показал на допросе 30 марта 1942 г. по поводу имевшейся у него информации о проходивших совещаниях представителей командования армии и флота: «В конце августа я встретился в официальной резиденции с Фудзии. Мы были только вдвоем, и я спросил Фудзии: "Ну, как, вопрос о севере уже решен?" Он ответил: "Да, решен". Тогда я вновь спросил: "А как решен?" Я не помню сейчас точно слов, сказанных Фудзии, но смысл был таков, что выступление против СССР не состоится»[257].

Капитан 2-го ранга Фудзии был офицером связи между генеральным штабом флота и правительством.

Как и в предыдущих показаниях, Зорге несколько смягчает передаваемую им информацию в части угрозы для Советского Союза со стороны Маньчжурии. Достаточно вспомнить его телеграмму от 11 августа: «Прошу Вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца». Предостережение Зорге было вполне оправданным: близились даты, обозначенные в разработанном генеральным штабом армии графике завершения подготовки и ведения войны.

В своих показаниях на допросе по поводу поездки Одзаки в Маньчжурию, Зорге сообщил следующее: «Когда Одзаки вернулся из поездки в Маньчжурию, он передал мне довольно интересную информацию. Из нее следовало, что, во-первых, в Маньчжурии уменьшилось число поездов, использовавшихся для транспортировки войск и снаряжения. Во-вторых, возникли трудности в снабжении японских войск, направленных в Маньчжурию. В-третьих, войска, находившиеся на передовых позициях, передислоцированы в южную и центральную части Маньчжурии и проводят подготовку к зиме. Это давало основание утверждать, что в текущем году Япония не нападет на Советский Союз. Это была, если так можно выразиться, негативная информация, информация против войны. Однако мое внимание привлекла и так называемая информация "за". О том, что, во-первых, в Маньчжурии планируется строительство стратегических железнодорожных путей, причем они должны направляться на север. Во-вторых, Одзаки обратил внимание на прибытие танков и тяжелой артиллерии новых образцов. Однако число танков и орудий установить не удалось. Одзаки во время поездки разговаривал со многими лицами, работающими в компании Мантэцу и, по их словам, они не знают, будет война или нет. Однако общее впечатление таково, что опасность войны уже миновала… Эту информацию я по радио немедленно передал в Центр»[258].

Ётогу Мияги — «Итери», отвечая на допросе на вопрос «Какова была информация, переданная в сентябре 1941 г. о том, что положение на восточной границе остается без изменений?», показал: «С наступлением сентября моя уверенность в том, что война Японии с Советским Союзом не начнется, еще более окрепла. Однако Зорге до конца сентября волновался, утверждая, что опасность войны еще не миновала. Поэтому я представил еще одну информацию следующего содержания:

Благополучно миновало 15 августа, считавшееся критическим числом. Очевидно, благополучно пройдет и 15 сентября. Это объясняется тем, что Германия уже потеряла время для захвата Москвы, а Квантунская армия потеряла желание вступить в войну. Вступление в войну против Советского

Союза невозможно, т.к. в настоящее время на этом настаивает лишь небольшая группа "твердолобых" и антисоветские организации»[259].

На вопрос «Каковы были обоснования вывода о том, что Квантунская армия потеряла желание и намерение воевать с Советским Союзом?», Мияги показал: «Я получил информацию о том, что в середине августа офицер штаба Квантунской армии прилетел в Токио и заявил в генеральном штабе, что, так как невозможно в настоящее время начать военные действия против Советского Союза, необходимо отменить планы такого наступления. На основании этой информации я сделал вывод о том, что Квантунская армия потеряла желание и намерение воевать с Советским Союзом»[260].

Квантунская армия потеряла желание воевать, так как ей продолжала противостоять неослабленная незначительными перебросками группировка советских войск.

Отвечая на следующий вопрос: «Где обвиняемый получил информацию о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии?» Мияги пояснил: «В середине августа я узнал от Тагути о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии. В то время я не знал о целях поездки указанного офицера. Тагути сказал мне следующее: "Квантунская армия провела подготовку для наступления на Советский Союз. Однако, разведав несколько раз положение на границе, пришла к выводу о том, что Советский Союз также провел соответствующую подготовку. На основании этого было сделано соответствующее заключение о невозможности наступления...". Через два-три дня я говорил с Одзаки, и он сказал мне, что знает о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии. В конце августа у Тагути я встретился с Кикути и спросил его по этому вопросу. Он сказал, что офицер штаба был направлен в Токио для доклада руководству вооруженными силами мнения Квантунской армии о необходимости снятия с повестки дня вопроса о вступлении в войну против Советского Союза»[261].

Из показаний Одзаки на допросе 12 марта 1942 г.: «Тем временем ход германо-советской войны, как я и предполагал, застопорился в районе Смоленска, советская армия смогла сдержать немецкое наступление. Это позволило мне более убедительно отстаивать справедливость моей точки зрения и на встречах Общества завтраков, и в других местах. Примерно в конце августа я был приглашен секретарем кабинета министров Усибой и в присутствии его самого, Инукаи и некоторых других изложил свои взгляды по вопросу о том, куда может склониться ситуация в Сибири. Смысл моего высказывания сводился к доказательству бессмысленности нападения Японии на Советский Союз. Меня поддержал тогда Мацумото...

Я втайне надеялся, что эта моя точка зрения через секретаря Усибу и других достигнет князя Коноэ и окажет какое-то влияние на политику Японии в отношении Советского Союза. Конечно, я понимал ограниченность моих надежд, так как военная политика Японии определялась не правительством, а военными кругами. Об этих своих действиях я ставил в известность Зорге, и он должен был знать о них»[262].

Так как «день X» — 29 августа — прошел, а военные действия так и не были развязаны, стало необходимо внести коррективы в военные планы Японии.

Из стенограммы 50-го заседания координационного комитета от 3 сентября 1941 г.: «Повестка обсуждения: "Программа осуществления государственной политики Империи".

Сугияма. Мы не можем развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля. Для того чтобы действовать на севере, мы должны быстро провести операции на юге. Даже если мы выступим немедленно, сейчас, операции продляться до весны следующего года. Но мы задерживаемся. И поэтому не сможем действовать на Севере»[263].

14 августа британским премьером Черчиллем и американским президентом Рузвельтом была принята Атлантическая хартия, в которой были изложены цели сторон в войне. Документ включал, в том числе, следующие пункты:

— отказ от территориальных претензий со стороны Соединенных Штатов и Великобритании;

— отказ двух держав поддержать территориальные изменения, которые не находятся в «согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов;

— право наций на выбор своей формы правления, восстановление «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

Атлантическая хартия являлась согласованной позицией США и Великобритании по отношению не только к Германии, но и к Японии.

17 августа Рузвельт передал Номуре отрицательный ответ на предложение об организации встречи глав двух правительств. В нем указывалось, что такая встреча бессмысленна ввиду продолжения Японией экспансионистской политики. Тем не менее, правительство США заявило о готовности продолжать переговоры послов, которые, однако, должны были предшествовать встрече Рузвельта и Коноэ.

Из донесения военной разведки, датированного 26 августа и основанного на радиоперехвате, в Вашингтоне стало известно, что военный министр Тодзио издал приказ о завершении подготовки к войне на Тихом океане в ноябре 1941 г., чтобы во всеоружии встретить любое чрезвычайное положение, которое может создаться в этом районе[264].

Но отсрочка развязывания военных действий была выгодна не только Японии, американский флот и армия также не были готовы к войне.

28 августа Рузвельт получил личное послание Коноэ с предложением об организации встречи «для широкого обмена мнениями» по всем вопросам американо-японских отношений. Но Вашингтон был непреклонен. От японского правительства требовали проведения предварительных консультаций на уровне послов, выработки окончательных проектов соглашений. Ответ на послание Коноэ последовал 3 сентября. В переданном японскому послу заявлении Рузвельта выражалось согласие на встречу с Коноэ, но при условии принятия в качестве основы для переговоров предложений США, сформулированных 16 апреля 1941 г. в «четырех принципах» Хэлла (уважение территориальной целостности и суверенитета всех государств; невмешательство во внутренние дела других государств; равные торговые возможности; изменение статус-кво на Тихом океане только мирными средствами[265]).

Соединенные Штаты настаивали на предварительном обсуждении важнейших спорных вопросов до встречи Коноэ с Рузвельтом. Япония же продолжала требовать организации конференции глав двух правительств без предварительного обсуждения и тем более решения спорных вопросов. В итоге к началу сентября переговоры между Японией и США по существу зашли в тупик[266].

4 сентября 1941 г. германский посол Отт «весьма секретно» доложил в Берлин:

«Попытка принца Коноэ избежать разрыва с коалицией Америки — Англии — Китая и Голландии, а также с Советским Союзом через непосредственное обращение к президенту Рузвельту, создало следующее положение:

Третий кабинет Коноэ после отставки Мацуока решился произвести широкую мобилизацию. Это решение было принято 2-го июля в присутствии императора и по характеру своему было направлено против Советского Союза. Вместе с тем, Коноэ значительно усилил в новом кабинете сдерживающие элементы и возложил большую ответственность на морской флот. Тем самым он создал большие затруднения для продвижения на север. Как сообщает[ся], командование армии в связи с последними событиями стало меньше стремиться к разрыву с Советским Союзом. Приводятся доводы, что японская армия, занятая и ослабленная войной с Китаем, не выдержит зимней кампании против Советского Союза. В виду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии как немецкой, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достичь решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы. Сюда присоединяются сообщения о Номонханских событиях, до сих пор живущих в памяти Квантунской армии. Преувеличенный взгляд на силу русской армии подкрепляют, отчасти, обходным доводом, что Советский Союз даже при разгроме украинского фронта, располагал еще достаточным количеством боевых сил для того, чтобы бросить ее на ближний кавказский фронт для наступления против Ирана.

Ввиду такой оценки положения Квантунская армия будто бы оказала давление на императорскую штаб-квартиру. **Я узнал из достоверного источника** (выделено мной. — *М.А.*), что императорская штаб-квартира пришла в последние дни к решению отложить на время действия против Советского Союза. Принятие нового решения предвидится, как только появятся ясные признаки разложения в Дальневосточной армии или, когда будет установлено численное превосходство японской армии»[267].

С учетом цитируемых выше показаний Одзаки и Мияги, достоверным источником у германского посла мог быть только Рихард Зорге. Однако, почему сам «Инсон» не доложил в Центр поступившую к нему информацию от «Инвеста» и «Итери»? Возможны несколько объяснений:

— желание еще раз перепроверить имевшиеся сведения, учитывая их серьезность;

— донесение не удалось расшифровать из-за плохого качества радиосвязи;

— шифртелеграмма не была передана постоянно болевшим радистом Максом Клаузеном.

4 сентября в газете «Франкфуртер цайтунг» была опубликована статья Рихарда Зорге под названием «Япония сопротивляется блокаде»[268]. В начале в ней говорилось о решении японского правительства отказаться от «поставок, необходимых для военного хозяйства», «из так называемых третьих стран» и «принимать в расчет только хозяйственные мощности японской империи и стран Восточной Азии», уже связанных с ней тесными узами; речь шла о Маньчжоу-Го, территории Китая, контролируемой нанкинским правительством, Индокитае и в известной степени Таиланде.

«Тем самым японское правительство практически впервые учло факт, что Япония подвергнута почти полной блокаде со стороны Соединенных Шта-

тов, Британской империи, контролируемого чунцинским правительством Китая и Нидерландской Индии. В качестве исходного пункта блокады следует рассматривать расторжение Соединенными Штатами торгового договора в 1939 г. За расторжением существовавшего с 1911 г. торгового договора, которое было задумано в качестве предостережения, последовали различные меры, целью которых было воспрепятствовать ввозу в Японию некоторых важных в военно-хозяйственном отношении товаров. Затем в качестве ответа на оккупацию японскими вооруженными силами Южного Индокитая последовало замораживание всех японских активов в Соединенных Штатах, в Британской империи, в Нидерландской Индии, благодаря чему ограничение ввоза превратилось в почти полную блокаду Японии.

Значение этой блокады для Японии трудно переоценить, ибо до расторжения торгового договора с Соединенными Штатами и последовавшего вскоре после этого начала европейской войны японская хозяйственная политика строилась на расширение внешнеторговых сношений именно с так называемыми третьими странами. Увеличение экспорта, гарантирующего приток иностранной валюты для оплаты возросших потребностей Японии в сырье и вооружении, долгое время был лозунгом японской торговой политики. ... Соединенные Штаты и Британская империя покрывали свыше пятидесяти процентов импортных потребностей Японии. Что касается импорта материалов, важных в военно-хозяйственном отношении, то здесь эти две страны играли еще большую роль. Вместе с Нидерландской Индией эти три области, являющиеся сегодня инициаторами блокады Японии, удовлетворяли семьдесят процентов потребностей Японии в военно-хозяйственных материалах. По таким статьям, как неочищенная нефть и газолин, зависимость от них была еще больше. Так блокада и в этом отношении вынуждает Японию к радикальному разрыву с прошлым».

Зорге делал вывод: «Сегодня блокада вышла за пределы чисто хозяйственной стадии. С учетом географического положения района... она начинает превращаться в военно-политическое окружение». И здесь Зорге делает важное замечание: Чтобы она стала полной, нужно вовлечь в число ее участников Советский Союз с Владивостоком в качестве опорного пункта. Обозначение "Владивосток, северный Сингапур" уже начинает играть известную роль в политической дискуссии». Таким образом, делалось завуалированное предупреждение о том, что если Япония выступит против СССР, это только усугубит положение Японии и приведет к завершению ее окружения, которое уже начали Соединенные Штаты с Великобританией.

«Япония начала борьбу с блокадой, — отмечал Зорге. — Первые предпосылки для успешного сопротивления Япония создала уже в начальной стадии войны с Китаем. С суровостью, которая была воспринята многими кругами как безжалостная, она ограничила ввоз всех ненужных непосредственно для войны товаров, на приобретение которых требуется валюта. Так, например, хлопок-сырец (одна из важнейших статей японского импорта из Соединенных Штатов и Индии) ввозился только с целью вывоза текстильных товаров в третьи страны, хотя еще не развитая тогда промышленность по производству искусственного волокна не могла целиком удовлетворить нужду японцев в одежде. Вслед за этим правительство сделало шаг дальше, вынудив неподготовленную японскую автомобильную промышленность производить грузовики для японских вооруженных сил, поставлявшиеся раньше из Соединенных Штатов...

С другой стороны, экономия позволила увеличить завоз важного в военном отношении сырья и материалов, что не только сделало возможным чрезвычайное увеличение и улучшение японских вооруженных сил, но и позволило создать запасы, объем которых остается неизвестным. Эти запасы создают вторую предпосылку для сегодняшнего сопротивления Японии блокаде. Война в Китае вынудила создать контрольный аппарат, столь необходимый для сегодняшнего сопротивления блокаде, и соответствующие плановые органы... Создана основа, на которой перед лицом блокады можно не только заготавливать, но и целеустремленно использовать важнейшее сырье и продукты... Развертывается напряженное соревнование между изолирующим воздействием блокады и использованием всех хозяйственных сил в районах влияния японского военного хозяйства, которые как-никак стали довольно обширными. Они могут предложить железо, уголь, важнейшие металлы, хлопок, каучук, рис и многое другое.

Остается еще неудовлетворенной только одна из существеннейших потребностей всякого военного хозяйства. Ни в одной из доступных Японии областей не сыщешь достаточного количества нефти. В непосредственной близости от сферы японского господства находятся два нефтеносных района — Северный Сахалин и Борнео».

При этом делается важная оговорка: «причем Сахалин оценивается как менее значительный». «Устранение нехватки нефти, — указывает Зорге, — является лишь вопросом времени, причем, конечно, приходится оставлять вопрос открытым, возможно ли добиться обеспечения Японии достаточным количеством нефти из этих районов только путем мирных переговоров с владельцами нефтеносных участков».

И заключение: «В японском сопротивлении есть одна сила, ставящая предел как суровости блокады, так и самой политике окружения, проводимой противником. Это японские вооруженные силы. Отнюдь не легко разгадываемый, иногда очень взрывчатый характер японца все время держит врагов Японии настороже, не давая им решиться на беспощадное осуществление блокады и политики окружения. В этом заключается суть японской силы сопротивления».

«Очень взрывчатый характер японца» проявился через три месяца.

6 сентября состоялась беседа Коноэ с американским послом Грю. Японский премьер заверил посла, что его правительство согласно с «четырьмя принципами» Хэлла, но с некоторыми поправками, которые диктуются самой обстановкой. Он вновь убеждал Грю в необходимости личной встречи с Рузвельтом для урегулирования японо-американских отношений, встречи, которую одобряют руководители армии и флота. Однако его, Коноэ, «мирные намерения встречают возражения «экстремистов», которые препятствуют урегулированию отношений между обеими странами. Путь к достижению соглашения в таких условиях лежит только через переговоры глав двух правительств. Неудача будет иметь тяжкие последствия для японо-американских отношений[269].

Япония настаивала на признании ее прав на Индокитай и считала, что этот вопрос не подлежит никакой дискуссии. Она подчеркивала, что только ей принадлежит право толковать тройственный пакт и решать вопрос о его применении в зависимости от хода Второй мировой войны и позиции, занимаемой той или иной державой. Предложения по китайскому вопросу показывали, что Япония не намеревалась допускать вмешательства третьих

стран в ее отношения с Китаем, а вопрос о выводе своих войск откладывала на неопределенный срок, поскольку восстановление «нормальных» отношений между двумя странами намечалось после полного подчинения Китая Японии[270].

На состоявшемся 6 сентября 1941 г. императорском совещании высшее военно-политическое руководство Японии приняло «Основные положения национальной политики Империи» (в другом переводе — «Программу осуществления государственной политики Империи»[271]).

Основное содержание указанных положений сводилось к следующему:

«Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и прежде всего действия, предпринятые США, Англией, Голландией и другими странами в отношении Японии, а также положение Советского Союза и степень возможного использования государственной мощи империи, империя осуществляет в соответствии с изменением обстановки курс в отношении стран Южных морей на основе нижеследующих пунктов:

1. С целью завершения мероприятий по обеспечению своего существования и самообороны империя принимает решение не останавливаться перед войной против США, Англии, Голландии и в соответствии с этим примерно до конца октября заканчивает все военные приготовления.

2. Наряду с этим предпринимаются усилия для достижения требований империи в отношении США и Англии.

Минимальные требования, удовлетворения которых империя должна добиться на переговорах с США и Англией, а также предел того, на что может согласиться империя в отношении этих требований, указаны в специальном документе.

3. Если к началу октября в ходе переговоров не появятся перспективы удовлетворения наших требований, империя должна взять решительный курс на войну против США, Англии и Голландии.

Политика в отношении государств, не входящих в страны южного направления, осуществляется в соответствии с принятыми принципами "Программы национальной политики". Империя, прежде всего, должна стремиться к тому, чтобы не допустить создания объединенного фронта США и Советского Союза»[272].

Минимальные требования, удовлетворения которых империя должна добиться на переговорах с США, Англией, и в связи с ними пределы того, на что могла согласиться империя: «1. США и Англия не будут вмешиваться в распоряжения Империи в отношении китайского инцидента:

а) не будут препятствовать планам империи урегулировать инцидент в соответствии с японо-китайским основным договором и трехсторонней совместной декларацией Японии, Маньчжоу-Го и Китая;

б) Бирманскую дорогу закроют и правительству Чан Кайши не будут оказывать военной, политической и экономической поддержки.

2. США и Англия не предпримут на Дальнем Востоке действий, могущих создать угрозу обороне Империи:

а) в Таиланде, Голландской Индии, Китае и на территории советского Дальнего Востока не будут возводить сооружений военного значения;

б) военные приготовления на Дальнем Востоке не будут увеличиваться за пределы существующих.

В случае требования ликвидировать особые отношения между Японией и Французским Индокитаем, установленные на базе японо-французского соглашения, не допускать этого.

3. США и Англия будут сотрудничать с Японией в деле обеспечения ее необходимыми ресурсами:

а) восстановят торговые отношения с империей и со своих территорий в юго-западной части Тихого океана будут снабжать ее жизненно необходимыми материалами;

б) будут с готовностью содействовать экономическому сотрудничеству Империи с Таиландом и Голландской Индией.

В случае принятия требований, изложенных ранее, империя не использует Французский Индокитай в качестве базы для вооруженного продвижения в близлежащие районы, за исключением Китая. После установления справедливого места на Дальнем Востоке империя готова эвакуировать свои войска из Французского Индокитая. Империя готова гарантировать нейтралитет Филиппин.

Позиции Японии и США по отношению к войне в Европе должны основываться на принципах защиты и самообороны. В случае вступления США в войну в Европе японская интерпретация Тройственного пакта и вытекающие отсюда действия должны быть абсолютно независимы.

Вышеизложенное не является пересмотром обязательств Японии, вытекающих из Тройственного пакта»[273].

Эти «минимальные требования» противоречили интересам Америки, не учитывали предложения, которые последняя выдвигала на проходивших переговорах, что делало переговоры беспочвенными и создавало положение, при котором война становилась неизбежной.

В «Справочных материалах, подготовленных кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота для ответов на возможные вопросы в ходе императорского совещания 6 сентября 1941 г.» был и вопрос «*Является ли война с Великобританией и Соединенными Штатами неизбежной?*» Ответ на него был однозначен: «План мероприятий нашей Империи по установлению нового порядка в Восточной Азии, центральную проблему которого составляет разрешение китайского инцидента, является твердой политикой, основанной на национальном принципе Хакко итиу. Создание нового порядка будет продолжаться вечно, пока существует наше государство.

Однако становится очевидным, что политика Соединенных Штатов в отношении Японии основывается на стремлении сохранить нынешнее положение. Преследуя цель господства в мире и защиты демократии, США намерены не допустить подъема и развития нашей Империи в Восточной Азии. В этих условиях необходимо признать, что политика Японии и политика Соединенных Штатов несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами, который в зависимости от ситуации может достигать напряжения или быть умеренным, в конечном счете приведет к войне.

Нет необходимости повторять, что до тех пор, пока Соединенные Штаты не изменят своей политики в отношении Японии, наша Империя будет находиться в отчаянном положении, которое в конечном счете вынудит нас к крайнему шагу, а именно к войне в целях самозащиты и сохранения нации. Даже если мы пойдем на уступки Соединенным Штатам, отказавшись частич-

но от нашей национальной политики для достижения временного мира, США по мере усиления их военной мощи, безусловно, будут требовать от нас все больше и больше уступок. В конечном результате наша Империя будет повержена и брошена к ногам Соединенных Штатов»[274].

В своих выступлениях на императорском совещании руководители армии и флота указывали на необходимость развязывания военных действий на юге и отказа от выступления на Севере в ближайшей перспективе. В частности, начальник генерального штаба армии Сугияма заявил:

«По поводу северной проблемы. Я считаю, что пока мы будем вести боевые действия на юге, этот вопрос не должен нас беспокоить. Тем более что с началом германо-советской войны мы усилили нашу подготовку к возможной войне с Советским Союзом и готовы к любым неожиданностям.

В будущем возможно создание коалиции между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако в наступающий зимний период крупномасштабные военные операции (на севере) очень затруднительны из-за погодных условий. Даже если Соединенные Штаты и Советский Союз объединят усилия и используют часть своей авиации и подводных лодок, в это время года их боевые возможности будут невелики. Поэтому, если мы воспользуемся зимним периодом и быстро завершим наши военные операции на юге, я считаю, мы сможем в готовности встретить любые изменения ситуации на севере, которые могут произойти весной следующего года или в последующий период. С другой стороны, упустив возможности, которые нам предоставляет зимний период, мы не сможем в ходе наших операций на юге обеспечить безопасность на севере.

Наконец, есть еще один вопрос, который я хотел бы особо подчеркнуть. Если мы признаем необходимым начать войну на юге, наша Империя должна немедленно сообщить о своих намерениях Германии и Италии с тем, чтобы иметь соглашение с ними до начала войны и быть уверенными, что Япония, Германия и Италия смогут сотрудничать в достижении общих целей войны»[275].

В «Справочных материалах» содержались ответы на ряд вопросов, которые постоянно поднимались на совещаниях:

— *Каковы перспективы германо-советской войны и ожидаемых операций германской армии?* Существует большая вероятность того, что германская армия разгромит основные полевые армии Советского Союза к концу октября или началу ноября и оккупирует важные районы европейской территории Советского Союза. Часть мощных германских вооруженных сил будет завершать разгром поверженной Советской Армии. Затем (Германия) начнет операции на Кавказе, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Исходя из этого, мы оцениваем ситуацию следующим образом:

Ожидается, что линия фронта этой осенью будет проходить от Белого моря, через западные окраины Москвы до Донецкого бассейна. К этому времени после завершения наступления в европейской части Советского Союза будет начата операция на Кавказе, которая рано или поздно будет продолжена на Ближнем Востоке и в Северной Африке;

— *Существует ли возможность столь выгодного для нас развития германо-советской войны, чтобы мы могли использовать военную силу на Севере в этом году?*

Можно считать, что обстановка, вне всякого сомнения, со временем станет более благоприятной. Однако мы пришли к заключению, что благопри-

ятная ситуация, на которую мы рассчитываем, едва ли сложится до середины зимы.

Почти не вызывает сомнения, что Германия захватит большую часть европейской части России и что сталинское правительство будет эвакуировано на Урал и за него. Но сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится. Хотя в настоящее время обстановка в дальневосточных районах Советского Союза в целом угнетающая, признаков беспорядков нет. Потребуется определенное время, чтобы влияние поражения в европейской части России распространилось на Дальний Восток и здесь сложилась неустойчивая и близкая к изменениям ситуация.

В то же время к середине зимы для Советского Союза наступит самое опасное время. Нехватка продовольствия и нефти, введение на них ограничений могут резко изменить положение. Очевидно, что, потеряв европейскую территорию России, сталинский режим будет слабеть, утрачивать свою способность вести войну. Поэтому, вне всякого сомнения, рано или поздно обстановка станет благоприятной для нашей Империи. Мы считаем, что это произойдет во второй половине предстоящей зимы.

Однако представляется затруднительным проведение операций в условиях суровой зимы, даже если перед нами откроются хорошие перспективы. Поэтому вооруженные силы будут использованы в конце зимы, в начале следующего года.

— Как мы должны относиться к северу в связи с осуществлением нашей политики на юге?

Пока мы будем заняты на Юге, необходимо предпринять на Севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта. В особенности мы должны предотвратить образование Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии. В результате использования силы на Юге наша Империя должна рассматривать сотрудничество Соединенных Штатов и Советского Союза как дело вполне естественное. Однако такое сотрудничество в военном отношении в зимнее время затруднительно по причине погодных условий.

Вместе с тем, если развитие германо-советской войны будет выгодным для нашей Империи или угроза с Севера в результате сотрудничества США и СССР станет весьма серьезной, а также, если Советский Союз начнет против нас наступательные действия, а мы не должны допустить этого с точки зрения нашей национальной обороны, возможно, мы применим военную силу для разрешения северной проблемы в ходе или даже до использования силы на Юге[276].

На севере Япония вступила в войну без развязывания военных действий.

7 сентября 1941 года нью-йоркская газета опубликовала очередную статью своего токийского корреспондента Джозефа Ньюмена «Токио готовится к войне, обихаживая тем временем США». «Отправив 29 августа послание президенту Рузвельту, премьер-министр Фумимаро Коноэ успокоил народ, создав впечатление, что между Америкой и Японией может быть достигнуто взаимопонимание. На деле же правительство оставило нацию в полном неведении относительно того, как развиваются переговоры в Токио и Вашингтоне и продолжает подготовку к войне на случай провала переговоров»[277]. Зорге, организуя утечку информации, через Ньюмена пытался убедить США о том, что Япония готовится к войне с ними, поставив под сомнение добрую волю Токио на переговорах.

Как стало известно позже, из-за этих материалов Ньюмен оказался в зоне пристального внимания японской тайной полиции, и 15 октября 1941 г. был выдан ордер на его арест. Это произошло в день, когда был арестован Ходзуми Одзаки и уже готовились аресты Зорге, Вукелича и Клаузена. Судьба оказалась милостивой к Ньюмену: именно 15 октября он выехал из Иокогамы на пароходе «в отпуск на Гавайи». Исследователь Сабуро Ито дает следующую оценку публикациям Ньюмена: «Джозеф Ньюмен несомненно был человеком, который помог выявить историческое значение работы группы Зорге, передав американскому народу через газету конфиденциальную информацию, собранную группой»[278].

10 сентября Франц Гальдер записал: «...Этцдорф. Япония занимает выжидательную позицию, фюрер не хочет оказывать нажима, чтобы не создавать впечатления, будто мы нуждаемся в Японии. Японская армия не горит желанием воевать и, по-видимому, в ближайшее время ничего предпринимать не будет. Военно-морской флот ставит своей задачей последовательно овладеть Таиландом, Сингапуром, Борнео и Манилой; его командование убеждено, что Америка не сможет ничем этому помешать. Помимо всего прочего, в Японии появились внутренние противоречия. Возможна смена кабинета. Во всяком случае, теряется время».

«13 сентября 1941 г., 84-й день войны, — записывает в Гальдер. — ...Выдержка из одобренной фюрером Памятки ОКВ о стратегическом положении в конце лета 1941 г.:

1. В настоящий момент еще нельзя предусмотреть, какое количество сил сможет быть высвобождено с Восточного фронта с наступлением зимы и какое потребуется для ведения операций в будущем году.

2. В случае если кампания на Востоке не приведет в течение 1941 года к полному уничтожению советских войск, с возможностью чего уже давно считается верховное командование, это окажет следующее военное и политическое влияние на общую обстановку:

а) возможность нападения японцев на Россию станет сомнительной, но в то же время Америка может дать Японии непосредственный повод для нападения (невероятно!)».

Основания для оптимистических прогнозов у германского командования имелись: были убиты, попали в плен, пропали без вести или оказались непригодным для дальнейшей военной службы ввиду ранений свыше трех миллионов человек[279]; в середине октября враг стоял у ворот Москвы, из которой началась эвакуация правительственных и государственных учреждений, заводов и фабрик.

14 сентября Зорге направил семь донесений, которые подвели итог его разведывательной деятельности в Японии:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 сентября 1941 года.
Радио-телеграф.

Источник Инвест выехал в Маньчжурию. Он сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной, в случае поражения СССР к тому времени.

Инвест заметил, что СССР может быть абсолютно (слово неразборчиво) свободен после 15 сентября. Источник Итери сообщил, что один из батальонов 14 пех. дивизии, который должен быть отправлен на север, остановлен в казармах гвардейской дивизии в Токио. Из писем офицеров и солдат, получаемых из пограничной линии в секторе Ворошилов, известно, что они оттянуты в район Муданьцзян.

№ 86. ИНСОН.

Расш. Сигалов 18.20 14.09.41
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4 Это надо крепко проверить. АП[АНФИЛОВ]
НО-1 1. Последний абзац проверить через Сорина и не только в направл. Ворошилова, но и по всей границе. 2. Предпоследний абзац дайте на проверку Икару. 3. Поверку 1 и 2 абзацев проводили путем анализа поступающих данных от других источников. 15.9. И»;

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 14 сентября 1941 года.
По радио-телеграфу

Германский посол Отт потерял всякую надежду на выступление Японии против СССР. Сиратори* сказал Отту, что если Япония начнет войну, то только на юге, где они смогут получить сырье — нефть и металлы. На севере они (предполагаются немцы) не смогут получить достаточно помощи.

Один из друзей В.Морского флота сказал Paula, что выступление Японии против СССР больше не является вопросом. Моряки не верят в успех переговоров Коное с Рузвельтом и подготавливаются к выступлению против Тай и Борнео. Он думает, что Манила должна быть взята, а это означает войну с Америкой.

№ 87 ИНСОН.

Перевел: А. Рогов.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф.
В спец. дон.

АП[АНФИЛОВ]

15/IX-41»;

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 сентября 1941 года
Радио-телеграф.

Источник Инвест сообщил, что японское правительство располагает следующими запасами нефти: для нужд гражданского населения, включая и гражданский флот — 2 миллиона тонн; для нужд армии — 2 миллиона тонн; для нужд военно-морского флота — свыше 8 миллионов тонн.

№. 88 ИНСОН.

Расш. Сигалов. 20.00 14.09.41
Перевёл: полковник Рогов
Адресату.

---

* Сиратори, бывший посол Японии в Италии. В данное время работает в МИД.

В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф.
Откуда такие большие запасы.
Какие данные у нас есть.
Доложить.

АП[АНФИЛОВ]

15/IX»;

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 сентября 1941 года.
По радио-телеграфу.

Сиратори и представитель японского флота сказали германскому послу Отт и Paula*, что переговоры с Америкой должны рассматриваться как последний эксперимент, чтобы доказать народу, руководящим кругам и крупным капиталистам, что нет пониманий, могущих быть достигнутыми в этих переговорах с Америкой. Если эти переговоры двух государств окончатся без успеха, то Япония должна выступить на юге очень скоро.

Коное и крупные капиталисты надеются, что вся лихорадочность с Америкой приведет в дальнейшем к пониманию.

№ 89 Инсон.

Расш. Сигалов. 08.30 15.09.41
Перевел: А. Рогов
Адресату.
в реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
К учету
АП».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 14 сентября 1941 года.
По радио-телеграфу.

По мнению посла Отт, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока.

В различных кругах начались резкие разговоры об ответственности за мобилизацию в большом масштабе и по поводу содержания огромной Квантунской армии, которые, несомненно, принесут стране большие экономические и политические затруднения.

№ 90 ИНСОН.

Расш. Сигалов. 10.30 15.09.41
Перевел: А. Рогов
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф.
По всем донесениям Инсон
составить спец. донесение.

АП[АНФИЛОВ]»;

---

* Морской атташе Герм. посольства в Токио.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО.
14 сентября 1941 года

Paula сказал мне, что он уверен, что очередное большое наступление немцев будет направлено на Кавказ через реку Днепр.

Paula думает, что если немцы не получат нефти в ближайшее время, то дальше они должны проиграть войну. Поэтому бои около Ленинграда и Москвы являются более или менее для показа, а главная атака должна быть на Кавказ.

№ 91. ИНСОН.

Расш. Сигалов. 03.50 16.09.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.
В реестр.
Нач. Генштаба
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4 и Инф.
Включить
в развед. сводку.

АП [ПАНФИЛОВ]»;

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио. 14 сентября 1941 года
По радио-телеграфу

В дальнейшем развитии японо-американских переговоров выявились некоторые возможности для достижения соглашения хотя бы на время.

Содержание переговоров еще не дадено.

№ 92 ИНСОН

Расш. Сигалов. 11.50 15.09.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.
в реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Инф
В спец. дон.

АП [ПАНФИЛОВ]».

Передав слова германского военно-морского атташе о том, что «очередное большое наступление будет направлено на Кавказ через реку Днепр», Зорге сообщил об операции, проведение которой только планировалось в генеральном штабе сухопутных войск Германии.

6 октября 1941 г. Франц Гальдер лаконично записал в дневнике: «Генерал Паулюс (1-й обер-квартирмейстер): ...б) Первоначальные выкладки для ведения операций на Кавказе (оперативная разработка «Кавказ»)».

19 ноября начальник генерального штаба сухопутных войск записал по этому же поводу: «... б) Задачи на будущий (1942) год. В первую очередь — Кавказ. Цель — выход к южной русской границе. Срок — март — апрель. ...». План операции по захвату Кавказа, в частности нефтедобывающего района

Грозного и Баку, получил название «Эдельвейс» и был утвержден Гитлером 23 июля 1942 г.

«СПЕЦСООБЩЕНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

№ 661584 сс
19 сентября 1941 г.

Япония.

Борьба правящих кругах Японии вокруг внешнеполитического курса.

Поступающие за последние дни донесения агентуры РУ Генштаба говорят о том, что внутриполитическая обстановка в Японии характеризуется обострением борьбы в правящих кругах.

Наиболее агрессивные круги японской военщины под нажимом немцев продолжают требовать от правительства решительных действий против, якобы, создаваемого Америкой и Англией «враждебного Японии окружения». Эти круги обвиняют Коноэ в излишней медлительности и считают возглавляемый им кабинет временным, так как он не обеспечивает выполнения Японией своих обязательств перед державами «оси». Источники РУ Генштаба связывают покушение на министра японского правительства Хиранума с деятельностью близких к немцам профашистских кругов; выстрел в Хиранума рассматривается, как немецкое предупреждение Коноэ за его нерешительность по отношению к СССР.

Затяжка происходящих сейчас японо-американских переговоров, а также недовольство немцев позицией, занятой японским правительством, еще более усилили борьбу и внутри самого кабинета Коноэ.

Группировка Коноэ, опирающаяся на дворцовые, финансовые и промышленные круги, надеясь на возможность достижения хотя бы временного соглашения с Америкой, принимает все меры к тому, чтобы избавить Японию от необходимости вести войну в неблагоприятно складывающейся для нее обстановке.

Группировка сторонников немедленного вступления Японии в войну на стороне Германии, опирающаяся на профашистские круги армии и флота, исходит из того, что Япония должна воспользоваться происходящей войной на западе для захвата Таи и Голландской Индии, без чего Япония будет испытывать большие трудности с началом войны против СССР.

Как видно, группировке Коноэ пока удается проводить свою линию, заключающуюся в стремлении создать необходимые предпосылки для успешных действий Японии, как против Таи и Голландской Индии, так и против Советского Союза.

Важной предпосылкой для этого указанная группировка считает восстановление торговых отношений с США и быстрейшее окончание японо-китайской войны.

Этим, по-видимому, объясняется то, что, несмотря на большое недовольство Германии медлительностью Японии, последняя пока воздерживается от действий, могущих привести к войне с Америкой и Советским Союзом.

В связи с этим за последнее время от агентуры РУ, связанной с немецкими источниками, поступает ряд сведений о том, что японское правительство, якобы, решило в текущем году не выступать против СССР, но войска, сосредоточенные в Манчжурии и Корее, оставить там для возмож-

ного выступления весной 1942 года, в случае поражения к этому времени СССР.

По агентурным данным, немецкий посол в Японии Отт в беседе с нашим источником заявил, что он потерял всякую надежду на выступление Японии против Советского Союза; по его мнению, Япония сможет выступить против СССР только в случае значительного ослабления Красной армии на Дальнем Востоке (выделено мной. — *М.А.*).

В различных кругах Японии начались резкие разговоры об ответственности правительства за проведенную в широких масштабах мобилизацию и по поводу содержания огромной армии в Манчжурии, которые, несомненно, приведут страну к большим экономическим и политическим затруднениям.

Все эти данные имеют прямое отношение к происходящей внутри японского правительства борьбе по вопросам, связанным с определением внешнеполитического курса Японии.

Однако, несмотря на отсутствие единства в правящих кругах Японии, нет никаких признаков ослабления подготовительных военных мероприятий для нападения на СССР.

Японо-американские переговоры.

По агентурным данным в ходе японо-американских переговоров выявились некоторые возможности для достижения временного соглашения между этими двумя странами. Тем не менее, в руководящих кругах военно-морского флота Японии не верят в успех переговоров Коноэ с Рузвельтом и подготавливаются к выступлению против Таи и Голландской Индии.

Видный деятель профашистской группировки Сиратори (бывший японский посол в Италии) и представитель командования японского флота в беседе с немецким послом в Японии Отт заявил[и], что переговоры с Америкой должны рассматриваться, как последний эксперимент, имеющий целью доказать японскому народу, руководящим кругам и крупным капиталистам, что Америка не проявляет понимания стремлений Японии.

В заключение они заверили Отт, что, в случае неуспешного хода переговоров, Япония в ближайшее время начнет действия против Таи и Голландской Индии.

Одновременно, по данным правительственных кругов Чунцина, не получившим подтверждения, в ходе японо-американских переговоров, якобы, достигнута договоренность по следующим вопросам:

а) США признают Маньчжоу-Го;

б) Америка признает особые права Японии в Северном Китае;

в) Япония выводит свои войска из Центрального и Южного Китая;

г) Япония выходит из германо-итальянского блока.

(Правдоподобность данного пункта сомнительна).

По агентурным данным, Чан Кайши 13 сентября в беседе с преподавательским составом Центральных политических курсов заявил, что посол США в Китае Гаусс уведомил его о готовности Японии заключить мир с Китаем на следующих условиях:

а) Манчжурия и Северный Китай отходят Японии;

б) Граница между Китаем и Японией будет проходить по реке Хуанхэ;

в) Япония выводит свои войска из Центрального и Южного Китая.

Если китайское правительство согласно с этими условиями, то США готовы выступить посредником. Чан Кайши, якобы, ответил Гауссу, что он не может согласиться с этими требованиями.

В связи с переговорами между США и Японией наблюдается некоторая активизация капитулянтских элементов внутри китайского правительства и в руководящих кругах Гоминдана. Их деятельность проходит под лозунгом "США предают Китай и последнему остается только идти на компромисс с Японией". Подобные заявления сделали министр финансов Кун Сянси и зав. орг. отделом ЦИК ГМД Чжу Цзяхуа.

Таким образом, в ходе японо-американских переговоров, видимо, создалась реальная возможность в ближайшее время достигнуть некоторого соглашения между обеими сторонами. Однако, судя по агентурным донесениям, японское правительство всячески лавирует и выжидает, избегая взять на себя определенные обязательства, могущие нарушить пакт трех держав.

Причем, по мнению Чан Кайши и его окружения, соглашение между США и Японией произойдет в ущерб интересов свободного Китая.

Начальник РУ Генштаба РККА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
(Голиков)

Военный Комиссар РУ Генштаба РККА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР
(Ильичев)

Рассылка:
Экз. № 1 — тов. Сталину
« № 2 — тов. Молотову
« № 3 — тов. Ворошилову
« № 4 — тов. Берия
« № 5 — тов. Маленкову
« № 6 — тов. Мехлис
« № 7 — тов. Димитрову
« № 8 — тов. Кузнецову
« № 9 — тов. Шапошникову
« № 10 — тов. Щаденко
« № 11 — тов. Василевскому
« № 12 — в дело».

В Спецсообщении Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии от 19 сентября 1941 г. во многом была использована информация, отправленная Зорге из Токио. Обращает на себя внимание фраза «японское правительство **якобы** (выделено мной. — *М.А.*) решило в текущем году не выступать против СССР». «Рамзай»-«Инсон» считал, что свою задачу выполнил, установив, что Япония в 1941 г. на Советский Союз не нападет. В Разведывательном управлении, однако, уверенности в этом не было.

Решение вопроса о войне или мире должно было быть принято приблизительно в первой декаде октября. Этот срок приближался, а переговоры с Соединенными Штатами затягивались. На совещании, состоявшемся 25 сентября, представители японского главного командования армии и флота обратились к правительству с важным заявлением. Суть его была такова: правительство должно решить вопрос о войне и мире не позднее 15 октября. Этот срок определялся как минимальный для завершения подготовки к войне к концу октября.

Заявление застало премьер-министра Коноэ врасплох. После окончания заседания он пригласил участвовавших в нем министров в свою резиденцию и спросил, настаивают ли они на своем заявлении. Военный министр Тодзио

ответил: «Да, настоятельно просим. Но дело не в просьбе. Речь идет о том, что уже было решено на совещании в присутствии императора еще 6 сентября».

27 сентября военный министр Тодзио в беседе с морским министром Оикава спросил последнего, что он думает о намерении изменить решение совета, принятое в присутствии императора. Оикава ответил, что не склонен ставить вопрос об отмене решения, но, поскольку международная обстановка быстро меняется, существует опасность, что Япония преждевременно бросится в пучину мировой войны[280].

27 сентября Номура передал Хэллу новый документ, затрагивавший широкий круг спорных вопросов и содержавший предложения о путях разрешения. Японский проект предлагал США воздействовать на «чунцинское правительство», чтобы побудить его вступить в переговоры с правительством Японии с целью прекращения военных действий и восстановления мирных отношений между обоими государствами. Японское правительство еще раз предлагало принять необходимые меры для восстановления нормальных торговых отношений, отказаться от экономических репрессий и обеспечить взаимное снабжение необходимыми материалами.

Существенное место в проекте занимал вопрос о «политической стабилизации» на Тихом океане. Японское правительство заявляло, что не намерено использовать Индокитай как базу для военного продвижения в соседние районы, более того, оно обещало вывести войска с Индокитайского полуострова в целях установления «надлежащего мира» на Тихом океане. Наряду с этим США предлагалось ограничить военные мероприятия в юго-западном районе Тихого океана. В заключение отмечалось, что оба правительства будут уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Таиланда и Индонезии и готовы заключить соглашение о нейтрализации Филиппинских островов после получения ими независимости[281].

Обещание вывести войска из Индокитая прозвучали в японском проекте впервые. Правда, одновременно указывалось, что Япония намерена и впредь использовать эту территорию для обеспечения военных операций в Китае.

В ходе переговоров в конце сентября 1941 г. японский посол в Вашингтоне вновь стал упорно настаивать на необходимости скорейшей встречи Коноэ и Рузвельта. В беседе с Хэллом Номура заявил, что такая встреча могла бы иметь большой психологический эффект в Японии, создав впечатление перехода к «новому курсу». Посол отметил, что она могла бы также нейтрализовать влияние наиболее реакционных элементов в Японии и оказать существенную помощь сторонникам мирных отношений с Соединенными Штатами.

27 сентября министр иностранных дел Тоёда заявил американскому послу Грю, что Япония высказывается за «конференцию лидеров» и что при настоящих обстоятельствах важно организовать встречу Коноэ с Рузвельтом, поскольку США и Япония «держат ключ к миру или войне на Тихом океане».

Стремясь ускорить принятие японского предложения, Номура сообщил, что корабль для поездки Коноэ готов, свита — советники, генералы и адмиралы — назначена и Коноэ, сопровождаемый ею, готов выехать в любой момент. Номура подчеркнул, что, если встреча не состоится, это значительно осложнит положение правительства Коноэ, которое окажется вынужденным уйти в отставку и уступить место менее умеренному правительству. Поэтому любая дальнейшая оттяжка в организации встречи поставит японское правительство «в весьма деликатное положение». Встреча Коноэ с Рузвельтом намечалась на 10—15 октября.

Ответ Соединенных Штатов последовал 2 октября. В нем рассматривался весь комплекс спорных вопросов. Правительство США отмечало, что вывод японских войск из Китая и Индокитая помог бы выявить мирные намерения Японии и ее действительное желание «создать прочную основу для будущей стабильности в бассейне Тихого океана». В американском ответе вновь выдвигались в качестве основы мирного соглашения «четыре принципа» Хэлла. Государственный секретарь указал на необходимость тщательной подготовки встречи с внесением ясности в позиции той и другой стороны. Ответ Соединенных Штатов свидетельствовал о все большем расхождении взглядов и нежелании американской стороны уступить Японии в важнейших спорных вопросах, о непримиримости японо-американских противоречий[282].

Тем не менее, переговоры продолжались.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО,3 октября 1941 года
По радио

По данным Инвеста.

Японо-американские переговоры вступили в решительную фазу с возвращением Икатсуки (ответственный сотрудник японского посольства в США) в Соединенные Штаты, после его разговоров с Коноэ и высшими кругами морского флота.

Коноэ до некоторой степени оптимистичен к тому, чтобы найти пути к значительному уменьшению японских вооруженных сил в Китае и эвакуации большей части Центрального и Южного Китая, а также прекращению строительства всех 8 авиационных и морских баз в Индо-Китае.

В случае, если Америка не придет к реальному компромиссу до середины октября, то Япония выступит сначала против Таи, а затем Сингапур, Малайя и Суматра. Наступление на Борнео не предусматривается, потому что на двух флангах будут Сингапур и Манила.

Японцы рассчитывают, что оборона Суматры слабее, чем Борнео, а ресурсов нефти там значительно больше и лучше.

Однако, это выступление будет только тогда, как переговоры между Японией и Америкой будут прерваны.

Со своей стороны, японцы предпримут все усилия чтобы прийти к соглашению с Америкой, не принимая во внимание германскую сторону.

№ 98,99 ИНСОН

Расш. Сигалов. 21.45 4.10.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату. Сталину. Молотову. Маленкову.
В реестр. Сталину. Ворошилову. Берия.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
ГКО

Г[оликов]. И[льичев]».

НО-1
К учету. Поблагодарить
Инсона за посл. информации.

И.

5.10».

3 октября из Токио было отправлено еще одно донесение — об обстановке в Маньчжурии. То, что Япония в 1941 г. не нападет на Советский Союз, представлялось его автору очевидным, и на то были все основания:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 3 октября 1941 года.
По радио.
(Продолжение № 94, к Вх. № 19091)

Ввиду того, что не будет войны против СССР в этом году, небольшое количество войск было переброшено обратно на Острова. Так, например, один полк 14-й дивизии остался в районе Уцуномия, а другой отряд был возвращен из района между Дайреном и Мукденом, где он располагался в новых бараках. Концентрация главных японских сил по-прежнему остается в секторе Владивосток — Ворошилов.

В сентябре месяце управление жел. дор. компании получило приказ — в секретном порядке установить жел. дор. связь между Цицикаром и Оопу (напротив советского города Ушумун). Японцы намереваются развить этот район с целью наступательных действий в случае возникновения войны, которая может начаться в марте следующего года, если развитие военных действий между СССР и Германией создаст такую возможность японцам, чтобы начать эту войну.

Известно также, что из Северного Китая в Маньчжурию японцы своих войск не перебрасывали.

(Продолжение следует).

№№ 95,96. ИНСОН.

Расш. Сигалов. 20.00 4.10.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.
в реестр.
[Резолюция]: НО4
Учесть. Выяснить в 4 отд.,
почему же попадает телеграмма
к нам на 5 день после ее получения.

Д.

9.10».

4 октября 1941 года была отправлена еще одна радиограмма, являвшаяся продолжением шифрсообщений, отправленных 3 октября. Это донесение было последним, отправленным резидентурой Зорге из Токио:

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 4 октября 1941 года
Радио-телеграф.
(Продолжение №№ 95 и 96, к Вх. № 19682).

Только 3. 000 различных грузовиков и других машин были направлены (речь идет о переброске из Северного Китая в Манчжурию). 1000 грузовиков перед этим были переброшены из Манчжурии в Северный Китай.

В течение первых недель подготовки выступления против СССР командование Квантунской армии распорядилось призвать 3000 опытных железнодорожников для установления военного сообщения по сибирской магистрали, но теперь это уже отменено. Все это означает, что войны в текущем году не будет.

№ 97. ИНСОН

Расш. Сигалов. 9.00 8.10.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.
В реестр».

4 октября 1941 г. германский посол в Токио Э. Отт отправил по рации в Берлин:

«Г-ну Министру Иностранных дел.

В Дополнение к телеграфному донесению от 2 октября № 1960.

Как было сообщено ранее, японо-американские переговоры, по-видимому, продолжают оставаться без результатов. Положение не изменится пока Соединенные Штаты в корне не изменят своего отношения к китайскому вопросу, что было бы трудно для них. Во всяком случае, в Японии господствует чувство неуверенности в выборе политического направления в случае неудачи переговоров. В первый раз за всю свою историю Япония чувствует себя физически изолированной и окруженной врагами. Она испробовала свои силы на Китае, который в военном отношении стоит ниже ее, с настроением оптимистическим и полный решимости; но теперь, несмотря на некоторые блестящие отдельные успехи, она находится под впечатлением, что не сможет закончить этого конфликта успешно. Многолетняя этапная служба армии в Китае пагубно повлияла на ее боевую способность и воинственный дух еще более, чем на настроения в самой Японии. Нельзя отрешиться от впечатления, что начавшаяся в июле мобилизация еще более усилила чувство собственной слабости, вскрыв бесчисленные экономические и материальные недостатки.

Однако, в продолжении последних недель появилось убеждение, что бездеятельное ожидание не приблизит Японию к ее цели и существования ее не застрахует.

Основательное ознакомление с настроениями начальников армии/военного министра, начальник Генерального штаба, начальник политического отдела и отдела иностранных армий/ дает следующую картину этих настроений.

Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством к этой цели могут служить — отпор Америке и выведение из строя Советского Союза. После того, как Германия начала борьбу с Советским Союзом и добилась больших военных успехов, необходимо, по возможности, скорее установить связь трех держав, объединенных пактом, через Сибирь, чтобы сконцентрировать объединенную энергию для покорения Англии, как на Ближнем и Дальнем Востоке, так и на Британских островах. Операции в Европейской России показали, что хотя армии Советского Союза и были побеждены, автоматического падения политической системы за этим не последовало. Военных действий Японии против все еще сильной в боевом отношении Дальневосточной армии ранее будущей

весны ожидать нельзя. Возможно, что к тому времени совершится моральное падение режима. Упорство, которое показал Советский Союз в борьбе с Германией, заставляет предполагать, что японское нападение, если бы его начать в августе или сентябре, не открыло бы в этом году дороги через Сибирь. Чтобы в будущем достигнуть этой цели, существуют два пути: или использовать ожидаемое и значительное по своим последствиям падение советского режима после занятия Москвы, с тем, чтобы заручиться добровольным сотрудничеством остальной России. Этому может помочь Япония, произведя в нужный момент давление на русские пути снабжения на Дальнем Востоке.

С другой стороны, можно было бы напасть на Сибирь с Запада и Востока следующей весной, к чему Япония имела бы тогда возможность, несмотря на ее обремененность китайским конфликтом. Однако, в последнем случае пространство, которое нужно покрыть, очень велико и общие действия не легки. Таким образом, и в этом случае желательно политическое разрешение вопроса.

Военное выступление Японии против англосаксонских позиций на Юге не обусловлено временем. Одновременное выступление Германии против англосаксонских позиций на Ближнем Востоке было бы желательно, но дожидаться его нет необходимости. Во всяком случае, победа над Британским мировым господством осуществится вполне лишь тогда, когда наши обоюдные действия пошатнут положение Англии в Индии. ...»[283].

Это донесение-размышление Отта при всей его кажущейся серьезности бесцветно, так как не дает прогноза развития японо-американских переговоров и подтверждает уже общеизвестный факт о том, что Япония не нападет на Советский Союз до весны следующего года. Сами же рекомендации, обращенные в будущее («использовать ожидаемое и значительное по своим последствиям падение советского режима после занятия Москвы, с тем, чтобы заручиться добровольным сотрудничеством остальной России») оторваны от реальной действительности. Весьма вероятно, что к этому псевдоанализу приложил руку Зорге, чтобы окончательно дезориентировать руководство Германии. Если же это плод размышлений самого Отта, тогда понятно, почему он не мог обойтись без Зорге. Достаточно вывода о том, что «победа над Британским мировым господством осуществится вполне лишь тогда, когда наши обоюдные действия пошатнут положение Англии в Индии». Такое впечатление, что Отт находился не в Токио, а на острове Пасхи.

6 октября состоялось совещание руководящего состава армейского командования. На совещании был принят документ следующего содержания:

1) армия считает, что перспектив на благоприятный исход японо-американских переговоров нет, поэтому война неизбежна;

2) что касается пребывания войск за границей, то условия их вывода остаются без изменений, включая формальные вопросы;

3) если министерство иностранных дел считает, что перспективы на достижение соглашения существуют, не возбраняется до 15 октября продолжить переговоры[284].

7 октября между начальником генерального штаба армии Сугияма и начальником генерального морского штаба Нагано состоялось совещание, на котором было достигнуто полное единство мнений, но по поведению морского министра Оикава трудно было понять его намерения. Когда 9 октября

на заседании совета Нагано собирался зачитать свой меморандум, морской министр Оикава прервал его. Тогда Нагано после заседания вручил министру иностранных дел меморандум, который гласил:

1. Затяжка переговоров создаст трудности в проведении военных операций.

2. Если проводить переговоры, то с уверенностью в завершении[285].

Столкновение между различными политическими группами произошло на заседании правительства 12 октября, на котором присутствовали: Коноэ, Тодзио, Тоёда, Оикава и Судзуки. В своем выступлении на заседании Тодзио категорически утверждал, что нет никакой надежды достичь успеха путем продолжения переговоров и предлагал немедленно начать войну. Коноэ же настаивал на продолжении переговоров. Его поддержал министр иностранных дел Тоёда, который заявил, что возможность успешного завершения переговоров маловероятна, если только военные круги не пойдут на некоторые уступки; только эвакуация, хотя бы частичная, войск из Китая могла бы улучшить перспективы переговоров. Однако, Тодзио резко возразил, заявив: «Пребывание войск есть вопрос жизни армии. Мы абсолютно не можем сделать уступок»[286].

14 октября состоялось очередное заседание кабинета министров, на котором вновь был поставлен вопрос о японо-американских переговорах. Полемика велась в основном между военным министром и министром иностранных дел. Тодзио выступил против эвакуации войск из Китая и Французского Индокитая. Он предложил Коноэ всем кабинетом подать в отставку, мотивировав это следующим образом: поскольку не представлялось возможным проводить в жизнь решение от 6 сентября об «Основных положениях национальной политики империи», правительство, участвовавшее в подготовке и принятии решения, должно нести за это ответственность и уйти в отставку. Пришедшее на смену новое правительство будет ответственно за новое или повторное решение о национальной политике[287]. Ни премьер-министр, ни министр иностранных дел, ни морской министр ничего не могли противопоставить Тодзио, выступавшему от имени армии за прекращение переговоров.

На одном из заседаний правительства Коноэ предложил уступить США, признать необходимость отвода японских войск и держать войска в Китае. Он называл это принципом «отказа от формы и сохранения сущности»[288].

16 октября третий кабинет Фумимаро Коноэ в полном составе вышел в отставку. В письме-прошении об отставке от 16 октября он указал, что при формировании его третьего кабинета ему вменялось в обязанность «найти скорейший способ закончить китайский инцидент», что, однако не удалось сделать. Коноэ считал, что разрешить «китайский вопрос» возможно лишь путем успешного завершения японо-американских переговоров и частичных уступок в вопросе о выводе японских войск из Китая, с чем не соглашался военный министр Тодзио. Коноэ отметил, что, сформировав кабинет, он имел в виду развернуть экспансию в южном направлении и надеялся на то, что средством к достижению этой цели послужат «дружественные переговоры» с Соединенными Штатами. Несмотря на трудности, возникшие в ходе переговоров, Коноэ указал, что поставленные задачи можно разрешить дипломатическим путем. В заявлении об отставке Коноэ указывал, что в ответ на требование Тодзио начать войну против США и Англии он заявил, что не мо-

жет взять на себя ответственность за исход войны, в которую Япония будет вовлечена, что он считает «невозможным для себя вовлечь нацию в титаническую войну, исход которой нельзя предвидеть», тем более, что не разрешен «китайский инцидент»[289].

На следующий день императорский указ на формирование кабинета, вопреки ожиданию, был вручен Тодзио Хидэки. В связи с чрезвычайным положением премьер-министр Тодзио сохранил за собой пост военного министра и одновременно получил портфель министра внутренних дел.

По стечению обстоятельств (а может быть, и нет) накануне отставки правительства — 15 октября 1941 г. — по обвинению в государственной измене и шпионаже был арестован Ходзуми Одзаки. Враги стали открыто требовать ареста самого Коноэ. Сигэмицу Мамору (карьерный дипломат, министр иностранных дел Японии в 1943—1945) называл Одзаки «супер-предателем», ставившим себе целью столкнуть Японию и США, когда главным врагом была Россия, и обвинял Коноэ в провоцировании войны с США и покровительстве предателям вроде Одзаки в передаче врагу военных и государственных тайн. Последний говорил своему адвокату Аоти Син, что надеялся лично встретиться со Сталиным при посредничестве Зорге, чтобы подготовить встречу Сталин — Коноэ и добиться такого завершения войны на Тихом океане, которое в равной степени было бы выгодно и СССР, и Японии. Дважды, летом 1943 г. и летом 1945 г. Коноэ собирался с секретной миссией в Москву, но Сталин оба раза отказывался даже от обсуждения японских предложений о предстоящей встрече[290].

17 октября 1941 г., накануне своего ареста, Зорге написал последнюю шифртелеграмму, которая так и не была отправлена. Рукописный текст донесения на английском языке был найден во время ареста на его квартире:

«Если на переговорах Японии с Америкой не будет получен удовлетворительный ответ, то японский кабинет будет реорганизован или уйдет в отставку. Это будет означать, что вскоре начнется война с Америкой. Единственная надежда на то, что Япония избежит столкновения с Америкой, связывается с послом Грю (посол США в Токио. — *М.А.*).

В отношении Советского Союза существует мнение, что победы Германии над СССР и нападения на СССР следует ожидать не раньше следующей весны; вопрос Америки и продвижения на юг представляется более важным, чем проблема севера.

Считают, что призыв в армию в декабре и январе будет гораздо многочисленнее прошлогоднего.

В октябре получили от вас 500 американских долларов для оплаты дорожных расходов жены Вукелича (Вукелич, находясь в Японии, развелся с женой, и она уехала к родственникам в Австралию. — *М.А.*).

Мы с глубоким сочувствием следим за героической борьбой вашей страны с Германией. Мы глубоко сожалеем, что остаемся здесь, где не можем оказать вам серьезной помощи. Мы знаем свое дело и верим в то, что могли бы пересечь границу и направиться либо к вам, либо в Германию, чтобы начать новую работу. Ждем указаний»[291].

На допросе 5 марта 1942 г. Зорге подтвердил подлинность текста и пояснил: «Я написал это сообщение на английском языке 17 октября 1941 г., т.е. за день до ареста, и показал Клаузену, чтобы тот отправил его в Москву. Но потом подумал, что время еще не пришло, и забрал обратно. Поэтому оно так и не было передано в Москву»[292].

На допросе 26 марта 1942 г. Рихард Зорге еще раз коснулся своего неотправленного донесения в Центр, отметив, в частности, следующее: «Смысл телеграммы, написанной мною вечером накануне дня ареста для передачи по радио в московский центр, состоял в следующем: наша задача в Японии выполнена. **Войны между Японией и СССР удалось избежать** (выделено мной. — *М.А.*). Верните нас в Москву или направьте в Германию»[293].

Во времена разгула маккартизма эта неотправленная шифртелеграмма явилась основанием для спекуляций в США в части сокрытия Москвой от Вашингтона ценной разведывательной информации: «В середине октября 1941 года, менее чем за два месяца до Пёрл-Харбора, Зорге и Одзаки направили в 4-е Управление длинный отчет, в котором обосновывалось мнение Зорге, что Япония потеряла надежду достичь согласия с американским правительством и что нападение на США и Англию будет осуществлено в декабре 1941-го или, возможно, в начале января 1942 года. Кремль, которому в свое время передали предупреждение президента Рузвельта о сроках германского нападения на Россию, "отблагодарил" Соединенные Штаты, оставив ценные разведданные при себе. С советской точки зрения причины были чисто прозаические. Воюя с Соединенными Штатами, Япония не рискнет напасть на Сибирь, да и Соединенные Штаты, окунувшись в войну, стряхнут с себя то, что Кремль считал равнодушием, если не легкомыслием, в отношении к ленд-лизу — поставок военно-воздушной продукции и вооружений» [294].

5 ноября состоялась императорская конференция, на которой было принято следующее решение: «1. Начать военные действия в первых числах декабря; армии и военно-морскому флоту полностью завершить подготовку к операциям.

2. Переговоры с США проводить в соответствии с прилагаемым документом (вариант «А» и вариант «Б»).

3. Усилить сотрудничество с Германией и Италией.

4. Непосредственно перед началом военных действий установить тесные связи с Таиландом.

В случае, если переговоры с США к 0 часам 1 декабря принесут успех, военные действия отложить»[295].

Последняя фраза в этом документе могла иметь смысл лишь в том случае, если бы американское правительство согласилось на безраздельное господство Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе — то есть речь шла об азиатском варианте «мюнхенского соглашения».

Как и следовало ожидать, переговоры ни к чему не привели.

12 октября 1941 г. Ставка направила Директиву командующему войсками Дальневосточного фронта об отправке в ее распоряжение пяти дивизий (92 сд, 78 сд, 415 сд, 58 тд, 60 тд)[296]. Директива об отправке двух дивизий была отдана и командующему войсками Забайкальского фронта.

Однако было бы заблуждением считать, что директивы однозначно находились в прямой связи с телеграммами Зорге от 14 сентября 1941 г. Вместе с тем возможность существования такой связи не следует исключать.

В октябре Рихард Зорге, Макс Клаузен, Одзаки Ходзуми, Мияги Ётоку были арестованы. Поток ценной информации из японских правительственных кругов и германского посольства иссяк, и это сразу ощутили в Москве. Для Зорге было совершенно очевидно, что «войны в текущем году не будет», о чем он неоднократно аргументировано докладывал, как о свершившемся

факте. Однако такого понимания не было в Разведывательном управлении Генерального штаба Красной Армии. Отбросив поступившую информацию от Зорге и здравый смысл, подсказывавший, что японское командование не будет воевать зимой, Разведывательное управление вернулось к ожиданию нападения на советский Дальний Восток.

26 октября командующий армиями Дальневосточного фронта генерал армии И.Р. Апанасенко получил шифрдонесение, которое противоречило информации, поступавшей от Зорге: «Начальник Разведуправления Красной Армии сообщает о следующем:

1. Из Стокгольма сообщают, что 26—28 октября выступят японцы. Основной удар — Владивосток.

2. Из Вашингтона сообщают: по мнению высших военных китайских властей, японское нападение на Сибирь произойдет в ближайшие дни»[297].

Войска фронта были приведены в полную боевую готовность, правда, тревога оказалась ложной. Все это свидетельствует о серьезных просчетах в работе 5-го (информационного) отдела Разведывательного управления.

Спецсообщением Разведупра от 3 ноября 1941 г. обстановка в Японии оценивалась как очень тревожная для Советского Союза. «По агентурным данным, полученным из Шанхая, японцы намерены выступить против СССР независимо от времени года, как только немцы добьются крупных успехов в наступлении на Москву»[298]. По тем же агентурным данным, подтверждалась ранее поступившая информация о том, что Япония ставит своей задачей овладеть в первую очередь Владивостоком, а также захватить северо-восточную часть МНР.

Основной вывод, сделанный в спецсообщении: «С приходом к власти кабинета Тодзио угроза военного нападения на СССР значительно возросла. В связи с провалом японского наступления на Чанша значительное увеличение группировки японских войск против СССР за счет снятия дивизий с фронтов Китая в ближайшее время маловероятно. Тем не менее, японцы могут начать военные действия против Советского Союза при наличии уже сосредоточенных войск в Маньчжурии и Корее».

Агентурные данные, поступавшие в Центр, были явной дезинформацией, которую следовало вскрыть, анализируя обстановку в регионе.

Через два дня — 5 ноября — новое специальное сообщение Разведупра. Оценки обстановки на Дальнем Востоке, данные в предыдущем спецсообщении, не изменились. Отмечалось, что японская военщина считает создавшуюся ситуацию наиболее благоприятной для захвата Таи, Голландской Индии и Советского Приморья. От агентуры Разведупра, связанной с английскими и японскими источниками, начали поступать сведения о том, что «наряду с продолжающимися мероприятиями против СССР со второй половины октября значительно усилились мероприятия военного характера против Таи». Основной вывод в этом спецсообщении заключался в том, что «главным объектом военного нападения Японии по-прежнему остается Советский Союз, поэтому не исключена возможность повторения провокационных выступлений Квантунской армии на наших дальневосточных границах». Однако при анализе обстановки отмечалась и другая возможность: «Японцы, поддерживая напряженную обстановку на границах СССР и продолжая сковывать наши силы на Дальнем Востоке, могут в ближайшее время предпринять внезапное выступление против Таи». Оценка обстановки была не однознач-

ной: не исключалось движение на Север, однако, при этом допускалось внезапное движение на Юг.

Очередное спецсообщение от 9 ноября было также разослано членам Государственного Комитета Обороны. Как и в предыдущем спецсообщении, в этом документе основное внимание было уделено угрозе нападения Японии на Советский Союз. В нем, в частности, отмечалось, что, по агентурным данным, японское правительство намерено использовать «тяжелое положение» СССР и предъявить ему требования территориального характера, а военные приготовления, проводившиеся в это время в Маньчжурии, должны были, по мысли составителя документа, подкрепить эти требования. Советский военный атташе в Токио Гущенко («Икар») подлил масла в огонь, сообщив, что большинство офицеров русского отдела генштаба убыли в Маньчжурию. По поступившей агентурной информации, но уже из немецких источников, захват Владивостока японцами приурочивался ко времени замерзания Владивостокского порта[299], в то время как у японской армии еще не стерлись из памяти воспоминания о многомесячном штурме Порт-Артура, у Владивостока и его фортов она могла застрять очень надолго.

Была в документе и абсолютно точная информация. По данным из немецких источников, правительство и генштаб Японии разработали план по захвату Таи и стран южных морей. Военные действия на юге должны были начаться в середине декабря, и для этого была проведена мобилизация военно-морского флота. Этим же планом предусматривалось начало военных действии против Филиппин. В выводах документа отмечалось, что «нет никаких признаков ослабления опасности военного нападения на Советский Союз при благоприятной для Японии обстановке».

7 декабря японский военно-морской флот напал на американскую базу Пёрл-Харбор и началась война на Тихом океане. Обстановка в регионе кардинально изменилась. Япония четко определила свою позицию, повернув острие агрессии на Юг. Казалось бы, для руководства военной разведки обстановка на Дальнем Востоке окончательно прояснилась: войны на два фронта не будет. Для японского правительства и высшего военного руководства империи было бы безумием добавлять к китайскому фронту и обширному театру военных действий в южных морях еще и фронт на Севере с таким грозным противником, как Советский Союз.

В спецсообщении Разведывательного управления от 11 декабря давался состав японских сил на юге и отмечалось, что, по агентурным данным, туда было переброшено 2 пехотные дивизии и 300 самолетов из Китая и 2 пехотные дивизии и 250 самолетов из Маньчжурии. Это подтверждало поворот японской агрессии в южном направлении. В документе общая численность японских войск, сосредоточенных против СССР на всех направлениях, попрежнему ошибочно определялась в 30 пехотных дивизий, два мотомехсоединения, 12 танковых и 19 артиллерийских полков Резерва Главного Командования. В выводах отмечалось, что сосредоточение войск для действий в районе южных морей не повлекло за собой существенного ослабления группировки японских войск против СССР. Подчеркивалось также, что «опасность нападения Японии на СССР по-прежнему остается реальной»[300].

В спецсообщении от 16 декабря 1941 г. первый раздел был озаглавлен: «Повышение активности военных приготовлений Японии против Советского Союза». Этот раздел начинался словами: «Недавно полученный нами до-

кументальный материал, исходящий из японских источников, подтверждает правильность всех ранее поступавших от агентуры РУ Генштаба данных о том, что Япония с началом германо-советской войны все свои усилия направила на подготовку военного нападения на СССР. Из этого документа явствует, что по первоначальным планам Япония должна была начать войну против СССР во второй половине августа 1941 года, а затем этот срок был перенесен на сентябрь; однако в силу целого ряда серьезных причин сроки начала этой войны были отнесены до благоприятного для нападения момента»[301].

В материале отмечалось, что с приходом к власти кабинета Тодзио и вступлением Японии в мировую войну опасность военного нападения на СССР вновь стала реальной, и подчеркивалось: поступающие агентурные и другие данные подтверждают возросшую опасность выступления Японии. Можно отметить и такое утверждение: «По агентурным данным, японцы считают, что для ведения войны против США и Англии достаточно будет морских сил и ограниченного количества сухопутных войск. Главные же силы сухопутной армии Японии нужны для другой, большой войны на материке, причем делается намек на СССР»[302].

О документальном материале, полученном военной разведкой из якобы японских источников, складывается двойственное впечатление. Первая часть документа близка к достоверной, если не считать преувеличенным пассаж: «Япония с началом германо-советской войны все свои усилия направила на подготовку военного нападения на СССР». Вторая же часть цитируемого материала является абсолютной дезинформацией и вызывает сомнение насчет японского происхождения документального материала. Скорее всего, его источником явилась американская или английская разведка.

Какие же выводы были сделаны руководством военной разведки в специальном сообщении от 16 декабря 1941 г.? Основной был таким же, как и в предыдущем: добившись крупных успехов в районе южных морей, Япония может выступить и против Советского Союза. Этот тезис и был зафиксирован в выводах: «Следует учитывать возможность того, что Япония, в случае благоприятного исхода операций по овладению Сингапуром и Филиппинами, начнет военные действия против Советского Союза».

Создавалось впечатление, что в Москве, через девять дней после нападения на Пёрл-Харбор, еще смутно представляли обстановку в регионе. Японская агрессия на юге разрасталась, и там требовались все новые силы и средства. Но руководство Разведупра с завидным упорством продолжало считать, что Япония готовится к войне с Советским Союзом и стремится открыть третий фронт на севере.

Так поверило ли руководство военной разведки информации Зорге о том, что после 15 сентября Дальний Восток может быть свободен от нападения Японии в 1941 году?

Выводы ноябрьских и декабрьских специальных сообщений Разведупра, которые рассылались членам ГКО, на удивление однозначны: угроза войны с Японией реальна, Япония готовится к войне с Советским Союзом. Не поверило руководство военной разведки информации, поступавшей от Зорге, и продолжало убеждать высшее руководство страны в возможности нападения Японии и захвата Приморья с Владивостоком.

Напрашивается еще один вывод — низкое качество источников, освещавших военные приготовления Японии.

Однако вопреки всему усилия Зорге и его соратников не остались втуне: войны Японии с Россией удалось избежать, и даже переброска с июля по декабрь 1941 г. в европейскую часть Советского Союза 12 стрелковых, 5 танковых и одной моторизованной дивизии не были использованы японским командованием для вторжения на территорию советского Дальнего Востока, а сам японский каток был направлен на Юг.

9, 22 и 23 августа 1951 года в Комитете по антиамериканской деятельности[303] Палаты представителей Конгресса США проходили «Слушания по американским аспектам дела шпиона Рихарда Зорге» (на основе свидетельств Мицусада Ёсикава и генерал-майора Чарльза Э. Уиллоби) — Hearings on American Aspects of the Richard Sorge Spy Case (Based on Testimony ofMitsusad a Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). Hearings before the Committee on Un-American Activities House of Representatives. Eighty Second Congress. Firs t Session. August 9, 22 and 23. 1951.

Ёсикава Мицусада в течение 1941 г. и 1942 г. был прокурором Токийского окружного уголовного суда; в это время он «работал по делу так называемой международной разведывательной группы с участием Рихарда Зорге, Одзаки Хозуми и других, связанных с ними лиц»; лично допрашивал Рихарда Зорге, Каваи Тэйкити и других лиц.

В ходе слушания было заявлено, что нелегальная резидентура «Рамзая», отводя угрозу японского нападения на Советский Союз, тем самым провоцировала войну Японии с США.

Свидетели были вынуждены давать высокую оценку разведывательной деятельности резидентуры Зорге.

Из показаний генерал-майора Чарльза Эндрю Уиллоуби:

«... Затем, скорее всего в августе, общественное мнение и официальные позиции военных изменились, и тенденция к движению на Юг [в донесениях Зорге] прогрессирующим образом становилась очевидной. Когда я говорю, что информация "прогрессирующим образом становилась очевидной", это, конечно, не означает, что Зорге тотчас получал эти сведения. Он целиком полагался на Одзаки, который был для него человеком, добывавшим материал в форме «голых» фактов в японском министерстве иностранных дел и державшим его в курсе происходившего. И я заметил, что в передаче такой информации случались задержки. Порой они составляли от 2 до 3 недель.

Таким образом, мы можем предположить, что на Зорге была возложена миссия очень большого масштаба. Он должен был выяснить, используют ли японцы Квантунскую армию в Маньчжурии для нападения на Сибирь, или же военная мощь Японии будет направлена на Юг? Это был главный стратегический вопрос, и эта проблема непосредственно нас затрагивала.

Как только было принято решение двигаться в южном направлении, в сторону Индокитая, Малайзии и далее, столкновение с Соединенными Штатами и Англией, безусловно, становилось неизбежным.

И если бы мы знали об этом в августе или сентябре, или в октябре, это, конечно, стало бы исторически очевидным, и это было бы четко выраженным заблаговременным предупреждением о предстоящей войне. Пусть мы бы заранее не знали конкретной даты или конкретного месяца нападения. Но у нас было бы, по крайней мере, четкое понимание того, что впереди нас ждет столкновение между Японской империей и нами.

При этом существовало сообщение или даже целая серия сообщений, которые содержались в этом радиообмене [Зорге с Центром], в которых с упреждением поднималась эта проблема и ее возможное решение. Конкретно, не далее как 15 октября, Зорге с уверенностью доложил по радиосвязи в Москву главную информацию: "Решено двигаться на юг, и все военные приготовления Японской империи направлены для выполнения этой задачи и реализации этих намерений".

...

Что касается Пёрл-Харбора, то у этого нападения существовала конкретная дата в конкретном месяце. При этом практически не важно, что это не нашло отражения в сообщениях Зорге. Важно было другое, какой выбор направления движения вооруженных сил Японии был сделан летом 1941 г.: на Юг, навстречу столкновению с Соединенными Штатами и Англией, или на Север, другими словами в сторону России?

...

Это был очень важный вопрос для русских. Вполне логично прийти к выводу, насколько было важно и для нас понять то, что русские не рискнули бы тогда снять дивизии, дислоцированные в Сибири, и перебросить их на Западный фронт, где они были крайне необходимы, до тех пор, пока Зорге не вселит в них такую уверенность [в том, что Япония не нападет на СССР].

Это историческое толкование, взятое в широком контексте, а не применительно к конкретной дате.

...

В историческом смысле, без ссылок на конкретную дату 7 декабря или 12 декабря, можно сказать только то, что **если бы эта информация была у нас в сентябре или октябре, о том, что японцы решили двигаться на Юг, то я думаю, это дало бы нам огромные преимущества в политическом, экономическом и военном плане. Тогда мы смогли бы принять упреждающие меры, перевести наши вооруженные силы в повышенную боевую готовность. В любом случае, мы, вероятно, были бы лучше подготовлены к отражению нападения к той дате, когда оно фактически состоялась** (выделено мной. — *М.А.*)»[304].

«Г-н Вельде (обращаясь к Уиллоуби). Хотелось бы, конечно, вновь использовать ваш огромный опыт работы в разведывательной сфере. Насколько я понимаю, единственная конкретная информация, которая была у вас о том, что Россия знала, когда будет атакован Пёрл-Харбор, это было сообщение от Зорге, посланное им российскому правительству 15 октября.

Генерал Уиллоуби. Мне, конечно, неудобно поправлять члена этого комитета. Но, в этом сообщении Пёрл-Харбор не упоминался.

Г-н Вельде. Я понимаю, что это не упоминалось.

Генерал Уиллоуби. В сообщении отмечалось, что столкновение с Америкой и Англией становится неизбежным. Они решили двигаться на Юг. Таким образом, на тот момент, информация о том, нанесут ли они первый удар по Маниле или первым окажется Пёрл-Харбор находилась в стадии принятия решения в ближайшие 8 недель после 15 октября.

Г-н Вельде. Хорошо, но вопрос, который я собирался задать вам, генерал, основывался на использовании вашего опыта в разведывательной деятельности и это своего рода интерес, скорее, к вашему мнению. Как, вы лично, задумываясь над этой проблемой, считаете, знали ли в России, что нападение на Пёрл-Харбор или любые другие объекты или территории было неизбежным?

Генерал Уиллоуби. Я с пониманием отношусь к вашей настойчивости в выяснении этого вопроса, поскольку события в Пёрл-Харборе, действительно прибрели такой драматический характер. Но, в конце концов, это был всего лишь один эпизод в общей картине многих военных действий. После того, как японцы решили двигаться на Юг, столкновение могло бы произойти и где-нибудь в районе Тихого океана. Поэтому я и обратился к широкой исторической интерпретации этого сообщения, в котором Пёрл-Харбор не упоминается. И я подчеркнул, что это неважно, что в нем не упоминается Пёрл-Харбор. Но при этом я отметил тот факт, что в этом сообщении была информация о политическом решении, имеющим международное значение, которое могло бы привести японцев к столкновению с США. Но первой целью, на наш взгляд, тогда были Филиппины. ...»[305].

«Г-н Вельде. Генерал, удалось ли вам в ходе вашего расследования найти какие-нибудь доказательства того, что русские власти были в курсе планируемого нападения на Пёрл -Харбор?

Генерал Уиллоуби. Да, господин Вельде. И если мне будет позволено внести свое предложение, то ответ на этот вопрос Вы получите в ходе последующих слушаний [от прокурора Ёсикава].

Г-н Вельде. Я снимаю вопрос.

Генерал Уиллоуби. И я уверен, что он обратит ваше внимание на это. Вы правильно ставите ваш вопрос, и это является важным историческим моментом.

Они получили такую информацию. В дальнейшем, как я полагаю, мы ознакомимся с содержанием этого сообщения. Иными словами, они заранее знали, что произойдет, и я бы и сам хотел знать об этом заранее. В результате нам пришлось здорово попотеть на Филиппинах ...»[306].

«Г-н Поттер. Можно ли считать, что Зорге, выдавая себя за немца или нациста, тем самым использовал свое влияние на различных политических деятелей в Японии для того, чтобы реализовать стремление Коммунистического правительства добиться перемещения войск на юг, в качестве угрозы для Великобритании и США, а не на север, что могло бы стать угрозой для России? Использовал ли он свое влияние, чтобы реализовать такую политику?

Г-н Ёсикава. Я думаю, что у Зорге не было серьезных связей с высокопоставленными чиновниками японского правительства. У него были связи с представителями Генерального штаба армии Японии. До начала войны между Россией и Германией в Токио приезжали многие высокие военные чины из Берлина. В Токио приезжал также и разведчик из Германии адмирал Канарис, который курировал контрразведывательную деятельность. Когда эти люди прибывали из Германии в Японию, они, конечно же, встречались с послом Отто и при этом они встречались и с Зорге. Они посещали Генеральный штаб японской армии, встречались с высокопоставленными армейскими чиновниками и в этих кругах они также встречались с Зорге. Посол Отт посетил Генеральный штаб Японии и продемонстрировал германский план нападения [Японии] на Сингапур и объяснил японцам, что если они согласятся с этим планом, то завоевать Сингапур будет очень легко. Зорге в это время был помощником немецкого посла.

Г-н Тавеннер. И этот план был подготовлен в немецком посольстве и готовил его Von Kretchner (Кречмер?)...

Г-н Ёсикава. Я не слышал об этом.

Г-н Тавеннер. План, который был представлен, предусматривал атаку по суше, как это и произошло в конце концов?

Г-н Ёсикава. По признанию Зорге, японские штабные офицеры поначалу не выразили особого стремления принимать этот план»[307].

«Г-н Уолтер. Как вы упомянули, Одзаки был политическим советником Коноэ, и в то же время Одзаки был агентом коммунистов?

Генерал Уиллоби. Да. Он был правой рукой и самым близким помощником доктора Зорге. В этом смысле самым поразительным является то, что он пользовался большим доверием премьер-министра Японии и имел доступ к секретам министерства иностранных дел Японии. И в то же время он был самым близким другом человека, который был шпионом России.

Г-н Уолтер. Он был более, чем просто близкий друг. Был ли он политическим советником Коноэ?

Генерал Уиллоби. Да. Я думаю, мы еще остановимся на этом вопросе позже. Но я буду рад объяснить это и прямо сейчас. Одзаки принадлежал к группе политических экспертов. Его высоко ценили, как специалиста по Китаю и Маньчжурской железной дороге. Он был консультантом по этим вопросам в министерстве иностранных дел и фактически занимался этим в рамках своего служебного положения.

Но он играл намного большую роль, чем простой консультант, потому что он развил близкие личные отношения с премьер-министром и постоянно находился возле него. Он входил в известную в то время группу блистательных, политически активных молодых людей, вращавшихся вокруг министерства иностранных дел. Хотя и не регулярно, но довольно часто они в неформальной обстановке встречались с премьер-министром на завтраках, а иногда и за ужином. Эта группа стала известна как "Клуб завтраков". Деятельность этого клуба имела определенное значение для японцев. Вместе с тем, мы не придавали этому сообществу никакого значения до тех пор, пока не получила развитие история с Зорге.

Нам стало понятно, что этот клуб представляет собой группу консультантов и чиновников министерства иностранных дел, которые в какой-то степени несли ответственность за выработку внешней политики страны, и этот человек был членом этой мощной и влиятельной группы. Всю информацию, которая становилась ему известна, он тут же передавал своему руководителю и связанным с ним лицам. Доктор Зорге, у которого был радиопередатчик, передавал эти сведения на пункт связи в Хабаровск, который находился в Сибири, а затем эта информация поступала в Москву.

... Таким образом, этот необыкновенный человек, этот Доктор Зорге, с одной стороны имел доступ к внутренним структурам японского правительства, а с другой стороны, поскольку он занимал должность пресс-атташе в посольстве Германии в Токио, он тесно сотрудничал с аппаратом правительства Германии. Иными словами, он был получателем информации, и он же был ее передатчиком»[308].

«Г-н Тавеннер. Извините. Я не понял, что он [Ёсикава] сказал про связь Одзаки с правительственным кабинетом Коноэ.

Г-н Ёсикава. В окружении премьера Коноэ существовала группа доверенных лиц и советников. Они образовали сообщество под названием "Клуб завтраков" и Одзаки был одним из самых блистательных советников Коноэ. В качестве иллюстрации его выдающихся способностей можно привести такой пример: когда произошел инцидент на мосту Марко Поло[309], Одзаки сказал, что этот случай будет иметь серьезные последствия, и разрастется до гораз-

до больших масштабов. В то время в народе не было понимания того, имеет ли этот инцидент локальное значение или он может разрастись. Однако развитие событий показало, что Одзаки был прав в своем пророчестве, и его репутация возросла»[310].

«Г-н Тавеннер (обращаясь к Уиллоуби). В своих показаниях перед этой комиссией г-н Ёсикава вполне ясно заявил, что, по его мнению, сложившемуся в результате изучения материалов по делу Зорге и на основании его понимания обстановки в Японии, можно прийти к выводу, что шпионская сеть Зорге исполняла свои обязанности не только в качестве шпионской группы, но также действовала, по крайней мере, в одном направлении, и политическим путем. Это становится понятным, как я считаю, и из собственных признательных показаний Зорге. Я не знаю, достаточно ли вы хорошо знакомы с содержанием этого документа, чтобы проанализировать или прокомментировать его прямо сейчас. Давайте просто допустим, что я впервые читаю этот документ, и вы в праве делать такие комментарии, как вам это угодно.

....

Генерал Уиллоуби. Я думаю, что это совершенно четко просматривается, что независимо от тех указаний, которые ему давались, он очень многое позволял своей правой руке [Одзаки], которая занимала исключительное удобное положение в обществе и к тому же имела исключительное положение в высших официальных кругах японского правительства, а именно в министерстве иностранных дел. Он разрешал ему, и он воодушевлял его осуществлять любое влияние, которое он мог произвести в направлении сдерживания Японии от нападения на Россию, и, наоборот, нацеливал его поощрять японцев двигаться на Юг в сторону столкновения с Англией и США. ... Механизм, который использовался для этого, как вы помните, был уже разработан. Я думаю, что это понятно и из архивных документов, что это были близкие отношения Одзаки с премьер-министром Коноэ и его служебное положение в качестве консультанта правительства.

Г-н Тавеннер. Это заявление Зорге также показывает, что советское правительство было полностью осведомлено о цели и стремлении Зорге и его соратников использовать такое политическое влияние.

Генерал Уиллоуби. Вполне.

Г-н Тавеннер. Из собственных заявлений Зорге также становится понятным, что советское правительство в своих ответах на его запросы не давало ему конкретных указаний, что было вполне естественной позицией. Не считаете ли вы, что это было разрешение Зорге действовать на свою собственную ответственность?

Генерал Уиллоуби. Я склонен согласиться с вашей точкой зрения, господин Председатель. В данном случае термин "молчаливое поощрение" вполне уместен»[311].

«Г-н Уолтер. Знал ли он [Ёсикава] о радиодонесении, которое было отправлено в октябре?

Г-н Курода [переводчик]. Г-н Председатель, когда вы сказали, "он", Вы имели виду г-на Ёсикава?

Г-н Уолтер. Да.

Г-н Ёсикава. Я точно не помню.

Г-н Уолтер. Узнал ли он об этом сообщении в результате проведенного им расследования: американо-японские переговоры вступили в завершающую

стадию. По мнению Коноэ, они должны были закончиться успешно в том случае, если Япония сократит свои силы в Китае и во французском Индокитае и откажется от плана строительства восьми военно-морских и военно-воздушных баз во французском Индокитае. Если Америка к середине октября отказалась бы от компромисса, то Япония напала бы на Америку, на страны Малайзии, Сингапур и Суматру. Япония не стала бы нападать на Борнео, потому что он находится в пределах досягаемости Сингапура и Манилы. Однако, война произошла бы только в том случае, если провалились бы переговоры. И нет никаких сомнений, что Япония делала все возможное, чтобы добиться их успешного завершения, даже за счет своего немецкого союзника. Я думаю, мне лучше показать вам это сообщение и спросить, знали ли вы об этом сообщении. [Передает сообщение свидетелю и г-ну Куроде].

Г-н Курода. Он говорит, что он припоминает это сообщение.

Г-н Уолтер. Таким образом, наверное, не стоит и сомневаться, что Россия заранее знала о планах нападения со стороны Японии?

Г-н Ёсикава. Да. Более того, Россия, вероятно, приветствовала нападение Японии. Вместо того, чтобы идти на север, было взято направление на юг.

Г-н Уолтер. Именно так.

Г-н Ёсикава. В дополнение к своей шпионской деятельности Зорге предпринимал определенные политические маневры в этом направлении. Помощь в этом Зорге оказывал Одзаки.

Г-н Уолтер. Другими словами, шпионы, деятельность которых оплачивало российское правительство, использовали все свое влияние, которым они располагали, в целях поощрения японской агрессии против США и Великобритании?

Г-н Ёсикава. В определенной степени»[312].

У американцев была паранойя: они считали, что Зорге направил японцев на Пёрл-Харбор. Однако к моменту его ареста, решения напасть, в том числе и на США еще не было принято. В одном были правы наши «союзники»: благодаря и усилиям Зорге и его соратников японская военная машина пошла на Юг, а значит — и на Пёрл-Харбор.

4.6. «Мы на чужбине думаем, что Вы оставляете нас в этой тяжёлой стране без всяких средств»

(«Рамзай» — Центру 8 марта 1941 г.)

Новый 1941-й год начался с письма «Рамзая», переданного с почтой еще в прошлом году. В письме он очередной раз ходатайствовал перед Центром с предложением привлечь «Коммерсанта» — Войдта к агентурной работе. В согласии последнего Зорге, судя по всему, не сомневался. «Письмо Рамзая /Получено 6.1.41./

Прилагаю два доклада «Коммерсанта» о его впечатлениях о поездке по Дальнему Востоку и о транспортной проблеме между Германией и Японией. Этот материал даст Вам представление о характере и области сегодняшней работы «Коммерсанта». Мы уже несколько раз запрашивали Вас о его отношении к Вам, но до сих пор не получили от вас никакого ответа. «Коммерсант» известен Вам по актам Рамзая уже с 1931-32 г. по Китаю.

Перевод с немецкого Фейгиновой.

Верно: /Бровченко/».

«К материалу Коммерсанта.

Его письмо на всякий случай пересылаем Вам, потому что оно все же отражает настроение руководящих чиновников имперского министерства хозяйства.

Одновременно обращаем внимание на то, что предстоящие хозяйственные переговоры между Германией и Японией будут иметь совершенно исключительное значение. Требования Японии настолько велики, а возможности полностью оплатить эти требования деньгами или товарами так малы, что только исключительные потребности германской военной промышленности в резине или металлах могут побудить Германию согласиться на японские требования.

При этих экономических переговорах в руках СССР находится решающий ключ. Без Сибирского транспортного пути они добьются немногого. А так как пакт трех может в один прекрасный день быть направлен против СССР, то необходимо точно следить за ходом предстоящих экономических переговоров. Мы надеемся иметь возможность держать Вас в курсе данных переговоров».

С начала 1941 г. Центр приступает к реализации предложений, сделанных в ноябре 1940 г. заместителем начальника 1-го отделения 3-го отдела Сониным: «5. Сократить расходы по резидентуре "Рамзай" на 1941 год на 30%». В этом была своя логика Центра, принявшего решение «резидентуру Рамзая сохранить, расценивая ее как р-ру двойника».

Однако Центр пошел дальше предлагаемого сокращения на 30%. «Рамзаю» сообщается, что на содержание резидентуры, начиная с 1-го квартала 1941 г., ежемесячно (в действительности с марта 1941 г.) выделяется всего 2000 йен, что составило сокращение денежной сметы более чем на 50%.

Так, расходы на содержание нелегальной резидентуры в ноябре и декабре 1940 г. выглядели согласно отчетам «Рамзая» следующим образом:

«Расходы ноября месяца.

1. ..... 850 иен.
Путевые расходы ..... 150 «
Взносы ..... 65 «
Профессия ..... 90 «
2. ..... 700 «
Расходы ..... 80 «
3. ..... 450 «
Конспират. кварт. №1 ..... 225 «
— « — - « — №2 ..... 150 «
— « — - « — №3 ..... 50 «
Поездки ..... 325 «
Отто ..... 200 «
Материал ..... 100 «
Мики ..... 150 «
Ронин ..... 90 «
Джо ..... 420 «
Переводы ..... 85 «
.....

Общий расход за ноябрь месяц ..... **4180 иен** (здесь и далее выделено мной. —М.А.)».

«Расходы в декабре.

Примечание: Декабрьские расходы каждый год больше, чем во все другие месяцы. Это объясняется особенностью местных условий, где принято расходовать крупные суммы на новогодние приготовления и подарки. Кроме того, необходимо было приобрести новый фотоаппарат для мастерской Жигало, так как его совсем сломался. Одновременно мы должны были запасти значительное количество пленок из-за границы.

Р А С Х О Д Ы

1. .....850 иен.
Издержки.....150 «
Подарки..... 200 «
Взносы..... ..65 «
Профессия.....90 «
2. ..... .700 «
Издержки.....80 «
Подарки.....100 «
3. ..... .450 «
Особые расходы..... 250 «
Жене и ребенку..... ...200 «
Консп. квартира №1..... .225 «
— « — - « — №2..... 130 «
— « — - « — №3.....115 «
Отто..... 130 «
Материал..... 100 «
Мики.....175 «
Ронин.....100 «
Джо..... .450 «
Подарки..... 85 «

.....

Текущие расходы за декабрь 4645 иен.
Камера и пленки для мастерской Жигало 735

.....

Общий расход за декабрь 1940 г.....**5480 иен**».

Расходы на «жену и ребенка» предусматривали материальную помощь жене («Эдит») и ребенку Бранко Вукелича.

«Отчет за ноябрь, декабрь 1940 г.
Перенос с октября на ноябрь .....6.687 иен.
Текущий счет Фрица ..... .4.210 «
перевод
Текущий счет Фрица 5.113 «
Уплата Рамзаю ..... 400 «

.....

Приход ..... 16.410 иен.
Расходы в декабре .....4.180 «
Текущие расходы в декабре .....4.645 «
Особые расходы — камера, пленка ..... 735 «

.....

Расходы в ноябре и декабре .....9.660 иен.
Перенос на 1 января 1941 г.....6.750 иен».

В конце декабря 1940 г. «Фриц» получил 4.245 иен за 1.000 амов.

Уже в начале января «Рамзай» напоминает Центру о необходимости обеспечения резидентуры деньгами:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 8 января 1941 года

Помните, встреча с Вашим человеком 20-го января.

Было бы хорошо, если бы мы могли получить деньги, чтобы не оказаться без денег в феврале.

№144. РАМЗАЙ.

Расш. Комаров, перевел Малинников 9 января 1941 г. 16.00.
Адресату.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
Г[ОЛИКОВ».
[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Т. Воронину.
Срочно обработать почту. По нашим данным Р.
на февраль обеспечен. После изучения почты
нужно переводить Р. на запланированную нами сумму.
П[ОПОВ] 10.1.41».

На фоне сокращения расходов на резидентуру «Рамзай» делает попытку привлечь к сотрудничеству нового агента.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 января 1941 года

Микки (источник) нашел старого друга по школе, который работает инженером по вооружениям в институте и который даст нам военную информацию. Первая встреча показала, что этот человек остался до сих пор в большой дружбе с Микки и согласен давать информацию о своей работе в институте. Надеемся привлечь его к своей работе, но предварительно будем некоторое время изучать его.

№ 149. РАМЗАЙ.

Адресату.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3

Г.

[РЕЗОЛЮЦИИ НО-3]:Т. Воронину.
Переводите Рамзая на сдельную оплату,
согласно плана.

П[ОПОВ] 23/I.41.

Дать указание о том, чтобы пробные материалы друга "МИКИ"
передал в феврале, платят только сдельно.

П.».

В переписке встречается двоякое написание псевдонима Косиро Ёсинобу — «Микки», «Мики». Естественно было бы ожидать, что Центр в ответ на это сообщение потребует у «Рамзая» выяснить и сообщить ряд дополнительных данных, характеризующих этого друга «Микки»,- чтобы получить воз-

можность прийти к уверенному и обоснованному заключению о целесообразности или нецелесообразности этой вербовки. Зорге не просил срочной санкции на вербовку, сообщая о своем намерении предварительно изучить этого кандидата.

Центру следовало бы выяснить подлинное имя кандидата — для проверки, не является ли он уже вскрытым агентом спецслужб противника; место его работы и область специализации — чтобы взвесить ценность его, как источника, продумать наиболее целесообразное его использование; отношение к компартии, к леворадикальному движению, не состоит ли под надзором полиции; предполагаемый мотив вербовки и от лица, какого «хозяина» (разведки, какой страны) может быть привлечен к сотрудничеству.

Эти вопросы, по существу, и для «Рамзая» должны были явиться основной схемой предварительного изучения кандидата. Выяснение этих вопросов не потребовало бы слишком много времени, — «Микки» без особого труда мог собрать эти сведения о своем старом друге.

Однако, реакция Центра на сообщение «Рамзая» была совершенно иной.

«Телеграмма № 661/734 от 24.01.1941г.
В Токио т. Рамзаю

От друга Микки, дальнейшем кличка "Икар", постарайтесь получить пробные материалы о новом истребителе, легком пулемете и автоматической винтовке. Шлите до марта эти материалы мне для оценки через моего человека. Деньги платите только за материалы.

Организатор».

В качестве «организатора», судя по всему, выступал начальник 4-го отдела генерал-майор Колганов.

Таким образом, не только санкционируется вербовка, но и дается указание по форсированному использованию нового агента, о котором Центру почти ничего не известно, и которого сам резидент еще только «надеялся» привлечь к сотрудничеству после изучения в течение «некоторого времени». Однако, больше всего удивляет само задание, которое следовало поставить «Икару». Может быть он, как инженер, не имел никакого отношения ни к новым истребителям, ни к легким пулеметам и автоматическим винтовкам, но мог дать ценные сведения об артиллерии, радиотехнических средствах, морском флоте и т.п. А если и имел, что весьма мало вероятно, то к какому одному виду оружия или боевой техники. Возможно, «Икар» был коммунистом, и «Мики» предполагал использовать его «вслепую» («втемную»), не раскрывая свою принадлежность к разведывательной организации и не предполагая «оплачивать сдельно» его дружеские услуги.

Все эти вопросы должны были быть учтены при решении вопроса о вербовке. Скоропалительное и категорическое указание центра в ответ на телеграмму «Рамзая» следует расценить лишь как самый отрицательный пример безответственного отношения аппарата Центра к серьезнейшему делу вербовки новых агентов.

В последующие месяцы, вплоть до провала резидентуры, упоминание об «Икаре» — приятеле «Микки» — встречается лишь один раз в июньском донесении «Рамзая»:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 15 июня 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

По данным источника Итери от нового Икара: 2 месяца тому назад начались первые испытания полевого орудия образца 89 — как огнемета. Результаты испытаний: точность стрельбы 500 метров. Покрываемая площадь 5 метров в радиусе. От 300 до 500 метров были очень хорошие точности. В данное время они очень заинтересовались сделать огнемет из противотанкового орудия. Кроме того, продолжаются испытания старого ручного огнемета, но самое большое достижение только 30 метров.

№. 139,140 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел полковник Рогов 10.20 18.6
Адресату.
Дронову.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: 4/Инф: доложить технич. заключение.

Г.

Инф.
Включить в военно-технич. сводку (очередную).

Г.

19/VI-41 г.».

150-мм орудия «Тип 89» поступили на вооружение японской армии в 1929 г. Очевидно, в данном случае речь шла о стрельбе на полную дальность зажигательными снарядами с твердыми зажигательными смесями.

И опять небрежность в присвоении псевдонимов: к этому времени помимо «нового Икара» в токийской «легальной» резидентуре появился свой «Икар», в прошлом «Юрий» — резидент военной разведки Гущенко.

В числе лиц, арестованных после провала резидентуры, не фигурирует какой-либо «инженер по вооружениям в институте».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 7 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Ваш человек не явился на последнюю встречу. Предлагаем следующую встречу назначить на 20 февраля в то же самое время, как было условлено. Фриц будет ждать Вашего человека.

Жду Ваших указаний.

№ 68. РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: Малинников. 10.30 10.2
Адресату.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: т. Попову
Переговорить.

Г.

Н-1
Запросить Юрия.
Почему не вышли на встречу.

П[ОПОВ] 11/2.41».

В шифртелеграмме, отправленной из Токио в начале февраля, Зорге определил ежемесячную потребность резидентуры в долларах:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 7 февраля 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

На 1 ноября мы имели 6687 иен. ФРИЦ получил на свой банковский счет 5113 иен и 4210 иен, Рамзай внес 400 иен. Таким образом, на 1 ноября мы имели 16410 йен.

Расход за ноябрь составил 4180 иен; за декабрь, учитывая новый год — 4645 иен и для мастерской кинолент ЖИГАЛО 835 иен. Всего до 1 января израсходовано 9660 иен. Остаток на 1 января на руках — 6750 иен.

Ежемесячно на расходы нам требуется около 1200 ам. долларов, таким образом, мы остро нуждаемся в деньгах (выделено мной. — *М.А.*).

Подробный отчет вышлем следующей почтой. Отчет Фрица о предприятии вышлем также следующей почтой.

№. 69,70 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.2
Адресату.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
Переговорить о его расчете.

Г.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1
Подготовить материалы Рамзая
прошлой почты и оценку инф. к 10.00 12.2.41.

П[ОПОВ] 11.2.41».

Материалы из почты «Рамзая», переданные на встрече с «Сергеем»:

«ОТЧЕТ

При просмотре отчетов прошу Вас обратить внимание на следующее: мы снова, как, впрочем, и неоднократно за долгие годы работы здесь, остались без денег. В конце сентября у нас не оказалось денег ни для текущей работы, ни для неожиданных, экстраординарных расходов. У нас нет никакого резервного фонда. При здешних тяжелых условиях работы и при системе здешнего контроля мы считаем необходимым напомнить, что не совсем удобно, если Вы каждый раз будете ожидать с переводом денег пока мы окончательно "прогорим".

Мы считаем крайней необходимостью иметь кроме всего другого резервный фонд, которым мы воспользуемся в самой крайней необходимо-

сти, к примеру сказать — в случае, если нам вдруг срочно придется покинуть страну.

Вследствие этого, мы Вас очень просим, так как наши обычные расходы остаются неизменными из года в год, своевременно обеспечивать нас суммами, необходимыми для работы, а также создать нам небольшой резервный фонд. Денег для легализации нам не требуется. Фриц настолько хорошо развил свое дело, что ему требуется только валюта для закупки сырья. Эту валюту он затем вносит в иенах снова в мою кассу. Я также не нуждаюсь в крупных легализационных суммах. Те незначительные взносы, которые я делаю ежемесячно, я засчитываю ежемесячно в рабочие расходы. Нам недостает, следовательно, только своевременного перевода денег и постоянного резервного фонда. Мы просим оба эти наши желания выполнить.

Рам. 10 февраля 1941 г.».

«Дорогой господин директор!

Как Вам известно, в прошлом году Фриц был очень тяжело болен. Это просто чудо, что он до некоторой степени снова поднялся на ноги. Но необходимо считаться с тем, что тяжелый сердечный недуг, которым он страдает, может снова вернуться.

В последние месяцы у меня также были очень неприятные сердечные припадки. Плюс к этому — тяжелый грипп.

Так как мы работаем в этой стране беспрерывно с очень давних пор, то это, естественное последствие нашей работы при здешних исключительно тяжелых условиях, совершенно не удивительно. **В смысле здоровья, мы все здесь в этой стране постепенно сходим на нет** (выделено мной. — *М.А.*). Однако, чтобы этот процесс по возможности продлить, мы просим Вас, как я, так и Фриц, разрешить нам в апреле, самое позднее в мае, трехнедельный отпуск. Мы нуждаемся в нем исключительно сильно. Конечно, в случае, если произойдут чрезвычайные события, мы не возьмем отпуска. Мы просим Вас разрешить нам принципиально трехнедельный отпуск, а уж мы сами решим вопрос о времени.

Мы, наконец, еще раз просим серьезно продвинуть вопрос о заместителе Фрица с указанием данных о его национальности и, вообще, положения с тем, чтобы выяснить возможности его легализации и пр.

Мы просим также навести окончательную точность в вопросе обеспечения нас деньгами. Необходимо, чтобы мы вовремя получали деньги, требуемые нам для работы, небольшой фонд для чрезвычайных расходов, а также, чтобы мы имели постоянный резервный фонд на случай необходимости.

Сердечный привет, Ваш верный Рам.

Февраль 1941 г.».

«Телеграмма № 1252/1409 от 12.02.1941 г.

В Токио т. Рамзаю

Согласен на проведение Вами встречи 20 февраля, то же место и время.

Организатор».

Проведение агентурных встреч в одном и том же месте облегчало задачу контроля японским спецслужбам за деятельностью разведки.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 февраля 1941 года.

Отто сообщил, что издан новый секретный военный закон для контроля всякой связи иностранцев с японцами и для борьбы с болтливостью.

Наша работа здесь станет более затруднительной.

№ 77 РАМЗАЙ

Расшифровал и перевел Малинников 19.15 15.2. 1941 г.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
Он и так не очень работает (выделено мной. — *М.А.*).

Г.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1

П[ОПОВ] 17/2.41».

Резолюция начальника Разведуправления Ф.И. Голикова отражала отношение Центра к деятельности нелегальной резидентуры «Рамзая» и самого Зорге.

Казалось, нельзя было не признать справедливость жалоб «Рамзая» на неоднократные перебои и задержки с пересылкой денег и законность его требований о создании резервного фонда, бесспорно необходимого в условиях напряженной предвоенной обстановки.

Однако, реакция Центра на эти претензии «Рамзая» была более чем неожиданной.

«Телеграмма № 1404/1565 от 17.02.1941г
В Токио т. Рамзаю

Дорогой Рамзай. Внимательно изучив Ваши материалы за 1940 г., считаю, что они не отвечают поставленным Вам задачам своевременно вскрывать военно-политические замыслы, вооруженные силы и дислокацию армии зеленых. Большая часть Ваших материалов не секретны и несвоевременны. Наиболее ценные сведения достаете до некоторой степени лично Вы, Ваши источники ценных материалов не дают. Мои указания о вербовке ценных источников-зеленых остались не выполненными. Требую активизировать Вашу работу, обеспечить меня оперативной информацией об армии и военно-политических мероприятий зеленых. Считаю необходимым сократить расходы на Вашей конторе до 2000 иен месяц. Платите источникам только за ценные материалы, сдельно. Используйте доходы предприятия Фрица для дополнительного финансирования нашей работы. Деньги на расходы на 2 квартал будут Вам переданы через моего человека в марте.

Д.».

Утверждение Центра о том, что документальные материалы резидентуры (а речь шла именно о них) за 1940 г. «не отвечают поставленным… задачам своевременно вскрывать военно-политические замыслы, вооруженные силы и дислокацию армии зеленых» не справедливо и не в полной мере отвечает действительности. Несвоевременность поступления материалов в ряде случаев объяснялась задержкой в передачи материалов через «легальную» резидентуру в Токио, а также задержкой в обработке (переводе) уже посту-

пившего материала в Центр. Однако военно-политическая и военная информация своевременно передавалась в Центр шифрованными телеграммами.

Ведь тот же Центр за несколько месяцев до описываемых событий, в ноябре 1940 г., вынужден был признать: «3. Резидентура "Рамзая" является единственным н/л. источником для получения материалов о внутриполитическом положении Японии и мероприятиях японского правительства. ... значительная часть даваемой Рамзаем информации достоверна. ... текущая информация Рамзая имеет значительную ценность и не может в настоящее время быть перекрыта другими источниками ввиду их отсутствия».

Наиболее ценные донесения «Рамзая» основывались на тех данных (документальных и устных), которые он лично добывал в германском посольстве, на устной информации «Отто», получаемой им в правительственных кругах Японии, и документальной — получаемой им в исследовательском отделе Токийского филиала Южно-Маньчжурской железнодорожной компании («Мантэцу»); на результатах наблюдения и сбора слухов «Джо» и его агентами. Чаще всего информация Зорге являлась результатом сопоставления и суммирования сведений, получаемых из всех этих источников.

Однако, объяснять всю эту затею со значительным урезанием сметы только неосведомленностью Центра об особенностях деятельности резидентуры, незнанием людей «Рамзая», небрежностью в анализе и учете результатов деятельности резидентуры — значило бы характеризовать лишь внешнюю сторону дела.

Сами по себе эти небрежность и невнимательность являлись непосредственным следствием установившегося с 1935 г. даже не недоверия к «Рамзаю», а сомнений в его преданности, переходящих в уверенность в том, что он «двойник». Уже тогда был якобы «вскрыт» «ряд признаков и фактов, говоривших о том, что резидент Разведупра в Токио "Рамзай" (ЗОРГЕ) является, если не двойником, работающим и на нас, и на Германию, то в лучшем случае марионеткой в руках японо-германской контрразведки». В 1937 г. уже утверждалось: «Надо считать, как минимум, что Рамзай как наш работник немцам известен и ему дают возможность получать и передавать нам материал лишь в мере, необходимой для поддержки у нас доверия к резиденту. Больше вероятностей, что Рамзай сам стал предателем». В 1940 г. оценка Центром резидентуры и самого «Рамзая» не изменилась: «Надежность резидентуры сомнительна. Есть основания предполагать, что Рамзай работает на японцев или немцев (возможно, и на обоих одновременно)...». В связи с этим «Рамзая» рассматривали как «двойника», не дающего Центру всего, что он мог дать.

Руководящая линия Центра в отношении «Рамзая» определялась следующим решением, зафиксированным в ноябрьской 1940 г. справке на резидентуру: «Резидентуру "Рамзая" сохранить, расценивая ее как р-ру двойника», и использовать резидентуру «**для выкачивания из Рамзая всего, что возможно, повышая требовательность к нему и его р-ре** (выделено мной. — *М.А.*)».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 22 февраля 1941 года.

1. Встреча с Рамзаем состоялась. Жалуется, нет денег ни копейки. Оба болеют, просят смены. Материал на пленках получен, ценность не велика. Следующая встреча 1 марта. Срочите по вопросу денег.

...

№ 45. Юрий

Расшифровал Малинников 18.15 22 февраля 1941 г.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО-3.

Г.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1.
Деньгами удовлетворить из нашего расчета.
Предупредить его еще раз, если источники
и он начнут работать и давать нужный материал —
за деньгами дело не встанет.

П[ОПОВ] 24/2.41».

Центр был непреклонен в части сокращения расходов на содержание резидентуры «Рамзая».

«Телеграмма № 1674/1930 от 24.02.1941г.
В Токио т. Юрию

Выдайте Рамзаю на март 2000 иен. Предупредите его, что дальнейшем его месячные расходы не должны превышать указанной суммы, включая сюда сдельную оплату его источников. За особо ценные материалы оплата будет особая; в этом случае Рамзай должен предварительно сообщить нам характер материалов. Деньги Рамзаю на второй квартал будут выданы через Вас в марте.

Организатор».

Переписка Центра с Зорге на протяжении следующего — марта месяца 1941 года носит характер некоего «торга»: «Рамзай» доказывает невозможность сокращения сметы без ущерба для дела, Центр — постепенно сдает позиции и делает «надбавки», однако, сумма так не была доведена до прежнего уровня. Ситуация с финансированием коренным образом изменилась только после 22-го июня.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 5 марта 1941 года.

1. Рамзаю выдано 2000 иен. Очень ругается, что мало, так как жалование только им 1300 иен, а остальным платить нечем. Просит платить ам. долларами.

...

№ 57 ЮРИЙ.

[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3

Г.

5/3.-41
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Н-1

П[ОПОВ] 6/III.41».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 8 марта 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Фриц вручил Вашему человеку 21 Фильм и одну книгу в оригинале. Ваш человек денег не выдал. Мы очень огорчены этим, ибо Вы должны знать из

всех наших счетов, что уже в середине февраля мы остались без всяких фондов. **Мы на чужбине думаем, что Вы оставляете нас в этой тяжелой стране без всяких средств. Хочу заметить, что впервые за семь лет работы здесь мы таким образом оставлены без внимания** (выделено мной. — *М.А.*).

Ваш человек получил также для жены Рамзая — Кати подарок, который прошу передать ей возможно скорее.

Прошу также передать ей мою самую сердечную благодарность за ее письмо, которое Ваш человек передал Фрицу.

Пожалуйста, выполните эту личную просьбу человека, который ведет трудную и несчастливую жизнь в этой стране.

№. 84,85 РАМЗАЙ.

Расш. Волков.
Перевел: майор Сонин. 15.30 10.3
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
Доложить о Фрице и Кате.

Г.

10/3.41
Справка
На встрече 20.2 выдано 2000 йен
по новому расчету.

П[ОПОВ] 10.3.41».

Как меру наказания и первый шаг к уничтожению резидентуры воспринял «Рамзай» распоряжение Центра о сокращении расходов на резидентуру.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 15 марта 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

Дорогой Директор!

Получил Вашу телеграмму, в которой Вы урезали наш бюджет до 2000 йен в месяц. В связи с тяжелыми последствиями, вытекающими из Вашего приказа о моей работе, я хочу обратить Ваше внимание на следующие факты:

1) Крыша Фрица весьма хорошая для легализации, но не для фактического финансирования наши работы. Фриц в состоянии получать от нее (если он не хочет нарваться на скандал с японской полицией или загубить крышу в ближайшее время), всего от 300 до 400 иен в месяц, как максимум. Причины этого будут объяснены в следующей почте.

2) Как корреспондент, я зарабатываю от 300 до 400 иен в месяц, а иногда и вовсе ничего. Причина этому та, что я не могу осмелиться стать постоянным сотрудником "Франкфуртер Цайтунг", из-за своего темного, с капиталистической точки зрения, прошлого. По той же причине я вынужден отказываться от предложения посла Отт работать у него.

Второй причиной является работа в нашей фирме, которая требует, чтобы я всегда был свободен.

Поэтому мои возможности финансировать нашу работу чрезвычайно малы (продолжение следует)

№. 95,96 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
Перевел: Добровинский. 14.45 18.3
Адресату.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: НО.3
Переговорить.

Г.

18/3
[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-3]: Н-1
Дайте ответ в основном след. характера:
Сейчас трудно с амами, с улучшением вопрос будет перерешен. В квартал будет отсылаться 250* амов + иены. П [ОПОВ] 19.3».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 марта 1941 года
По телеграфу.
ПЕРЕВОД.
(продолжение)

Остатки от обычных расходов были израсходованы для связи с немцами.

Отто — наиболее важный источник. Он получает в среднем 250 иен в месяц. Мики получает 100 иен в месяц, но он имеет еще дополнительно 150-200 иен от другой работы. Это уже составляет 350 иен ежемесячно. Разница между 3500 и 4000 иен израсходована на опыты со специалистами и прочими, которые действительно оказались безрезультатными и могут быть отшиты. Несомненно, и другие расходы могут быть урезаны, например, мои и Фрица прожиточные расходы. Но если Вы настаиваете на сокращении наших расходов до 2000 иен, Вы должны быть готовы к разрушению того маленького аппарата, который мы создали.

Если Вы настаиваете на сокращение нашего бюджета до 2000 иен, то Вы должны приказать мне уволить Джо и Жигало, которые были присланы мне в 1937 г. распоряжением центра. Вы должны также приказать мне и Фрицу жить здесь на половинном жаловании.

2) Я предлагаю устроить мне встречу с Вашим ответственным товарищем для обсуждения со мной некоторых вопросов. Такая встреча может быть установлена через Сергея.

3) Если Вы не найдете возможным согласиться ни с одним из этих предложений, я вынужден просить Вас отозвать меня домой. Вы знаете, что я просил об этом уже несколько раз. Пробыв здесь 7 лет и став физически слабым, я считаю это единственным выходом из этих трудностей.

Вы можете быть уверены, что если Вы меня отзовете обратно, я буду с гордостью сознавать, что я первый в этой трудной стране человек, который сумел за 7 лет создать резидентуру, правда, не выполнившей полностью всех Ваших приказаний, однако сделавшей много для нашей организации и для пролетарского отечества (выделено мной. — *М.А.*).

Ожидаю Ваш самый скорейший телеграфный ответ.

Искренне Ваш — РАМЗАЙ.

---

* Исправлено карандашом на 750.

№. 99,100,101.
Расш. и перевел: Малинников. 17.30 24.3
Адресату.
в реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ НУ]: Н-1
1. Указать «Р», что сейчас думать об отзыве не приходится. В такой обстановке хотя бы сколько-нибудь уважающий себя член партии и разведчик не может ставить так вопрос.
2. Расходы нужно сокращать. Надбавку мы сделали.

П[ОПОВ] 25/3.41

«МЕМО ЮРИЯ от 20.3.41.

1. Встреча с Фрицем состоялась. След. встреча 27.3.
Заявил, что денег у него нет ни копейки.
2. Имеет дислокацию частей на 1.3. по данным англичан, американцев, итальянцев и Фрица. Сейчас обрабатывает, получается большой материал. Просит срочить, как выслать почтой или телеграфом».

«Телеграмма № 2615/2979 от 21.03.1941г.
В Токио т. Рамзаю
С 1 января Вам установлена смета на расходы резидентуры 750 ам. долларов и 2.700 иен на 3 месяца. Сокращение произошло, в связи с затруднениями у нас в валюте и необходимостью значительного сокращения Ваших орграсходов и денег Вашим источникам, которые дают малоценные материалы. При сокращении ненужных расходов и при выплате денег только за ценные материалы, этих денег Вам вполне хватит. С улучшением дел этот вопрос будет пересмотрен.

Организатор».

Нельзя не видеть, что сокращение сметы задумано именно как средство «воздействия рублем» на «Рамзая», а отнюдь не вызвано какими-то особыми «трудностями с амами».

«Телеграмма № 2656/3028 от 22. 03.1941г.
В Токио т. Рамзаю
С апреля Вам устанавливается смета на расходы в сумме 1500 ам. долларов и 4.500 иен на 3 месяца. Аванс получите от нашего человека в марте.
Учтите обстановку и экономно расходуйте валюту. Сократите Ваши орграсходы до минимума. Источникам платите только за ценные материалы.
Вашей работой последние 3 месяца удовлетворен (выделено мной. — *М.А.*). Привет от жены, здорова.

Организатор».

1.500 долларов США и 4.500 йен на 2-й квартал составляли около 2.600 йен в месяц. Зорге определил минимум, необходимый для «жизнедеятельности» резидентуры, в 3200 йен.
Последняя фраза шифртелеграммы Центра — «Вашей работой последние 3 месяца удовлетворен», надо думать, не могла не вызвать у «Рамзая» недоумение. Если последние 3 месяца он работает хорошо, то зачем же месяц

назад ему указывали на плохую работу, отмечая, что доставляемый им материал не отвечает поставленным задачам?

Попытка Центра перевести резидентуру на сдельную оплату с сокращением общей сметы более чем на 50% выглядела по форме, как некая решительная и радикальная мера воздействия на резидента, который должен был сразу почувствовать «твердую руку» Центра, максимально «активизировать работу» и, немедленно навербовав ценных источников — японских офицеров, обеспечить Центр ценными материалами, «оплаченными сдельно».

По существу же эту попытку нельзя расценить иначе, как непродуманную, необоснованную и вредную затею, лишь подрывающую авторитет Центра в глазах «Рамзая» и свидетельствующую о том, что за 8 лет работы резидентуры аппарат Центра не составил себе отчетливого представления ни о людях резидентуры, ни об условиях и методах их работы, ни об общем характере разведывательной деятельности резидента лично и резидентуры в целом. Забыты были даже элементарные расчеты оплаты кадров резидентуры, установленные самим Центром. Как уже отмечалось, чаще всего информации «Рамзая» являлись результатом сопоставления и суммирования сведений, получаемых из всех этих источников. Какие «ценные материалы» имели в виду работники Центра, требуя «выплаты денег только за ценные материалы», по предварительному согласованию с Центром? Документальные материалы вроде оперативных и мобилизационных планов японского генерального штаба армии?

Попытка урезать смету, несомненно, и была одним из проявлений этого «повышения требовательности» и реальным выражением незадачливого метода «выкачивания из Рамзая всего, что возможно».

В своем письме, датированном концом апреля 41-го, на имя «дорогого господина директора», Зорге, затрагивая тему сокращения бюджета резидентуры, давая характеристику «ядра» резидентуры и условий, в которых ему приходится работать в посольстве, вновь ставит перед Центром вопрос о своем отзыве и отзыве Клаузена:

«26.3. 41 г.

Дорогой господин директор.

Среди легкой почты, которую мы направляем спустя четыре недели после направленной Вам тяжелой почты, находится один особенно интересный документ. Речь идет о резюме, сделанном Венекером (герм. морским атташе) по поводу дискуссии, проведенной по предложению посла Отт, с целью проверки возможностей Японии напасть на Сингапур. Доклад Венекера, прилагаемый здесь, был представлен лично Гитлеру и заслужил похвалу последнего за исключительную ясность резюме. Я надеюсь, что Вы найдете этот доклад столь же интересным.

Когда мы получили Ваши указания о сокращении наших расходов на половину, мы восприняли их как своего рода меру наказания. Вы уже, вероятно, получили нашу подробную телеграмму, где мы пытались доказать, что это сокращение вдвое, без прибавления нам возможностей расходовать суммы на экстраординарные потребности, равносильно просто уничтожению нашего аппарата. Мы не будем здесь еще раз останавливаться на всех деталях-суммах, которые мы уже приводили в доказательство. Мы хотим только еще раз обратить Ваше внимание на то, что наш аппарат имеет здесь определенные

особенности. Материал, который мы Вам представляем, информационный и документальный, добывается нами без особенных затрат.

Джо и я сам, т.е. двое из четырех, представляющих ядро нашего аппарата, добывают материал сами лично без специальных на то затрат. Это значит, что наш маленький аппарат, ядро нашего аппарата, состоит также одновременно из ядра материал добывающего. Фриц и Жигало (совместно с его прежней женой) являются технически-организационными исполнителями нашего аппарата. Фриц — в области воздуха, а Жигало и его прежняя жена — в области фоторабот и мастерских для воздуха и фоторабот.

Если Вы посмотрите наши отчеты, то Вы заметите, что большая часть нашего аппаратного бюджета расходуется на поддержание жизни этих четырех людей, представляющих ядро нашего аппарата.

Второй важной статьей расхода является содержание нашего технического аппарата, т.е. гарантирование воздушной и фотоработы.

Вы, несомненно, согласитесь, что наша воздушная работа исключительно хороша. При таких тяжелых условиях, как здесь, Вы редко встретите такую непрерывную на редкость достаточную воздушную работу, какую нам дает Фриц, благодаря нашим многочисленным радио-организациям. Мы надеемся также, что вообще качество нашей информации хорошее, особенно политической. Поэтому и здесь сокращение наших расходов едва ли возможно, наоборот, было бы весьма желательно еще более увеличить количество наших мастерских, чтобы при увеличивающихся трудностях иметь большее количество различных рабочих мест.

Расходы, падающие на долю связников вне нашего ядра, а также на попытки завязать новые связи, относительно, чрезвычайно малы. В лучшем случае они составляют 25%-30% нашего бюджета. Резюмируя, приходим еще раз к выводу, что сокращение нашего бюджета на половину, если учесть особенности структуры нашего аппарата, представляет собой уничтожение нашего маленького ядра, а не меру экономии.

Мы, безусловно, признаем, что наша В[ербовочная].-работа и наши В[оенные].-информации слабы. Единственно сколько-нибудь интересным источником является материал, который я сам добываю от Герм. ВАТ и морского атташе. Однако и Отто, добывающий исключительно политические сведения и имеющий связи с высшим политическим руководством страны, время от времени добывает также хороший В.- материал (военный). Тем не менее, мы вынуждены признать, что мы не выполнили задачу по привлечению к нашей работе нескольких выдающихся военных деятелей. Но, дорогой директор, не забывайте, пожалуйста, в какой стране мы находимся. Ясно, что правящие слои здесь продажные шкуры. Но едва ли это можно сказать о той части офицерского корпуса, среди которого нам следовало искать. Эта часть настолько мала и настолько замкнута, а также озлоблена против всего чужеземного, что на раскрытие какого-нибудь постоянно текущего источника из этого маленького слоя, который действительно что-нибудь знает, рассчитывать очень тяжело, почти невероятно тяжело.

Чтобы возвратиться вновь к неприятному бюджетному вопросу, мы хотим предложить, **если возможно, предоставить в наше распоряжение ежемесячную сумму в 3200** [йен] (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). С этой суммой мы можем обойтись, по крайней мере, обеспечить аппарат и его работу. Но это абсолютный минимум. Если это будет отвергнуто, наша работа

очень серьезно пострадает. Кроме того, Вы должны всегда учитывать чрезвычайные расходы. Здесь в стране мы не можем достать ни ламп, ни пленки, ни даже материала для одежды. Нам приходится выписывать много материала из-за границы на валюту, кроме всего, после столь длительного пребывания в этой стране и климате, наше здоровье уже не на той высоте, что прежде. Если Вы просмотрите наши отчеты за последние три года, то Вы заметите, что наши расходы в связи с болезнями, и большей частью весьма тяжелыми, значительно возросли. В том случае, если Вы и в дальнейшем нуждаетесь в нашей работе здесь в стране, то мы хотим Вас попросить оказать нам доверие, с тем чтобы мы сами провели сокращение наших расходов, так чтобы от этого не пострадала наша работоспособность. Как уже сказано, **мы считаем минимум 3200**.

К сожалению, мы должны обратить Ваше внимание на новую трудность в нашей работе, которая скажется с наибольшей полностью только в этом году.

Как Вы уже, вероятно, знаете по нашим старым докладам, большая часть материалов исходит от меня, который мне удалось собрать в рабочих местах Германского Посла, ВАТ и морск. ВАТ.

Я просто забирался с машинкой в кармане в одно из помещений этих чиновников, кося одним глазом в сторону двери и прислушиваясь одним ухом к каждому шороху, я щелкал своим аппаратиком. Вы можете себе представить, что это была очень тяжелая, очень опасная и скользкая работа, ставшая сейчас еще более тяжелой. Ибо в течение последних трех лет учреждения Германского Посольства настолько расширились и появилось такое большое количество новых людей, что буквально не найти ни одного свободного местечка. При этих условиях почти совершенно исключена какая бы то ни была возможность фотографировать весь тот материал, который еще и сейчас мне удается получить для прочтения. За все эти годы мне удавалось, несмотря на существенную смену аппарата учреждений, сохранять свое положение человека, пользующегося доверием. Сейчас мне также удается читать почти столько материала, как и прежде, а может быть и больше. Частично, верно, эти материалы ухудшились по качеству. Но, к сожалению, в большинстве случаев, я не могу более его так фотографировать, как выше было описано, т.е. как я это прежде делал. Недостаток территории лишает меня возможности не только читать документы, но тем более их фотографировать. В этом заключается наибольшая трудность, стоящая сейчас перед нами. Это затруднение возможно будет разрешить только в конце года, так как ожидается прибавление новых помещений, которые возможно вернут мне прежнюю неприкосновенность или скажем свободу продолжать мои прежние фотосъемки. Но сейчас этого нет, так что придется довольствоваться тем, что имеем.

Вы должны понимать, что материал и документы, которые мне разрешают читать, я не могу при существующих условиях, ни в коем случае выносить за пределы данного учреждения, т.е. брать их на дом или конспиративную квартиру. Только в самых редких случаях удается что-либо подобное. Этому мешает суровая секретность и предосторожности против шпионажа туземных шпионов, царящие в вышеназванных учреждениях. Следовательно, это еще одна новая трудность, которую с большим трудом сможет преодолеть такой старый грешник и практик, кипящий не в первом котле, как Ваш покорный слуга.

Наконец, еще одна все более усложняющаяся проблема. Я живу здесь беспрерывно более шести лет. До этого я был здесь еще в течение двух лет и возвращался в Центр только на 26 недель. Все чаще руководящие личности обращаются ко мне с вопросом, почему я совсем не желаю хоть на короткое время проехаться в отпуск в Германию, чтобы посмотреть на месте ситуацию и прочее.Второй вопрос, с которым ко мне то и дело обращаются — это почему я отвергаю предложения газеты, на которую я работаю. Почему я не заключаю с ней твердого контракта. Или почему я отказываюсь от неоднократных предложений Посла получить на время войны постоянную работу. Причины, по которым я не еду в Германию, вызовут с их стороны подозрения. Тоже, почему я не заключаю твердого договора. Все это представляет определенную опасность, учитывая мое старое прошлое. Но еще важнее тот факт, что если я свяжу себя контрактом с газетой или с какой-нибудь другой работой, то будет еще труднее закончить работу здесь, чтобы, наконец, уехать к Вам домой, в Центр и остаться там навсегда. На долгое время такое состояние для меня может плохо кончиться. Пока мне удается отклонять вопросы под предлогом, что я хочу дождаться конца войны или, по крайней мере, такого момента, когда уже можно будет сказать, что из этой войны получится. Но как выше сказано, это не более как отодвигание вопросов, с которыми ко мне обращаются мои друзья, как посол Отт, Венекер и ВАТ — Кречмер все чаще и чаще.

Так, например, когда Отт ехал в Берлин, он хотел взять за свои средства меня с собой, не только для компании, но и за тем, чтобы я заключил постоянный контракт с газетой или даже с Министерством Иностранных Дел. Для меня было очень трудно отклонить столь доброжелательные намерения Отт.

Итак, все более приближается время, когда Вы должны заняться вопросом отзыва меня и Фрица. Вы должны уже сейчас всеми средствами готовить замену для нас обоих. Для обоих, ибо Вы должны себе ясно представить, что мое исчезновение, естественно, обратит на себя внимание, особенно когда обо мне больше ничего не услышат и когда я вместо того, чтобы вернуться в Германию окажусь в Центре. Естественно, что подобное исчезновение и возникшие в связи с этим слухи, окажут скверное влияние также и на Фрица, который, будучи членом той же общины и колонии, несомненно, был знаком со мной, а, следовательно, использовал это знакомство с целью легальной и открытой поддержки настоящей работы нашей фирмы. Возможно, что Фриц мог бы остаться здесь и после моего отъезда, но надежность есть надежность. Кроме того, он тоже здесь уже в течение пяти лет и для него также пора вернуться, наконец, домой в Центр.

Так что мы выдвинули этот раз перед Вами целый ряд вопросов, которые мы, господин директор, просим Вас возможно скорее разрешить. Такое решение вынести крайне необходимо. Не забывайте, что мы ведем жизнь двойников уже целых 7 лет, которую дальше продолжать исключительно тяжело.

Сердечный привет от всех нас здесь и, особенно, от Вашего Рамзая».

Зорге готов признать, что военная информация, добываемая резидентурой, «безусловно» «слаба», что не в полной мере отражает действительное положение вещей. Ведь он сам себе противоречит, справедливо отмечая в письме: «Единственно сколько-нибудь интересным источником является материал, который я сам добываю от Герм. ВАТ и морского атташе. Однако и

Отто, добывающий исключительно политические сведения и имеющий связи с высшим политическим руководством страны, время от времени добывает также хороший В.- материал (военный)».

Что же касается вербовки «нескольких выдающихся военных деятелей» — офицеров генерального штаба армии или министерства обороны, то постановка такой задачи исходила из непонимания Центром оперативной обстановки в Японии. Была большая вероятность того, что попытка подобной вербовки закончилась бы провалом резидентуры, которая добывала не только ценную политическую, но и ценную военно-политическую и военную информацию. Резидентуру следовало сохранить в том составе, который был, получая информацию от уже имевшихся источников, и не ставить дополнительных неосуществимых вербовочных задач.

«Телеграмма № 2733/3115 от 25.03.1941г.
В Токио т. Рамзаю.

В условиях настоящей сложной обстановки нельзя думать о Вашем выезде. Наоборот обстановка требует от Вас большего напряжения и инициативы в работе.

Максимально сократите нецелесообразные расходы.

Висбаден будет слушать Фрица кроме установленных дней, также и воскресеньям.

Организатор».

«Телеграмма № 3737/4118 от 21.04.1941г.
В Токио т. Юрию

1. Очередной встрече выдайте Рамзаю 250 ам. долларов и 2000 иен, остальные выдадите мае. Получите от него почту и немедленно высылайте Центр. Исполнение срочите. Вам деньги будут высланы.

...

Организатор».

«С П Р А В К А

Почтой 28.4.41 г. послано Юрию следующее:

...

2. Новые клички для резидентуры Юрия.

3. Новые клички для резидентуры Рамзая.

...».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 2 мая 1941 года
По радио.
ПЕРЕВОД.

К великому международному празднику примите поздравление от всей нашей семьи.

№. 119 РАМЗАЙ.

Расш. и перевел Малинников. 15.45 10.5.41.

Адресату.

В реестр».

В телеграмме от 13 мая полковник Гущенко прислал большую телеграмму с оценкой постановки разведывательной работы.

Краткое содержание этой телеграммы:

«а) За последнее время производится свертывание разведывательной работы, отступая перед усилившимся нажимом контрразведки.

б) У местных дипработников и у соседей существует убеждение, что общаться с иностранцами, не принадлежащими к дипкорпусу, нам нельзя. Это базируется на гнилой теории недоверия к нашим людям и создает условия для общения только с контрразведчиками.

в) Денежные средства на оплату разведывательной работы мизерны. Ставки агентам низки.

Примечание составителя: об этом Гущенко раньше вопросов не поднимал.

г) Мало доверия нашим людям. Существует излишняя боязнь, что наших людей может завербовать контрразведка.

...

е) В условиях Японии нелегальная связь, в особенности с иностранцами, стала невозможной. Следовательно, в связи надо применять любые методы. Нельзя разведчика держать в рамках этики».

Последняя фраза «нельзя разведчика держать в рамках этики» подразумевала возможность для разведчика вступать в интимные связи с иностранцами, а точнее с иностранками.

И еще: «... наши люди соседей боятся больше, чем японской контрразведки». «Соседи» — сотрудники НКВД под прикрытием должностей посольства. Много лет спустя М.И. Иванов вспоминал:

«... НКВД, имеющий своих агентов и среди нас, армейских разведчиков, безостановочно следил за нами.

Помню, однажды молодой лейтенант-чекист преследовал меня так навязчиво, что я не выдержал и прямо пошел на него в бедном районе Токио: "Дурак, — сказал я ему, — ты через пень-колоду лепечешь по-японски и шпионишь, как новичок. Тебя тут же засекут и отделают так, что маму родную не узнаешь. Убирайся в посольство и не высовывай носа, щенок...".

Конечно, после этого я имел выговор и сам потерял надолго право выходить за территорию посольства»[313].

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 31 мая 1941 года.
По телеграфу.

Пакет Инсона у нас, но мы не найдем возможности его переслать, очень громоздкий.

№ 121. ИКАР.

[Резолюци]я: Н-1
Понятно. Это для жены Инсона. Дать указания — направить почтой.
П. 2/VI.41».

«Инсон» — новый псевдоним Зорге.

Вещи для жены Зорге были направлены в Москву спустя три месяца — только в начале сентября 41-го.

«Телеграмма № 5911/6711 от 22.06.1941 г.
В Токио т. Икару

22 июня германский фашизм разбойничьи напал на нашу родину. С получением данной телеграммы приведите весь Ваш аппарат и коммерческую сеть в максимальную готовность. Проведите встречу с Инсоном 27 июня, запасная 29 июня согласно условий последней встречи. Передайте ему одну тысячу амов и предупредите необходимости активизации работы. Встречи проводите максимально осторожно. Применяйте запасные явки и дубки [тайники]. Все важные информационные данные о перебросках войск и намерениях Лоскутии [Японии] передавайте немедленно. Почтой 27 июня вышлем Вам и Инсону деньги.

Организатор».

«Телеграмма № 5922/6722 от 22.06. 1941г.

В Токио т. Инсону /Рамзаю/.

Благодарю Вас за последнюю информацию. Прошу выйти на встречу нашего человека 27 июня. На всякий случай следующая встреча 29 июня. Место и время, согласно последней встречи. Наш человек передаст Вам деньги. Следующей почтой высылаю деньги снова.

Организатор».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 28 июня 1941 года.
По телеграфу.

Встречи с Инсоном и Изопом состоялись. Деньги переданы. Задача активизации передана. Просит перевести на непрерывное слушанье Висбдаден, ибо в атмосфере большие разряды.

Дальнейшая встреча с ними организована 8 июля.

Следующая явка 16 июля.

№ 142 ИКАР

[Резолюции]: НО 4

Г.

НО-1

Почему просит перевести на непрерывное слушание: Ведь мы дали об этом указание?

29.6. И».

«Изоп» — новый псевдоним «Фрица» — Макса Клаузена.

«Телеграмма № 6696/7668 от 03.07.1941 г.
В Токио т. Икару

На ближайшей встрече с Инсоном или Изопом сообщите им, что мы срочно ожидаем их информаций по вопросам мероприятий правительства лоскутии [Японии]. На встрече постарайтесь получить устно всю информацию и срочите нам.

Организатор».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 11 июля 1941 года.

Получил от Вашего человека 1.000 ам.долларов, остальные суммы будут вручены в следующий раз. Пожалуйста, передайте от меня лучшие пожелания и приветствие моей жене.

№. 139,140 РАМЗАЙ.

Расш. Малинников.
11.30 12.7
Адресату.
В реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО-1.
Передать жене "И" привет
и лучшие пожелания.

АП [ПАНФИЛОВ]

12/VII.41».

«МЕМО С ТЕЛЕГРАММЫ ИКАРА от 13.7.41 № 169

Предлагает связать с ИЗОПОМ ИЛЛИАДУ с тем, чтобы она передавала ему шифровки и получала указания ЦЕНТРА. С остальными источниками ИЛЛИАДА будет связана явками.

...

[РЕЗОЛЮЦИЯ: И.О.НУ]: Разберитесь во всех этих связях так, чтобы не было провалов наших людей. 14.VII.41.

АП

[РЕЗОЛЮЦИЯ НО-4]: НО-1

Доложите справку.

Колганов. 14.7.41».

«Иллиада» — «Завербована во Львове Брониным. В Москве прошла краткую 10-ти дневную агентурную подготовку. ... завела знакомства среди немецкой колонии и в японских аристократических кругах. Активно начала работать по сбору информации общеполитического характера и планам Японии против СССР со второй половины 1941 года. ... С задачами вербовщика не справлялась».

«Телеграмма № 7278/8350 от 14.07.1941г.
В Токио т. Икару
На ваш № 169.

1. Связывать кого-либо с Инсоном категорически воспрещаю.

2. Продумайте вопрос подбора или подготовки радиста на месте с целью обеспечения связью с центром Ваших остающихся людей.

Кого предполагаете назначить фермером? Организуйте связь экспедиторов с фермером, на случай порыва связи с Вами.

....

6. Вашу июньскую почту получил.

7. В самом срочном порядке снабдите Инсона деньгами на 3-6 месяцев. Если денег нет, займите у Хозяина. Деньги идут Вам очередной почтой.

Организатор».

«Фермер» — резидент, «экспедиторы» — агенты. Центр с большим опозданием вспоминает об обеспечении мобилизационной готовности агентурной сети на случай чрезвычайной ситуации — войны: предлагается имевшуюся агентуру «оторвать» от «легальной» резидентуры сформировать из этой агентуры нелегальную резидентуру под руководством нелегального резидента; предлагается также подобрать или подготовить «на месте» радиста для связи с Центром. Задача, невыполнимая в кратчайшие сроки, в ожидании войны, которая готова была разразиться со дня на день. Задача, невыполнимая вдвойне: как выяснится вскоре из переписки Центром, агентуры для формирования нелегальной резидентуры для решения стоявших задач не существовало. Странно только, что для Центра это оказалось новостью.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 16 июля 1941 года.
По телеграфу.

1. ...

3. Инсону сегодня передаю к ранее выданным 1000 ам. долларов еще 1000 и 4365 иен.

№ 180 ИКАР»

«МЕМО с телеграммы ИКАРА от 17.7.41. № 182. Токио.

Сообщает, что ИЗОП тяжело болен. ИЗОПА посетил ИМАК. ИЗОП передал записку, в которой сообщает следующее:

Японцы мобилизуют в возрасте от 27 до 39 лет. Мобилизованных отправляют в Корею, Маньчжурию и Китай».

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 21 июля 1941 года
По телеграфу.

1. Сведения в телеграмме № 189 получены: пункт первый от Инсона, второй — от нового японского источника. **У меня складывается мнение, что Инсон... говорит нам не всё, ибо по вопросу мобилизации и переброскам ничего не даёт** (выделено мной. — *М.А.*).

...

№ 192 ИКАР

[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО 4
Доложите со всеми материалами.
29/VII АП
НО-1
Доложите по резолюции мне.

22.7 И».

Пренебрежительное отношение к «Инсону» и даваемой им информации определяло и пренебрежение к организации связи с ним.

Спустя десять дней после первого указания Центр «вторично» поставил перед «Икаром» задачу организовать из имевшейся у «легальной» резидентуры агентов «ферму» — нелегальную резидентуру.

«МЕМО с телеграммы Центра ИКАРУ от 24.7.41.

...2. На № 192. Указываю вторично, что на случай прекращения деятельности Вашего легального аппарата в целях сохранения нелегального аппарата надлежит проделать следующее:

а) Всех нелегалов /ИСПАРИН, ИВА, ИЛЛИАДА, ИРА, МАЛОН/ организовать в одну ферму. Фермером назначьте ИЛЛИАДУ или ИВУ.

б) Подыщите человека, который сможет ездить в Шанхай, мы дадим ему явку и свяжем с нашим человеком, а через него с Центром.

в) Необходимо уточнить адреса источников и дать им явки с нашим человеком на период до конца 1942 г., по разу в месяц. Явки выдать в запечатанных конвертах, которые вскроют после вашего отъезда.

г). Предлагается продумать возможность оставления на нелегальной работе одного из его легальных работников, который бы возглавил резидентуру. Для связи с Центром он будет снабжен рацией».

Однако, как выяснилось, и «ферму» организовывать было не из кого, и на нелегальную работу из числа легальных работников оставлять было некого. Как минимум, двое из перечисленных «агентов», постоянно посещали советское посольство и консульство и не являлись японцами.

Даже, если первоначально, эти двое не были «подставой», они вынуждены были в последующем сотрудничать с японскими спецслужбами.

«МЕМО с телеграммы ИКАРА от 1 августа 41 г.

1. О нецелесообразности организации сейчас фермы в Японии ввиду свежести и непроверенности источников — могут провалиться. Японцы и немцы проявляют упорство в подсовывании нам двойника. Илиада проверена — работает во имя своего личного и семейного благополучия. Пока что нам ничего хорошего не дала. Может работать только под руководством.

До полной проверки источников целесообразно создать ферму в Шанхае и оттуда руководить всей работой в Японии.

Оставить нашего человека здесь на нелегальной работе считаю невозможным — это явный провал.

КАРМЕН надо отрезать, она своим поведением мешает нам работать».

«ЯВКИ на ШАНХАЙ: ...

МЕМО с телеграммы ИКАРУ от 4.8.41 г.
на № 215

Организацией связи Ваших людей на Шанхай согласен. Условьтесь с ними, что эта связь начнется только в случае отъезда Вашей конторы. Наш фермер в Шанхае будет встречать их согласно адреса и пароля. Независимо от этого работу по оформлению Ваших людей в отдельную контору в Вашем городе продолжайте. ИРУ можете совсем уволить».

Ответ на шифртелеграмму «Икара» представляет собой диалог двух глухонемых. Гущенко предлагает Центру организовать «ферму» в Шанхае и оттуда руководить «всей работой в Японии», но, отнюдь, не его «агентами», которые «ввиду свежести и непроверенности» «могут провалиться». Центр же продолжает настаивать на продолжении работы «по оформлению Ваших людей в отдельную контору» и организацию связи с ними в Шанхае «согласно адреса и пароля».

И еще: значит и в середине 1941 г. имелась возможность организовывать связь резидентуры «Рамзая» с Центром через Шанхай.

По резолюции и.о. начальника Разведывательного управления Панфилова от 14 июля по указанию начальника 4-го отдела Колганова была подготовлена справка на Рихарда Зорге:

«СПРАВКА

на нелегального резидента в Токио ИНСОНА.

Фамилия, имя и отчество (настоящие) — ЗОРГЕ ИКА РИХАРДОВИЧ, по национальности немец, рождения 1895 года, член коммунистической партии Германии с 1919 г., член ВКП(б) с 1925 г. (партийный билет хранится в Политотделе Разведупра). Окончил Университет в Берлине, в совершенстве владеет немецким и английским языками. Родился в Германии, воспитывался в детстве у бабушки в г. Одессе.

На разведывательной работе в Разведупре с 1929 г. До этого работал на партийной работе в качестве инструктора Коминтерна в ряде стран.

Как попал в Разведупр, по чьей рекомендации — сведений нет.

С 1929 по 1932 г. работал нелегальным резидентом в Шанхае. В конце 1932 г. был отозван в Москву, так как стало известно, что Инсон скомпрометировал себя на работе, а также в связи с арестом одного из связников его сети. Агентурная сеть Инсона состояла в основном из китайцев-партийцев. Сам Инсон работал неконспиративно: вербовал новых источников у себя на квартире, там же их принимал с материалами. Кроме того, поддерживал в открытую широкие связи с левонастроенными китайскими кругами и, в частности, с одной известной левой американской писательницей (.....), через которую также проводил вербовку; работал субредактором одной левой китайской газеты.

По записям врагов народа в личных делах Инсона значится, что он был известен английской полиции как советский разведчик.

В 1933 г. Инсон Разведупром был направлен на нелегальную работу в Японию, г. Токио. Выехал туда через Европу и Америку с заездом в Германию, где получил паспорт на свое настоящее имя, завязал небольшие связи с рядом газетных издательств. Тоже проделал в Голландии и, кажется, в других мелких европейских странах.

Практическую работу в Японии начал в 1935 г. Весь 1934 и частично 1935 г.г. у Инсона ушли на оседание в Токио, изучение обстановки и на завязывание знакомств в немецком посольстве в Токио. Как пишет Инсон, через одного секретаря посольства ему удалось завязать крепкие связи с бывшим немецким послом в Токио ....., особенно с его женой, и помощником военного атташе майором Шолль. Все доклады, посылаемые немецким послом в Берлин, в основном составлялись Инсоном, а майор Шолль делился с ним всей военной информацией по японской армии и страны в целом. Инсон регулярно фотографировал все эти документы и пересылал нам.

Особенно ценные сведения по японской армии дал Инсон в период с начала японо-китайской войны — по конец 1938 г. Этими сведениями нами было полностью вскрыто отмобилизование и развертывание японской армии и ее группировка в Китае по фронтам. С конца 1938 г. военная информация Инсона ослабла, видимо, в связи с убытием в Германию майора Шолль и назначением другого военного атташе полковника Мацке, которого Инсон характеризовал прояпонцем и, вообще, дураком.

В 1936 г. Инсон дал почти полные сведения в отношении подготовки и заключения антикоминтерновского пакта между Германией и Японией.

Весь 1939 г. характеризуется значительным понижением качества работы Инсона. В основном информация была экономического порядка, невысокая по качеству и, кроме того, ограничилась несколькими докладами ВАТ о состоянии японской армии и ее дислокации в Китае и Маньчжурии. С половины 1940 г. начинается медленный подъем улучшения качества работы Инсона и к весне 1941 г. значительно улучшается.

Весной 1941 г. Инсон дал 2 ценных и достаточно полных доклада о состоянии 2-х авиазаводов японской авиапромышленности, общие суммарные сведения о состоянии всей японской авиапромышленности и танкостроении. В мае месяце Инсон сообщил полную дислокацию японской армии, которая информационным отделом оценена как "весьма ценный материал".

В мае месяце дал совершенно правильный прогноз о предстоящей войне СССР с Германией. Он указал на сосредоточение 9-ти германских армий (150 дивизий). Во главе одной армии назвал Рейхенау. Дал общую схему действий, что главный удар будет наноситься левым флангом. Удары будут по схеме, как это было в Польше в 1939 г. Телеграммой от 15.6. он указал, что война Германии против СССР начнется в конце июня месяца.

В июне месяце сообщил, что Япония будет на стороне Германии. Япония будет готова к выступлению не ранее как через 6 недель после начала войны Германия-СССР, но если РККА потерпит поражение, то Япония может выступить раньше.

В июне сообщил, что Япония решила захватить Сайгон. Дополнительно сообщил, что 21 июля японская армия захватит южную часть Индокитая — это было почти точно.

В июле месяце сообщил общие цифры и ход мобилизации в Японии — сведения правильны.

Следует отметить еще следующие сведения, данные Инсоном:

В 1939 г. во время усиления европейских противоречий Инсон сообщил, что Гитлер поставил первоочередной задачей разбить Польшу, затем Францию и Англию. Нападение на СССР будет осуществлено после разгрома Польши и покорения Европы. В мае 1939 г. уточняя эти сведения, Инсон сообщил, что нападение на Польшу будет произведено 1 сентября. (Сведения полностью подтвердились).

В 1940 г. заблаговременно сообщил о времени начала наступления германских войск против Франции и основном направлении стратегического удара немецких войск.

В этом же году дал полные сведения о характере договора, заключенного японцами с "правительством" Ван Цзинвэя.

Неоднократно давал ценные сведения о внешней политике Германии в отношении Японии и Дальневосточной политике в целом, а также Японии в отношении Германии и других стран.

Истоки политического недоверия Инсону.

1. В течение продолжительного времени Инсон работал под руководством бывших руководящих работников Разведупра, оказавшихся врагами народа. Отсюда вытекает вывод: если враги народа продались сами иноразведкам, то спрашивается, почему же они не могли выдать Инсона. Так, например, бывший Начальник 2-го Отдела Карин являлся немецким шпионом, и он выдал, по его словам, некоторых наших секретных агентов в Китае. В быт-

ность Карина начальником отдела Инсон работал в Японии. Начальник японского отделения Покладок являлся японским шпионом.

2. Бывший начальник японского отделения (после Покладока) Сироткин оказался также японским шпионом. Сироткин показал органам НКВД, что он выдал японцам Инсона со всеми его источниками. На одном из допросов Сироткина в НКВД присутствовал полковник Попов.

По показанию Сироткина, он выдал Инсона в конце 1938 г., и с этого времени Инсон начинает работать плохо, жалуется на усталость, усиленно просит отозвать его домой. Почти весь 1940 г. Инсон настаивает на возвращении в СССР.

3. По записям врагов народа видно, что у Инсона имеется жена, которая живет в Берлине, она знает, что он коммунист и где он находится.

4. Инсон усиленно ходатайствовал перед управлением о принятии в ВКП(б) нашего источника "Джима", немецкого еврея, вызывающего у нас также большое политическое сомнение в его честности. Известно, что Джим имел связь с Радеком и фигурировал на процессе троцкистов. Не очень давно (1941г.) Джим получил английский паспорт. Видимо, англичане дали ему паспорт недаром, а за работу.

5. Инсон, настаивая на своем отзыве, рекомендовал вместо себя некого немца "Коммерсанта", ранее работавшего у нас источником около 2-х лет (под руководством резидента Абрама — бриг. комиссар Бронин), ничего не давшего за 2 года, но настоятельно настаивающего на своем приеме в ВКП(б).

6. В 1935 г. к Инсону Центром был направлен радист Фриц, личность весьма темная. Известно только, что он сербский офицер, женат на русской белогвардейке и больше ничего. Радиодело знает хорошо, срывов связи не было.

7. У Инсона нет истории о прошлой работе до партии, как он работал в партии, как попал в партию и затем в Разведупр.

8. Инсон является секретарем одной ячейки фашистов в немецком посольстве в Токио. Но когда спрашиваешь Инсона, почему он не поступает на официальную работу в посольстве, всегда следует ответ:

"Вы знаете мое прошлое, поступающие на работу в немецкие учреждения тщательно проверяются гестапо, это может меня погубить".

Вопрос Инсона не новый, неоднократно ставился на обсуждения. Основной вопрос: почему японцы или немцы не уничтожат его, если он выдан им как советский разведчик? **Всегда делается один вывод: японцы или немцы не уничтожают Инсона с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы.**

ВЫВОД: В связи с тем, что **кроме Инсона и его сети у нас ничего нет в Японии** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*), Инсона на работе целесообразно оставить. (подчеркивание документа. — *М.А.*). Такое решение было в свое время принято и Генерал-лейтенантом тов. Голиковым.

Анализ информации Инсона показывает, что он дает нам в основном правдивую информацию.

При соответствующем правильном руководстве и постоянном нажиме на Инсона, от него можно добиться регулярной и нужной нам информации, особенно, по политическим вопросам.

Информацию Инсона необходимо всегда сопоставлять с данными других источников и общим переживаемым моментом международного положения, а также тщательно ее анализировать и критически к ней относиться.

Инсон весьма самолюбив и большого мнения о себе, что необходимо учитывать при руководстве им.

ПРИМЕЧАНИЕ: **Основные демографические данные Инсона и данные о его работе составлены зам. начальника отдела полковником Поповым на память.**

Начальник 4 Отдела РУ ГШ КА
генерал-майор /Колганов/
11 августа 1941 г.
Составлено в 1 экз.».

Справка на Рихарда Зорге в части выводов во многом повторяет ноябрьскую 40-го года справку. Обращает на себя внимание предвзятость автора справки полковника Попова, которую разделил его начальник — генерал-майор Колганов. У обоих не возникает сомнений в том, что «японцы или немцы не уничтожают Инсона с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы». Однако, вывод однозначен: «В связи с тем, что кроме Инсона и его сети у нас ничего нет в Японии, Инсона на работе целесообразно оставить». И опять тема «постоянного нажима».

Автор ничтоже сумняшеся пишет, что справка составлена им «на память», отсюда и нелепицы типа «бабушки в г. Одессе», «Фриц» — «сербский офицер». А чего стоит утверждение, что «Инсон» «в совершенстве владеет» немецким языком. Странно, почему Попов не обратился к имевшимся в его распоряжении агентурному делу «Рамзая» — «Инсона», к делам по переписке с резидентурой «Рамзая» — «Инсона», к шифртелеграммам из Токио. Странно, почему начальник Попова удовлетворился воспоминаниями «на память» подчиненного.

«Инсону» ставится в вину, что его агентурная сеть в Китае «состояла в основном из китайцев-партийцев», при этом даже не делается попытка оценить результаты работы «китайцев-партийцев». Безосновательно утверждается, что «Инсон скомпрометировал себя на работе» в Китае.

«Джим», о котором упоминает автор справки, — источник резидентуры до сентября 1937 г. Густав Штейн.

Вместе с тем, автор справки вынужден давать высокую оценку информации, поступившей от Зорге: «особенно ценные сведения по японской армии дал Инсон в период с начала японо-китайской войны — по конец 1938 г.»; «в 1936 г. Инсон дал почти полные сведения...»; «в мае месяце дал совершенно правильный прогноз о предстоящей войне СССР с Германией...»; «в 1940 г. заблаговременно сообщил о времени начала наступления германских войск против Франции...»...

Ведь не зря же 14 июля 1941 г. и. о. начальника РУ Генштаба КА генерал-майор Панфилов дал указать в спецсообщениях руководству страны информацию, поступавшую от Зорге предварять словами: «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия».

«Телеграмма № 8622/9793 от 11.08.1941г.
В Токио т. Икару

Позаимствуйте у хозяина денег, чтобы в случае отъезда Вашей конторы снабдить Инсона и других Ваших полезных источников вперед до 1 февраля.

Деньги мы переведем здесь НКИД или вышлем очередной почтой. Результат срочите. Одновременно выясните у Инсона каким способом лучше снабжать его деньгами после прекращения связей с Вами

Директор».

«Хозяин» — чрезвычайной и полномочный посол СССР в Японии К.А. Сметанин.

«Телеграмма № 8488/9638 от 11.08.1941г.

В Токио т. Икару

Срочите Ваше заключение целесообразности дальнейшего оставления нашей работе Инсона и о снабжении его необходимым запасом средств на случай прекращения работы Вашей конторы.

Директор.

/Написано Н-ком 4 отд. г-м. КОЛГАНОВЫМ по указанию Зам. Нач. Управл. т. ПАНФИЛОВА. 11 августа 1941 г.

11.8.41 А. Колганов/».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 18 августа 1941 года.
По телеграфу.

Для Инсона на 6 месяцев требуется 9000 иен и 3 тысячи ам. долларов. … Если с ам. долларами трудно, Инсону можно будет выдать только 1000 ам. долларов. Деньги здесь есть. На иены Вы договоритесь с НКИД, а на ам. доллары с Наркомвнешторгом, чтобы дали сюда телеграммы о выдаче мне денег.

№ 242. ИКАР.

[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: Н4

АП.

18/VIII-41

[Резолюция]: НО-1

1) К исполнению.

2) Учтите потребности Икара, но не на ½ года, а месяца на три, считая и сентябрь.

19.8. И.».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 1 сентября 1941 года.
По телегр.

…

2. Деньги для Инсона 1.500 ам. долларов и 4.500 иен выданы.

…

№ 261 ИКАР».

«МЕМО с телеграммы ИКАРУ от 4.9.41 г.

1. …

2. Мы Вам телеграфировали 7 июля условия дополнительной связи ИЗОПА с Хбр. [Хабаровском]. Сообщите, передали ли Вы ему эту телеграмму».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 7 сентября 1941 года
По телеграфу.
На № 9493

1. Изопу условия переданы 19 июля.

...

№ 272. ИКАР».

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 14 сентября 1941 года
Радио-телеграф.

Прежняя жена Жигало* и ее сын имеют возможность выехать в Австралию к сестре.

Фриц** предполагает, что в отношении использования квартиры, он сумеет справиться и без нее. Она просит на поездку 500 ам. долларов, но мы не имеем резервного фонда.

Прошу Вашего согласия на выдачу денег через Вашего человека здесь. В результате обеспечения этого мероприятия, мы в дальнейшем будем иметь экономию 400 иен ежемесячно.

№ 93- ИНСОН

Расш. Сигалов. 12.30 15.09.41
Перевёл: А. Рогов
Адресату.
в реестр.
[РЕЗОЛЮЦИЯ И.О.НУ]: НО4
Почему мы должны
оплачивать поездки прежних жен??.
В чем дело? Доложите.

АП [ПАНФИЛОВ]

15/IX-41».

«ТОКИО — ИНСОНУ. 18.9.41.

Спасибо Вам за последнюю информацию. Наш человек передаст Вам 500 ам. долларов для бывшей жены Жигало на поездку в Австралию.

ДИРЕКТОР».

О встречах с «Фрицем» и «Рамзаем» майор Зайцев писал в своем «Докладе о работе «Имака»: «... Вторая встреча происходила с Фрицем в скиячной на Симбаси, последующие у него в офисе после работы...

Последние месяцев 5-6 у него на квартире. Квартира находилась во дворе Чилийского посольства и в районе, где проживали наши граждане, работающие в сов. учреждениях в Токио, а рядом с его домом жил сотрудник аппарата Военно-морского атташе тов. Носов. По своей служебной линии я часто

---

* Жигало, новая кличка Инд, является хозяином к/к.

** Фриц, новая кличка Изоп, является радистом р-ры.

бывал на квартирах наших граждан, проживающих в городе, и мое хождение к Фрицу раз в месяц не могло натолкнуть японцев на мысль, что я хожу к Фрицу, а не к Носову. Проведение встреч у него на квартире считаю наиболее подходящим местом. О месте явок, дне и часе всегда сообщалось в Центр. С самим Рамзаем я встречался только один раз, это было тогда, когда он получил телеграмму за подписью организатора и стал спрашивать меня, что это за новая личность организатор и нужно ли выполнять его директивы, я ответил, что нужно и беспрекословно, ибо организатор является непосредственным нашим руководителем. Разговаривать мне с ним много не пришлось, так как он торопился по каким-то делам к послу Отт. Больше я с Рамзаем не встречался, но видел его еще раз на токийском вокзале при встрече посла Отт, прибывшего из командировки из Германии».

Утверждение Зайцева, что его «хождение» на квартиру «к Фрицу раз в месяц не могло натолкнуть японцев на мысль, что я хожу к Фрицу, а не к Носову» свидетельствует о поразительной беспечности и непрофессионализме «Имака» и его руководителя «Икара». Как следует из уже цитируемой справки «История провала резидентуры Инсона» от 23.05.44 г., «ИМАК в город выходил очень редко и, как правило, только на явки. ... На явки он выходил, почти не имея резервного времени и иногда, чтобы не сорвать встречу, выезжал на машине, оставляя ее недалеко от района встречи. Были случаи использования для этой цели машины ВАТ».

До принятия политического решения об аресте «Рамзая» — «Инсона» — Рихарда Зорге оставался месяц.

«Мои официальные обязанности, — вспоминал М.И. Иванов, — определялись положением секретаря консульского отдела посольства. Я отвечал, в частности, за паспортные и визовые дела, учет и переписку с советскими гражданами в Японии, Шанхае и Гонконге, поддержание контактов с муниципалитетом Токио по вопросам снабжения, проживания и регистрации наших людей»[314]. Официальное прикрытие Иванова давало ему возможность легального и естественного общения с иностранцами, и он мог, не вызывая подозрений, появляться там, где "дворнику не доступно, а послу- неудобно"»[315].

«После моего первого "визуального знакомства" с Рихардом Зорге на аэродроме Ханеда я не один раз видел его при случайных обстоятельствах. Попрежнему я знал о нем многое, а он обо мне ничего. Это были встречи в общественных местах, на дипломатических приемах, в местах отдыха за пределами Токио. Как выяснилось после ареста Зорге, в лицо его знали и другие члены советской колонии, не подозревая о тайной миссии респектабельного "германского журналиста".

В мае 1941 года на одном из этажей "Нью Гранд-отеля" в честь прибывшего из Москвы известного японского дипломата — первого секретаря МИДа Такеучи был устроен коктейль для иностранных дипломатов и журналистов. В группе собравшихся представителей западной прессы я заметил Зорге. Он находился в обществе веселого балагура-француза из агентства "Гавас" и его подруги. Было заметно, что Рихард на подобных встречах был душой компании, и он весьма непринужденно исполнял эту роль. Раут шел как по маслу: пережевывались новости, слышались веселые реплики и ответные взрывы смеха. Я держался в стороне, чтобы случайно не нарваться на опасное для дела знакомство с человеком, которого я отлично знал, тем более, что это мне было категорически запрещено.

При любых встречах с Зорге я всегда помнил строгое предписание: никоим образом не проявлять какого-либо любопытства к этому человеку»[316].

И Иванову, и Зайцеву следовало категорически запретить посещать места, где существовала вероятность встречи с Зорге, так как своим поведением они могли выдать факт своего знакомства (даже заочного) с последним, что могло привести к нежелательным умозаключениям японской контрразведки.

Из воспоминаний М.И. Иванова: «В августе 1941 года МИД Японии устроил для дипкорпуса просмотр национальной оперы «Но-о»[317]. По политическим соображениям, советский посол на просмотр не пошел, и билеты были предложены 1-му секретарю и мне. Наши семьи в связи с войной были эвакуированы в СССР. Мероприятие происходило в старинном особняке; прибывавших гостей направляли во внутренний сад, где угощали японскими яствами и легкими напитками. Там я вновь встретил Рихарда. Он был в легком тропическом костюме. Как всегда, оставаясь внешне веселым, но внутренне сдержанным, Рихард переходил от одной группы дипломатов и журналистов к другой.

По окончании коктейля вместе со всеми мы прошли в зал и заняли места в заднем ряду. Впереди и чуть в стороне от нас сидел Зорге. Вскоре начался спектакль, и он весь был поглощен сюжетом представления. В самых патетических местах он то одобрительно, то с возмущением вскрикивал, вызывая расположение японцев, любящих свою старинную оперу. Он был, пожалуй, одним из немногих иностранцев на том приеме, кто с пониманием и неподдельным интересом оценивал музыку и игру актеров»[318].

Эпилог

СЕКИГУН! КОКУСАЙ КЁСАНТО! СОБИЕТО КЁСАНТО! (КРАСНАЯ АРМИЯ! КОМИНТЕРН! СОВЕТСКАЯ КОМПАРТИЯ)!

(Последние слова Рихарда Зорге перед казнью 7 ноября 1944 года)

1. «Он указал на фотографию СЕРГЕЯ [Зайцева] и спросил: «Кто этот человек?» ...»

(Из показаний Клаузена, 1946 год)

Что явилось причиной провала резидентуры? В монографии «Опыт организации и деятельности резидентуры "Рамзая"» М.И. Сироткин пишет:

«Организационные погрешности, промахи, нарушение конспирации "Рамзаем" или кем-либо из его сотрудников или агентов? Может быть, предательство кого-либо из агентов?

Японская и американская контрразведки дружным дуэтом преподносят одну и ту же версии:

Организация Зорге была вскрыта случайно — в результате "предательства" видного японского коммуниста Ито Рицу, который, будучи арестован 27 июня 1940 г., "раскаялся" в своей коммунистической деятельности и показал на допросе, что Китабаяси Томо (агент-источник из группы "Джо") является шпионкой. Арестованная на основе этих показаний Китабаяси призналась в своей шпионской деятельности и связи с Мияги, от которого получала указания и задания по добыванию разведывательных сведений.

Так, якобы, было положено начало раскрытию организации "Рамзая".

На первый взгляд, как будто, трудно подвергнуть сомнению эту версию, так как примерно так же она изложена даже в официальном секретном документе японской тайной полиции: в одном из наградных листов на полицейских, участвовавших в расследовании и ликвидации организации Зорге, — указывается:

"Расследование дела Зорге фактически началось с показания Ито Рицу, который заявил, что прибывшая из США женщина — Китабаяси Томо — член компартии Америки и является шпионкой иностранного государства. (Донесение начальника особого отдела тайной полиции генерал-инспектору полиции № 127 — о представлении к наградам полицейских. Перевод с японского).

Однако выражение "фактически началось" (особенно, учитывая перевод с японского) можно понимать более пространно, как "получило реальную основу", тем более что в другом месте этого же документа говорится несколько иначе, а именно, что "показания Ито Рицу следует считать началом арестов по данному делу".

Что касается самих показаний Ито Рицу, то это является самой слабой частью всей этой версии, плохо продуманной деталью, вскрывающей нехитрую уловку японской контрразведки.

Ито Рицу не имел никакого отношения к агентурной сети "Рамзая". Что могло дать ему повод считать 57-летнюю портниху Китабаяси "шпионской иностранного государства"?

Было бы непростительной наивностью принимать на веру эту японо-американскую версию без учета цели, которая преследовалась ее авторами, без анализа обстоятельств и причин, которые действительно могли создать реальную почву для провала. Необходимо иметь в виду:

во-первых: что ни одна контрразведка не склонна раскрывать до конца свои подлинные методы и пути борьбы с агентурой противника, а наоборот, предпочитает создавать ложную картину, скрывающую истинные приемы и методы деятельности;

во-вторых: что японская полиция является квалифицированным мастером провокации, особенно искусной в борьбе против коммунистического движения,

в-третьих: что дело Зорге явилось для полиции чрезвычайно благодатным материалом, который мог послужить основой для развертывания широкой антикоминтерновской компании и компрометации японской компартии. Эта задача была особо актуальна для японских правящих кругов в последние годы 2-й мировой войны, когда, в результате затянувшейся войны и военных неудач японо-германского блока, внутриполитическая обстановка в Японии с каждым днем становилась все более напряженной и грозила революционным выступлением народных масс против правящей милитаристской верхушки.

Замысел японской полиции в последующие годы был охотно подхвачен американской контрразведкой, широко реализовавшей те задачи, которые имелись в виду авторами версии о "предательстве" Ито Рицу.

Штаб Мак-Артура в лице его начальника разведки — Уиллоуби — приложил максимум усилий к тому, чтобы заслужить право соавторства с японской контрразведкой»[1].

Китабаяси Томо относилась к числу тех агентов-информаторов группы Мияги, о существовании которых не только Центр, но и сам Зорге не подозревали вплоть до провала.

Впервые материалы токко — специальной (особой) высшей полиции — о раскрытии резидентуры Зорге были опубликованы в 1949 г. в докладе американского генерала Уиллоуби о международном коммунистическом шпионаже на Дальнем Востоке. В докладе содержался документ из служебного полицейского вестника «Токко гэппо» от 28 августа 1942 г. под названием «Расследование дела о сборе информации относительно Японии группой Коминтерна». В нем сообщалось: арестованный в июне 1940 г. коммунист Ито Рицу показал, что «в Японию вернулась некая женщина (Томо Китабаяси, 56 лет), член японской секции американской компартии, в отношении которой имеются опасения, что она занимается шпионской деятельностью». Далее отмечалось, что, когда Китабаяси арестовали, она назвала имя своего знакомого еще по США, члена американской компартии, выходца с Окинавы Мияги Ётоку, который также вернулся в Японию[2]. Так токко, «сама того не подозревая», вышла на одного из агентов резидентуры Зорге.

Власти впервые обратили внимание на Ито Рицу в декабре 1932 г., когда в девятнадцатилетнем возрасте он был исключен из Первой высшей школы в Токио за членство в Японской лиге коммунистической молодежи. За это Ито был приговорен к тюремному заключению, но через два года освобожден под обещание порвать с прошлым. В августе 1939 г., когда создавался исследовательский филиал ЮМЖД в Токио, Ито был принят на работу в качест-

ве специалиста по сельскохозяйственным проблемам. В ноябре того же года токко в ходе предпринимаемых ею периодических действий с целью воспрепятствовать восстановлению подпольной коммунистической партии снова арестовала Ито Рицу как одного из членов недавно созданного подготовительного комитета. Во время повторного ареста на него завели «Дело о притворном раскаянии».

Ито, болевший туберкулезом, боялся получить длительный тюремный срок: «суровое, но внимательное отношение полиции привело его к отречению от коммунизма и признанию своей вины». Выдача Китабаяси могла показаться простой неосторожностью с его стороны. Данные, что именно он выдал эту информацию, небесспорны, хотя инспектор полиции, допрашивавший его в 1939 г., однозначно подтвердил это после войны. Ито был знаком с Китабаяси еще в Лос-Анджелесе и случайно встретил в Японии. Говорили, что он пытался завербовать ее для партийной работы, но она отказалась[3].

«В августе 1940 г. Ито был освобожден под честное слово и вернулся на свою прежнюю работу в исследовательской отдел ЮМЖД. Кажется невероятным, что он сумел вновь устроиться в организацию, имевшую дело с важной военной и политической информацией, без активного одобрения полиции, которая по-прежнему продолжала наблюдать за ним с помощью людей в штатском. Существует, таким образом, сильное подозрение, что отныне Ито выступал в качестве информатора полиции и проходил своего рода стажировку.

С августа 1939 г. Одзаки был неофициальным советником в токийском офисе того же исследовательского филиала ЮМЖД и редактором ежемесячного отчета, а потому хорошо знал Ито. Оба были родом из префектуры Гифу и учились в одной и той же высшей школе в Токио, а теперь часто встречались как сотрудники ЮМЖД. Одзаки особенно интересовали экономические отношения Японии с тропическими регионами Юго-Восточной Азии, и он просил Ито снабжать его материалом на эти и другие близкие темы для ежемесячного отчета, который он готовил для токийского офиса.

Ито также был главным источником информации по сельскому хозяйству Японии. Он посещал заседания исследовательского персонала, из протоколов которых Одзаки мог извлечь нужную ему информацию по любым специфические вопросам. В сентябре 1941 г., например, началось изучение нефтяных запасов японской армии со времен начала китайского инцидента и в том же месяце, на конференции, проходившей в головном офисе железной дороги в Дайрене, Ито собрал ценные сведения о стальной индустрии, которые также передал Одзаки.

В середине сентября 1941 г. Каваи встретил Ито в доме Одзаки. Оба были явно в близких дружеских отношениях. Одзаки представил Ито как свою „правую руку", а также "левого, освобожденного под честное слово"»[4].

Объяснение тому, что Ито вернулся на прежнюю работу после своего освобождения в августе 1940 г., возможно лишь одно: он осуществлял слежку за деятельностью Одзаки. Ито Рицу вновь был арестован сразу после ареста Одзаки (или накануне ареста), что тоже весьма показательно.

После войны Ито Рицу стал одним из руководителей Коммунистической партии Японии. В июне 1950 г. американские оккупационные власти запретили политическую деятельность всему составу ЦК КПЯ, многие тысячи коммунистов были уволены с работы, партия была поставлена в полулегальное по-

ложение (до 1955), а ее основное руководство перебралось в Пекин. В 1951 г. была создана комиссия КПЯ, разбиравшая выдвинутые против Ито обвинения в провокаторстве до и во время войны на Тихом океане. По результатам работы комиссии в сентябре 1953 г. Ито Рицу был исключен из партии, а в декабре передан в руки китайской полиции и оказался в тюрьме.

14 сентября 1955 г. член руководства КПЯ Сида Сигэо на пресс-конференции в Токио объяснил причины исключения Ито из партии, поставив ему в вину также и то, что последний якобы способствовал разоблачению полицией «группы» Рихарда Зорге. Ито был освобожден из китайской тюрьмы только в 1975 г., тяжело больным человеком он вернулся в Японию в 1980 г. и до самой смерти в 1989 г. пытался снять с себя обвинения в «предательстве»[5].

В 1993 г. в «Аэре» — еженедельнике газеты «Асахи» было опубликовано «Завещание» Ито Рицу, в котором он дал свою версию появления имени Китабаяси Томо в его показаниях в полиции. Ито писал: «Миясита из бывшей "Токко" утверждает, что именно от меня услышал имя Томо Китабаяси. На самом же деле в конце июня 1940 г. в помещении полицейского участка Мэгуро я сказал полицейскому из "Токко" Такэторо Ито: "Кикуё Аоянаги [племянница Китабаяси Томо] познакомила меня со своей теткой из Америки по ее просьбе, я встречался с ней дважды". Припоминаю, что позже Такэтора Ито предположил, что это могла быть некто Китадзима, поэтому в первоначальном рукописном тексте допроса было проставлено имя Китадзима. Через некоторое время сам Миясита сказал мне: "Эту женщину зовут Китабаяси, и она действительно вернулась из Америки". Я не мог понять, почему полицейский заявил, что услышал фамилию Китабаяси от меня»[6].

Ответ на недоуменный вопрос Ито Рицу дал в своих воспоминаниях в 1957 г. сам инспектор Миясита Хироси. Он утверждал, что у него в 1940 г. под руками был полицейский список японцев — членов КП США, и в нем значилось имя Китабаяси Томо. Ито писал: «Полиция обнаружила фамилию Китабаяси в этом списке, но ей было не с руки признавать наличие такого списка. Им было нужно скрыть этот список, заявив, что кто-то назвал фамилию Китабаяси. На эту роль выбрали меня»[7].

Японо-американская версия подталкивает к выводу о наличии элемента случайности в раскрытии резидентуры Зорге, якобы провал был обусловлен привлечением к агентурному сотрудничеству японцев, причастных к леворадикальному движению и состоявших под постоянным надзором полиции.

Казалось, подтверждением этой версии явились и обнаруженные в российском архиве переводы на русский язык 10-ти наградных листов на отличившихся сотрудников особой полиции (японских оригиналов в архиве не оказалось). Однако японский исследователь Ватабэ Томия выявил искажения в переводах, главным образом японских имен[8], причем весьма существенные. Многочисленные искажения содержались и в указании года, когда проявились «выдающиеся заслуги», и это наводит на мысль, что отдельные моменты следствия были фальсифицированы. Однако сами наградные листы показательны в части свидетельств существования заранее разработанной схемы ликвидации резидентуры Зорге, а также в части «выбивания» из арестованных нужных показаний.

В преамбуле к наградным листам указана дата 27 июня 1940 г. как время начала расследования специальной (особой) высшей полицией деятельности резидентуры Зорге: «Заслуги этих работников выражаются в том, что вместе

с лицами, о награждении которых особыми наградами и медалями за заслуги возбуждено ходатайство, они проявили несгибаемый дух полицейского и успешно осуществили небывалый розыск важных преступников в связи с делом об антияпонской шпионской организации международной коммунистической партии, раскрытие которой было начато 27 июня 1940 года, а аресты были произведены в период с 27 сентября 1941 года по 8 июня 1942 года»[9].

Из наградного листа на сотрудника 1-го отделения политической полиции помощник пристава ТОМОФУДЗИ ТАКЕТОРА:

«1. 27 июня 1941 [1940] года, благодаря честному отношению к делу, неустанным усилиям и превосходной технике следствия, он понудил признаться ТОМОФУДЗИ КЕН по затянувшемуся следствием делу о нарушении закона о поддержании общественного спокойствия и заставил раскрыть неизвестное доселе важное преступление (подготовительный комитет по восстановлению японской компартии). Кроме того, он добился важного признания, положившего начало этому делу: **"Возвратившаяся из Америки член американской компартии женщина КИТАБАЯСИ является иностранной шпионкой"** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Таким образом, благодаря стараниям этого помощника пристава, нам удалось раскрыть крупную шпионскую организацию.

Следствие по данному делу **фактически получило развитие** на базе этого признания, и если бы не было заслуг помощника пристава ТОМОФУДЗИ, то нельзя было бы и думать об арестах по данному делу. Заслуга пом. пристава исключительно велика»[10].

Как выяснилось, в русском переводе фамилия и имя Ито Рицу были ошибочно переведены как Кэн Томофудзи. Произошла ошибка и в переводе фамилии и имени следователя (и не только его одного), который проводил допрос. По другой версии, имена были заменены умышленно. Однако если эту замену можно объяснить тем, что полицейские надеялись вновь обратиться к услугам Ито Рицу и в наградных документах не стали упоминать его подлинное имя, то зачем «закрывать» фамилию и имя следователя, причем не единственного?

Нельзя не согласиться с М.И. Сироткиным, который пишет: «С точки зрения истории резидентуры для нас не представляет интереса, каковы были отношения у арестованного Ито Рицу с японской полицией, действительно ли он "раскаялся" и старался "искупить свою вину" или же все это только полицейские измышления, преследующие определенную цель.

Важно одно: Ито Рицу не имел никакого отношения к резидентуре и не мог ничего знать о деятельности Китабаяси под руководством Мияги (подчеркнуто М.И. Сироткиным. — *М.А.*).

Возможно, что полиция, применив соответствующие "физические" методы допроса, заставила его дать показания о том, что Китабаяси — "шпионка иностранного государства", хотя он и не имел об этом ни малейшего представления».

Такое показание, нужное полиции, было целенаправленно выбито из Ито Рицу (а не случайно «обронено» им) в соответствии с намеченным планом ликвидации резидентуры «Рамзая». Оно позволяло разом убить двух зайцев: скомпрометировать как «предателя» видного коммуниста и получить формальные материалы для подкрепления допроса Китабаяси Томо — немолодой женщины, намеченной в качестве наиболее слабого и доступного чле-

на организации, арест и дополнительные показания которой позволили бы осторожно и скрытно приступить к ликвидации всей резидентуры.

Из наградного листа на начальника сектора охранного отделения Такаги Нобору (имеются варианты перевода фамилии полицейского: Такаки Нобору, Танака Нобору):

«1. 28 июня 1941 [1940] года на основании данных, добытых помощником пристава ТОМОФУДЗИ, ему была поручена разработка подозревавшегося в шпионской деятельности работника японского отдела американской компартии КИТАБАЯСИ ТОМО…

В контакте с иностранным сектором и полицейским отделом префектуры Вакаяма он установил слежку за супругами КИТАБАЯСИ, и, **хотя потребовалось больше года**, он все же, соблюдая строгую секретность, выяснил деятельность и добыл достаточно веские материалы для ее ареста.

2. 26 сентября 1942 [1941] года он получил распоряжение арестовать чету КИТАБАЯСИ. Вместе с полицейским ВАТАНАБЕ он выехал в префектуру Вакаяма и, договорившись с сектором политической полиции при префектурном полицейском отделе, на следующий день, 27 числа, рано утром арестовал супругов КИТАБАЯСИ, обыскал их дом и 28 числа обоих доставил в Токио. КИТАБАЯСИ КАМИРО сдал в полицейское отделение на Мита, а КИТАБАЯСИ ТОМО — полицейскому отделению на РОППОНГИ.

3. Затем ему было поручено следствие по делу этих супругов. Хотя дело дошло до того, что всякие подозрения против мужа отпали, но, судя по его высказываниям, он быстро пришел к выводу, что в действиях его жены ТОМО имеется достаточно признаков преступности, поэтому он специально взялся за допрос ТОМО, но, поскольку он не выяснил никаких конкретных подтверждений, **потребовалось приложить огромные усилия.**

А именно, пристав ТАКАКИ не только старался, чтобы ТОМО не стали известны причины ее ареста, но он старался создать у нее впечатление, что коммунистические преступники уже арестованы и что имеется очень много доказательств. Тогда она стала постепенно признаваться в том, что "сама была членом американской компартии", "вместе с ней в Японию вернулся член американской компартии МИЯГИ". Затем, утром 9 октября, она показала, что "деньги, которые она привезла из США и передала МИЯГИ, не были предназначены на расходы, связанные с деятельностью". Поэтому, учитывая, что ее показания могут привести к обнаружению важных преступников, он продолжал допрос, ловко используя ее душевное состояние. Наконец он добился ее важного признания: "Я не являюсь шпионом, МИЯГИ является шпионом".

На основании этого пристав ТАКАКИ стал допытываться основания заявления о том, что "МИЯГИ является шпионом".

Затем, **несмотря на отрицание подозреваемого, он пришел к правильному определению о том, что "и КИТАБАЯСИ ТОМО является шпионом, а МИЯГИ является ее руководящей инстанцией" и немедленно доложил об этом своему начальству**»[11].

Такаги Нобору, даже «несмотря на отрицание подозреваемого», уловил следующее признание: «и КИТАБАЯСИ ТОМО является шпионом, а МИЯГИ является ее руководящей инстанцией». Вся эта картина «умелого» допроса свидетельствует о том, что полиция добивалась показаний против Мияги, ранее выявленного как руководителя группы агентов.

Упорство Китабаяси едва не сорвало планы полиции: только спустя 11 дней после начала допросов — 9 октября — Китабаяси призналась следователю, который, «ловко используя ее душевное состояние», вырвал признание.

Показания Мияги, знавшего всех сотрудников резидентуры и всю агентуру, должны были сыграть решающую роль в последующих арестах и ликвидации резидентуры. По совместному сценарию кэмпэйтай и токко, последовательность показаний задержанных и, соответственно, арестов должна была быть следующей: Ито Рицу — Китабаяси Томо — Мияги Ётоку — Одзаки Ходзуми — Рихард Зорге, Макс Клаузен, Бранко Вукелич. Звено Китабаяси можно было исключить и по показаниям Ито сразу перейти к аресту Одзаки, ведь Ито хорошо знал последнего. Однако этот вариант, который, безусловно, рассматривался, был отметен. Причина: сомнительность личности Ито Рицу, который уже задерживался полицией. По этой же причине отпал и Каваи. Для ареста Одзаки требовалось введение «прокладки» из такого значительного в глазах следствия персонажа, как Мияги (каким он и являлся на самом деле).

Ито Рицу был допрошен как свидетель на судебном процессе по делу международной шпионской организации под руководством Рихарда Зорге 17 ноября 1942 г. Допрашивали его в связи с тем, что он был хорошо знаком с Одзаки, в том числе и по совместной работе в токийском филиале ЮМЖД («Мантэцу»). Ито работал там (с перерывом на время ареста) с августа 1939 г. по октябрь (сентябрь) 1941 г., когда был снова арестован. «Ито подтвердил, что, действительно, был знаком с Одзаки еще со времени совместной учебы в токийской школе «Дайити», а в исследовательском отделе филиала "Мантэцу" иногда выполнял заказы Одзаки по подбору статистических материалов, главным образом по сельскому хозяйству, но в рамках служебных взаимоотношений внутри исследовательского отдела.

На прямые вопросы судьи: "Знал ли свидетель о работе Ходзуми Одзаки на Коминтерн?" и "Знал ли свидетель о том, что Одзаки собирал политическую, экономическую и военную информацию с целью передачи ее за рубеж?" Рицу Ито ответил категорически отрицательно.

Кроме того, на суде выяснилось, что Одзаки передал Р. Зорге реферат о сельском хозяйстве Японии в годы войны, составленный Р. Ито. Р. Зорге не отрицал, что получил такой реферат, но заявил, что был знаком с ним только по оглавлению, переведенному Мияги, и не знал, кто был составителем реферата.

[Одзаки] Хоцуки считал, Р.Ито следил за его сводным братом (Одзаки Ходзуми. — *М.А.*) по приказу полиции и "сдал" его полиции, хотя документально он не мог подтвердить эту свою версию»[12].

Младший сводный брат Одзаки Ходзуми публицист и исследователь Одзаки Хоцуки был наиболее последовательным приверженцем версии о том, что резидентура Зорге была выдана показаниями Р. Ито.

Сводный брат Одзаки был недалек от истины. Отрицательные ответы Ито на суде в части его осведомленности о противозаконной деятельности связаны с тем, что таков был сценарий следствия — первичная информация о деятельности международной шпионской организации поступила от Китабаяси, а не от Ито Рицу. В противном случае — признании последнего о выполнении задания токко по организации слежки за Одзаки в «Мантэцу» — следствию пришлось бы объясняться в суде о сокрытии улик, затягивании арестов подозреваемых, а значит, в соучастии сотрудников токко в преступлении.

В «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР», написанном в 1946 г., Макс Клаузен счел нужным отметить: «В январе 1944 г. в больницу был помещен японский коммунист ИТО РИЦУ. Его камера была напротив моей. Мы часто говорили с ним. Он сказал мне, что он был другом ДЖО и ОТТО. Он был арестован в сентябре 1941 г., за месяц до нашего ареста. Первое время я не верил ему, так как прокурор всегда пытался выяснить, о чем я думаю, и я предполагал, что ИТО подослали ко мне. **Я и сейчас думаю, что ИТО мог быть причиной нашего ареста** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*) по следующей причине: ИТО был арестован в сентябре 1941 г. и знал очень хорошо ОТТО. Когда он разговаривал со мной, он очень нервничал и часто просил меня не говорить другим, что мы с ним разговариваем. Он всегда хотел узнать причину нашего ареста. Я никогда не говорил с ним о деле, но не мог установить, шпионит он за мной или нет. Суд над ним был окончен, его присудили к 4 годам тюрьмы. Когда я его встретил, он уже ходил в красном кимоно. Он был страшно голоден, так как не мог покупать себе пищу. Я делился с ним своим питанием. Спустя неделю я уже не думал, что он шпион прокурора, я стал ему доверять. **Но что он мог быть причиной нашего ареста, об этом я думаю и сейчас**. Может быть, он и хороший человек, но метод, которым допрашивает прокурор, такой хитроумный, что избежать ответов очень трудно».

В этом же отчете, вновь возвращаясь к теме знакомства с Ито Рицу, Клаузен задается вопросом: «Разве не может быть, что полиция получила сведения о нашей деятельности от ИТО?».

Скорее всего, Ито Рицу использовали как «подсадную утку».

О том, каким образом получали нужные «признания» и создавали соответствующее «душевное состояние», свидетельствуют выдержки из наградных листов полицейских, допрашивавших Мияги и Одзаки.

Из наградного листа на сотрудника 1-го отделения политической полиции пристава Такахаси Косуке: «11 октября он приступил к допросу МИЯГИ и **произвел настойчивый и тщательный допрос подозреваемого, который всячески пытался скрыть организацию. Вынужденный дать показания, преступник пытался покончить жизнь самоубийством, однако потерпел неудачу**. Не теряя времени, ТАКАХАСИ проявил свойственный полицейским чиновникам нашей страны дух самопожертвования, чем расположил к себе МИЯГИ. Это ускорило процесс признания. Из показаний он узнал, что МИЯГИ еще давно казалось, что за ним ведется наружное наблюдение. Использовав этот момент, ТАКАХАСИ убедил его в бесполезности скрывать и добился его полного признания. **Он подтвердил дьявольские преступления ОДЗАКИ и ЗОРГЕ и в течение короткого срока раскрыл всю картину этого дела**. Этим он оказал величайшую услугу в деле проведения дальнейших поисков и арестов…»[13].

Под пытками Мияги «**подтвердил** дьявольские преступления ОДЗАКИ и ЗОРГЕ и в течение короткого срока раскрыл всю картину этого дела». «Подтвердил» — ключевое слово: Мияги лишь подтвердил то, что было уже известно.

14 апреля [октября] 1942 [1941] г. по распоряжению начальника 1-го отделения политической полиции НАКАМУРА вместе с подчиненными ему сотрудниками ТАКАХАСИ арестовал ОДЗАКИ в районе Мегуро, Камимегуро № 5/2435 и изъял много вещественных доказательств. Ввиду того что ОДЗАКИ являлся известным человеком с весьма широким кругом общения, было

опасение, что весть о его аресте может внезапно распространиться и дойдет до ЗОРГЕ. **Но так как в результате допроса ОДЗАКИ не удалось подтвердить признания МИЯГИ, стало невозможным арестовать иностранцев, находившихся в подчинении ЗОРГЕ, поэтому было необходимо заставить ОДЗАКИ признаться в самых центральных фактах.** Поэтому пристав ТАКАХАСИ вместе с начальником сектора МИЯСИТА **подверг ОДЗАКИ тщательному допросу. Поскольку преследование проводилось слишком быстро, преступник близок был к обмороку, однако его привели в нормальное состояние и продолжали допрос без применения наказаний.** Они заставили его полностью признаться в том, что ему было предъявлено в день ареста, а также в главных фактах относительно шпионской организации, и тем самым сделали возможным решительный успех в проведении данных арестов…

Было установлено, что ОДЗАКИ в течение 10 лет завел сотни знакомых и друзей, начиная с министров и кончая женщинами, всякими нечестными путями узнавал у них ценные государственные и военные секреты и передавал их ЗОРГЕ. **Далее он подробно признался во всей шпионской деятельности, которой он занимался в течение 10 лет с 1932 года, считая, что он является членом шпионской организации Коминтерна.**

Затем ОДЗАКИ признался в том, что МИДЗУНО и КАВАИ лично использовались им в качестве членов шпионской организации, а также дал материал для ареста преступников САЙОНДЗИ, ИНУКАИ, ТАНАКУ, УМИЭДУ, МИЯНИСИ, ГОТО и СИНОДЗУКУ, которые в течение длительного времени и в широких масштабах допускали серьезные нарушения законов об обороне государства, сохранении военных тайн, охране секретов о военно-стратегических материалах и поддержании общественного спокойствия.

Дело о преступлениях, указанных САЙОНДЗИ, ИНУКАИ, ТАНАКОЙ и другими, связано с военными политическими, дипломатическими и военными проблемами, имеющими отношение к высшей государственной политике нашей империи, а также сложное, запутанное и с исключительно широкими разветвлениями. Для того чтобы убедиться в правильности заявления ОДЗАКИ, пристав ТАКАХАСИ приложил очень много стараний, в результате чего он обобщил доложенные начальству факты преступлений с результатами допроса САЙОНДЗИ после ареста.

Успех этого правильного и безошибочного следствия, вызвавший исключительную похвалу со стороны начальства и прокуратуры, вместе с **падением** ОДЗАКИ в течение очень короткого срока после ареста, объясняется исключительными заслугами пристава ТАКАХАСИ»[14].

В контексте изложенного «падение» должно означать «признание».

К разряду «умелого следствия» относилось применение мер физического воздействия. Как выбивались признания из Тагути Угэнды свидетельствует представление к награде пристава Кавасаки: «Благодаря умелому следствию пристава КАВАСАКИ он [Тагути] был уличен в преступлении, однако на следующий день [после ареста], 30 числа [30 октября 1941 г.], **во время допроса он откусил себе язык и пытался покончить жизнь самоубийством**, но благодаря быстро принятым мерам это было предотвращено. Хотя во время допросов он переносил обычные трудности и лишения, но на это не жаловался»[15].

«Преследование», если допустить, что перевод с японского языка сделан корректно, означало применение физических мер к задержанным. Из представления к награде помощника пристава Комата Такэ: «…Затем, будучи на-

чальником следствия по делу этого человека [Каваи Тэйкити], Комата допрашивал его и, благодаря умело проведенному допросу, добился признания этого человека, который во время ареста японской консульской полицией в Китае не признавался [в Шанхае в 1932 г.]. … Пом. пристава Комата, не будучи удовлетворенным приведенными показаниями, **продолжал преследование** Каваи…»»[16].

Второй раз Каваи пыток не выдержал и дал показания обо всех своих связях в Китае, как во время пребывания там Зорге, так и после его отъезда: «В результате тщательного допроса Комата установил, что Одзака, [Одзаки] возвратившийся в Японию в период деятельности Зорге в Шанхае, взамен себя рекомендовал Зорге заведующего шанхайского филиала телеграфного агентства Ренго Цусин (в настоящее время Домей Цусин) Ямамами Масаиоси [Ямаками Масаёси], который действовал по указаниям Зорге. Далее он выяснил, что бывший тогда сотрудником шанхайского филиала телеграфного агентства Ренго Цусин Фунакоси (впоследствии был заведующим филиала агентства Домей Цусин в Ханькоу, а затем был заведующим бейпинского филиала газеты "Иомиури симбун") действовал по указаниям Зорге. Затем он установил, что когда в Шанхае для Кавааи стало опасно, то в конце 1932 года он скрылся в Бейпин, а затем продолжал свою деятельность в Бейпине, Шанхае, Японии и Маньчжурии и что в январе 1934 года, когда он встречался со Смедли и с некоторыми китайскими коммунистами и совещался с ними о создании шпионской сети в Бейпине, в Шанхае скрывался завербованный Кавааи и представленный Паулю и писательнице Смедли Кавамура Исио [Кавамура Ёсио] (окончил институт литературы стран Востока, в момент ареста являлся заведующим шанхайского филиала газеты "Мансю ници-ници"). Наконец он детально выяснил все сведения о важных шпионских организациях Коминтерна и китайской компартии в Центральном и Северном Китае. В результате этого Фунакаси был арестован в Бейпине, а Кавамура в Шанхае. На основании приказа пом. пристава Комата вместе с пом. пристава Кавано под строгим секретом выехал в Бейпин и, соблюдая величайшую осторожность и бдительность, выполнил важное задание по доставке Фунакоси в Токио.

Затем ему было поручено вести следствие по делу Фунакоси. В результате следствия было установлено, что Фунакоси после отъезда Одзаки из Шанхая в 1933 году вел шпионско-подрывную деятельность в центральном и северном Китае по указаниям руководителя **коминтерновской шпионской организации Зорге**, а затем Пауля (К.М. Римм, в ноябре 1932 — августе 1933 вместе с Г.Л. Стронским руководил шанхайской резидентурой после отъезда Зорге; 1933—1935 — резидент в Тяньцзине), который руководил этой организацией после отъезда Зорге в Японию. Не ослабляя преследование против Каваи, он выяснил, что некий доктор экономических наук, окончивший токийский императорский университет и преподававший в одном из шанхайских учебных заведений (фамилия этого человека держится в секрете, так как он сейчас разрабатывается) был связником с Паулем и писательницей Смедли»[17].

Из допроса «шпиона Акиямы»: «Преступник по-прежнему продолжал давать ложные показания и отрицал свою виновность. Получив необходимые сведения о нем от бывших его учеников и верующих церкви, которую посещал преступник, он [пристав КАВАНО ТЭЦУ] выяснил его высказывания и поведение в мирное время и **без применения мер преследования** добился его полного признания»[18].

Уиллоуби настаивал, что японцы не использовали пытки для получения признательных показаний при расследовании «дела Зорге». Весной 1949 г. американская военная разведка в Токио получила от судебных чиновников, имевших отношение к этому делу, сделанные под присягой письменные заявления (аффидевиты), в которых они утверждали, что Зорге, Клаузен, Одзаки и Вукелич не подвергались оскорблениям или принуждению за все время их заключения, в том числе в Токийским окружном уголовном суде. Среди сделавших такие заявления под присягой были прокуроры Тамазава и Ёсикава, судья предварительного суда, допрашивавший Зорге и Одзаки, а также двое еще живущих судей из трех, судивших Зорге в окружном суде. Аффидевит такого же типа был написан и адвокатом, представлявшим интересы Зорге, Клаузена и Вукелича. Письменные заявления, сделанные под присягой, были получены, чтобы опровергнуть утверждения Агнес Смедли и ее друзей, что показания о ней, сделанные Зорге, Одзаки и другими, не представляют никакой ценности, поскольку были сделаны в ходе японского следствия и потому были даны под давлением[19]. Возможно, не всех японских прокурорских и судейских чиновников можно упрекнуть в намеренном обмане, однако как можно «закрыть» глаза на действия сотрудников токко в первые часы после ареста по отношению к Одзаки (применение пыток к нему документально подтверждено), «преследование» которого «проводилось слишком быстро»? Неведением того, что творилось в начале следствия? Если это так, то какой смысл в заявлениях, сделанных под присягой? Очевидная фальсификация.

О жестоком обращении с арестованными свидетельствует их высокая смертность. Из 17 человек, обвиненных в принадлежности к организации Зорге, пятеро умерли в тюрьме: двое в процессе следствия (15 декабря 1942 г. Кавамура Ёсио, 2 августа 1943 г. Мияги Ётоку) и трое — после вынесения приговора (13 января 1945 г. Бранко Вукелич, 27 февраля 1945 г. Фунакоси Хисао и 22 марта 1945 г. Мидзуно Сигэру [Сигэо])[20]. Ко времени ареста все они, за исключением Мияги, были здоровы. Китабаяси Томо умерла через 2 дня после освобождения из тюрьмы 2 сентября 1945 г.

В представлениях к награде на сотрудников отдела общественной безопасности (политической полиции) начальник отдела отмечал: «Они проявили несгибаемый дух полицейского и успешно осуществили небывалый розыск важных преступников в связи с делом об антияпонской шпионской организации международной коммунистической партии». Однако, как следует из самих наградных листов, «небывалый розыск» был осуществлен по отношению далеко не ко всем членам резидентуры.

«Наблюдение и внутренняя разработка» не коснулась «ядра» резидентуры — иностранцев Зорге, Клаузена, Вукелича. Представляемые к наградам сотрудники отдела политической полиции из состава токко, участвовали только в обысках квартир (и то далеко не всех арестованных) и последующих допросах. Конечно, можно допустить, что существовали дополнительные «наградные листы», однако вероятнее всего, что основными «фигурантами» дела занималась не токко, а кэмпэйтай — военная жандармерия. Токко же были переданы наблюдение за японской агентурой резидентуры и проведение отдельных арестов, обысков и начатого следствия по «делу Зорге».

При вскрытии наиболее вероятных причин провала резидентуры «Рамзая» существует соблазн пойти по проторенной предыдущими исследовате-

лями дороге и признать, как это предлагал сделать М.И. Сироткин, что «поиски правильного ответа на вопрос об истинных причинах провала требуют выявления и суммирования всех тех условий, обстоятельств и причин, которые, давая в руки полиции отдельные наводящие штрихи, создали в итоге полную, если не картину, то схему деятельности и связей резидентуры, позволили контрразведке нащупать и изучить слабое звено организации, а затем — разорвав это звено, уверенно и быстро ликвидировать всю резидентуру, не ограничиваясь арестами отдельных агентов».

«Было бы неправильно, — считал М.И. Сироткин, — ставить вопрос о какой-то одной, "основной" причине провала, искать эту причину в чьем-то "предательстве", организационной ошибке или неосторожности кого-либо из сотрудников резидентуры.

Если даже, условно принять за истину примитивную японо-американскую версию об Ито Рицу, то в этом случае должны были быть еще какие- то дополнительные условия, позволившие контрразведке разом вскрыть всю организацию и ликвидировать целиком всю сеть.

Если бы, например, об аресте Китабаяси и Мияги стало немедленно известно "Рамзаю", то могли бы быть приняты срочные предупредительные меры. А если бы Мияги не знал никого, кроме "Рамзая", то, возможно, что и "Рамзаю" удалось бы отвергнуть все обвинения, и провал был бы локализован, ограничившись группой Мияги».

Все сказанное М.И. Сироткиным, безусловно, правильно, но с этим можно согласиться только в том случае, если принять на веру японо-американскую версию: провал произошел случайно от показаний второстепенного агента, который сам не представлял конечный адресат, той малозначительной информации, которую он передавал крайне редко. И подобного провала можно было бы избежать, если бы к разведывательной деятельности не привлекались бывшие члены коммунистической партии США или Японии и сочувствовавшие им, а также, если бы за деятельностью Мияги осуществлялся контроль.

Весьма своеобразны, спорны и ошибочны высказывания «Рамзая» об отношении резидента к «низовым» агентам-информаторам, точнее — об изучении им агентов, привлекаемых к работе и используемых агентами-групповодами. В своих «Тюремных записках» он писал: «Я не знаю полностью всех источников информации, которые могли использовать члены группы. Я знаю только те из них, которые были особенно важными, и те, которые пригодились в работе. Я знаю только общий характер источников и не располагаю данными о конкретных людях и их именах. То, что я недостаточно знал об информационных источниках своей группы, объясняется не отсутствием интереса к деятельности и усилиям своих сотрудников и не тем, что я ленился. Характер нашей работы был таков, что большая часть с трудом созданных источников информации быстро "пересыхала", и я не считал источник действительно ценным и пригодным, если он не был проверен в течение длительного времени. Поэтому, если канал информации моих сотрудников не проходил подобной проверки, я считал эти сведения не очень ценными. Моим принципом было не придавать важного значения именам людей, от которых исходила информация. Я делал это умышленно, для того чтобы на вопрос об этих людях я не мог бы ничего ответить и тем самым доставить им неприятности. Это одно из традиционных правил нелегальной деятельности»[21].

Можно было бы считать подобные показания «Рамзая» определенным тактическим приемом пред лицом следствия: попыткой, отговорившись незнанием, отделаться от требований следственных органов о выдаче всей «низовой» агентуры. Однако при ознакомлении с остальными показаниями Зорге такое предположение не оправдывается. Документы резидентуры (доклады самого «Рамзая», «Густава», «Алекса» и др.) убедительно свидетельствуют о том, что «Рамзай» действительно вплоть до конца своей деятельности не только не знал имен и достаточно полных характеристик агентов группы Мияги, но вообще не знал о существовании некоторых привлеченных групповодом Мияги к работе агентов, которые отнюдь не были случайными, «быстро исчезающими» лицами, а в течение длительного времени были связаны с Мияги, выполняли его разведывательные задания и систематически получали от него денежное вознаграждение. К числу таких агентов относились, в частности, Китабаяси Томо и Тагути Угэнда («2-й друг с Хоккайдо»).

Следует ли считать отрицание необходимости изучать «низовых» агентов, возводимое «Рамзаем» в «основной принцип нелегальной деятельности», серьезной ошибкой, характеризующей существенный недостаток его как резидента? Ответ неоднозначен. Руководствуясь этим «принципом», «Рамзай», по существу, предоставил полную свободу действий групповоду «Джо» (Мияги), не контролируя его вербовочную деятельность и не интересуясь с кем, какие связи Мияги поддерживает, чем руководствуется, привлекая к работе того или иного агента.

Исходя из оценки Мияги как самоотверженного и преданного коммуниста, «Рамзай» неограниченно доверял ему и как агенту-групповоду, а Мияги, подбирая и привлекая в свою группу новых агентов, также основывался лишь на их идейно-политической близости и преданности коммунистическому движению, совершенно не считаясь с тем, надежно ли они гарантированы от полицейского наблюдения или же состоят под надзором как неоднократно подвергавшиеся репрессиям.

Сохранившаяся со времен работы в Китае склонность Зорге бесконтрольно доверять своим групповодам в вопросах подбора агентуры (исходя лишь из их политической надежности), недооценка опасности повышенной «склонности к риску» группповода Мияги привели в итоге к насыщению группы «Джо» поднадзорными коммунистами-активистами.

Большинство из этих агентов-информаторов из числа местных жителей-японцев неоднократно подвергались арестам, заключению и бесспорно состояли под постоянным наблюдением полиции. По существу, вся агентурная группа Мияги состояла из таких лиц («Друг с Хоккайдо», «2-й друг с Хоккайдо», «Женщина», «Доктор», Китабаяси Томо, «Кйосю»). Каждый из них в прошлом хоть раз пережил арест и заключение, а следовательно, не мог не состоять на особом учете и под надзором полиции. В число агентов привлекались такие, как Китабаяси Томо, не представлявшая никакой ценности как источник информации и являвшаяся лишь ненужным и опасным балластом для резидентуры.

Надо думать, что и сам Мияги как коммунист, да еще вернувшийся из Америки, тоже не оставался вне полицейского наблюдения.

Такого же рода агенты были и в группе Одзаки: «Осака-бой», «Ронин». Однако исключительная осторожность «Отто», избегавшего открытого общения

с ними (нередко связь с ними он поручал Мияги), делала их менее опасными, чем агенты Мияги.

Можно считать вполне вероятным, что группа «Джо» со всеми ее внутренними связями была давно известна полиции, но, поскольку не было выявлено никаких признаков ее разведывательной деятельности, за ней велось наблюдение лишь как за группой коммунистов. Если иногда (например, в 1936—1937) отдельные члены этой группы и подвергались арестам, то лишь в связи с участием в революционной деятельности.

Руководство Центра, потребовав (в 1936—1937) от «Рамзая» прекращения связи с подобными агентами, не проявило необходимой настойчивости, а после 1937 года вообще не поднимало вопрос об этих связях, предоставив «Рамзаю» полную свободу действий.

Постоянная поднадзорность полиции делала группу «Джо» опасной, превращая ее в весьма слабое, уязвимое звено сети «Рамзая», таящее потенциальную угрозу провала.

Опора Зорге на коммунистов и сочувствовавших им в Китае, перенос этого опыта на организацию разведывательной деятельности в Японии, т.е. **использование идейного мотива привлечения к сотрудничеству с военной разведкой давало в Китае и дало свои положительные результаты в Японии.**

Систематическое наблюдение за «поднадзорной» группой Мияги, выявившее связь (через Мияги) между этой группой и германским журналистом — сотрудником германского посольства Зорге — давало полиции некоторый намек на наличие, возможно, не вполне дозволенной деятельности германского посольства, связанной со сбором какой-либо информации или выявлением настроений среди японского населения.

Однако само странное сочетание сторон: отъявленный германский фашист и японские коммунисты — в какой-то мере сбивало с толку японскую полицию. А поскольку дело касалось представителя посольства дружественной Германии, полиция не спешила с выводами, хотя и не ослабляла наблюдения.

Чтобы избежать провала, можно было бы решительно отсечь и полностью ликвидировать группу «Джо» со всеми ее поднадзорными агентами-коммунистами (а самого Мияги отправить в Америку), «сохранив при этом два основных и важнейших информационных канала резидентуры: германское посольство («Рамзай») и японские правительственные круги («Отто»)», предлагает в своем «Опыте организации и деятельности резидентуры "Рамзая"» М.И. Сироткин.

Но так ли незначителен был вклад агентурной группы Мияги? Групповоду «Джо» был поручен сбор военных сведений (организация, дислокация, переброска войск, проведение мобилизационных мероприятий и т. п.) и некоторых материалов по экономике. Нередко Мияги и его агентурой собирались слухи. «Мияги собирал военную информацию больше в оживленных местах Токио, в ресторанах и барах. В связи с этим он вынужден был часто посещать различные подобные заведения. Он часто жаловался, что ему приходится много выпивать в барах ради получения даже небольшой информации»[22]. Эти слухи были нередко отрывочны и противоречивы, но часто давали ценные нити для раскрытия или оценки того или иного события.

На Мияги лежала организация перевода японских документов. Из представления к награде полицейского Сакаи Ясу: «1. 10 октября 1942 года вме-

сте с приставом ТАКАКИ и пом. пристава ЦУГЭУЭ принимал участие в аресте центральной фигуры данного дела МИЯГИ и в результате тщательного обыска обнаружил важные документы, ясно подтвердившие, что арестованный является шпионом. А именно, часть рукописного документа на английском и японском языке, в котором подробно описывается положение тяжелой промышленности нашей страны, а также документ, напечатанный на пишущей машинке, под заголовком "Германо-советская война и политические мероприятия в стране". Эти материалы оказали огромную услугу дальнейшему производству следствия»[23].

«Я никогда не был настолько самоуверен, — отмечал «Рамзай», — чтобы считать, что смогу ответить на любые вопросы, касающиеся Японии. Я часто полагался на мнение Мияги и особенно Одзаки. Это же относится даже к окончательным формулировкам с точки зрения терминологии результатов анализа важных проблем. Для выработки оценки и описания тех или иных явлений, происходивших в Японии, я часто беседовал с Одзаки или Мияги...»[24].

С Мияги Зорге встречался чаще, чем с другими, обсуждая и анализируя после перевода на английский материал и устные доклады Одзаки, а также сведения, собранные самим Мияги. «Если было необходимо расширить доклад, — указывал в своих показаниях Зорге, — я просил кого-либо, обычно Мияги, о сборе дополнительных сведений, но я старался не идти дальше этого. Я часто просил Одзаки или Мияги подготовить военные или другие сведения в письменном виде для моего очередного донесения, делая так всякий раз, когда чувствовал, что какой-либо специальный вопрос может представлять особый интерес для Москвы».

Едва ли правильно утверждать о недопустимости привлечения к сотрудничеству с разведкой лиц, участвующих в коммунистическом движении или идейно сочувствующих этому движению.**Возможность опираться в своей деятельности на помощь и содействие представителей угнетенного и эксплуатируемого класса, питавших дружеские чувства к Советскому Союзу или даже являвшихся непосредственными участниками и активистами коммунистического движения, — следует считать большим и неоспоримым преимуществом советской разведки.**

Вопрос заключался лишь в том, что при вербовке идейно близких элементов, как и при любой вербовке вообще, не могло быть огульного подхода без конкретного учета личной характеристики кандидата и обстановки вокруг него. Не каждый коммунист состоял под наблюдением полиции. С другой стороны, даже поднадзорный коммунист мог быть использован в агентурной сети, если была возможность поддерживать связь с ним конспиративно. Не принадлежность агента к той или иной политической партии, к леворадикальным или право-реакционным кругам, определяет целесообразность использования его в разведке, а конкретный учет всей суммы характеризующих его данных и наличие возможности поддерживать с ним конспиративное общение, надежно маскируя истинный характер связи.

В течение последних четырех лет в Центре сложилось предвзятое отношение к «Рамзаю» и руководимой им резидентуре, «расценивая ее как ру двойника». Совершенно необоснованно утверждалось: «надежность резидентуры сомнительна», «есть основания предполагать, что Рамзай работает на японцев или немцев (возможно, и на обоих одновременно)». Из этого предположения делался вывод: «резидентура в случае войны Японии против

СССР в лучшем случае будет свернута, а в худшем — перейдет на донесение дезинформационных материалов».

А раз резидент «двойник», резидентура работает под контролем противника и рано или поздно обречена на провал. Пока резидентура существует, необходимо использовать ее для выкачивания сведений, однако нет смысла тратить усилия на ее укрепление или развитие. Именно такого рода соображения определяли стиль и содержание руководства резидентурой со стороны Центра. Только этим можно объяснить тот факт, что Центр отвергал предложения «Рамзая» об использовании «Коммерсанта» в качестве курьера или кандидата для его замены; ничего не предпринял для обеспечения резидентуры вторым радистом и подготовки замены «Рамзаю» и «Фрицу», бессменно находившимся на напряженной нелегальной работе в Японии в течение восьми (!) лет; совершенно не использовал богатейшие возможности легализации новых работников в Токио, в Мукдене, на Формозе — под крышей предприятия Клаузена; в течение ряда лет не предпринял никаких мер к подготовке резервной линии связи на случай перерыва единственной линии курьерской связи на Шанхай; в равной степени последнее замечание относится и к последнему периоду — передаче резидентуры на связь с легальным аппаратом: не был предусмотрен резервный канал связи в случае развязывания Японией войны против СССР.

Только отношением к резидентуре «Рамзая» как к резидентуре «двойника» можно объяснить недопустимое нарушение Центром элементарных принципов конспирации: передачу нелегальной резидентуры «Рамзая» в конце 1939 г. на связь с легальным аппаратом — в условиях, когда каждый советский работник в Токио «таскал» за собой неотвязные полицейские «хвосты». Именно связь с легальным советским аппаратом явилась для резидентуры первым шагом на пути к провалу.

В конце 1939 г., по распоряжению Центра, нелегальная резидентура устанавливает регулярную связь с резидентурой Разведупра в Токио под официальным прикрытием полпредства СССР. Через военных разведчиков под «крышей» должности заведующего консульским отделом при полпредстве (с мая 1941 г. — посольстве) СССР в Японии С.Л. Будкевича и В.С. Зайцева в период с ноября 1939 г. по август 1940 г. и с сентября 1940 г. по сентябрь 1941 г. передавалась почта «Рамзая» в Центр и поступали почта и деньги из Центра. Как Будкевич и Зайцев, так и их резиденты Якимов и Гущенко, опыта агентурной работы не имели и вынуждены были организовывать связь с нелегальной резидентурой «Рамзая» по своему разумению, к тому же исходя из представления о руководителе этой организации как резиденте-двойнике. Рекомендации Центра на этот счет были вялы и невразумительны.

За время с конца 1939 г. до ареста в октябре 1941 г. было проведено около 10 встреч с представителями легального аппарата. Встречи проводились на квартире или в конторе «Фрица», в ресторанах «Хиросукияки» и «Отая». Дважды на встречах присутствовал «Рамзай». Как следует из уже цитируемой Справки «История провала резидентуры Инсона» от 23.05.44: «ИМАК [В.С. Зайцев] в город выходил очень редко и, как правило, только на явки. Всегда ли ИМАКУ удавалось отрываться от хвостов, сказать трудно. На явки он выходил, почти не имея резервного времени и иногда, чтобы не сорвать встречу, выезжал на машине, оставляя ее недалеко от района встречи. Были случаи использования для этой цели машины ВАТ».

Из цитировавшейся справки «Система, способы и методы наружного наблюдения японских полицейских органов», составленной в начале 1939 г. резидентом НКВД под официальным прикрытием И.И. Шебеко: «1/ Полпредство, помимо того, что у входа в полпредство стоит постоянный полицейский пост их двух полицейских в форме, связанных телефоном с полицейским участком, ... напротив здания полпредства через улицу, а ночью прямо у ворот полпредства дежурят 4-6 полицейских машин. В каждой машине два полицейских шпика в штатском и полицейский шофер. Назначение машин — сопровождение, выезжающих в город из полпредства, на полпредских машинах сотрудников. При выходе сотрудников пешком из полпредства, если это оперативные работники, секретари, советник или сотрудники военно-морского аппарата, полицейская машина следует рядом с идущими возле тротуара, полицейские шпики выходят из машины и следуют плечо в плечо с сотрудниками полпредства».

Следует оговориться, что до ноября 1939 г. «Рамзай» поддерживал связь с Центром через резидентуру под официальным прикрытием генконсульства СССР в Шанхае, находившейся на территории международного сеттльмента. Оперативная обстановка в городе была несопоставима с обстановкой в Токио. Японские спецслужбы — и токко, и кэмпэйтай не могли здесь безраздельно властвовать, как у себя на родине.

Зная условия агентурной обстановки в Японии, изощренную систему неотвязной слежки и сигнализации постовых полицейских и учитывая особо тщательное наблюдение, которому подвергались сотрудники представительства СССР в Токио, следует отнести начало провала нелегальной резидентуры если не к первой, то ко второй встрече Клаузена с советским дипломатом, состоявшихся в конце ноября и начале декабря 1939 г. Резидентура «Рамзая», по образному сравнению Я.Г. Бронина, была «в небольшом кулаке»: всего пять человек, тесно между собой связанных — три европейца и два японца. Достаточно японской спецслужбе было «засечь» встречу «Фрица», чтобы «буквально за один или два дня раскрыть всю резидентуру». «Один или два дня», безусловно, гипербола, но в короткие сроки — однозначно.

Если раньше связь германского фашиста Зорге с японским коммунистом Мияги не находила объяснения и не приводила к конкретным выводам, то теперь, с обнаружением связи «Рамзая» с советским аппаратом, картина прояснялась окончательно.

Провал резидентуры пошел от Клаузена к Зорге и Вукеличу, а от них — к Одзаки и Мияги, и уже от последних — к остальным агентам сети нелегальной резидентуры.

В «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» от 1946 г. Клаузен, описывая события второго дня после ареста 18 октября 1941 г., сообщает, что ему предъявили карточку «Сергея» — В.С. Зайцева: «Начальник полиции показал мне альбом с фотографиями членов советской колонии в Токио и спросил меня, для какой цели я имел связь с членами Советского посольства. **Он указал на фотографию СЕРГЕЯ и спросил: «Кто этот человек?** (выделено мной. — *М.А.*)». «Я не знаю», — ответил я. Тогда он подал знак, и японец, сидевший позади меня, встал и поднял надо мной руку, но не тронул меня.

В этот день мы плохо понимали друг друга, так как я почти не говорил по-японски, а переводчик говорил по-немецки очень плохо. Мое знание япон-

ского языка ограничивалось обычным разговором и вопросами торговли. Их разговор был для меня не понятен, поэтому начальник полиции сказал, что на следующий день допрос будет производиться с английским переводчиком. Допрос должен был производить полицейский инспектор НАКАМУРА. Меня отозвали обратно в камеру. Спустя несколько минут меня вызвал тюремный надзиратель, чтобы подписать бумаги, необходимые для продовольственного снабжения. Когда я стоял перед столом, мимо меня прошел **ОТТО** (Одзаки. — *М.А.*) **и сказал мне по-английски: «Будь готов, так как им известно все».**

В немецких кругах в Токио в конце 1941 г. сформировалась своя история провала нелегальной организации Зорге (информация была собрана агентом резидентуры под официальным прикрытием «Илиадой» и доложена в Центр), противоречивая и примитивная: «В конце лета 1941 г. в Японию прибыла немка, фамилия ее не установлена. Японская контрразведка получила от своих агентов в САШ [Северо Американские Штаты] сообщение о неблагонадежности прибывшей немки, которая, якобы, работает на СССР. За ней было установлено наблюдение. "ИНСОН", имея связь с Москвой через рацию "ИЗОПА", получил задание встретиться с прибывшей в баре "Империал отель". Встреча была засечена японцами, ведущими наблюдение за немкой. Факт встречи "ИНСОНА" с немкой привлек внимание контрразведки. За "ИНСОНОМ" было установлено наблюдение, в результате чего установили его встречи с работником советского посольства. Одновременно было установлено наблюдение за "ИЗОПОМ", который ежедневно встречался с "ИНСОНОМ" и "ИНДОМ".

Подозрение на "ИЗОПА" усилилось в связи с тем, что:

1/ Жена "ИЗОПА" рассказывала посторонним о том, что ее муж почти ежедневно выезжает за город на собственную дачу, несмотря на погоду и занятость /прим. рация находилась на даче и была заделана в диванном валике/.

2. Японская жандармерия давно засекла действующую в районе, где находилась дача "ИЗОПА", рацию, но не могла обнаружить место установки. Установив наблюдение за временем появления "ИЗОПА" на даче и работой засеченной станции, контрразведка определила, что это работает "ИЗОП". При обыске на даче "ИЗОПА" в его отсутствие обнаружили коротковолновую станцию и крупную сумму денег /ам. дол./. Наблюдением было установлено, что материалы для передачи "ИЗОП" получает от "ИНСОНА" и "ИНДА" (Вукелич. — *М.А.*). В результате этого были арестованы "ИНСОН", "ИЗОП", "ИНД" и несколько японцев, связанных с этой группой. Жена "ИЗОПА" арестована. Жена "ИНД" выехала осенью в Австралию. Японский суд приговорил "ИНСОНА" и "ИЗОПА" за шпионаж в пользу СССР к пожизненной каторге. На суде "ИЗОП" сознался в своей работе на СССР».

Отношение к «Рамзаю» как к двойнику, работающему под контролем противника, порождало небрежность и невнимательность в деле изучения людей резидентуры, оценки агентурной ценности каждого из них. А отсутствие системы учета приводило к накапливанию необоснованных сомнений и подозрений и дезориентировало руководство Центра.

Было бы проще всего отнести все недостатки и ошибки руководства на счет тяжелых, болезненных процессов, которые переживал Центр вместе со всей страной, начиная с 1937 г. Массовые аресты работников Центра и периферии, многократная смена руководства Центра и основных сотрудников аппарата под прикрытием в Токио, огульное отрицание и охаивание всего, что

было задумано или создано работниками, объявленными «врагами народа», приход на службу в разведку преданных Родине, но далеких от агентурной работы офицеров — все это, бесспорно, дезорганизовывало работу Центра и не могло не привести к целому ряду серьезных ошибок и в области руководства нелегальными резидентурами.

Однако ссылка только на внутриполитическую обстановку в стране, на объективные условия, нарушившие работу Центра, недостаточна. Серьезные недостатки и упущения в руководстве резидентурой имели место и до 1937 г., писал М.И. Сироткин. Недоверие к резидентуре «Рамзая» не могло родиться «из ничего», даже в обстановке 1937 г. Истоки «политического недоверия» к Зорге глубже, за пределами начала массовых репрессий, в том числе и в военной разведке. 1937 г. лишь способствовал тому, что начальные ошибочные сомнения и подозрения переросли в законченную уверенность в изменнической, «двойной» работе «Рамзая». Сомнения в «политической» надежности и разведывательной ценности «Рамзая» и резидентуры в целом — в любых условиях, даже в атмосфере подозрительности и шпиономании 1937 года, — могли быть легко рассеяны, если бы аппарат Центра располагал достоверными и полными сведениями, характеризующими как «Рамзая», так и его сотрудников, и имел бы возможность на основе конкретных данных судить о реальном положении вещей. Прежнее руководство Центра не имело достаточно ясного и правильного представления о личном составе, методах и условиях работы резидентуры, а после смены руководства и большей части сотрудников аппарата новые работники Центра знали о резидентуре еще меньше. Новые руководители не знали ни «Рамзая», ни его людей и не могли получить необходимых сведений из учетной документации, так как такая документация должным образом не велась.

В течение последних четырёх лет существования нелегальной резидентуры, по требованию руководства Центра, сотрудниками аппарата периодически составлялись справки на резидентуру «Рамзая». Ни на чем не основанное заключение, неверные или устаревшие сведения, занесенные когда-то в одну из справок, систематически переносились во все последующие, дополнялись новыми, нередко еще более сомнительными или неверными данными и приводили к ошибочным, ложным выводам. Одна из такого рода справок от 1941 г. содержала примечание: «Основные демографические данные Инсона и данные о его работе составлены зам. начальника отдела на память». «На память»!

Можно назвать ряд других ошибок и погрешностей резидентуры и Центра — нарушение конспирации, проявление невнимания к серьезным «мелочам» и т.п., — которые также могли сыграть роль в провале резидентуры.

Нельзя не отметить, что длительная «благополучная» деятельность резидентуры притупила внимание «Рамзая» и «Фрица» к требованиям конспирации: Зорге оставлял без контроля связи и «вербовочную» деятельность Мияги, смотрел сквозь пальцы на его «склонность к риску»; Клаузен допускал шифровку телеграмм в присутствии домработницы или врача, оставлял на столе или в незакрытом ящике стола полузашифрованные телеграммы и их оригиналы; с непонятной педантичностью, в течение ряда лет, вел никому не нужный дневник радиопередач, фиксируя длительность сеансов и количество переданных групп, не соблюдал режима радиопередач, проводя многочасовые передачи и позволяя радиослежке противника накопить обшир-

ный перехваченный материал, который после ареста с его же помощью был расшифрован; в течение трех лет в коммерческом предприятии Клаузена работал племянник инспектора полиции Накамура (был ли это действительно племянник?).

Аппарат Центра неоднократно проявлял небрежность при переводе денег («Фрицу», «Ингрид»). Искажение фамилии Клаузена в одном из переводов вызвало опасную процедуру расследования со стороны банковской администрации.

Ряд примеров можно было бы продолжить. Все эти нарушения, промахи и ошибки имели второстепенное значение, они лишь косвенно могли облегчить противнику раскрытие резидентуры, они сыграли роль в усугублении тяжести провала, содействовали контрразведке в выявлении важных деталей жизни и деятельности организации «Рамзая».

Знал ли Зорге и его помощники, что все они стали объектами пристального внимания полиции? Знали, но ничего не предпринимали.

Как утверждают некоторые авторы, Одзаки в числе других сотрудников ЮМЖД задолго до ареста был в поле зрении токко: в токко поступили жалобы на утечку секретной информации из исследовательского отдела ЮМЖД, где работал Одзаки. По словам Хоцуки Одзаки, негласное наблюдение за его сводным братом Ходзуми Одзаки было установлено в конце 1939 г. или начале 1940 г.[25].

Во второй половине 1940 г. Зорге отметил слежку за Вукеличем. 25 августа он сообщил Центру, что за домом «Жиголо» установлена слежка. Однако ни Центр, ни «Рамзай» ничего в этой связи не предприняли. На допросе 11 октября 1941 г. Мияги показал, что ему «давно казалось, что за ним ведется наружное наблюдение»[26]. Сводный брат Одзаки, ссылаясь на воспоминания Каваи Тэйкити, рассказывал: «Весной 1941 г. Каваи побывал у Мияги на улице Рютотё в районе Адзабу, где художник снимал комнатку... Когда Мияги повернулся к гостю, тот заметил, что он чем-то сильно взволнован.

— Какой-то странный тип все время торчит возле моего дома, — понизив голос до шепота, сказал Мияги. —Не нравится мне это. Боюсь, не расставляют ли нам сети.

Каваи стал замечать, что слежка ведется и за ним. Затем ему показалось, что "хвост" увязался и за Одзаки. Это его особенно обеспокоило, и он попытался предостеречь Одзаки. Но тот как будто не придал этому значения. Однако вскоре, когда Одзаки, пригласив с собой Мияги, отправился с семьей за город полюбоваться цветением сливы, он убедился, что опасения Каваи не были напрасны»[27].

Сведения об установлении наблюдения задолго до ареста сообщаются в японской литературе и в отношении Зорге. Так, Тосито Оби указывает, что однажды (приблизительно весной 1941 г.) прокурор министерства юстиции Хироси Фунацу был приглашен в военное министерство, в управление, ведающее деятельностью кэмпэйтай, где ему сообщили, что Зорге находится под подозрением и за ним ведется слежка[28].

«В своих воспоминаниях Ханако Исии пишет, что еще в 1938 г. полиция впервые попыталась установить с ее помощью слежку за Зорге. В один из августовских дней к ней на квартиру в Хигаси Накано, где она проживала с матерью, явился одетый в штатское агент кэмпэйтай. Он начал расспрашивать о Зорге, о его занятиях, а затем потребовал принести что-либо напечатанное

на машинке Рихарда Зорге. После отказа Исии агент попросил ее не говорить Зорге об этом визите и удалился. Конечно, она все рассказала Зорге.

Полиция на время оставила в покое Ханако Исии, но интерес к Зорге не утратила. В этом Ханако Исии убедилась в декабре 1938 г., случайно увидев того же самого агента вблизи домика, где проживал Рихард. А в мае 1939 г., после того как Зорге выехал в Шанхай и Гонконг, Ханако Исии снова навестил тот же агент. На этот раз его интересовало, куда уехал Зорге и надолго ли»[29].

«Летом 1941 г., — вспоминает Ханако Исии, — над Зорге начали сгущаться тучи. В июле меня вызвали на допрос в полицию и пытались заставить следить за Рихардом, уносить остающуюся после его работы копировальную бумагу, докладывать о всех его выездах. Я, конечно, наотрез отказалась. Жандарм, который вел допрос, попытался запугать меня, заявив, что они сделают так, что Зорге сам откажется от встреч со мной. Но я ему не верила: не такой был человек Рихард, чтобы поддаться на провокацию. Когда меня наконец отпустили, потребовав ничего не говорить Зорге, я поспешила домой и, разумеется, все до малейших подробностей рассказала Рихарду. Он, кажется, не особенно удивился моим новостям. Впрочем, это было до некоторой степени понятно: в довоенной Японии все женщины, имевшие знакомых иностранцев, были на учете в полиции и время от времени вызывались на допросы. Зорге весело рассмеялся и посоветовал в следующий раз, когда заявится жандарм, направить его к нему, он сам расскажет ему о своей работе.

Однако визиты жандармов участились. Они приходили, как правило, в отсутствие Рихарда (видимо, слежка за ним велась уже по всем правилам), подолгу расспрашивали о его делах: куда он ездит, кто к нему приходит, чем занят вечерами. Я, как умела, отводила подозрения шпиков. Но тревога, поселившаяся в сердце, уже не покидала меня.

В августе 1941 г. меня снова вызвали в полицию и потребовали, чтобы я ушла от Зорге. Я, конечно, отказалась. Когда об этом узнал Рихард, он очень возмутился. Я впервые видела его таким разгневанным. В тот же час он хотел послать телеграмму в Берлин, но, успокоившись и подумав, предложил мне уехать в Шанхай, обещая вскоре закончить свои дела в Токио и перебраться туда же. Однако мне не удалось получить паспорт»[30].

В 1941 г. полицейская слежка продолжается и делается все более интенсивной. Из «Отчета и объяснений по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» от 1946 г. Клаузена: «До последних месяцев перед нашим арестом я не мог сказать, чтобы что-нибудь вызывало подозрение. Только за два месяца перед арестом переодетые полицейские из ТОРИДЗАКА (полицейское управление АОЯМА) приходили чаще обычного ко мне в дом. Несколько раз они не заставали меня дома, но мне сообщила об этом жена. Я сказал РИХАРДУ. РИХАРД, сказал, что этот же полицейский приходил и к нему, а также в дома других иностранцев. Этот полицейский спросил у меня фотографию, так как якобы фотография, которая была у них, была испорчена чернилами. Я и об этом сказал РИХАРДУ, но мы решили, что в этом нет ничего подозрительного. Этот же полицейский просил у РИХАРДА его машинку, так как якобы хотел что-то напечатать. РИХАРД не дал машинку, но предложил принести то, что он хотел напечатать, но он не принес…

РИХАРД последние месяцы перед арестом болел, у него было плохо с сердцем. Я часто бывал у него и помогал ему. Он лежал в постели и диктовал мне телеграммы, которые я должен был отправить. Немецкий посол час-

то посылал к нему девушку, которая должна была ухаживать за ним. Это было, конечно, для нас невыгодно, но отказаться было нельзя. Дважды немецкий посол ОТТ приходил к нему, когда у него был я. Он спросил у меня: "Что Вы думаете насчет отправки ЗОРГЕ в госпиталь, мистер КЛАУЗЕН?" — "Это было бы лучше всего", — ответил я ему. Однажды, когда пришел ОТТ, у ЗОРГЕ был ДЖО (Мияги. — *М.А.*). ОТТ посмотрел на него очень пристально, но ничего не сказал».

Из отчета Анны Клаузен 1946 г.: «Последние три недели до нашего ареста к нам стал часто приходить полицейский АОЯМА (из полицейского управления Аояма. — *М.А.*). Он сидел и болтал про скучные нелепости. Я передала об этом МАКСУ, РИХАРДУ. РИХАРД сказал, что этот полицейский дурак».

Косвенное указание на то, что к началу 1941 г. японская полиция уже выявила связь нелегальной резидентуры с советским аппаратом под прикрытием посольства СССР содержится в «Мемуарах» Вальтера Шелленберга. Последний рассказывает: «В Берлин приехала (весной 1941 г. —*М.А.*) комиссия японской полиции, и во время нашей беседы руководитель комиссии спросил меня, не держит ли Мейзингер под надзором определенных немецких представителей в Токио. Я ответил отрицательно, но японец, между прочим, добавил, что если это все-таки имеет место, то Мейзингеру могла бы быть оказана квалифицированная помощь со стороны японской полиции. Позже, конечно, Мейзингер нас старался убедить, что он не сказал ни единого слова органам безопасности Японии о Зорге. Может быть, и в самом деле это было так, но в чем не было никакого сомнения, так это в том, что Мейзингер работал очень грубо, чем и привлек внимание японской полиции и самого Зорге»[31]. Шелленберг зря ставит Мейзингеру в вину «грубую работу». Мейзингер усиленно пьянствовал, нередко разделяя компанию с «Рамзаем», и меньше всего повинен в провале резидентуры.

Если представитель японской полиции в разговоре с Шелленбергом имел в виду Зорге, это следует отнести исключительно к тому, что полиция вскрыла связь нелегальной резидентуры с советским аппаратом под официальным прикрытием и взяла под жесткий контроль «Рамзая» и его связи.

Японским властям было хорошо известно, какое положение занимал Зорге в германском посольстве. Еще в период подготовки арестов членов группы в японских верхах высказывались опасения, как бы опрометчивые действия японской полиции не привели к нежелательным осложнениям во взаимоотношениях Германии и Японии. Поэтому план арестов членов группы стал предметом тщательного обсуждения в руководящих юридических и полицейских органах.

Вот как об этом рассказывал впоследствии один из чинов токко, руководивших подготовкой арестов участников группы Зорге (по мнению С.Л. Будкевича, это был инспектор Охаси Хидэо): «Поскольку контуры всей организации были уже выявлены, я, понимая, что это нелегкое и очень важное дело, стремился захватить полностью все вещественные доказательства: радиопередатчик, фотоаппараты и т. д. Кроме того, я опасался возможности побега. Приняв решение, я доложил о разработанном способе арестов в высшую инстанцию.

Однако Одзаки входил в состав "мозгового треста" третьего кабинета Коноэ, а Зорге являлся советником германского посла. Кроме того, оба они были известными журналистами. Поэтому имелось опасение: если как-ни-

будь неумело коснуться Зорге, то этим можно вызвать раздражение со стороны Германии. Кабинет Коноэ был уже на грани падения, и, видимо, поэтому министры внутренних дел и юстиции этого кабинета, а также высшие чины прокуратуры не очень-то спешили дать свою санкцию. Тогда я позвонил начальнику идеологического отдела прокуратуры Накамура и настойчиво потребовал решения вопроса»[32].

Главное полицейское управление и прокуратура Токийского округа настаивали на одновременном аресте всех членов группы. Но верховная прокуратура колебалась и не давала на это согласия. В конце концов, было решено установить за Зорге, Вукеличем и Клаузеном более тщательное наблюдение, но начать с ареста японских членов группы. Расчет состоял в том, что допрос японцев даст дополнительные формальные улики против Зорге, которые позволят обвинить его в нарушении японских законов. «Спасательным поясом» для Одзаки (не имел отношение ни к Мияги, ни к другим агентам из числа японцев), а, следовательно, для Зорге, Клаузена и Вукелича, являлось существование правительства Коноэ. Уход Коноэ Фумимаро в отставку дал арестам «зеленый свет».

«Во вторник вечером 14 октября Зорге договорился с Одзаки о встрече в ресторане "Азия" в здании ЮМЖД. Однако он прождал напрасно. Через два дня к Зорге должен был прийти Мияги, однако он тоже исчез. В пятницу 17 октября к Зорге по предварительной договоренности пришли Клаузен и Вукелич. Встреча прошла в атмосфере растущего беспокойства. Вукелич позвонил Одзаки в офис ЮМЖД, но не получил ответа»[33]. Встреча, на которую не пришел Одзаки, скорее всего должна была состояться вечером 15 октября.

Как писал в тюрьме Одзаки, «утром 15 октября 1941 года полчища прокуроров обрушились на нас. У меня в течение нескольких дней были дурные предчувствия, и в то утро я уже знал, что близок час расплаты. Убедившись, что Йоко ушла в школу, поскольку мне страшно не хотелось, чтобы дочь присутствовала при этом, я ушел из дома, даже не взглянув на жену и ничего не сказав ей на прощание. Я чувствовал, что с моим арестом все кончится. И все кончилось.

Когда меня допрашивали в тот день после полудня, вопросы касались, как я и ожидал, моих отношений с Зорге. Я понял, что раскрыта вся сеть, и сказал себе, что все кончено»[34].

О днях, предшествовавших арестам, Макс Клаузен оставил свидетельство, и не одно. В «Отчете и объяснениях по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» от 1946 г. он писал: «В начале октября ОТТО был у РИХАРДА, я тоже был там. РИХАРД и ОТТО обсуждали вероятность войны между США и Японией. Это был последний раз, когда мы видели ОТТО. РИХАРД договорился с ним встретиться в здании ЮМЖД в русском ресторане, но ОТТО не пришел. ДЖО последний раз был 6 октября. Он тоже должен был появиться через неделю, но исчез. 4 октября у меня была связь с Висбаденом. В этот день я отправил около 500 групп. Это было в доме БРАНКО.

После этого я попытался соединиться с Висбаденом из моего дома, но ничего не получилось. Это бывало и раньше, я от 3 до 4 недель не мог установить связь с Висбаденом. Иногда были плохие воздушные условия, иногда не работал мой передатчик. ЭДИТ выехала из Токио в Австралию в конце сентября, и ее дом был уже не пригоден для работы.

17 октября накануне нашего ареста БРАНКО и я были у РИХАРДА. В этот день вышел в отставку КОНОЭ, и РИХАРД хотел дать мне телеграмму по случаю этого, но решил отложить, так как хотел достать больше сведений. Так как у меня было тогда около 1.000 не отправленных групп, то РИХАРД сказал мне, чтобы я отправил наиболее важные сообщения. В этот вечер я чувствовал себя плохо и ушел из дома РИХАРДА около 8 часов. Выйдя, на углу я встретил полицейского Аояма, который спросил меня, куда я иду. Я ответил, что иду домой, и сел на трамвай. Дома я решил зашифровать последние телеграммы, которые я получил от РИХАРДА. Но я их не окончил и убрал в стол. Следующий день был праздничный, и, так как бой не приходил на работу в такие дни, я решил продолжить работу утром».

На следующий день 18 октября в 8 часов утра Клаузен был арестован.

И еще один вариант встречи европейцев-членов резидентуры Зорге, накануне их ареста в изложении того же Клаузена: «17 октября, около 7 часов вечера я пришел к Зорге, который находился тогда в постели, чтобы поговорить о нашей тайной работе. Когда я пришел, они с Вукеличем выпивали, и я присоединился к ним, открыв бутылку саке, которую принес с собой. Атмосфера была тяжелой, и Зорге мрачно сказал — как если бы наша судьба была предрешена: "Ни Джо, ни Одзаки не явились на встречу. Должно быть, их арестовала полиция".

Меня охватил непонятный страх, и минут через десять я ушел. Мы не говорили, что мы будем делать, если нас арестуют»[35].

Судя по всему, за два дня до ареста Зорге — 16 октября — у него была Ханако Исии. Зорге попытался не подать виду, что его тревожит исчезновение Мияги и Одзаки. Из воспоминаний Ханако: «8 [18] октября 1941 г. был арестован и сам Рихард. Накануне он был как всегда спокоен и даже весел. Много шутил, смеялся. Однако после ужина он настаивал, чтобы я уехала к матери, стараясь, видимо, как можно меньше причинить огорчений своим близким. Он, вероятно, уже знал, что круг сомкнулся, и приближалась развязка»[36].

11 октября 1964 г. генерал-майор запаса Воронин К.А. докладывал заместителю начальника ГРУ Генштаба ВС генерал-полковнику Мамсурову Х.Д.:

«ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ
товарищу МАМСУРОВУ Х.Д.

В соответствии с Вашей просьбой я в своей записке попытаюсь кратко по памяти изложить некоторые данные по руководству резидентурой «Рамзая» в Токио и осветить следующие вопросы:

1. Обстановка в ГРУ накануне Великой Отечественной войны.

2. Отношение руководства ГРУ к нелегальной резидентуре «Рамзая» и особенно, к ее резиденту Зорге.

3. Одна из возможных причин провала резидентуры.

4. Краткие выводы и пожелания.

1.

Обстановка в ГРУ накануне Великой Отечественной войны.

Массовые репрессии руководящего состава ГРУ к концу 1938 года сменились частой заменой руководства. За три предвоенных года: с 1938 по 1941 г., сменилось пять начальников ГРУ (генералы ГЕНДИН, ПРОСКУРОВ, ГОЛИКОВ,

ИЛЬИЧЕВ) (автором докладной записки пропущена фамилия еще одного начальника ГРУ — Орлова А.Г. — *М.А.*). Большинство из них разведывательной подготовки совершенно не имели и поэтому разведкой не интересовались и ею по существу не руководили. Главная задача их заключалась в очищении разведывательного аппарата и агентурной сети за рубежом от неблагонадежных и подозрительных лиц. Новой сети не создавалось. Некоторые начальники считали, что история разведки начинается со дня его вступления в должность. Все, что было создано до этого, считалось плохим, ненадежным и даже вражеским. Такая мысль навязывалась и подчиненным начальникам, некоторые из которых, в угоду своим старшим начальникам и с их благословения разоряли разведывательный аппарат и губили дорогостоящую агентурную сеть за рубежом, создававшуюся длительным и упорным трудом разведчиков.

Такое лихорадочное состояние центральных органов разведки застала Великая Отечественная война в 1941 году.

2.

Отношение руководства ГРУ к нелегальной резидентуре "РАМЗАЯ" в Токио и к ее резиденту РИХАРУ ЗОРГЕ.

Атмосфера политического недоверия сложилась и вокруг резидентуры "РАМЗАЯ" и ее резидента ЗОРГЕ.

В связи с объединением японского и маньчжурского отделений, я, как начальник объединенного японо-маньчжурского отделения, в начале 1940 года принял от полковника ПОПОВА П.А. легальный разведывательный аппарат в Японии и нелегальную разведывательную резидентуру "РАМЗАЯ" (ЗОРГЕ). Тов. ПОПОВ давал отрицательную характеристику ЗОРГЕ, называя его фашистом, работающим против СССР по заданию немецкой или японской контрразведок.

Тов. ПОПОВ предполагал, что немецкая или японская разведки использовали ЗОРГЕ в целях дезинформации Советского правительства и ослабления нашего валютного фонда. Он считал, что ЗОРГЕ провален давно, еще в бытность его резидентом в Шанхае.

При этом он исходил из следующих данных:

а) Радист "РАМЗАЯ" сообщил, что когда он пришел в английскую больницу, чтобы навестить больного ЗОРГЕ, английский полицейский, якобы, предупредил его быть осторожным с доктором ЗОРГЕ, поскольку он является агентом ГПУ.

(Почему вдруг он сказал это радисту?).

б) Его первая жена в Берлине, с которой он развелся, работала в юридической консультации в гестапо и она знала, что ее муж — коммунист, работал в Коминтерне и под своей фамилией работает в Токио. Об этом она могла сказать гестапо, т.к. ЗОРГЕ для нее как муж был потерян.

(Могла и не сказать об этом).

в) В Шанхае был арестован агент, быв. резидентуры ЗОРГЕ, который ездил к нему в Японию для связи. Он мог сказать о ЗОРГЕ при допросах.

(Мог и не сказать).

г) Малоценная информация ЗОРГЕ.

На основе этих малоубедительных данных ЗОРГЕ не доверяли. К его информации относились недоверчиво, считая ее дезинформацией, часто она

не изучалась, не переводилась, не обрабатывалась и командованию не докладывалась.

Позднее, после изучения дел, мне стало ясно, что от ЗОРГЕ поступала и ценная информация, в том числе фотодокументы:

— Доклады Главному штабу немецкой армии немецких офицеров-стажеров в японской армии о состоянии японской армии;

— Радиограмма о секретном совещании у Сталина 17 апреля 1940 года, на котором присутствовали послы США, Англии и Франции. Предполагалась возможность создания антигитлеровской коалиции. На этой телеграмме была резолюция т. Молотова: «Такие телеграммы направлять мне незамедлительно»;

— Доклад самого ЗОРГЕ, составленный на основе данных немецкого посольства, о планах нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Этот доклад прибыл в ГРУ вовремя, но был переведен на русский язык только зимой 1940 года, т.е. после свершившихся фактов.

События 1939 года полностью подтвердили достоверность доклада ЗОРГЕ. Однако он не был доложен Командованию Советской Армии, т.к. комдив ПРОСКУРОВ был в немилости у нового Министра обороны Маршала т. ТИМОШЕНКО и боялся ему доложить о такой преступной безответственности офицеров ГРУ, начальником которого он являлся. Тов. ПРОСКУРОВ решил ограничиться наложением взысканий своей властью: начальнику японского отделения полковнику ПОПОВУ был объявлен строгий выговор и предупреждение о несоответствии в должности, а и.о. начальника отдела полковнику т. КИСЛЕНКО А.П. — выговор.

В качестве награждения за ценную информацию ЗОРГЕ было переслано 1000 ам. долларов на приобретение малолитражной машины "Бэби-кар", о чем он давно просил.

Имея эти данные, я и мои заместители полковники ЯКИМОВ и СОНИН, начальник японо-китайского информационного отделения т. ВОРОНЦОВ Т.Ф. и некоторые другие в отношении ЗОРГЕ имели другое мнение. Мы считали, что подобную "дезинформацию" контрразведка дать не могла. Значит с "РАМЗАЕМ" надо работать, но его информацию тщательно изучать и проверять.

С прибытием нового начальника ГРУ тов. ГОЛИКОВА Ф.И. летом 1940 года я был вызван в Москву из командировки для доклада о состоянии разведывательной сети. Когда дело дошло до сети "РАМЗАЯ", т. ГОЛИКОВ сказал, что об этой резидентуре ему подробно докладывал т. ПОПОВ и мне докладывать не следует. Тов. ГОЛИКОВ был информирован о моих разногласиях с ПОПОВЫМ в оценке резидентуры "РАМЗАЯ".

Для подтверждения своих предположений о нечестности ЗОРГЕ тов. ПОПОВ допрашивал в тюрьме бывшего начальника японского отделения полковника СИРОТКИНА, арестованного как "врага народа", который на вопрос ПОПОВА ответил, что он выдал резидентуру "РАМЗАЯ" японской контрразведке.

(Зимой 1962-63 г.г., я встретил реабилитированного СИРОТКИНА в д/к им. Горбунова на семинаре пропагандистов Киевского РК. На мой вопрос, верно ли он сказал ПОПОВУ в тюрьме, что выдал резидентуру "РАМЗАЯ" японской контрразведке, он ответил, что верно. Но он был тогда в удрученном состоянии, и ответил ему так небрежно).

После такого заявления СИРОТКИНА с нами перестали считаться. Оскорбляли, особенно это делал начальник политотдела бриг. комиссар тов. ИЛЬИЧЕВ И.И.

Для решения вопроса о ЗОРГЕ в Москву был вызван наш резидент в Японии, военный атташе полковник ГУЩЕНКО.

Все офицеры, которые поддерживали ЗОРГЕ (ВОРОНИН, КИСЛЕНКО, ВОРОНЦОВ, ЯКИМОВ), были освобождены от занимаемых должностей и переведены на другую работу. Я был направлен в войска, в Приморье начальником РО 25 армии.

К резидентуре "РАМЗАЯ" по существу никто не возвращался. Только весной 1957 года, в связи с моим увольнением в запас, генерал-майор т. ФЕДОРОВ А.Ф., который ведал научно-исследовательской работой в ГРУ, и зам. начальника ГРУ по политчасти генерал-майор т. РЯПОСОВ Н.И. советовали мне написать труд "Уроки провала резидентуры РАМЗАЯ".

Я работал в архиве 2,5 месяца и составил подробный план этой работы, который был утвержден генерал-полковником т. ШАЛИНЫМ. Однако мне писать так и не пришлось, т.к. стали чинить препятствия в получении необходимых документов на ЗОРГЕ (многих документов в архиве не было) и в пользовании секретной библиотекой.

3.

Одна из возможных причин провала резидентуры.

В моем плане "Уроков провала резидентуры РАМЗАЯ" в 1957 году я указывал, что одной из возможных причин провала были грубые ошибки в руководстве резидентурой со стороны Центра.

Они заключались в следующем:

а) Не было единого руководства резидентурой. Документы на резидентуру "РАМЗАЯ" были в отделении, а руководство ею было возложено на зам. начальника отдела полковника ПОПОВА, как на хорошо знающего эту сеть. Он имел радиопереписку с резидентом, а офицеры отделения превращались в технических исполнителей. (Снятие копий с телеграмм, подшивка документов). *Не принимали даже участия в обсуждении дел резидентуры. Никто* — ни я, ни офицеры — не присутствовали при докладе начальнику ГРУ военного атташе т. ГУЩЕНКО — нашего резидента в Японии. Никто из нас не присутствовал также при передаче ему на связь резидентуры "РАМЗАЯ". Ясно, что при споре рождалась бы истина, и ошибки могло и не быть.

б) Несмотря на сложную агентурную обстановку в Японии и усиленную радио слежку в воздухе, Центр посылал излишние запросы по радио и требовал т.н. контрольных заданий в целях проверки его честности. Этим подвергались неоправданному риску его агенты.

в) И, наконец, самая крупная ошибка Центра — это передача "РАМЗАЯ" на связь нашему работнику посольства в целях проверки его благонадежности.

К этому времени, за работниками сов. посольства было установлено неослабное наблюдение японской контрразведки. (Антикоминтерновский пакт с Германией; наша помощь Китаю в антияпонской войне). Не исключено, что японцы засекли даже "случайные" контакты наших людей с резидентурой "РАМЗАЯ". А это, если ЗОРГЕ уже разрабатывался японской контрразведкой, показало, что он является именно советским разведчиком, что дало им основание разрабатывать его активнее, действовать смелее и нахальнее, не счи-

таясь с тем, что они имеют дело с их друзьями по блоку, немцами, или действовали в сотрудничестве с гестапо.

Мне было известно, что ЗОРГЕ представлял нашему военному атташе в Японии весьма ценные фотодокументы немецкого посольства и свои суммированные доклады о политике японского правительства и о сосредоточении немецких дивизий на советской границе, которые были сгруппированы на трех направлениях: северо-западном (Ленинградском), центральном (Московском) и южном (Киевском) направлениях. Указывалось время нападения — 20 июня 1941 года.

Последние сообщения ЗОРГЕ и его поведение на следствии и суде подтвердили, что ЗОРГЕ был честным человеком, умным и деятельным разведчиком, заслуживающим высокой оценки.

Можно ли было спасти ЗОРГЕ?

Я думаю, что попытку к этому, надо было бы сделать, даже без вмешательства правительства или нашего посла в Японии. (Японцы могли потребовать в обмен на ЗОРГЕ нашего нейтралитета). Достаточно было бы поручить нашему рядовому работнику посольства со служебным паспортом предупредить представителя японской контрразведки быть осторожнее с доктором ЗОРГЕ. Зная характер японцев, такое заявление нашего человека сейчас же стало бы известным высшим инстанциям, и японцы, оказавшиеся в тяжелом положении в связи с поражением на советско-германском фронте их союзника Германии, ЗОРГЕ не казнили бы.

ВЫВОДЫ И ПОЖЕЛАНИЯ

1. Нельзя так часто менять руководителей стратегической разведки, а ГРУ превращать в проходной двор. Конечно, руководитель разведки должен быть крупным, авторитетным, партийным или государственным деятелем. Но его надо подготовить, хотя бы по основам стратегической разведки, и дать ему влиятельных советников по разведке, с мнением которых он считался бы.

2. Хотя с опозданием, но нам тоже надо поднять ЗОРГЕ, отметить подвиг советского разведчика и на этом воспитывать наших молодых разведчиков.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЗАПАСА ВОРОНИН

11 октября 1964 года».

2. «Вероятно, я находился в ведении Центрального комитета Советской коммунистической партии»

(Из Тюремных записок Рихарда Зорге)

Всего было арестовано 35 человек. Полиция разделила арестованных на две группы. В первую вошли те, кто имел непосредственное отношение к деятельности резидентуры. Таких полиция насчитала 17 человек.

Аресты проходили в следующей последовательности, на фоне внутриполитических событий, имевших прямое отношение к арестам[37]:

Даты арестов	Фамилия, имя и псевдоним арестованного; развитие правительственного кризиса
28 сентября 1941 г.	Китабаяси Томо
10 октября	Мияги Ётоку («Джо», «Итери»)
13 октября	Акияма Кодзи («Аки»), Кудзуми Фусако («Женщина»)

14 октября	Тодзио предложил премьер-министру Коноэ всем кабинетом подать в отставку; участь правительства была решена
15 октября	Одзаки Ходзуми («Отто», «Инвест»)
16 октября	Третий кабинет Фумимаро Коноэ в полном составе вышел в отставку
17 октября	Формирование кабинета поручено Тодзио Хидэки
17 октября	Мидзуно Сигэру (Сигэо) («Осака-бой»)
18 октября	Сформировано новое правительство; премьер-министр Тодзио сохранил за собой пост военного министра, и одновременно получил портфель министра внутренних дел; Ивамура Митиё в новом правительстве сохранил за собой пост министра юстиции
18 октября	Зорге Рихард («Рамзай», «Инсон»), Клаузен Макс («Фриц», «Изоп»), Вукелич Бранко («Жиголо», «Инд»)
22 октября	Каваи Тэйкити («Ронин»)
29 октября	Тагути Угэнда («2-й друг с Хоккайдо»)
19 ноября	Клаузен Анна («Анна»)
15 декабря	Ямана Масадзанэ («Друг с Хоккайдо»)
4 января 1942 г.	Фунакоси Хисао
31 марта	Кавамура Ёсио
11 апреля	Косиро Ёсинобу («Мики»)
8 июня	Ясуда Токутаро («Доктор»)[37].

Из показаний начальника Специального следственного бюро Генеральной прокуратуры Ёсикава Мицусада в Конгрессе США 9 августа 1951 г.:

«Основываясь на данных, полученных в результате допросов Мияги и Одзаки, мы пришли к выводу, что мы должны арестовать иностранцев. Кабинет премьер-министра Коноэ оказался в сложном положении и, в конце концов, ушел в отставку. Это произошло до того, как был сформирован кабинет Тодзио.

Мы не стремились воспользоваться этой ситуацией, но мы арестовали Зорге и Клаузена, и Вукелича. Я хотел бы внести поправки в сделанные мной здесь заявления. Планировалось, что главой кабинета министров станет Тодзио. Также было известно, что господин Ивамура, который был министром юстиции в кабинете Коноэ, останется и в новом кабинете министров. Таким образом, мы получили одобрение господина Ивамура и приступили к арестам этих людей»[38].

«Не стремились воспользоваться этой ситуацией», но воспользовались.

Арестованные и осужденные Фунакоси Хисао (заведующий японский газетным агентством «Ренго Цусин» в Китае; в 1938—1941 — неофициальный советник Штаба японских войск в Ханькоу; организатор отделения научно-исследовательского Института по изучению проблем Китая в Пекине) и Кавамура Ёсио (заведующий шанхайским отделением «Мансю нити-нити» и сотрудник газеты «Маньчжуриан дейли ньюс») не входили в состав агентурной сети резидентуры Зорге и в лучшем случае выступали разовыми источниками информации Одзаки. Ни в докладах «Рамзая», ни в его оргпереписке с Центром ни одно из этих имен ни разу не упоминается. Фунакоси и Кавамура

были раскрыты как прежние агенты шанхайской резидентуры показаниями Каваи, знавшего их по Шанхаю.

О существовании Китабаяси Томо Зорге, если и узнал, то в тюрьме. В Москве о Китабаяси стало известно только после публикации в Нью-Йорке в 1952 г. книги Ч. Уиллоуби «Shanghai Conspiracy» («Шанхайский заговор»).

Остальные 18 человек были сочтены «пособниками». Из них 8 человек после допросов были освобождены, в их числе Китабаяси Ёсисабуро (арестован 28 сентября 1941 г.), муж Китабаяси Томо и, судя по всему, Синодзука Торао («Специалист», владелец завода), арестованный 14 ноября 1941 г.

Аресты оставшихся десяти «пособников», «не являвшихся шпионами», по мнению следствия, были произведены в следующие даты:

22 октября 1941 г. — Такахаси Юю (сотрудник канцелярии отделения компании «Мантэцу» в Токио);

25 октября — Акиминэ Миё (советник информационного отдела кабинета министров);

24 ноября — Такэда Фусако (домохозяйка);

15 марта 1942 г. — Танака Синдзиро (заведующий политико-экономического отдела газеты «Токио асахи симбун»);

16 марта — Кикути Хатиро («корреспондент военного министерства при столичных газетах»);

16марта — Сайондзи Кинкадзу, бывший внештатный советник японского МИДа и кабинета министров Японии, внук последнего «генро» Сайондзи Кинмоти;

4 апреля — Инукаи Кэн, бывший член парламента, советник китайского правительства Ван Цзинвэя, сын премьер-министра Инукаи Цуёси, убитого в 1932 г. при попытке военного переворота;

11 апреля — Кайэда Хисатака (служащий станции Мукден компании «Мантэцу»);

13 апреля — Мияниси Ёсио (служащий отделения «Мантэцу» в Токио); Нориаки Гото (служащий «Мантэцу», доставлен из Маньчжурии 13 апреля).

«Среди арестованных и находившихся в заключении или тех, кто был допрошен без лишения свободы или в качестве свидетеля, оказалось большинство приближенных Коноэ — включая самого Коноэ [допрошен в качестве свидетеля], а также ведущих сотрудников газеты «Асахи», членов Общества Сёва и еще ряд людей, связанных с ЮМЖД или работавших в ее отделениях в Токио, Шанхае и Маньчжурии. Некоторые аресты, например Кавамуры и д-ра Ясуды, произошли через несколько месяцев после ликвидации группы Зорге»[39].

Участники ареста Зорге собрались накануне вечером в полицейском участке Ториидзака в Токио, расположенном по соседству с домом, который снимал Зорге. В субботу 18 октября 1941 года около 5 часов утра группа полицейских из токко, которой руководил инспектор Охаси Хидэо, и представители прокуратуры, среди которых был Ёсикава Мицусада, направилась к дому Зорге. Однако перед самым домом произошла непредвиденная заминка — у дома стояла машина германского посольства. В доме был гость. Этим гостем оказался Вильгельм Шульце из Токийского отделения Германского информационного бюро. Охаси позднее утверждал, что присутствие этого гостя было, вероятно, связано с падением кабинета Коноэ, происшедшего двумя днями раньше, и что он пришел «получить у Зорге отчет об этом событии».

Как только машина уехала, полиция ворвалась в дом. Несколько смутившись, Охаси закричал: «Мы пришли по поводу недавней аварии с вашим мотоциклом», — и без дальнейших слов Зорге, в пижаме и шлепанцах, втолкнули в полицейскую машину. При этом тот громко протестовал. Его доставили в полицейский участокТориидзака[40]. Днем Зорге принесли одежду из дома и отвезли в токийскую тюрьму Сугамо.

Из показаний Ёсида в Конгрессе США 9 августа 1951 г.: «Мы боялись, что Зорге будет стрелять в нас из пистолета. В течение нескольких дней мы вели наблюдение за домом Зорге. В то утро Зорге посетил человек из посольства Германии. После того, как этот человек ушел, мы вошли в дом и арестовали Зорге. Когда его арестовали, Зорге настаивал, что он был нацистом и занимает очень высокий пост в качестве советника в посольстве Германии»[41].

«Японская полиция с бюрократической дотошностью произвела перепись всех вещей, находившихся в доме Зорге. Эти незначительные предметы — материальные доказательства шпионажа — должны были сформировать первоначальную зловещую основу в цепи доказательств обвинений, которые будут выдвинуты против него в ближайшие месяцы. Список включал в себя три фотоаппарата, одну фотокамеру с необходимыми принадлежностями, три фотолинзы (одна из которых телескопическая), фотопринадлежности, черный кожаный бумажник с 1782 долларами, шестнадцать записных книжек с подробностями связей с агентами и финансовыми расчетами, партбилет члена нацистской партии на имя Зорге и список членов партии, проживающих в Японии, Германский статистический ежегодник в двух томах (источник шифровальных таблиц), семистраничный отчет и схема, составленные на английском языке и, наконец, самое роковое — две странички машинописного наброска, также на английском, представляющие собой заключительное послание, готовое к отправке в Москву 15 октября. В доме Клаузена был найден экземпляр этого же сообщения, наполовину зашифрованного, что дало основу для начала долгой драмы допросов»[42].

«В чем бы ни признались Одзаки и Мияги и какой бы документальный материал ни был найден в их домах, все можно было отнести к разведданным, собранным для посла Отта. Слабыми звеньями, с точки зрения Зорге, были Клаузен и Вукелич — особенно первый. Очень многое зависело от того, обнаружен ли радиопередатчик Клаузена, и если да, то где.

Из показаний Ёсикава в Конгрессе США 9 августа 1951 г.: «Мы арестовали Макса Клаузена, его жену Анну Клаузен (была арестована месяц спустя после ареста мужа. — *М.А.*) и Вукелича и провели обыски в домах этих людей. Самое главное, что нас интересовало, удастся ли нам обнаружить радиопередатчик. Нам повезло, и мы смогли найти радиопередатчик, и мы конфисковали его. Также мы нашли зашифрованные сообщения и сообщения, которые должны были быть закодированы, а также шифровальную книгу, в качестве которой служил немецкий статистический ежегодник»[43].

«По словам одного из источников, Клаузен стал давать показания сразу, в день ареста, 18 октября. Йосикава [Ёсикава], однако, вспоминает, что Клаузен признался во всем лишь "на третий или четвертый день после ареста". Другими словами, во вторник 21 октября или в среду 22 октября»[44].

Как следует из «Отчета и объяснений по моей нелегальной деятельности в пользу СССР» Клаузена от 1946 г., говорить он начал уже на второй день: «У меня много раньше возникал вопрос, что я буду делать, если меня арестуют.

Я решал не отвечать на вопросы. "Пускай они делают, что хотят", — думал я. Но обстановка была совсем иной. **Я думаю, что вел себя как трус** (Здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). Когда я сидел в камере, я решил не говорить вовсе. Но во время допроса полиции, получив неожиданные вопросы, стал отрицать все. И это была моя ошибка. Они стали спрашивать еще больше. Я перестал отпираться, так как это было бесполезно. Первое, что они сделали, чтобы заставить меня говорить, это поставили рацию в комнате, где производился допрос. Конечно, когда я увидел передатчик, я заволновался. Когда в начале я решил не говорить, я не знал, смогла ли моя жена уничтожить все или нет. Но когда я увидел передатчик, я был так поражен, что не мог говорить в первый момент. Подумав немного, я все же решил ничего не говорить, так как я думал, что они еще не знают о связях между членами нашей организации.

Кое-что о допросах в первые дни. О первом допросе я уже писал. Проводил его главный прокурор ИОСИКАВА. На столе перед ним лежала бумага, подписанная РИХАРДОМ. Этим он хотел запугать меня. Первые вопросы его были: фамилия, число и место рождения, национальность и пр. Затем он сказал мне: "Вы коммунист, вы работаете на Коминтерн, вы собирали секретную информацию и отправляли ее в Москву". Я ответил: "Я не коммунист и не имею ничего общего с коммунизмом". Он разозлился, встал со стула и сказал: "Нет необходимости врать, так как мы все знаем о вашей деятельности". Он дал мне лист бумаги, который я должен был подписать... Вечером меня вызвали снова. В комнате присутствовал полицейский инспектор НАКАМУРА и начальник полиции, кроме них еще были люди... НАКАМУРА спросил меня: "Знаете ли вы радиодело?". "Нет", — ответил я. Он покачал головой и рассмеялся...

На следующий день произошло описанное мною дело с передатчиком. Первое время допрос происходил очень медленно, так как я плохо говорил по-японски, а переводчик плохо знал немецкий язык. Переводчик ХАСЕБИ не всегда приходил ко мне, так как он, очевидно, переводил у других.

На следующий день я опять решил не отвечать, но получилось иначе. Они знали больше, чем я думал. Начальник полиции сказал мне, что РИХАРД во всем признался. Я не верил этому...»

Как выяснилось во время следствия, за шесть лет работы рации «Фрица» японцы перехватили 40-50 радиограмм. После того как арестованный Клаузен раскрыл японцам шифр, они, прочтя радиограммы, получили документальные доказательства разведывательной деятельности резидентуры: в радиограммах содержались в том числе и сведения о японской армии.

Однако даже если Клаузен и был сломлен морально в тюрьме и отрекся от своих идеалов, это ни в коей мере не может умалить подвига, который он совершал ежедневно на протяжении семи лет в качестве радиста «Рамзая».

Было необходимо добиться собственного «признания» Зорге, в виновности которого никто не сомневался. По свидетельству прокурора Ёсикавы, допросы Рихарда Зорге начались с требования «дать объяснение вещественным уликам». Среди них были и такие серьезные, как радиопередатчик, обнаруженный полицией на квартире Макса Клаузена. Из вопросов следователей Зорге стало ясно, что организация раскрыта, что все его помощники арестованы и полиции известно о разведывательном характере деятельности его группы.

Из показаний Ёсикава в Конгрессе США 9 августа 1951 г.: «В связи с расследованием дела Зорге, Клаузена и Вукелича я лично вел следствие по делу Зорге. Как я уже сказал, я был ответственным за расследование в отношении Зорге... Когда я начал допрашивать Зорге, он категорически все отрицал.

Г-н Тавеннер. Применялось ли какое-либо физическое насилие для получения признания?

Г-н Ёсикава. Нет. Клаузен вначале признался, что он был шпионом Красной Армии. А Вукелич признался, что он был шпионом Коминтерна. Поэтому мы провели очень глубокое расследование. Мы никак не могли определить природу этой шпионской группы до тех пор, пока не сознался Зорге. Я сказал Зорге, что Мияги и Одзаки признались и представил доказательства. По ходу того, как мы повторяли это, он и сам признался.

...

После того, как мы изъяли этот Статистический ежегодник Германии, мы спросили о его предназначении у Клаузена и Клаузен признался, что это была шифровальная книга с ключами для кодирования. Он признался до того, как это сделал Зорге.

Я сообщил Зорге об этих фактах, и он, в конце концов, тоже признался.

В то время у нас не было никакой четкой программы ведения следствия. Нас интересовало, был ли Зорге действительно шпионом Германии и действовал ли он с помощью коммунистов Японии. И на самом деле шпионил ли он в пользу нацистского режима в Германии. Это был первый вопрос.

Второй вопрос состоял в том, был ли Зорге двойным шпионом и не работал ли он одновременно и на Берлин и на Москву.

Третий вопрос, был ли он на самом деле шпионом Москвы и только притворялся нацистом.

Таким образом, мы допрашивали Зорге без предвзятого мнения. Мы занимали очень осторожную позицию.

Возник и еще один вопрос. Если бы он был шпионом Москвы, то мы не понимали, был ли он шпионом четвертого отдела, как сказал Клаузен. Или, возможно, он был шпионом Коминтерна, как сказал Вукелич.

Г-н Тавеннер. Когда вы говорите о четвертом отделе, вы имеете в виду четвертое управление Красной Армии?

Г-н Ёсикава. Да.

Г-н Тавеннер. Это было разведывательное управление Красной Армии?

Г-н Ёсикава. Да»[45].

«Переломным моментом для Зорге стал день, когда ему показали признания, сделанные Клаузеном и другими членами группы, и когда Йосикава обратился к нему в типично японской манере:

"А как быть с вашими человеческими обязанностями? Ваши сообщники, рисковавшие своими жизнями, работая на вас, признались во всем, надеясь, таким образом, пусть ненамного, но смягчить свои приговоры. А вы как руководитель собираетесь бросить их на произвол судьбы? Будь я на вашем месте, я бы признался"»[46].

Из показаний прокурора Ёсикава на слушаниях в Конгрессе США: «... я никогда не оказывал на него давления, чтобы добиться его признания.

Я просто просил его дать объяснения по мере того, как предъявлял ему доказательства.

Таким образом, в конце концов, в завершении первой недели, он признался. Хотя на тот момент я и не ожидал, что он признается.

Около 4 часов, поскольку это была суббота, мой коллега прокурор Тамазава и еще один полицейский чин **пришли, чтобы оценить состояние его здоровья и проверить, позволяет ли оно вести дальнейшее следствие** (выделено мной. — *М.А.*).

Таким образом, он, наконец, признался. Прежде чем он признался, он попросил лист бумаги и карандаш.

И, как я уже говорил, он написал на немецком языке, что с 1925 года он был членом Коммунистического интернационала (принадлежал к Коминтерну), и передал мне этот лист. И он снял пальто.

Затем он поднялся и воскликнул: "Я никогда не был побежден с тех пор, как я стал членом Коминтерна. Это первый случай, когда я потерпел поражение" («**I have never been defeated since I became an international Communist. This is the first time that I was beaten**»), — сказал он»[47].

Был членом Коммунистического интернационала, а не агентом Коминтерна, как утверждают едва ли не все исследователи, говоря о признании Зорге.

Представляется, что приписываемая ему фраза, что он побежден, относится к области фантазий прокурора Ёсикавы, потому что все эти дни Зорге вырабатывал стратегию поведения на допросах — ему необходимо было уйти от обвинения в нарушении закона «Об обеспечении государственной обороны и безопасности» и признания своей принадлежности к советской военной разведке. В противном случае существовала реальная угроза передачи дальнейшего ведения следствия кэмпэйтай, что, по мнению Зорге, являлось худшим вариантом для него самого и его соратников. Выбранная стратегия попала на благодатную почву.

«У меня есть мнение, почему Рихард Зорге сознался. — Показал Ёсикава в 1951 г. в ходе слушаний в Конгрессе США. — Первая причина такова: он понял, что его арестовали, когда отпираться было уже слишком поздно. Зорге и его группа уже почти закончили свою шпионскую деятельность, и они полагали, что они добились успеха»[48].

С самого начала Зорге позиционировал себя не как разведчика, пойманного с поличным, а как захваченного полицией политического деятеля-коммуниста. Такая позиция позволила ему вместо глухой оборонительной защиты против выдвигавшихся в отношении него обвинений действовать наступательно, выдвигая на первый план разъяснение и пропаганду целей, за которые он боролся: идеи коммунизма, защита Советского Союза, стремление избежать войны Японии с СССР[49].

Однако, признав свою принадлежность к Коминтерну и работу на него, Зорге открыл «ящик Пандоры». Признания Зорге позволили подвести обвиняемых под нарушение закона «О поддержании общественного порядка».

Закон «О поддержании общественного порядка» («Дзиан итидзихо»), ставший вскоре известным как закон «Об опасных мыслях», был принят в 1925 г., спустя три года после создания подпольной Коммунистической партии Японии. Ст. 1 закона гласила: «Лица, создающие организации, имеющие целью изменение государственного строя или уничтожение системы частной собственности, а также лица, сочувствующие этому и вступившие в эти организации, подлежат наказанию каторжными работами или тюремным за-

ключением сроком до десяти лет включительно». Под такими организациями подразумевались компартия Японии и Коминтерн. В дальнейшем закон был дважды пересмотрен (1928; 1941). В 1928 г. эдиктом императора вместо максимального срока наказания — десяти лет каторги — была введена смертная казнь. В феврале 1941 г. через парламент была проведена новая редакция закона (вступившего в силу в марте): расширился перечень преступлений, направленных против государственного строя, за которые полагались суровые наказания. Отныне смертная казнь или пожизненная каторга грозили обвиняемым не только за предусмотренное ст. 1 закона в редакции 1925 г. создание организации, ставящей своей целью изменение государственного строя, но и за «создание организации, имеющей своей целью оказание содействия в деятельности организации», упомянутой в ст. 1 (ст. 2 в новой редакции), а также за «создание организации, ставящей своей целью подготовку к созданию организации», упомянутой в ст. 1 (ст. 3)[50].

Сотрудничество с Коминтерном рассматривалось как покушение на государственный строй, сама же деятельность «группы Зорге» стала квалифицироваться как направленная к «достижению целей Коминтерна». Нарушение закона «О поддержании общественного порядка» стало центральным пунктом обвинения Зорге и его соратников. При этом обвинение в нарушении закона «Об обеспечении государственной обороны и безопасности» было сохранено. Следует отметить, что Мияги (и, судя по всему, агенты из его группы), равно как и Вукелич, действительно считали, что действуют в интересах Коминтерна. И не пытались довести эту цепочку до логического завершения: японские агенты, Вукелич — «Рамзай» — Коминтерн — Советский Союз. Никто другой, кроме Зорге, сказать им, что они собирают разведывательную информацию для Коминтерна, не мог.

Что касается следствия, то здесь сомнений, в пользу кого работал Зорге, не было. Из представления к награде помощника пристава Итакура Такатоси: «Пристав ИТАКУРА… доказал, что **ОДЗАКИ и МИЯГИ занимаются выяснением и сбором военных секретов в пользу Советского Союза** (выделено мной. — *М.А.*)»[51].

Рихард Зорге начинает давать показания лишь тогда, когда ему становится ясно, что арестовано ядро нелегальной резидентуры и показаниями Мияги, Одзаки, Каваи, Клаузена и других полностью вскрыта вся агентурная сеть.

Каково было физическое состояние «Рамзая» к моменту ареста? По своей природе он был физически крепким и выносливым человеком. Но 16 лет нелегальной зарубежной деятельности, в том числе последние 8 лет непрерывной, напряженной и нервной работы в Токио не могли не сказаться разрушительно на состоянии его здоровья, не подорвать его нервную систему. В течение последних пяти лет он почти в каждом письме просил Центр подумать о его отзыве, говорил о резком ухудшении здоровья, сердечных припадках, сильном нервном переутомлении. Клаузен в своем отчете указывает, что Зорге в последнее время часто болел, страдал сердечными приступами, нередко приковывавшими его к постели. Злоупотребление алкоголем также не могло не привести к еще большему расстройству и ослаблению здоровья Зорге. Можно уверенно утверждать, что к моменту ареста он уже не был таким физически крепким и выносливым, как 8 лет назад. Это был усталый и

больной человек с расстроенной нервной системой и серьезным сердечным заболеванием.

Не существует достоверных данных, пытали Зорге или нет до того, как он согласился во всём признаться. Известно лишь, что в первые дни его содержания в тюрьме Сугамо его непрерывно допрашивали, с раннего утра до позднего вечера.

Обращает на себя внимание, например, уже упоминаемое показание японского прокурора Ёсикава о плохом состоянии здоровья Зорге в течение недели, последовавшей после его ареста. Оно было настолько плохим, что Ёсикава пришлось специально посетить тюрьму, чтобы установить, «позволяет ли оно [состояние здоровья] вести дальнейшее следствие». Многие авторы справедливо считают, что состояние здоровья Зорге было самым непосредственным образом связано с применением пыток при допросах. Примечательно в этом смысле также сообщение Ёсикавы, сделанное им в 1951 г. на заседании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей конгресса США. Он сказал, что инспектор токко Хидэо Охаси, который лично вел дознание, получил предписание "свыше" во что бы то ни стало "сломить сопротивление Зорге" к 25 октября. Поэтому можно себе представить, какими способами пользовалась токко, лишь бы вырвать у Зорге "признание"»[52].

Протест Отта и его настоятельное требование о немедленном свидании с Зорге подтвердили опасения японских властей — арест Зорге мог отрицательно сказаться на японо-германских отношениях. Поэтому демарш германского посла обсуждался на самом высоком уровне — премьер-министром, министром юстиции и верховным прокурором. Было решено удовлетворить требование посла, разрешив ему свидание с Зорге не ранее 25 октября[53].

В своих показаниях перед комиссией по антиамериканской деятельности в Вашингтоне в августе 1951 года и в интервью, данном им в Японии десять лет спустя, Ёсикава подтверждал, что Зорге, в конце концов, признал, что был членом коммунистического интернационала, и что случилось это 25 октября в субботу, ровно через неделю после его ареста. Более того, Ёсикава заявил, что произошло это еще до встречи Зорге с Оттом: «Тодзио сказал министру юстиции, что он должен позволить Отту встретиться о Зорге. Случилось это в критический момент — следствие переживало кризис. Я хотел получить признание Зорге до того, как Отт увидится с ним. И Зорге действительно признался во всем этом еще до той встречи»[54].

Старший коллега Ёсикавы, Тамазава также утверждает, что свое первое признание ("мне и Ёсикаве") Зорге сделал в "субботу вечером, через пять или шесть дней после ареста".

Однако первая телеграмма Отта в Берлин, касающаяся дела Зорге и датированная 23 октября, включает следующее утверждение: "Как только это стало возможно, нанес короткий официальный визит Зорге". И это был визит, который японцы описывали как "особый и разрешенный исключительно с учетом дружественных отношений между Японией и Германией"»[55].

Отсюда ясно, что встреча Отта с Зорге состоялась не позднее вторника 23 октября. И если верно, что Зорге не признавался ни в чем до 25-го числа, то тогда выходит, что Ёсикаву подводит память, когда он утверждает, что сопротивление Зорге было сломлено до прибытия Отта в тюрьму Сугамо.

Признался Зорге до 23-го или нет, встреча его с Оттом стала эпизодом напряженным и болезненным. На свидание Отт явился в сопровождении посланников Кордта и Штаммера. Свидание было очень коротким и, согласно послевоенным показаниям Ёсикавы, было проведено при соблюдении следующих, выработанных им самим условий:

«1) во время беседы не должно упоминаться находящееся в процессе следствия "дело Зорге";

2) следователь должен присутствовать при беседе;

3) встречу необходимо ограничить пятью минутами;

4) Отту предлагалось говорить первому, затем его слова будут переводиться на японский язык. Если следователь одобрит сказанное, он поднимет руку, и тогда Зорге может отвечать»[56].

Генерал Отт вспоминает, что Зорге был сдержан и отказывался отвечать на некоторые вопросы, которые ему задавали, и, когда короткая беседа подошла к концу, Зорге попросил передать его наилучшие пожелания фрау Отт и семье посла. Из рассказа прокурора Ёсикавы:

«Во время встречи Зорге выглядел совершенно опустошенным, и лицо его выражало лишь необычайную скорбь и серьезность, и потому, как только Отт взглянул на него, он сразу оценил серьезность ситуации.

Отт сказал: "Ну как вы себя чувствуете?"

Зорге ответил: "Все в порядке".

Отт: "Как вас кормят?"

Зорге: "Удовлетворительно".

Отт: "Вам что-нибудь нужно?"

Зорге: "Нет, благодарю вас".

Потом Зорге сказал: "Это наша последняя встреча". После чего Отт, казалось, был явно тронут. Он был в форме и, по-солдатски отдав Зорге честь в прусском стиле, вышел из комнаты»[57].

Как явствует из препроводительного письма к материалам следствия, направленного в германское посольство 17 ноября 1941 г., на первом этапе обвиняемым, во всяком случае Рихарду Зорге, инкриминировалось нарушение закона «Об обеспечении государственной безопасности»[58]. Полное название закона: «Об обеспечении государственной обороны и безопасности» (принят 7 марта 1941 г.). Этот закон имел в виду сохранность государственных секретов дипломатического, экономического и политического характера и являлся как бы дополнением к уже существовавшим законам, предусматривавшим обеспечение сохранности чисто военных секретов, например, закона «О сохранении военных секретов» («Гунки хогохо»). Законом также воспрещалось разглашать иностранцам решения по вопросам государственной политики высших государственных органов — Тайного совета, кабинета министров, секретных сессий парламента и т. д.

В ст. 3 закона «Об обеспечении государственной обороны и безопасности» говорилось: «Лица, которые разгласят иностранным государствам (включая лиц, которые действуют в пользу других стран и иностранцев, что в последующем толковании закона рассматривается равнозначным), или лица, которые предадут гласности государственные секреты, им доверенные или ставшие им известными в процессе их собственной деятельности, караются тюремным заключением сроком от трех лет и пожизненно, а также смертной казнью»[59].

Согласно этому закону, Зорге и его товарищам могли быть вынесены самые суровые приговоры — вплоть до смертной казни или пожизненного заключения.

В начале следствия посол Отт считал (или хотел убедить в этом Берлин), что инцидент с Зорге подстроен антигерманской партией в Токио и что если Зорге собирал конфиденциальную информацию, то делал это в пользу Германии. В сообщении, которое Отт отправил в Берлин 23 октября 1941 года, выражалось возмущение арестом Рихарда Зорге: «Здешний многолетний представитель "Франкфуртер цайтунг" Рихард Зорге и другой подданный германского рейха Макс Клаузен арестованы японской полицией по подозрению в поддержании будто бы враждебных государству связей. Одновременно арестовано некоторое число японцев, один из которых якобы близко стоял к кругу сторонников бывшего премьер-министра князя Коноэ»[60].

Как отмечалось в телеграмме, отправленной в Берлин, по настоянию посла удалось добиться «в знак дружественного расположения к Германии» кратковременной встречи представителя посольства с Рихардом Зорге. «Из состоявшегося разговора [с японскими представителями] выяснилось, что Зорге "признал свою вину". Но, как отмечает Отт, речь шла об уже известных посольству связях Зорге с лицом, вхожим в круг Коноэ, и о материалах, касающихся японо-американских отношений, рассматриваемых японцами как государственная тайна. Об этом Зорге ранее докладывал посольству Германии. "Поэтому, — говорилось в телеграмме, — можно предположить, что речь идет об акте мести или об интриге, в которую оказался запутан Зорге. Как здесь известно, относящаяся к нам враждебно группа все еще обладает большим влиянием в полиции и в среде чиновничьего аппарата министерства внутренних дел и министерства юстиции, в связи с чем в обстоятельствах дела Зорге нельзя исключать враждебных Германии намерений"»[61].

Первое сообщение о провале нелегальной резидентуры «Инсона» поступило в Центр 31 октября 1941 года:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО. 30 октября 1941 года
Получено 31 октября 1941 года

По имеющимся сведениям — пять дней тому назад арестованы Инсон и Жигало [Жиголо] за шпионаж, в чью пользу неизвестно. Данные проверяю.

29 октября встречался с Изопом, который сказал, что Инсона давно не видел и не знает, где он. Об аресте Изопу мы ничего не сказали. Есть опасность, что Жиголо, если он арестован даже не по нашей работе, может раскрыть всю Инсоновскую ферму. Если данные подтвердятся, Изопа поставлю в известность.

№311 — ИКАР

[РЕЗОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО КОМИССАРА РУ]: НО4
Доложить.

Ильичев

[Резолюция]: НО-1
1. Подготовить справочный материал на Инсона и Жиголо.
2. Дать указание Икару поставить в известность Изопа.
1.11 Подпись.

Исполнено.
1.11.41
Доложено.

2.11.41 (Подпись НО-1)».

В этой шифртелеграмме содержится больше вопросов, чем ответов. Зачем было дезинформировать Центр о «встрече» 29 октября с арестованным за 11 дней до этого — 18 октября — «Изопом» — Клаузеном? Выходил ли кто-то на встречу с «Изопом» в действительности? А если и выходил, то кто это был: «Имак» — В.С. Зайцев, М.И. Иванов? А если кто-то выходил на встречу с «Изопом» (такого могло и не быть), то почему не сообщили как есть, что встреча не состоялась?

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 5 ноября 1941 года
По телеграфу.

Инсон арестован за шпионаж, очевидно, не на нас. С ним арестован Жигало и еще два агента. Первоначальные сведения об аресте были получены от корреспондента Индии Yca Chokligham, затем подтвердили Испарин и Илиада. Установить связь с Изопом очень трудно, наши попытки все время срываются.

№ 317. ИКАР

[РЕЗОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО КОМИССАРА РУ]:
Сообщить Панфилову информацию.

Ильичев».

О том, как «устанавливали» связь с арестованным Максом Клаузеном, написала в 1946 г. в своем отчете его жена Анна. Ее, единственную из близкого к Зорге «круга», не спешили арестовывать, чтобы проследить за действиями советского посольства после проведенных арестов: «Прошло две недели. Меня охраняли день и ночь. Наконец стража уверилась, что ничего особенного за это время не произошло: никто не приходит, никто не звонит. Правда, приехала к нам немка ФРИДА ВАЙСС, наша знакомая. Она не знала о нашей катастрофе и пришла к нам прямо с вокзала. Ей разрешили переночевать. В этот вечер полицейские ушли ужинать в соседнюю харчевню. Вскоре после их ухода вдруг у двери раздался звонок. Я поняла, что случилось что-то необычное. Я и ВАЙСС побежали вниз. Я открыла дверь. Передо мной стоял высокий молодой человек, которого я сразу признала за русского. Однако по-русски с ним заговорить не решалась в присутствии посторонней. Я стала уговаривать молодого человека по-английски, чтобы он уходил скорее, что он "ошибся". Однако молодой человек, видимо не понимая меня, в испуге лепетал: "А разве здесь квартира не сдается?" и продолжал стоять. Он понял, что у нас что-то неладное и все же ушел. Через три минуты после этого вернулись полицейские. Позже я узнала от полицейских, что в этот день к нам должен был прийти Виктор Сергеевич Зайцев — "Сергей". Однако приходил не он, а неопытный, не знающий правил конспирации, который ввалился прямо в дом, но имел счастье уйти из него».

Молодым человеком, которого Анна «сразу признала за русского» был 29-летний М.И. Иванов[62]. Направлять сотрудника военной разведки легальной резидентуры (в этом случае уже не играл никакой роли фактор наличия опыта в разведывательной работе посланника, да таковых уже и не было в «легальной» резидентуре) домой к Клаузену было нарушением всех правил конспирации. Не вызывает сомнений, что приход Иванова к месту жительства четы Клаузенов контролировался, и то, что его не арестовали, объясняется не отсутствием в квартире сотрудников токко, а отсутствием у них инструкций на счет сотрудника резидентуры советской военной разведки, появления которого здесь не ожидали. Ждали Зайцева, его и могли арестовать (что неоднозначно). Но на выяснение обстановки был отправлен молодой и еще менее опытный Иванов. Почему? Значит, Гущенко предполагал, что в доме Клаузенов может быть засада, и решил пожертвовать «пешкой» вместо «офицера». Значит, резидент сознательно и совершенно неоправданно пошел на жертву оперативным офицером. Но обошлось.

«СПРАВКА

на нелегального резидента в Токио ИНСОНА.

Фамилия, имя и отчество (настоящие) — ЗОРГЕ ИКА РИХАРДОВИЧ, по национальности немец, рождения 1895 года, член коммунистической партии Германии с 1919 г., член ВКП(б) с 1925 г. (партийный билет хранится в Политотделе Разведупра). Окончил Университет в Берлине, в совершенстве владеет немецким и английским языками. Родился в Германии, воспитывался в детстве у бабушки в г. Одессе.

На разведывательной работе в Разведупре с 1929 г. До этого работал на партийной работе в качестве инструктора Коминтерна в ряде стран.

Как попал в Разведупр, по чьей рекомендации — сведений нет.

С 1929 по 1932 г.г. работал нелегальным резидентом в Шанхае. В конце 1932 г. был отозван в Москву, так как стало известно, что Инсон скомпрометировал себя на работе, а также в связи с арестом одного из связников его сети. Агентурная сеть Инсона состояла в основном из китайцев-партийцев. Сам Инсон работал неконспиративно: вербовал новых источников у себя на квартире, там же их принимал с материалами. Кроме того, поддерживал в открытую широкие связи с левонастроенными китайскими кругами и, в частности, с одной известной левой американской писательницей (.....), через которую также проводил вербовку; работал субредактором одной левой китайской газеты.

В 1933 г. Инсон Разведупром был направлен на нелегальную работу в Японию, г. Токио. Выехал туда через Европу и Америку с заездом в Германию, где получил паспорт на свое настоящее имя, завязал небольшие связи с рядом газетных издательств. Тоже проделал в Голландии и, кажется, в других мелких европейских странах.

Практическую работу в Японии начал в 1935 г. Весь 1934 и частично 1935 гг. у Инсона ушли на оседание в Токио, изучение обстановки и на завязывание знакомств в немецком посольстве в Токио. Как пишет Инсон, через одного секретаря посольства ему удалось завязать крепкие связи с бывшим немецким послом в Токио ....., особенно с его женой, и помощником военного атташе майором Шолль. Все доклады, посылаемые немецким послом в Берлин, в основном составлялись Инсоном, а майор Шолль делился с ним

всей военной информацией по японской армии и страны в целом. Инсон регулярно фотографировал все эти документы и пересылал нам.

Особенно ценные сведения по японской армии дал Инсон в период с начала японо-китайской войны — по конец 1938 г. Этими сведениями нами было полностью вскрыто отмобилизование и развертывание японской армии и ее группировка в Китае по фронтам. С конца 1938 г. военная информация Инсона ослабла, видимо, в связи с убытием в Германию майора Шолль и назначением другого военного атташе полковника Мацке, которого Инсон характеризовал прояпонцем и, вообще, дураком.

В 1936 г. Инсон дал почти полные сведения в отношении подготовки и заключения антикоминтерновского пакта между Германией и Японией.

Весь 1939 г. характеризуется значительным понижением качества работы Инсона. В основном информация была экономического порядка, невысокая по качеству и, кроме того, ограничилась несколькими докладами ВАТ о состоянии японской армии и ее дислокации в Китае и Маньчжурии. С половины 1940 г. начинается медленный подъем улучшения качества работы Инсона и к весне 1941 г. значительно улучшается.

Весной 1941 г. Инсон дал 2 ценных и достаточно полных доклада о состоянии 2-х авиазаводов японской авиапромышленности, общие суммарные сведения о состоянии всей японской авиапромышленности и танкостроении. В мае месяце Инсон сообщил полную дислокацию японской армии, которая информационным отделом оценена как «весьма ценный материал».

В мае месяце дал совершенно правильный прогноз о предстоящей войне СССР с Германией. Он указал на сосредоточение 9-ти германских армий (150 дивизий). Во главе одной армии назвал Рейхенау. Дал общую схему действий, что главный удар будет наноситься левым флангом. Удары будут по схеме, как это было в Польше в 1939 г. Телеграммой от 15.6. он указал, что война Германии против СССР начнется в конце июня месяца.

В июне месяце сообщил, что Япония будет на стороне Германии. Япония будет готова к выступлению не ранее как через 6 недель после начала войны Германия-СССР, но если РККА потерпит поражение, то Япония может выступить раньше.

В июне сообщил, что Япония решила захватить Сайгон. Дополнительно сообщил, что 21 июля японская армия захватит южную часть Индокитая — это было почти точно.

В июле месяце сообщил общие цифры и ход мобилизации в Японии — сведения правильны.

В сентябре- октябре Инсон давал правильные сведения о группировке японских войск у нашей границы, делал обоснованные выводы о направлении главного и вспомогательного ударов японской армии против частей Красной Армии на ДВ. Что касается вопроса нападения Японии на СССР, то в начале Инсон считал, что Япония выступит после того, как немцы захватят Ленинград, Москву, Харьков, а в последних сообщениях он говорит, что японцы выступят против СССР весной 1942 г.

[Дал еще в октябре м-це правильную оценку хода переговоров США — Япония и дал вывод, что в случае безрезульт. переговоров Япония выступит против США — вписано от руки — *М.А.]*

Следует отметить еще следующие сведения, данные Инсоном:

В 1939 г. во время усиления европейских противоречий Инсон сообщил, что Гитлер поставил первоочередной задачей разбить Польшу, затем Францию и Англию. Нападение на СССР будет осуществлено после разгрома Польши и покорения Европы. В мае 1939 г. уточняя эти сведения, Инсон сообщил, что нападение на Польшу будет произведено 1 сентября (Сведения полностью подтвердились).

В 1940 г. заблаговременно сообщил о времени начала наступления германских войск против Франции и основном направлении стратегического удара немецких войск.

В этом же году дал полные сведения о характере договора, заключенного японцами с «правительством» Ван Цзинвэя.

Неоднократно давал ценные сведения о внешней политике Германии в отношении Японии и Дальневосточной политике в целом, а также Японии в отношении Германии и других стран.

Возможные причины провала Инсона.

1. В течение продолжительного времени Инсон работал под руководством бывших руководящих работников Разведупра, оказавшихся врагами народа. Отсюда вытекает вывод: если враги народа продались сами иноразведкам, то спрашивается, почему же они не могли выдать Инсона. Так, например, бывший Начальник 2-го Отдела Карин являлся немецким шпионом, и он выдал, по его словам, некоторых наших секретных агентов в Китае. В бытность Карина начальником отдела Инсон работал в Японии. Начальник японского отделения Покладок являлся японским шпионом.

2. Бывший начальник японского отделения (после Покладока) Сироткин оказался также японским шпионом. Сироткин показал органам НКВД, что он выдал японцам Инсона в конце 1938 г. со всеми его источниками. На одном из допросов Сироткина в НКВД присутствовал полковник Попов.

3. По записям врагов народа в личных делах Инсона значится, что он был известен английской полиции как советский разведчик.

И.Д. НАЧАЛЬНИКА 4 ОТДЕЛА РУ ГШ КА
ПОЛКОВНИК /Рогов/

1 ноября 1941 г.
Отп. в 1 экз.
1.11.41 г.».

«ВОЕННОМУ КОМИССАРУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 13 ноября 1941 года
По телеграфу.

По данным агентуры:

...

2. Илиады — Инсон 11.11 застрелился в тюрьме, надо полагать, что его застрелили во время допроса. Арестован также Изоп, у которого захвачена большая сумма денег и радиостанция. Жигало сидит, у него на квартире найдены дневники по вопросам политики Японии и сведения о разговорах и слухах среди политических кругов. Данные получены от ... офицера, имеющего связи в контрразведке (в отношении Изопа данные проверяю).

...

№ 320. ИКАР

Резолюция: НО 4.
П.2 с расшифровкой кличек передать шифром т. Панфилову.

Ильичев».

17 ноября 1941 г. в германское посольство поступили первые официальные материалы следствия. На препроводительном документе значилось:

«Правительство Японской империи
Строго секретно

При сем препровождается в германское посольство через Министерство иностранных дел строго секретная информация **по делу о нарушении закона "Об обеспечении государственной безопасности" Рихардом Зорге** (выделено мной. — *М.А.*), основанная на расследовании, проводящемся в прокуратуре Токийского окружного суда.

Уголовный департамент»[63].

Допросы Рихарда Зорге на этом этапе следствия (с 26 октября 1941 г. по 7 марта 1942 г.) вел инспектор Хидэо Охаси, который допросил Зорге 33 раза. По официальной версии, ни один из протоколов допросов не сохранился. Однако о содержании допросов можно судить по записи, сделанной полицейским инспектором и условно названной первым вариантом «записок Зорге». Заглавие не должно никого вводить в заблуждение. Это не собственноручные «записки», а документ, представляющий собой обобщенную запись показаний Зорге на допросах, которые вел инспектор токко Хидэо Охаси. Об этом свидетельствует и надпись чиновника токко, предшествовавшая тексту документа: «Нижеследующее представляет запись, которую было мне предложено вести во время допросов Зорге. Их содержание должно представить большую ценность в дальнейшем расследовании "дела Зорге"»[64]. Этот документ, произвольно названный «Записками Зорге», не использовался даже в качестве доказательств при судебном разбирательстве.

«Судя по содержанию этого документа, а также по материалам последующего следствия и судебного разбирательства, Рихард Зорге, отвечая на вопросы Охаси о его связи с "Москвой", ограничивался употреблением слов "московские власти", "Москва". Можно предположить, что такая туманность формулировок Зорге скорее даже устраивала токко и прокуратуру, поскольку позволяла не передавать дальнейшее ведение следствия в руки кэмпэйтай»[65]. В начале следствия Зорге старательно затушевывал вопрос о том, кому подчинялась его группа в Москве, выдвигая на первый план даже не Коминтерн, а формально не связанный с государственным аппаратом ЦК ВКП(б).

О развитии следствия на Вильгельмштрассе в Берлине узнали из телеграммы Отта от 25 ноября 1941 года. В ней приводилось письмо из прокуратуры, полученное посольством после настойчивых просьб. В этом документе, снабженном грифом «строго секретно», излагался состав преступления Рихарда Зорге. «Находящийся под подозрением Рихард Зорге… в ноябре 1919 г. в Гамбурге вступил в германскую коммунистическую партию и занимался там подпольной пропагандистской, агитационной и просветительной деятельностью. Принимая в январе 1925 г. участие в проведенной в Москве конференции как делегат центрального секретариата ГКП, Зорге вошел в информационный отдел Коминтерна. Весной 1930 года ему поручили новое дело — за-

ниматься шпионской деятельностью. Его переправили в Китай, где он, также как и в других местах, выполнял это задание. Получив затем поручение заниматься такой же деятельностью в Японии, он в целях маскировки направил в Берлин заявление о вступлении в НСДАП (Национал- социалистическую рабочую партию Германии. — *М.А.*) и одновременно добился поста корреспондента "Франкфуртер цайтунг". В качестве такового он перебрался в сентябре 1938 г. через Америку в Японию. С тех пор и до своего ареста он прикрывал свою нелегальную жизнь званием члена нацистской партии и постом корреспондента, а в действительности под руководством Коминтерна [далее цитата прерывается; по смыслу — занимался шпионской деятельностью. — *М.А.*)»[66].

Учитывая резонансность «дела», было решено создать нечто вроде специального правительственного комитета. В него вошли министр иностранных дел, заместитель министра внутренних дел, заместитель министра финансов, начальник генштаба, представитель военного министерства, губернатор Токио и начальник главного полицейского управления. В совещаниях комитета принимал участие представитель министерства юстиции, информировавший его членов о ходе расследования. «Делом Зорге» лично занимался и премьер-министр генерал Тодзио. Японские авторы сообщают, что на стадии расследования токко Тодзио лично давал указания начальнику главного полицейского управления по организации и ведению следствия[67].

В числе 18 человек, «не являвшихся шпионами», были такие «колоритные» фигуры, как Инукаи Кэн и особенно Кинкадзу Сайондзи. Недаром вопрос об аресте и привлечении к ответственности этих двоих был решен только после длительного обсуждения в различных правительственных инстанциях. Причина заключалась не только в том, что первый из них принадлежал к семье высшей правительственной бюрократии, а второй — к «сливкам» аристократического общества. Огромное значение имело и то, что они вместе с Одзаки входили в «мозговой центр» правительства Коноэ. Занимая на первый взгляд скромную должность, Сайондзи принимал непосредственное участие в разработке кардинальных проблем государственной политики, включая вопросы японо-американских отношений, политики Японии в отношении СССР, а также агрессивных планов в отношении Китая.

Среди 18 человек, «не являвшихся шпионами», исключая Сайондзи и Инукаи, не было фигур, занимавших высокое положение. В большинстве это были люди, чьи показания могли вовлечь в «дело» влиятельные фигуры из правящей олигархии и военных. Никто из этих 18, кроме Кинкадзу Сайондзи, не был в дальнейшем привлечен к судебной ответственности. Роль последнего в судебном процессе свелась к роли главного свидетеля обвинения против Одзаки Ходзуми (что сказалось и на его приговоре)[68].

В основу составленного инспектором Охаси 11 марта 1942 г. резюме по итогам следствия в отношении Рихарда Зорге лег вывод, что деятельность Зорге и его соратников была направлена против существующего в Японии государственного строя и проводилась в интересах «международной коммунистической революции»[69].

Учитывая серьезность дела, прокурор Ёсикава Мицусада, начиная с 18 октября 1941 г., присутствовал на многих, если не на всех допросах, проводившихся Охаси[70]. Из заявления, сделанного по приказанию штаба американских оккупационных войск в Японии бывшим прокурором по делу Зорге Ёсикавы Мицусады: «В октябре 1941 г. я был назначен для исполнения обязан-

ностей прокурора при суде Токийского района. Мне было приказано вести допрос Рихарда Зорге, в то время находившегося в заключении в токийской тюрьме. Я вел допрос Зорге вплоть до мая 1942 г.»[71]. Как следует из показаний Ёсикавы, Зорге допрашивали ежедневно с 9 утра и до позднего вечера. До 3 часов дня допросы вел инспектор токко Охаси, затем за дело брался сам Ёсикава. Вот как он об этом рассказывает: «Вначале я информировал Зорге в общих чертах о предстоящем допросе и его главных пунктах. Со своей стороны, Зорге выдвигал собственные требования.

Мои познания немецкого и английского языков несовершенны, допрос требовал много времени, но Зорге не хотел переводчика... Поэтому, когда у нас возникали трудности в понимании, Зорге давал письменные объяснения. Когда же общая линия допроса была наконец определена, Зорге в моем присутствии, здесь же, в следовательской комнате, писал на пишущей машинке свои показания на немецком языке.

Когда Зорге кончал главу или раздел своих показаний, он зачитывал их мне, а после внесения по моему требованию поправок или дополнений передавал написанное в мои руки. Эти показания были написаны [напечатаны] Зорге в одном экземпляре»[72]. По официальной японской версии, они составили так называемый второй (расширенный) вариант записок Зорге («Тюремные записки Рихарда Зорге»), приобщенных затем к судебному делу в качестве вещественного доказательства. Позднее, при ведении процедуры ёсин, на вопрос судьи о происхождении этого документа Зорге ответил: «Я написал его согласно требованию прокурора и на тему, им предложенную. Что касается содержания, то оно зависело от моей воли, и я не встречал здесь ограничений»[73].

По словам Ёсикавы, Зорге, написав на пишущей машинке показания по ряду вопросов, в дальнейшем отказался от этой формы. Тогда Ёсикава подготовил вопросы и поручил переводчику Икоме Ёситоси записывать устные ответы Зорге. Таких записей, как говорил Ёсикава, было около 38. Записи, сделанные на японском языке, переводились Икомой на немецкий и давались для просмотра Зорге, и он ставил свою подпись. Затем Икома оформлял эти материалы на японском языке как протоколы допросов, которые скреплялась подписями Ёсикавы и Икомы[74].

В японских полицейских и судебных архивах не сохранилось подлинных документов по делу Зорге, в том числе оригинала рукописи записок на немецком языке. Все эти документы сгорели вместе со зданием Министерства юстиции во время налета американской авиации 7 марта 1945 года. Факт утраты документов был установлен сразу после войны американскими офицерами из штаба оккупационных войск. Затем ими было выяснено, что сохранились копии судебных материалов на японском языке, заблаговременно вывезенные из Токио в г. Кофу, префектура Яманаси. Американцы сразу же засекретили все эти материалы, они были рассекречены в 1983 г. и изданы спустя еще пять лет.

Подлинность собственноручных «записок Зорге» американцам под присягой подтвердили причастные к делу Зорге прокурор Ёсикава и профессор Икома, переводивший документ с немецкого языка в феврале—апреле 1942 г. Более того, американцы нашли 24 страницы машинописного оригинала записок Зорге с правками автора, случайно сохранившиеся в личном досье Ёсикавы, который передал текст в штаб американских оккупационных

войск и письменно подтвердил, что это часть записок, собственноручно написанных и исправленных Зорге в его присутствии и переданных ему в следственном помещении токийской тюрьмы в октябре—ноябре 1941 г.[75].

Подлинность документа не вызывает сомнения. Если бы даже не проводилось факсимиле отдельных отпечатанных на машинке страниц оригинала на немецком языке с рукописной правкой «Рамзая», само содержание документа подтверждает его авторство. Возможна, конечно, какая-то доля «творчества» полиции, но она минимальна.

Так называемый второй вариант «записок Зорге» (опубликованы на русском языке под названием «Тюремные записки Рихарда Зорге») едва ли мог бы удовлетворить следователя-европейца, поскольку дает лишь поверхностную картину начала карьеры Зорге. Истинная природа его деятельности в 1920-х годах так и осталась неясной. Даже по Шанхаю, где Ёсикава добивался более подробных разъяснений, собственное изложение Зорге ясно показывает, что ему успешно удавалось быть уклончивым.

«Почему Зорге удалось затемнить так много вопросов? Почему прокурор принял заявление или признание, в котором изложена не вся правда?

Две причины напрашиваются сами собой. Во-первых, Ёсикава был намерен в первую очередь расследовать деятельность Зорге в самой Японии за предыдущие восемь лет. А все, что происходило до 1933 года, не вызывало у него столь жгучего интереса. Во-вторых, вероятно, добровольно соглашаясь описать свою жизнь, Зорге ставил перед собой цель приобрести пусть небольшое, но существенное тактическое преимущество перед следователем. Знакомый с японской психологией Зорге знал, что прокурор, имея дело с идеологическим преступлением, всегда ждет некоего "перерождения души" или "обращения", дающего обвиняемому возможность, пройдя чистилище следствия и суда, вновь вернуться в общество в качестве лояльного японского гражданина. Конечно, от иностранца нельзя было ожидать подобного рода "раскаяния". И Зорге действительно никогда не отрекался от своей веры в том смысле, что не отказывался от верности Москве. Но его очевидное желание сотрудничать, коль скоро он признал, что был "международным коммунистом", без сомнения, произвело впечатление на прокурора. Из этого не следует, что искушенный Ёсикава был разоружен желанием Зорге говорить; но возможно, что в тот самый момент, когда Ёсикава поверил в то, что он одержал решающую моральную победу, инициатива в некотором смысле перешла к Зорге»[76].

Насколько можно судить по второму варианту «записок Зорге», он придерживался принятой стратегии, которой первоначально следовал в ходе допросов, проводимых инспектором токко Охаси. Представляется, что и показания Зорге в обоих случаях находились в одном русле. Вместе с тем в ходе допросов, проводимых прокурором Ёсикавой, Зорге начинает безуспешно дистанцироваться от Коминтерна, подчеркивая, что отношения с этой международной организацией «носили косвенный характер». Отказаться от обвинения Зорге и членов его «организации» в нарушении закона «О поддержании общественного порядка» японское правосудие не могло ни при каких объяснениях Зорге, признавшегося в начале следствия в своей принадлежности к Коминтерну.

В первое время Зорге умышленно затуманивал вопрос отношения к 4-му (Разведывательному) Управлению Красной Армии. Как он вынужден был

признать позднее на заседаниях предварительного суда, он был «намеренно неточен» в письменном признании, которое представил прокурору Ёсикаве. Зорге заявлял, что его связи с 4-м Управлением были чисто техническими и организационными — как если бы Управление было не больше, чем промежуточная инстанция для докладов, предназначенных руководству Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

«Мне совершенно не было разъяснено, в каких отношениях я буду находиться с Москвой с организационной точки зрения, — писал Зорге во втором варианте «записок». — Поэтому мне не было ясно, к какому ведомству принадлежу. Разумеется, я не задавал никаких вопросов по этому поводу. Поэтому и по сей день не знаю, относился ли я к штаб-квартире Коминтерна, или был сотрудником, так называемого четвертого управления, или был приписан к какой-либо другой организации, например, к Народному комиссариату иностранных дел Советского Союза или к Центральному комитету Советской коммунистической партии. Если же судить по характеру моих обязанностей и получаемых указаний, то можно сделать следующие выводы.

Вероятно, я находился в ведении Центрального комитета Советской коммунистической партии (выделено Р. Зорге. — *М.А.*).

Путем всесторонних размышлений я пришел к такому выводу. Мне ничего не известно о том, шла ли отсылаемая мной информация в Центральный комитет Советской коммунистической партии, или в его секретариат, или же в какой-либо разведывательный орган, специально созданный Центральным комитетом. Несомненно лишь то, что она использовалась высшими партийными кругами, следовательно, высшими кругами советского правительства...

Если говорить о технической и организационной стороне дела, то моя информация посылалась в особый орган, известный в качестве четвертого управления. Из этого четвертого управления я получал технику, необходимую для выполнения своих обязанностей (например, радиоаппаратура, радисты и т. п.), и другую помощь. Время от времени четвертое управление поручало мне выполнение заданий военного характера. Однако главный акцент делался обычно на получении необходимой для партийного руководства политической информации. В связи с этим мои отношения с московскими инстанциями складывались следующим образом. Все посылаемые мною сообщения поступали в четвертое управление. Из этого управления они направлялись руководству Советской коммунистической партии, а разведданные, представлявшие интерес для Коминтерна, направлялись туда. Разумеется, с этой информацией могли знакомиться и другие организации, такие, как Советская армия, Народный комиссариат иностранных дел и др. Короче говоря, по характеру моих донесений я был связан с Коммунистической партией Советского Союза, а по технической части — с четвертым управлением»[77].

В собственноручных «записках» Зорге счел необходимым не раз вернуться к затронутой проблеме. Так, в разделе, названном им «Положение моей разведгруппы относительно московских инстанций», Зорге пишет: «Отношения между членами моей разведывательной группы и московскими инстанциями были различными. Почти не было ясности ни в их организационном, ни в их служебном положении. Поэтому очень трудно объяснить положение, которое занимал каждый из них в отдельности...

Как руководитель агентурной группы в Японии, я был непосредственно и, прежде всего, связан с Центральным комитетом Советской коммунистиче-

ской партии. По техническим аспектам своей работы и по некоторым другим вопросам разведдеятельности я принадлежал также к четвертому управлению Красной армии. И, как уже отмечалось выше, **мои отношения с Коминтерном носили косвенный характер** (выделено мной. — *М.А.*)»[78].

Представляется, что следователи и сами не возражали против некоторой неопределенности термина «московский Центр» при описании организации, руководившей деятельностью Зорге. Однако по истечении времени Зорге в «записках» меняет показания в части принадлежности своей нелегальной организации. И в конце «записок» появляется раздел «Почему я относился к четвертому управлению?», в котором он объясняет причины своего «перехода в четвертое управление в 1929 г.»[79].

На допросах на предварительном суде Зорге уже однозначно признает, что 4-е Управление Красной Армии было единственной организацией, с которой он был связан и которой был подчинен.

В записках Зорге настаивал на отсутствии у Советского Союза агрессивных намерений в отношении Японии: «Для Японии совершенно нет причин опасаться нападения со стороны Советского Союза. Советские военные приготовления, даже в Сибири, носят чисто оборонный характер. Утверждение, что СССР является первым противником Японии, представляет собой иностранный пропагандистский вымысел, лишенный исторической основы. Великие державы получают выгоду от многолетней враждебности между Японией и СССР. Японская армия, ухватившись за высказывания иностранных пропагандистов, требует все возрастающих с каждым годом бюджетных ассигнований для противодействия этому ужасному монстру — СССР. Однако действительные цели Японии находятся не на севере, а в Китае и на юге. И хотя советские военные приготовления носят чисто оборонительный характер, их ни в коем случае нельзя недооценивать, как показал Халхингольский инцидент»[80].

Важно заметить, что в «Тюремных записках Рихарда Зорге» говорится только о людях, уже известных следствию, но не сообщается никаких фактов, которые были бы новыми для следствия и которые, следовательно, могли повлечь за собой новые аресты. **Там, где «Рамзаю» кажется, что следствие не обладает достаточно определенными уликами, он пытается «запутывать» следы, отводить внимание полиции.**

В ходе следствия «Рамзаю» показали фотографии работников советского посольства в Токио и предложили опознать тех, с кем он встречался. Зорге знал, что по этому вопросу следователи могли получить информацию от одного Клаузена, и умышленно «напускал» туман, доказывая, что он не в состоянии припомнить лица тех, о ком идет речь. Более того, он исключал причастность курьеров к советскому посольству: «Я вспоминаю, что на встречи в Токио приезжали два различных курьера. Один был высокий, крепкого телосложения молодой человек, другой, появившийся позднее, выглядел еще моложе и имел прекрасную фигуру. Однако на фотографии, которую показывал мне полицейский офицер во время расследования, я не смог опознать высокого сильного человека. Человек, с которым я встречался, не носил очков. Мужчина на второй показанной мне фотографии несколько похож на человека, с которым я встречался в доме Клаузена, но у меня нет уверенности, что это тот самый курьер. Человек, с которым я встречался в последний раз, был со всех точек зрения типичный профессиональный курьер, переезжавший из страны в страну. Однако я старался не задавать ему вопросов по это-

му поводу. Мы расстались с ним, только немного поговорив о войне Германии с СССР.

Последняя перед моим арестом встреча с курьером состоялась, кажется, в начале октября. На встречу ходил Клаузен, поэтому я не помню даты»[81].

Зорге «отводит» внимание следствия от личности «Коммерсанта» — Гельмута Войдта, завербованного им еще в Шанхае. О «Коммерсанте» Зорге вынужден говорить, так как о нем знал Клаузен (а значит, рассказал на допросах) и его псевдоним упоминался в расшифрованных радиограммах. И он старается возможно более убедительно показать, что «Коммерсант» — это не псевдоним, а понятие, и что Войдт был просто его приятелем. О «Коммерсанте» «Рамзай» пишет в разделе «немецкие предприниматели и инженеры», когда описывает «Мои собственные источники информации»: «Я поддерживал дружеские отношения с немецкими предпринимателями в Китае. Приезжая в Шанхай, я всегда встречался с двумя-тремя из них, чтобы побеседовать об экономической ситуации и состоянии германской торговли. Встречался я также с доктором Войдтом, которого рекомендовал Клаузен. Он приезжал в Токио примерно два раза в год, поэтому мы с ним встречались и здесь. Большинство немецких предпринимателей из Китая, приезжая в Токио, заходили ко мне. Войдт не был членом моей разведывательной группы, но как правительственный чиновник знал очень много в различных областях, поэтому я с удовольствием поддерживал с ним контакты. Безусловно, какую-то часть услышанных от него сведений я использовал в своей разведывательной деятельности. **В своих радиосообщениях в Москву я называл его и других немецких торговцев из Китая "коммерсантами"** (выделено мной. — *М. А.*). Последний раз мы встречались с Войдтом около года назад. Он и лично мне очень нравился, и был одним из немногих людей, к которым я питал дружеские чувства. Большинство немецких предпринимателей в Китае мне не очень нравились и были для меня неприятны»[82].

Зорге пришлось давать характеристику и «Специалисту» (Синодзуке Торао), о котором следствию стало известно от Одзаки. И в этом случае он попытался минимизировать его роль в нелегальной организации, хотя это в какой-то степени соответствовало действительности. «Наконец, нужно упомянуть одного «специалиста». — Писал Зорге в «записках». — Он был старым другом Одзаки, и его вовлекли в нашу работу вскоре после моего прибытия в Японию. Он, однако, оказался далеко не тем человеком, на которого мы рассчитывали. Мы сначала рассматривали его как военного специалиста, но он, к удивлению, оказался экспертом по деньгам. Некоторые связи с подобными помощниками Одзаки имел и Мияги»[83]. «Специалист» так и не был осужден, и его выпустили из тюрьмы.

В «Тюремных записках Рихарда Зорге» нет ничего, что можно было бы истолковать как идейное отступничество, напротив, «Рамзай» настойчиво подчеркивает свои коммунистические убеждения.

Зорге решительно отвергал обвинение в нарушении закона «О поддержании общественного порядка». Ни он сам, и никто из членов резидентуры Зорге, включая японцев, не ставили и не могли ставить своей целью «изменение государственного строя» или «уничтожение системы частной собственности», что рассматривалось законом как самое тяжкое преступление.

На вопрос прокурора Ёсикавы, каковы были цели его разведывательной организации, Зорге ответил, что они «состояли в том, чтобы защищать социа-

листическое государство — Советский Союз, оборонять его, отводя от него различного рода антисоветские политические махинации, а также угрозу военного нападения. Советский Союз не желает политических конфликтов или военных столкновений с другими странами, особенно с Японией, не намеревается он также совершать агрессию против нее. Следовательно, моя группа, как и я сам, прибыли в Японию вовсе не как ее враги»[84].

Избежать войны Японии с Советским Союзом значило также избавить японский народ от тягот, лишений и неисчислимых жертв «большой войны». «Мы считаем, — заявил на следствии Мияги, — что подлинной обороной страны является политика избежания войны. В этом смысле я полагаю, что наша деятельность скорее отвечала интересам народа, чем наносила ему ущерб... Поэтому мы и вели нашу разведывательную деятельность, стремясь, в конечном счете, отвести нападение Японии на Советский Союз»[85].

Зорге не мог не чувствовать в последние годы недоверие к нему со стороны Центра. Он, несомненно, знал о случаях произвола и опасался, что будет политически ошельмован после смерти.**Поэтому он и решил написать свои «записки», чтобы было известно, что он боролся и умирал как коммунист.**

В «Тюремных записках Рихарда Зорге» нельзя уловить ни тени раскаяния, стремления выгородить себя, заискивания перед следствием, попыток умалить ответственность за свою многолетнюю разведывательную деятельность.

Прокурор Ёсикава подробно расследовал вопрос об информации, полученной Зорге от Одзаки и Мияги. Часть времени прокурор полностью посвятил вопросу о политической деятельности Зорге — другими словами, он старался узнать, насколько Зоре мог влиять на мнение германского посольства. «Задал Ёсикава и вопрос, имеющий особое значение для Японии: "Какие политические действия вы предприняли, чтобы в 1941 году через Одзаки оказывать влияние на круг Коноэ после начала советско-германских боевых действий?"

Зорге ответил, что он сказал Одзаки, чье мнение совпадало с его собственным, что Советский Союз не представляет угрозы для Японии и что политические и экономические интересы Японии лежат не на севере, а на юге. "Для Японии, конечно же, куда прибыльнее заполучить олово и каучук на юге, нежели вести тяжелую кампанию в Сибири".

Именно такого ответа от него и ждали. Однако вопрос о влиянии, которое Одзаки и даже сам Зорге — через Одзаки — пусть косвенно, но оказывали на Коноэ, был тем вопросом, от слишком пристального расследования которого прокуроры старались воздерживаться, не горя желанием копаться в нем»[86]. Одзаки не был близок к Коноэ, но дружил со многими друзьями принца.

Прокурор, допрашивавший Одзаки, сделал следующее заявление: «Особые отношения Зорге с послом Оттом, связь Одзаки с премьер-министром Коноэ и другими, социальное положение обвиняемых и прочие подобные соображения давали все основания предполагать, что подсудимые занимались политической деятельностью, и в ходе нашего расследования мы обнаружили многочисленные доказательства этого. И Зорге, и Одзаки признались, что после начала русско-германской войны, когда удар на север, казалось, был неминуем, они предприняли политические действия с целью повернуть энергию Японии на юг, против Англии и Соединенных Штатов.

К тому времени, когда мы расследовали этот политический заговор, началась Тихоокеанская война, и мы опасались копать слишком глубоко, чтобы не доказать вдруг, что война эта была спровоцирована коммунистами — от крытие, которое могло бы привести к внутреннему конфликту в стране. Мы намеренно воздерживались от дотошного расследования, и, как следствие, показания обвиняемых по этому делу были далеко не исчерпывающими»[87].

Редактор «Дела Зорге», собрания японских документов в трех томах, вышедших в 1962 г. (четвертый том был опубликован только в 1971 г.), высказал мнение, что прокуроры избегали глубоко зондировать вопрос о влиянии чисто политического характера, которое оказывали Зорге и Одзаки. Поскольку, если бы этот вопрос был тщательно расследован, «японские руководители попали бы в весьма неловкое положение».

«Это выглядело бы так, словно их "Святая война" была спланирована и направлялась коммунистами, и было предпринято все возможное, чтобы не касаться ни круга Коноэ, ни армии и флота. Никого из людей, связанных с армией и флотом, не затронуло это дело (т. е. не допрашивали в качестве свидетелей), поскольку главных исполнителей драмы под названием "Святая война" нельзя было привлечь к допросам».

Однако к тому времени, когда японское "наступление на юг", похоже, вполне оправдалось своими первоначальными успехами, прокуроры еще не интересовались этим вопросом — какими бы ни стали их взгляды после войны»[88].

Во время следствия Клаузен с готовностью демонстрирует свое «перерождение», отрекаясь от прежних идейно-политических убеждений. По просьбе прокурора он написал на английском языке несколько тематических записок. Одна из них называлась «Что я чувствую сегодня». Вот несколько отрывков из нее: «Я не могу оправдать свои неблаговидные действия против Японии. Да и отношение ко мне здесь [в тюрьме] слишком хорошее. Я приму любое наказание, которое назначит мне японское правительство. Я понял, что совершил ошибку, когда приехал в страну в качестве шпиона. И это потому, что я до сих пор не встречал такого патриотизма, как в этой стране. Я понял также, что этой стране не нужен коммунизм, потому что люди могут быть счастливы и без него...

За время моей работы мое мышление изменилось...

Когда я по приказу приехал в эту страну из Москвы для работы шпионом, я желал работать ради идей коммунизма. Я был уверен, что могу выполнить свою работу, так как готов был делать что угодно и когда угодно. Поэтому я считал, что наша работа завершится успехом. И мне казалось, что первые годы наша работа в Японии шла успешно. Однако позже, когда Германия и Япония набрали силу, моя уверенность в успешной работе стала ослабевать. В прошлом [1941] году у меня не осталось никакой уверенности в успехе работы и я забросил»[89].

Записка Клаузена очень напоминает заявления некоторых японских коммунистов, которых «перевоспитывали» в ходе следствия и в последующем в тюрьмах и заставляли писать отказы от коммунистических убеждений.

В противоположность Клаузену Мияги до конца остался верен коммунистическим убеждениям. На одном из последних допросов — 26 января 1942 г. — он, как бы подводя итог своей жизни, заявил: «Участвуя ранее в коммунистическом движении, я стремился уделять главное внимание не теории, а практике; старался исправлять недостатки в своей жизни; и сего-

дня у меня нет претензий к себе. **Я удовлетворен в своей работе в разведывательном органе Коминтерна, которая длилась 8 лет (хотя мой урожай и состоял лишь из колосков, подобранных после жатвы) и определенными достижениями, которых мы добились в современной обстановке (удалось предотвратить войну между Японией и СССР)** (выделено мной. — *М.А.*). Моя совесть как коммуниста спокойна, поскольку в целом я не ошибся в своей оценке освободительного движения трудящихся (и национально-освободительного движения)»[90].

Как следует из заявления, Мияги до конца был уверен, что работал на «штаб мировой революции», выполняя свой интернациональный долг. Подобная уверенность могла базироваться только на объяснениях Зорге, которые он давал Мияги, а последний, в свою очередь, информировал соответствующим образом остальных японцев, которых привлекал к сбору разведывательных сведений.

7 марта 1942 г., когда полицейское расследование было наконец закончено, Охаси принес немного фруктов и чая и устроил, по его словам, «прощальную вечеринку» для арестованного. Зорге в тот день дал Охаси записку, написанную по-английски, в которой он поблагодарил Охаси за «самое глубокое и самое доброжелательное следствие по моему делу в течение зимы 1941—1942 годов. Я никогда не забуду, — писал Зорге, — его доброту, проявленную им в самое трудное время моей полной событий жизни»[91].

Лишь наивный человек принял бы это как явное доказательство того, что с Зорге все время хорошо обращались в тюрьме. Отчет Охаси о деле, датированный 11 марта 1942 г., кончается словами, сразу после которых следует его подпись: «...Вред, причиненный нашей стране, огромен и ужасен по своим последствиям. Соответственно, рекомендуется наказать преступление смертной казнью»[92].

Последний официальный допрос Зорге прокурором Ёсикавой состоялся 27 марта. В обвинительном заключении, подготовленном прокуратурой, утверждалось, что Зорге и его группа действовали по заданию Коминтерна.

15 мая 1942 г. генерал Отт телеграфировал в Берлин об информации, полученной от МИД Японии: «Обвинение против коммунистической группы, к которой причастны немцы Зорге и Клаузен, будет оглашено послезавтра. Обвинение будет также предъявлено и близкому помощнику принца Коноэ — Одзаки и другим японцам — Сайондзи, внуку последнего Генро, и Инукаи, сыну советника президента [сын премьер-министра Инукаи Цуёси], убитого в 1932 г. Все они обвиняются в шпионаже в пользу Коммунистического Интернационала. Сайондзи и Инукаи обвиняются в выдаче государственных секретов Одзаки, хотя и непредумышленной.

Обвинение включает короткую биографию Зорге и его показания об известных ему коммунистических связях в Европе. Зорге, который в 1930 г. приехал в Китай, а потом в Японию, был связным между Коминтерном и японской группой и передавал группе указания Коминтерна.

Старший помощник министра юстиции информировал посланника Кордта, что в тексте обвинительного заключения будут опущены любые упоминания о членстве Зорге в нацистской партии. Японская юстиция рассматривает Зорге исключительно как международного коммуниста. Глава европейского отдела Министерства иностранных дел добавил, что обнародование обвинительного заключения стало необходимым потому, что Кабинет интересует-

ся людьми, вовлеченными в дело. Никаких релизов больше не планируется. В прессе будет опубликован лишь релиз Министерства юстиции. Он выразил надежду, что германское правительство поймет те обстоятельства, в которых выпущен релиз. Япония считает, что этот инцидент не скажется на германо-японских отношениях»[93].

Японский посол в Берлине генерал Осима, посетивший Риббентропа в день выпуска пресс-релиза, высказался еще более осторожно: «Токио считает, что эта публикация необходима, поскольку в деле оказались замешаны несколько высокопоставленных японцев и факт этот широко известен. Если ничего не будет опубликовано, это может привести к возникновению неприятных и опасных слухов. В коммюнике, естественно, не будет никакого упоминания о какой-либо связи между немецкими коммунистами Зорге и Клаузеном и официальными германскими службами в Токио»[94].

16 мая 1942 г. официальные обвинения были предъявлены Рихарду Зорге, Одзаки Ходзуми, Максу Клаузену, Бранко Вукеличу, Мияги Ётоку, Сайондзи Кинкадзу и Инукаи Кэн. Остальным обвинения были предъявлены позднее. На следующий день —17 мая — появилось первое и единственное официальное сообщение Министерства юстиции о «международной шпионской организации»: «В прокуратуре Токийского окружного уголовного суда закончилось энергично проводившееся с октября прошлого года расследование дела о раскрытой полицией международной шпионской организации под руководством Рихарда Зорге. Ее главными участниками являются: специальный корреспондент газеты "Франкфуртер цайтунг" в Японии Рихард Зорге, 47 лет; помощник заведующего токийским отделением французского агентства новостей Гавас Бранко де Вукелич, 38 лет; художник Етоку Мияги, 40 лет; неофициальный советник токийского отделения правления Мантэцу — Ходзуми Одзаки, 42 лет; владелец светокопировальной мастерской в Токио — Макс Клаузен, 44 лет.

Министерство юстиции сообщало, что указанные лица обвиняются в нарушении законов "О поддержании общественного порядка", "Об обеспечении государственной обороны», "О сохранении военной тайны" и что дело всей группы будет рассматриваться в Токийском окружном уголовном суде»[95].

Сообщение сопровождалось комментарием, опубликованным от имени представителей двух Министерств — юстиции и внутренних дел. В нем выражалось сожаление о том, что, несмотря на «большой успех» борьбы со «лживой идеологией» и на то, что в результате «подъема духа Японии» и «неоднократных арестов коммунистическое движение почти замерло», все же «левые элементы по-прежнему не оставляют своих убеждений». Подобного рода заявления представителей официальных органов не могли быть истолкованы иначе, как намерение властей осуществить под прикрытием антикоммунистической демагогии ликвидацию малейшего проявления инакомыслия. Недаром комментарии к сообщению об арестах Зорге и его группы заканчивались предупреждением, что «надлежащие органы... предпримут еще более строгий контроль над подобными, пусть даже малочисленными элементами... с тем, чтобы можно было рассчитывать на полное прекращение их деятельности»[96].

Проект текста сообщения Министерства юстиции об аресте и следствии по «делу Зорге» был подготовлен лично прокурором Ёсикава. Но прежде чем оно попало на страницы газет, в него был внесен ряд изменений и дополне-

ний. Министерство иностранных дел настояло, чтобы из текста было изъято упоминание о том, что Сайондзи являлся неофициальным советником этого министерства. Верховный суд потребовал исключить слово «важные», употребленное для характеристики сфер, из которых исходила информация, получаемая Рихардом Зорге, а также упоминание о «политических фигурах, занимавших видное положение» и ставших источниками этой информации. Были также вычеркнуты все ссылки на ЮМЖД, за исключением упоминания о том, что там работал Одзаки. По настоянию Министерства юстиции сообщению был придан общий характер, из него были исключены минимальные подробности о деятельности группы[97].

В сообщении Министерства юстиции, а также в комментарии Советский Союз не был даже упомянут. Не было сказано и ни единого слова о принадлежности группы Зорге к органам советской разведки.

Почему это произошло? Данный вопрос не раз поднимался в работах японских и западных авторов. Некоторые видят одно из главных объяснений этому в том, что японское правительство, не находившееся в состоянии войны с Советским Союзом, стремилось избежать обострения отношений с СССР, а потому решило исключить из текста официального сообщения какое-либо упоминание о своем северном соседе.

Отсутствие упоминания в сообщении Министерства юстиции Советского Союза и советской военной разведки является заслугой и самого Зорге. В то же время признание им своей причастности к Коминтерну попало на благодатную почву и было максимально использовано японскими властями (а в 1950-е годы — американскими) для разжигания антикоммунистической истерии и запугивания «коммунистической угрозой». Раскрытие деятельности «международной шпионской организации» оправдывало существование «антикоминтерновского пакта» и «подтверждало» наличие угрозы, исходившей от Коминтерна. Возможность обвинить Зорге и его «группу» в нарушении закона «О поддержании общественного порядка» оказалась весьма кстати и обуславливалась как внутриполитической обстановкой, так и внешнеполитическим курсом японских правящих кругов.

В феврале 1943 г. на заседании парламента министр внутренних дел говорил о том, что коммунистическое движение в Японии еще не полностью подавлено. «Призрак коммунизма» и страх за судьбу «национального образа правления» всегда преследовал воображение господствующих классов Японии. В феврале 1945 г. бывший премьер-министр Коноэ обратился к императору с письмом, в котором излагал свои опасения за судьбу империи в связи с грядущим военным поражением, которое он считал неизбежным. «Хотя поражение будет темным пятном для нас, — писал Коноэ, — мы сможем примириться с ним, если нам удастся сохранить императорский строй. Общественное мнение в Америке и Англии пока еще не требует изменения этого строя. Поэтому нам следует опасаться не столько поражения, сколько коммунистической революции, которая могла бы явиться результатом поражения. Как внешние, так и внутренние условия указывают на возможность такой революции»[98].

Невзирая на очевидную, с позиций сегодняшнего дня, абсурдность обвинения в нарушении закона «О поддержании общественного порядка» — ни организация Зорге в целом, ни один из ее членов, включая японцев, не ставили, да и не могли поставить своей целью «изменение государственного

строя» или «уничтожение системы частной собственности», — представляется, что это был не только и не столько пропагандистский ход, а уверенность японского правосудия, что деятельность «группы Зорге» была направлена «к достижению целей Коминтерна».

Следствие по «делу Зорге», продолжавшееся более полугода, было закончено, и все его материалы вместе с обвинительным заключением прокуратуры в отношении каждого обвиняемого переданы в Токийский окружной уголовный суд. Зорге достиг своей цели — дело слушалось в гражданском суде. Первое разбирательство должно было проводиться с применением процедуры ёсин.

«Для ведения процедуры ёсин назначался один из судей окружного суда, перед которым ставилась задача — исследовать обоснованность представленных прокуратурой вещественных и косвенных улик, а также самого обвинительного заключения. Таким образом, формально проведение этой процедуры предназначалось для того, чтобы предотвратить возможные ошибки при обвинении подсудимого. Но в действительности ее применение ставило обвиняемого в особо тяжелые условия. Это было связано как с процессуальными особенностями процедуры ёсин, так и с правами судьи. Процедура ёсин могла завершиться либо освобождением обвиняемого из-за недоказанности его вины, либо передачей дела в местный суд, либо, наконец, решением судьи о том, что данное дело подлежит юрисдикции окружного суда. Последнее влекло за собой составление судьей сюкэцу кэттэй — заключительного определения (решения). По существу, это был обвинительный акт.

Проведение процедуры ёсин имело две важные процессуальные особенности. Во-первых, хотя она и являлась частью судебного разбирательства, обвиняемый был лишен права пользоваться услугами адвоката. И, во-вторых, все материалы, включая решения и определения судьи, проводившего ёсин, принимались коллегией окружного суда как бесспорные доказательства, не подлежащие дополнительному расследованию или проверке.

Таким образом, уголовные дела, которые по заключению прокуратуры должны были рассматриваться окружным судом с применением процедуры ёсин, проходили две стадии судебного разбирательства — ёсин, а затем коллегию окружного суда, выносившую приговор. Стадия судебного разбирательства коллегией называлась „кохан" (открытое слушание дела).

Но самое главное состояло в том, что все определения ёсин хандзи (судья, проводивший ёсин) рассматривались как бесспорные; следовательно, процедура ёсин по существу являлась важнейшей стадией судебного разбирательства, так как фактически именно здесь и решалась судьба обвиняемого»[99].

Процедура ёсин в отношении главных обвиняемых продолжалась с июня по декабрь 1942 г. Общее руководство за ёсин было возложено на судью Накамура Кодзуо, который лично проводил допросы Зорге и Одзаки. Допросы Клаузена и Мияги вел судья Камэяма. Наибольшему числу допросов подвергся Зорге, их было 45. Одзаки был допрошен 28 раз, Клаузен — 23 и Мияги — 20 раз[100].

Переводчиком Зорге был вновь назначен Икома Ёситоси. Его воспоминания дают некоторое представление об обстановке, в которой проходила ёсин: «Во время следствия, проводившегося прокурором Ёсикава, время допросов не было точно определено, оно устанавливалось в зависимости от наших условий и обстоятельств. Поэтому все было относительно свободно.

Но когда началось расследование в суде, все изменилось. Это было официальное судебное разбирательство. Месяц за месяцем в страшную жару я приходил в прокуренную дымную комнату судьи и с утра до вечера, обливаясь потом, переводил.

Зорге привозили в суд из тюрьмы в четырехместном тюремном автомобиле. Его руки были скованы наручниками, а на голове был надет специальный тюремный головной убор амигаса (шляпа из соломы с сеткой, закрывающей лицо. — *М.А.*). Зорге иногда просил через меня снять наручники, но его просьбы отклоняли, говоря, что это против правил.

Расследование теперь велось еще более сурово, нежели во время допросов прокурора Ёсикавы, — продолжает вспоминать Икома. — Теперь и Зорге, и я не только были лишены возможности поговорить, но не могли произнести лишнего слова даже шепотом. Протокол допроса, составленный судьей на японском языке, я должен был тут же перевести на немецкий и дать прочесть обвиняемому. Все это было крайне сложно. Текст длинный, сплошной, без знаков препинания, написанный особым стилем судейского языка»[101].

Проведение ёсин начиналось опросом каждого обвиняемого: фамилия, место рождения, профессия, постоянное местожительство, семейное положение и т. д. Затем обвиняемому зачитывалось обвинительное заключение прокуратуры. В отличие от официального сообщения Министерства юстиции прокуратура предъявила всем главным обвиняемым по «делу Зорге» обвинение в нарушении не трех, а четырех законов — кроме упоминавшихся был еще закон «О сохранении тайны в отношении военных ресурсов».

Дело каждого обвиняемого рассматривалось отдельно, все они содержались в строгой изоляции друг от друга. Процедура ёсин свелась главным образом к проверке данных следствия прокуратуры путем опроса обвиняемых и свидетелей. Допрос свидетелей производился в отсутствие обвиняемых.

Ни в процессе следствия прокуратуры, ни во время проведения процедуры ёсин очные ставки не проводились. Такой метод лишал обвиняемых возможности установить обстоятельства, оправдывающие или объясняющие их действия.

В поисках дополнительных улик против Зорге следователи и судьи потребовали тщательного перевода всех его статей, опубликованных в немецкой печати. Даже в этих материалах они пытались найти факты, уличающие Зорге в раскрытии «государственных секретов» Японии. Решение по вопросу о том, являлась ли какая-нибудь информация Зорге нарушением японских законов о сохранении государственной тайны, Накамура принимал единолично...

Во время одного из допросов Зорге обратил внимание судьи на то, что при таком ведении судебного разбирательства устраняется возможность объективного определения, в какой степени та или иная дававшаяся им политическая информация нарушала японские законы. Таким образом, говорил он, при решении вопроса о степени важности той или иной информации в качестве исходных позиций берется субъективное мнение судьи, отбирающего информацию по своему усмотрению, и отсутствует объективная оценка этой информации с точки зрения закона[102].

На допросах у судьи Накамуры Зорге решительно отказывается от принятой ранее стратегии, построенной на признании связи с Коминтерном. Он вносит существенные коррективы в части, касающейся показаний, сделан-

ных в ходе следствия, проводимого прокурором Ёсикава, чтобы лишить возможности суд «состряпать дело» о «подрывной деятельности» Коминтерна.

«На первом же допросе, после того как Зорге было зачитано обвинительное заключение прокуратуры, судья Накамура спросил его: "Имеет ли обвиняемый заявить что-либо по поводу этого заключения?" На что Зорге ответил: "В зачитанном сейчас тексте имеются искажения, касающиеся таких фактов, как дата окончания мной школы, как деятельность моего деда и некоторые другие. Однако все они не являются столь уж существенными. Но вот что меня привело в изумление: в этом тексте утверждается, будто моя деятельность направлялась именно Коминтерном, хотя, в действительности, ни я, ни моя группа никаких связей с Коминтерном не имели".

Зорге обращает внимание Накамура на свои «записки», написанные по требованию прокурора Ёсикава, и на последующие показания, дававшиеся им в процессе следствия, в которых он категорически отвергал пункт обвинительного заключения о том, будто он и его группа действовали по заданию Коминтерна. Зорге решительно протестует также против попытки прокуратуры представить всю информацию, переданную им в Москву, как исходящую только из секретных источников, включая информацию, которую он получал от своих помощников.

Однако Накамура, менее всего, был расположен внимать каким бы то ни было доводам, сколь бы очевидными они ни являлись. Вся энергия Накамуры направлялась на то, чтобы оставить незыблемой версию прокуратуры, согласно которой группа Зорге объявлялась неким "органом" Коминтерна»[103].

Первые шесть допросов были почти полностью посвящены этим попыткам.

«В ходе второго допроса, состоявшегося 7 июля, Накамура, задает вопрос:

— Но сейчас обвиняемый продолжает придерживаться коммунистических убеждений?

— Да, продолжаю, — отвечает Зорге.

И Накамура вновь и вновь возвращается к вопросу об идейных убеждениях Зорге и других обвиняемых. Приверженность этим убеждениям становится для судей главным, даже единственным доводом для обвинения в том, что группа Зорге находилась в подчинении «штаба Коминтерна». На этом основании Накамура пытается обосновать тезис, будто идейные убеждения Зорге уже сами по себе являются доказательством, что его деятельность в Японии была направлена против "государственного строя" и осуществлялась по "заданию" Коминтерна...

В протокол заносятся его решительные протесты против искажений, допущенных в обвинительном заключении. Он требует объяснений, почему вопреки его заявлениям об отсутствии каких-либо связей с Коминтерном прокуратура не отказалась от обвинения в этом...

Отвечая на вопрос судьи, Зорге говорит, что он являлся руководителем разведывательной группы, подчиненной только органам советской военной разведки. Он вновь категорически заявляет, что его группа никогда не имела ни прямых, ни косвенных связей с какими-либо иными органами, находящимися в Москве. "Среди членов моей группы, — добавляет Зорге, — я являлся единственным, кто был советским коммунистом, другие же участники группы вообще не являлись членами какой-либо компартии"»[104].

15 июля 1942 г. Зорге указывает, что органом, которому он подчинялся в Москве, было Четвертое управление Красной Армии. Он объяснил это следующим образом: «Я не знал тогда, что за люди были из полиции и прокуратуры, и думал, что если бы признал, что работал на Четвертое управление Красной Армии, мое дело передали бы жандармам». Зорге признал, что многие его показания носили «характер сознательного камуфляжа». Кроме того, он отметил, что в его письменных показаниях «было много неточностей», и объяснял это тем, что у него было «недостаточно времени на размышления»[105].

В ходе одного из последних допросов Зорге подверг резкой критике обвинения, предъявленные ему и его соратникам. «Его доводы глубоко логичны и обоснованны. Обвинения, выдвинутые против Вукелича, доказывает Зорге, совершенно несостоятельны. Ни по своему положению, ни по своим связям Вукелич не имел какого-либо доступа к секретным источникам. Вся его информация касалась внешнеполитических вопросов и носила общий характер. Ее он получал совершенно легальным путем либо от своих коллег иностранных корреспондентов, либо в японском агентстве новостей "Домэй Цусин". Это был обычный обмен информацией, широко применявшийся среди журналистов. Разве такая деятельность корреспондента нарушает законы?

Такого же рода информацию представлял и Мияги, который по своему общественному положению также не мог получать какие-либо важные сведения. Чаще всего информация Мияги — это его личная оценка тех или иных событий, ставших уже достоянием гласности.

Политическую информацию в подлинном смысле слова, такую информацию, которая могла представлять интерес, говорит далее Зорге, получал только он, да еще, пожалуй, Одзаки. Однако Одзаки большую часть своей информации получал в беседах и на заседаниях кружка "Асамэсикай". Но ведь "Асамэсикай" не является какой-либо официальной или секретной организацией. Подобных групп или кружков немало в Токио и в настоящее время. Сведения, которыми обменивались участники "Асамэсикай" при обсуждении тех или иных проблем, по существу не являлись секретными, поскольку они уже ушли из своего секретного источника.

Переходя к анализу обвинений, выдвинутых против него самого, Зорге заявляет, что наиболее важную и достоверную информацию, которой располагала его группа, получал он лично. Но эту информацию он получал в германском посольстве. Какие же имеются основания рассматривать такую информацию как государственные секреты Японии, если она являлась достоянием другого государства — в данном случае Германии? В чем же, спрашивал Зорге, заключается нарушение им японских законов, если эта информация предоставлялась ему совершенно добровольно официальными сотрудниками германского посольства? Таким образом, способы, с помощью которых он получал информацию, не могут быть отнесены к шпионажу, а, следовательно, не могут быть наказуемы по японским законам.

Касаясь сбора информации военного характера, Зорге подчеркивал, что такого рода информация интересовала его только с точки зрения установления общеполитического курса Японии и ее планов в отношении Советского Союза. Однако к действительно достоверной и ценной информации он относил только ту, которую получал в стенах германского посольства, поскольку эта информация составлялась немецкими военными специалистами для Берлина. Та же информация, которую он получал вне германского посольства, в

частности от Мияги или от Одзаки, не была ни достоверной, ни важной, поскольку она обычно представляла собой отражение уличных слухов или их собственное мнение»[106].

В ходе судебного расследования было установлено, что важнейшая информация Зорге относилась к освещению следующих вопросов: события 26 февраля (военно-фашистский путч в Токио в 1936 г.); японо-германское сближение и заключение антикоминтерновского пакта (1936 г.); начало и развитие японо-китайской воины в 1937 г.; попытка германского посредничества в японо-китайском конфликте; обострение японо-китайских событий (война, развязанная японскими империалистами против китайского народа); провал японо-германских переговоров о заключении союза с правительством Хиранума (1939 г.); приход к власти Коноэ и заключение японо-германо-итальянского военно-политического союза (1940 г.); Япония и Вторая мировая война; позиция Японии после нападения гитлеровской Германии на СССР; Япония и ее отношения с США и Англией[107].

Что касается основных проблем, о которых информировал Зорге Ходзуми Одзаки, они были следующими: состояние реформаторского движения после «событий 15 мая» («военно-фашистский путч в Токио» в 1932 г.), оценка значения «событий 26 февраля 1936 г.»; обстоятельства военного японо-китайского конфликта в июле 1937 г.; причина назначения на пост министра иностранных дел генерала Угаки в мае 1937 г.: то же самое в отношении назначения на пост военного министра генерала Итагаки в июне того же года; японо-английские переговоры в июне-июле 1939 г.; образование кабинета Абэ и позиция Японии в отношении войны в Европе (сентябрь 1939 г.); обстоятельства образования кабинета Ионаи и его характер (январь 1940 г.); то же самое в отношении образования второго кабинета Коноэ (июль 1940 г.) и возможность заключения этим правительством японо-германского военного союза; планы принца Коноэ в отношении образования так называемой новой политической структуры; миссия Мацуоки в Европе весной 1941 г.; информация о тенденциях в правящем лагере Японии в отношении Советского Союза после нападения на него гитлеровской Германии[108].

15 декабря 1942 г. судья Накамура подписал составленные им заключительные определения (решения) предварительного судебного расследования по процедуре ёсин. Заключительное определение судьи Накамуры в отношении каждого обвиняемого по «делу Зорге» гласило: «Данное дело подлежит рассмотрению Токийским окружным уголовным судом». Это подтверждало обвинительные заключения, составленные прокуратурой. Накамура инкриминировал всем обвиняемым «деятельность, направленную в интересах осуществления целей Коминтерна». Без этой формулы попытка подвести обвиняемых под действие закона «О поддержании общественного порядка» была бы несостоятельна. Ни в процессе прокурорского следствия, ни при ведении процедуры ёсин никому из обвиняемых не было предъявлено ни одного документа или доказательства, уличавшего кого-либо из них в покушении на кокутай или систему частной собственности. Да и сам Накамура, ведя допросы Рихарда Зорге, ни разу не ставил перед ним вопросы, имеющие к этому какое-либо отношение.

В заключительном определении по делу Рихарда Зорге Накамура утверждал, что в 1929 г. Зорге стал «сотрудником секретного отдела» ЦК ВКП(б). Как следует из текста, Рихарду Зорге было предъявлено обвинение в получении

лично им самим информации, касающейся главным образом внешнеполитических проблем. Было также признано, что всю эту информацию Зорге получал в стенах германского посольства. Перечень наиболее важных проблем, которые освещал Зорге, используя свои связи с руководящими работниками германского посольства, приведен выше.

В заключительной части своего определения о Зорге судья Накамура формулирует основной вывод: «Обвиняемый является лицом, действия которого были направлены к осуществлению целей Коминтерна». На этом основании он выносит решение о передаче дела на рассмотрение кохан, одновременно поддерживая обвинение, выдвинутое прокуратурой, о нарушении Рихардом Зорге четырех законов: «О поддержании общественного порядка», «Об обеспечении государственной обороны», «О сохранении военной тайны» и «О сохранении тайны в отношении военных ресурсов». Наказание по первым двум законам, под действие которых подводил Накамура деятельность Зорге, предусматривало смертную казнь.

Аналогичные выводы о «деятельности, направленной к осуществлению целей Коминтерна», были сделаны и в отношении остальных главных обвиняемых.

С передачей судьей Накамурой «дела Зорге» на рассмотрение коллегии Токийского окружного уголовного суда началась вторая стадия судебного разбирательства — процедура кохан. Дело рассматривалось коллегией судей, один из которых являлся председателем. Процедура кохан представляет собой открытое судебное разбирательство, предусматривающее участие адвокатов и формальное равенство сторон — обвинения и защиты. В действительности все обстояло иначе. На основании улик, полученных в результате следствия, судья-председатель проводил допросы обвиняемых и свидетелей. Что касается декларированного права обвиняемого на защиту, то оно имело весьма ограниченный характер — участие адвоката в процедуре кохан начиналось только тогда, когда первая стадия судебного разбирательства (процедура ёсин) была закончена, а проводивший ее судья сделал свои выводы, не подлежавшие пересмотру. Таким образом, и обвиняемый, и его адвокат лишались права отклонить представленные судьей ёсин аргументы обвинения или опровергнуть систему его доказательств, даже если они могли доказать их полную несостоятельность. Все адвокаты, выступавшие на процессе, были назначены судом, хотя обвиняемые имели право пригласить адвокатов по своему выбору. Практически такую возможность имел только Одзаки — с помощью друзей и родственников, однако и они добровольно решили отказаться от этого, не надеясь, что в суде может развернуться честная борьба мнений.

Защитником Рихарда Зорге, а также Макса и Анны Клаузен, был назначен адвокат Асанума Сумицугу. Положение адвокатов осложнялось еще и тем, что «дело Зорге» было строго секретным, а это ограничивало доступ защиты к материалам следствия. Им разрешалось знакомиться с материалами дела только в помещении суда и в перерыве между заседаниями. При этом воспрещалось снимать копии, производить выписки или делать для себя какие-либо пометки[109].

Ведение процедуры кохан началось в конце мая 1943 г. Дело каждого обвиняемого слушалось отдельно, и они по-прежнему содержались в строгой изоляции друг от друга.

Процедура кохан началась с рассмотрения дел Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки. Первое заседание суда по делу Одзаки состоялось 31 мая, о чем мы узнаем из его письма к жене, датированного 1 июня: «Присутствие публики в зале суда было запрещено с самого начала. Из обвиняемых нахожусь в суде только я. Я один буду предстоять перед лицом трех судей и двух прокуроров... В зале суда человек десять специально приглашенных — кто они такие?»[110].

Судебные заседания по рассмотрению дел каждого из этих двух «самых главных» обвиняемых, судя по письмам Одзаки, проводились попеременно — по два-три раза в неделю. Дела обвиняемых рассматривал один и тот же состав суда: председательствующий — Такада Тадаси, члены — Хигути Масару и Митида Фумигэн. Обвинение было представлено начальником отдела окружной прокуратуры Накамурой Тонэо и его заместителем Хирамацу Исаму.

Условия, в которых проходила вторая стадия судебного разбирательства, были еще более тяжелыми, чем в период следствия и процедуры ёсин. Так же, как и тогда, слушание велось на японском языке. Но если во время следствия и в процедуре ёсин Зорге имел возможность требовать обстоятельного перевода, теперь он был лишен и этого. С трудом улавливал он смысл того, что скороговоркой говорили прокурор, председательствующий или секретарь суда, одновременно следя за прерывистым переводом, который делал для него Икома Еситоси.

Участники процедуры кохан более всего интересовались идейными убеждениями обвиняемого, пытаясь добиться от него отречься от них. По свидетельству адвоката Асанума, на вопрос Такады о мотивах вступления в ряды коммунистов Рихард Зорге ответил: «Я участвовал в Первой мировой войне, сражаясь и на западном, и на восточном фронтах. Несколько раз был ранен. На своем личном опыте я убедился, что война — это несчастье. Но война — это в конечном счете не что иное, как результат соперничества в капиталистическом обществе. Я убежден: чтобы устранить эту трагедию человечества, надо уничтожить капитализм»[111].

По словам адвоката, Рихард Зорге, как и во время следствия, так и при слушании дела коллегией окружного суда, «всю вину брал на себя и пытался снять её с других обвиняемых». В связи с этим адвокат отмечал: «Доктор Зорге очень затруднял мне вести его защиту». Асанума избрал следующую линию защиты: Зорге — иностранец, и поэтому он должен нести меньшую ответственность, чем обвиняемые японцы, особенно Одзаки, ибо они нарушили законы государства, гражданами которого являются. Суд должен учесть это обстоятельство и определить меньшую меру наказания для Зорге, чем для Одзаки. Но Рихард Зорге не допускал и мысли о том, чтобы искать смягчения своей участи подобной ценой.

По воспоминаниям очевидцев, на одном из заседаний произошел следующий инцидент: не посоветовавшись со своим подзащитным, Асанума неожиданно попросил слова для реплики и обратился к суду с ходатайством в указанном выше духе. Зорге тут же потребовал слова и заявил: «То, что только что сказал мой адвокат, ошибочно, и я не могу с ним согласиться. Ответственным за создание этой организации и за ее деятельность являюсь только я один. Другие участники были всего лишь моими помощниками. Так, например, Одзаки был лишь моим советником и собеседником по политическим

проблемам. Если моя организация и ее деятельность являлись нарушением закона, то вину следует возложить только на меня одного. Было бы крайне ошибочным возлагать вину на Одзаки, снимая ее с меня».

В начале сентября процедура кохан подошла к своей последней стадии — прениям сторон и вынесению приговора. Еще за месяц до этого, 2 августа, умер художник Мияги Ётоку, ослабленный давним туберкулезом, сломленный пытками и суровыми условиями тюремной жизни. «Я предвидел это и все же был глубоко потрясен, — писал Одзаки жене, узнав о смерти друга. — Туберкулез! Его здоровье не вынесло здешней жизни. Мияги был чудесный человек... Он был совершенно одинок, и никто не приехал с его родины —Окинавы, чтобы взять его останки»[112].

Приговор был объявлен 29 сентября 1943 г. В отношении Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки он гласил: «Хикокунин о сикэй ни сёсу» («Обвиняемый приговаривается к смерти»). Когда зачитывался приговор, присутствовали только Рихард Зорге и Одзаки Ходзуми. Это была их первая встреча после ареста. По свидетельству того же адвоката Асанумы, они выслушали приговор спокойно. Первым был выведен из зала суда Одзаки, затем — Зорге[113]. Бранко Вукелич и Макс Клаузен были приговорены к пожизненному заключению. Анна Клаузен — к трем годам тюрьмы.

Мотивировочная часть приговоров в отношении обвиняемых по «делу Зорге» в значительной мере механически воспроизводила текст заключительного определения, составленного Накамурой. В ней говорилось, что Рихард Зорге и его помощники осуществляли свою деятельность ввиду «стремления Коминтерна изменить государственный строй Японии и отменить систему частной собственности путем установления диктатуры пролетариата и создания коммунистического общества»[114].

Вместе с тем в приговоре, вынесенном Зорге, на этот раз было четко указано, что в 1929 г. он перешел из Коминтерна в Четвертое управление Красной армии, т.е. в советскую военную разведку. Однако вновь утверждалось, что Зорге продолжал работать и на ЦК советской компартии и на Коминтерн[115].

Мотивировочная часть приговора в отношении Рихарда Зорге, в которой обосновывалась необходимость вынесения ему смертной казни, начиналась с сообщения о том, что «обвиняемый является внуком Адольфа Зорге — секретаря I Интернационала, созданного Карлом Марксом». Тем самым Рихарду Зоргеставилось в вину даже то обстоятельство, что он являлся внучатым племянником секретаря Генерального совета I Интернационала (1872—1874) Фридриха Адольфа Зорге.

Окружная прокуратура, сочтя приговор в отношении Вукелича и Клаузена «мягким», обратилась с протестом в Верховный суд, требуя для них смертной казни. В протесте в отношении Вукелича говорилось, что вина обвиняемого столь же велика, как и вина Рихарда Зорге и Одзаки Ходзуми, поэтому он также заслуживает смертной казни. Однако 5 апреля 1944 г. Верховный суд оставил решение окружного суда в силе.

По закону каждый осужденный имел право обжаловать в Верховном суде приговор. Рихард Зорге и Одзаки Ходзуми использовали свое право. Кассационную жалобу в верховный суд от имени Зорге оформил и подал адвокат по назначению Асанума, а от имени Одзаки — адвокаты Хоригава и Такэути, приглашенные друзьями Одзаки и его женой.

Адвокат Асанума впоследствии вспоминал: «Доктор Зорге не питал каких-либо иллюзий в отношении результатов апелляции. Он проявлял мудрость и сдержанность».

О чем же писал Рихард Зорге в кассационной жалобе? Он ни в чем не раскаивался и не просил снисхождения, но обвинял окружной суд в необоснованности приговоров, вынесенных как ему, так и всем обвиняемым по общему делу. Кассационную жалобу Зорге начинал с того, что доказывал несовершенство японских законов, составленных в такой форме, которая дает суду возможность произвольного их толкования. Зорге писал далее, что и представители обвинения, и сам суд не приняли во внимание ни характера деятельности его организации, ни характера информации, которую она получала в Японии. Значительное место в кассационной жалобе посвящено защите помощников Зорге. Касаясь обвинений, предъявленных ему лично, Рихард Зорге указывает, что свою информацию он получал в стенах германского посольства, что эта информация предоставлялась ему добровольно сотрудниками посольства и что поэтому ни способ получения, ни источник ее происхождения не дают оснований для наказания по японским законам, ибо подобную информацию невозможно отнести к разряду «государственных секретов» Японии[116]:

«Я считаю, что в обвинительном заключении, которое было нам предъявлено, не было уделено достаточно внимания нашей деятельности и характеру информации, которую мы получали. Данные, которыми снабжал нас Вукелич, не являлись секретными и не представляли большого значения; он приносил только информацию, которая была известна каждому корреспонденту. То же самое можно сказать и о Мияги, положение которого не позволяло добывать государственные секреты. Только Одзаки и я получали то, что можно охарактеризовать как политическую информацию.

Я получал свою информацию из германского посольства, но и в этом случае ее с натяжкой можно отнести к "государственным секретам". Эта информация передавалась мне добровольно. Я не получал ее методами, за которые я должен бы быть наказанным. Я никогда не прибегал к обману или насилию. Посол Отт и командор Шолль просили меня помогать им в написании отчетов, особенно Шолль, который очень доверял мне и просил прочитывать все его отчеты до их отправки в Германию. Что касается меня, то я очень доверял этой информации, так как она составлялась и оценивалась компетентными военными и военно-морскими атташе для использования германским генштабом. Я убежден в том, что, передавая эти данные германскому посольству, японское правительство допускало возможную утечку части из них.

Одзаки получал большую часть своей информации из Общества завтраков. Но это Общество не было официальной организацией. Информация, которая обсуждалась в этом Обществе, была предметом дискуссии и в других подобных группах, которых было много в Токио в те дни. Даже те данные, которые сам Одзаки считал важными и секретными, теряли этот свой статус, поскольку попадали к нему за пределами своего секретного источника»[117].

Постановление Верховного суда, рассматривавшего кассацию Рихарда Зорге, гласит: «Обвиняемый Рихард Зорге, 50 лет, обратился с кассационной жалобой в отношении приговора, вынесенного 29 сентября 1943 г. Токийским окружным уголовным судом по делу о нарушении обвиняемым законов "О поддержании общественного порядка", "Об обеспечении государственной

обороны", "О сохранении военной тайны", "О сохранении тайны в отношении военных ресурсов". Поскольку кассационная жалоба не была представлена в данный суд в срок, установленный законом, то суд, выслушав мнение прокурора Тоси Хирано, руководствуясь статьей 427 уголовно-процессуального закона, вынес следующее решение: «Указанную кассационную жалобу отклонить»»[118].

Решение Верховного суда датировано 20 января 1944 г. и подписано пятью судьями во главе с председательствующим Минору Миясиро.

Кассационная жалоба была доставлена в Верховный суд с опозданием на один день. Конечно, с формальной точки зрения суд имел основание отвести кассацию Зорге, не рассматривая ее. Однако речь шла о жизни и смерти человека, и такое следование букве закона выглядит как преднамеренное уклонение Верховного суда от своих прямых обязанностей — проверять обоснованность приговора, вынесенного судом низшей инстанции.

Естественно возникает вопрос: как мог произойти столь редкий в истории мировой судебной практики случай, когда искушенный в ведении судебных дел юрист, каким являлся адвокат Асанума, допустил, чтобы кассационная жалоба приговоренного к смертной казни оказалась представленной в высшую инстанцию с опозданием? Ведь она могла быть подана в течение 30 дней, и вдруг опоздание... на один день! Ничего подобного не произошло, например, с кассацией Одзаки Ходзуми.

«Впоследствии адвокат Асанума давал довольно сбивчивые объяснения, почему кассация Рихарда Зорге была представлена в Верховный суд с опозданием на один день. По словам Асанумы, в этом был виноват... сам Зорге, якобы ошибочно сообщивший ему дату получения документов для составления кассационной жалобы. Конечно, такое объяснение в устах юриста, знающего все тонкости процедуры оформления кассации, звучит по меньшей мере наивно. Разве имеет право адвокат в таком важном вопросе полагаться на подзащитного? Похоже, что у Асанума была договоренность с властями, создававшими для верховного суда формальную возможность уклониться от рассмотрения кассационной жалобы Зорге.

Хотя, как было сказано, Зорге и не питал иллюзий в отношении японского судопроизводства, но очевидцы свидетельствуют, что он был крайне возмущен, узнав, что Верховный суд отклонил рассмотрение его кассации из-за непредставления ее в срок. Тэйкити Каваи, находившийся в той же тюрьме Сугамо, рассказывает в своих воспоминаниях, что ему представился случай увидеть Зорге как раз в тот момент, когда ему сообщили об отказе Верховного суда. По словам Каваи, Зорге с негодованием воскликнул: "Это не суд! Это жалкая пародия!"»[119].

5 апреля 1944 г. был оставлен в силе смертный приговор Одзаки, хотя его кассационная жалоба и была представлена вовремя.

В декабре 1943 г. были вынесены приговоры Мидзуно Сигэру (Сигэо; 13 лет), Кудзуми Фусако (8 лет), Китабаяси Томо (5 лет).

В январе-феврале 1944 г. были осуждены Косиро Ёсинобу (15 лет), Тагути Угэнда (13 лет), Ямана Масадзанэ (12 лет), Фунакоси Хисао (10 лет), Каваи Тэйкити (10 лет), Акияма Кодзи (7 лет), Кикути Хатиро (2 года).

Двое обвиняемых были осуждены фактически условно: Сайондзи Кинкадзу — на 1,5 года с отсрочкой исполнения на 2 года и Ясуда Токутаро — на два года с отсрочкой на 5 лет. Что касается Инукаи Кэн, то он избежал судеб-

ного разбирательства. В тюрьме до вынесения приговора умерли Кавамура Ёсио и Мияги Ётоку, а после вынесения приговора — Фунакоси Хисао и Мидзуно Сигэру (Сигэо).

Смертный приговор над Рихардом Зорге и Одзаки Ходзуми был приведен в исполнение 7 ноября 1944 г.

Гордон Пранг, американский профессор истории университета Мэриленда, посвятил Зорге свыше 15 лет (с 1964 г. вплоть до своей смерти в 1980 г.). В 1984 г. вышла книга «Цель — Токио. История шпионской сети Зорге»[120]. В основе книги лежат в том числе и 25 интервью, взятые Гордоном у оставшихся в живых на тот момент непосредственных участников событий.

Пранг сообщил о подробностях тюремного быта Зорге. Дело в том, что во время обыска в квартире Зорге обнаружили крупную сумму денег — согласно Дикину и Стори, бумажник с 1782 долларами; по утверждению Пранга — 1 тыс. иен и почти 4 тыс. американских долларов. По японским законам, Р. Зорге в тюрьме мог распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению, и он широко пользовался этой возможностью. Для него покупали японские закуски бэнто (аналог европейских сэндвичей) и даже японские обеды стоимостью 5 иен, что было немалой суммой в то время. «Гордон Пранг ссылается на воспоминания полицейского инспектора Охаси, который говорил, что такая дорогая еда была ему не по карману.

По просьбе тюремной администрации Р. Зорге разрешил тратить часть своих денег, чтобы поддержать Мияги, жестоко страдавшего в тюрьме от туберкулеза.

Кроме того, по просьбе Р. Зорге его адвокат Сумицугу Асанума (услуги которого, между прочим, с января 1942 г. оплачивал сам Р. Зорге) покупал для него книги и журналы, включая английский "Экономист", правда, с вырванными цензурой страницами. Асанума вспоминал впоследствии, что однажды заплатил за одну из книг, заказанных Р. Зорге, 1 тыс. иен, "фантастическую", по его понятиям, сумму»[121].

Свидетельство о тюремном быте Рихарда Зорге сообщил журнал «Шпигель» в серии статей, опубликованных в 1951 г. Журнал воспроизвел воспоминания переводчика германского посольства в Токио Хамеля, который летом 1944 г. по просьбе японских властей посетил Зорге, чтобы узнать его последнюю волю накануне казни.

По словам Хамеля, Зорге начал разговор с ним со слов: «Со мной все кончено. Я знаю, что мне предстоит». Хамель был удивлен, обнаружив, что Зорге выглядел хорошо. Резкие складки на его лице разгладились, он был тщательно выбрит и аккуратно одет. Не было заметно ничего, что могло бы указывать на пытки или насилие. Наоборот, он производил впечатление человека, который был горд тем, что завершил свою великую работу и готов теперь уйти со сцены.

Хамель рассказал, что Зорге высказал тогда следующие пожелания: он попросил германские власти не репрессировать его мать, которой в то время было уже 80 лет и которая жила тогда в Гамбурге. Зорге заявил, что она ничего не знала о его реальной жизни в последние 20 лет. Он попросил также передать ей письмо от него. Следующее его пожелание касалось книг по всемирной истории, которые он хотел получить в тюрьме и успеть прочитать до казни. Они были необходимы ему для того, чтобы, как он выразился, "завершить картину мира". Зорге также заявил Хамелю, что якобы нико-

гда не был "партайгеноссе", т.е. фактически не состоял в нацистской партии. Комментируя это заявление Зорге, журнал "Шпигель" отмечал, что оно, скорее всего, было сделано по просьбе японской стороны, которая чувствовала определенное неудобство оттого, что репрессировала члена правившей партии своего ближайшего союзника по "оси"»[122].

Если принять на веру вышеприведенные факты о тюремном быте Рихарда Зорге, следует признать, что японские власти создали для него относительно благоприятные условия. В связи с этим возникает вопрос, почему они так поступили? Нет ответа и на вопрос, почему японская сторона тянула с приведением в исполнение смертного приговора Зорге. Ю.В. Георгиев выдвигает версию о том, что, находясь в японской тюрьме, Рихард Зорге невольно пребывал в эпицентре дипломатической интриги, затрагивавшей исход войны на Тихом океане и исторические судьбы самой Японии. Эта интрига была вызвана коренным переломом, который произошел в 1943—1944 годах в ходе Второй мировой войны. Японская дипломатия предприняла попытки предотвратить надвигавшееся выступление Советского Союза на Дальнем Востоке на стороне союзников и одновременно инициировать посредничество СССР в организации переговоров Японии с США о прекращении военных действий[123].

Ухудшение в 1943 г. положения войск Японии на фронтах войны на Тихом океане и войск союзницы Японии фашистской Германии на Восточном фронте вынудило Токио окончательно отказаться от намерения «решить северную проблему». Японское правительство решило прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью попытаться выйти из войны на условиях выгодного Токио компромисса. Для этого был разработан план «посредничества» Японии в организации мирных переговоров между Германией и СССР. По замыслам японцев, в случае согласия Москвы на такие переговоры, даже если они не приведут к перемирию, сам факт подобных контактов СССР и Германии должен был посеять подозрения и недоверие к Кремлю со стороны правительств США и Великобритании. В случае же успеха японцы рассчитывали на создание ситуации, когда, если прекратится война на основном фронте — советском, все силы Германии будут обращены против западных союзников. А это, в свою очередь, ослабит американские и английские силы на Тихом океане, что позволит Японии добиться изменения обстановки в свою пользу.

МИД Японии дал указание своему посольству в Москве попытаться реализовать этот план. Однако в Кремле твердо придерживались союзнических договоренностей, которые не допускали сепаратных переговоров. Поэтому попытка выполнявшего указание Токио посла Японии в СССР Сато Наотакэ затронуть в беседе с Молотовым 10 сентября 1943 г. вопрос о посреднической миссии Японии была пресечена. Не проявил интереса к японской дипломатической инициативе и Гитлер, который понимал, что ни о каком компромиссном мире не могло быть и речи[124].

Одновременно с попытками выступить посредником в переговорах между Германией и СССР японское правительство поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения советской стороной сохранения положений пакта о нейтралитете 1941 г., а для этого требовалось идти на уступки. При заключении пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. Япония взяла на себя обязательство ликвидировать угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине не позже октября текущего года. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза, правительство Японии на-

рушило обязательства, заявив в декабре 1941 г., что «для японской стороны решить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным». Не желая обострять до крайности советско-японские отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и военными кругами как повод для развязывания войны, советское руководство вынуждено было мириться с создавшимся положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 г. японскому послу в СССР Сато Наотакэ была вручена памятная записка, в которой говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете»[125].

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 г. координационный комитет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Однако вместе с официальным сообщением об этом советскому правительству японская сторона выдвинула ряд условий, включая компенсацию за неиспользованное время эксплуатации концессий до 1970 г.[126]. Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 г.

На Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) перед советской делегацией стояла главная цель: добиться от США и Великобритании твердого обязательства открыть второй фронт в Европе. Союзники же, прежде всего Ф. Рузвельт, были заинтересованы получить от И.В. Сталина обещание вступить в войну с Японией. После выступления Рузвельта с обзором стратегии США в войне с Японией выступил Сталин: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы держать оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом на Японию»[127].

Японскому руководству не было известно о тегеранских договоренностях, касающихся Японии. Однако налицо было стремление Токио улучшить отношения с Советским Союзом.

Из записи беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с послом США Уильямом Авереллом Гарриманом 2 февраля 1944 г.: «Сталин говорит, что японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее. Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной. Сталин говорит, что нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, т. е. до октября 1941 года. Но они этого не сделали до настоящего времени, несмотря на то, что мы несколько раз

ставили перед ними этот вопрос. А теперь японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело.

Гарриман замечает, что это очень хорошее известие.

Сталин говорит, что наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор.

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового [1944] года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма заявил, что он хочет встретиться со Сталиным. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией — пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным.

Сталин говорит, что мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугиямы к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся»[128].

30 марта 1944 г. в Москве был подписан «Протокол относительно передачи японских концессий на Северном Сахалине», по которому нефтяные и угольные концессии ликвидировались. Советская сторона получила все производственные объекты и инженерно-техническую документацию к ним, оборудование и объекты гражданского строительства. В порядке компенсации СССР уплачивал японскому правительству 5 млн. руб. (950 тыс. амер. дол.) и обязался продавать Японии 50 тыс. метрических тонн сырой нефти с Охинских скважин в течение 5 лет после окончания войны[129]. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. В этом протоколе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе переговоров о рыболовстве.

8 апреля 1944 г. посол Японии в СССР Сато посетил Молотова и передал ему телеграмму министра иностранных дел Сигэмицу с поздравлением в связи с подписанием упомянутых документов. Пользуясь этим случаем, Сигэмицу выразил надежду, что войска Советского Союза, выйдя к этому времени на свою западную государственную границу на протяжении 400 км, не будут переносить войну с Германией в страны Европы и советское правительство согласится на посредничество Токио в окончании войны между СССР и Германией.

В телеграмме японский министр повторял свое прежнее предложение направить в Москву специального представителя Токио, что позволило бы внести вклад, если не в дело мира во всем мире, то, по крайней мере, в дальнейшее улучшение японо-советских отношений. При этом посол Японии пояснил, что такой представитель мог бы, в частности, обсудить заключение торгового договора и решение пограничных вопросов в соответствии с декларацией о границе между СССР и Маньчжоу-Го, направленной Мацуокой Молотову 13 апреля 1941 г.

Молотов ответил Сато, что официальный ответ будет направлен японской стороне после изучения предложения. Советский министр отметил, что

декларация Мацуоки была направлена до того, как СССР и Япония вступили во Вторую мировую войну, что привело к коренному изменению обстановки, и поэтому поднятые японской стороной конкретные вопросы должны быть пересмотрены с точки зрения вновь возникших обстоятельств. Он спросил также, сделано ли предложение о мирном посредничестве по собственной инициативе Токио или по инициативе Берлина.

Сато ответил, что эта инициатива исходит от японской стороны. Он добавил, что Германия, насколько ему известно, стремится к «почетному миру», и выразил надежду, что Советский Союз, в отличие от его союзников, не стал бы настаивать на безоговорочной капитуляции Германии.

Молотов сказал, что в настоящее время он думает только о военном решении германской проблемы, и 12 апреля сообщил Сато это мнение как официальную точку зрения советского правительства. Выразив формальную признательность японскому правительству, правительство СССР отклонило предложение о направлении в Москву специального представителя Японии для обсуждения поднятых вопросов, заявив, что в предложении Сигэмицу нет ничего нового по сравнению с его предложением, сделанным в сентябре 1943 г.[130].

16 сентября Сато передал Молотову предложения о направлении в Москву специального представителя Японии для переговоров, подчеркнув, что это предложение является новым по характеру: оно предполагает визит специального представителя Японии только в Советский Союз для обсуждения исключительно вопросов двусторонних отношений, без посещения других европейских стран.

«Молотов ответил на это, что благодаря пакту о нейтралитете между нашими странами установлены нормальные отношения и что обе стороны с удовлетворением воспринимают то обстоятельство, что, хотя ранее между ними и существовало недопонимание, в настоящее время оно кануло в прошлое и в последнее время поддерживаются дружеские отношения. Что же касается текущих вопросов, то они могут быть разрешены без направления специального представителя по обычным дипломатическим каналам, добавил Молотов, а переговоры со специальным представителем Японии могут вызвать нежелательные слухи как внутри наших стран, так и за рубежом в отношении возможного мира с Германией, даже если они и ограничились бы вопросами советско-японских отношений.

А когда японский посол предложил Молотову оставить поднятый вопрос для дальнейшего изучения, последний в шутку заметил, что, хотя известный греческий философ Гераклит сказал: "Все течет, все изменяется", его позиция изменений не претерпит»[131].

Посольству СССР в Вашингтоне было поручено информировать о японском предложении американское правительство. В телеграмме Молотова от 23 сентября 1944 г. послу А.А. Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев, что «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства»[132].

В сентябре 1944 г., Генштаб Японии формально отменил действовавший с 24 апреля 1942 г. с некоторыми изменениями на 1943—1944 гг. оперативный

план нападения на СССР в случае решающих успехов Германии в войне с нашей страной под названием «Основной курс разрешения северной проблемы» и приступил к составлению оперативного плана оборонительных мероприятий на случай объявления Советским Союзом войны Японии[133].

Тогда же Сигэмицу предложил «проект предварительного плана для советско-японских переговоров» с целью получить от СССР подтверждение отказа от вступления в войну с Японией, либо в результате пролонгации пакта о нейтралитете, либо заключения нового договора, лучше всего пакта о ненападении.

Предполагаемые уступки сводились к следующему.

«1. Разрешение на проход через пролив Цугару.

2. Пересмотр или отмена основного японо-советского договора (т. е. Портсмутского мирного договора 1905 г., подтвержденного сторонами в 1925 г. — *М.А.*).

3. Предоставление прав на рыболовство.

4. Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги.

5. Разрешение мирной деятельности Советского Союза в Маньчжурии, Внешней Монголии, Китае и других частях Великой Восточной Азии.

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Признание советской сферы интересов во Внешней Монголии.

8. Отмена Антикоминтерновского пакта.

9. Отмена тройственного пакта и тройственного соглашения.

10. Уступка Южного Сахалина.

11. Уступка Северных Курильских островов»[134].

Об условиях, при которых Япония готова выполнить эти требования СССР, в плане говорилось следующее: «В том случае, если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключен общий мир при посредничестве Советского Союза, мы примем все требования Советского Союза»[135].

В последней декаде сентября, после того как в Токио было получено сообщение об этом ответе Молотова, Высший совет по руководству войной стал склоняться к тому, чтобы в сложившейся обстановке, дабы не усугублять положение, отказаться на время от прежнего плана активных дипломатических акций в отношении СССР, вопреки мнению начальника генерального штаба армии генерала Умэдзу Ёсидзиро, который считал, что при возможной конфронтации Москвы с Вашингтоном и Лондоном она будет заинтересована в сильной Японии.

28 сентября Высший совет одобрил инструкции послу Японии в СССР, в которых предлагалось прилагать усилия для выявления в дальнейшем подлинных намерений Москвы в отношении Токио, и в случае капитуляции Германии или заключения советско-германского мирного договора стремиться к сохранению дружеского расположения к Японии. Иначе говоря, призывая в общей форме к активности, эти инструкции вследствие своей расплывчатости не предлагали конкретно ничего нового[136].

«Вполне возможно, — замечает Ю.В. Георгиев, — что японская сторона считала, что такая фигура, как Р. Зорге могла бы сыграть определенную роль в этих расчетах японской дипломатии»[137]. Если верить воспоминаниям полицейского инспектора Охаси Хидэо (вошел в историю, как и многие другие,

только благодаря тому, что оказался рядом с Зорге до или после его ареста), сам Зорге не исключал возможности своего участия в маневрах японской дипломатии. Охаси вспоминает о словах Зорге, сказанных ему как бы в шутку: «Когда обстоятельства станут совсем отчаянными, японское правительство захочет воспользоваться моими услугами. Случись такое, клянусь, я сделаю для Японии все, что в моих силах»[138].

День казни Рихарда Зорге и Одзаки Ходзуми — 7 ноября — был выбран не случайно. Юда Тамон, возглавивший к тому времени отдел по идеологическим преступлениям прокуратуры Токийского округа, впоследствии утверждал, что для приведения смертного приговора «был специально выбран день годовщины русской революции, исходя из благожелательства, характерного для японского бусидо»[139]. Бусидо («путь воина») — кодекс самурая, свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного воина в обществе, в бою и наедине с собой. Однако, представляется, что выбор 7 ноября для приведения приговора в исполнение скорее свидетельствует об изощренности японских инквизиторов.

Первым был казнен Ходзуми Одзаки. Это произошло в 9 час. 33 мин. по токийскому времени. В 10 час. 20 мин. свершилась казнь над Рихардом Зорге. При казни, по словам Юда, кроме него, присутствовали начальник тюрьмы Итидзима, его заместитель, секретарь прокуратуры и тюремный капеллан.

По свидетельству Юда, Рихард Зорге встретил смерть без тени страха и с большим достоинством. Приблизившись к месту казни, он на японском языке произнес: «Секигун (Красная Армия)! Кокусай кёсанто (Коминтерн)! Собието кёсанто (Советская компартия)!»[140].

Последние слова Зорге не были спонтанными, он подготовил их заранее. Они были произнесены не на родном немецком языке, не на русском языке — языке его матери, на котором он плохо говорил, а на японском, которым почти не владел. Он должен был быть уверен в том, что присутствовавшие поймут их, они правильно передадут их, и мир узнает, что он умер, не потеряв свою веру.

Слова Зорге прозвучали как молитва. Они поразили главу отдела по идеологическим преступлениям прокуратуры Токийского округа Юду до глубины души. Вспоминая эту сцену позднее, он говорил: «В его словах и поведении не было ничего показного. Зорге был верен своему делу и сохранил эту веру до конца. Он произнес свои слова, как верующий произносит молитву»[141].

Воспоминания Юда ставятся отдельными исследователями под сомнение. Возможно, Зорге не произносил таких слов перед смертью. Однако они соотносятся с личностью Зорге — именно он, и никто другой, мог произнести такие слова в последние минуты жизни. Для Юда, присутствовавшего на казни, эта сцена осталась в памяти, как незабываемое событие в его собственной жизни.

Беззаветно преданные коммунистической идее люди: Рихард Зорге, Бранко Вукелич, Одзаки Ходзуми и Мияги Ётоку, работавшие в обстановке постоянного стресса в течение многих лет, смогли выдержать безумную нагрузку и успешно решать поставленные задачи. Они были командой единомышленников, готовых пожертвовать жизнью во имя прекрасных идеалов. Они были идейными борцами, и в этом величие их подвига.

Почему Зорге не обменяли? Неужели он не заслужил этого? О точке зрения генерал-майора К.А. Воронина, считавшего, что «попытку к этому, надо было бы сделать», уже говорилось.

М. И. Иванов в то время находился в Токио. «Меня часто спрашивают, можно ли было спасти Зорге, — пишет он. — Мое мнение — да. Ведь вызволили же, правда, после смерти Сталина, советских разведчиков Джорджа Блейка, приговоренного британским судом к сорока двум годам тюремного заключения, и Хайнца Вольфе, получившего 12-летний срок в ФРГ, или Рудольфа Абеля, отбывающего пожизненное заключение в США. Думаю, мы имели такую возможность в отношении Рихарда Зорге даже в день, предшествовавший казни...

К осени 1944 года мы освободили от немецких оккупантов все советские земли, война уже шла к победному для нас концу. И для Японии приближался крах ее захватнической политики. 6 ноября 1944 года наше посольство в Токио давало прием по случаю октябрьских торжеств, и впервые за дни войны на него явился высокий чиновник — министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, лис, каких свет не видывал. Во время беседы с советским послом Я. А. Маликом, рядом с которым стоял я, он пространно говорил о том, что-де между нашими странами никогда, кроме 1904—1905 годов, не было военных конфликтов, всячески выказывал дружелюбие, витиевато рассуждал о японском благородстве. Он чего-то ждал от нас, я это явно ощущал. Замолви мы слово за Зорге — и казнь бы на следующий день, скорее всего, не состоялась. Но кто нас уполномачивал? А ведь варианты имелись. В Советском Союзе было арестовано несколько японских шпионов, с надеждой, также как и Зорге, ожидавших решения своей участи. Да и японская сторона, похоже, этого желала и ждала: два с лишним года она не приводила в исполнение смертный приговор, вынесенный Рихарду еще в 1942 году. Но НКИД СССР и посольство в Токио отмалчивались...

Сигэмицу озадаченно потоптался и раскланялся с нами. На другой день — в 10 часов утра 7 ноября 1944 года — Зорге был казнен... Страна отвернулась от своего сына. ... До сих пор я страдаю от чувства бессилия, невозможности что-либо сделать, которое охватило меня тогда, во время разговора с Сигэмицу. Хотя, заикнись я о Зорге, и мне бы не сдобровать. Да и легендарный разведчик был бы, вероятно, уничтожен, будь он доставлен в Советский Союз. ... » [142].

Трудно сказать, чего ждал от советского посла министр иностранных дел Японии — может быть, и чего-то иного, а не просьбы о помиловании советского разведчика.

Взятый в плен в Маньчжурии японский генерал-майор Томинага Кёдзи рассказывал, что японцы, якобы, через советских представителей в Токио трижды предлагали обменять Зорге на кого-либо из провалившихся в СССР японских разведчиков. И трижды получали ответ, что такой человек нашим представителям неизвестен.

25 сентября 2000 года в Москве сотоялся Второй международный симпозиум памяти Рихарда Зорге. Особый интерес участников вызвал доклад ветерана ПГУ КГБ генерал-лейтенанта Кондрашова «Трудный путь правды о Р. Зорге». С.А. Кондрашов являлся одним из авторов «Заключения по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге» от 2 ноября 1964 г., подготовленным КГБ при Совете Министров СССР (экземпляр этого документа имеется в

библиотенке конгресса США, а сам документ известен отечественным исследователям). В своем докладе С.А. Кондрашов обнародовал целый ряд документов Разведупра и НКВД, которые ранее нигде не публиковались. «Разведывательная деятельность Рихарда Зорге в Китае и Японии, — отметил Кондрашов, — относится к числу совершенно уникальных явлений, которые еще долгое время будут передаваться из поколения в поколение, пока на свете существуют секреты и тайны, представляющие ценность в соперничестве и борьбе государственных интересов. Зорге добился такой глубины и естественности внедрения в обстановку германского посольства в Токио, которые вызывают восхищение.

Основной причиной провала резидентуры Р. Зорге, считал С.А. Кондрашов, явилась безответственная и порочная система руководства резидентурой со стороны бывшего командования Разведуправления РККА, вытекавшая из сложившейся в период культа личности необоснованной оценки Зорге, как японо-германского шпиона и дезинформатора.

Предвзятость отношения к Зорге сказалась и на том, подчеркнул С.А. Кондрашов, что, несмотря на совершенно очевидные заслуги его перед Родиной, в течение трех лет с момента его ареста и до момента казни никто из руководителей РУ не поднял вопрос о спасении Зорге. Нельзя простить деятельность бывшего начальника РУ генерала Ильичева, который проигнорировал предложение японской стороны о совершении обмена Зорге на японских военнопленных, находившихся у советской стороны».

«Этой темы С.А. Кондрашов коснулся и в своем интервью, которое он дал Томия Ватабэ (японский исследователь. — *М.А.*) двумя годами позже. Он вновь подтвердил, что такое предложение с японской стороны было, однако отметил, что документов на этот счет он никогда не видел» [143].

3. «Вся ее [японской женщины] жизнь есть одно бесконечное самопожертвование; это — добровольная смерть»

(Д-р Нитобе)

Кристина Герлах, первая жена Зорге писала о нем: «Ика никогда не был ни назойливым, ни настойчивым; ему не нужно было искать расположения людей, ибо они тянулись к нему сами — и мужчины, и женщины».

Рихард Зорге был неординарной фигурой в токийском мире. И хотя его богемная несдержанность в проявлении своих чувств, его высокомерие и нетерпимость, особенно когда он бывал пьян, шокировали соотечественников, его считали человеком серьезным и талантливым, не лишенным обаяния, что особенно ценили в нем женщины[144].

Макс Клаузен писал в 1946 г. в своем отчете: «ОТТ знал, что РИЧАРД был антифашистом, а его жена знала, что РИЧАРД был коммунистом, так как она сама была коммунисткой после мировой войны. РИЧАРД в свое время поддерживал связь с его женой, об этом знал ОТТ. Одно время он был очень зол на РИЧАРДА, но так как РИЧАРД был нужен ему как советник, то он делал вид, что ничего не знает. РИЧАРД также имел связь с женой директора компании "Сименс Ко" МОРА, который был одним из самых богатых в Японии немцев; и с женой д-ра КАУМАНН, агента фирмы "Ди дейтче Люфтханза". Как говорил

РИЧАРД (так в тексте. — *М.А.*), жена ОТТА ревновала его по этому поводу. Но это не значит, что она следила за РИЧАРДОМ и выдала его полиции».

Это ей в тюрьме Сугамо при личной встрече с послом Ойгеном Оттом Рихард просил передать последний привет.

«В начале 30-х Отт женился на Хельме — дочери адвоката и государственного деятеля Роберта Бодевига из городка Ланштейна. В прошлом она увлеклась левыми (во всех смыслах) идеями, говорила о политике, пила сладкие вина, пела застольные песни и однажды ночью во Франкфурте оказалась в компании молодого красивого доктора. Им был Рихард Зорге. Вскоре Хельма и Рихард забыли друг о друге, но жизнь решила по-своему и свела их в Токио. В новом положении, новом качестве, но со старыми привычками и желаниями. И чем больше генерал и посол Ойген Отт восторгался военно-политической проницательностью Зорге, тем больше, со своей стороны, оценивала способности молчаливого Рихарда Хельма Отт. Супруг делал вид, что ничего не замечал.

...

Хельма гордилась влиянием своего мужа, но и неистово ревновала "своего подопечного" Рихарда. В ее немилость однажды попала некая Зелла Габелин, которая сначала провинилась лишь тем, что оценила способности доктора Зорге. Где-то она так отозвалась о Рихарде: "Он умеет очень увлекательно рассказывать. Внимателен по отношению к окружающим его людям, владеет большим искусством слушать и делать точные замечания. Предупредителен".

В этом ревнивая Хельма узрела "криминал" и быстро освободилась от "соперницы".

В другой раз Хельма приревновала Рихарда к журналистке Лили Абетт, которая в ее присутствии позволила себе бросить фразу: "Он (Рихард) был очень приятен и даже мил... Если чего-либо он очень хотел, то добивался... А вообще он не любил глупцов и людей, казавшихся ему неинтересными...".

...

Знал ли Ойген Отт об истинных отношениях своей жены с Рихардом Зорге? Да, знал. Более того, он им не препятствовал. Хельма и до их свадьбы была дамой с широким замахом. С 1939 года Отт спал в отдельной от Хельмы комнате, и односпальная кровать его больше не смущала...

Знал Ойген и о связях Зорге с его личной секретаршей (Лили Браун. — *М. А.*)... Порой секретарша под воздействием порывов любви теряла чувство самообладания и меры, звонила Рихарду по телефону, умоляла о встрече, рыдала. ...

В квартирке Зорге с мая 1941 года стала часто бывать профессор консерватории, преподаватель по классу клавесина в Берлинском государственном высшем музыкальном училище сорокачетырехлетняя Эта Харих-Шнайдер. Она говорила, что Рихард возвращал ей воспоминания о молодости, заставлял дышать всей грудью и жить сердцем. ...»[145].

В своем фильме «Кто вы, доктор Зорге?» Ив Чампи приводит свидетельство некой мадам Хэдек, очень «крупного советского агента», которая «в свое время играла большую роль в жизни Рихарда Зорге», а к настоящему времени (начало 60-х) проживала в Мюнхене:

«Это продолжалось шесть лет. И кончилось вместе с моей молодостью около тридцати лет назад. Хотя я еще раз с ним встретилась в 1935 г. в Нью-

Йорке. Я была там по заданию Москвы, и он, конечно, знал об этом. ... Мы вместе вступили в партию. Вместе работали, вместе боролись. Он был очень забавным и очень нежным. Романтик до мозга костей. Он был необычен во всем, и его нельзя было не заметить. Рихард самый замечательный человек из всех, кого я знала».

Уиллоуби в своей книге «Шанхайский заговор» приводит следующие высказывания «Рамзая», изложенные в его показаниях в ходе следствия: «Женщины абсолютно непригодны для агентурно-разведывательной работы. Они не имеют никакого понятия о политических и других подобных делах, и я никогда не получал от них удовлетворительной информации. Поскольку они были бесполезны для меня, я не использовал их в своей организации, даже женщины, принадлежащие к высшему классу, не имеют никакого понятия о том, что говорили их мужья, и поэтому являются весьма бедными источниками информации. По-моему, ни одна женщина на свете не способна к агентурной деятельности».

Едва ли эти слова «Рамзая» следует принимать за чистую монету. Еще в Шанхае Зорге широко пользовался агентурными услугами Агнесы Смедли, привлек к сотрудничеству весьма ценного китайского агента-женщину «501», в Токио имел в составе своей резидентуры и положительно оценивал «Гертруду» (жена Штейна), «Эдит» (жена Вукелича), «Анну» (жена Клаузена), использовал ряд женщин-агентов в агентурной группе Мияги.

Вероятнее всего показания, отрицающие возможность использования женщин в агентурной разведке, были даны «Рамзаем» с определенной целью: оградить от подозрений и избавить от полицейских преследований женщин, с которыми он был в связи или поддерживал знакомство и которые действительно не имели никакого отношения к его агентурной деятельности.

«Здешние женщины весьма надежны, особенно если они решились связать свою жизнь с каким-нибудь мужчиной. Они не представляют тогда никакой опасности, при условии, если мужчина не оставит ее в беде» (Из письма «Рамзая» в Центр 22 июля 1940 г.). Жизнь подтвердила это наблюдение Зорге.

В уже цитировавшейся монографии О'Конроя «Японская угроза», отдельная глава называется «Женщины в Японии»[146]. Этой главе автор предпослал четыре строки японской поэмы:

«Влекомая могучей силой,
Влачу я жалкую судьбу
И на пути моем постылом
Следов моих не обрету».

По мнению О'Конроя, эти строки не только выражают печальную судьбу японской женщины, но и всю ее тайную суть. «На взгляд, может быть, несколько старомодный, она представляется как живой дух женственности, существующей только для семьи, как та опора, на которой держится весь домашний очаг, как предмет оскорблений мужа с его верховной властью распоряжаться ею и его привилегией навязывать ей свою волю. Она — та скала, на которой построена Япония; но сама она остается на заднем плане, у нее нет желания власти; исполненная решимости нести свой жребий, она вынашивает сыновей для империи. ... Женщина Японии — это поэма, но история ее жизни похожа на надгробную песню».

Лефкадио Херн неоднократно пытался определить сущность японской женщины. В своем произведении «Япония. Попытка истолкования страны» он заверяет, что «японская женщина так отлична от мужчины, что производит впечатление существа другой расы». Японский автор присоединился к этому мнению и заявил: «Почти все иностранцы наблюдают контраст между нашими мужчинами и женщинами и приходят к выводу, что Херн был прав. Мужчины обыкновенно неряшливы, у них жесткое выражение лица, их манеры грубы, их речь необузданна, их поведение в обществе непристойно. Женщины скромны и рассудительны, в своей частной жизни они гораздо более сдержанны и целомудренны. Если принять наших мужчин с их скрытой вульгарностью и бесстыдными манерами за обычный тип человека, то о наших женщинах надо сказать, что они ангелы».

Доктор Нитобе отмечал, говоря о женщине, «что все ее существо поглощено супружеской жизнью и детьми». «Вся ее жизнь есть бесконечное самопожертвование; это добровольная смерть»[147].

«В общественной жизни женщин отталкивают и отстраняют более сильные мужчины, и они предоставлены самим себе в своей борьбе против жестоких, самодовольных мужчин. В школе девочки обучаются отдельно от мальчиков, и там им прививается искусство послушания и самопожертвования. В то время как женщина несет суровое наказание за измену, измена не считается преступлением, когда речь идет о мужчине. Подобно тому, как мужчина и женщина кажутся принадлежащими к различным расам, их общественное положение также различно, как если бы они принадлежали к различным национальностям».

«Женщине Ниппона приходится редко видеть лестную для нее картину того, как мужчина с поклоном открывает женщине дверь комнаты или дома. Именно она, а не он, должна делать такого рода услуги. Она и думать не смеет идти впереди своего господина; ее место позади него и ее обязанность следовать за ним. Сотни лет развили в ней привычку к послушанию и к покорному и безоговорочному подчинению мужчине, в руках которого находится попечение о ее судьбе. Говорить о ее неиссякаемой доброте — это то же самое, что утверждать, что солнце греет. В течение пятнадцати лет я жил среди них и свыше четырнадцати лет я имел счастье жить с женой-японкой. Опыт близкого знакомства с различными типами японской женщины не повлиял на мои взгляды. Я не могу сказать, что средняя японская женщина блистает своими умственными способностями; такое впечатление было бы неправильно. Она не блистает ими по той причине, что ей этого не позволяют. В тех редких случаях, когда ум ее освобожден от внешних оков, можно лишь удивляться глубине ее понимания».

«Японская женщина способна переживать чувство любви, хотя на ее родном языке нет даже слова, чтобы выразить такое душевное движение. Легко определить то, что создает такую глубину чувств в сердце японской женщины. Любовь занимает в ее душе первое место с того момента, когда она сознает свой пол».

«Японская женщина проявляет свои эмоции только по отношению к детям. Ее любовь к своему ребенку почти граничит с верой или религиозным культом. Это есть единственная возможность проявить свои естественные, чувства. Ее муж редко просит и редко думает о таком чувстве любви, как мы его понимаем на Западе. В японском языке не имеется ни одного выражения,

обозначающего такую любовь. В нем есть резко очерченное слово и еще более точный иероглиф, содержащий откровенное представление о физическом акте между мужчиной и женщиной».

«Вряд ли еще где-нибудь кроме Японии женщина может так любить и привязываться. После свадьбы нужно очень мало, чтобы нежный росток в любвеобильном сердце женщины развился в глубокую преданность мужу. Ни бедность, ни болезнь, ни разлука не в состоянии погасить эту любовь. Она способна к такой нежности, которая невероятна в глазах европейца, но мужчина редко старается вызвать в ней это чувство. Для него жена — бесплатная экономка и производительница его детей. Он развлекается без нее; любовь в самом строгом японском смысле этого слова, принадлежит его наложнице или проститутке».

«Во время венчания женщина надевает белое кимоно. В Японии белый цвет есть цвет смерти. Вступая в брак, она умирает для всего, кроме мужа: еще до недавнего времени невеста красила в черный цвет свои губы, чтобы сделать себя по возможности непривлекательной в глазах других мужчин. Было время, когда ее наказывали смертью, когда обнаруживалось, что она изменила мужу. Такой взгляд и такое понимание брака еще до сих пор живы в женщинах Японии, и это не имеет ничего общего с чувством любви или нелюбви к мужу. Я не хочу сказать, что женщины не питают сильных желаний и любви к постороннему мужчине, который мог приобрести их привязанность благодаря привычке собственного мужа подавлять всякий признак нежности, — такая вещь вполне возможна, но всякое открытое проявление влечет за собой потерю семьи и делает женщину отщепенцем в глазах всего общества. Для мужчины в этой связи не было бы, вероятно, ничего скандального, но изменившей с ним женщине, никогда не простят ее неосторожности. Несмотря на то, что закон о верности жены так безжалостен и не дает никакой свободы женщине, введенной в искушение, мужчина может совершенно свободно отдаваться всяким прихотям в этом отношении. В действительности жена привыкает считать любовные интриги своего мужа неизбежными. Ему разрешается иметь наложниц, и он обычно имеет их, если, конечно, у него достаточно средств для этого. Его никто не ограничивает в смысле их числа, и он может иметь их столько, сколько ему позволяет его кошелек или физические возможности. Он может менять, увеличивать или уменьшать свой гарем, сколько ему вздумается. Семь лет назад ведомство императорского двора произвело перепись семей 934 пэров. Оказалось, что многие законные жены их являются таковыми лишь номинально и что пэры живут со своими наложницами. Перепись показала, что полигамия ни в коем случае не уменьшилась, особенно среди аристократии. Оказалось, что 60% всех законных детей было рождено от незаконных жен. Такая аморальность не имела бы значения, если бы японские женщины были просто примитивны, но я уже указывал, что они значительно интеллигентнее, чем мужчины. Японской женщине знакомо чувство ревности, у нее есть самолюбие, как и у женщин Запада. Она столь же утонченна и деликатна, и лишь чувство долга и в значительной степени культ синто не позволяет ей выражать свой протест... Ее трагедия заключается в грубости, свойственной всем мужчинам Ниппона. Страсть японца к жестокости и убийствам уничтожила в нем всякую чуткость. Его отвратительный эгоизм не знает никаких пределов. Он в состоянии при-

вести гейшу или джорро (проститутку) в тот самый дом, в котором его жена всячески ухаживает за ним и предоставляет ему все удобства и комфорт. Он потребует, чтобы жена ухаживала за его гостями. Он может даже приказать ей приготовить постель себе и своей кратковременной возлюбленной и держать жену поблизости, чтобы она слышала его зов или хлопанье в ладоши. Ей может быть приказано согреть вторую бутылку сакэ и принести ее ему в постель, хотя она и понимает единственную цель этого опьянения. Непослушание может повлечь за собой развод. Муж может разойтись с женой, просто приказав ей уйти из дома, хотя обычно развод совершается при помощи трех строчек вертикального письма. Для женщины нет большего позора. Ей приходится вернуться к родителям, что для нее самое ужасное»[148].

Настоящих немецких пивных — «бирштубе» до 1930 г. в Токио не было вовсе. «Гельмут Кетель, сразу получивший прозвище "папаша Кетель" за солидность и корпулентность, решил спрос удовлетворить и открыть в Токио самую что ни на есть настоящую "бирштубе" с немецким пивом и немецкими сосисками». В начале прошлого века герр Кетель служил в Китае, в городе Циндао, который с 1897 г. был германской колонией. С началом Первой мировой войны японцы осадили и после упорных боев захватили город. Военный моряк Гельмут Кетель оказался в лагере военнопленных в Нарасино неподалеку от Токио. Когда в 1919 г. пленных освободили, бывший моряк отказался возвращаться на родину и переехал в столицу, решив заняться собственным делом. После десяти лет неудачных поисков в ноябре 1929 г. Гельмут Кетель основал заведение, получившее назвал «Рейнгольд», то есть «Золото Рейна». Благодаря одной сотруднице этого заведения и одному его посетителю, бывший германский моряк вошел в историю[149].

Что касается сервиса, то папаша Кетель разумно рассудил, что от добра добра не ищут, и предупредительных и вежливых официанток-японок переодел в традиционные немецкие костюмы. «Жалованья официанткам он не платил совсем и даже, по некоторым сведениям, заставлял их выкупать "спецодежду" — те самые немецкие платья. Это слегка напоминало работу гейш, которые тоже трудились в долг, а стоимость их "спецодежды" — кимоно — засчитывалось им в счет будущих заработков. Возможно, расчетливый немец как раз у гейш это и подглядел. Но также, как гейши, его официантки получали чаевые и, в отличие от японских хозяев, все заработанное папаша оставлял своим девочкам. Это был почти социализм в одной отдельно взятой немецкой пивной: кто как поработал, тот так и получил.

Заведение, несмотря на немалые цены, процветало. В первую очередь за счет немцев, которых по мере развития сотрудничества между Третьим рейхом и Страной восходящего солнца здесь становилось все больше... Гайдзины с удовольствием шли в странный ресторан, где совмещались японские и европейские порядки и меню, были щедры и благосклонно дарили своим вниманием молодых японок, а потому от нехватки персонала и гостей хозяин не страдал»[150].

Гайдзин — сокращение японского слова гайкокудзин, означающего «иностранец». Слово «гейша» в русском языке появилось в результате неправильной транскрипции английского написания слова «гэйся». Гэйся можно перевести как «человек искусства» или «человек, обладающий мастерством», что говорит о творческом характере этой профессии. Гейша — это женщина, развлекающая своих клиентов (гостей, посетителей) японским танцем, пением,

ведением чайной церемонии, беседой на любую тему, обычно одетая в кимоно и носящая традиционные макияж и причёску.

В 20-х годах XX века первые гейши сменили кимоно на платье, сакэ на виски, а танец «прощание с самураем» на танго. Зарождалась новая профессия с древними корнями — хостес.Девушки-официантки в заведении папаши Кетеля выполняли отныне функции хостес.

Исии Ханако родилась в обычной токийской семье в 1911 г. и сначала носила фамилию Миякэ. Она окончила школу, курсы медсестер и мечтала о сцене — от природы у нее были хорошие данные к вокалу. Финансовое положение семьи не позволило ей начать карьеру, и девушка вышла на работу в ресторан под именем Агнесс — там у всех девушек, помимо немецких платьев, были европейские имена. С Рихардом Зорге судьба свела ее 4 октября 1935 г. — в день его сорокалетия[151].

Рассказывают, что в этот день хозяин подозвал к себе девушку и, указав на высокого элегантного мужчину, сказал: «Этому гостю сегодня исполнилось сорок лет. Постарайся, чтобы ему запомнился знаменательный для него вечер!»[152].

Вот как вспоминала об этом дне сама Ханако Исии: «Высокий, хорошо сложенный, с загорелым лицом, всегда просто и аккуратно одетый, Зорге был желанным гостем в самых различных довоенных кругах японской столицы. Я впервые встретилась с Рихардом Зорге 4 октября 1935 г. Он пришел с несколькими друзьями отпраздновать день своего 40-летия в немецком ресторане на улице Ниси-Гиндза, где я тогда работала. Когда мы познакомились, Зорге спросил, что я люблю, и сказал, что он очень счастлив сегодня и хотел бы на память об этом дне подарить мне что-нибудь. Я сказала, что люблю итальянскую музыку, особенно оперы итальянских композиторов. На следующий день Рихард принес мне несколько пластинок с музыкой великих итальянцев. А эти, сказал он, протягивая еще несколько пластинок, завернутых отдельно, мои любимые. Здесь Моцарт и Бах.

Мы стали встречаться, проводить вместе вечера, когда у Рихарда выпадало свободное время. Потом наша дружба переросла в крепкую взаимную привязанность. Мы не расставались до самого ареста Зорге в октябре 1941 г.»[153].

«Таким вот необычным образом началась история любви Рихарда Зорге и Ханако Исии, длившаяся на первый взгляд ровно шесть лет — до ареста Рамзая 18 октября 1941 г. Но это только на первый взгляд. То, что было потом, после ареста, потрясает куда больше, чем их плотские отношения, однако стоит сказать несколько слов и об этом. То, что Ханако искренне и преданно, всей душою любила Рихарда — неоспоримый факт. Она доказала это всей своей жизнью. Любил ли он ее? На этот вопрос нет и никогда не будет ответа. Она часто и подолгу жила у него, хотя окончательно так и не переехала из дома матери в районе Хигаси-Накано»[154].

«Она считала себя гражданской женой Зорге и действительно верила, что он узаконит их союз, зарегистрировав его в управлении района Азабу. Однако Зорге по вполне понятным причинам не мог позволить себе наслаждаться счастьем супружеской жизни и сказал Ханако, что он должен жить один. Тем не менее, почти до самого его ареста в октябре 1941 г. она на два-три дня в неделю приходила к нему домой. Иногда они проводили вместе выходные в Агами — морском курорте к юго-западу от Токио.

Ханако-сан с великой преданностью вспоминает Зорге, и ее верность ему не может не вызывать уважения. Она хотела от него ребенка, однако он не желал и слышать об этом, поскольку, как он сказал ей, его работа таила в себе некоторую опасность. В то время она не придала особого значения этим словам»[155].

Японскими исследователями было установлено, что, тем не менее, в 1941 году у Рихарда и Ханако родилась дочь.

Зорге постоянно выделял Ханако некоторую сумму на жизнь, что позволило ей в июне 1937 г. оставить работу в «Рейнгольде», он даже купил ей пианино и оплачивал занятия вокалом с немецким педагогом Августом Юнкером. Говорят, однажды он оставил ей 5 тыс. иен (средняя месячная зарплата тогда составляла около 300 иен) со словами: «Возьми, положи в банк. Когда меня не будет, выходи замуж. Даже если он будет бедным, ты сможешь ему помочь».

Ханако прекрасно знала о том, что у Рихарда бывают другие женщины. «В конце концов, — замечала она, — он был холостяком, и вполне естественно для выдающегося человека иметь несколько любовниц, не так ли?»[156].

«Она была не в состоянии анализировать его истинные чувства к ней, но он всегда был щедр и нежен на продолжении всех шести лет их знакомства и был особенно заботлив, когда она болела. У него была сильная воля, и он редко сердился. Единственный раз, когда она видела его потерявшим контроль над собой, это когда он узнал о нападении Германии на Советский Союз. В тот день он так рыдал, словно у него разрывалось сердце»[157].

Ханако по своим убеждениям была «умеренной социалисткой»: «Как и многие другие женщины, я имела обыкновение читать левые романы»[158]. «Ее первой любовью был студент, исключенный из учебного заведения за социалистическую пропаганду, и Ханако с сочувствием слушала высказывания Зорге о классовой борьбе, социализме и милитаризме, нацизме и других вопросах, которые не должны были бы волновать эту девушку, если бы не любовь к человеку, высказывавшему такие резкие суждения. Она воспринимала его таким, какой он есть, не слишком задумывалась над его работой, хотя видела грозящую ему смертельную опасность. Она не давала себе шанса показать ревность к другим женщинам и любила его как могла. А любить Ханако могла самозабвенно, с полным отречением»[159].

Зорге глубоко волновала судьба Ханако Исии. Хорошо зная произвол японской полиции, он опасался, что ее могут подвергнуть репрессиям. Он говорил прокурору Ёсикаве: «Я прошу ни в коем случае не преследовать Исии-сан. Она совершенно не имеет никакого отношения к моей деятельности разведчика. В конце концов, она когда-нибудь выйдет замуж за школьного учителя»[160].

Когда слушание дела Рихарда Зорге в окружном суде в основном было закончено и оставалось лишь подготовить приговор, полицейские власти вновь вспомнили о существовании Ханако Исии. В августе 1943 г. она была схвачена и доставлена в полицейский участок Ёдобаси, где находилась под арестом, подвергаясь унизительным допросам. Чего добивались следователи от Ханако, новых улик против Рихарда Зорге? Тем не менее, через шесть суток Ханако Исии была освобождена[161].

Всего через несколько лет она доказала, что существует великая любовь. О смерти Рихарда Зорге Исии Ханако узнала уже после окончания войны. Часть материалов расследования попала в прессу, и однажды Ханако

прочла в журнале статью «Тайны дела Зорге — Одзаки». В конце материала говорилось: «Тело Зорге было погребено на кладбище Дзосигая тюремными властями Сугамо, поскольку не оказалось никого, кто мог бы взять на себя эту печальную обязанность. На могиле был поставлен скромный деревянный знак, но кто-то забрал его — возможно, из-за недостатка топлива. И теперь от могилы не осталось никаких следов»[162].

Похоже, Зорге не представлял, какие глубокие чувства испытывала к нему его возлюбленная и всей её преданности и верности ему. Исии Ханако не вышла замуж за школьного учителя, как предрекал Рихард Зорге. Она разыскала адвоката Зорге Асануму Сумиё и двоюродного брата Одзаки, который не считал Ходзуми преступником. Вместе с ними она на протяжении двух лет осаждала тюрьму Сугамо и кладбище Дзосигая, добиваясь разрешения найти и захоронить прах Зорге. Ее презирали, над ней издевались. Прошел не один год. И вот 16 ноября 1949 г. ее настойчивость увенчалась успехом — прах Зорге нашли на участке, где находилась братская могила, отведенная для казненных и умерших в тюрьме, для бездомных и нищих. Тело Зорге за пять лет истлело, но Ханако была уверена, что синие лохмотья — это остатки его костюма, да и размеры костей не оставляли сомнений в том, что это останки иностранца. Крупный череп, большие ботинки и знакомая пряжка на ремне, следы старого ранения на кости ноги, золотые коронки, поставленные после памятной аварии у стены американского посольства[163].

«Я взяла в руки две очень длинные и крепкие кости и внимательно осмотрела их, — писала позже Ханако. — На одной из них была вертикальная трещина в центре и неровный шов. Та часть, где находился шов, была больше и крепче, чем остальная. Кость эта была на сантиметр короче другой.

— Он был ранен? — тихо спросил молодой человек, стоявший рядом со мной [двоюродный брат Одзаки].

— Да, я слышала, что был. Я думаю, что эта рана осталась еще с Первой мировой войны.

Меня неожиданно потрясло — почему нет галстука? Неужели героя могли послать на смерть без галстука? В порыве отчаяния я обхватила череп Рихарда руками. Он всегда любил, чтобы я обнимала его голову»[164].

Тело было найдено, но перезахоронить его Ханако не могла. Денег хватило только на кремацию. Урну Ханако поставила у себя дома и села писать книгу. «Нингэн Дзоругэ» — «Зорге как человек», которая принесла ей деньги. На них она купила участок земли на кладбище Тама в пригороде Токио, где уже покоился прах Одзаки, отвезла туда урну и поставила большой овальный камень из базальта с надписями на японском и немецком (готическим шрифтом «Richard Sorge») языках и датами рождения и смерти (1895—1944).

В 1958 г. в Японии было создано общество «Зоругэ — Одзаки дзикэн гисэйся кюэнкай» («Общество оказания помощи жертвам по делу Зорге—Одзаки»), в члены которого вошли оставшиеся в живых осужденные по «делу Зорге», родственники и друзья погибших, многие общественные и политические деятели. Одним из первых мероприятий общества была организация траурного митинга, проведенного на кладбище Тама в 14-ю годовщину казни Зорге и Одзаки — 7 ноября 1958 г.

24 апреля 1966 г. на камне с надписями на японском и немецком языках было установлено новое надгробие — плита из полированного чёрного мра-

мора с изображением медали «Золотая звезда» и лавровой ветви и надписью на русском языке: «Герой Советского Союза Рихард Зорге».

Кладбище Тама — большой парк с широкими тенистыми аллеями. Могила Зорге, по японским меркам занимает значительную площадь. Каменные плиты ведут к могиле. В начале участка, на котором находится могила Зорге, установлены две плиты. По левую сторону — плита из черного мрамора, на которой выбита надпись на японском языке: «Здесь покоится герой, отдавший свою жизнь в борьбе против войны, за мир во всем мире. Родился в Баку в 1895 г. Приехал в Японию в 1933 г. Был арестован в 1941 г. Казнен 7 ноября 1944 г.» (плита была установлена 10 ноября 1959 года на средства, собранные «Обществом оказания помощи жертвам по делу Зорге—Одзаки»).

24 апреля 1966 г. на камне с надписями на японском и немецком языках было установлено новое надгробие — плита из полированного чёрного мрамора с изображением медали «Золотая звезда» и лавровой ветви и надписью на русском языке: «Герой Советского Союза Рихард Зорге».

Позже с правой стороны от могилы Зорге Обществом была установлена еще одна плита, гранитная, на которой выбита надпись с именами и датами на японском языке смерти самого Зорге и его соратников, всего одиннадцать фамилий:

Рихард Зорге, 1944.11.7, казнен в тюрьме (Сугамо)
Кавамура Ёсио, 1942.12.15, умер в тюрьме (Сугамо)
Мияги Ётоку, 1943.8.2, умер в тюрьме (Сугамо)
Одзаки Ходзуми, 1944.11.7, казнен в тюрьме (Сугамо)
Бранко Вукелич, 1945. 1.13, умер в тюрьме (Абасири)
Китабаяси Томо, 1945.9.2, умерла через два дня после освобождения.
Фунакоси Тосио, 1945.2.27, умер в тюрьме
Мидзуно Сигэру, 1945.3.22, умер в тюрьме (Сэндай)
Тагути Угэнда, 1970.4.4, умер
Кудзуми Фусако, 1980.7.15, умерла
Каваи Тэйкити, 1991.7.31, умер

Ханако не раз бывала в Советском Союзе, отдыхала и лечилась в здравнице на берегу Черного моря. Она написала три книги о человеке, любовь к которому пронесла через всю жизнь. Одну назвала «Зорге как человек», другую — «Все о встречах с человеком по имени Зорге». Третья книга вышла незадолго до ее смерти.

4 июля 2000 г. 89-летняя Исии Ханако умерла в одной из токийских клиник от воспаления легких. В печь крематория кладбища Тама ее отправили с массивным золотым кольцом на пальце: Ханако сделала из золотых коронок Зорге обручальное кольцо и носила всю жизнь, не снимая[165].

На могиле Зорге, перед овальным камнем установлена на мраморной плите урна с прахом «японской» жены Зорге со скромной надписью: «Исии Ханако».

4. Кто вы, доктор Зорге? (Qui êtes-vous, Monsieur Sorge?)

Еще до публикации в США в 1952 г. книги Чарльза Уиллоуби «Шанхайский заговор: шпионская сеть Зорге» в некоторых странах был издан ряд произведений, связанных с именем Зорге. Так, в 1949 г. в Японии была издана повесть

Исии Ханако, гражданской жены — «Зорге как человек»; в 1950 г. в Германии бывший дипломат германского посольства в ранге посланника Эрих Кордт написал книгу мемуарного характера «Не по делам» ("Nicht aus den Akten"), где упоминает Зорге; в 1951 г. в Токио вышла вторая книга Исии Ханако «Все о встречах с человеком по имени Зорге».

С началом 1950-х годов о Зорге заговорили в Западной Германии. Ознакомление немецкой общественности с «делом Зорге» было начато публикацией 16 статей в журнале «Дер Шпигель» с 13 июня по 3 октября 1951 г. Публикация носила общий заголовок «Г-н Зорге с нами за столом. Портрет шпиона» (Herr Sorge sass mit zu Tisch. Portrat eines Spions). Все статьи шли без подписи, от редакции журнала. В их основе лежали материалы специального доклада генерал-майора Уиллоуби и его команды «Шпионская сеть Зорге. Расследование по делу международного шпионажа на Дальнем Востоке», представленного конгрессу США. Широко использовалась книга воспоминаний Исии Ханако. В публикацию были включены также материалы, относившиеся к Зорге, найденные к тому времени в Германии[166].

«Дело Рихарда Зорге», такое название дал отдельной главе в своих мемуарах Вальтер Шелленберг, изданных на английском языке в Великобритании в 1951 г.

Наряду с произведением генерала Уиллоуби в Нью Йорке в 1952 г. на свет появилась книга журналиста еженедельного новостного журнала «Ньюсуик» Ральфа де Толедано «Шпионы, простофили и дипломаты». В 1950 г. он в соавторстве с Виктором Ласки написал книгу «Семена предательства» о шпионаже в пользу СССР Элджера Хисса, в прошлом сотрудника госдепартамента США. В это же время состоялось его знакомство с Ричардом Никсоном, переросшее в дружбу. С октября по апрель 1951 года Толедано являлся ведущим телесериала «Наше секретное оружие — правда».

В своей книге «Шпионы, простофили и дипломаты» автор претендует на документальность исследования. В качестве важнейших источников, из которых Толедано черпал свои аргументы, он приводит следующие: «признание Рихарда Зорге, документ объемом в 30 000 слов; выдержки из показаний и заявлений Ходзуми Одзаки и других участников аппарата Зорге; протоколы суда над членами аппарата [Зорге], которые были переведены с японского персоналом разведки дальневосточного командования Соединенных Штатов в Токио; переписка с Институтом тихоокеанских отношений (IPR); стенограммы слушаний сенатского комитета по международной безопасности; стенограммы и вещественные доказательства из так называемых слушаний Макартура; аффедевиты (письменные показания, данные под присягой. — *М. А.*) коммунистов, а также документы, которые у меня имеются, различные воспоминания» [167]. Были и другие источники: донесения разведки «Шпионская группа Зорге», опубликованные министерством обороны в 1949 году; мой собственный обширный архив, касающийся коммунистической деятельности и главных направлений политики коммунистов; доклады различных комитетов Конгресса; статьи и вырезки из газет, а также библиотека Нового/Справедливого Курса по-американски (лозунг Трумэна. — *М.А.*). Все это должно произвести впечатление на читателя.

«Новые факты по-новому высвечивают старые. — Подчеркивает Толедано. — И с помощью новых и/или игнорировавшихся ранее документов, в книге "Шпионы, простофили и дипломаты" делается попытка показать, как в

области дальневосточной политики и дипломатии Соединенные Штаты были введены в заблуждение и обмануты, как догматическая наивность вкупе с неприкрытой двуличностью дважды за последние двенадцать лет втягивала народ в вооруженные конфликты на Дальнем Востоке. Но то, что мы послушно следовали губительным советам, — это всем известно. Но то, что некоторые люди именно это и планировали, — становится все яснее. Однако факт обмана — и самообмана — этого повального увлечения нашего времени однажды дойдет до сознания американцев. И то, что самая крупная и свободная пресса в мире проглядела эту историю, и делает эту книгу нужной, если не настоятельной» [168].

Ральф де Толедано отправляется в крестовый поход против «внутренних врагов» и против «коммунистической угрозы», широко привлекая для этого «дело Зорге». Свои симпатии он выражает однозначно: «Однако вопли о "маккартизме" не способны изгнать призраков, и в результате выборов 1950 года сенатор Тайдингс был выставлен из своего офиса, тогда как Маккарти и те, кто вел предвыборную кампанию на полемике с ним или с его помощью, были избраны. Прав он или нет, но для многих американцев Джо Маккарти стал символом казалось бы безнадежной борьбы, которая, однако, заставила администрацию задуматься о внутренних врагах. ...»[169].

Особое место в своей книге Толедано отводит Институту тихоокеанских отношений (ИТО) — Institute of Pacific Relations, как рассаднику прокоммунистических идей. Институт был создан в 1925 г. как международная неправительственная организация для обсуждения проблем отношений между государствами тихоокеанского региона. Штаб-квартира Института до начала 30-х годов находилась в Гонолулу, а впоследствии была перенесена в Нью-Йорк, где США играли доминирующую роль. Именно в работе 6-й международной конференции этого Института, проходившей летом 1936 г. в Йосэмите (Калифорния), принял участие Одзаки Ходзуми. В японских материалах Институт тихоокеанских отношений проходил под названием «Ассоциация изучения тихоокеанских проблем». «Институт процветал на протяжении многих лет, — писал Толедано, — и его прокоммунистические авторитетные суждения о политике на Дальнем Востоке, широко распространившись, захватили правительство, прессу, университеты. Это была своего рода политическая моногамия. Без одобрения ИТО ни одна книга по Дальнему Востоку не могла иметь успех. Одобрение института означало научный и финансовый успех. В сотрудничестве с Дальневосточным отделом Госдепартамента ИТО навязал Соединенным Штатам политику, направленную на разгром Чан Кайши и установление власти китайских коммунистов. Институт мутил и корейские воды, помогая начать "Вторую с половиной" войну» [170]. И здесь же. «ИТО был своего рода гостиной — настоящей, респектабельной гостиной на Парк-авеню, — но сидели в ней шпионы и облапошенные ими простофили. Покончите с ИТО — и вы покончите с **Одзаки, Агнес Смедли, Гюнтерами Штайнами** (выделено мной. — *М.А.*) [171], принцами Сайондзи, Генри Уайтсами (Гарри Декстер Уайт — американский экономист, помощник министра финансов, обвинялся в шпионаже в пользу СССР. — *М.А.*) и Элджерами Хиссами, и тогда доберетесь, наконец, до самого драматического момента в деле Зорге — до истории Пёрл-Харбора, истории "Амеразии" (небольшой журнал, «побочное детище ИТО», в который поступала, в том числе и секретная информация из учреждений фе-

дерального правительства и вооруженных сил. — *М.А.*), а также до архитекторов американских ошибок и поражений на Дальнем Востоке» [172].

«Когда генерал Уиллоби, шеф разведки генерала Макартура, в августе 1951 года предстал перед подкомиссией по международной безопасности, возглавляемой сенатором Маккарти, он обнародовал данные о деятельности Зорге, направленной на то, чтобы втравить Японию в тихоокеанскую войну. Ему, однако, не позволили развить свою мысль и дополнить сведения о роли некоторых американцев в этих попытках. Незадолго до выступления Уиллоби посетил некий генерал-майор, который дал ему особые инструкции относительно того, что можно и чего нельзя говорить, и страна услышала лишь ту правду, которая прошла цензуру президента Трумэна и Пентагона. Однако существуют свидетельства, что давление со стороны Зорге на Токио продолжалось до того самого момента, пока японские бомбы не упали на Пёрл-Харбор, хотя шло ли оно со стороны американцев или со стороны прокоммунистически настроенных японцев — мы по-прежнему не знаем. Но есть один любопытный аспект у этой загадки — это то, что принц Сайондзи, бывший вместе с Одзаки членом "группы завтраков" и секретарем японского совета в Институте тихоокеанских отношений, поражал своих друзей в правительстве демонстративным отказом от былого "либерализма", оказывая всяческое содействие партии войны» [173].

«Силы и страсти, которые вели к тихоокеанской войне, были многочисленны и настойчивы. И в момент кризиса, когда весы истории могли склониться к миру, горстка людей склонила их к войне. В Японии гирьку подбросили Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки. В Китае — Оуэн Латтимор (1941 — советник Чан Кайши;. 1942-1944 — руководитель тихоокеанского отдела в Офисе военной информации (Office of War Information); 1945 — советник миссии США в Японии. — *М.А.*). В Соединенных Штатах — Лачлин Курье, Эдвард Картер (1943 — руководитель фонда «Russian War Relief». — *М.А.*)» и Гарри Уайт ...»[174].

«Так какой же вердикт можно вынести на основе всего сказанного? — Завершает свое «документальное исследование» Ральф де Толедано, -

Если он до сих пор жив — а он вполне может быть жив, — Рихард Зорге мог бы ответить на этот вопрос. Рихард Зорге вполне может смеяться над Америкой, как он смеялся когда-то над своими японскими тюремщиками. "Все идет по плану, — мог бы сказать он, — поскольку падение Китая было запланировано", и уйти, прихрамывая...

Все идет по плану — но не по плану Америки... Мертвый или живой, Зорге продолжает добывать победу для своих хозяев. И "Зорге" побеждают во всем мире. Время стремительно уходит. А мудрости как не было, так и нет»[175].

В 1955 году в Лондоне была издана книга Ганса-Отто Мейснера (Мейсснера) «Человек с тремя лицами» («The man with three faces»).

Ганс-Отто Мейснер (Hans-Otto Meissner) (1909-1992) родился в семье влиятельного государственного чиновника в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего рейха. В начале 1920 года его отец — Отто Лебрехт Эдуард Мейснер (Otto Lebrecht Eduard Meissner) — возглавил канцелярию рейхспрезидента и оставался на этом посту, несмотря на смену своих шефов, изменения в названии ведомства и своей должности до конца мая 1945 года.

Он занимал пост руководителя канцелярии у рейхспрезидентов Эберта (1919—1925) и Гинденбурга (1925—1934), а затем после слияния в авгу-

сте 1934 года постов рейхсканцлера и рейхспрезидента руководил президентской канцелярией фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера. В мае 1945 года, после того, как Гитлер своим завещанием вновь разделил должности канцлера и президента, Мейснер со старым названием должности работал при новом главе государства, гроссадмирале Карле Дёнице. Последний раз Отто Мейснер встречался с Гитлером 13 марта 1945 года и получил от Гитлера в честь своего 65-летия чек на 100 тысяч рейхсмарок. Начав свою карьеру во дворце рейхспрезидента в 1919 году с поста тайного советника, Отто Мейснер покинул дворец в 1945 году в ранге рейхсминистра.

В 1909 году у Отто Мейснера в Страсбурге родился сын Ганс-Отто, который изучал право в Гейдельберге и Тринити колледже, в Кэмбридже. После учебы он занялся дипломатической карьерой. В 1936 году приехал в Токио на должность третьего секретаря германского посольства. В течение двух лет, работая в посольстве заведующим протоколом, он периодически встречал Зорге, но особых отношений с ним не поддерживал. Вместе с тем, по случаю празднования свадьбы Ганса-Отто в обращении существует фотография, где на лужайке посольства снята супружеская пара в окружении посла и всего дипломатического состава посольства. В их числе присутствует и Рихард Зорге[176].

В 1938 году Герберт фон Дирксен получает назначение на пост посла в Великобритании. Через некоторое время Ганс-Отто переводится в германское посольство в Лондоне на должность второго секретаря. В ходе Второй мировой войны он воевал в Югославии, а затем после нападения Германии на Россию был направлен на Восточный фронт командиром танка. После тяжелого ранения, будучи в госпитале, он получил письмо из Токио и узнал потрясающую новость о Зорге. Находясь в 1946 году в созданном «союзниками» лагере для интернированных дипломатов он встретил тех, кто работал в Токио при нем и после его отъезда. Среди них были друзья, которые рассказали ему многие подробности из жизни посольства после его отъезда в Лондон и некоторые обстоятельства, связанные с «делом Зорге». Полагая, что сведения о Зорге и общей обстановке могут пригодиться, он сделал записи. Через некоторое время после войны он вернулся на дипломатическую службу и получил должность германского консула в Милане. После ее завершения Ганс-Отто занялся успешной литературной деятельностью, издав ряд книг в области политики, этнографии и путешествий.

Находясь в столице Японии, Мейснер отрицательно относился к Зорге, завидовал его отношениям с послом и популярности, но в книге он во многих местах отдает должное его таланту.

Предисловие к книге «Человек с тремя лицами» написано не кем-нибудь, а бывшим директором английской контрразведки МИ5 сэром Перси Силлито (Sillitoe), кавалером Британской империи, который подчеркивает, что успехи Зорге больше относятся к его японскому коллеге Одзаки, идеалы которого взяли верх над патриотизмом. И в этой связи он, также как и генерал Уиллоуби призывает западный мир к бдительности, так как то, что было сделано Зорге в Японии вчера, может быть повторено где-нибудь завтра[177].

В 1966 г. книга Ганса-Отто Мейснера была переведена с английского языка и в сокращенном варианте опубликована под названием «Кто вы, доктор Зорге?».

Автор решил преподнести факт ареста Зорге как результат якобы профессиональных действий начальника японской контрразведки полковника Осаки, после расшифровки перехваченных шифртелеграмм (чего не было в действительности), полковник пришел к выводу об утечке из германского посольства секретной информации, поступавший от японского правительства. По мнению Осаки, доступ к этой информации помимо посла имели Мейзингер и Зорге. Мейснер ввел в книгу надуманный образ красивой японской танцовщицы Киоми, которую Осаки, зная о пристрастии Зорге к женщинам, успешно подставил немецкому журналисту. Последняя и собрала улики против Зорге.

И это далеко не единственный надуманный эпизод. У Мейснера появляется арендованное рыболовецкое судно, с которого радист Клаузен передает шифровки, подготовленные Зорге. ... «Японская авианосная группа нанесет удар по военно-морской базе США в Пёрл-Харборе, вероятно, на рассвете 6 ноября. Источник надежный. Джо». — Такое донесение, якобы, отправил Клаузен накануне ареста. «Последнее донесение было отправлено в Москву, — пишет Отто Мейснер, — хотя нет никаких доказательств того, что русские знали о нападении на Пирл-Харбор заранее или что они передали эту информацию американцам. В докладе американской разведки по делу Зорге об этом ничего не сказано. «Мы уже подчеркивали, что в предлагаемой читателю книге не все изложено объективно. — Подчеркивается за подписью «В. Крымов» в предисловии к изданию на русском языке книги Отто Мейснера. — Некоторые события преподнесены в искаженном свете. Однако отдельные факты могут расширить представление читателей о яркой личности Рихарда Зорге и его подвиге. Читатель, без сомнения, сумеет разобраться, где правда, а где наносное и фальшивое, и еще раз переживет те события, героем которых был наш соотечественник Рихард Зорге. ... Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир — советского разведчика Рихарда Зорге. ... На героических делах Рихарда Зорге — патриота, коммуниста — должна воспитываться наша молодежь, советские воины, все советские люди» [178].

В 1955 г. на немецком языке вышла книга Ханса Хедьмута Кирста (Hans Hellmut Kirst) «Последней карте выпадает смерть» («Die letzte Karte spielt der Tod»), посвященная Рихарду Зорге.

Х.Х. Кирст (1914-1989), был профессиональным солдатом (1933-1945), во время Второй мировой войны участвовал в боевых действиях во Франции, Польше, России, в 1944 г. дослужился до звания «обер-лейтенант». Офицер-надзиратель, учитель военной истории, офицер по национал-социалистическому воспитанию в военной школе (1943-1945). Девять месяцев провел в американском плену. После плена работал садовником, чернорабочим на строительстве дорог. В 1947 г. обосновался в Мюнхене, стал выступать кинокритиком в газете, а затем в 1950 году опубликовал свой первый роман «Мы называли его висельником». Впоследствии Кирста назовут выдающимся немецким писателем, его перу принадлежит свыше 40 романов. Немецкий писатель Юлиус Мадер напишет о книге Кирста «Последней карте выпадает смерть», что она «являет собой смесь правды, полуправды и лжи...»[179].

В 2001 г. эта книга была переведена на русский язык и издана под названием «Зорге, которого мы не знали. Жизнь и гибель великого разведчика в Японии». От издателя приведен следующий текст: «Книга известного немец-

кого прозаика Х. Х. Кирста выделяется из почти шести десятков произведений, посвященных Рихарду Зорге. Опираясь на документальные материалы, автор нарисовал образ не твердолобого коммуниста, не супершпиона и не героя-великомученика, каким представляли нам прежде Зорге, а человека, наделенного свойственными обыкновенным людям слабостями и недостатками. Он отнюдь не отличался ангельским характером, часто и крепко выпивал, страстно любил женщин, чрезмерно грубо вел себя с членами своей разведгруппы. Но никто не может оспорить того факта, что Рамзай-Зорге был выдающейся личностью».

На самом же деле в книге к документальным материалам относится только несколько фамилий. Сам же Зорге показан в крайне неприглядном свете и с «выдающейся личностью» герой повествования не имеет ничего общего. Приведенная же выше оценка этой книги Юлиусом Мадером чрезвычайно завышена. Этот опус представляет собой смесь полуправды, лжи и еще раз лжи. А книга этого «выдающегося» писателя упоминается только в связи с тем, что перечисляются издания, вышедшие за границей на разных языках до 1960 г. — до начала работы Ива Чампи над картиной «Кто вы, доктор Зорге?».

Несмотря на появление на Западе литературы, посвященной Зорге, его имя было известно лишь ограниченному кругу читателей до тех пор, пока в конце 50-х «делом Зорге» не заинтересовался Ив Чампи, режиссер, сценарист, продюсер, принявший участие в этом качестве в работе над 17 фильмами.

Чампи Ив, француз (09.02.1921, Париж — 5.11.1982, Париж). Во время Второй мировой войны был участником французского движения Сопротивления. Арестован по доносу предателя. Совершил побег в Испанию, снова арестован и пробыл месяц во франкистской тюрьме, затем полгода в концлагере. Еще один побег — Ив Чампи в регулярной французской армии в Африке. В 1944 г. в рядах войск союзников высадился в Нормандии, участвовал в освобождении Парижа и Страсбурга во Франции от гитлеровских захватчиков. В 1948 г. Чампи снял свой первый фильм. Работая над франко-японским фильмом «Тайфун над Нагасаки», он женился на актрисе Кейко Киси.

В 1961 г. в прокат вышла лента режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?» (Qui êtes-vous, Monsieur Sorge?) (Франция, ФРГ, Италия, Япония).

«Кейко Киси, находившаяся в 1958 году в Токио, — вспоминает Чампи, — прислала мне в Париж письмо, где упоминалось о советском разведчике, имя которого хорошо известно в Японии. По ее совету я прочитал сначала несколько газетных и журнальных статей, потом книги. Тема захватила меня. Я понял, что в руках у меня находка, сокровище, о котором можно только мечтать. Так началась работа» [180].

«Самым трудным был сбор материалов. ... Трое суток я провел в Мюнхене у автора другой книги о Зорге — Мейснера. Увиделся с германским послом в Токио во время войны Ойгеном Оттом, немцами и японцами, знавшими Зорге.

Жак Превер (поэт, сценарист. — *М.А.*) утверждает, что нельзя написать хороший сценарий, не заведя на каждого из героев настоящего полицейского досье. Конечно, герои могут быть выдуманы, но они должны быть абсолютно достоверны. Я же поставил перед собой цель: ни одного выдуманного персонажа, сначала факт — потом воображение. Правда интереснее любой выдумки. Такой путь труднее, но он казался мне единственно правильным. Я только собирал и обобщал факты и документальные материалы. У меня

дома целая картотека по фильму: приходилось по крохам восстанавливать историческую правду.

Материалы о деятельности группы "Рамзай" на немецком, английском и японском языках изучались долго и тщательно. Я побывал в Японии, ГДР и ФРГ. Вместе со сценаристом Р. Арло мы хотели с максимальной документальной точностью воспроизвести главные этапы пребывания Зорге на Дальнем Востоке. Огромную помощь оказала Кейко Киси. Кстати, роль, которую она сыграла в картине — баронессы Сакураи, — единственный собирательный образ, написанный с трех реально существовавших лиц: японок, хорошо знавших Зорге и так или иначе влиявших на его жизнь. Одна из них — баронесса Араки, которая действительно была агентом японской контрразведки. Она и сейчас живет в Токио. Другая — певица. И третья — гейша Ханако Исии, симпатизировавшая антифашистам, гражданская жена Зорге, с которой он прожил шесть лет. Она хранительница его могилы на кладбище Тама в Токио; на ее деньги сооружен памятник разведчику.

Сейчас уже никто не сможет установить точное процентное соотношение документального и художественного материала в картине. Я подчеркиваю только, что мы давали предпочтение факту перед выдумкой и провели большое исследование, чтобы суметь пересказать эти факты языком кино. Большинство реплик Зорге — это его подлинные слова, взятые из воспоминаний его друзей и соратников, из его записных книжек и записок, обнаруженных мною после войны» [181].

«Сбор материалов и написание сценария продолжались ровно год. Очень трудными были поиски актера на роль Зорге, хотя предложений, особенно после того, как в парижской печати появились портрет Зорге и объявления о поисках похожего на него актера, были тысячи. Только через четыре месяца я увидел на афише западноберлинского "Шиллер-театра" фотографию его ведущего актера (Томас Хольцман. — *М.А.*). "Это он!" — сразу подумал я. До этого он не снимался на экране и сказал мне, что не любит кино. Стоило большого труда уговорить. Не знаю, удалось бы мне это, если бы не мощный союзник — образ Зорге.

Когда материалы были собраны, сценарий написан и актеры подобраны, стало ясно, что позади главная и самая трудная часть работы. Оставалось самое легкое — снять фильм.

Впрочем, на это тоже ушел год» [182].

21 сентября 1964 года в Москве, в кинотеатре «Художественный» на Арбате состоялась премьера с участием прибывших из Парижа автора сценария и постановщика картины Ива Чампи и известной японской киноактрисы Кейко Киси — исполнительницы роли баронессы Сакураи.

«— Наша картина, — рассказал Ив Чампи, — была создана в 1960 году. Она демонстрировалась в Западной Европе, странах Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока. Публика, особенно в больших городах, хорошо приняла ее. Но власти и кинодельцы, по-видимому, считали фильм слишком коммунистическим. Поэтому при дубляже сместили или смягчили некоторые смысловые акценты. В Японии и других странах в картине с той же целью сделали значительные сокращения, искажавшие образ доктора Зорге. В СССР, где фильм получил второе рождение, не сделано ни единой купюры.

На студии им. М.Горького коллектив актеров, возглавляемый опытным мастером дубляжа А.Андриевским, работал с величайшей тщательностью и

сохранил картину в неприкосновенности. Я хочу особенно отметить артиста Николая Александровича. Нам говорили, что ему приходилось дублировать Раджа Капура, Марчелло Мастроянни и других виднейших актеров. Он великолепно справился и с дубляжем Томаса Хольцмана.

— Называя страны, где шла картина, вы не упомянули США.

— Да, к сожалению, ни в Соединенных Штатах, ни в странах Британского содружества картина не показывалась. Видимо, там тоже не понравилась трактовка образа Зорге — убежденного коммуниста и талантливейшего разведчика. Только в 1964 году, узнав, что картина демонстрируется в Москве и что я еду на премьеру, американцы попросили прислать им копию. А ведь в свое время продюсеры предлагали мне снять этот фильм в Голливуде на американские деньги. Но я понимал, что если соглашусь на заманчивые предложения американских дельцов, то должен буду отказаться от творческой самостоятельности, работать под их диктовку. Ординарный детектив с антисоветским уклоном никак не устраивал меня. Я снял картину на очень скромные средства, но не изменил своему замыслу. Теперь я еще раз убедился, как правильно тогда поступил.

Когда продюсеры узнали, что я собираюсь ставить фильм о шпионе, они с удовлетворением потирали руки: "Чампи делает хорошее дело". Я, конечно, понимал коммерсантов, но мне меньше всего хотелось делать приключенческий боевик, построенный на хитросплетениях интриги, погонях, переодеваниях. Я хотел избежать всего этого, показав суровую романтику опасного и изматывающего труда. Лаконичность, спокойный тон, комментарии автора книги о Рихарде Зорге — Ганса-Отто Майснера (Мейснера, Мейсснера. — *М.А.*), бывшего сотрудника германского посольства в Токио, действительного участника событий, сыгравшего в картине самого себя, включение документальных кадров — все это, на мой взгляд, должно придать фильму достоверность. В этих же целях мы избегали резких ракурсов и светотеней, крупных планов. Напряженности ритма старались добиться другим — столкновением двух мировоззрений, двух идеологий, в котором Зорге погибает и побеждает...

М.И.Ромм, встретясь на "Мосфильме" с И.Чампи и К.Киси, сказал им, что картина "Кто вы, доктор Зорге?" ему очень понравилась. Он видел ее еще раньше — в связи с подготовкой к своему документальному фильму "Обыкновенный фашизм". Он считает великолепным начало фильма — спор о том, кем же все-таки был Зорге. "Это сделано очень кинематографично и сразу же заинтересовывает зрителя", — сказал Михаил Ильич. Он высоко оценил режиссерскую трактовку фигуры Зорге и игру Томаса Хольцмана. Но сцены, снятые в советской разведке, показались М. Ромму сделанными не очень точно:

— Крупный военачальник по внешнему облику похож на сержанта. Впрочем, я тоже ставил фильм об иностранцах и испытывал те же муки. Наверно, нашли живущего во Франции казака?

— Да, это был старый казак, — ответил Чампи, — я очень жалею, что не пригласил для съемок советских артистов, но в тех условиях, что я работал, у меня ничего лучше не было. Я много читал и много думал о Советском Союзе и делал так, как подсказывало мне сердце. Насколько удались сцены в СССР, судить не мне. Но я думаю, что эти неточности — не единственный недостаток фильма. Я чувствую, что иногда был слишком скуп и лаконичен, что многое можно было сделать лучше» [183].

Важно отметить мнение самого Чампи о герое своего фильма: «Скажу откровенно: чем больше я знакомился с жизнью Зорге, тем больше влюблялся в него. Он стал моим героем, близким мне человеком, отважным, умным, кристально честным, верным двум своим родинам — СССР и Германии. Я не обмолвился: да, СССР и Германии, — ибо Зорге боролся и за нее, за подлинную Германию, для которой фашизм был ужасным кошмаром.

Идея борьбы человека против фашистской чумы и легла в основу фильма "Кто вы, доктор Зорге?"» [184].

Показателен в этой связи диалог героя фильма во время встречи с баронессой Сакураи:

«— Вы знаете, что такое шпион?

— Да, шпион, это — изменник.

— О, нет, вы ошибаетесь. Шпион, это — борец. После войны нужно лет двадцать, чтобы осознать ошибки. Лет сто, чтобы понять, что произошло и целые века, чтобы написать историю. Шпион, это — настоящий разведчик; шпион — распутывает нити заговора, знает многое и может спасти жизни миллионов людей».

Свидетель и участник некоторых показанных в фильме событий, консультант картины Ганс-Отто Мейсснер, бывший сотрудник германского посольства в Токио, автор книги «Человек с тремя лицами», согласился сыграть себя самого. В начале картины высказываются полярные точки зрения о судьбе Рихарда Зорге (а не идет спор о том, кем же все-таки был Зорге, как считает М.И. Ромм. — *М.А.*): одни заявляют со всей категоричностью, что он был казнен 7 ноября 1944 г. в Токио, другие, ссылаясь на различные свидетельства, в том числе и брата Рихарда Германа, утверждают, что он до сих пор жив. Свидетельствует на этот счет и Ганс-Отто Мейснер:

«Я тоже думал, что знаю правду о Рихарде Зорге и лучше, чем кто бы то ни было. Но сейчас я понял, что ошибался… Свои лучшие годы я проработал в посольстве в Токио. Я близко знал Рихарда Зорге, но даже не подозревал, кем он был в действительности.

Я хорошо знал и Лили Браун, она была секретаршей посольства с 1935 г. Я думал она умерла, умерла как и Рихард Зорге. Но вдруг два дня тому назад она пришла ко мне и заявила, что Рихард Зорге не был шпионом. Теперь я уже не верю в достоверность официальной версии. Зорге жив. А почему бы и нет? Такой может победить и судьбу».

Фильм «Кто вы, доктор Зорге?», невзирая на все утверждения Ива Чампи, является художественным произведением, в нем много отступлений от фактов, их своевольное толкование. В фильме, как и ранее в книге у Мейснера, Зорге успел доложить, что Япония развяжет войну с Америкой. Для этого произвольно смещается время падения кабинета Коноэ и назначение премьер-министром Тодзио. Вместо красивой японской танцовщицы Киоми у Мейснера, вводится прекрасная баронесса Сакураи, которую на сей раз полковник Фудзимори, начальник японской контрразведки, принуждает шпионить за Зорге, правда, безрезультатно. Передачи радиограмм по-прежнему производятся с борта арендованной шхуны. Провал идет от ареста Мияги Ётоку, после задержания его ученицы, которой он давал уроки рисования.

Таким образом, благодаря выходу картины Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?» имя Рихарда Зорге стало широко известно во всем мире кроме нашей страны.

Что касается советского народа, то он, возможно, в связи с «холодной войной» и «железным занавесом» так бы никогда и не узнал о Зорге и его соратниках, если бы не случай, в результате которого 1-й секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев просмотрел фильм «Кто вы, доктор Зорге?» и остался от него в восторге.

Характерно, что даже сейчас спустя более полувека о таком вроде бы ординарном событии как просмотр фильма Хрущевым и его реакцией на увиденное нет полной ясности: чья была инициатива показа фильма, когда это произошло, где это произошло, кто присутствовал, кому что говорилось и т.д. и поэтому существует много разнообразных версий. Более того, в результате интерпретации общеизвестных версий появляются «новые» версии.

По версии генерал-майора Иванова М.И., возвращение из небытия имени Рихарда Зорге выглядело следующим образом: «В мае 1962 года (21 — 28 мая. — *М.А.*), когда я был в Токио (советник Посольства СССР в Токио. — *М.А.*), в Японию приезжал с официальным визитом "космонавт №1" Ю.А. Гагарин. Мой рассказ о жизни и подвиге удивительного героя, каким был Зорге, затянулся далеко за полночь. Юрий Алексеевич был потрясен мужественным поступком Рихарда и поражен тем, что о нем никто в Советском Союзе не знает.

Утром Гагарин хотел пойти на могилу Зорге, но я ему отсоветовал — это могут расценить как нарушение программы визита и наказать космонавта.

Когда я некоторое время спустя оказался в Москве, мне позвонил Юрий Алексеевич и сказал, что в ходе доклада Н.С. Хрущеву о результатах своей поездки он поведал ему о нашем разговоре, не упоминая моего имени. "Ведь это же настоящий герой!», — так оценил он Р. Зорге. Хрущев был возмущен тем, что Гагарину стало известно о таком человеке не в Москве, а в Токио, и дал указание создать комиссию под руководством А.Н. Шелепина по изучению подвига Рихарда Зорге. В работе этой комиссии принимал участие и я, а также заместитель начальника Главного разведывательного управления Хаджи Мамсуров (который, кстати, участвовал в войне в Испании, лично знал Зорге, он же послужил прототипом главного героя романа Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол")»[185].

Впечатленный увиденным, Хрущев приказал выяснить, существовал ли такой разведчик в действительности. Получив утвердительный ответ, Никита Сергеевич приказал начать проверку всех материалов, связанных с Зорге. Результатом работы комиссии стало восстановление правды о Рихарде Зорге и его разведывательной деятельности.

По всей стране прошел показ фильма «Кто вы, доктор Зорге?».

В книге С.М. Голякова, М.М. Ильинского «Зорге. Подвиг и трагедия разведчика» приводятся два свидетельства, связанные со знакомством советской широкой общественности с именем Рихарда Зорге. Первое свидетельство: «Завеса молчания была прорвана лишь осенью 1963 года, когда в Кремле на закрытом просмотре для руководителей партии и правительства был показан фильм французского режиссера Ива Чампи "Кто вы, доктор Зорге?". Присутствующий на просмотре первый заместитель начальника ГРУ генерал Хаджи Мамсуров рассказывал впоследствии одному из авторов этой книги, что произошло после того, как в кинозале вновь вспыхнул свет. "Никита Сергеевич был очень взволнован увиденным. Он спросил нас, действительно ли существовал такой человек. И когда мы сказали ему, что Рихард Зорге — реальная личность и что он действительно внес неоценимый вклад в нашу по-

беду над фашистской Германией, Хрущев воскликнул: "Надо поднять этого человека. Народ должен знать своего героя!"».

Второе свидетельство, приведенное С.М. Голяковым и М.М. Ильинским: «Лидер партии коммунистов посмотрел картину и сказал: "Это полезно знать всему советскому народу. Вот Зорге и пришло время реабилитировать". Об этом рассказывала заместителю министра иностранных дел Н.П. Фирюбину его супруга министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева в присутствии одного из нас, переводившего на русский в Минкультуры СССР фильм Ива Чампи "Кто вы, доктор Зорге?"» [186].

Журналист Всеволод Овчинников, работавший корреспондентом «Правды» в Токио, вспоминал: «Летом 1964 года в Японию прилетел политический обозреватель "Правды" Виктор Маевский. Он рассказал, что на даче у Хрущёва показывали французский детектив "Кто вы, доктор Зорге?". После фильма Никита Сергеевич риторически изрек: "А разумно ли мы поступаем, что открещиваемся от такого выдающегося разведчика?" Рассказав мне об этом, коллега из Москвы поинтересовался: знают ли о Зорге японцы? Я ответил, что, кроме наших соотечественников, о нем знают почти все. В Токио не сходит со сцены пьеса "Рихард Зорге"... Стала бестселлером автобиография, которую Зорге за три года написал в камере смертников» [187].

«Дачной версии» придерживался и Борис Чехонин, работавший в Японии собкором уже «Известий». Вот что написал он в своей книге «Журналистика и разведка»: «Как-то опять вечером, часов в шесть, раздался новый звонок, на сей раз от самого Аджубея (А.И. Аджубей, главный редактор газеты «Известия» (1959—1964), зять Н. С. Хрущёва.- *М.А.*)

— Боря, продиктуйте завтра на полосу материал о нашем разведчике и немецком журналисте Рихарде Зорге!» Но, вспоминал Чехонин, «я не знал ничего о Зорге. Впоследствии выяснилось, ничего не знал о нем до поры до времени и сам Никита Сергеевич Хрущёв. Как-то у себя на подмосковной даче он решил расслабиться, забыть хотя бы на время о государственных делах и заботах. Взял с собой жену, дочь, зятя и отправился в кинозал. Зарубежный фильм был о журналисте и советском разведчике Рихарде Зорге, немце по национальности, агенте ГРУ, работавшем в Японии с сентября 1933-го по октябрь 1941 года. Для Хрущёва это было открытием. Он позвонил по "вертушке" председателю КГБ и спросил: "Зорге — реальное лицо?" Ему рассказали о заслугах советского разведчика, о том, что Сталин не любил его, не верил в правдивость информации «двойного немецкого агента» о планах Гитлера напасть на СССР. А когда подтвердилась даже точная дата начала фашистской агрессии, вождь не мог простить, что не он, а "двойник" оказался прав.

...Хрущёв увидел в этом еще один повод восстановить попранную Сталиным справедливость и тут же распорядился подготовить указ о присвоении советскому разведчику высшей боевой награды — золотой Звезды Героя Советского Союза» [188].

Еще есть версия Юлиана Семёнова («Ненаписанные романы»). Согласно ей, когда фильм про Зорге как-то привезли Хрущёву на дачу, «посмотрев картину, Никита Сергеевич не без восхищения заметил:

— Вот как надо снимать! Сидишь как на иголках, а в наших фильмах сплошная тягомотина или барабанный бой, "ура-ура!" — смотреть тошно!

Среди приглашенных на просмотр был и тот, кто знал правду о Зорге; он-то и заметил:

— Так ведь это не вымысел, товарищ Хрущёв, а чистая правда.

Никита Сергеевич даже изменился в лице, огромный лоб свело морщинами, глаза погасли; помедлив мгновение, он поднялся и, не говоря ни слова, отправился к аппарату прямой связи; позвонил генералам армии Захарову (на тот момент генерал-лейтенант, первый заместитель председателя КГБ. — Ред.) и Серову (в 1958—1963 гг. начальник Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР. — Ред.); те подтвердили — да, правда, был такой Зорге; на составление подробной справки попросили время; Хрущёв дал день; через неделю, не посоветовавшись ни с кем из коллег, продиктовал Указ Президиума Верховного Совета: Зорге стал Героем Советского Союза, хотя подписали указ уже после того, как Хрущёва скинули».

Красиво. Но тоже несостоятельно: действо по канонизации Зорге развернулось буквально в канун снятия Хрущёва — летом—осенью 1964-го. Никакому Серову тогда Первый секретарь ЦК КПСС точно звонить уже не мог: генерал армии Иван Серов был с треском снят с должности начальника ГРУ еще 2 февраля 1963 года — в связи с делом Пеньковского. 7 марта того же года Серов разжалован в генерал-майоры, еще спустя пять дней лишен звания Героя Советского Союза и спроважен в ссылку — сначала в Ташкент, затем в Куйбышев. Так что если Хрущёв и мог звонить Серову по "делу Зорге", то лишь до 22 октября 1962 года — дня ареста Пеньковского...»[189].

Ветеран госбезопасности Виталий Чернявский утверждал, что именно генерал госбезопасности Николай Захаров (Н.С. Захаров, генерал-лейтенант, первый заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР. — *М.А.*) внес решающий вклад в «открытие» Зорге миру. По его версии, когда Ив Чампи в 1962 году предложил свою ленту для проката в СССР, руководство Министерства культуры отвергло ее. Но когда в 1963 году из Минкульта выделили Госкомитет по кинематографии, Чампи вновь решил предложить свою картину. В этот раз на закрытый просмотр пригласили сотрудников разведки КГБ, которым фильм якобы понравился.

И вот тогда, мол, генерал Захаров позвонил председателю Госкино СССР Алексею Романову: как, мол, фильм?

Руководитель Госкино энтузиазма не выказал, и чекист предложил: "Ленту я заберу и покажу ее руководящему составу КГБ. Если фильм понравится, покажем его на субботнем просмотре членам Политбюро..."

Удивительно, но руководству КГБ фильм понравился настолько, что Захаров якобы просит начальника личной охраны Хрущёва познакомить "охраняемое лицо" с аннотацией фильма. Как написал Чернявский, после просмотра ленты Хрущёв высказал мнение: "А по-моему, фильм хороший. Мне, например, понравился". И поручил Захарову: "Передайте Романову: фильм нами одобрен. Его надо купить, перевести на русский язык, скорректировать отдельные эпизоды и выпустить на большой экран..." Так, мол, все и закрутилось. Вот только в мемуарах самого генерала Николая Захарова ни о каком просмотре Хрущёвым эпохальной картины Ива Чампи нет ни слова: либо такого эпизода вовсе не было, либо сам Захаров к нему не имел отношения»[190].

«Есть еще одно "японское свидетельство" — вышеназванного генерала Захарова: он описал в своих мемуарах, как был в Японии вместе с Анастасом Микояном, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. И там, "пользуясь отдыхом Микояна, я посетил могилу советского разведчика Рихарда Зорге и возложил цветы к памятнику... Я доложил Микояну о том,

кто такой Зорге. Он порекомендовал послу Федоренко поставить хороший памятник советскому разведчику". Но с датировкой визита генерал явно напутал, написав, что дело было в 1959 году: Микоян посещал Японию лишь дважды — в августе 1961 года, когда открывал советскую торгово-промышленную выставку в Токио, и в мае 1964-го — во главе делегации Верховного Совета СССР. 1964 год отпадает: посла Федоренко тогда уже не было, а сам Захаров мог сопровождать Микояна лишь в качестве начальника 9-го управления КГБ, но эту должность он занимал лишь до декабря 1961 года. Выходит, "токийский доклад" о Зорге Захаров мог сделать Микояну только в августе 1961 года?

Получается, первые лица страны знали о Зорге, по крайней мере, с 1961 года — без всяких там кинопросмотров? Еще один штрих: если сам Захаров, будучи начальником 9-го управления КГБ, был в курсе дела Зорге задолго до японской поездки Микояна, значит, для высшего руководства КГБ эта история точно никакой загадкой не была! И при необходимости они могли без затей довести до главы государства сведения об агенте "конкурирующей фирмы"»[191].

Как бы то ни было, восстановление правды о Рихарде Зорге стало возможным только благодаря тому, что мастером, коим являлся Ив Чампи, был снят художественный фильм, посвященный великому разведчику, и этот фильм удалось показать Н.С. Хрущеву.

4 сентября 1964 года газета «Правда» опубликовала статью о Рихарде Зорге[192]. В статье, которая, безусловно, писалась по материалам, согласованным на самом высоком уровне, при перечислении знаковой информации, поступавшей от Зорге из Токио, наряду с реальными фактами присутствовал и вымысел: «Весной 1939 года Зорге сообщает в Москву, что вторжение гитлеровцев в Польшу произойдет 1 сентября. События не замедлили подтвердить всю справедливость этой информации. В апреле 1941 года Рихард Зорге передает ценнейшую информацию о подготовке гитлеровского нападения на Советский Союз. Он указывает, что на границах СССР сосредоточиваются 150 дивизий, дает общую схему военных действий, которые развернут гитлеровцы, и в нескольких сообщениях — сначала с ошибкой на один день, а затем точно — называет дату агрессии — 22 июня. Аналогичная информация поступает в Москву и по другим каналам, но Сталин оставляет ее без внимания. ...».

14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС, организованный в отсутствие Н. С. Хрущёва, находившегося на отдыхе в Пицунде, освободил его от должности Первого секретаря ЦК КПСС «по состоянию здоровья». На следующий день указом Президиума Верховного Совета СССР Хрущев был освобожден от должности Председателя Совета Министров. Отстранение его от власти, однако, никак не повлияла на процессы, связанные с именем Зорге. 5 ноября 1964 года Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

9 мая 1985 года в Москве в небольшом скверике около жилых домов рядом с пересечением одноименной улицы (улицы Зорге с Хорошевским шоссе) открыли памятник Рихарду Зорге (скульптор — В.И. Цигаль, архитектор — Л.Н. Павлов). Зорге, облаченный в строгое пальто, стоит, спрятав руки в карманы. Взор разведчика полон раздумий. На заднем плане стоит слегка скошенная плита, представляющая собой стену, сквозь которую только что перешагнул легендарный разведчик. На ней хорошо заметен выгравирован-

ный текст: «Герою Советского Союза Рихарду Зорге». Скульптура установлена на невысоком постаменте, сложенном из гранитных плит.

4 ноября 2016 года на северо-западе Москвы открылась 30-я станция Московского центрального кольца «Зорге».

7 ноября 2016 года в Берлине состоялась церемония открытия памятной доски Герою Советского Союза разведчику Рихарду Зорге. Доска с его резким профилем и годами жизни установлена на стене дома на углу улиц Рихард-Зорге-Штрассе и Экке Вайденве в восточной части Берлина. В этом месте раньше уже была памятная доска, но 26 лет назад ее украли. Сейчас справедливость восстановлена.

«В течение многих лет мы проводим 7 ноября мероприятие памяти Рихарда Зорге. Таким образом, мы отдаем дань памяти разведчику, который отдал свою жизнь в борьбе с фашизмом». — Сказал сопредседатель общества правовой и гуманитарной поддержки военнослужащих немецкой народной армии и пограничных войск ГДР Ганс Бауэр.

Улица Рихарда Зорге появилась в Берлине в 1969 году. И у граждан ГДР не возникало вопроса, кто это такой. Но той страны нет, уходит поколение, знающее имена ее героев. Значит, самое время высечь это знание в камне или отлить в бронзе.

Японская газета «Асахи» 6 сентября 1998 года среди «ста людей XX века» назвала имя Рихарда Зорге — советского разведчика, ученого и журналиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

1. Алексеев Александр Петрович родился 22 июля 1945 года в г. Краснодон (Украинская ССР) в семье железнодорожника.

В 1963 году закончил среднюю школу в поселке Новоайдар Ворошиловградской области с серебряной медалью.

С 1963 по 1968 гг. слушатель Киевского высшего инженерного радиотехнического училища ПВО.

С 1968 по 1971 гг. служил в войсках ПВО.

С 1971 по 1974 гг. слушатель Военно-дипломатической академии (закончил с отличием).

Работал за рубежом.

Генерал-лейтенант.

Вышел в отставку в 2002 году.

В этом же году был назначен в МИД РФ на должность посла по особым поручениям, советником министра иностранных дел РФ по вопросам НАТО. Покинул должность по достижении 65 лет в 2010 году.

С 2010 года доцент Военной академии МО РФ.

Скончался 7 марта 2015 года в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью За боевые заслуги. Отмечен благодарственной грамотой Президента РФ В.В. Путина за заслуги в разработке и реализации внешнеполитического курса РФ и многолетнюю плодотворную дипломатическую деятельность Президента РФ Владимира Путина.

Пролог. «Данциг будет захвачен в сентябре 1939 года»

1. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933—1941. М., 1973. С. 358—359.

2. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. Т. 2. Янв. — авг. 1939 г. М., 1981. С. 65.

3. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 326—329.

4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 69—70.

5. Там же. С. 72.

6. Цитируемая переписка «Рамзая» с Центром и наоборот, а также отдельные материалы, относящиеся к деятельности резидентуры, взяты из дел Центрального архива Министерства Обороны, опубликованных в следующих сборниках документов и документальных исследованиях: «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г.» / составитель В. Гаврилов. М., 2008; Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы.

Публикация, вступительная статья и комментарии А.Г. Фесюна. М.2000; 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е .Решин и др.; Под ред. В.П.Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н.Яковлева. М., 1998; Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—1). М. 1997; Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—2). М., 2000; Гаврилов В.А., Горбунов Е.А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004 и других изданиях.

7 *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. I. С. 131—137.

8. *Проскуров Иван Иосифович* 05(18). 02. 1907 — с. Малая Токмачка Бердянского уезда Таврической губернии, ныне Запорожской области Украины — 28.10.1941-пос. Барбыш, ныне Самарской области.

Украинец. Из рабочих. Генерал-лейтенант авиации (04.06.1940). Герой Советского Союза (21.06.1937). В РККА с 1931. Член компартии с 1927. Окончил 5 классов Железнодорожной школы в Запорожье (1914-1919), рабфак Сельскохозяйственного института в Харькове (октябрь 1927 — май 1930), 7-ю военную школу летчиков им. Сталинградского Краснознаменного пролетариата (апрель 1931 — январь 1933).

Работал в литейном цехе завода им. Ф.Энгельса в Запорожье (1919-1922), в домашнем хозяйстве, батрачил (1922-1923). Вступил в комсомол (1923), избирался секретарем райкома ЛКСМУ, работал помощником вагранщика на заводе № 4 им. Ф.Энгельса (1923-1926), был председателем районного секретариата профсоюзов сел Хортица и Токмаковка (1926-1927).

После рабфака учился в Харьковском институте механизации и электрификации (сентябрь 1930 — апрель 1931).

Летчик-инструктор 1-го разряда авиационной бригады Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е.Жуковского (январь 1933 — май 1934), службу проходил в подмосковных городах Монино и Серпухов. Командир тяжелого бомбардировщика 23-й авиационной бригады тяжелых бомбардировщиков, базировавшейся в г. Монино Московского ВО (май 1934 — январь 1935), командир отряда 89-й эскадрильи тяжелых бомбардировщиков там же (январь 1935 — январь 1936), командовал той же эскадрильей (январь — октябрь 1936). 25-30.10.1935 в составе советской делегации побывал на Международном авиационном слете в Румынии в Бухаресте, принимал участие в состязании в качестве командира самолета. 19.08.1936 он был награжден именными золотыми часами за доставку в рекордный срок (28 часов 10 минут) запасных частей в Хабаровск, для самолета В.П.Чкалова.

Находился в специальной командировке в стране «Х» (Испания) (октябрь 1936 — июнь 1937). Возглавлял 1-ю интернациональную бомбардировочную эскадрилью ВВС Испанской республики. Летчик этой эскадрильи К.Т.Деменчук много лет спустя писал: «Иван Иосифович был личностью незаурядной. Большого ума, на редкость душевный и отзывчивый человек, он пользовался общей любовью».

21 июня 1937 Проскурову было присвоено звание Героя Советского Союза «за образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм» После учреждения знака особого отличия ему была вручена медаль «Золотая Звезда» № 33.

При награждении по указанию И.В.Сталина Проскуров был произведен из старших лейтенантов сразу в майоры.

Продолжил службу в авиации: командир 54-й авиационной бригады в городе Белая Церковь (июль 1937 — май 1938), командующий 2-й отдельной авиационной армией особого назначения в Воронеже (май 1938 — апрель 1939). В декабре 1937 избран депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Заместитель наркома обороны СССР — начальник 5-го (разведывательного) управления РККА — (14.04.1939 — 11.07.1940).

«Проскуров — человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относившийся к делу, старавшийся изучить и освоить его... Проскуров быстро входил в курс дела, становился талантливым руководителем» (М.И.Полякова). «Под руководством Проскурова было начато постепенное и успешное восстановление разведки» (М.А.Мильштейн).

В распоряжении наркома обороны СССР (июль — сентябрь 1940). Заместитель начальника ВВС и начальник Управления дальней бомбардировочной авиации (октябрь 1940 — май 1941), 30.05.1941 «за аварийность в частях дальней бомбардировочной авиации» снят с должности. Командующий ВВС 7-й армии (22.06.1941).

«СОВ. СЕКРЕТНО
В ЦК ВКП/б/
Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу ЖДАНОВУ А.А.

Считаю партийным долгом, в связи с выходом приказа НКО №0022 от 12.4.41., просить разрешения /не в порядке оправдания/ доложить некоторые соображения по существу подготовки авиации к войне.

... ГЛАВНЫМ НЕДОСТАТКОМ В ПОДГОТОВКЕ АВИАЦИИ СЧИТАЮ НЕ УМЕНИЕ В МАССЕ СВОЕЙ, ДАЖЕ КАДРАМИ, НАДЕЖНО ДЕЙСТВОВАТЬ В СЛОЖНЫХ МЕТЕОУСЛОВИЯХ И НОЧЬЮ, низкий уровень огневой и разведывательной подготовки / большинство экипажей не умеют отыскивать цели, даже в крупных пунктах/.

В конце 1940 года, с ВАШЕГО ведома, я принял руководство дальней бомбардировочной авиацией и получил конкретную задачу — в течение 1941 года сделать части дальней авиации способными выполнять боевые задачи на предельном радиусе самолета в сложных метеоусловиях и ночью. ... Что я принял на 1 декабря 40 г.? В частях ДБ авиации насчитывается около 2000 экипажей, из них в то время летали ночью 231 экипаж, летали в сложных метеоусловиях 139 экипажей /около 6%/, обучались полетам вслепую 485 экипажей /около 24%/. КАК ВИДНО ЦИФРЫ ДЛЯ ДБ ЯВНО НЕТЕРПИМЫ — всего по 3-5 полностью подготовленных экипажей на авиаполк.

За прошедшие 4-5 м-цев зимней летной работы, в условиях плохой летной работы, ограниченности горючим и смазочным, плохой работе моторов /много самолетов стояли и стоят в ремонте/ — проводилась усиленная работа по поднятию качества летной подготовки ДБ авиации и к средине апреля с.г., приведенные выше цифры ИЗМЕНИЛИСЬ: теперь летают ночью 612 экипажей /30%/, летают в сложных метеоусловиях 420 экипажей /20 %/, обучаются полетам в сложных условиях 963 экипажа /50%/.

... Этот перелом в качественной подготовке ДБ авиации сопровождается большим количеством летных происшествий — 18 катастроф в 1941 г. ...

Происшествия тяжелые и их много, это верно, но интересы дела требуют еще больше увеличить интенсивность летной работы, неустанно улучшая организацию и порядок ВВС.

ДОРОГОЙ Т. СТАЛИН, У НАС, В ИСТОРИИ АВИАЦИИ НЕ БЫЛО СЛУЧАЯ, КОГДА БЫ СУДИЛИ КОМАНДИРА ЗА ПЛОХУЮ ПОДГОТОВКУ ПОДЧИНЕННОЙ ЕМУ ЧАСТИ. Поэтому люди невольно выбирают из двух зол для себя меньшее и рассуждают так: «ЗА НЕДОРАБОТКИ В БОЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ МЕНЯ ПОРУГАЮТ, НУ В ХУДШЕМ СЛУЧАЕ СНИЗЯТ НА СТУПЕНЬ В ДОЛЖНОСТИ, А ЗА АВАРИИ И КАТАСТРОФЫ Я ПОЙДУ ПОД СУД».

К сожалению, так рассуждающие командиры не единичны.

Такие настроения, имеют и будут иметь место до тех пор, пока за БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ПОДЧИНЕННОЙ ЧАСТИ БУДУТ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ ТАКИЕ ЖЕ ТРЕБОВАНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК И ЗА АВАРИЙНОСТЬ,

... Если разрешите, два слова по существу предъявленных мне обвинений со сдачей под суд.

Мне не известно, какими материалами располагал Главный Военный Совет при решении вопроса о моей виновности, но я со всей ответственностью заявляю:

1. Никаких грубых нарушений правил полетной службы при проверке Запорожского авиагарнизона, как и при проверке других гарнизонов, мною допущено не было. ...наоборот, в задании на вылет мною ясно было указано:

«ОРГАНИЗАЦИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РУКОВОДСТВО — СОГЛАСНО НАСТАВЛЕНИЙ.

2. Никаких явно преступных распоряжений на вылет я не давал, наоборот было указано: «В СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЫПОЛНИТЬ ЗАДАНИЕ НА РОСТОВСКОМ ПОЛИГОНЕ — ВЫПОЛНЯТЬ БОМБОМЕТАНИЕ НА СВОЕМ ЖЕ ЗАПОРОЖСКОМ ПОЛИГОНЕ, ГДЕ ПОГОДА БЫЛА ОТЛИЧНАЯ».

Истиной причиной запорожских катастроф является грубейшее нарушение правил полетной службы командиром авиаполка майором Боровским и командиром эскадрильи капитаном Дудко, которые не выполнили боевого приказа на полет, подписанного самим же Боровским, где было сказано «ВЫСОТА ПОЛЕТА НЕ НИЖЕ 400 МЕТРОВ». В том, что майор Боровский, вопреки существующим правилам, перед самым вылетом, не понятно почему, разрешил бомбометание на ростовском полигоне с высоты 100 метров, что стало известно только после возвращения экипажей на своей аэродром. Это разрешение, вылетавшие экипажи поняли, как разрешение выполнять полет тоже на 100 м-в, хотя в полетных листах у всех записано: «высота полета не ниже 400 метров». За все это, как и остальные происшествия, я готов нести ответственность как старший командир, но ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ, за которые я заслуживал бы предания суду, я не вижу.

...К ВАМ ТОВАРИЩ СТАЛИН, единственная просьба — НЕ ЛИШАТЬ МЕНЯ ЛЕТНОЙ РАБОТЫ.

Член ВКП/б/ с 1927 г.

Генерал-лейтенант авиации

Москва, ул. Серафимовича, Дом прав-ва, 10-й под. кв.202.

Тел: В-1-41-18

21.4.41. И. ПРОСКУРОВ

Награжден орденами Ленина (1937), Красного Знамени (1937), двумя орденами Красной Звезды (1936, 1940), золотыми часами от наркома обороны (1936).

Репрессирован 27.06.1941.

«УТВЕРЖДАЮ» «АРЕСТ САНКЦИОНИРИЮ»
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУД. ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР (БОЧКОВ)
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
3-го РАНГА (МЕРКУЛОВ)
/Подписал И. СЕРОВ/

5 июля 1941 года. 5 июля 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на арест и обыск)
гор. Москва, 1941 года июля 3 дня.

Я, начальник 5 отделения 1 отдела Следчасти НКГБ СССР лейтенант госбезопасности ЦЕПКОВ, рассмотрев материалы о преступной деятельности ПРОСКУРОВА Ивана Иосифовича, 1907 года рождения, уроженца Запорожской области, гр-на СССР, члена ВКП (б) с 1927 года, б. командующего ВВС 7-й армии, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза, Депутата Верховного Совета СССР,

НАШЕЛ:

Материалами следствия по делу антисоветской заговорщической организации, существовавшей в Военно-Воздушных силах Красной Армии. установлено, что одним из участников заговора являлся бывший командующий ВВС 7-й армии — ПРОСКУРОВ Иван Иосифович.

По этому вопросу арестованный бывший помощник начальника Генерального штаба Красной армии СМУШКЕВИЧ Я.В. на допросе 21 июня 1941 года показал:

«Должен заявить, что мною лично в заговорщическую организацию, в бытность мою в Испании, были вовлечены: — летчик — ПРОСКУРОВ, который впоследствии был заместителем начальника ВВС Красной армии ...

ПРОСКУРОВ был вовлечен мною в заговорщическую организацию в январе или феврале 1937 года.

ПРОСКУРОВ был летчиком-истребителем и являлся заместителем командира эскадрильи в Испании. За время моего пребывания в Испании у ПРОСКУРОВА было две серьезных аварии за что, по существу, подлежал отстранению от должности и преданию суду. ПРОСКУРОВ буквально плакал и просил меня не предавать его суду. Я согласился и не только не привлек его к ответственности, но и выдвинул на должность командира эскадрильи, а затем — группы СБ, имея в виду использовать его по вражеской работе.

Руководствуясь этим, я постепенно начал обрабатывать ПРОСКУРОВА в антисоветском духе и имел с ним ряд злобно-клеветнических разговоров о внутреннем положении в СССР, а также о внешней политике советского правительства....».

« ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ
Между арестованными СМУШКЕВИЧЕМ Яковом Владимировичем с
ПРОСКУРОВЫМ Иваном Иосифовичем
От 21 июля 1941 года

Очная ставка начата в 2 ч.30 м.
Окончена в 3 ч. 50 м.
.... Вопрос ПРОСКУРОВУ: А вы в чем признаете себя виновным?

Ответ: Виновным в преступной работе против советского государства я себя не признаю.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Действительно ли, ПРОСКУРОВ не совершал никаких преступлений против советского государства?

Ответ: ПРОСКУРОВ показывает неправду, так как вместе со мной он вел вражескую работу против советского государства.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Вы это знаете с чьих-либо слов или сами были связаны по антисоветской работе с ПРОСКУРОВЫМ?

Ответ: Я лично был связан с ПРОСКУРОВЫМ по вражеской работе.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Это точно? Не оговариваете ли вы ПРОСКУРОВА?

Ответ: Я снова заявляю, что показываю правду и ПРОСКУРОВА не оговариваю.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Как видите, СМУШКЕВИЧ вам в глаза заявил правду, что вы вместе с ним вели вражескую работу. Не лучше ли вам самому рассказать все, не ожидая дальнейшего изобличения?

Ответ: Во вражеской компании СМУШКЕВИЧА я не был. Никаких заданий по преступной работе против советского государства он мне не давал.

....

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Аварии у вас были в Испании?

Ответ: Да, были.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Сколько?

Ответ: Две.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: А разговор со СМУШКЕВИЧЕМ, в котором вы просили у него защиты, имел место?

Ответ: Нет, такого разговора у меня со СМУШКЕВИЧЕМ не было.

... Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Вражеские задания вы давали ПРОСКУРОВУ?

Ответ: После вербовки ПРОСКУРОВА я выдвинул его из рядовых летчиков в командиры группы скоростных бомбардировщиков.

Основное вражеское задание, которое я дал ПРОСКУРОВУ заключалось в том, чтобы он действовал только по тылу противника и не бомбил его войска, а также не летал на больших высотах.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Какую цель вы преследовали этим преступным заданием ПРОСКУРОВУ?

Ответ: Мы работали на поражение Республиканской армии.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: И ваши вражеские задания ПРОСКУРОВ выполнял?

Ответ: Да, выполнял.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Как видите, СМУШКЕВИЧ дает достаточно обоснованные показания о вашей пораженческой работе в Республиканской Испании. Станете ли вы отрицать факты?

Ответ: Вражеских заданий от СМУШКЕВИЧА я не получал и работы на поражение Республиканской армии в Испании не проводил.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: По вражеской работе с ПРОСКУРОВЫМ вы были связаны только в Испании?

Ответ: Нет, по возвращении в СССР я также был связан с ПРОСКУРОВЫМ по вражеской работе.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: А в чем эта связь выражалась?

Ответ: По возвращении в СССР я был назначен заместителем начальника Главного Управления ВВС Красной Армии, а ПРОСКУРОВ вскоре с должности ко-

мандира авиабригады был выдвинут в качестве командира 2-ой авиационной армии особого назначения.

ПРОСКУРОВУ я давал вражеские задания, которые заключались в том, что он должен был тормозить боевую подготовку ВВС и не бороться с аварийностью.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: А эти задания ПРОСКУРОВ выполнял?

Ответ: Да, выполнял.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Во второй авиационной армии, которой вы командовали аварии имели место?

Ответ: Да, аварии имели место а авиационной армии, которой я командовал. В 1938 и 1939 гг. при мне произошло две катастрофы, во время которых погибло четыре человека. Кроме того, имело место также пять аварий /за цифры я сейчас не ручаюсь, возможно, их было шесть или несколько больше/. Один истребитель в 1939 году погиб в результате того, что летчик увлекся выполнением данного ему задания о стрельбе по наземным целям при низкой облачности в 300 метров.

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Такое задание можно было давать летчику при данных метеорологических условиях?

Ответ: Да, можно.

Вопрос СМУШКЕВИЧУ: Это правильное задание?

Ответ: Нет, такое задание противоречит наставлению по летной службе.

...

Вопрос ПРОСКУРОВУ: Следствие располагает и другими фактами вашей практической вредительской работы в ВВС, однако, не считает нужным приводить их сегодня на очной ставке и предлагает вам самому рассказать все о своих преступлениях против Советской власти?

Ответ: Мне показывать нечего, так как вражеской работы я не вел

/очная ставка прерывается/

Записано с наших слов правильно и нами прочитано

/СМУШКЕВИЧ/ /ПРОСКУРОВ/

ОЧНУЮ СТАВКУ ПРОВЕЛ: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКГБ СССР

МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ /ШВАРЦМАН/».

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Арестованного ПРОСКУРОВА Ивана Иосифовича
От 11-го августа 1941 года
Начало допроса в 13 час. 35 мин.
Окончание // в 16 час. 30 мин.

Вопрос: Где вы работали после 2-й армии?

Ответ: 12-го апреля 1939 года по приказанию Народного Комиссара Обороны ВОРОШИЛОВА я был вызван в Москву. Народный Комиссар мне объявил, что я назначаюсь его заместителем и начальником Разведывательного Управления. Я просил освободить меня от этого назначения, мотивируя тем, что с разведывательной работой я не знаком, однако, ВОРОШИЛОВ заявил, что решение об этом подписано и обсуждать его не приходиться, и приказал мне немедленно приступать к работе.

С 13-го апреля 1939 года я приступил к работе в Разведупре.

Вопрос: Как долго Вы работали в Разведупре?

Ответ: Начальником Разведупра я работал до августа 1940 года.

Вопрос: Чем было вызвано освобождение вас от этой работы?

Ответ: Причины освобождения меня от работы в Разведупре мне неизвестны. Но во время работы в Разведупре я несколько раз высказывал мнение о том, что мне тяжело работать и что я имею желание работать по специальности — в авиации. Возможно, на это повлияло и то, что я не смог полностью обеспечить работу в Разведупре, хотя ее и намного двинул вперед, стараясь сделать все, что было в моих силах. О причинах моего освобождения со мной никто не говорил.

Вопрос: Куда вы были назначены после освобождения из Разведупра?

Ответ: В связи с передачей дел Разведупра, я был у Л.П.БЕРИЯ и от него говорил по телефону с И.В.СТАЛИНЫМ и В.М.МОЛОТОВЫМ. Еще до этого от ЩАДЕНКО, который был председателем Комиссии по передаче дел Разведупра, я знал, что намечался для работы в Управлении ВВС КА. В состоявшемся разговоре, связанном с передачей дел Разведупра, я просил не назначать меня в Управление ВВС КА до тех пор, пока там работает СМУШКЕВИЧ.

Эту свою просьбу я мотивировал тем, что СМУШКЕВИЧ группирует вокруг себя своих людей — ГУСЕВА, АРЖЕНУХИНА, ПТУХИНА и других, пьянствует, что в деле процветает семейственность и мне будет тяжело с ним работать. Этот свой взгляд в отношении СМУШКЕВИЧА я излагал руководителям и ранее. Мне ответили, что мою просьбу рассмотрят. Об этом я также говорил и МЕХЛИСУ.

После сдачи дел Разведупра мне был предоставлен отпуск, после которого я еще около месяца не получал назначения. В октябре 1940 года я был вызван к Народному Комиссару, а затем в Кремль и был назначен зам. начальника ВВС и начальником Управления дальней бомбардировочной авиации. К этому времени начальник Управления ВВС РЫЧАГОВ, а СМУШКЕВИЧ с этой работы был снят.

В этой должности я находился до апреля 1941 года, когда приказом Народного Комиссара был с работы снят и отдан под суд.

Вопрос: Чем это было вызвано?

Ответ: Я инспектировал Запорожский авиагарнизон и при мне в этом гарнизоне произошло три катастрофы. Было разбито три машины и погибло семь человек. В приказе Народного Комиссара было записано: «За отдачу преступного распоряжения на вылет в заведомо нелетную погоду, в результате чего три экипажа потерпели катастрофу».

За это я был судим Военной Коллегией Верхсуда СССР, приговором которой мне было вынесено общественное порицание. В приговоре суда было указано, что я виновен в том, что не обеспечил надлежащей и единообразной подготовки для полета проверяемой части в усложненных метеоусловиях, в результате чего не все экипажи знали, как им поступить в случае попадания в сплошной снегопад. Дословных формулировок приказа и приговора я сейчас не помню.

Вопрос: Как видите и здесь вы проводили преступную работу. Это лишний раз подтверждает показания СМУШКЕВИЧА о вашей заговорщической работе.

Продолжать вам запираться нет смысла, рассказывайте о своей вражеской работе.

Ответ: В дальней бомбардировочной авиации были и другие катастрофы, а также и аварии, но это не результат вражеской работы. Заговорщиком я не был и никто, в том числе и СМУШКЕВИЧ никаких преступных заданий мне не давал.

Протокол с моих слов записан верно и мною прочитан.

(ПРОСКУРОВ)

Допросил: Нач. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ НКГБ СССР

Ст. Лейтенант Государствен. Безопасности (ЦЕПКОВ)».

Реабилитирован 15.05.1954.

«УТВЕРЖДАЮ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

11. V. 1954 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1954 года, марта 26 дня, Военный прокурор Главной военной прокуратуры полковник юстиции Струков, рассмотрев следственное дело № 1000213 по обвинению ПРОСКУРОВА Ивана Иосифовича по ст. 58-I «б» УК РСФСР

НАШЕЛ:

27 июня 1941 г. НКВД СССР был арестован

ПРОСКУРОВ Иван Иосифович, 1907 г.р., уроженец Запорожской области, член ВКП /б/ с 1927 г., генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС 7 армии, служивший в Советской Армии с 1931 года, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза.

Следствие велось в следственной части по особо важным делам НКВД СССР.

ПРОСКУРОВ обвинялся в том, что в 1937 году «быв. командующим военно-воздушных сил в Испании Смушкевичем был вовлечен в антисоветскую военно-заговорщическую организацию, по заданиям которой проводил вражескую работу, направленную на ослабление республиканской Испании и военной мощи СССР», а по возвращении из Испании «будучи командующим 2-й армии особого назначения, ПРОСКУРОВ тормозил боевую подготовку летного состава и не боролся с аварийностью». Это обвинение строилось только на показаниях арестованного Смушкевича, который называл Проскурова заговорщиком, показал, что он по его, Смушкевича, заданию в Испании, как командир авиасоединения действовал только по тылу противника и не бомбил его войска, а также не летал на больших высотах».

ПРОСКУРОВ виновным себя не признал и приводил ряд данных, опровергающих показания Смушкевича.

Имеющиеся в деле /л.д. 258-268/ данные о боевых действиях Проскурова и его подчиненных в Испании, опровергают указанные выше показания Смушкевича.

Осмотром дела по обвинению Смушкевича установлено, что Смушкевич, признавая себя виновным, называл как заговорщиков большое число видных советских военных работников, в том числе и Мерецкова, а когда Смушкевич начал изменять свои показания, то допросы его были прекращены.

Следствием по делу врага народа Берия и его сообщников установлено, что Проскуров и Смушкевич в числе других 25 лиц по преступному предписанию Берия от 18 октября 1941 года были расстреляны, а сообщники Берия — Кобулов и Влодзимирский задним числом написали фиктивное заключение о расстреле Проскурова и других.

Принимая во внимание, что ПРОСКУРОВ был арестован по необоснованным, непроверенным показаниям Смушкевича, дело по обвинению которого Прокуратурой СССР теперь прекращено и что ПРОСКУРОВ расстрелян по преступному предписанию врага народа Берия, руководствуясь пунктом 5 ст.4 и ст. 221 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Дело по обвинению ПРОСКУРОВА Ивана Иосифовича производством прекратить за отсутствием в действиях Проскурова состава преступления.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ
Полковник юстиции /СТРУКОВ/».

9. *Кисленко Алексей Павлович* 30.03.1901-г. Николаевске Самарской губернии, ныне г. Пугачев Саратовской области—01.1982.

Украинец. Из крестьян. Генерал-майор (17.11.1943). В РККА с февраля 1919. Член компартии с 1924. Окончил сельскую школу, трехклассное Высшее начальное училище в Николаевске (1916), 20-ю Саратовскую пехотную школу (1921-1924), Артиллерийские КУКС в Ленинградском ВО (ноябрь 1928 — август 1929), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1932-1936). Владел английским и японским языками.

Работал с 9-10 лет: пастухом, батраком на хуторах вблизи Николаевска, работал по найму главным образом летом, а зимой учился. Работал в городе извозчиком (1916-1918), в 1918 был секретарем союза ломовых извозчиков.

Участник гражданской войны (1919-1921). Красноармеец армейского депо 10-й армии Южного фронта, 1-го Кубано-Черноморского стрелкового полка Южного фронта (февраль 1919 — июль 1920), 521-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии Польского фронта (июль 1920—август 1921).

Командир взвода 131-го стрелкового полка (октябрь 1924 — январь 1925), артиллерийского полка 44-й дивизии (январь — октябрь 1925), начальник разведки пушечного дивизиона там же (октябрь 1925 — октябрь 1926), командир батареи 132-го Донецкого стрелкового полка (октябрь 1926 — февраль 1931), преподаватель, руководитель по курсу артиллерии Киевских объединенных курсов подготовки комсостава им. С.С.Каменева (февраль 1931—апрель 1932).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (май — октябрь 1936), секретный уполномоченный (октябрь 1936 — июль 1938), заместитель начальника отделения по учебной части (июль — сентябрь 1938) 2-го (восточного) отдела, проходил стажировку в японской армии. Начальник особого отделения (уполномоченный в Дальневосточном крае) того же отдела (сентябрь 1938 — май 1939), заместитель начальника, и.д. начальника 2-го (май 1939 — август 1940) отдела, в распоряжении РУ, начальник 3-го отдела 1-го управления ГРУ (1942), заместитель начальника 1-го управления ГРУ.

Представлен к награде в январе 1943 «за отличную организацию разведки за рубежом». В распоряжении ГРУ Генштаба. Стажер по должности начальника штаба 6-й гвардейской армии (1944). Затем «в длительной командировке». Глава советской военной миссии при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками, представитель советского правительства в Союзном консультативном совете по делам Италии (1944-1945).

С 1950 член Союзного совета для Японии от СССР.

После войны продолжал службу в центральном аппарате ГРУ Генштаба ВС.

С 1959 в отставке.

Награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, медалями.

Некролог: Красная звезда, 05.01.1982.

10. Заключение по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге // Manuscript div. library of Congress. D1. 16 P.; Фесюн А. Почему не верили Зорге? //

Взгляд из Японии. Русскоговорящий опиньон-сайт Исследовательского института «Евразия 21».

11. Там же.

12. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 105—113.

13.Там же.

14. Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. МИД СССР. М., 1990. С. 33.

15. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 130—131.

16. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Указ. соч. С. 525.

17. Там же. С. 499—502.

18. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 290.

19. *Шишов А.В.* Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 389.

20. *Зимонин В.П.* Интриги кануна Второй мировой: Японский и польский факторы советско-германских отношений. Ч. 2. Домыслы и правда о межвоенной политической реальности // Пространство и время. 4 (10) 2012. С. 89—99.

21. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 146.

22. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор: ошибка или провокация? М., 2006. С. 116.

23. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Указ. соч. С. 230—239.

24. Год кризиса. 1938—1939. Указ. соч. Т. 2. С. 278—279.

25. Там же. Т.1. С. 20.

26. Там же.

27. Там же.

28. Там же. Т. 2. С. 136—139.

29. Там же. Т. 1. С. 21.

30. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Указ. соч. С. 537.

31. Год кризиса. Указ. соч. Т. 2. С. 232—233.

32. Там же. С. 229—231.

33.Там же. С. 271—272.

34. Там же. С. 272—273.

35. *Зимонин В.П.* События у озера Хасан в системе исторических и геополитических координат кануна и начала Второй мировой войны // Военный конфликт в районе озера Хасан. Взгляд через шесть десятилетий. Сборник докладов, сообщений и документальных материалов. М., 2003. С. 350—352.

36. Год кризиса. 1938—1939. Указ. соч. Т. 2. С. 274—276.

37. Там же. С. 280—288.

38. Там же. С. 286—287.

39. Там же. С. 302.

40. *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 137—140; *Федько В., Сидоренков Е.* Гитлер: Информация к размышлению.Даты. События. Мнения. 1889—2000. Киев, 2000.

41. Там же.

42.*Гитлер А.* Моя борьба / Пер. с нем. / Ком. ред. «ОДА». Каунас, б/г. С. 529.

43. Год кризиса. Т. 2. Указ. соч. С. 136—139.

44. *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 261—262.

45. Там же.

46. СССР — Германия. 1939—1941. Секретные документы / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 2011. С. 84—88.

47. *Зимонин В.П.* Интриги кануна Второй мировой: Японский и польский факторы советско-германских отношений. Ч. 2. Домыслы и правда о межвоенной политической реальности // Пространство и время. 4 (10) 2012. С. 89—99.

48. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио. М., 2006. С. 277.

49. *Зимонин В.П.* Интриги кануна Второй мировой. С. 89—99.

Глава 1. 1939 год. Западная Европа, Москва, Токио

1. Кошкин А.А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С.57-58.

2. *Шишов А.В.* Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С.387-388.

3. Там же.

4. *Мозохин О.Б.* Противоборство. Указ. соч. С.368.

5. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Японо-китайская война. М., 1957. С.282.

6. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по- японски. Указ. соч. С.64; *Шишов А.В.* Разгром Японии и самурайская угроза. Указ. соч. С.398.

7. *Орлов Александр Григорьевич*

30.07.1898-г. Пермь — 25.01.1940-Москва.

Русский. Из дворян. Комдив (19.02.1938). В РККА с 1918. Член компартии с 1927. Окончил Алексеевское реальное училище в Перми (1908-1915), два курса юридического факультета Московского университета (1915-1916), ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища (1916-1917), правоведческое отделение факультета общественных наук 1-го МГУ (1922-1925).

В службе с 1916. Участник 1-й мировой войны (август 1917 — февраль 1918), прапорщик. Младший офицер 2-й батареи 1-го Горного артиллерийского дивизиона Румынского фронта. Прапорщик. Избран командиром той же батареи (ноябрь 1917 — февраль 1918).

Работал в Перми репетитором, статистиком-регистратором в Союзе кооперативов (февраль — июль 1918).

Участник гражданской войны (1918-1920). Командир 4-й батареи Пермской артиллерийской бригады (август — октябрь 1918), 1-й батареи, запасной легкой батареи 10-го артиллерийского дивизиона (октябрь 1918 — ноябрь 1919), командир легкой батареи Сводного артиллерийского дивизиона Приволжского ВО (ноябрь 1919 — март 1920), помощник командира этого дивизиона (март — июль 1920), старший инструктор учебной команды, командир 10-го легкого артиллерийского дивизиона Запасной армии Республики (июль — октябрь 1920), начальник артиллерии правой подгруппы войск 6-й армии (октябрь 1920 — апрель 1921).

14 октября 1920 получил тяжелое ранение, которое привело к ампутации ноги; в госпиталях до апреля 1921.

Преподаватель и по совместительству полковой судья, врид председателя полкового суда 95-х Уфимских пехотных курсов (апрель 1921 — август 1922), штатный преподаватель, главный руководитель по артиллерии 1-й Объединенной военной школы им. ВЦИК (август 1922 — июль 1925), старший редактор законодательной части Юридическо-статистического отдела, помощник начальника Законодательного отдела Управления военного законодательства Главного

управления РККА (июль 1925 — сентябрь 1926), помощник начальника 1-й части, юрисконсульт, начальник 3-го отдела, помощник управляющего делами НКВМ и РВС СССР (сентябрь 1926 — ноябрь 1931), начальник Управления военных приборов Главного артиллерийского управления РККА (ноябрь 1931 — декабрь 1933). Побывал в служебной командировке в Германии (1931), участвовал в Международной конференции по разоружению (Женева, Швейцария) в качестве начальника штаба военной части советской делегации и военного эксперта по сухопутным вооружениям (1933).

Помощник военного атташе при полпредстве СССР во Франции (декабрь 1933 — декабрь 1934), военный атташе при полпредстве СССР в Германии (декабрь 1934 — сентябрь 1937).

Заместитель начальника РУ РККА по информации (сентябрь 1937 — апрель 1939).

В начале октября 1938 г. старший майор госбезопасности С.Г. Гендин, был отстранен от исполнения обязанностей начальника Разведывательного управления РККА, а 22 октября — арестован.

Из воспоминаний Н.С. Ляхтерова, начальника отделения 1-го (Западного) отдела:

«Осенью 1938 года Ворошилов решил собрать совещание ответственных работников Разведывательного управления Генерального штаба и узнать их мнение о возможности назначения начальником Разведуправления комдива Орлова... На совещании присутствовал и сам Орлов. Все было похоже на "выборы" в Гражданскую войну. В ответ на слова маршала зал молчал, затем поднялся полковник С. Степанов и сказал: "Орлов высокообразованный человек, свободно владеющий тремя языками, отличный информатор, но он никогда не занимался агентурными и военно-диверсионными делами. Поэтому целесообразнее на эту должность назначить одного из работников Разведуправления или начальников разведотделов штабов Ленинградского или Дальневосточного округов". Ворошилов согласился с этим и добавил: "Подумаем и в ближайшие дни решим"».

И.о. начальника Разведывательного управления РУ РККА (28.10.1938 — 13.04.1939).

В распоряжении наркома обороны СССР, начальник кафедры иностранных языков Артиллерийской академии РККА (апрель — июнь 1939).

Репрессирован 03.06.1939. Реабилитирован 21.05.1955.

«Стенограмма
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Свидетеля АРСЕНОВИЧА Григория Борисовича
от 16 февраля 1955 года.

АРСЕНОВИЧ Г.Б., 1902 года рождения, уроженец Киевской области, еврей, гр-н СССР, член КПСС, пенсионер Советской армии.

Проживает: Арбат, 20, кв.18. Тел. Г 1-29-58.

Допрос начат в 10 часов.

...

ВОПРОС: Вы вели дело по обвинению ОРЛОВА Александра Григорьевича?

ОТВЕТ: Такого арестованного я сейчас вспомнить затрудняюсь.

ВОПРОС: Вам предъявляется фотокарточка арестованного ОРЛОВА А.Г. Теперь Вы вспоминаете его?

ОТВЕТ: Нет, я и сейчас вспомнить лицо, изображенное на предъявленной мне фотокарточке, не могу.

Дело в том, что в 1951 году в течение полугода я находился на излечении в госпитале в связи с частичным кровоизлиянием в мозг. В результате этого заболевания у меня в известной мере ослабла память, что и было отмечено в соответствующем врачебном заключении, и я, как инвалид второй групп, был уволен из рядов Советской Армии.

ВОПРОС: Не может быть, чтобы вы не помнили арестованного ОРЛОВА, являвшегося ранее заместителем начальника Разведупра РККА, а до этого военным атташе в Германии. К тому же, у ОРЛОВА была ампутирована нога.

ОТВЕТ: Приведенные мне детали и, в частности, то, что у арестованного была ампутирована нога, меняет дело. Я сразу вспомнил этого арестованного, к следствию которого имел отношение, работая в 1939 году старшим следователем Следчасти НКВД СССР.

ВОПРОС: Покажите, за что был арестован ОРЛОВ и какие показания он дал на следствии?

ОТВЕТ: За что был арестован ОРЛОВ, я не знаю, так как к его аресту отношения не имел. Поскольку ОРЛОВ до своего ареста занимал ответственное положение, то его дело числилось за ВЛОДЗИМИРСКИМ, занимавшим в то время должность помощника начальника Следчасти НКВД.

Через несколько дней после ареста ОРЛОВА, меня вызвал ВЛОДЗИМИРСКИЙ и поручил допросить арестованного и дать ему очную ставку с арестованным АНТОНОВЫМ (*АНТОНОВ К.В., 1900 г. рождения, русский, гр-ва СССР, член ВКП (б) с 1918 года. Первый секретарь полпредства СССР во Франции (1933-1935). До ареста старший научный сотрудник Института Права Академии наук. Сотрудник НКИД. — М.А.*) обвинявшимся как участник военного сговора.

Дело АНТОНОВА, как видно из предъявленного мне протокола очной ставки, вел старший следователь Следчасти НКВД МАТЕВОСОВ.

Когда арестованного ОРЛОВА доставили на допрос, то внешний **вид ОРЛОВА свидетельствовал о том, что он был до моего вызова избит так, что самостоятельно без помощи надзирателей не мог ходить** (здесь и далее выделено мной. — *М.А.*). На мой вопрос ОРЛОВУ, почему у него такой вид, ОРЛОВ ответил, что доставлен на допрос из карцера. Правда, об избиениях ОРЛОВ ничего не говорил, но внешний вид достаточно явно говорил за то, что ОРЛОВ был кем-то сильно избит.

ВОПРОС: Кем избивался ОРЛОВ?

ОТВЕТ: Это мне не известно. Я могу лишь предполагать, что его избивал ВЛОДЗИМИРСКИЙ, который вызвал ОРЛОВА сразу же после ареста последнего.

ВОПРОС: А разве ВЛОДЗИМИРСКИЙ Вам не говорил, что ОРЛОВ подвергался мерам физического воздействия?

ОТВЕТ: Этого я не помню.

ВОПРОС: А Вами избивался арестованный ОРЛОВ?

ОТВЕТ: Мною ОРЛОВ никогда не избивался. **В этом не было необходимости,** так как на первом же допросе, произведенном мною, ОРЛОВ начал давать показания. Видимо, сказалось на поведении ОРЛОВА то обстоятельство, что после избиения, я отнесся к нему гуманно, по-человечески.

ВОПРОС: В какой тюрьме содержался ОРЛОВ?

ОТВЕТ: Этого я тоже сейчас не помню, так как прошло с тех пор около 16 лет. Могу лишь заявить, что, если ОРЛОВ содержался в Сухановской тюрьме, то там

условия были таковы, что арестованные начинали давать показания через 2-3 дня даже без применения к ним мер физического воздействия.

ВОПРОС: В архивно-следственном деле № 975045 имеется отпечатанный на пишущей машинке протокол допроса ОРЛОВА А.Г., датированный 9-10 июня 1939 года, подписанный начальником Следчасти НКВД РОДОСОМ и ст. следователем Следчасти НКВД АРСЕНОВИЧЕМ.

Показания ОРЛОВА, изложенные в этом протоколе, соответствовали действительности?

ОТВЕТ: Прежде, чем ответить на поставленный мне вопрос, я должен объяснить, как составлялись так называемые **«обобщенные» протоколы допроса арестованных**, направлявшиеся в инстанцию.

В 1939 году в Следчасти НКВД имелись «специалисты» по составлению таких протоколов, типа ШВАРЦМАНА, РОДОСА, ВЛОДЗИМИРСКОГО и некоторых других лиц, которых сейчас не помню.

Следователь, получив от арестованного показания о проведении им вражеской работы против Советского государства (причем эти показания я брал от арестованных в их собственноручном изложении), давал такие собственноручные показания арестованного своему начальнику. В данном случае собственноручные показания ОРЛОВА оказались у РОДОСА, который составил и написал по ним «обобщенный» протокол допроса. Так как арестованный ОРЛОВ свои собственноручные показания писал в течение двух дней, то в обобщенном протоколе его допроса были указаны эти дни, то есть 9-10 июня 1939 года.

ВОПРОС: О каких собственноручных показаниях арестованного ОРЛОВА Вы говорите?

В деле по его обвинению никаких собственноручных показаний арестованного не имеется.

ОТВЕТ: Я утверждаю, что собственноручные показания о своей вредительской работе ОРЛОВ давал. Однако, почему эти показания не приобщены к делу, я сказать не могу. Следствие по делу ОРЛОВА я не заканчивал.

ВОПРОС: На стр. 18 обобщенного протокола допроса арестованного ОРЛОВА в качестве фактов его предательской деятельности фигурирует то, что в 1931 г. он, являясь участником советской делегации на конференции в г. Женеве по разоружению при Лиге Наций, не добился «сколько-нибудь благоприятного решения по существу вопроса», и в результате его предательской деятельности после Женевской конференции Германия начала быстро осуществлять план вооружения своей армии. Как Вы расцениваете эти показания арестованного?

ОТВЕТ: В настоящее время я считаю эти показания абсурдными, видимо, ОРЛОВ давал такие показания с тем, чтобы впоследствии отказаться от них, показав их явную несостоятельность.

ВОПРОС: Но Вы же являлись следователем по делу. Вы же не могли не понимать в то время абсурдность этих «признаний» ОРЛОВА?

ОТВЕТ: Я прошу учесть обстановку работы органов в 1939 году. **Поскольку обобщенный протокол допроса того или иного арестованного поступал к следователю уже, будучи апробирован, БЕРИЯ и КОБУЛОВЫМ, то следователь не имел права критически относиться к его содержанию, и в его обязанность входило лишь дать такой протокол на подпись арестованному.**

ВОПРОС: Исследуем еще одно обстоятельство.

Чем Вы объясните неестественность подписи ОРЛОВА под протоколом допроса от 7 июня 1939 года, составленным Вами?

(Свидетелю предъявляется архивно-следственное дело).

ОТВЕТ: Ознакомившись с подписями арестованного под протоколами допросов в деле, я не могу отрицать того, что подпись ОРЛОВА под протоколом допроса от 7 июня 1939 года мало, если не сказать больше, похожа на обычную роспись этого лица. Вместе с тем, я утверждаю, что в данном случае именно ОРЛОВ подписывал протокол допроса от 7 июня 1939 года. А сильное искажение его подписи явилось результатом физического состояния, в котором тогда он находился.

Выше я уже показывал, что на допрос ко мне и МОТЕВОСОВУ ОРЛОВ был доставлен из карцера избитым. Естественно, что такие обстоятельства не могли не сказаться на характере его росписи.

ВОПРОС: На заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 24 января 1940 года ОРЛОВ отказался от данных им на предварительном следствии показаний и заявил, что его заставляли подписывать показания путем избиений.

Не в результате ли таких методов допроса появились искаженные подписи арестованного ОРЛОВА под протокол допроса?

ОТВЕТ: Выше я объяснил, почему ОРЛОВ необычно подписывал протокол допроса. Еще раз заявляю, что лично я его не избивал и никакого принуждения к подписанию протокола допроса не применял.

О том, что ОРЛОВ отказался на суде от данных им на следствии показаний, я впервые слышу.

Допрос окончен в 11 ч.45 м.

Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан.

(АРСЕНОВИЧ)

Допросил:

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 1 ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
капитан (ПИЧУГИН)

«Особый контроль
«УТВЕРЖДАЮ» СЕКРЕТНО
Экз. № 1
ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/ТЕРЕХОВ/
28 марта 1955 года.

В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
/в порядке ст. 378 УПК РСФСР/
По делу ОРЛОВА А.Г.

26 марта 1955 года Военный прокурор отдела ГВП подполковник юстиции БЕЛЯЕВ, рассмотрев архивно-следственное дело № 975045 по обвинению ОРЛОВА Александра Григорьевича и материалы проверки,

У С Т А Н О В И Л:

24 января 1940 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР осужден к ВМН:

ОРЛОВ Александр Григорьевич, 1898 года рождения, уроженец Москвы, русский, с высшим образованием, член КПСС с 1927 по 1939 год, быв. начальник кафедры иностранных языков артиллерийской академии, комдив.

ОРЛОВ признан виновным в том, что с 1931 года являлся агентом германской разведки, которой передавал шпионские сведения о Советской Армии, а в 1932 году вошел в состав антисоветского военного заговора, куда был завербован ВЕНЦОВЫМ.

В 1935 году ОРЛОВ якобы установил связь с ТУХАЧЕВСКИМ, по заданию которого поддерживал изменнические связи с представителями германской армии.

Допрошенный по существу предъявленного ему обвинения, ОРЛОВ в суде заявил, что

«он виновным себя не признает. **От показаний, данных на предварительном следствии, отказывается**, заявляя, что **дал их вынужденно, т.к. его избили и таким путем заставили подписать показания**» (выделено мной. — *М.А.*).

К делу приобщена копия протокола допроса АНТОНОВА К.В., из которого видно, что АНТОНОВ на допросе 2 июня 1939 года назвал ОРЛОВА участником антисоветской организации и что он поддерживал с ним антисоветскую связь.

Однако в суде АНТОНОВ заявил:

«Виновным себя не признаю. Показания на предварительном следствии отрицаю …., т.к. дал их в результате применения ко мне методов физического и морального воздействия… Под давлением следователя я вынужденно изобличал ОРЛОВА ….». …

Из материалов архивно-следственного дела № 967581 по обвинению ТУХАЧЕВСКОГО М.Н. видно, что в своем заявлении от 10 июня 1937 г. последний назвал некоего ОРЛОВА участником заговора, однако в последующем ОРЛОВ в показаниях ТУХАЧЕВСКОГО не упоминается. …

Просмотром архивно-следственного дела по обвинению ЕЖОВА Н.И., дававшего на предварительном следствии показания о связях ОРЛОВА с германской разведкой /л.д. 75-80/, установлено, что в суде ЕЖОВ отказался от показаний, данных им на предварительном следствии…

Допрошенный бывший ст. следователь следственной части НКВД СССР АРСЕНЕВИЧ Г.Б. 16 февраля 1955 года показал, что во время следствия к ОРЛОВУ, действительно, применялись меры физического воздействия.

Таким образом, материалами проверки установлено, что ОРЛОВ А.Г. осужден неосновательно.

Учитывая, что указанные обстоятельства не были известны суду при вынесении приговора, руководствуясь ст.378 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Архивно-следственное дело № 975045 по обвинению ОРЛОВА Александра Григорьевича и материалы проверки внести на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР на предмет отмены приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 24 января 1940 года в отношении ОРЛОВА А.Г. и прекращении о нем дела в уголовном порядке по п.5 ст.4 УПК РСФСР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: архивно-следственное дело 975045 с материалами проверки на 219 листах от н/вх. № 0106331 и 2 обзорные справки на 3-х листах с н/маш. № 2745 и 2707.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА ГВП
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/БЕЛЯЕВ/

«СОГЛАСЕН»

ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
28/III-55 /КАМЫШНИКОВ/».

Награжден двумя орденами Красного Знамени (1928, 1938), юбилейной медалью XX лет РККА (1938).

Соч.: Современные приборы управления огнем. М., 1933.

8. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г.» / составитель В. Гаврилов. М., 2008. С.744

9. *Шишов А.В.*Указ. соч. С.402.

10. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. С.290-291, 309.

11. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.91.

12. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.313.

13. *Зинберг Я.* Кто этот Фекленко? //Заметки еврейской истории. №14(117). 2009.

14. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Указ. соч. С.284.

15. СССР в борьбе за мир. Указ. соч. С. 406.

16. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.314.

17. *Шишов А.*Указ. соч. С.398.

18. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.316.

19. *Шишов А.*Указ. соч. С.404.

20. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.321.

21. Там же. С.323.

22. Там же. С.326-327.

23. Известия. 1939. 26 июня.

24. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.329

25. Там же. С.329-330.

26. *Шишов А.В.*Указ. соч. С.416.

27. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.332.

28. Там же.

29. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.417.

30. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.333.

31. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.423-424.

32. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.338.

33. Там же.

34. Там же.

35. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.424.

36. Известия. 1939. 14 июля.

37.*Черевко К.Е.* Указ. соч. С.90.

38. Там же.

39. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.335.

40. Там же. С.340.

41. Там же.

42. Там же.

43. Известия. 1939. 6 августа.

44. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.340.

45. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.426.

46. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.345, 348.

47. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.94.

48. *Шишов А.В.*Указ. соч. С.427.

49. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.347-348.

50. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.435.

51. Там же. С.436.

52. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.357.

53. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Указ. соч. С.309.

54. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.437.

55. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.362.

56. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Авторский коллектив. М., 2001. С.179.

57. *Катасонова Е.Л.* Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы// Япония. Ежегодник. №38/2009. С.291.

58. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.440.

59. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.73; *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С.274.

60. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч. С.357.

61. *Катасонова Е.Л.*Указ. соч. С.290.

62.*Черевко К.Е.* Указ. соч. С.99.

63. Там же. С.97.

64. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.369.

65. *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С.279.

66. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. Указ. соч.С.290.

67. *Шишов А.В.* Россия и Япония . История военных конфликтов. М., 2001. С.469.

68. *Катасонова Е.Л.* Указ. соч. С.281.

69. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. С.244.

70. *Попов Петр Акимович* 05.10.1904-хутор Осиновский Морозовского округа Донской области, ныне Морозовский район Ростовской области — 03.12.1966.

Русский. Из крестьян. Генерал-майор (22.02.1944). В Советской Армии с 1918. Член компартии с 1929. Окончил городское училище (1917), Ростовские-на-Дону командные курсы (1922-1923), Объединенную Киевскую школу им. С.С.Каменева (1924-1926), Химические КУКС (ноябрь 1927 — август 1928), восточный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1933-1936). Владел английским и японским языками.

Участник гражданской войны (1919-1922) на Южном фронте и Северном Кавказе. Воевал против войск А.И.Деникина и П.Н.Врангеля, боролся с бандитизмом. Красноармеец 84-го кавалерийского полка (ноябрь 1918 — апрель 1922). Командир отделения, помощник командира взвода 20-го Сальского полка (февраль 1923 — сентябрь 1924). Командир взвода 38-го кавалерийского полка (сентябрь 1926 — октябрь 1927), начальник химической службы 37-го кавалерийского полка 7-й кавалерийской дивизии (октябрь 1927 — ноябрь 1931), там же — помощник начальника штаба (ноябрь 1931 — июль 1932), помощник начальника 6-го отдела штаба Белорусского ВО (июль 1932 — сентябрь 1933).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (март 1936 — июль 1938), направлен «согласно решения Наркома, для стажировки в Японскую армию». Секретный уполномоченный 2-го (восточного) отдела (июль — сентябрь 1938), заместитель начальника, начальник 1-го отделения (Япония, Корея) того же отдела (сентябрь 1938 — август 1940), заместитель, и.д. начальника 3-го отдела (август 1940 — июнь 1941), с июня 1941 заместитель начальника 4-го отдела.

Заместитель начальника штаба по разведке и одновременно начальник РО штаба Забайкальского фронта (июль 1943 — октябрь 1945). «Имеет большой практический опыт по разведывательной работе. Умело руководит разведыва-

тельной службой в частях и соединениях фронта. Часто бывает в частях, соединениях и разведывательных органах и оказывает непосредственную практическую помощь офицерскому составу разведывательной службы, помогая им осваивать опыт Отечественной войны» (из Наградного листа, 19.01.1944).

Награжден орденом Кутузова II-й ст. (1945), Красной Звезды (1944), юбилейной медалью XX лет РККА (1938).

71. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939. С.11-15.

72. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.-август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С.352-354.

73. *Герасимов Виктор Александрович*, 24.01.1903, Покровская слобода Новоузенского уезда Самарской губернии, ныне г. Энгельс — 20.2.1985, Москва.

Русский. Из рабочих. Генерал-майор (03.06.1944). В РККА с 1923. Член ВКП(б) с 1926. Окончил экстерном школу II-й ступени в г. Покровске (1921), Московскую военно-инженерную школу им. Коминтерна (1923-1927), специальный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1932-1936). Владел английским, немецким, японским языками.

В гражданской войне участия не принимал, работал ремонтным рабочим на станции Покровск Рязано-Уральской железной дороге, с апреля 1920 -наёмным рабочим в сельскохозяйственной артели «Октябрьская» в районе станции Малоузенск Самарской губернии.

С сентября 1920 — секретный сотрудник отдела дорожно-транспортной ЧК на ст. Покровск.

С мая 1922 — чернорабочий, подручный слесаря и шофер в мастерских американской миссии помощи голодающим в с. Сорочинское. С мая 1923 — грузчик в артели на Волге. В июне 1923 переезжает в Москву и 1 июля добровольно вступает в ряды РККА.

В период обучения в Московской военно-инженерной школе им. Коминтерна неоднократно стажировался в войсках. Командир отделения в подразделениях школы (ноябрь 1926 — август 1927).

Командир взвода, начальник школы младшего комсостава отдельного саперного полуэскадрона, помощник командира отдельного саперного эскадрона (август 1927 — май 1932).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (сентябрь — октябрь 1936), секретный уполномоченный (октябрь 1936 — июль 1938), начальник отделения (июль 1938 — сентябрь 1940) 2-го (восточного) отдела, начальник 2-го отделения 3-го (военной техники) отдела (сентябрь 1940 — январь 1941), в распоряжении с января 1941 и находился в загранкомандировке в северо-западном округе Китая. Спустя два года представлен к награде «за умелое выполнение разведывательных заданий за рубежом».

Участник Великой Отечественной войны. В Действующей армии с июля 1942. Назначен заместителем начальника штаба в 6-ю резервную Армию (7.7.1942). Командир 267-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса 6-й армии (20.12.1942-03.1943), полковник. Участвовал в Среднедонской, Острогожско-Россошанской и Ворошиловградской наступательных операциях, в ходе которых дивизия разгромила около трех дивизий противника. Преследуя отходящего противника (5-19.2.1943), дивизия освободила до 200 населенных пунктов, но была окружена частями 4ТК СС. Дивизия прорвала кольцо окружения, отошла к р. Северский Донец и заняла оборону в районе Балаклеи. Госпитализирован

(26.3.1943) по болезни. Генерал-майор (3.6.1943). После излечения направлен для прохождения службы в ГРУ Красной армии.

Начальник 6 отдела (07.1943), 10 отдела (02.1944) 1-го Управления. Заместитель начальника 2-го управления (информационное) ГРУ Красной армии — ГРУ Генерального Штаба Красной армии. После войны в июне 1945 года назначен начальником 3-го Отдела ГРУ ГШ КА. С мая 1946 года исполнял должность начальника 7-го отдела (по изучению опыта действий германской и японской армий).

В декабре 1946 переведен старшим преподавателем Высшей Военной Академии им. К.Е. Ворошилова.

29 апреля 1950 отправлен в отставку по болезни.

Скончался 20.02.1985 года в г. Москва

Награды: орден Ленина, 3 ордена Красного Знамени, орден Кутузова II степени, орден Красной Звезды, медали.

74. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С.137-138.

75. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. Янв. — авг. 1939 г. М., 1981. Т. 2. С.105-113.

76. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Указ. соч. С.422-423.

77. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось. Указ. соч. С.140.

78. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Указ. соч. С.437.

79. СССР — Германия. 1939-1941. Секретные документы. Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 2011. С.74-76.

80. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось. Указ. соч. С.222.

81. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио. Указ. соч. С.278.

82. Там же. С.297.

83. Там же.

84. *Шишов А.В.* Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С.447-448.

85. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось. Указ. соч. С.223.

86. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С.74.

87. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось. Указ. соч Указ. соч. С.224.

88. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио. Указ. соч. С.282.

89. Там же.

90. 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С.298.

91. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио. Указ. соч. С.299.

92. Там же. С.301.

93. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски.Указ. соч. С.74.

94. *Пугачев Григорий Петрович*. 17.11.1905-д.Зыбино Петровского уезда Саратовской губернии — 30.04.1942-Англия.

Русский. Из крестьян. Полковник (10.11.1939). В РККА с 1923. Член компартии с 1924. Окончил сельскую школу (1917), Саратовскую пехотную школу (октябрь 1923 — октябрь 1926), Московские военно-политические курсы (сентябрь 1927 — декабрь 1928), командный факультет Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е.Жуковсокого (1931-1934), Академию Генштаба РККА с отличием (1937-1939). Владел немецким языком.

Командир взвода 65-го стрелкового полка 22-й дивизии, 84-го стрелкового полка 28-й Горской дивизии (октябрь 1926 — сентябрь 1927). Политрук роты 82-

го стрелкового полка, командир и политрук роты 37-го стрелкового полка декабрь 1928 — декабрь 1931).

Начальник штаба 5-й истребительной авиационной эскадрильи (ноябрь 1934 — апрель 1936), помощник начальника, начальник 1-го отделения штаба, начальник штаба (апрель 1936 — ноябрь 1937) ВВС Киевского ВО.

29.06.1939 И.И.Проскуров обратился к наркому обороны К.Е.Ворошилову с просьбой направить в распоряжение РУ РККА майора Пугачева Григория Петровича, который «вполне подходит для ведения информационной работы».

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (сентябрь — декабрь 1939), заместитель начальника 5-го (информационного) отдела — Информационного отдела (декабрь 1939 — сентябрь 1940), начальник Отдела военно-технической и экономической информации (сентябрь 1940 — июнь 1941), начальник 5-го отдела (июнь — июль 1941). В служебной командировке в Англии (июль 1941 — апрель 1942), заместитель главы советской военной миссии по вопросам ВВС, при этом состоял в распоряжении РУ Генштаба Красной Армии.

Погиб в авиационной катастрофе над территорией Англии.

Награжден орденом Красной Звезды (1940), медали.

Похоронен в Москве.

95. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М., 2004. С.278.

96. *Рихард Зорге.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. Указ. соч. С.200-204.

97. Там же. С.204-207.

98. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Указ. соч. Том II. С.309.

99. *Будкевич Сергей Леонидович* (пс.: «Осима», «Кротов»).

08.10.1905-г. Владикавказ—03.05.1971

Белорус. Из служащих. Старший политрук (27.02.1939). Кандидат исторических наук (1954). В РККА с 1927. Член компартии с 1925. Окончил советскую школу 1-й ступени (1918-1922), школу фабрично-заводского ученичества завода «Красный Богатырь» в Москве (1922-1924), Московский институт востоковедения (1932-1935).

Разнорабочий, заводской ученик, батрак в деревне (1920-1922). После окончания ФЗУ — вальцовщик московского завода «Красный богатырь» (1924-1927).

Переводчик 2-го (восточного) отдела РУ РККА (сентябрь 1935—октябрь 1936), работал в Японии под прикрытием секретаря консула в Кобэ, сотрудника посольства СССР (1936-1941).

В Советской Армии (1941-1956), после -на научной работе. Тема диссертации «Развитие японо-американских противоречий на Дальнем Востоке в 1931-1941 годах».

Награжден орденами и медалями.

Соч.: Дело Зорге: Следствие и судебный процесс. М., 1969.

100. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио. Указ. соч. С.304-305.

101. Там же.С.302.

102. *Белокуров Владимир Иванович* (пс.: Крылов)

Родился 02.06.1900 в с.Ириновке Саратовского уезда и губернии.

Русский. Из крестьян. Полковник (08.10.1940). В РККА с 1919. Член компартии с 1925. Окончил сельскую школу в с.Ириновка (1908-1912), 20-ю Саратовскую пехотную школу (1921-1923), специальный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1935-1937). Владел английским и японским языками.

Участник Гражданской войны, боролся с бандитизмом в Саратовской губернии в составе 20-й Саратовской пехотной школы (март — апрель 1922). Красноармеец 30-го запасного полка (январь 1919 — февраль 1921), командир отделения (октябрь 1923 — март 1924), взвода (март 1924 — октябрь 1926), роты (октябрь 1926 — апрель 1931) 16-го стрелкового полка. Помощник командира батальона, полка по хозяйственной части (апрель 1931 — май 1935).

В распоряжении РУ РККА (сентябрь 1937 — январь 1939), был прикомандирован к РО штаба Забайкальского ВО, с января 1939 секретарь военного атташе при полпредстве СССР в Японии.

Участник Великой Отечественной войны с августа 1942. Начальник РО штаба Южного фронта. «В результате правильного руководства Разведотделом Штаба Южного фронта сумел своевременно и правильно вскрыть намерения противника, чем создавал возможность командованию фронта своевременно предупреждать действия противника и находить более слабые места для нанесения ему чувствительных ударов. Во время подготовки к прорыву обороны противника и окружению его в районе СТАЛИНГРАДА, подготовил правильные данные о дислокации частей противника, наличия резервов, материальной части, что способствовало разработке оперативных планов и успеху в этих операциях» (из Наградного листа, 01.1943).

Награжден орденом Красного Знамени (1943), юбилейной медалью «XX лет РККА» (1938).

103.Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.550

104. Там же.

105. Там же.

106. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.232-233.

107. *Георгиев Ю.В.* Биографический очерк. М., 2002. Кн. 1. С.137-138.

108. *Воронин Константин Алексеевич.* 1901 — ?

Украинец. Из рабочих. Полковник (28.11.1939), генерал-майор. В РККА с 1919. Член компартии с 1924. Окончил пехотную школу (1924-1928), специальный факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1933-1936). Владел английским и японским языками.

Участник гражданской войны. Воевал с войсками П.Н.Врангеля (1920). «Жил на территории белых в Одессе».

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (ноябрь 1936 — июль 1938), стажер в японской армии, начальник 5-го (июль 1938 — июнь 1939), 3-го (Маньчжурия) (июнь 1939 — сентябрь 1940) отделений 2-го (восточного) отдела, начальник 1-го отделения 3-го отдела (сентябрь 1940 — июнь 1941). Воевал в период советско-финляндской войны (1939-1940).

Начальник РО штаба 25-й армии (с июня 1941). Заместитель начальника РО штаба 1-го Прибалтийского фронта по войсковой разведке и информации. «Полковник Воронин правильно и своевременно дает оценку группировке войск противника перед фронтом» (из Наградного листа, 08.07.1944). Та же должность в штабе Земландской группы войск. Представлен к награде «за добросовестную и хорошую работу по руководству разведкой» (из Наградного листа, 09.04.1945).

Уволен в запас (1957).

Награжден орденом Ленина (1944), Красного Знамени (1944), Отечественной войны I-й ст. (1945), Красной Звезды (1940).

109. *Власов Василий Тихонович* (пс.: Линк). 1905 — ?

Русский. Из служащих. Подполковник. В РККА с 1927. Член компартии с 1926. Окончил школу летчиков (1927-1929), инженерный факультет Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е.Жуковского (1940).

В распоряжении РУ РККА. Старший помощник начальника 4-го (авиационного) отделения 4-го (военной техники) отдела, 1-го отделения Отдела военно-технической и экономической информации (февраль — октябрь 1940) того же Управления.

В распоряжении РУ Генштаба Красной Армии. Легальный резидент в Шанхае, Китай — корреспондент ТАСС. Арестован японской полицией в августе 1942 и в мае 1945 вернулся в СССР в результате обмена заключенными с Японией.

Начальник лаборатории летных испытаний, начальник летно-испытательной станции академии им. Жуковского (1945-1948). Преподавал в военных авиационных учебных заведениях (1948-1955). После ухода на пенсию с 1956 по 1960 работал редактором журнала «Вопросы ракетной техники» в издательстве «Иностранная литература».

110. Заключение по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге // Manuscript div. library of Congress.D1. 16 P.

111. *Зайцев Виктор Сергеевич* (пс.: Имак). Родился 26.08.1906 в Москве.

Русский. Из рабочих. В Советской Армии с октября 1928. Член компартии с 1930. Окончил городское начальное училище в Москве (1918), 1-ю Советскую Объединенную военную школу им. ВЦИК (1929-1932), Бронетанковые курсы (1932), Курсы иностранных языков при РУ РККА (январь — ноябрь 1937), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (ноябрь 1937 — май 1939). Владел английским языком.

Ящичник в АО «Ларек», статистик в ЦК Союза деревообделочников, станочник 1-го деревообделочного завода (октябрь 1923 — октябрь 1928) в Москве.

Красноармеец артполка Московской пролетарской стрелковой дивизии (октябрь 1928—сентябрь 1929). Командир взвода, роты, начальник технического довольствия 1-ой Советской Объединенной военной школы им. ВЦИК (март 1932—январь 1937).

В РУ Генштаба Красной Армии: в распоряжении (май — июль 1939), заместитель начальника 1-го отделения (Япония, Корея) 2-го (восточного) отдела (июль 1939—июль 1940), в загранкомандировке — 2-й секретарь посольства СССР в Японии (июль 1940—февраль 1942). Из «Отзыва о зарубежной работе майора тов. ЗАЙЦЕВА Виктора Сергеевича» от 2 апреля 1942 г.: «... работал в Японии с августа 1940 г. по должности Зав. Консульским Отделом Посольства СССР в Японии. В СССР вернулся в марте 1942 г. Отозван в связи с тем, что был выдан полиции одним из провалившихся источников резидентуры «Инсона» (Рамзая)....».

В распоряжении ГРУ Красной Армии (февраль—ноябрь 1942), в загранкомандировке (ноябрь 1942—октябрь 1947), 2-й секретарь посольства СССР в Австралии (март 1943—сентябрь 1947).

Сотрудник Комитета информации при СМ СССР (ноябрь 1947—февраль 1949), старший офицер отдела 2-го Главного Управления Генштаба (февраль 1949—июнь 1951).

С июня 1951 заместитель командира, начальник учебной части в/ч 21601 ГРУ Генштаба.

Награжден орденом Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Глава 2. 1940 год. Берлин, Москва, Токио

1. *Гитлер А.* Моя борьба / Перев. с нем. / Коммент. ред. «ОДА». Каунас. Б/г. С. 562.

2. Там же.

3. Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск с немецкой аккуратностью ежедневно вносил в дневник все наиболее существенное, что происходило в стенах Генерального штаба, в штабе верховного главнокомандования, на театрах военных действий и т. д. Это были краткие пометки о совещаниях в ставке Гитлера, изложение основных директив и указаний Гитлера, Кейтеля, Йодля и Браухича, записи докладов обер-квартирмейстеров и генерал-квартирмейстера генерального штаба, командующих и начальников штабов групп армий и армий, краткий обзор планов операций и военных кампаний, сведения об организационных изменениях в армии, о потерях, пополнениях, вооружении, военной экономике, перемещениях командного состава, информация министерства иностранных дел о внешнеполитических и дипломатических вопросах и т. д. Записи Гальдера предназначались для текущей работы в качестве заметок для памяти, поэтому они представляют собой богатый материал для исследования. При критическом рассмотрении и сопоставлении их с другими документами они могут послужить важным источником для изучения германской стратегии накануне и в годы Великой отечественной войны.

4. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939—1942. Т. 2. М., 1969. С. 29.

5. Там же. С. 31.

6. *Гогун. А.* Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., 2004. С. 177—199.

7. Там же. С. 188.

8. Там же.

9. *Гитлер А.* Указ. соч. С. 562.

10. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 48.

11. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. I. М., 1973. С. 664.

12. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 60.

13. *Гогун А.* Указ. соч. С. 177—199.

14. Там же. С. 186 — 187.

15. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 70.

16. Там же. Указ. соч. С. 77—82.

17. *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 149—150.

18. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 692.

19. *Ширер У.* Указ. соч. С.153.

20. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 140—141.

21. *Ширер У.* Указ. соч. С. 159.

22. Там же.

23. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 80—81.

24. История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 231—232.

25. *Ширер.* Указ. соч. С. 185.

26. История Второй мировой войны. Т. 2. С. 233.

27. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. Составитель Гаврилов В.А. М.2008. С.440-441.

28. *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С. 346—349.

29. Там же. С. 357.

30. Там же. С. 358.

31. Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. 23. Кн. вторая. М., 1998. С.71-78.

32. Там же.

33. Там же.

34. *Гальдер Ф.* Указ. соч.

35. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. I. С. 735.

36. История Второй мировой войны. Т. 2. Указ. соч. С. 234.

37. Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. М., 1998. С. 134—137.

38. Там же.

39. *Гогун А.* Указ. соч. С. 192.

40. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 84.

41. Там же. С. 82—83.

42. Там же.

43. *Скорняков Николай Дмитриевич* (пс.: Метеор; 1906—1979) — из рабочих. Русский. Генерал-лейтенант авиации (1961). В Советской Армии с 1926. Член компартии с 1927. Окончил железнодорожную школу на станции Белгород (1926), Военно-теоретическую школу ВВС РККА в Ленинграде (1926—1927), 2-ю Военную школу летчиков им. Осоавиахима в Борисоглебске (1927—1928), Инженерно-командный факультет Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского (1933—1936), Академию Генерального штаба (1938—1939). Слесарь депо станции Белгород (1923—1926), инструктор 1-го разряда, командир звена, командир отряда 2-й Военной школы летчиков (декабрь 1928 — январь 1932). Командир 51-й тяжело-бомбардировочной авиаэскадрильи. Помощник по авиации военного атташе при полпредстве СССР в Германии (август 1939 — июнь 1941), резидент военной разведки. В распоряжении РУ Генштаба Красной Армии (июнь—август 1941). Участник Великой Отечественной войны. В распоряжении Управления ВВС Красной Армии (август—ноябрь 1941), заместитель начальника штаба ВВС Приволжского ВО (ноябрь 1941 — февраль 1943), начальник оперативного отдела ВВС Южного фронта ПВО (февраль 1943 — февраль 1944), заместитель начальника штаба ВВС Юго-Западного фронта ПВО (февраль 1944 — май 1945). В 1950-е — начальник 9-го научно-испытательного центра истребительной авиации войск ПВО в Курске. Награжден орденом Отечественной войны I ст. (1945), двумя орденами Красной Звезды (1944).

44. 1941 год в 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 440—441.

45. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 86—90.

46. *Гаврилов В.А., Горбунов Е.А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 288.

47. Военная разведка информирует. Указ. соч. С. 500—509.

48. *Голиков Филипп Иванович*, 16(28).07.1900 — д. Борисово, Курганского уезда Тобольской губернии — 29.07.1980-Москва.

Русский. Из крестьян. Маршал Советского Союза (06.05.1961). В Советской Армии с 1918. Член компартии с 1918. Окончил 7 классов гимназии в г. Камышлов Пермской губернии (1918), Военно-агитаторские курсы в Петрограде (январь — март 1919), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА

(1929), экстерном нормальную военную школу (1931), заочное отделение Военной академии им. М.В.Фрунзе (1933).

Участник гражданской войны на Восточном фронте. Боец городского отряда Красной Гвардии в Камышлове, красноармеец 1-го Крестьянского коммунистического стрелкового полка «Красные орлы» (май 1918 — январь 1919). Агитатор полковой пулеметной команды 10-го Московского стрелкового полка Особой бригады 3-й армии (март — июнь 1919), секретарь политотдела Особой бригады (июнь — август 1919), инструктор-организатор политотдела 51-й стрелковой дивизии, сформированной на базе Особой бригады (август 1919 — январь 1920).

Агитатор, начальник отдела информации и начальник организационного отделения политотдела Свердловского губернского военкомата (апрель 1920 — март 1921), начальник политехнического секретариата Свердловского губернского военкомата (март — май 1921), начальник политотдела 217-й отдельной стрелковой бригады, политический инспектор, начальник организационного отделения и начальник отделения партийного строительства политотдела Приуральского ВО (май 1921 — июнь 1922), помощник начальника, начальник агитационно-пропагандистского отдела политуправления Западно-Сибирского ВО (июнь 1922 — январь 1926), преподаватель военно-политической академии им. Н.Г.Толмачева в Ленинграде, начальник агитпропотдела политуправления Ленинградского ВО (январь 1926 — сентябрь 1927), начальник агитпропотдела политуправления Приволжского ВО (сентябрь 1927 — май 1929), начальник организационного отдела там же (май 1929 — ноябрь 1930). Из аттестации после обучения на «Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава РККА (1929)»: «За время пребывания на курсах ярко выявил свое увлечение военным делом. Не ограничиваясь только восприятием общих основ современного боя, он старался вникнуть во все подробности применения приемов групповой тактики мелкими частями... Голиков несомненно обнаруживал более склонности к командной деятельности, чем к штабной».

Военный комиссар и начальник политотдела 32-й стрелковой дивизии Приволжского ВО (ноябрь 1930 — сентябрь 1931).

Командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии (сентябрь 1931 — октябрь 1933). Из аттестации 1932 г. на командира 95 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии; «Будучи очень способным командиром с большим кругозором, с пытливым и не допускающим шаблона умом, с твердым и решительным характером, т. Голиков, несмотря на большие трудности, сумел стать грамотным командиром полка и вывести свой полк на первое место в ПриВО. Отличный стрелок, хороший физкультурник».

Командир 61-й стрелковой дивизии Приволжского ВО (октябрь 1933 — сентябрь 1936), командир 8-й отдельной механизированной бригады Киевского ВО (сентябрь 1936 — июнь 1937), командир 45-го механизированного корпуса того же округа (июнь 1937 — сентябрь 1938), член Военного совета Белорусского ВО (январь — сентябрь 1938).

Во главе ПУ РККА стоял Л.З. Мехлис, которого недаром звали «сталинской секирой». Он, далекий от армии функционер ЦК ВКП(б), был призван к руководству с одной целью — придать массовым репрессиям военных кадров, развязанным в 1937 г., новое дыхание. По его инициативе в авангарде погромной кампании по разоблачению «врагов народа» были поставлены политработники.

Ф.И. Голиков в силу служебных обязанностей не мог, как член Военного совета одного из крупнейших военных округов, стоять в стороне. Во фрагменте, ис-

ключенном цензорами из первых изданий мемуаров Г.К. Жукова и восстановленном лишь в 10-м издании, содержится рассказ о том, как их автор был вызван в штаб округа для предварительной беседы относительно его назначения командиром 3-го конного корпуса. Здесь состоялась первая встреча будущих маршалов, в ходе которой Голиков стал выяснять, кто из родственников и друзей его собеседника арестован. Жуков назвал командарма 1 ранга И.П. Уборевича, комкоров Д. Сердича, Е.И. Ковтюха, И.С. Кутякова, И.Д. Косогова, К.К. Рокоссовского. Подчеркнул, что с Сердичем, Рокоссовским, Косоговым дружил и, несмотря на их арест, по-прежнему считает их большими патриотами и честнейшими коммунистами. И в дальнейшем разговор шел, что называется, на повышенных тонах. Обстановку разрядил командующий войсками округа В.М. Мулин, высказавший точку зрения, что донесение комиссара 3-го конного корпуса Н.А. Юнга, на которое в разговоре опирался Голиков, необъективно, в нем много «наносного».

В конце концов, Жуков был назначен командиром конного корпуса. Правда, много лет спустя, в 1964 г., в письме Н.С. Хрущеву и А.И. Микояну он посчитал необходимым высказать догадку относительно имен тех, кто фабриковал на него «дело»: «В 1937-1938 гг. меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного совета Белорусского военного округа Ф.И. Голиков (ныне маршал) и начальник ПУРККА Мехлис, проводивший чистку командно-политического состава Белорусского ВО».

Сам Голиков был категорически не согласен с таким мнением. В письме Сталину в 1944 г. он рассказал о разговоре, происшедшем у него с Жуковым в начале 1942 г.: «Жуков считал и считает меня виновником попытки подвергнуть его партийным и служебным репрессиям. Я немедленно опроверг это мнение, указав, что, наоборот, я занимал обратную как раз позицию и что благодаря моему запрещению его большое партийное дело не было поднято». Так или иначе, но острый разговор, состоявшийся в 1938 г., в дальнейшем всегда отбрасывал тень на взаимоотношения двух маршалов.

В распоряжение Управления по комсоставу РККА (сентябрь — ноябрь 1938), командующий Винницкой армейской группы войск Киевского ОВО (ноябрь 1938 — сентябрь 1939), месяцем ранее группа была приведена в боевую готовность, и должна была прийти на помощь Чехословакии, если бы та об этом попросила. Командующий 6-й армии (сентябрь 1939 — июль 1940), в составе Украинского фронта армия участвовала в походе на Западную Украину, затем армия была развернута на львовском направлении.

Заместитель командующего войсками Киевского Особого военного округа комкор Герасименко В. Ф., характеризуя своего подчиненного в 1940 г., отмечал: «… крепкий большевик. В быту скромен. Связан с массами и заботится о них. Обладает большой силой воли и энергией...».

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии — заместитель начальника Генштаба (11.07.1940 — октябрь 1941).

Разведывательным управлением из месяца в месяц первой половины 1941г. чрезмерно преувеличивалась численность германских войск, развернутых на Западе (равно как и германская группировка на границах Советского Союза), что позволяло приходить к необоснованным выводам о намерениях противника вторгнуться на Британские острова. Более того, представлялись для сравнения некорректные цифры: давалось не только искаженное, существенно увеличен-

ное количество германских войск на Западе, но они еще были, к тому же, представлены в контексте общих сил, развернутых на всех фронтах против Англии.

В Спецсообщении от 31 мая 1941 г. Ф. И. Голиков докладывал:

«В течение второй половины мая месяца главное немецкое командование за счет сил, освободившихся на Балканах, производило:

1. Восстановление западной группировки для борьбы с Англией;

2. Увеличение сил против СССР;

3. Сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

— против Англии (на всех фронтах) — 122 — 126 дивизий;

— против СССР — 120 — 122 дивизии;

— резервов — 44 — 48 дивизий».

Число дивизий резерва в действительности насчитывало 28 единиц, а не 44-48, как указывалось в Спецсообщении.

В этом документе проводится некорректное сравнение: дивизиям, развернутым против Советского Союза, противопоставляется количество соединений, развернутых против Англии «на всех фронтах». При этом едва ли не вдвое увеличивается количество дивизий, развернутых на Западе: 76 — 80 дивизий (17 дивизий в Норвегии идут отдельной строкой) — против 42 дивизий и одной бригады в реальности.

Манера подачи материала подталкивала к совершенно неадекватным выводам. Даже, если бы сопоставлялись многократно завышенные цифры числа дивизий, «развернутых» по данным Разведуправления, на Западе против Англии — 76-80 дивизий, (вместо 42 дивизий и одной бригады в действительности) и на Востоке против СССР — 122-126 дивизий (89-97 в действительности), то даже в этом случае выводы напрашивались бы совершенно иные.

О проходящих в течение трех последующих недель кануна войны интенсивных перебросках (от 24 до 31 дивизий) руководству страны доложено не было. В последней, предвоенной Разведсводке от 15 июня 1941 г. приводятся данные по состоянию на 31-е мая.

«По словам Голикова, — вспоминал военный историк В.А. Анфилов, — он лично был не очень уверен в правильности своих выводов относительно того, что Гитлер не рискнет начать войну против СССР, не покончив с Англией. Но, так как они соответствовали точке зрения Сталина, доложить сомнения побоялся...». Голиков был откровенен. Понимая, что его слова звучат не выигрышно, тем не менее, не стал убеждать, что он, мол, всеми силами пытался насторожить Сталина. Это выглядело бы попыткой свалить всю ответственность на вождя.

В 1969 г. Ф. И. Голиков подготовил к печати статью «Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР», которая была опубликована только в конце 2007 — начале 2008 г., спустя 27 лет после смерти ее автора. «Могло ли Главное разведывательное управление — отмечал бывший начальник Разведывательного управления в своей статье, — не считаться с возможностью заключения мира между Германией и Англией на протяжении того годичного периода перед нападением гитлеровских вооруженных сил на СССР? Могло ли оно, ГРУ, игнорировать опасность сговора между Гитлером и Черчиллем за счет Советского Союза? ... Усилия Гитлера вывести Англию из войны, продолжались все время. Крайняя кризисность ее положения до вступления в войну Советского Союза общеизвестна. Какое [Такое] исключительное значение для Германии того, чтобы воевать против Советского Союза не имея одновременно второго фронта

борьбы на Западе было понятным. Вот почему ГРУ, зная о твердом решении Гитлера начать войну против СССР весной 1942 года (так в тексте, должно быть — весной 1941 г. — Прим. авт.), связывало вопрос о конкретном сроке начала военных действий против нас с "моментом победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира"». И автор был, безусловно, прав. Однако это не значит, что информацию в Разведсводках и Спецсообщениях надо было подавать так, чтобы поддерживать у адресатов уверенность в том, что прежде, чем напасть на Советский Союз, Гитлер выведет из войны Англию.

В этой же статье Голиков Ф.И. настаивал: «Подчеркиваю, что речь идет о "действиях весною этого года", т.е. весной 1941 г., а не о каком-то другом или вообще каком-то неопределенном сроке. Делая этот вывод, Главное разведывательное управление Генштаба знало и учитывало, с какой настойчивостью, упорством, разносторонностью в способах и длительно во времени Гитлер и высшее военное руководство Германии, по крайней мере, уже с конца мая 1940 г. добивались мира с Англией, причем, прежде всего, за счет Советского Союза. Изучение данного вопроса и составление изложенного вывода в условиях царившей в то время колоссальной дезинформации со стороны воюющих (и многих не воюющих) сторон, среди огромного множества самых разнообразных, часто тенденциозных и противоречивых сообщений представляло весьма непростую, отнюдь нелегкую задачу». На первый взгляд, бывший начальник Разведывательного управления формально прав, исходя из последующего развития событий — нападения на Советский Союз весной 1941 года не произошло. Однако на момент составления — середина марта 1941 г. — Гитлер еще не принял окончательного решения — мог напасть 15 мая (еще не появились проблемы с Югославией), мог перенести вторжение в Советский Союз на месяц, как это и произошло, а мог и отложить нападение, как это имело место быть с операцией «Зеелёве». Только отложить нападение и не более того, так как вооруженное противоборство двух стран было неизбежно.

Из воспоминаний Ф.И. Голикова:

«Работой в 6-й армии я был очень увлечен. Ведь со дня воссоединения западных областей Украины с Советским Союзом в сентябре 1939 г. не прошло и года, и лето сорокового было очень горячим: приближение опасности для нашей Родины чувствовалось сильнее и сильнее. Все мы были целиком захвачены повышением боевой готовности и строительством оборонительных укреплений на нашей новой границе. Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки — Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. Я командовал 6-й армией в городе Львове. Оставлять любимое дело не хотелось, тем более что менять строевую работу на любую другую я не собирался, жить в Москве и не помышлял. О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрекословно выполнен».

Летом — осенью 1941 г., Голиков, оставаясь на должности начальника Разведывательного управления Генштаба Красной Армии, по прямому поручению Сталина возглавил военные миссии, направленные в Великобританию и США для налаживания союзнических контактов.

Новое назначение говорит о многом. С одной стороны, — о претензиях И.В. Сталина к военной разведке, а с другой — делать крайними военных разведчиков за неожиданный и вероломный удар противника руководство страны все-

таки, не стало. Поэтому Ф.И. Голиков, до которого с 1937 г. сменилось четыре начальника и исполнявших должность начальника РУ (и все они пали жертвой беззакония), избежал репрессий. И более того, получил ответственное назначение.

Военные миссии решали вопросы, связанные, прежде всего, с организацией поставок в СССР вооружения и военных материалов, а также с открытием второго фронта.

Заместитель главы военной миссии в Англии контр-адмирал Н.С. Харламов писал позднее: «Перед отъездом нас с Голиковым приняли Нарком обороны С. К. Тимошенко, нарком внешней торговли А. И. Микоян, Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Затем с Голиковым беседовал И. В. Сталин. Он поручил ему передать британскому правительству, что СССР будет драться до конца, что немецко-фашистские захватчики не сломят советский народ. Однако, подчеркнул Сталин, Красной Армии нужна эффективная реальная помощь со стороны союзников: прежде всего открытие военных действий против Германии на Западе, а также помощь военными материалами.

Уже по кругу лиц, инструктировавших руководство миссии, можно было судить о том, сколь серьезное значение ей придавалось. Миссия должна была поставить вопрос о последовательном осуществлении следующих операций:

Операция № 1. Создать общий с англичанами фронт на севере Европы. ... Операция № 2. Высадка значительного контингента английских войск на севере Франции. ... если не сейчас, то хотя бы через месяц.

Операция № 3. Боевые действия английских войск на Балканах. По срокам и по выделенным средствам эта операция должна занимать второстепенное место.

Ф. И. Голиков пробыл в Англии всего четыре дня: его срочно отозвало Советское правительство. 12 июля он и полковник В. М. Драгун вернулись на Родину.

Результаты переговоров советской военной миссии в Лондоне оказались более чем скромными. Лишь 20 июля 1941 г. британское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур» с грузом глубинных бомб, магнитных мин, парашютов и некоторых других военных материалов. Ни одна просьба о поставке для нужд Красной Армии самолетов, зенитных орудий, крупнокалиберных пулеметов, ряда других образцов вооружения и материалов, о которых шла речь на переговорах, в июле удовлетворена не была.

Из письма Ф.И. Голикова сыну Сергею, 18 июля 41 г.: «Будьте там все бодры и уверены. Не поддавайтесь унынию, пессимизму, а тем более страху. Мы победим немцев все равно. Временные отходы наших войск в большой битве не должны вас смущать. Наш фронт крепнет. Силы растут. Страна Советов встает всей своей могучей силой. И, безусловно, наше положение будет улучшаться. Нас не сломят. Мы победим».

В Москве Голиков получил новое задание Сталина — вылететь с подобной миссией в США. «Тактика проволочек в действии», — так назвал Ф.И. Голиков ту главу своих воспоминаний, в которой он поведал об изнурительном преодолении сопротивления изоляционистских кругов, а то и откровенных пронацистских лоббистов в Америке. На встрече с президентом Ф. Рузвельтом советские представители с «военной прямотой» раскритиковали союзников и предложили президенту лично вмешаться, чтобы покончить с волокитой. Дело с поставками боевой техники, боеприпасов и стратегических материалов при поддержке из Москвы удалось сдвинуть с мертвой точки. Первые корабли пошли в СССР и с американского континента.

Находясь за океаном, Голиков рвался на Родину. Он направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, Б.М. Шапошникову телеграмму с просьбой отозвать его. «Не могу находиться в теперешнем положении и состоянии, — писал он. — Это не работа. В том, что сейчас здесь приходится выполнять, вполне обойдутся без меня, и я для этого не нужен. В данных обстоятельствах не нахожу необходимости и оправданий находиться здесь...» . Миссия генерала Голикова поработала и на перспективу, способствовав поступательному движению в сотрудничестве между союзниками. 16 августа 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, предусматривавшее предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн. ф. ст. Следующий шаг вперед был сделан на Московской конференции трех держав (29 сентября — 1 октября 1941 г.), где были приняты новые конкретные решения. 1 октября было подписано трехстороннее соглашение — протокол о поставках. США и Англия обязались направлять Советскому Союзу ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, автомашины, алюминий и некоторые другие виды военных материалов. Американский представитель Гарриман от имени США и Англии подтвердил «получение от Советского правительства крупных поставок советских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах».

В составе советской делегации участие в работе конференции принял и генерал-лейтенант Голиков.

Из воспоминаний Ф.И. Голикова:

«Почти в самом начале Великой Отечественной войны мне пришлось принять назначение на пост главы советской военной миссии последовательно в Англии и США. Я говорю "пришлось"... Да, именно так. Назначение было, конечно, очень ответственным, а задачи — большими, тем более что возникли они из острых потребностей очень неудачно начавшейся для нас войны. Вместе с тем для меня это назначение было явно неожиданным. Оно не согласовывалось ни с моим жизненным опытом, ни с наклонностями, ни со стремлениями.

В роли главы военной миссии я проработал июль — сентябрь 1941 г., всего около трех месяцев, и главным образом в США.

Однако чем дольше я находился за границей, тем сильней и острей становилась моя тяга обратно на Родину, а конкретнее — на фронт, в действующую армию. Будучи за границей, я знал, как тяжело в эти месяцы складывались для нас события на фронте. Разум и сердце изо дня в день все сильнее и настойчивее твердили: "Твое место на фронте! Там ты принесешь больше пользы. Здесь, в миссии, могут не хуже справиться твои же товарищи — адмирал Н. М. Харламов в Англии и генерал А. К. Репин в США. Проси правительство. Настаивай!"

И добился возвращения в Советский Союз. По приезде в начале октября еще принял участие в Московском совещании представителей Англии, США и СССР по вопросу согласованных поставок вооружения и стратегических материалов для Советского Союза, а после этого мог заняться своими делами и стал добиваться назначения в действующую армию».

Участник Великой Отечественной войны. Командующий 10-й армией Западного фронта (24 октября 1941 — февраль 1942). Армия существовала лишь на бумаге, и командующий сам ее формировал. Времени было в обрез, но Голиков и его штаб успели. К началу ноября 10-я армия в составе девяти дивизий начала сосредоточение в Подмосковье, а 6 декабря вместе с другими войсками Западного фронта пошла в контрнаступление на левом фланге фронта. Войска 10-й армии с боями прошли около 450 км, освободив от немецко-фашистских захватчи-

ков 10 городов и около сотни деревень. До конца своих дней Филипп Иванович гордился званием почетного гражданина первого из них — г. Михайлова Рязанской области.

Командующий 4-й ударной армией Калининского фронта (февраль — апрель 1942.

С апреля 1942 года — командующий войсками Брянского фронта, в июле 1942 года — командующий войскамиВоронежского фронта. Крайне неудачно руководил войсками фронта в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции в июне — июле 1942 года, в критический для оборонительного сражения момент по существу утратил управление войсками, вследствие чего соединения фронта действовали неорганизованно, поставленных задач не выполнили и понесли значительные потери. Противник сумел прорваться к Воронежу, выйти на Средний Дон и занять выгодный рубеж для удара на Сталинград.

В августе 1942 года Голиков назначен с понижением командующим 1-й гвардейской армией на Юго-Восточном и Сталинградском фронтах, участвовал в оборонительных боях на подступах к Сталинграду. С сентября 1942 года — заместитель командующего Сталинградским фронтом. В октябре 1942 года переброшен на северный участок советско-германского фронта и назначен командующим войсками Северо-Западного фронта. Через несколько дней отозван в Москву и повторно назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии (16.10.-22.10.1942). В должность так и не вступил.

В том же октябре 1942 года также повторно назначен командующим войсками Воронежского фронта (октябрь 1942 — март 1943).

На посту командующего этим фронтом провёл три крупные наступательные операции. В первой из них, Острогожско-Россошанской операции 13-27 января 1943 войска фронта разгромили основные силы 2-й венгерской армии, итальянский альпийский корпус, 24-й немецкий танковый корпус. По советским данным, было захвачено до 86 000 пленных. Во второй, Воронежско-Касторненской операции, с 24 января по 17 февраля 1943 года, были окружены и разгромлены 2-й венгерский корпус и часть сил 2-й немецкой армии. Третья по счету, Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная операция (2 февраля — 3 марта 1943) была одной из крупнейших за годы войны. За 50 суток наши войска прорвали фронт противника на участке шириной более 400 км, продвинулись на глубину 360-520 км, освободили от оккупантов значительную территорию и ряд крупных городов — Воронеж, Курск, Белгород и Харьков. Было разгромлено 26 вражеских дивизий. Войска Воронежского фронта, понёсшие в ходе наступления крупные потери, имели большой некомплект в людях и технике (в 3-й ТА — всего 50 танков), личный состав был утомлён, резервы отсутствовали, недоставало горючего, боеприпасов, тылы растянулись на 250—300 км. Исходя из сложившейся обстановки, войска Воронежского фронта. 3 марта прекратили наступление и во всей полосе перешли к обороне.

В ходе Харьковской оборонительной операции (4-25 марта 1943), противник сумел нанести мощные удары по войскам Воронежского фронта, пробив брешь до 30 километров по фронту и выйдя на коммуникации советских войск. Голиков значительно переоценил свои первоначальные успехи, не учел измотанности и степени потерь собственных войск. В условиях внезапного изменения обстановки Ф. И. Голиков утратил управление войсками. Для исправления ситуации на Воронежский фронт срочно был направлен Г. К. Жуков, которому пришлось срочно принимать на себя непосредственное управление войсками.

По собственному признанию Голикова, «ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар». В результате советские войска вынуждены были не только оставить Харьков, но и с большими потерями отойти назад на 100-150 км. К 26 марта войска Воронежского фронта, потеряв Белгород, остановили контрнаступление группы армий «Юг», образовав южный фас Курской дуги.

22 марта, еще до окончания оборонительной операции, Голиков приказом Сталина был отстранен от командования войсками фронта и направлен в распоряжение Ставки ВГК. В Москве он получил должность заместителя наркома обороны по кадрам. Заместитель наркома обороны СССР по кадрам (апрель — май 1943), начальник Главного управления кадров Народного комиссариата (с 1946 — Министерства) обороны СССР (май 1943 — сентябрь 1950). Но даже столь высокое назначение не избавило его от ощущения несправедливости — а именно так генерал воспринимал снятие с должности командующего.

В феврале 1944 г. Голиков обратился к Сталину с письмом, в котором прозвучала настойчивая просьба о направлении его на фронтовую командную работу. «Мои боевые возможности как общевойскового командира, только начавшие развертываться, не исчерпаны и в сколько-нибудь значительной степени, а способность по-серьезному бить немцев мною доказана на деле. — Писал он Верховному. — Я не хочу и не могу выйти из Отечественной войны на положении снятого с фронта командира»,

Свое отстранение от должности комфронтом Голиков объяснял предвзятым отношением к нему представителя Ставки ВГК маршала Жукова. Представители Ставки Г.К. Жуков и А.М. Василевский, командированные в марте 1943 г. на Воронежский фронт, на самом деле рекомендовали не снять Ф.И. Голикова, а переместить его на должность командующего вновь создаваемым Орловским фронтом. Но Верховный, раздраженный крупной неудачей, как видим, принял иное решение.

Одновременно с 4 октября 1944 года — уполномоченный Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. 6 октября 1944 г. было принято Постановление о деятельности Уполномоченного СНК по делам репатриации. 23 октября Ф. И. Голиков возглавил Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Достаточно быстро это ведомство с помощью НКВД создало мощную инфраструктурную сеть — от репатриационных миссий, ищущих «подлежащих репатриации лиц» на территории Германии и оккупированных ею стран, до районных представителей или служб, отвечавших за приём советских граждан на местах. Составным элементом этой сети стали сборно-пересыльные и проверочно-фильтрационные пункты и лагеря, которых было развёрнуто около 200 только за пределами СССР.

Командующий отдельной механизированной армией (сентябрь 1950 — апрель 1956), начальник Военной академии бронетанковых войск им. И.В.Сталина (апрель 1956 — апрель 1958), начальником Главного политического управления Советской Армии и ВМФ (апрель 1958 — апрель 1962).

В мае 1962 года освобожден от должности «по состоянию здоровья и в связи с переходом на пенсию». В июне 1962 года назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

В начале 1964 года Ф.И. Голиков обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Н. Хрущеву с письмом, в котором сообщал, что хотел бы «написать книгу о советской военной разведке перед Великой Отечественной войной». Испрашивая разрешение на подготовку такой рукописи, Голиков писал о желании рассказать советским людям, что военная разведка «сделала, что имела и что дала политическому и военному руководству нашей страны перед нападением гитлеровской Германии» и обещал «пользоваться только документами военной разведки и своими личными воспоминаниями».

Не дожидаясь ответа Хрущева, Голиков приступил к работе над рукописью под условным названием: «Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны». Книга, по замыслу маршала, должна была состоять из введения и четырех глав. Первые три главы рассказывали о важнейших международных событиях, происходивших в 1939 году, то есть накануне Второй мировой войны.

Наибольший интерес представляла четвертая глава «Подготовка гитлеровской Германией нападения на СССР и советская военная разведка». В этой главе автор планировал «в полной степени рассказать о том, как усилия советской военной разведки были... сконцентрированы на выявлении и раскрытии военных планов гитлеровского командования против СССР, как по срокам эта задача осуществлялась, что конкретно было достигнуто и какие конкретные данные давались по времени политическому и военному руководству нашей страны...».

В апреле 1964 года Ф. И. Голиков написал письма начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза М. В. Захарову, начальнику ГРУ ГШ генералу армии П. И. Ивашутину и заместителю начальника ГРУ ГШ генерал-полковнику Х. Д. Мамсурову, в которых рассказал о своих творческих планах и просил содействия.

Н. С. Хрущев, видимо, не одобрил замысла Ф. Голикова. Захаров, Ивашутин и Мамсуров также не поддержали предложение бывшего начальника военной разведки.

Женат, имел 6 детей.

Награжден 4 орденами Ленина (22.02.1941 г., 21.02.1945 г., 20.07.1950 г., 15.07.1960 г.), орденом Октябрьской Революции (22.02.1968 г.), 4 орденами Красного Знамени (20.02.1933 г., 3.01.1942 г., 3.11.1944 г., 20.06.1949 г.), орденами Суворова I степени (28.01.1943 г.) и Кутузова I степени (22.02.1944 г.), орденами Трудового Красного Знамени (15.07.1980 г.), Красной Звезды (16.08.1936 г. и 16.07.1970 г.), орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени (30.04.1975 г.), Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (22.02.1968 г.), а также 12 медалям СССР и 13 орденами и медалями иностранных государств. Воинские звания: корпусной комиссар — присвоено 31 декабря 1937 г., комкор — 8 января 1938 г., генерал-лейтенант — 4 июня 1940 г., генерал-полковник -19 января 1943 г., генерал армии — 8 мая 1959 г., Маршал Советского Союза — 8 мая 1961 г. Член КПСС с 1918 г., член ЦК КПСС в 1961-1966 гг., депутат Верховного Совета СССР 1, 4-6-го созывов.

Ф.И.Голиков был почетным гражданином города Катайска.

Проспект маршала Голикова — одна из основных транспортных магистралей г. Кургана.

Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

Некролог: газета Красная Звезда, 01.08.1980.

Сочинения: *Голиков Ф. И.* Красные орлы (Из дневников 1918—1920 г.г.). М.: Наука, 1959. — 328 с.; *Голиков Ф. И.* 10-я армия в московской битве // Провал гитлеровского наступления на Москву. 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941-1966. М.: Наука, 1966. 350 с. 50 000 экз.; *Голиков Ф. И.* В Московской битве (Записки командарма). М.: Наука, 1967. 200 с. 70000 экз.; *F. Golikov*. Con mision militar en Inglaterra y EE.UU. Издательство «Прогресс», 1988. 135 с. 3100 экз. на исп.яз.; автор ряда статей по истории Великой Отечественной войны.

(Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. Сост. В. Гаврилов. М., 2008. С. 646-647. *Голиков Ф.И.* Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 2008. №1. С.27-29; *Харламов Н.М.* Трудная миссия. — М.: Воениздат, 1983; *Рубцов Юрий*. Командная работа для меня — призвание // Военно-промышленный курьер. №25 (92). 13 июля 2005; *Лота Владимир*: Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940-1942. Москва: Молодая гвардия, 2005. С.15-18; Они руководили ГРУ. Сборник биографических очерков. М., 2005. С.171-180).

49. *Панфилов Алексей Павлович*, 17.05.1898-г.Казань, ныне Республика Татарстан — 18.05.1966-Москва.

Русский. Из служащих. Генерал-лейтенант танковых войск (11.03.1944). Герой Советского Союза (29.05.1945). В Советской Армии с 1918. Член компартии с 1918. Окончил церковно-приходскую школу в г.Казани (1911), высшее начальное училище в г.Свияжск (1916), 2 курса Казанского высшего технического училища (1917), политическое отделение Курсов усовершенствования высшего нач.состава при Военной академии им. М.В.Фрунзе (сентябрь 1925 — июль 1926), инженерно-командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА им. И.В.Сталина (сентябрь 1931 — июнь 1937).

Участник гражданской войны на Восточном фронте (1918-1920). Агитатор Свияжского уездного военкомата (апрель — август 1918), командир отдельного отряда, начальник общего отдела штаба 5-й армии (август 1918 — январь 1919), делопроизводитель, казначей, завхоз и инструктор советского отделения политотдела 25-й стрелковой дивизии (январь 1919 — май 1920), помощник начальника, начальник хозяйственного отделения, общей канцелярии политуправления 5-й армии (май 1920 — февраль 1922).

Военный комиссар 30-го кавалерийского полка (февраль — май 1922), заместитель комиссара 3-й кавалерийской бригады 5-й кавалерийской дивизии (май — сентябрь 1922), помощник по политчасти командира 27-го кавалерийского полка (сентябрь 1922 — февраль 1923), заведующий информационным отделением политотдела 4-й кавалерийской бригады (февраль — июнь 1923), помощник начальника учетно-мобилизационного отдела политуправления Западно-Сибирского ВО (июнь 1923 — май 1924) и одновременно врид помощника начальника политуправления (декабрь 1923 — май 1924), сотрудник для особых поручений Главного управления РККА (апрель 1924 — июль 1926).

Сотрудник для особых поручений 1-го разряда Политуправления РККА (июль 1926 — январь 1927), начальник политотдела и помощник по политчасти командира 5-й отдельной кавалерийской Кубанской бригады (январь 1927 — август 1928), помощник прокурора 18-го стрелкового корпуса (август — ноябрь 1928), прокурора Отдела военной прокуратуры Ленинградского ВО (ноябрь 1928 — сентябрь 1931).

Военный комиссар научно-испытательного автобронетанкового полигона (июнь 1937 — апрель 1938), помощник начальника Автобронетанкового управления РККА (апрель 1938 — июнь 1940). Участвовал в боях на озере Хасан (1938) в качестве командира танковой бригады и в районе реки Халхин-Гол (1939).

Заместитель начальника Разведывательного управления Генштаба Красной Армии (22.06. 1940 — 16.02.1942).

И.д. начальника (с июля по сентябрь 1941), заместитель начальника Генштаба — начальник Главного Разведывательного управления Генштаба Красной Армии (16.02.-25.08.1942).

Панфилов был также уполномоченным Генштаба Красной Армии по формированию польских частей (армия генерала В.Андерса) (1941-1942).

Участник Великой Отечественной войны. Заместитель командующего 3-й танковой армией (август 1942 — январь 1943), 5-й танковой армии (январь — февраль 1943), командир 10-го танкового корпуса (февраль — март 1943), второй заместитель начальника Главного управления формирования и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск Красной Армии (март — ноябрь 1943), и.д. командира, командир 6-го гвардейского Киевского Краснознаменного танкового корпуса (ноябрь 1943 — октябрь 1944), командир 3-го гвардейского танкового Котельниковского Краснознаменного корпуса (октябрь 1944 — май 1945).

Звание Героя Советского Союза присвоено «за решительное и умелое руководство боевыми операциями корпуса и за отличное выполнение заданий командования по расчленению ДАНЦИГСКО-ГДЫНЬСКОЙ группировки противника, форсированию р. ОДЕР и соединению с союзными нам американскими войсками» (из Наградного листа, 18.05.1945).

После войны — командир 3-й гвардейской танковой дивизии (июнь 1945 — ноябрь 1946), начальник 2-го инженерного танкового факультета Военной академии бронетанковых и механизированных войск им. И.В.Сталина (ноябрь 1946 — апрель 1951), начальник факультета подготовки офицеров иностранных армий там же (апрель 1951 — март 1952), командующий бронетанковыми и механизированными войсками Северного ВО.

Учился на Высших академических курсах при Высшей военной академии им. К.Е.Ворошилова (январь — ноябрь 1954) и одновременно был старшим преподавателем кафедры бронетанковых и механизированных войск той же академии, затем старший преподаватель, заместитель начальника кафедры тактики высших соединений той же академии (сентябрь 1956 — ноябрь 1959).

С ноября 1959 в отставке по болезни.

Награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова I-й и II-й ст., медалью За отвагу (1938), юбилейными медалями СССР, польским золотым крестом, чешским офицерским крестом с мечами, знаком участника Хасанских событий.

Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

50. *Бухгайт Г.* Абвер — «щит и меч» III Рейха. М., 2013. С. 287.

51. *Бунич И.Л.* «Гроза». Кровавые игры диктаторов. СПб., 1997. С. 357.

52. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949): дипломат, политик, мыслитель. С. 309.

53. *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. С. 207—210.

54. *Морисон С.Э.* Американский ВМФ во Второй мировой войне: Восходящее солнце над Тихим океаном. Декабрь 1941 — апрель 1942. М., 2002. С. 70.

55. *Алексеев Александр Михайлович* (1905—?) — из служащих. Русский. Майор (1938). В РККА с 1922. Член компартии с 1924. Окончил неполную среднюю школу (1920—1922), Иваново-Вознесенскую пехотную школу (1922—1925), Ленинградские военно-политические курсы им. Ф. Энгельса (1927—1928), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1934—1937). Владел английским и японским языками.

Командир взвода 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии (сентябрь 1925 — сентябрь 1927). Политрук (сентябрь 1928 — февраль 1930), а с февраля 1930 командир и политрук роты, затем помощник начальника штаба 191-го стрелкового полка. Начальник отделения 1-го отдела штаба Одесской армейской группы. В распоряжении РУ РККА (апрель—октябрь 1939). Помощник военного атташе при полпредстве СССР в Японии (октябрь 1939—1942).

56. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939—1942. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968—1971. [1] Т. I. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г. — 30.6.1940 г.) / Сокр. пер. с нем. *А. Артемова, И. Глаголева и Л. Киселева* / Под ред. и с предисл. п-ка *В. Дашичева*. М., 1968. С. 17—18.

57. http://www.imha.ru/1144524481-doklad-predsedatelja-soveta-narodnykh-komissarov.html.

58. Там же.

59. *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. С. 100.

60. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949). С. 312.

61. Там же.

62. Там же.

63. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. II. С. 329—330.

64. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482 (Приговор Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока). Л. 465.

65. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 451.

66. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: Тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 71.

67. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн.1. М., 1995. С. 400—407.

68. Документы внешней политики СССР. 1 января — 31 декабря 1926. Т. 9. М., 1965. С. 250—252.

69. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: Меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929—1948): историческое исследование. М., 2005. С. 207.

70. Документы внешней политики СССР. 1 января — 31 декабря 1925. Т. 8. М., 1963. С. 80.

71. Там же.

72. *Молодяков В.Э.* Сиратори Тосио. С. 316.

73. *Молодяков В.Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ. С. 49—56.

74. Внешняя политика Советского Союза // Военная мысль. 1940. № 8. С. 3—9.

75. *Тихвинский С.Л.* Заключение советско-японского пакта о нейтралитета 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. №1. С.26.

76.Там же.

77. Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Указ. соч. С.542-545.

78. *Молодяков В.Э.* Сиратори Тосио. С. 322.

79. Там же. С. 323.

80. Special Collections, Arthur J. Morris Law Library, University of Virginia Law School:http://www.law.virginia.edu/html/librarysite/specialcollections.htm

81. Там же.

82. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 515—516.

83. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 154—155.

84. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 523.

85. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 523.

86. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 626—629.

87. СССР—Германия. 1939—1941. С. 81.

88. *Молодяков В.Э.* Сиратори Тосио. С. 333.

89. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т.3. М., 1957. С.363-364.

90. Тюремные записки Рихарда Зорге.Указ. соч. С. 533.

91. ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 518.

92. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 165.

93. *Сонин Константин Петрович* (псевд. «Илья», «Самойлов»; 1903 — 1960) — из служащих. Русский. Полковник. В Красной Армии (1927—1928; с 1932). Член компартии (1927). Окончил учебный курс команды одногодичников (1927—1928), 2 курса Военно-химической академии (1934—1936), Курсы иностранных языков при РУ РККА (1936—1937). В РУ РККА — ГРУ Генштаба ВС СССР: в распоряжении (апрель 1936 — сентябрь 1940). С сентября 1940 заместитель начальника 1-го отделения 3-го (Дальневосточного) отдела. Руководитель легальной резидентуры «Илья» в Японии, корреспондент ТАСС (1941—1945), в 1945 руководил работой по обследованию японских городов, подвергшихся атомной бомбардировке, лично побывал в Нагасаки. Осенью 1945 находился «в длительной командировке». Начальник 5-го (информационного) управления Комитета информации СМ СССР (октябрь 1947 — апрель 1948). Награжден орденом Красного Знамени (1944), Отечественной войны I-й ст. (1945). Похоронен на Преображенском кладбище в Москве.

94. *Х. фон Этцдорф* — представитель Министерства иностранных дел при Генеральном штабе сухопутных войск.

95. *Гальдер Ф.* Указ. соч.

96.*Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор: Ошибка или провокация? М., 2006. С. 137.

97. *Морисон С.Э.* Американский ВМФ во Второй мировой войне: Восходящее солнце над Тихим океаном. Декабрь 1941 — апрель 1942. М., 2002. С. 78.

98. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Указ. соч. С. 137.

99. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С. 81.

100. Там же.

101. Там же. С. 87.

102. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: Меч на весах. С. 216.

103. Там же. С. 217.

104. Там же.

105. *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 211—215.

106. *Морисон С.Э.* Американский ВМФ во Второй мировой войне. Указ. соч. С. 65.

107. Там же.

108. Там же. С. 66.

109. Там же. С. 67.

110. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 236.

111. Там же. С. 237.

112. Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 2. М., 1998. С. 71—78.

113. Там же. С. 111—112.

114. Там же. С. 116—120.

115. Там же. С. 126.

116. Там же.

117. *Гальдер Ф.* Указ. соч.

118. *Дозенберг Николас* (пс.: Стропинь, Артур, Николас Людвиг Даллант) 15.11.1882-г.Рига Лифляндской губернии, ныне Латвия — 1954-Флорида, США.

Латыш. Из крестьян. Член Социалистической партии Америки, Коммунистической (позднее Рабочей — РПА) партии Америки. С 1919 — член Латышского бюро КП США.

Эмигрировал в США из России в 1904. Машинист на железной дороге, активист латышских рабочих организаций, партийный работник, ответственный сотрудник изданий РПА «The Voice of Labor» и «TheDaily Worker», директор литературного департамента РПА (1906 — 1927).

В январе 1927 завербован А.М. Тылтынь и вышел из компартии. Сотрудник советской военной разведки (1927-1939). Вначале использовался в качестве агента-связника; в 1929-1932 в США руководил вербовкой служащих Бюро гравирования и печати для получения технической информации, необходимой для производства поддельных банкнот Федерального резервного банка. В 1929 под именем «Никлэс Доллэнт» посетил Москву, где встречался с Тылтынь и Берзиным и получил задание способствовать легализации в Соединенных Штатах нелегала Р.М. Кирхенштейна. В 1932 по поручению РУ основал «American-RumanianFilms, Corp.», зарегистрированную в штате Нью-Йорк и использованную впоследствии для легализации Д. в Бухаресте и прикрытия разведывательной деятельности в Румынии.

В 1933 — начале1934 находился в Москве; затем командирован в Китай, где предпринял попытку представлять одну из американских корпораций в Пекине. В 1934 — начале 1937 работал в британской концессии в Тяньцзине под прикрытием основанной им фирмы «Amasia Sales Co»; в марте 1937 отозван в Москву, откуда через четыре месяца командирован в Нью-Йорк.

Арестован 09.12.1939 в США по обвинению в использовании поддельного паспорта, сотрудничал со следствием. И поэтому был приговорен лишь к одному году тюрьмы. Жил в США под вымышленным именем. Неоднократно давал показания следственным органам, комитетам Конгресса США.

На одном из допросов в НКВД Я.К.Берзин назвал людей, которые находятся «за границей по линии Разведупра», среди них: «35. ДОЗЕНБЕРГ Николай — на нелегальной работе в Маньчжурии... 47. ДАЛЛАНТ Николай — на зарубежной работе».

119. *Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919-1941. М., 2005. С.322-323.

120. *Воронцов Тимофей Фролович* 28.02.1907-дер. Погорье Спасского уезда Рязанской губернии, ныне Спасского района Рязанской области—01.1991-Москва.

Русский. Из крестьян. Генерал-майор (01.07.1945). В РККА с 1926. Член компартии с 1929. Окончил сельскую школу (1917), Рязанскую пехотную школу им. К.Е.Ворошилова (октябрь 1926 — сентябрь 1929), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1933-1936).

Командир взвода (сентябрь 1929 — февраль 1932), помощник политрука учебной роты (февраль 1932 — май 1933) 1-го стрелкового полка Московской пролетарской стрелковой дивизии, затем 1-й стрелковой дивизии.

Помощник начальника пограничного разведывательного пункта РО штаба ОКДВА (ноябрь 1936—июнь 1938), начальник 2-го (информационного) отделения РО штаба ОКДВА — Дальневосточного фронта (июнь—август 1938).

23.09.1938 уволен из РККА как арестованный органами НКВД, 21.06.1939 «восстановлен в кадрах Красной Армии в прежней должности начальника 2-го отделения РО 2-й Отдельной Краснознаменной Армии».

В распоряжение РУ РККА (июнь 1939 — январь 1940). Начальник 4-го отделения (Япония, Маньчжурия, Корея) 5-го (информационного) отдела РУ РККА (январь — сентябрь 1940), 6-го (дальневосточного) отделения (сентябрь 1940—июнь 1941) Информационного отдела РУ Генштаба Красной Армии.

Участник Великой Отечественной войны. Преподаватель (июнь 1941 — март 1942), старший преподаватель (март — июнь 1943) кафедры разведки Высшей специальной школы Генштаба Красной Армии, выезжал на фронт в качестве стажёра.

Начальник РО штаба 9-й резервной армии (05.06 — август 1942), 24-й (4-й гвардейской — с апреля 1943) армии (август 1942 — июнь 1945). «...На фронте под Сталинградом с сентября 1942 г. Условия сосредоточения войск Армии к фронту происходило в спешном порядке с целью разгрома немцев, подходивших к ближним подступам Сталинграда. В этот момент тов. ВОРОНЦОВ вылетел с опергруппой на самолете для встречи частей, организации боя в полосе Армии. Части вступили в бой с хода и в этих условиях без аппарата Разведотдела ВОРОНЦОВ сумел проявить умение, мужество и все условия для того, чтобы обеспечить командование данными о противнике и управление войсками... В ходе оборонительных и наступательных боев в период октябрь — декабрь тов. ВОРОНЦОВ сумел сколотить и подготовить Отдел для работы в сложной обстановке, в такой операции, как разгром окруженной группировки в районе Сталинграда. На протяжении всего периода боевых действий Армии... тов ВОРОНЦОВ умело руководя Разведывательным отделом, сумел полностью обесепечить Командование Армии полными, своевременными и правдивыми данными об обстановке за противника» (Из Наградного листа, 26.01.1943).

Начальник РО штаба 35-й армии (28.06 — 01.09. 1945), начальник направления оперативного Управления штаба Главкома войск на Дальнем Востоке (01.09-21.09. 1945).

Слушатель Высшей Военной академии им. К.Е. Ворошилова (с 21.09.1945).

С декабря 1945 на преподавательской работе. Начальник кафедры страноведения и вооружённых сил иностранных государств Высшей специальной школы Генерального Штаба Красной Армии (с 30.12.1945). 07.02.1947

Начальник кафедры вооружённых сил иностранных государств (с 07.02.1947), заместитель начальника по научной и учебной работе (апрель 1951 — ноябрь 1953) Высших Краснознаменных академических курсов (офицеров разведки) Генерального штаба. Уволен в отставку по болезни (28.11.1953).

Выйдя в отставку, занимался политическим просвещением на заводах и в учреждениях Киевского района Москвы, работал редактором, членом редколлегии различных газет. Неоднократно избирался членом партийного бюро, парткома, партийной комиссии.

На протяжении 7 лет был председателем Совета ветеранов 4-й гвардейской армии. За этот период был создан музей 4-й гвардейской армии, выпущен нагрудный памятный знак ветерана 4-й гвардейской армии, создана и выпущена фирмой «Мелодия» грампластинка с материалами, посвящёнными 4-й гвардейской армии.

Умер 26 января 1991 года. Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

Награжден орденом Ленина, орденом Кутузова II степени, двумя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого II степени, тремя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, 14 медалями, орденом Легион почета (США, 1945).

Сочинения: *Воронцов Т. Ф., Бирюков Н. И., Смекалов А. Ф., Шинкарев И. И.* От волжских степей до австрийских Альп : Боевой путь 4-й гвардейской армии. М.: Воениздат, 1971. 256 с. 30 000 экз.;

Воронцов Т. Ф., *Бирюков Н. И., Смекалов А. Ф.* От Сталинграда до Вены : (от волжских степей до австрийских Альп) : боевой путь 4-й гвардейской (24-й) армии. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Петрополис, 2005. 329 с.

121. *Хаттори Такусиро.* Япония в войне. 1941—1945. СПб., 2000. С. 118—119.

122. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 199—200.

123. Там же. С. 200.

124. Там же. С. 201.

125. Там же.

126. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007. С. 80.

127. *Малова К.В.* Концепции паназиатизма в Японии (30-е г. XX в.) // Известия Восточного института. № 3. 1996. С. 109—120.

128. Там же.

129. *Молодяков В.Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ // Русский Геополитический сборник. Вып. № 2. М., 1997—1998. С. 49—56.

130 Там же.

131. Там же.

132. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Указ. соч. С.340-343.

133. *Рихард Зорге.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 191—195.

134. *Молодяков В.Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ. Указ. соч. С. 49—56.

135. Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 98—108.

136. Там же.

137. Сираи Хисая, руководитель Японо-российского центра исторических исследований. Разведывательная деятельность Рихарда Зорге и Одзаки Ходзуми// Второй международный симпозиум памяти Р. Зорге (Москва, 2000).

138. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. М., 2002. С. 117.

139. Ассоциация помощи Имперскому трону // Свободная русская энциклопедия «Традиция» //http://traditio.wiki.

140. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С. 80.

141. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 201.

142. Там же. С. 202.

143. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. С. 81.

144. Там же.

145. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 315.

146. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. С. 114.

147. *Георгиев Ю.*В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. Указ. соч. С. 81.

148. *Молодяков В.Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ. С. 49—56.

149. *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. С. 153.

150. Там же. С. 154.

151. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. С. 146.

152. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. С. 82.

153. Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 538.

154. Там же. С. 539.

155. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. Указ. соч. С. 82—83.

156. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С. 539.

157. Ватабэ Томиэ, руководитель Центра материалов социального движения. Ходзуми Одзаки — центральная фигура дела Зорге и разведывательной группы КП Китая (борцы за победу китайской революции и против агрессивной войны) // Второй международный симпозиум памяти Р. Зорге (Москва, 2000).

158. *Колесникова М., Колесников М.* Жизнь, подобная метеору //Люди молчаливого подвига. Очерки о разведчиках. М., 1977. С.81.

Глава 3. 1941 год. Берлин, Токио, Москва

1. История второй мировой войны 1939—1945 гг. в 12 тома Том 2. Накануне войны. М., 1973. С. 356.

2. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т.II. Там же. С. 86-89.

3. *Иссерсон Георгий Самойлович.* 16.06.1898-Санкт-Петербург — 27.04.1976-Москва.

Еврей. Из служащих. Комдив (09.12.1939). В РККА с 1918. Член партии с 1918. Окончил гимназию, 3 курса Петроградского университета, 1-ю Петергофскую школу прапорщиков (1917), Военную академию РККА (1920-1924, перерывами), Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им М.В.Фрунзе (октябрь — декабрь 1928).

В службе с января 1917. Рядовой. Произведен в офицеры в сентябре 1917. Прапорщик. Состоял в партии социал-демократов интернационалистов (февраль — июль 1917).

Участник гражданской войны (1919-1920) на Северном и Западном фронтах. Сотрудник Вологодского губернского военкомата (июнь 1918 — январь 1919), секретарь Реввоентрибунала, заведующий школьной секцией политотдела (январь — июнь 1919) 6-й армии, военком отряда курсантов Пехотных курсов при той же армии, войск Онежского направления 18-й дивизии (июнь — сентябрь 1919), заведующий культурно-просветительским отделом политотдела 16-й армии, в 18-й стрелковой дивизии: военком 169-го стрелкового полка, то же в 53-й стрелковой бригаде, помощник командира 154-го, 52-го стрелковых полков (сентябрь 1919 — ноябрь 1920). Три месяца был интернирован в Германии.

Помощник начальника РО, начальник и военком штаба войск Минского района (август — октябрь 1921), был прикомандирован к 3-му (информационно-статистическому) отделу РУ штаба РККА (июль — сентябрь 1922) «для летних практических работ», начальник РО штаба Западного фронта (март — сентябрь 1923).

Командир роты, полковой школы 40-го образцового стрелкового полка (октябрь 1924 — июнь 1925). Начальник Оперативного отдела штаба Ленинградского ВО (июнь 1925 — сентябрь 1926), начальник 1-го отдела и он же помощник начальника 1-го управления штаба РККА (сентябрь 1926 — май 1927), в распоряжении Главного управления РККА, начальник штаба 10-го стрелкового корпуса (май 1927 — октябрь 1929), адъюнкт (октябрь 1929 — июнь 1931), преподаватель (июнь 1931 — октябрь 1933) Военной академии им. М.В.Фрунзе, начальник оперативного факультета той же Академии (октябрь — декабрь 1933), командир 4-й стрелковой дивизии (декабрь 1933 — март 1936), заместитель начальника 1-го отдела Генштаба (март — июнь 1936).

Начальник кафедры армейских операций Академии Генштаба (июнь 1936 — сентябрь 1937), в распоряжении Управления по комначсоставу РККА (сентябрь 1937 — май 1938), начальник кафедры оперативного искусства Академии Генштаба (май 1938 — декабрь 1939), начальник штаба 7-й армии (декабрь 1939 — январь 1940) в период советско-финляндской войны, затем командир фронтового кадрового полка. В распоряжении НКО СССР.

Г.С.Иссерсон успешно занимался научно-исследовательской работой. Основные труды посвящены анализу хода боевых действий в 1-й мировой и гражданской войнах, развитию военного искусства и тактики.

Репрессирован 07.06.1941 и по ряду пунктов (в том числе «преступные действия» в период советско-финляндской войны) осужден первоначально к ВМН, а потом к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в Караганде, а в июне 1951 отправлен в ссылку в Красноярский край.

Реабилитирован 01.06.1955 и освобожден 14.07.1955. Вышел в отставку в звании полковника.

Награжден двумя орденами Красной Звезды (1934, 1939), юбилейной медалью «XX лет РККА».

Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

Соч.: Канны мировой войны, М., 1926; Лекции по глубокой тактике, М., 1932; Эволюция оперативного искусства, М., 1932; Воен. искусство эпохи национальных войн 2-й пол. 19 в., М., 1933; На новых путях развития нашего оперативного искусства, М., 1934; Новые формы борьбы, М., 1940. (*Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918-1945 гг. М., 2012. С. 372-373).

4. *Иссерсон Г.С.* Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн). Вып. первый. М.: Воениздат Народного Комиссариата Обороны Союза ССР., 1940) С. 28-38.

5. Там же. С.52-54.

6. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г. М., 1993. С. 153-154.

7. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942. Т. 2. М., 1969. С. 81.

8. Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны

на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

9. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С.74.

10. Там же.

11.Там же. С.102-103.

12. Военная разведка информирует. Указ. соч. С.568-571.

13. *Жуков Г.К.* Указ. соч. М., 1969. С. 239.

14. *Жуков Г.К.* Указ. соч. М., 1974. Т. 1. С. 259.

15. *Дронов Николай Сергеевич*

14.12.1897-г. Алексин Тульской губернии — 06.07.1979-Свердловск.

Русский. Из служащих. Генерал-лейтенант (11.07.1945). В Советской Армии с 1918. Окончил высшее начальное училище, Житомирскую школу прапорщиков (1916), курсы «Выстрел» (1924-1925), заочное отделение Военной академии им. М.В.Фрунзе (1933-1936), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е.Ворошилова (1950).

В службе с 1915. Участник 1-й мировой войны. Вольноопределяющийся 76-го запасного пехотного полка (1915). Младший офицер, командир роты 29-го Туркестанского стрелкового полка на Юго-Западном фронте (ноябрь 1916 — февраль 1918).

Участник гражданской войны. Командир взвода, роты, батальона, начальник полковой школы на Южном фронте (1918-1921). Сражался с войсками А.И.Деникина и П.Н.Врангеля, громил белогвардейские десанты на Дону и Кубани, а на Кавказе участвовал в подавлении восстания чеченцев. Награжден часами, именным оружием (маузером).

Командир батальона, помощник командира полка по строевой части (1921 — 1924), помощник командира 111-го стрелкового полка по строевой части 37-й стрелковой дивизии (1925 — 1930), командир батальона Московской пехотной школы, командир-руководитель тактики Московских курсов усовершенствования командно-политического состава, командир полка 156-й стрелковой дивизии, преподаватель тактики на курсах «Выстрел» (1930 — 1937), помощник командира, командир 81-й стрелковой дивизии (1937 — 1938), начальник штаба Одесской армейской группы, штаба 12-й армии (1938 — 1940).

В распоряжении Управления по начсоставу (июль — август 1940), начальник 3-го отдела Управления боевой подготовки (август 1940 — февраль 1941).

Помощник начальника РУ Генштаба Красной Армии, и он же начальник Информационного отдела (февраль — октябрь 1941).

Участник Великой Отечественной войны. начальник штаба 10-й армии Западного фронта (октябрь — декабрь 1941), командир 19-й стрелковой дивизии 5-й армии того же фронта (декабрь 1941 — ноябрь 1942), начальник штаба 29-й армии Калининского фронта (ноябрь 1942 — январь 1943), 1-й танковой армии (январь — февраль 1943), 22-й армии в составе Северо-Западного, Прибалтийского, 2-го Прибалтийского фронтов (февраль 1943 — сентябрь 1945).

Главный военный советник в Югославии (1945-1946).

Заместитель начальника штаба Дальневосточного ВО (1946-1949), начальник штаба 8-й гвардейской армии в ГСВГ (1950-1954), помощник командующего войсками Уральского ВО по военным учебным заведениям и одновременно начальник Свердловского гарнизона (1954-1958).

С июля 1958 в отставке по болезни.

Награжден орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1921, 1938, 1947), Кутузова II-й ст. (1944), Богдана Хмельницкого II-й ст. (1945), Красной Звезды (1967), медалями.

Похоронен в г.Свердловске.

Некролог: Вечерний Свердловск, 16.07.1979.

16. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С.582 — 583.

17. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933 — 1945. М., 2002. С.273.

18. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942. Т.3. Кн.1. М., 1971. С. 81.

19. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. С.263.

20. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С.96-103.

21. Там же.

22. *Филиппи А.* Припятская проблема. Очерк оперативного значения Припятской области для военной кампании 1941 года. М., 1959. С. 45.

23. *Гаврилов Виктор.* Загадки Рамзая // Военно-промышленный курьер. №40 (156). 18 октября 2006.

24. *Сахаров В.* Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге ...) // Молодая гвардия. 1991, №10. С.228-243.

25. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 2. С.89.

26. Там же. С.96-103.

27. *Гальдер Ф.*Военный дневник (Июнь 1941 — сентябрь 1942). М., 2010. С. 91-92.

28. Там же. С.201.

29.Там же. С.316.

30. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 томах. Т.2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С.649-650.

31. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С.248.

32. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 томах. Т.2. Указ. соч. С.649-650.

33. *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С.475.

34. Толмачева А.В. Соотношение сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте по состоянию на начало Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.).

35. *Гаврилов В.* Загадки «Рамзая» остались // Военно-промышленный курьер (ВПК) № 40 (156). 18 октября 2006 г.

36. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С.232.

37. *Гаврилов В.* Загадки «Рамзая» остались. Указ. соч.

38. 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С.90.

39. *Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К.* Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010. С.409.

40.Там же. С.415.

41. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 86-89.

42. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2002. С. 217

43. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 3. М., 19898.С. 419-420

44. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С.405.

45. Там же. С 404.

46. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Указ. соч. Т. II.. С. 96-103.
47.Там же. С.103.
48. Там.же. С. 105.
49. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С.116-117.
50. СССР-Германия. 1939-1941. Секретные документы / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 2011. С.314-315.
51. *Гогун А.* Указ. соч. С. 192.
52. Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939-1941: документы и материалы // Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 301.
53. Там же. С. 303-304.
54. Там же. С 304-305.
55. *В.И. Дашичев.* Указ. соч. Т. II. С. 107-109.
56.Оглашению подлежит. Указ соч. С. 307-308.
57.Там же. С. 311.
58. Там же.
59. Известия. 1941. 4 марта.
60. *Гогун А.* Указ. соч. С. 193.
61. Известия. 1941. 25 марта.
62. *Гогун. А.* Указ. соч. С. 193.
63. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С. 364-366
64. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 429-432.
65. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. II. С.110
66. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С.364-366.
67. *Нарочницкий А.Л.* Советско-югославский договор 5 апреля о дружбе и не нападении (по архивным материалам) //Новая и новейшая история. 1989. №1. С.12.
68. Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 522-523, 531-532.
69. *Мельтюхов М.* Указ. соч. С.249.
70. Дипломатический вестник. 1998. N 6. С. 76 — 77.
71. *Гогун. А.* Указ. соч. С.194.
72. *Мельтюхов М.* Указ. соч. С.249.
73. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С. 391.
74. 1941. Книга вторая. М., 1998. С.146-147.
75. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С. 390-391
76. *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М., 2001. С.27.
77. *Некрич А.Н.* 1941, 22 июня. М., 1995. С.129.
78. Там же.
79. Там же. С. 130.
80. Дело Рихарда Зорге. Документы следствия и судебного процесса в Японии // Международная жизнь. 1965. №4. С.106-115. Протокол №41 от 11 марта 1942 г.
81. *Георгиев Ю.В.* Рамзай только догадывался//Совершенно секретно. №1/236. 15.01.2009.
82. Там же.
83. Там же.
84. Военная разведка информирует. Указ. соч. С. 710.
85. *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 553.

86. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С. 392

87. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 128

88. Там же. С. 131-134.

89. *Рогов Александр Семёнович* (пс.: Богров).

28.09.1901-д.Казанино Даниловского уезда Ярославской губернии — 1992-Москва.

Русский. Из крестьян. Генерал-полковник (27.04.1962), генерал-майор (09.03.1963). В Советской Армии с 1919. Член компартии с 1920. Окончил Высшее начальное училище в г.Данилове (1909-1912), 7-е Армавирские пулеметные курсы (1921), разведывательное отделение повторных курсов среднего комсостава Петроградского ВО (1923-1924), Тактические стрелковые курсы усовершенствования среднего комсостава (1925-1926), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1932-1936). Владел немецким языком.

В службе с декабря 1915, рядовой 8-го Вольмарского латышского стрелкового батальона.

Участник гражданской войны на Кубани (1920), в Дагестане (1921), на Урале (1921), участвовал в подавлении Карельского мятежа (1922). Возглавлял культпросветработу в 29-м запасном полку (февраль — август 1919), помощник командира взвода 2-й Московской бригады курсантов (август 1919 — май 1921), командир отделения, взвода 7-х Армавирских пулеметных курсов (май 1921 — январь 1922), помощник командира, командир взвода, помощник командира, командир роты Учебно-кадрового, 33-го стрелкового полков (январь 1922 — сентябрь 1925).

Командир батальона, помощник командира 33-го стрелкового полка 11-й Ленинградской стрелковой дивизии (ноябрь 1926 — ноябрь 1930), заместитель начальника 5-го отдела штаба Ленинградского ВО (ноябрь 1930 — апрель 1932).

В РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии: начальник мобилизационного отделения 5-го отдела по подготовке кадров разведслужбы (март 1936 — январь 1937), в распоряжении по 2-му (восточному) отделу (январь 1937 — сентябрь 1940), вице-консул СССР в Харбине, Китай, (1936-1940), исполнял обязанности консула (1939-1940). Начальник 3-го отделения 3-го отдела (сентябрь 1940 — июнь 1941), начальник 1-го отделения 4-го отдела (с июня 1941), и.д. начальника 4-го отдела РУ ГШ КА.

Участник Великой Отечественной войны. Начальник РО штаба 2-й ударной армии Волховского фронта (декабрь 1941 — октябрь 1942), Юго-Западного (декабрь 1942 — октябрь 1943), 3-го Украинского (октябрь 1943 — июнь 1945) фронтов. «Участник двух успешно проведенных операций в районе Среднего Дона… Обеспечил командованию полное знание противника, его обороны, боевого состава и боеспособности в обоих операциях, что дало возможность правильно принять решение. В период боев и хода операций обеспечил получение данных о пр-ке, вскрывающих намерения пр-ка, что дало возможность лучше и больше громить пр-ка» (из Наградного листа, 17.01.1943). «Хорошо организовал и провел работу по изучению войск противника, его состояния и безошибочно и своевременно давал выводы, как перед самой операцией Юго-Западного фронта, с июля по сентябрь 1943 г., так и в ее ходе. Умело использовал и применил все виды разведки и четко руководил разведывательным отделом штаба фронта и следил за выполнением задач по разведке нижестоящих штабов» (из Наградного листа, 21.09.1943). «Генерал-майор т.РОГОВ при подготовке и проведении операции по разгрому 6 армии немцев своей неутомимой работой своевременно и

с достаточной полнотой вскрывал силы и состав противника, действующего перед фронтом, а также его перегруппировки и намерения» (из Наградного листа, 08.03.1944).

После войны начальник 3-го управления ГРУ. Военный атташе при посольстве СССР в Великобритании (1954-1958). С апреля 1959 1-й заместитель начальника ГРУ Генштаба ВС СССР. Снят с должности и понижен в звании в связи с делом О.Пеньковского.

С 1978 в отставке.

Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II-й ст., Кутузова I-й ст., двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы.

90. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. Биографический очерк. I. С.155.

91. Там же. С.156-157.

92. *Никифоров А.Н.* Радиосвязь резидентуры «Рамзай» с Центром // Позывные военной разведки. Сборник. М., 1998. С. 430—444.

93. Там же.

94. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 219.

95. *Никифоров А.Н.* Указ. соч.

96. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 228.

97. *Куланов А.Е.* Шпионский Токио. Указ. соч. С. 190.

Глава 4. 1941 год. Токио, Москва

1. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.900.

2. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т.2. С.323.

3. Известия. 1941. 24 января.

4. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор: Ошибка или провокация? М., 2006. С.139.

5. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Приговор Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Л.945-946.

6. *Васильева В.* Индокитай. М. — Л., 1947. С.217.

7. ru.wikipedia.org.Сингапурская стратегия.

8. *Можейко, И.В.* Западный ветер — ясная погода. М, 2012 С.192.

9. *Тюрк Г.* Сингапур. Падение цитадели. Перевод с нем. — М., 1973. Сокращенный перевод с немецкого *Г. Рудого*. Ответственный редактор и автор послесловия *А. М. Дубинский*. С.160-161.

10. *КлавингВ.В.* Япониявойне. М., 2004. С.88.

11. *Bell, C. M.* The Royal Navy, Seapower and Strategy between the Wars. Stanford, California, 2000.pp. 608—612// ru.wikipedia.org.Сингапурская_стратегия.

12. *Paterson, R.* The Fall of Fortress Singapore: Churchill's Role and the Conflicting Interpretations // Sophia International Review. Sophia University, 2008. T. 30. Pp.51-52// ru.wikipedia.org.Сингапурская_стратегия.

13. Idem. P.61.

14. *Тюрк Г.* Сингапур. Падение цитадели. Перевод с нем. М., 1973. Сокращенный перевод с немецкого *Г. Рудого*. Ответственный редактор и автор послесловия *А. М. Дубинский*. С.160-161.

15. *Wigmore, L.* TheJapaneseThrust. Canberra: Australian War Memorial, 1957. (Australia in the War of 1939—1945).P.19// ru.wikipedia.org.Сингапурскаястратегия.

16. *McIntyre, W. D.* Pp.178-179// ru.wikipedia.org.Сингапурскаястратегия.
17. *Bell, C. M.* The Royal Navy, Seapower and Strategy between the Wars. Stanford, California, 2000. Pp.620-623// ru.wikipedia.org.Сингапурская_стратегия.
18. *Можейко И.В.* С.161.
19. *Хаттори Такусиро.* Япония в войне. 1941-1945. СПб., 2000. С.207.
20. Там же. С.185-186.
21. Там же. С.139.
22. *Клавинг В.В.* Указ. соч. С.82-83.
23. *Churchill, W.* The Hinge of Fate. Boston, Massachusetts., 1950. P.81// ru.wikipedia.org. Сингапурскаястратегия.
24. *ГавриловВ.А., ГорбуновЕ.А.* Указ. соч. С.302.
25. Дело Рихарда Зорге. Документы следствия и судебного процесса в Японии // Международная жизнь. 1965. №4. С.106-115. Протокол №40 от 9 марта 1942 г.
26. Будкевич С.Л. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс (Люди. События. Документы. Факты). М., 1969. С.195.
27. *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 -1945 гг. М., 1995. С.63.
28. *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С.346-349.
29. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948): историческое исследование. М., 2005. С.225-226.
30. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 121-122.
31. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.916.
32. *Звягинцев А. Г.* Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М. 2010. С.320-321.
33. Там же. С.321-323.
34. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.916.
35. Там же. С.917.
36. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т.3. С.629-630.
37. *Звягинцев А. Г.*Указ. соч. С.325.
38. Военная разведка информирует. Указ. соч. С.418.
39. Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941. Т.23. Кн. 2. С.497-499.
40. Там же. С.499-502.
41. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. С.631-636.
42. Там же. С.630.
43. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.363.
44. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.917.
45. *Гальдер Ф.* Указ. соч.
46. Нюрнбергский процесс. Указ. соч. С.637-647.
47. Там же.
48. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.119-120.
49. Там же. С.120.
50. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. Указ. соч. С.231-232.
51. Там же. С.232.
52. Известия. 1941. 10 апреля.
53. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. Указ. соч. С.233.
54. Там же. С.233-234.

55. Там же. С.234.

56. Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941. Т.23. Кн. 2. С.560-564.

57. Правда. 1941. 16 апреля.

58. *Сабуро Хаяси.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964. С.49.

59. Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941. Т.23. Кн. 2. Там же. С.565-566.

60. Там же. С.566.

61. Там же С.239-240.

62. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. Указ. соч. С.243.

63.ГАРФ. Ф.7867. Оп.2. Д. 272. Л.12-13.

64. *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С.255.

65. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.116.

66. Там же. С.117.

67. Системная история международных отношений: в 4 т. 1918-1991. Т. 1. События 1918-1945. Под редакцией А.Д. Богатурова. М., 2000. С.399-400.

68. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.363.

69. Там же. С.109.

70. Там же.

71. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых. М., 1985. С.113.

72. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 18 (7—1). М. 1997. С.176.

73. Оглашению подлежит. Указ. соч. С. 319.

74. *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т.2. 106.

75. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.955.

76. *Тупиков Василий Иванович* (пс.: Арнольд)

31.12.1901, Курск — 20 сентября 1941, урочище Шумейково неподалеку от хутора Дрюковщина, Лохвицкий район, Полтавская область.

Русский. Из семьи рабочего-железнодорожника. Генерал-майор (04.06.1940). В РККА с 1922. Член компартии с 1921. Окончил Тульское железнодорожное училище (1919), Центральные политические курсы Наркомата путей сообщения (1921), курсы «Выстрел» (сентябрь 1925 — октябрь 1926), основной факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1930-1933).

Работает на ст. Поныри Курской области в путейской части (1919). Заведующий политпросветотделом профкома железнодорожников в Орле (1920). Некоторое время работает в райкоме партии зав. агитационно-пропагандистским отделом, заочно учился в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова (1921).

В 6-й дивизии: инженер инженерного батальона (февраль — июль 1922), политрук, военком Отдельной саперной роты, инструктор политотдела дивизии (июль 1922 — октябрь 1923), военком Школы подготовки младшего комсостава, политрук 16-го стрелкового полка, помощник военкома 18-го стрелкового полка (октябрь 1923 — сентябрь 1925), командир батальона 16-го стрелкового полка (октябрь 1926 — август 1927). Командир батальона Московской Пролетарской стрелковой дивизии (август 1927 — май 1930). Командир и военком 1-го стрелкового Татарского полка (апрель 1933—декабрь 1934).

Военный атташе при полпредстве СССР в Эстонии (декабрь 1934 — март 1937).

Начальник штаба 33-го стрелкового корпуса (март 1937 — июль 1938), заместитель начальника (июль 1938 — апрель 1939), начальник (апрель 1939 — декабрь 1940) штаба Харьковского ВО.

Военный атташе при полпредстве СССР в Германии (декабрь 1940 — июнь 1941), информировал Центр о военных приготовлениях Германии к войне против СССР.

Интернирован вместе с другими советскими дипломатами и официальными представителями 22 июня 1941, добирается до Советского Союза через Турцию.

Участник Великой Отечественной войны. С 29 июля 1941 начальник штаба Юго-Западного фронта, войска которого вели тяжёлые оборонительные бои с превосходящими силами противника на ПравобережнойУкраине. 14 сентября 1941_по собственной инициативе обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактеризовав тяжёлое положение войск фронта (находящегося под угрозой окружения). Телеграмма заканчивалась словами: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». В ответ пришла телеграмма Шапошникова, обвиняющая Тупикова в паникёрстве. Разрешение оставить Киев и переправить войска фронта на левый берег Днепра поступило слишком поздно — 18 сентября.

Погиб в бою при выходе из окружения.

Похоронен в Киеве на аллее героев у Памятника Вечной Славы на могиле Неизвестного солдата.

77. Военная разведка информирует. Указ. соч. С.591-594.

78.*Молодяков В.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М., 2004.

79.Тюремные записки Рихарда Зорге //Знаменитые шпионы XX века. М.,2001. С.560-561.

80.Там же. С.564.

81.Там же. С. 560-562.

82. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007. С.115

83. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.562.

84. Там же. С.549.

85. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С.160.

86. *Георгиев Ю.* Указ. соч. С.161.

87. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор. Ошибка или провокация? М., 2006. С.148.

88. Там же. С.149.

89.Там же.

90. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том III. Первый период войны. Указ. соч. С.213-214.

91. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Там же. С.150.

92. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том III. Первый период войны. Указ. соч. С.215.

93. ГАРФ. Ф.7867. Оп. 1. Д.275. Л.34.

94. «1 июня 1940 г. Кидо был предложен пост лорда-хранителя печати. Посоветовавшись с Коноэ, Кидо принял это предложение. Задачей лорда-хранителя печати, который оставался на своем посту независимо от смен кабинета, было

действовать в качестве постоянного советника императора по государственным вопросам и в качестве признанного посредника между императором и кабинетом. Таким образом, положение лорда-хранителя печати было очень влиятельным». — ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.471.

95. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.482. Л.966.

96. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Там же. С.153.

97. *Иванов Михаил.* Тайна Рихарда Зорге — гражданина вселенной. Записки старого разведчика. Литературная запись и обработка К. Шишова // Челябинск. XX век. Люди и судьбы. 1999. №4. С.45.

98.История второй мировой войны 1939—1945 в 12 томах. *Том 2.* Накануне войны. М, 1974; *Том 3.* Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974; *Том.4.* Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». М. 1975; *Том 11.* Поражение Японии. Окончание Второй Мировой войны. М., 1980; Вооруженные силы Японии. История и современность (к 40-летию разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне). М., 1985; *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Кошкин А.А. «Кантокуэн» —* «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

99. *Сабуро Хаяси.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964; *Хаттори Такусиро*Япония в войне 1941—1945 гг. Пер. с яп. СПб., 2000; *Коен Дж.* Военная экономика Японии. Пер. с англ. М., 1951; *Джоуэтт Филипп.* Японская армия 1931-1942. М., 2003.

100. Дайтоа сэнсо кокан сэнси (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1973; *Хаттори Такусиро.* Дайтоа сэнсо дзэнси (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Т.1-64, 73. Токио, 1970-1974; *Симада Тосихико.* Канто гун (Квантунская армия). Токио, 1966; *Араи С.* Дайнидзи сэкай тайсэн — сэнго сэкай си-но китэн (Вторая мировая война — отправной пункт послевоенной мировой истории). Токио, 1973; Сёва-но рэкиси. Ниттю дзэммэн сэнсо (История эпохи Сёва. Тотальная война Японии в Китае). Токио, 1982.

101.История Второй Мировой войны 1939 — 1945 в двенадцати томах. Том 2. Накануне войны. М., 1973. С.385.

102. *Джоуэтт Ф.*Указ. соч. С.11.

103.Там же. С.12-13.

104.Там же. С.12.

105.Там же.

106.Там же. С.13.

107.Там же. С.14.

108.Там же. С.15.

109. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.101.

110. История Второй Мировой войны 1939 — 1945 в двенадцати томах. Том 2. Указ. соч. С.386.

111. *Сабуро Хаяси.* Указ. соч. С.46.

112. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.157; *Черевко К.Е.* Указ. соч. С.152.

113. История Второй мировой войны 1939-1945 в 12 томах. Том четвертый. М., 1975. С.252.

114. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.159-160.

115. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.426.

116. Там же. С.372.

117. Там же. С.397.

118. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.161.

119. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.43.

120. История Второй мировой войны 1939-1945 в 12 томах. Том четвертый. Указ. соч. С.251.

121. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.392-393.

122. Там же.

123. Там же. С.393-394.

124. *Федосеев С.Л.* Японские танки Второй Мировой. М., 2010. С.13.

125. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.42.

126. *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950. С.252.

127. *Мозохин О.Б.*Указ. соч. С.394.

128. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.102.

129. Там же.С.101, 118-119.

130. *Джоуэтт Ф.* Указ. соч. С.21; *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.118-119.

131. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.102.

132. История Второй Мировой войны 1939 — 1945 в двенадцати томах. Том 4. Указ. соч. С.246.

133. *Кошкин Анатолий.* Как Япония помогала СССР «одолеть» Гитлера. Потомки потерпевших поражение в войне сегодня пытаются переписать историю // Независимое военное обозрение. 2015. 9 мая.

134. Там же.

135. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. Там же. С.164.

136. *Савин А.С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979. С.87.

137. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.427.

138. Там же. С.371.

139. Там же. С.392.

140. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.164.

141. Там же.

142. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.355.

143. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.393.

144. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. М., 2011. С.159.

145. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.371.

146. Там же. С.371-372.

147. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.43-44.

148. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.165.

149. Вооруженные силы Японии. Указ. соч. С.52

150. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.189-190.

Вооруженные силы Японии. Указ. соч. С.52.

151. История второй мировой войны 1939-1945. в двенадцати томах. Том 11. Поражение Японии. Окончание Второй Мировой войны. М., 1980. С.183-184.

152. Там же. С.184.

153. Справочные материалы по организационной структуре стрелковой дивизии Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Военно-Историческое управление ГВНУ ГШ Советской Армии, Москва, 1951 г.

154. *Веремеев Ю.Г.* Красная Армия в начале Второй Мировой: как готовились к войне солдаты и маршалы. М., 2010. С.284.

155. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.190.

156. *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 168; 1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С. 83.

157. Известия. 1941. 9 мая.

158. История второй мировой войны 1939-1945. в двенадцати томах. Том 11. Указ. соч. С.184.

159. http://andresh.ru/rkka/divizia/916--1941-1942-.html

160. *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М., 1983. С.77.

161. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том III. Первый период войны. — М.: Издательство Иностранной литературы, 1958 / Под общей редакцией *Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити.* // Перевод с японского *Б. В. Поспелова.* Под редакцией *И. А. Латышева.* С.154.

162. История Второй мировой войны 1939-1945 в двенадцати томах. Т. 4. М., 1975. С.261

163. Там же. С.261-262.

164. Там же. С.261.

165. Там же.

166. Там же. С.260.

167. Там же. С.259-260.

168. История Второй Мировой войны 1939 — 1945 в двенадцати томах. Том 11. Указ. соч. С.185.

169. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых. М., 1985. С.151.

170. Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С.120-121.

171. *Черчилль Уинстон.* Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. Мускулы мира. М., 2006. С.461-493.

172. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс (Люди. События. Документы. Факты). М. 1969. С.209-210.

173. Маккартизм ассоциируют с подавлением инакомыслия, наступлением на гражданские права и свободы американцев, ущемлением демократии и, по сути, попыткой установления тоталитарного режима в стране, только что вместе с Советским Союзом одержавшей победу над фашизмом. Словосочетание «охота на ведьм» как нельзя лучше определяет общественную атмосферу в Америке той эпохи. Всплывшее из лексикона первых поселенцев — пуритан в местечке Салем в Новой Англии, которым повсюду мерещились еретики и вероотступники, заслуживающие сожжения на костре, оно стало синонимом понятия «маккартизм».

Еще в 1947 году Трумэн приказал провести проверку всех государственных служащих на предмет выявления среди них лиц, заподозренных в оппозиционных настроениях по отношению к власти, и прежде всего людей левой ориентации. Политика Трумэна открыла ящик Пандоры. В это время на промежуточных выборах в Конгресс в штате Висконсин неожиданно всплыла кандидатура малоизвестного человека по имени **Джозеф Реймонд Маккарти (сенатор от штата Висконсин в 1947 — 1957 гг.)**. Карьерист и демагог Маккарти оказался в клубе избранных, где терпеливо ждал своего часа, чтобы громко заявить о себе.

Гром грянул 9 февраля 1950 года в городке Уилинге в штате Западная Виргиния. Выступая там с речью, сенатор Маккарти заявил, что Госдепартамент — цитадель американской дипломатии — наводнен коммунистами, а его глава Дин Ачесон покрывает их: «Я держу в руках список 205 лиц, которые известны государственному секретарю как члены коммунистической партии и которые, однако, продолжают работать и формулировать политику госдепартамента». В этом списке фигурировало и имя предшественника Ачесона, героя войны и автора известного плана по спасению Европы от коммунизма генерала Джорджа Маршалла.

Сенсацию тут же поддержали лидеры республиканской партии Роберт Тафт и Ричард Никсон, готовившиеся после пяти подряд проигранных предвыборных президентских кампаний наконец-то отстранить демократов от власти. А сенатор-республиканец Артур Ванденберг, вечный оппонент на Капитолийском холме покойного Франклина Рузвельта, полагал, что «нужно напугать страну до чертиков». Начало «охоте на ведьм» было положено.

Сам термин «маккартизм» вошел в политический обиход с легкой руки карикатуриста Герберта Блока. Газета «Вашингтон Пост» поместила 29 марта 1950 года карикатуру: дрожащего от ужаса слона, являющегося символом Республиканской партии, активисты подталкивают к пирамиде из ведер с дегтем, которую венчает бочка с красующейся на ней надписью «Маккартизм». Слон обращается к читателям: «Вы думаете, я смогу удержаться здесь?» По другой версии, авторство принадлежит сенатору Оуэну Латтимору, который, обвиненный Маккарти в шпионаже на СССР, употребил этот термин, давая показания перед подкомиссией по внутренней безопасности Конгресса.

23 сентября 1950 года, несмотря на президентское вето, был принят закон «О внутренней безопасности» (закон Маккарена-Вуда), обязавший коммунистическую партию и другие демократические организации зарегистрироваться в качестве агентов иностранных держав, а также сообщать данные о своих должностных лицах, членах, финансовой и организационной деятельности. За невыполнение предписаний закона и отказ от регистрации предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет и штраф в сумме до 10 тысяч долларов. Закон Маккарена-Вуда запрещал въезд в страну иностранцам, которые были или являются членами коммунистических партий, и другим лицам, представляющим, как указывалось в законе, угрозу безопасности США. Все коммунисты, ненатурализованные в США (не получившие гражданства США), но уже проживавшие в стране, подлежали высылке. Закон предусматривал также депортацию любого ненатурализованного лица, которое защищает и распространяет экономические и политические концепции, несовместимые с официально принятыми в стране и представлявшие тоталитарную пропаганду. Аналогичные наказания налагались и за связь с лицами и организациями, занимавшимися распространением печатных материалов подобного рода.

В соответствии с новым законом учреждалось Управление по контролю за подрывной деятельностью, занимавшееся всей практической работой по претворению в жизнь основных его положений. Оно располагало значительными средствами, выделяемыми из федерального бюджета, и содержало большой штат расследователей и «экспертов по коммунизму». Под сенью этого учреждения использовалась работа осведомителей, работавших на ФБР.

Военную истерию тогда еще больше подстегнул вспыхнувший летом 1950 года конфликт в Корее. Американские генералы (прежде всего Дуглас Макартур, за свой воинственный нрав получивший прозвище «Американский Це-

зарь») требовали применить в Корее ядерное оружие. К счастью, в Белом доме хватило ума отправить зарвавшегося генерала в отставку, а заодно и устранить опасного конкурента на приближающихся президентских выборах.

27 июня 1952 года, также несмотря на вето Трумэна, под давлением республиканцев Конгресс США принял закон «Об иммиграции и гражданстве» (закон Маккарена-Уолтера), который модифицировал положения закона Маккарена-Вуда об иммиграции. Теперь гражданство могли получить лица, которые порвали связь с компартиями и в течение последних пяти лет активно выступали против идей коммунизма. С приходом в Белый дом в 1952 году республиканцев во главе с другим пятизвездным генералом — Дуайтом Эйзенхауэром — маккартизм стал чуть ли не официальной идеологией в США. Новый президент хотя и знал цену истеричному сенатору от штата Висконсин, явно остерегался, подобно своему предшественнику, открыто идти на конфликт с Маккарти. По требованию последнего Эйзенхауэру пришлось даже опустить в одном из своих выступлений упоминание о военных заслугах генерала Джорджа Маршалла, которого глава Белого дома чтил как своего наставника и хотел взять под защиту. Но нежелание рисковать президентской репутацией оказалось сильнее. «Я не хочу барахтаться в помойной яме с этим парнем», — сказал о Маккарти Эйзенхауэр, оправдывая свое малодушие.

Удивительное дело, но 50% американцев, согласно опросам службы Гэллапа, поддержали Маккарти и считали его одним из четырех людей, достойных восхищения. Годы промывания мозгов населению средствами массовой пропаганды, включая только что появившееся телевидение, не прошли бесследно.

Острие маккартизма было направлено не только против «красных», но и против «голубых», коих немало было в среде творческой интеллигенции, особенно в Голливуде. Это звучит нелепо в сегодняшней Америке, но тогда гомосексуализм рассматривался как смертный грех, являлся поводом для увольнений и заслуживал общественного порицания. В 1953 году заместитель госсекретаря Дональд Лури отчитался перед комиссией Конгресса, что в одном лишь его управлении увольнения гомосексуалистов происходили в среднем в количестве «одного в день».

Орудием расправ с инакомыслящими стали сенатский комитет по правительственным операциям под председательством самого Маккарти и комитет палаты представителей Конгресса по антиамериканской деятельности, возглавляемый единомышленниками сенатора. Только за первые месяцы гонений из госаппарата было уволено 800 человек, еще 600 ушли с постов добровольно. На скамье подсудимых оказались 140 крупных общественных деятелей: профсоюзных лидеров, руководителей Компартии, представителей культурной и научной элиты.

Финальным аккордом стал акт «О контроле над коммунистами» 1954 года, который фактически объявлял Коммунистическую партию США вне закона. По этому закону коммунистическая партия лишалась «любых прав, привилегий и иммунитета, которыми пользуются законные учреждения, действующие под юрисдикцией Соединенных Штатов». Это означало лишение коммунистов права выдвигать своих кандидатов в национальных выборных кампаниях. Закон 1954 года, как и принятый в 1950 году закон Маккарена, запрещал коммунистам получать заграничный паспорт, состоять на государственной службе в федеральном учреждении и работать на военном заводе. Закон распространил жесткие правила на более широкий, фактически на неограниченный круг граждан США. Он установил 14 признаков, которые служили критериями для определения при-

частности любого лица в стране к Коммунистической партии или к коммунистическому движению.

Эти признаки были сформулированы так неточно и в то же время обширно, что они позволяли распространить правила акта 1954 года на любого жителя США, имевшего когда-либо хотя бы отдаленную связь с какой-нибудь левой организацией. Так, одним из 14 признаков являлось подписание петиции, которую пропагандируют коммунисты. В 1950 году 2,5 миллиона американцев поставили свои подписи под петицией о запрещении атомного оружия — все они подпадали под закон 1954 года.

Волна репрессий захлестнула американские университеты — традиционные очаги свободной мысли. Изгонялись прогрессивные профессора, устраивались костры из «подрывной» литературы, как еще совсем недавно в нацистской Германии. Из публичных библиотек по всей стране было изъято в общей сложности 30 тысяч книг. Когда-то бежавший в США от нацистов драматург Бертольд Брехт на этот раз был вынужден искать убежища в Восточной Германии.

Джинн был выпущен из бутылки. В стране разразился серьезный конституционный кризис, под угрозой оказались основы демократической системы. Распоясавшийся сенатор Маккарти начал поиск изменников в Верховном суде и Министерстве юстиции. Он даже предпринял попытку ограничить полномочия исполнительной власти, предложив Сенату рассмотреть конституционную поправку, лишающую президента целого ряда полномочий при заключении международных договоров.

Терпение окончательно лопнуло, когда в Конгрессе начались допросы генералов, в том числе ветеранов войны, на устроенных Маккарти слушаниях против армии США. В июне 1954 года армейский юрист Джозеф Уэлш, набравшись смелости, первым публично обвинил сенатора, перед которым все трепетали, в жестокости, безрассудстве и отсутствии достоинства. Свою лепту в разоблачение Маккарти внес и такой медийный ресурс, как телевидение. Впервые в прямом эфире (по слухам, по подсказке самого президента Эйзенхауэра) стране решили показать ход слушаний в Конгрессе с допросами подозреваемых в антиамериканской деятельности. То, что люди увидели на экранах, напоминало испанскую инквизицию и потому произвело в США эффект разорвавшейся бомбы.

Начался стремительный закат Маккарти, освобождение страны от влияния и популярности сенатора и его сподвижников. В конце концов, свою роль он выполнил: усмирил оппозицию, помог взвинтить военный бюджет. Но при этом стал слишком одиозен. В том же 1954 году Сенат предъявил Маккарти обвинение, состоящее из 44 пунктов, в злоупотреблении законодательной властью, и по двум из них он был признан виновным. Правда, критики сенатора больше напирали на нарушение им этических норм, нежели на правовые и политические аспекты его деятельности.

Тем не менее, многие продолжали считать Маккарти рыцарем борьбы с коммунизмом, просто несколько преступившем грань дозволенного. Чтобы положить конец сомнениям, Верховный суд в 1957 году специальным постановлением подтвердил конституционные права свидетелей при расследованиях в Конгрессе, требующие соблюдения этических норм. Общественность успокоилась: казалось. справедливость восторжествовала. О загубленных карьерах и сломанных судьбах жертв маккартизма предпочитали не говорить, а вскоре и вовсе забыли.

А сенатору — воину холодной войны ненадолго было суждено пережить закат его политической карьеры. Пристрастие к спиртному, которое в те годы было

доброй нормой в американском Конгрессе, привело Маккарти к ранней смерти. В 1957 году в возрасте 48 лет он скончался от гепатита.

174. *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио. М., 1984. С.105.

175. *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С.500-507.

176. *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М., 1996.С.376.

177. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. С.505.

178. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.377.

179. *Горбунов Е.А.* Указ. соч. 506.

180. 1941 год: В 2 кн. Кн.1. М., 1998. С.236-253

181. ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Лл. 197—244.

182. 1941 год: В 2 кн. Кн.1. Указ. соч. С.741-746.

183. *Хаттори Такусиро.* Указ. соч. С.118-119.

184. Военная разведка информирует. Указ. соч. С.402-410.

185. *Джоуэтт Филипп.* Указ. соч. С.15.

186. *Ильичев Иван Иванович*, 14.08.1905-д.Наволоки Калужского уезда и губернии — 02.09.1983-Москва.

Русский. Из служащих. Генерал-лейтенант (06.12.1942). Чрезвычайный и полномочный посол. В Советской Армии с 1929. Член компартии с 1925. Окончил городскую приходскую школу (1912-1916), Военно-политическую академию им. В.И.Ленина (май 1934 — май 1938).

Работал учеником столяра в железнодорожных мастерских службы движения станции Калуга (январь 1919 — октябрь 1924), выдвинут на комсомольскую работу в тех же мастерских, ответственный секретарь ячейки ВЛКСМ (октябрь 1924 — июль 1925), ответственный секретарь месткома профсоюза железнодорожников станции Калуга (июль 1925 — апрель 1926), потом заведующий экономическим сектором, ответственный секретарь РК ВЛКСМ в Калуге, там же заведующий экономическим отделом, ответственный секретарь губернского комитета ВЛКСМ (апрель 1926 — апрель 1929), член оргбюро ЦК ВЛКСМ по Западной области и заведующий деревенским отделом в Смоленске (апрель — август 1929).

Старший инструктор по комсомольской работе в политуправлении Белорусского ВО (сентябрь 1929 — ноябрь 1931), военный комиссар 81-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии в Витебске (ноябрь 1931 — май 1934).

И.д. начальника отдела политической пропаганды РУ РККА, который переименован в политотдел РУ РККА (май — июнь 1938), начальник политотдела РУ РККА — РУ Генштаба Красной Армии (июнь 1938 — июль 1941) и одновременно (с сентября 1940) заместитель начальника РУ по политической части. Военный комиссар РУ — ГРУ Генштаба Красной Армии (июль 1941 — август 1942).

Сотрудник 2-го (агентурного) отдела РУ в 1943-1945 годах В. А. Никольский, пришедший в Разведупр с Ильичевым примерно в одно и то же время (1938 г.), писал: «Он рассматривал как потенциальных "врагов народа" всех старых сотрудников разведки, а созданную ими агентурную сеть полностью враждебной и подлежащей поэтому уничтожению». Когда репрессии в Разведупре уже пошли на убыль, начальник Политотдела Разведупра И.И.Ильичев докладывал 5 марта 1939 г. начальнику Политуправления РККА Л.Мехлису: «Я лично считаю, что очистка Управления не закончена. Никто из руководства Управлением этим вопросом по существу не занимается. Орлов по-прежнему на этот вопрос смотрит

сквозь пальцы. Видимо неправильно докладывает Народному Комиссару». И эту позицию Ильичев пронес через всю свою службу в разведке.

Временно исполняющий обязанности (28.08. 1942 — 16.10.1942; 22.10.1942 — 24.08. 1944), начальник (24.08. 1944 — 09.06. 1945) Главного разведывательного управления Красной Армии.

1-й заместитель (с 09.06. 1945), заместитель начальника (с мая 1946) ГРУ Генштаба (июнь 1945 — февраль 1948).

В резерве назначения Комитета информации (КИ) при СМ СССР, на ответственной работе в центральном аппарате Министерства иностранных дел СССР, а также и заместитель председателя КИ. В распоряжении ГРУ Генштаба (октябрь 1949 — сентябрь 1952), находился в ГДР на должностях заместителя политического советника Советской контрольной комиссии и главного резидента КИ.

Глава Дипломатической миссии СССР в ГДР (сентябрь1952-1953), верховный комиссар, посол СССР в Австрии (1953-1956). Служил в центральном аппарате МИД СССР: заведующий отделом Скандинавских стран (1956), заведующий 3-м Европейским (германским) отделом (1956-1966), был членом Коллегии МИД. Посол СССР в Дании (1966-1968), Вновь на ответственной работе в центральном аппарате МИД СССР (1968-1975).

В отставке с 1975. Из ВС уволен 19.08.1958 по болезни.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова I-й ст., Отечественной войны I-й ст., двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, югославским орденом «Партизанская звезда» I-й ст., польским орденом «Крест Грюнвальда» III-й ст.

Похоронен на Кунцевском кладбище Москвы.

Некролог: газета Известия, 05.09.1983.

187. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.276.

188. *Хаттори Такусиро*. Указ. соч. С.119.

189. *Соболев Д.А.* История самолетов 1919-1945. Глава 4. Самолеты в годы второй мировой войны. М., 1997. С.254.

190. Там же.

191. 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. Указ. соч. С. 604-607.

192. *Балакшин Петр*. Финал в Китае. Сан-Франциско. Т. 1. С.82.

193. Там же.

194. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М.: Вече, 2004. С.612.

195. ГАРФ. Ф.7867. Оп. 1. Д.275. Лл.270-271.

196. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С.116.

197. ГАРФ. Ф.7867. Оп. 1. Д.482. Л.966.

198. *Гальдер Франц*. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. Т.2. М., 1969. С. 25-26.

199. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор: Ошибка или провокация?. М., 2006. С.159.

200. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.348-349

201. Там же. С.350.

202. *Аварин В.Я.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947. С.225.

203. Там же.

204. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.192.

205. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось. Указ. соч. С.416.

206. Там же. С.354.

207. Там же.

208. *Такусиро Хаттори.* Указ. соч. С.37-38.

209. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.350-351.

210. Там же. С.351-352.

211. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.194.

212. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С.352-354.

213. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С. 195-196.

214. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина.Указ. соч. С.354-355.

215. Там же С.355-356.

216. Там же. С.127.

217. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Лл.233-234.

218. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С.356-366.

219. *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С.395.

220. Дело Рихарда Зорге (Документы следствия и судебного процесса в Японии)//Международная жизнь. 1965. №6. С.97-105

221. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.151.

222. Из письма Антона Павловича Чехова к литератору Александру Лазареву-Грузинскому от 1 ноября 1889 г.

223. *Георгиев Ю.* Рамзай только догадывался...// Совершенно секретно. №01 (236). 15.01.2009. С.30-31.

224. *Мадер Юлиус.* Указ. соч. С.174

225. *Такусиро Хаттори.* Указ. соч. С.38.

226. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.34.

227. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. Т.3. М., 1971. С. 107.

228. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С.118-119.

229. История второй мировой войны 1939-1945. Указ. соч. Том 11. Поражение Японии. Окончание Второй Мировой войны. М., 1980. Таблицы 6-7.

230. *Калашников К.А., В.И. Феськов, А.Ю. Чмыхало, В.И. Голиков.* Красная армия в июне 1941 г.: Статистический сборник. Новосибирск. 2003.

231. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина.Указ. соч. С.146.

232. *Волков Ф.Д.* Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №3. С.135-146. Протокол допроса №43 от 17 марта 1942 г.

233. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина.Указ. соч. С.139.

234. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.157.

235. *Звягинцев А.Г.* Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М., 2010. С.331.

236. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. Указ. соч. С.115-116.

237. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.199.

238. ГАРФ.Ф.7867. Оп.1. Д.482. Лл.971-973.

239. Там же. Л.973.

240. *Будкевич С.Л.* Указ. соч.С.142.

241. Там же. Указ. соч. С.200.

242. *Гальдер Ф.*Указ. соч. Т.3. С.196.

243. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.286.

244. Там же. Лл.277-278.

245. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.144.

246. *Гальдер Ф.*Указ. соч. Т.3. С.240.

247. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.368-369.

248. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор: ошибка или провокация? Указ. соч. С.165.

249. *Морисон С. Э.* Американский ВМФ во Второй мировой войне: Восходящее солнце над Тихим океаном, декабрь 1941 — апрель 1942. М.-СПб., 2002. С.86.

250. Там же. С.168.

251. *Гальдер Ф.* Указ соч. Т. 2. С.80-81.

252. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С.113.

253. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.281.

254. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.369.

255. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.202.

256. *Волков Ф.Д.* Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №3. С.135-146. Протокол допроса №43 от 17 марта 1942 г.

257. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.202.

258. *Волков Ф.Д.* Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников. Указ. соч. №3. С.146.

259. Там же. Протокол допроса №13 от 30 октября 1942 г. С.144.

260. Там же.

261. Там же.

262. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. Указ. соч. С.116.

263. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина.Указ. соч. С.369-370.

264. *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959. С.195-196; *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Указ. соч. С.171.

265. *Маслов М.С., Зубков С.Л.* Пёрл-Харбор. Ошибка или провокация? М., 2006. С.148.

266. Там же. С.197-198.

267. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.279.

268. Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. Указ. соч. С.215-219.

269. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. С.201.

270. Там же.

271. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.370-371.

272. *Такусиро Хаттори*. Указ. соч. С.45-46.

273. Там же. 46-47.

274. Там же. С.372.

275. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С.371.

276. Там же. С.374-376.

277. *Георгиев Ю.* Рамзай только догадывался...// Совершенно секретно. №01 (236). 15.01.2009. С.30-31.

278. Там же.

279. В 1941 году общие потери Красной Армии составили 4 473 820 бойцов, из которых 3 137 673 относились к безвозвратным потерям, то есть были убиты, попали в плен, пропали без вести или оказались непригодным для дальнейшей военной службы ввиду ранений.

280. *Такусиро Хаттори.* Указ. соч. С.49-50.

281. *Гольдберг Д.И.* С.206-207.

282. Там же. С.207-208, 210.

283. ГАРФ. Ф.7867. Оп.1. Д.275. Л.249-250.

284. *Такусиро Хаттори.* Указ. соч. С.50.

285. Там же.

286. *Гольдберг Д.И.* Указ. соч. С.211.

287. *Такусиро Хаттори.* Указ. соч. С.50.

288. *Гольдберг Д.И.* Указ. соч. С.212.

289. Там же. С.216.

290. *Молодяков В.Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ // русский Геополитический сборник. Вып. № 2. М., 1997. С. 49-56.

291. *Георгиев Ю.* Рихард Зорге. Биографический очерк. 1. М., 2002. С.192-193.

292 Там же.

293. Там же. С.195.

294. *Ральф де Толедано.* Шпионы, простофили и дипломаты. Пер. с англ. // Знаменитые шпионы XX века. М., 2001. С.376/

295. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Указ. соч. С.167.

296. ЦАМО. Ф.48а. Оп. 3408. Д.4. Л.335,336.

297. *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С.485.

298. Там же. С.485-486.

299. Там же. С.487-488.

300. Там же. С.490.

301. Там же. С.490-491.

302. Там же. С.491.

303. Комитет по антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса США в составе девяти членов был создан в 1934 году для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой». Просуществовал до 1975 г. Относился к числу комитетов Конгресса по расследованиям, перед которыми ставилась задача выяснения состояния дел в области соблюдения законодательства в делах, затрагивавших интересы США и внесения рекомендаций по контролю над этим процессом.

304. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE

(Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby).

HEARINGS BEFORE THE COMMITTEE ON UN-AMERICAN ACTIVITIES HOUSE OF REPRESENTATIVES. EIGHTY-SECOND CONGRESS.FIRST SESSION.AUGUST 9, 22, AND 23, 1951. Printed for the use of the Committee on Un-American Activities.

HARVARD COLLEGE LIBRARY. P.1198-1199.

305. Idem. P. 1201.

306. Idem. P.1172.

307. Idem. P.1139-1140.

308. Idem. P.1172-1173.

309. На мосту Марко Поло (Лугоуцяо) произошла стычка между солдатами японской Гарнизонной армии в Китае и ротой китайских войск, охранявших мост Лугоуцяо, происшедшая 7 июля 1937. Этот инцидент послужил для японцев формальным поводом для начала Второй японо-китайской войны.

310.Idem. P. 1136.

311. Idem. P. 1202-1203.

312. Idem. P. 1139.

313. *Иванов Михаил.* Тайна Рихарда Зорге — гражданина вселенной. Указ. соч. №4. С.45.

314. *Иванов М.* «Рамзай» выходит на связь (воспоминания разведчика) //Азия и Африка сегодня. 2000. №3. С.50.

315. Там же. С.51.

316. Там же. С.52.

317. «Но» (встречается написание «ноо») — один из видов японского драматического театра. Актёрский ансамбль в сопровождении музыки и песнопений разворачивает действо. Классическая программа включает исполнение пяти пьес и трёх комедийных сценок в промежутках между ними, В театре *но*«драма-текст и драма-слово находятся в сложном сплаве с музыкой-ритмом-шумами-шорохами, с танцем-пантомимой-жестом-движением-позой-паузой, с особой техникой пения-речитации-чтения-выкрика» (*Анарина Н. Г.* Японский театр но. М., 2008. С.212)

318. *Иванов М.* «Рамзай» выходит на связь (воспоминания разведчика) //Азия и Африка сегодня. 2000. № 4. С.26-31.

Эпилог. Секигун! Кокусай кёсанто! Собието кёсанто! (Красная Армия! Коминтерн! Советская компартия)!

1. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публикация, вступительная статья и комментарии А.Г. Фесюна. М.2000. С.139-174.

2. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. М., 2007. С.124.

3. *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М., 1996. С.265

4. Там же. С.265-266.

5. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.125.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же. С.129.

9. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Обвиняются в шпионаже. М., 2004. С.314.

10. Там же. С.331-332.

11. Там же. С.348-350.

12. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.127.

13. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. Там же. С.352.

14. Там же. С.352-354.

15. Там же. С.327.

16. Там же. С.344.

17. Там же. С.344-345.

18. Там же. С.325-326.

19. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.287.

20. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.148.

21. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.536.

22. Там же. С.541.

23. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.320-321.

24. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.558.

25. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс (Люди. События. Документы. Факты). М., 1969. С.17-18.

26. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.352.

27. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.18.

28. Там же.

29. Там же. С.18-19.

30. *Ханако Исии.* Зорге с нами // Труд. 1964. 13 сентября.

31. *Шелленберг В.* Лабиринт Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с англ. М., 1991. С.163.

32. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.25-26.

33. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.269.

34. Там же. С.269-270.

35. Там же.

36. *Ханако Исии.* Зорге с нами // Труд. 1964. 13 сентября.

37. Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников //Проблемы Дальнего Востока. 1991. №2. С.98-99.

38. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE (Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). P.1137.

39. Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников. Указ. соч. С.98-99; Георгиев Ю.В. Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. Указ. соч. С.134-135.

40. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.270.

41. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE (Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). P.1137.

42. *ДикинФ., СториГ.* Указ. соч. С.271.

43. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE (Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). P.1137.

44. *ДикинФ., СториГ.* Указ. соч. С.273.

45. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE (Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). P.1138, 1144.

46. *ДикинФ., СториГ.* Указ. соч. С.286-287.

47. HEARINGS ON AMERICAN ASPECTS OF THE RICHARD SORGE SPY CASE (Based on testimony of Mitsusada Yoshikawa and Maj. Gen. Charles A. Willoughby). P.1144.

48. Idem, P.1138.

49. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.149.

50. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.10.

51. *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Указ. соч. С.334.

52. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.23-24.

53. Там же. С.26.

54. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.286

55. Там же. С.285.

56. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.27-28.

57. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.286.

58. *Будкевич* С.Л. Указ. соч. С.56-57.

59. Там же. С.57.

60. *Бережков Валентин.* Риббентроп и Зорге // Новое время. №29. 1991. С.39-49.

61. Там же.

62. 6 августа 1945 г. японский город Хиросима первым подвергся атомной бомбардировке американской авиацией и был почти полностью разрушен. Резидентура под прикрытием посольства СССР в Токио получила указание за подписью начальника Генерального штаба ВС СССР генерала-армии А.И. Антонова взять в зоне взрыва все возможные пробы грунта, воды и воздуха и отправить их в Центр.

«И вот на следующий день (!) после взрыва, имея при себе консульское удостоверение и паспорт на случай каких-либо осложнении (мы были буквально накануне войны с Японией), я вместе с сотрудником аппарата военного атташе Германом Сергеевым отправился выполнять приказ. Перед нами предстала картина апокалипсиса… На глазах сновавших повсюду полицейских мы начали собирать все, что требовалось, среди пепла, руин и обугленных трупов. Видели ли вы когда-нибудь отпечатавшийся миллионы лет назад на геологических отложениях папоротник? А след на камне от людей, еще сутки назад полных жизни?...

Мы набрали в мешок для диппочты остатки растений, кирпичей, а также пепел и древесные угли. Страшно вспоминать, но мы взяли с собой и наполовину обугленную голову с плечом и рукой. Все эти находки были срочно отправлены в Центр.

Сергеев вскоре умер от чрезмерной дозы облучения, поскольку он осматривал окрестности, где, как потом выяснилось, радиация оказалась гораздо выше. А я находился в самом эпицентре взрыва, откуда тем же взрывом, к счастью, была выметена большая часть носителей ядерной радиации. Кроме того, дабы избежать возможных потрясений, я принял солидную порцию виски и в тот день, и в последующие сутки, чтобы как-то нейтрализовать тягостные впечатления…

Через несколько дней мне перелили в общей сложности восемь литров крови, и врачи до сих пор удивляются, почему я еще жив — ведь прошло уже пятьдесят пять лет. Через десять лет после того события у меня родилась дочь.

Свое задание в Хиросиме мы выполнили, подчиняясь чувству долга и воинскому приказу. …» (Иванов М. «Рамзай» выходит на связь. (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. №5. С.61-65).

Иванов Михаил Иванович, генерал-майор в отставке, ветеран военной разведки, умер 14 марта 2014 г. (г. Москва) в возрасте 101 год.

63. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.46.

64. Там же. С.46-47.

65. Там же. С.37.

66. *Бережков Валентин.* Указ. соч. С.39-49.

67. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.40.

68. Там же. С.43.

69. Там же. С.70.

70. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.291.

71. Дело Рихарда Зорге (Документы следствия и судебного процесса в Японии). Публикация подготовлена и прокомментирована кандидатом исторических наук С.Л. Будкевичем // Международная жизнь. 1965. №4. С.106-115.

72. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.68-69.
73. Там же. С.69.
74. Там же.
75. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.462-463.
76. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.294-295.
77. Тюремные записки Рихарда Зорге. Указ. соч. С.471-472.
78. Там же. С.473-474.
79. Там же. С.571-572.
80. Там же. С.563-565.
81. Там же. С.521.
82. Там же. С.546-547.
83. Там же. С.539.
84. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.62.
85. Там же.
86. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.297-298.
87. Там же. С.298-299.
88. Там же. С.299.
89. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.147.
90. Там же. С.147.
91. *Дикин Ф., Стори Г.*Указ. соч. С.296-297.
92. Там же. С.297.
93. Там же. С.339-340.
94. Там же. С.340.
95. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.88.
96. Там же. С.89.
97. Там же. С.89-90.
98. Там же. С.95.
99. Там же. С.102-104.
100. Там же. С.104.
101. Там же. С.105.
102. Там же. С.107.
103. Там же. С.108.
104. Там же. С.109.
105. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.143-144.
106. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.115-116.
107. Там же. С.110-111.
108. Там же. С.120
109. Там же. С.122-126.
110. Там же. С.126.
111. Там же. С.127-128.
112. Там же. С.128-130.
113. Там же. С.131-132.
114. Там же. С.132.
115. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.148.
116. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.133-136.
117. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.146.
118. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.136.
119. Там же. С.137-138.

120. *Prange G., Goldstein D.M., Dillon K.V.* Target Tokyo. The Story of the Sorge Spy Ring. NY., 1984

121. *ГеоргиевЮ.В.* Указ. соч. С.154.

122. Там же. С.154-155.

123. Там же. С.155.

124. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.225-226.

125. Там же. С.226-227.

126. Там же. С.227.

127. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С.95.

128. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. М., Т.2. С.20-21.

129. *Г.А. Шалхус.* Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925-1944 гг.//Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. №7. С.1-5.

130. *К.Е. Черевко.* Указ. соч. С.236-237.

131. Там же. С.237-238

132. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С.230

133. *К.Е. Черевко.* Указ. соч. С.238.

134. Там же.

135. Там же.

136. Там же.

137. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.156.

138. Там же. С.156-157.

139. *Будкевич С.Л.* Указ. соч. С.156.

140. *Георгиев Ю.В.* Указ. соч. С.161.

141. Там же. С.162.

142. *Иванов М.* «Рамзай» выходит на связь (воспоминания разведчика) // «Азия и Африка сегодня». 2000. № 4 / С.61.

143. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге и тайны второй мировой войны. М., 2007. С.203-207, 219.

144. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.4.

145. *Голяков С., Ильинский М.* Рихард Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001. С.391.

146. *О'Конрой Тэйд.* Японская угроза. М., 1942. С.63-86.

147. Там же. С.63-64.

148. Там же. С.65-70.

149. *Куланов А.Е.* Указ. соч. С.153-154.

150. Там же. С.155-156.

151. Там же. С.159.

152. *Овчинников Всеволод.* Парадокс Зорге // Российская газета. 2009. 6 ноября.

153. *Ханако Иссии.* Зорге с нами //Труд. 1964. 13 сентября.

154. *Куланов А.Е.* Указ. соч. С.161.

155. *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С.206.

156. Там же. С.206-207.

Массово-политическое издание

Михаил Алексеев

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»: РИХАРД ЗОРГЕ И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1939—1941 ГОДЫ. КНИГА 2.

Редактор С. Чертопруд
Художник Б. Протопопов

ООО «Агентство Алгоритм»

Оптовая торговля:
ООО «ТДА» +7 (495) 617-0952
Сайт: http://algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 10.01.20. Подписано в печать 03.03.20.
Формат 70X100/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 43. Тираж 200 экз. Заказ №

«ВЕРНЫЙ ВАМ РАМЗАЙ»

«Вы можете быть уверены, что если Вы меня отзовете обратно, я буду с гордостью сознавать, что я первый в этой трудной стране человек, который сумел за 7 лет создать резидентуру, правда, не выполнившей полностью всех Ваших приказаний, однако сделавшей много для нашей организации и для пролетарского отечества»

«Рамзай» - Центру 18 марта 1941 г.

Легендарный советский разведчик Рихард Зорге — самый изучаемый и в тоже время самый загадочный персонаж в мировой истории тайной войны XX века. Среди «белых пятен» его биографии — работа в Японии в первые два года Второй мировой войны (до ареста в октябре 1941 года). Данный пробел в его жизнеописание полностью закрывает книга Михаила Алексеева. Эта книга — продолжение монографий ««Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае» и ««Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии 1933—1938 годы». В ней достоверно и подробно рассказано о деятельности советской военной разведки в Японии, а так же о ее противостояние японским и германским спецслужбам. Благодаря этой книге в деле «Рамзая» поставлены все точки!

9 785907 120686

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ЯПОНИИ. 1939 – 1941 ГОДЫ

**